ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ V МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ

23 – 27 марта 2020 года

Часть I

ВОЛОГДА • 2020

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

Материалы V международной научно-практической интернет-конференции
(г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.)

В двух частях

Часть I

Вологда
2020

УДК 316.1:316.43
ББК 60.524:60.59
Г52

Публикуется по решению
Учёного совета ВолНЦ РАН

Г52 **Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений**: материалы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.): в 2-х частях. – Ч. 1. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. – 350 с.

ISBN 978-5-93299-483-2 (I ч.)
ISBN 978-5-93299-485-6

Редакционная коллегия:
А.А. Шабунова – д.э.н., директор ВолНЦ РАН,
О.Н. Калачикова – к.э.н., зав. отделом ВолНЦ РАН,
М.В. Морев – к.э.н., зав. лабораторией ВолНЦ РАН,
Г.В. Леонидова – к.э.н., зав. лабораторией ВолНЦ РАН,
О.В. Третьякова – к.ф.н., зав. отделом ВолНЦ РАН

В сборнике представлены статьи V международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», проходившей в г. Вологде 23 – 27 марта 2020 г.

В конференции приняли участие социологи, экономисты, демографы и представители смежных наук из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В публикуемых материалах затрагивается широкий спектр вопросов, связанных с реализацией человеческого потенциала в условиях актуальных вызовов на глобальном, национальном и региональном уровнях. Обсуждаются вопросы уровня и качества жизни населения, потенциала гражданского участия, психологического самочувствия и духовно-нравственных ценностей общества, демографические проблемы, вопросы регионального развития, актуальные проблемы состояния социальной сферы, человека на рынке труда и самореализации молодежи.

Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, а также СМИ и всех интересующихся вопросами социального развития России.

Тексты докладов приводятся в авторской редакции.

УДК 316.1:316.43
ББК 60.524:60.59

ISBN 978-5-93299-483-2 (I ч.)
ISBN 978-5-93299-485-6

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020

Содержание

Предисловие……..……....……... 11

Пленарное заседание

Козловский В.В. Локальные эффекты цивилизационных перемен в местном сообществе…….. 14

Лебедева-Несевря Н.А. Управление здоровьем россиян: ключевые цели и задачи нацпроектов……...……..…….…….. 22

Барсуков В.Н. Закономерности глобального перехода от стадии реализации демографического диведенда к старению населения……. 27

Медведева Е.И., Плюхин Н.О. Развитие «lifelong learning» в рамках Концепции развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации……..…… 34

Часть первая

Секция «Уровень и качество жизни населения как фундамент эффективной реализации человеческого потенциала»

Безнин М.А., Димони Т.М. Некоторые актуальные категории анализа институциональных особенностей и механизмов экономической системы России 1930–1980-х гг. ……..... 42

Белехова Г.В. К вопросу о регулировании финансового поведения россиян…….....……. 47

Вихрова М.А., Гладких С.Н., Севостьянова Н.Н. Алкоголизация населения как фактор снижения уровня жизни (на примере Новгородской области)…….……...……... 53

Воронина С.Н. Медиаграмотность как одно из условий социализации пожилых людей в цифровом обществе……... 58

Ефанова О.А. Гендерное измерение новых социальных норм в повседневном экологическом поведении…… 62

Ивановская А.Л. Качество трудовой жизни как фактор реализации трудового потенциала……..……..…… 68

Михайлов В.А., Михайлов С.В. Удовлетворенность населения Тверской области деятельностью многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг…… 73

Мухачёва А.В., Пастухова Е.Я. Экономико-статистическая оценка качества жизни региона (на примере Кемеровской области)…….… 78

Нотман О.В. Качество жизни в мегаполисе: индикаторы социологического измерения……...…..…….. 84

Пациорковский В.В. Адаптационные стратегии различных групп населения к негативным социально-экономическим условиям……..…… 88

Секция «Потенциал гражданского участия: от теории к практике»

Айснер Л.Ю., Наумов О.Д. Власть vs общественность в условиях гражданского общества: проблемы и перспективы их разрешения…….. 95

Бедерсон В.Д., Шевцова И.К. Горожане и девелоперы: стратегические взаимодействия в городских конфликтах…….. 99

Гавриков А.В. Политические партии Беларуси и их политические и электоральные ресурсы (политико-социологический аспект)……..…... 105

Гарина А.Д., Родин А.В. Цифровая трансформация территориального общественного самоуправления…….....…. 111

Дементьева И.Н. Протестные настроения населения региона в контексте проблемы гражданского участия……....…….…….. 117

Калашников К.Н. Дабл-байнд в контуре социальной коммуникации: стихийность или злонамеренность?..... 122

Каминский В.С. Политическая активность населения СЗФО: результаты межрегионального анализа…….. 127

Каргаполова Е.В., Новикова А.О., Черепанина Е. С. Порядок в социокультурном пространстве современной России…….……. 132

Колесник Н.В. Избирательные кампании и гражданский активизм в условиях геймификации…… 139

Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. Добровольчество на муниципальном уровне (социологический анализ)……..... 143

Курочкина А.Н. Социальное государство и его значение в современных геополитических условиях……...……. 148

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Солидарность, социальная ответственность и гражданский активизм населения в российских регионах (по данным экспертных опросов)……..... 155

Морев М.В. Региональные выборы в контексте новых политических реалий…….. 161

Наумов Д.И. Гражданское участие в контексте постправды……..... 168

Парфенова О.А. Роль НКО в развитии community care в России……...… 172

Соколова Т.Л. К вопросу о государственном регулировании рынка алкогольной продукции в современной России……..…….. 175

Смолева Е.О. О внешних барьерах гражданского участия…..…… 180

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Конструирование исходов городских локальных конфликтов в дискурсе активистов и экспертов (случай Нижнего Новгорода)……..…….…… 185

Цлаф В.М. Заметки о генезисе социальной активности…….. 192

Шаров В.В. Практика реализации инициативного бюджетирования и решение проблем развития социальной инфраструктуры в регионе…... 198

Секция «Психологическое самочувствие и духовно-нравственные ценности в современных условиях: тенденции, риски, особенности»

Ардашев Р.Г. Иррациональное мышление: коронавирус как теория заговора…… 205

Гегер А.Э., Клюев А.В., Ляшко С.В., Саганенко Г.И. Проблема валидности опросного инструментария для изучения ценностей и возможные пути ее решения……... 210

Дружинин Г.В. О роли влияния корпоративной организации на социально-психологическое состояние здоровья её участников..…… 216

Макарова Е.А. Зарубежный фостер и российский патронат: отличительные черты……... 221

Обозная М.В. Влияние прокрастинации на социально-психологическое здоровье личности…….…… 226

Пасовец Ю.М. Социально-стратификационная идентификация населения в условиях пространственной асимметрии российского общества……..... 230

Полюхова А.И., Сергеева О. М. Взаимосвязь устойчивых характеристик эмоциональной сферы человека с успешностью непроизвольного запоминания эмоционально окрашенной информации……...……... 235

Полюшкевич О.А. Идеи альтруизма и эгоизма через призму счастья……... 240

Романович Н.А. Жизнь после смерти в зеркале общественного мнения….. 244

Симонян Э. Г. Синергетический подход исследования культуры в анализе энтропейных процессов, происходящих в российском обществе……..…... 249

Скуденков А.В. Роль экономических санкций против России в жизненных сценариях молодых людей……..…….. 254

Смыкова Е. Ю. Специфика досуговых практик населения Беларуси…..…... 258

Ухов А.В. Капитализм, национализм и пути выхода из глобального кризиса……..... 263

Шматова Ю.Е. Проблема алкогольной зависимости: «цена», масштабы,тенденции…… 268

Секция «Решение демографических проблем как основа национального развития»

Асеева К.А., Родин А.В. Направления реализации демографической политики Краснодарского края……... 275

Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Материнский и родительский отпуска как период интенсивного родительского труда: подходы к изучению…….. 281

Барг А.О., Лебедева-Несевря Н.А. Информированность и восприятие населением России рисков для здоровья, связанных с распространением коронавируса COVID-19……..... 288

Барсуков В.Н., Доброхлеб В.Г. Методологические особенности и ограничения в оценке последствий старения населения……..... 292

Беляков Д.С., Терехов А.М. Статистический анализ миграционных потоков в Российской Федерации…… 298

Будилов А.П. Миграция и переселенческие установки жителей г. Вологды……..... 305

Груздева М.А., Калашников К.Н. Эффективность системы мер реабилитации пациентов , перенесших острые сердечно-сосудистые заболевания (на примере Вологодской области)……... 310

Датунашвили С., Еремеева В.Д., Каргаполова Е.В. Отражение семейных ценностей в современных российских СМИ……. 316

Зорина Е.Н., Попова Л.А. Образовательный потенциал населения старшего возраста……... 320

Короленко А.В. Условия труда как фактор здоровья работающего населения (на материалах Вологодской области)…….. 327

Нацун Л.Н. Ретроспективный анализ здоровья детей 2001 года рождения (по данным когортного мониторингового исследования)……..... 334

Разварина И.Н. Воспитательные воздействия в сфере здоровья ребёнка: семья и образовательные организации……... 339

Шабунин Д.М. Удовлетворенность и оценка населением качества условий оказания услуг медицинскими организациями……. 345

Часть вторая

Секция «Региональное развитие в контексте приоритетов государственной национальной политики»

Андреева Л.В., Ульянова А.А. Борьба с борщевиком Сосновского в Новгородской области и извлечение из него полезных веществ……... 14

Балич Н.Л. Цифровизация сельского хозяйства в системе модернизации агропромышленного комплекса Беларуси……... 18

Беляев М.Н. Влияние географического указания на развитие регионов Российской Федерации……... 23

Бухаров Д.Н. Фрактальная модель инновационного развития региона….. 28

Винокуров А.И. Культура-посредник и жизненные миры российско-белорусского приграничья……... 32

Власова О.В., Кун Д.А. Феномен социального предпринимательства……... 36

Джиджелава Л.Д., Родин А.В. Взаимодействие органов власти и бизнеса как основа развития экономики региона……... 39

Зубов Д.А., Корнекова С.Ю. Основные модели борьбы с коррупцией: опыт России и стран Зарубежной Европы…….. 43

Иванов В.А. Механизмы сельского развития северного региона…….. 46

Канищева Н.А., Тошкина А.А. Перспективы и проблемы внедрения цифровой экономики в России…….…….. 53

Лапцова Е.С. Проблемы развития некоммерческого сектора как субъекта межсекторного партнёрства…… 58

Литвинчук А.А. Факторы риска, влияющие на конкурентоспособность регионов Республики Беларусь…….. 63

Малых С.В. Репутация вуза как условие развития территории……..... 69

Малышев М.К. О социальной ответственности крупного бизнеса (на примере ПАО «Северсталь»)……. 74

Мальцева И.С. Модернизация сельского хозяйства арктической зоны (по материалам Республики Коми)…….. 79

Медведева Е.И. Проект «Зима в Подмосковье» как элемент территориального маркетинга……..... 84

Морошкина М.В. Оценка неравномерности пространственного развития…..……. 88

Патракова С.С. Сельская местность в концепции центр-периферийного устройства пространства……..... 93

Подольская Л.Д. Особенности инноваций в сфере туризма…….. 98

Секушина И.А. Приоритетные направления управления развитием малых и средних городов в контексте решения проблем расселения и пространственного развития страны…… 102

Соловьева Т.С. Стратегические направления развития региональных социально-инновационных подсистем……..... 108

Тимушев Е.Н. Местная бюджетная децентрализация: роль соседства и расстояний между регионами……..... 114

Тупик Е.С. Проблемы и тенденции реформирования системы местного самоуправления в России……... 120

Харитонов И.Н. Социально-экономические факторы модернизации аграрной сферы Беларуси, связанные с особенностями сельского населения (на основе данных эмпирического исследования)……..... 128

Черных С.И. Региональные аспекты развития российской науки……. 132

Широкова Е.Ю. Внешнеторговая деятельность регионов СЗФО……. 137

Секция «Актуальные проблемы социальной сферы. Инновационные изменения в системах здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания и их роль в повышении качества жизни населения»

Артамонова А.С. Научные социальные сети: обзор основных сервисов……... 143

Балезина Е.А. Эффективный контракт глазами молодых преподавателей (на примере ПГНИУ)……... 150

Вахорина М. В. К вопросу цифровизации российской системы высшего образования……... 155

Вилкова А.Д., Терехов А.М. Анализ состояния и динамики преступлений, совершенных несовершеннолетними……. 159

Власова О.В., Филиппова Д.И. Зарубежный и отечественный опыт исследования качества высшего образования в оценках субъектов образовательного процесса……. 163

Галкин К. А. Медицинские онлайн-форумы для пожилых людей с хроническими заболеваниями: между коммуникацией и знанием……... 167

Гаптарь В.М. Социальная необходимость создания центра тестирования спортсменов…….. 172

Григорьева И.А. Неустойчивые приоритеты российской социальной политики…….….. 175

Ипатова С.С. Тенденции изменения культурной активности населения Вологодской области……..... 181

Конева Т.Н. Управление муниципальной системой повышения качества жизни семей с детьми-инвалидами посредством совершенствования медико-социального обслуживания…….. 184

Кривцова Е.В. Социальная профилактика несовершеннолетних правонарушителей в условиях специального учебно-воспитательного учреждения……... 189

Кузьмина Л.К. Предпосылки реализации политики охраны здоровья населения……..... 195

Лапина С.В. Социологический подход в разработке управленческих стратегий в социальном государстве……..... 199

Нехорошков Д.А., Родин А.В. Реализация национального проекта «Образование»……... 205

Парахонская Г.А. Миссия университета в современном российском обществе: декларации и реальность……..... 211

Смирнова Н.С. Роль Вологодского отделения Государственного банка во втрой половине XIX – начале XX века в повышении качества жизни населения…….. 215

Судакова Т.Е. Социология управления как теоретико-методологическая база социологических исследований результативности программно-целевого управления сферой физической культуры и спорта…….. 219

Секция «Человек на рынке труда: мировые тенденции и национальные особенности»

Басова Е.А. Удовлетворенность трудом в оценках мужчин и женщин (на материалах социологического опроса Вологодской области)……... 227

Блинова Т.В., Марков В.А., Русановский В.А. Влияние бизнес-цикла на межрегиональную дифференциацию российского рынка труда: вклад молодежной безработицы…… 233

Бутова С.В., Галахова А.А. Направления модернизации поиска и подбора персонала крупными кадровыми агентствами……...……..… 239

Жигалина М.В. Использование труда мигрантов в сфере ЖКХ: плюсы и минусы……..... 244

Иванов С.А. Цифровизация экономики: проблемы и приоритеты кадрового обеспечения предприятий…… 246

Кабакова Е.А. Цифровые рабочие места: миф или реальность?……..... 251

Карпченко Ю.В. Маркетинговые исследования рынка сбыта…….…..…. 254

Крошилин С.В. Методика анализа потребности в медицинском персонале…… 258

Панкова И.А., Попова В.И. К вопросу о трудоустройстве лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья…… 266

Попов А.В. К дискуссии о векторах изучения глобального процесса трансформации занятости…….. 271

Резанова Е.В. Государственная программа о содействии занятости населения: акцент на кадровых технологиях…… 277

Соловей А.П. Профессиональная мобильность и интеллектуальная миграция женщин-ученых Национальной академии наук Беларуси……... 283

Шестакова Н.Н. Кадровое обеспечение перспектив функционирования региональной экономики……..... 288

Секция «Самореализация молодежи – двигатель социальных изменений»

Безруков А.В. Жизненное планирование и представления молодых людей о семейно-гендерной самореализации…….. 294

Власова О.В., Петрова Д.С. Профессиональное самоопределение студенчества: ключевые проблемы и перспективы решения……... 300

Головчин М.А. Предпринимательская успешность в жизни молодежи регионов Северо-Западного федерального округа……... 305

Дулина Н.В., Мухтаруллина М.М., Панова А.М. Культура чтения студенческой молодежи как духовно-нравственная ценность (по материалам конкретного социологического исследования)……..... 310

Журавлева И.А. Социальные условия и психологические предпосылки образованиямолодежи…… 315

Митрофанова С.Ю. Процессы глобализации и мировая стратифицированность детства……..... 322

Скворцова М. Б. Связь поколений в контексте цифровизации……. 326

Тетерин В.В. Социализация молодежи в университете……..... 330

Тупик Е.С. Роль социокультурной среды вуза в формировании профессиональных и личностных качеств обучающихся…….. 335

Шухно Е.В. Ценности молодых ученых Национальной академии наукБеларуси……..…… 338

Верещагина А.В., Клименко Л.В. Демографические аспекты развития полиэтничного Юга России в контексте динамики гендерных установок……....……..... 343

Предисловие

Российская Федерация, многие страны ближнего и дальнего зарубежья вступают в эпоху, когда перспективы их развития и национальной безопасности во многом определяются социальной активностью рядовых граждан, реализацией трудового, демографического, гражданского потенциала населения. Совершенствование демократических основ национальных политических систем и мирового сообщества в целом, равно как и прогрессирующие темпы роста научно-технологических инноваций, уже ставших неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека, приводит к тому, что открываются новые возможности для реализации личных и общественных интересов.

Реальные практики и общие вопросы, связанные с реализацией различных сторон человеческого потенциала, стали центром внимания участников V международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», открывающей серию научно-организационных мероприятий, проводимых в год 30-летнего юбилея Вологодского научного центра РАН.

Вологодский научный центр РАН уже в пятый раз выступает организатором данной интернет-конференции с привлечением широкого круга ведущих российских ученых, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, а также СМИ и всех интересующихся вопросами социального развития России.

Впервые в Центре интернет-конференция, посвященная актуальным вопросам социального развития страны и регионов, состоялась в марте 2016 года. Ее работа была организована по 4 направлениям: социология общественного мнения: актуальные проблемы и перспективы развития; социальный капитал в глобализирующейся экономике; человеческий капитал: вызовы для России; социально-экономическое неравенство в современном обществе. На онлайн-форум поступило 34 доклада от участников из 14 российских регионов, а также Республики Беларусь и Украины.

В 2017 г. в работе конференции приняли участие 89 докладчиков из российских и зарубежных научных учреждений и вузов. Кроме того, было организовано пленарное заседание в режиме вебинара с подключением докладчиков из России, Беларуси, Армении, с подведением итогов по секциям и награждением дипломами победителей. В последующем эта успешная практика стала традиционной.

В 2018–2020 гг. тенденция увеличения числа докладов, расширения географии участников, роста интенсивности и качества обсуждения продолжилась. Это свидетельствует о возрастании популярности мероприятия в научных кругах и удобстве дискуссионной онлайн-площадки для взаимодействия теоретиков и практикующих специалистов по актуальным проблемам социального характера.

23–27 марта 2020 г. работа форума V международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» была организована по 8 научным направлениям: уровень и качество жизни населения; потенциал гражданского участия; психологическое самочувствие и духовно-нравственные ценности общества; демографические проблемы; вопросы регионального развития; актуальные проблемы состояния социальной сферы; человек на рынке труда и самореализация молодежи. Наибольший интерес вызвала секция «Потенциал гражданского участия: от теории к практике»

(модераторы: научный сотрудник К.Е. Косыгина и младший научный сотрудник В.С. Каминский), на которую поступило свыше 140 сообщений.

Всего в конференции 2020 г. приняли участие 160 человек из 53 научных и образовательных организаций, из них 22 доктора наук, 67 кандидатов наук. Были представлены 27 российских регионов, а также Республика Беларусь, Армения.

Итоги мероприятия были подведены 27 марта на пленарном заседании, модератором которого выступила зам. директора, зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения ВолНЦ РАН к.э.н. О.Н. Калачикова. В режиме онлайн представили результаты научных исследований по актуальным проблемам развития страны и регионов докладчики из Санкт-Петербурга, Перми, Коломны, Вологды. Д.ф.н., профессор В.В. Козловский свое выступление посвятил вопросам локальных эффектов цивилизационных перемен местного сообщества. Д.с.н., доцент Н.А. Лебедева-Несевря подняла важнейшую тему управления здоровьем россиян в контексте нацпроектов. Не меньший интерес вызвали доклад научного сотрудника ВолНЦ РАН В.Н. Барсукова о мировых трендах перехода от стадии демографического дивиденда к старению населения и доклад магистранта ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» Н.О. Плюхина по проблеме непрерывного образования взрослых в Российской Федерации.

По итогам проведения интернет-конференции участникам традиционно были выданы именные сертификаты, лучшие доклады выделены дипломами I, II, и III степени.

Следует отметить, что рост активности докладчиков международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» в течение пяти лет, расширение охвата рассматриваемых вопросов, высокий уровень представляемых докладов и качество обсуждения говорят о необходимости продолжения традиции организации подобных дискуссионных площадок.

В этой связи хотелось бы пожелать всем настоящим и будущим участникам конференции столь же заинтересованного и продуктивного участия в VI международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» в 2021 году!

Директор ФГБУН «Вологодский научный центр РАН»
д.э.н. А.А. Шабунова

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 316 / ББК 60.5

Козловский В.В.

ЛОКАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН В МЕСТНОМ СООБЩЕСТВЕ[1]

Аннотация. *Статья посвящена описанию проявлений цивилизационных перемен в местном сообществе малых городов региональных территорий Северо-Запада России. Местное сообщество малых городов, включая моногорода, не только социально, но и культурно переструктурируется. Возникает целый спектр локальных эффектов микроцивилизационных процессов в пространстве локальной территории, который мы обозначаем как цивилизационный комплекс. Видоизменяются социальная, культурная идентичность, поведение различных групп поселения, проявляющееся в гражданской активности, в изменении привязанности к малой родине, к месту жительства, солидарности с местным сообществом. При этом формируется некое устойчивое сопротивление новым императивам экономического, экологического, социального территориального развития, которое определяется нами как один из эффектов цивилизационного характера. Местное сообщество выступает субъектом всего спектра форм сложившейся традиционной и новой культуры, внедряемых социальных технологий (социальный капитал), способов хозяйствования в условиях рыночной экономики (инновации), смены квалификации и повышения профессионального мастерства (человеческие и трудовые ресурсы), противоречивых образцов повседневной жизни разных поколений, новых коммуникативных технологий и практик (медиа, социальные сети, мобильная связь), медленно складывающихся институтов гражданского общества, новых форм регионального управления и муниципального самоуправления.*

Ключевые слова: *местное сообщество, локальные эффекты, цивилизационные изменения, цивилизационный комплекс локальной территории, малый город, солидарность, идентичность, культура.*

В условиях продолжающейся радикальной трансформации российского общества эволюция народного хозяйства протекает крайне медленно. Сказываются доминирование государственно-капиталистической экономики сырьевого характера, слабое развитие среднего и малого предпринимательства, инноваций, новых институтов. Реформа политической и правовой системы государства направлена преимущественно на поддержание устойчивости сложившегося порядка административно-политического управления, а не на действенное оперативное стратегическое воздействие на ключевых направлениях. Замедление экономического роста, социально-экономического благосостояния населения, экономической активности требует новых решений в разных областях: промышленности, сельском хозяйстве, секторе услуг. Сокращение численности и старение населения практически во всех регионах страны принуждает власть на всех уровнях искать эффективные ответы в виде различных программ и проектов развития территорий, например целого ряда национальных проектов, таких как проект «Демография».

На этом фоне в жизни местных сообществ региональных территорий происходят значимые цивилизационные перемены. Привычный, унаследованный от советского времени традиционный уклад подвергается прессу современных тре-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-010-00245 А «Социально-структурные эффекты цивилизационных изменений российского общества».

бований рыночной экономики, новой системы занятости, новейших информационно-коммуникационных технологий, стандартов потребления, социальных коммуникаций. Происходящие на региональном и локальном уровнях цивилизационные перемены воплощаются в самые разнообразные следствия в форме усиливающейся социальной дифференциации и поляризации, мобильности, перемещений, миграционных настроений. В регионах Северо-Запада России наблюдаются разительные контрасты в экономическом, социальном и культурном развитии. Эти структурные изменения тесно увязаны с текущей жизнью местного населения, отчетливо отражаются в деятельности местного сообщества, являющегося субъектом цивилизационного комплекса локальной территории.

Для объяснения субъектной компоненты цивилизационного комплекса локальной территории может быть использован целый ряд концептов, например: местное сообщество, местная общественность, социально-территориальная общность (А.Ю. Завалишин), локальное сообщество, соседство, местное население. Все они отражают разные стороны структурного, институционального, культурного и поведенческого содержания коллективного актора. Некоторые понятия, в частности «местная община», практически выходят из употребления, несмотря на их историческую укорененность. В связи с возрастанием роли местного сообщества возникает необходимость согласования интересов входящих в него различных групп (трудоспособного и занятого населения, активистов, молодежи, пенсионеров, лидеров мнений) с органами государственной власти, партиями, разными экономическими агентами, представительствами региональных и федеральных общественных организаций.

В литературе предлагается родственный понятию местного сообщества концепт, отражающий динамику территориального поведения социально-территориальных общностей (далее СТО), являющегося одним из важных факторов трансформационного процесса, согласно А.Ю. Завалишину, представляющего собой систему социальных практик, сложившихся в границах поселения, региона, исторической области, государства или макрорегиона, порожденных спецификой конкретной территории и своеобразием коллективного сознания проживающих на ней людей, отличающихся от социальных практик, воспроизводимых населением других аналогичных территорий. В данном концепте подчеркивается, что по отношению к социуму территориальное поведение проявляется амбивалентно: в качестве социального института – условия институционализации иерархической структуры ядерных, полупериферийных и периферийных регионов (государств); а в качестве системы социальных действий – как фактор системной трансформации общества [1, 2]. Поэтому в данной концепции выделяется территориальное социально-экономическое поведение (далее ТСЭП), порождающее динамику не только социально-экономических, но и в значительной степени и политических, и социокультурных процессов. С нашей позиции, в данной интерпретации факторов и субъектности трансформации местной территории в тени остается целый ряд существенных характеристик цивилизационных перемен на локальном уровне, актором которых является местное сообщество.

Местное сообщество выступает субъектом всего спектра форм сложившейся традиционной и новой культуры, внедряемых социальных технологий (социальный капитал), способов хозяйствования в условиях рыночной экономики (инновации), смены квалификации и повышения профессионального мастерства (че-

ловеческие и трудовые ресурсы), противоречивых образцов повседневной жизни разных поколений, новых коммуникативных технологий и практик (медиа, социальные сети, мобильная связь), медленно складывающихся институтов гражданского общества, новых форм регионального управления и муниципального самоуправления.

Выстраивание пестрых отношений по поводу самоуправления, самоорганизации, саморегулирования, казалась бы, укладывается в практики развития органов местного самоуправления. Органы местной власти как государственной, так и муниципального самоуправления наделены полномочиями, но обладают ограниченными ресурсами для решения текущих и новых задач. Поэтому местное сообщество, хотя и гетерогенное по составу, опыту, социальной зрелости, инициативности, готовности к коллективным действиям, оказывается востребованным для поддержания уклада жизни, повседневного ритма, коммуникации в данной локальной территории. Цивилизационный потенциал местного сообщества служит залогом жизнеспособности социально-территориальной общности, соответственно, необходимым условием выживания, воспроизводства, обновления и процветания (либо стагнации, упадка, деградации). Ресурсы местного сообщества проявляются в характере, масштабе и направленности солидарности, конкретных практик взаимопомощи, поддержки, организации и проведении общих дел, мероприятий, событий, создании информационно-коммуникативной среды, формировании и удержании «духа» местности как обжитого, особым образом устроенного многомерного пространства текущей жизни.

Хозяйственная, политическая, коммуникативная, житейская, в том числе гражданская, активность местного сообщества, его активных и пассивных членов весьма заметна, что дает основание констатировать недооцененность скрытой в нем силы коллективного солидарного действия на благо развития местности и ее обитателей. Традиционно роль главного фактора устойчивости и перемен в организации жизни местного поселения отводится, безусловно, важнейшим акторам и институтам государственной власти, местного самоуправления, возможным инвесторам. Между тем такая практика уже сформировала и закрепляет в сознании жителей патерналистские установки и стереотип ожидания решения насущных проблем кем-либо извне самого локального сообщества, прежде всего органами местной и региональной власти.

Местное сообщество малых городов, включая моногорода, не только социально, но и культурно переструктурируется. Возникает целый спектр локальных эффектов микроцивилизационных процессов в пространстве локальной территории, который мы обозначаем как цивилизационный комплекс. Прежде всего активно видоизменяется социальная и культурная идентичность различных групп поселения, проявляющаяся в изменении привязанности к малой родине, к месту жительства, солидарности с местным сообществом. Однако при этом формируется некое устойчивое сопротивление новым императивам экономического, экологического, социального, пространственного развития, которое определяется нами как один из эффектов цивилизационного характера.

Помимо этого в нее естественным образом включается весь комплекс форм сложившейся традиционной и новой культуры, спектр внедряемых социальных технологий (социальный капитал), способов хозяйствования в условиях рыночной экономики (инновации), квалификация и профессиональное мастерство (человеческие и трудовые ресурсы), противоречивых образцов повседневной жизни раз-

ных поколений, новые коммуникативные технологии и практики (медиа, социальные сети, мобильная связь), складывающиеся институты гражданского общества, новые формы регионального управления и муниципального самоуправления.

Устойчивость к существующим и возникающим трудностям, угрозам, опасностям, вреду ключевых факторов жизнеобеспечения основывается на специфическом цивилизационном фундаменте местного, в том числе приезжего, населения: культурном (ценностно-идеологическом, ментальном) единстве, солидарности, сплоченности, взаимопонимании, чувстве малой родины, патриотизме, противоречивом балансе индивидуализма и коллективизма, социальной и культурной мобильности, социальной активности, самоорганизации и социокультурной мобильности. Значение местных сообществ для осуществления и закрепления цивилизационных изменений в малых городах России и Северо-Запада РФ резко повышается, если учесть их весомую долю в числе городов *(табл. 1)*.

Таблица 1. Количество городов и малых городов Северо-Западного ФО России на 01.01.2019 г.

Показатели	Российская Федерация		Северо-Западный Федеральный округ РФ	
	Число городов	Население	Число городов	Население
Города, их население	1117	102586948	147	9244889
Малые города (до 50 тыс.), их население	792	15939052	123	2628518

Источник: Данные Росстата (2019) // http://www.gks.ru/population

На Северо-Западе России, согласно данным Росстата по Северо-Западному федеральному округу, на 1 января 2019 г. проживало 13 981 992 человека *(табл. 2)*. Это чуть около 9,53% населения России. Из таблицы видно, что в Северо-Западном федеральном округе значительная часть (28,43%) населения живет в малых городах и поселках городского типа. При том что по данным на январь 2020 г. в С.-Петербурге насчитывается 5 398 064 жителей, т. е. 58,39 % городского населения Северо-Запада РФ. На средние города приходится всего лишь 13% населения округа.

Таблица 2. Численность постоянного населения Северо-Западного ФО России на 01.01.2020 г. и в среднем за 2019 г.

Территория	На 1 января 2020 года			В среднем за 2019 год		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
Северо-Западный федеральный округ	13981992	11873771	2108221	13977031	11841787	2135244
Республика Карелия	614064	497337	116727	616060	498083	117977
Республика Коми	820473	641721	178752	825354	645586	179768
Архангельская область	1136535	893306	243229	1140327	894687	245640
Вологодская область	1160445	843041	317404	1164079	845356	318723
Калининградская область	1012512	786313	226199	1007349	782682	224667
Ленинградская область	1875872	1260249	615623	1861870	1224552	637318
Мурманская область	741404	683407	57997	744730	686688	58042
Новгородская область	596508	426582	169926	598402	427408	170994
Псковская область	626115	443751	182364	627883	445768	182115
г. Санкт-Петербург	5398064	5398064	-	5390977	5390977	-

Источник: Данные Росстата (2019) // http://www.gks.ru/population

В теоретической схеме, которую мы используем для исследования цивилизационного комплекса локальных территорий, в том числе для оценки цивилизационного потенциала местного сообщества, выделяются главные элементы: социальная структура – культура; агентность (субъектная структура) – институты. В предлагаемой схеме на передний план выходит вопрос о ресурсах или богатствах локальной территории, малого монопрофильного города и местного сообщества. В него мы включаем основные взаимосвязанные компоненты, определяющие цивилизационный комплекс локальной территории: *социум (социальная структура) – культура; материальные ресурсы – социальная инфраструктура; институты – акторы.* Ограничимся перечислением элементов ресурсного богатства местного сообщества локальной территории (малого города), то есть всего того, что составляет цивилизационный потенциал местного сообщества малого города российского региона. Это культура, социальные ресурсы, экономические и прочие, например природные капиталы, особенно важные для характеристики локальной территории.

Наш подход заключается в выявлении процессов, динамики, которые отражают взаимное воздействие социальной структуры и культуры друг на друга, их взаимное переплетение, исторически конкретные конфигурации констелляции, создание, проживание людьми своего социально-культурного пространственно-временного континуума (хронотопа). Малый город – это социокультурное пространство для живущих в нем людей, созданное для их разнообразной деятельности, ими формируемая и видоизменяемая территория. Разные группы интересов (или публики) проектируют это пространство под себя, распределяют его в соответствии с традициями, обычаями и институтами для жизнеобустройства и решения текущих задач. Как они это делают: по-хозяйски, рационально, эффективно или бесхозяйственно, не рационально, не эффективно – это вопрос местного сообщества, местной власти, их инициатив и ресурсов. Для этих целей в теоретической схеме, которую мы используем в исследования цивилизационного комплекса локальных территорий, цивилизационного потенциала местного сообщества, выделяются главные элементы: социальная структура – культура; агентность (субъектная структура) – институты.

В данный комплекс входят все необходимые ресурсы, соответственно, богатства местного сообщества локальной территории: местное население, удаленность, климат, освоенность, институты права и собственности, институты культуры, образования, религии, обычаи, традиции, быт. Наряду с ними важный блок составляют компоненты социально-структурные (неравенства, социальные иерархии), человеческие ресурсы (здоровье, опыт, квалификация), трудовые и профессиональные ресурсы, экономические и финансовые ресурсы и другие капиталы (природный, социальный, культурный). Общая концептуальная схема координации основных элементов цивилизационного комплекса городского поселения отражает панораму цивилизационных перемен в отдельных монопрофильных поселениях. Для объяснения природы локальной территории и социального измерения малого города исходим из основных принципов, требующих воплощения в изучении месторазвития как локальной территории: релевантность, самореферентность, автономность, идентичность, самоценность, модернизируемость, измеряемость развития, эффективность самоорганизации и деятельности местного сообщества малого города. Малый город, а это реально действующая отдельная

локальная территория, имеет автономное значение, играет самостоятельную роль и самоценен для жителей города, для данного региона и страны. В зависимости от того, как сами люди конструируют, формируют и воплощают в повседневности свою идентичность, наполняется смыслом их текущая жизнь, оцениваются перспективы перемен и развития малых городов. Наконец, эффективность самоорганизации и самоактивности в деятельности местного сообщества, согласованности и сотрудничества с местной властью является важнейшим самостоятельным элементом, служит залогом и мощным человеческим ресурсом для поддержания достойного уровня и качества жизни, самореализации жизненных путей в соответствии со сложившимися современными стандартами.

Понятие «локальные эффекты цивилизационных перемен» отражает процесс локализации социально-структурных, культурных, институциональных изменений глобального, регионального уровня на местном территориальном уровне, включая жизнь местного сообщества малого поселения, малого города, села. Эта модель применима к жизни среднего и большого города, в котором местные сообщества формируются на другой основе (районы, микрорайоны) и сосуществуют в форме соседств разного рода. Содержание цивилизационных перемен в российском обществе, в том числе на региональном и локальном уровне, заключается в целом списке эффектов (или результатов). Вместо термина «эффектность» точнее использовать «эффективность», продуктивность, результативность. В них я вкладываю следующее: медленно или быстро меняющиеся либо отмирающие традиционные модели отношения (понимание, оценки, поведение) к новой социальной (социальное неравенство), новым институтам (включая политическую и правовую системы), новой экономической среде (рынок), культурной, коммуникативной, информационной, технологической реальностям. Эти перемены воплощаются в различных социокультурных формах на уровне местного сообщества в качестве социологически замерямых результатов (мнения, поведение, статистика): новые типы идентичности, поддержания здоровья и самочувствия, экологического поведения, коллективности, индивидуальности, справедливости, ответственности, занятости, адаптивности. Этот ряд может быть дополнен. Пока он собран кумулятивно. Эффектность или эффективность интерпретируется в таком случае как степень жизнеспособности, благополучия, солидарности, сплоченности, взаимопомощи, самоорганизации и активности местного сообщества.

Современный цивилизационный подход, на мой взгляд, позволяет конкретнее и точнее разобраться в происходящем на микроуровне, то есть в цивилизационной динамике на уровне локальных территорий и сообществ, в глобальном и региональном контексте и масштабе. Сомнения в отсутствии в настоящее время основных агентов действия на локальном уровне, где существует явный дефицит экономически активных хозяев, готовых не только просить, но и вкладывать средства, совершенно справедливы. Таких пока на локальном уровне либо нет, либо их очень мало для запуска цепной реакции. Полагаю, подобная точка зрения ближе к позиции экономического детерминизма. Экономически активные хозяева случайным образом не появляются. Однако жизнь местного сообщества не сводится к экономической стороне. Более того, местное сообщество в разных секторах формирует благодаря различным проектам уникальную среду обитания и подтягивает экономических агентов, например, в целом ряде малых городов Северо-Западного федерального округа РФ. Уже сейчас весьма заметно присут-

ствие ключевых акторов (агентов) на локальном уровне (локальной территории), соответственно, в местном сообществе. Это и местная муниципальная власть, предприниматели, бюджетный сектор (ЖКХ, культура, спорт), СМИ, и местная интеллигенция, активные социальные сети, экологические активисты. По результатам интервью, собранным по исследовательскому проекту в экспедиции по малым городам (и моногородам) Северо-Запада РФ: г. Коряжма, г. Сокол, г. Тотьма, г. Пикалево, г. Бокситогороск, г. Сланцы, г. Сегежа, г. Кондопога, можно сделать предварительные выводы о том, что не только региональная и местная власть в настоящее время вкладываются в развитие территорий, в их благоустройство, в реновацию и строительство учреждений культуры и спорта, инновационных центров, в транспортную инфраструктуру, поддержку местного бизнеса (бизнес-инкубаторы). Местное сообщество, местная общественность берет на себя инициативу в коммуникативном продвижении актуальных проблем в социальных сетях, критикуя органы власти за нерешенные бытовые, экономические, экологические проблемы. Местное сообщество в различной мере становится одним из ключевых субъектов формирования гражданского общества на местном уровне.

Библиографический список

1. Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Академический проект, 2006. 456 с.
2. Завалишин А.Ю. Территориальное социально-экономическое поведение (теоретико-методологический анализ): монография. М.: РУДН, 2008. 348 с.
3. Россия в цифрах. 2019: крат. стат. сб. / Росстат.- М., 2019. 549 с. // https://gks.ru/storage/mediabank/rus19.pdf

Информация об авторе

Козловский Владимир Вячеславович (Россия, Санкт-Петербург) – доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского госуниверситета; директор, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; v.kozlovskiy@socinst.ru).

Kozlovskiy V.V.

LOCAL EFFECTS OF CIVILIZATIONAL CHANGES IN THE LOCAL COMMUNITY

Abstract. *The article is devoted to the description of manifestations of civilizational changes in the local community of small cities in the regional territories of the North-West of Russia. The local community of small cities, including monocities, is not only socially and culturally restructured. A whole spectrum of local effects of micro-civilization processes arises in the space of the local territory, which we designate as a civilization complex. Social, cultural identity, the behavior of various groups of the settlement, manifested in civic activity, in a change in attachment to a small homeland, to a place of residence, and solidarity with the local community are changing. At the same time, a certain steady resistance is formed to the new imperatives of economic, environmental, social territorial development, which we define as one of the effects of a civilizational nature. The local community acts as the subject of the whole spectrum of forms of the established traditional and new culture, introduced social technologies (social capital), ways of managing in a market economy (innovation), skill change and professional development (human and labor resources), contradictory patterns of everyday life of different generations , new communication*

technologies and practices (media, social networks, mobile communications), slowly developing institutions of civil society, new forms of regional governance and municipal self-government.

Key word: *local community, local effects, civilizational changes, civilizational complex of the local territory, small town, solidarity, identity, culture*

Information about the author

Kozlovskiy Vladimir V. (Russia, Saint-Petersburg) – Doctor of Science in Philosophy, Professor, Head of Department Sociology of Culture and Communication, St. Petersburg State University (SPSU); Director, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (190005, St. Petersburg, st. 7th Krasnoarmeysk aya, d. 25/14; v.kozlovskiy@socinst.ru).

References

1. Ryazantsev I.P., Zavalishin A. Yu. Territorial behavior of Russians (historical and sociological analysis). M.: Academic Project, 2006.
2. Zavalishin A. Yu. Territorial socio-economic behavior (theoretical and methodological analysis): monograph / A. Yu. Zavalishin. -M.: PFUR, 2008.
3. Russia in numbers. 2019: Short Stats / Rosstat-M., P76 2019 - 549 p. // https://gks.ru/storage/mediabank/rus19.pdf

УДК 351+61

Лебедева-Несевря Н.А.

УПРАВЛЕНИЕ ЗДОРОВЬЕМ РОССИЯН: КЛЮЧЕВЫЕ ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ НАЦПРОЕКТОВ

Аннотация. *Анализируется закрепленность целей и задач, связанных с сохранением и укреплением здоровья населения, в принятых в 2018 г. в РФ национальных проектах «Здравоохранение», «Демография», «Жилье и городская среда», «Экология». Показано, что ряд важных аспектов здоровьесбережения (снижение внешнесредовых рисков для здоровья, формирование здоровьесохранной городской среды, адаптированной к потребностям различных категорий граждан, обеспечение приспособления системы здравоохранения к социально-демографическим тенденциям и пр.) не фигурируют в паспортах нацпроектов. Указано на недостаточную связанность текущей деятельности федеральных органов исполнительной власти с заложенными в нацпроектах целевыми показателями.*

Ключевые слова: *здоровье, национальный проект, здравоохранение, демография, городская среда, экология.*

Приоритетный фокус на проблемах сохранения и укрепления здоровья зафиксирован в Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 11 сентября 2012 г. 66/288 «Будущее, которого мы хотим»: «Здоровье является необходимым условием и одновременно конечным результатом и показателем деятельности по осуществлению всех трех компонентов[1] устойчивого развития» [9]. В Повестке дня в области устойчивого развития [10] на период до 2030 г. сформулированы 17 глобальных целей развития, большинство из которых так или иначе связаны со здоровьесбережением. Улучшение состояния здоровья граждан посредством качественного прорыва в системе здравоохранения предусматривалось Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [7].

Причиной усиленного внимания как на глобальном, так и на национальном уровнях к здоровью граждан выступает следующее. Мир в XXI веке сталкивается с новыми вызовами в сфере здоровья населения – перенесением основного бремени заболеваемости и смертности с инфекционных на неинфекционные заболевания (ведущая причина смерти в мире – ишемическая болезнь сердца и инсульт), старением населения и необходимостью разработки мероприятий по увеличению продолжительности здоровой жизни, изменением образа жизни и распространением новых поведенческих факторов риска (в частности, избыточной массы тела и ожирения). Перед системой здравоохранения ставятся нетривиальные задачи преодоления устойчивости к антибиотикам (вследствие их бесконтрольного массового применения людьми и неправильного введения сельскохозяйственным животным) и противодействия новым вирусам (пандемия COVID-19 – наглядный пример неготовности стран к чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения).

Россия также стоит перед лицом серьезных вызовов в сфере здоровья граждан – региональной дифференциации по показателям смертности и заболеваемости, выраженным «негативным фоном» формирования здоровья различных категорий населения – работающих во вредных и опасных условиях труда, жителей территорий с высокой антропогенной нагрузкой на окружающую среду и пр. Актуальны-

[1] Три компонента – устойчивое развитие 1) экологической, 2) экономической и 3) социальной сфер.

ми проблемами остаются высокий уровень преждевременной смертности, в т.ч. в дорожно-транспортных происшествиях, недостаточная доступность медико-санитарной помощи, высокий уровень распространенности наркомании, алкоголизма, ВИЧ-инфекции, туберкулеза и других социально значимых заболеваний [11]. Учитывая сокращение традиционных конкурентных преимуществ нашей страны (лидерство среди экспортеров энергоресурсов, высокие цены на энергоносители) и необходимость переориентации на повышение качества человеческого капитала [1], можно утверждать, что задачи в сфере сохранения и укрепления здоровья граждан становятся национальными приоритетами.

В 2018 г. в России был принят ряд национальных проектов федерального масштаба, обеспечивающих достижение целей и стратегических задач развития страны до 2024 г., в т.ч. в сфере управления здоровьем россиян [12]. Однако насколько нацпроекты позволяют дать полноценный ответ существующим вызовам в сфере здоровья – вопрос открытый.

Нацпроект «Здравоохранение» имеет в качестве основного ориентира развития материально-кадровую и медико-социальную составляющие [5]: основные средства вкладываются в строительство новых объектов, развитие санитарной авиации, создание системы защиты прав пациентов, аппаратное и кадровое оснащение лечебно-профилактических учреждений и т.п. Несомненно, запланированные действия дадут положительный эффект. При этом в рамках проекта крайне мало рассматриваются и описываются факторы риска для здоровья населения. Как следствие, пациент-ориентированная политика не предусматривает в будущем существенного снижения общего числа пациентов и не прогнозирует собственное развитие в условиях сокращения (изменения) потребности общества в медицинских услугах. Такой прогноз не позволяет выполнить и отсутствие системных научно обоснованных связей с нацпроектами «Экология», «Демография», госпрограммой «Фарма–2020».

Целевые показатели нацпроекта «Жилье и городская среда», несомненно, отвечают ряду отечественных потребностей в улучшении условий жизни населения [4]. Вместе с тем, они не отражают общемировую тенденцию к развитию городов как здоровьесохраняющих пространств [13]. Если в нацпроекте «Демография» декларируется особое внимание к лицам старшего возраста (что закономерно в условиях старения российского общества), то в проекте «Жилье и городская среда» вопросы т.н. «age-friendly city» (город, дружественный пожилым людям) не упоминаются вообще. Таким образом, теряется один из механизмов решения задачи проекта «Демография» – обеспечение активной и полноценной жизни пожилых в условиях современного города.

Утвержденная Правительством РФ в целях реализации положений нацпроекта «Жилье и городская среда» методика расчета индекса качества городской среды учитывает 36 параметров [8], включая такие, как «доля многоквартирных домов, расположенных на земельных участках, в отношении которых осуществлен государственный кадастровый учет», «доля площади города, убираемая механизированным способом» и пр., т.е. показатели, описывающие повседневную деятельность муниципальных органов власти. При этом ни один из рассматриваемых показателей не характеризует параметры здоровья населения города или уровень удовлетворенности населения комфортностью городской среды. Даже безопасность города оценивается не через показатели здоровья.

Необходимой позитивной динамики показателей продолжительности жизни населения, снижения смертности и заболеваемости предполагается достичь через

реализацию мероприятий национального проекта «Экология». Однако проект не ставит прямых задач, связанных со снижением рисков для здоровья населения, улучшением медико-демографических показателей или комфортности проживания граждан. Исполнителей проекта ориентируют на общее сокращение негативной техногенной нагрузки на окружающую среду. Так, в рамках федерального проекта «Чистый воздух» (составная часть национального проекта «Экология») в качестве ключевой задачи фигурирует «…снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшение не менее чем на 20 процентов совокупного объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в наиболее загрязненных городах» [3]. При этом снижение риска для здоровья населения в результате сокращения объема выбросов не анализируется. Как следствие, достижение целей нацпроекта сочетается с сохраняющейся нагрузкой на здоровье граждан [6].

Важно, что даже закрепленные в нацпроектах цели и задачи не всегда находят отражение в текущей деятельности федеральных органов исполнительной власти. Так, анализ Счетной палаты РФ показал, что «нормативные правовые акты, регулирующие эту сферу, не формируют завершенную систему стратегического планирования. Они не согласованы между собой и не актуализированы в соответствии с документами, определяющими национальные цели и стратегические задачи социально-экономического развития страны» [2]. В утвержденные планы деятельности федеральных органов исполнительной власти на ближайшие 5 лет включены лишь четверть показателей госпрограмм и подпрограмм и половина – национальных и федеральных проектов. Наблюдается дублирование задач, текущие задачи не учитывают существующие возможности других ведомств.

В этой связи представляется целесообразным существенный (в ряде случаев – кардинальный) пересмотр региональных планов и программ действий с переходом планов «от предлагаемых хозяйствующими субъектами» к «реально значимым» для достижения стратегических государственных целей. Требуется концентрация внимания аналитиков не на промежуточных показателях реализации нацпроектов (освоение выделенных средств, соответствие принятым исходным документам и т.п.), а на показателях фактической результативности и достижения стратегических целей. Необходимо более широкое межведомственное обсуждение планов и программ действий для учета связи прямых результатов каждого мероприятия со стратегическими целями и задачами национальных проектов, особенно в сфере здоровья населения.

Библиографический список

1. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тезисы доклада. М.: НИУ ВШЭ, 2018.
2. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Стратегический аудит формирования и достижения показателей деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, в 2017–2018 годах и истекшем периоде 2019 года» // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2020. №1 (266). URL: http://audit.gov.ru/upload/iblock/62d/62dcc8a84cd3e28c5a08551477e24bfd.pdf
3. Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: http://static.government.ru/media/files/pgU5Ccz2iVew3Aoel5vDGSBjbDn4t7FI.pdf

4. Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» (утв. решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года). URL: http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrcrnK7Az55RyRuk.pdf
5. Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года). URL: http://static.government.ru/media/files/gWYJ4OsAhPOweWaJk1prKDEpregEcduI.pdf
6. Попова А.Ю., Зайцева Н.В., Май И.В. Здоровье населения как целевая функция и критерий эффективности мероприятий федерального проекта «Чистый воздух» // Анализ риска здоровью. 2019. № 4. С. 4–13.
7. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018).
8. Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды: Распоряжение Правительства РФ от 23 марта 2019 г. № 510-р.
9. Будущее, которого мы хотим: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей [без передачи в главные комитеты (A/66/L.56)] 66/288. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/documents/2012/A_RES_66_288_TheFutureWeWant_r.pdf
10. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года [без передачи в главные комитеты (A/70/L.1)] 70/1. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/
11. О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254.
12. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года (с изменениями и дополнениями): Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204.
13. Healthy cities // Официальный сайт ВОЗ. URL: https://www.who.int/healthpromotion/healthy-cities/en/

Информация об авторе

Лебедева-Несевря Наталья Александровна (Россия, Пермь) – доктор социологических наук, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, ФБУН ФНЦ МПТ УРЗН (614045, Россия, г. Пермь, ул. Монастырская, 82; natnes@list.ru); профессор кафедры социологии ПГНИУ (614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15).

Lebedeva-Nesevria N.A.

HEALTHCARE IN RUSSIA: KEY TARGETS AND OBJECTIVES OF NATIONAL PROJECTS

Abstract. *The key targets and objectives related to health and healthcare are analyzed on the passports of National Projects "Healthcare", "Demography", "Ecology", "Housing and Urban Environment". It is shown that several important aspects of health protection (health risks management, healthy cities' environment, adoption of healthcare system to the mortality and morbidity tendencies etc.) are not discussed in the passports of National Projects. The low connection of federal executive bodies' activities and goals of National Projects are figured out.*

Key words: *health, healthcare, National Projects, health risks.*

Information about the author

Lebedeva-Nesevria Natalia A. (Russia, Perm) – Doctor of sociological sciences, Head of social risk analysis laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies (82 Monastyrskaya Str., Perm, 614045, Russian Federation, natnes@list.ru); Perm State University (15 Bukireva Str., Perm, 614990, Russian Federation).

References

1. Kak uvelichit' chelovecheskij kapital i ego vklad v ekonomicheskoe i social'noe razvitie: tezisy doklada. M.: Izdatel'skij dom NRU HSE, 2018. (In Russian)
2. Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. 2020. №1 (266). URL: http://audit.gov.ru/upload/iblock/62d/62dcc8a84cd3e28c5a08551477e24bfd.pdf
3. Passport of the National Project "Ecology" (Protocol of the Presidium of the Presidential Council on Strategic Development and Priority Projects 24.12.2018 №16). URL: http://static.government.ru/media/files/pgU5Ccz2iVew3Aoel5vDGSBjbDn4t7FI.pdf
4. Passport of the National Project "Housing and Urban Environment" (Protocol of the Presidium of the Presidential Council on Strategic Development and Priority Projects 24.12.2018). URL: http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrcrnK7Az55RyRuk.pdf
5. Passport of the National Project "Healthcare" (Protocol of the Presidium of the Presidential Council on Strategic Development and Priority Projects 24.12.2018). URL: http://static.government.ru/media/files/gWYJ4OsAhPOweWaJk1prKDEpregEcduI.pdf
6. Popova A.Yu., Zaitseva N.V., May I.V. Population health as a target function and criterion for assessing efficiency of activities performed within "pure air" federal project. Health Risk Analysis, 2019, no. 4, pp. 4–13. DOI: 10.21668/health.risk/2019.4.01.eng
7. Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2020 (approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 1662-r, dated 17 November 2008)
8. Ob utverzhdenii Metodiki formirovaniya indeksa kachestva gorodskoj sredy (approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 510-r, dated 23 March 2019)
9. Resolution adopted by the General Assembly [without reference to a Main Committee (A/66/L.56)] 66/288. The future we want. URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/documents/2012/A_RES_66_288_TheFutureWeWant_e.pdf
10. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015 [without reference to a Main Committee (A/70/L.1)] 70/1. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: https://undocs.org/A/RES/70/1
11. Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation until 2025 (approved by Executive Order of the President of the RF №254 6.06.2019)
12. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024 (approved by Executive Order of the President of the RF №204 7.05.2018).
13. Healthy cities // Official website of WHO. URL: https://www.who.int/healthpromotion/healthy-cities/en/

УДК 314.9:316.4/ББК 60.7

Барсуков В.Н.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО ПЕРЕХОДА ОТ СТАДИИ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДИВИДЕНДА К СТАРЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. *В работе представлены результаты апробации методики определения степени реализации демографического дивиденда в странах мира. Выявлена ключевая закономерность мирового системного перехода от стадии реализации демографического дивиденда к старению населения: в странах догоняющего развития (как с экономической, так и с демографической точки зрения; желтая группа) интенсивность и глубина реализации демографического дивиденда существенно выше, чем в странах, уже ее завершивших (развитые страны). Определено, что ширина «окна» демографических возможностей прямо пропорциональна масштабу потенциальных последствий старения населения, которое неминуемо следует за стадией реализации дивиденда.*

Ключевые слова: *старение населения, демографический дивиденд, последствия старения.*

На протяжении второй половины XX века количественные изменения демографической системы сопровождались ее качественными трансформациями [1; 2]. Мировые тренды снижения рождаемости и смертности создали абсолютно уникальную для населения планеты ситуацию, когда возрастная структура, имевшая на протяжении предыдущих веков практически неизменную форму, начала стремительным образом изменяться, что проявилось в сокращение удельного веса населения младших возрастов при параллельном увеличении трудоспособного и пожилого населения. Колоссальный рост численности населения и изменение его возрастной структуры стали одними из главных факторов и двигателем социально-экономического развития. Трудно переоценить влияние демографических изменений на экономические процессы. Проблема взаимосвязи трансформации возрастной структуры и экономического развития представлена в одном из наиболее активно развивающихся направлений экономической теории – «экономике поколений». В основе данной концепции лежит понятие «демографический дивиденд», ставшее одним из центральных в экономико-демографических исследованиях [3].

Возникновение «демографического окна» становится возможным при определенном состоянии возрастной структуры, когда вследствие быстрого снижения рождаемости доля трудоспособного населения стремится к некоторому максимуму, а доля детей и пожилых – к минимуму. Стадия реализации демографического дивиденда рассматривается как период экономического «благоприятствования», а эффективность использования «демографического бонуса» во многом определяет дальнейшее социально-экономическое развитие государства.

Термин «демографический дивиденд» можно трактовать с нескольких позиций:

1. Демографическая: ДД – состояние возрастной структуры населения, когда вследствие снижения рождаемости доля трудоспособного населения стремится к некоторому максимуму, а доля иждивенческих групп – к минимуму.

2. Экономическая: период реализации ДД рассматривается как время экономического благоприятствования: увеличение доли трудоспособного населения, рост потребления и сокращения сбережений, уменьшение нагрузки на государственный бюджет и пенсионные фонды.

3. Социальная: за реализацией ДД неминуемо следует изменение социального пространства, выражающееся в изменении структуры общественных ценностей и норм.

В целом, как показывает опыт развитых стран, период реализации демографического дивиденда положительно влияет на экономическое развитие государств [4]. Сегодня можно констатировать, что многие азиатские страны завершают реализацию ДД, но, в отличие от Запада, его экономический эффект прослеживается более явно. Так, например, некоторые исследователи связывают «экономическое чудо» Японии и четырех азиатских «тигров» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань) с ростом удельного веса их трудоспособного населения во второй половине XX века [4].

Демографический дивиденд – это потенциал экономического роста, который может быть обусловлен изменением возрастной структуры населения, в первую очередь ситуацией, когда доля населения трудоспособного возраста превышает долю населения нетрудоспособного возраста. В теории формирование демографического дивиденда возможно при одном условии: темпы роста доли трудоспособного населения должны превышать темпы роста населения в целом. Понимание масштабов и глубины демографического дивиденда важно с той точки зрения, что стадия ДД неминуемо предшествует стадии старения населения, но эффективное использование ресурсов «демографического бонуса» может создать благоприятные условия для перехода к «стареющей» возрастной структуре населения.

Авторская методика оценки степени реализации демографического дивиденда включает в себя три основных шага.

Первый шаг: сбор информации. Данная методика определения вступления, реализации и завершения стадии демографического дивиденда основывается на структурном подходе с использованием показателя демографической нагрузки населением младше 14 и старше 65 лет на трудоспособное население в возрасте от 15 до 64 лет (умноженное на 1000, т.е. измеряется в промилле). Этот классический подход к определению коэффициентов зависимости был разработан еще в середине прошлого века Ф. Ноутстайном, но остается актуальным и сегодня в связи с сохраняющейся дифференциацией стран и регионов мира относительно вступления/прохождения фаз демографического перехода. Применение обозначенных возрастных границ позволяет в некоторой степени нивелировать дисбаланс в части расхождения границ пенсионного возраста, с одной стороны, и учесть фактор более раннего выхода на рынок труда населения ряда развивающихся и наименее развитых странах – с другой. Таким образом, первый требующийся для анализа показатель – коэффициент общей демографической нагрузки. Второй показатель – доля населения в возрасте от 15 до 64 лет, который, с некоторыми допущениями, призван отразить удельный вес наиболее производительной части общества.

Два важных методологических момента: 1. Предлагаемые границы возрастов производительности/непроизводительности ориентированы на межстрановой анализ, но в случае если методика будет применяться, например, для сравнительного анализа территориальных единиц отдельного взятого государства, то для повышения точности оценок границы трудоспособности следует привести к законодательно закрепленным в данной стране. 2. С учетом того факта, что стадия реализация демографического дивиденда для отдельно взятого государства может занимать несколько десятилетий, период анализируемых показателей должен быть максимально широким.

Второй шаг: расчет показателей и классификация стран (или их территориальных единиц) по степени реализации демографического дивиденда. Формально ситуация демографического «окна» возникает с момента снижения рождаемости и роста доли трудоспособного населения, однако разница между соотношением непроизводительного населения и производительного, например, в пропорциях 1 к 1 или 1 к 2 достаточно велика с точки зрения определения степени положительного экономического эффекта для государства. Период реализации демографического дивиденда в экономическом смысле гораздо короче, чем в демографическом, т.е. распространяется на короткий промежуток времени, когда доля трудоспособного населения не просто растет, а достигает своих максимальных исторических значений. Таким образом, в этой методике под периодом реализации демографического дивиденда будет пониматься состояние возрастной структуры, когда отношение непроизводительных групп к производительному населению составляет 1 к 2 либо ниже (т.е. нагрузка непроизводительным населением составляет менее 500 промилле, а доля населения в возрасте от 15 до 64 лет – 66,6% либо выше).

Исходя из предлагаемой методики, страны мира (либо иные территории) можно разделить на следующие группы:

1. *Завершившие реализацию демографического дивиденда:* коэффициент демографической нагрузки превышает 500 промилле и имеет тенденцию к росту; доля населения в возрасте от 15 до 64 лет уже достигла своего максимального значения, упала ниже 66,6% и имеет устойчивую тенденцию к снижению (условно обозначенные как «красная группа»).

2. *Находящиеся в стадии реализации демографического дивиденда:* коэффициент демографической нагрузки ниже 500 промилле; доля населения в возрасте от 15 до 64 лет превышает 66,6%, при этом имея вектор направленности к ее снижению либо росту (условно обозначенные как «желтая группа»).

3. *Не вступившие в стадию реализации демографического дивиденда*: коэффициент демографической нагрузки выше 500 промилле, но имеет тенденцию к снижению; доля населения в возрасте от 15 до 64 лет имеет тенденцию к росту, но еще не достигла 66,6% рубежа (условно обозначенные как «зеленая группа»).

Следует отметить, что используемая методика определения степени реализации демографического дивиденда позволяет дробить выделенные группы на более частные. Так, например, в красной группе можно разделить страны по оси временной отдаленности от момента, когда доля трудоспособного населения опустилась ниже 66,6%; в желтой – по направленности вектора изменения доли трудоспособного населения относительно 66,6% рубежа (т.е. удаления от него либо обратного приближения); в зеленой – по степе-ни близости к достижению 66,6% отметки.

Третий шаг: анализ и интерпретация полученных данных.

Демографический дивиденд – это своего рода бонус, позволяющий создать экономический базис дальнейшего становления государства в новых демографических условиях (дальнейшее старение возрастной структуры). При этом чем больше этот бонус – тем выше вероятность того, что проявление последствий старения населения потенциально может быть более ярко выраженным. Таким образом, именно измерение параметров демографического «окна» становится одной из важнейших задач с точки зрения определения реальных масштабов трансформации возрастной структуры и сопутствующих ей социально-экономических изменений. *На рисунке 1* представлены фактическое и прогнозное изменение удельного веса населения в возрасте от 15 до 64 лет в трех группах стран относительно границы в 66,6%.

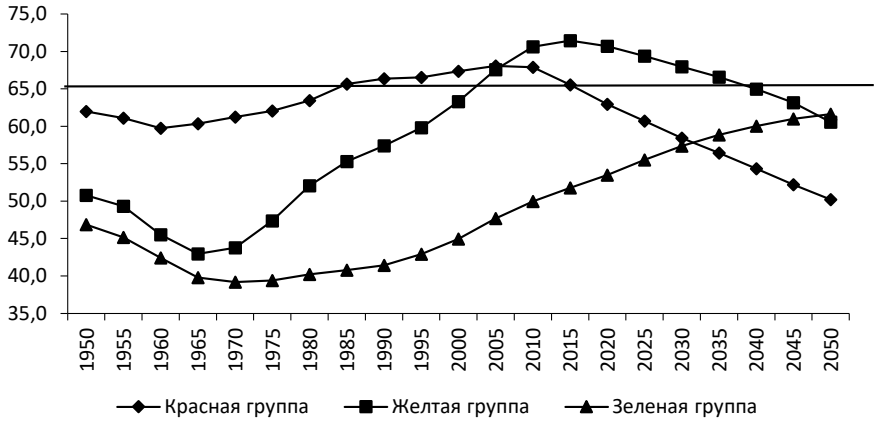


Рис. 1. Изменение доли населения в возрасте от 15 до 64 лет в трех группах стран: факт и прогноз

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/

Судя по приведенным данным, рост удельного веса трудоспособного населения в красной и желтой группах стал наблюдаться после завершения поствоенного «бэйби-бума» с временным лагом в районе 5–10 лет, в то время как в зеленой группе – заметно позднее. Однако важнее определить параметры достижения максимальных значений показателя в рамках реализации демографического дивиденда (в нашем случае – относительно границы в 66,6%). Как можно увидеть из рисунка, страны красной группы достигли начала максимальной стадии реализации демографического дивиденда в 80-х годах XX века, продолжавшейся примерно до 2010–2015 гг. (т.е. около 30–35 лет). При этом наибольшее значение показателя удельного веса трудоспособного населения в этот период составило 68%. Страны желтой группы вступили в данную стадию в начале XXI века и на текущий момент находятся на пике реализации демографического дивиденда. Несмотря на примерное равенство длительности временного периода у этих стран со странами красной группы, «глубина» реализации ДД в желтой группе значительно больше: с середины «нулевых» годов XXI века удельный вес населения в возрасте от 15 до 64 лет превышает 71%. Страны зеленой группы стремительными темпами приближаются к максимальным параметрам реализации демографического дивиденда, однако, согласно среднему варианту прогноза ООН, большинство из них достигнет этих значений только во второй половине XXI века.

Возникновение более широкого демографического «окна» для стран желтой группы стало возможно благодаря наложению ряда конъюнктурных факторов: сравнительно более быстрого снижения показателей рождаемости и смертности населения во второй половине XX века. Однако относительно быстрое (по меркам истории) получение большого демографического дивиденда уже в ближайшем будущем может обернуться для многих стран этой группы масштабными последствиями старения возрастной структуры. Возврат к количественным показателям общей демографической нагрузки сопровождается качественными изменениями ее структуры.

Из данных, представленных в *таблице*, можно заключить, что структура демографической нагрузки во всех трех рассматриваемых группах стран имеет тенденцию к «старению». В красной группе доля нагрузки старшим поколением возросла

на 42,5%, в желтой – на 45,2%. Однако следует отметить, что темповые показатели роста демографической нагрузки в странах промежуточной стадии перехода намного выше, чем в других группах стран (прирост более чем в 5,5 раза за 65 лет).

Изменение структуры общей демографической нагрузки в трех группах стран, 1950–2015 гг.

Показатель	Красная группа		Желтая группа		Зеленая группа	
	1950	2015	1950	2015	1950	2015
Доля нагрузки детьми в общей демографической нагрузке, %	77,3	34,8	89,8	42,3	91,7	73,8
Доля нагрузки пожилыми в общей демографической нагрузке, %	22,7	65,2	10,2	57,7	8,3	26,2
Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/						

Для большей наглядности рассмотрим коэффициент поддержки – обратный показатель демографической нагрузки населением старше 65 лет (*рис. 2*).

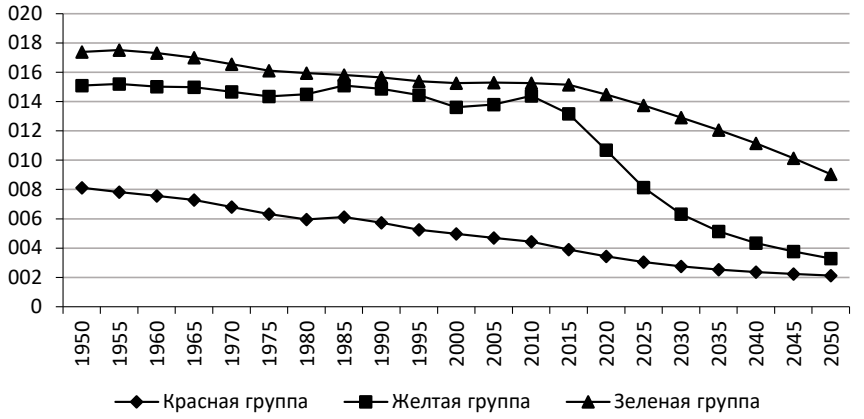


Рис. 2. Коэффициент поддержки населения старше 65 лет в трех группах стран: факт и прогноз

Источник: рассчитано автором по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/

Как видно, вслед за реализацией колоссального демографического дивиденда в странах желтой группы будет наблюдаться столь же беспрецедентное снижение коэффициента поддержки. Последствия этого процесса уже проявляются во многих сферах. Так, в последние годы наблюдается снижение темпов роста в трех крупнейших экономиках желтой группы (Китай, Индия и Бразилия), во многом определяющих устойчивое развитие всего мира. Весьма показательным является также рейтинг пенсионных систем, где подробно рассматривались 43 страны мира. Китай, Индия и Бразилия заняли в нем 40, 42 и 43 места соответственно, продемонстрировав наибольшую отрицательную динамику по всем показателям.

Апробация методики на примере стран мира позволила выявить ключевую закономерность мирового системного перехода от стадии реализации демографического дивиденда к старению населения: в странах догоняющего развития (как с экономической, так и с демографической точки зрения; желтая группа) интенсивность и глубина реализации демографического дивиденда существенно выше, чем в странах, уже ее

завершивших (развитые страны). Определено, что ширина «окна» демографических возможностей прямо пропорциональна масштабу потенциальных последствий старения населения, которое неминуемо следует за стадией реализации дивиденда.

Снижение смертности и рождаемости в сочетании с эффективной реализацией поддерживающих мер политики может принести странам догоняющего развития демографический дивиденд и улучшить качество жизни их граждан. Как следствие, зеленая группа может и должна стать одним из основных участников мировой экономики и помочь частично смягчить последствия старения населения в остальном мире. Вместе с тем неспособность использовать возможности, предоставляемые этой новой демографической ситуацией, может создать значительные экономические и социальные риски.

Для принятия грамотных управленческих решений необходимо осознавать не только сам факт явления демографического дивиденда, но и отслеживать механизм его формирования. Важным элементом выступает способность государства пересматривать свою социальную политику в новых демографических условиях, создавая возможности для сохранения стабильных темпов развития и справедливого перераспределения общественных благ. Помимо этого, как уже упоминалось ранее, для эффективного использования «демографического бонуса» страна должна быть готова к осуществлению политики адаптации экономики к последствиям трансформации возрастной структуры. Вероятно, в ближайшее столетие страны зеленой группы будут главной движущей силой не только демографического, но и экономического развития. Подавляющее большинство стран Африканского континента, а также примерно треть стран Азии и Латинской Америки еще не реализовали свой демографический дивиденд, от которого во многом будет зависеть социально-экономическое развитие мира в целом. По-прежнему актуальным остается вопрос о том, насколько страны готовы к последствиям изменения возрастной структуры.

Библиографический список

1. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1. С. 76–87.
2. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7–17.
3. Ли Р., Мэйсон Э. Что такое демографический дивиденд? // Финансы и развитие. 2006. URL : https://ntaccounts.org/doc/repository/LM2006_Russian.pdf
4. Mason A., Lee M., Abrigo M., Lee S. Support Ratios and Demographic Dividends: Estimates for the World. New York, 2017, 52 p.

Информация об авторах

Барсуков Виталий Николаевич (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; lastchaos12@mail.ru).

Barsukov V.N.

REGULARITIES OF THE GLOBAL TRANSITION FROM THE STAGE OF IMPLEMENTATION DEMOGRAPHIC DIVIDEND TO POPULATION AGING

***Abstract**. The paper presents the results of testing the methodology for determining the degree*

of implementation of the demographic dividend in the countries of the world. The key regularity of the world systemic transition from the stage of the demographic dividend to the aging of the population has been revealed: in countries of catching up development (both from an economic and a demographic point of view; yellow group), the intensity and depth of the demographic dividend are significantly higher than in countries that have already completed it (the developed countries). It was determined that the width of the "window" of demographic opportunities is directly proportional to the scale of the potential consequences of population aging, which inevitably follows the stage of implementation of the dividend.

Key words: *population aging, demographic dividend, effects of aging.*

Information about the author

Barsukov Vitaly N. (Russia, Vologda) – research assistant, Federal State Budgetary Institution of Sciences «Vologda research center of Russian academy of sciences» (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo Str., 56A; lastchaos12@mail.ru).

References

1. Shabunova A.A., Barsukov V.N. Tendencii demograficheskogo stareniya naseleniya Rossijskoj Federacii i puti ih preodoleniya // Problemy razvitiya territorii. 2015. № 1. P. 76–87.
2. Shabunova A.A. Obshchestvennoe razvitie i demograficheskie vyzovy sovremennosti // Problemy razvitiya territorii. 2014. № 2. P. 7–17.
3. Lee R., Mason E. Chto takoe demograficheskij dividend? // Finansy i razvitie. 2006. URL : https://ntaccounts.org/doc/repository/LM2006_Russian.pdf
4. Mason A., Lee M., Abrigo M., Lee S. Support Ratios and Demographic Dividends: Estimates for the World. New York, 2017, 52 p.

УДК 378+316.7

Медведева Е.И , Плюхин Н.О.

РАЗВИТИЕ «LIFELONG LEARNING» В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Данная работа посвящена исследованию развития «LIFELONG LEARNING» (LLL) в рамках действия Концепции непрерывного образования взрослых в Российской Федерации. Особое внимание в ней уделяется рассмотрению модернизации обучающего процесса при помощи внедрения современных цифровых технологий.*

Ключевые слова: *«LIFELONG LEARNING», непрерывное образование, концепция, концепция развития непрерывного образования взрослых, модель, инструменты «LIFELONG LEARNING».*

Понятие «непрерывное образование взрослых» появилось в середине 1960-х годов в ответ на необходимость постоянно обучать взрослое население, возникшую вследствие ускоренного развития технологий. Требовалась постоянная настройка квалификаций персонала под технологическое обновление и строительство новых производств. Предполагалось, что работники, обученные использованию нового оборудования и технологий, должны добиваться более высокой производительности труда и, соответственно, роста валового внутреннего продукта на душу населения. При этом лишь к началу 1990-х годов была осознана необходимость интегрировать различного рода программы в состав единой концепции обучения взрослых на протяжении всей жизни. Современное понимание непрерывного образования взрослых как единой системы обучения позволяет выделить несколько таких его основных функций, как:

– профессиональная – формирование у взрослого человека необходимых профессиональных компетенций и квалификаций, приобретение новых профессиональных возможностей, повышение его трудовой мобильности;

– социальная – позволяет дополнять и обогащать процесс взаимодействия взрослого человека с обществом, экономической сферой, государством в целом за счет формирования функциональной грамотности взрослого человека в различных сферах (финансовой, языковой, информационной, правовой и др.);

– личностная – обеспечивает удовлетворение индивидуальных познавательных потребностей взрослого человека, интересов, увлечений.

Таким образом, непрерывное образование взрослых является одним из ключевых компонентов обеспечения устойчивого и эффективного развития человеческого капитала и социально-экономического развития Российской Федерации в целом.

Для создания такой единой системы обучения взрослых на территории РФ была принята Концепция развития непрерывного образования взрослых Российской Федерации, целью которой является создание условий для реализации их права на образование в течение всей жизни. Для достижения поставленной цели предполагается решение комплекса основных задач [1]:

– поддержка и развитие широких возможностей для различных категорий взрослого населения в приобретении необходимых квалификаций на протяжении всей трудовой деятельности;

– содействие социализации граждан и улучшению качества жизни через повышение образовательного и общекультурного уровня взрослого населения, формирование функциональной грамотности взрослого населения;

– поддержка создания и развития условий для личностного роста и самореализации всех категорий взрослого населения Российской Федерации в соответствии с их способностями и предпочтениями.

Реализация Концепции развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации основывается на следующих принципах [1]:

– право гражданина на образование в течение всей жизни;

– ответственность гражданина за профессиональный и личностный рост в течение всей жизни;

– индивидуальный характер образовательных траекторий и разнообразие путей и способов получения непрерывного образования взрослым населением;

– признание образовательных результатов;

– равный доступ различных категорий граждан к услугам сферы непрерывного образования;

– согласованность государственной политики в сфере непрерывного образования, экономики, промышленности и других сферах;

– интернационализация непрерывного образования взрослых;

– информационная открытость сферы непрерывного образования.

Концепция предназначена для участников отношений в сфере непрерывного образования взрослых (взрослого населения Российской Федерации; организаций, осуществляющих образовательную деятельность; работодателей и их объединений; органов исполнительной власти разного уровня и пр.).

По данной Концепции непрерывное образование взрослых осуществляется: через освоение образовательных программ в организациях, осуществляющих образовательную деятельность; обучение вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность (модель «LIFELONG LEARNING» (LLL) и др.); просвещение в рамках деятельности общественных и иных социально ориентированных организаций.

Модель непрерывного образования «LIFELONG LEARNING» занимает лидирующее место среди моделей «образования в течение всей жизни взрослых» в рамках Концепции непрерывного образования взрослых Российской Федерации.

«LIFELONG LEARNING» – это модель непрестанного, добровольного поиска новых знаний, который вдохновляется как профессиональными, так и личными причинами. Подобный образ жизни способствует профессиональному росту и конкурентоспособности человека на рынке труда и при этом является важнейшей частью личностного роста. В масштабах страны массовое принятие этой концепции благотворно сказывается на формировании человеческого и интеллектуального капитала и его качестве, а тем самым помогает развитию экономики.

Концепция «образования через всю жизнь» в настоящее время стала современной тенденцией развития образования во всем мире и объективной закономерностью и необходимостью для целостного развития человека как личности, как профессионала на протяжении всей его жизни [5].

В зарубежных и отечественных источниках LLL как система непрерывного образования рассматривается [8, 9]:

– как образовательная деятельность в течении всей жизни, с целью улучшения навыков/компетенций и/или квалификаций ради личностных, социальных и/или профессиональных предназначений;

– инвестиции в людей с целью развития личностных, гражданских и социальных умений, связанных с их профессиональной деятельностью, и включающие в себя все формы обучения как формальные, так и неформальные;

– концепция непрерывного образования, которая провозглашает учебную деятельность человека как неотъемлемую и составляющую часть его образа жизни в любом возрасте.

– система образования, предполагающая непрерывное совершенствование профессиональных знаний, навыков, умений с учетом применяющихся требований к профессиональной деятельности;

– основополагающая концепция для европейского общества в сфере образования и обучения, а также ключевой элемент в стратегии создания рабочих мест, поскольку следование принципам LLL помогает людям найти достойную работу и адаптироваться к среде.

Главной идеей модели LLL является создание такой системы, которая обеспечит каждому человеку возможность получения и пополнения знаний, развитие, совершенствование, самореализацию на протяжении всей жизни.

Данная концепция опирается на четыре «столпа» образования [3]:

– «Learning to know» («Обучение знанию») – овладение учебными инструментами, а не приобретение структурированных знаний;

– «Learning to do» («Обучение») – оснащение людей для тех видов работ, которые необходимы сейчас и в будущем, включая инновации и адаптацию обучения к будущей рабочей среде;

– «Learning to live together, and with others» («Научиться жить вместе с другими») – мирно разрешать конфликты, открывать других людей и их культуры, укреплять возможности сообщества, индивидуальные компетенции и способности, экономическую устойчивость и социальную интеграцию;

– «Learning to be» («Учиться быть») – образование, способствующее полному развитию человека: ум и тело, интеллект, чувствительность, эстетическая оценка и духовность.

Подход LLL подразумевает 4 основных этапа развития человека как профессионала в определенной сфере:

– первый этап – самоопределение, на данном этапе происходит постоянный поиск вида деятельности, которым будущий специалист хочет заниматься;

– второй этап – это постановка долгосрочных целей с горизонтом 10–15 лет и описание траектории профессионального развития;

– третий этап – это определение точек приложения усилий: например, такими точками могут быть компании, в которых нужно обязательно поработать, люди, с которыми нужно познакомиться, и компетенции, которые нужно приобрести;

– четвертый этап – корректировка траектории, которая вновь включает в себя самоопределение, постановку новых целей и определение новых точек приложения усилий.

Ключевые характеристики концепции системы непрерывного обучения «LIFE-LONG LEARNING» схематически представлены на *рисунке 1* [2].

Рис. 1. Ключевые характеристики «lifelong learning»

Эксперты выделяют 8 основных компетенций LLL [4]:

– общение на родном языке;

– общение на иностранных языках;

– математическую компетенцию и базовые компетенции в естественных науках и технологиях;

– информационную компетенцию;

– умение учиться;

– межличностную, межкультурную, социальную, гражданскую компетенцию;

- предпринимательскую компетенцию;

- культурную компетенцию.

Особое место в современных условиях глобализации, информатизации и автоматизации занимает информационная компетенция. В рамках данной компетенции для развития системы непрерывного образования взрослых происходит постоянная модернизация способов, методов, средств и инструментов обучения.

С развитием информационных технологий для совершенствования концепции «LLL» системы непрерывного образования взрослых создавались новые методы и средства обучения, основные тренды которых представлены на *рисунке 2*.

Рис. 2. Основные тренды непрерывного образования взрослых в условиях современного мира

В настоящее время пользуется популярностью формат интерактивной среды, т.е. среды взаимодействия с элементами определенной системы, структура которой может быть представлена следующим образом [7]:

– материальный компонент – условие (наличие учебных аудиторий, домашних условий, технических средств обучения);

– компонент – условие (знания, умения, навыки субъектов образовательного процесса);

– компонент – условие (личностные особенности субъектов образовательного процесса);

– компонент – условие (возможность творческой самореализации субъектов образовательного процесса).

Обучение в формате интерактивной среды может реализовываться в формате традиционных учебных занятий (лекции, практические и семинарские занятия, консультации и др.), учебных занятий с использованием информационных и мультимедийных технологий (лекция с презентацией, мастер-классы, конференции с использованием видеоматериалов и презентаций и т.д.), а также в онлайн-форматах (конференции онлайн, вебинары, мастер-классы на онлайн-пдатформах и т.д.) как с использованием традиционных печатных источников информации (учебно-методические пособия; публицистические издания; словари и т.д.), так и с использованием современных электронно-виртуальных источников (обучающие компьютерные программы, электронные учебники, самоучители, словари, компьютерные презентации, Интернет–информация, Интернет–ресурсы (e-mail; SKYPE; ICQ; форум; аудиоконференция; телеконференция и др.) [6].

Наравне с реализацией интерактивной среды в настоящее время пользуется спросом дистанционная форма обучения, т.е. форма обучения, при которой происходит взаимодействие преподавателя и учащихся между собой на расстоянии, отражающее все присущие учебному процессу компоненты и реализуемое специфичными средствами Интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность.

Наиболее распространенными видами дистанционной формы обучения являются:

– чат-занятия – учебные занятия, осуществляемые с использованием чат-технологий, которые проводятся синхронно, то есть все участники имеют одновременный доступ к чату;

– веб-занятия – дистанционные уроки, конференции, семинары, деловые игры, лабораторные работы, практикумы и другие формы учебных занятий, проводимых с помощью средств телекоммуникаций и других возможностей Интернет; для веб-занятий используются специализированные образовательные веб-форумы – форма работы пользователей по определённой теме или проблеме с помощью записей, оставляемых на одном из сайтов с установленной на нем соответствующей программой;

– телеконференции – проводятся, как правило, на основе списков рассылки с использованием электронной почты, для учебных телеконференций характерно достижение образовательных задач;

– телеприсутствие (дистанционное присутствие с помощью робота R.Bot 100);

– видеолекции – лекции преподавателя записываются на видеопленку, методом нелинейного монтажа она может быть дополнена мультимедиа приложениями, иллюстрирующими изложение лекции;

– мультимедиа лекции – это учебные пособия, в которых теоретический материал благодаря использованию мультимедиа средств структурирован, так что каждый обучающийся может выбрать для себя оптимальную траекторию изучения материала,

удобный темп работы над курсом и способ изучения, максимально соответствующий психофизиологическим особенностям его восприятия.

Идея непрерывного обучения LLL становится все более популярной в нашем постоянно развивающимся мире. «LIFELONG LEARNING» предполагает безостановочное формирование и совершенствование навыков, компетенций и знаний человека на протяжении всей его жизни, тем самым увеличивая его конкурентоспособность и качество жизни. Кроме того, данная концепция может помочь нам адаптироваться к изменяющемуся миру, что дает ощущение самореализации.

Библиографический список

1. Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации / Мин-во образ. и науки РФ. М., 2015. 16 с.
2. Анфилатова Ю.О. Концепция Lifelong learning как следствие формирования экономики знаний / Современное образование: векторы развития. Роль социогуманитарного знания в формировании духовно-нравственной культуры выпускника педагогического вуза: сборник материалов Международной научной конференции / Министерство образования и науки Российской Федерации; ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», 2017. С. 249-252.
3. Бородаева М. Р., Цирулькевич А. В., Баженова К. А. Идея Lifelong learning. Антропология воспитания / Красноярск: ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», - 2017. 8 с.
4. Надеждина Е. Ю., Шатурная Е.А. Реализация концепции «LIFELONG LEARNING» в рамках языкового профессионального образования (на примере специальностей «Государственное и муниципальное управление») // Инновационная наука. Уфа: Аэтерна, 2015. №8. С. 124-129.
5. Тупицына И. Н., Сон Л.П. Образование в течение всей жизни («LIFELONG LEARNING», LLL) как реализация социальной роли высшего образования // Социальная политика и социология. М.: Российский государственный социальный университет, 2009. № 1(43). С. 260-273.
6. Непрерывное образование: методология, технологии, управление: коллективная монография / под ред. Н. А. Лобанова, Л. Г. Титовой, В. В. Юдина. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. 298 с.
7. Непрерывное обучение как единственно важная компетенция [Электронный ресурс]. М.: PraktiK, 2019. URL: http://praktiks.com/nepreryvnoe_obuchenie_kak_edinstvennaya_kompetenciya/?mode=preview
8. ETV – Guidance for Life Long learning and career development / Home. http://www.trainingvillage.gr/evt/Projects_Networrks/Guidance/default.asp
9. What is Life Long Guidance? http://www.trainingvillage.gr/evt/Projects_Networrks/Guidance/default.asp

Информация об авторах

Медведева Елена Ильинична (Россия, Луховицы) – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента и экономики экономического факультета ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (Московская обл., г.о. Коломна, ул. Зеленая, 30).

Плюхин Никита Олегович (Россия, Коломна) – магистрант 1 курса по направлению 38.04.01 «Экономика», профиль: «Экономика фирмы», ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (Московская обл., г.о. Коломна, ул. Зеленая, 30).

Medvedeva E. I., Plyukhin N. O.

DEVELOPMENT OF "LIFELONG LEARNING" WITHIN THE FRAMEWORK OF THE CONCEPT OF DEVELOPMENT OF CONTINUOUS ADULT EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

***Abstract**. This paper is devoted to the study of the development of "LIFELONG LEARNING" (LLL) within the framework of the Concept of continuous adult education in the Russian Federation. Special attention is paid to the modernization of the training process through the introduction of modern digital technologies.*

***Key words:** " LIFELONG LEARNING", continuing education, concept, concept of development of adult continuing education, model, tools "LIFELONG LEARNING".*

Information about the authors

Medvedeva Elena I. (Russia, Lukhovitsy) – doctor of Economics, Professor, head of the Department . Department of management and Economics of the faculty of Economics of the «State social and humanitarian University» (30 Zelenaya str., Kolomna, Moscow region).

Plyukhin Nikita O. (Russia, Kolomna) –1st year master's student in the direction 38.04.01 "Economics", profile: "Economics of the firm", «State social and humanitarian University» (Moscow region, Kolomna, Zelenaya str., 30).

References

1. Ministry of education and science of the Russian Federation, "concept of development of continuous adult education in the Russian Federation", Moscow, 2015-16 p.
2. Anfilatova, Yu. o. the Concept of continuous education as a consequence of the formation of the knowledge economy / Yu. O. Anfilatova, collection of the International scientific conference " Modern education: vectors of development. The role of socio-humanitarian knowledge in the formation of spiritual and moral culture of a graduate of a pedagogical University " - M: Ministry of education and science of the Russian Federation, Moscow pedagogical state University, 2017-P. 249-252.
3. Borodaeva, M. R. the Idea of lifelong learning. Anthropology of education / M. R. Borodaev, A.V. Tsiruleva, K. A. Bazhenov. - Krasnoyarsk: Siberian Federal University - 2017. - 8 p.
4. Nadezhdina, E. Yu. " Lifelong learning throughout life "within the framework of language professional education (on the example of specialties "state and municipal management") "/ E. Yu. Nadezhdina, E. A. Shaturnaya, Ufa: Aeterna LLC, Zh. "Innovative science", no. 8, 2015-p. 124-129
5. Tupitsyna, I. N. " Education throughout life ("training throughout life", lll) as the implementation of the social role of higher education "/ I. N. tupitsyna, L. p. Son, M.: Russian state social University, Zh. "Social policy and sociology", № 1(43), 2009 – Pp. 260-273
6. Continuing education: methodology, technologies, management: a collective monograph / edited by N. A. Lobanov, L. G. Titova, V. V. Yudin. - Yaroslavl: Rio yagpu, 2018. - 298 p.
7. Continuous learning as the only important competence [electronic resource] / Praktika-M.-Praktika, 2019. - URL: http://praktiks.com/nepreryvnoe_obuchenie_kak_edinstvennaya_kompetenciya/?mode=preview
8. ETV-guide for lifelong learning and career development / Home. http://www.trainingvillage.gr/evt/Projects_Networrks/Guidance/default.asp
9. What is a lifetime guide? http://www.trainingvillage.gr/evt/Projects_Networrks/Guidance/default.asp

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФУНДАМЕНТ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

УДК 93/94

Безнин М.А., Димони Т.М.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И МЕХАНИЗМОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ 1930–1980-Х ГОДОВ[1]

Аннотация. *В статье анализируются возможности использования категорий институционального анализа для исследований истории России советского времени. Показываются положительные стороны и ограниченность данного подхода для изучения социально-экономической системы страны.*

Ключевые слова: *история России, институты, институциональные механизмы, историческая колея.*

Институциональный подход пришел в историческую науку из экономических исследований. Классическими работами в этом смысле считаются монографии Д. Норта (и его соавторов Дж. Уоллиса, Б. Вайнгаста) «Насилие и социальные порядки», а также Д. Аджемоглу (и его соавтора Дж Робинсона) «Почему одни страны богатые, а другие бедные» [1, 2]. По определению экономиста Д. Норта, сформулированному в 1990 г., институты – это формальные и неформальные правила и нормы, которые организуют социальные, политические и экономические отношения [3]. Они создают «правила игры» для повседневной социальной, экономической, политической жизни, обеспечивают относительно предсказуемую систему взаимодействия между населением и организациями, влияют на стимулы людей и их поведение (но не всегда определяют его). Большинство исследователей, работающих в русле институциональных исследований, склоняются к классификации институтов общества на формальные и неформальные. Формальные институты включают в себя законы, официальные государственные власти; неформальные институты – социальные нормы (обычно неписаные), обычаи или традиции, которые формируют образ мысли и поведение. На практике же формальные и неформальные институты могут как дополнять друг друга, так и конкурировать между собой.

Сегодня исследователи используют институциональный подход как метод анализа динамики социальных, политических, экономических изменений общества на длительных промежутках исторического времени. Как писал один из основоположников применения институциональной теории в истории Ч. Тилли, этот подход применим для изучения «больших структур, крупных процессов и грандиозных сравнений» [4].

Наблюдения за работами институционалистов в то же время породили самую разную реакцию, в том числе довольно серьезную критику их концепций. Например, Р.И. Капелюшников критикует «пан-институционализм» за абсолютизацию роли формальных институтов, которые в их работах описаны как главная, а часто единственная движущая сила исторического процесса [5]. По мысли Р.И. Капелюшникова необходим более полный учет других факторов развития социально-экономических систем, таких как географические условия, культура, форс-мажорные события (эпидемии, катастрофы и т.д.). Кроме того, Р.И. Капелюшников обращает внимание на недоучет роли идей, возникающих или доминирующих в обществе, на недостаточное внимание институционалистов к обычаям (в широком смысле слова,

[1] Статья подготовлена за счет гранта РНФ, проект № 19-18-00269.

в том числе укоренившимся нормам обычного права, ментальным установкам, глубинным религиозным представлениям и пр.).

Центральным институтом, подвергаемым анализу лидерами институциональной теории, является институт собственности, точнее, надежность защищенности прав частной собственности. Они убеждены, что частная собственность способствует быстрейшему установлению передовых социальных и общественных форм общества и усиливает экономическую динамику. В качестве важнейшего актора, осуществляющего защиту прав собственности, последователи институционализма называют государство с его функциями гаранта. Например, по мнению Д. Норта, возникновение политических институтов, определяющих «эффективные» права собственности, неизбежно сказываются на развитии экономических институтов, способствующих рыночному обмену [6]. В то же время критики теории институционализма подчеркивают, что частная собственность является крайне неинклюзивной формой собственности, что может, напротив, тормозить развитие. Гораздо более эффективными формами собственности, на их взгляд, являются общедоступные, а также кооперативные формы собственности. Изучение динамики отношений собственности, изменений законодательного оформления прав собственности, реализации прав собственности – на наш взгляд, один из основных вопросов в изучении экономической и социальной трансформации общества. Выполненные нами исследования в отношении экономики СССР показывают, что оформленные и реализуемые в обществе отношения собственности способствовали складыванию оригинальной системы государственного капитализма. Государственный капитализм в СССР, являясь разновидностью капиталистической системы, характеризовался отсутствием локализации полного права собственности на средства производства в руках отдельных индивидов, разделенностью этого права между социальными классами, с сосредоточением основных прав владения, распоряжения и пользования у высшего класса – по сути протобуржуазии. При этом вторичные признаки госкапиталистического устройства (механизмы товаризации, прогнозно-плановые рычаги, методы балансировки, финансово-кредитные рычаги и др.) серьезно отличались от классического индивидуализированного капитализма [7, 8, 9]. Следует отметить и наличие неформальной ниши в реализации отношений собственности в СССР, особенно начиная с 1960-х гг., – так называемой теневой экономики. Здесь в большей мере действовали отношения обычного (неписаного) права, иногда довольно близкие к модели классических рыночных отношений.

Одним из основных понятий, которыми оперируют институционалисты, является «путь зависимости» (или «историческая колея»). Т. Скочпол и П. Пирсон пишут, что «путь зависимости» не имеет пока четкого определения, в целом же в данном контексте можно говорить о том, что результаты развития в критический момент запускают механизмы обратной связи (как положительные, так и отрицательные), которые усиливают повторение определенных процессов в будущем [10]. По всей видимости, этот аспект институционализма для российской истории будет особенно важным. Страна с огромным крестьянским населением, преобладавшим до середины XX века, со специфической «этикой выживания», основанной на представлениях о коллективизме, патерналистские действия власти, одобряемые населением, во многом обусловили специфический тип капитализации страны. Наша «историческая колея» в период форсированного первоначального накопления капитала (1930–1950-е гг.) обусловила обыденность жестких действий власти, формирование системы повинностей (отработочных, натурально-продуктовых, денежных), «мол-

чаливое» одобрение привычного миллионам более чем скромного жизненного уклада [11]. Понятие «исторической колеи» заставляет пристальнее присмотреться к еще одной обсуждаемой институционалистами проблеме – вопросу об институциональных механизмах.

Под институциональными механизмами институционалисты понимают передачу правил, принятых в институте [12, 13]. По утверждению того же Д. Норта «не существует иных решений, кроме использования институциональных механизмов, чтобы установить правила игры и использования организаций – чтобы обеспечить соблюдение этих правил» [14]. Таким образом, институты реализуют свою деятельность через организации. Организации же, в свою очередь, реализуют институциональные требования, упорядочивают правила и нормы взаимодействия между агентами хозяйствования, закрепляют определенные правила поведения, укрепляющие институты [15]. К такого рода организациям следует отнести довольно большую совокупность существовавших в СССР хозяйственных, политических, профессиональных и прочих структур. Это центральные и региональные подразделения КПСС, вырабатывавшие политико-идеологические взгляды на стратегическое движение, министерства и ведомства, госкомитеты, игравшие ведущую роль в деятельности хозяйственных институтов, банки, формировавшие финансовые механизмы экономической системы, структуры правоохранительных органов и др. Нельзя сбрасывать со счетов и неформальные механизмы хозяйственного взаимодействия (от таких архаичных, как «кумовство», до довольно высокоорганизованного рыночного подполья). Привлекательность последних, по наблюдениям В. Кокорева и В.М. Полтеровича, была обусловлена низкими трансакционными издержками при трансформации хозяйственного механизма [13, 16].

Отдельно следует сказать о дефиниции «социальные институты», широко применяемой современной социологией. Как правило, социологи используют этот термин для обозначения сложных социальных форм, которые воспроизводят себя, таких как правительства, семьи, человеческие языки, университеты, больницы, бизнес-корпорации и правовые системы. Одно из наиболее принятых на сегодняшний день разъяснений предложил Д. Тернер, определив, что социальные институты – это «комплекс статусов, ролей, норм и ценностей, выраженных в конкретных видах социальных структур и организаций, относительно стабильные стандарты деятельности человека по отношению к фундаментальным проблемам производства жизненных ресурсов для поддержания жизни, воспроизводства человека, и поддержания жизненно важных социальных структур в пределах данной окружающей среды»[17].

Таким образом, институциональный подход в изучении истории России позволяет выявить крупные структурные проблемы, требующие пристального исторического анализа. Соотношение исследования институтов, функций организаций, особенностей агентов исторического процесса позволит представить историю советского периода в духе современных мировых трендов общественных наук.

Библиографический список

1. Норт Д, Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Ин-т Гайдара, 2011.
2. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ, 2016.
3. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990.

4. Tilly Ch. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons New York: Russell Sage Foundation, 1984.
5. Капелюшников Р.И. Contra пан-институционализм // Институциональная экономическая теория: история, проблемы, перспективы. СПб., 2019. С. 7 – 31.
6. North D. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development, 1989, vol. 17, no. 9, p.1319–1332.
7. Безнин М.А., Димони Т.М. Госкапитализм, социальные классы, культурный ландшафт советской деревни сталинского и послесталинского времени // The Soviet and Post-soviet review. 2016. № 43. С. 301-337.
8. Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. № 2 (9). С. 437 – 453.
9. Безнин М.А., Димони Т.М. Институциональные особенности российского госкапитализма: от Сталина до Брежнева // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 2 (5). С. 118 – 135.
10. Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in Political Science: The State of the Discipline, Katznelson I., Milner H. (eds). New York: Norton, 2002.
11. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930 – 1980 - годов. М.: Ленанд, 2019.
12. Осипов Ю.М. Основы теории хозяйственного механизма. М.: Моск. ун-т, 2005.
13. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.
14. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.
15. Истомин С.В. Природа институционального механизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 1. Экономика. Вып. 17. С. 46-52.
16. Кокорев В. Институциональные преобразования в современной России: анализ динамики трансакционых издержек // Вопросы экономики. 1996. № 12.
17. Turner J. The institutional order: economy, kinship, religion, polity, law, and education in evolutionary and comparative perspective. New York: Longman, 1997.

Информация об авторах

Безнин Михаил Алексеевич (Россия, Вологда) – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, зав. кафедрой отечественной истории, Вологодский государственный университет (160000, Вологда, ул. Ленина, д. 15; beznin@uni-vologda.ac.ru).

Димони Татьяна Михайловна (Россия, Вологда) – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Вологодский государственный университет (160000, Вологда, ул. Ленина, д. 15; dimonitm@yandex.ru).

Beznin M.A., Dimoni T.M.

SOME RELEVANT CATEGORIES OF ANALYSIS OF INSTITUTIONAL FEATURES AND MECHANISMS OF THE RUSSIAN ECONOMIC SYSTEM IN THE 1930-1980S.

(the article was prepared at the expense of the Russian science Foundation, project № 19-18-00269)

***Abstract**. The article analyzes the possibilities of using categories of institutional analysis for research of the history of Russia during the Soviet period. The positive aspects and limitations of this approach for studying the socio-economic system of the country are shown.*

Key words: *Russian history, institutions, institutional mechanisms, historical track.*

Information about the authors

Beznin Mikhail A. (Russia, Vologda) – doctor of historical sciences, professor, prorector on scientific work, head department of national history, Vologda State University (160000, Vologda, Lenin street, d 15; beznin@uni-vologda.ac.ru).

Dimoni Tatyana M. (Russia, Vologda) – doctor of historical sciences, professor of the department of national history, Vologda State University (160000, Vologda, Lenin street, 15; dimonitm@yandex.ru).

References

1. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2009.
2. Acemoglu D., Robinson J. (2012).Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York: Crown Business, 2012.
3. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1990.
4. Tilly Ch. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons New York: Russell Sage Foundation, 1984.
5. Kapelyushnikov R. I. Contra pan-institutionalism // Institutional economic theory: history, problems, prospects. SPb., 2019. Pp. 7 – 31.
6. North D. Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction // World Development, 1989, vol. 17, no. 9, p.1319–1332.
7. Beznin M. A., Dimoni T. M. State capitalism, social classes, cultural landscape of the Soviet village of the Stalinist and post-Stalinist times // The Soviet and Post-soviet review / 2016. № 43. Pp. 301-337.
8. Beznin M. A., Dimoni T. M. The Soviet proto-bourgeoisie: the Genesis of the highest class of Russian society // Modern history of Russia. 2019. № 2 (9). S. 437 – 453.
9. Beznin M. A., Dimoni T. M. The Institutional features of Russian capitalism: from Stalin to Brezhnev // Problems of theoretical Economics. 2019 № 2 (5). P. 118 – 135.
10. Pierson P., Skocpol T. Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in Political Science: The State of the Discipline, Katznelson I., Milner H. (eds). New York: Norton, 2002.
11. Beznin M. A., Dimoni T. M. The Agrarian structure of Russia in the 1930 – 1980s. Moscow, Lenand, 2019.
12. Osipov Y. M. Fundamentals of the theory of economic mechanism. M., ed. MGU, 2005.
13. Polterovich V. M. Transplantation of economic institutions // Economic science of modern Russia. 2001. № 3.
14. North D. Institutional changes: framework for analysis // Questions of Economics. 1997. № 3.
15. Istomin S. V. Nature of the institutional mechanism // Bulletin of the Chelyabinsk state University. 2009. № 1. Economy. Vol. 17. Pp. 46-52.
16. Kokorev B. Institutional transformation in modern Russia: analysis of transaction costs dynamics // Problems of Economics. 1996. №. 12.
17. Turner J. The institutional order: economy, kinship, religion, polity, law, and education in evolutionary and comparative perspective. New York: Longman, 1997.

УДК 330.59 (470.12) ББК 65.9

Белехова Г.В.

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН

Аннотация. *В статье представлены основные особенности современной государственной политики по регулированию финансового поведения населения России. Показано, что воздействие на финансовое поведение россиян предполагает в большей степени «изменение среды», тогда как «изменение человека» вторично, реализуется преимущественно через повышение финансовой грамотности.*

Ключевые слова: *финансовое поведение, финансовая грамотность, поведенческая политика, подталкивание.*

Распространенность девиантных финансовых практик может весьма негативно повлиять как на отдельные домохозяйства, так и на общество в целом. В частности, согласно данным национальных опросов активнее других берут кредиты молодые семьи (возраст супругов от 25 до 40 лет) с двумя несовершеннолетними детьми (50%), молодые матери-одиночки с одним ребенком (45%) и с двумя детьми (51%)[1], т.е. в кредитных практиках широко участвуют социально-уязвимые группы населения с низкой платежеспособностью. Поэтому вопрос о методах и способах регулирования финансового поведения населения актуален как для представителей государственной власти, так и в научной и финансовой сфере.

Тематика публикаций по регулированию финансового поведения населения преимущественно связана с нормативно-правовыми аспектами деятельности кредитных и некредитных финансовых организаций, особенностями правоприменительной практики и изменениями в законодательстве (В.А. Поздышев [1], В.Г. Голубцов [2]), с повышением финансовой грамотности населения (О.Е. Кузина и Д.Х. Ибрагимова [3], Г.В. Цветова и М.В. Ерофеева [4]), с социокультурными и психологическими особенностями населения, которые могут быть учтены в регулирующих мероприятиях (Т.Н. Колесникова [5]), с особенностями применения поведенческих инструментов (А.Е. Голодникова и соавт. [6]).

В рамках проведенного исследования ставилась задача прояснить особенности современной государственной политики по регулированию финансового поведения населения в России. Для этого была систематизирована теоретическая и методологическая база о регулировании экономического поведения населения и имеющихся в других странах способах воздействия на финансовое поведение, а также проведен анализ состояния рассматриваемого вопроса в современной России. Далее представлены ключевые выводы исследования.

1. Знания о поведенческих ошибках и способах воздействия на них всё чаще учитываются при разработке регулирующих воздействий на поведение населения для подталкивания его к принятию решений, улучшающих личное и общественное благосостояние. Широкое применение получили две линии регулирования поведения населения – изменение познания (знаний, убеждений и установок самого человека) и изменение контекста (среды или ситуаций), в котором действует человек [7, с. 126-127].

«Изменение познания» предполагает предоставление человеку новой информации в той или иной форме. Применительно к финансовому поведению такие вме-

[1] Портрет заемщика: кто в России чаще всего берет кредиты? // НАФИ. URL: https://nafi.ru/analytics/portret-zaemshchika-kto-v-rossii-chashche-vsego-beret-kredity/ (дата обращения: 04.02.2020).

шательства предназначены для повышения финансовой грамотности [7, с. 127-128]. «Изменение контекста» учитывает, что люди обладают ограниченными когнитивными способностями, и предполагает воздействие на автоматические процессы суждения человека, фокусируясь на изменении поведения без изменения взглядов [7, с. 129-133]. В практике государственного управления широко используются разнообразные инструменты поведенческого «подталкивания» – облегчение выбора гражданина, установление выбора по умолчанию, выделение определенных характеристик, законодательное закрепление периодов охлаждения (например, при покупке страховых продуктов), обязательное раскрытие информации при сделках с высокорискованными продуктами [6, с. 119; 8, с. 84-88].

Согласно зарубежным исследованиям [7, 9], в практике иностранных государств введению приемов регулирования по типу «изменение познания» и «изменение контекста» предшествует объемная и кропотливая работа по проведению экспериментов, а в последние годы инструменты регулирования прорабатываются для определенных категорий работников (военнослужащие, работники бюджетной сферы или определенной отрасли промышленности). Отмечается, что правительство, как крупнейший работодатель в стране, обладает всеми возможностями для того, чтобы оптимизировать принятие его работниками финансовых решений, улучшить их финансовое состояние и на этой основе быть примером в подобной работе для других работодателей [9].

Одним из ограничений таких практик «подталкивания» являются вопросы морально-этического и нормативного плана, связанные с возможным ограничением конституционных прав человека на свободу выбора.

2. Следует учитывать трансформацию государственного управления в России в конце XX века. В «советский» период в стране работала патерналистская система, тогда как в текущий период государство сокращает участие в решении многих жизненно важных вопросов (медицинское обслуживание, социальная помощь, система воспитания и образования и проч.). Соответственно, органы власти вынуждены создавать условия для включения населения в финансовые операции и обучать его работать в условиях риска, неопределенности и личной ответственности за собственное материальное благополучие.

3. Главными координаторами процесса регулирования финансового поведения населения выступают Правительство РФ и Центральный банк Российской Федерации. Регулирование осуществляют также Министерство финансов Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Министерство образования и науки РФ и другие федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, институты финансового рынка и другие заинтересованные стороны.

Приоритетными целевыми ориентирами развития финансового рынка являются «повышение уровня и качества жизни граждан Российской Федерации за счет использования инструментов финансового рынка»[2], формирование у населения разумного финансового поведения и ответственного отношения к личным финансам.

4. Анализ показал, что регулирование финансового поведения в России опосредовано регулированием деятельности участников финансового рынка. Воздействие в основном направлено на «изменение контекста», т.е. на построение устойчивой до-

[2] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019 – 2021 годов / Банк России. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/71220/main_directions.pdf

бросовестной институциональной финансовой среды, в которой функционируют конкурентоспособные, соблюдающие законы финансовые организации, предоставляющие населению максимально открытые и понятные продукты и услуги. В качестве примеров можно обозначить систему страхования банковских вкладов, систему гарантирования прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования, постоянное совершенствование норм федерального закона № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (введение показателя долговой нагрузки[3], некоторые запреты на выдачу займов микрофинансовыми организациями[4], регулирование размера неустойки, штрафов, пени[5] и проч.), развитие института банкротства физических лиц. Кроме того, принимаются меры в ответ на текущие проблемы функционирования финансового сектора: активный вывод с рынка кредитных организаций, не удовлетворявших надзорным требованиям Банка России в 2014–2019 гг., разработка ключевых информационных документов (КИД)[6], отмена комиссий[7] и т.д.

Воздействия по линии изменения человека, его знаний и навыков только набирают силу, реализуясь в основном через мероприятия по повышению финансовой грамотности и введение новых массовых финансовых продуктов («народные» облигации федерального займа – ОФЗ-н, гарантированный пенсионный продукт – ГПП). Например, эксперты отмечают, что привлечение лиц молодого возраста к покупке «народных» облигаций станет первым шагом на их пути к освоению более доходных инструментов (в частности, корпоративных и муниципальных облигаций, приобретаемых на индивидуальный инвестиционный счет), даст им реальный опыт работы с инвестиционными продуктами и обучит планировать бюджет на долгосрочный период[8].

5. В российском обществе «изменения контекста» не всегда приводят к закреплению грамотных финансовых практик среди населения.

Иллюстрацией данного тезиса может служить вмешательство Банка России в реализацию услуг по инвестиционному страхованию жизни, которые «навязывались» населению коммерческими банками под видом стандартных банковских депозитов. Эти продукты не приносили повышенный доход, сопровождались значительными неудобствами при их досрочном закрытии. По указанию Центрального банка Российской Федерации[9] с 1 апреля 2019 г. страховщики и их агенты обязаны предупреж-

---

[3] Быстро и бесконтактно: главные финансовые сюрпризы года // Российская газета. Специальный редакционный проект «События года 2019». URL: https://rg.ru/2019/12/02/bystro-i-beskontaktno-glavnye-finansovye-siurprizy-goda.html (дата обращения: 17.01.2020).

[4] Там же.

[5] Самые значимые нововведения января // Гарант.ру. URL: http://www.garant.ru/article/1312704/ (дата обра-щения: 17.01.2020).

[6] Оставят без комиссионных // Российская газета. 2019.29.11. URL: https://rg.ru/2019/11/29/bankovskuiu-komissiiu-po-platezham-za-kommunalnye-uslugi-zapretiat.html (дата обращения: 05.02.2020).

[7] Отменяется «банковский роуминг» // Российская газета. 2019.18.12. URL: https://rg.ru/2019/12/18/rg-publikuet-dokument-ob-otmene-bankovskogo-rouminga.html (дата обращения: 05.02.2020).

[8] Люди государственного долга // Российская газета.2020.01.02. URL: https://rg.ru/2020/01/28/eksperty-rasskazali-chto-vygodnee-vklad-v-banke-ili-narodnye-obligacii.html (дата обращения: 13.02.2020).

[9] О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления добровольного страхования жизни с условием периодических страховых выплат (ренты, аннуитетов) и (или) с участием страхователя в инвестиционном доходе страховщика: указание Центрального банка Российской Федерации от 11 января 2019 г. № 5055-у // Центральный банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/50883/791

дать клиентов об основных рисках и существенных условиях договора при продаже подобных комплексных продуктов. Данное вмешательство привело к значительному сокращению предложения вкладов с инвестиционным страхованием жизни. Однако в настоящее время банки активно продвигают депозиты, совмещенные с индивидуальными инвестиционными счетами и брокерскими услугами.

6. Можно говорить о том, что в государственной политике по регулированию финансового поведения россиян допускается перекос в сторону «пассивности» человека.

Многие регулирующие воздействия в сфере финансового поведения населения в России изменяют среду, в которой действует человек; они либо ограничивают недобросовестные действия непосредственно кредитных и некредитных финансовых организаций, либо пытаются максимально упростить и оптимизировать выбор потребителя. При этом человек воспринимает среду пассивно – законодатель (т.е. государство) изменил «правила игры», а ему лишь нужно быть информированным об этих новшествах, а не совершать активный выбор. Лишь в отношении некоторых аспектов регулирование финансового поведения в России предполагает активный выбор человека. Например, в сфере финансовой грамотности и финансового просвещения, которые требуют прямого включения граждан в проводимые мероприятия. Другой пример – пенсионная система: предлагаемые государством пенсионные схемы и инструменты всегда связаны с личным волеизъявлением граждан в решении вопроса пенсионного обеспечения.

7. Российские власти, реализуя политику по регулированию финансового поведения населения, иногда действуют методом «проб и ошибок» (в подтверждение – многолетняя реформа пенсионной системы), без основательной проработки концептуальных основ (например, не проводится работа по адаптации положений поведенческой экономики и предлагаемых механизмов «подталкивания» для российских условий). Поэтому, среди прочего, принимаемые решения часто не адекватны материальным, когнитивным и поведенческим возможностям населения (в частности, ОФЗ-н и ГПП по признанию многих экспертов рассчитаны на людей с высоким достатком и финансовой грамотностью), а иногда являются запоздалыми (например, указания по работе с банковскими депозитами с навязанными услугами). Следовательно, необходимо отойти от создания «идеальной» финансовой среды и усилить работу по формированию думающего и активного финансово грамотного гражданина, который своим поведением будет формировать спрос на законные и конкурентоспособные финансовые продукты и услуги.

Библиографический список

1. Поздышев В.А. Банковское регулирование в 2016–2017 годах: основные изменения и перспективы развития // Деньги и кредит. 2017. № 1. С. 9-17.
2. Голубцов В.Г. Механизм несостоятельности (банкротства) гражданина по законодательству России и США: сравнительно-правовое исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2016. № 3 (32). С. 117-125.
3. Кузина О.Е., Ибрагимова Д.Х. Проблемы измерения и пути повышения финансовой грамотности населения России // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 4 (88). С. 14-25.
4. Цветова Г.В., Ерофеева М.В. Повышение финансовой грамотности населения России: обзор образовательных проектов // Власть и управление на Востоке России. 2017. №3 (80). С. 71-78.

5. Колесникова Т.Н. Влияние когнитивных искажений на поведение экономических агентов // Вестник СГСЭУ. 2019. № 1 (75). С. 31-35.
6. Голодникова А.Е., Цыганков Д.Б., Юнусова М.А. Потенциал использования концепции «nudge» в государственном регулировании // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 3. С. 7-31.
7. Behaviorally informed policies for household financial decisionmaking / B.C. Madrian, H.E. Hershfield, A.B.Sussman, S. Bhargava, J. Burke, S.A. Huettel, J. Jamison, E.J. Johnson, J.G. Lynch, S. Meier, S. Rick, S.B. Shu // Behavioral Science & Policy, 2017, vol. 3, is. 1, pp. 27-40.
8. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и новый патернализм. Часть I // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 66-90.
9. Influencing financial behavior: from changing minds to changing contexts / P. Dolan, A. Elliott, R. Metcalfe, I. Vlaev // Journal of Behavioral Finance, 2012, vol. 13, no. 2, pp. 126-142. DOI:10.1080/15427560.2012.680995

Информация об авторе

Белехова Галина Вадимовна (Россия, Вологда) – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького 56а; belek-galina@yandex.ru).

Belekhova G.V.

ABOUT OF REGULATING THE FINANCIAL BEHAVIOR OF RUSSIAN POPULATION

Abstract. *The article presents the main features of modern state policy of regulating the financial behavior of Russian population. We find that the impact on the financial behavior of Russians involves a greater degree of «change the context (environment or situation)», while «change cognitions (beliefs and attitudes)» is secondary, it is realized mainly through increasing financial literacy.*

Key words: *financial behavior, financial literacy, behavioral policy, nudge.*

Information about the author

Belekhova Galina V. (Russia, Vologda) – researcher of the Way and Standard of Living Researching Department, Federal State Budgetary Institution of Sciences «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (56A, Gorky Street, Vologda Vologda Region, 160014, Russia; belek-galina@yandex.ru).

References

1. Pozdyshev V. Banking regulation in 2016-2017: key changes and prospects // Russian Journal of Money and Finance. 2017. № 1. Pp. 9–17 (In Russian).
2. Golubtsov V.G. The Mechanism of insolvency (bankruptcy) of a citizen under the laws of Russia and USA: comparative legal research // Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence [Legal Concept since 2017]. 2016. No. 3 (32). Pp. 117–125 (In Russian).
3. Kuzina O.E., Ibragimova D.Kh. Measurement problems and ways to improve the financial literacy of the Russian population // Monitoring of public opinion. 2008. No. 4 (88). Pp. 14–25 (In Russian).

4. Tsvetova G.V., Erofeeva M.V. Increase in financial literacy of the population of Russia: review of educational projects // Power and Administration in the East of Russia. 2017. No. 3 (80). Pp. 81–88 (In Russian).
5. Kolesnikova T.N. Impact of cognitive distortions on the behavior of economic agents // Vestnik of Saratov State Socio-Economic University. 2019. No. 1 (75). Pp. 31–35 (In Russian).
6. Golodnikova A., Tsygankov D., Yunusova M. (2018). Potential of Using «Nudge» Concept in State Regulation // Public Administration Issues. 2018. No. 3. Pp. 7–31 (In Russian)
7. Behaviorally informed policies for household financial decisionmaking / B.C. Madrian, H.E. Hershfield, A.B. Sussman, S. Bhargava, J. Burke, S.A. Huettel, J. Jamison, E.J. Johnson, J.G. Lynch, S. Meier, S. Rick, S.B. Shu // Behavioral Science & Policy. 2017. Vol. 3. Is. 1. Pp. 27–40.
8. Kapeliushnikov R. Behavioral economics and new paternalism (Part I). Voprosy Ekonomiki. 2013. No. 9. Pp. 66-90 (In Russian).
9. Influencing financial behavior: from changing minds to changing contexts / P. Dolan, A. Elliott, R. Metcalfe, I. Vlaev // Journal of Behavioral Finance. 2012. Vol. 13. No. 2. Pp. 126–142.

УДК.316.654

Вихрова М.А., Гладких С.Н., Севостьянова Н.Н.

АЛКОГОЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Аннотация**. В работе представлены данные об уровне жизни населения в Новгородской области и об уровне его алкоголизации, а также результаты опроса жителей Великого Новгорода на тему их отношения к употреблению алкогольных напитков, отношения к развитию алкоголизма и принимаемым государством мерам антиалкогольной политики.*

***Ключевые слова:** алкоголизм, распространённость и употребление спиртных напитков, антиалкогольная политика.*

Введение. Алкоголизация населения нашей страны – острая социальная проблема, затрагивающая все его слои. Растущие масштабы потребления алкогольных напитков приводят к развитию алкоголизма – хронического психологического заболевания, характеризующегося пристрастием к употреблению алкоголя и несущего физиологическую зависимость от него. Эта проблема носит системный характер и касается всех сторон жизни человека, постепенно разрушая её.

Злоупотребление алкоголем прямо или косвенно влияет на рост числа преступлений, сокращение трудоспособного населения и увеличение нагрузки на бюджет государства. Кроме того, увеличивается количество смертей от цирроза печени, панкреатита и сердечно-сосудистых заболеваний.

По данным Росстата, в России более 1,2 млн человек состоит на учёте в лечебно-профилактических организациях [1]. За 2018 год почти 49 тысяч человек умерло по причинам смерти, связанным с алкоголем [5].

Согласно рейтингу российских регионов по уровню жизни Новгородская область за год (с 2018 по 2019) потеряла 4 позиции и опустилась на 65 место [4]. Стоит отметить, что за последние 10 лет, с 2010 по 2020 год, численность населения региона сократилась с 634 111 до 596 173 человек, при этом процент сокращения населения снижается в основном за счёт мигрантов. Не последнюю роль в этом играет развитие алкоголизации населения региона.

Новгородская область располагается в Северо-Западном федеральном округе, одном из самых пьющих округов России. По данным «Рейтинга Трезвости Регионов – 2019» Новгородская область занимает 73 место среди 85 субъектов РФ. Для сравнения: Ленинградская область занимает 57 место, а самым непьющим регионом является Чеченская Республика [3].

Наиболее простая классификация алкоголизма, составленная в соответствии с количеством потребляемого алкоголя и наличием признаков хронического алкоголизма, включает следующие группы: лица, не употребляющие алкоголь; группы лиц, умеренно потребляющих спиртное, и группы лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками.

Факторов, влияющих на развитие алкоголизма, можно выделить много, причём у каждого пьющего человека они могут быть индивидуальны. Пристрастие к алкоголю может развиться из-за постоянного стресса, потери близкого человека, конфликтов на учёбе или работе. При этом известно, что алкоголизму подвержены люди с депрессивным типом характера и низкой самооценкой. Немаловажную роль в развитии алкоголизма играют наследственность и культурные ценности народа.

В России активизация государственной политики на алкогольном рынке отмечается с середины 2000-х годов, с введением ряда ограничительных мер. Принципы и направления современной алкогольной политики были заложены в 2009 году. Тогда была принята «Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года». Главными целями этой концепции являются значительное снижение уровня потребления алкогольной продукции, повышение эффективности системы профилактики злоупотребления алкогольной продукцией и повышение эффективности регулирования алкогольного рынка [2].

Кроме того, в 2011 году был установлен обязательный запрет розничной продажи алкогольной продукции по всей стране с 23:00 до 8:00 и определены места разрешенного употребления алкогольной продукции. По всей стране проводится пропаганда здорового образа жизни, строятся спортивные сооружения и площадки.

При высоком уровне государственной и информационной поддержки актуально выявление групп населения, потребляющих алкоголь, для дальнейшей корректировки просветительской и агитационной работы.

Практическая часть. Целью нашего исследования являлось определение отношения жителей Великого Новгорода к употреблению алкоголя.

Для решения цели были поставлены следующие задачи исследования:

1. Определить численность людей, злоупотребляющих алкоголем.
2. Выяснить отношение новгородцев к проблеме злоупотребления алкоголем.
3. Выяснить причины злоупотребления алкоголем у новгородцев.
4. Выяснить отношение к принятым в России мерам профилактики алкоголизма.

Для проведения анализа было проведено онлайн-анкетирование жителей Великого Новгорода. Участникам анкетирования предлагалось ответить на 12 вопросов:

- Ваш возраст?
- Ваш пол?
- Ваша социальная принадлежность?
- Скажите, употребляете ли Вы алкогольные напитки и если да, то как часто?
- За последний год Вы стали употреблять алкогольные напитки больше, меньше или сейчас стали употреблять так же, как и год назад?
- Какой вид алкоголя Вы пьёте чаще всего?
- Чувствуете ли Вы особую тягу к алкоголю?
- В каких ситуациях Вы употребляете алкоголь?
- Есть ли среди Ваших близких или знакомых люди, имеющие алкогольную зависимость?
- Как Вы относитесь к алкоголикам?
- Как Вы лично оцениваете принятые в нашей стране законодательные меры, направленные на уменьшение потребления алкоголя?
- Как Вы считаете, какой фактор развития алкоголизма оказывает на людей наибольшее влияние?

Результаты исследований. В опросе приняли участие 100 человек. Возраст респондентов: 2 человека младше 18 лет, 57 человек – от 18 до 25 лет, 24 человека – от 26 до 40 лет, 11 человек – от 41 до 55 лет, 6 человек – старше 55 лет. Большая часть опрошенных – женщины (60,9%). 52,2% респондентов работают, 39,1% – учатся в вузе / колледже, по 4,3% – безработные и пенсионеры.

По результатам опроса 30,4% респондентов употребляют алкоголь два-три раза в месяц, 26,1% – реже чем раз в месяц, 15,2% – примерно раз в месяц, 10,9% – несколько раз в неделю. 17,4% не употребляют алкоголь вообще, и никто из опрошенных не пьёт алкоголь каждый день. При этом 39,1% опрошенных употребляет алкоголь реже, чем год назад, а 34,8% – употребляют алкоголь так же, как и год назад. 13% респондентов пьют спиртное больше, чем год назад, столько же человек затрудняются ответить на этот вопрос.

Чаще всего респонденты пьют вино, пиво и коньяк. Так отвечают 39,1, 23,9 и 8,7% соответственно. Некоторая часть опрошенных предпочитает пить самогон, водку, виски, сидр, медовуху и эль. 15,2% не пьют алкоголь вообще.

Подавляющее большинство опрошенных (93,5%) не чувствуют особой тяги к алкоголю, 4,3% затрудняются ответить на этот вопрос, и лишь 2 человека чувствуют особую тягу к спиртному.

Подавляющая часть опрошенных пьёт алкоголь в компании с друзьями для веселья, хорошего настроения, по случаю праздников, 17,4% пьют алкоголь для снятия эмоционального или физического напряжения, 4,3% пьют спиртное для аппетита. Двум респондентам неудобно отказаться от употребления алкоголя, когда их угощают.

По мнению 67,4% респондентов, среди их знакомых или друзей есть люди, имеющие алкогольную зависимость. 19,6 % точно не знают об этом, а 13% считают, что среди их близких нет таких людей.

58,7% опрошенных считают, что алкоголизм – это болезнь и таким людям нужна медицинская помощь. 21,7% думают, что алкоголизм – социальная проблема и что «лечить» надо само общество. По 6,5% респондентов думают, что алкоголики – это опасные люди, что это частное дело каждого, или же затрудняются ответить.

Половина опрошенных считают, что законодательные меры, которые приняты в России и направлены на уменьшение потребления алкоголя, недостаточные и слишком мягкие. 13% респондентов думают, что эти меры ровно такие, как нужно, а 2,2% считают их чрезвычайно жёсткими. 34,8% людей затрудняются ответить на этот вопрос.

По мнению 45,7% респондентов, фактор развития алкоголизма, оказывающий на людей наибольшее влияние, – социальный (распитие алкоголя в компании друзей и знакомых). Почти столько же (43,5%) думают, что главный фактор развития алкоголизма - психологический (алкоголь действует как антидепрессант). А 10,9% считают, что главный фактор развития алкоголизма – биологический (предрасположенность к алкоголизму от родителей).

Выводы. На основании полученных данных можно сделать следующие выводы.

1. Большая часть опрошенных – люди возраста 18–25 лет (56,5%) и 26–40 лет (23,9%), женщины (60,9%), работающие (52,2%) и студенты вуза/колледжа (39,1%). Это можно объяснить тем, что опрос проводился в основном среди студентов, преподавателей образовательных учреждений и работающих людей.

2. Только 17,4% среди опрошенных не употребляют алкоголь вообще. Остальные в той или иной степени пьют спиртное. Стоит отметить, что треть респондентов выпивают два - три раза в месяц, что указывает на умеренное употребление алкоголя. Чаще всего опрошенные пьют вино, пиво и коньяк – пожалуй, самые распространённые виды спиртного на прилавках магазинов. Только лишь 4,3% пьют водку, что указывает на непопулярность этого напитка среди большей части опрошенных.

3. Подавляющее большинство респондентов не чувствуют особой тяги к алкоголю, что также указывает на умеренное употребление алкоголя, причём опрошенные чаще всего пьют алкоголь в компании с друзьями для веселья, хорошего настроения, по случаю праздников. Можно сделать вывод, что распитие спиртных напитков для опрошенных не носит обязательный и постоянный характер.

4. Две трети респондентов считают, что среди их знакомых или друзей есть люди, имеющие алкогольную зависимость, а 19,6% точно об этом не знают. При этом 58,7% опрошенных считают, что алкоголизм – это болезнь (согласно интернет-опросам жителей Новгородской области количество респондентов, негативно относящихся к людям, злоупотребляющих алкоголем, не менее 70%). По их мнению, таким людям нужна медицинская помощь. 21,7% думают, что алкоголизм – это проблема целого общества и для того, чтобы от неё избавиться, нужно «лечить» само общество.

5. Половина опрошенных считают, что законодательные меры, которые приняты в России и направлены на уменьшение потребления алкоголя, недостаточные и слишком мягкие, а 34,8% людей затрудняются ответить на этот вопрос. Это может указывать на слабую пропаганду профилактики алкоголизма среди населения, несмотря на принятые государством меры.

6. Подавляющее большинство респондентов считают, что главные факторы развития алкоголизма – это социальный и психологический. Скорее всего это связано с тем, что алкоголь для пьющих является главным антидепрессантом, а также тем напитком, который «поддерживает» общение в коллективе или компании.

Интересным представляется проведение более масштабного опроса в 2020 году и сравнение данных как по отдельным пунктам опросника, так и с контрольными цифрами «Рейтинга трезвости регионов – 2019» и рейтинга уровня жизни в регионах Российской Федерации.

Библиографический список

1. Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами / Росстат (данные за 28.11.2019). Реж. дост.: https://www.gks.ru/folder/13721
2. Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года. Реж. дост.: http://www.fsrar.ru/policy_of_sobriety/koncepcia
3. Национальный рейтинг трезвости субъектов российской федерации – 2019 // Трезвая Россия. Реж.дост.: http://www.trezvros.ru/calendar/874
4. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2019 // РИА «Новости». Реж. дост.: https://ria.ru/20200217/1564483827.html
5. Число умерших по причинам смерти / Росстат (данные за 17.12.2019). Реж. дост.: https://www.gks.ru/folder/12781

Информация об авторах

Вихрова Маргарита Александровна (Россия, Великий Новгород) – студентка 3 курса направления 06.03.01: Биология (профиль: Биохимия), Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; cool.selena45@gmail.com).

Гладких Светлана Николаевна (Россия, Великий Новгород) – кандидат технических наук, доцент кафедры экологии, географии и природопользования, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; Svetlana.Gladkikh@novsu.ru).

Севостьянова Наталья Николаевна (Россия, Великий Новгород) – доктор биологических наук, профессор кафедры биологии, биохимии и биотехнологий, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; snn79@yandex.ru).

Vikhrova M.A., Gladkikh S.N., Sevostyanova N.N.

ALCOHOLIZATION OF THE POPULATION AS A FACTOR OF REDUCING THE LIFE LEVEL (ON THE EXAMPLE OF THE NOVGOROD REGION)

Abstract*. The paper presents data on the standard of living of the population in the Novgorod region, the level of alcoholization of the region's population, as well as the results of a survey of residents of Veliky Novgorod on their attitude to the use of alcoholic beverages, their attitude to the development of alcoholism, and anti-alcohol policy measures taken by the state.*

Key words: *alcoholism, prevalence and consumption of alcoholic beverages, anti-alcohol policy.*

Information about the authors

Vikhrova Margarita A. (Russia, Veliky Novgorod) – 3rd year student of the direction 06.03.01. Biology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (ul. B. St. Petersburgskaya, 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia; cool.selena45@gmail.com).

Gladkikh Svetlana N. (Russia, Veliky Novgorod) – Ph.D., associate professor of the Department of Ecology and Environmental Management, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (ul. B. St. Petersburgskaya, 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia; Svetlana.Gladkikh@novsu.ru).

Sevostyanova Natalya N. (Russia, Veliky Novgorod) – Doctor of Biological Sciences, Professor, Department of Biology, Biochemistry and Biotechnology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (ul. B. St. Petersburgskaya, 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia; snn79@yandex.ru).

References

1. Morbidity of the population with alcoholism and alcoholic psychoses / Rosstat / data for 28.11.2019 [Electronic resource] https://www.gks.ru/folder/13721
2. The concept of state policy to reduce alcohol abuse and prevent alcohol abuse among the population of the Russian Federation for the period until 2020 [Electronic resource] http://www.fsrar.ru/policy_of_sobriety/koncepcia
3. "National rating of sobriety of subjects of the Russian Federation - 2019" / "Sober Russia" [Electronic resource] http://www.trezvros.ru/calendar/874
4. Rating of Russian regions by quality of life - 2019 - RIA Novosti [Electronic resource] https://ria.ru/20200217/1564483827.html
5. The number of deaths due to death / Rosstat / data for 17.12.2019 [Electronic resource] https://www.gks.ru/folder/12781

УДК 316.614-053.9:[316.77+004.77+374.7:004]

Воронина С.Н.

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

***Аннотация**. В статье раскрывается важность медиаграмотности для людей пожилого возраста. Рассматривается влияние медиа на социализацию пожилых людей. Анализируются данные социологических исследований в области средств массовой информации. Приводятся наиболее популярные источники информации у пожилых людей Республики Беларусь, частота пользования Интернетом и др.*

***Ключевые слова:** медиаграмотность, средства массовой информации, медиабезопасноть, люди третьего возраста, медиаобразование, посттрудовая социализация.*

В социальной структуре европейских стран продолжает увеличиваться доля людей старшего поколения. Естественный прирост населения в развитых странах продолжает падать. Это побуждает научный мир обратиться к проблемам социализации людей на завершающем этапе жизненного пути.

В традиционном обществе люди старшего возраста – хранители духовного, социокультурного опыта народа, их миссия – передача этого опыта другим поколениям. Однако в постиндустриальном, информационном обществе смена парадигм осуществляется настолько быстро, что новые требования, предъявляемые и другими социальными институтами, идут вразрез с установками и правилами поведения, выработанными в ходе социализации этих людей на предыдущих ее этапах. Поэтому функция передачи опыта, необходимого для комфортного существования в обществе, переходит от старшего поколения, наоборот, к младшему. В силу этих причин в обществе складывается стереотип восприятия поколения пожилых людей, которые не способны в полную силу участвовать в трудовой деятельности, активно вступать в общественные отношения с другими социальными слоями общества и его социальными институтами и влиять на ход развития общественных процессов. Людям пожилого возраста необходима так называемая третья социализация (первая – адаптация молодежи в обществе, вторая – трудовая, профессиональная социализация).

И именно здесь одним из важнейших навыков становится медиаграмотность.

«Медиаграмотность (media literacy) – процесс подготовки медиаграмотного человека, обладающего развитой способностью к восприятию, созданию, анализу, оценке медиатекстов, к пониманию социокультурного и политического контекста функционирования медиа в современном мире, кодовых и репрезентационных систем, используемых медиа; жизнь такого человека в обществе и мире связана с гражданской ответственностью» [International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2001, p. 9494].

Медиаграмотный человек обладает развитой способностью к восприятию, анализу, оценке и созданию медиатекстов, к пониманию социокультурного и политического контекста функционирования медиа в современном мире, кодовых и репрезентационных систем, используемых медиа [4, с. 7].

Возрастные границы людей третьего возраста (подразумевается период свободной и активной жизни, открывающийся с выходом на пенсию) в современной науке устанавливаются достаточно условно. В соответствии с возрастной классификацией, разработанной Всемирной организацией здравоохранения, лица третьего возраста делятся на 3 возрастные группы:

- пожилые мужчины (60–74);
- старые (75–84);
- долгожители (85 лет и старше).

В геронтологии границы третьего возраста определены с 60 до 74 лет [1].

В нашем исследовании под людьми третьего возраста понимаются люди старше 60 лет.

По данным ежегодного мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси (2018г.), 88,9% людей старше 60 лет получают информацию из СМИ (телевидение, пресса, радио, Интернет), таким образом ежедневно испытывают влияние медиа[1].

Рассмотрим более подробно популярность источников информации в зависимости от возраста.

Наибольшей популярностью у возрастной группы 16–29 лет пользуются интернет-источники (92,3%), у группы 30–49 лет – интернет-источники (74,6%) и телевидение (68,1%), а люди в возрасте 50+ чаще получают информацию посредством телевидения (87,9%) [3, с. 101].

Также важно оценить уровень доверия людей пожилого возраста различным источникам информации *(таблица)*.

Уровень доверия пожилых людей в РБ источникам информации

Источники информации	Доверяют, %
Белорусские телеканалы	**42,1%**
Российские телеканалы	**34,1%**
Зарубежные телеканалы	5,2%
Государственные печатные издания (газеты, журналы)	**31,6%**
Негосударственные печатные издания (газеты, журналы)	9,0%
Белорусское радио	**22,6%**
Российское радио	12,3%
Зарубежное радио	2,3%
Белорусские новостные интернет-порталы, сайты	3,3%
Российские новостные интернет-порталы, сайты	2,7%
Зарубежные новостные интернет-порталы, сайты	2,2%
Белорусские информационные интернет-порталы, сайты широкой тематики	3,6%
Российские информационные интернет-порталы, сайты широкой тематики	3,8%
Зарубежные информационные интернет-порталы, сайты широкой тематики	2,2%
Социальные сети	3,4%
Блоги, форумы в Интернете	1,8%
Интернет-месенджеры (Viber, Skype и др.)	5,6%

Источник: Ежегодный мониторинг Института социологии НАН Беларуси в 2018 г., проведенный по республиканской выборке, репрезентативный по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта (N=2103, в возрасте 60 и старше – 461 человек).

Как мы видим из таблицы, наибольшим доверием у пожилых людей пользуются белорусские и российские телеканалы, государственные печатные издания, а также белорусское радио. Менее всего пожилые люди доверяют блогам и форумам в Интернете, зарубежным источникам информации.

[1] Ежегодный мониторинг Института социологии НАН Беларуси в 2018 г., проведенный по республиканской выборке, репрезентативный по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта (N=2103).

По данным ежегодного мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси (2019 г., N=1183)[2], 20,2% людей старше 60 лет пользуются Интернетом практически ежедневно. Основными целями использования интернета являются:

- общение с родственниками, друзьями, знакомыми **(71,1%)**;
- отслеживают новости в стране и мире **(55,6%);**
- ищут информацию, расширяют кругозор **(45,2%);**
- слушают музыку, смотрят фильмы (40%).

Необходимо отметить, что 10,6% людей пожилого возраста сталкивались с проблемой защиты личной информации в Интернете. Это говорит не только о важности медиаграмотности, но и необходимости обеспечения медиабезопасности.

Пожилые люди часто испытывают растерянность или страх перед новыми медиа. При этом возрастает угроза безопасности личных данных пользователей. Это объясняется некомпетентностью пользователей старшего возраста.

Исследователи уделяют старшему поколению меньше внимания. Хотя пожилых людей можно считать менее медиаграмотными, это наиболее информационно уязвимая группа, их медиабезопасность находится под угрозой. Поэтому первоочередной задачей медиаобразования должно стать повышение медиаграмотности и медиабезопасности всех групп населения, в частности пожилых людей.

Подводя итоги, следует отметить, что медиаобразование и владение медиатехнологиями позволяют гармонизировать взаимоотношения пожилых людей с современным обществом. При помощи информационной адаптации пожилые люди преодолевают одиночество, отсталость от современной жизни, чувство отчужденности. Продолжая играть важную роль в жизни социума, пожилые люди за счет информативной активности чувствуют себя более востребованными, ощущают эмоциональный подъем и улучшение социального самочувствия. Это можно объяснить тем, что люди с развитой информационной культурой могут лучше ориентироваться в разных сферах жизнедеятельности [2].

Медиаобразование пожилых людей должно заключаться не только в подготовке их к жизни в информационном мире, но и в их адаптации к коммуникативно-информационному пространству, в знакомстве со способами невербальной коммуникации при помощи технических средств. Такая форма грамотности необходима для обеспечения возможности участия пожилого человека в культурной и общественной жизни современного общества.

Библиографический список

1. Белов С. В., Кашицын А.С. Теоретические основы процесса формирования информационно-медийной грамотности людей третьего возраста // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Том 5. №4. Режим доступа: http://mir-nauki.com/PDF/16PDMN417.pdf
2. Белов С.В. Интернет-среда как средство формирования информационно-медийной грамотности у людей третьего возраста // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». 2017. №2(3). Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/internet-sreda_kak_sredstvo_formirovaniya.
3. Кармызова Д.Д. Возрастные особенности использования интернет-ресурсов для коммуникации // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: материалы межд. науч.-практ. конф., г. Минск, 14-15

[2] Ежегодный мониторинг Института социологии НАН Беларуси в 2018 г., проведенный по республиканской выборке, репрезентативный по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта (N=1183).

ноября 2019 г. / редколлегия: Коршунов Г.П. (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. Минск: СтройМедиаПроект, 2019. С. 100-102.
4. Федоров А.В. Медиаобразование: история и теория. М.: Информация для всех, 2015. 450 с.

Информация об авторе

Воронина Снежана Николаевна (Республика Беларусь, Минск) – магистр экономики, младший научный сотрудник, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (220072, Республика Беларусь, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; snevoron@gmail.com).

Voronina S. N.

MEDIA LITERACY AS ONE OF THE CONDITIONS FOR SOCIALIZATION OF OLDER PEOPLE IN A DIGITAL SOCIETY

Abstract. *The article reveals the importance of media literacy for the elderly. The influence of media on the socialization of older people is considered. The article analyzes the data of sociological research in the field of mass media. Are the most popular sources of information in the elderly RB, the frequency of Internet use etc.*

Key words: *media literacy, mass media, media security, people of the third age, media education, post-labor socialization.*

Information about the author

Voronina Sniazhana N. (Republic Of Belarus, Minsk) – junior Researcher, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganova str., 1, building 2; snevoron@gmail.com).

References

1. Belov, S. V. Theoretical foundations of the process of formation of information and media literacy of people of the third age / S. V. Belov, A. S. Kashitsyn // Internet journal “World of science”. 2017. Vol. 5. № 4. Access mode: http://mir-nauki.com/PDF/16PDMN417.pdf
2. Belov, S. V. Internet environment as a means of forming information and media literacy in people of the third age / S. V. Belov // Electronic scientific journal “Homo Cyberus”. 2017. № 2(3). [Electronic resource]. Access mode: http://journal.homocyberus.ru/internet-sreda_kak_sredstvo_formirovaniya.
3. Karmyzova, D. D. Age-related features of using Internet resources for communication / D. D. Karmyzova / / Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects: materials of the conference. science.- practice. Conf., Minsk, November 14-15, 2019 / ed. Col.: Korshunov G. P. (chief editor) [et al.]; NAS of Belarus, Institute of sociology of the NAS of Belarus. – Minsk: Strimagepath, 2019. Pp. 100-102.
4. Fedorov, A.V. media Education: history and theory / A.V. Fedorov / M.: Moo “Information for all”, 2015. 450 c.

УДК 316.346.2

Ефанова О.А.

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ПОВСЕДНЕВНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ

***Аннотация**. Статья посвящена роли повседневной жизнедеятельности людей в формировании экологической обстановки в регионе и влиянию гендерного порядка на повседневное экологическое поведение. Основываясь на результатах социологического опроса населения Республики Карелия в возрасте 18 лет и старше, автор приходит к выводу, что зафиксированная в опросе большая экологическая активность женщин во многом обусловлена сохраняющейся гендерной ассиметрией в распределении домашнего труда и воспитании детей, вследствие чего женщины значительно чаще соприкасаются с экологическими последствиями повседневной жизнедеятельности.*

***Ключевые слова:** экология, гендерные отношения, распределение домашнего труда, гендерная ассиметрия, повседневное экологическое поведение.*

XXI век отмечен стремительными и беспрецедентными изменениями в состоянии нашей планеты. Проанализировав сложившуюся ситуацию, учение пришли к выводу, что растущее потребление и связанная с ним повышенная потребность в энергии, земле и воде неуклонно приближают наступление новой геологической эпохи А.С. – антропоцена, для которой характерно преобладающее влияние на планету одного вида – Homo sapiens.

За последние 50 лет экологический след, оставляемый человечеством на теле планеты (показатель потребления человеком природных ресурсов), увеличился примерно на 190% [1, с.10]. Степень ущерба, наносимого людьми окружающей среде, свидетельствует о том, что существующие стандартные подходы к экологической проблематике больше не эффективны. Это во многом обусловлено тем, что совершенствование технологий, создание комфортных условий существования человека и чрезмерное потребление, характерное для наиболее развитых стран, привело к смещению вектора экологических проблем в сферу повседневной жизнедеятельности людей за счет значительного увеличения количества автомобилей, бытовой техники, что резко повышает потребление электроэнергии, бытовой химии, в разы увеличивает количество бытового мусора.

Принимая во внимание отмеченное обстоятельство, российские ученые из ИСЭПН РАН (ныне ФНИСЦ РАН) и Карельского научного центра ИЭ РАН при поддержке шведских коллег в 2016–2018 годах осуществили проект «Экология и гендер», целью которого было исследование повседневных практик населения республики в экологической сфере. Объем выборки составил 1000 респондентов в 2016 году, 800 респондентов в 2017 году и 900 респондентов в 2018-м. Это одно из первых комплексных исследований, посвященных гендерным аспектам повседневного экологического поведения. Использование гендерного подхода позволяет в данном случае более глубоко проанализировать не только индивидуальные экологические предпочтения, но и выявить их гендерную обусловленность, поскольку существующий гендерный порядок во многом определяет характер повседневных практик.

Данные опроса 2018 года подтверждают перелом, произошедший в гендерном сознании россиян, отмечаемый ведущими российскими социологическими службами, такими как ВЦИОМ и Левада-Центр. Это проявляется прежде всего в трактовке гендерных ролей мужчин и женщин в семье. Подавляющее число респондентов вы-

сказались за эгалитарные гендерные отношения в семье, основанные на равенстве и взаимопонимании *(табл. 1, 2)*.

Вместе с тем данные таблиц свидетельствуют о том, что эгалитарные установки получили более широкое распространение у женщин.

Таблица 1. Мнение мужчин и женщин о роли женщины в отношении мужчины в семье

Мнение	Мужчины	Женщины	Всего
Мужчина должен быть главой семьи, он должен управлять женщиной и контролировать ее. Иначе семья не сохранится.	**32,2**	**7,9**	18,5
Мужчина должен интересоваться потребностями женщины, понимать ее, заботиться о ней, достигать взаимопонимания. Иначе семья не сохранится	66,2	90,7	80,1
Другое	1,5	1,4	1,5

Таблица 2. Мнение мужчин и женщин о роли мужчины в отношении женщины в семье

Мнение	Мужчины	Женщины	Всего
Женщина должна подчиняться, слушаться мужчину и служить ему. Иначе семья не сохранится	**16,5**	**4,2**	9,5
Женщина должна интересоваться потребностями мужчины, понимать его, заботиться о нем, жить вместе на основе взаимопонимания. Иначе семья не сохранится	82,0	94,9	89,3
Другое	1,5	1,0	1,2

Как видно из данных таблицы 1, доля мужчин с преобладающими традиционалистскими установками относительно роли мужчин в семье составляет треть выборочной совокупности и в 4 раза превышает долю сторонниц такой гендерной установки среди женщин. Обращает на себя внимание, что доля мужчин, придерживающихся традиционалистских взглядов на роль женщины в семье, в два раза меньше, чем доля сторонников сохранения за мужчиной статуса главы семьи, но и здесь женщин, разделяющих такие установки относительно гендерной роли женщины в семье, в 4 раза меньше.

Данные опроса показывают, что преобладающие эгалитарные установки реализуются в ряде аспектов повседневного поведения. Речь идет прежде всего о равноправии в принятии таких стратегически важных для жизнедеятельности семье решений, как распределение финансов *(рис. 1)*.

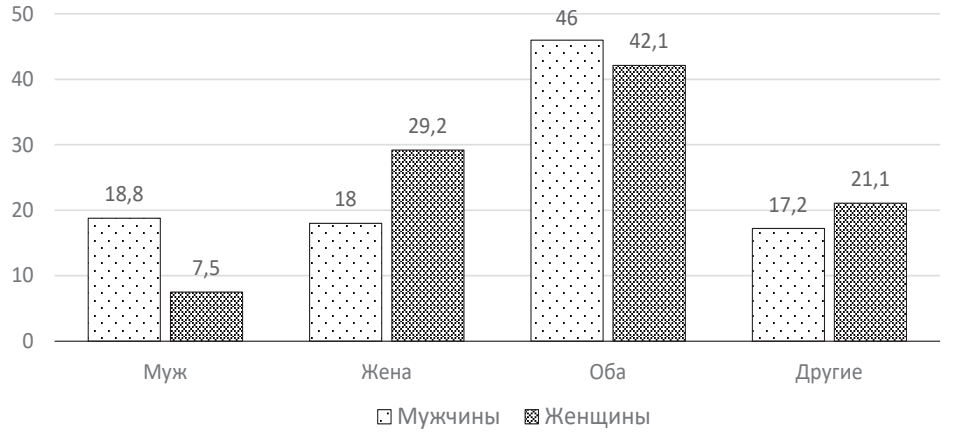


Рис. 1. Рост эгалитарных отношений в повседневном поведении

Вместе с тем результаты опроса фиксируют устойчиво сохраняющуюся гендерную ассиметрию в распределении таких рутинных форм домашнего труда, как стирка, уборка, покупка продуктов, вынос мусора. Среди «типично женских» дел лидирует стирка. О том, что она лежит главным образом на женских плечах, заявили 96,6% женщин и 79,3% мужчин. Вынос мусора, напротив, является преимущественно «мужской» обязанностью. Об этом заявили почти треть респондентов (62,3%), но подтвердили такое распределение обязанностей по выносу мусора только 38,6% женщин, среди которых 36,6% занимаются этим сами. Такая загруженность женщин бытовыми делами приводит к тому, что они значительно чаще, чем мужчины, непосредственно сталкиваются с экологическими последствиями повседневной жизнедеятельности. Это не в последнюю очередь влияет на зафиксированную в ходе опросов большую экологическую активность женщин.

В то же время данные исследования свидетельствуют о том, что большинство опрошенных, как среди мужчин, так и среди женщин, воспринимают эти рудименты традиционалистского гендерного порядка как устоявшуюся норму, о чем свидетельствует удовлетворенность большинства и мужчин, и женщин сложившимся гендерным порядком *(рис. 2)*.

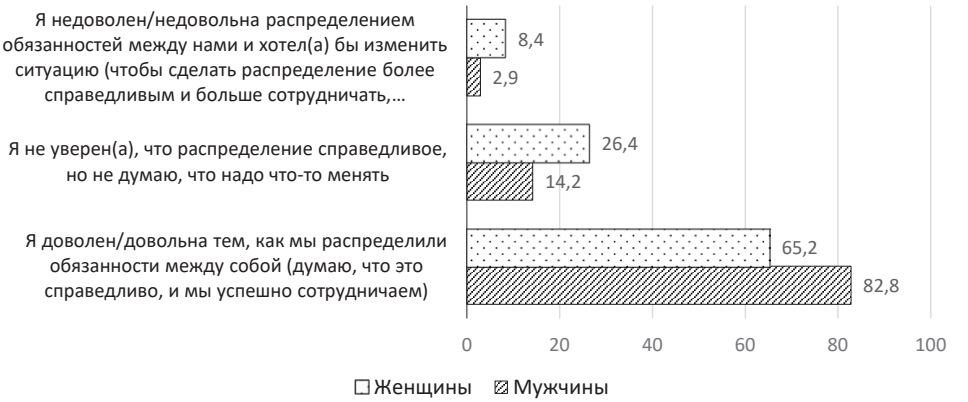


Рис. 2. Удовлетворенность мужчин и женщин распределением обязанностей по ведению домашнего хозяйства, уходу за детьми и выполнению домашней работы

Приведенный рисунок показывает, что существующее распределение обязанностей в большей мере устраивает мужчин, но решительно настроены на изменение ситуации только 8,4% женщин. Такое отношение к гендерной ассиметрии в распределении повседневных обязанностей является фактором, существенно сдерживающим утверждение эгалитарных гендерных отношений в семье, что, в свою очередь, препятствует более активному формированию у мужчин ответственного экологического поведения.

Выявленная взаимосвязь гендерного порядка и повседневного экологического поведения проявляется в уровне экологической активности мужчин и женщин, зафиксированной в ответах на вопрос: «Как часто Вы проявляете заботу о природе?». Половина опрошенных женщин (49,0%) часто заботятся о природе, тогда как среди мужчин почти столько же (43,0%) проявляют такую заботу лишь иногда, а каждый тринадцатый из опрошенных никогда этого не делает, в то время, как среди женщин равнодушных к природе всего 4,1% *(рис. 3)*.

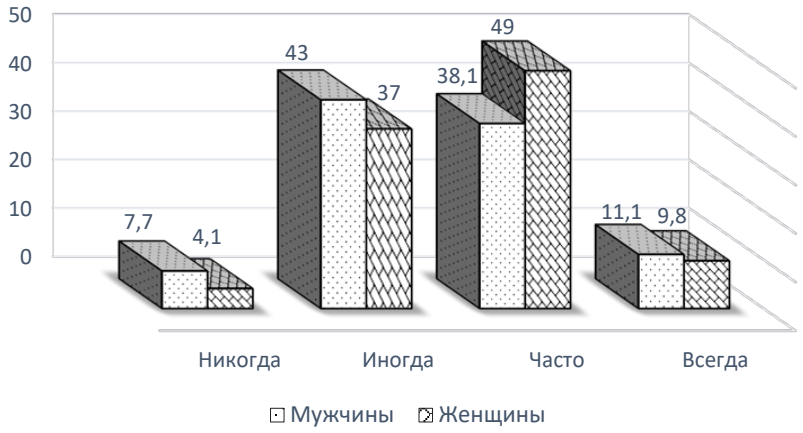


Рис. 3. Экологическая активность мужчин и женщин

Изменения представлений о гендерных ролях мужчин и женщин сказывается в представлении о поведении, в том числе экологическом, «настоящих мужчин». Так, большинство опрошенных (70,9%) не согласились с утверждением, что настоящий мужчина не должен заботиться об экологически здоровом питании *(табл. 2)*.

Таблица 2. Мнение мужчин и женщин о том, должен ли настоящий мужчина или не должен заботиться об экологически здоровом питании

В какой степени Вы согласны с тем, что настоящие мужчины не должны заботиться об экологически здоровом питании?	Мужчины	Женщины	Всего
Совершенно не согласен/ согласна	30,3	38,4	34,9
Скорее не согласен/ согласна	38,3	34,3	36,0
И да и нет	10,3	10,8	10,6
Скорее согласен/согласна	**8,7**	**9,3**	9,0
Полностью согласен/согласна	**12,3**	**7,3**	9,5

Однако, как видно из данных таблицы, довольно значительная часть опрошенных (1/5 от числа мужчин и 16,6% женщин) разделяют представление о «настоящем мужчине» как о брутальном самце, которому чужда забота об экологически здоровом питании. При этом следует отметить, что на мнение о вреде используемой в быту химии традиционное представление о «настоящем мужчине» не распространяется (*табл. 3*).

Таблица 3. Мнение мужчин и женщин о том, должен ли настоящий мужчина или не должен переживать об экологически здоровом питании

Вариант ответа	Мужчины	Женщины	Всего
Совершенно не согласен/ согласна	34,7	40,9	38,2
Скорее не согласен/ согласна	32,6	30,5	31,4
И да и нет	19,5	15,6	17,3
Скорее согласен/согласна	8,7	7,5	8,0
Полностью согласен/согласна	4,4	5,5	5,0

Более ответственное экологическое поведение женщин подтверждается их самооценкой личного участия в экологических мероприятиях *(табл. 4)*.

Таблица 4. Оценка мужчинами и женщинами личного участия в экологических мероприятиях

Оценка	Мужчины	Женщины	Всего
Очень низко	*9,2*	8,9	9,0
Низко	*25,6*	19,4	22,1
Удовлетворительно	35,6	36,2	35,9
Хорошо	16,4	*25,3*	21,4
Отлично	13,1	*10,3*	11,5

Как показывают данные таблицы, более трети женщин оценили свое личное участие в мероприятиях по озеленению, уборке своего двора, зон отдыха и т.д. на «хорошо» и «отлично», тогда как среди мужчин доля давших такую оценку личному участию меньше (29,5%). Обратная картина наблюдается в отношении отрицательной оценки личного участия в экологических мероприятиях. Более трети мужчин дали отрицательную оценку (низко и очень низко) своему личному участию в экологических мероприятиях, тогда как доля женщин, давших такую самооценку своей экологической активности, ниже (28,3%).

Таким образом анализ данных о гендерной обусловленности повседневного экологического поведения населения Республики Карелия позволяет сделать следующие выводы.

1. Рост эгалитарных убеждений не в полной мере воплощается в реальной практике семей.

2. Высокая степень удовлетворенности мужчин и женщин сложившимся гендерным порядком тормозит развитие реальных эгалитарных гендерных отношений, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на экологической активности мужчин.

3. Сохраняющаяся гендерная ассиметрия в распределении рутинной домашней работы препятствует более активному формированию экологически ответственного поведения мужчин.

Библиографический список

1. Доклад WWF «Живая планета 2018 Стремимся к большему». Краткое изложение. // Сайт wwf.ru (дата обращения: 1.03.2020).

Информация об авторе

Ефанова Ольга Алексеевна (Россия, Москва) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории гендерных исследований, Институт социально-экономических проблем народонаселения обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (17218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; info@isesp-ras.ru).

Efanova O. A.

THE GENDER DIMENSION OF NEW SOCIAL NORMS IN EVERYDAY ENVIRONMENTAL BEHAVIOR

Abstract. *The article is devoted to the role of everyday life of people in shaping the environmental situation in the region and the impact of gender order on everyday environmental behavior. Based on the results of a sociological survey of the population of the Republic of Karelia at the age of 18*

years and older, the author comes to the conclusion that the large environmental activity of women recorded in the survey is largely due to the persistent gender asymmetry in the distribution of domestic work and child rearing, as a result of which women are much more likely to come into contact with environmental consequences of daily life.

Key words: *ecology, gender relations, distribution of domestic work, gender asymmetry, everyday environmental behavior.*

Information about the author

Efanova Olga A. (Russia, Moscow) – Ph.D., senior researcher at the Laboratory for Gender Studies of the Institute of Socio-Economic Population Problems of a separate unit of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (17218, Moscow, Nakhimovsky Prospect, 32; info@isesp-ras.ru).

References

1. WWF Live Planet 2018 Striving for More. Summary. / Site wwf.ru (Date accessed 1.03.2020.

УДК 331.44 / ББК 65.240

Ивановская А.Л.

КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА[1]

***Аннотация**. Повышение качества трудовой жизни – главная задача, связанная с сохранением и эффективной реализацией трудового потенциала. Эффективность деятельности предприятия, региона или страны будет зависеть от того, насколько созданные условия труда обеспечивают полную реализацию трудового потенциала, а также физиологического, профессионального, творческого потенциалов занятого населения. В данном исследовании на основании социологического опроса были выделены основные компоненты качества трудовой жизни, состояние которых в данный момент, по мнению трудящихся, мешает эффективно реализовать их трудовой потенциал.*

***Ключевые слова:** трудовая деятельность, качество трудовой жизни, трудовой потенциал, удовлетворенность трудом.*

В современных рыночных условиях фактором повышения эффективности производства, роста благосостояния населения и появления экономических преимуществ у тех или иных хозяйствующих субъектов выступает трудовой потенциал занятого населения. Так как реализация трудового потенциала происходит во время трудовой деятельности, уровень производительности труда занятого населения во многом будет определяться качеством их трудовой жизни. Данное обстоятельство объясняет актуальность оценки результатов трудовой деятельности занятого населения и качества трудовой жизни, а также же их зависимость.

Потребности общества в выявлении резервов экономического роста, которые заключены в трудовых ресурсах, привели к появлению в научной литературе в 80-х годах XX века термина «трудовой потенциал».

По мнению Н.Л. Кунельского, «трудовой потенциал включает всех граждан, способных участвовать в процессе общественного производства с учетом их физических возможностей, знаний и профессионально-квалификационных навыков» [6]. При этом Л.С. Дегтярь считает, что разграничивать понятия «трудовые ресурсы» и «трудовой потенциал» нет необходимости [2]. Г.П. Сергеева и Л.С. Чижова отмечают, что «трудовой потенциал – ресурсы труда, которыми располагает общество». И.С. Волохин рассматривает его как совокупность ресурсов труда, состоящих из множества взаимосвязанных элементов [1].

Главным отличием трудовых ресурсов от других видов ресурсов является тот факт, что при вовлечении их в общественное производство они не только не утрачивают свои полезные свойства, но и могут накапливать их. Величина трудового потенциала также не остается неизменной. Повышение качества жизни, в том числе качества трудовой жизни, способствует развитию и совершенствованию навыков и знаний занятого населения, увеличивает его трудоспособность и производительность, что в конечном счете ведет к экономическому росту региона, страны.

Ни в зарубежной, ни в отечественной науке не сложилось единого определения понятия «качество трудовой жизни» [5]. П.В. Журавлев и С.А. Карташов под качеством трудовой жизни понимают степень удовлетворения важных личных потреб-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90047 «Разработка методологических подходов и методического инструментария анализа и оценки качества трудовой жизни занятого населения региона» (конкурс «АСПИРАНТЫ»).

ностей работника через деятельность организации [4]. По мнению А.П. Егорошина, «качество трудовой жизни — это интегральный показатель, всесторонне характеризующий экономическое развитие общества, уровень материального, медико-экологического и духовного благосостояния человека» [3].

Трудовой потенциал заключен в человеке, а успех реализации трудового потенциала зависит не только от его личностных качеств, но и от того, насколько условия, характер труда и другие компоненты качества трудовой жизни направлены на эффективное использование потенциала работника.

Качество трудовой жизни может оцениваться как на основе данных Федеральной службы государственной статистики, так и на основе социологических опросов населения. Субъективная оценка качества трудовой жизни заключается в определении того, насколько работники удовлетворены различными аспектами в сфере труда. Согласно результатам Европейского социального исследования удовлетворенность трудом происходит за счет таких факторов, как профессиональная принадлежность, уровень образования, уровень дохода, состояние здоровья, содержание труда и т. п.

В исследовании использованы результаты социологического опроса занятого населения Вологодской области, проведенного ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН) в 2018 году. Выборка составила 1500 человек (тип выборки: квотная по полу и возрасту). Опрос проведен в городах Вологде и Череповце и в восьми районах Вологодской области: Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском.

В *таблице* приведено распределение ответов на вопрос о том, насколько респонденты удовлетворены отдельными аспектами трудовой деятельности.

Ответ на вопрос: «Удовлетворены ли Вы лично следующими сторонами трудовой жизни?» (% от общего числа ответов)

Варианты ответов	Размером оплаты труда	Полнотой социального пакета (предоставление базовых и дополнительных социальных гарантий)	Санитарно-гигиенической обстановкой и безопасностью труда	Содержанием своей работы	Психологической обстановкой в коллективе	Возможностями карьерного роста	Возможностью сочетать трудовые и семейные обязанности
Удовлетворен(а)	36,6	42,3	38,5	52,5	57,9	38,0	45,6
Не могу сказать удовлетворен(а) или нет	33,8	34,7	33,3	32,2	31,2	38,6	37,3
Не удовлетворен(а)	29,6	23,0	28,2	15,3	10,9	23,4	17,1

Источник: Результаты социологического опроса «Мониторинг качества трудового потенциала» (ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 год).

Нетрудно заметить, что респонденты наиболее не удовлетворены заработной платой, санитарно-гигиенической обстановкой и безопасностью труда, возможностью карьерного роста. При этом более половины опрошенных удовлетворены содержанием своей работы и психологической обстановкой в коллективе.

Согласно опросу 11,4% респондентов считают, что за последние 12 месяцев их работа стала менее надежной, возникла угроза потерять ее; 16% респондентов были

вынуждены согласиться на уменьшение заработка, а 8,3% занятых перешли на сокращенное рабочее время во избежание потери рабочего места. Почти 76% опрошенных за последние 12 месяцев не повышали квалификацию. Это свидетельствует о проблемах качества трудовой жизни, возникающих в ситуации неустойчивой занятости, что грозит в дальнейшем полноценной трудовой деятельности работников и качественному выполнению своих функций.

Рассмотрим, а какие же компоненты качества трудовой жизни, по мнению респондентов, в данный момент мешают им эффективно реализовать трудовой потенциал *(рисунок)*.

Ответ на вопрос: «Как Вы думаете, что мешает Вам реализовать свой потенциал, качества и способности в трудовой деятельности?» (% от общего числа ответов)

Источник: Результаты социологического опроса «Мониторинг качества трудового потенциала» (ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 год).

Согласно исследованию наиболее значимыми причинами, мешающими успешной реализации трудового потенциала занятого населения, выступают низкая оплата труда (14,4%), отсутствие интереса к работе (12,5%), неэффективное стимулирование (10,9%). Отсутствие интереса к работе объясняется тем, что сегодня, зачастую, квалификация работника не соответствует выполняемой работе, выпускники учебных заведений идут на работу, никак не связанную с тем, что они учили. Менее чем у половины респондентов (41%) подготовка соответствует рабочим обязанностям, при этом, чтобы выполнять более квалифицированную работу, им необходимо подучиться. Почти треть респондентов (26,8%) могут выполнять и более квалифицированную работу, то есть на данный момент их трудовой потенциал используется частично.

Таким образом, исследование показало, что:

1. Повышение качества трудовой жизни – главная задача, связанная с сохранением и эффективной реализацией трудового потенциала. В настоящее время государственная статистика отмечает такие негативные тенденции, как низкая рождаемость, высокая смертность, заболеваемость и т.д., которые уменьшают совокупный трудовой потенциал. Исходя из этого, важно создать благоприятные условия рабочей среды, тем самым повысив качество трудовой жизни, чтобы не только сохранить имеющийся трудовой потенциал, но и использовать его максимально результативно.

2. Трудовой потенциал заключен в человеке, независимо от того, в какой сфере деятельности он трудится, а успех реализации трудового потенциала зависит не

только от личностных качеств человека, но и от того, насколько условия, характер труда и другие компоненты качества трудовой жизни направлены на формирование и использование потенциала работника.

3. Для устранения ситуации недоиспользования потенциала рабочей силы важно осуществлять прогноз потребностей экономики страны в специалистах разного уровня образования. С одной стороны, органам власти необходимо ориентировать учебные заведения в части понимания того, кого нужно готовить для экономики, с другой стороны, информировать абитуриентов о степени востребованности различных специальностей на рынке труда.

Библиографический список

1. Волохин И.С. Трудовой потенциал Таджикистана и пути повышения эффективности использования. Душанбе: Дониш, 1983. 132 с.
2. Дегтярь Л.С. Трудовой потенциал общества и социальная политика. М.: Наука, 1984. 159 с.
3. Егоршин А.П. Управление персоналом: учебник для вузов. Н.Новгород: НИМБ, 2001. 720 с.
4. Журавлев П.В., Карташов С.А. Персонал. Словарь понятий и определений. М.: Экзамен, 1999. 540 с.
5. Ивановская А.Л. Анализ и оценка качества трудовой жизни районов Вологодской области в 2017 году // Экономика и предпринимательство. 2019. № 4 (105). С. 552-557.
6. Рахматуллина Л. И. Воспроизводство трудовых ресурсов в сельском хозяйстве: диссертация … кандидата экономических наук: 08.00.05. Оренбург, 2017. 212 с.

Информация об авторе

Ивановская Алена Леонидовна (Россия, Вологда) – аспирант 3 курса, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; volnc@ya.ru).

Ivanovskaya A.L.

QUALITY OF WORKING LIFE AS A FACTOR REALIZATION OF LABOUR POTENTIAL

Abstract. *Improving the quality of working life is the main task related to the preservation and effective realization of working potential. The effectiveness of an enterprise, region or country will depend on the extent to which the working conditions created ensure the full realization of the labour potential, as well as the physiological, professional and creative capacities of the employed population. This study, based on a sociological survey, identified the main components of the quality of working life, the condition of which at the moment, according to the workers, prevents the effective realization of their working potential.*

Key words: *working life, quality of working life, working potential, satisfaction with work.*

Information about the author

Ivanovskaya Alena L. (Russia, Vologda) – postgraduate student 3 course, junior researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky Street, Vologda, 160014; volnc@ya.ru).

References

1. Volochin I.S. Labour potential of Tajikistan and ways to increase efficiency. Dushanbe: Dionish. 1983. P. 132.
2. Degtuar L.S. Labour potential of society and social policy. Moscow: Science. 1984. P. 159.
3. Egorshin A.P. Human resources management: Textbook for universities. N.Novgorod: NIMB. 2001. P. 720.
4. Juravlev P.V., Kartashov S.A. Personnel. Dictionary of Concepts and Definitions. M.: Examination. 1999. P. 540.
5. Ivanovskaya A.L. Analysis and evaluation of the quality of working life of the districts of Vologda region in 2017 // Economics and entrepreneurship. 2019. № 4 (105). Pp. 552-557.
6. Rahmatullina L.I. Reproduction of labor resources in agriculture: thesis... candidate of economic sciences: 08.00.05. Orenburg. 2017. P. 212.

УДК 316.354.351/354 ББК 60.561.1

Михайлов В.А., Михайлов С.В.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аннотация. *Оценивается состояние удовлетворенности населения Тверской области деятельностью многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ).*

Ключевые слова: *граждане, многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, органы власти, удовлетворенность.*

Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ, центр «Мои документы») – центр взаимодействия с органами власти и поставщиками массовых социально значимых услуг. В настоящее время российская сеть МФЦ насчитывает 13 тысяч офисов, 50 тысяч окон взаимодействия с заявителями, свыше 70 тысяч сотрудников, предоставляющих более 200 государственных и муниципальных услуг.

Основными функциями МФЦ являются:

- прием запросов заявителей о предоставлении государственных или муниципальных услуг;
- представление интересов заявителей при взаимодействии с государственными органами, органами местного самоуправления, а также с организациями, участвующими в предоставлении государственных и муниципальных услуг;
- представление интересов государственных органов, органов местного самоуправления при взаимодействии с заявителями;
- информирование заявителей о порядке предоставления государственных и муниципальных услуг в МФЦ, о ходе выполнения запросов о предоставлении госуслуг, а также по иным вопросам, связанным с предоставлением государственных и муниципальных услуг;
- взаимодействие с государственными органами и органами местного самоуправления по вопросам предоставления государственных и муниципальных услуг, а также с организациями, участвующими в предоставлении госуслуг;
- выдача заявителям документов по результатам предоставления государственных и муниципальных услуг, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации;
- прием, обработка информации из информационных систем государственных органов, органов местного самоуправления, а также выдача заявителям на основании такой информации документов, если иное не предусмотрено федеральным законом [1].

Процесс повышения качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг нуждается в мониторинговых исследованиях, которые являются важнейшим средством получения объективной информации о степени удовлетворенности населения качеством предоставления услуг.

Уже по состоянию на 1 января 2016 г. значение показателя охвата населения «одним окном» составляло более 94%. При этом по результатам ежегодного социо-

логического исследования (данные на июнь 2016 года) уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных слуг в России достиг 83,3%. Закономерен вопрос: а каков уровень удовлетворенности населения качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в конкретных регионах Российской Федерации, в частности в Тверской области?

Сеть МФЦ Тверской области насчитывает 33 отделения (из них 3 представлены в областном центре – г. Тверь). Офисы многофункциональных центров «Мои документы» территориально располагаются в каждом районном центре региона и суммарно обеспечивают доступность государственных и муниципальных услуг для чуть более 1,3 млн. человек населения Тверской области (в области, по данным Росстата, проживает около 1260345 человек).

В рамках проекта «Ежегодное социологическое исследование уровня удовлетворенности граждан качеством государственных и муниципальных услуг, предоставляемых органами государственной власти и местного самоуправления» (заказчик – Министерство экономического развития, которое проводит исследования во всех регионах России) в Тверской области было проведено широкомасштабное исследование, включавшее в себя ряд альтернативных способов сбора данных:

1. Проведение сбора эмпирической социологической информации методом включенного наблюдения в центрах «Мои документы» (не менее 10 визитов).

2. Проведение сбора эмпирической социологической информации методом контрольной закупки в центрах «Мои документы».

3. Проведение сбора эмпирической социологической информации методом «потребительского эксперимента» в центрах «Мои документы».

4. Проведение фокус-групповых интервью. Тематика фокус-групп соответствует видам услуг в центрах «Мои документы», которыми в предыдущем году пользователи были удовлетворены в меньшей степени.

5. Проведение исследования методом экспертной оценки общего состояния, дальнейших перспектив и направлений развития качества предоставляемых государственных и муниципальных услуг.

Были получены следующие результаты.

Обзвонено 30 многофункциональных центров Тверской области. Легенда – получение загранпаспорта.

Время ожидания во всех обзвоненных многофункциональных центрах расценено как комфортное (не превышает 1 минуты).

При снятии трубки менеджер приветствовал клиента согласно требованиям стандарта обслуживания только в трех МФЦ из 30-ти, ни в одном из обзвоненных МФЦ сотрудники не выявили цель звонка. Также ни в одном из МФЦ не проводилась переадресация звонков на компетентных специалистов.

Только в 14 МФЦ из 30-ти менеджеры обладают необходимыми знаниями и информацией о предоставляемых услугах.

Ни в одном из центров не было предложено посетить центр «Мои документы».

Ни в одном из обзвоненных центров менеджер не получил контактную информацию (телефон, e-mail).

Ни в одном из МФЦ не было предложено решения возникшего вопроса.

Только в двух из 30 МФЦ сотрудник выразил признательность за обращение в данную организацию и был настроен на дальнейшее сотрудничество.

Помимо функционального стандарта обслуживания изучался поведенческий стандарт, по результатам исследования которого получилась следующая картина:

в каждом МФЦ сотрудник, поднявший трубку, общался вежливо, не грубил, не фамильярничал. В 27-ми из 30 МФЦ сотрудники выражали желание помочь, задавали уточняющие вопросы, предлагали варианты решения ситуации. В 27-ми из 30 МФЦ сотрудники разговаривали грамотно, правильно строили предложения, произносили слова с правильной интонацией. В 27-ми из 30 МФЦ сотрудники использовали слова-паразиты (короче, ну вот и т.д.).

Можно сделать вывод: с одной стороны, ни один из МФЦ полностью не соответствует установленным стандартам обслуживания. Связано это с нехваткой профессиональных кадров и отсутствием института повышения квалификации сотрудников; с другой стороны, многие действия работники МФЦ не могут выполнить чисто технически (недостаточная оборудованность МФЦ).

В рамках исследования было проведено анкетирование среди посетителей многофункциональных центров г. Твери. Генеральную совокупность исследования составили граждане Российской Федерации, которые достигли 18-летнего возраста и за последние два года обращались в МФЦ.

Результаты данного исследования представлены ниже *(табл. 1, 2)*.

Таблица 1. В целом Вы удовлетворены качеством предоставления государственной услуги?

Варианты ответа	Количество анкет	% от общего кол-ва анкет
Да, удовлетворен	66	55
Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	8	7
Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	12	10
Нет, не удовлетворен	30	25
Затрудняюсь оценить	4	3
Всего	120	100

Таблица 2. Если Вы не удовлетворены качеством предоставления государственной услуги, что именно Вас не устраивает?

Варианты ответа	Количество ответов	% от общего количества ответов
Запутанная процедура оформления документов, нужно собирать много справок, заполнять много бланков	12	40
Долго приходится ждать решения о предоставлении услуги	6	20
Долго приходится ждать выдачи готовых документов	5	17
Отсутствие образцов для заполнения документов	5	17
Затрудняюсь ответить	2	6
Всего	30	100

Результаты проведенного экспертного опроса показали следующее.

Большинство экспертов избегали крайних оценок – никто не оценил деятельность МФЦ на «очень хорошо» и «очень плохо». Вместе с тем большинство указало, что качество предоставления государственных и муниципальных услуг немного повысилось, а некоторых услуг – «существенно повысилось».

Степень полноты распространяемой для граждан информации о возможностях и порядке получения услуг оценена на «3» из пяти баллов. Качество работы работников МФЦ – на «4» из пяти баллов.

Из проблем, с которыми, как правило, сталкиваются граждане при получении государственных и муниципальных услуг, большинством экспертов были выделе-

ны (по рангу «остроты» проблемы): необоснованный отказ в приеме документов, в предоставлении услуги; ошибки в конечном результате предоставления услуги; требование избыточных сведений и документов; сложность заполнения официальных форм (бланков); неудобный режим работы органа власти, предоставляющего услуги и т.д.

Наиболее важные проблемы, которые будут стоять в ближайшем будущем (ранжирование по «важности» проблемы): сокращение времени ожидания очереди, сокращение срока предоставления услуги, сокращение числа предоставляемых документов; упрощение заполнения запросов и др.

Итак, можно подвести некоторые итоги и сделать конкретные предложения.

Степень удовлетворенности граждан Тверской области качеством предоставления государственных услуг многофункциональными центрами равна 55%, что гораздо ниже тех показателей, на которые ссылаются соответствующие структуры. 40% граждан, не удовлетворенных качеством предоставления государственных услуг, отметили, что процедура оформления документов является запутанной, нужно собирать много документов и справок. 20% отметили долгие сроки решений по предоставлению услуг. 17 % указали на долгие сроки получения готовых документов и отсутствие образцов для заполнения документов.

Что касается удовлетворенности *комфортностью* получения услуги, то здесь показатели практически не разнятся с официальными показателями, даже показывают более высокие результаты. Связано это прежде всего с тем, что многие МФЦ действительно произвели кардинальные изменения условий деятельности, касающиеся комфортности своих помещений.

Система предоставления услуг остается достаточно сложной и громоздкой, требует дальнейшего сближения с нуждами людей. Например, процедуры предоставления услуг, которые поддаются формализации, необходимо выполнять в автоматическом режиме. Необходимо организовать формирование нового законодательства в сфере услуг, которое позволит часть существующих услуг преобразовать в функции органов власти, выполняемые без обращения гражданина.

Необходимо повысить качество подготовки и мотивацию персонала. Ориентация на клиента должна стать основой при проектировании новых пунктов и сервисов.

Библиографический список

1. Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг. Реж. дост.: http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/admReform/ mfc?WCM_Page.556a41804309ce5898fbbb1aee474279=9.

Информация об авторах

Михайлов Валерий Алексеевич (Россия, Тверь) – доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Тверской государственный университет (170000, Тверь, ул. Желябова, 33; Mikhaylov.VA@tversu.ru).

Михайлов Сергей Валерьвич (Россия, Тверь) – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение «Тверской государственный университет (170000, Тверь, ул. Желябова, 33; Mikhaylov.S.V@tversu.ru).

Mikhailov V.A., Mikhailov S.V.

SATISFACTION OF THE POPULATION OF THE TVER REGION WITH THE ACTIVITY OF MULTIFUNCTIONAL CENTERS PROVIDING STATE AND MUNICIPAL SERVICES

Abstract. *The state of satisfaction of the population of the Tver region with the activity of multifunctional centers for providing state and municipal services (MFC) is assessed.*

Key words: *citizens, multifunctional center for providing state and municipal services, authorities, satisfaction.*

Information about the authors

Mikhailov Valery A. (Russia, Tver) – doctor of philosophy, head. Department of sociology, Federal state budget institution "Tver state University (170000, Tver, street zheljabova, 33; Mikhaylov.VA@tversu.ru).

Mikhailov Sergey V. (Russia, Tver) – candidate of philosophy, associate Professor of sociology, Tver state University (170000, Tver, ul. Zhelyabova, 33; Mikhaylov.S.V@tversu.ru).

References

1. Multifunctional centers for providing state and municipal services (electronic document) //http://old.economy.gov.ru/minec/activity/sections/admReform/mfc?WCM_Page.556a41804309ce 5898 fbbb1aee474279=9.

УДК 330.59: 330.12: 330.163 / ББК 65.04

Мухачёва А.В., Пастухова Е.Я.

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

Аннотация. *Статья посвящена оценке объективного качества жизни населения региона экономико-статистическими методами на примере Кемеровской области. В анализе задействовано 25 показателей социально-экономического развития региона за 2003–2018 гг., проведена оценка динамики и корреляции показателей.*

Ключевые слова: *качество жизни, уровень экономического развития, регион, экономико-статистическая оценка, корреляционный анализ, кризисные явления.*

Качество жизни является важнейшим приоритетом государственного развития, условием и результатом формирования качественных трудовых ресурсов, реализации трудового потенциала населения. Под качеством жизни населения мы понимаем степень удовлетворения жизнеобеспечивающих, социальных и духовных потребностей человека [2]. В процессе труда человек удовлетворяет все виды потребностей: биологические (за счет потребления продовольственных и непродовольственных товаров, жилья, товаров длительного пользования), социальные (создавая устойчивые социальные связи с коллегами, приобретая за счет своих профессиональных качеств определенный статус в коллективе), духовные (путем самореализации, удовлетворения потребностей в познании, личностном и духовном росте). В связи с этим динамика ключевых показателей качества жизни населения оказывается тесно взаимосвязанной с уровнем реализации трудового потенциала граждан.

В целях анализа качества жизни населения Кемеровской области нами была изучена динамика 25 социально-экономических показателей Кемеровской области, открыто публикуемых статистическими службами: 16 показателей характеризуют качество жизни, 9 – уровень экономического развития и затраты на социальную сферу.

Аналитическая база охватывает период 16 лет (2003–2018 гг.) и включает последние из имеющихся данных федеральных и региональных органов статистики. Обработка данных производилась в программах SPSS (версия 19,0), Statistica, Ms Excell.

Все показатели качества жизни были разбиты на два блока в зависимости от того, рост или снижение их способствует улучшению качества жизни.

Среди показателей, рост которых положительно сказывается на качестве жизни, приняты следующие: естественный прирост (убыль) населения, промилле; ожидаемая продолжительность жизни, лет; миграционный прирост (убыль) на 10000 человек населения; реальные денежные доходы, руб.; численность врачей на 10000 населения; численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 чел. населения; число зрителей в профессиональных театрах на 1000 человек; охват детей дошкольными образовательными учреждениями, в процентах от численности детей соответствующего возраста [3].

В качестве показателей, снижение которых положительным образом сказывается на качестве жизни, рассмотрены следующие: отношение числа разводов на 1000

[1] Статья подготовлена при поддержке внутривузовского гранта ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

браков; масштаб бедности, %; коэффициент фондов; уровень безработицы, %; общая заболеваемость, %; коэффициент младенческой смертности; выбросы в атмосферу от стационарных источников, тонн на душу населения; число зарегистрированных преступлений, на 100 000 человек населения.

Разделение показателей на два блока в зависимости от того, рост или снижение их влияет на качество жизни населения, позволило применять к каждому из блоков специализированные формулы для стандартизации данных. Приведение данных к единой шкале (стандартизация) позволяет унифицировать размерность представленных значений показателей, обеспечить лучшую возможность их сопоставления, а также расчета интегрального показателя качества жизни с учетом того, что ряд индикаторов влияет на его повышение, а ряд – на снижение.

Согласно подходу, предложенному известным исследователем статистических закономерностей показателей качества жизни С.А. Айвазяном [1], для нормирования показателей был применен метод минимакса.

Для показателей, рост которых положительно влияет на качество жизни населения, использовалась формула:

$$X_j = \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} * \mathrm{N} \qquad (1),$$

где

X_j – нормированное значение;

X_i – исходное значение;

$X_{\max}, X_{\min}$ – максимальные и минимальные значения;

N – число наблюдений

В таком случае чем выше значение исходной переменной, тем выше ее значение по шкале нормированных значений.

Для показателей, снижение которых положительно влияет на качество жизни, применим другую формулу:

$$X_j = \frac{X_{\max} - X_i}{X_{\max} - X_{\min}} * \mathrm{N} \qquad (2),$$

где

X_j – нормированное значение;

X_i – исходное значение;

$X_{\max}, X_{\min}$ – максимальные и минимальные значения;

N – число наблюдений

Следовательно, чем выше исходное значение показателя, тем ниже будет его нормированное значение в новой шкале.

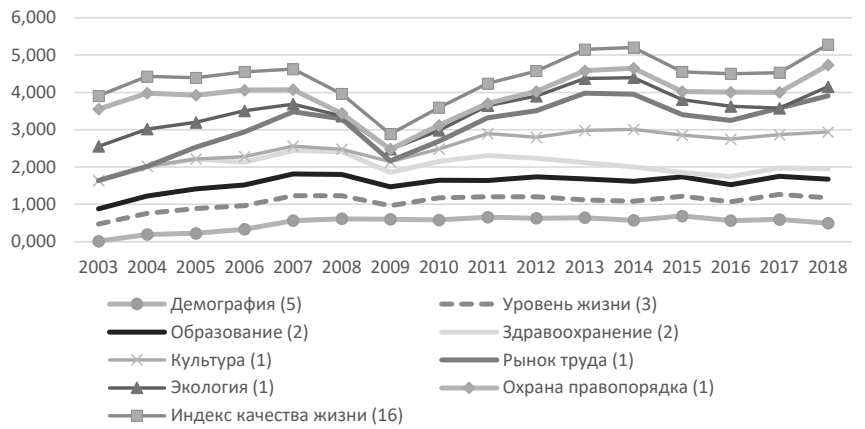
Далее авторами были рассчитаны значения интегрального показателя качества жизни как среднеарифметическое от нормированных значений всех социальных показателей, приведенных к сопоставимому виду.

Расчет интегральных значений по каждому блоку показателей качества жизни представлен в *таблице* (в скобках указано число показателей).

Интегральные показатели по отдельным блокам качества жизни

Год	Демография (5)	Уровень жизни (3)	Образование (2)	Здравоохранение (2)	Культура (1)	Рынок труда (1)	Экология (1)	Охрана правопорядка (1)	Индекс качества жизни (16)
2003	0,012	1,371	0,412	0,755	0,000	0,000	0,917	1,000	**0,355**
2004	0,192	1,710	0,463	0,779	0,015	0,000	1,000	0,964	**0,446**
2005	0,223	1,983	0,529	0,805	0,000	0,316	0,664	0,728	**0,467**
2006	0,333	1,899	0,554	0,608	0,152	0,658	0,569	0,556	**0,489**
2007	0,564	2,009	0,578	0,628	0,121	0,921	0,203	0,387	**0,555**
2008	0,616	1,848	0,566	0,618	0,061	0,816	0,075	0,074	**0,520**
2009	0,602	1,088	0,505	0,385	0,288	0,026	0,310	0,000	**0,406**
2010	0,585	1,779	0,472	0,503	0,333	0,211	0,287	0,137	**0,476**
2011	0,655	1,653	0,435	0,664	0,591	0,421	0,327	0,062	**0,533**
2012	0,631	1,725	0,532	0,500	0,561	0,711	0,392	0,126	**0,546**
2013	0,641	1,435	0,562	0,437	0,864	1,000	0,392	0,211	**0,569**
2014	0,574	1,539	0,533	0,387	1,000	0,947	0,442	0,251	**0,556**
2015	0,687	1,584	0,519	0,119	1,000	0,553	0,402	0,215	**0,529**
2016	0,567	1,500	0,459	0,222	1,000	0,500	0,378	0,380	**0,497**
2017	0,597	2,005	0,489	0,220	0,894	0,711	0,000	0,425	**0,527**
2018	0,496	2,033	0,500	0,279	0,985	0,974	0,241	0,580	**0,553**

Динамика интегральных показателей по блокам качества жизни отображена на *рисунке*.



Интегральные показатели по блокам качества жизни

Как видно из представленных данных, практически все показатели качества жизни по укрупненным блокам имеют схожую динамику: рост до 2007–2008 гг. сменяется резким снижением в 2009 году, после чего снова следует рост до 2013–2014 гг., некоторое снижение в 2015–2017 гг. и снова плавный рост в 2018 году. Указанная динамика не прослеживается только в отношении демографических показателей, которые демонстрировали плавный рост до 2013 года, затем перешли в некоторое колебание с 2014 года (периода введения экономических санкций) и

наметили тенденцию к снижению вплоть до 2018 года. Предполагается, что демографические показатели могут реагировать с некоторыми запозданием на общие социально-экономические процессы.

Следовательно, в динамике укрупненных показателей качества жизни наблюдается два кризисных периода: первый острый в 2009 году и второй сглаженный – в 2015–2017 гг. Данные периоды совпадают с границами экономических кризисов в России: мирового финансово-экономического кризиса 2008 года и менее явного (и не всеми признаваемого) санкционного кризиса 2014 года. Именно после этих периодов наблюдается видимое сокращение показателей качества жизни.

Наиболее явно очерчивают указанную динамику кризисных явлений в экономике такие блоки, как рынок труда (уровень безработицы), охрана правопорядка (число зарегистрированных преступлений), экология (выбросы в атмосферу), а также общий индекс качества жизни. В средней степени – показатели культуры, здравоохранения, образования, т.е. социальной сферы. Примечательно, что показатели здравоохранения стали ухудшаться уже с 2011 года (до 2014), что помимо кризисных явлений, вероятно, связано также с другими факторами.

Все это обусловливает высокую степень взаимосвязи показателей качества жизни и уровня экономического развития. Оценим данную зависимость с помощью математических методов. Прежде всего сформируем перечень показателей уровня экономического развития. В их число также был включен показатель затрат на социальную сферу (в относительном выражении) как потенциально значимый фактор влияния на качество жизни населения.

Нами были рассмотрены следующие показатели уровня экономического развития и затрат на социальную сферу: индекс физического объема ВРП на душу населения, % к пред. году; индекс промышленного производства, % к пред. году; число предприятий и организаций; число созданных передовых производственных технологий; удельный вес расходов на социально-культурные мероприятия в общем объеме расходов консолидированного бюджета, %; индекс физического объема инвестиций в основной капитал, % к пред. году; удельный вес убыточных предприятий, %; ВРП в сопоставимых ценах; инвестиции в основной капитал в сопоставимых ценах.

Для описания «тесноты» взаимосвязи количественных показателей в математическом анализе традиционно используют показатель корреляции, представляющий собой меру зависимости переменных, вероятностной или статистической. При вычислении корреляции Пирсона предполагается, что переменные измерены в количественном выражении, при этом коэффициенты корреляции изменяются в пределах от -1.00 до +1.00. Крайнее нижнее значение «-1,00» означает, что переменные имеют строгую отрицательную корреляцию, значение «+1,00» означает строгую положительную корреляцию, значение «0,00» означает отсутствие корреляции.

Корреляция Пирсона определяет степень, с которой значения двух переменных «пропорциональны» друг другу. Важно, что значение коэффициента корреляции не зависит от единиц измерения. Пропорциональность означает просто линейную зависимость. Корреляция высокая, если на графике зависимость можно представить прямой линией (с положительным или отрицательным углом наклона).

Рассмотрение синхронности изменения показателя качества жизни по отношению к экономическим показателям показало, что индекс качества жизни населения из экономических показателей связан с объемом ВРП в сопоставимых ценах

(коэффициент корреляции 0,63), инвестициями в основной капитал в сопоставимых ценах (0,75), удельным весом убыточных предприятий (-0,55).

Демографические показатели более положительно коррелируют с показателями ВРП и инвестициями в основной капитал в сопоставимых ценах (0,8; 0,64, соответственно), отрицательно – с индексом физического объема ВРП.

Показатели сферы здравоохранения напрямую коррелируют с индикаторами индекса физического объема ВРП (0,61), отрицательно – с показателями удельного веса расходов на социально-культурные мероприятия (-0,75).

Показатели сферы культуры положительно связаны с удельным весом расходов на социально-культурные мероприятия (0,92).

Показатели экологии улучшаются по мере роста удельного веса убыточных предприятий (0,76) и снижения ВРП в сопоставимых ценах. Видимо, в ухудшающихся экономических условиях предприятия меньше заботятся об экологии.

Показатели охраны правопорядка улучшаются по мере роста индекса физического объема ВРП (0,65), удельного веса убыточных предприятий (0,65), снижаются при росте экономических показателей в абсолютном выражении – ВРП и инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах (-0,84, -0,65, соответственно).

Не имеют значимых корреляций с другими индикаторами показатели уровня жизни, образования, рынка труда.

Выводы по результатам корреляционного анализа в большинстве своем логичны, но местами – противоречивы. Не все корреляции рационально обосновываются, что требует дополнительных исследований и, вероятно, связано с искажением данных в процессе стандартизации, переводом отрицательно влияющих на качество жизни показателей в обратную шкалу (по принципу «чем хуже, тем меньше значение») в целях расчета интегрального показателя.

Своевременная и достоверная оценка качества жизни, выявление взаимосвязи отдельных его компонент позволит повысить эффективность управления социально-экономическим развитие региона, а следовательно, – качество реализации трудового потенциала граждан.

Библиографический список

1. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения / ЦЭМИ РАН. М.: Наука, 2012.
2. Мухачёва А.В. Оценка влияния кризисных явлений на качество жизни населения (на примере регионов Сибирского федерального округа): автореферат дис. ... кандидата экономических наук / Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского. Кемерово, 2015.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Р32: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.

Информация об авторах

Мухачёва Анна Валентиновна (Россия, Кемерово) – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента им. И.П. Поварича, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6; rector@kemsu.ru, oblakkko@mail.ru).

Пастухова Елена Яковлевна (Россия, Кемерово) – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента им. И.П. Поварича, Федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6; rector@kemsu.ru, peau.13@yandex.ru).

Mukhacheva A.V., Pastukhova E.Ya.

ECONOMIC AND STATISTICAL ASSESSMENT OF LIFE QUALITY OF THE REGION POPULATION (ON THE EXAMPLE OF KEMEROVO REGION)

Abstract. *The article is devoted to assessing the objective quality of life of the region's population by economic and statistical methods on the example of the Kemerovo region. The analysis involved 25 indicators of the socio-economic development of the region for 2003-2018, an assessment of the dynamics and correlation of indicators.*

Key words: *quality of life, level of economic development, region, economic and statistical evaluation, correlation analysis, crisis phenomena.*

Information about the authors

Mukhacheva Anna V. (Russia, Kemerovo) – candidate of economic sciences, associate professor of the Povarich's Department of Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University" (650000, Kemerovo, Krasnaya St., 6, rector@kemsu.ru, oblakkko@mail.ru).

Pastukhova Elena Y. (Russia, Kemerovo) – candidate of economic sciences, associate professor of the Povarich's Department of Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University" (650000, Kemerovo, Krasnaya St., 6, rector@kemsu.ru, peau.13@yandex.ru).

References

1. Ayvazyan S.A. Analysis of the quality and lifestyle of the population // TsEMI RAS. M .: Nauka, 2012.
2. Mukhacheva A.V. Evaluation of the impact of crisis on the quality of life of the population (on the example of the regions of the Siberian Federal District) / abstract dis. ... candidate of economic sciences / Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. Kemerovo, 2015.
3. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2019: P32 Stat. Sat / Rosstat. M., 2019.1204 s.

УДК 316.334.56/ББК60.59

Нотман О.В.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В МЕГАПОЛИСЕ: ИНДИКАТОРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ[1]

***Аннотация**. В статье рассматриваются индикаторы измерения качества жизни, «привязанные» к специфике городской среды. Обосновывается важность учета оценок населения в выборе приоритетных направлений развития городской среды и совершенствования отдельных областей городской жизни.*

***Ключевые слова:** качество жизни, мегаполис, городская среда, жители, индикаторы социологического измерения.*

В современных реалиях конкурентные преимущества городов и возможности их инновационного роста не только зависят от наличия финансовых, технологических, информационных и иных ресурсов, но и в значительной степени определяются качеством жизни населения. Мегаполисы, как очень крупные по площади и численности населения города, становятся драйверами регионального развития за счет концентрации всевозможных ресурсов. Вместе с тем среда мегаполиса оказывает противоречивое влияние на человека и качество его жизни. С одной стороны, в мегаполисах, как правило, больше возможностей для реализации образовательных, культурных, досуговых потребностей населения. С другой стороны, острее ощущается комплекс негативных эффектов: перегруженность инфраструктуры, экологические и транспортные проблемы, социальное неравенство в доступности городских благ. Поэтому задача повышения качества жизни населения является на сегодняшний день одной из приоритетных в программах городского развития.

В научной литературе существует большое количество определений понятия «качество жизни» и индикаторов его измерения. Многообразие трактовок определяется как многокомпонентностью самой категории, так и предметным полем наук (экономики, психологии, социологии), исследующих качество жизни населения. Интерпретация качества жизни как экономического благосостояния, характерная для периода расцвета классических экономических концепций, признается сегодня большинством исследователей ограниченной. Эмпирические подтверждения отсутствия прямой зависимости между величиной ВВП и социально-экономическим развитием стран (регионов), а также субъективными ощущениями благополучия, счастья, удовлетворенности жизнью стимулировали развитие альтернативных подходов. Помимо благосостояния (материальных условий), современные подходы акцентируют внимание на таких важных составляющих качества жизни, как уровень образования, показатели здоровья, состояние окружающей среды, политические права, безопасность и пр. [1, с. 21; 3, с. 79].

С точки зрения методических решений сложилось два подхода к измерению качества жизни: объективный (объективистский) и субъективный (субъективистский) [2, с. 184]. В рамках первого подхода качество жизни измеряется показателями официальной статистики, отражающими различные сферы жизнедеятельности общества и развития в нем человеческого потенциала. Статистический подход доминирует в эконометрических измерениях качества жизни и чаще всего воплощается в построении композитных индексов. Субъективный подход является прерогативой

[1] Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ РФ (НШ-2722.2020.6).

социологических и психологических исследований. В рамках субъективного подхода качество жизни определяется как субъективно ощущаемое (воспринимаемое). При этом социологические исследования в большей степени фокусируются на измерении рациональных когнитивных оценок и связаны с выявлением степени удовлетворенности населения различными аспектами жизни. Тогда как в психологических исследованиях фокус внимания сосредоточен в большей мере на эмоциональных аспектах восприятия жизни (положительные/отрицательные эмоции, чувства, самоощущения). Для субъективного подхода в целом характерно сближение понятий «качество жизни» и «благополучие» («субъективное благополучие» [5]).

«Качество жизни» как исследовательская категория используется в изучении различных профессиональных и социально-демографических групп (учителей, мигрантов, женщин, людей старшего возраста и т.д), в сравнении стран и регионов. Особое место в этом ряду занимают крупные города-мегаполисы, являющиеся зонами концентрации человеческого капитала. Специфика городской среды в мегаполисе задает определенные векторы социологического измерения качества жизни как комплексной характеристики, отражающей степень удовлетворенности населения различными условиями жизнедеятельности и инфраструктурными удобствами-сервисами городской среды. В *таблице* представлена система базовых компонентов и оценочных индикаторов качества жизни в мегаполисе.

Индикаторы социологического измерения качества жизни в мегаполисе

Группа показателей	Индикаторы
Витальные составляющие жизни	
1. Витальные компоненты городской среды	Экологическая ситуация
	Безопасность проживания
2. Персональное витальное благополучие	Материальная обеспеченность
	Жилищные условия
	Физическое здоровье
Городская инфраструктура и сервисы	
3. Культурно-образовательная среда	Театры, музеи, выставочные площадки, культурно-досуговые центры Учреждения основного и дополнительного образования
4. Социально-бытовая инфраструктура	Медицинское обслуживание Услуги жкх Бытовые услуги
5. Потребительская инфраструктура	Учреждения общественного питания (кафе, рестораны) Торговые центры Рынки Розничные магазины
6. Рекреационная инфраструктура	Индустрия развлечений Места отдыха (парки, набережные) Спортивные сервисы (площадки, стадионы, катки, секции)
7. Транспортная инфраструктура	Качество работы общественного транспорта Развитость транспортной сети Удобство маршрутов Автомобильные парковки
8. Эстетика городской среды	Внешний вид города Чистота улиц Благоустройство общественных пространств

Источник: составлено автором на основе интеграции подходов, разработанных Организацией экономического сотрудничества и развития [4], Европейской комиссией по региональной и городской политике [6].

Представленные индикаторы социологического измерения качества жизни в городской среде, безусловно, не являются исчерпывающими. Вместе с тем они могут служить основанием для экспресс-мониторинга оценок населением происходящих изменений (динамики городской среды) и выбора приоритетных направлений совершенствования отдельных областей городской жизни. Официальные доклады органов муниципальной власти города чаще всего предстают как «статистические отчеты», демонстрирующие показатели продолжительности жизни населения, рождаемости, строительства жилья, магистралей, дорог, объектов социального назначения и пр. Признавая чрезвычайную важность «картины» городов в мозаике объективных статистических данных, отметим, что в «погоне» за формальными показателями важно не «терять» человека. Город – для людей. Человеческое измерение городской среды, изучение субъективного восприятия качества жизни населением – необходимый элемент оценки успешности «стараний» властей, соответствия внедренных программ городского развития потребностям населения.

Библиографический список

1. Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление направлений совершенствования социально-экономической политики // Прикладная эконометрика. 2006. № 2. С. 18-84.
2. Методический подход к измерению качества жизни населения региона / О.А. Козлова, Т.В. Гладкова, М.Н. Макарова, Е.Х. Тухтарова // Экономика региона. 2015. № 2. С. 118-193. DOI: 10.17059/2015-2-15.
3. Лебедева Л. С. «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 68–80. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.04.
4. Compendium of OECD Well-being Indicators. OECD Publishing, 2011. Available at: http://www.oecd.org/sdd/47917288.pdf (date of the application: 10.03.2020).
5. Diener, E., Lucas, R.E., & Oishi, S. (2018) Advances and Open Questions in the Science of Subjective Well-Being // Collabra: Psychology. 2018. Vol.4. Iss. 1. pp. 2-49. DOI: 10.1525/collabra.115.
6. Quality of life in European Cities 2015. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016. Available at: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/studies/2016/quality-of-life-in-european-cities-2015 (date of the application: 10.03.2020).

Информация об авторе

Нотман Ольга Валерьевна (Россия, Екатеринбург) – кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51; o.v.notman@urfu.ru).

Notman O.V.

QUALITY OF LIFE IN A MEGAPOLIS: INDICATORS OF SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

***Abstract**. The article discusses indicators of measuring the quality of life, "tied" to the specifics of the urban environment. The author substantiates the importance of resident estimates in order to develop the urban environment and to improve the certain areas of urban life.*

***Key words:** quality of life, megapolis, urban environment, residents, indicators of sociological measurement.*

Information about the author

Notman Olga V. (Russian, Ekaterinburg) – PhD in Sociology, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (51, Lenina Ave., Ekaterinburg, 620002; o.v.notman@urfu.ru).

References

1. Ayvazyan S.A., Stepanov V.S., Kozlova M.I. Measurement of synthetic categories of life quality for the population of the region and identification of key areas for improving socio-economic policy // Applied Econometrics. 2006. № 2. P. 18-84.
2. Kozlova O.A., Gladkova T.V., Makarova M.N., & Tukhtarova Ye. Kh. Methodological approach to measuring the life quality in Region // Economy of Region, 2015. № 2. P.182-193. DOI: 10.17059/2015-2-15.
3. Lebedeva L.S. Quality of life: main approaches and the notion structure // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2018. No. 4. P. 68-80. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.04.
4. Compendium of OECD Well-being Indicators. OECD Publishing, 2011. Available at: http://www.oecd.org/sdd/47917288.pdf (date of the application: 10.03.2020).
5. Diener E., Lucas R.E., & Oishi S. (2018) Advances and Open Questions in the Science of Subjective Well-Being // Collabra: Psychology. 2018. Vol.4. Iss. 1. pp. 2-49. DOI: 10.1525/collabra.115.
6. Quality of life in European Cities 2015. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016. Available at: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/publications/studies/2016/quality-of-life-in-european-cities-2015 (date of the application: 10.03.2020).

УДК 331/65.05

Пациорковский В.В.

АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ К НЕГАТИВНЫМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ

***Аннотация**. В статье дан анализ адаптационных стратегий населения как одного из наиболее заметных направлений перемен в сфере трудовых отношений и на рынке труда. Основные стратегии: совместительства, самозанятости и другие представлены в порядке снижения их распространенности.*

***Ключевые слова:** совместительство, самозанятость, личное подсобное хозяйство, индивидуальное предпринимательство, домохозяйство, многоукладная экономика.*

Уже много лет население нашей страны медленно, но уверенно приспосабливается к волнообразным и вместе с тем постоянно сохраняющим тенденцию к ухудшению социально-экономическим условиям его жизни. Высокий уровень социального, профессионального и территориального неравенства порождает многообразие форм адаптационных стратегий различных групп населения.

Цель предлагаемой работы – анализ адаптационных стратегий населения как одного из наиболее заметных направлений перемен в сфере трудовых отношений и на рынке труда в настоящее время. Базовая гипотеза исследования формулируется следующим образом: адаптационные поведенческие стратегии реализуются в тесном единстве с домохозяйством и представляют собой реакцию экономически активной (самодеятельной) части населения на постоянно ухудшающиеся условия жизни в ходе формирования многоукладной капиталистической экономики. Объект наблюдения – отдельные, получившие наибольшее распространение и уже хорошо осмысленные в публичной сфере адаптационные стратегии. Они представлены в порядке снижения их распространенности.

1. Традиционно существовавшее в сфере наемного труда *совместительство* представляет собой одну из первых и, одновременно, получивших крайне широкое распространение адаптационных стратегий в наше время. Оно характерно для труда низкой, средней и высокой квалификации прежде всего в бюджетной сфере. В корпоративном секторе экономики оно характерно для труда низкой и средней квалификации. Это обстоятельство обусловлено низкой оплатой труда, а в последние годы и отказом государства повышать ставки оплаты труда в бюджетной сфере. Передав стимулирующие выплаты в распоряжение руководителей бюджетных учреждений, государство, можно сказать, осчастливило последних и практически заморозило оплату труда основного персонала на многие годы. Поэтому внутреннее совместительство, а также оклад и одновременно выплаты за оказание платных услуг, равно как и отказ от сверхурочной оплаты труда, которая могла бы повысить заработки трудящихся [2], получили широкое распространение. Положение дел в рассматриваемой сфере заметно ухудшилось после девальвации рубля в конце 2014 г., которая в два раза уменьшила его покупательную способность, и запоздалого исполнения майских указов 2012 г. о повышении оплаты труда в бюджетной сфере в 2015–2017 годах в формате номинального учета и отчетности. В итоге деньги на национальные проекты есть [4], а на повышение оплаты труда работников их как не было, так и нет.

Еще не так давно, в советское время, органы труда, регулируя его лимиты, всячески ограничивали совместительство. Особенно это было характерно для профессиональной сферы. В те времена, работая в высшем образовании или науке, получить

разрешение на совместительство было довольно сложным делом. В наши дни совместительство, как благое дело, включено в отчетность врачей, учителей, преподавателей вузов и научных работников. Более того, на уровне государственного руководства допускаются следующие публичные высказывания: «Я совершенно уверен, что современный энергичный преподаватель способен не только получать зарплату, положенную ему по должностному расписанию, но и еще что-то зарабатывать» [3]. Вместе с тем трудно поверить в то, что можно, постоянно подрабатывая, хорошо и полностью исполнять свои обязанности на всех занимаемых рабочих местах. Но это уже другая история.

2. *Самозанятость* представляет собой еще одну наиболее распространенную адаптационную стратегию. Совсем до недавнего времени она была характерна только для неформального сектора экономики. С введением в 2017 г. налогообложения на профессиональный доход [7] началось ее распространение и в реальном секторе экономики. Вполне возможно, что посредством самозанятости просматривается конечный пункт эволюции наемного труда и трудовых отношений, доминировавших в индустриальную и постиндустриальную эпохи. О том, как далеко пойдет указанная эволюция, позволяет судить следующее предположение. В то время как сегодня основным регулятором трудовых отношений найма и использования рабочей силы является Кодекс законов о труде, в конечной точке эволюции трудовых отношений их основным регулятором может оказаться Гражданский кодекс. Иными словами, трудовые отношения преобразуются в гражданские. Разумеется, это весьма далекая перспектива, предполагающая глубокие изменения в производственно-технологическом укладе и социальной структуре общества. Тем не менее она хороший помощник для понимания происходящих перемен и направленности представленного ниже анализа.

В возрастном плане в самозанятость попадают: а) молодые люди, которые не могут найти места приложения для своих рабочих рук в реальном секторе экономики; б) представители старших возрастных групп экономически активного населения, которые потеряли свои наемные рабочие места; в) пенсионеры, которые в связи с низкой пенсией вынуждены искать для поддержания своего уровня жизни дополнительные доходы.

Широкое распространение самозанятости в переходный период представляет собой результат действия большой совокупности факторов. Среди них выделяются: отказ от всеобщей занятости, абсолютная и структурная ограниченность рабочих мест на рынке труда, а также разрушение мотивации на труд. В науке это обстоятельство фиксируется следующим образом: «Сокращается сфера наемного труда, расширяется самозанятость и другие формы организации труда» [5, с. 9]. Можно сказать, что *самозанятость есть реакция широких слоев населения на отказ государства координировать и поощрять создание новых рабочих мест и рост оплаты труда наемных работников в соответствии с изменениями, происходящими в экономике*.

В отличие от наемных работников, занятых в реальном секторе экономики, самозанятость в первую очередь связана с домохозяйствами. Это значит, что положение дел в домохозяйстве, а не только на рынке труда и в сфере трудовых отношений, обусловливают ее распространение. Доход самозанятого редко бывает единственным, а тем более основным доходом семьи. Чаще всего это дополнительный доход в семью, повышающий устойчивость ее уровня жизни В этом плане вряд ли правильно полагать, что самозанятые «являются переходной группой от наемных работников к предпринимателям» [1, с. 547]. Ключевые слова здесь «переходная группа». Их объяснительная способность крайне слаба. А главное, в случае самозанятости движение между ней и

индивидуальным предпринимательством очень мало по сравнению с мощным, постоянно нарастающим потоком людей, вытесняемых из сферы наемного труда. И идут эти люди практически все не в предпринимательство, а в самозанятость. Этот тренд и формирует на основе самозанятости вполне самостоятельный сектор хозяйственных отношений – неформальную экономику.

Выделенные факторы имеют под собой объективные основания. Более того, в многоукладной экономике общество просто обязано следить за тем, чтобы во всех ее секторах господствовал один технологический уклад и сходный уровень оплаты труда и доходов. Это значит, что труд в быту, на личном подворье, равно как и доходы самозанятых, должны быть сопоставимы со сходными характеристиками в общественном производстве. Поэтому положение самозанятых в такой же мере важно для общества, как и положение дел в предпринимательстве у малых, средних и крупных товаропроизводителей.

На перспективу самозанятость будет расти [6]. А люди, попадающие под пресс модернизации и социальной несправедливости, не могут оставаться без источников существования. Например, широко распространенный извоз бывшими водителями-пенсионерами вряд ли правильно рассматривать в качестве предпринимательской деятельности. Это, скорее, дополнительный доход к маленькой пенсии. Почему с него надо платить налоги людям, отдавшим десятки лет наемному труду, но так и не заработавшим на достойную пенсию, понять трудно. Сходные соображения можно высказать об услугах нянь и репетиторов. Это далеко не такие простые виды деятельности, которыми можно заняться без огромного предшествующего опыта, а его еще не так давно можно было приобрести только в сфере наемного труда. Самозанятость все больше выполняет и будет выполнять функцию клапана, снижающего напряжения в обществе. По понятным причинам его лучше держать открытым. Весьма опасно загонять миллионы людей, которые сами себе создают рабочие места, в безвыходное положение. И здесь уже в порядке самосохранения полезно просчитать риски, связанные с «завинчиванием гаек», а также возможные бонусы поступлений в бюджет от налогов с самозанятой части населения [7]. На это обстоятельство особенно актуально обратить внимание с учетом того, что в 2020 г. к новому режиму налогообложения самозанятых предстоит переход уже во всех регионах нашей страны.

3. Адаптационные стратегии в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ). Этот тип поведения имеет четко выраженный территориальный (сельская местность и малые города) и отраслевой разрез (растениеводство, овощеводство, животноводство, лесной и рыбный промысел). Как и самозанятость, он тесно связан с домохозяйством. Однако реализуется эта связь несколько по-иному. В то время как самозанятые реализуют свою личную способность к труду чаще всего за пределами личного подворья, в ЛПХ предполагается коллективная (семейная) реализация способности к труду на личном подворье. При этом здесь далеко не всегда преследуется цель получения доходов в денежной форме. Более того, первичным здесь всегда является натуральный доход.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г., 114,0 тыс. сельских домохозяйств рассматривали реализацию своей продукции как основной источник получения денежных средств. Они составляли 0,9% от общей численности сельских домохозяйств, производивших сельхозпродукцию для целей реализации[1]. А по данным последней Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., реализацию своей продукции в качестве основного источника получения денежных средств рассматривали всего лишь 56,1 тыс. сельских домохозяйств или 0,3% от общей числен-

[1] Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 года. Том 1. М.: ФСГС, 2007. С. 16-18; Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Том 1. М.: ФСГС, 2017. С. 64-65.

ности сельских домохозяйств[2], производивших сельскохозяйственную продукцию для целей реализации.

В то же время и тогда, и сейчас для целей самообеспечения вели ЛПХ около 99% сельских домохозяйств. Это говорит о том, что хозяйства населения на селе уходят с рынка, но не уходят из аграрного сектора экономики. Другими словами, ЛПХ населения все реже превращают в деньги плоды своего труда, но все больше и чаще используют их для целей домашнего потребления. И это не обязательно узко семейное потребление. Очень часто плодами ЛПХ пользуются так называемые расширенные сельско-городские семьи родителей селян и их взрослых семейных детей, живущих в больших городах [8].

4. Индивидуальное предпринимательство (ИП) и крестьянские фермерские хозяйства (КФХ) в корпоративном секторе экономики. Это огромный набор хозяйственных стратегий людей, который только на одном конце может рассматриваться в контексте адаптационных стратегий. Основным индикатором развития событий в указанном направлении служит отказ от использования наемного труда. Как только ИП или КФХ начинают использовать наемный труд, это обстоятельство сразу же закрывает всякую возможность понимания их деятельности в терминах адаптационных стратегий, направленных на преодоление негативных социально-экономических условий. Такого рода поведение скорее характерно для первоначального капиталистического накопления, чем для приспособления к сложившимся условиям жизни.

Вряд ли приходится сомневаться в том, что при легализации самозанятости многие ИП и даже ФКХ перейдут в новую категорию занятости. И это вполне объяснимо с позиций пусть и небольшого, но снижения их налогообложения, а главное с позиций ухода от крайне неудобной системы отчетности, которая принята в ИП. В этом плане в налогообложении самозанятости установлена весьма удобная на данный момент уведомительная процедура регистрации, равно как и выполнение расчетов с заказчиками и налоговыми органами путем формирования чеков в специализированном приложении Сбербанка, которое всегда можно бесплатно установить на телефон.

В целом в адаптационных стратегиях населения, которые направлены на преодоление негативных социально-экономических условий, в политике государства, в сферах труда и доходов людей пока еще наблюдается огромный разрыв, который предстоит преодолеть на основе взаимопонимания и движения навстречу друг другу.

Библиографический список

1. Анисимов Р.И. Нестандартный труд: кто в выигрыше? Теоретико-методологический анализ подходов к изучению нестандартной трудовой занятости. // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3. С. 543-552. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-543-552.
2. Гусенко М., Игнатова О. Денег станет больше. Бюджетникам хотят запретить работать по совместительству // Российская газета. 2017. № 276(7442). 05.12.
3. Дмитрий Медведев «послал» учителей на заработки в бизнес [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dela.ru/novosti/190636/ (дата обращения: 06.03.2020).
4. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты. 2019. 07.02.2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/ p7nn 2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf (дата обращения: 09.03.2020).

[2] Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016 года. Том 1. М.: ФСГС, 2017. С. 64-65.

5. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения. / под ред. В. Бобкова. М.: Кнорус, 2018. 342 с.
6. Нестеренко Ю.Н., Протасова Е.А. Самозанятость в России: состояние и потенциал развития // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 4. С. 78-89. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00040.
7. О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (об уточнении условий осуществления предпринимательской деятельности): ФЗ от 14.07.2017 г. № 87981-7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eg-online.ru/document/law/352279/ (дата обращения 09.03.2020).
8. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН, 2010. 390 с.
9. Эрнандо де Сото. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: «Catallaxy», 1995. 320 с.

Информация об авторе

Пациорковский Валерий Валентинович (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; patsv@mail.ru).

Patsiorkovsky V.V.

ADAPTATION STRATEGIES OF DIFFERENT POPULATIONS TO NEGATIVE SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS

Abstract. *The article analyzes the adaptation strategies of the population as one of the most noticeable areas of change in the field of labor relations and the labor market. The main strategies: combining jobs, self-employment, etc. are presented in order to reduce their prevalence.*

Key words: *Part-time employment, self-employment, private subsidiary farming, individual entrepreneurship, households, multi-layered economy.*

Information about the author

Patsiorkovskiy Valery V. (Moscow, Russia) – Doctor of Economics, Chief Researcher, FGBUN Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences (117218, Moscow, 32, Nakhimovsky prospect; patsv@mail.ru).

References

1. Anisimov R. Non-standard work: Who wins? Theoretical-methodological analysis of approaches to the study of non-standard employment. // RUDN Journal of Sociology. - 2019. T. 19. № 3. Pp. 543-552. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-543-552.
2. Gusenko M., Ignatova O. There will be more money. // Russian newspaper, 05/05/2017, № 276 (7442).
3. Dmitry Medvedev “sent” teachers to earn money in business. [Electronic resource] - Access mode: https://dela.ru/novosti/190636/ (accessed March 6, 2020).
4. National projects: targets and key results. 2019. [Electronic resource] Access mode: http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf (accessed March 9, 2020).

5. Unstable employment in the Russian Federation: theory and methodology of identification, assessment and reduction vector. / Ed. V. Bobkov. M.: Knorus, 2018. 342 p.
6. Nesterenko Yu., Protasova E. Self-employment in Russia: state and development potential. // Population. 2019. T. 22. № 4. Pp. 78-89. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00040.
7. Federal Law "On Amendments to Articles 2 and 23 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" (on the specification of the conditions for conducting entrepreneurial activity), dated July 14, 2017 № 87981-7. [Electronic resource] Access mode: https://www.eg-online.ru/document/law/352279/ (accessed March 9, 2020).
8. Patsiorkovsky V. Rural-urban Russia. M.: ISEPN RAS, 2010. 390 p.
9. Hernando de Soto. The other way. The invisible revolution in the third world. M.: «Catallaxy», 1995. 320 p.

ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

УДК 347.741

Айснер Л. Ю., Наумов О. Д.

ВЛАСТЬ VS ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

***Аннотация**. Рассматриваются проблемы коммуникации между властью и обществом в условиях гражданского общества на материале современной России. Выделяются причины сложившихся противоречий. Предлагаются и обосновываются способы решения имеющихся проблем посредством апелляции к конституционному образу государства, а также оценки административных реформ.*

***Ключевые слова:** власть, общество, государство, гражданское общество, закон, конституция.*

Общественное развитие второй половины XX века, преодолев негативные последствия наследия тоталитарных режимов, в начале XXI века столкнулось с проблемой регуляции взаимодействия общественности и власти в условиях развивающегося гражданского общества. Важность поднимаемой проблеме придает то, что современные практики общественного контроля, с одной стороны, оказываются недостаточно развиты для того, чтобы успешно реализовывать предписываемый им функционал, с другой – в то же самое время несколько отстают от темпов социального развития. Вместе с тем существующая нормативно-правовая база, выраженная в ряде имеющих место политических документов, призванных декларировать и регулировать взаимоотношения в обществе, должна признать: взаимодействие общественности и власти нуждается не столько в кардинальном переосмыслении, сколько в реальной нормативно-правовой перестройке. Одной из причин сложившейся ситуации является переходный характер общественного контроля и отсутствие целостного и системного подходов в вопросах сохранения рудиментов отживающей системы общественного контроля, а также формирования отдельных признаков новой высказывающейся мысли о возможности сосуществования и преемственности существующих практик регуляции общественного со-бытия [1, с. 12].

Говоря о классических и общепринятых практиках общественной регуляции, принято выделять следующие механизмы и структуры: во-первых, деятельность разнообразных общественных объединений, организаций и граждан, обладающих различными правовыми статусами, включая Общественную палату, осуществляющую общественный контроль. Во-вторых, справедливо указать на участие общественных организаций и граждан в подготовке правовых актов, нацеленных на оптимизацию и совершенствование существующей нормативно-правовой базы общественной регуляции и контроля. Кроме того, важно, что инициатива названных акторов социального взаимодействия призвана соответствовать стратегическим целям, формулируемым государством и адресованным обществу и органам местного самоуправления. В связи с этим актуально говорить о нормопорождающем взаимодействии общественных организаций и бизнес-сообществ, социальном партнерстве государства, НКО и бизнеса. В-четвертых, немаловажной в условиях информационного общества оказывается и роль средств массовой информации, направленной не только на выражение, но и формирование общественного мнения по вопросам общественного контроля. В-пятых, ситуация в современной науке указывает на важность экспертных оценок и высказываний групп специалистов, осуществляющих независимую оценку эффективности органов государственной власти, а также органов местного

самоуправления и общественных организаций. В-шестных, процесс реформирования органов государственной власти и местного самоуправления в контексте реализации стратегии «отзывчивого» управления, направленного на потребителя услуг и реализуемого на принципах «обратной связи», транспарентности и оценки конечного результата на основе научных критериев, принимаемых в системе властных отношений. Важно подчеркнуть, что отмечаемый процесс реформирования способен к порождению совокупности принципиально новых качеств, возникающих в процессе взаимодействия общества и власти, открывающих тем самым новые возможности для осуществления общественного контроля.

В связи с этим важную роль в осуществлении современного совместного и параллельного мониторинга органов власти, с одной стороны, и общественных организаций – с другой, направленного на учет и реализацию запросов и нужд общественности, клиентов, потребителей и пользователей услуг власти, а также адекватности интересов населения в ходе принятия соответствующих решений.

Кроме того, современный этап развития общественных отношений не может не поставить вопроса о совершенствовании механизмов общественной экспертизы, общественного контроля и совместных консультативных мероприятий органов государственной власти и местного самоуправления, а также некоммерческих организаций, направленных на решение актуальных вопросов общественного контроля. В частности, речь идет о разработке и апробации механизмов общественного контроля результатов деятельности органов власти и муниципалитетов посредством создания открытой сети общественно-консультативных советов, состоящей из независимых представителей общественных организаций.

Осуществление контроля деятельности органов власти различного уровня по вопросам соблюдения прав и свобод человека и гражданина со стороны внесистемной политической оппозиции при реализации общественного контроля на основе принципов международного общественного контроля, направленного на воплощение реальной гарантии политических и гражданских прав и свобод всем участникам социальных отношений.

Одной из главных проблем, характеризующих конституционный образ современной России, является крен в сторону исполнительной власти, дополняющийся информационной закрытостью ее деятельности, а также отсутствием реальной обратной связи между исполнительной властью различных уровней и обществом. Отметим, что в условиях современной тотальной информатизации и перехода на электронный документооборот процесс получения информации о деятельности органов исполнительной власти носит ярко выраженный формальный, бюрократический характер. Кроме того, информация, помимо ее скудности, предоставляется зачастую несвоевременно, что существенно усложняет коммуникацию между обществом и властью. Особенностью рассматриваемого способа коммуникации является и то, что практически любая информация по решению органа государственной власти может быть признана конфиденциальной, что автоматически влечет за собой запрет на ее передачу и официальную публикацию в открытых источниках. В этом смысле власть, сознательно используя рычаги административного давления и превосходства, старается избежать диалога с общественностью, осуществляемого в условиях гражданского общества на равных.

Для преодоления сложившейся ситуации, в условиях которой становится невозможна реализация гражданами своего конституционного права на получение информации, в современной России проводится административная реформа, стра-

тегический смысл которой может быть сведен к увеличению открытости и прозрачности работы государственных и муниципальных органов исполнительной власти, направленных на совершенствование коммуникации между властью и обществом. В частности, для достижения поставленной цели необходимо создать реальные каналы влияния институтов гражданского общества на законотворческий процесс, предоставив каждому участнику общественных отношений не декларативное, а реальное право законодательной инициативы.

В связи с этим представляется целесообразным разработка и внедрение коммуникативных механизмов, направленных на раскрытие информации о деятельности органов государственной власти, предполагающее открытое и публичное обсуждение реализуемых ею мероприятий. Кроме того, значимым становится осуществление общественной экспертизы социально значимых решений на любом этапе реализации проекта. Кроме того, представляется достаточно эффективным включение представителей институтов гражданского общества в надзорные органы, рабочие группы и другие структуры органов государственной власти с целью оценки эффективности деятельности первых, а также формирования механизмов досудебного обжалования неоднозначных, спорных и противоречивых проектов. Для этого могут быть использованы Интернет-порталы и иные цифровые ресурсы.

Важно отметить, что власть в ходе реализации административной реформы должна брать курс на транспарентность и взаимодействие с общественностью и становиться более восприимчивой и открытой к существующим правовым процедурам, включая практики демократического общественного контроля, означающие воплощение принципа «обратной связи».

При этом, говоря о характере взаимодействия власти и общественности, нельзя не отметить, что уровень общественной активности в современной России остается достаточно низким, нося лишь фрагментарный и обрывочный характер. Несмотря на успехи отдельных правозащитных, благотворительных организаций, а также профессиональных союзов и творческих объединений, уровень включенности общества в процесс решения его насущных проблем остается достаточно незначительным. Данное обстоятельство позволяет констатировать наличие некоторой дистанции между государством и обществом, характеризующей общественную жизнь как достаточно конфликтную и недостаточно устойчивую.

В 2009 году Д. А. Медведев отмечал, что стратегической задачей власти является деятельность, направленная на «укрепление взаимопонимания и доверия между государством и гражданским обществом» [2], указывая на возможность специфической формы партнерства государства, общества и бизнеса в модусе широкой коалиции, действующей в перспективе преодоления сложившихся противоречий и стремящейся к равновесной устойчивости и стабильности, полагая последние в качестве тех фундаментальных ценностей, которые и сделают возможным развитие гражданского общества в России.

Библиографический список

1. Айснер Л.Ю., Наумов О.Д., Червяков М.Э. Генеалогия личностно-социального со-бытия человека: экзистенциальный аспект // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. №4-1. С.11-19.
2. Выступление Президента России Д. А. Медведева на заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 15.04.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://president-sovet.ru/events/meetings/read/9/

Информация об авторах

Айснер Лариса Юрьевна (Россия, Красноярск) – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры иностранного языка, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» (660049 Красноярский край, Красноярск, ул. Ленина, д.117; larisa-ajsner@yandex.ru).

Наумов Олег Дмитриевич (Россия, Красноярск) – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» (660049 Красноярский край, Красноярск, ул. Ленина, д.117; stud.ui@kgau.ru).

Aisner L.Y., Naumov O. D.

POWER VS. PUBLIC UNDER CONDITIONS OF CIVIL SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS FROM RESOLUTION

Abstract. *The problems of communication between power and society in a civil society based on the material of modern Russia are considered. The reasons for the existing contradictions are highlighted. The ways of solving the existing problems are proposed and substantiated through an appeal to the constitutional image of the state, as well as an assessment of administrative reforms.*

Key words: *power, society, state, civil society, law, constitution.*

Information about the authors

Aisner Larisa Yu. (Russia, Krasnoyarsk) – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Language, Federal state budgetary educational institution of higher education Krasnoyarsk State Agrarian University (660049 Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, st. Lenin, house 117; larisa-ajsner@yandex.ru).

Naumov Oleg D. (Russia, Krasnoyarsk) – Ph.D., Senior Lecturer, Department of Philosophy, Federal state budgetary educational institution of higher education Krasnoyarsk State Agrarian University (660049 Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, st. Lenin, house 117; stud.ui@kgau.ru).

References

1. Aisner L. Yu., Naumov O.D., Chervyakov M. E. Genealogy of the personality-social co-existence of man: the existential aspect // Context and reflection: philosophy about the world and man, 2019.V.8, № 4 1. S.11-19.
2. Speech by Russian President Dmitry A. Medvedev at a meeting of the Council for the Promotion of the Development of Civil Society Institutions and Human Rights 04/15/2009. [Electronic resource]. Access mode: http://president-sovet.ru/events/meetings/read/9/

УДК 316.48

Бедерсон В.Д., Шевцова И.К.

ГОРОЖАНЕ И ДЕВЕЛОПЕРЫ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТАХ[1]

***Аннотация**. Мы опираемся на 12 кейсов городских конфликтов в Казани, Москве, Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге. На основе открытых источников (материалов СМИ и социальных сетей), а также на материалах полуструктурированных интервью с участниками конфликтов и экспертами мы моделируем стратегические взаимодействия горожан и девелоперов в этих конфликтах.*

***Ключевые слова:** городской конфликт, мобилизация, локальная политика, теория игр.*

Горожане, городские власти и девелоперы представляют собой треугольник игроков, задающий динамику городской общественно-политической жизни и градостроительной политики. Традиционно в литературе динамика их отношений объяснялась теориями машин роста или городских режимов, когда в фокусе внимания находились прежде всего отношения власти и строительного бизнеса. Современные социальные науки скорее предполагают плюралистический подход, который позволяет взглянуть на эти отношения с перспективы социальных движений и гражданского активизма [1; 6; 7; 8], мобилизации [3], согласования интересов в конфликтах [2], сложноструктурированных отношений игроков и арен [10] и др.

Городские конфликты – конфликты по поводу трансформации городских территорий не принято рассматривать в перспективе стратегических взаимодействий [5], то есть таких, в которых интересы сторон являются часто по умолчанию взаимоисключающими и стороны будут стремиться к тому, чтобы достичь необходимых результатов, минимизируя свои издержки. При этом такие взаимодействия часто протекают в условиях информационной асимметрии [9]: стороны вынуждены мыслить и действовать стратегически при незнании о действиях друг друга. Эти конфликты представляют собой ситуации, в которых действия одной стороны могут вести к рискам или издержкам другой стороны, к издержкам всех сторон или же к сохранению статуса-кво. Взаимодействие сторон в течение конфликта находится в постоянной динамике, когда действия одного игрока, например активистов, зависят от действий его оппонентов (застройщика и власти) и являются ответом на них, и наоборот. Все это говорит о потенциале использования логики теории игр для анализа городских конфликтов.

В докладе мы разворачиваем аргумент о том, что динамика взаимодействий горожан и девелоперов не может быть принята как статичная ситуация (в терминах теории игр – не может рассматриваться как одно единственное равновесие). Конфликт – это последовательность действий акторов, каждое из которых является реакцией на предыдущие действия другого игрока (зависит от них) и учитывает изменение контекста. И в этом смысле особое внимание следует уделить оценке издержек сторон и тем изменениям, которые ведут к их увеличению (вмешательство третьей стороны, наступление определенных событий и пр.). Так, например, даже в тех случаях, когда активисты проигрывают из-за недостатка информационных, финансовых, организационных ресурсов, появление события, которое увеличит издержки девелопера, позволит активистам добиться своего. Мы основываемся на нашем предыдущем исследовании [4], в котором анализировались городские конфликты в Перми, Виннице (Украина) и Бонне

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

(Германия) и которое показало перспективность теоретико-игрового моделирования для эмпирического материала конфликтов горожан и застройщиков.

В центре нашего внимания – взаимодействия горожан и девелоперов. Действия властей (городской администрации, руководства региона или иных органов власти) мы рассматриваем как внешнее условие, которое способно повлиять на ход событий, но сама власть не рассматривается как сторона конфликта при моделировании стратегических взаимодействий. В общем виде модель конфликтных взаимодействий представляет собой следующее: источником конфликта выступает предложение девелопера проекта трансформации территории или подготовительные действия для ее трансформации, на это горожане могут не реагировать или же могут начать мобилизацию разной степени интенсивности. Это в свою очередь потребует от девелопера решения игнорировать несогласных, обойти/подавить их требования или же пойти на уступки. Серии таких взаимодействий могут повторяться несколько раз.

Более развернуто действия сторон выглядят следующим образом. Набор стратегических действий для горожан в условиях конфликта: а) бездействие; б) мобилизация низкой степени интенсивности (без публичных акций протеста); в) мобилизация высокой степени интенсивности (с публичными акциями протеста). Девелопер в условиях конфликта может: а) игнорировать действия несогласных; б) пытаться подавить мобилизацию или обойти требования несогласных; в) пойти на уступки или совсем отказаться от проекта трансформации территории. Наиболее предпочтительный исход конфликта для горожан в таком случае – добиться отказа от проекта, для застройщика – сохранение статуса-кво и реализация проекта в изначальном виде.

Любая из стратегий сторон сопряжена с издержками. Для мобилизации требуется поддерживать активность сторонников, согласовывать действия внутри коллектива, собирать информацию и следить за ней, обращаться за профессиональной поддержкой экспертов (юристов, экологов и др.) и множество иного; чем выше интенсивность мобилизации, тем больше ресурсов на нее горожанам нужно потратить. Мобилизация для горожан – это издержки по умолчанию, поэтому самую простую мобилизацию мы все равно не можем принять за действие с нулевым уровнем издержек. Низкую мобилизацию, тогда когда горожане не используют коллективные протестные акции, мы обозначим как -2, а высокую мобилизацию как -4. Для девелоперов мобилизация горожан – это действия неподконтрольных для них субъектов, поэтому издержки девелопера по умолчанию становятся в два раза выше: при низкой мобилизаци -4, при высокой -8. При этом у девелопера также есть собственные внутренние издержки в условиях конфликта: требуется нанимать юристов для защиты проекта; в отдельных случаях нанимать тех, кто сможет подавить протестующих; в случае небольших уступок придется вкладывать ресурсы в изменение проекта, а в случае его отмены – полностью потерять потраченное. Таким образом, стратегия обойти/подавить застройщику обойдется в -4, а уступки в -10. Общая модель представлена в *таблице 1*.

Таблица 1. Модель стратегических взаимодействий горожан и девелоперов в условиях городского конфликта

Активисты	Застройщик		
	Игнорировать	Подавить/обойти	Уступить
Без мобилизации	-10, 0	-18, -4	10, -10
Низкая мобилизация	-12, -4	-20, -8	8, -14
Высокая мобилизация	-14, -8	-26, -12	6, -18

В настоящем докладе мы опираемся на 12 кейсов городских конфликтов в Казани, Москве, Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге. Конфликты в каждом городе

представляют 3 типа: защита архитектурно-исторического наследия, транспортная инфраструктура и городская экология. Далее на основе открытых источников (материалов СМИ и социальных сетей), а также на материалах полуструктурированных интервью с участниками конфликтов и экспертами мы смоделировали стратегические взаимодействия горожан и девелоперов в этих конфликтах (*табл. 2*).

Таблица 2. Кейсы, стратегии горожан и девелоперов и исходы

Кейс	Стратегия горожан	Стратегия девелопера	Исход (горожане; девелопер)
Арские казармы (Казань)	Низкая мобилизация	Обойти	Проект реализован {-20, -8}
Озеро Харовое (Казань)	Низкая мобилизация	Уступки	Отказ от проекта {8, -14}
Строительство ВСМ Казань – Москва (Казань)	Высокая мобилизация	Уступки	Проект с изменения {6, -18}
Геликон-опера и усадьба Шаховских (Москва)	Низкая мобилизация	Обойти	Проект реализован {-20, -8}
Строительство северного дублера Кутузовского проспекта (Москва)	Высокая мобилизация	Игнорирование	Проект с изменениями {-14, -8}
Березовая роща (Москва)	Низкая мобилизация	Уступки	Отказ от проекта {8, -14}
Строительство аквапарка на территории Автозаводского парка (Нижний Новгород)	Высокая мобилизация	Обойти	Отказ от проекта {-26, -12}
Снос исторической застройки на улице Ильинская (Нижний Новгород)	Высокая мобилизация	Обойти/ подавить	Проект реализован {-26, -12}
Реконструкция Молодежного проспекта (Нижний Новгород)	Высокая мобилизация	Обойти	Проект реализован {-26, -12}
Строительство Западного скоростного диаметра на канонерском острове (Санкт-Петербург)	Высокая мобилизация	Обойти	Проект реализован {-26, -12}
Угроза сноса Блокадной подстанции (Санкт-Петербург)	Высокая мобилизация	Обойти	Отказ от проекта {-26, -12}
Строительство церкви в парке Малиновка (Санкт-Петербург)	Высокая мобилизация	Обойти	Отказ от проекта {-26, -12}

Все исследуемые кейсы иллюстрируют логику стратегического взаимодействия между девелоперами и горожанами, свидетельствуя, что паттерны конфликта изначально задаются самой ситуацией: застройщики уже вложились в реализацию проекта, они не хотят идти на уступки и потому воспринимают сигналы со стороны активистов как угрозу. В свою очередь, активисты, не имея каналов прямой коммуникации с застройщиками, оказываются в ситуации, когда мобилизация является единственным способом выразить свое несогласие с вмешательством в их жизненное пространство, однако сама по себе интенсивность мобилизации не гарантирует, что понесенные издержки окупятся победой и отказом от проекта. Кроме этого, мы видим, что горожане и девелоперы находятся по умолчанию не в равном положении и издержки для горожан всегда выше, равно как и скорость их реакции должна быть на страте конфликта в два раза выше скорости противной стороны, чтобы иметь возможность догнать ход проекта. Также любопытно, что стратегия девелопера «обойти», направленная на «изматывание» противника, не обязательно заканчивается успехом, но мотивирует горожан сохранять высокую степень мобилизации.

В случае, связанном со сносом исторической застройки в Нижнем Новгороде, моделируя конфликт, мы видим, что на всех его этапах издержки застройщика не

превышали его выгоды от сноса. И поэтому даже продолжительная, организованная и интенсивная мобилизация не привела активистов к желаемому результату. Издержки застройщика, понесенные в связи с противостоянием активистов, компенсировались высокой потенциальной выгодой от участка (центр города с высокой стоимостью земли), а также тем, что действия застройщика были поддержаны властью; по крайне мере, власть не предпринимала попыток вмешиваться в конфликт.

Случай застройки берега озера Харового в Казани – хорошая иллюстрация к тому, что при низкой мобилизации горожан уступки для девелопера – это не худшая из стратегий. Противостояние застройке в виде петиций и активности в сетях оказалось достаточным для того, чтобы привлечь к проблеме внимание главы республики, который высказался за благоустройство озера, но без застройки. Во многом поддержка главы региона и вынудила девелопера пойти на уступки, которые сложно назвать большими ввиду того, что в качестве компенсации он получит другой участок для строительства. Таким образом, даже в случае уступок и отказа от проекта издержки горожан выше.

Полученные результаты указывают на необходимость более детального исследования кейсов конфликтов на предмет анализа внешних участников, их действий в отношении сторон конфликта, а также для учета структурных и контекстных факторов (городского режима, структуры элиты, экономических характеристик города и др.). Помимо этого, важным для полноты понимания и развития предложенной теории является включение в эту модель стороны властей, чье поведение также является стратегическим.

Библиографический список

1. Желнина А. А., Тыканова Е. В. (2019). Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. № 22(1).
2. Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. (2017). Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Южнороссийский журнал социальных наук. № 4.
3. Семенов, А. В. (2018). Протестная активность россиян в 2012–2013 гг. Социологические исследования. № 11. С. 53-63.
4. Семенов А. В., Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. (2018). Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта // Журнал социологии и социальной антропологии. № 21(3).
5. Шеллинг Т. (2007). Стратегия конфликта / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. Ю. Кузнецова, К. Сонина. М.: ИРИСЭН. 366 с.
6. Andrews K. T. (2004) Freedom is a constant struggle: The Mississippi civil rights movement and its legacy. Chicago: University of Chicago Press. 232 p.
7. Amenta E. (2006) When movements matter: The Townsend plan and the rise of social security. – Princeton: Princeton University Press. 352 p.
8. Aidukaite, J., Fröhlich, C. (2015). Struggle over public space: grassroots movements in Moscow and Vilnius. The International Journal of Sociology and Social Policy, 35(7/8), 565.
9. Akerlof, G. A. (1978). The market for “lemons”: Quality uncertainty and the market mechanism. In Uncertainty in economics (pp. 235-251). Academic Press.

10. McGarry, A., Davidson, R. J., Accornero, G., Jasper, J. M., & Duyvendak, J. W. (2016). Players and arenas: strategic interactionism in social movements studies. Social Movement Studies, 15(6), 634-642.

Информация об авторах

Бедерсон Всеволод Дмитриевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14); научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет; старший преподаватель кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета (614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15; vsbederson@gmail.com).

Шевцова Ирина Константиновна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14); директор Центра сравнительных исторических и политических исследований; доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15; irinashevtsova777@gmail.com).

Bederson V.D., Shevtsova I.K.

CITIZENS AND DEVELOPERS: STRATEGIC INTERACTIONS IN URBAN CONFLICTS

Abstract. *We based on 12 cases of urban conflicts in Kazan, Moscow, Nizhny Novgorod and St. Petersburg. On the basis of open sources (materials from the media and social networks), as well as materials from semi-structured interviews with participants in conflicts and experts, we model the strategic interactions of citizens and developers in these conflicts.*

Key words: *urban conflict, mobilization, local politics, game theory.*

Information about the authors

Bederson Vsevolod D. – Senior research associate, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS) (190005, Saint Petersburg, ul. 7-ya Krasnoarmeyskaya, d. 25/14); senior fellow at Center of Comparative History and Politics (PSU) 614990, Perm, Bukireva str., 15;vsbederson@gmail.com).

Shevtsova Irina K. – Senior research associate, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (SI RAS – FCTAS RAS) (190005, Saint Petersburg, ul. 7-ya Krasnoarmeyskaya, d. 25/14); Director at Center of Comparative History and Politics (PSU) (614990, Perm, Bukireva str., 15;irinashevtsova777@gmail.com).

References

1. Andrews K. T. (2004) Freedom is a constant struggle: The Mississippi civil rights movement and its legacy. Chicago: University of Chicago Press. 232 p.
2. Amenta E. (2006) When movements matter: The Townsend plan and the rise of social security. Princeton: Princeton University Press. 352 p.
3. Aidukaite J., Fröhlich C. (2015). Struggle over public space: grassroots movements in Moscow and Vilnius. The International Journal of Sociology and Social Policy, 35(7/8), 565.

4. Akerlof G. A. (1978). The market for “lemons”: Quality uncertainty and the market mechanism. In Uncertainty in economics (pp. 235-251). Academic Press.
5. Gluhova A. V., Kol’ba A. I., Sokolov A. V. (2017). Politiko-institucional’nye i kommunikativnye aspekty vzaimodejstviya sub”ektov gorodskih konfliktov (po materialam ekspertnogo oprosa). YUzhno-rossijskij zhurnal social’nyh nauk, (4).
6. ZHelnina A. A., Tykanova E. V. (2019). Formal’nye i neformal’nye grazhdanskie infrastruktury: sovremennye issledovaniya gorodskogo lokal’nogo aktivizma v Rossii. ZHurnal sociologii i social’noj antropologii, 22(1).
7. McGarry A., Davidson R. J., Accornero G., Jasper J. M. & Duyvendak J. W. (2016). Players and arenas: strategic interactionism in social movements studies. Social Movement Studies, 15(6), 634-642.
8. Semenov A. V. (2018). Protestnaya aktivnost’ rossiyan v 2012-2013 gg. Sociologicheskie issledovaniya, (11), 53-63.
9. Semenov A. V., SHevcova I. K., Bederson V. D. (2018). Gorodskaya mobilizaciya i gradostroitel’naya politika: strategicheskoe vzaimodejstvie mestnyh zhitelej i zastrojshchikov v situacii konflikta. ZHurnal sociologii i social’noj antropologii, 21(3).
10. SHelling T. (2007). Strategiya konflikta/ per. s angl. T. Danilovoj; pod red. YU. Kuznecova, K. Sonina. M.: IRISEN, 366.

УДК 329.8

Гавриков А.В.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ БЕЛАРУСИ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ (ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

***Аннотация**. Анализ избирательных кампаний 2000–2020гг., в Республике Беларусь не выявил высокого запроса на усиление политических партий и увеличения их влияния со стороны населения. Парламентские и президентские выборы показали, что сегодня мотивация электорального поведения белорусских граждан в значительной степени определяется не долгосрочной лояльностью избирателей по отношению к определенной партии, не их пристрастием к устойчивости традиций партийной поддержки, а самостоятельной критической оценкой реальных проблем, которые беспокоят население в том или ином регионе и в стране в целом. Такой прагматизм значительной части граждан нередко проявлялся в усилении негативного начала в механизме мотивации электорального поведения.*

***Ключевые слова:** политическая партия, средний класс, иммобильность населения, избирательные кампании.*

Уровень политизации населения в нашей стране наблюдается невысоким, это находит подтверждение в рейтинге базовых ценностей жителей Беларуси. Так, например, при ответе на вопрос «Что для Вас в жизни является наиболее важным?» респонденты Беларуси отмечают такие важные для себя жизненные ценности, как здоровье – 85,2%, семья – 72,3% и дети – 70,7 % [2, с. 163]. В то же время такие ценности, относящиеся к политической сфере, как власть, общественное призвание, известность, репутация, занимали последние места в рейтинге – 4,5, 3,7 и 10,9% соответственно [1]. Одной из причин, которая обусловливает низкий уровень политизации и участия населения в социально-политических институтах, заключается в том, что участие в политической жизни, по мнению респондентов, не помогает справляться с существующими жизненными проблемами. Так считали 40,1% респондентов, и только около 5% респондентов считает, что участие в политической жизни помогает во всех или большинстве ситуаций [1]. Такое общественное мнение об эффективности политической жизни показывает низкий уровень реального участия в политических партиях и общественных объединениях, а также в других социально-политических институтах, что отразилось на политической активности избирателей в парламентской кампании.

Все попытки оппозиционных партий перетащить на свою сторону подвижный электорат оказались безуспешными.

Оппозиционные партии использовали в 2000–2020 гг. тактику:

– бойкота;

– проведения альтернативных выборов;

– выдвижения единого кандидата.

Запрос на политическую альтернативу отсутствовал в большинстве регионов в 2017 – 2018 гг., превалирующая часть населения воспринимала существующее положение как достаточно стабильное – 24,2% или скорее стабильное – 27,2%, а в изменениях видело только угрозу обычному способу жизни, поэтому радикальные изменения большинством населения не были поддержаны [1].

Одним из институтов представительной демократии, которые предлагают альтернативные пути развития, являются политические партии. Однако многие граж-

дане Беларуси не воспринимают политические партии как действенный инструмент воздействия на органы власти для отстаивания своих интересов. Согласно данным социологических опросов, политическим партиям (как инструменту политического участия) в наши дни они предпочитают прямые обращения в государственные органы власти (29,5%), привлечение внимания к проблеме через СМИ (25,7%), самостоятельные действия через личные связи и знакомства (18,9%). На общем фоне вербально-пассивного интереса к политике (81,2% респондентов отмечают, что не принимают участие в общественно-политической жизни страны) членство в общественных организациях является наиболее распространенной формой участия человека в политике (5,8%), тогда как членство в политических партиях поддерживает 0,7% опрошенных [8, с. 83].

Как политический ресурс политических партий, представляет интерес и рейтинг проблем, вызывающих особое беспокойство у жителей Беларуси. Решения этих проблем определённым образом были отражены в предвыборных программах кандидатов в депутаты, однако очень невнятно. Да и сама предвыборная агитация была скучной, вялотекущей, апатичной и не оставившей заметного информационного следа. Она не стала для белорусского общества значительным социально-политическим явлением и прошла малозаметной для большинства избирателей. Как результат, значительно возросла вероятность того, что в представительную власть могут попасть популисты или просто случайные люди.

В избирательной кампании 2020 г. в парламенте стало больше партийных депутатов – 21 вместо прежних 16 (11 – КПБ, шесть – РПТС, один – ЛДП, два – БПП, один – от Белорусской аграрной партии).

С 1996г. Международная миссия БДИПЧ ОБСЕ и Совета Европы по наблюдению за выборами заявляет, что парламентские и президентские выборы в Беларуси не соответствуют важным международным стандартам демократических выборов, характеризуются общим пренебрежением фундаментальными ценностями, свободами собраний и ассоциаций. Ряд ключевых рекомендаций БДИПЧ ОБСЕ и Венецианской комиссии Совета Европы остались без внимания. В то же время наблюдателями от стран СНГ выборы признаются полностью демократическими и соответствующими международным стандартам [4].

На 2020 г. Министерством юстиции Республики Беларусь зарегистрировано 15 политических партий, которые в большинстве своем имеют минимальный ресурс для осуществления своей деятельности. Их активность не высока и проявляется только в период избирательных кампаний и в момент значимых социально-политических событий, что подтверждает рейтинг доверия политическим партиям. В конце 2017 г. политическим партиям в той или иной степени доверяли 14,6%, не доверяли 34,6% [1].

Рейтинг отдельно взятой политической партии находится в пределах социологической ошибки, а большинство населения выступает либо вообще против того, чтобы их кандидат был представителем политической партии, или же респондент ничего не знает о деятельности политических партий и затрудняется ответить – 46% [1].

Последние изменения в закон «О политических партиях» обсуждались в июне 2019 г. При Министерстве юстиции Республики Беларусь создана рабочая группа по изменению закона «О политических партиях». Новый законопроект направлен на совершенствование подходов к процессу создания и деятельности общественных объединений и политических партий, их организационных структур, использование современных технологий при проведении ими мероприятий, взаимодействие с

регистрирующими органами, упрощение получения юридического адреса, распределение получаемых финансовых средств, повышение прозрачности их деятельности. Министерство юстиции предлагает уменьшить количество учредителей, необходимых для регистрации политической партии, с 1000 до 800 [6]. Оппозиционные партии и движения предложили свой проект партийных реформ. Среди них:

– введение государственного субсидирования;

– уменьшение количества учредителей партии до 500 человек [7].

Политические партии Беларуси выступают в своих программах с императивом опоры на средний класс. Однако средний класс в Республике Беларусь – достаточно условен, так как используются различные методологии его определения. Его количество варьируется в зависимости от экономической ситуации в стране. Роль среднего класса в государстве достаточно сложна, однако важна при построении гражданского общества.

Критерием отнесения того или иного человека к среднему классу выступает, как правило, стабильный уровень доходов, достаточный для обеспечения среднего стандарта жизненных благ, удовлетворения материальных и культурных потребностей, а также высокий уровень образования и профессиональной квалификации, позволяющей иметь престижную и высокооплачиваемую работу. Сравнительное исследование показывает, что доля участия в политических партиях велика именно среднего класса, который, с одной стороны, с помощью политической стабильности стремится улучшить свое материальное благосостояние, а с другой – не потерять то, что имеет. В политических реалиях Беларуси некоторые общественные объединения могут стать племицитарной частью государства, например, как «партии власти». В Республике Беларусь такой партией стремится стать РОО «Белая Русь», которая неоднократно об этом заявляла на протяжении последних 10 лет и имеет более широкие ресурсы, чем любая из зарегистрированных партий. В теории «партия-картель» Мейр и Кац пришли к выводу: «Цель любой партии – это включение в систему власти, а достижение этой цели – логический итог процесса партийного строительства. Когда партии покоряют вершину властной иерархии – пост главы государства (правительства), становится возможным говорить о формировании в стране полноценной партийной системы» [5, с. 280].

Специфической характеристикой, отличающей политическую партию от общественно-политической организации, является наличие политических целей, выражающихся в целенаправленной борьбе за власть. Политические партии фокусируют свое внимание на всех вопросах государственной политики, пытаются изменить ее путем баллотирования и избрания на выборах (влияние изнутри с использованием политических ресурсов). Таким образом, РОО «Белая Русь» использует тактику политической партии, при этом являясь общественно-политической организацией.

Как заметил белорусский социолог И.В. Котляров, «современная белорусская многопартийность представляет систему ложных знаков, полностью оторванных от социальной реальности. В науке такие знаки называют симулякрами. Симулякры – это элементы в цепи событий, сохраняющие образ оригинала, но теряющие подобие ему, копии, не имеющие полного соответствия в действительности, знаки, оторванные от реальных объектов и событий, заменители действительности. По своей сути, мир симулякров – виртуальный мир, мир блефов и иллюзий, миражей и муляжей, мир, который живет по своим самодостаточным законам и не желает видеть, чувствовать реальную жизнь» [3, с. 67].

Относительная слабость белорусских партий стала причиной комплексных факторов, которые в совокупности делали политические партии слабым политическим институтом:

1. Политические партии, как правило, представляли собой партии идей, а не интересов, поскольку все еще отсутствует полноценная социальная база для их существования.

2. Длительное господство КПСС породило у людей стойкое неприятие всего, что связано с партией, вне зависимости от того, какие политические цели та преследует.

3. Большинство населения сомневалось в том, что его участие в политике может дать какие-либо результаты. Люди чувствуют, что партийные политики заботятся скорее о своей личной выгоде, чем об интересах страны.

4. Люди настолько поглощены своими повседневными проблемами, что у большинства из них нет времени для политической активности.

5. Многие политические партии во многом идентичны друг с другом и для населения почти все одинаковы.

6. Большинство политических партий испытывают проблему партийной демократии и лидерства, что отражается во внутренних конфликтах, которые делают отрицательным политический имидж.

Таким образом, невысокий уровень участия в общественно-политической жизни в немалой степени обусловлен высоким уровнем патернализма и низким уровнем доверия граждан политическим институтам, неверием белорусов в эффективность представительных структур, которые не способны серьезно влиять на ежедневную политику. Немаловажное значение имеет и то, что существенная часть белорусов озабочена решением материальных, социальных и других проблем, которые постоянно беспокоят их семью, тогда как стремление участвовать в управлении делами государства отодвинуто на второй план. Перед Беларусью стоят сложные задачи, которые в любом случае должны быть решены, так как страна не должна выпасть из общемирового тенденциозного развития многопартийности и гражданского общества. Сейчас наиболее важным является обеспечение прав человека, формирование эффективной и конкурентоспособной экономики, построение правового государства, создание действенной системы социальной защиты нетрудоспособных, совершенствование и адаптация к новым условиям систем образования и здравоохранения, организация решения экологических проблем и др. Одним из факторов, сдерживающих развитие партийного строительства в Беларуси, является то, что сегодня целый блок партий не представлен в органах реальной власти,. Не имея представительства во властных структурах, они лишены возможности играть роль посредника, связующего звена, коммуникативного моста между государством и обществом, стать наконец формой участия граждан в политических решениях и контроля над властью. Общество должно понимать, что и как нужно менять, чтобы двигаться вперед. Для этого необходимы альтернативные политические программы, разрабатываемые политическими партиями как один из элементов гражданского общества и социально-политический институт, который вырабатывает пути развития страны.

Библиографический список

1. Материалы респуб. мониторингов (2017, 2018 гг.) // Архив ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» за 2017, 2018 гг.
2. Гавриков А.В. Политические партии Беларуси и парламентские выборы: социологические аспекты // Ипокрена. Мн., 2019. №2. С. 160-171.

3. Котляров, И. В. Симулякры политического пространства. Белорусские партии: социологические тренды // Беларуская думка. 2014. №1. С. 64–71.
4. Либеральный клуб [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://liberalclub.biz (дата доступа: 01.02.2020).
5. Никоненко С.А. Политические партии как институт политической организации гражданского общества // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2011. № 10 (102). С.278–282.
6. Обоснование необходимости принятия Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://forumpravo.by/files/Obosnovanie_proekt_Zakon_izm_o_politicheskih_partiyah.pdf (дата доступа: 11.07.2019).
7. Закон о партиях будут менять. Оппозиция хочет получать деньги из бюджета [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.tut.by/economics/639759.html (дата доступа: 12. 07. 2019).
8. Шендик Т.А. «Белая Русь»: путь к партии? // Беларуская думка. 2017. № 6. С. 79 – 84.

Информация об авторе

Гавриков Андрей Валерьевич (Республика Беларусь, Минск) – магистр социологических наук, аспирант, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (220072, Республика Беларусь, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; gavrikov.1990@inbox.ru).

Gavrikov A. V.

POLITICAL PARTIES OF BELARUS AND THEIR POLITICAL AND ELECTORAL RESOURCES (POLITICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECT)

Abstract. *Analysis of election companies in 2000-2020 does not show a high demand for strengthening and increasing their influence on the part of the population. The parliamentary and presidential elections have shown that today the motivation of electoral behavior of Belarusian citizens is largely determined not by the long-term loyalty of voters to a particular party, not by their predilection for the stability of party support traditions, but by an independent critical assessment of the real problems that concern the population in a particular region and in the country as a whole. This pragmatism of a large part of citizens was often manifested in the strengthening of the negative beginning in the mechanism of motivation of electoral behavior.*

Key words: *political party, middle class, immobility of the population, election companies.*

Information about the author

Gavrikov Andrey V. (Republic Of Belarus, Minsk) – master of Sociology, graduate student of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganova str., 1, building 2; gavrikov.1990@inbox.ru).

References

1. Archive of the national research University “Institute of sociology of the National Academy of Sciences of Belarus” for 2017, 2018-Materials of the Republic monitoring (2017, 2018).
2. Gavrikov A.V. Political parties of Belarus and parliamentary elections: sociological aspects. Hippocrene. Minsk, 2019. № 2. Pp. 160-171.

3. Kotlyarov I. V. Simulacra of political space. Belarusian parties: sociological trends // Belorusskaya Dumka. 2014. № 1. Pp. 64-71.
4. Liberal club [Electronic resource]. Access mode: http://liberalclub.biz. access date: 01.02.2020.
5. Nikonenko S. A. Political parties as an institution of political organization of civil society // Bulletin of TSU. Humanities. History and political science. 2011. № 10 (102). Pp. 278-282.
6. Justification of the need to adopt the Law of the Republic of Belarus "on changing laws on the activities of political parties and other public associations". [Electronic resource]. Mode of access: http://forumpravo.by/files/Obosnovanie_proekt_Zakon_izm_o_politicheskih_partiyah.pdf. Date of access: 11.07.2019.
7. The law on parties will be changed. The opposition wants to get money from the budget. [Electronic resource]. Mode of access: https://news.tut.by/economics/639759.html. Date of access: 12. 07. 2019.
8. Sindic T. A. White Rus": the way to the party? // Belorusskaya Dumka. 2017. № 6. P. 79-84.

УДК 353.2

Гарина А.Д., Родин А.В.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются IT-формы взаимодействия населения и органов местной власти. Отмечена необходимость межсекторного партнерства для наиболее эффективной реализации целей государственной политики. Предложен механизм развития ТОС на основе краудсорсинга и краудфандинга.*

Ключевые слова: *межсекторное взаимодействие, краудсорсинг, краудфандинг, органы власти.*

На сегодняшний день укрепление российской государственности, успешное и эффективное социально-экономическое развитие как отдельных регионов, так и страны в целом возможно лишь при повышении качества территориального управления (ориентированного на достижение целей общественного развития), становлении гражданского общества [1, с. 17]. Однако рост количества муниципальных образований и соответственно органов местного самоуправления (далее – МСУ) в ходе муниципальной реформы, диктуемые сверху изменения их полномочий и необеспеченность финансовыми ресурсами привели к неспособности органов власти качественно исполнять вопросы местного значения.

Универсализация и формализация подходов к развитию территориального общественного самоуправления (далее – ТОС) в муниципальных образованиях, отличающихся значительным разнообразием по размерам и экономическому потенциалу, не позволила им стать действенной формой народного волеизъявления. Законодательно установленные формы участия граждан в решении вопросов местного значения практически не работают достаточно эффективно, реальное обсуждение проблем и народное волеизъявление иногда подменяется его имитацией. Взаимодействие органов власти и населения недостаточно налажено, организация ТОС во многом формальна, гражданская активность населения находится еще на низком уровне, что актуализирует проблему обеспечения эффективности деятельности ТОС [2, с. 61].

Активизация местных сообществ для вовлечения их в процесс устойчивого развития территории и создания условий для участия населения в управлении муниципальным образованием является важнейшей задачей гражданского общества. Ключевым условием эффективного развития муниципальных образований служат партнерское взаимодействие и взаимная ответственность муниципальных структур и граждан, использование технологий краудсорсинга (передача решения некоторых вопросов местного значения другим лицам, решение общественно значимых задач силами добровольцев, часто с помощью информационных технологий) и краудфандинга (народное финансирование, коллективное сотрудничество людей, добровольно объединяющих свои деньги или другие ресурсы, как правило, через Интернет).

По данным Росстата, в России число молодых людей в возрасте 15–34 лет составляло в 2019 г. почти 37 млн. человек, или 25,2% всего населения [3]. Особенно важны высокий уровень информационной грамотности и коммуникабельности молодежи именно по месту жительства – после школы еще не утеряны связи, постоянны коммуникации в социальных сетях (Вконтакте, Facebook, «Одноклассники» и др.).

Авторами было проведено социологическое исследование досуга краснодарских студентов трех государственных вузов, установившее, в частности, что значитель-

ный процент наших студентов (62,3–96,4%) используют Интернет-технологии. Активно участвуют в волонтерских, общественных молодёжных движениях, занятиях спортом, творческой и исследовательской деятельности от 11,2 до 63,1% студентов.

Значительный потенциал профессиональной поддержки ТОС имеют студенты, проходящие стажировки в Законодательном собрании края, администрациях края и муниципалитетов, причем их число ежегодно составляет сотни человек. На факультете управления и психологии КубГУ неформально организовано студенческое самоуправление и традиционно из числа студентов избирается президент факультета сроком на 4 года.

Исследование показало, что студенческая молодёжь всё активнее включается в общественные молодёжные объединения, что говорит о желании участвовать в демократических преобразованиях России. В целом более 67% опрошенных молодых людей КубГУ и 52% – КубГТУ проявили интерес к работе молодёжных общественных организаций (четверть опрошенных уже являются волонтерами или состоят членами молодёжных организаций и активно пропагандируют здоровый образ жизни, экологические идеи и т.д.). В России широкое распространение получило корпоративное, и особенно студенческое волонтерство. По разным оценкам, количество населения, задействованного в добровольном труде на благо общества, составляет в России не более 2–5%, а на Западе – 50% и более. Так, например, созданные в КубГТУ, КубГАУ и КубГУ центры волонтерского движения вызвали огромную активность студентов. Они регулярно участвуют в мероприятиях не только мирового и общенационального уровня, но и в благоустройстве, патриотических и гуманитарных акциях, проводят флэш-мобы и т.д., но – в общегородских масштабах крупных мероприятий, а не в местах своего проживания.

Это предопределяет глобальную актуальность на сегодняшний день проблемы использования краудсорсинга как инновационного ресурса развития ТОС в первую очередь на основе использования Интернет-ресурсов и технологий [4, с. 417].

Объединенные через разные формы самоорганизации на уровне местного самоуправления (ТСЖ, ТОС, домовые комитеты, местные общественные объединения, клубы по месту жительства и пр.) граждане ищут возможности для улучшения условий проживания, организации быта и досуга. Но целый ряд причин, важнейшими из которых являются отсутствие у населения информации о ситуации в муниципальном образовании, низкая правовая грамотность населения, мешают эффективно использовать имеющееся право на участие в решении вопросов местного значения.

Информационно-методическая поддержка активного населения служит одним из важнейших условий развития реального местного самоуправления, однако сегодня она не стала приоритетом для органов местного самоуправления; нормативная база, регламентирующая этот процесс, является достаточно неполной как на федеральном, так и на местном уровне.

Решить данную проблему позволит разработка коммуникационно-информационной системы поддержки краудсорсинга в территориальном общественном самоуправлении на основе создания модульного сайта ТОС.

Необходимо создать в местном сообществе единую «точку входа» для потенциальных участников развития территории (инициаторов, исполнителей) по технологии краудсорсинга, которой и может стать модульный сайт Центра краудсорсинга ТОС.

Главная задача – создать условия для привлечения новых добровольцев и бизнес-структур, готовых к деятельности по технологии краудсорсинга. Регистрация в качестве волонтера осуществляется гражданином самостоятельно в сети Интернет

на модульном сайте ТОС, который могут создать и вести те же волонтеры. По итогам регистрации ТОС будет оформлена «Электронная личная книжка волонтера ТОС» для учета волонтерской деятельности и сведений о стаже волонтера, его поощрениях и дополнительной подготовке.

Важным организационно-управленческим и информационным ресурсом может стать создание групп краудсорсинга ТОС в социальных сетях, выход на которые также будет обеспечиваться и с модульного сайта ТОС. Необходимо разработать и внедрить систему мотивации добровольцев на муниципальном уровне, создать балльную систему оценки волонтерской деятельности на сайте (группе в социальных сетях), где, помимо рейтинга волонтеров, можно найти список заявок (людей и объектов) на помощь.

Ключевыми инновационными направлениями краудсорсинга в жизнедеятельности ТОС являются взаимодействие с органами МСУ, участие в публичных слушаниях, консалтинг, юридическая поддержка, информационное обеспечение ТОС, использование ресурсов и инструментов Интернет-пространства, обеспечение безопасности территории, содействие в осуществлении контроля за выполнением управляющими организациями их обязательств и многие другие.

Необходимо разработать и реализовать механизм вовлечения комплексного человеческого потенциала жителей города в процесс формирования устойчивой тенденции роста уровня и качества жизни населения на базе социального партнерства органов муниципальной власти, местного сообщества, некоммерческих организаций, предпринимательства и других ключевых стейкхолдеров на территории ТОС *(рис. 1)*.

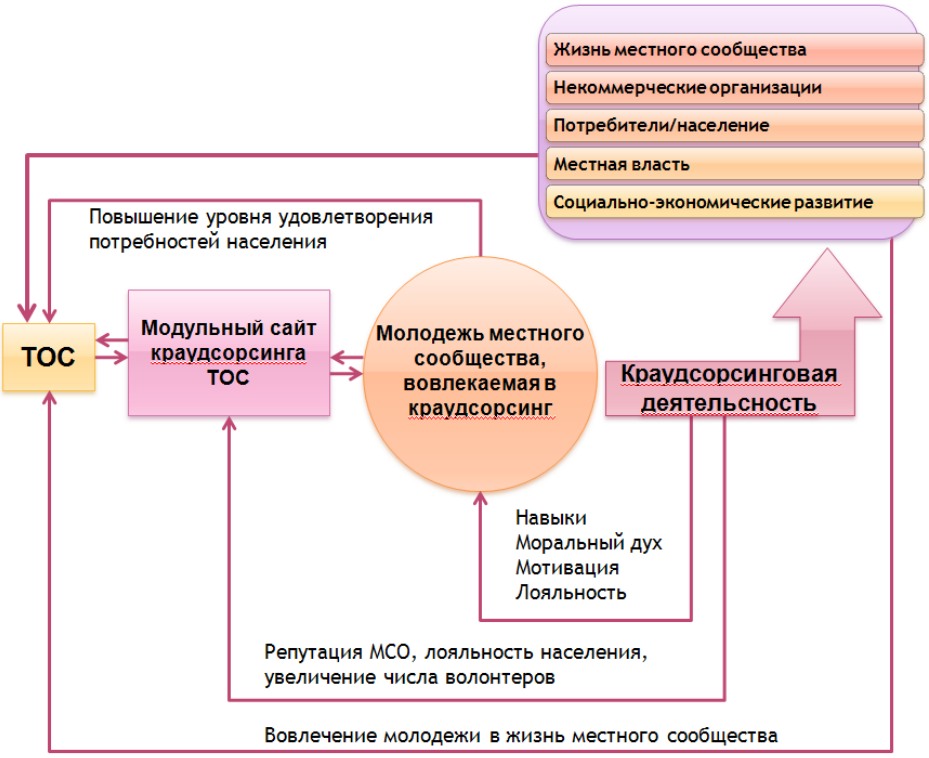


Рис. 1. Механизм развития ТОС на основе краудсорсинга

Поэтому одним из важнейших направлений мобилизации человеческого капитала в городе является разработка и/или заимствование, адаптация и внедрение высокоэффективных социально-гуманитарных технологий, направленных на достижение целей проекта. Необходимо обеспечить высокую «пропускную способность» системы социальных телекоммуникаций, а также действенные целевые механизмы стимулирования участников. Системный потенциал взаимодействия, обеспеченный вышеупомянутыми механизмами и инструментами, по мере накопления практического опыта превратится в мощный, постоянно действующий инновационный ресурс ТОС. Миссия – создание коммуникационно-информационной базы и организационных условий включения местного сообщества в деятельность ТОС на основе технологий краудсорсинга и краудфандинга.

Стратегическая цель – развитие системы краудсорсинга и краудфандинга в местных сообществах, создание единого стандарта краудсорсинга и краудфандинга в ТОС.

Архитектура модульного сайта территориального Центра краудсорсинга, поддерживающего коммуникационно-информационную базу и обеспечивающего организационные условия включения местного сообщества в деятельность ТОС на основе технологий краудсорсинга и краудфандинга, представлена на *рисунке 2*.

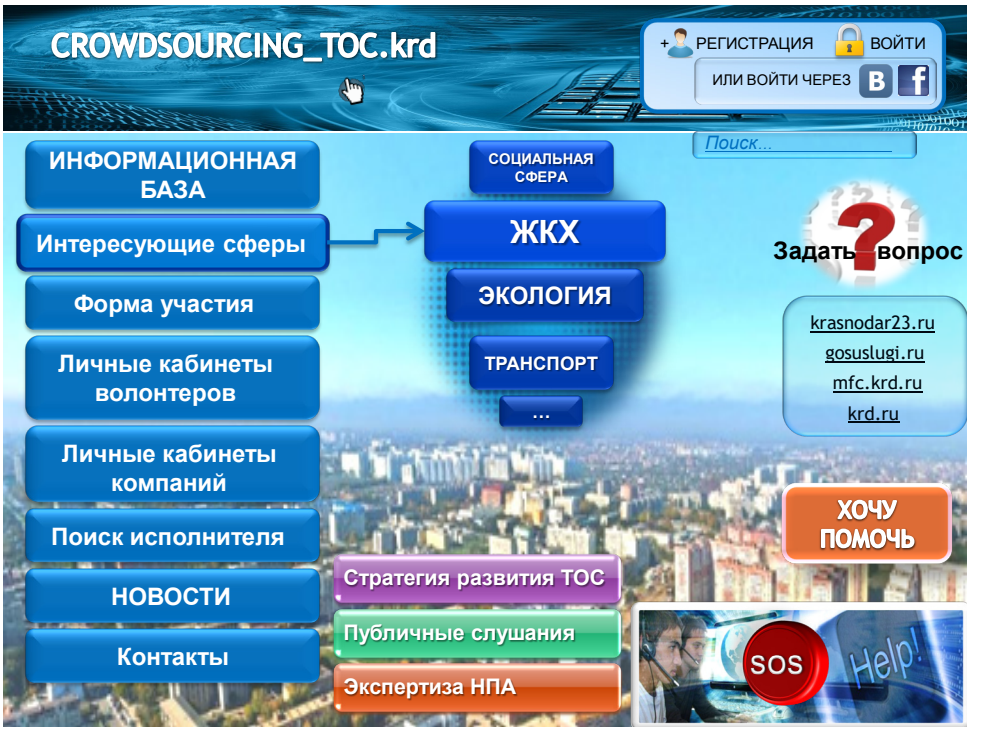


Рис. 2. Архитектура модульного сайта краудсорсинга и краудфандинга ТОС

Социальный эффект разработки – повышение качества жизни, расширение занятости на общественных работах, реальное включение местного сообщества в процесс местного самоуправления (публичные слушания, разработка стратегии развития, независимая экспертиза административных регламентов и т.д.), социализация молодежи, формирование гражданственности, активной гражданской позиции, развитие местного сообщества и институтов гражданского общества. Экономический эффект – рост ВРП, достижение индикаторов стратегии развития края с меньшими

затратами, повышение инвестиционной привлекательности территории. Бюджетный эффект – снижение субвенций и субсидий местным бюджетам на исполнение вопросов местного значения, повышение налоговых поступлений от освоения дополнительных инвестиций, экономия бюджетных средств, предусмотренных на развитие ТОС.

Библиографический список

1. Родин А.В. Институциональные условия обеспечения активации межсекторного сотрудничества в развитии территории // Modern Economy Success: Международный научный журнал. 2018. №4. С. 15-20. URL: http://www.modernsciencejournal.org/release/2018/MES_2018_4.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
2. Родин А.В., Будко А.С. Межсекторное взаимодействие в условиях цифровизации экономики региона // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования: / научно-практический журнал. 2018. Том 1. №7 (33). Курск: Университетская книга. С.58-63.
3. Население по национальности и владению русским языком по муниципальным образованиям // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-04(1).pdf (дата обращения: 15.03.2020).
4. Родин А.В. Цифровая трансформация межсекторного взаимодействия в реализации концепции «Smart Kuban» // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: сб. статей Международной научно-практической конференции, г. Брянск. 30 ноября 2018 г. / Брянский государственный инженерно-технологический университет. Брянск, 2018. С. 416-418.

Информация об авторах

Гарина Анна Дмитриевна (Россия, Краснодар) – студентка 2 курса, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; garina-99@mail.ru).

Родин Александр Васильевич (Россия, Краснодар) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, mailteor@mail.ru).

Garina A.D., Rodin A.V.

DIGITAL TRANSFORMATION OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT

***Abstract**. The article deals with IT-forms of interaction between the population and local authorities. The necessity of intersectoral partnership for the most effective implementation of state policy goals was noted. A mechanism for the development of territorial public self-government based on crowdsourcing and crowdfunding is proposed.*

***Key words:** intersectoral interaction, crowdsourcing, crowdfunding, authorities.*

Information about the authors

Garina Anna D. (Russia, Krasnodar) – 2 nd year student, FSBEI HE «Kuban State University» (350040, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149; djdj_lana@mail.ru).

Rodin Aleksandr V. (Russia, Krasnodar) – Candidate of Economics, Head of the department, FSBEI HE «Kuban State University» (350040, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149; mailteor@mail.ru).

References

1. Rodin A.V. Institutional conditions for ensuring the activation of intersectoral cooperation in the development of the territory / Modern Economy Success. International scientific journal. 2018, № 4. P. 15-20. URL: http://www.modernsciencejournal.org/release/2018/MES_2018_4.pdf (accessed March 14, 2020).
2. Rodin A.V., Budko A.S. Intersectoral interaction in the context of digitalization of the regional economy / Innovative economy: prospects for development and improvement / scientific and practical journal. № 7 (33) Volume 1. 2018. Kursk: University Book CJSC. P.58-63.
3. Population by nationality and Russian language proficiency by municipalities // Office of the Federal State Statistics Service for the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea. URL: https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-04(1).pdf (accessed: March 15, 2020).
4. Rodin A.V. Digital transformation of intersectoral interaction in the implementation of the Smart Kuban concept / Digital region: experience, competencies, projects. Collection of articles of the International scientific-practical conference. November 30, 2018, Bryansk, Bryansk State Engineering and Technology University. 2018. P. 416-418.

УДК 316.65(470.12)

Дементьева И.Н.

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ[1]

***Аннотация**. В настоящей статье анализируются протестные настроения жителей Вологодской области в контексте проблемы гражданского участия, рассматриваются особенности и тенденции протестного потенциала, определяется взаимосвязь показателей потенциала протеста и гражданской активности населения.*

***Ключевые слова:** протестные настроения, гражданское участие, гражданская активность, социально-экономическая ситуация, материальное положение, гражданское общество.*

Важнейшей предпосылкой и одновременно фактором формирования демократической политической системы является наличие гражданского общества. Гражданское общество характеризует совокупность общественных связей и отношений, воплощающую реальный уровень самоорганизации социума.

Главное в сформировавшемся, зрелом гражданском обществе – это социальная и политическая активность его главной составляющей силы – граждан и институтов [1]. Гражданская активность предполагает активное и сознательное участие граждан в общественно-политической жизни, смысл и цель которого определяется реализацией социально значимых интересов, присущих индивиду, различным объединениям граждан [2].

Отсутствие социально-политической активности граждан, их индифферентное отношение к происходящим в государстве процессам оказывает негативное воздействие на формирование гражданского общества в целом. Опасность представляет и деструктивная гражданская активность, проявляющаяся исключительно в выражении несогласия с политическими и экономическими мероприятиями, проводимыми государственными органами, в недовольстве существующей ситуацией и отрицании деятельности властей. С этой точки зрения одной из форм проявления и реализации гражданской активности выступает социальный протест.

Большинство исследователей, говоря о социальном протесте, имеют в виду главным образом явления активного социального действия, реальное общественное поведение, ориентированное на более или менее глубокие социальные преобразования, открытое противоборство населения с существующими структурами власти и выступления против тех или иных направлений в политике властей. В таком контексте формами выражения протеста могут быть митинги, демонстрации, пикетирование, кампании гражданского неповиновения, забастовки, голодовки, прогулы, «протестное голосование», терроризм, экстремистские акции, жалобы, обращения в суд, вооружённая борьба и т. д. [3]. Вместе с тем особенностью современного периода в России является развитие латентных форм протестной активности. Так, по данным Аналитического центра Ю. Левады, возможность в городах (районах) своего проживания массовых протестных выступлений с экономическими требованиями допускают 30% населения России, с политическими требованиями – 29%; не исключают вероятности своего участия в этих акциях 25 и 19% граждан соответственно [4]. В этой связи особую актуальность и значимость приобретает выявление и измерение

[1] Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

протестных настроений, т. е. потенциальной склонности людей к участию в акциях протеста. Протестный потенциал, как и реальные протестные действия, можно рассматривать в качестве негативных форм гражданской активности населения.

Вологодский научный центр РАН отслеживает основные тенденции динамики протестных настроений жителей региона в рамках регулярного мониторинга общественного мнения, проводимого на территории Вологодской области с 1995 года[2]. Потенциал протеста составляют респонденты, отвечающие на вопрос: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» – следующим образом: «выйду на митинг, демонстрацию»; «буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «если надо, возьму оружие, выйду на баррикады». Речь идёт о том, что человек допускает возможность своего участия в протестных выступлениях. Таким образом, «протестную группу» составляют жители области, отличающиеся определённым эмоциональным настроем, не обязательно тождественным активному социальному поведению.

В настоящей статье анализируются протестные настроения жителей Вологодской области в контексте проблемы гражданского участия, рассматриваются особенности и тенденции протестного потенциала, определяется взаимосвязь показателей потенциала протеста и гражданской активности населения.

Анализ регулярных наблюдений по Вологодской области показал, что за период с 2008 по 2019 г. протестные настроения высказывал в среднем каждый пятый ее житель (19%; *табл. 1*). Некоторое увеличение потенциала протеста наблюдалось в условиях нарастания кризисных процессов в экономике страны и региона: в 2008–2009 гг. доля жителей региона, склонных к участию в акциях протеста, возросла с 20 до 22%, в 2014– 2015 гг. – с 19 до 21%.

В зависимости от форм протеста в рассматриваемый период в «протестной группе» преобладала доля приверженцев «мирных» протестных действий («выйду на митинг, демонстрацию» – в среднем 10%). Готовность к радикальным действиям в защиту своих интересов («если надо, возьму оружие, выйду на баррикады») высказывали в среднем лишь 4% «протестующих».

Таблица 1. Динамика потенциала протеста в Вологодской области
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Потенциал протеста	19,6	21,9	20,0	19,8	20,1	17,3	18,6	21,1	19,3	17,4	18,9	19,9
Выйду на митинг, демонстрацию	9,7	10,8	9,6	10,9	10,3	9,3	10,7	11,2	9,4	8,7	11,2	11,7
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	5,4	6,0	6,1	4,7	5,7	4,2	3,9	4,9	5,3	4,8	4,6	4,8
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	5,1	5,0	4,3	4,3	4,2	3,8	4,0	4,9	4,6	3,9	3,1	3,4

Анализ данных позволяет выделить категории людей, которые отличаются определенным социально-психологическим настроем и имеют предрасположенность к активным действиям в случае возникновения конфликтной ситуации *(табл. 2)*. В

[2]....Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН проводится 6 раз в год в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Ошибка выборки не превышает 3%.

среднем за период с 2008 по 2019 г. наиболее существенные различия в уровне протестной активности наблюдались в группах населения, выделенных в зависимости от уровня доходов и территории проживания. Так, наиболее высокий показатель социального недовольства отмечается в 20%-й группе наименее обеспеченных (26%) и среди проживающих в городах Вологде и Череповце (по 22%).

В 2018–2019 гг., помимо доходных и территориальных категорий, обращают на себя внимание различия протестных настроений в возрастных и образовательных группах. Намерение участвовать в акциях протеста значительно сильнее выражено у жителей региона в возрасте от 30 до 55 лет (20%) и старше 55 лет (22%), а также лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование (23%).

Таблица 2. Динамика потенциала протеста в различных социально-демографических группах населения (в % от числа опрошенных)

Группы населения	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Пол												
Мужской	23,2	25,1	22,2	22,6	23,0	19,3	21,7	22,6	20,4	19,2	19,0	19,9
Женский	16,8	19,3	18,3	17,5	17,7	15,7	16,6	19,9	18,5	16,0	18,9	19,9
Возраст												
До 30 лет	20,2	20,7	20,4	19,7	18,7	17,4	17,7	20,5	15,4	15,3	16,7	15,9
30-55 лет	20,0	22,6	21,6	20,7	21,3	17,3	20,1	22,9	20,9	18,0	19,1	20,0
Старше 55 лет	18,5	21,7	17,0	18,3	19,2	17,4	18,0	19,1	19,5	17,7	19,7	21,5
Образование												
Н/среднее и среднее	20,7	20,7	20,2	20,6	22,8	17,3	21,4	20,9	20,7	19,5	21,9	23,1
Среднее специальное	20,9	23,6	19,9	19,7	20,0	18,2	17,9	20,7	18,9	16,4	15,3	17,5
Н/высшее и высшее	16,8	21,3	19,9	19,2	17,5	16,5	17,2	21,8	18,2	16,5	20,6	19,4
Доходные группы												
20% наименее обеспеченных	24,8	24,3	23,9	27,2	25,0	21,7	23,3	29,0	27,4	28,2	25,8	31,4
60% средне-обеспеченных	19,9	22,3	21,1	19,0	20,4	16,4	19,1	20,9	18,9	15,9	18,1	18,6
20% наиболее обеспеченных	14,0	19,8	15,1	14,7	13,9	13,6	11,4	14,5	13,5	9,6	14,0	11,2
Территории												
Вологда	21,9	23,5	22,4	21,6	23,3	20,3	18,9	25,7	21,4	19,9	22,0	24,2
Череповец	17,2	21,2	22,1	19,7	18,5	17,6	22,4	24,7	21,6	20,4	28,9	26,1
Районы	19,8	21,4	18,0	19,0	19,3	15,7	16,4	16,4	16,8	14,3	11,5	13,9

Регулярные социологические исследования на территории Вологодской области позволяют выявить и проанализировать взаимосвязь и взаимозависимость показателей протестного потенциала и гражданской активности населения.

Как показывают данные опросов, потенциал протеста заметно выше в группах населения, отличающихся низкими показателями гражданской активности *(табл. 3)*. Так, среди тех, кто готов объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий с целью защиты общих интересов, протестные настроения высказывает 16% жителей области, тогда как в категории «не готовых» к объединению доля «протестующих» в 1,5 раза больше (24%). Среди жителей области, оценивающих свое участие в общественной и политической жизни как «активное», склонность к протестному участию проявляет только 15% опрошенных, в то время как в категории лиц, негативно характеризующих свою общественно-политическую активность, удельный вес представителей группы протеста существенно выше (23%).

Таблица 3. Потенциал протеста в группах населения в зависимости от показателей гражданской активности населения (в % от числа представителей каждой категории)*

2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?								
Готов и скорее готов								
21,4	н.д.	23,1	15,4	19,1	20,5	16,9	15,0	18,8
Не готов и скорее не готов								
29,9	н.д.	21,7	30,8	30,0	18,9	17,3	20,9	21,6
Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?								
Активное								
26,0	н.д.	23,5	13,4	14,3	9,6	13,9	13,8	12,9
Пассивное								
22,5	н.д.	20,3	21,4	26,6	22,3	21,1	21,6	24,2

*Вопрос задается с 2011 года.

Результаты социологических измерений позволяют осуществить сравнительный анализ группы лиц, склонных к проявлению протестных настроений, и «остальных» жителей области по уровню гражданской активности *(табл. 4)*.

Среди потенциальных участников акций протеста в среднем около 30% респондентов «не готовы к совместным действиям» для решения возникших проблем (среди остального населения – около 20%). При этом в последние годы среди «протестующих» отмечается существенный рост негативных оценок (с 27 до 37%).

Почти две трети представителей «группы протеста» считают своё гражданское участие «пассивным» (63%), среди остальных удельный вес таких ответов находится в среднем на уровне 50%.

Таблица 4. Гражданская активность населения в группе потенциала протеста и среди остальной части населения (в % от числа опрошенных)

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Доля населения, не готового объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов									
Потенциал протеста	36,6	22,5	26,3	28,2	26,1	20,7	27,7	27,4	36,6
Остальные	22,3	19,3	12,7	16,5	26,1	21,8	23,0	25,5	22,3
Доля населения, оценивающего свое участие в общественной и политической жизни как «пассивное»									
Потенциал протеста	52,8	52,6	65,4	68,1	72,8	69,3	66,1	70,7	52,8
Остальные	47,1	49,1	51,7	47,3	59,0	57,0	52,9	56,8	47,1

Таким образом, протестные настроения выступают существенным барьером проявления гражданской активности населения. Потенциал социального протеста, формирующийся на фоне недовольства людей социально-экономической и общественно-политической ситуацией, деятельностью властей, собственным материальным положением и социальным самочувствием, ограничивает возможности реального привлечения населения через систему самоуправления, некоммерческих организаций к решению широкого круга общественно-политических, социальных, хозяйственных, культурных и других проблем. Протестный потенциал препятствует укреплению солидарности, консолидации, сплочённости регионального сообщества, выступая деструктивным проявлением гражданской активности.

Библиографический список

1. Букаев А.Н. Гражданское общество и протестные настроения //Известия Академии управления: теория, стратегии, инновации. 2012. № 5 (12). С. 3-6.

2. Дементьева И.Н. Гражданская активность населения в контексте формирования социального капитала региона // Социальное пространство. 2017. № 5 (12).
3. Семенов В.С. Россия в сети конфликтности: между взрывом и согласием // Социологические исследования. 1993. № 7. С. 73.
4. Протестный потенциал // URL: https://www.levada.ru/tag/protesty/

Информация об авторе

Дементьева Ирина Николаевна (Россия, Вологда) – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; irinika_74@mail.ru).

Dementieva I.N.

PROTEST MOOD OF THE POPULATION OF THE REGION IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF CIVIL PARTICIPATION

Abstract. *This article analyzes the protest mood of the residents of the Vologda Oblast in the context of the problem of civic participation, considers the features and trends of the protest potential, determines the relationship between the indicators of the protest potential and the civic engagement of the population.*

Key words: *protest moods, civic participation, civic engagement, socio-economic situation, financial situation, civil society.*

Information about the author

Dementieva Irina N. (Russia, Vologda) – Research Associate at the Department for Studies of Lifestyles and Standards of Living, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolSC RAS) (Russia, 160014, Vologda, Gorky Str., 56a; irinika_74@mail.ru).

References

1. Bukaev A.N. Civil society and protest mood // News of the Academy of Management: theory, strategy, innovation. 2012. № 5 (12). S. 3-6.
2. Dementieva I.N. Civil activity of the population in the context of the formation of the social capital of the region // Social space. 2017. № 5 (12).
3. Semenov V.S. Russia in the network of conflict: between explosion and consensus // Sociological studies. 1993. № 7. S. 73.
4. The protest potential // URL: https://www.levada.ru/tag/protesty/

УДК 304.9/ББК 60.83

Калашников К.Н.

ДАБЛ-БАЙНД В КОНТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СТИХИЙНОСТЬ ИЛИ ЗЛОНАМЕРЕННОСТЬ?

***Аннотация**. Автор рассматривает проблемы социального взаимодействия в контексте теории «дабл-байнд», разработанной американским кибернетиком Г. Бейтсоном в качестве альтернативной теории шизофрении. В центре внимания – нетривиальный вопрос: являются ли послания «дабл-байнд», адресуемые субъектами управления, в том числе и органами власти, осмысленными. Сделан вывод о том, что российский социально-экономический и политический контекст весьма богат на примеры патологической коммуникации.*

***Ключевые слова:** дабл-байнд, системная теория шизофрении, Г. Бейтсон, культура управления.*

Дабл-байнд (double bind) – коммуникативная ситуация, когда субъект получает противоречащие друг другу сигналы/сообщения, относящиеся к разным уровням коммуникации. Несмотря на то что в психиатрии системная теория шизофрении не является общепринятой, сама концепция дабл-байнд представляет интерес с более широких позиций управления и кибернетики [9]. Последнее актуально в контексте анализа практик коммуникации в социальных системах, особенно во взаимодействии между гражданами и органами власти. Чаще всего мы списываем странную неспособность государственных структур обеспечить требуемые параметры благополучия и решить тривиальные насущные проблемы населения на отлынивание, халатность, безответственность и непрофессионализм с их стороны. Но возможно ли, что это всё лишь часть масштабного продуманного плана или, что более точно, тактики ведения «боя», технологии? Ниже приведены некоторые важные положения о патологической коммуникации в контуре управления, которые сконцентрированы вокруг главного, на наш взгляд, вопроса: насколько злонамеренно (и вообще – намеренно ли?) поведение субъекта, адресующего дабл-байнд?

«Люди говорят» – гласил рекламный слоган. Однако обмен словами и мнениями – это только видимая часть человеческого общения. Да, общение – более точное слово, оно уже подразумевает многослойность акта коммуникации. Недостаточно просто воспринимать слова, взгляды и поступки, принимая их за чистую монету. Их надо интерпретировать: «Что он (она) имеют в виду?» Сам Г. Бейтсон по этому поводу пишет: «Сигналы другого индивидуума, как и свои собственные, – это всего лишь сигналы, которым можно доверять, не доверять, фальсифицировать, отвергать, усиливать, корректировать и т.д.» [2]. Иногда сигналы противоречат друг другу, для чего есть все предпосылки. Взаимодействие между индивидами осуществляется на разных уровнях одновременно – вербальном, металингвистическом и метакоммуникативном. Метакоммуникативное сопровождение включает всю «невербальную» составляющую общения (мимика, артикуляция, жесты, поза), которая передаётся адресату параллельно с устным сообщением [1]. Другая часть сообщения – металингвистическая подоплёка, семантическая палитра слов как языковых единиц. Одни и те же слова могут быть насыщены различными коннотациями и «интуициями»[1]. Для человеческого обще-

[1] Слово «лиса» на денотативном уровне означает лишь известное животное. На металингвистическом уровне оно насыщается сопутствующими смыслами (например, благодаря народным сказкам лиса ассоциируется с хитростью). На метакоммуникативном уровне: у говорящих о лисе мысли вполне могут быть начинены индивидуальными или коллективными флешбеками.

ния метакоммуникация настолько обычна, что мы находим важным сохранять её и в дистанционном общении, например в переписке. Общаясь в социальных сетях, люди привыкли использовать эмотиконы, передающие настроение. Адресат, получающий сообщение «Рад был с тобой поговорить :-/», наверняка будет введён в замешательство и захочет уточнить у собеседника, что всё-таки тот имел в виду. А если заключить слово «рад» в кавычки, но поставить смайлик? Конфуз тоже случится.

Дабл-байнд может раскрываться как в едином акте коммуникации, так и иметь временно́е измерение и сюжетное развитие, когда противоречие распознаётся позднее и разрушает ранее установленный контур ожиданий. Трактовка сигналов идёт с опорой на имеющийся опыт и/или способности считывать истинные мотивы визави. Герой рассказа Э. По сыщик Огюст Дюпен на примере детской игры «чет – нечет» объяснял, насколько важно понимать установки своего интеллектуального противника, чтобы адекватно трактовать его послания и одержать победу. В этой незамысловатой игре, когда один из участников угадывает, чётное или нечётное количество камешков зажал в руке соперник, постоянно выигрывал мальчик, обладающий способностью правильно оценивать ум и хитрость противника, легко угадывать ход его мысли и тактику игры [7]. Подобные схемы легко переносятся на любые другие форматы коммуникацией, будь то работа, семейная жизнь или выборная кампания.

Ситуация дабл-байнд всегда оказывается стрессовой для «адресата» (фактически – жертвы) двойного послания, однако степень её травматичности колеблется в широком диапазоне[2]. Если представить её в виде шкалы, то нулевая её отметка будет занята контекстом игры. Читаем у Бейтсона: «Это явление – игра – могло возникнуть только в том случае, если участвующие организмы были способны к некоторой степени метакоммуникации, т.е. к обмену сигналами, которые переносили бы сообщение «это – игра»» [2]. Игра – изящная форма лицемерия. Обман здесь выступает лишь естественным атрибутом, источником остроты, азарта. Кроме того, у игры есть правила, с которыми игроки изначально ознакомлены. Хорошие примеры – шутливая драка или флирт. Совершенно другое дело – ситуация, когда вместо очевидной предпосылки «это игра», возникает вопрос «игра ли это?» Ошибка в трактовке контекста коммуникации травматична, даже разрушительна.

Социолог Д. Гамбетта описал любопытный эпизод из детства сицилийского мафиози. Отец как-то попросил его залезть на высокую стену, а затем спрыгнуть. При этом он успокаивал мальчика, обещая поймать. Когда тот спрыгнул, отец демонстративно спрятал руки и отошёл. Этим жестоким уроком он хотел показать сыну, как устроен мир: никому нельзя верить [10]. В известных кругах и структурах распространены формы экзаменации «фрешменов», когда изначально заявленные правила в момент самой экзаменации кардинально меняются. Это своего рода проверка устойчивости к переменам, которые в жизни случаются регулярно. Казалось бы, подобные испытания – настоящее предательство. Однако они открывают перспективу для эволюционного процесса. Где-то посередине шкалы размещается стрессовая ситуация, которая весьма опасна для объекта дабл-байнда, но сам риск способствует развитию, характерологическому росту адресата. «Дело выглядит так, – пишет Г. Бейтсон, – словно дифференциация и творчество – что бы ни значили эти слова – возникают тогда, когда окружающая среда и не слишком последовательна, и не слишком капризна» [1]. Порой дабл-байнд – это проверка на прочность. Вспомним яркую сцену из кинофильма «Цельнометаллическая оболочка» С. Кубрика. «Сэр,

[2] В соответствии с уровнем травматичности можно даже вольно использовать различные варианты перевода: «двойное сообщение» и «двойной капкан».

рядовой знает, что любой ответ будет неверным (*инструктор спрашивал рядового, верит ли тот в Деву Марию. – Прим К.К.*). «Если же рядовой передумает, инструктор ударит его ещё сильнее, сэр!» – кричал в отчаянии рядовой Джокер, поняв, что попал в ловушку [8]. Нет сомнений, что во всех перечисленных случаях субъект понимает, что делает. Мы не можем исключать того, что и представители власти, адресующие дабл-байнд своим избирателям, гражданам, народу, делают это осознанно. Приведём пример металингвистического сопровождения слова «эффективность». Ещё Г. Саймон, Д. Смитбург и В. Томпсон предупреждали, что мы, слыша его с высоких правительственных трибун, должны понимать, что конкретно имеется в виду. «В управлении, – писали они, – термин «эффективность» не только один из наиболее часто употребляемых, но и слово, которым более всего злоупотребляют. Чаще всего оно означает экономию (сокращение расходов) или просто используется как одобрение выбранного курса» [6]. Даже инициируя перемены антисоциального характера, власть может прикрываться соображениями об эффективности – понятии, казалось бы, стилистически не скомпрометированном. Часто контекст дабл-байнда и вовсе деструктивен. Например, в советское время на улицах городов практически отсутствовали общественные туалеты. Люди как-то приспосабливались и справлялись с неудобствами, но подлинно абсурдным со стороны государства было жёстко наказывать людей за случающиеся проявления естественной физиологической слабости. Другой пример – качество гуманитарного образования. Особенно знание языков. В свете теории дабл-байнд известный риторический вопрос М. Жванецкого – «Это как же надо было учить нас английскому языку, чтобы мы не знали ни одного слова?» – не кажется таким уж парадоксальным. М. Веллер во вступлении к юмористическому рассказу «Легенда о стажёре» из цикла «Легенды Невского проспекта» дал чёткое и сакраментальное объяснение провалу, сконструированному провалу, советского языкознания [3]. Эти примеры – исторические, но принципиальные подходы к управлению, применявшиеся в то время, успешно воспроизводятся и сегодня. Образ шизофреногенной матери, описанный Г. Бейтсоном, действительно очень к лицу российскому работодателю, государству – словом, всем субъектам процесса управления. В известном докладе «Контрреформация» современный российский философ К. Крылов рассуждал: «Власти в России поддерживают любые порядки, законы, правила игры и прочие «формы» ровно до того момента, пока большинство населения страны не научится играть по этим правилам – после чего следует очередная «реформа», меняющая и рушащая все установления и обнуляющая накопленный опыт» [4]. Подобная замена контекста, если она действительно выступает частью политики, позволяет поставить вопрос об эффективности государства, а также потребности в экспертной и в целом общественной активности, в совершенно иную плоскость. В этом случае мы будем говорить не о бессилии государства, а о намеренной манипуляции сознанием граждан.

Успех покоится на «правилах». Для общества важно знать, чего ожидать завтра. Разумеется, конкуренция вносит в жизнь заметную долю непредсказуемости, и она способствует инновационной активности, однако речь идёт лишь о том, что, намеренно остановимся на грубом примере, государство, декларируя защиту прав собственности, на деле может инициировать её экспроприацию. В странах Запада, и это действительно принципиальное отличие их от России, закон действует жёстко и имеет прямую силу. «Стимул – реакция» – формат общения хотя и примитивный, но совершенно понятный. Дабл-байнд действительно может способствовать мобилизации, но на уровне выживания, процветание же требует адекватного понима-

ния действительности во всех её проявлениях. И последнее. Намеренность – это ещё не значит злонамеренность. Не исключено, что широкое распространение практик «двойного капкана» обусловлено культурой, некритичным усвоением стереотипов, передаваемых из поколения в поколение. Многие субъекты управления искренне верят, что никаких альтернатив просто не существует.

Библиографический список

1. Бейтсон Г. Новые концептуальные структуры для изучения поведения (1958) / пер. Д. Федотова, не опубликовано (Bateson G., The New Conceptual Frames for Behavioral Research // Proceedings of the Sixth Annual Meeting of Psychiatric Institute, Princeton, NJ, 1958.)
2. Бейтсон Г., Шаги в направлении экологии разума: избранные статьи по психиатрии, М.: УРСС, 2005.
3. Веллер М. Легенды Невского проспекта. М.: АСТ, 2018. 352 с.
4. Контрреформация: доклад. URL: https://krylov.cc/articles.php?id=99
5. Крылов К. (2014) Технология управления населением в России [видеозапись выступления на семинаре «Шизофреногенность русской культуры»] // YouTube. 17 октября (https://www.youtube.com/watch?v=tFf38dn64fU).
6. Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В. Менеджмент в организациях. М.: Экономика, 1995. 335 с.
7. По Э. Рассказы. М.: Эксмо, 2019. 768 с.
8. «Цельнометаллическая оболочка»: («Full Metal Jacket», реж. С. Кубрик, 1987).
9. DOUBLE_BIND (Федотов Д.Я.) (2018) Теоретическое наследие Г. Бейтсона // «Живой журнал» borkhers. Запись от 5 августа (https://double-bind.livejournal.com/).
10. Gambetta D. The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge: Harvard University Press, 1993, p. 35.

Информация об авторе

Калашников Константин Николаевич (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; konstantino-84@mail.ru).

Kalashnikov K.N.

DOUBLE-BIND IN THE SOCIAL COMMUNICATION CIRCUIT: SPONTANEITY OR MALICE?

***Abstract**. The author considers the problems of social interaction in the context of the "doublebind" theory, developed by the American cyberneticist G. Bateson as an alternative theory of schizophrenia. The focus is on the non – trivial question of whether the messages of "doublebind" addressed by management entities, including authorities, are meaningful. It is concluded that the Russian socio-economic and political context is very rich in examples of pathological communication.*

***Key words:** double-bind, system theory of schizophrenia, Bateson G., the culture of management.*

Information about the author

Kalashnikov Konstantin N. (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Gorky Street, 56a; konstantino-84@mail.ru).

References

1. Bejtson G. Novye konceptual'nye struktury dlja izuchenija povedenija, 1958. Perevod D. Fedotova, ne opublikovano. (Bateson G., "The New Conceptual Frames for Behavioral Research" // Proceedings of the Sixth Annual Meeting of Psychiatric Institute, Princeton, NJ, 1958.)
2. Bejtson G., Shagi v napravlenii jekologii razuma, izbrannye stat'i po psihiatrii, Moskva, URSS, 2005.
3. Veller M. Legendy Nevskogo prospekta. Moskva: AST, 2018. 352 s.
4. Kontrreformacija. Doklad. URL: https://krylov.cc/articles.php?id=99
5. Krylov K. (2014) Tehnologija upravlenija naseleniem v Rossii [videozapis' vystuplenija na seminare «Shizofrenogennost' russkoj kul'tury»] // YouTube. 17 oktjabrja (https://www.youtube.com/watch?v=tFf38dn64fU)
6. Sajmon G., Smitburg D., Tompson V. Menedzhment v organizacijah. Moskva: Jekonomika, 1995. 335 s.
7. Po Je.A. Rasskazy. Moskva: Jeksmo, 2019. 768 s.
8. «Cel'nometallicheskaja obolochka» («Full Metal Jacket», rezh. S. Kubrik, 1987).
9. DOUBLE_BIND (Fedotov D.Ja.) (2018) Zapiski psihiatra // «Zhivoj zhurnal» borkhers. Zapis' ot 5 avgusta (https://double-bind.livejournal.com/).
10. Gambetta D. The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection. Cambridge: Harvard University Press, 1993, p. 35.

УДК/ББК 316.653/60.59

Каминский В.С.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СЗФО: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА

***Аннотация**. В статье анализируется уровень потенциальной и реальной политической активности населения трёх субъектов РФ, входящих в состав Северо-Западного федерального округа. Рассмотрена взаимосвязь политической активности населения с социально-экономическим развитием регионов.*

***Ключевые слова:** социальное здоровье, политическая активность, интерес к политике, отчуждение, регион.*

Особое место в структуре общественного здоровья занимает социальное здоровье, поскольку оно отражает способность каждого конкретного члена общества адаптироваться к социуму, причем не только «уживаться» с ним, но и реализовывать свой потенциал, свои потребности, достигать своих целей [3, с. 474–475]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что социальное здоровье выражается прежде всего в поведении людей, их социальной активности, деятельном отношении к миру, обеспечивающих взаимную адаптацию и взаиморазвитие человека и общества [2, с. 76].

Правомерно выделять такие основные формы социальной активности, как бытовая, социокультурная, гражданская и политическая [1]. Целью исследования выступил анализ политической активности, поскольку по мере усложнения социально-экономических отношений важным ракурсом исследования социального здоровья становится общественно-политический. Политическая повестка во многом отражает характер взаимодействий между обществом и властью, настроения, существующие в обществе, социальную ситуацию в стране.

В понятии социальной (а значит, и политической) активности целесообразно выделять две составляющие – реальную и потенциальную социальную активность. Под первой понимается совокупность видов деятельности и инициатив граждан, под второй – состояние личности, обусловленное её предрасположенностью к осуществлению указанных видов деятельности и инициатив [1]. Ключевые индикаторы потенциальной политической активности: заинтересованность политикой и стремление влиять на политику. Основной показатель реальной политической активности – участие в различных мероприятиях общественно-политической жизни.

Для исследования были отобраны три субъекта, входящие в состав Северо-Западного федерального округа: Вологодская область, Псковская область и Республика Карелия[1]. Данные регионы были выбраны в связи с тем, что они существенно различаются по уровню социально-экономического развития. Так, по большинству проанализированных социально-экономических показателей наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Вологодской области (по 8-ми из 11; *табл. 1*), наименее благоприятная – в Псковской области.

[1] Опрос был проведён в трёх регионах Северо-Западного федерального округа. Общий объем выборочной совокупности – 1600 респондентов (Вологодская область – 800, Псковская область и Республика Карелия – по 400). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пунк-ты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения регионов. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 5%.

Таблица 1. Основные социально-экономические показатели субъектов СЗФО в 2017 г.

№ п/п	Показатель	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия
1.	Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	26489	23144	26740
2.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	31651	23659	34434
3.	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в % от общей численности населения	13,6	17,9	17,3
4.	Реальные денежные доходы, в % к 2010 году	109,2	99,7	98,2
5.	Валовой региональный продукт, млн. руб. на душу населения	413,2	226,9	375
6.	Инвестиции в основной капитал, млн. руб. на душу населения	111,2	45,5	67
7.	Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года), млн. руб. на душу населения	1455,2	608,5	1125,6
8.	Продукция сельского хозяйства, млн. руб. на душу населения	22,7	8,5	6,7
9.	Оборот розничной торговли, млн. руб. на душу населения	146,2	167,5	181,0
10.	Ввод в действие жилых домов, м^2 общей площади жилых помещений на душу населения	0,46	0,32	0,36
11.	Уровень безработицы, в %	5,3	6,5	8,6
Справочно: численность населения на 1 января 2018 г., тыс. чел.		1176,7	636,5	622,5
Итого: Количество показателей, по которым ситуация в регионе наиболее благоприятна		*8*	*0*	*3*
Количество показателей, по которым ситуация в регионе наименее благоприятна		*1*	*7*	*3*

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Р32: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с. Показатели 5 – 10 рассчитаны автором.

Анализ индикаторов потенциальной политической активности. Большинство жителей СЗФО не уделяют внимания политике (62%; *табл. 2)*. Во всех рассматриваемых регионах оценки заинтересованности политикой практически идентичны: доля интересующихся составляет 37–39%, не интересующихся – 61–63%.

Данные опроса говорят о дефиците человеческих ресурсов с точки зрения активизации политической жизни. Удельный вес граждан, не стремящихся влиять на политику, существенно выше доли противоположных мнений (в среднем по опросу – в 3,2 раза, в частности: в Карелии – в 5,6 раза; в Вологодской области – в 4 раза; в Псковской области – в 1,7 раза). Стремление воздействовать на политические процессы сильнее всего выражено у жителей Псковской области: почти четверть их заявили о наличии у них такого желания (26%), что на 10–14 п.п. выше, чем в Вологодской области и Республике Карелия (12–16%). Менее половины жителей Псковской области заявили, что не хотят влиять на политику (46%). Это существенно меньше, чем в остальных субъектах (на 17–20 п.п.).

Таблица 2. Отношение к политике (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Среднее по опросу
Оценка заинтересованности политикой*				
Очень интересуюсь	6,9	7,1	5,3	6,4
В некоторой степени интересуюсь	30,3	32,2	33,3	31,9
Мало интересуюсь	38,0	35,8	47,1	40,3
Совсем не интересуюсь	24,9	24,9	14,3	21,4
Интересуюсь	*37,2*	*39,3*	*38,6*	*38,4*
Не интересуюсь	*62,9*	*60,7*	*61,4*	*61,7*
Оценка желания влиять на политику**				

Окончание таблицы 2

Вариант ответа	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Среднее по опросу
Безусловно, есть	3,1	5,8	3,0	4
Скорее есть	12,9	20,5	8,8	14,1
Скорее нет	26,3	26,0	35,0	29,1
Безусловно, нет	36,9	19,5	30,5	29
Затрудняюсь ответить	20,9	28,3	22,8	24
Есть	*16*	*26,3*	*11,8*	*18,1*
Нет	*63,2*	*45,5*	*65,5*	*58,1*

* Вопрос звучит следующим образом: «Насколько Вы интересуетесь политикой?»

** Вопрос звучит следующим образом: «Если говорить в целом, есть ли у Вас желание влиять на политику?»

Источник: данные опроса «Социальное здоровье и условия жизни населения», ФГБУН ВолНЦ РАН

Следует отметить, что проблема отчуждения граждан от политической сферы характерна не только для российских регионов, но и для западных стран. По данным Европейского социального исследования[2], в 9-ти из 18-ти участвовавших в проекте стран в той или иной степени интересуется политикой менее половины граждан (по данным за 2016 г.). Средний балл возможности влияния на политику колеблется в диапазоне от 1,8 (в России и Словении) до 3-х в Норвегии.

Анализ индикаторов реальной политической активности. Реальная вовлечённость в общественно-политическую жизнь проявляется в основном в форме реализации активного избирательного права. Большинство населения СЗФО хотя бы раз в течение года голосовали на выборах (80%; *табл. 3*). Уровень электоральной активности несколько выше в Псковской области. В голосовании здесь приняло участие 82% против 75–77% в Вологодской области и Карелии; в иные формы избирательной активности было вовлечено примерно 40% (в остальных регионах – примерно четверть (24%).

Таблица 3. В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать за последние 12 месяцев? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Среднее по опросу
Выборы				
Участвовал*	77,0	81,8	74,8	77,9
Никогда	23,0	18,1	25,3	22,1
Участие в избирательной кампании				
Участвовал*	23,6	40,6	24,4	29,5
Никогда	76,3	59,4	75,6	70,4
Подписание обращений, петиций в органы власти				
Участвовал*	12,5	36,2	21,8	23,5
Никогда	87,6	63,9	78,2	76,6
Митинги, демонстрации, пикеты				
Участвовал*	10,7	33,0	12,2	18,6
Никогда	89,3	67,0	87,8	81,4
Являлся (лась) членом политической партии				
Участвовал*	5,5	18,1	5,1	9,6
Никогда	94,5	81,9	94,9	90,1

* Включает варианты ответа: «Регулярно», «Время от времени», «Один раз».

Источник: данные опроса «Социальное здоровье и условия жизни населения», ФГБУН ВолНЦ РАН

[2] Многолетнее сравнительное исследование изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы. Опрос населения каждые два года, начиная с 2002 г. Россия участвует в проекте с 2006 г. Выборка: 1500–3000 интервью в каждой стране. URL: http://www.ess-ru.ru/

Итак, большинство жителей рассматриваемых регионов принимают участие в выборах. Важно отметить, что это не президентские выборы, что вытекает из формулировки вопроса (задавался в мае–июне 2019 г. и касался лишь последних 12-ти месяцев, а выборы главы государства состоялись ранее – в марте 2018 г.). В то же время, согласно данным официальной статистики, электоральная активность граждан на региональных и муниципальных выборах с мая 2018 по июнь 2019 г. была существенно ниже, чем по их оценкам. Так, в выборах губернатора Псковской области (9 сентября 2018 г.) приняло участие менее половины избирателей (36,9%). Средняя избирательная явка на выборах городских и сельских поселений составляет: в Псковской области – 46,5%, в Вологодской области – 42,3%, в Республике Карелия – 32%[3]. Подобные цифры позволяют сделать предположение, что люди принимали активное участие в неполитических избирательных кампаниях, таких, как выборы на производстве (выборы директора предприятия), учёбе (выборы старосты, выборы членов учёного совета) или по месту жительства (выборы членов правления и председателя товарищества собственников жилья) и т.д.

В другие формы общественно-политической активности вовлечена незначительная часть населения. Так, большинство граждан никогда (в течение последних 12 месяцев) не состояли в какой-либо партии (90%), не выходили на митинги (81%), не подписывали обращения в органы власти (77%). Это говорит о наличии проблемы политического отчуждения в СЗФО. Политическое отчуждение возникает тогда, когда человек ощущает себя не субъектом, а объектом политической жизни, то есть не верит, что он в состоянии влиять на политическую жизнь в стране, считает участие в голосовании бессмысленной тратой времени, не интересуется политикой, не видит партию (кандидата), которая выражала бы его интересы.

Данная проблема в большей степени актуальна для Вологодской области и Карелии. Так, в какой-либо политической партии в течение последних 12-ти месяцев состояли лишь 4–5% жителей данных субъектов, в то время как в Псковской области – примерно каждый пятый (18%). В Псковской области по сравнению с другими регионами существенно выше доля тех, кто выходил на митинг, демонстрацию (в 2,8–3 раза: 33% против 11–12%).

Резюмируя вышесказанное, отметим следующее.

✓ Рассмотренные регионы характеризуются низким уровнем потенциальной политической активности: большинство проживающих там граждан не интересуются политикой и не стремятся влиять на неё. Оценки заинтересованности политикой во всех субъектах практически идентичны; желание воздействовать на политику несколько сильнее выражено в Псковской области.

✓ Реальная вовлечённость в общественно-политическую жизнь проявляется в основном в форме реализации активного избирательного права, а в другие формы общественно-политической активности вовлечена незначительная часть населения. Чаще в мероприятиях общественно-политической жизни участвуют жители Псковской области. При этом данный регион уступает по ряду социально-экономических показателей Вологодской области и Республике Карелия. В то же время Вологодская область, опережающая по уровню социально-экономического развития другие рассматриваемые субъекты, обладает примерно одинаковыми параметрами социальной активности с Карелией. Таким образом, ни прямой, ни обратной связи между показателями общественно-политической активности и уровнем социально-экономического развития на данном этапе исследования не выявлено.

---

[3] Рассчитано автором на основе данным ЦИК РФ. Источник: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom

Библиографический список

1. Гальченко В.В. Актуальные проблемы развития социальной активности на местном уровне // Мир науки. 2013. №4. URL: http://mir-nauki.com/PDF/01MN413.pdf (дата обращения: 15.03.2020).
2. Колпина Л.В. Социальное здоровье: определение и механизмы влияния на общее здоровье: обзор литературы // Синергия. 2017. №2. С. 73-81.
3. Шабунова А.А., Морев М.В. Разработка методологического подхода к изучению социального здоровья как индикатора общественного развития // Социологический альманах. 2015. №6. С. 473-489.

Информация об авторе

Каминский Вадим Сергеевич (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, Федеральное государственное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; FBCDE56B@yandex.ru).

Kaminskiy V.S.

POLITICAL ACTIVITY THE POPULATION THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT: RESULTS OF INTERREGIONAL ANALYSIS

Abstract*. The article analyzes potential and real political activity level the population of three North-Western Federal district regions. The relationship of political activity of the population with the socio-economic development of regions is considered.*

Key words: *Social health, political activity, interest in politics, alienation, region.*

Information about the author

Kaminskiy Vadim S. (Russia, Vologda) – Junior researcher of the Laboratory for the Study of Social Processes and Public Administration Efficiency, Federal State Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorky Str., 56a; FBCDE56B@yandex.ru).

References

1. Gal'chenko V.V. Aktual'nyye problemy razvitiya sotsial'noy aktivnosti na mestnom urovne // Mir nauki. 2013. №4. URL: http://mir-nauki.com/PDF/01MN413.pdf (data obrashcheniya: 15.03.2020).
2. Kolpina L.V. Sotsial'noye zdorov'ye: opredeleniye i mekhanizmy vliyaniya na obshcheye zdorov'ye: obzor literatury // Sinergiya. 2017. №2. S. 73-81.
3. Shabunova A.A., Morev M.V. Razrabotka metodologicheskogo podkhoda k izucheniyu sotsial'nogo zdorov'ya kak indikatora obshchestvennogo razvitiya // Sotsiologicheskiy al'manakh. 2015. №6. S. 473-489.

УДК 316.754/ ББК-6056

Каргаполова Е.В., Новикова А.О., Черепанина Е.С.

ПОРЯДОК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

Аннотация. *В статье исследуется семантическая единица «порядок» как ценность современного общества. Методом контент-анализа выявляются характеристики трансляции ценности порядка в федеральном СМИ «Российская газета» (размер материала, характер информации, предметная зона анализа, общий настрой информации). Также анализируются синонимы базовой категории. В качестве них выступают такие слова, как режим, регламентированность, налаженность, уклад, лад, норма, правопорядок, система, правила, закон. Результаты контент-анализа отражают специфику газеты и характер демонстраций проблем общества.*

Ключевые слова: *ценность, ориентация, СМИ, порядок, закон, норма, контент-анализ.*

В условиях высоких темпов развития общества современная социокультурная среда постоянно наполняется новыми смыслами, трендами, идеями и ценностями. Сосредоточение масс-медиа в руках собственников как первая стадия глобализации в информационной среде выражает изменение в привычных отношениях трех взаимосвязанных составляющих: власти, общества и журналистики [4, с. 50]. Нестабильное, изменяющееся медиа-пространство становится объектом многих социологических исследований, направленных, главным образом, на выявление последствий этих изменений. В предметном поле социологии находится проблема трансформации ценностной составляющей формирующейся социокультурной реальности. Необходимость исследования изменений, происходящих с традиционными ценностями, обусловлена их исторической важностью в формировании культуры, в обеспечении преемственности прошлого опыта и в создании жизненного ориентира. «С точки зрения социокультурного подхода, изменение ценностей и социокультурных традиций – процесс длительный и неоднозначный, зависящий от преобладающих в обществе в конкретно-историческое время ценностных ориентиров. Данный подход акцентирует внимание на исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структурах, задающих объективные границы трансформации общества, и выявляет привносимые культурой новые аспекты реальности мира, порождающие новые ценностные смыслы понимания природы человека» [1, с. 239-240].

Нами предпринята попытка анализа такой традиционной ценности, как порядок, тиражируемой в средствах массовой информации современной России. Основной метод данного эмпирического исследования – контент-анализ. В качестве эмпирической базы исследования выступил текст федеральной газеты «Российская газета». Выборка газет – июль 2019 г. Первоначальный сбор данных происходил с использованием сервиса «Google Формы», затем собранный массив обрабатывался с помощью программы Excel. В результате было выявлено 1442 упоминания семантической единицы «порядок» (включая синонимы «регламентированность», «налаженность», «уклад», «лад», «норма», «правопорядок», «система», «правила», «закон». базовую категорию). При сравнении частоты упоминаний категории «порядок», выявленной в результате контент-анализа Российской газеты в 2016 г. (13,8%) [5, с. 114], и частоты упоминаний данной категории в проведенном нами контент-анализе (12,8%) весомых различий не выявлено.

Особое внимание мы уделили таким характеристикам базовой категории «порядок», как размер материала, характер информации, предметная зона анализа и общий настрой информации (*табл. 1*). По размеру материала лидируют статьи, в которых свыше 301 слова (67,1%). Чаще всего большим статьям уделяется особое внимание, над ними требуется больше профессиональной работы, поэтому они привлекают читателей. Использование категории «порядок» в крупных статьях может говорить о популяризации самой идеи порядка среди читателей данной газеты. Средний коэффициент страниц, на которых была найдена данная категория, - 0,44, то есть чаще всего слово упоминается в статьях, расположенных именно на центральных полосах. По характеру информации в целом преобладают простой анализ проблемы (52,1%) и констатация факта (37%). Также в графе «другое» (4,1%) указывалось «интервью». Можно говорить о том, что категория «порядок» чаще всего рассматривается как проблема (среди словоформ указывалось и слово «беспорядок»).

Таблица 1. Основные характеристики базовой категории «порядок»

Варианты ответов	Количество, %
Размер материала	
50–100 слов	4,2
101–150 слов	2,7
151–200 слов	6,8
201–300 слов	19,2
Свыше 301 слова	67,1
Итого	100
Характер информации	
Письмо-жалоба	0,0
Предложение	2,7
Благодарность	0,0
Простой анализ проблемы	52,1
Констатация факта	37,0
Простая критика	1,4
Конструктивная критика	0,0
Постановка проблемы	2,7
Дискуссия	0,0
Другое (указать что именно)	4,1
Итого	100
Предметная зона анализа	
Общественно-политические вопросы	31,5
Промышленность	2,7
Сельское хозяйство	0,0
Профсоюзы	0,0
Транспорт	1,4
Строительство	2,7
Здравоохранение	8,2
Система образования	2,7
Торговля	0,0
Сфера обслуживания	1,4
Предпринимательская деятельность	2,7
Деятельность правоохранительных органов	8,2
Сфера ЖКХ	0,0
Вопросы социального обеспечения	9,7

Окончание таблицы 1

Варианты ответов	Количество, %
Наука	1,4
Спорт	5,5
Культурно-досуговая работа	12,3
Межличностные отношения	1,4
Другое	8,2
Итого	100
Общий настрой информации	
Оптимистический	2,7
Пессимистический	1,5
Благожелательный	39,7
Сердитый	5,5
Нейтральный	21,9
Деловой	28,7
Итого	100

Почти треть всех статей, в которых была найдена категория «порядок» (31,5%), посвящена общественно-политическим вопросам, что ожидаемо. Чаще всего порядок рассматривается именно в политическом контексте. Анализ идеологемы «порядок» как ценности проводился и другими исследователями по материалам современных российских и американских печатных и электронных СМИ. 820 (455 русскоязычных и 365 англоязычных) выявленных примеров позволяют сделать определенные выводы. Все примеры были, прежде всего, классифицированы в соответствии со сферой употребления, то есть на примеры, которые относятся к субсфере внутренней политики, и те, которые обнаружены при обращении к дискурсу внешней политики [2, с. 58]. Интересным показалось то, что категория «порядок» в 12% случаев использовалась в культурно-досуговой сфере. Это может говорить о том, что культура и досуг также подвергаются упорядочиванию и контролю. Категория «порядок» была использована в статьях, освещающих вопросы социального обеспечения (9,7%) и здравоохранения (8,2%), деятельность правоохранительных органов (8,2%) и спорт (5,5%). Категория «порядок» редко использовалась в статьях, посвященных таким важным социальным сферам, как наука и образование (1,4 и 2,7% соответственно), а также сферам обслуживания и транспорта (1,4% для обеих сфер). Можно предположить, что данные сферы в контексте порядка не попадают под внимание прессы, а значит, не акцентируется внимание на проблемах, реально существующих в них.

При анализе общего настроя информации в статьях, в которых была использована категория «порядок», было выявлено, что преобладает благожелательный настрой (39,7%). Деловой настрой информации был зафиксирован в 28,7% материалов, нейтральный – в 21,9%, сердитый – в 5,5%, оптимистический – в 2,7% и пессимистический – 1,5% материалов.

Таблица 2. Частота упоминаний базовой категории «порядок» и ее синонимов

Категория	Частота упоминания, %
Порядок	5, 1
Режим	7, 3
Регламентированность	2, 6
Налаженность	0,3
Уклад	0, 3
Лад	0, 8

Окончание таблицы 2

Категория	Частота упоминания, %
Норма	15, 0
Правопорядок	0, 07
Система	18, 4
Правила	10, 6
Закон	40, 0

По частоте упоминания среди синонимов базовой категории лидирует слово «закон» (40% материалов) (*табл. 2 и 3*). Из электронных материалов, в которых упоминается данная категория, более чем в половине (53,1%) зафиксировано нейтральное отношение к элементу анализа. В 31,9% - положительное отношение и в 15,1% – отрицательное. Общий настрой информации в статьях, где упоминается категория «закон», наиболее распространённый – нейтральный (41,2%), затем следуют деловой (16,8%) и благожелательный (13,8%). Это говорит о том, что «Российская газета» чаще всего освещает вопросы, связанные с государством, властью и законом, а вопросы, связанные с другими социальными проблемами, – в меньшей степени. Также мы зафиксировали тот факт, что в рассматриваемой нами газете «закон» и «порядок» чаще всего используются как синонимы, в то время как в повседневной жизни мы вряд ли поставим их рядом друг с другом. То есть СМИ пытается не только освещать правовой аспект общества, но и укореняет в сознании людей мысль о том, что порядка можно добиться только соблюдая закон. Также нельзя не заметить акценты авторов изученных материалов на идеях соблюдения правил, сохранения стабильности, обеспечения нормального функционирования системы.

Таблица 3. Характеристика часто упоминаемых синонимов базовой категории «порядок», %

Отношение к элементу анализа			Общий настрой информации					
Положительно	Отрицательно	Нейтрально	Оптимистический	Пессимистический	Благожелательный	Сердитый	Нейтральный	Деловой
Закон								
31,9	15,1	53,1	11,6	5,9	13,8	10,7	41,2	16,8
Система								
55,1	12,1	32,8	39,2	9,1	26,0	4,1	12,5	9,1
Норма								
28,9	16,6	54,5	42,6	7,6	20,4	2,8	13,7	12,8

На второй по частоте упоминания позиции находится подкатегория «система» (18,4%). При этом положительное отношение к элементу анализа в статьях зафиксировано в 55,1% случаев. Нейтральное – в 32,8% и, наконец, отрицательное – в 12,1% случаев. Что касается настроя информации по данной категории, то лидируют оптимистический, благожелательный и нейтральный (39,2, 26 и 12,5% соответственно). Таким образом, мысль о важности сохранения системы преподносится как благо. Идеи стабильности и невозможности выхода за пределы системы дополняются оптимистичным настроем статей. Остается открытым вопрос о том, может ли это привести к отсутствию открытости инновациям и новым тенденциям, к снижению мобильности и креативности, к деградации свободы и творчества.

Третью позицию по частоте упоминания базовой категории «порядок» занимает категория «норма» (15% материалов). Из всех материалов в 54,5% случаев зафиксировано нейтральное отношение к элементу анализа, в 28,9% случаев – положительное и в 16,6% - отрицательное. Общий настрой статей, в которых упоминается категория «норма», в большей степени, оптимистический (42,6%), благожелательный (20, 4%) и нейтральный (13,7%). Часто слово «норма» употреблялось в контексте законодательной деятельности, а также деятельности правоохранительных органов. Можно сделать вывод, что норма навязывается читателям как некая оптимистичная идея. Если учитывать, что слова «норма» и «закон» часто используются как синонимы, то можно говорить о пропаганде позитивного образа всех элементов законодательной деятельности.

Меньше всего в «Российской газете» за исследуемый период упоминались такие категории, как «правопорядок» (0,7%), «налаженность» и «уклад» (по 0,3% каждая), а также «лад» (0,8%). Рассматривались и такие категории, как «регламентированность» (2,6%), «порядок» (5,1%), «режим» (7,3%), «правила» (10,6%). Парадоксально то, что категория «правопорядок», которую можно отнести к лидирующим «формальным» категориям, упоминалась меньше всего. Это говорит о том, что сейчас происходит замещение слова «правопорядок» словами «норма», «правила» и «закон».

В заключение хочется отметить следующее. Результаты контент-анализа, во-первых, отражают узконаправленную специфику данной газеты, выражающуюся в демонстрации нормативно-правовых актов и изменений в них, а также приоритетности государственных и политических дел над другими общественно важными. Во-вторых, результаты показывают, что СМИ зачастую могут не освещать (или не акцентировать на этом внимание читателей) общественные и глобальные проблемы.

Средства массовой информации способны формировать определённую «модель» в сознании гражданина как о городе, регионе, так и о стране и мире в целом. Не зря «средства массовой информации называют «четвертой властью», т. к. СМИ оказывают мощнейшее влияние на общественное сознание, что в свою очередь играет одну из определяющих ролей в формировании общественного мнения и формулировании общественных интересов граждан» [3, с. 991]. Это можно чётко отследить благодаря частоте упоминаний определённых слов. СМИ умело актуализируют наше внимание на тех ценностях, которые регламентируются, преподносят нам наиболее актуальную для них информацию. В ходе анализа категории «порядок» и ее синонимов было выявлено смещение их значений в сторону законодательной и уголовной сфер, а также то, что данные категории рассматриваются чаще всего в положительном контексте, пропагандируя благожелательность закона, системы и режима.

Библиографический список

1. Арясова А. Ю. Динамика базовых ценностей населения Астраханской области (по материалам конкретного социологического исследования) // Социологический альманах. 2016. № 7. С. 239 – 247.
2. Вдовиченко Л. В. «Порядок» и «беспорядок» как ценность и антиценность в политическом дискурсе России и США // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 57–60.
3. Гуржий Д.А. Влияние СМИ на формирование общественного мнения // Молодой учёный. 2015. №12(92). С. 991–993.

4. Дементьева К.В. Роль журналистики в освещении актуальных проблем современности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. №3(29). С. 50–56.
5. Каргаполова Е.В., Арясова А.Ю., Дулина Н.В. Система ценностных ориентаций в информационном пространстве региона (по материалам контент-анализа СМИ) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. №5 (56). С. 108 – 118.

Информация об авторах

Каргаполова Екатерина Владимировна (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет имени Г В. Плеханова (Россия, 115054, Москва, Стремянный пер., д. 36; k474671@list.ru).

Новикова Анастасия Олеговна (Россия, Москва) – студентка, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Россия, 115054, Москва, Стремянный пер., д. 36; 223223_1999@mail.ru).

Черепанина Елена Сергеевна (Россия, Москва) – студентка, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Россия, 115054, Москва, Стремянный пер., д. 36; cherepanina-elena@mail.ru).

Kargapolova E. V., Novikova A. O., Cherepanina E. S.

ORDER IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE OF MODERN RUSSIA (BY CONTENT ANALYSIS MATERIALS)

Abstract. *The article examines the semantic unit "order" as a value of modern society. The content analysis method reveals the characteristics of broadcasting the value of order in the Federal mass media "Rossiyskaya Gazeta" (the size of the material, the nature of the information, the subject area of the analysis, the General mood of the information). Synonyms of the basic category are also analyzed. They are such words as regime, regulation, regulation, way of life, way of life, norm, law and order, system, rules, law. The results of the content analysis reflect the specifics of the newspaper, as well as the nature of demonstrations of society's problems.*

Key words: *value, orientation, media, order, law, norm, content analysis.*

Information about the authors

Kargapolova Ekaterina V. (Russia, Moscow) – Doctor of Sociology, Professor, Department of Political Science and Sociology, G. V. Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia; k474671@list.ru).

Novikova Anastasia O. (Russia, Moscow) – student, G. V. Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia; 223223_1999@mail.ru).

Cherepanina Elena S. (Russia, Moscow) – student, G. V. Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia; cherepanina-elena@mail.ru).

References

1. Aryasova A. Yu. Dynamics of basic values of the population of the Astrakhan region (based on a specific case study) // Sociological almanac. 2016. № 7. S. 239 247.
2. Vdovichenko, L.V. "Order" and "disorder" as a value and antiquity in the political discourse of Russia and the USA / L.V. Vdovichenko // Political Linguistics. 2010. № 3. S. 57-60.
3. Gurzhiy D.A. The influence of the media on the formation of public opinion // Young scientist. 2015. № 12 (92). FROM. 991-993.

4. Dementieva K.V. The role of journalism in covering current issues // Sign: the problem field of media education. 2018. №3 (29). FROM. 50-56.
5. Kargapolova E.V. The system of value orientations in the information space of the region (based on the materials of the media content analysis) / E.V. Kargapolova, A.Yu. Aryasova, N.V. Dulina // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2018. № 5 (56). S. 108 - 118.

УДК 316.3/.4

Колесник Н.В.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ И ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЕЙМИФИКАЦИИ

Аннотация. *В работе анализируются избирательные практики и гражданский активизм в условиях геймификации. Эмпирической основой послужили случаи избирательных кампаний в США, Европе и России. В частности, показывается, как под воздействием цифровизации и геймификации изменяются политический процесс, избирательные технологии, формы участия граждан в политике.*

Ключевые слова: *избирательная кампания, геймификация, гражданский активизм, цифровизация.*

Изучение цифровизации избирательных технологий в современной России является важным ввиду того, что в условиях глобального перехода к информационному обществу она позволяет определить локальные тренды данного процесса, выявить демократические перспективы, формы и особенности гражданского и политического активизма. В этой связи геймификация как важный элемент цифровизации привносит новый социальный контент не только в экономические и образовательные институции, но и в консервативное политическое поле, которое объективно не является ареной для развлечений, получения положительных эмоций и удовольствия.

Геймификация является относительно новым трендом в общественно-политической жизни, оказывает влияние на поведение индивида посредством игры, запрещая одно и поощряя другое. Геймификация и следы «игровых механик» в явном и латентном виде в избирательных кампаниях являются в данном случае предметом специального исследования и позволяют понять не только технологию проникновения игровых практики в политику, но и определить контуры изменения политики под воздействием игры. Изучение политического процесса посредством геймификации является новым методическим инструментом в эмпирических исследованиях. Его применение позволяет выявить структурные характеристики платформ и интерфейса, определить новые зоны в политике, которые ранее не были опосредованы игровой механикой и цифровыми технологиями.

Термин «геймификация» является новым концептом в социальных науках и появляется только в 2011 году. В этой связи примечательно определение С. Детердинга, который замечает, что геймификация не сводима лишь к участию в игре и речь в первую очередь идет о том, чтобы проникновение в «серьезные сферы» элементов развлекательности/игры повышало привлекательность для использования и/или мотивировало [Deterding, 2011]. Распространение этого термина в научном обиходе представителей различных дисциплин связано в первую очередь с активным вхождением компьютерных игр в повседневную жизнь. Чаще всего исследователи обращают свое внимание на присутствие элементов геймификации в сфере образования, науки, маркетинга, бизнес-процессов и гораздо реже актуализируется проблематика проникновения элементов игры в политический процесс.

Анализ научной литературы показывает, что изучение геймификации политики тесно связано с исследованием проблематики социальной активности, гражданского участия. Технические новации Web 2.0 неизбежно трансформируют поле политики, и возникает не только «цифровой гражданин», но и «цифровой активист», когда власть переходит в руки пользователей. Известна работа Й. Богост, С. Феррари,

Б. Швейцер, в которой пристальное внимание уделяется геймификации социальных медиа и процессу политического краудсорсинга [Bogost, Ferrari S, Schweizer B, 2010]. Исследователи обращают внимание на участие граждан в решении политических вопросов и объясняют этот феномен (в том числе) посредством эффекта игры, в которую вовлекаются граждане (проекты с игровыми элементами журнала «Wired»).

Выборы и избирательные кампании являются классическим примером игровых практик, начиная от процедуры регистрации кандидатов и заканчивая подсчетом голосов. В этих условиях в статусе игроков оказывается не только кандидат в депутаты, но и сам избиратель. В эпоху цифровизации и проникновения новых технологий в политику временные границы избирательных кампаний раздвигаются, и избирательные кампании приобретают статус постоянных и систематических элементов в большой политической машине. Выборы, которые часто ассоциируются с игрой, строго подчинены своду правил, формальным процедурам, где всегда есть игроки, победители и проигравшие.

Анализ эмпирических данных показывает, что в предвыборный процесс включены не только избирательные кампании, но и аналитические фонды, эксперты, новые медиа, исследовательские центры, которые проводят опросы общественного мнения и осуществляют мониторинги СМИ о политических лидерах, политических партиях на регулярной основе, производители политической рекламы, разработчики интернет-ресурсов политических партий и персональных страниц партийцев в социальных сетях, журналисты партийных дайджестов (пример дайджеста #ЯблокоВашВыход), пользователи социальных сетей и др.

Кейс №1: избирательные кампании зарубежных президентов

В связи с активным процессом цифровизации политики предвыборная кампания Б. Обамы стала уже хрестоматийным примером успешного взаимодействия мира политики и новых технологий, кандидата в президенты и рядового избирателя. Что касается вовлечения игровых механик в избирательные кампании, то именно мобильный маркетинг и размещение рекламы в компьютерных играх повышает интерес к политике вообще и к предвыборным кампаниям в частности. Использование технических возможностей Web.2 позволило избирательному штабу Б. Обамы привлечь 35 000 групп волонтеров, провести 200 тысяч офлайн-мероприятий, создать 400 000 блог-сообщений, собрать базу активистов и избирателей в 13 000 000 адресов [Быков, 2010].

В избирательную кампанию Д. Трампа политтехнологи вовлекали не только цифровые технологии, но и игровые механики (образовательные игры, игры в жанре политического симулятора, когда игрок за считанные секунды может стать президентом США). Примером мобильных игр подобного рода являются такие политические симуляторы, как, например, «270|Two Seventy - Win the US Election», «Ubisoft» и др.

Кейс №2: российские избирательные кампании

Не только в зарубежной, но и в российской политике на федеральном и региональном уровнях все чаще используются новые технологии в избирательных кампаниях. Цифровые ресурсы активно способствуют тому, что политические технологи, политические консультанты используют в своих избирательных технологиях социальные сети, контекстную рекламу, видео- и аудио-потоки, которые разительно отличаются от технологий предыдущего «статичного» этапа в истории Интернета.

В российских СМИ этот процесс именуют как «уберизация политики» или «политика без барьеров» – по принципу открытых дверей. Речь идет об активном

вовлечении новым поколением политиков цифровых продуктов в предвыборные кампании: сайты и аккаунты избирательных штабов политических партий и общественно-политических организаций, персональные сайты и страницы в социальных сетях, блоги и бесплатные приложения для смартфонов, электоральный хакинг и краудфандинг. При этом следует отметить, что (не) безграничные возможности цифровых ресурсов используют как представители (про) властных структур, так и оппозиционеры, как политики мегаполисов, так и политики из небольших муниципальных поселений.

Таким образом, в избирательных кампаниях игры разрушают традиционные политические технологии, расширяя не только каналы политической коммуникации, но и число игроков. В этой связи для понимания современных политических практик важно учитывать новых агентов политического поля, например разработчиков и пользователей игры. В условиях обновленного политического контента они способны не только обмениваться политической информацией, но и образовывать «политическое сообщество», которое в потенциале способно примерить на себя роль значимого политика и постепенно дистанцироваться от повестки дня, которая навязывается «сверху».

Библиографический список

1. Быков И.А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы // Вестник Пермского университета. Политология. 2010. Выпуск 1(9). С. 48-58.
2. Bogost I., Ferrari S., Schweizer B. Newsgames: Journalism at Play. Cambridge: The MIT Press, 2010.
3. Deterding S., Sicart M., Nacke L., O'Hara K., Dixon D. Gamification: Using game-design elements in non-gaming contexts // Proceedings of ACM CHI 2011 Conference on Human Factors in Computing Systems , 2011, P. 2425-2428.

Информация об авторе

Колесник Наталья Владимировна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, ученый секретарь, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14; n.kolesnik@socinst.ru).

Kolesnik N. V.

ELECTION CAMPAIGNS AND CIVIC ACTIVISM IN CONDITIONS OF GAMIFICATION

Abstract. *The paper analyzes electoral practices and civic activism in conditions of gamification. The empirical basis was formed by the cases of election campaigns in the USA, Europe and Russia. In particular, it is shown how, under the influence of digitalization and gamification, the political process, electoral technologies, and forms of citizen participation in politics are changing.*

Key words: *election campaign, gamification, civic activism, digitalization.*

Information about the author

Kolesnik Natalia V. (Russia, Sanit-Peterburg) – PhD in Sociology, senior researcher, Sociological Institute of the RAS – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (190005, Sanit-Peterburg, st. 7th Krasnoarmeyskaya, d. 25/14. Russia; n.kolesnik@socinst.ru).

References

1. Bykov I.A. Internet-tekhnologii v izbiratel'noy kampanii Baraka Obamy // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2010. Vypusk 1(9). Pp. 48-58.
2. Bogost I., Ferrari S., Schweizer B. Newsgames: Journalism at Play. Cambridge: The MIT Press, 2010.
3. Deterding S., Sicart M., Nacke L., O'Hara K., Dixon D. Gamification: Using game-design elements in non-gaming contexts // Proceedings of ACM CHI 2011 Conference on Human Factors in Computing Systems , 2011, P. 2425-2428.

УДК 316.354.4 / ББК 60.561.7

Косыгина К.Е., Уханова Ю.В.

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)[1]

Аннотация. *Рассматриваются ключевые тенденции и проблемные моменты в развитии добровольчества на муниципальном уровне (на примере города Вологды). Методом исследования служит анализ результатов социологических опросов. Выявлено, что основными барьерами развития добровольчества в городском пространстве выступают осознание своей невозможности влиять на состояние дел на уровне города, безразличие к общим делам, индивидуализм, недостаток времени, слабая информированность. Проведенный анализ состояния добровольческой деятельности позволил обозначить ряд предложений по выработке мер, направленных на развитие добровольчества на муниципальном уровне.*

Ключевые слова: *доброволец, волонтерство, гражданское участие, некоммерческие организации, регион, муниципальные образования.*

Актуальность исследования

Добровольчество становится реальным ресурсом социально-экономического развития регионов и муниципальных образований [1, 3]. Возрастает необходимость изучения современного состояния добровольчества в муниципалитетах, а также выявления проблемных моментов, препятствующих развитию данного института гражданского общества на местах. Добровольческий труд в современном понимании выступает как деятельность, осуществляемая людьми добровольно на безвозмездной основе и направленная на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества (Л.А. Кудринская [2]).

Цель исследования заключается в изучении текущего состояния развития добровольчества в рамках муниципального образования на основе анализа общественного мнения.

В рамках исследования использовались материалы социологических измерений, проводимых на территории Вологодской области. В частности, «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области», который проводится Вологодским научным центром РАН. Опрашиваются 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, а также в 8 районах области.

Результаты исследования

По полученным данным, около 77% жителей города Вологды не принимали участие в волонтерской деятельности, по области в целом не занимаются добровольчеством 86% населения. Городские добровольцы преимущественно работают на разовой основе – так ответили 13% опрошенных. На постоянной основе (3 раза и более) безвозмездно трудятся 7% (по областным данным – 5%). Результаты исследований свидетельствуют о склонности жителей г. Вологды к участию в разовых формах волонтерской активности, носящих характер акций. В то же время к регулярному участию, к проявлениям социальной активности в виде работы, а не мероприятий вологжане стремятся реже.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 19-011-00724 А «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

Как свидетельствуют полученные данные, социально-демографический портрет волонтера в города Вологды выглядит следующим образом: в первую очередь это молодой человек до 30 лет, с высшим образованием или студент вуза, проживающий в областном центре (*табл. 1*). Например, по данным социологического опроса в Пермском крае установлено, что волонтер – это молодой человек в возрасте 14–23 лет, получающий общее или среднее специальное образование[2]. Из представленных данных видны некоторые отличия в регионах по возрастным и образовательным критериям социальной базы волонтерской деятельности.

Таблица 1. Социально-демографический портрет волонтера в Вологодской области*

Социально-демографическая характеристика		Участвовал 1 раз и более
Пол/возраст	мужчины до 30 лет	21,5%
	мужчины от 30 до 60 лет	13,7%
	мужчины старше 60 лет	5,9%
	женщины до 30 лет	17,4%
	женщины от 30 до 55 лет	13,8%
	женщины старше 55 лет	14,0%
Образование	неполное среднее, среднее	6,7%
	среднее специальное	14,0%
	высшее, незаконч. высшее	22,1%
Место проживания	Вологда	23,3%
	Районы (районные центры)	12,3%
Среднее по области		13,9%

* Доля положительных ответов на вопрос «За последние 12 месяцев Вы работали в качестве волонтёра?», в % от числа опрошенных.
Источник: данные социологического исследования ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 г.

Анализ ответов на вопрос о том, что именно приходилось безвозмездно делать за последний год для других людей, позволяет выявить приоритеты в личной добровольческой деятельности населения г. Вологды и области в целом. Больше половины респондентов в г. Вологде (65%) сообщили, что за последний год им приходилось оказывать по собственной инициативе эмоциональную поддержку и давать житейский совет. Помогали вещами и деньгами 48 и 31% опрошенных вологжан. Речь в данном случае не идет о семье и близких родственниках. Еще 27% опрошенных жителей города ответили, что им довелось участвовать в благоустройстве территорий, а также 22% помогали продуктами. В наименьшей степени горожане помогали сотрудникам общественных (некоммерческих) организаций (2%) и участвовали в ликвидации чрезвычайных ситуаций (1%). Не приходилось оказывать по собственной инициативе помощь, поддержку кому-либо, совершать поступки на благо других людей, заниматься благотворительностью 13% респондентов (по области – 27%).

Важнейшим мотивом гражданского участия выступает осознание населением своей возможности влиять на свою жизнь в различных сферах. Отсутствие уверенности в том, что человек может что-то изменить, повлиять на состояние дел на работе, в городе, области и стране является одним из серьезных барьеров развития добровольчества и гражданского участия в целом. За период с 2018 по 2019 г. оценки вологжанами возможности личного влияния на положение дел ухудшились. Выросла доля жителей г. Вологды, которые считают невозможным влиять на состояние дел

[2] Мониторинг реализации мер поддержки добровольчества (волонтерства) в субъектах Российской Федерации: доклад. М.: Аналитический Центр при Правительстве РФ, 2017.

в своём доме / дворе (с 38 до 52%), в городе (с 60 до 76%), в области (с 65 до 77%) и стране (с 65 до 78%). Стабильно высокой остается оценка возможности влияния на положение дел только в своей семье. Обращает на себя внимания то, что критически отрицательное изменение претерпели оценки влияния на состояние дел в городе и районе проживания (на 15 п.п.).

Для сравнения: по общероссийским данным в 2015 году 81% россиян ответили, что могут влиять на ситуацию на уровне двора, 55% – на уровне города/села, 39% – на уровне страны (по данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ)[3].

Первое место среди препятствий к добровольческой и общественной активности, проявлению людьми своей гражданской позиции занимает безразличие к общим делам, индивидуализм. В 2019 г. по сравнению с 2018 г. среди жителей города Вологды особенно возросла значимость таких факторов, препятствующих проявлению людьми своей гражданской позиции, как: «недостаток времени, чрезмерная занятость» (с 19 до 31%;на 12 п.п.); «боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов» (с 12 до 23%; на 11 п.п.); «привычка надеяться на готовое, в том числе на власть» (с 19 до 26%, на 7 п.п.), а также «недостаток знаний, некомпетентность» (с 23 до 30%). В долгосрочной динамике (2011–2019 гг.) наблюдается увеличение значений по всем представленным в вопросе препятствиям для проявления своей гражданской позиции (*табл. 2*).

Таблица 2. Барьеры добровольческой деятельности в оценках населения* (в % от числа опрошенных)** (данные по г. Вологде, ранжировано по 2019 г.)

Показатель	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Изменение (+ / -) 2019 к 2011 г.
Безразличие к общим делам, индивидуализм	31,3	21,8	27,3	31,3	22,9	25,8	27,5	33,5	+2
Недостаток времени, чрезмерная занятость	13,2	19,8	22,6	24,2	23,2	18,2	18,8	30,7	+18
Недостаток знаний, некомпетентность	12,6	23,4	18,2	17,8	23,4	18,2	23,0	30,2	+18
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	33,0	26,7	32,2	25,2	23,4	19,7	28,8	30,0	-3
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	14,9	18,7	27,8	28,8	19,7	24,3	19,3	25,9	+11
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	16,4	15,2	14,5	11,7	14,0	18,2	11,5	22,9	+7
Отсутствие способности к организации	9,5	13,8	12,2	13,7	12,0	8,9	14,0	15,6	+6
Опасения негативной реакции со стороны окружающих	6,6	10,2	13,5	8,9	7,7	6,6	6,5	11,6	+5
Другое	1,1	0,8	0,3	0,0	1,0	0,5	0,0	0,3	-1
Затрудняюсь ответить	27,3	25,9	23,6	25,4	29,2	33,4	26,8	21,4	-6

* Распределение ответов на вопрос: «Какие препятствия Вы считаете главными для проявления людьми своей гражданской позиции?». **Вопрос задаётся 1 раз в год.
Источник: данные социологического исследования ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 г.

Важнейшим фактором развития добровольчества является информированность населения о различных социальных практиках. Между тем данные социологических опросов ВолНЦ РАН показывают, что жители города слабо осведомлены о деятельности общественного сектора, который выступает важнейшим пространством до-

[3] Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2016. №1(9). С. 8.

бровольческой деятельности. Данные мониторинга показывают, что в областной столице в период с 2009 по 2019 год были осведомлены о деятельности некоммерческих организаций или имели личный опыт взаимодействия с ними от 6 до 14% населения. В 2019 году ничего не знали об НКО 37% граждан. Если сравнивать данные текущего и предыдущего года, то незначительно выросла доля тех, кто что-то слышал об НКО – на 5 п.п. Вместе с тем можно констатировать, что положительная динамика в ответах респондентов практически отсутствует. Таким образом, уровень информированности вологжан о работе НКО, деятельность которых напрямую связана с добровольчеством, следует признать невысоким. Отметим, что принципиально важно, насколько полно в информационном поле города представлены материалы о развитии общественного сектора. Возможно, что современные СМИ как в областной столице, так и в целом регионе недостаточно уделяют внимания деятельности НКО и добровольчества, а сами НКО неактивно включаются в создание информационного пула в этом направлении.

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать вывод о том, что основным барьером для развития добровольческой деятельности в городском пространстве выступает осознание подавляющим числом жителей города Вологды своей невозможности влиять на состояние дел на уровне города. Кроме того, среди факторов, препятствующих гражданской активности населения, следует выделить безразличие к общим делам, индивидуализм, а также недостаток времени, чрезмерную занятость. Также выявлено, что серьезно препятствует развитию добровольчества в городе слабая информированность вологжан об этом виде общественной деятельности. Представляется, что выявленные социологические данные имеют значительный практический интерес для формирования стратегии развития волонтерства в муниципальных образованиях.

Заключение

Проведенный анализ состояния добровольческой деятельности позволяет обозначить ряд предложений по выработке мер, направленных на развитие добровольчества на муниципальном уровне (на примере города Вологды).

Необходимо формировать разветвленную систему разноуровневых площадок для реального процесса взаимодействия органов муниципальной власти, бизнеса и общественности (социальные ярмарки, ресурсные центры, форумы и т.д.). Это позволит генерировать значимые общественные инициативы, консолидировать мотивацию как жителей города, так и коммерческих/некоммерческих организаций, в том числе недостаточно социально активных, но при этом обладающих мощным ресурсным потенциалом.

Требуется поддержка и поощрение широкой пропаганды добровольческой деятельности в СМИ, регулярное освещение социальных проблем на уровне страны, региона, города. Необходимо формирование посредством социальной рекламы, интернет-технологий мотивации гражданского участия в решении проблем, ответственного поведения вологжан, понимания того, что в решении социальных проблем можно опираться на НКО, волонтеров и активных граждан.

Вместе с тем целесообразны поддержка инициатив по развитию гражданского участия молодежи как важнейшей группы пополнения рядов добровольцев, проведение мероприятий по гражданскому образованию, повышению уровня гражданско-правовой культуры молодого поколения.

Библиографический список

1. Зборовский Г.Е., Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография. 2-е изд. М.: ЮРАЙТ, 2019. 433 с.
2. Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.
3. Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации / под ред. И.В. Мерсияновой. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 202 с.

Информация об авторах

Косыгина Ксения Евгеньевна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр РАН» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а).

Уханова Юлия Викторовна (Россия, Вологда) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр РАН» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а).

Kosygina K.E., Ukhanova Y.V.

MUNICIPAL VOLUNTARY (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

Abstract. *The key trends and problematic moments in the development of volunteerism at the municipal level (on the example of the city of Vologda) are considered. The research method is the analysis of the results of opinion polls. It was revealed that the main barriers to the development of volunteerism in the urban space are the realization of their impossibility to influence the state of affairs at the city level, indifference to general affairs, individualism, lack of time, and poor awareness. The analysis of the state of volunteering made it possible to identify a number of proposals for the development of measures aimed at the development of volunteering at the municipal level.*

Key words: *volunteer, volunteering, civic participation, non-profit organizations, region, municipalities.*

Information about the authors

Kosygina Ksenia E. (Russia, Vologda) – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (Vologda, Gorky St. 56a).

Ukhanova Julia V. (Russia, Vologda) – Ph.D. in History, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (Vologda, Gorky St. 56a).

References

1. Zborovsky G.E., Pevnaya M.V. Volunteering management: international experience and local practices: monograph. 2nd ed. ed. Moscow: URIGHT Publishing House, limited liability company, 2019. 433 p.
2. Kudrinskaya L.A. Volunteer work: essence, functions, specificity // Sociological studies. 2006. No. 5. P. 15–22.
3. Assessment of the economic and social effectiveness of volunteerism: methodological approaches and implementation problems / ed. I.V. Mersiyanova. M .: HSE, 2018.202 p.

УДК 342.415/ББК 67.400

Курочкина А.Н.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

***Аннотация**. Раскрывается понятие социального государства, рассматривается становление нормативно-правовой базы социальной политики и закрепление ее принципов в Конституции РФ, анализируются причины диспропорций в развитии социальной политики в регионах страны, раскрывается значимость национальных проектов.*

***Ключевые слова:** социальная политика, социальное государство, социальная инфраструктура, свободное развитие человека, регионы, национальные проекты.*

Важнейшим критерием всестороннего развития общества в целом и личности в отдельности является взятие в государстве курса на социальную политику, создание благоприятных условий для жизни, здоровья и трудовой деятельности граждан, в том числе социально слабых групп населения. Мировой опыт показывает, что процветание и благополучие государства напрямую зависит от качественных показателей жизни его граждан, от успешно выстроенной социальной инфраструктуры. Мощнейшим инструментом в создании сильного социального государства является социально ориентированная экономика, обеспечивающая условия для существования здоровой конкурентной среды, справедливого распределения доходов. Во главе угла в социальном государстве выступает достойное существование и свободное развитие человека. Важнейшей задачей социального государства является утверждение в обществе принципов социальной справедливости и солидарности, предотвращение острых социальных конфликтов [8, с. 79].

Как отмечает Я.А. Маргулян, социальная политика предполагает «обеспечение в стране социальной справедливости, разрешение и смягчение социальных противоречий в обществе, создании для всех граждан равных возможностей в обеспечении материального благополучия и удовлетворения духовных запросов» [6, с. 24].

От большинства стран Россия отличается многонациональностью и «высоким уровнем дифференциации социально-экономического развития регионов» [10, с. 139]. Поэтому одной из главных задач для государства является создание необходимых условий для гармоничного развития социальной среды во всех субъектах.

Необходимость выполнять поставленные перед государством социально значимые задачи обусловлена созданием соответствующей нормативно-правовой базы. Не трудно представить, что установление и закрепление в законе принципов социальной поддержки происходило в нашей стране постепенно, начиная с отдельных гарантий для женщин, малолетних работников, представителей рабочего класса. Безусловно, зачастую они были слишком далеки от совершенства, и в настоящее время их сочли бы «околосоциальными», поскольку они предусматривали слишком ограниченную помощь в угоду фабрикантам и промышленникам. Так, например, закон от 2 июля 1903 года обязывал владельцев фабрик и заводов предоставлять рабочим, получившим увечья и травмы, бесплатную медицинскую помощь или выдавать им пособие по нетрудоспособности в размере половины заработка при условии, что рабочему для восстановления трудоспособности требовалось более трех дней и если причиной несчастного случая не была грубая неосторожность или умысел [7, с. 131]. При этом закон не распространялся на работников сельского хозяйства, ремесленников, кустарей, рабочих-строителей. Основным же недостатком этого закона, по мнению

С.Н. Прокоповича, было отсутствие у предпринимателей обязанности компенсировать потерю работником трудоспособности в результате приобретения профессиональной болезни [7, с. 132].

Таким образом, можно сделать вывод, что значительный пласт социальных норм пришел вместе с развитием и распространением промышленности, несущей в себе огромные риски для здоровья и жизни рабочих, и с тех пор затрагивал всё новые и новые стороны жизни.

В настоящее время первичным и основным документом в нашей стране, провозглашающим принцип социального государства, является Конституция Российской Федерации, статья 7 которой устанавливает: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты». Конституция гарантирует право граждан на защиту материнства и детства (ст. 38), социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей (ст. 39), охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41). Более развернуто положения Основного закона раскрыты и закреплены в кодексах (Трудовом, Семейном, Жилищном) и целом ряде федеральных законов, как, например, «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и др.

Таким образом, законодательство закрепляет довольно широкий спектр направлений социальной поддержки населения, включая занятость, образование, охрану здоровья, социальное обеспечение и пр.

Каждый субъект на своём уровне в пределах свей компетенции также принимает соответствующие нормативные правовые акты, содержащие меры социальной поддержки и регулирующие социальные права отдельных категорий населения. Так, например, 16 марта 2015 года был подписан Закон Вологодской области «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Вологодской области», который «направлен на улучшение демографической ситуации в области, а также сокращение масштабов социального сиротства. Задачами закона области являются формирование системы общественных и личных ценностей, ориентированных на семью с детьми, обеспечение социально-экономических условий, благоприятных для рождения, содержания и воспитания детей в семье, и обеспечение приоритета семейного воспитания детей» [2].

Вместе с тем необходимо понимать, что не всё, что написано на бумаге, в полной мере реализуется в действительной жизни. Безусловно, забота о благополучии граждан – это обязанность и прерогатива государства, именно оно является главным обеспечивающим звеном единой социальной стратегии развития во всех регионах. Однако федеральным органам власти не под силу учесть все нужды и интересы населения в каждом регионе, а равно «ресурсы и способы их удовлетворения» [9, с. 143]. При этом в числе источников социальных ресурсов региона выделяют:

- социальную инфраструктуру, социально-демографические резервы региона;
- национальный состав населения, показатели по уровню средней продолжительности жизни, заболеваемости и пр.;

- трудовой потенциал населения региона в целом, включая занятость и безработицу, профессиональное соотношение;

- мотивационные и социально-психологические возможности населения (включая готовность населения к социально-экономическим преобразованиям, к участию в предпринимательской деятельности) [5, с. 157].

В рамках отдельно взятого региона на практике очень часто происходят коллизии между федеральными, региональными и местными властями по вопросам социальных преобразований и интересов региона. Одной из ключевых причин, препятствующих реализации эффективной социальной политики, являются «диспропорции регионального развития» [9, с. 145]. Так, по данным Росстата, сальдированный финансовый результат деятельности организаций Вологодской области за 2018 год составил 235 139 млн. руб., Ульяновской области (при сравнимых показателях по среднегодовой численности занятых) – 2498 млн. руб, а в Чувашии, Дагестане, Забайкальском крае, Еврейской автономной области и целом ряде других субъектов этот показатель вообще с минусом[1]. Наиболее высокие экономические показатели наблюдаются у городов федерального значения и сырьевых регионов. Так, в Москве сальдированный финансовый результат равен 3 247 670 млн. руб.[2] Такой масштабный дисбаланс в экономическом развитии регионов, безусловно, сказывается на качестве и уровне жизни граждан и выражается в непропорциональном развитии социальной платформы регионов. Низкая доходность региона влечет за собой соответствующие поступления в бюджет и, следовательно, невозможность или несвоевременность разрешения целого ряда проблем, ежегодно и ежедневно возникающих в социальной сфере на региональном уровне.

Тем не менее, анализируя данные Росстата о месте, занимаемом каждым из субъектов Российской Федерации в 2018 г. по основным социально-экономическим показателям, видно, что не всегда низкая доходность региона влечет за собой и непременно низкий уровень тех или иных социальных индексов. Так, например, Вологодская область занимает чуть выше среднего место по вводу в действие жилых домов на 1000 человек (36 из 84), среднемесячной номинальной заработной платы работников организаций (34 из 84)[3]. При этом по уровню занятости область занимает 62 место из 84 возможных, а по численности студентов, обучающихся по программам высшего образования, на 10000 человек – лишь 71 место[4]. Среднемесячная номинальная заработная плата в Ульяновской области ниже – 64 место, однако по таким показателям, как ввод в действие жилых домов и численность студентов, обучающихся по программам высшего образования, – 6 и 21 место из 84-х соответственно[5]. Город Москва же, лидируя в социально-экономической сфере практически по всем параметрам, занял 81 место из 84 по такому показателю, как общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя[6]. Безусловно, это связано с колоссально высокой плотностью населения на относительно небольшой территории.

В обозримом будущем, вероятнее всего, ситуация не поменяется, и Россия не сможет, кардинально не изменив политику в отношении развития регионов, вы-

---

[1] Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/folder/210/document/47652 (дата обращения: 19.03.2020).

[2] Там же.

[3] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 32-33.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 34-35.

[6] Там же. С. 33.

рваться из этого диспропорционального коллапса. Безусловно, во многом это связано с существенной разнородностью природных условий, сырьевого и человеческого потенциала самих регионов [9, с 145]. Протяженность и неоднородность территории России способствует тому, что субъекты изначально находятся в неравных условиях по наличию в своей местности топливно-энергетических, ресурсных резервов, что непременно находит своё отражение в социально-экономическом развитии региона и накладывает отпечаток в том числе и на демографические процессы. Последние, к сожалению, свидетельствуют об устойчивом характере перемещения населения от периферии к центру, из менее благополучных регионов в крупные города и области с высоким трудовым потенциалом, а также теплым климатом и близостью к Черному морю. По данным Федеральной службы государственной статистики, наиболее высокие показатели миграционного прироста населения за счет передвижений в пределах России за 2018 год наблюдаются в городах федерального значения – Москве и Санкт-Петербурге (86 094 и 21 034 человек соответственно), Московской и Ленинградской областях (89 070 и 39 973 человек соответственно), Краснодарском крае (36 505 человек)[7]. В подавляющем большинстве остальных регионов эти показатели с отрицательным значением. Как отмечает Н.В. Зубаревич, в дальнейшем это может привести к очень негативным социально-экономическим последствиям как для государства в целом, так и для отдельных его регионов – к сосредоточению человеческого капитала в центральной части страны вокруг крупнейших городов и опустению не только освоенных восточных и северных территорий, но и многих областей европейской части России [3, с. 54].

Взятие курса на социальную политику накладывает на государство определенные обязанности, которые оно должно выполнять, дабы обеспечить высокое качество жизни и свободное развитие человека, создавать для всех граждан без исключения равные возможности «в обеспечении материального благополучия и удовлетворения духовных запросов» [6, с 6]. При этом мы согласны с мнением П.Н. Байматова, который считает, что не только само государство должно строить и определять социальную политику, но и граждане обязаны принимать активное участие в формировании и закреплении принципов социального государства, в частности, посредством «социально ориентированного бизнеса» и реальной конкуренции [1, с. 204].

В 2018 году Президентом России был подписан Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», утверждающий двенадцать новых национальных проектов федерального масштаба: «Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Культура», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Жильё и городская среда», «Экология», «Наука», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Цифровая экономика», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт». Все эти программы разработаны с целью стремительного научно-технического и социально-экономического развития, повышения уровня жизни граждан по всей стране в целом, создания комфортных условий и возможностей для самореализации каждого человека вне зависимости от региона проживания. Национальные проекты расставляют приоритеты государства в разрешении наиболее значимых для общества и страны задач посредством мобилизации ресурсов, совершенствования социальной инфраструктуры, вовлечения населения.

---

[7] Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2018 году: бюллетень. URL: https://www.gks.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 19.03.2020).

Каждый из национальных проектов включает в себя несколько федеральных, направленных на социальную модернизацию и разрешение тех или иных задач или проблем, существующих в целом по стране. О.Б. Иванов и Е.М. Бухвальд предлагают рассматривать национальные проекты «как векторы, которые обозначают основные направления и ключевые задачи хозяйственного и социального развития, существенно важные на данном историческом рубеже для качественного обновления страны и модернизации ее экономики» [4, с. 39]. При этом отмечают, что значение проектов не следует сводить к способу перераспределения ресурсов и к ликвидации высвободившихся доходов бюджетной системы. Бюджет программ финансируется из нескольких источников, включая федеральные средства, средства субъектов и государственных внебюджетных фондов, заложенных при формировании проекта бюджета соответствующего уровня на плановый период в приоритетном порядке, что влечет за собой общую ответственность за освоение соответствующих ресурсов и исполнение прописанных в программах показателей.

Безусловно, каждый национальный проект индивидуален и самостоятелен, однако вместе все 12 программ образуют взаимообусловленную, интегрированную, эффективную систему на долгосрочную перспективу. Они являются фундаментом, на который будут опираться в дальнейшем органы власти и общество, применяя апробированный инструментарий, заложенную систему поведения и внедрения средств и методов модернизации для решения практических задач. Вместе с тем на повестке дня остаются весьма острые вопросы, усугубляющиеся в условиях экономического кризиса и требующие решения в самые ближайшие годы: бедность, снижение реальных доходов населения, низкий уровень социальной инфраструктуры для инвалидов и детей, нехватка медицинского персонала и оборудования в больницах большинства регионов и пр. В этой связи необходима разработка принципиально новой концепции подхода к взаимодействию регионов и центра, новых методов регионального развития и способов инвестирования, вовлечения трудового населения в социальную политику.

Библиографический список:

1. Байматов П.Н. Россия и Запад: конституционное право граждан на социальное обеспечение – индикатор социального государства // Право и политика. – 2014. № 2 (170). С. 197-206.
2. Об охране семьи, материнства, отцовства, и детства в Вологодской области: закон Вологодской области от 16.03.2015 г. № 3602-ОЗ (с изм. на 27.12.2019 г.). URL: http://docs.cntd.ru/document/424041762 (дата обращения: 12.03.202).
3. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46-57.
4. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Национальные проекты России: региональное измерение // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 37-53.
5. Лубашев Е.А. Теоретические основы социального развития регионов // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». – 2013. № 3. С.155-160.
6. Маргулян Я.А. Основы социального государства: учебное пособие для вузов — 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. 178 с. (Высшее образование). Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: https://biblio-online.ru/bcode/451758/p.24 (дата обращения: 10.03.2020).
7. Прокопович С.Н. К рабочему вопросу в России. СПб. : Е.Д. Кускова, 1905. 208 с.

8. Руденкин В.Н. Социальное государство в России: конституционный принцип и практическая реализация // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 1. С.79-93.
9. Трофимова И.Н. Социальная политика в регионах Российской Федерации в контексте межсекторного взаимодействия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т.5. № 1. С. 143-160.
10. Шмидт А.Н., Банников А.Ю., Соколов Д.С. К вопросу о показателях социального развития регионов Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 1. С. 139-145.

Информация об авторе

Курочкина Анастасия Николаевна (Россия, Вологда) – специалист по маркетингу, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, 160000, Вологда, ул. Марии Ульяновой, д. 18; dpo.vfmgua@gmail.com).

Kurochkina A.N.

THE SOCIAL STATE AND ITS SIGNIFICANCE IN MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS

Abstract. *Reveals the concept of the welfare state, examines the formation of legal base of social policy and its principles in the Constitution of the Russian Federation, analyzes the causes of imbalances in the development of social policy in the regions of the country, reveals the significance of national projects.*

Keywords: *social policy, social state, social infrastructure, free human development, regions, national projects.*

Information about the authors

Kurochkina Anastasia N. (Vologda, Russia) – marketing specialist, North-Western Institute (branch) of the Kutafin University (MSU) (Russia, 160000, Vologda, Maria Ulyanova str., 18; dpo.vfmgua@gmail.com).

References

1. Baimatov P. N. Russia and the West: the constitutional right of citizens to social security-an indicator of the social state // Law and politics. 2014. № 2 (170). Pp. 197-206.
2. Law of the Vologda region" on the protection of the family, motherhood, fatherhood, and childhood in the Vologda region " dated 16.03.2015, № 3602-OZ (with ed. as of 27.12.2019) URL: http://docs.cntd.ru/document/424041762 (accessed: 12.03.202).
3. Zubarevich N. V. Development of the Russian space: barriers and opportunities of regional policy // World of the new economy. 2017. № 2. Pp. 46-57.
4. Ivanov O. B., bukhvald E. M. National projects of Russia: regional dimension // Stage: economic theory, analysis, practice. 2019. № 1. Pp. 37-53.
5. Lubashev E. A. Theoretical foundations of social development of regions // Scientific and analytical journal "Bulletin of the Saint Petersburg University of The state fire service of the EMERCOM of Russia". 2013. № 3. Pp. 155-160.
6. Margulian J. A. / fundamentals of the welfare state : textbook for universities / I. A. Margulian. - 2nd ed., ISPR. and add. Moscow: yurayt Publishing house, 2020. 178 p. (Higher education) // EBS yurayt [site] URL: https://biblio-online.ru/bcode/451758/p.24 (accessed: 10.03.2020).

7. Prokopovich, S. N. To the working question in Russia / S. N. Prokopovich. SPb. : E. D. Kuskova, 1905. [2], 208 p.: table.
8. 8. Rudenkin V. N. "Social state in Russia: constitutional principle and practical implementation" // Bulletin of the Ural Institute of Economics, management and law. 2013. № 1. Pp. 79-93.
9. Trofimova I. N. Social policy in the regions of the Russian Federation in the context of intersectoral interaction // Political expertise: POLITEX. 2009. Vol. 5. № 1. Pp. 143-160.
10. Schmidt A. N. On the question of indicators of social development of the regions of the Russian Federation / A. N. Schmidt, A. Yu. Bannikov, D. S. Sokolov // Economics and business: theory and practice. 2016. № 1. Pp. 139-145.

УДК 323.2

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А.

СОЛИДАРНОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРТНЫХ ОПРОСОВ)[1]

Аннотация. *В докладе представлены экспертные оценки распространенности в региональных сообществах идей социальной солидарности и ответственности, изучены масштабы гражданской активности и вовлеченности населения в деятельность НКО. Выявлены взаимосвязи указанных феноменов с различными видами социального доверия, определены причины низкого гражданского участия и возможные меры по их преодолению.*

Ключевые слова: *социальная солидарность, социальная ответственность, гражданский активизм, институциональное доверие, региональное гражданское общество.*

Политический и общественный запрос на социальную солидарность наблюдается во всем мире. Социальная солидарность представляется «спасательным кругом», способным преодолеть или, по меньшей мере, сгладить острые социальные противоречия, порождаемые вызовами глобализации – ростом бедности и социального неравенства, кризисом систем социального обеспечения и перераспределения доходов, трансформацией традиционных относительно гомогенных социокультурных пространств в этнически и религиозно гетерогенные и фрагментированные «мозаики».

Со времен Э. Дюркгейма и О. Конта солидарность рассматривается в качестве важнейшего признака социальности, необходимого атрибута, отличающего общество от простого скопления индивидов. Солидарность проявляется во взаимоуважении и взаимовыручке, ощущении индивидами себя частью одного целого, то есть практически всегда предполагает идентификационную составляющую. И хотя трудно быть искренне солидарным «из-под палки», солидарность практически всегда имеет нормативное, моральное по содержанию, измерение, обозначающее степень честности и порядочности индивидов по отношению к «другим». Так, П. Штомпка описывает солидарность как «заботу об интересах других и готовность принять действия в их пользу несмотря на свои интересы», которая наряду с доверием и лояльностью образует «моральное пространство», необходимое для поддержания прочности «социальной ткани» [4].

В российском научном дискурсе солидарность часто рассматривается как фактор стабильности, сплоченности российского общества в условиях чрезвычайной социальной, экономической и социокультурной разнородности [3]. Солидарность традиционно исследуется совместно с процессами формирования и развития структур гражданского общества, в частности, большое внимание уделяется практикам взаимопомощи на уровне местных сообществ, развитию добровольчества и благотворительности [1]. Отмечается, что российские граждане испытывают острый кризис солидарности, вызванный дискредитацией консолидирующих идей и ценностей, дефектами общественного сознания (алогичность мышления, отсутствие рефлексии, низкая самооценка), распространенностью моральных и социальных патологий, таких как социальное дезертирство и индифферентность,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России» (2019–2021).

что приводит к потере взаимного доверия и ответственности, разрушительно воздействует на духовную и нравственную сферы. В последние годы намечается смещение с приоритетного рассмотрения социальной солидарности как предпосылки обеспечения национального единства, формирования гражданской нации в сторону исследования солидаризационных практик и отношений в сообществах на микро- и мезоуровне [2].

Экспертный опрос, проведенный в четырех российских приграничных регионах, позволил оценить уровень социальной ответственности, гражданской активности и солидарности населения, выявить их взаимосвязь с общественным доверием и готовностью участвовать в деятельности некоммерческих организаций и общественном самоуправлении, определить основные детерминанты, предпосылки и меры для повышения солидарности и уровня участия населения в делах местного сообщества. В исследовании, проведенном осенью 2019 года, приняли участие 60 экспертов из четырех регионов России – Алтайского и Забайкальского краев, Кемеровской и Оренбургской областей – представители региональных правительств и администраций муниципальных районов, депутаты законодательных собраний регионов, ученые и руководители некоммерческих организаций. Выбор регионов осуществлялся исходя из особенностей географического положения и показателей социально-экономического развития.

Согласно полученным экспертным оценкам, в исследуемых регионах наблюдались существенные различия в сформированности у населения гражданских качеств, навыков социально значимой деятельности.

Лидирующие позиции занимала Оренбургская область, как регион, в котором население имело достаточно высокий уровень ответственности и солидарности и использовало разнообразные формы гражданского участия (средняя оценка по показателю гражданской активности составила 8,0 баллов, по социальной ответственности – 6,8 балла, по гражданской солидарности – 6,6 балла, использовались десятибалльные шкалы). Наибольшей пассивностью, по мнению экспертов, отличалось население Кемеровской области, где уровень гражданской активности составил 3,9 балла, социальной ответственности – 4,7 и гражданской солидарности – 4,6 балла. В Алтайском крае оценки были намного ниже, чем в Оренбургской области, но значительно превышали оценки Кемеровской области (5,8, 5,1 и 5,1 балла), тогда как Забайкальский край по всем шкалам, кроме гражданской солидарности, занимал промежуточное положение между Алтайским краем и Кемеровской областью (4,5, 4,9 и 5,3 балла). Таким образом, в трех из четырех регионов наблюдался дефицит социальной активности граждан, порождаемый низким уровнем согласования индивидуальных и общественных интересов, отсутствием у жителей желания приносить пользу своему региону, поддерживать своих земляков. Даже в регионе с благоприятной обстановкой – Оренбургской области – оценки были далеки от максимальных, что свидетельствовало о наличии признаков системного социального кризиса, в большей степени затрагивающего все, даже менее уязвимые в социально-экономическом отношении регионы.

Следующим этапом анализа являлось сопоставление оценок по трем ключевым показателям с показателями обобщенного, партикулярного и институционального доверия, что позволило выявить потенциал и характер взаимодействий населения с государственными и общественными институтами, бизнес-сообществом в реализации гражданских инициатив.

Во всех регионах значимым индикатором формирующегося солидаризационного потенциала населения выступало доверие к среднему и малому бизнесу ($\rho_{АК} = 0{,}54$, $\rho_{ЗК} = 0{,}54$, $\rho_{ОрО} = 0{,}57$, $\rho_{КО} = 0{,}95$, $p < 0{,}05$), не только как к фактору, определяющему развитие региональной экономики, но и как новому социальному классу, трансформирующему социальную структуру населения региона, выступающему значимым субъектом общественных отношений. Данная взаимосвязь особенно подчеркивалась экспертами в Кемеровской области, в которой количество субъектов малого и среднего предпринимательства было одним из самых высоких (по данным Единого реестра за март 2020 года в данном регионе было зарегистрировано 70554 субъекта, в Алтайском крае – 78315, в Оренбургской области – 57472, в Забайкальском крае – 25370). В Забайкальском крае значимую роль в детерминации солидарных установок населения играло также доверие к федеральным органов власти ($\rho = 0{,}53$, $p < 0{,}05$). В Кемеровской области солидарность граждан ассоциировалась с доверием к общественным институтам и местным властям ($\rho > 0{,}8$, $p < 0{,}05$), к федеральным и региональным органам власти ($\rho > 0{,}6$, $p < 0{,}05$). Наличие положительной взаимосвязи между солидарностью и доверием к государственным институтам указывало на отсутствие ярко выраженных протестных настроений. Учитывая, что федеральным и региональным властям население доверяло значительно больше, чем органам местного самоуправления, общественным институтам, бизнес-структурам и людям в целом (кроме Забайкальского края, где уровень доверия к региональной власти был ниже), предполагается, что именно в направлении общественно-государственного партнерства будут развиваться солидаризационные устремления жителей регионов.

Социальная ответственность населения в трех из четырех регионов (кроме Оренбургской области) оказалась сопряжена с доверием к органам местного самоуправления ($\rho_{АК} = 0{,}57$, $\rho_{ЗК} = 0{,}68$, $\rho_{КО} = 0{,}87$, $p < 0{,}05$). В Кемеровской области и Алтайском крае она была связана с доверием к средним и малым предприятиям ($\rho_{АК} = 0{,}53$, $\rho_{КО} = 0{,}85$, $p < 0{,}05$), а в последнем – еще и к крупному бизнесу ($\rho_{АК} = 0{,}62$, $p < 0{,}05$) Примечательно, что именно указанные институты чаще всего демонстрировали низкий уровень социальной ответственности, о чем можно судить по уровню доверия к ним у населения, но именно установление взаимодоверительных и взаимоуважительных отношений между этими субъектами и населением могло бы стать основой для повышения социальной ответственности в региональном обществе. В Забайкальском крае и Кемеровской области социальная ответственность населения была также положительно взаимосвязана с доверием к средствам массовой информации ($\rho_{ЗК} = 0{,}52$, $\rho_{КО} = 0{,}6$, $p < 0{,}05$) и общественным институтам – партиям, общественным и религиозным организациям и движениям ($\rho_{ЗК} = 0{,}66$, $\rho_{КО} = 0{,}83$, $p < 0{,}05$), тогда как в Оренбургской области показатель социальной ответственности, напротив, был отрицательно взаимосвязан с оценками доверия населения к средствам массовой информации ($\rho = -0{,}62$, $p < 0{,}05$). Иными словами, в данном регионе ответственное поведение граждан, по мнению экспертов, предполагало не бездумное восприятие информации, а критичное к ней отношение, что вполне соотносилось с актуальными социальными реалиями, наличием множества противоречивой и непроверенной информации.

Примечательно, что гражданский активизм в регионах с относительно высокими оценками (Алтайском крае и Оренбургской области) не был взаимосвязан ни с одним из видов социального доверия, в том числе к общественным организациям, то есть эксперты неосознанно фиксировали в своих оценках высокую степень индивидуализации гражданских практик, их оторванности от функционирующих в

регионе социальных институтов во всех трех социетальных секторах, несмотря на положительный опыт сотрудничества населения с НКО: в Оренбургской области 20% экспертов высоко оценили (8–10 баллов) уровень вовлеченности населения в деятельность НКО и оставшиеся 80% дали средние оценки (4–7 баллов по десятибалльной шкале). В Алтайском крае ситуация была скорее близка к благоприятной: 80% экспертов дали средние и 20% – низкие оценки уровню вовлеченности населения в некоммерческий сектор.

Гражданский активизм в Забайкальском крае был значимо взаимосвязан с доверием к массовым коммуникациям и органам федеральной власти, однако ключевым драйвером являлось доверие к общественным институтам ($\rho = 0{,}75$, $p < 0{,}05$). В Кемеровской области значимыми коррелятами гражданской активности являлись доверие к общественным институтам, органам местного самоуправления и доверие к малому и среднему бизнесу ($\rho > 0{,}7$, $p < 0{,}05$). Между тем, учитывая что в этих регионах большинство экспертов (73,3% и 60,0%) были уверены в том, население региона практически не взаимодействует или взаимодействует на очень низком уровне с функционирующими в регионе общественными организациями, и уровень доверия к ним был значительно ниже оказываемого органам власти, эти взаимосвязи свидетельствовали лишь о потенциальных возможностях кооперации между населением и НКО, которая пока находилась на низком уровне. Одной из важных причин такого положения являлись количественные характеристики третьего сектора в указанных регионах, где было значительно меньше количественных организаций в расчете на 100 тыс. населения (всего 79 в Кемеровской области и 90 в Забайкальском крае) по сравнению с более благополучным Алтайским краем (106) и Оренбургской областью (127). Иными словами, населению практически не были доступны возможности такого взаимодействия.

Оценивая факторы, влияющие на уровень солидарности и гражданской активности населения, эксперты всех регионов были единодушны в том, что их детерминация имеет комплексный характер.

Во всех регионах эксперты подчеркивали, что гражданская солидарность и социальная активность населения связаны с социально-экономическим положением региона, зависят от уровня жизни и благосостояния населения, наличия и остроты общественных проблем, оперативности их решения государственными ведомствами. Немаловажное значение имеют общий моральный климат общества, наличие общих ценностей и мотивации к коллективным действиям, развитие демократических и социальных институтов, ответственных за формирование у населения общечеловеческой, гражданской и политической культуры, навыков ответственного поведения. Гражданская активность, по мнению экспертов, естественным образом проистекает из общей воспитанности и образованности населения, общей культуры и связана с его менталитетом, уровнем толерантности и открытости, а уже затем – с гражданской позицией.

Направленность гражданской активности и формы, которые она принимает, в значительной степени зависят от государства, от того, насколько стоящие у власти чиновники готовы идти навстречу населению и решать возникающие вопросы, насколько действенны механизмы взаимодействия между властью и рядовыми гражданами. К сожалению, приходится констатировать, что в большинстве случаев под гражданской активностью экспертами понималась протестная активность населения, направленная на выражение общественного недовольства низким уровнем жизни и нерешенными проблемами. Между тем, в экспертном сообществе имелось

также четкое понимание того, что гражданские солидарности формируются исходя из общих ценностей и нравственных императивов в конкретных социальных взаимодействиях на местном уровне как результат социальной сплоченности, даже в условиях противостояния власти. И хотя некоммерческий сектор играл в формировании и структурировании гражданской активности скорее вторичную роль, его уровень развития, вкупе с общим состоянием демократических процессов, выступал в роли социального фона, определяющего конкретные формы и проявления гражданских практик, их результативность.

Библиографический список

1. Звоновский В. Б., Меркулова Д. Ю. Формы социальной активности в новых территориальных сообществах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 1 (125). С.82-90.
2. Реутов Е. В. Социальная солидарность в общественном дискурсе (опыт регионального исследования) // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 3 (19). С.111-125.
3. Тулузакова М. В. Стратегия формирования солидарного общества: практика, социальные риски и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. № 14 (2). С.26-30.
4. Штомпка П. Трудноучитываемые культурные факторы в быстрых социальных изменениях. Доверие, лояльность, солидарность // Социология: РЖ. 2005. № 2. С. 78-85.

Информация об авторах

Максимова Светлана Геннадьевна (Россия, Барнаул) – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, проректор по научному и инновационному развитию, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (656049, Барнаул, пр. Ленина, д. 61; svet-maximova@yandex.ru).

Ноянзина Оксана Евгеньевна (Россия, Барнаул) – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (656049, Барнаул, пр. Ленина, д. 61; noe@list.ru).

Омельченко Дарья Алексеевна (Россия, Барнаул) – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (656049, Барнаул, пр. Ленина, д. 61; omelchenko@edu.asu.ru).

Maximova S.G., Noyanzina O.E., Omelchenko D.A.

SOLIDARITY, SOCIAL RESPONSIBILITY AND CIVIC ACTIVISM OF POPULATION IN RUSSIAN REGIONS (EXPERT EVALUATIONS)

Abstract. *The report provides expert evaluations of the level of solidarity and social responsibility in regional societies, analyzes civic activism and involvement of population into the third sector organizations. It reveals interconnections between these phenomena and different kinds of social trust, defines factors of low civic participation and possible measures to overcome these challenges.*

Key words: *social solidarity, social responsibility, civic activism, institutional trust, regional civil society.*

Information about the authors

Maximova Svetlana G. (Russia, Barnaul) – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Vice-Rector for Scientific and Innovative Development, FSBEI HE Altai State University (ASU) (656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61; svet-maximova@yandex.ru).

Noyanzina Oksana E. (Russia, Barnaul) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, FSBEI HE Altai State University (ASU) (656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61; noe@list.ru).

Omelchenko Daria A. (Russia, Barnaul) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, FSBEI HE Altai State University (ASU) (656049, Barnaul, Lenin Avenue, 61; omelchenko@edu.asu.ru).

References

1. Zvonovskii V. B., Merkulova D. Yu. Forms of Social Activities in New Territorial Communities // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2015. № 1 (125). P.82-90.
2. Reutov E. V. Social Cohesion in Public Discourse (Local Research Experience) // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika [Sociological Science and Social Practice]. 2017. T. 5. № 3 (19). P.111-125.
3. Tuluzakova M. V. Strategy Formation Social Solidarity: Practice, Social Risks and Prospects // Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology. 2014. № 14 (2). P.26-30.
4. Sztompka P. The Cultural Imponderables of Rapid Social Change. Trust, loyalty, solidarity // Sociology: RZH. 2005. № 2. P. 78-85.

УДК 324/ББК 60.52**7**

Морев М.В.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Аннотация. *Изменения в Конституции, инициированные Президентом РФ в январе 2020 г., существенно повышают роль общества в принятии решений на федеральном уровне и вместе с этим – статус выборов, проводимых в регионах и муниципалитетах страны. В нижеследующих материалах представлен авторский взгляд на суть этих изменений и возникающие в связи с этим актуальные вопросы.*

Ключевые слова: *Конституция РФ, выборы, гражданская ответственность, общество, система государственного управления.*

Прежде чем говорить о новых политических реалиях, следует отметить два момента. Во-первых, когда мы говорим о региональных выборах, мы имеем в виду не выборы руководителей субъектов РФ, а любую форму реализации избирательного права, включая голосование на должности федерального уровня. Во-вторых, следует отметить, что проблема снижения явки на выборы уже давно актуальна не только для нашей страны, но и для многих стран мира.

Например, в России по нашим расчетам (основанным на официальных данных Центральной избирательной комиссии РФ – ЦИК РФ) явка на выборы в Государственную Думу снижается с 2007 г., причем если в 2011 г. по сравнению с 2007 г. явка на избирательные участки сократилась всего на 4 млн. чел., то в 2016 г. по сравнению с 2011 г. – на 13 млн., то есть в 3 раза больше. В целом же за период с 2007 по 2016 г. явка россиян на выборы в парламент сократилась на 16,9 млн. чел. (*рис. 1*).

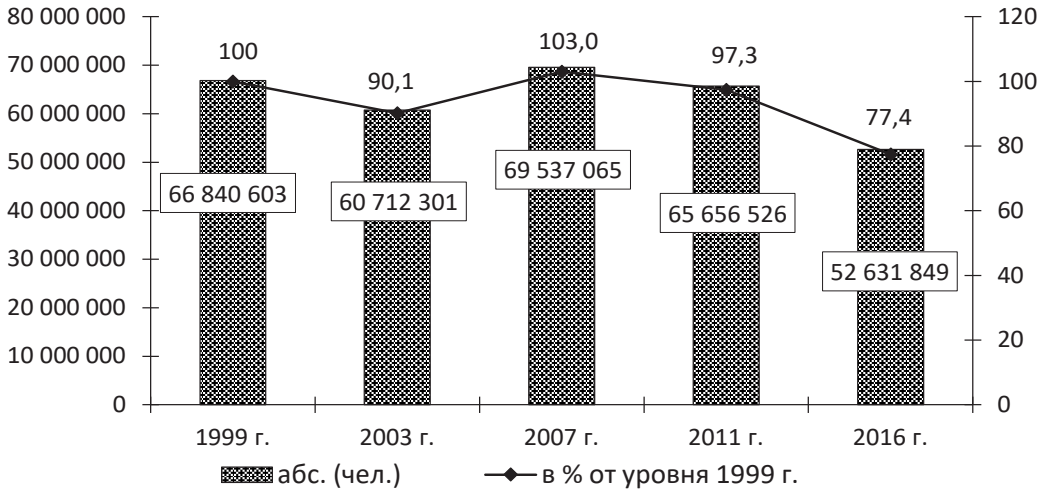


Рис. 1. Динамика явки избирателей на выборы в Государственную Думу РФ

Источник: рассчитано по данным сайта Центральной избирательной комиссии РФ.

Относительно выборов глав регионов статистика не менее тревожная. По официальным данным ЦИК РФ, явка на последние выборы, состоявшиеся в 2018 г. (по сравнению с предыдущим голосованием), снизилась в 13-ти из 21 региона. В целом

по всем субъектам РФ, в которых проходили выборы в 2018 г., число людей, принявших участие в голосовании, сократилось почти на 2 млн. (*табл. 1*).

Таблица 1. Явка на выборы на должность губернатора, чел.

Территория	2014 г.	2018 г.	Изменение + / – 2018 к 2014 г.
Кемеровская область	1882274	1337419	-544855
Нижегородская область	1533021	1046586	-486435
Самарская область	1421746	1143198	-278548
Воронежская область	1072796	831091	-241705
Тюменская область	1467923	1241452	-226471
Приморский край	605200	443199	-162001
Красноярский край	672300	593401	-78899
Ивановская область	311593	265768	-45825
Орловская область	410155	364850	-45305
Новосибирская область	653136	628945	-24191
Амурская область	214017	194752	-19265
Псковская область	213248	195407	-17841
Чукотский автономный округ	19501	17987	-1514
ИТОГО сумма отрицательных изменений по регионам:	*10476910*	*8304055*	*-2172855*
Хабаровский край	350232	354084	+3852
Республика Саха (Якутия)	317501	321536	+4035
Магаданская область	34391	38737	+4346
Республика Хакасия	147279	160090	+12811
Алтайский край	658808	683339	+24531
Владимирская область	339121	372616	+33495
Московская область	2101697	2144961	+43264
Омская область	528167	666627	+138460
ИТОГО сумма положительных изменений по регионам	*4477196*	*4741990*	*+264794*
Общий итог по регионам	*14954106*	*13046045*	*-1908061*

Источник: рассчитано по данным сайта Центральной избирательной комиссии РФ. Ранжировано по изменению 2018 г. к 2014 г.

Мы сознательно не берем в расчет явку на президентские выборы. Здесь ситуация несколько лучше (в частности, в 2018 г. в целом по стране явка на выборы главы государства увеличилась с 65,34% в 2012 г. до 67,54% в 2018 г., при этом и явка, и уровень поддержки действующего Президента страны В. Путина стали рекордными лично для него). Однако не приходится сомневаться в том, что лично у В. Путина совершенно особый, исключительный статус и для политической системы нашей страны, и для общественного мнения широких слоев населения. Поэтому, когда среди кандидатов на этот пост фигурирует В. Путин, на президентских выборах остается разве что один вопрос – с каким именно уровнем поддержки он одержит победу. Особенно если в преддверии выборов он инициирует столь масштабные изменения, целиком и полностью соответствующие ожиданиям общества (как это было в случае с Посланием Федеральному Собранию РФ в марте 2018 г.).

Является ли снижение явки на выборы в Государственную Думу и на выборы глав субъектов РФ следствием неудовлетворенности населения качеством государственного управления? В принципе, основания так считать есть (но это – тема для отдельного анализа). По факту же международные социологические исследования, а также результаты опросов, проводимых Вологодским научным центром РАН (ФГБУН ВолНЦ РАН), говорят о том, что доверие государству в России, как минимум, не ниже, чем во многих странах мира. Так, по данным одного из наиболее

авторитетных мировых исследований Edelman Trust Barometr, за 2018 год уровень доверия правительству увеличился в 15 странах мира *(рис. 2)*[1]. В Российской Федерации в последние годы он остается более высоким (44%), чем в среднем по 28 странам (43%) мира; выше, чем, например, в Великобритании (36% по данным на 2018 г.), Германии (43%), США (33%), Японии (37%) и т.д. И, кроме того, доверие Правительству в России значительно выше, чем СМИ (35 п.), бизнесу – 41 п. и НКО (25 п.).

По данным Европейского социального исследования[2] средний балл удовлетворенности населения тем, как руководство страны выполняет свою работу, в России составляет 4,9. Для сравнения: в Германии – 5 баллов, в Швеции и Финляндии – 4,8, в Великобритании – 4,7, в Чехии, Белигии и Ирландии – 4,6, во Франции – 3,2 балла. Лидером среди европейских государств по данному показателю являются Швейцария (6,6 балла), Норвегия и Нидерланды (по 5,5 балла).

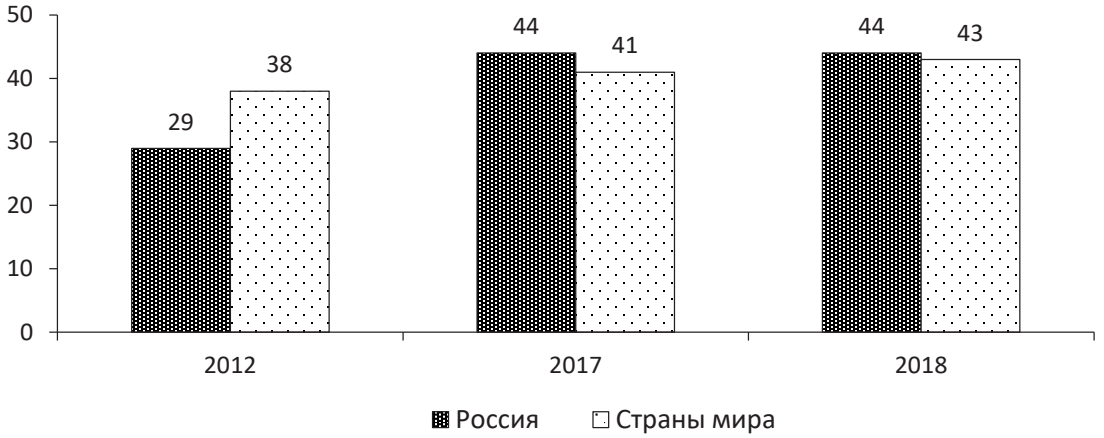


Рис. 2. Уровень доверия правительству, в %

Источник: 2018 Edelman Trust Barometr: global report. Страны мира, вошедшие в выборку исследования: Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Гонконг, Индия, Индонезия, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Китай, Колумбия, Малайзия, Мексика, Нидерланды, ОАЭ, Польша, Россия, Сингапур, США, Турция, Франция, Швеция, ЮАР, Южная Корея, Япония.

Если при этом учесть историческую обусловленность высокой роли государства и национального лидера в России, то становится вполне логичным тот факт, что среди всех прочих государственных и общественных институтов не только Президент, но и Правительство, стабильно обладают наиболее высоким уровнем институционального доверия (наряду с такими традиционными институтами, как армия и церковь; *табл. 2*). Об этом наглядно свидетельствуют результаты многолетнего мониторинга общественного мнения, проводимого ФГБУН ВолНЦ РАН[3].

---

[1] 2018 Edelman Trust Barometer Global Report. URL: https://www.edelman.com/news-awards/2018-edelman-trust-barometer-reveals-record-breaking-drop-trust-in-the-us

[2] Данные Европейского социального исследования за 2016 г. (The European Social Survey). Реж. дост.: http://www.ess-ru.ru

[3] Мониторинг проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в два месяца. Опрашиваются 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %.

Таблица 2. Уровень доверия государственным и общественным институтам (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	Год											
	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Президент РФ	57,1	53,1	54,4	62,0	65,2	56,8	45,7	47,0	57,0	60,6	62,0	59,6
Церковь	42,3	35,4	42,9	42,9	51,9	47,0	41,4	43,9	44,7	43,7	47,1	47,4
Правительство РФ	42,7	33,8	35,2	42,1	60,2	52,4	39,6	40,4	48,3	49,4	48,8	46,0
Армия	37,0	28,5	27,1	29,6	37,8	34,5	31,3	37,5	37,8	42,0	43,9	45,1
ФСБ	34,2	25,8	28,4	35,3	43,8	36,0	33,2	37,5	36,4	39,6	40,6	43,6
Полиция	27,2	22,3	23,7	29,0	36,5	32,7	29,3	33,7	35,4	40,2	41,7	43,0
Прокуратура	30,9	21,7	28,8	33,3	40,9	36,1	33,9	40,1	38,5	40,9	40,3	42,9
Суд	31,6	24,7	31,0	35,5	41,3	37,4	36,1	39,3	36,9	40,5	39,3	42,7
Совет Федерации	28,3	21,7	27,1	34,3	47,6	38,1	32,3	34,6	40,2	40,2	39,3	37,5
Государственная Дума	23,0	18,2	26,0	27,9	42,0	33,5	30,5	31,6	35,2	34,0	33,0	34,1
Руководство области	31,3	23,2	30,0	37,7	48,6	41,0	34,6	37,8	37,4	36,9	38,5	34,0
Органы местного самоуправления	Н.д.	Н.д.	Н.д.	26,6	40,9	35,6	29,3	32,7	35,1	34,5	33,3	32,4
Общественная палата РФ	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	27,3	28,1	29,9	32,8	32,5	32,1	31,7
Профсоюзы	28,4	22,4	26,5	27,4	35,9	29,9	25,6	27,8	26,6	26,5	28,1	29,9
СМИ	30,2	29,6	31,8	30,4	27,5	28,7	28,7	29,5	28,0	26,6	25,7	27,8
Общественная палата области	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	Н.д.	24,8	25,4	29,2	29,4	29,5	28,0	27,0
Общественные организации	-	-	-	20,0	32,6	26,7	26,5	26,8	25,5	23,8	24,2	25,8
Директоры, руководители предприятий	19,6	17,4	21,5	26,5	30,5	22,8	25,1	27,5	21,9	20,2	20,5	22,8
Политические партии	20,4	11,6	18,5	16,0	17,6	20,0	22,8	20,9	20,2	17,0	18,1	20,1
Банковские, предпринимательские круги	12,4	10,7	17,6	22,6	26,6	21,5	21,3	23,4	18,8	16,5	17,2	19,0

*Вопрос задавался в 1996 г., регулярно задаётся с 2000 г. Ранжировано по 2017 г.
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

Почему же в таком случае явка на «непрезидентские» выборы продолжает падать? Многие усматривают в этом недостаток проводимых в период выборов информационных кампаний. Однако, на наш взгляд, проблема в другом. Информирование населения о предстоящем голосовании, как и многие другие процедурные вопросы, сопровождающие участие людей в голосовании (обеспечение анонимности волеизъявления граждан и прозрачности электорального процесса для независимых наблюдателей, доступности реализации своего избирательного права для маломобильных категорий населения, внедрение инновационных технологий и т.д.), – всё это в России развивается довольно эффективно. Можно даже сказать, что это «конёк» ЦИК, о котором в предвыборный и в выборный периоды регулярно сообщается в средствах массовой информации.

Проблема, на наш взгляд, в том, что россияне, в принципе, достаточно аполитичны. По данным Европейского социального исследования, Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Вологодского научного центра (ВолНЦ РАН) (то есть исследований, проводимых на международном, федеральном и региональном уровнях), около 50% наших граждан не интересуются политикой (это 8 место в Европе).

Отчасти это является «обратной стороной» роста уровня и качества жизни, который наблюдался в России в середине 2000-х гг. (до мирового финансового кризиса 2008 г.). Однако в большей степени это следствие стойкого ощущения невозможности оказать влияние на ситуацию в стране. По этому показателю Россия занимает

4 место в Европе (после Чехии, Эстонии и Словении; *табл. 3*). По данным ВЦИОМ около 70% россиян говорят о том, что не могут влиять на ситуацию в своём населённом пункте, в области, в стране в целом; 51% утверждают, что «у граждан России нет возможности контролировать деятельность властей или каким-то образом влиять на решения, которые принимаются властями». По данным ВолНЦ РАН, 82% людей считают, что не могут влиять на положение дел в области или в стране; 74% – на положение дел в своём муниципальном образовании. Об этом же свидетельствуют мотивы, которыми руководствуются люди при принятии решения не участвовать в голосовании: очевидный «лидер» – «я уверен, что моё участие всё равно ничего не изменит» (53%)[4].

Таблица 3. Насколько Вы уверены в том, что Вы лично способны участвовать в политике? (в % от числа опрошенных)

Страна	Совсем не уверен, уверен мало	Некоторая уверенность есть	Полностью, в значительной мере уверен	Затрудняюсь ответить	Место
Чехия	83	12	3	2	1
Эстония	80	15	3	0	2
Словения	75	20	5	1	3
Россия	74	17	6	3	4
Нидерланды	71	22	7	0	5
Финляндия	71	20	9	0	6
Бельгия	71	23	6	0	7
Польша	70	20	7	2	8
Израиль	67	18	10	4	9
Франция	63	29	7	1	10
Ирландия	63	26	11	1	11
Великобритания	58	27	14	0	12
Швеция	49	33	17	1	13
Германия	43	34	23	1	14
Норвегия	43	35	21	1	15
Швейцария	43	33	21	3	16
Среднее по 16 странам	64	24	11	1	–

Источник: Данные Европейского социального исследования (The European Social Survey) за 2016 г. Ранжировано по убыванию доли неуверенных в возможности влиять на политику. В 2008 г. вопрос не задавался.

Таким образом, проблема, как нам видится, лежит не в области информирования населения о вопросах процедурного характера, а в области повышения мотивации людей. При этом известно, что обращение к гражданской самосознательности и ответственности избирателей никогда не уходил из поля внимания ни средств массовой информации, ни представителей власти абсолютно всех уровней.

«Ключ» к решению задачи заключается, на наш взгляд, в доведении до широких слоев населения всеми доступными методами (через СМИ, публичные заявления органов государственного управления, общественные объединения и т.д.) качественно новой роли, которую приобретают итоги региональных и муниципальных выборов для решения вопросов федерального значения. В этом как раз и заключается контекст новых политических реалий.

По сути, инструмент для изменения положения дел в стране в руки общества

[4] Исследование было проведено ВолНЦ РАН в конце 2017 г. (незадолго до выборов главы государства 18 марта 2018 г.).

вложил сам Президент, инициировав ряд кардинальных изменений в Конституцию и в принципы функционирования всей политической системы России в своем Послании Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г.

Сегодня много говорят об изменении Конституции, но чаще всего речь идет о поправках социального характера (индексация пенсий, увеличение размеров материнского капитала и право его получения уже при рождении первого ребенка, ежемесячные выплаты на детей в возрасте от трёх до семи лет включительно и т.д.). Между тем, такие инициативы В. Путина, как включение муниципального уровня в единую систему публичной власти, повышение роли губернаторов в решении вопросов федерального значения и, самое главное, «не просто согласование, а утверждение кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации, а затем по его представлению – по представлению Председателя Правительства – всех вице-премьеров и федеральных министров» Государственной Думе (народным избранникам), – всё это качественно повышает роль региональных и муниципальных выборов и непосредственно личную ответственность каждого избирателя.

По сути, этими решениями Президент на самом высоком уровне государственного управления отразил глубоко внутренние процессы и ожидания людей, которые интенсивно развиваются в нашем обществе на протяжении последних, как минимум, пяти лет (речь идет об устойчивом росте запроса на перемены, который в российском обществе с 2014 г. фиксируют ведущие социологические центры страны [1]), и провел своего рода «маркер», отметивший определенный, качественно более высокий по сравнению с 2000-ми гг., уровень гражданской сознательности, а следовательно, и ответственности российского социума.

Не случайно глава государства обратился к этой теме дважды, начав свое выступление перед Федеральным Собранием с того, что «сегодня в нашем обществе чётко обозначился запрос на перемены. Люди хотят развития и сами стремятся двигаться вперёд в профессии, знаниях, в достижении благополучия, готовы брать на себя ответственность за конкретные дела. Зачастую они лучше знают, что, почему и как надо менять там, где они живут, работают, – в городах, районах, сёлах, по всей стране». И, ближе к концу своего обращения, он резюмировал: «Российское общество становится более зрелым, ответственным, требовательным» [2].

Таким образом, в новых политических реалиях, которые наступят в случае поддержки российским обществом обновленного варианта Конституции (а, по нашему мнению, в исходе всенародного голосования, намеченного на 22 апреля 2020 г., сомневаться не приходится, особенно с учетом однозначной поддержки конституционных поправок по итогам публичных общественных дискуссий во всех регионах страны), существенно возрастает роль субъектов, обеспечивающих реализацию людьми своего избирательного права в регионах и муниципалитетах. Но в не меньшей степени возрастает и ответственность самих граждан, поскольку отныне их выбор наделяется прямым влиянием на определение персонального состава тех людей, которые на федеральном уровне будут решать самые острые и самые повседневные вопросы, непосредственно касающиеся любого гражданина нашей страны.

Библиографический список

1. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. №11. С. 40 – 53.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 15 янв. 2020 / Официальный сайт Президента РФ. http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582

Информация об авторе

Морев Михаил Владимирович (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, зав. лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; 379post@mail.ru).

Morev M. V.

REGIONAL ELECTIONS IN THE CONTEXT OF NEW POLITICAL REALITIES

***Abstract**. Changes to the Constitution, initiated by the President of the Russian Federation in January 2020, significantly increase the role of society in decision-making at the federal level, and at the same time, the status of elections held in the regions and municipalities of the country. The following materials present the author's position on the essence of these changes and relevant issues arising in connection with this.*

***Key words:** Constitution of the Russian Federation, elections, civil liability, society, public administration system.*

Information about the author

Morev Mikhail V. (Russia, Vologda) – PhD in economics, head of the laboratory for the study of social processes and the effectiveness of public administration, Federal State Budgetary Institution of Sciences "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences" (56A, Gorky St., Vologda, 160014, Russia; 379post@mail.ru).

References

1. Petukhov V.V. The dynamics of Russian's social mood and the formation of a request for change // Socis, 2018. № 11. P. 40 - 53.
2. The Presidential Address to the Federal Assembly on January 15, 2020 / Official website of the President of the Russian Federation. http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582

УДК 323.21

Наумов Д.И.

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСТПРАВДЫ

***Аннотация**. В работе рассматривается проблема конституирования практик гражданского участия в постсоветском обществе в контексте реализации политики постправды.*

***Ключевые слова:** гражданское участие, постправда, этос гражданственности.*

Проблематика определения потенциала гражданского участия и факторов его развития актуализирует внимание к вопросу о роли смыслового и символического контекстов в процессе конструирования практик гражданского участия в постсоветском обществе. Данный аспект обусловливает обращение к конструкту постправды, который может стать эвристичным исследовательским инструментом в контексте выявления социокультурной и политической специфики развития постсоветского общества.

Феномен гражданского участия в современных постсоветских реалиях характеризует совокупность практик, реализуемых как в реальном социальном пространстве, так и в виртуальной среде, посредством которых граждане напрямую или опосредованно влияют на принятие органами государственной власти социально значимых решений.

В постсоветских реалиях целесообразность обращения к междисциплинарному изучению гражданского участия и его теоретическая концептуализация с точки зрения С.Г. Кирдиной обусловлена рядом причин [1]. Во-первых, данный феномен эксплицирует принцип и практики самоорганизации граждан, нацеленные на достижение общего блага, которые являются продуктом исторического развития конкретного сообщества. Во-вторых, категория «гражданское участие» актуализирует роль и качество гражданских инициатив в формировании институтов политической системы, в институционализации и легитимизации механизмов защиты интересов граждан. В-третьих, феномен гражданского участия характеризует механизм обратной связи, функционирующий в системе координат государства – гражданское общество. Как представляется, посредством данного механизма обеспечивается агрегирование интересов индивидов, представляющих различные группы в структуре гражданского общества, и их доведение до институтов политической системы.

В содержательном плане категорию «гражданское участие», объективирующую взаимосвязь социального и политического полей, можно рассматривать в идеально-типическом и инструментально-технологическом аспектах.

В идеально-типическом аспекте речь идет о сущностных характеристиках гражданского участия, выступающего в качестве нормативной модели социальной деятельности в современном обществе. Так, российские исследователи Л.И. Никовская и И.А. Скалабан следующим образом эксплицируют нормативное измерение гражданского участия: В конечном счете гражданское участие выходит на отстаивание общественных (публичных) интересов и конституирование общественных благ. При таком подходе трактовка данного концепта характеризует его как особое состояние любого социального субъекта (личность, группа, сообщество, организации, движения и пр.), которое отвечает требованиям самоорганизации и взаимопомощи, правозащиты ущемленных социальных, гражданских прав. Важно отметить, что при усложнении и диверсификации гражданской активности точкой сопряжения выступает именно отстаивание общественного блага и создание тем самым публичного резонанса [2, с. 49].

В такой трактовке гражданское участие является производной от развитой гражданской идентичности индивида, предполагающей личностно значимое отношение к принадлежности к конкретному национально-политическому сообществу. Соответственно, гражданское участие актуализирует универсальное понимание общего блага, социальный активизм и индивидуальную моральную ответственность за результаты социально-политической деятельности.

В инструментально-технологическом аспекте под гражданским участием понимается комплекс институционализированных механизмов, обеспечивающих согласование или учет интересов гражданского общества государством при выработке и реализации внешней и внутренней политики. Так, К. В. Подъячев определяет гражданское участие как активность граждан и их объединений, направленную на «процесс принятий решений структурами публичной власти, в целях реализации прав и интересов граждан или общего изменения социальной реальности» [3, с. 38]. С одной стороны, гражданское участие выступает как инструмент включения индивидов «в процессы выработки, принятия, реализации и оценки политических решений (политико-управленческий процесс), средство для согласования интересов государства и объединений гражданского общества» [2, с. 47]. С другой стороны, оно характеризует принципы и функционирование автономной гражданской самоорганизации в обществе, «добровольное проявление гражданской инициативы по изменению, улучшению или перестройке условий общественной жизни» [2, с. 48].

В данном случае гражданское участие, которое можно рассматривать как форму внешней объективации социального капитала, обеспечивает создание предпосылок для достижения и устойчивого поддержания социальной солидарности и общественно-политической стабильности. Именно на эту социальную функцию гражданского участия обращает внимание Т.А. Гужавина: «Положительный опыт, получаемый в процессе совместного сотрудничества, сформировавшееся доверие становятся фундаментом для дальнейшего сотрудничества. Иными словами, социальный капитал, накапливаемый в таком сотрудничестве, способствует обеспечению общественной стабильности и устойчивому развитию благодаря незримым повседневным актам взаимности и доверия членов социальной группы» [4, с. 41]. Результатом экстернализации социального капитала в различных практиках гражданского участия является защита общественных интересов и конституирование институционального доверия, как необходимого условия для обеспечения публичных благ и необходимого качества жизни населения страны.

В качестве атрибутов гражданского участия исследователи выделяют такие характеристики, как «добровольность, осознанность участия, социально значимая мотивация, прямая или опосредованная ориентация на референтную общественную группу, задающую норму, ценность или образец для действия, признаков идентичности» [2, с. 49]. Как можно заметить, все эти характеристики, конституирующие аксиологический и мотивационный фундамент гражданского участия, имплицитно предполагают общее нормативно-ценностное и смысловое основание. Однако именно это основание становится проблемой в случае экспансии в социокультурное пространство современного общества постправды как новейшего инструмента релятивизации как общечеловеческих, так и групповых смыслов и ценностей.

Термин «постправда», сравнительно недавно получивший широкое распространение в средствах массовой коммуникации, характеризует ситуацию систематического манипулирования общественным мнением и сознанием посредством апелляции к эмоциям, социальным стереотипам и личным убеждениям. Более того, развитие ин-

формационно-коммуникационных технологий формирует развитую инфраструктуру, позволяющую диверсифицировать создание и тиражирование постправды в глобализированном мире.

Механизм конструирования и тиражирования постправды основан на использовании следующих эффектов:

- обращение к эмоциям, представляющим собой особый вид психических процессов или состояний человека, с целью формирования как системы оценивания социальной реальности, так и соответствующей индивидуальной картины мира;
- постоянной селекции фактов, позволяющей преднамеренно манипулировать информацией посредством искажения событий, микширования истинной информации и фейков;
- целенаправленного создания ситуаций информационной перегрузки за счет акцентирования второстепенных событий и оценочных суждений, дозированной подачи информации аудитории, формирования медийной квазиреальности.

Безусловно, во многих странах мира существуют институты и механизмы, позволяющие выявлять и блокировать акторов, создающих и распространяющих постправду в социальных медиа и СМИ. Однако их эффективность во многом определяется уровнем развития в обществе как демократических ценностей и практик, так и соответствующих институтов (от политического представительства до независимой прессы). Кроме того, в индивидуальном аспекте противодействие постправде актуализирует формирование широкого интеллектуального и культурного кругозора личности, её нравственной культуры и специализированных профессиональных компетенций в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Проблема соотнесения гражданского участия и постправды, в данном случае рассматриваемая в теоретическом аспекте, актуализирует определения параметров и результатов воздействия последней на конструирование практик гражданского участия. В данном случае представляет интерес позиция С.В. Чугрова, который акцентирует внимание на определенных особенностях логики и функционирования так называемого «общества постправды» [5]. Во-первых, постправда является продуктом деформированного и стереотипизированного состояние сознания, которое не способно быть объектом саморефлексии в условиях постмодернистского общества. Ведь для данного типа общества характерна абсолютизация принципа индивидуальной свободы выбора и процесса личностного самовыражения, благодаря киберпространству получающих возможность неограниченного распространения. Данная ситуация фактически элиминирует ценность конкретных результатов социальной деятельности индивида, замещаемых сознательно или неосознанно конструируемыми симулякрами. Для этоса гражданского участия, основанного на принципах социальной солидарности и ответственного соучастия в решении актуальных проблем сообщества, подобный эгоцентризм фактически означает девальвацию ценностных и моральных оснований гражданских практик. Во-вторых, воспроизводство подобного социокультурного пространства обеспечивает совокупность слабо связанных между собой массовидных сообществ, конструируемых под воздействием конъюнктурных факторов и существующих ограниченный период времени. В определенном смысле они являются вызовом как для институциональной инфраструктуры общества, так и для различных социальных идентичностей.

В целом, в условиях постсоветского общества постправда конституирует ценностное и смысловое пространство, которое имплицитно создает аберрации для практик гражданского участия. Фактически постправда релятивизирует нормативные основания этоса гражданственности, абсолютизируя скептицизм в отношении необходимо-

сти и результативности любых практик гражданского участия. Однако предметный вопрос о параметрах возможных социальных искажений в отношении гражданского участия актуализирует необходимость соответствующих прикладных исследований междисциплинарного характера, а не теоретических построений, которые лишь очерчивают проблемное поле.

Библиографический список

1. Кирдина С.Г. «Гражданское общество»: уход от идеологемы // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 63-73.
2. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60.
3. Подъячев К.В. Обращения граждан в органы власти и гражданское участие в России: взгляд политолога. Saarbrucken: LAP, 2011. 176 с.
4. Гужавина Т.А. Гражданское участие как экстерналия социального капитала // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 1. С. 37-54.
5. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.

Информация об авторе

Наумов Дмитрий Иванович (Республика Беларусь, Минск) – кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой экономической социологии, Белорусский государственный экономический университет (220070, Минск, пр. Партизанский, д. 26; cedrus2014@mail.ru).

Naumov D.I.

CIVIC PARTICIPATION IN THE CONTEXT OF POST-TRUTH

Abstract. *The paper deals with the problem of constitutionalizing the practices of civic participation in post-Soviet society in the context of the implementation of the policy of post-truth.*

Key words: *civic participation, post-truth, ethos of citizenship.*

Information about the author

Naumov Dmitry (Republic of Belarus, Minsk) – head of the Department of Economic Sociology, PhD (sociology), docent, Belarus State Economic University (220070, 26, Partizanski Av, Minsk, Republic of Belarus; cedrus2014@mail.ru).

References

1. Kirdina S.G. «Civil society»: a departure from ideologem // Sociological studies. 2012. № 2. P. 63-73.
2. Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. Civic participation: features of discourse and trends in real development // POLIS. Political research. 2017. № 6. P. 43-60.
3. Podyachev K.V. Citizens' appeals to authorities and civic participation in Russia: a view of a political scientist. Saarbrucken: LAP, 2011. 176 p.
4. Guzhavina T.A. Civic participation as an externality of social capital // Sociological science and social practice. 2019. T. 7. № 1. P. 37-54.
5. Chugrov S.V. Post-truth: the transformation of political reality or the self-destruction of liberal democracy? // POLIS. Political research. 2017. № 2. P. 42–59.

УДК 364.12

Парфенова О.А.

РОЛЬ НКО В РАЗВИТИИ COMMUNITY CARE В РОССИИ

Аннотация. *В докладе представлены результаты исследования НКО, работающих с пожилыми. Мы выявили и проанализировали направления, в которых могут работать НКО, развивая заботу в сообществе (community care), позволяющую пожилому человеку обходиться без стационара.*

Ключевые слова: *НКО, Россия, пожилые, забота в сообществе.*

В заботе о пожилом человеке можно выделить несколько ключевых агентов заботы: Семья (в том числе родственники и приемные семьи), Государство (социальные сервисы), Бизнес (частные дома престарелых и надомное обслуживание); НКО (включая волонтеров); местное сообщество. В рамках нашего исследования нас будут интересовать преимущественно НКО и то, как они способствуют развитию Community care или заботы в сообществе (далее – КК). КК мы будем определять как *заботу о пожилом в рамках местного сообщества, без помещения его в специализированное учреждение*. Государственные сервисы, предлагающие надомное обслуживание также способствуют деинституциализации заботы, однако ввиду специфического формата заботы мы не можем в полной мере отнести это к КК. Материалами для анализа нам послужат: транскрипты интервью с экспертами из НКО (N=10) из Москвы, Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Казани; наблюдение за работой НКО и участие в тематической конференции; информация с вебсайтов НКО Санкт-Петербурга и Ленинградской области; публикации. Все материалы были собраны и проанализированы в 2019 году.

В качестве эмпирических материалов проведенное исследование деятельности НКО показывает, что в части стимулирования и поддержания КК НКО могут вести работу в следующих направлениях:

1. *продвижение идей заботы и взаимоподдержки и рекрутирование волонтеров;*
2. *осуществление непосредственного патронажа/ухода за маломобильными пожилыми на дому;*
3. *организация и проведение на своей территории мероприятий/клубов/ «детских садов» для пожилых;*
4. *обучение родственников и других лиц, осуществляющих уход, навыкам заботы о пожилых, оказание психологической и иной поддержки.*

И отдельно:

5. *стационарная и полустационарная забота.*

Рассмотрим подробнее каждое направление.

Волонтерство и продвижение идей

Как показало наше исследование, НКО успешно справляются с задачей привлечения волонтеров разных возрастов в помощь разным социальным группам (бездомным, детям-сиротам, людям с инвалидностью, маломобильным пожилым). Волонтерами в заботе о пожилых могут выступать люди разного возраста, в том числе сами пожилые («3 возраст – 4 возрасту», «активные – маломобильным»). На практике рекрутинг волонтеров активно осуществляется с помощью «сарафанного радио», объявлений на сайтах, в социальных сетях, специализированных изданиях. Как показало исследование, обмен опытом (как с зарубежны-

ми организациями, так и между российскими НКО) и заимствование успешных практик очень эффективны на практике и должны всячески поощряться и поддерживаться.

Патронаж/уход на дому

Остается неохваченной довольно большая группа пожилых – маломобильные пожилые, которые получают надомное обслуживание. Вовлекать волонтеров в работу с этой группой наиболее сложно, но и наиболее важно, поскольку они находятся в самом уязвимом положение (одиночество, немобильность, исключенность). Один из вариантов на наш взгляд – сотрудничество НКО с государственными сервисами (КЦСОНами), поскольку именно госсервисы, осуществляющие надомное обслуживание, на сегодняшний день обладают самой полной базой маломобильных клиентов и большой базой активных пожилых клиентов досуговых отделений (особенно в городах). И, как показывают наши предыдущие исследования, социальное обслуживание на дому на практике сводится к довольно инструментальной заботе (доставка продуктов и лекарств, вынос мусора и т.п.) и практически не содержит в себе социального компонента (прогулок, упражнений, полноценного общения) [1].

Организация и проведение на своей территории мероприятий/клубов/ «детских садов» для пожилых

Клубы и школы для пожилых могут быть эффективны в том числе в части распространения идей заботы. НКО здесь могут успешно выступать как платформа/ресурсный центр, призванный привлечь и объединить пожилых, активизировать их.

К сожалению, что касается менее мобильных пожилых, то для них часто эта опция недоступна ввиду ограничений мобильности и инфраструктуры (отсутствие спецтранспорта для подвоза на занятия, отсутствие лифтов в жилых домах и т.д.). Если говорить о дневных «детских садах для пожилых», то этот формат встречается крайне редко (в нашей выборке среди негосударственных организаций только на базе «Хэсэда-Авраама»). В то же время такая опция могла бы сильно облегчить финансовую и психологическую нагрузку на работающих членов семьи, которые несут на себе двойную нагрузку. Часто заботящиеся (как правило, это взрослые дети) совмещают профессиональную занятость с необходимостью ухода за пожилым родственником и в случае невозможности оплачивать ухаживающий персонал вынуждены оставлять работу или даже помещать родственника в дом престарелых.

Обучение родственников и других лиц, осуществляющих уход, навыкам заботы о пожилых, оказание психологической и иной поддержки

Профессиональным обучением ухаживающих помощников (персонала) занимаются не так много организаций, хотя базовыми знаниями об уходе за пожилыми и об особенностях людей старшего возраста, а также технологиями в уходе должен владеть любой ухаживающий помощник. Другая проблема состоит в том, что все организации сосредоточены в крупных городах (как правило, в Москве и Санкт-Петербурге).

Для родственников это очень полезный формат, поскольку помогает улучшить качество ухода и снизить психологическую нагрузку.

Стационарная и полустационарная забота

Развитие качественных и доступных стационарных форм заботы на базе НКО также представляется перспективным направлением в организации заботы о пожилых. Особенно это актуально для малых городов и сел, где доступ к сервисам и инфраструктуре затруднен и организовать регулярный надомный патронаж сложно.

Библиографический список

1. Парфенова О.А. (2018). Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России // Журнал социологии и социальной антропологии 21(2): 165–186. https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.6

Информация об авторе

Парфенова Оксана Анатольевна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, (190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; oparfenova@socinst.ru).

Parfenova O.A.

ROLE OF NGOS IN THE DEVELOPMENT OF COMMUNITY CARE IN RUSSIA

Abstract*. The report presents the results of a study of NGOs working with the older people. We have identified and analyzed the ways in which NGOs can work, developing community care, which allows an old person to do without a nursing home.*

Key words: *NGO; Russia; older people; community care.*

Information about the author

Parfenova Oksana A. (Russia, Sanit-Peterburg) – researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (190005, Sanit-Peterburg, st. 7th Krasnoarmeyskaya, d. 25/14. Russia;oparfenova@socinst.ru).

References

1. Parfenova O. 2018. [Transformation of social services for the elderly in the regional context of modern Russia. The Journal of Sociology and Social Anthropology, 21(2): 165–186. https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.6.

УДК 342.951/ ББК 67.401.13

Соколова Т.Л.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЫНКА АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные направления государственного регулирования в сфере производства и оборота алкогольной продукции в современной России. Дается характеристика правового обеспечения сферы производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Обозначены отдельные проблемы правового регулирования государственного контроля в данной области.*

Ключевые слова: *государственное регулирование, производство и оборот алкогольной продукции, контроль, демографическая политика.*

В настоящее время Россия находится среди стран-лидеров по потреблению алкоголя. По официальным данным, уровень потребления алкогольных напитков составляет в России в пересчете на безводный спирт 10,5 литра на взрослого человека, а по оценкам экспертов – 14–15 литров. Согласно официальной статистике ВОЗ Россия находится в пятерке наиболее «пьющих» стран мира: среднестатистический россиянин, включая грудных детей, в целом потребляет 15,22 литра чистого спирта в год. Алкоголизация населения России приводит к экономическим потерям для государства в виде снижения производительности труда, к утрате трудоспособности, затратам на лечение заболеваний, к необходимости различных социальных выплат, расходам на борьбу с преступностью. В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, алкоголизм назван одной из главных угроз национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан [5]. Таким образом, государственное регулирование производства и оборота алкогольной продукции обладает особой значимостью, так как от его эффективности зависит здоровье населения России и экономическое развитие государства.

Безусловно, проблемы, связанные с употреблением алкогольной продукции, существуют в России не одно столетие. Вместе с тем существенные изменения в государственной политике в рассматриваемой сфере, произошедшие в начале 1990-х годов, оказали серьезное влияние на оборот алкогольной продукции. В июне 1992 г. Президент России Б.Н. Ельцин подписал Указ об отмене государственной алкогольной монополии, согласно которому была продекларирована отмена государственной монополии в сфере производства, оборота и реализации алкогольной продукции. Данная мера обернулась для государства не только серьезными потерями доходов бюджета, но и фактической утратой контроля за качеством потребляемой населением алкогольной продукции. В ходе рыночных реформ 1992–1994 гг. произошла приватизация производства и торговли алкоголем, сформировался частный бизнес, часто переплетающийся с криминалом. Вследствие этого, алкогольная индустрия превратилась в сверхприбыльный бизнес. Попытки государства вернуть алкогольную индустрию под свой контроль оказались безуспешными. В 1990-е годы в России бесконтрольно производятся и ввозятся из-за рубежа дешевые источники спирта, фальсифицированная водка, происходит дальнейшее удешевление алкоголя. В результате в данный период отмечен взрывной рост алкогольной смертности и общей смертности. В 1992–1994 гг. отмечено резкое падение продолжительности жизни, до 57,7 года у мужчин и 71,1 года у женщин, максимум смертности отмечен в 1994 г. Резкий скачок потребления алкоголя привел к росту почти всех зависимых от алкоголя

показателей смертности населения: числа насильственных смертей – на 40% в год, алкогольных психозов – на 597,4% за период, смертельных отравлений алкоголем – на 484,6%. Рост самогоноварения также внес мощный вклад в деградацию и вымирание российского села [3]. Общая смертность населения в 1990–1994 гг. выросла с 11,2 до 15,7 случая на тысячу населения.

С целью усиления государственного контроля в сфере оборота спиртосодержащей и алкогольной продукции в 1995 г. был принят первый вариант Федерального закона № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», который в определенной степени вернул алкогольный рынок под контроль государства. Были запрещены розничная продажа этилового спирта, а также крепких напитков в киосках [6]. В отношении пивной индустрии регуляторные меры государства были надолго заблокированы в условиях экономического кризиса (дефолта 17 августа 1998 г.), так как Совет Федерации отклонил принятый Государственной Думой закон, приравнявший пиво к водке и увеличивший налоговое бремя на пивоваров.

В конце 1990-х гг. можно наблюдать две абсолютно противоположных тенденции. С одной стороны, правительство осознает демографические проблемы, стоящие перед страной. Так, в 1998–1999 гг. были проведены общероссийские антиалкогольные форумы, целью которых было привлечь внимание к проблеме сверхпотребления алкоголя в стране, указать на кризис общественного здоровья, связанный с потреблением алкоголя, показать комплексность проблемы злоупотребления алкоголем, ее причины и ключевые аспекты [2, с. 356]. С другой стороны, в состав Государственной Думы были избраны представители алкогольного бизнеса, был сформирован экспертный совет Государственной Думы, в котором доминировали представители этого бизнеса.

В 1999 г. были внесены первые поправки в 171-ФЗ. В условиях дефицита региональных бюджетов, политического и экономического ослабления Федерального центра после дефолта 1999 года российские региональные власти добились поступления 50%, а для некоторых этнонациональных республик – до 100% акцизов на производство (а затем реализацию) алкоголя в бюджет регионов. Это стимулировало региональные элиты максимизировать производство и продажу водки. В данный период прослеживается рост активности производителей и количества торговых марок, активное лоббирование индустрии, криминализация данной сферы. В Государственной Думе вопросы государственного регулирования алкогольного рынка были переданы из Комитета по охране здоровья в Комитет по экономической политике и предпринимательству, что резко расширило возможности для лоббистов от алкогольной индустрии.

С 2000–2001 годов прослеживаются попытки усиления государственного контроля в алкогольной отрасли, ранее сводившиеся только к увеличению акцизов. Начиная с 2001 г. ежегодно вносятся поправки в 171-ФЗ, в том числе с целью вернуть государственный контроль в данной сфере.

В июле 2005 г. Президент России В. В. Путин заявил, что существующая система государственного контроля алкогольной продукции не работает, так как слишком коррумпирована. Как следствие, были внесены значительные поправки в Федеральный закон о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции – ФЗ № 171, которые вступили в силу с января и июля 2006 г. Среди поправок особое значение имели: передача 80% водочных акцизов на федеральный уровень; введение нового порядка лицен-

зирования деятельности, связанной с реализацией крепких алкогольных напитков; смена акцизных марок и внедрение Единой государственной автоматизированной информационной системы (ЕГАИС) электронной регистрации алкоголя [1]. Указанные поправки в ФЗ № 171 привели к резкому падению продаж легального крепкого алкоголя, в первую очередь в сельской местности. Также сократились производство и продажа спиртосодержащих жидкостей технического назначения. С осени 2006 г. эта ниша стала заполняться жидкостями медицинского и парфюмерного назначения, не охваченными требованиями к денатурации и ставками акцизов.

С 2006 года и по настоящее время законодательство в сфере производства и оборота алкогольной продукции развивается в основном путем внесения поправок в 171-ФЗ. В 2008 году Указом Президента РФ от 31 декабря 2008 г. № 1883 «Об образовании Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка» [4] в целях совершенствования структуры федеральных органов исполнительной власти была образована Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка (Росалкогольрегулирование), главной функцией которой стали контроль за производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, надзор и оказание услуг в этой сфере. В настоящее время Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка наделена соответствующими полномочиями, обладает исчерпывающим перечнем контрольных и надзорных функций в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы, а также подведомственные организации и является одним из основных субъектов контроля в рассматриваемой сфере деятельности.

В 2007 году одобрена новая редакция Концепции демографической политики Российской Федерации, нацеленная на стабилизацию и рост численности населения. Среди ее основных задач – повысить к 2025 г. общий коэффициент рождаемости в 1,5 раза, увеличить ожидаемую продолжительность жизни до 75 лет. Достижение этих показателей невозможно без осуществления эффективных мер по противодействию злоупотреблению алкоголем, так как в последние годы доказано, что снижение продолжительности жизни россиян и рост смертности населения России объясняется в первую очередь увеличением числа смертей, прямо связанных с потреблением алкоголя (отравления, травматизм) или с заболеваниями, вызываемыми злоупотреблением алкоголем (сердечно-сосудистыми, инфекционными и т.д.).

В 2015 году распоряжением Правительства РФ от 26.11.2015 № 2413-р «Об утверждении плана мероприятий (дорожной карты) по стабилизации ситуации и развитию конкуренции на алкогольном рынке» был принят план, по которому будет развиваться алкогольный рынок России, так называемая дорожная карта. Целями дорожной карты являются: повышение эффективности государственного регулирования и конкуренции на алкогольном рынке Российской Федерации; профилактика правонарушений в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции; снижение масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактика алкоголизма среди населения Российской Федерации. В данном документе определены контрольные показатели, установлены их значения, а также приведен перечень мероприятий, направленных на реализацию целей дорожной карты. По ней, например, должны увеличиться сборы акцизов, снижено потребление алкоголя в России (с 11,6 до 10,6 литра на одного человека с 2015 до 2018 года), а также повышена ответственность за нарушение законов, регулирующих алкогольный рынок, усилен контроль за рынком алкогольной продукции, в частности, посредством ЕГАИС.

К настоящему моменту накоплен значительный опыт, позволивший определить, какие меры государственной алкогольной политики способны эффективно снижать тяжелейшее бремя алкогольного ущерба и адекватно использовать экономический потенциал алкогольного рынка в национальных интересах. Очевидно, что одни пропагандистские меры не способны решить проблему злоупотребления алкоголем, так же как и усилия, направленные на лечение алкогольной зависимости. Наиболее эффективными для предотвращения ущерба показали себя меры, направленные на ограничение доступности алкоголя для населения, в особенности крепких напитков, – доступности экономической, пространственной, во времени и по возрасту. Эти меры зарекомендовали себя повсюду в мире, однако оказались особенно эффективными в североевропейском регионе.

Библиографический список

1. Государственное регулирование рынка алкоголя в России. Справка URL: http://www.rian.ru/economy/20081113/154971029.html (дата обращения: 03.02. 2020).
2. Дёмин А.К., Дёмина И. А. Опыт гражданского общества в решении проблемы злоупотребления алкоголем в Российской Федерации. Деятельность Российской ассоциации общественного здоровья. Алкогольная катастрофа и потенциал алкогольной политики в снижении алкогольной сверхсмертности в России / отв. ред.: Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. М.: УРСС, 2008. 420 с.
3. Заиграев Г.Г. Пьянство в России как реальная угроза национальной безопасности // Социологические исследования. – 2001. - № 11. – с. 69-76.
4. Об образовании Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка (в ред. от 09.05.2016 г.): Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2008 г. № 1883 // СЗ РФ. 2009 г. № 1. Ст. 95.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.
6. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 22.11.1995 № 171–ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.

Информация об авторе

Соколова Татьяна Леонидовна (Россия, Вологда) – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, ВИПЭ ФСИН России (160002, Вологда, ул. Щетинина, д. 2; vipe@35.fsin.su.).

Sokolova T. L.

TO THE QUESTION OF STATE REGULATION OF THE ALCOHOLIC PRODUCTS MARKET IN MODERN RUSSIA

Abstract. *The article discusses the main directions of state regulation in the sphere of production and turnover of alcoholic beverages in modern Russia. The article describes the legal framework for the production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products. Some problems of legal regulation of state control in this area are identified.*

Key words: *state regulation, production and turnover of alcoholic beverages, control, population policy.*

Information about the author

Sokolova Tatiana L. (Russian, Vologda) – Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the department of state and legal disciplines, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda, Shchetinina str., 2; vipe@35.fsin.su).

References

1. State regulation of the alcohol market in Russia. Reference URL: http://www.rian.ru/economy/20081113/154971029.html (accessed 03.02.2020).
2. Demin A.K. Civil Society Experience in Solving the Problem of Alcohol Abuse in the Russian Federation. The activities of the Russian Association of Public Health. Alcohol catastrophe and the potential of alcohol policy in reducing alcoholic mortality in Russia / A.K. Demin, I. A. Demin; Repl. ed. D.A. Khalturin, A.V. Korotaev. Moscow: URSS, 2008 . 420 p.
3. Zaigraev G. G. Drinking in Russia as a real threat to national security // Sociological studies. 2001. № 11. p. 69-76.
4. Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2008 № 1883 "On the establishment of the Federal Service for the Regulation of the Alcohol Market" (as amended on May 09, 2016) // SZ RF. 2009 № 1. Art. 95.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SZ RF. 2016. № 1. (Part II). Art. 212.
6. Federal Law of November 22, 1995 № 171 – ФЗ (as amended on December 27, 2018) "On State Regulation of the Production and Turnover of Ethyl Alcohol, Alcohol and Alcohol-Containing Products, and on Limiting the Consumption (Drinking) of Alcoholic Products" // SZ RF. 1995. № 48. Art. 4553.

УДК 316.4

Смолева Е.О.

О ВНЕШНИХ БАРЬЕРАХ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ[1]

***Аннотация**. В статье обобщены результаты исследований барьеров гражданского участия, опыта работы организаций «третьего сектора». В качестве внешних барьеров гражданского участия рассмотрены нормативно-правовые, организационные, информационные, экономические, социокультурные, коммуникативные.*

***Ключевые слова:** гражданская активность, гражданское участие, барьеры гражданского участия.*

Несмотря на все предпринимаемые меры, «третий сектор» в России развивается медленными темпами. Власть подменяет диалог с гражданами его имитацией [2] и формализованными практиками, а в общественном мнении преобладают установки на недоверие к гражданскому активизму и работе общественных объединений. Вклад некоммерческих организаций (НКО) в ВВП страны составляет около 1%, а количество занятых в «третьем секторе» – 1,1% от экономически активного населения России[2]. Наличие проблем в работе сектора подтверждает и тот факт, что только 10–15% из зарегистрированных НКО продолжают свою деятельность, а ведут её достаточно активно лишь порядка 3%[3]. Деятельность некоммерческих организаций должна быть направлена на решение социальных проблем, однако оказанием социальных услуг населению занимается 17,6% СО НКО[4].

Ситуация каждого из участников социального взаимодействия (власть, граждане, бизнес, общественные объединения) характеризуется своим набором проблем и барьеров гражданского участия. Цель статьи состоит в обобщении результатов научных исследований, опыта работы организаций «третьего сектора», статистических данных с целью создания типологии барьеров гражданского участия.

В нашей работе под барьерами мы будем понимать тормозящие влияния и действия внешней среды и человека, которые снижают эффективность деятельности или делают ее безуспешной. Внешние барьеры носят институциональный характер, т.е. связаны либо с отсутствием возможностей для гражданского участия, либо «неадекватной структурой имеющихся возможностей, не способствующей абсорбированию социальной активности в систему существующих социальных (в т.ч. и государственных) институтов» [3, с. 4].

Нормативно-правовые барьеры. Хотя субъектами гражданского участия могут выступать различные формализованные и полуформализованные общественные объединения, ситуативные неформальные группы, отдельные гражданские активисты, в сферу законодательного обеспечения деятельности попадают преимущественно НКО. И законодательно закреплено 13 организационно-правовых форм НКО, а для отнесения НКО к категории СО НКО достаточно формального признака:

---

[1] Материал подготовлен в рамках выполнения гранта РФФИ № 19-011-00724 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

[2] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год / Общественная палата Российской Федерации. URL: https://report2018.oprf.ru/ru/3.php

[3] Юлия Стародумова: Доля НКО в ВВП нашей страны остаётся на уровне 1% // Электронное периодическое издание «Новый Компаньон». URL: https://www.newsko.ru/articles/nk-5215704.html

[4] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год / Общественная палата Российской Федерации. URL: https://report2018.oprf.ru/ru/3.php

упоминания в уставе организации хотя бы одного направления деятельности, вошедшего в перечень социально ориентированных. В реальности происходит смешение понятий НКО и СО НКО. В российском законодательстве чаще всего речь идет о государственной поддержке НКО, однако отсутствуют инструменты участия НКО в законотворческом процессе, лоббирования своих интересов. И если проработаны в определенной степени вопросы участия институциональных общественных объединений в общественном контроле, то простые граждане остаются за бортом законотворческой деятельности и общественного контроля. Лобби общественных интересов чрезвычайно не развиты.

На муниципальном уровне единственной реально используемой формой гражданской активности являются муниципальные выборы; остальные инструменты гражданского участия, предусмотренные законодательством, часто остаются факультативными. Так, муниципальные власти далеки от использования технологий краудсорсинга, которые являются инструментом лоббирования интересов отдельных общественных групп и институциализации форм работы «третьего сектора» по формированию и учёту общественного мнения в управленческой практике [10].

В отсутствие нормативно-правового и организационного обеспечения не востребованы интерактивные механизмы электронного участия, которые предполагают активную роль граждан в процессе управления (например, онлайн-голосование, онлайн-дебаты, городское планирование, обсуждение гражданами инициатив власти) [9].

Организационные барьеры связаны как с процедурами взаимодействия органов власти, институциональных игроков и общественников, так и с деятельностью самих ОО. В первом случае организационные барьеры связаны с неудовлетворенностью условиями и процедурами взаимодействия органов власти и граждан, общественных объединений. Исследователи обращают внимание на длительное ожидание приема, стояние в очередях, недостаточное количество времени на прием [3]. Второй тип организационных барьеров обусловлен спецификой проектной деятельности НКО. Цикл управления проектами в НКО имеет отличную от коммерческих организаций структуру: в период разработки проекта вплоть до получения гранта организация должна финансироваться за счет собственных средств, риски длительных периодов затишья, нерегулярность внешнего финансирования порождают нестабильность существования НКО и, как следствие, увеличение количества организаций, зарегистрированных в Минюсте, но на деле прекративших свою деятельность. Именно эта нестабильность является причиной отказа исполнительных органов власти от размещения социального заказа и барьером для включения НКО в перечень поставщиков социальных услуг.

Кроме бюрократизации деятельности управленческих структур развитию гражданского участия препятствует тотальный контроль со стороны властей любого проявления активизма: контроль деятельности общественных организаций; контроль над информационным полем; контроль над распределением ресурсов [5].

Экономические барьеры. Законодательно подкреплены следующие формы экономического взаимодействия власти и НКО: предоставление НКО грантов, субсидий, размещение социального заказа, предоставление налоговых и иных льгот. Источниками ресурсов для «третьего сектора» являются бизнес и органы власти, денежные пожертвования частных лиц. Непредставление полной отчетности об использовании денежных средств, мошенничество в благотворительной сфере сокращают пожертвования. В качестве барьера следует указать недостаточную прозрачность финансирования деятельности общественных объединений. С введением в 2017 г.

конкурсов Фонда президентских грантов прозрачность, безусловно, повысилась, но сохраняется высокая доля субъективизма в экспертных оценках проектов. Барьер экспертного мнения трудно преодолеть вновь созданным НКО, т.к. приоритет отдается организациям, давно работающим в этой сфере и ранее получавшим гранты.

Ю. Стародумова также видит экономический барьер в заблуждениях населения относительно характера работы в НКО, приравнивании её к волонтёрству, следовательно, в формировании мнения об отсутствии доходов и зарплаты. По этой причине специалисты не рассматривают НКО в качестве работодателя[5], тем самым создавая проблему *кадрового обеспечения* деятельности общественных объединений. Помимо «кадрового голода», вызванного особенностями финансирования НКО, упомянутая ранее цикличность их деятельности приводит к тому, что потребности в персонале и активистах не упорядочены применительно к функциям и проектам.

Информационные барьеры воздвигаются как органами власти, так и самими активистами. В первом случае информация поступает дозированно или по определяемым органами власти каналам (например, относительно таких форм гражданского участия, как общественные слушания и общественные обсуждения, публичные отчеты власти). Во втором случае отсутствует трансляция положительного опыта работы со стороны самих общественников, что приводит к ситуации, когда активисты и общественные объединения не обладают необходимой легитимностью в глазах населения [5]. Для эффективности краудсорсинга должна быть обеспечена информационная открытость системы государственного управления на стадиях подготовки, принятия и реализации управленческих решений.

В качестве *социокультурных барьеров* в развитии института гражданского участия в России необходимо отметить отсутствие традиции гражданского общества и либерального государства, укоренение образа жизни и ценностей общества потребления.

При рассмотрении *социокультурных барьеров* исследователи опираются на различия в ценностных установках, присущих представителям той или иной социальной группы. Для взаимодействия современного российского государства и общества наиболее характерна ситуация несовпадения ценностно-смысловых диспозиций. Социологи обращают внимание на отчуждение общества от власти, выражающееся в недоверии граждан к основным социальным институтам [1].

Коммуникативные барьеры. А.М. Зимичев акцентирует внимание на том, что коммуникативными барьерами являются факторы, служащие причиной или способствующие конфликтам [6]. Разнообразные формы гражданского участия возможны лишь в том случае, если у населения с властью устанавливается диалог на правовом фундаменте, что зависит от согласованности интересов игроков. Население страны противопоставляет себя властям всех уровней, чиновникам, считая, что те действуют исключительно в корпоративных и личных интересах. «Устройство российской власти в данном контексте не соответствует модели современного политического порядка, в частности, не выдерживает проверки по современным критериям легитимности и может быть охарактеризовано как кликократия» [8, с. 122].

Кроме того, специфика коммуникативных практик в данном случае заключается в высокой степени их регламентированности (нормативные документы, правила, стандарты и т.п.), что выливается в ряд бюрократических моментов, разночтений и непонимания, связанных с нарушением логики в составлении документа, со сложным построением фраз, непонятным или «канцелярским» языком; с большим коли-

[5] Юлия Стародумова: Доля НКО в ВВП нашей страны остаётся на уровне 1% // Электронное периодическое издание «Новый Компаньон». URL: https://www.newsko.ru/articles/nk-5215704.html

чеством ссылок на другие документы, сносок и комментариев; с нескоординированностью документов разных уровней; с частым изменением законодательства [3; 7].

Мы пришли к заключению, что барьеры на пути развития гражданского участия пронизывают взаимоотношения общественных объединений и отдельно взятых активистов и с органами власти, и с населением. При рассмотрении различных типов внешних барьеров можно выделить общую закономерность – отсутствие закрепления практик гражданского участия в социальных нормах и институтах.

Библиографический список

1. Авдеева Д.А. Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 79–101.
2. Бабинцев В.П. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. 2012. №5. С. 24-29.
3. Василькова В.В., Минина В.Н. Коммуникативные барьеры в практиках оказания гражданам государственных услуг // Социологические исследования. 2019. С. 75–84.
4. Власть и общество в России: развитие взаимодействия и повышение эффективности гражданского участия. Фрагменты доклада исследовательской группы ЦИРКОН, 2010. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/ecc/ZIRCON%2BUSAID_doklad-2010_afragmentiy_0310.pdf
5. Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Климов И.А. Гражданское участие в России: картография проблем и решений // Полития. 2011. № 1. С. 98–116.
6. Зимичев А. М. Психология политической борьбы. СПб.: Санта, 1993. 155 с.
7. Климова С.Г., Климов И.А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 51–57.
8. Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. Гражданское и политическое в российских общественных практиках: перспектива институциональной дифференциации // Вестник Института социологии. 2012. № 4. С. 119–137.
9. Пясецкая Е. Н. Факторы эффективности электронного участия граждан во взаимодействии власти и общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 2 (февраль). URL: http://ekoncept.ru/2018/183008.htm (дата обращения: 20.03.2020).
10. Чуланова О.Л. Риски и барьеры при использовании современных крауд-технологий // Материалы Афанасьевских чтений. 2017. №1 (18). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/riski-i-bariery-pri-ispolzovanii-sovremennyh-kraud-tehnologiy (дата обращения: 20.03.2020).

Информация об авторе

Смолева Елена Олеговна (Россия, Вологда) – научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, Федеральное государственное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; riolenas@rambler.ru).

Smoleva E.O.

EXTERNAL BARRIERS TO CIVIC PARTICIPATION

***Abstract**. The article presents an analysis of the results of scientific research on barriers to civic participation, the work experience of organizations of the "third sector", and statistical data. As external barriers considered regulatory, organizational, informational, economic, communicative.*

Key words: *barriers to civic participation, civil activity, civil participation.*

Information about the author

Smoleva Elena O. (Russia, Vologda) - Research Fellow of the Laboratory for the Study of Social Processes and Public Administration Efficiency, Federal State Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorky Str., 56a; riolenas @ rambler.ru).

References

1. Avdeeva D.A. Doverie v Rossii i ego svjaz' s urovnem jekonomicheskogo razvitija [Trust in Russia and its connection with the level of economic development] // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2019. № 3. S. 79–101.
2. Babincev V.P. Imitacionnye praktiki v gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii [Simulation practices in state and municipal administration] // Vlast'. 2012. №5. S. 24-29.
3. Vasil'kova V.V., Minina V.N. Kommunikativnye bar'ery v praktikah okazanija grazhdanam gosudarstvennyh uslug [Communicative barriers in the practice of providing citizens with public services] // Sociologicheskie issledovanija. 2019. S. 75–84.
4. Vlast' i obshhestvo v Rossii: razvitie vzaimodejstvija i povyshenie jeffektivnosti grazhdanskogo uchastija [Authority and society in Russia: the development of interaction and increasing the effectiveness of civic participation]. Fragmenty doklada issledovatel'skoj gruppy CIRKON, 2010. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/ecc/ZIRCON%2BUSAID_doklad-2010_afragmentiy_0310.pdf
5. Zadorin I.V., Zajcev D.G., Klimov I.A. Grazhdanskoe uchastie v Rossii: kartografija problem i reshenij [Civil participation in Russia: cartography of problems and solutions] // Politija. 2011. № 1. S. 98–116.
6. Zimichev A. M. Psihologija politicheskoj bor'by [Psychology of political struggle]. SPb.: Santa, 1993. 155 s.
7. Klimova S.G., Klimov I.A. Vzaimodejstvie gorozhan s vlast'ju: kompetentnoe uchastie i problema posrednikov [The interaction of citizens with the authorities: competent participation and the problem of intermediaries] // Sociologicheskie issledovanija. 2015. № 4. S. 51–57.
8. Pavlova T.V., Patrushev S.V., Filippova L.E. Grazhdanskoe i politicheskoe v rossijskih obshhestvennyh praktikah: perspektiva institucional'noj differenciacii [Civil and political in Russian public practices: the prospect of institutional differentiation] // Vestnik Instituta sociologii. 2012. № 4. S. 119–137.
9. Pjaseckaja E. N. Faktory jeffektivnosti jelektronnogo uchastija grazhdan vo vzaimodejstvii vlasti i obshhestva [Factors of the effectiveness of electronic participation of citizens in the interaction of power and society] // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2018. № 2 (fevral'). URL: http://ekoncept.ru/2018/183008.htm (data obrashhenija: 20.03.2020).
10. Chulanova O.L. Riski i bar'ery pri ispol'zovanii sovremennyh kraud -tehnologij [Risks and barriers when using modern crowd technologies] // Materialy Afanas'evskih chtenij. 2017. №1 (18). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/riski-i-bariery-pri-ispolzovanii-sovremennyh-kraud-tehnologiy (data obrashhenija: 20.03.2020).

УДК 316.4 /ББК 60.561.3

Тыканова Е.В., Хохлова А.М.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСХОДОВ ГОРОДСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ДИСКУРСЕ АКТИВИСТОВ И ЭКСПЕРТОВ (СЛУЧАЙ НИЖНЕГО НОВГОРОДА)[1]

Аннотация. *В статье анализируется, как активисты и отстаивающие их интересы эксперты ретроспективно (пере)осмысляют исходы городских локальных конфликтов, в которые были вовлечены, и возможные причины своих успехов и неудач. Эти причины они обнаруживают, в частности, в состоянии инфраструктуры протеста, специфике городского политического контекста и характере заявленных требований и используемых инструментов протеста.*

Ключевые слова: *городское развитие, городские активисты, коллективная мобилизация, исходы городских локальных конфликтов.*

Территории крупных российских городов все чаще становятся полем столкновения интересов городских и федеральных властей, представителей строительного, инвестиционного и девелоперского бизнеса, а также местных жителей. В условиях неолиберализации городской политики разработка и реализация проектов (ре) девелопмента территорий зачастую происходят без учета мнений, потребностей и привычек горожан. Это вынуждает наиболее активных граждан объединяться в инициативные группы, призванные блокировать нежелательные трансформации городских территорий и бороться за должное – в глазах участников – качество городской среды.

В настоящей статье мы исследуем локальные градостроительные конфликты в одном из постсоветских городов-миллионников – Нижнем Новгороде и задаемся вопросом о том, как участники этих конфликтов – активисты и поддерживающие их эксперты осмысляют промежуточные и конечные результаты своих усилий.

Многие исследователи гражданского активизма и социальных движений указывают на своеобразный парадокс, сложившийся в этом исследовательском поле: интерес ученых традиционно вызывали процессы возникновения инициативных групп и коллективной мобилизации активистов, тогда как сюжеты о последствиях и исходах протеста оставались периферийными – и это при том, что задачами такого протеста по определению служат трансформация политической повестки и практики принятия политических решений, а также достижение некого общего блага [см., например, 3, 4].

В качестве ключевой причины такого дисбаланса критики выделяют сложность установления причинно-следственных связей между усилиями активистов, с одной стороны, и политическими, институциональными и культурными изменениями в обществе – с другой [1, с. 131; 3, с. 373; 5]. Даже если протестная активность предшествовала определенным политическим, организационным и культурным трансформациям, это не обязательно означает, что именно вклад активистов оказался решающим. Более того, последствия протеста порой являются отсроченными и неочевидными [4], возникают непреднамеренно и даже принципиально не соответствуют содержанию исходных требований активистов [3, с. 383]. Другая проблема связана с нечеткостью определений самой категории исходов протестной деятельности. Например, У. Гэмсон [2] различает две основные разновидности исходов: до-

[1] Исследование выполнено из средств гранта Российского научного фонда, проект РНФ № 18-78-10054 «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

стижение публично заявленных целей активистов и превращение этих активистов в легитимных участников публичной дискуссии, порой сопровождающееся формальным закреплением их роли как представителей интересов определенной социальной группы. Он также признает, что «на пути» к этим исходам активисты могут приобретать различные бонусы (например, возросший политический авторитет, аккумуляция социального капитала), вознаграждающие их за усилия, даже если формально протест потерпел неудачу. Однако этот ставший классическим подход подвергается критике, поскольку искусственно гомогенизирует гражданских активистов, которые в реальности могут иметь разные ожидания, связанные с протестом, и предъявлять разные требования к оппонентам [3, с. 383]. Кроме того, данный подход недооценивает субъективность оценок исходов протестной деятельности, когда одни участники видят успех в том, что другие расценивают как провал [3]. Именно поэтому некоторые современные исследователи предлагают отойти от упрощенной объяснительной модели результатов протеста, взамен сосредоточившись на трансформации позиций активистов в социальной сети, охватывающей других активистов, экспертов, а также представителей политической и культурной элиты [1, с. 130; 4].

Сложности выявления причинно-следственных связей между усилиями активистов и тенденциями городского развития в российских городах усугубляются такими характерными особенностями постсоветского контекста, как неопределенность и изменчивость правовых рамок, регулирующих права собственности на городские территории, выраженная асимметрия коммуникации между городскими властями и населением и непрозрачность градостроительных решений элит. В результате промежуточные успехи активистов порой оборачиваются сокрушительными поражениями, и наоборот, требования активистов могут быть неожиданно частично удовлетворены в долговременной перспективе – например, после кадровых перестановок в городской администрации. Некоторые символические победы, одержанные в судах или на публичных площадках, остаются победами лишь на бумаге и не приводят к реальным изменениям городской среды [6; 7; 8; 9]. Именно поэтому в нашем исследовании мы отказываемся от задачи сколько-нибудь «объективной» оценки исходов протестной деятельности, смещая фокус на анализ субъективных оценок, разделяемых непосредственными участниками, и факторов, которые, по их мнению, определили сценарии локальных городских конфликтов.

В рамках данной статьи мы в соответствии с логикой сравнительного кейс-стади сосредоточимся на двух конфликтах, развернувшихся вокруг городских территорий в Нижнем Новгороде. Во-первых, это история борьбы активистов против уничтожения части Автозаводского парка и возведения на его территории аквапарка, а также большого числа сопутствующих магазинов, точек питания и пр. Во-вторых, это история протеста горожан против приуроченного к Чемпионату мира по футболу-2018 расширения одной из городских магистралей – Молодежного проспекта. Оба конфликта развернулись в одной и той же части города: граница Автозаводского парка проходит по Молодежному проспекту. Обе оспариваемые территории расположены в Автозаводском районе, который находится на периферии левобережной части Нижнего Новгорода и известен характерными планировками, осуществленными в соответствии с нормами социалистического рабочего города 1930-х годов. Примечательно также, что изучаемые конфликты близки друг к другу хронологически (2012–2016 и 2016–2017 гг. соответственно) и даже протекали с участием одних и тех же активистов: часть местного сообщества, консолидировавшегося в ходе борьбы за парк, впоследствии присоединилась к защите Молодежного проспекта.

Между тем, в первом случае активистам и поддерживавшим их экспертам из числа профессиональных экологов и градозащитников удалось добиться окончательной отмены проекта строительства аквапарка, тогда как во втором – реконструкция магистрали все же состоялась вопреки противодействию местных жителей и их союзников. Опираясь на материалы 13 полуструктурированных интервью с лидерами и членами инициативных групп, а также экспертами, принимавшими участие в борьбе, мы анализируем их оценки исходов конфликтов, а также пытаемся проследить, как информанты ретроспективно интерпретируют столь контрастные последствия противостояния и как описывают множественные факторы, повлиявшие на промежуточные результаты протеста и окончательное положение дел.

Защитники Автозаводского парка хорошо осознают, что к отмене строительства могли привести не только их усилия, но и закрытые для них противостояния экономических и политических элит, однако все же оценивают исход конфликта как свою безусловную победу. Они считают, что решающей для этой победы оказалась принципиальная готовность активистов к длительной, систематической и изматывающей борьбе: «*…это была группа автозаводская, которая это все до логического конца довели… просто последовательная работа: очень долгая, судебная, годами*» (эксперт 1, ж). Эта готовность была тем более беспрецедентной, что изначально шансы на успех оценивались как призрачные: застройщик уже имел на руках всю необходимую проектную документацию и планировал приступить непосредственно к строительству: «*…Люди там огромное количество сил и времени потратили. Там были, наверное, сотни пикетов, тонны листовок... И автозаводцы… высказали свою позицию, долго они ее пробивали, причем тут хороший пример, потому что остановили они объект, уже когда земля вырезана из парка, выдан проект застройщику*» (эксперт 3, м).

Другим важным фактором успеха во взаимодействии горожан с властями и бизнесом, по мнению информантов, оказалась постепенная институционализация инициативной группы: в частности, учреждение Попечительского совета парка – зарегистрированного общественного объединения, способного официально представлять интересы горожан: «*Они сыграли такой, я считаю, эффект психологической атаки на наши власти, потому что власти столкнулись с тем, что граждане не только объединяются, самоорганизуются, но уже и структуры формируют… это для них был такой шок*» (активист 6, м).

Кроме того, важным ресурсом борьбы активисты считают различные формы поддержки и консультирования, обеспеченные экологическим и градозащитным сообществом города. В результате местных жителей и экспертов объединили взаимовыгодные сети информирования и обмена опытом: «*…очень много таких общественных активистов в городе поддержали эту деятельность… В конечном счете эти территории вернули парку, и от этой идеи отказались*» (эксперт 2, м).

Информанты также подчеркивают важность широкого коммуникативного резонанса, который получила их борьба: «*…для нас главное было создать информационный повод для того, чтобы все более серьезно посмотрели на эту проблему*» (эксперт 2, м). Эффективными инструментами формирования медийной повестки оказались, в частности, апелляции активистов и краеведов к историческому и коммеморативному значению территории, объявленному несовместимым с попытками ее коммерциализации: «*Напечатали: «Вот, зенитки стояли». Народ ходит: «Действительно, а вы хотите тут забегаловки делать!» Ведь аквапарк – он условно называется аквапарком, там предусмотрены кафе, рестораны, магазины…. То есть это такой квази-торговый центр, а не аквапарк. И вот эта тема, она очень помогла, ее подхва-*

тили СМИ, и властям тоже пришлось оправдываться перед телевидением. Им задавали вопросы: «Как же, у вас День победы, у вас единственное, можно сказать, место в городе?..» У нас же город не участвовал в войне, здесь не было боев. Но они были на Автозаводе, там реально люди погибали, кровь проливали, а вы хотите построить там аквапарк» (активист 6, м).

Активисты также подчеркивают, что формально они были правы, настаивая на незаконности застройки: ведь Автозаводский парк принадлежит к числу объектов культурного наследия, которые защищены законом от любого капитального строительства. Однако они подозревают существование в городе скрытых коалиций между представителями бизнеса, исполнительной и судебной власти, позволившее сильным группам интересов «обойти закон» на ранних стадиях конфликта в своем стремлении к прибыли, легитимировав это нарушение недобросовестной экспертизой: «*Нет, то есть геодезист берется судить, что объект не может являться объектом культурного наследия! …эту же экспертизу должен выполнять специалист, который имеет знания в этой области!*» (активист 8, ж). При этом ситуативные успехи в судах один из лидеров инициативной группы связывает со случайными «сбоями» в функционировании подобных коалиций: «*А мы выиграли по одной простой причине* (смеется). *Нет, там все было как положено. Но судью не предупредили, там была судья новенькая, которая из области. И мне потом рассказывали, что ей влетело, сказали: «Ты чего приняла решение?» …А она приняла, как нужно. А уж потом мы проиграли*» (активист 8, ж). Итоговая же судебная победа объявляется возможной исключительно благодаря широкой огласке, которую получила проблема: «*...уже в 15-м году был, ну, по нашим меркам крупный митинг: человек пятьсот у нас было. И началась уже линия с судами. Мы стали участвовать в судах, и суды начали решаться в нашу пользу. И я считаю, что это все заслуга была как раз протестных акций, потому что властям уже это все надоело*» (активист 6, м).

Уникальной особенностью конфликта вокруг Молодежного проспекта, по оценкам участников, оказался беспрецедентный бюджет: на реализацию одного из инфраструктурных проектов, приуроченных к такому мегасобытию, как Чемпионат мира по футболу, федеральные власти выделили 4 миллиарда рублей. Ретроспективно информанты приходят к выводу, что это обстоятельство изначально делало их борьбу безнадежной: городская администрация не была готова понести колоссальные финансовые потери, отказавшись от расширения магистрали: «*Деньги-то были бюджетные. Если застройщик – это частное, это его деньги, его можно както лишить этой прибыли… А здесь это ихний шкурный интерес, властей. Как это так: нам деньги выделили, а мы их не освоили?!*» (активист 6, м). Необходимость закончить строительство в сжатые сроки до начала Чемпионата оказывала дополнительное давление на городские власти, заставляя их отказаться от переговоров с инициативной группой: «*Ну, когда такие огромные деньги выделяются… хотя с другой стороны, на низконапорную плотину тоже выделили* (случай, когда активистам удалось отменить проект – прим. авторов), *но они еще к мероприятию, вот в чем тонкость… Если бы к чемпионату плотину строили какую-нибудь, у нас тоже бы построили*» (эксперт 4, ж). Дополнительным фактором неудачи протестующих оказался пересмотр городского законодательства, ограничивающий возможности участия городских активистов в обсуждении мегапроектов»: «*Там к Чемпионату мира все эти вопросы, связанные с учетом мнения общественности, они были именно в нашем законодательстве отрегулированы таким образом, чтобы общественность особо не высовывалась*» (эксперт 2, м).

Активисты указывают и на другой барьер, с которым им пришлось столкнуться в правовом поле. Они составили исковое заявление в суд, но обнаружили, что проект их оппонентов санкционирован государственной экспертизой. Данный документ можно было оспорить, только заказав альтернативную государственную экспертизу, к чему активисты оказались не готовы ввиду большой стоимости процедуры: «*Конечно, мы его* (суд) *проиграли именно по экспертизе, потому что экспертиза – это все. Чтобы сделать хорошую экспертизу, нужно как минимум было миллион, таких денег абсолютно нету… То есть в итоге… ничего не смогли*» (активист 8, ж).

С другой стороны, активисты, принимавшие непосредственное участие в защите Молодежного проспекта, жалуются на неслаженность действий инициативной группы, раскол в интересах ее членов, проблемы координации усилий: «*… мне через какое-то время надоело, что как-то договариваются за моей спиной. Просто вот до смешного доходило, что мы приходили на эти собрания, мы бегали там, значит, расклеивали листовки, оповещали жителей этих домов, а юристы подъезжали отдельно вместе с этой женщиной. Ну, как-то не склеивалось совершенно никакое сотрудничество…. Если бы вот это сообщество изначально было или более монолитным, или более широким. Мы не успели собрать какую-то критическую массу активистов, чтобы это как-то само поддерживалось*» (активист 2, м). Подобная несогласованность действий ключевых участников инициативной группы привела к их эмоциональному выгоранию: «*И если бы у меня на это хватило сил, то все так бесславно не закончилось. И мы какое-то время поборолись бы! Я не имею в виду, что мы чего-то добились бы наверху* (смеется). *Это маловероятно, но мы, по крайней мере, чего-нибудь добились бы и дошли там командой до суда. Организованной командой. Естественно, там перспективы было больше. Вот, а здесь как-то не ощутив этой поддержки… это в совокупности лишило меня мотивации*» (активист 2, м).

В целом, непосредственные участники событий и дружественные эксперты склонны описывать свой провал в категориях недостаточности приложенных усилий: «*Это яркий пример того, что не хватило валентности додавить… Там было явно одно из двух, потому что работала одна и та же команда фактически. То есть они должны были или бросить Автозаводский парк и заниматься проспектом Молодежным, или наоборот. Но у них не хватило валентности*» (эксперт 3, м). Они особенно сожалеют о том, что не предприняли больше усилий по организации массового публичного протеста, поскольку на фоне выраженных структурных ограничений только этот инструмент мог бы дать им шанс на позитивный исход борьбы: «*Что вот такие акции, такие интересные, масштабные, частые, они имеют место быть! И, возможно, если бы мы, может быть, сделали больше, вообще бы вот каждый день митинги собирали, то возможно бы все-таки из Москвы – все равно это все контролируется – из Москвы сказали бы: «Слушайте, да оставьте проспект Молодежный, там проведите дорогу». Возможно, да*» (активист 8, ж).

Таким образом, хотя активисты признают, что их личные представления о (не)результативности борьбы и ее причинах могут не совпадать с реальным состоянием дел, эти интерпретации важны для фреймирования городских конфликтов, ретроспективной оценки опыта гражданского участия и переосмысления «удачных практик» гражданского активизма. Горожане склонны оценивать исходы конфликтов в бинарных категориях «успеха – неудачи», связывая эти исходы с такими факторами, как наличие/отсутствие развитой инфраструктуры протеста (институционализация инициативной группы, координация усилий активистов, способность поддерживать коллективное действие в течение долгого времени, доступ к ресурсам), внешняя политическая ситуация (городской политический режим, «встроенность» проблемы в политическую

повестку, время разворачивания конфликта: например, стадия электорального процесса, приближение политизированных мегасобытий, масштаб инвестиций) и характер требований и протестных действий активистов (масштаб протеста, коммуникативный резонанс, (не)использование легитимного для оппонентов набора легитимаций: например, обращений к истории и памяти о Великой Отечественной войне).

Библиографический список

1. Diani M. Social movements and social capital: a network perspective on movement outcomes // Mobilization: An International Quarterly. 1997. № 2 (2). P. 129–147.
2. Gamson W.A. The strategy of social protest. Belmont: Wadsworth, 2 ed. 1990. 357 p.
3. Giugni M.G. Was it worth the effort? The outcomes and consequences of social movements // Annual review of sociology. 1998. № 1 (24). C. 371–393.
4. Kolb F. Protest and opportunities: the political outcomes of social movements. Frankfurt, New York: Campus Verlag, 2007. 329 p.
5. McAdam D., McCarthy J. D., Zald M. N. Social movements. // Handbook of sociology / Ed. By N. J. Smelser. 1998. Sage Publications. P. 695–737.
6. Tykanova E., Khokhlova A. Grassroots urban protests in St. Petersburg: (non)participation in decision-making on the futures of city territories // International Journal of Politics, Culture and Society. 2019. P. 1-22.
7. Tykanova E., Khokhlova A. The Performative Logic of Urban Space Contestation: Two Examples of Local Community Mobilisation in St. Petersburg // Urban Grassroots Movements in Central and Eastern Europe / Ed. by K. Jacobsson / Series Editor: Ch. Pickvance. Ashgate, 2015. P. 139-162.
8. Желнина А.А. Относительные победы: Успехи и поражения общественных движений и политических кампаний // Cogita.ru. М., 2016. 17 августа. Режим доступа: http://www.cogita.ru/analitka/otkrytye-diskussi/otnositelnye-pobedy.
9. Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. «У власти точка зрения-молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования // Политическая наука. 2017. № 4. С. 111–136.

Информация об авторах

Тыканова Елена Валерьевна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14; elenatykanova@gmail.com).

Хохлова Анисья Михайловна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, доцент факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; anisya_khokhlova@mail.ru).

Tykanova E.V., Khokhlova A.M.

THE SOCIAL CONSTRUCTION OF THE OUTCOMES OF LOCAL URBAN CONFLICTS IN THE DISCOURSE OF ACTIVISTS AND EXPERTS (THE CASE OF NIZHNY NOVGOROD)

***Abstract**. This paper analyzes how city activists and experts advocating their interests retrospectively (re)consider the outcomes of local urban conflicts in which they have been involved and (re)interpret the reasons of their successes or failures. In particular, they see such reasons in*

the (under)developed infrastructure of protest, specific features of the political context shaped in the city, and the character of the claims the activists make and the instruments of protest they use.

Key words: *urban development, urban activists, collective mobilization, outcomes of local urban conflicts.*

Information about the authors

Tykanova Elena V. (Russia, St. Petersburg) – Ph.D./candidate of science (sociology), senior research associate, The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (7-ya Krasnoarmeyskaya str., 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005; elenatykanova@gmail.com).

Khokhlova Anisya M. (Russia, St. Petersburg) – Ph.D./candidate of science (sociology), associate professor, St. Petersburg State University, faculty of sociology (Smolnogo str., 1/3, 9 entrance, St. Petersburg, Russia, 191124; anisya_khokhlova@mail.ru).

References

1. Diani M. Social movements and social capital: a network perspective on movement outcomes // Mobilization: An International Quarterly. 1997. № 2 (2). P. 129–147.
2. Gamson W.A. The strategy of social protest. Belmont: Wadsworth, 2 ed. 1990. 357 p.
3. Giugni M.G. Was it worth the effort? The outcomes and consequences of social movements // Annual review of sociology. 1998. № 1 (24). C. 371–393.
4. Kolb F. Protest and opportunities: the political outcomes of social movements. Frankfurt, New York: Campus Verlag, 2007. 329 p.
5. McAdam D., McCarthy J. D., Zald M. N. Social movements. // Handbook of sociology / Ed. By N. J. Smelser. 1998. Sage Publications. P. 695–737.
6. Shevtsova I.K., Bederson V.D. "The government has a point of view-silence": Interaction between initiative groups and local authorities in urban planning policies // Political Science. 2017. № 4. P. 111–136.
7. Tykanova E., Khokhlova A. Grassroots urban protests in St. Petersburg: (non)participation in decision-making on the futures of city territories // International Journal of Politics, Culture and Society. 2019. P. 1-22.
8. Tykanova E., Khokhlova A. The Performative Logic of Urban Space Contestation: Two Examples of Local Community Mobilisation in St. Petersburg // Urban Grassroots Movements in Central and Eastern Europe / Ed. by K. Jacobsson / Series Editor: Ch. Pickvance. Ashgate, 2015. P. 139-162.
9. Zhelnina A.A. Relative victories: Successes and defeats of social movements and political campaigns // Cogita.ru. M., 2016. 17 August. URL: http://www.cogita.ru/analitka/otkrytye-diskussi/otnositelnye-pobedy.

УДК 316.4 / ББК 60,5

Цлаф В.М.

ЗАМЕТКИ О ГЕНЕЗИСЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация. *Приведены результаты анализа типов субъектов, факторов и видов социальной активности населения на основе литературных данных и рефлексии опыта управленческого консультирования разработки стратегий социально-экономического развития муниципальных образований.*

Ключевые слова: *социальная активность, факторы, агенты развития, эксперты, мотивация, конструктивность.*

«Социальная активность» – один из самых неопределенных терминов в социологии. Множественность различных подходов к определению сущности и содержания социальной активности в научной литературе фиксирует В.В. Гальченко [4, с. 2]. С.Ю. Сергеева отмечает, что такой объект, как социальная активность, «крайне сложно оценить в ходе массовых опросов… в силу высокой субъективности его понимания» [1, с. 137-138]. Понятие социальной активности не содержит совокупности четко определенных атрибутов, принимаемой всеми, кто использует этот термин; фактически термин «социальная активность» применяется для обозначения разных понятий. Следовательно, в сложившейся ситуации употребления этого термина следует считать его зонтичным термином, «покрывающим» целое семейство понятий. Соответственно, невозможно однозначно определить факторы, порождающие, активизирующие или ослабляющие социальную активность, так как для разных денотатов этого термина такие факторы различны.

Нас в данном случае интересуют те виды активности, которые содержат конструктивные идеи повышения качества жизни населения и ведут к их реализации, независимо от того, принадлежат ли данные идеи данному индивиду или он выступает в поддержку заимствованных идей. Такой же позиции придерживается и В.В. Гальченко: «…при решении проблем развития социальной активности следует учитывать, что не всякая активность населения является общественно полезной, и речь должна идти именно о ***повышении ее конструктивной составляющей***, то есть об ***оптимизации социальной активности***» [4, с. 4].

Исследование, проведенное Всероссийским Советом местного самоуправления, выявило несколько типов общественной активности [6]:

– иждивенческая активность – жалобы и прошения, направленные на то, чтобы другие (власть, бизнес и т.п.) решили проблемы жителей, в том числе и те, за которые власть не отвечает. Перекладывание собственной ответственности на других акторов (по этому вопросу см. также [7]);

– протестная активность – возникает из желания жителей противодействовать действиям и планам властей, почти не задумываясь об альтернативных планах. Такая активность развивается в формах пикетов, митингов, коллективных жалоб, перекрытий дорог, согласованного бойкота выборов улицей, микрорайоном, протестного голосования на выборах;

– фиктивно-демонстративная активность. При использовании населения в качестве статистов для реализации рекламных или политических проектов самостоятельная активность имитируется за счет нанятых и оплаченных активистов, а также публикаций в СМИ, других методов;

– конструктивная активность – инициативы, попытки корректировки действий властей и предприятий для создания более благоприятных условий жизнедеятельности территории. Партнерское взаимодействие властей и населения.

Как отмечается в отчете о результатах данного исследования, «изучая проявления общественной активности и людей, которые могли бы рассматриваться как ее носители, мы искали в первую очередь конструктивную активность. Как выяснилось, отыскать ее оказалось непросто. Социальная активность населения сегодня является крайне низкой».

Более того, как свидетельствуют авторы того же документа, финансовая поддержка общественной активности органами местного самоуправления «может привести к формированию у общественности однозначной иждивенческой позиции».

Проведенное в 2014 г. аналитическим центром Юрия Левады исследование [2] показало, что «население страны в целом главным образом занимают экономические проблемы, которые преимущественно остаются нерешенными на протяжении последних двух десятилетий. Также беспокойство вызывает состояние социальной инфраструктуры (поликлиник, жилья, проблемы коммунального хозяйства). Другие трудности в такой ситуации отступают на второй план» [2, с. 6-7]. Политическая обстановка в стране осложняет жизнь не более чем 10% москвичей и 7% жителей крупных городов [2, с.8]. Наименее важными правами для опрошенных оказались «свобода мирных собраний и ассоциаций» (17 и 15%) и «право на участие в общественной и политической жизни» (17 и 14%). [2, с. 8]. При этом около 60% из тех, кто обращался за помощью в различные инстанции, говорят, что их проблема была решена полностью или частично [2, с. 13]. Следовательно, основными факторами, порождающими социальную активность, могут быть факторы экономические и в значительно меньшей степени – факторы политические. Это предположение подтверждается и анализом жизненного мира сельского населения [5, с. 149-150] и гуманитарной интеллигенции [3, с. 252], где в иерархии ценностей высшие уровни занимают семья, здоровье, друзья, а политика оказывается на последнем месте. Поэтому рост протестной политической активности в последние 5 лет мы объясняем не столько приоритетными для населения факторами, сколько манипулятивным идеологическим воздействием. Благодаря внешнеполитическим событиям интенсификация идеологического воздействия на российских граждан со стороны как внутренней оппозиции, так и внешних сил оказалась в благоприятной ситуации. Политическая кампания А. Навального под видом борьбы с коррупцией, крайне негативное освещение рядом авторов возвращения Крыма в состав Российской Федерации, роли России в событиях в Украине, позже – в Сирии, а также прямые провокации – обвинения российских властей в убийстве Б. Немцова, крушении «малазийского боинга», отравлении семьи Скрипалей в Великобритании, рассчитанные на легковерную, эмоциональную и незнакомую с политическими технологиями аудиторию, во многом достигли цели – такая аудитория достаточно широка. Автор настоящей статьи в свое время проходил подготовку по политическим технологиям в Москве у ведущих российских специалистов этого профиля и, хотя не стал этим заниматься в дальнейшем, оценить способы применения и силу воздействия манипулятивных техник на человеческое сознание может не понаслышке.

Наши собственные результаты анализа социальной активности населения опираются на опыт управленческого консультирования реализации муниципальных проектов, в том числе разработки стратегий социально-экономического развития муниципальных образований на 10–15-летний период. В 2012–2013 гг. автор в соста-

ве группы методологов участвовал в проведении 4 стратегических сессий на разных этапах разработки Стратегии комплексного развития городского округа Самара, в 2018 г. выступал руководителем проведения стратегических сессий в 14 муниципальных образованиях Самарской области (1 городской округ, 3 муниципальных района, 10 поселений). Рефлексивный анализ выступлений участников этих сессий позволил выделить 2 основные категории активных участников, которые мы условно называем *агентами развития* и *экспертами*. Агенты развития строят видение *желаемого* будущего, исходя из своих ценностей. Они предлагают развитие потенциала территории путем вовлечения в него новых, ранее не использованных здесь ресурсов. Таким людям свойственно строить стратегии *прорыва в будущее*. Эксперты – люди консервативного склада, они строят стратегию *улучшения настоящего*, исходя из *возможного*, на основе сложившихся трендов и традиционно используемого потенциала территории. Люди, занимающие экспертную позицию, – информированные, обладающие глубоким профессиональным знанием действительности и при этом лучше других понимающие риски изменений, как правило, больше ценят настоящее, более осторожны и поэтому относятся к консервативной части участников стратегических разработок. Агенты развития и эксперты формируют позиционный конфликт, являющийся энергетическим источником стратегической разработки.

Агентами развития выступают и инновационно активные эксперты – люди, глубоко понимающие действительное положение вещей, знающие и существующие проблемы, и пути снижения рисков развития. Это профессионалы в области стратегического развития. В отличие от экспертов-консерваторов они строят дорогу от хорошего к лучшему, от существующего к желаемому, не боясь трудностей этой дороги и умело преодолевая препятствия. Однако даже в масштабах крупного города число таких экспертов – единицы.

Рефлексивный анализ выступлений участников на стратегических сессиях показал, что агенты развития по мотивационным факторам, вовлекающим их в работы по разработке и реализации стратегии, могут быть разделены на несколько типов. Это:

- граждане, реально заинтересованные в будущем муниципального образования, видящие в желаемом будущем территории необходимое условие достижения желаемого будущего следующих поколений своей семьи («настоящие» агенты развития);
- люди, профессионально занимающиеся вопросами стратегического развития, считающие своим долгом принять участие в данном процессе, в том числе из опасений непрофессионального выполнения его другими участниками или использующие его для обогащения личного опыта (агенты развития из числа экспертов);
- люди, для которых новизна обладает самоценностью, и стремление к будущему привлекательно более всего отрицанием настоящего («новое ради новизны»);
- личности, не достигшие самореализации в традиционных для них видах деятельности и пытающиеся найти ее в иных видах, в том числе в разработке или реализации территориальной стратегии, если *случайно* выпала возможность в этом участвовать;
- перфекционисты, «желающие лучшего, имея хорошее», но не являющиеся профессионалами в области стратегического управления; основной мотив их активности – кажущееся преимущество: «То, что могу создать я, лучше, чем то, что создано кем-либо другим – если не я, то кто же»;

- «патриоты» и «гуманисты», недовольные качеством жизни населения; основа их активности – «забота о людях», которые, фактически, признаются существами более низкого уровня, несамодеятельными и нуждающимися в опеке;
- «антипатриоты» – люди, находящиеся под сильным влиянием иных культур, чем культура данного социума, и считающие своим долгом изменить эту культуру согласно своим идеалам;
- люди, склонные критиковать других, чтобы возвысить себя в своих глазах и глазах окружающих, они редко предлагают разумные решения, но высвечивают существующие проблемы;
- люди, которых участие в реализации стратегии привлекает лишь возможностью получения муниципального заказа или иной муниципальной финансовой поддержки, т.е. монетарный доход;
- люди, которых участие в реализации стратегии привлекает возможностью расширения контактов, для руководителей коммерческих компаний – возможностью расширения рынка с помощью этих контактов, укрепления имиджа компании.

Для экспертов базовыми мотивирующими факторами можно считать желание сохранить и повысить самооценку и потребность в выполнении своего долга.

Результаты нашего исследования принципиально совпадают с результатами упоминаемого выше исследования, проведенного Левада-центром: «даже среди… гражданских активистов, которые глубоко вовлечены в общественную работу (особенно среди тех, кто действует поодиночке), встречается, что их деятельность в значительной степени определяется личными мотивами, такими как нереализованные политические амбиции, месть своим прежним оппонентам, азарт, собственная защита от чиновничьих нападок. Внятные представления об общественном благе есть далеко не у всех» [2, с.41].

Выводы из изложенного состоят в следующем.

1. Мотивация граждан к проявлению социальной активности обусловлена не столько рационально воспринимаемыми недостатками внешних, в том числе, экономических, политических, правовых условий, сколько неудовлетворенностью личной позицией в этих объективных условиях и направлена на изменение этой позиции. Требование изменения внешних условий, в том числе, политических, часто является всего лишь одним из инструментов изменения указанной позиции.

2. Эта неудовлетворенность зачастую порождается несоответствием запросов индивида его способностям и возможностям их реализации в существующем окружении, но в силу отсутствия или недостаточности самокритики «вина» за это несоответствие перекладывается исключительно на недостатки окружения. Отсюда возникает мотивация к изменению окружения без изменения себя. Так порождается неконструктивная социальная активность.

3. Недовольство условиями жизнедеятельности при отсутствии рационального, профессионального понимания этих условий может быть вызвано и доведено до стадии активного протеста внешними (по отношению к индивиду) манипулятивными воздействиями.

4. Конструктивная социальная активность порождается исключительно рациональным и профессионально точным пониманием каждым индивидом себя, окружения, своего места и возможностей в этом окружении и рациональным проектированием и планированием своих действий по преодолению недостатков окружения в партнерстве с другими агентами, осознающими эти недостатки, в том числе с орга-

нами государственной власти и местного самоуправления, до которых необходимо довести понимание недостатков, – с использованием всех легальных и легитимных средств взаимодействия. Развитие конструктивной социальной активности населения возможно только путем воспитания рационального, рефлексивного поведения и соответствующим образованием. К сожалению, такой путь доступен лишь для меньшинства граждан. Другой возможный путь – следование за конструктивным лидером – доступен практически всем, но требует постоянных усилий по поддержанию харизмы лидера и обречен на полную зависимость от личностных качеств лидера. Тем не менее, воспитывая образованную и рационально мыслящую элиту, инструмент следования за лидером необходимо использовать. Такое решение не вполне соответствует догмам демократии, но является единственно реальным.

5. Поскольку неконструктивная социальная активность неизбежна, следует искать не возможности ее подавления, что без применения недопустимых в правовом государстве мер вызовет лишь еще большую вспышку такой активности, а пути полезного использования. В этом должна состоять задача соответствующих государственных органов.

Библиографический список

1. Сергеева С.Ю. Динамика социальной активности объединений граждан в современной России. Итоги экспертного опроса // Вестник Международного института рынка. 2015. №5. С.137-143.
2. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2014. 58 с.
3. Галкина М.М. Изменение жизненного мира гуманитарной интеллигенции // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП, 2016. С.237-262.
4. Гальченко В.В. Актуальные проблемы развития социальной активности населения на местном уровне // Мир науки: научный интернет-журнал. 2013. Вып.4. [Электронный ресурс]. URL: https://mir-nauki.com/PDF/01MN413.pdf.
5. Евдокимова Т.Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения России: прошлое и настоящее // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП, 2016. С.146-166.
6. Условия повышения социальной активности граждан в решении местных проблем: аналитический отчет Всероссийского Совета местного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: http://vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/interesnye-proekty/2722-usloviya-povysheniya-sotsialnoj-aktivnosti-grazhdan-v-reshenii-mestnykh-problem
7. Цлаф В.М. О патернализме в сознании россиянина // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы II ежегодной научно-практической интернет-конференции, г. Вологда, 27–31 марта 2017 г. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. С.131-138.

Информация об авторе

Цлаф Виктор Михайлович (Россия, Самара) – кандидат технических наук, доцент, научный руководитель Научно-образовательного и консалтингового центра системных и стратегических решений в области экономики и управления, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева (Россия, 443086, Самара, Московское ш., д. 34; ssu_econcentre@mail.ru).

Tslaf V. M.

NOTES ON THE GENESIS OF SOCIAL ACTIVITY

Abstract*. The results of analyzing the types of actors, factors and the types of social activity are represented on the basis of literary data and reflexion of experience in management consulting of working out the municipalities socio-economic development strategy.*

Key words: *social activity, factors, development agents, experts, motivation, constructivity.*

Information about the author

Tslaf Victor M. (Russia, Samara) – Candidate of technical science, docent. Scientific leader of the Samara National Research University Scientific, Educational and Consulting Centre of System and Strategic Solutions in Economic and Management Sphere. (Russia, 443086, Samara, Moscow highway, 34; ssu_econcentre@mail.ru).

References

1. Sergeeva S. Yu. The dynamics of social activity of citizens' associations in contemporary Russia. Results of the expert survey.// Bulletin of the International market Institute. 2015. № 5. Pp. 137-143.
2. Volkov D., Goncharov S. The potential of civil participation in solving social problems: a summary analytical report. – Moscow: Analytical center of Yuri Levada, 2014. 58 p.
3. Galkina M. M. Change in the life world of the humanitarian intelligentsia. – The life world of Russians: 25 years later (late 1980s-mid-2010s). Edited by Zh. T. Toshchenko. Moscow: TSSP and M, 2016. Pp. 237-262.
4. Galchenko V. V. Actual problems of development of social activity of the population at the local level. // World of science: scientific Internet journal. 2013. Vol.4. [Electronic resource] URL: https://mir-nauki.com/PDF/01MN413.pdf.
5. Evdokimova T. G. Values and value orientations of the rural population of Russia: past and present. – The life world of Russians: 25 years later (late 1980s-mid-2010s). Edited by Zh. T. Toshchenko. Moscow: TSSP and M, 2016. Pp. 146-166.
6. Conditions for increasing social activity of citizens in solving local problems: Analytical report of the all-Russian Council of local self-government. // [Electronic resource] URL: http://vsmsinfo.ru/proekty-i-programmy/interesnye-proekty/2722-usloviya-povysheniya-sotsialnoj-aktivnosti-grazhdan-v-reshenii-mestnykh-problem.
7. Tslaf V. M. About the paternalism in the consciousness of Russians. // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: proceedings of the II annual scientific and practical Internet conference, Vologda, March 27-31, 2017. Vologda: VolSC RAS, 2017. Pp. 131-138.

УДК 323.21

Шаров В.В.

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РЕГИОНЕ

***Аннотация**. В статье рассмотрены некоторые вопросы развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации; исследованы практические аспекты реализации проекта «Народный бюджет» в Вологодской области. Инициативное бюджетирование рассматривается как один из инструментов решения первостепенных задач, связанных с состоянием и развитием объектов социальной инфраструктуры в регионе.*

***Ключевые слова:** партисипаторное бюджетирование, инициативное бюджетирование, социальная инфраструктура, регион.*

Реализация в Российской Федерации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 13-ФЗ, с одной стороны, значительно усилила роль и ответственность перед населением органов местного самоуправления, а с другой – потребовала от них принятия мер по более широкому вовлечению жителей населенных пунктов в процессы принятия решений и их реализацию на местном уровне. В первую очередь это вопросы, связанные с состоянием и развитием объектов социальной инфраструктуры, т.к. ее функционирование определяет качественный уровень и доступность социальных услуг, предоставляемых населению.

В ряде субъектов Российской Федерации в последние годы расширяется практика вовлечения граждан в инициирование, разработку, реализацию, мониторинг, контроль различных проектов создания объектов в форматах партисипаторного (инициативного) бюджетирования. Такие практики применяются в 68 субъектах Российской Федерации [1].

Инициативное бюджетирование – это российская версия широко известного за рубежом партисипаторного бюджетирования (от англ. «participate» – участвовать), участия граждан в бюджетных решениях, которое появилось в конце 1980-х гг. в Бразилии. Практика партисипаторного (инициативного) бюджетирования – это реализуемая в рамках одного региона РФ программа, направленная на вовлечение граждан в бюджетный процесс и участие граждан в бюджетных решениях. Иными словами, это схожая по своей сути деятельность, направленная на решение вопросов местного значения, при помощи выделяемых напрямую для этой цели бюджетных средств.

Специфика реализации инициативного бюджетирования на территории Российской Федерации изучена в работах: А.А. Белостоцкого, В.В. Вагина, М.Ю. Курис, Г.К. Лапушинской, В.Ю. Музычук, М.В. Цуркан, И.Е. Шульги и др. По общему мнению этих исследователей, основным препятствием на пути полномасштабного внедрения инициативного бюджетирования в бюджетный процесс является отсутствие необходимой нормативно-правовой базы. Регулирование данного процесса на сегодняшний день реализуется в форме целевых программ и подпрограмм, не выработаны единые подходы к его осуществлению, даже само понятие «инициативное бюджетирование» на законодательном уровне отсутствует. С учетом все большего распространения практики инициативного бюджетирования на территории страны исследователи считают необходимым закрепить правовые основы его осуществления в законодательстве РФ.

Сущность инициативного бюджетирования, в отсутствие единого подхода, можно определить как совокупность разнообразных, основанных на гражданской инициативе практик по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в определении и выборе объектов расходования бюджетных средств, а также последующем контроле за реализацией отобранных объектов [2]. При этом полагаем, что инициативное бюджетирование позволяет определять наиболее актуальные социальнозначимые вопросы и находить оперативные пути их решения, активизировать участие граждан в решении вопросов местного значения.

В последние годы в России наблюдается поступательное развитие инициативного бюджетирования. С 2018 года началась реализация Программы развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации, утвержденной Правительственной комиссией по координации деятельности открытого правительства. Мероприятия Программы вошли в состав государственной программы «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков».

В 2018 – 2019 годах Минфином России проведены разработка и обсуждение законопроектов о внесении изменений в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и в Бюджетный кодекс Российской Федерации в связи с определением правовых основ инициативного бюджетирования. В настоящее время законопроекты находятся на рассмотрении в Государственной Думе.

По данным Министерства финансов Российской Федерации, в 2018 году на проекты, отобранные с участием граждан или с учетом их мнения, было направлено около 19,3 млрд. рублей, в том числе из бюджетов субъектов Российской Федерации – 10,5 млрд. рублей, за счет иных источников (расходов федерального бюджета, бюджетов муниципалитетов, средств населения, юридических лиц, иных форм софинансирования) – 8,8 млрд. рублей. При этом общий объем средств софинансирования инициативных проектов за счет средств населения и юридических лиц в 2018 году составил 1,9 млрд. рублей [1].

Анализ реализации инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации позволяет выделить три типа его практик:

1. Программа поддержки местных инициатив (ППМИ) Всемирного банка. Запущена в 2007 г. и реализуется в Кировской, Тверской, Нижегородской областях, Ставропольском, Хабаровском краях, республиках Башкортостан и Саха (Якутия) и некоторых других регионах. К важнейшим особенностям программы относятся процедура выбора проектов гражданами на собраниях населенных пунктов, конкурсный характер отбора проектов на основании формализованных критериев, интеграция в национальную административную, бюджетную и правовую системы. Проекты осуществляются за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации при обязательном софинансировании со стороны населения, бизнеса и муниципального бюджета.

2. Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПБ) при поддержке Комитета гражданских инициатив, начиная с 2013 года, внедряет практику инициативного бюджетирования в нескольких муниципалитетах Ленинградской, Кировской и Вологодской областей (г. Череповец). Проект на основе методологии ЕУСПБ в г. Череповце стартовал в 2013 году, с 2016 года проект запущен в г. Санкт-Петербурге. В отличие от программы поддержки местных инициатив, эта практика не предполагает софинансирования проектов гражданами. Какие именно идеи нуждаются в первоочередной реализации, решают бюджетные комиссии. Их участников отбирают путем жеребьевки из числа заинтересованных граждан.

3. «Народный бюджет», «Народная инициатива» – практики, предполагающие участие граждан в решении бюджетных вопросов, запущенные партией «Единая Россия» и Общероссийским народным фронтом в 2010 – 2011 годах и самостоятельно развиваемые в ряде российских регионов (в Вологодской области с 2015 года). Первоначально ориентированные на формирование бюджетной повестки с участием населения, они в настоящий момент представляют синтез различных подходов инициативного бюджетирования и содержат произвольный набор действий по учету мнения граждан. Наиболее успешной считается реализация программ в Тульской, Иркутской, Тамбовской областях.

Бюджетные ассигнования на проекты инициативного бюджетирования в субъектах РФ выделяются в рамках государственных программ (подпрограмм), а также утверждаются в бюджетах соответствующего уровня. Можно выделить пять тематических направлений госпрограмм, в рамках которых планируются мероприятия, направленные на развитие инициативного бюджетирования:

- государственные программы в сфере управления региональными (государственными) финансами;
- государственные программы развития местного самоуправления;
- государственные программы региональной политики: государственного управления, развития территорий, направленные на содействие развитию гражданского общества, межнациональных отношений;
- отраслевые государственные программы, включающие региональные проекты «Формирование комфортной городской среды» и «Устойчивое развитие сельских территорий» и др.;
- государственные программы, направленные на экономическое развитие территорий.

В отдельных субъектах применяют многопрограммное финансирование мероприятий инициативного бюджетирования (*табл. 1*).

Таблица 1. Инициативное бюджетирование в составе государственных программ субъектов Российской Федерации в 2018 году

Тематическая направленность государственных программ субъектов РФ, включающих мероприятия инициативного бюджетирования	Субъекты РФ
Государственные программы в сфере управления региональными (государственными) финансами	Алтайский край, Вологодская область, Кемеровская область, Кировская область, Новгородская область, Новосибирская область, Оренбургская область, Республика Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Ставропольский край, Сахалинская область, Тверская область, Ульяновская область
Государственные программы развития местного самоуправления	Костромская область, Красноярский край, Ленинградская область, Новгородская область, Республика Карелия, Рязанская область, Саратовская область, Ярославская область
Государственные программы региональной политики: государственного управления, развития территорий, направленные на содействие развитию гражданского общества, межнациональных отношений	Амурская область, Кировская область, Мурманская область, Пермский край, Самарская область, г. Санкт-Петербург Ямало-Ненецкий автономный округ
Отраслевые государственные программы, включающие региональные проекты «Формирование комфортной городской среды», «Устойчивое развитие сельских территорий» и другие	Республика Башкортостан, Республика Коми, Тамбовская область, Хабаровский край
Государственные программы, направленные на экономическое развитие территорий	Иркутская область, Республика Коми, Республика Марий Эл
Источник: составлено на основе Доклада о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах РФ и муниципальных образования [3].	

На конец 2018 года уже 33 субъекта Российской Федерации включили инициативное бюджетирование в состав своих государственных программ [3].

С 2016 года Вологодская область является участником пилотного проекта «Развитие инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации». В то же время региональный проект «Народный бюджет» на территории Вологодской области впервые заработал в 2015 году.

Проект «Народный бюджет» регулируется государственной программой Вологодской области «Управление региональными финансами Вологодской области на 2015 – 2020 годы» (постановление Правительства Вологодской области от 05.11.2014 № 990). В рамках основного мероприятия 2.3 «Оценка качества управления муниципальными финансами» подпрограммы 2 «Поддержание устойчивого исполнения местных бюджетов и повышение качества управления муниципальными финансами на 2015 – 2020 годы» предусмотрено предоставление субсидий муниципальным образованиям области на реализацию данного проекта.

В настоящее время программа реализуется в несколько этапов:

1) разработка проектов вологжанами;

2) проведение собрания жителей поселения;

3) заключение договоров с жителями, представителями бизнеса, местной администрацией;

4) представление администрацией района конкурсной заявки в Региональную конкурсную комиссию;

5) оценка заявок и распределение субсидий;

6) реализация проектов.

Интерес к проекту «Народный бюджет» ежегодно растет. Так, если в 2015 году для участия в проекте было подано всего 75 заявок (из них 66 получили субсидии), то на 2019 год рассмотрено 839 заявок (из них 818 получили субсидии) (*табл. 2*).

Таблица 2. Общая информация о реализации проекта «Народный бюджет» в Вологодской области

Показатель	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год
Общее количество представленных проектов, ед.	75	221	407	490	835
Количество проектов, получивших субсидию	66	155	373	458	818
Количество поселений, участвующих в реализации проекта, ед. / муниципальных районов, ед; % от общего числа поселений	57/21 (29%)	94/25 (49%)	124/25 (69%)	147/26 (81%)	Н.д.
Источник: данные официального сайта Департамента финансов Вологодской области.					

За 5 лет общее количество представленных проектов составило 2022, из них 1817 получили субсидии.

В 2019 году в проекте «Народный бюджет» приняли участие все 26 районов области: 167 поселений из 179 возможных (в том числе: 21 городское поселение из 21; 146 сельских поселений из 158) [4].

Бюджет проекта также ежегодно растет. Если в 2015 году на софинансирование проектов из областного бюджета было направлено 10 млн. руб., в 2016 году – 20 млн. руб., то в 2019 году на эти цели было выделено уже 90 млн. руб. (*табл. 3*).

Таблица 3. Финансовые параметры проекта «Народный бюджет» в Вологодской области, млн. руб.

	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год
Областной бюджет	7,6 (50%)	19,1 (50%)	47,8 (50%)	59,6 (50%)	90,0 (план)
Местный бюджет	3,04 (24%)	9,5 (25%)	24,2 (25%)	Н.д.	Н.д.

Окончание таблицы 3

	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год
Бизнес	2,6 (18%)	7,1 (18%)	13,8 (15%)	Н.д.	Н.д.
Физические лица	1,1 (8%)	2,5 (7%)	9,8 (10)	Н.д.	Н.д.
Общая стоимость проектов	14,3	38,2	95,6	122,7	Н.д.
Источник: данные сайта Департамента финансов Вологодской области.					

Общая стоимость проектов за период с 2015 по 2018 год выросла в 8,5 раза.

В 2019 году в рамках проекта «Народный бюджет» реализовано 818 проектов. Все проекты носят социальный характер и направлены на улучшение жизни населения (*табл. 4*).

Таблица 4. Направления реализации проекта «Народный бюджет» в Вологодской области в 2019 году

Объекты ЖКХ, В том числе: - благоустройство территории - водоснабжение и водоотведение - теплоснабжение - организация контейнерных площадок для сбора ТКО	309 154 134 11 10
Строительство и ремонт детских площадок	132
Обустройство мест массового отдых населения	8
В сфере спорта (обустройство спортивных площадок, приобретение спортивного оборудования)	54
В сфере культуры (ремонт домов культуры, строительство сцены, приобретение звукового и светового оборудования для мероприятий)	86
Организация уличного освещения	93
Строительство и ремонт памятников	52
Обеспечение пожарной безопасности	82
Обеспечение услугами связи	2
Источник: данные официального сайта Департамента финансов Вологодской области.	

В 2019 году большую часть составили инициативы по сохранению и развитию объектов коммунальной инфраструктуры.

В конце 2019 года на рассмотрение поступили 984 конкурсные заявки. Из них соответствуют критериям отбора и будут профинансированы в 2020 году 976 проектов [4].

В 2020 году изменится схема софинансирования проектов «Народного бюджета» [4]:

1. Увеличено субсидирование за счет средств областного бюджета инициатив населения с 50 до 70% общей стоимости проекта. Таким образом, проекты, набравшие наибольшее количество баллов, получат областную субсидию в размере 70% стоимости проекта (но не более 700,0 тыс. рублей для сельских поселений и не более 1 400,0 тыс. рублей для городских поселений и административных центров).

2. Дополнительно выделено на эти цели еще 90,0 млн. рублей. В 2020 году размер субсидии из областного бюджета на реализацию проекта «Народный бюджет» составляет 210,0 млн. рублей.

Таким образом, отечественный опыт инициативного бюджетирования и практическая реализация проекта «Народный бюджет» в Вологодской области позволяют, на наш взгляд, рассматривать его как один из инструментов решения острых, преимущественно инфраструктурных проблем на местном уровне.

Библиографический список

1. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 22.01.2020. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/893063-7 (дата обращения: 17.02.2020).
2. Вагин В.В. 25 вопросов об инициативном бюджетировании. URL: https://komitetgi.ru/service/25_Q_10_edit.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
3. Доклад о лучшей практике развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях, г. Москва, 2019. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/1070_Doklad.pdf (дата обращения: 17.02.2020).
4. Официальный сайт Губернатора Вологодской области. URL: https://okuvshinnikov.ru/prog/programma_gubernatora_narodnyj_byudzhet/ (дата обращения: 17.02.2020).

Информация об авторе

Шаров Владимир Васильевич (Россия, Вологда) – директор, АНО «Учебно-методический центр Вологодской областной Федерации профсоюзов «Профэксперт» (160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 17; fakel1973@mail.ru).

Sharov V. V.

PRACTICE OF IMPLEMENTING INITIATIVE BUDGETING AND SOLVING PROBLEMS OF SOCIAL INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT IN THE REGION

***Abstract**. The article deals with some issues of development of initiative budgeting in the Russian Federation; the practical aspects of the implementation of the project "people's budget" in the Vologda region are studied. Initiative budgeting is considered as one of the tools for solving the primary tasks related to the state and development of social infrastructure facilities in the region.*

***Key words:** participatory budgeting, initiative budgeting, social infrastructure, region.*

Information about the author

Sharov Vladimir V. (Vologda, Russia) – Director, ANO "Trening center under the Vologda Oblast Federation of Trade Unions "Profexpert"(17 Zosimovskaya street, Vologda, 160000; fakel1973@mail.ru).

References

1. Explanatory note to the draft Federal law "on amendments to the Federal law "on General principles of local self-government in the Russian Federation" dated 22.01.2020. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/893063-7 (date: 17.02.2020).
2. Vagin V. V. 25 questions about initiative budgeting. URL: https://komitetgi.ru/service/25_Q_10_edit.pdf (date: 17.02.2020).
3. Report on the best practice of developing initiative budgeting in the Russian Federation and municipalities, Moscow, 2019. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/10/main/1070_Doklad.pdf (date: 17.02.2020).
4. Official website of the Governor of the Vologda region. URL: https: //okuvshinnikov.ru/prog/programma_gubernatora_narodnyj_byudzhet/(date: 17.02.2020).

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТЕНДЕНЦИИ, РИСКИ, ОСОБЕННОСТИ

УДК 316.37/ББК 60.5

Ардашев Р.Г.

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ: КОРОНАВИРУС КАК ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА

***Аннотация**. В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования, посвященного исследованию теорий заговора. На примере распространения коронавируса показывается реализация теории заговора в обыденное сознание, в повседневную жизнь россиян. Показывается взаимосвязь психологических убеждений человека и целых групп людей и происходящих событий в сфере заболевания коронавирусом.*

***Ключевые слова:** иррациональное мышление, коронавирус, теории заговора.*

Пандемия коронавируса, прокатившаяся по всему миру, стала еще одним сигналом к тому, что часть населения воспринимает данное явление как реализацию одной из теорий заговора, которые реализуются либо против Китая, либо против человечества с целью уменьшения популяции вида людей на планете. Доказательством этому могут служить паническое поведение людей в магазинах (покупка продуктов, техники, мебели), карантин в высших учебных заведениях, начавшийся с середины марта и продлившийся до первой декады апреля 2020 года, постоянные обсуждения в СМИ того, что стоит делать и чего не стоит делать гражданам и т.д.

В целом идеи теорий заговора не являются чем-то новым в общественном сознании. В психологическом плане вера в подобные теории может быть формой паранойи (например, симптом параноидной шизофрении или параноидного расстройства). В социальном контексте вера в теории заговора может проявляться как стратегия иррациональности мышления, которая актуализируется в переходные моменты социального развития или во время жизненных кризисов, когда психика не справляется с происходящими во вне событиями и индивид или группа людей начинает искать сверхъестественные объяснения происходящим процессам и в окружающих видят тех, кто негативно к ним относится. Но подобные вещи встречаются и у здоровых людей в разные периоды жизни (что и понимается под субклинической формой паранойи).

В обывательском представлении под паранойей стали понимать повышенную подозрительность и наличие разнообразных фантазий на предмет всевозможных заговоров, и вера в теории заговора получила еще одно название – «политической паранойи» [5]. При данных состояниях у людей начинается иллюзия контроля при его отсутствии, через возможность замечать враждебные тайные знаки и символы, которые влияют на общество (например, в массиве информационных сообщений в СМИ через определенный шифр (зачастую лично придуманный) находить новые смыслы предложений в виде посланий) или же уникального знания о тайнах или процессах, которыми случайно или целенаправленно (по роду или при посвящении, инициации) получил адепт или группа адептов. Также эти процессы сопровождаются отсутствием доверия к окружающим.

Данные состояния рядом авторов объясняются как ошибки конъюнкции[1], вызванные общим низким уровнем образования и эрудиции, а также неспособностью делать логичные выводы (опора на интуитивные, не рациональные формы объяснения происходящих событий). При этом сам адепт может считать свой интеллект супер неординарным [4]. Также происходит нарушение личностно-внеш-

[1] Ошибка конъюнкции – когнитивное искажение, сопряженное с приданием большей значимости совместным, нежели отдельным событиям.

ней атрибуции (возложение вины за негативные события своей жизни на внешние события). Более того, те, кто имеет склонность к конспирологическим теориям, видят в заговорах угрозу не только себе, но и всему миру. Сложность в том, что его окружение может не разделять с ним его убеждения, что приводит к стигматизации [3]. Современная массовая истерия по поводу коронавируса подстегивает сознание тех, кто склонен искать в происходящих событиях заговор кого-то против их персонально или в целом против человечества.

Конспирология зачастую имеет негативную оценку и коннотацию и автоматически влечет за собой социальное осуждение. Те, кто верит во «вселенский заговор», заведомо отделяются от всех, так как их воспринимают как ненормальных.

По нашему мнению, вера в конспирологические теории формирует предсказуемый индикатор негативной личностной оценки их носителей и неизбежной стигматизации (моральной и физической изоляции). По мнению И. Гоффмана, занимающегося вопросами стигматизации, причина этого явления – заведомая дискредитация своего обладателя тем, что он во что-то верит, чем-то обладает, что не принимается и не понимается окружением. Следствием стигматизации выступает изоляция и остракизм [2]. Группа фрустрирует своего члена из-за конспирологических взглядов. И, понимая это, приверженцы данной теории внутренне напряжены из-за страха полной изоляции. Но в любом случае цепочка замыкается: стигматизированные (и стигматизирующие) верования → их общественное неприятие и осуждение → внутренний страх изоляции → реальная социальная эксклюзия.

Приверженность к конспирологическим теориям, с одной стороны, воспринимается враждебно обществом, с другой стороны, является примером или элементом личности людей, принадлежащих к маргинальным группам. Иными словами, происходит двойная стигматизация: не только сами теории, но и их адепты воспринимаются в негативном свете, имеют пренебрежительную направленность [1].

Для того чтобы разобраться, насколько распространены иррациональные формы мышления, вызванные теориями заговора, мы провели исследование, которое проходило в 2020 году на платформе опросов google.com, в котором приняло участие 3500 человек (2150 женщин и 1350 мужчин, в возрасте от 18 до 75 лет).

Анкета включала в себя 36 вопросов относительно существующих теорий заговора, условий и последствий их возникновения, оценки респондентами тех, кто является их адептом, и того, насколько они сами согласны с теми или иными конспирологическими теориями. Данный опрос не претендует на всеобъемность, он лишь позволяет приоткрыть завесу, скрывающую тех, кто является их адептом, что ими руководит и к чему это может привести в социальном развитии.

Из всех опрошенных 48% верят в реальность теорий заговора на разных уровнях. Практически половина респондентов подвержены иррациональной стратегии – вере в теорию заговора: от военного (13,5%) до геополитического (12,4%); от культурного (12,1%) до демографического (11,3%); от политического (12,4%) до экономического (10,2%); от инопланетного (12,4%) до Природного (11,1%) и других (4,6%).

Остальные 52% не верят в конспирологические теории, оценивают себя рационально и объективно и считают приверженцев теорий заговора не совсем здоровыми людьми: ненормальными (26,7%), больными (21,8%), неадекватными (19,8%), странными (16,2%), опасными (15,5%). Достаточно негативное восприятие тех, кто мыслит иррационально.

И сторонники, и те, кто не разделяет взгляды на конспирологические теории, говорят о том, что официальной версии событий нельзя доверять в принципе (86%). То есть себя они противопоставляют властям или другим представителям официальных инстанций. Только 32% сторонников конспирологических теорий понимают, что могут быть подвержены эксклюзии, это вызывает их тревогу и беспокойство, поэтому они не со всеми и не всегда обсуждают свои взгляды. 48% сторонников конспирологических теорий понимают угрозу эксклюзии, но более спокойно к этому относятся, считая, что это будет лучшим решением лично для них (себя спасут).

Но получая подтверждение – фрустрация от общества в виде стигматизации и эксклюзия, адепты получают дополнительное подтверждение собственной правоты в том, что теория заговора существует и они являются информированными персонами в том, что происходит на самом деле. Получение ожидаемой эксклюзии одними воспринимается как должное наказание за неисполнение того, что необходимо было сделать (спасти мир, природу, какой-то предмет), или как ожидание необходимости принесения жертвы, которой они сами добровольно и выступают. Гипертрофированная повышенная самооценка приводит к большему усилению конспирологических тенденций в сознании. Результатом этого становятся социальная дезадаптация, социальное отчуждение и аномия.

Схожие данные получили в своих исследованиях Г. Хастинг и М. Орр [5], а также А. Лантиан и другие ученые: люди, которые верят в теорию заговора, осознают негативную оценку себя и потенциальную угрозу эксклюзии [7]. То есть не только внешне себя дистанцируют и дистанцируются обществом, но и внутренне ожидают отторжение. Те, кто является носителем какого-либо вируса, уже стигматизированы. Больные коронавирусом – уже входят в группу изгоев. А общая паника порождает все новые и новые формы социальной дистанции.

Особенно остро это проявляется в отношении коронавируса. По мнению респондентов, распространение его по миру есть результат заговора (82%). На вопрос, заговор кого, мы получили следующие ответы: властей (27%), американцев (21%), богатых людей (18%), инопланетян (16%), магов (12%), других (6%).

В ходе исследования нами установлен высокий уровень общего недоверия, эгоизма и авторитаризма для индивидов, верящих в теории заговора. У тех, кто верит, что коронавирус – это результат заговора, разорван «социальный контракт доверия» (доверие информации СМИ, обещаниям политиков и т.д.) – они не доверяют никому, кто распространяет какую-либо информацию о коронавирусе, и считают, что мы все уже давно заразились. Поэтому мы можем говорить о наличии более чем у трети россиян иррациональной стратегии мышления, которая влияет на их личный выбор, повседневную реальность, мировоззрение и ценности, что делает их изгоями в своей социальной среде и ведет к стигматизации. Коронавирус как способ стигматизации может стать перспективой развития общества в ближайшие годы.

Иррациональность мышления для них выступает мотивом для стигматизации. Это видят и активизируют окружающие, более того, они сами это осознают, но никак не противостоят, доводя до абсурда свою веру, тем самым уничтожая социальные рамки и условий своей жизни, делая самостоятельно себя изгоями. Те, кто находится в группе риска заразиться коронавирусом, – уже изгой для окружения. И тем самым вера в коронавирус как теорию заговора найдет свое фактическое подтверждение.

Библиографический список

1. Ардашев Р.Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под общ. ред. О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск: ИГУ, 2020. С. 100-104.
2. Полюшкевич О. А. Стигматизация: анализ в рамках концепции И. Гофмана // Философия здоровья: интегральный подход: межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5. Иркутск: ИГМУ, 2019. С. 24-29.
3. Barkun M. Conspiracy theories as stigmatized knowledge // Diogenes. L., 2016. Oct. 25. Mode of access: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0392192116669288
4. Imhoff R., Lamberty P. How paranoid are conspiracy believers? Toward a more fine grained understanding of the connect and disconnect between paranoia and belief in conspiracy theories // European j. of social psychology. Chichester, 2018. Vol. 48, № 7. P. 909–926.
5. Stigmatized beliefs: Conspiracy theories, anticipated negative evaluation of the self and fear of social exclusion / Lantian A., Muller D., Nurra C., Klein O., Berjot S., Pantazi M. // European j. of social psychology. Chichester, 2018. Vol. 48, № 7. P. 939–954.

Информация об авторе

Ардашев Роман Григорьевич (Россия, Республика Бурятия) – кандидат юридических наук, преподаватель, Институт социальных наук Иркутского государственного университета; заместитель начальника отдела – начальник отделения психологического обеспечения отдела морально-психологического обеспечения Управления по работе с личным составом МВД по Республике Бурятия (Республика Бурятия, Россия; ardashev.rg@bk.ru).

Ardashev R.G.

IRRATIONAL THINKING: CORONAVIRUS AS A CONSPIRACY THEORY

Abstract. *The article discusses the results of an empirical study on conspiracy theories. On the example of the spread of coronavirus, the implementation of the conspiracy theory in everyday consciousness, in the everyday life of Russians, is shown. The relationship of the psychological beliefs of a person and entire groups of people and the ongoing events in the field of coronavirus disease is shown.*

Key words: *irrational thinking, coronavirus, conspiracy theories.*

Information about the author

Ardashev Roman G. (Russia, Republic of Buryatia) – Ph.D. in Law, lecturer at the Institute of Social Sciences of Irkutsk State University; Deputy Head of Department - Head of the Department of Psychological Support of the Department of Moral and Psychological Support of the Department for Work with Personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Buryatia (Republic of Buryatia, Russia; ardashev.rg@bk.ru).

References

1. Ardashev R.G. Stigmatized strategies of irrational thinking: conspiracy theories and their adherents // Social Institutions in the Legal Dimension: Theory and Practice: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference / FSBEI HPE “ISU”; Under

the total. ed. O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk: Publishing house of the ISU. 2020.S. 100-104.
2. Polyushkevich O. A. Stigmatization: analysis in the framework of the concept of I. Hoffman / O. A. Polyushkevich // Philosophy of health: an integrated approach. Interuniversity collection of scientific papers. Issue 5. Irkutsk: IGMU, 2019.P. 24-29.
3. Barkun M. Conspiracy theories as stigmatized knowledge // Diogenes. L., 2016. Oct. 25. Mode of access: https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0392192116669288
4. Imhoff R., Lamberty P. How paranoid are conspiracy believers? Toward a more fine - grained understanding of the connect and disconnect between paranoia and belief in conspiracy theories // European j. of social psychology. Chichester, 2018. Vol. 48, № 7. P. 909–926.
5. Stigmatized beliefs: Conspiracy theories, anticipated negative evaluation of the self and fear of social exclusion / Lantian A., Muller D., Nurra C., Klein O., Berjot S., Pantazi M. // European j. of social psychology. Chichester, 2018. Vol. 48, № 7. P. 939–954.

УДК 303.622.3/ББК С506

Гегер А. Э., Клюев А. В. , Ляшко С. В., Саганенко Г.И.

ПРОБЛЕМА ВАЛИДНОСТИ ОПРОСНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ[1]

Аннотация. *В статье рассматривается проблема валидности инструментария для изучения ценностей. Выявлены два аспекта проблемы, описывающие релевантность стандартизированного инструментария в условиях изучения разных социально-демографических групп: а) неполноценность результатов из-за ограниченности позиций в списке ценностей; б) смещения в результатах за счет неответов. Предлагаемые альтернативные методы повышения валидности результатов исследований ценностей – это использование открытых вопросов и смешанных методов (mixed methods research).*

Ключевые слова: *ценности, открытые вопросы, закрытые вопросы, валидность инструментария, mixed methods research.*

Введение

Проблема изучения жизненных ценностей, ценностных ориентаций является наиболее востребованной современной эмпирической социологией. Редко на какой научной конференции не заявлена эта тема; органы государственной власти ждут новой информации от социологов о ценностях различных социальных групп в стране. Наиболее масштабные проекты в мире направлены на изучение ценностей[2].

Результаты всех этих крупных исследований базируются на агрегированных ответах респондентов, которые отдельно оценивают каждую ценность или набор ценностей, т.е. используется автономное измерение или выстраивание иерархии. Вместе с тем, возникает вопрос: насколько валидны результаты таких исследований. Крупные опросные центры и представители международных проектов выкладывают на сайтах для всеобщего доступа, казалось бы, исчерпывающую информацию о методологии своих исследований; ставят неприступную стену из обоснования валидности результатов своих исследований. Однако в большинстве случаев обоснование касается только репрезентативности выборки. Справедливости ради надо сказать, что и с выборкой не все гладко: так, согласно документам WVS[3], если в Испании на контакт с интервьюером соглашаются 80% респондентов, то в России – всего 20%. Как можно догадаться, смещения могут быть колоссальные. Однако, например, ВЦИОМ основной упор делает именно на репрезентативность выборки – описание методологии опроса «Спутник» – это более 2000 слов, и львиная доля описывает все процедуры, связанные с построением выборки, с контролем, с процедурами взвешивания и т.д. Возникает вопрос: почему ни единого слова не написано о валидности инструментария? Рассмотрим проблему валидности инструментария более подробно.

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00862.

[2] Это всем известные проекты «Всемирное исследование ценностей» (World Values Survey - WVS) под руководством американского политолога и социолога Рональда Инглхарта и «Европейское социальное исследование» (European Social Survey – ESS) под руководством израильского социолога Шалома Шварца. Масштаб этих исследований подтверждается охватом стран – в WVS включено сейчас более 100 стран мира, а в ESS – более 40 стран. Если говорить о российском масштабе, то это – опросы ВЦИОМ, в частности блок вопросов по ценностям в рамках проекта «Спутник».

[3] Подробнее: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp

Валидность инструментария: основные аспекты проблемы

В данной статье сфокусируемся на двух аспектах валидности инструментария изучения ценностей.

Проблема ограниченности списка ценностей. По результатам разработок ряда зарубежных и отечественных исследователей [11, 12, 4], не менее важным, чем проблема выборки, в достижении валидности результатов исследования, является проблема понимания индивидуального когнитивного процесса, который влияет на ответы респондента. Мы занимаемся изучением ценностей более 15 лет. За это время проведено множество опросов: опрашивались студенты «технари» и гуманитарии; школьники престижных школ и рядовых школ; французы и русские; жители мегаполисов и малых городов (подробнее в [1, 2, 6, 14]). И везде мы получали доказательство того, что просто не существует ***универсального*** списка ценностей для всех социальных и половозрастных групп, для представителей разных культур. Вместе с тем, стандартизированные методики, такие как методика Рокича, Инглхарта или Шварца, подразумевают некую: 1) универсальность ценностей для всех культур; 2) универсальность ценностей для всех индивидуумов внутри конкретной культуры; 3) единство смыслов, вкладываемых в предлагаемые для оценивания понятия.

В своих исследованиях мы используем методику открытых вопросов (ОВ) (подробнее в [1, 7]). Нашим респондентам не предлагается готовый список, сконструированный аналитиками в кабинетных условиях, респонденты сами выступают экспертами, они самостоятельно называют и оценивают важные сферы своей жизни. Подтверждая доводы Канемана и Пенга [11,12], мы выявили значимую разницу в осмыслении одинаковых понятий в разных социальных и половозрастных группах. Так, даже такое понятие, как семья, разнится для разных групп респондентов: для школьников может означать идею родительской семьи, студенты чаще рассуждают о заключении брачного союза, а для девушек – это в первую очередь дети. Кроме того, мы можем изучать ситуацию еще с точки зрения набора ценностей. Так, студент из Дагестана из 10 позиций 5 выделил под семью, ценность семьи, семейных и традиционных ценностей для него просто зашкаливающая! Можем ли мы после этого утверждать, что даже в рамках одной страны мы в состоянии сконструировать универсальный список ценностей, релевантный как для топ-менеджера из Москвы, так и для учителя из Вологды, как для рабочего из Санкт-Петербурга, так и для школьницы из Дагестана? Мы считаем – навряд ли.

Проблемы неответов и социальной желательности. С. Садмен и Н. Брэдберн разделяют вопросы на два различных класса: 1) вопросы о поведении или фактах; 2) вопросы о психологических установках и субъективных мнениях. Первые полежат верификации, вторые – нет [5]. К вопросам о мнениях, разумеется, относятся вопросы о ценностях и установках. Так же, как и относятся любые так называемые «деликатные вопросы». Предоставляя респонденту возможность выбирать из ограниченного числа формулировок, исследователь неминуемо сталкивается со смещениями. Смещения обусловлены проблемой отсутствия ответов и проблемой социальной желательности, которые напрямую связаны друг с другом. Например, такие «деликатные вопросы», как об отношении к сексуальным меньшинствам, в российской выборке ESS набирали критические 12% неответов [8]. Систематически анализируются проблемы неответов и смещения, связанные с социальной желательностью, в работе Силбера и коллег [15]. Исследователи анализируют различные формы вопросов, различные выборки, изучая проблему отношения к национальным меньшинствам в Германии – проблему крайне острую и «деликатную». Немецкие социологи

выявили, что, хотя выпадение из опроса при открытой форме вопроса было выше, получаемая информация была более насыщенной и релевантной. Вместе с тем никто не отменял такую же проблему выпадения и неответов при закрытой форме вопроса, но в этом случае дополнительное смещение дает эффект социальной желательности ответов, диктуемый формой вопросника. Исследователи выявили значительное влияние эффекта социальной желательности на ответы респондентов на протяжении всего процесса заполнения анкеты.

Нами систематически изучалась проблема неответов на вопросник о ценностях Шварца в шестой волне WVS. Мы выявляли связь между неответами/нерелевантными ответами и социально-демографическими признаками. Во-первых, наши данные частично подтверждают данные ряда исследований [9] о связи неответов и возраста. Во-вторых, нами выявлено отсутствие влияния на неответы о месте проживания респондентов (малый город/мегаполис). В-третьих, мы смеем предположить, что не все формулировки релевантны и универсальны для всех групп респондентов. Остановимся на этом тезисе подробнее. Так, для ценности творчества значимо влияние образования и возраста – для имеющих высшее образование и молодых характернее реже уходить от этого вопроса (в обоих случаях – p = 0,000). Ценность экстрима и риска «не принимают» и уходят от ответа чаще пожилые люди и женщины (в обоих случаях – p = 0,000). На вопрос об экологических ценностях меньше неответов было получено от женщин и людей с достатком выше среднего (в обоих случаях – p = 0,000).

Еще раз подчеркнем различия открытого списка ценностей и закрытого: при открытых вопросах респондент выставляет ***свои*** ценности, в закрытом списке он ***вынужден принять как свои все перечисленные позиции, выставляя оценки***, ***либо уйти от ответа***. Наша гипотеза такова, что, возможно, часть перечисленных позиций вообще не имеет к респонденту ***никакого отношения***. В этой вынужденной ситуации респондент: 1) либо выставляет низкие оценки; 2) либо уходит от ответа (что хуже для исследователя); 3) либо под влиянием эффекта социальной желательности выставляет нерелевантным ценностям завышенные оценки (что еще хуже).

Заключение, или возможные пути решения

Наше настоятельное предложение: внедрение открытых вопросников в массовые обследования по ценностям. Основным ограничением до сих пор считались фатальные сложности с кодировкой [13]. Однако сейчас с развитием ИИ и Natural Language Processing эта проблема отходит на второй план. Противники ОВ апеллируют к различиям в когнитивных способностях респондентов при ответе на ОВ. Как компромиссное решение – наше предложение: апробация комбинирования ОВ и ЗВ в парадигме Mixed Methods Research для повышения валидности результатов исследования. Ряд исследований показывает оправданность такого подхода [3,10].

Библиографический список

1. Гегер А.Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи. Релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. № 1. С.132-141.
2. Гегер А.Э., Гегер С.А. Изучение ценностных ориентаций: специфика разных подходов // Вестник Томского государственного университета. 2015. №399 С. 13-18.

3. Пашкевич А. В. Опыт совместного использования закрытых и открытых вопросов при изучении толерантности // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2010. № 30. С. 131-150.
4. Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М., 2002.
5. Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы. М., 2005. С. 152.
6. Саганенко Г.И., Гегер А.Э. Сравнение ценностных ориентаций студентов на интервале в 10 лет: вопросы методологии и результаты // Высшее образование в России. 2016. № 12. С. 22-33.
7. Саганенко Г.И., Гегер А.Э., Степанова Е.И. Потенциал рефлексивных методов в выявлении релевантных ценностей // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2011. № 32. С. 75-103.
8. Тищенко М. В., Демченко С. В. Проблема отсутствия ответов в социологическом вопросе: методический и содержательный смысл // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 1340-1342.
9. Юдин Г. Б. Территориальная локализация и уровень неответов в массовом опросе // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 49-72.
10. Arnon S., Reichel N. Closed and Open-Ended Question Tools in a Telephone Survey About "The Good Teacher" An Example of a Mixed Method Study //Journal of Mixed Methods Research. 2009. Т. 3. № 2. С. 172-196.
11. Kahneman D., Miller D. T. Norm theory: Comparing reality to its alternatives // Psychological review. 1986. Т. 93. № 2. С. 136-153.
12. Peng K., Nisbett R. E., Wong N. Y. C. Validity problems comparing values across cultures and possible solutions //Psychological methods. 1997. Т. 2. № 4. С. 329.
13. Popping R. Analyzing open-ended questions by means of text analysis procedures // Bulletin of Sociological Methodology/Bulletin de Méthodologie Sociologique. 2015. Т. 128. № 1. С. 23-39.
14. Saganenko G., Geger A., Boyarsky K., Dudina V., Stepanova E. Research technology based on open-ended questions: the key modules, contribution of software DISCANT // Conference of Open Innovations Association, FRUCT. 2019. № 25. С. 552-558.
15. Silber H., Lischewski J., Leibold J. Comparing Different Types of Web Surveys: Examining Drop-Outs, Non-Response and Social Desirability // Metodolški zvezki. 2013. Т. 10. № 2. С. 121-143.

Информация об авторах

Гегер Алексей Эдуардович (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН (190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; ageger@gmail.com).

Клюев Анатолий Владимирович (Россия, Санкт-Петербург) – доктор философских наук, профессор, директор, Центр социологических исследований СЗИУ РАНХиГС (199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; klyuev-av@ranepa.ru).

Ляшко Светлана Всеволодовна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, доцент, ведущий эксперт, Центр социологических исследований СЗИУ РАНХиГС (199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; lyashko-sv@ranepa.ru).

Саганенко Галина Иосифовна (Россия, Санкт-Петербург) – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН (190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; saganenko.selina@yandex.ru).

Geger A. E., Klyuev A.V., Lyashko S.V.,Saganenko G. I.

VALIDITY PROBLEM OF SURVEY TOOLS FOR STUDYING VALUES AND POSSIBLE SOLUTIONS

Abstract. *The article considers the validity problem of tools for the study of values. Two aspects of the problem have been identified that describe the relevance of standardized tools in the context of studying different socio-demographic groups: a) the inferiority of the results due to the limited positions in the list of values; b) biases in the results due to non-responses. The proposed alternative methods for increasing the validity of the research`s results are the use of open – ended questions and mixed methods research.*

Key words: *life values, open - ended questions, closed - ended questions, validity of tools, mixed methods research.*

Information about the authors

Geger Alexey E. (Russia, St. Petersburg) – PhD (Sociology), Senior Researcher of The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.(SI RAS-FCTAS RAS).(St.-Petersburg, Russia; ageger@gmail.com).

Klyuev Anatoly V. (Russia, St. Petersburg) – Professor, Doctor of Philosophy, Director of the Center for Sociological Research SZIU RANEPA (199178, St. Petersburg, Middle Ave. V.O., 57/43; klyuev-av@ranepa.ru).

Lyashko Svetlana V. (Russia, St. Petersburg) – Ph.D. social Sci., Associate Professor, Leading Expert, Center for Sociological Research, SZIU RANEPA, 199178, St. Petersburg, Sredny pr. V.O., 57/43; lyashko-sv@ranepa.ru).

Saganenko Galina I. (Russia, St. Petersburg) – Dr. of Sociology, Prof., Leading Researcher of The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.(SI RAS-FCTAS RAS) (St.-Petersburg, Russia; saganenko.selina@yandex.ru).

References

1. Geger A.E. Vyjavlenie individual'nyh i gruppovyh cennostej v gruppe molodezhi. Relevantnye metodicheskie reshenija [Identification of individual and group values in a youth group. Relevant Methodological Solutions]. Sociologicheskie issledovanija [sociological research]. 2010. № 1. P. 132-141.
2. Geger A.E., Geger S.A. Izuchenie cennostnyh orientacij: specifika raznyh podhodov [The study of value orientations: the specifics of different approaches]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]. 2015. № 399. P. 13-18.
3. Pashkevich A. V. Opyt sovmestnogo ispol'zovanija zakrytyh i otkrytyh voprosov pri izuchenii tolerantnosti [Experience in sharing closed and open questions in the study of tolerance]. Sociologiâ: 4M [Sociology: 4M]. 2010. № 30. P. 131-150.
4. Rogozin, D. M. Kognitivnyj analiz oprosnogo instrumenta. [Cognitive analysis of a survey tool.]. Moscow, 2002.
5. S. Sadmen, N. Brjedbern. Kak pravil'no zadavat' voprosy. [How to ask questions.]. Moscow, 2005.
6. Saganenko G.I., Geger A. E. Sravnenie cennostnyh orientacij studentov na intervale v 10 let: voprosy metodologii i rezul'taty [Comparison of students' value orientations over

an interval of 10 years: methodological issues and results]. Vysshee obrazovanie v Rossi [Higher education in Russia]. 2016. № 12. P. 22-33.
7. Saganenko G.I., Geger A.E., Stepanova E.I. Potencial refleksivnyh metodov v vyjavlenii relevantnyh cennosteji [The potential of reflexive methods in identifying relevant values]. Sociologiâ: 4M [Sociology: 4M]. 2011. № 32. P. 75-103.
8. Tishhenko M. V., Demchenko S. V. Problema otsutstvija otvetov v sociologicheskom voprose: metodicheskij i soderzhatel'nyj smysl [The problem of the lack of answers in the sociological question: methodological and substantive meaning]. Molodoj uchenyj [Young scientist]. 2016. № 10. P. 1340-1342.
9. Judin G. B. Territorial'naja lokalizacija i uroven' neotvetov v massovom oprose [Territorial localization and level of non-answers in a mass survey]. Sociologičeskij žurnal [sociological journal]. 2008. № 1. P. 49-72.
10. Arnon S., Reichel N. Closed and Open-Ended Question Tools in a Telephone Survey About``The Good Teacher" An Example of a Mixed Method Study // Journal of Mixed Methods Research. 2009. T. 3. № 2. C. 172-196.
11. Kahneman D., Miller D. T. Norm theory: Comparing reality to its alternatives // Psychological review. 1986. T. 93. № 2. C. 136-153.
12. Peng K., Nisbett R. E., Wong N. Y. C. Validity problems comparing values across cultures and possible solutions // Psychological methods. 1997. T. 2. № 4. C. 329.
13. Popping R. Analyzing open-ended questions by means of text analysis procedures // Bulletin of Sociological Methodology/Bulletin de Méthodologie Sociologique. 2015. T. 128. № 1. C. 23-39.
14. Saganenko G., Geger A., Boyarsky K., Dudina V., Stepanova E. Research technology based on open-ended questions: the key modules, contribution of software DISCANT // Conference of Open Innovations Association, FRUCT. 2019. № 25. C. 552-558.
15. Silber H., Lischewski J., Leibold J. Comparing Different Types of Web Surveys: Examining Drop-Outs, Non-Response and Social Desirability // Metodolški zvezki. 2013. T. 10. № 2. C. 121-143.

УДК 159.9(082) / ББК 88.59 я43

Дружинин Г.В.

О РОЛИ ВЛИЯНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ЕЁ УЧАСТНИКОВ

***Аннотация**. В настоящей статье рассматриваются вопросы влияния корпоративной организации на социально-психологическое состояние здоровья участников корпорации. Описываются понятие и структура психологического и социального здоровья. Указываются средства и способы влияния корпорации на социально-психологическое здоровье граждан.*

***Ключевые слова:** корпорация, корпоративная организация, социальное здоровье, психологическое здоровье, корпоративная культура.*

В настоящее время на международном уровне можно наблюдать глобальную тенденцию, связанную с формированием в обществе социального запроса на безопасность. Данный запрос обусловлен возросшим количеством социальных катастроф и бедствий, которые во многом вызваны ускорением передачи информации. Новые информационные технологии позволяют в доли секунд передавать сведения из одной точки земного шара в другую, преодолевая тысячи километров без каких-либо сложностей. Развитие информационных технологий, информационного пространства, расширение информационного поля способствуют появлению новых вызовов для психики человека. Увеличение массива и потока информации влияет на социальные процессы, которые также трансформируются, изменяя свою скорость в сторону увеличения. В этой связи факт случившейся катастрофы формирует у человека состояние тревожности и беспокойства, поскольку человек начинает проецировать негативные социальные сценарии, произошедшие в другом пространстве, на себя. Человек начинает представлять, что существует в пространстве риска, где в любой момент могут произойти негативные события. Мысли и эмоции в таких случаях отрицательно сказываются на социально-психологическом здоровье человека.

На международном уровне понятие здоровья раскрывается в Уставе Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), где указано, что здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов [6]. Следует обратить внимание, что ВОЗ рассматривает здоровье человека исходя из трех составляющих: физической, психической и социальной. С учетом этого ВОЗ выделяет три компонента здоровья.

Социальный компонент здоровья следует рассматривать через категорию состояния благополучия и удовлетворенности именно своим социальным положением, своим социальным статусом, когда статус и положение не оказывают угнетающего и негативного влияния, а также адекватное восприятие социальной действительности, принятие и выполнение социальных норм общества [5].

Заметим, что измерение социального здоровья будет определяться моральными требованиями и нравственными принципами, которые являются основой социальной жизни индивида [3], следовательно, человек, обладающий надлежащим уровнем физического и психического здоровья, однако пренебрегающий или отрицающий принципы нравственности и морали, является нравственно неполноценным, нездоровым [1].

Психическое здоровье [4], согласно определению ВОЗ, рассматривается как состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой потенциал, справляться с жизненными стрессами, продуктивно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества.

На психическое здоровье могут оказывать воздействие различные факторы риска: биологические, социальные, экономические, правовые, политические, финансовые, культурно-идеологические и другие факторы, от которых будет зависеть уровень психического здоровья человека в каждый момент его жизни [1].

В определенной степени корпорация может минимизировать влияние указанных факторов, а в некоторых случаях блокировать, выступив средством защиты психологического здоровья участника корпорации. Под корпорацией в данном случае нами будет пониматься корпорация в широком (социологическом) смысле, не просто как юридическое лицо определенной организационно-правовой формы, а как некая социальная общность людей, добровольное объединение, имеющее формально-юридическое выражение и признание со стороны государства. Отметим, что одним из важных признаков корпорации является наличие в её составе членов (участников).

Участие может проявляться в разных формах: когда физические лица (индивиды общества) являются учредителями (создателями) корпоративной организации, либо ее членами (выражают волю на вступление в корпорацию, а корпоративные органы управления одобряют волю и принимают в качестве членов), либо участниками, когда субъект не имеет ни одного из первых двух статусов (учредителя или члена) и оказывает содействие в деятельности корпорации.

В данном случае участниками корпорации мы будем рассматривать лиц, имеющих устойчивые связи с корпоративной организацией, то есть учредителей и членов, вступивших в корпорацию.

Исследуя историю зарождения корпорации, можно отметить, что в корпорации между членами формировались устойчивые социально-эмоциональные связи, например в Древнем Риме члены корпораций именовали друг друга подчеркнуто доверительно: «друг», «брат», «товарищ». Такая эмоциональная связь способствовала консолидации членов и снимала барьеры социальной дифференциации. Кроме того, корпорация удовлетворяла психологические потребности членов в принадлежности к социальной общности, коллективу. Поскольку корпорацию можно рассматривать как коллектив людей, следовательно, корпоративная организация могла выполнять функции коллектива: психологическую поддержку и защищенность её членов. Более того, в период средневековья функция защиты начинала приобретать и социальные признаки, когда стали появляться профессиональные корпорации, объединения, целью которых была защита интересов её представителей в обществе.

Корпорация, являясь одновременно социально-экономическим субъектом, позволяет человеку, который трудится в этой корпорации, приобретать и наращивать экономический капитал, путем предоставления достойной заработной платы, к тому же, при наличии развитой системы карьерного роста сотрудников в корпоративной организации, у молодого человека появляются экономические перспективы и повышается мотивация к работе в такой корпорации. Ввиду того что многие корпорации в настоящее время обязаны приводить в соответствие с трудовым законодательством свои корпоративные нормы, регулирующие труд работников, многие корпоративные нормы содержат социально-трудовые гарантии для отдельных категорий работников: дополнительные оплачиваемые отпуска, гарантии сохранения

рабочего места беременным женщинам и другие. Такие гарантии во многом дают психологическую поддержку и защищенность участнику корпорации.

Важно отметить, что корпоративная организация может оказывать влияние не только на поведение её участников, но и на их социально-психологический облик. Посредством корпоративной культуры корпорация может прививать её участникам необходимые корпоративные ценности, которые соответствуют морально-этическим общественным ценностям. В рамках корпорации, если такая структура является для молодого человека первым местом работы, происходит социализация молодого специалиста, его включение в коллектив, а также взаимодействие с иными субъектами и структурами общества, которые не являются членами корпорации. В том случае, когда молодой человек недоволен своим социальным положением, корпорация может выступить для него средством социальной мобильности [4], позволяя приобрести необходимый социальный капитал (статус) или выстроить новые социальные связи. Отметим, что статус корпоративной организации выступает явлением динамичным и может изменяться как в положительную, так и в отрицательную сторону. Чем выше уровень корпорации и более развит её бренд, тем престижнее она становится для будущих работников, в свою очередь корпорации, деловая репутация которых имеет негативную оценку, будут пользоваться меньшим спросом у потенциальных участников.

Необходимо отметить: чем выше престиж корпорации, тем более удовлетворен её участник, который испытывает чувство гордости за свою структуру. Данное обстоятельство вызвано тем, что на постсоветском пространстве до настоящего времени в мышлении многих людей сохраняет свое действие и влияние концепция «МЫ», которая зародилась, развивалась и культивировалась ещё в советское время.

В то же время в крупных и масштабных корпорациях отмечается повышенный уровень стресса, сотрудники в таких организациях могут психологически перегорать или приобретать психосоматические заболевания (депрессию, бессонницу, психоз или истерию). В целях избегания таких последствий корпорация может вводить в свой штат такую единицу, как корпоративный психолог, либо проводить необходимое психологическое обучение сотрудников. Такая мера является действенной, штатный психолог может проводить анализ психологической ситуации в компании, выявлять риски и угрозы и выступает превентивной мерой, направленной на сохранение психологического здоровья сотрудников, в том числе от профессионального выгорания.

Таким образом, рассматривая роль влияния корпоративной организации на социально-психологическое здоровье её участников, следует указать, что корпоративная организация может оказывать большое влияние на социально-психологический облик участников. Корпорации могут минимизировать влияние негативных факторов и рисков, которые влияют на психику участника: так, находясь в коллективе, человек чувствует себя более защищенным, удовлетворяет потребность в общении и профессиональной социализации; нахождение в коллективе снижает социально-экономическое давление, которое признается фактором риска для психического здоровья человека. Имея в своем арсенале такие средства, как корпоративная культура и возможность привлечения специалистов-психологов, корпорация может контролировать уровень и степень стресса, бороться с гендерной и иными видами дискриминации, преодолевать социальное отчуждение сотрудников.

Библиографический список

1. Дружилов С.А. Нравственные аспекты успеха человека в обществе // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 90–102.
2. Дружилов С.А. Психическое здоровье и экология личности // Успехи современного естествознания. 2012. № 12. С. 12-16.
3. Дружилов С.А. Системный подход к изучению психологического феномена профессионализма человека // Вестник Томского гос. педагогич. ун-та. 2005. № 1. С. 62–73.
4. Дружинин Г.В. Корпорация как феномен социальной мобильности личности // Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: сб. науч. тр. по итогам I Всероссийской научно-практической молодежной конференции (г. Екатеринбург, 17 октября 2018 г.) / отв. ред. О.Ф. Русакова, ред.: Д.М. Ковба, Я.Ю. Моисеенко; Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2019. С. 69-80.
5. Информационный бюллетень: психологическое здоровье. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response (дата обращения: 18.03.2020.).
6. Психология здоровья: учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Питер, 2006. 607 с.
7. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения. URL: https://www.who.int/governance/eb/constitution/ru/ (дата обращения: 19.03.2020).

Информация об авторе

Дружинин Глеб Викторович (Россия, Иркутск) – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета (664003, РФ, Иркутская обл., Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; druzhinin93@mail.ru).

Druzhinin G.V.

ON THE ROLE OF THE INFLUENCE OF A CORPORATE ORGANIZATION ON THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL STATE OF HEALTH OF ITS PARTICIPANTS

***Abstract**. This article discusses the impact of a corporate organization on the socio-psychological state of health of corporation members. The concept and structure of psychological and social health are described. Means and methods of influence of the corporation on the socio-psychological health of citizens are indicated.*

***Key words:** corporation, corporate organization, social health, psychological health, corporate culture.*

Information about the author

Druzhinin Gleb V. (Russia, Irkutsk) - lecturer at the Department of State and Municipal Management of the Institute of Social Sciences of Irkutsk State University (664003, Russian Federation, Irkutsk Region, Irkutsk, Karl Marx Street, 1; druzhinin93@mail.ru).

References

1. Druzhilov S.A. Moral aspects of human success in society // Values and meanings. 2009. № 1. S. 90–102.
2. Druzhilov S.A. Mental health and the ecology of personality // Successes in modern natural sciences. 2012. № 12. S. 12-16.

3. Druzhilov S.A. A systematic approach to the study of the psychological phenomenon of human professionalism // Tomsk State University Bulletin. pedagogical un-that. 2005. № 1. S. 62–73.
4. Druzhinin G.V. Corporation as a phenomenon of social mobility of a person // Mobility as a measurement of soft power: theory, practice, discourse: collection of books. scientific tr following the results of the First All-Russian Scientific and Practical Youth Conference (October 17, 2018, Yekaterinburg) / ed. ed. O. F. Rusakova, ed. D. M. Covba, Y. Yu. Moiseenko; Yekaterinburg: Publishing House Discourse-Pi, 2019. P. 69-80.
5. Newsletter: Psychological Health URL: https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response (accessed 18.03.2020.)
6. Psychology of health: a textbook for high schools / ed. G.S. Nikiforova. St. Petersburg: Peter, 2006 .- 607 p.
7. Charter (Constitution) of the World Health Organization URL: https://www.who.int/governance/eb/constitution/ru/ (date of treatment 03.19.2020).

УДК 347.642/ 67.404.5

Макарова Е.А.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФОСТЕР И РОССИЙСКИЙ ПАТРОНАТ: ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ

***Аннотация**. В данной статье анализируется такая модель замещающей семьи, как «фостерная» семья, проводится аналогия с российской патронатной семьей, выделяются специфические черты каждого института.*

***Ключевые слова:** патронат, патронатная семья, фостерная семья, фостерный воспитатель, порядок получения статуса, предпринимательская деятельность.*

Ежегодно количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России увеличивается. Так, на конец 2018 года число детей, оставшихся без попечения родителей, состоящих на учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей – 47 242 ребенка [2].

В настоящее время Семейный кодекс РФ [4] предусматривает 4 формы устройства детей в семью: усыновление (удочерение), опека (попечительство), передача в приемную семью (в случаях, предусмотренных региональным законодательством – патронатную семью) и передача в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей всех типов.

Действующая система воспитания и устройства детей в семью не в полной мере отвечает интересам и правам ребенка. Государственные детские учреждения не могут обеспечить должным образом условия для полноценного развития и адаптации в обществе детей. Именно поэтому одним из вариантов решения данной проблемы является институт замещающих семей.

Чтобы проследить эффективность применения данного института, следует обратиться к зарубежному опыту, так как во многих странах данная система действует уже несколько десятилетий. Так, одной из форм устройства детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является патронатное (фостерное) воспитание.

Фостерная семья – форма временного устройства детей – сирот и детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, с целью реабилитации, изменения ситуации в кровной семье, а при невозможности – передачи на воспитание. Цель применения данной формы – реализация права ребенка жить и воспитываться в семье, провозглашенная в Конвенции ООН о правах ребенка [1].

Данная форма – альтернативная и применяется в случаях, когда невозможно применение опеки или попечительства.

В фостерную семью ребенок передается на основании гражданско-правового договора, а в некоторых странах дополнительно заключается трудовой договор между фостерным родителем и службой по устройству детей.

Система современного фостерного воспитания сформировалась в Англии к XX веку. Так, в наше время порядка 80 % несовершеннолетних детей, нуждающихся в устройстве, воспитываются в фостерных семьях.

Причем в Законе о детях (Children Act) [3] впервые был введен термин «родительская ответственность» (parental responsibility) [7, с. 43], под которой понимаются «все права, обязанности, моральные обязательства, функции, ответственность и полномочия родителей ребенка при общении с ним и общения с его имуществом, закрепленным законодательно». Ребёнок, который находится в фостерной семье, –

это несовершеннолетний, не достигший 16 лет, о котором заботится лицо, не являющееся его родителем, но несущее за него ответственность. В случае если устройство ребенка в фостерную семью невозможно, то рассматривается вопрос о временном проживании ребенка в различного рода стационарных заведениях: детских домах, приютах, интернатах. Признание лица фостерным родителем и лишение его этого статуса подтверждается документально. Социальные агентства также обязаны предоставлять фостерным родителям информацию о правах и процедуре обжалования такого решения.

Чтобы получить статус фостерного родителя в Англии, необходимо подать заявление в муниципальный совет или агентство по усыновлению, далее данный орган собирает информацию о заявителе, о посещении данным лицом подготовительных курсов, далее следует передача независимой панели наблюдателей по истечении 6 месяцев и принятие окончательного решения муниципальным советом или агентством по усыновлению при муниципальном совете. Далее новообразованная фостерная семья выполняет стандарт подготовки, поддержки и развития воспитанников в течение 12 или 18 месяцев после официального одобрения муниципального совета или агентства по усыновлению при муниципальном совете. Данные национальные стандарты фостерного воспитания подготовлены Национальной ассоциацией фостерной опеки в Великобритании в 1999 году. Также помимо этого стандарта в системе актов Великобритании есть два документа, которые регламентируют статус «фостерного родителя»: отчет и рекомендации рабочей группы и Кодекс действий по отбору, оценке, утверждении, подготовке к управлению и поддержке фостерных родителей.

Деятельность фостерных родителей приравнивается к полноценной занятности и учитывается при начислении стажа для государственной пенсии. Для желающих стать фостерными родителями действуют упрощенные условия получения пособии по безработице и социальной помощи.

Также следует отметить характерные признаки данной формы устройства детей:

1. Кровные родители ребенка не лишаются родительских прав, однако лишаются права опеки над ним.
2. Кровные родители имеют право следить за воспитанием своего ребенка (так, они могут обратиться в суд при подтверждении нарушений прав ребенка фостерным родителем).
3. Частая смена замещающих родителей (примерно раз в 15 месяцев).
4. Действует принцип разделения ответственности (работа с кровной семьей, работа с фостерным воспитателем, координационная работа).

Данная система является прообразом российской системы патроната. Однако она не полностью заимствована из зарубежной практики, у российского патроната есть характерные особенности:

1. Патронат возможен при условии, если у ребенка официальный статус сироты или ребенка, оставшегося без попечения родителей, а фостер – экстренная мера, помощь детям, оставшимся без попечения родителей.
2. В российском патронате отсутствует работа с кровными родителями, в отличие от фостерного устройства ребенка.
3. В отличие от России в ряде стран (например, Финляндия) при устройстве ребенка в фостерную семью не предполагается лишение родительских прав.
4. Фостерная семья не имеет права выбора ребенка.
5. В РФ в большинстве случаев устройство ребенка в патронатную семью осу-

ществляется до его совершеннолетия, тогда как в фостерной семье дети передаются на краткосрочный период до восстановления семьи.

6. Фостерная семья не становится полноправным представителем интересов детей, ее услуги носят возмездный характер, четко ограничено количество детей, передающихся на воспитание, – не более 3 (есть исключения для родных братьев, сестер).
7. Кандидаты на статус фостерного родителя обязательно проходят обучение, и семьи обязательно сопровождаются профессиональными специалистами.
8. Ни ребенок, ни воспитатель не приобретают каких-либо родственных прав и обязанностей, а потому по истечении срока действия договора все правоотношения прекращаются.

Данные черты позволяют нам сделать вывод, что подобный вид воспитания не регулируется ни семейным, ни трудовым законодательством, а имеет гражданско-правовую основу – договор с патронатной (фостерной) семьей.

Патронат – это одна из разновидностей опеки над несовершеннолетними, которая осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об опеке и попечительстве». Однако в ряде субъектов патронат возник значительно раньше. Так, в законодательстве субъектов РФ различается два вида патроната: социальный патронат, который осуществляется органами власти и учреждениями, и патронат, который осуществляется патронатными воспитателями.

Основными категориями патронатных воспитателей в нашей стране являются: бездетные семьи, пенсионеры, одинокие граждане, дальние родственники, семьи с низким доходом, сельские жители, интеллигенция.

Желание данных категорий лиц стать замещающим родителем обусловливается наличием свободного времени, воспитательных навыков, необходимого образовательного уровня, высокой вероятностью усыновления, сильной денежной мотивацией, получением государственных выплат.

Особенностью российского патроната является необходимость согласия ребенка, достигшего 10-летнего возраста при передаче его на патронатное воспитание или прекращении нахождения в замещающей семье.

Однако правовая природа данного института достаточно размыта: например, нет четкого представления о предпринимательской деятельности в патронатной семье. В соответствии с п. 2 ст. 16 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» [5] «орган опеки и попечительства, исходя из интересов подопечного, вправе заключить с опекуном или попечителем договор об осуществлении опеки (попечительства) на возмездных условиях».

Из данного положения можно сделать вывод, что данный федеральный закон не регламентирует вид договора, на основе которого осуществляется передача ребенка в замещающую семью. Решение о выборе формы договора принимается субъектами РФ самостоятельно.

Из всего перечня видов договоров данным правоотношениям наиболее отвечает договор возмездного оказания услуг.

Так, опираясь на положения Гражданского кодекса РФ, можно отразить условия патронатного воспитания:

- патронатный воспитатель (исполнитель) обязуется предоставить органам опеки и попечительства (заказчику) услугу по воспитанию, содержанию и уходу за несовершеннолетним подопечным;

- органы опеки и попечительства обязаны оплатить патронатному воспитателю данные услуги;

- органы опеки и попечительства обязаны производить оплату в сроки и в порядке, указанным в договоре;

- данный договор может быть расторгнут по причине болезни, изменения семейного или имущественного положения воспитателя, отсутствия взаимопонимания с ребенком, конфликтов с другими детьми, усыновления.

В этом случае патронатный воспитатель имеет право на возмещение фактически понесенных им расходов.

В завершение хочется сказать, что в последнее время устройство детей в семью некоторые граждане относят к источнику дохода, зарубежный фостер и российская патронатная семья обладают чертами предпринимательской деятельности. Так, российское законодательство предполагает, что возможно возникновение объекта налога на доходы физических лиц и объекта обложения страховых взносов в государственные внебюджетные социальные фонды [6].

Библиографический список

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989), вступила в силу для СССР 15.09.1990. Конвенция ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. N 1559-1 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993 (дата обращения: 18.03.2020).
2. По материалам сайта Усыновите.ру // URL: http://www.usynovite.ru/statistics/2018/ (дата обращения: 18.03.2020).
3. По материалам сайта legislation.gov.uk // URL: www.opsi.gov.uk/acts.htm (дата обращения: 18.03.2020).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Российская газета. 1996. 27 января. № 17 (дата обращения: 18.03.2020).
5. Об опеке и попечительстве (ред. от 01.03.2020): Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ // Парламентская газета. 2008. № 31-32. 07 мая. (дата обращения: 18.03.2020).
6. О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования: Федеральный закон от 24.07.2009 № 212-ФЗ // Российская газета. 2009. № 13. 28 июля (дата обращения: 18.03.2020).
7. Хрусталькова Н. Профессионально-замещающая семья – перспективная модель опеки // Alma Mater. 2006. № 6. С. 43.

Информация об авторе

Макарова Елена Александровна (Россия, Вологда) – студентка 3 курса очной формы обучения, Северо-Западный институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Вологда, ул. Марии Ульяновой, д. 18; makarova.elena.1999@mail.ru).

Makarova E.A.

THE FOREIGN FOSTER FAMILY AND THE RUSSIAN'S PATRONAGE: THE CHARACTERISTICS

***Abstract**. This article analyses a foster family; the foster family is presented as analogous with Russian's patronage. The specificity of each institute are provided in this paper.*

***Key words:** patronage, a foster family, a foster counselor, entrepreneurship, to acquire the status.*

Information about the author

Makarova Elena A. (Russia, Vologda) – 3-year student of the bachelor's program North West Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (malarova.elena.1999@mail.ru).

References

1. The Convention on the Right of the Child of 1989// The Compilation of International Instruments of the USSR. Release XLVI. 1993 (date of request:18.03.2020).
2. According to the website Усыновите.ру [an electronic resource] // URL: http://www.usynovite.ru/statistics/2018/ (date of request:18.03.2020).
3. According to the website Legislation.gov.uk [an electronic resource] // URL: www.opsi.gov.uk/acts.htm (date of request:18.03.2020).
4. The Russian Federation Family Code of 29.12.1995 № 223-law (revision of 06.02.2020) // "Russian Newspaper". 1996. 27 January. № 17 (date of request:18.03.2020).
5. The Federal Act on Tutorship and Guardianship of 24.04.2008 № 48-law (revision of 01.03.2020) // "Deputy Political Editor".2008. 07 may. № 31-32 (date of request:18.03.2020).
6. The Federal Act on the insurance premiums to the Pension Fund of Russian State, to the social insurance fund of Russian State, to the Compulsory Medical Insurance Fund of Russian State of 24.07.2009 № 212-law // "Russian Newspaper". 2009. 28 july. № 13 (date of request:18.03.2020).
7. Khrustalyova N. Professional substitute family-a promising model of guardianship // Alma Mater. 2006. № 6. p. 43.

УДК 316/ББК 60.53

Обозная М.В.

ВЛИЯНИЕ ПРОКРАСТИНАЦИИ НА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ

***Аннотация**. В данной статье автор анализирует феномен прокрастинации и его влияние на социально-психологическое благополучие личности. Современное общество постепенно привыкает жить строгими дедлайнами, которые становятся неотъемлемой частью повседневной деятельности. Люди, испытывающие стресс, чаще страдают прокрастинацией.*

***Ключевые слова:** прокрастинация, откладывание дел, стресс, социально-психологическое здоровье.*

Глобальные социокультурные изменения, а в частности распространенность сети Интернет и цифровых технологий, длительное проведение досуга в социальных сетях, обусловливают стремительное распространение феномена прокрастинации или проблемы откладывания намеченных дел. В научной литературе распространенность данного феномена очень скудная, не изучена, в социологической науке практически отсутствуют эмпирические исследования.

С психологической точки зрения суть данной проблемы можно охарактеризовать как рациональный перенос деятельности на длительный срок, при этом личность в полном объеме понимает и воспринимает последствия подобного поведения, а также ощущает внутренний дискомфорт. Другими словами, подобное поведение носит характер ориентированно-избегающего поведения.

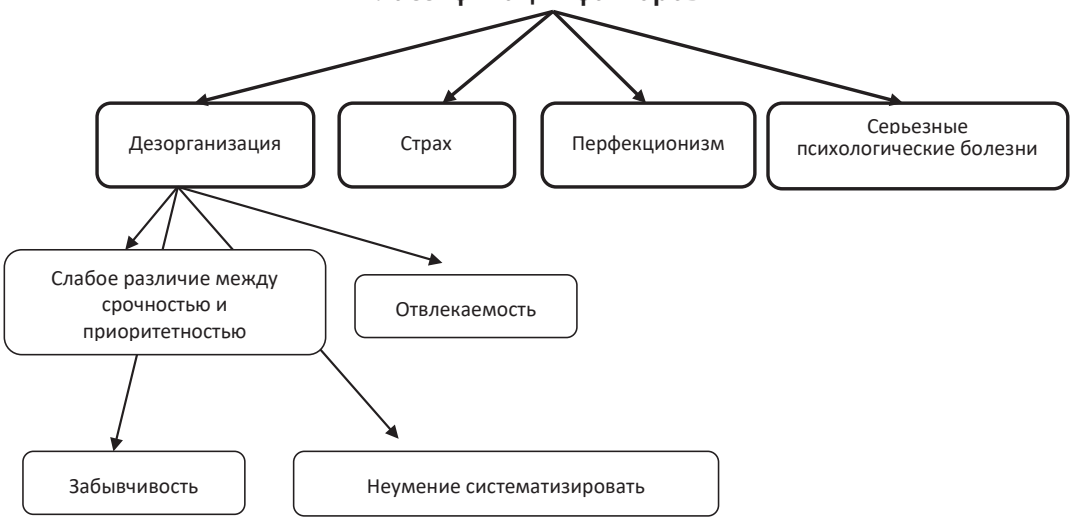
Человечество начинает привыкать жить строгими дедлайнами, они становятся одним из главных компонентов в нашей повседневной жизни. Потеря контроля за временем мешает нам уделять задачам более глубокого осмысления, детальности, нет возможности посмотреть на проблему с другой точки зрения. Такое компульсивное поведение можно интерпретировать следующим образом: во-первых, прокрастинируя, человек «подменяет» долгосрочные перспективы на краткосрочные порывы для удовольствий – посмотреть телевизор, полистать социальные сети, во-вторых, прокрастинация – это подмена важных дел полезными.

Анализ специализированной литературы показал, что эмпирические исследования прокрастинации уделяют внимание личностным детерминантам: перфекционизму, лени, уровню тревожности и ответственности, родительскому стилю воспитания и т.д., при этом многие считают, что прокрастинация может выступать как определяющая черта личности, её диспозиция.

Большинство зарубежных исследователей допускают, что те люди, у которых ярко выражен высокий уровень тревожности, чаще всего «болеют» прокрастинацией [2, с. 389]. Предполагается, что мысленное представление выполнения каких-либо задач предстает в образе неблагоприятной ситуации и ввиду этого происходит иррациональное, невротическое поведение личности. В подобном состоянии в геометрической прогрессии возрастает уровень растерянности и тревоги, человеку сложнее контролировать ситуацию, он легко поддается суете и производит ряд неполезных для себя дел. Так, длительный стресс истощает нервную систему и весь организм человека в целом. В результате такого истощения организм включает режим энергосбережения и стремится полноценно отдохнуть.

Основные факторы, которые влияют на формирование склонности к прокрастинации, разделяют на две группы – психологические (*рисунок*) и социологические.

Классификация факторов



Психологические факторы, влияющие на склонность к прокрастинации [3]

По мнению психологов, прокрастинация выступает в роли приобретенного признака, формирующегося в процессе социализации личности.

К социологическим факторам относят референтные группы (друзья, знакомые, преподаватели, одногруппники и т.д.) и предполагается, что у человека уже сформирован в определенной степени данный «диагноз» [1, с.187].

Проведя анализ социологических факторов, а именно академической сферы (отношения с преподавателями, количество и качество выполняемых заданий, сроки), можно также выделить следующие проблемы, возникающие в ходе учебной деятельности:

- письменные задания;
- длительные сроки на выполнение работ (курсовые, дипломная, подготовка к экзаменам, зачетам);
- рутинность заданий;
- высокая загруженность личными делами (спортзал, хобби, курсы и т.д.);
- большое количество временных вложений в академические дела;
- долговременное отсутствие получения поощрений за выполненные задания;
- навязанность.

При этом исследователи также не исключают личностные особенности личности как ключевые факторы формирования данного феномена [4].

Так, например, в Великобритании ежегодно стали отмечать Национальную неделю прокрастинации в надежде, что подобный праздник поможет разгрузить трудовые будни «белых воротничков», отложить несрочные дела и научит людей жить сегодняшним днем. Британские ученые уверены, что подобные мероприятия иногда полезны в повседневной жизни, но и вред не стоит исключать, так как откладывание дел является главным признаком лени [5].

Один из основных теоретиков данного направления Пирс Стил в ходе изучения данного феномена и его влияния на работу приходит к выводу о том, что высокий

уровень прокрастинации связан с более низкой зарплатой, с коротким сроком работы и большей вероятностью оказаться безработным, такие люди чаще всего находятся в стрессовом состоянии и много болеют [2, с. 390].

Откладывание дел на потом несомненно ведет к хроническим стрессам, человек испытывает сильное внешнее и внутреннее давление, что отрицательно сказывается на состоянии здоровья. Находясь в подобном состоянии, индивид не способен четко контролировать свою жизнь, продуктивно работать или учиться. Страх приступить к работе, боязнь приближающегося дедлайна мешать мыслить рационально, снижает продуктивность и способность творчески мыслить. При таком стечении обстоятельств человек демонстрирует низкие показатели и, как следствие, общую неудовлетворенность жизнью и хронический стресс.

Таким образом, приоритетным оказывается изучение связи стресса и прокрастинации, причем стрессовое состояние может выступать и как причина, и как следствие откладывания дел. Уже доказано, что прокрастинация состоит в тесной корреляционной зависимости с ухудшением здоровья, высоким уровнем тревожности и стресса.

Библиографический список

1. Обозная М.В. Феномен прокрастинации или тенденция к «откладыванию на потом» // Наука молодых – будущее России: сб. науч. ст. 4-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 8 томах. 2019. С. 185-188.
2. Brenda Nguyen, Piers Steel, Joseph R. Ferrari. Procrastination's Impact in the Workplace and the Workplace's Impact on Procrastination . International Journal of Selection and Assessment. 2013 Volume21, Issue 4. P.388-399.
3. Pychyl T.A. Active procrastination: Thoughts on oxymorons. URL: https://www.psychologytoday.com/intl/blog/dont-delay/200907/active procrastination-thoughts-oxymorons (дата обращения: 15.03.2020).
4. Holloway Immy, Daymon Christine. Qualitative Research Methods in Public Relations and Marketing Communications. illustrated, reprint. Routledge, 2002.
5. Прокрастинация: почему мы откладываем дела и что с этим делать. URL: https://style.rbc.ru/health/5df884159a7947651cddf56b (дата обращения: 17.03.2020).

Информация об авторе

Обозная Мария Владимировна (Россия, Курск) – магистрант, Юго-Западный государственный университет (Россия, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94; manayoboz@mail.ru).

Oboznaya M.V.

THE EFFECT OF PROCRASTINATION ON SOCIO-PSYCHOLOGICAL HEALTH OF A PERSON

***Abstract**. In this article, the author analyzes the phenomenon of procrastination and its impact on the socio- psychological well -being of the individual. Modern society is gradually getting used to live by strict deadlines, which become an integral part of daily activities. People who experience stress are more likely to suffer from procrastination.*

***Key words:** procrastination, postponement, stress, social and psychological health.*

Information about the author

Oboznaya Maria V. (Kursk, Russia) – undergraduate, Southwest state University (Kursk, Russia, 50 let Oktyabrya street, 94; manayoboz@mail.ru).

References

1. Oboznaya M. V. the Phenomenon of procrastination or the tendency to «postpone for later» // Science of the young - the future of Russia: collection of scientific articles of the 4th International scientific conference of promising developments of young scientists: in 8 volumes. 2019. P. 185-188.
2. Brenda Nguyen, Piers Steel, Joseph R. Ferrari. Procrastination's Impact in the Workplace and the Workplace's Impact on Procrastination . International Journal of Selection and Assessment. 2013 Volume21, Issue 4. P. 388-399.
3. Pychyl, T.A. Active procrastination: Thoughts on oxymorons. URL: https://www.psychologytoday.com/intl/blog/dont-delay/200907/active procrastination-thoughts-oxymorons (date of request: 15.03.2020).
4. Holloway Immy, Daymon Christine. Qualitative Research Methods in Public Relations and Marketing Communications. illustrated, reprint. Routledge, 2002.
5. Procrastination: why we put things off and what to do about it. URL: https://style.rbc.ru/health/5df884159a7947651cddf56b (date of request: 17.03.2020).

УДК 316.64/ББК 60.56

Пасовец Ю.М.

СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИКАЦИОННАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ АСИММЕТРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА[1]

Аннотация. *В работе на материалах эмпирического исследования дается анализ социально-стратификационной идентификации представителей регионального и местных сообществ. Самоидентификация с социальными слоями рассматривается с учетом расширения территориальных рамок сравнения: поселение – регион – Россия в целом.*

Ключевые слова: *социальная идентификация, самоидентификация с социальными слоями, социальные оценки, регион, город.*

В настоящее время актуальность исследования проблематики социальной идентификации (идентичности) населения обусловлена необходимостью выявления и научного осмысления социокультурных оснований социальной интеграции в современном российском обществе и ее барьеров. К числу последних следует отнести сохраняющееся социально-экономическое неравенство населения и усиление социальных дистанций в социальном пространстве в российском социуме [1, с. 69–70].

В социально-гуманитарном знании принято различать идентификацию и идентичность. При этом первая трактуется как механизм и процесс формирования идентичности [6, с. 10]; вторая – как свойство (характеристика), состояние, отношение, связанное с «поиском, выбором, оценкой, нарастающей способностью к дифференцированию себя» [6, с. 6]. Здесь отметим, что в русском языке этимологически слова «идентификация» и «идентичность» связаны с понятием тождества, предполагают установление соответствия между сопоставляемыми объектами.

В рамках сложившейся научной традиции социальная идентификация (идентичность) понимается через осознание индивидом своей принадлежности к разным социальным общностям и группам. Вместе с тем предлагаются различные подходы к ее структуре: последняя рассматривается как совокупность социальных ролей, как сочетание элементов Я-концепции (этническая идентичность, академические способности и др.), как ядра социальной идентичности (проблемная идентичность, социальное «я», рефлексивное «я») и др. [7, с. 129].

Социальная идентификация является значимым фактором выбора, формирования и реализации стратегии социального поведения личности, вследствие чего оказывает непосредственное влияние на социально-стратификационные процессы. Важным компонентом социальной идентификации выступает осознание своей принадлежности к определенному социальному слою. В этом контексте сущность социально-стратификационной идентификации связана с процессом осознания своего социального положения, его соотнесенности с определенным социальным слоем, принадлежности к нему и конструирования своей идентичности как представителя этого социального слоя. При этом в процессе такой самоидентификации осмысливаются социальные дистанции, существующие между различными слоями в конкретных социальных условиях.

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)» № 18-011-00739.

В целом исследование социальных дистанций в социальном пространстве российского общества составляет одну из актуальных задач современной социологии. Как отмечает Л.А. Беляева, наряду с социальными статусами социальные дистанции предстают как неотъемлемая составляющая социального пространства современного общества, при этом они проявляют дифференциацию этого пространства. Принятие этих дистанций индивидами как приемлемых выступает основой для баланса статусов в обществе, уравновешивания его организации [1, с. 61–62].

Осознание индивидом социальных дистанций между собственным социальным статусом и позициями других социально-экономических категорий может осуществляться с учетом территориальной принадлежности: в масштабах местного и регионального сообщества, общества в целом. В связи с этим целесообразно осуществлять исследование осознания населением этих дистанций на нескольких уровнях пространственно-территориальной организации современного российского общества: местный (муниципальное образование) – региональный (субъект федерации) – макрорегиональный (федеральный округ, экономический район) – социетальный.

Ранее мы обращались к рассмотрению профиля социально-стратификационной идентификации населения через призму регионального измерения [4]. В настоящей работе уделим внимание анализу социально-стратификационной идентификации представителей регионального и местных сообществ, предприняв попытку выделить их общие и специфические характеристики с учетом расширения территориальных рамок самоидентификации с социальными слоями в масштабах своего поселения, региона и России в целом.

С этой целью обратимся к результатам двух социологических опросов:

1) опроса населения Курской области, реализованного нами в 2018 г. на основе типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» (модификация – 2015 г.) на территории данного региона; общее количество опрошенных в этом опросе составило 550 человек;

2) опроса жителей двух городских муниципальных образований: города Курчатова Курчатовского района и города Курска Курской области, проведенного нами в 2018 г. методом полуформализованного интервью на основании типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона России» (модификация – 2015 г.) с учетом дополнительных параметров и индикаторов. Общий объем выборочной совокупности этого исследования составил 292 человека.

Выбор для обследования данных городов обусловлен тем, что г. Курчатов выступает в качестве уникального социокультурного и инновационного центра с градообразующей ролью Курской атомной электростанции, а г. Курск – как типичный областной центр макрорегиона Центрального Черноземья. Наряду с этим указанные города относятся к разным типам по численности жителей: г. Курчатов – к малым городам, г. Курск – к средним. Данный выбор идет в контексте актуализированной в недавних социологических исследованиях проблематики изучения противоречий развития моногородов [2], социокультурного и социально-экономического потенциала малых городов России [3] и др.

Результаты проведенного нами исследования [4, с. 12] показывают, что, определяя свою принадлежность к определенному социальному слою на уровне локации проживания (города, села), основная часть опрошенных (87,6%) считают себя представителями среднего слоя. Только 2,4% опрошенных отнесли себя к высшему слою; 4,2 % – к низшему слою (*таблица*). Вместе с тем при определении своего материального положения по уровню потребления 43,0% курян отнесли себя к стратам низшего слоя

(8,4% – к категории «нищих», 17,5% - «бедных», 17,1% - «необеспеченных») и 52,5% – к стратам среднего слоя (32,9% – к «обеспеченным», 19,6 % – к «зажиточным»).

По самоидентификации с социальным слоем в средний слой оказываются включенными не только представители высших и средних имущественных страт, но и большинство респондентов, относящихся к низшему слою. Тем самым наблюдается несоответствие между объективно существующим средним классом, для которого характерны определенные качественные признаки (профессиональный состав, уровень доходов, стратегии экономического поведения, ценностные ориентации и т.д.), и субъективно выделенным «средним» социальным слоем.

Самоидентификация курян с социальными слоями (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Курск	Курчатов	Курская область
В своем городе (селе)			
Высший слой	1,4	3,8	2,4
Слой выше среднего	7,5	1,3	8,4
Средний слой	52,8	52,5	57,5
Слой ниже среднего	25,0	35,0	21,8
Нижний слой	6,1	3,8	4,2
Затрудняюсь ответить	4,7	2,5	4,4
Отказ от ответа	2,4	1,3	1,5
В своем регионе			
Высший слой	1,9	2,5	1,1
Слой выше среднего	9,9	3,8	7,3
Средний слой	46,7	48,8	45,5
Слой ниже среднего	24,1	31,3	27,8
Нижний слой	8,0	7,5	8,4
Затрудняюсь ответить	7,1	5,0	8,5
Отказ от ответа	2,4	1,3	1,5
В российском обществе			
Высший слой	0,9	2,5	0,7
Слой выше среднего	4,7	–	3,6
Средний слой	54,7	50,0	59,5
Слой ниже среднего	29,2	23,8	28,7
Нижний слой	7,5	10,0	5,1
Затрудняюсь ответить	1,9	5,0	1,6
Отказ от ответа	0,9	8,8	0,7

При этом с расширением территориальных рамок социального сравнения доля идентифицирующих себя со средним классом снижается. Так, в пределах региона считают себя представителями среднего слоя уже 80,6% опрошенных, высшего слоя – 1,1%, низшего – 8,4%.

В масштабе всей страны к среднему слою относят себя 91,9% респондентов, к высшему слою – 0,7%, к низшему слою – 5,1%. Тем самым можно полагать, что самоидентификация большей части курян со средним социальным слоем в большей степени связана с признанием себя таким, как все, «средним», то есть представителем своего сообщества.

Рассматривая социальную самоидентификацию жителей г. Курска и г. Курчатова, можно заметить, что здесь проявляются черты, общие с ее региональной картиной:

– доминирование идентификации со средним социальным слоем, в том числе его верхней и нижней прослойкой;

– снижение доли тех, кто относит себя к среднему слою в регионе, в соотнесении с границами местного сообщества.

При этом самоидентификация жителей г. Курчатова с социальными слоями отличается только несколько большей долей тех, кто считает себя представителем страты ниже среднего слоя в масштабах своего места проживания и региона (см. табл.).

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что на уровне регионального и местного сообществ большинство курян идентифицируют себя с представителями среднего социального слоя. Тем самым на уровне регионального сообщества в общих чертах воспроизводится профиль социально-стратификационной идентификации, проявленный в местных сообществах. Наряду с этим наблюдается существенное расхождение между имущественным статусом респондентов и их самоидентификацией с социальными слоями в рамках своего сообщества. В этом контексте самоидентификация большинства курян со средним социальным слоем, вероятно, выполняет своеобразную компенсирующую роль по отношению к более низкому имущественному статусу.

Библиографический список

1. Беляева Л.А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 1. С. 58-72.
2. Манаева И.В., Растворцева С.Н. Методический инструментарий оценки конкурентоспособности моногорода // Региональная экономика: теория и практика. 2016. №5. С. 23–39.
3. Маркин В.В., Воронов В.В., Пешкова В.М. Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий и практик // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып.17 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2019. С. 271–286. DOI: 10.19181/ezheg.2019.11
4. Пасовец Ю.М. Ракурсы измерения социально-экономического неравенства в современном российском обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы III Междунар. науч.-практ. интернет-конф., г. Вологда, 26-30 марта 2018 г.: в 2-х частях. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. Ч. II. С. 131-137.
5. Пасовец Ю.М. Социально-экономическая идентификация населения как фактор структурации городского пространства (на примере городов Курской области) // Primo aspectu. 2019. № 4 (40). С. 7–14. DOI: 10.35211/2500-2635-2019-4-40-7–14
6. Сайко Е.В. Идентичность как условие социального бытия, «поиск себя» в социальном мире, фактор самоорганизации социума // Мир психологии. 2012. №1 (69). С. 3–11.
7. Федорова Е.В. Анализ структуры социальной идентичности в разных социальных группах // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2014. Вып. 3. № 4 (333). С. 125–130.

Информация об авторе

Пасовец Юлия Михайловна (Россия, Курск) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Курский государственный университет» (Россия, 305000, Курск, ул. Радищева, д. 33; yulia_pasovets@mail.ru).

Pasovets Yu.M.

SOCIO-STRATIFICATION IDENTIFICATION OF POPULATION IN CONDITIONS OF SPATIAL ASYMMETRYRUSSIAN SOCIETY

Abstract. *The paper provides an analysis of the socio-stratification identification of representatives of regional and local communities an empirical study. Self-identification with social strata is considered taking into account the expansion of the territorial comparison framework: settlement - region - Russia as a whole.*

Key words: *social identification, self-identification with social strata, social assessments, region, city.*

Information about the author

Pasovets Yuliya M. (Russian Federation, Kursk) – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education «Kursk State University» (33, Radishchev Street, Kursk, 305000, Russian Federation; yulia_pasovets@mail.ru).

References

1. Belyaeva L.A. Social distances as a feature of the contemporary Russian social space. In RUDN Journal of Sociology. 2018. Vol. 18. № 1, pp. 58-72.
2. Manaeva I.V., Rastvortseva S.N. Methodological tools for assessing the competitiveness of mono-cities. In Regional Economics: Theory and Practice. 2016. № 5, pp. C. 23–39.
3. Markin V.V., Voronov V.V., Peshkova V.M. Small cities in the state policy of spatial development of Russia: on the methodology of social modeling of regional strategies and practices. In Russia is reforming: Yearbook: issue 17 / rev. ed. M.K. Gorshkov. M.: New Chronograph, 2019, pp. 271–286. DOI: 10.19181/ezheg.2019.11
4. Pasovets Yu.M. Analysis of measuring socio-economic inequality in the contemporary Russian society. In Global Challenges and Regional Development in the Mirror of Sociological Dimensions: Proceedings of the III Intern. scientific-practical Internet Conf., Vologda, March 26-30, 2018: in 2 parts. Vologda: Vologda scientific. center of Rus. Academy of Sciences (VolSC RAS), 2018. Part II, pp. 131-137.
5. Pasovets Y. M. Socio-economic identification of the population as a factor in the structuring of urban space (on the example of cities in the Kursk region). In Primo aspectu. 2019. № 4 (40), pp. 7–14. DOI: 10.35211/2500-2635-2019-4-40-7–14
6. Saiko E.V. Identity as a condition of social being, «searching for oneself» in the social world, a factor in the self-organization of Socium. In World of Psychology. 2012. № 1 (69), pp. 3–11.
7. Fedorova E.V. Analysis is of social identity in different social groups. In Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. Issue 3. 2014. № 4 (333), pp. 125–130.

УДК 159.953.3

Полюхова А. И., Сергеева О. М.

ВЗАИМОСВЯЗЬ УСТОЙЧИВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕКА С УСПЕШНОСТЬЮ НЕПРОИЗВОЛЬНОГО ЗАПОМИНАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. *В работе исследуется влияние устойчивого типа эмоционального реагирования, доминирующего эмоционального состояния и личностной тревожности на успешность восприятия и непроизвольного запоминания эмоционально окрашенной информации. Испытуемые работали с двумя вариантами стимульного материала: эмоционально окрашенным текстом и изображениями из базы IAPS. Стимульный текст был разработан так, чтобы верхняя его часть имела преимущественно негативную, а нижняя позитивную эмоциональную окраску. Предполагаемые характеристики текста были проверены посредством процедуры экспертной оценки, которая также позволила выделить наиболее ярко эмоционально окрашенные единицы, на основе которых проверялась успешность воспроизведения. Непроизвольное запоминание данного текста изучалось через непосредственное и отсроченное письменное воспроизведение. На изображениях, как на более простом материале, была рассмотрена специфика зрительного восприятия, а успешность непроизвольного запоминания проверялась только через непосредственное письменное воспроизведение. Каждый этап исследования сопровождался диагностикой актуального состояния посредством методики САН и шкалы ситуативной тревожности методики «Исследование тревожности» Ч. Д. Спилбергера. При работе испытуемых со стимульными изображениями актуальное состояние и его динамика учитывались также посредством событийно-связанной телеметрии ритма сердца. По результатам проведенного исследования и корреляционного анализа совокупности данных было получено, что личностная тревожность связана с большей успешностью отсроченного воспроизведения отрицательных слов текста. Устойчивый эйфорический тип реакции на стимулы среды и высокий тонус обеспечивают лучшую адаптацию к актуальным условиям и наиболее успешное решение текущей задачи, о чем свидетельствуют полученные показатели телеметрии ритма сердца и специфики окуломоторной активности.*

Ключевые слова: *процессы памяти, непосредственное и отсроченное воспроизведение, актуальное состояние, устойчивые особенности эмоциональной сферы.*

Человек в процессе жизнедеятельности непрерывно взаимодействует с большим объемом информации различной по своему источнику и характеристикам. Наши особенности эмоциональной сферы влияют на процессы восприятия и переработки информации, в том числе на мнемические процессы [1, 5]. Относительно процессов памяти наиболее распространенными являются исследования их связи с актуальным состоянием, а более устойчивые характеристики эмоциональной сферы личности учитываются нечасто [2]. Согласно Е.П. Ильину, устойчивые эмоциональные свойства – это характеристики эмоционального реагирования, преимущественно проявляющиеся у конкретного человека [3]. Анализ их влияния на мнемические процессы может помочь усовершенствовать технологии запоминания.

В связи с этим основной **целью работы** является исследование успешности запоминания и воспроизведения эмоционально окрашенной информации в зависимости от устойчивых характеристик эмоциональной сферы человека. **Объект исследования**: мнемические процессы. **Предмет исследования**: специфика непроизвольно-

го запоминания эмоционально окрашенных стимулов в зависимости от устойчивых характеристик эмоциональной сферы.

Гипотеза исследования: доминирующее эмоциональное состояние, устойчивый тип эмоционального реагирования и личностная тревожность связаны с успешностью запоминания и воспроизведения эмоционально окрашенных стимулов.

Использовались следующие методы и методики: «Доминирующее состояние» (Л. В Куликов); «Исследование тревожности» (Ч. Д. Спилбергер); определение устойчивого типа реакции (В. Бойко); методика САН; Eye-tracking; событийно-связанная телеметрия ритма сердца.

В исследовании принимали участие студенты первого курса (18–20 лет). Их общая совокупность составляла 60 человек, из которых 24 человека обучаются по направлению «Психология», 14 человек – по направлению «Психология служебной деятельности», 22 человека – по направлению «Социология».

Диагностика особенностей эмоциональной сферы испытуемых проходила до первого этапа исследования по указанным методикам в отдельной аудитории.

Для проведения первого этапа был подготовлен стимульный текст, содержащий 239 слов. Экспертный анализ позволил выделить наиболее эмоционально окрашенные слова, на основе которых проверялась успешность воспроизведения. Для диагностики актуального состояния использовались методика САН и шкала ситуативной тревожности по методике «Исследование тревожности». На первом этапе проходило ознакомление испытуемых с подготовленным стимульным текстом. От них требовалось прочитать текст и сдать его обратно. Временные рамки ознакомления с текстом установлены не были. Затем следовала просьба воспроизвести письменно на отдельном листе прочитанный текст. В данном случае у испытуемых по методике САН преобладали «хорошее» актуальное состояние (56%) и умеренный уровень ситуативной тревожности (47%). Для анализа долговременного сохранения информации спустя две недели проводилась проверка успешности отсроченного воспроизведения текста, о чем испытуемым также предварительно не сообщалось. Актуальное состояние характеризовалось умеренным уровнем ситуативной тревожности (47%) и «отличными» показателями по методике САН (46%).

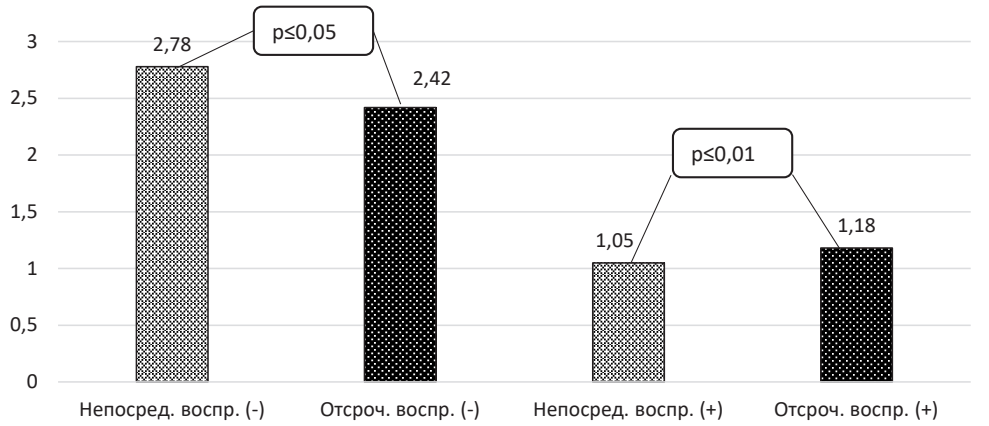
Второй этап был ориентирован на анализ особенностей зрительного восприятия аффективных стимулов и их непроизвольного запоминания, при учете специфики эмоциональной сферы. Данный элемент исследования был введен для рассмотрения работы мнемических процессов с позиции системного подхода [2]. В качестве стимульного материала были использованы изображения из базы «IAPS» (всего 15, по 5 каждой окраски: положительной, отрицательной и нейтральной). Выбор указанных стимулов обоснован тем, что изображения являются более простым стимульным материалом для рассмотрения окуломоторной активности. Непосредственное воспроизведение стимульных изображений осуществлялось письменно, на заведомо подготовленных бланках.

Актуальное состояние диагностировалось по аналогичным методикам первого этапа. Испытуемые имели преимущественно «хорошее» актуальное состояние и умеренную ситуативную тревожность. Также было рассмотрено текущее психофизиологическое состояние и его динамика, которые описывались через показатели вариабельности ритма сердца (ВСР) [4].

По завершении двух этапов исследования были получены: характеристики устойчивых свойств эмоциональной сферы; показатели актуального состояния на двух этапах; успешность запоминания стимульного материала; данные зрительно-

го восприятия и ВСР при восприятии изображений. Затем полученные результаты анализировались в программе SPSS Statistic.

Было получено достоверное преобладание успешности запоминания отрицательных слов при непосредственном и отреченном воспроизведении стимульного текста (*рисунок*).



Анализ успешности запоминания положительных и отрицательных слов текста при непосредственном и отсроченном воспроизведении по U-критерию Манна–Уитни

По результатам корреляционного анализа по критерию Спирмена было получено:

1. Прямая связь между личностной тревожностью (Ч. Д. Спилбергер) испытуемых и количеством отрицательно окрашенных слов при отсроченном воспроизведении текста (0,273). То есть при устойчивой тревожности в памяти с большей вероятностью сохраняется негативно окрашенная информация.

2. Эйфорический тип реакции (В. Бойко) на положительные и отрицательные стимулы среды, положительно коррелирует с преобладанием LF (0,501) и TP (0,478) компонентов спектра (вариабельность ритма сердца) при вспоминании стимульных изображений. Эйфорическая реакция предполагает не только готовность к восприятию положительных стимулов, но и общую устойчивость к эмоциональным стимулам. То есть при преобладании у человека эйфорического типа реакции процесс вспоминания эмоционально окрашенных стимулов сопровождается состоянием активации и адекватным задаче актуальным функциональным состоянием (TP).

3. Эйфорический тип реакции также положительно связан с вариабельностью R-r интервалов (уменьшение частоты) при восприятии отрицательных изображений (0,382). Уменьшение частоты связано с повышением активности, появлением некоторой степени напряжения; также часто связывается с превалированием симпатического отдела вегетативной нервной системы. При этом успешность воспроизведения негативных изображений не отличается значимо от успешности воспроизведения положительных изображений по U-критерию Манна–Уитни. Таким образом, в данном случае активация при восприятии негативных изображений не повлияла на результат их непроизвольного запоминания.

4. Шкала «высокий-низкий тонус» (Л. В. Куликов) положительно коррелирует с показателем LF/HF (адаптационный потенциал) при вспоминании изображений (0,372). Превалирующее количество испытуемых имеют оптимальные значения по шкале тонуса. Можно предположить, что в этом случае оптимальные значения тону-

са связаны с LF/HF компонентами на последнем этапе работы – сохранением результативности работы, устойчивостью к условиям.

5. При рефрактерном типе реакции на аффективных изображениях преобладают длинные фиксации, а при эйфорическом – короткие. Установленная связь эйфорической реакции с активацией симпатической системы при восприятии и вспоминании изображений позволяет предположить лучшую адаптацию к условиям исследования. Изображения предъявлялись на 10 секунд и для реализации задачи восприятия, продуктивным являлось несмысловое восприятие. Рефрактерная реакция предполагает «избегание» эмоциональных стимулов, в связи с чем их быстрая поверхностная фиксация, возможно, была затруднена.

Таким образом, было подтверждено влияние устойчивых эмоциональных особенностей как на процессы памяти, так и на восприятие. Получена связь личностной тревожности с большей успешностью отсроченного воспроизведения отрицательных слов текста. Устойчивый эйфорический тип реакции на стимулы среды и высокий тонус обеспечивают лучшую адаптацию к актуальным условиям и наиболее успешное решение текущей задачи. Диагностика указанных характеристик эмоциональной сферы может являться основой для организации процесса работы человека с аффективно окрашенной информацией с целью достижения наибольшей успешности.

Библиографический список

1. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. М.: Речь, 2010. 656 с.
2. Зинченко Т. П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. СПб.: Питер, 2002. 320 с.
3. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2019. 784 с.
4. Ковалева А. В., Панова Е. Н. Анализ вариабельности ритма сердца и возможности его применения в психологии и психофизиологии // Современная зарубежная психология. 2013. №1. С. 31-42.
5. Fiedler K., Hütter M. Memory and emotion. article in the «Handbook of Applied Memory».

Информация об авторах

Полюхова Александра Игоревна (Россия, Нижний Новгород) – студентка, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, a.poluhova@gmail.com).

Сергеева Оксана Михайловна (Россия, Нижний Новгород) – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Sergeeva_oxana@bk.ru).

Polyukhova A. I., Sergeeva O. M.

THE INTERDEPENDENCE OF STABLE CHARACTERISTICS OF THE EMOTIONAL SPHERE OF A PERSON WITH INVOLUNTARY MEMORIZATION OF EMOTIONALLY COLORED INFORMATION

***Abstract**. The article investigates the influence of a stable type of emotional response, a dominant emotional state and personal anxiety on the success of perception and involuntary memorization of emotionally colored information. Subjects worked with two variants of stimulus material:*

emotionally colored text and images from the IAPS database. The stimulus text was designed so that its upper part was predominantly negative, while the lower part was positively emotional. The alleged characteristics of the text were checked through an expert assessment procedure, which also allowed us to identify the most vividly emotionally colored units, on the basis of which the success of the reproduction was checked. The involuntary memorization of this text was studied through direct and delayed written reproduction. On the images, as on simpler material, the specifics of visual perception were considered, and the success of involuntary memorization was checked only through direct written reproduction. Each stage of the study was accompanied by a diagnosis of the current state through the SAN technique and the situational anxiety scale of the C. D. Spielberger method of anxiety research. When the subjects worked with stimulus images, the current state and its dynamics were also taken into account through event-related telemetry of the heart rhythm. According to the results of the study and correlation analysis of the data set, it was found that personal anxiety is associated with greater success in the delayed reproduction of negative text words. A stable euphoric type of response to environmental stimuli and a high tone provide better adaptation to current conditions and the most successful solution of the current problem, as evidenced by the obtained telemetry indicators of heart rhythm and specific oculomotor activity.

Key words: *memory processes, immediate and delayed reproduction, current state, stable features of the emotional sphere.*

Information about the authors

Polyukhova Alexandra I. (Russia, Nizhny Novgorod) – student of the Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950; a.poluhova@gmail.com).

Sergeeva Oksana M. (Russia, Nizhny Novgorod) – Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950; Sergeeva_oxana@bk.ru).

References

1. Granovskaya R. M. Elements of practical psychology. Publishing House: Speech, 2010. 656 p.
2. Zinchenko T. P. Memory in experimental and cognitive psychology. Publisher: Peter, 2002. 320 p.
3. Ilyin E.P. Emotions and feelings. Publisher: Peter, 2019. 784 p.
4. Kovaleva A. V., Panova E. N. Analysis of heart rate variability and the possibility of its use in psychology and psychophysiology. Article: journal Modern Foreign Psychology, № 1, 2013. p. 31-42.
5. Fiedler K., Hütter M., «Memory and emotion», article in the «Handbook of Applied Memory».

УДК 140.23/ББК 74.2

Полюшкевич О.А.

ИДЕИ АЛЬТРУИЗМА И ЭГОИЗМА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЧАСТЬЯ

Аннотация. *В статье приводятся результаты лонгитюдного исследования с 2010 по 2019 год, нацеленного на анализ особенностей просоциального поведения, которое возникает через различные альтруистические и эгоистические модели, мотивы и условия поведения в социуме. Результатом реализации просоциального поведения выступает субъективное ощущение счастья.*

Ключевые слова: *эгоизм, альтруизм, просоциальное поведение, счастье.*

Социально ответственное поведение базируется на идеях и принципах альтруизма. Развитие идей капитализма в нашей стране не приживается в том числе и потому, что у основной массы населения сохранился ориентир просоциального поведения, заложенный в советское время и в досоветский период как служение Богу и Отечеству, но не себе лично. Социально ответственный капитализм является возможным компромиссом, но он пока не занял масштабных позиций, чтобы управлять большинством государств. Но может стать основным ориентиром развития в будущем, так как сочетает в себе и идеи просоциальности, и получение выгоды. Это требует переосмысления принципов просоциального поведения в социологической практике и изменения ракурса и предмета изучения в социологических исследованиях.

У разных авторов мы находим различные аспекты изучения просоциального поведения – как стратегии адаптации к внешним условиям (В.А. Скуденков), как субъективное ощущение счастья (А.Н. Пружинин), как оптимистические или пессимистические взгляды на жизнь (о.А. Полюшкевич). Но все они делают акцент на просоциальности как стратегии адаптации к меняющемуся миру.

Идеи альтруизма, эмпатии опираются на давление догм и норм морали, которые определяют принципы просоциального поведения. Начиная с О. Конта вопросы противостояния эгоизма и альтруизма, эмпатии и безразличия до сих пор являются актуальными в общественно-научной риторике.

В наших исследованиях вопросам субъективного счастья и ориентиров на просоциальное поведение отводилось особое место. Счастье для людей состоит из трех факторов: духовных, социальных и материальных. С 2010 по 2019 год[1] стабильно усиливается тенденция восприятия счастья через материальные факторы. При этом в 2016 и 2019 годах отмечается усиление значимости социальных факторов и некоторый рост духовных. Это может означать как усиление давления со стороны экономической нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне, так и изменение социальных ориентиров эгоизма и альтруизма в различных формах просоциального поведения.

Таблица 1. Оценка субъективного счастья с 2010 по 2019 г. , в %

Факторы счастья	2010 г.	2013 г.	2016 г.	2019 г.
Духовные факторы	8,4	9,6	10,4	12,5
Социальные факторы	28,7	31,3	33,2	36,4
Материальные факторы	62,9	59,1	56,4	51,1

[1] В исследовании участвовали все субъекты РФ, каждый год в опросе принимали участие 1200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин.

При оценке факторов субъективного счастья мы опирались на ряд переменных, ниже в таблице они представлены с вариантами пояснений респондентов своей позиции.

Таблица 2. Формы оценки субъективного счастья

Факторы счастья	Примеры	Ответы
Духовные факторы	Вера в высшие силы, людей, общество	*Счастье делает нас всех похожими, роднит по духу, нам это завещали духовные учителя, и тот, кто это может сегодня понять, чувствует свою ответственность за всех живых на Земле* (М.Ю., художник, 47 лет). *Люди уникальны. Чтобы быть собой – надо их любить. Это роднит нас с Богом и делает счастливыми несмотря ни на что вокруг* (О.Р., экономист, 36 лет).
	Служение долгу, Отечеству, Родине	*Я счастлив, когда могу быть полезным своему народу, своей Родине. Мой долг – служить им* (М.А., военный, 49 лет). *Слово чести, долг перед Отчеством являются критериями того, кто ТЫ, и если это не пустой звук, то жизнь наполнена смыслом и ты счастлив; если этих понятий нет в твоем сердце, то о счастье не может быть и речи* (П.П., сотрудник МЧС, 30 лет).
	Ориентир на религиозные или ценностно-моральные устои	*Любая религия делает нас равными друг перед другом и перед Богом. Счастье в нас самих – что мы несем миру, то мир нам и отдает* (Л.Ю., тренер йоги, 32 года). *Творить добро, не отвечать на зло – это критерии того, кто я и какой в этом мире. Для чего живу и что делаю для себя и других – вот критерий счастья* (Н.Я., библиотекарь, 39 лет).
Социальные факторы	Уважение среди друзей и коллег	*Быть как все, чтобы тебя уважали и ценили как человека – это основной критерий счастья* (Л.А., экономист, 48 лет). *Быть не хуже других, знать, что с тобой считаются и уважают – это самое важное в жизни, и оно определяет, счастлив ты или нет* (О.Т., кассир, 52 года).
	Личная значимость в районе, городе, стране	*Если к твоему мнению прислушиваются, приглашают экспертом, ценят советы – можно сказать, что я счастлив* (О.А., психолог, 38 лет). *Мое слово – закон, несмотря на то что официальных должностей я не занимаю, только общественные. Я заслужил это право со стороны и власти, и народа. Ко мне как к общественнику прислушиваются все стороны. Да, я счастлив, что так все сложилось* (М.А., член Общественной палаты, 44 года).
	Профессионализм, мастерство в своей деятельности	*Я профессионал своего дела – это знают и коллеги, и конкуренты. Ко мне идут за советом в самых сложных вопросах. Мне это льстит, и я счастлив, я значимый человек в городе, да и в стране* (Ю.К., юрист, 58 лет). *Я хороший врач, мастер своего дела, и меня ценят на работе коллеги и пациенты. Счастье от того, что я на своем месте* (Е.Г., хирург, 47 лет).
Материальные факторы	Комфортное жилье	*Я рада, что у меня есть крыша над головой, есть что кушать, что надеть – я счастлива, что не живу на улице* (М.А., репетитор по математике, 44 года). *Я живу в хорошем доме, в новом районе. У меня отличные, уважаемые в городе соседи. Я рада, что нахожусь среди них, что живу по соседству* (Н.Н., маркетолог, 31 год).
	Здоровье	*Счастье – тогда, когда ты здоров и здоровы твои родственники и когда не надо ущемлять свои интересы в угоду их потребностям* (М.С., пенсионер, 70 лет). *Когда дети и родители не болеют – я счастлива. Это означает, что не надо больше прикладывать усилий, чтобы уделить им внимание, а можно уделить время себе* (Г.А., кассир, 39 лет).
	Финансовый достаток	*Счастье – это когда у тебя хватает денег на то, что тебе необходимо, когда нет нужды в деньгах* (А.А., налоговый инспектор, 34 года). *Когда нет мыслей о том, как отдать очередной кредит, и ты живешь в свое удовольствие* (И.Т., программист, 37 лет).

Как видно из таблицы, оценки субъективного счастья опираются на модели альтруизма и эгоизма. И если среди духовных факторов доминируют альтруистические, то среди социальных и материальных распределение примерно одинаково.

Примером альтруистического поведения выступает забота родителей о своем потомстве, когда они тратят свое время на интересы и потребности других. Благодаря эгоизму возможен баланс между индивидуальными интересами и обществен-

ной пользой. При этом полностью пренебрегая своими интересами, люди впадают в депрессию и не могут приносить общественную пользу. Альтруизм хорош в меру, действия, нацеленные на выгоду, необходимы и для общего блага, так как формируют круг тех, кто считается более успешным, счастливым, состоявшимся. Общество не может быть благополучным, если состоит из одних эгоистов (в таком случае оно дезинтегрируется), так же как если состоит из одних альтруистов (они ничего не могут достигнуть, и тогда придут извне чужие эгоисты и сделают их рабами в прямом и переносном смысле). При этом расширение альтруистических сфер и функций приводит к общественному прогрессу. Начиная от «родительского альтруизма», он развивается до «семейного», затем до «социального». Это будет работать, если каждый участник этого взаимодействия будет видеть больше блага от союза, нежели от его отсутствия.

Альтруизм можно измерить получаемой символической выгодой (ростом самооценки, позитивных эмоций), индивидуальными психологическими стратегиями (духовные ориентиры и ценности, социальные обязательства, ожидание взаимности). В современном мире примером эволюции эгоизма в альтруизм может стать социально ответственный бизнес, когда получение выгоды не гарантирует успех, а принятие социальных издержек и затрат приводит к удовлетворению и признанию в общественном пространстве.

Через идеи Э. Дюркгейма о вопросах альтруизма и эгоизма стоит рассматривать микро- и макровзаимодействие. И в первом, и во втором случае общество выступает тем институтом, который ставит рамки для индивида. На микроуровне эгоизм, как и альтруизм, выступает формой протеста против общества – противопоставление себя и всему обществу, выделение собственных уникальных характеристик и ненахождение их у других. На макроуровне эгоизм, как и альтруизм, становится формой сплочения общества через конструирование героев или формирование устойчивых социальных связей. Эти проявления эгоизма и альтруизма позволяют поддерживать и регулировать социальный порядок, представления о должном и правильном, о морали и аморальности, норме и патологии и т.д.

Идея «быть полезным обществу» как основа просоциального поведения, сформулированная Э. Дюркгеймом и продолженная в трудах В. Соловьева, П. Сорокина, сегодня имеет неожиданные варианты развития и возвращает к дуальности мотивов альтруизма и эгоизма. Более того, социальные связи конструируются повседневными коллективными практиками, соединяющими в себе ритуалы и верования как локальных групп, так и всего общества.

Таким образом, альтруизм ориентирован на просоциальное поведение, способствующее воспроизводству такого поведения, которое направлено на благо других. Можно опираться на три ключевые модели альтруизма:

1) экономическая (люди помогают другим в надежде на взаимность и от других ожидают того же);

2) альтруистические чувства заложены генетически и являются мотивом для бескорыстной помощи другим;

3) альтруизм способствует формированию социального капитала (социальной репутации).

С другой стороны, возрождается и набирает силу идея волонтерства и добровольчества, сформированная в советском обществе через тимуровское движение, движение октябрят и пионеров и т.д. Помощь фронтовикам, пожилым или сиротам воспитывалась с малого возраста. Сегодня трудно ожидать от взрослых, сформиро-

вавшихся людей, выросших в эгоистических ценностях новой России, альтруистических моделей поведения, но воспитать их в детях вполне реально. Также альтруизм понятен тем, кто застал еще советское прошлое и воспринял ценности социалистического режима и коммунистической идеологии.

Библиографический список

1. Полюшкевич О. А. Оптимисты и пессимисты в современном мире // Социология. 2020. С. 328-341.
2. Пружинин А.Н. Трансформация представлений о счастье // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях: материалы VII Международной социологической Грушинской конференции / отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 501-506.
3. Скуденков В.А. Истинность и мнимость жизненных целей молодежи в свете экономических санкций против России // В поисках социальной истины: материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск: ИГУ. 2019. С. 137-140.

Информация об авторе

Полюшкевич Оксана Александровна (Россия, Иркутск) – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета (664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1, 303).

Polyushkevich O.A.

IDEAS OF ALTRUISM AND SELFISHNESS THROUGH THE PRISM OF HAPPINESS

Abstract*. The article presents the results of a longitudinal study from 2010 to 2019, aimed at analyzing the features of prosocial behavior that arises through various altruistic and egoistic models, motives and conditions of behavior in society. The result of the implementation of prosocial behavior is a subjective feeling of happiness.*

Key words: *egoism, altruism, prosocial behavior, happiness.*

Information about the author

Polyushkevich Oksana A. (Russia, Irkutsk) – Associate Professor, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of the Institute of Social Sciences of Irkutsk State University (664003, Irkutsk, st. Karl Marx 1, 303).

References

1. Polyushkevich O. A. Optimists and pessimists in the modern world // Sociology. 2020. S. 328-341.
2. Pruzhinin A.N. Transformation of ideas about happiness // Towards the future. Forecasting in sociological research. Materials of the VII international sociological Grushinsky conference. Executive Editor A.V. Kuleshov. M .: VTsIOM, 2017. S. 501-506.
3. Skudenkov V.A. The truth and imaginary life goals of youth in the light of economic sanctions against Russia // In Search of Social Truth. Materials of the I International scientific-practical conference. Under the general editorship of V. A. Reshetnikov, O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. Irkutsk, ISU. 2019. S. 137-140.

УДК 316

Романович Н.А.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. *Психологическое самочувствие и духовно-нравственные ценности человека предопределяются многочисленными факторами, в том числе и представлением о том, что его ждет за порогом смерти. Статья посвящена выявлению отношения населения к перспективе продолжения жизни после смерти.*

Ключевые слова: *социологические исследования, общественное мнение, жизнь после смерти, опрос населения, вера.*

«Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться, как там дела?»
Омар Хайям

Вера в загробную жизнь во все времена находила своих сторонников и противников. Древнегреческий философ Платон и его последователи, например, верили в бессмертие души, в освобождение её от оков плоти после смерти. Но в той же Древней Греции находят такие надписи на надгробных плитах: «Я мертв и сообщаю, что не существует ни Цербера, ни Аида, вообще ничего. Все это вымысел. Посмотри на меня и иди своей дорогой» [5, с.23]. Христос же приводит яркий аргумент в пользу бессмертия, цитируя Ветхий Завет: «Я Бог Авраама, Исаака и Иакова. Бог не есть Бог мертвых, но живых» [4].. Но даже в древней Иудее, хорошо знавшей библейские книги, не умолкал спор между саддукеями и фарисеями, чем воспользовался Апостол Павел, когда сказал: «Братья, за чаяние воскресения мертвых меня судят» [1]. После чего между участниками произошла распря, большой крик, раздор и собрание разделилось.

Разделилось и мнение жителей Воронежа на этот счет. Опрос воронежцев проведен Институтом общественного мнения «Квалитас» в феврале 2020 года, опрошено 603 человека методом телефонного интервью по репрезентативной для городского населения выборке [2]. Загробная жизнь как нечто неведомое и невиданное всегда вызывала недоумение и споры даже между верующими людьми. Поэтому неудивительно, что после 70-летия активной атеистической пропаганды в советский период большинство населения (52%) сегодня не верит в загробную жизнь. Нельзя сказать, что остальные верят, поскольку 9% воронежцев затруднились ответить на этот вопрос – видимо, не решили ещё для себя: верить или не верить.

Тем не менее 39% горожан признают возможность загробной жизни. И чаще всего это не пожилые и не молодые люди, а респонденты самого активного трудоспособного возраста – от 30 до 50 лет (44%). Правда, с повышением уровня образования эта вера снижается от 58 до 35%.

Пять лет назад Институт общественного мнения «Квалитас» уже интересовался мнением воронежцев на этот счет [3]. Тогда 40% горожан ответили «верю» и 51% – не верю (остальные 9% затруднились ответить). Иными словами, мнение населения о загробной жизни вовсе не изменилось за последние пять лет – оно достаточно устойчиво.

К тем воронежцам, которые верят в загробную жизнь, был обращен вопрос: ***«Как Вы думаете, земная жизнь человека, его поступки влияют или не влияют на его судьбу после смерти?»*** Большинство из них (86%) уверены, что земная жизнь человека и его поступки влияют на его судьбу после смерти. Отрицают это только лишь 6% опрошенных. Чем моложе респонденты, тем чаще они отвергают связь между собственными поступками и посмертной участью (от 0% среди пожилых людей до 11% среди самых юных). Степень отвержения такой связи тем сильнее, чем ниже уровень образования горожан.

Поменялось ли мнение горожан за последние пять лет? В 2015 году 85% опрошенных признавали влияние земной жизни человека на его судьбу после смерти, а 5% респондентов отрицали это [3]. В этом отношении за пять лет существенных изменений не произошло. Поэтому можно заключить, что воронежцы стойко держатся того мнения, которое у них уже сложилось.

«Помни о смерти» – так говорили в Древнем Риме во время победоносного шествия римских полководцев. Эту фразу должен был произносить раб за спиной военачальника, чтобы напомнить триумфатору, что, несмотря на свою славу, он остаётся смертным. «Помни о смерти и вовек не согрешишь», – вторят христианские писатели.

Следуют совету древних только 19% опрошенных из тех, кто верит в загробную жизнь (на этот вопрос отвечали только те, кто не отрицает бессмертие души). Лишь они часто задумываются о том, что их ждет в загробной жизни. Возраст имеет значение, и чем ближе человек к порогу между жизнью и смертью, тем чаще он об этом думает (от 13% среди молодежи до 31% среди пожилых респондентов).

Остальные респонденты, хотя и не отрицают загробную жизнь, задумываются о ней редко (53%) или же никогда (27%).

На графике (*рис. 1*) сопоставлены ответы воронежцев на этот вопрос сегодня и пять лет назад [3].

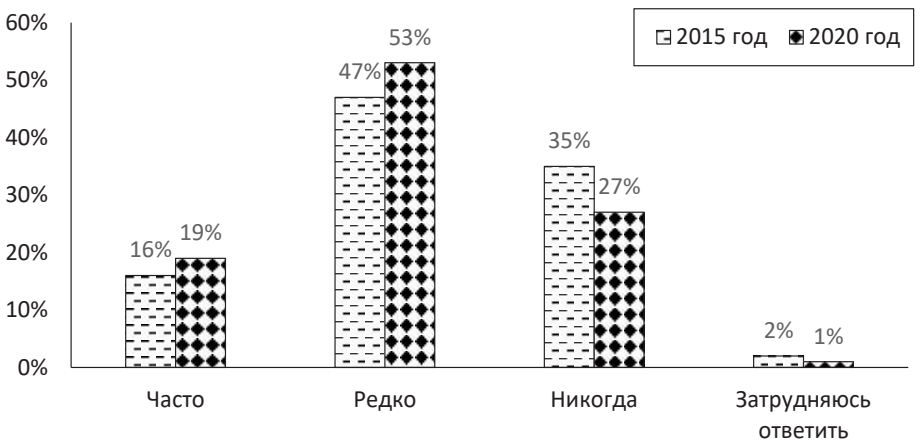


Рис. 1. Вы лично часто или редко думаете о том, что Вас ждёт в загробной жизни? Или никогда не думаете об этом?

Судя по результатам опросов, мысль о смерти сегодня стала более частой гостьей верующих воронежцев, чем это было пять лет назад. Число горожан, никогда не задумывавшихся о смерти, сократилось с 35 до 27%. Таким образом, древний совет

«Memento mori» (с лат. – «помни о смерти») неспешно принимается современниками все ближе к сердцу.

Лишь 19% опрошенных (из тех, кто не отрицает возможность загробной жизни) полагают, что общение между живыми и умершими людьми невозможно. Остальные толерантны к озвученной идее, несмотря на то что почти у половины опрошенных (47%) не было такого опыта.

Утверждают, что у них (или у их знакомых) имеется опыт общения с ушедшими в потусторонний мир людьми, 27% респондентов. Это число не зависит от пола горожан, но увеличивается с возрастом до 40%. Почему-то чаще всего говорили о таком опыте общения люди с бедственным материальным положением, которым не хватает денег на еду и квартплату (50%). Конечно, речь идет не о полноценном общении, а о неких знаках, которые посылались респондентам во сне или в качестве ощущения присутствия. Поэтому было общение или не было – это субъективный вывод самих респондентов.

На графике (*рис. 2*) показано, как изменились ответы воронежцев на этот вопрос за последние пять лет [3].

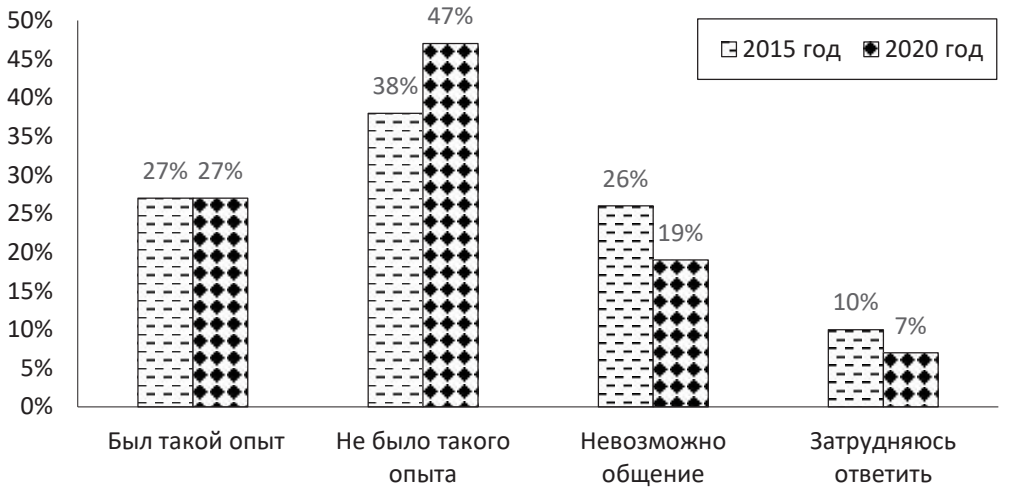


Рис. 2. Как Вы думаете, между живыми и умершими людьми возможно общение в какой-либо форме или такое общение невозможно? И если возможно, то у Вас или у кого-либо из Ваших знакомых был опыт такого общения или не было?

Похоже, что воронежцы все более склоняются к возможности мистического взаимодействия между живыми и умершими людьми. По крайней мере, количество респондентов, которые отрицают возможность подобного общения, сократилось за последние пять лет с **26** до **19%**.

Выводы

Как свидетельствует история, вера в загробную жизнь далеко не всегда является непременным спутником религиозной веры и споры по поводу возможности жизни после смерти разделяли людей как в древности, так и в настоящее время. Сегодня общественное мнение расколото почти поровну на тех. кто не верит в загробную жизнь, и на тех, кто не отрицает её существования. Это разделение достаточно устойчиво – оно никак не изменилось за последние пять лет.

При этом подавляющее большинство опрошенных предполагают связь между поведением человека при жизни и его посмертной участью. Не исключено, что подобная установка влияет на формирование духовно-нравственных ценностей населения. В свое время даже не замеченный в лояльности к религиозным ценностям Марк Твен призывал: «Давайте жить так, чтобы даже гробовщик оплакивал нашу кончину» [6, с. 53].

Древний завет «Помни о смерти» сегодня не очень популярен среди населения. Большинство опрошенных очень редко размышляют о смерти либо не думают о ней вовсе. Смерть в определенной степени является табуированной темой для светских разговоров. Думается, что многие бы согласились с заключением Блеза Паскаля: «Легче умереть, не думая о смерти, чем думать о ней, даже когда она не грозит». Всерьез о смерти задумываются лишь немногие. Однако по мере приближения к пожилому возрасту число подобных размышлений умножается втрое. Некоторые респонденты полагают, что имеют опыт мистического общения с ушедшими в иной мир людьми, и число горожан, отрицающих в принципе возможность подобного опыта, за последние годы уменьшается.

Библиографический список

1. Деяния Апостолов 23: 1-10.
2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу / под ред. Н.А.Романович. Воронеж: Квалитас, 2020. № 2020-02. URL: http://www. qualitas. ru/ru/publications/bulletin (дата обращения 16.03.2020).
3. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу/ под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2015. № 2015-01. URL: http://www. qualitas.ru/ru/publications/bulletin (дата обращения 15.03.2020).
4. Мф. 22, 31–32.
5. Нейхарат А.А. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. М: Правда, 1987. 575 с.
6. Марк Твен. Дневник Адама. М., 1982.

Информация об авторе

Романович Нелли Александровна (Россия, Воронеж) – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронежский филиал РАНХиГС) (394005, Воронеж, Московский проспект, д. 143; nelly@qualitas.ru).

Romanovich N. A.

LIFE AFTER DEATH IN THE MIRROR OF PUBLIC OPINION

***Abstract**. The psychological well-being and spiritual and moral values of a person are determined by numerous factors, including the idea of what awaits him beyond the threshold of death. The article is devoted to revealing the attitude of the population towards the prospect of continuing life after death.*

***Key words:** sociological research, public opinion, life after death, a survey of the population, trust.*

Information about the author

Romanovich Nelly A. (Russia, Voronezh) – doctor of sociological sciences? Professor of Political Science and Political Governance Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Voronezh branch (394005, Voronezh, Moskovsky prospect str., 143; nelly@qualitas.ru).

References

1. Acts 23: 1-10
2. The Monthly Bulletin of Sociological Messages on the City of Voronezh / ed. N.A. Romanovich. Voronezh: Public Opinion Institute "Qualitas", 2020. № 2020-02. URL: http: // www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin (Retrieved 03.16.2020).
3. The Monthly Bulletin of Sociological Messages on the City Voronezh / ed. N.A. Romanovich. Voronezh: Public Opinion Institute "Qualitas", 2015. № 2015-01. URL: http: // www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin (Retrieved 03.15.2020).
4. Matt. 22, 31–32.
5. Neyharat A.A. Legends of Ancient Greece and Ancient Rome. M: Publishing house "Pravda", 1987. 575 p.
6. Twain Mark. Adam's diary. M. 1982.

УДК 130.2/ББК 87.1

Симонян Э. Г.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В АНАЛИЗЕ ЭНТРОПИЙНЫХ ПРОЦЕССОВ, ПРОИСХОДЯЩИХ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. *В данной статье синергетический подход рассматривается в качестве универсальной теории, применяемой как стратегии для успешного анализа поведения сложных систем в социогуманитарной сфере. Поддерживается идея данного подхода как нового видения мира культуры, представляющего состояние хаоса как переходного от одного уровня упорядоченности к другому через призму анализа энтропийных процессов в российском обществе.*

Ключевые слова: *синергетическая парадигма, сложная система, культура, хаос, энтропия, антиэнтропийный фактор.*

Синергетическая парадигма – это комплексное научное направление, вобравшее в себя достижения неравновесной термодинамики, теории управления, теории сложных систем и информации. Синергетика радикально изменила понимание отношений между порядком и хаосом, между энтропией и информацией. Возникло новое видение мира культуры, представляющее состояние хаоса как переходное от одного уровня упорядоченности к другому.

Предпосылки возникновения синергетического подхода в исследовании культуры связаны с именами немецкого физика Г. Хакена и лауреата Нобелевской премии бельгийского физика И. Пригожина. В 1977 г. появилась книга Г. Хакена «Синергетика» – о теории самоорганизации в открытых системах и образовании структур из хаоса. И. Пригожин применил математические теории для описания динамических процессов в живом мире: стремление к порядку приводит к наименьшей напряженности системы, и в этом проявляется фундаментальный принцип жизни общества. Этот принцип аккумулируется именно в культуре, так как она и есть результат стремления человека к упорядочению жизни вокруг себя посредством ритуалов, обрядов, традиций и т. п., ритмически повторяющихся и структурирующих человеческую жизнь. Поэтому культура является самым эффективным антиэнтропийным фактором [3, с. 161]. Традиция исследования антиэнтропийных процессов в России обнаруживается в космизме П.А. Флоренского, в которой развивается идея о всеединстве, базирующаяся на принципах системности, единства мира, развития и всеобщей связи явлений [5, с. 15].

В последние годы междисциплинарный потенциал синергетики начал реализовываться и в социально-гуманитарных областях знания. Психика, интеллект, культура изучаются как сверхсложные динамические системы и как антиэнтропийные факторы. В синергетических моделях культура и общество предстают как неравновесные системы особого типа. Культура как антиэнтропийный механизм, развиваясь, увеличивает энтропию в других системах и приводит к периодическим антропогенным кризисам. По гипотезе А. Назаретяна, растущий технологический потенциал делает социальную систему более независимой от внешних колебаний, но вместе с тем более чувствительной к внутренним колебаниям, то есть к состояниям массового и индивидуального сознания. Анализируя способность социума реагировать на внешние и внутренние колебания, можно вывести интегральную формулу социальной устойчивости [4, с. 112]. Отражением энтропийных процессов в российской реальности является деформация ее ценностной системы.

Наиболее адекватное отражение российской и современной мировой системы реальности в синергетике является рискологический подход. Данный подход обосновывает О.Н. Яницкий, утверждающий, что она находится в стадии всеобщего риска, и вслед за Беком утверждающий точку зрения о том, что сегодня мы существуем в рискогенной среде [11]. Размышляя о российском обществе, Яницкий применяет термин «общество всеобщего риска», отталкиваясь при этом от объективных данных, связанных с развитием экономической, духовной, экологической и т.д. сфер жизнедеятельности социума.

История показывает, что социальная энтропия проявлялась в российском обществе еще в советское время, когда социально-экономические преобразования шли по линии искусственного ускорения под влиянием революционного нетерпения и экстремизма, охвативших общество, а революционные идеи и установки превратились в государственную идеологию с ее тотальной непререкаемостью и нетерпимостью. Эти новые установки уводили социальную реальность от эталонов нормального общества, идеалов гуманизма, формируя в советском обществе потенциал вражды и нетерпимости, определяя искажения в политической и общественной жизни и расширяя зону социальной неопределенности как особого типа рискогенной социальной реальности, связанной с деформацией привычных структур и морально-нравственных устоев.

Постсоветская реальность стала демонстрацией энтропийного потенциала советского режима и его экстраполяции на современную социально-политическую систему, стабилизационный курс которой характеризуется возвратом к энтропийной по своей природе командно-административной системе. Как отмечает А. Л. Журавлев, средства массовой информации превращены в источник низкопробной пропаганды и выполняют функцию по зомбированию населения. Тотальная коррупция, низкие темпы экономического роста, деформация системы социальной мобильности – все это ведет к росту раздражения и социальной напряженности, восприятию социальной реальности как несправедливой [6, с. 14].

Нелинейность, бифуркационные механизмы развития и эволюционные катастрофы вытекают из глобальной противоречивости социоприродных и внутрисоциальных отношений. Российские ученые крайне негативно оценивают духовное состояние общества [8], отмечая рост таких негативных явлений, как жестокость, агрессивность, равнодушие, при снижении альтруизма, честности, порядочности, что нашло отражение в результатах всероссийского опроса, проведенного сотрудниками Института социологии РАН [7. с. 16]. Вектором развития современного общества становится стремление к максимальному удовлетворению потребностей [10, с. 65], и данные тенденции четко фиксируются в российском обществе, что также следует рассматривать в контексте энтропийной траектории социокультурной динамики российского социума, так как во все времена именно духовное выступало ценностным императивом в системе ценностей россиян.

Деформация ценностей и смыслов в современной России в условиях роста социальной энтропии сопровождается ростом социального пессимизма и дефицита социального доверия [1], кризисным характером функционирования социальных институтов и расширением зоны ценностного конфликта, проявляющегося в противостоянии альтернативных точек зрения на формат ценностной эволюции в вариантах, связанных с русским и советским традиционализмом, умеренным (просвещенно-патриотическим) прагматизмом, радикальным либерализмом и индивидуализмом [2, с. 59].

Таким образом, синергетическое видение российского общества позволяет не только объяснить многие феномены культуры как системы, но и предсказать ряд ее сущностных свойств и направлений развития. Присущая человеку свобода выбора может существенно, в особенности в точках бифуркации, менять траекторию движения социокультурной системы. Однако именно свобода является залогом устойчивости любой социальной системы. Например, таковыми, по мнению некоторых исследователей, могут быть перспективы местного самоуправления как основы низовой демократии: «Высокий уровень местного самоуправления свидетельствует о формировании в стране развитого гражданского общества, то есть реализованной способности людей к самоорганизации как проявления их свободы» [9, с. 56].

При этом проблема не в том, чтобы применять силу, энергию, а в том, чтобы, моделируя и предсказывая развитие культуры как сложной системы, максимально точно выбрать из спектра возможных путей развития аттракторные направления, то есть те, которые попадают в резонанс с эволюционной стратегией.

Синергетическая парадигма, возникшая в среде естествоиспытателей, исследующих законы природы, удивительно эффективна и в сфере исследования культуры, поскольку и здесь доминируют:

– многовариантность (какой бы срез культуры мы ни взяли, он всегда обнаружит культурный инвариант: элитарная культура сосуществует с массовой, традиция взаимодействует с инновацией, уникальные феномены – с универсальными ценностями и т. п.);

– нелинейность (цикличности, скачки, взрывы в рамках одной и той же культуры и в разных темпах культурной эволюции);

– необратимость («стрела времени», «эффект бабочки», когда незамеченные факторы могут вызывать резкие и необратимые изменения и т.п.). В этом контексте становится ясно, что призывы, например, к духовному возрождению не имеют под собой научной основы, выражая в лучшем случае эмоциональное отношение к переменам, а в худшем – являясь политической спекуляцией.

Отсюда возникает задача поиска принципов *коэволюции* структур, находящихся на разных уровнях, или разнопорядковых (Человек – Природа – Вселенная). Например, активно разрабатываемый в последние годы принцип необходимого разнообразия в культуре. Структура культуры может быть образно представлена как состоящая из ядра и периферии (Ю. Лотман). Ядро – сравнительно жестко структурированная иерархия норм, ценностей, смыслов. И когда говорят о социализации и инкультурации, имеют в виду прежде всего освоение личностью именно ценностей ядра. Эта схема в культуре постмодернизма интерпретирована несколько иначе, а именно как «центр – периферия», с динамикой отношений, которые связывают энтропийные процессы, влекущие за собой «размывание» ценностно-смыслового ядра культуры, нарушающего ее сбалансированность и эффективность системы социального регулирования. Неизбежность деградации культурных систем, связанная с ограниченностью их творческого потенциала, отмечалась многими учеными (П. Сорокин, Н. Данилевский, О. Шпенглер и др.). Однако дело, скорее, не в творческом потенциале, а в жизнестойкости и адаптивности – способности приспосабливаться к изменениям среды, обусловленной отдаленным скрещиванием. Тогда происходит не размывание ядра, а такая его трансформация в системе межкультурного взаимодействия, которая способствует как раз не деградации, а обогащению культуры. Этим свойством обладают только те культурные системы, которые отличаются внутренним разнообразием. Отсюда понятно, как опасны для культуры и социальной

жизни в целом так называемые «ревнители чистоты», о какой бы «чистоте» ни шла речь – классовой, расовой, национальной или конфессиональной.

То есть прогресс культуры, ее динамичность и «здоровье» прямо связаны с увеличением внутреннего разнообразия культурной системы.

Таким образом, с точки зрения методологического и эмпирического обоснования российской реальности как разворачивающейся по траектории энтропийного алгоритма социокультурного воспроизводства, в своей основе имеет прежде всего деформацию ценностей и смыслов. Синергетическая модель эволюции обнаруживает широкие перспективы применения в понимании, а следовательно, и решении разного рода социокультурных проблем. Если речь идет об образовании, то трансляция знаний в синергетической парадигме – это взаимодействие педагога и ученика в открытом дискурсе, когда действует принцип не «думай как я», а «давай подумаем вместе». Если речь идет о развитии творческого мышления, то оно представляет собой самовырастание целого из частей в результате самоусложнения этих частей.

Библиографический список

1. Волков Ю., Кривопусков В. Доверие и креативный класс: факторы консолидации российского общества. Ер. : Тигран Мен, 2013.
2. Воробьев Г. А. Энтропийные процессы в Российском обществе в свете социально-философской рефлексии: ценностное измерение // Гуманитарий Юга России. 2017. Том 6. № 3. С. 58-68.
3. Курдюмов С. П., Князева Е. Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1994. С. 171.
4. Назаретян А. П. Синергетическая модель антропогенных кризисов: к количественной верификации гипотезы техно-гуманитарного баланса // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М., 2000. С. 462.
5. Наумцев Н. И., Лысенко И. С. Антиэнтропийные процессы в космизме П.А. Флоренского // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. Т. 2. № 8. С. 451–45.
6. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв. ред.: А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Ин-т психологии, 2012. С. 14.
7. О чем мечтают россияне (размышления социологов): аналит. доклад. М. : ИС РАН, 2012. С. 16.
8. Стерледева Т.Д., Стерледев Р.К. Духовность и бездуховность как вызов и риски для России // Власть. 2013. № 8.
9. Коаров Э. Л., Кукушкин В. Л., Ухов А.Е., Местное самоуправление в России как основа демократии: системный подход // Управление пространственным развитием территорий: глобальные тренды и региональные приоритеты: материалы научно-практической конференции. 2019. С. 55-66.
10. Хачецуков З. М. Общество выживания и общество потребления. К вопросу о построении шкалы социального комфорта в современном мире // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 3. С. 64–67.
11. Яницкий О.Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155.

Информация об авторе

Симонян Элеонора Гамлетовна (Россия, Вологда) – доцент, зав. кафедрой философии и истории, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н. В. Верещагина (Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; eleonora8@mail.ru).

Simonyan E.G.

SYNERGETIC APPROACH IN THE CULTURAL RESEARCH AND ANALYSIS OF ETHROPENIC PROCESSES IN RUSSIAN SOCIETY

***Abstract**. this article deals with the synergetic approach as a universal theory used as the strategy for a successful analysis of the complex system behavior in socio-humanitarian sphere. This approach is represented from the cultural perspective. According to it, the chaos is a temporary state while shifting to another level of regularity in terms of ethropenic processes in Russian society.*

***Key words:** synergetic paradigm, complex system, culture, chaos, entropy, синергетическая парадигма, сложная система, культура, хаос, энтропия, anti-entropic factor.*

Information about the author

Simonyan Eleonora G. (Russia, Vologda) – PhD in Philosophical sciences, Assoc. Prof. at Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Russia, Vologda, s. Molochnoye, ul. Shmidta 2; eleonora8@mail.ru).

References

1. Volkov Yu., Krivopuskov V. Doverie i kreativnyj klass: faktory konsolidacii rossijskogo obshchestva. Er. : Tigran Men, 2013.
2. G. A. Entropijnye processy v Rossijskom obshchestve v svete social'no-filosofskoj refleksii: cennostnoe izmerenie //Gumanitarij Yuga Rossii 2017 Tom 6 № 3. S.58-68.
3. Kurdyumov S. P., Knyazeva E. N. Zakony evolyucii i samoorganizacii slozhnyh sistem. M., 1994. S. 171.
4. Nazaretyan A. P. Sinergeticheskaya model' antropogennyh krizisov: k kolichestvennoj verifikacii gipotezy tekhno-gumanitarnogo balansa // Sinergeticheskaya paradigma. Mnogoobrazie poiskov i podhodov. M., 2000. S. 462.
5. Naumcev N.I., Lysenko I.S.Antientropijnye processy v kosmizme P.A. Flo-renskogo // Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavtiki. 2012. T. 2, № 8. S. 451–45.
6. Nravstvennost' sovremennogo rossijskogo obshchestva: psihologicheskij analiz/ otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. YUrevich. M. : In-t psihologii, 2012. S. 14.
7. O chem mechtayut rossiyane (razmyshleniya sociologov): analit. doklad. M. : IS RAN, 2012. S. 16.
8. Sterledeva T.D., Sterledev R.K. Duhovnost' i bezduhovnost' kak vyzov i riski dlya Rossii // Vlast'. 2013. № 8.
9. Koarov E. L., Kukushkin V. L., Uhov A.E., Mestnoe samoupravlenie v Rossii kak osnova demokratii: sistemnyj podhod // Upravlenie prostranstvennym razvitiem territorij: global'nye trendy i regional'nye prioritety. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. 2019. S. 55-66.
10. Hachecukov Z.M.Obshchestvo vyzhivaniya i obshchestvo potrebleniya. K voprosu o postroenii shkaly social'nogo komforta v sovremennom mire // Vestnik Rossijskoj akademii estestvennyh nauk. 2013. № 3. S.64–67.
11. Yanickij O.N. «Turbulentnye vremena» kak problema obshchestva riska // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 6. S. 155.

УДК 338.124/ББК 65.52

Скуденков В.А.

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ ПРОТИВ РОССИИ В ЖИЗНЕННЫХ СЦЕНАРИЯХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности изменений жизни, жизненных сценариев и жизненных целей молодых людей в период с 2014 по 2019 год. Анализируется роль экономических санкций в жизненном мире молодого поколения. Рассматривается роль личных и социальных условий адаптации к условиям экономического кризиса.*

Ключевые слова: *молодежь, жизненные цели, жизненные ценности, экономический кризис, экономические санкции, социальная политика.*

В современных социальных науках существует множество теорий, объясняющих изменения современных моделей взросления, вызванных удлинением и расширением жизненных траекторий юности (увеличением во времени и пространстве вхождения во взрослую жизнь), отложенного взросления, нелинейного развития и т.д.

Нынешний экономический кризис как следствие санкций, введенных против России в 2014 году, ужесточения экономических условий как во вне, так и внутри страны – не первый в истории. Но и он имеет свои особенности. Более остро это ощущается на социальном уровне, так как, зародившись в сфере экономики, он активно проник во все другие сферы жизни людей (политику, культуру, досуг и проч.).

В результате экономического кризиса меняются отношения между людьми и социальными институтами, меняются правила игры и нормы регулирования этих отношений. Возникают следующие противоречия:

1. С одной стороны, наблюдается разрыв между занятостью, потреблением, досугом и, с другой стороны, с нормативными и легитимными требованиями к этим сферам.

2. С одной стороны, усиление воздействия давления различных институтов через социальный контроль (финансов, контактов и т.д. благодаря виртуализации многих процессов) и, с другой стороны, расширение личных и социальных возможностей (благодаря той же виртуализации и глобализации).

3. С одной стороны, акцент на доминировании диктатуры коммуникаций, с другой – разорванности и/или краткосрочности личных социальных связей.

4. С одной стороны, стратегия социальной адаптации, с другой – коллективного непринятия и общего деструктивного восприятия социально-экономических условий развития общества и себя лично.

И эти противоречия начинают активно работать в условиях отсутствия пространства для маневрирования, при многообразии выбора – отсутствии альтернатив. Это, на наш взгляд, самое главное последствие экономического кризиса [1]. В этом моменте зарождается новая система адаптации к кризису, определяемая едиными коллективными эмоциями в коллективной деятельности, новыми социальными проектами.

Удлинение процессов вхождения во взрослую жизнь выражается через процессы удлинения получения образования, отложенного периода вступления в трудовую жизнь, поздних браков и позднего рождения ребенка и уменьшения количества детей в семье.

Нелинейность развития выражается в нарушении традиционной последовательности жизненного уклада (обучение – получение навыков по специальности – вы-

ход на рынок труда – экономическая независимость – уход из родительского дома – вступление в брак – рождение ребенка). Сегодня молодые люди могут пойти работать, потому учиться или создавать семью, не обладая финансовой независимостью и так далее [4].

Изменение траекторий жизни современной молодежи приводит к изменению понимания истинности жизненных целей. Мнимое разнообразие приводит к реальной невозможности (а порой и сложности) принятия того или иного жизненного сценария, неопределенности или постоянному метанию из одной в другую крайность. С одной стороны, общество требует справляться с поставленными социальными вызовами и структурными ограничениями, с другой стороны, насаждает все новые и новые рамки и требования к предъявлению себя.

Формально, предлагаемые ресурсы и социальные гарантии, которыми могут воспользоваться молодые люди, ограничены их собственной средой, семьей, местом жительства и так далее. Лишь немногие могут выйти за рамки ограничивающих их условий. Экономические и социальные рамки все еще задают контекст выбора жизненных траекторий и условий возможности социальной адаптации в мире.

Безусловно, социальная политика в отношении молодежи накладывает свой отпечаток. Например, приоритеты получения образования (правда, с перекосами в сфере высшего образования или получения «модной» специальности, но не обладая реальными знаниями и навыками в ней) [2,3].

Социально-экономические притязания состоят из представлений людей о нормальном и должном, реальном и желаемом качестве и условиях жизни. Социально-экономические притязания не имеют временных, социальных, профессиональных или каких-то еще ограничений, они присутствуют в любом возрасте и в любом месте жительства.

При этом социально-экономические притязания имеют гендерные отличия. Данные особенности заложены в культурных рамках и стратегиях поведения, отражаются в гендерных стереотипах и социальных условиях социализации. Поэтому, говоря о стратегиях социальной адаптации к новым условиям, необходимо учитывать гендерные особенности социально-экономического поведения и мышления.

В нашем исследовании предполагается, что социально-экономические притязания – это основной ориентир общественного развития на обывательском, повседневном уровне. При этом социально-экономические притязания могут отличаться на разных территориях. Поэтому в качестве объекта изучения нами выбрана одна территория – территория Иркутской области.

Экономические санкции, введенные в 2014 году против России, усилили данные тенденции. Нами проводится ежегодное лонгитюдное исследование с 2014 года относительно экономических притязаний молодых людей, в которое в том числе и входит изучение жизненных траекторий[1].

Как выявлено, все больше молодых людей надеются на поддержку семьи при обучении и последующей жизни. Если в 2014 году таких молодых людей было 43%, то в 2019 их уже 72%. Также увеличилось количество тех, кто работает во время обучения (в 2014 году их было 32%, в 2019 году – уже 47%). Причем на первом месте выступает необходимость наличия дополнительных средств (33%), на втором – желание независимости от семьи (30%), на третьем – реализация (27%) и 10% – другое.

---

[1] В 2014 году в исследовании приняли участие 1200 человек в возрасте от 18 до 35 лет, 60% женщин и 40% мужчин, с разным уровнем дохода и образования. В 2019 году в исследовании приняли участие 1272 чело-века в том же возрасте, гендерном, профессиональном, финансовом и социальном статусе.

Большая часть молодежи и даже их родители предполагают, что они не будут работать по той специальности, по которой получают образование (44%). Образование необходимо «для галочки», а не для реальных навыков, которые пригодятся на рабочем месте. Растущая безработица порождает также потребность в минимальных гарантиях, которыми все еще выступает образование. Подтверждается идея мнимости обучения и ложности получаемых навыков. В то же время включается социальная обусловленность необходимости образования и тем самым формируется круговая зависимость неэффективного знания.

Массовая культура предлагает образцы «красивой и успешной жизни», которые не согласуются с реальными возможностями большей части молодежи. Молодые люди все чаще чувствуют «свою ущербность» и «ограниченность» (в 2014 году – 23 и 29% соответственно, а в 2019 году – 34 и 42%). Это может стать основой общественных беспорядков и социальной нестабильности, о чем более подробно изложено в работах О.А. Полюшкевич [1].

Мечты о «красивой жизни» и реальная невозможность их воплотить выступают инструментом социальной стагнации и формируют негативные стратегии социальной адаптации. Возможно, они могут спровоцировать и социальные беспорядки, и иные формы социальной аномии.

Потеря работы приводит к тому, что молодые люди идут повторно учиться. Подтверждается идея о нелинейности жизненного пути. И если в 2014 году таких было 26%, то в 2019 году – уже 62%.

Более того, молодые люди чаще стали возвращаться в родительскую семью после обучения. В 2014 году таких было 18%, в 2019 году – уже 33%. Также увеличилось количество тех, кто расстался со своим партнером и вернулся к родителям (в 2014 году – 8%, в 2019 году – 16%).

Для молодых людей в 2019 году более правильно говорить о минимизации жизненных рисков, а не о разнообразии жизненных сценариев (возможность выбора ограничена как внешними условиями в виде экономических санкций, так и внутренними рамками, сформированными страхами за свою жизнь). Нарушение линейности приводит к усилению традиционности и семейственности (когда молодые люди в родительской семье продолжают социализацию). Неблагоприятная экономическая ситуация на рынке труда и слабая поддержка молодежи со стороны государства заставляют ее отложить на неопределенное время реализацию своих жизненных планов и амбиций в качестве взрослых членов общества и попытаться накопить необходимые для этого ресурсы (образовательные, экономические, социальные), оставаясь под кровом родителей.

По нашему мнению, пришло время символических жестов, которые определяют волю к справедливости (а не закону). И это может привести к неоднозначным реакциям и трактовкам поведения в публичном пространстве. В то же время социальное несогласие на уровне коллективных эмоций достаточно сегментировано: обусловлено территорией и социально-экономическим положением участников общественного недовольства. Коллективная общественная реакция едина в том, что она негативно проявлена, но разрознена в определении реальных действий, последующих за общей неудовлетворенностью ситуацией. Основная задача адаптации к последствиям экономического кризиса состоит в переходе от протестов к реальным действиям, конкретным предложениям.

Библиографический список

1. Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в городском пространстве // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / редколлегия: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санженакова. 2019. С. 171-174.
2. Скуденков В.А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250-255.
3. Скуденков В.А. Социальные символы наличных денег в повседневной жизни // Социология. 2019. № 1. С. 280-283.
4. Скуденков В.А. Экономические притязания в кризисном обществе // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых. 2017. С. 171-173.

Информация об авторе

Скуденков Владимир Алексеевич (Россия, Иркутск) – соискатель кафедры социальной философии и социологии, Институт социальных наук Иркутского государственного университета (664003, РФ, Иркутская обл., Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; vskudenkov@mail.ru).

Skudenkov V.A.

THE ROLE OF ECONOMIC SANCTIONS AGAINST RUSSIA IN THE LIFE SCENARIOS OF YOUNG PEOPLE

***Abstract**. The article discusses the features of life changes, life scenarios and life goals of young people from 2014 to 2019. The role of economic sanctions in the life world of the young generation is analyzed. The role of personal and social conditions of adaptation to the conditions of the economic crisis is examined.*

***Key words:** youth, life goals, life values, economic crisis, economic sanctions, social policy.*

Information about the author

Skudenkov Vladimir A. (Russia, Irkutsk) – Applicant, Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (664003, Russian Federation, Irkutsk Region, Irkutsk, Karl Marx Street, 1; vskudenkov@mail.ru).

References

1. Polyushkevich O.A. Public discontent in the urban space // Actual problems of humanitarian and social research Materials of the XVII All-Russian scientific conference of young scientists in the field of humanities and social sciences. Editorial Board: V.V. Petrov, A.N. Artemova, O.A. Persian, A.A. Sanzhenakova. 2019. S. 171-174.
2. Skudenkov V.A. The role of economic sanctions in changing the quality of life and socio-economic claims of Russians (on the example of the Irkutsk region) // Sociology. 2018. № 3. S. 250-255.
3. Skudenkov V.A. Social Symbols of Cash in Everyday Life // Sociology. 2019. № 1. S. 280-283.
4. Skudenkov V.A. Economic claims in a crisis society // Actual problems of humanitarian and social research. Materials of the XV Interregional Scientific Conference of Young Scientists. 2017. S. 171-173.

УДК 316.728

Смыкова Е.Ю.

СПЕЦИФИКА ДОСУГОВЫХ ПРАКТИК НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Аннотация. *В статье представлен анализ характерных особенностей досуговых практик населения Беларуси. На основе полученных эмпирических данных автором изучены специфика проведения свободного времени, выбор социально-досуговой группы, пространственные площадки досуговых практик и факторы, влияющие на их посещение.*

Ключевые слова: *досуговые практики, фактические досуговые практики, желаемые досуговые практики, антикафе, социально-досуговая группа.*

Стремительное развитие средств массовой информации, индустрии досуга и развлечений, информатизация и виртуализация различных сфер жизни, появление новых компьютерных технологий и т.д. изменяют модели поведения, стиль и образ жизни населения, что в свою очередь детерминирует содержание и структуру досуговых практик. Это приводит как к появлению принципиально новых форм досуговых практик (посещение торгово-развлекательных центров, антикафе, общение в социальных сетях и т.д.), так и к трансформации их традиционных видов (занятие образованием/самообразованием онлайн). Более того, реализация досуговых практик населением определяется созданной инфраструктурой, особенностями работы государственных структур, общественных организаций, бизнес-структур и др. в данном направлении. Процесс формирования досуговых практик находится под влиянием как потребностей (интересов) со стороны общества в плане организации досуга, так и культурных запросов со стороны населения.

Эволюция содержания досуговых практик в сторону многоаспектности, многозадачности обусловила необходимость их исследования в контексте новой социокультурной ситуации. Абсолютное большинство опрошенных среди населения Беларуси (87,2%) отдают предпочтение домашним досуговым практикам, в частности отдыху дома[1]. Из года в год, согласно данным исследований, наблюдается рост числа тех, кто проводит свободное время в Интернете: если в 2013 г. данная тенденция фиксировалась среди 38,6% респондентов, в 2015 г. – 47,3%, то в 2019 г. – 58,8%. Причем 68,8% респондентов, согласно данным исследования, практически ежедневно пользуется Интернетом в основном с целью общения с родственниками, друзьями и знакомыми. Каждый второй респондент отметил в качестве приоритетной формы досуга занятие любимым делом (50,7%) и выезд на природу (49,1%). Одной из числа принципиально новых форм досуговых практик следует отметить посещение торговых, торгово-развлекательных центров (35,7%), так называемых «соборов потребления», функционирующих в современных условиях. Посещение как учреждений культуры, спорта, так и культурных площадок, событий отметил каждый пятый респондент. Вопросы самообразования, в частности прохождение различных курсов, тренингов и т.д., актуальны для 17,7% респондентов. Последнюю позицию в структуре досуговых практик населения занимает досуг, содержащий социально-гражданский компонент – участие в мероприятиях, проводимых общественными или политическими движениями, организациями (5,3%).

[1] В качестве эмпирической базы выступали результаты социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2013, 2015, 2019 гг. Объем выборочной совокупности составил 1545, 1498, 1947 чел. соответственно.

Анализ досуговых практик позволил выявить их фактическую структуру – то, каким образом респонденты проводят досуг в повседневности. Что касается желаемых досуговых практик, то выявлены две четкие тенденции. С одной стороны, значительно сократилось число тех, кто хотел бы проводить свободное время дома, ходить в гости, «сидеть» в Интернете, а также заниматься любимым делом и выезжать на природу. С другой стороны, наблюдается резкое увеличение, больше чем в два раза, числа респондентов, которые проявили желание посещать учреждения культуры, культурные площадки, а также заниматься спортом, самообразованием. Особым пунктом следует отметить участие в мероприятиях, проводимых общественными и политическими движениями, организациями: доля таких опрошенных увеличилась более чем в шесть раз – с 5,3 до 34,4%. Посещение торговых, торгово-развлекательных центров осталось без существенных изменений (*рисунок*).

Иерархия фактических и желаемых досуговых практик, в %*

*Сумма вариантов ответов превышает 100%, поскольку респонденту предоставлялась возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Определяет же выбор респондентом тех или иных досуговых практик возможность реализации конкретных целей начиная рекреационными и заканчивая эстетическими. Принципиально важное значение для респондентов, согласно данным исследования, представляет возможность провести свободное время с ближайшим окружением – семьей (4,5), друзьями (4,4), а также улучшить здоровье, поддержать хорошую физическую форму (4,2)[2]. Несколько ниже значения у таких характеристик досуга, как получение новых знаний, расширение кругозора (3,7), возможность отдохнуть (3,5). В меньшей мере респонденты отдают предпочтения досуговым практикам, которые носят эстетический (приобщение к искусству – 3,2) и альтруистический (польза обществу – 3,2) характер.

Специфика проведения свободного времени и выбора тех или иных досуговых практик детерминирована в том числе наличием или отсутствием социально-досуговой группы, то есть тех, с кем, как правило, респондент проводит досуг. Чаще всего опрошенные проводят досуг с семьей (4,4), а также со своим ближайшим окружени-

[2] Для корректного представления полученных данных использовалось среднее значение признака, которое варьировалось в диапазоне от 1 до 5, где 1 – совсем не важно, 5 – полностью важно.

ем – любимым человеком (3,7), друзьями (3,5)[3]. От случая к случаю свободное времяпрепровождение осуществляется с другими родственниками (3,1), в одиночестве (2,8), а также с коллегами по работе (2,5). Реже всего в качестве социально-досуговой группы выступает случайный знакомый (1,9).

Перечень альтернатив проведения свободного времени достаточно широк и расширяется, как правило, за счет так называемых «внедомашних» форм досуговых практик. Как было обозначено выше, каждый пятый респондент отметил в качестве приоритетных досуговых практик посещение различных по содержанию и направленности учреждений культуры и спорта или, другими словами, пространственных площадок досуговых практик. Остановимся на их перечне более подробно. Как оказалось, наиболее популярным местом проведения свободного времени являются парки отдыха, парки с аттракционами (67,1%). Чуть больше половины респондентов отдает предпочтение походам в кино (56%), несколько меньше доля тех, кто склонен выбирать посещение концертных залов (48,9%). Проведение досуга в библиотеке актуально для трети опрошенных. Становятся достаточно востребованными такие нестандартные досуговые пространства, как антикафе, арт-центры (23,6%), отличающиеся своим функционалом от их классического понимания. Последнюю позицию по сравнению с выделенными культурными институциями занимают клубы, где проходят занятия по интересам (18,6%) (*табл. 1*).

Таблица 1. Посещаемость учреждений культуры и спорта (2013 г., 2019 г.), %

Год	Музей	Театр	Кинотеатр	Библиотека	Парк отдыха	Спортивный зал, бассейн	Концертный зал	Клуб, где проходят занятия по интересам
2013	40,2	41,1	47,3	37,3	65,8	38,6	44,6	18,8
2019	44,7	44,4	56,0	33,3	67,1	42,4	48,9	18,6

В динамике наблюдаются некоторые подвижки касательно популярности среди респондентов тех или иных учреждений культуры и спорта. По сравнению с 2013 г. в 2019 г. наблюдается, с одной стороны, рост востребованности среди респондентов услуг, оказываемых парками отдыха, кинотеатрами, концертными залами, музеями, театрами, спортивным залом и бассейном, с другой – зафиксировано снижение популярности библиотек и клубов по интересам.

Расширение форм досуговых практик зависит от ряда факторов, которые в конечном итоге определяют качество свободного времяпрепровождения, доступность определенных его видов. Принципиальное значение для респондентов при выборе культурного мероприятия или конкретного учреждения представляют его ценовая доступность (52,1%) и советы ближайшего окружения (48%). Помимо ценового фактора, для трети опрошенных крайне важным выступает территориальная доступность культурного учреждения, мероприятия. В пределах 22–29,6% находятся как объективные факторы – качество предоставляемых услуг, удобный график, режим работы учреждения, так и субъективные – личная привязанность, привычка, а также желание следовать семейным традициям. Каждый десятый респондент ссылается на важность престижности организуемого мероприятия, участия в них популярных исполнителей и наличия публикаций в средствах массовой информации. Среди ме-

[3] В данном случае рассчитан порядковый индекс, значения которого находятся в диапазоне от 1 до 5, где 1 – менее важно, 5 – очень важно.

нее значимых факторов оказались эксклюзивность мероприятия (8,7%), наличие широкой рекламной кампании мероприятия, учреждения (6,2%), а также следование модным тенденциям (5,4%) (*табл. 2*).

Таблица 2. Перечень факторов, влияющих на решение посетить культурное мероприятие/учреждение, %

Факторы	Процент
Ценовая доступность	52,1
Советы друзей, знакомых	48
Территориальная доступность	35,1
Качество предоставляемых услуг	29,6
Личная привязанность, привычка	28,6
Удобный график, режим работы	25,3
Семейная традиция	22
Престижность мероприятия	11,6
Публикации в СМИ о предстоящем мероприятии	11,1
Участие в мероприятии популярных исполнителей	10,9
Эксклюзивность мероприятия	8,7
Широкая рекламная кампания учреждения	6,2
Следование модным тенденциям	5,4

Таким образом, предпочтение население Беларуси отдает «домашним» досуговым практикам, в перспективе акцент смещается в сторону активных форм проведения свободного времени. В качестве типичного представителя социально-досуговой группы выступает ближайшее окружение (семья, любимый человек, друзья), проведение свободного времени с которыми становится определяющим при выборе форм досуговых практик. Реализация в полной мере досуговых практик зависит от ряда факторов, и в первую очередь от ценовой доступности культурного учреждения/мероприятия. Подобные выводы свидетельствуют о том, что тенденции, характерные для досуговых практик, предусматривают выбор респондентами таких форм, которые не предполагают значительных денежных затрат. Это приводит в конечном итоге к сокращению досуговых практик, содержащих творческий, культурный компонент.

Библиографический список

1. Смыкова Е.Ю. Досуговые стратегии поведения социально-демографических групп белорусского общества // Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]. Мн., 2015. Гл. 6. С. 390–403.

Информация об авторе

Смыкова Евгения Юрьевна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии культуры, ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» (220072, Минск, ул. Сурганова д. 1, кор. 2; isst@socio.bas-net.by).

Smykova E.Y.

SPECIFICITY OF LEISURE PRACTICES OF THE BELARUSIAN POPULATION

Abstract*. The article presents an analysis of the characteristic features of leisure practices of the Belarusian people. The author has studied the specifics of spending free time, the choice of social and leisure groups, the spatial areas of leisure practices and the factors affecting their visit based on the obtained empirical data.*

Key words: *leisure practices, actual leisure practices, desired leisure practices, anticafe, social and leisure group.*

Information about the author

Smykova Evgeniya Yu. (Republic of Belarus, Minsk) – Ph.D., senior researcher of the Department of cultural sociology, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Surganova str. ½, 220072; isst@socio.bas-net.by).

References

1. Smykova, E. Leisure strategies for the behavior of socio-demographic groups of Belarusian society / E. Smykova // Belarus on the way to the future: sociological dimension / I. V. Kotlyarov [etc.]. Minsk, 2015. Part. 6. P. 390–403.

УДК 141.8/ББК 87.6

Ухов А.Е.

КАПИТАЛИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ И ПУТИ ВЫХОДА ИЗ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Аннотация. *В статье ставится проблема многомерного глобального кризиса, к которому подошло человечество, отмечаются имеющиеся альтернативы. Делается вывод, что возврат к национализму, который наблюдается в последнее время, неизбежен, однако в силу российской специфики можно избежать недостатков национализма при помощи пути, предложенного русской философией, когда национализм переходит в свою противоположность – всеединство (В.С. Соловьев).*

Ключевые слова: *капитализм, кризис, национализм, рефлексия, культурная травма, всеединство.*

В первой четверти XXI века все яснее просматриваются тенденции того многомерного глобального кризиса, к которому движется человечество. Многие исследователи, философы и социологи перекладывают вину на капитализм и либерализм, как основную модель и идеологию ведения мирового хозяйства в XVII–XXI веках Россия с 1991 г., как известно, также стала частью этой всемирной модели.

Если мы посмотрим на события предшествующего века, а именно второй половины XIX – начала XX века, то будут ясны параллели с современным положением России, находящейся в положении витязя на распутье. С одной стороны, перед страной стоит задача поиска своей идентичности и своего культурного положения в современном мире, с другой – как нельзя более остро обозначился вопрос о самоопределении в эпоху глобальных кризисов и катастроф. В 1917 г. страна круто изменила ход истории, шагнув на зыбкую почву социального эксперимента, заплатив за это большую «цену». И не столько человеческими жертвами, сколько изменениями в массовом сознании, том центре, который является творцом культуры и нации. Иными словами, культурной идентичности коммунистическим экспериментом был нанесен страшный удар, который сказывается до сих пор. Уже по причине революции 1991 г. становится очевидным неверный шаг, который совершило российское общество, соблазнившись «западным» учением коммунизма, рассматривавшим религию как своего непосредственного конкурента.

Однако российское общество очень некомфортно чувствует себя в ситуации тоталитаризма, когда государство указывает, как себя вести и как думать правильно. Художники, музыканты, поэты и писатели не могли в полной мере реализовать в СССР свой творческий потенциал, так как свобода творчества вступала в острый конфликт с требованиями официальной идеологии (пресловутый соцреализм). Идеологические мифы, активно проповедуемые некоторыми российскими политиками, не имеют под собой фактической исторической базы. Например, успехи сталинской экономики – главной «священной коровы» компартии – это миф. Экономика, большей частью основанная на внеэкономических формах принуждения к почти бесплатному труду, не может быть основана на принципах добровольности и свободы. Для обеспечения ее функционирования совершенно необходимы цензура, репрессии, заключенные, лагеря. Необходимо отметить, что глобальный кризис видел уже В.С. Соловьев – замечательный русский философ, живший на заре капиталистических отношений в России.

Альтернативой коммунизму, равно как и либеральному капитализму в России, сегодня предлагается национализм. В России проживает более 180 националь-

ностей, что осложняет межэтнический вопрос. «Мало иметь перед глазами опыт живших до нас поколений. Необходимо желание и готовность этот опыт усвоить, что требует отказа от утешительных иллюзий и льстящих национальному самолюбию мифов» [2, с. 460]. Но что может помочь на пути к преодолению этого национального эгоизма (который в последнее время часто путают с патриотизмом)? Словенский философ рубежа XX–XXI вв. С. Жижек значительно раздвигает горизонты перспектив развития человечества, выходя за пределы как либерального капитализма, так и национализма.

Глобализм и мультикультурализм, как показывают факты, вовсе не приводят к обществу, свободному от социальных конфликтов, скорее наоборот. Получается какое-то гегелевское диалектическое превращение тезиса в антитезис: глобальная рефлексивность порождает свою собственную импульсивно-агрессивную противоположность, беспричинную жестокость, находящую свое проявление «от расистского «фундаментализма» или религиозного фанатизма до «немотивированных» вспышек насилия, совершаемых в современных мегаполисах подростками или бездомными» [1, с. 36], когда мы слышим об отнимающих у нас работу иностранцах, о том, что они угрожают нашим западным ценностям, нам не стоит заблуждаться, ведь при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что рассуждения эти – лишь поверхностная вторичная рационализация. В итоге Жижек предлагает психоаналитическое объяснение тем катаклизмам, которые мы наблюдаем в повседневности: «В конечном счете от бритоголового насильника мы добьемся признания, что ему просто-напросто доставляет удовольствие избивать иностранцев, что в их присутствии он себя отвратительно чувствует…» [1, с. 36].

Как начиналась вторая мировая война? Она начиналась с прихода к власти диктаторских режимов, нацеленных на передел мира и с этой целью разработавших мизантропическую идеологию. Происходило все на фоне мирового экономического кризиса 1929–1933 гг – крупнейшего в истории капиталистического мира. Налицо были типичные признаки культурной травмы, однако травма сама по себе не является результатом того, что некая группа людей испытывает боль. Она есть «результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности», иными словами, коллективные акторы «представляют социальную боль как основную угрозу их пониманию того, кто они, откуда они и куда хотят идти» [3, с. 316].

Что мы имеем в современной Европе? Евросоюз испытывает все большие экономические проблемы. Это порождает и обостряет существующие политические проблемы, как внешние, так и внутренние. Кризис 2008 г. обусловил приближение к власти националистических и даже нацистских сил в некоторых странах Европы (Австрия, Греция).

Вопрос стоит так: что гарантирует, что в Европе накануне очередного циклического кризиса (длинные волны Кондратьева – около 2035 г.) не сложатся обстоятельства, сходные с теми, которые способствовали приходу в Италии, Германии и России человеконенавистнических диктатур, жаждущих передела мира?

Соловьев, в отличие от Жижека, подходит к задачам общества будущего со стороны объединения духовного, религиозного и материального, телесного. По Соловьеву, чувственным или материальным началами жизни нужно в любом случае овладеть, обуздать их. Путем к этому и является религия. Однако контроль должен быть не в форме отрицания телесного, как, например, у аскетов Востока, но его обожествления через жизнь в Церкви, пребывании в теле Христа: «Свобод-

ное же подчинение каждого всем, очевидно, возможно только тогда, когда все эти сами подчинены безусловному нравственному началу, по отношению к которому они равны между собою, как все конечные величины равны по отношению к бесконечности» [5, с. 12]. Жижек, напротив, исходит из превалирования телесного (фрейдизм) начала и причины в человеческом социуме. «Однако христианский Бог милосердия утверждает себя как высшая инстанция *сверх-я* именно потому, что *не* устанавливает нам никакой платы за наши грехи, именно потому, что Он Сам оплачивает наш счет» [1, с. 154]. Таким образом, и Соловьев, и Жижек сходятся на идее христианского универсализма, всеобщей любви к ближнему, выражающейся в примере распятия Христа, которая одна способна возобладать над центробежными тенденциями современности.

Обнаружив причины межнациональных конфликтов и возрастания национализма в глобализирующемся мире в эгоизме, Жижек обращается к понятию *агапэ,* или универсальной любви, адресованной всему человечеству, чтобы выбраться из капиталистической ситуации экономики расхода, общества траты и потребления. Агапэ, в противоположность Эросу (Жижек – неофрейдист) обычно переводят либо как «любовь», либо как «милосердие»: «Агапэ как таковое противоположно эросу, поскольку означает не столько плотские удовольствия, сколько доброту и заботу как часть собственной природы, и чье отправление приносит удовлетворение» [1, с. 126]. В противоречии, когда Бог (Христос) приносит самого себя в жертву, в «божественной само-оставленности», «непостижимости Бога для Самого Себя» Жижек обнаруживает его фундаментальное несовершенство. Христианская любовь – «любовь по ту сторону милости» – это «всегда любовь для Другого, поскольку он испытывает нехватку; мы любим Другого из-за его ограниченности, беспомощности и даже посредственности» [1, с. 163]. В этом он обнаруживает отличие от других религий, которые превозносят божественное (или человеческое) совершенство. Согласно Жижеку, именно эта последняя тайна христианской любви, христианское наследие, обнаруживаемое им в любовной привязанности к несовершенству Другого, зачастую сбивающее нас с толку, «сегодня ценнее, чем когда-либо» [1, с. 163].

Это поразительно напоминает направление, которое обозначил в своих работах еще в XIX веке В.С. Соловьев. Не будучи постмодернистом, Соловьев, тем не менее, критически переосмыслял наследие европейской цивилизации, равно как и российской, вступающей на зыбкий путь капиталистического развития. Согласно Соловьеву, человечество неизбежно придет ко всеединству, будет объединено вселенской любовью Христа к человечеству. Именно фигуре Христа отводится главное место, она должна стать объединителем человечества, избавителем от негативных явлений нашего времени: экономического эгоизма (капитализма), национального эгоизма (национализма), вооруженных конфликтов по мотивам расовой, религиозной и национальной принадлежности и т.д. И Жижек, и Соловьев сходятся в том, что именно универсальное понятие любви может единственно противостоять всем этим тенденциям. При этом ни тот ни другой не отступают от идеи либерализма: Соловьев показывает, что отдельный человек не в силах преодолеть негативные тенденции, не прибегая к религиозной традиции. Однако христианство – это не принуждение к вере, а свобода, свобода «народного обычая, свобода личного вдохновения и личной совести», иными словами, «свобода не может и не должна быть у них отнята», но «как люди, ищущие добра и правды, они должны эту самую свободу, всю эту энергию человеческого начала от своих

отдельных целей обратить на общее дело Божие» [4, с. 204]. Таким образом, спасение человечества невозможно на почве искусственных умозрительных схем и концепций (наподобие коммунизма), без использования того историко-культурного наследия, той духовно-нравственной основы, которая способствовала сохранению и приумножению человечества до сих пор.

Библиографический список

1. Жижек С. Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие. М.: Художественный журнал, 2003. 178 с.
2. Ковров Э.Л. Рубеж веков: Россия в зеркале мемуаров В.Е. Врангеля // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVII Международной научной конференции, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенской губернии и 100-летию высшего образования в Ивановском крае. 2018. С. 456-460.
3. Симонян Э.Г., Ивашкин И.Ф. Рефлексия как рациональная реакция в анализе культурной травмы // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 3. С. 312-318.
4. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Сочинения: в 2 т. Т.1. М.: Правда, 1989. С. 59-167.
5. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 5-170.

Информация об авторе

Ухов Артем Евгеньевич (Россия, Вологда) – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина» (Вологда с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2; uae893@yandex.ru).

Ukhov A.E.

NATIONALISM, CAPITALISM AND THE WAYS OUT OF THE GLOBAL CRISIS

***Abstract**. The article is about philosophical reflexion one of the core problem of modern sociology that is multidimensional global crisis. The conclusion of the coming back to nationalism policy is inavoidable is drawn. However, due to Russian singularity, it could be possible to avoid its drawbacks by following the way has been offered by Russian philosophers, who consider V.S. Soloviov's vseedinstvo to place in lieu of nationalism.*

***Key words:** capitalism, crisis, nationalism, reflexion, cultural trauma, vseedinstvo.*

Information about the author

Ukhov Artem E. (Russia, Vologda) – Senior Lecturer of Philosophy and History in Vologda State Dairy Farming Academy named by N.V. Vereshchagin (Russia, Vologda, s. Molochnoye, ul. Shmidta 2; uae893@yandex.ru).

References

1. Kovrov E.L. The turn of the centuries: Russia in the mirror of V.E.'s memoirs Wrangel, State, society, Church in the history of Russia of the XX-XXI centuries Materials of the XVII International scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the Ivanovo-Ascension province and the 100th anniversary of higher education in the Ivanovo region. 2018. P.456-460.

2. Simonyan E.G., Ivashkin I.F. Reflection as a rational reaction in the analysis of cultural trauma, 2. Social and humanitarian knowledge. 2018. Vol. 3. P. 312-318.
3. Soloviev V.S. The Great Debate and Christian Politics, Collected Papers in 2 vols. Vol.1. Moscow, Pravda, 1989. P. 59-167.
4. Soloviev V.S. Readings about God-manhood, Collected Papers in 2 vols. Vol.2. Moscow, Pravda, 1989. P. 5-170.
5. Žižek S. The Fragile Absolute, or Why is it worth to fight for Christian legacy? London: Verso, 2000, 182 p.

УДК 314.48:[613.81]:[316.624]:[338.001.36]/ББК 60.7:[65.495]:[56.14]

Шматова Ю.Е.

ПРОБЛЕМА АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ: «ЦЕНА», МАСШТАБЫ, ТЕНДЕНЦИИ

***Аннотация**. В работе представлена оценка экономических потерь (в мире и в РФ) вследствие злоупотребления алкоголем, выделены некоторые позитивные и негативные тренды статистических показателей, отражающих проблему; определены регионы-лидеры; дана оценка ситуации в Вологодской области.*

***Ключевые слова:** алкоголизм, заболеваемость алкогольными психозами, смертность от случайных отравлений алкоголем, бремя болезни, продажа спиртных напитков.*

Массовое распространение наркомании и алкоголизма признано одной из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации[1]. Несмотря на то что алкоголизм является медицинским диагнозом, его причины и последствия зачастую социально-экономические.

В 2016 г. в мире насчитывалось более 100 миллионов случаев алкогольной зависимости. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)[2], ежегодно в мире около 3 миллионов смертей (5% всех случаев) происходит вследствие вредного употребления алкоголя. Причем среди молодежи 20–39 лет их доля выше – 13,5% смертей, как и среди мужчин – 8%. По другим данным, пагубное воздействие алкоголя становится причиной смерти до 8 миллионов человек ежегодно (или от 228 до 913 смертей в час) [1].

Злоупотребление спиртными напитками вызывает более 200 нарушений здоровья (в т.ч. и репродуктивного), увеличивает риск травм, различных заболеваний [3]. Так, в Великобритании, по прогнозу специалистов, в 2020 г. алкогольные заболевания печени опередят болезни сердца в качестве основной причины смерти [2].

По данным масштабного международного исследования, общее бремя болезней и травм, обусловленных алкоголем (в т.ч. непреднамеренные травмы, самоубийства, алкогольные заболевания, болезни сердечно-сосудистой и пищеварительной системы, рак и цирроз), составило в 2016 г. 4,2% глобального бремени болезней (ГББ) [1].

Рост населения и его старение привели к тому, что с 1990 г. число людей с расстройствами, связанными с употреблением алкоголя и наркотиков, значительно возросло (с 70 до 100 млн. человек, из них две трети – мужчины). Тем не менее в связи с развитием медицины бремя болезни за указанный период несколько снизилось.

Вследствие употребления алкоголя в мире утрачено 99 млн. лет «здоровой» жизни (показатель DALY) [2], 82% из которых вызваны смертностью (YLL), а 18% – инвалидностью (YLD) [1].

Наибольшее число смертей на душу населения от причин, связанных с алкоголем, в 2016 г. приходилось на регион Восточной Европы – более 10 млн. случаев, повлекшее 14% мирового бремени. Это в 2,5 раза больше, чем в Западной Европе, и в 4,5 раза – чем в Северной Америке. В России показатели ущерба (число смертей и количество потерянных лет «здоровой» жизни вследствие смертности и инвалидно-

---

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/supplement/424 (дата обращения: 12.03. 2020).

[2] Алкоголь: информационный бюллетень ВОЗ. 2018. 21 сентября. URL:https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/alcohol (дата обращения: 12.03. 2020).

сти, на душу населения) от алкоголя в 3 раза превышают среднемировые (рассчитано автором по [1]).

В РФ в структуре потерь психические и поведенческие расстройства занимают 9% ГББ и их доля стабильна на протяжении 2000-х гг. Группа психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя, влечет 3% ГББ. С 2000 г. наблюдается рост бремени как психических расстройств, так и последствий алкоголизма в группе молодежи от 15 до 29 лет (на 19 и 10% соответственно[3]).

Оценив масштабы экономических потерь, вызванных алкоголем, рассмотрим степень распространения проблемы в нашей стране. Алкоголизация как статистическая совокупность может характеризоваться системой показателей. Эпидемиологические параметры демонстрируют следующие позитивные тенденции.

Заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами по сравнению с уровнем 1990 г. в стране сократилась в 2,3 раза (в Вологодском регионе – меньшими темпами: в 1,7 раза). Пиковые значения наблюдались в 1995 г. (вследствие прекращения ограничения продажи спиртных напитков, введенного в 1985 г.) и 2005 г. (вследствие увеличения среднедушевого потребления алкоголя). В 2015 г. также наблюдался скачок показателя в РФ на 10%, а в Вологодском регионе – на 50% (как реакция на кризис).

В 2017 г. лидировали по заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами в основном самые малонаселенные регионы (от 0,07 до 0,3 человек на кв. км): Чукотский АО (252,9 случая на 100 тыс. населения), Магаданская область (167,6), Республика Саха (139,0), Хабаровский край (128,3), Ненецкий АО (120,6), Сахалинская область (113,5).

Заболеваемость алкогольными психозами как статистический показатель заслуживает отдельного внимания, т.к. данное заболевание формируется на 2–3-й стадии алкоголизма (как правило, спустя 2–5 лет многодневного злоупотребления спиртным). Частота их возникновения отражает уровень алкоголизации населения [4]. Почти каждый пятый госпитализированный больной алкогольной зависимостью – это больной алкогольным психозом.

Заболеваемость алкогольными психозами в РФ только за последнее десятилетие снизилась в 3 раза, в СЗФО – в 3,5 раза. Однако в Вологодском регионе данный показатель в 1,5 раза превышает средний по стране и по СЗФО и в 2017 г. составил 19,6 на 100 тысяч населения (30 место в РФ[4]). Это говорит о неблагоприятной алкогольной ситуации в регионе.

Другой статистический показатель алкоголизации – смертность от алкоголь-ассоциированных заболеваний имеет стойкую тенденцию к снижению (на 30% за последние 10 лет). Только с 2016 года он снизился на 13,5%. Однако стоит отметить, что реальные цифры смертности значительно выше потому, что в «алкогольную» статистику не входят пациенты с циррозом печени, панкреонекрозами и некоторыми сердечно-сосудистыми патологиями, которые зачастую вызваны чрезмерным употреблением спиртного, т.к. они относятся Росстатом к разделам «Смертность от болезней системы пищеварения» и «Смертность от болезней кровообращения».

---

[3] Рассчитано автором на основе баз данных GLOBAL HEALTH ESTIMATES 2000, 2010, 2016 SUMMARY TABLES. URL: http://www.who.int/healthinfo/global_burden_disease/en/ (дата обращения: 12.03. 2020).

[4] Социально значимые заболевания населения России в 2017 году (статистические материалы). М., 2018. 69 с. С. 44-45.

Еще одним ярким статистическим показателем проблемы алкоголизма в стране является уровень смертности от случайных алкогольных отравлений. В 2018 г. более 5,5 тысячи жителей России погибли по данной причине, еще более 1,5 тысячи – от отравлений и воздействия алкоголем с неопределенными намерениями[5]. Основные тренды смертности от случайных отравлений алкоголем в целом совпадают с заболеваемостью алкогольными психозами, демонстрируя пики в 1995 и 2005 гг. Мужчины в 4 раза чаще погибают от случайных отравлений алкоголем, чем женщины.

Данная причина смерти является одной из предотвратимых, т.к. зачастую вызвана отравлением фальсификатом либо передозировкой, что во многом зависит от уровня потребления населением крепких спиртных напитков. К сожалению, официальной статистики по этому поводу не существует. Мы можем только предположить объем потребления исходя из объема продаваемого населению алкоголя. Разумеется, этот показатель лишь частично отражает реальное потребление, т.к. он не учитывает столь популярное в нашей стране домашнее производство спиртных напитков, а также использование нелегальной алкогольной продукции и суррогатов.

Данные социологических исследований могут дополнить информацию об истинном положении дел. Так, согласно опросу, проведенному ВолНЦ РАН в 2019 г., каждый пятый житель «ежедневно» или «по выходным» употребляет пиво, а каждый двенадцатый – крепкие напитки. Около 60% населения Вологодской области совсем не пьют пиво, некрепленые вина и крепкие спиртные напитки, а 74% – крепленые вина.

По данным официальной статистики, в целом продажа алкогольных напитков в России по сравнению с уровнем 2005 г. снижена на треть как в абсолютном алкоголе (в 2016 г. – 97 млн. дкл), так и на душу населения (6,6 л), так и в процентах от общего объема оборота (6,8%)[6]. В 2010 г. наблюдался рост продажи коньяков, вина и пива.

Изучая географию продаж алкоголя в РФ, можно сделать следующие выводы. Пиво наиболее продаваемо в Уральском и Центральном федеральных округах, водка – в Дальневосточном и Сибирском, вино и коньяк – в Северо-Западном и Центральном.

В среднем в России в 2017 г. продавалось 5,5 л водки в год на одного жителя, включая детей, а это значит 7 литров на одного взрослого (0,6 л в месяц). Лидерами являются Сахалинская, Магаданская области и республики Коми и Карелия (более 12 литров водки в год). Магаданская область находится на 2 месте после Мурманской и по продаже коньяка. Ненецкий АО, Карелия и Сахалинская область лидируют по продаже вина и пива. В среднем в России и СЗФО продается 49 литров пива на душу населения в год, вдвое больше – в республиках Адыгее (98) и Татарстане (93), Еврейской АО (86) и в Камчатском крае (82). Субъекты Северо-Кавказского федерального округа традиционно замыкают список по объемам продаж всех алкогольных напитков.

В Вологодской области показатели сбыта некоторых спиртных напитков выше, чем в целом по стране (водки – в два раза, вина – на треть, пива – на 10%[7]). С учетом того, что водки и коньяка в регионе продается 10,6 литра на душу населения, на одного взрослого приходится 8,3 литра в год. Если обратить внимание на упомянутые выше социологические опросы, согласно которым две трети жителей не

---

[5] Сведения о смертности населения по причинам смерти в Российской Федерации за январь–декабрь 2018 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/t3_3.xls (дата обращения: 16.03.2020).

[6] Структура розничной продажи алкогольных напитков и пива населению // Торговля в России – 2017 г.: стат. сб. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_58/Main.htm (дата обращения: 12.03.2020).

[7] Продажа алкогольных напитков населению в 2017 г. // Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018 г.: стат. сб. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения: 12.03.2020).

употребляют крепкие спиртные напитки, то на оставшуюся треть приходится по 2 литра ежемесячно. Продажа шампанского и игристых вин в Вологодском регионе ниже российского и среднего по СЗФО показателей.

В СЗФО Мурманская область лидирует по продажам коньяка, пива и шампанских вин, Коми – по водке, а Ненецкий АО – по вину. Самые северные субъекты округа традиционно демонстрируют больший интерес к чрезмерному употреблению алкоголя, преимущественно крепкого.

Наименьшее количество алкоголя в СЗФО продается в Калининградской области. Однако смертность населения в данном регионе от случайных отравлений алкоголем более чем в 2 раза превышает средний уровень по стране. По заболеваемости алкогольными психозами регион находится на 6 месте в России, по уровню трезвости – на 46 месте (*таблица*). Косвенно это может свидетельствовать об активном нелегальном, в т.ч. и «домашнем», производстве спиртных напитков.

Субъекты СЗФО в «Рейтинге Трезвости регионов России – 2017»*

Регионы	Балл	Место	Регионы	Балл	Место
Ненецкий АО	46,6	84	Калининградская область	35,41	46
Республика Коми	40,19	73	г. Санкт – Петербург	34,38	37
Архангельская область	37,48	64	Новгородская область	34,22	35
Вологодская область	37,28	63	Ленинградская область	33,39	26
Республика Карелия	36,75	61	Мурманская область	30,09	14
Псковская область	35,98	50	Источник: http://www.trezvros.ru/calendar/524		

*Федеральный проект «Трезвая Россия» подготовлен командой специалистов: экспертов, социологов, юристов, экономистов, историков, психологов и журналистов. При составлении «рейтинга трезвости» ими были учтены следующие показатели официальной статистики: смертность от случайных отравлений алкоголем, численность больных в ЛПУ с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы, число преступлений в состоянии алкогольного опьянения, объемы продаж алкогольной продукции, число правонарушений, связанных с незаконным производством и оборотом этилового спирта и алкоголя, количество часов запрета продажи алкоголя ежедневно и количество дней запрета. URL: http://www.trezvros.ru/calendar/524 (дата обращения: 12.03.2020).

Таким образом, с одной стороны, можно говорить о благоприятных тенденциях снижения заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами, смертности от случайных отравлений алкоголем, сокращения объемов продаж спиртных напитков как в целом по стране, так и в СЗФО и в Вологодской области (но меньшими темпами) по сравнению с уровнем середины 2000–х гг.

С другой стороны, уровень смертности в России от заболеваний, вызванных алкоголем, остается крайне высоким (119,3 на 100 тыс. нас.). Нашу страну опережают только Королевство Лесото (292,8), Центральная Африканская Республика (228,4), Монголия (126,7), Румыния (124,1), Украина (123,6) и Уганда (122,2) [1].

Настораживает и факт роста уровня смертности от заболеваний, связанных с потреблением алкоголя, в группе молодежи (что особенно актуально в демографическом плане). Соответственно возрастает и экономическое бремя в данной возрастной категории.

Высокие по сравнению со среднероссийскими показатели заболеваемости алкогольными психозами и объемы продаж алкоголя на душу населения в СЗФО и конкретно в Вологодской области говорят о недостаточно эффективной системе профилактики и лечения алкоголизма, а также реабилитации пациентов.

Следует отметить, что чрезмерное потребление алкоголя провоцирует обострение криминальной обстановки. По данным Росстата, каждое пятое-шестое

преступление в 2016–2018 гг. совершено в состоянии алкогольного опьянения. Причем это происходит в два раза чаще, чем, например, во второй половине 2000-х гг.

На данный момент для решения проблемы в России предприняты следующие шаги: введен практически полный запрет рекламы спиртного, повышены акцизы и минимальные цены на алкоголь, значительно увеличены штрафы и сроки наказания за вождение в нетрезвом состоянии, запрещено употребление алкоголя в общественных местах, законодательно признано алкогольным напитком пиво, запрещено производство и продажа так называемых «энергетиков», введено ограничение времени продаж спиртных напитков. Важным направлением борьбы с «зеленым змием» являются предпринимаемые усилия по развитию и пропаганде спорта, строительству спортивных сооружений по всей стране.

Однако «приходится констатировать, что за последние десятилетия в стране складывается антикультура пития и разрушаются старинные питейные традиции. Люди стали пить и в будни, и в праздники. Привычным становится потребление алкоголя среди подростков и женщин. Население начинает употреблять не только алкогольные напитки, но и парфюмерные изделия, медицинские настойки и другие препараты, содержащие алкоголь. Все это является свидетельством того, что потребность населения в алкоголе обладает большой инерционностью» [5, с. 32].

Для решения проблемы алкогольной зависимости в России и в дальнейшем необходимо разрабатывать антиалкогольную федеральную программу; заниматься пропагандой здорового образа жизни, привлекая СМИ, школы, высшие учебные заведения, работодателей, медицинских работников; бороться с коррупцией и алкогольными монополиями.

Стоит отметить, что повышение цен на алкоголь стимулирует его нелегальную продажу. Государство не должно стремиться пополнить бюджет сборами с крепкого алкоголя. Его потребление, а следовательно, и сборы должны быть низкими. Изначально решение проблемы алкоголизма будет требовать от государства немалых расходов, но важно отметить, что трезвая нация в будущем принесет больше доходов, нежели акцизные сборы с продажи алкогольной продукции в данный момент [5].

Немаловажным является и привлечение общественных организаций в процесс формирования и тиражирования эффективных технологий профилактики, совершенствования системы наркологической помощи. Институты гражданского общества, в т.ч. некоммерческие организации, находясь в тесной взаимосвязи с органами государственной власти, могут осуществлять не только социальную, реабилитационную помощь, подготовку кадров, но и активно участвовать в выработке нормативно-правовых актов на государственном уровне и содействовать их принятию.

С экономической точки зрения создание трезвой нации – это долгосрочное инвестирование государства в здоровье собственных граждан, в человеческий капитал и национальную безопасность.

Библиографический список

1. Degenhardt L., Charlson F., Ferrari A., et al. The global burden of disease attributable to alcohol and drug use in 195 countries and territories, 1990–2016: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2016. Lancet Psychiatry, 2018, № 5, 987–1012.
2. Gray C. Mixed up: alcohol and society. The Lancet psychiatry, 2018, Т.5., № 12, 970. http://dx.doi.org/10.1016/ S2215-0366(18)30432-2
3. Rehm J., Gmel G.E. Sr., Gmel G., et al. The relation between different dimensions of alcohol consumption and burden of disease: an update. Addiction, 2017 № 112, 968–1001.

4. Гофман А.Г., Орлова М.А., Меликсетян А.С. Алкогольные психозы: клиника, классификация // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. XX. №1. С. 5-12.
5. Ерпылов А.А. Алкоголизм как социальная проблема российского общества // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015. № 4 (26). С. 31-34.
6. Чремисина Н.В, Ивлев М.И., Талалаев Д.Д. Алкоголизм: глобальная проблема современной России // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 10. С. 164-168.

Информация об авторе

Шматова Юлия Евгеньевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; common@volnc.ru).

Shmatova Yu.E.

PROBLEMS OF ALCOHOL DEPENDENCE: "PRICE", SCALE, TRENDS

Abstract. *The paper presents an assessment of economic losses (in the world and in the Russian Federation) due to alcohol abuse, some positive and negative trends of statistical indicators reflecting the problem are highlighted, leading regions are identified, an assessment of the situation in the Vologda Oblast is given.*

Key words: *alcoholism, incidence of alcoholic psychoses, mortality from accidental alcohol poisoning, the burden of the disease, the sale of alcohol.*

Information about the author

Shmatova Julia E. (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Researcher, Federal State Budgetary Scientific Institution Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorky St., 56a; common@volnc.ru).

References

1. Degenhardt, L., Charlson, F., Ferrari, A., et al. (2018). The global burden of disease attributable to alcohol and drug use in 195 countries and territories, 1990–2016: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2016. *Lancet Psychiatry*, 5, 987–1012.
2. Gray, C. (2018). Mixed up: alcohol and society. *The Lancet psychiatry*, 5(12), 970. http://dx.doi.org/10.1016/ S2215-0366(18)30432-2.
3. Rehm, J., Gmel, G., Gmel, G., et al. (2017). The relation between different dimensions of alcohol consumption and burden of disease: an update. *Addiction*, 112, 968–1001.
4. Hoffman, A.G., Orlova, M.A., Meliksetyan, A.S. (2010). Alcoholic psychosis: clinic, classification. Social and Clinical Psychiatry, Vol. XX, no 1, 5-12.
5. Erpylov. A.A (2015). Alcoholism as a social problem of Russian society. Theory and practice of service: economics, social sphere, technology, № 4 (26), 31-34.
6. Cheremisina, N.V., Ivlev, M.I. & Talalaev, D.D. (2014). Alcoholism: the global problem of modern Russia. Socio-economic phenomena and processes, Vol. 9, № 10, 164-168.

РЕШЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 353.2

Асеева К.А., Родин А.В.

НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Аннотация. *Демографические проблемы являются одними из основных в современной России. Демографическое неблагополучие Российской Федерации и её субъектов довольно актуальная тема. Данная статья посвящена исследованию нынешней демографической ситуации такого субъекта РФ, как Краснодарский край, а конкретно особенностям демографии края и его демографической политике, факторам, влияющим на естественное и механическое движение в регионе.*

Ключевые слова: *демография, численность населения, региональный проект, естественное движение, механическое движение.*

Стратегической целью развития территории является повышение ее конкурентоспособности, в первую очередь, по направлению привлекательности для трудовых ресурсов, а также комфорта проживания на ней жителей до уровня выше, чем на соседних территориях, или с большей динамикой, чем в соседних территориях. Обеспечение высокого качества жизни населения является ключевым фактором его естественного прироста. Таким образом, оценка конкурентоспособности регионов должна учитывать факторы долговременного (стратегического) характера, отражающие текущее социально-экономическое положение территории и перспективы, предпосылки ее развития [1, с. 59].

Институциональные факторы оказывают большое влияние на характер региона. В широком понимании к ним относятся политический, экономический, социальный, культурный институты, сложившиеся в конкретном регионе. К ним можно отнести и демографическую политику региона [2, с. 16].

Основной особенностью демографии нашего региона в настоящее время является тот факт, что на первый взгляд проблемы прироста населения отсутствуют (последнее десятилетие численность населения стабильно увеличивается – данные указаны в *табл. 1*).

Таблица 1. Численность населения Краснодарского края с 2010 по 2020 год, на начало года, тыс. человек [3]

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Численность населения	5226	5229	5284	5330	5404	5453	5513	5 570	5603	5648	5677

Однако этот показатель растет только за счет миграции, а естественный прирост последние несколько лет отрицательный, число родившихся сильно сокращается; с 2018 по 2019 г. наблюдается очень сильная естественная убыль населения – вывод сделан из данных, которые содержатся в *таблице 2*.

Таблица 2. Естественное движение населения Краснодарского края с 2017 по 2019 год, человек [3]

Год	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост, убыль (-) населения
2017	67297	69764	-2467
2018	64519	67274	-2755
2019	61189	69836	-8647

Одной из основных причин снижения рождаемости является проблема трудоустройства (проблема актуальна для всей России в целом, не только для Краснодарского края), отсюда вытекает низкий уровень жизни значительной части населения, люди попросту не могут найти достойно оплачиваемую работу или работы нет вовсе, эта проблема «тянет» за собой другую: проблемы с жильем, далеко не все готовы заводить детей, живя на съемной квартире. В регионе наблюдается и довольно высокий уровень занятости женщин, что также сказывается на таком демографическом показателе, как «рождаемость».

Прогнозы Росстата не радужные: к 2035 году население края будет превышать 6 миллионов человек, однако рост населения будут по-прежнему обеспечивать мигранты; в течение всего периода рождаемость будет ниже смертности. По прогнозам до 2029 года количество родившихся в крае будет только сокращаться и к 2029 году составит примерно 58 500 человек; далее ожидается постепенный рост, и к 2035 году число родившихся составит 64 000, этому росту будет способствовать региональный проект «Демография», о котором будет сказано позже. Число умерших к 2029 году возрастёт до 72 300 человек, а затем будет оставаться приблизительно на одном и том же уровне. В результате в крае до 2035 года ожидается естественная убыль населения, которая к 2035 году достигнет 8 700 человек [4].

Если говорить о миграции, то миграционный прирост в крае на протяжении долгого времени положительный – данные представлены в *таблице 3*.

Таблица 3. Миграционный прирост, убыль (-) населения Краснодарского края, человек [3]

Показатель	2010	2014	2015	2016	2017	2018
Миграция (человек)	26746	45800	57736	55705	34942	47570

С 2010 по 2018 год число прибывших в регион увеличилось на 116 262 чел. Данные представлены в *таблице 4*.

Таблица 4. Число прибывших в Краснодарский край, человек [3]

Показатель	2010	2014	2015	2016	2017	2018
Миграция (человек)	84366	210021	208363	212863	189902	200628

Такие цифры абсолютно неудивительны, Краснодарский край очень привлекателен для мигрантов по ряду причин: основная из них, безусловно, благоприятный климат, а также развитость региона в целом.

Конечно же, очень хочется, чтобы население увеличивалось не только за счет миграционных потоков, но и за счет естественного прироста. Для этого в Краснодарском крае реализуется национальный проект «Демография». Проект призван увеличить продолжительность здоровой жизни до 67 лет, повысить коэффициент рождаемости до 1,7 в расчете на одну женщину, способствовать росту числа людей, ведущих здоровый образ жизни [5].

Для достижения поставленных целей принято пять региональных проектов:

1. Финансовая поддержка семей при рождении детей.
2. Старшее поколение.
3. Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до 3 лет.
4. Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек.
5. Спорт – норма жизни [5].

Финансовая поддержка семей при рождении детей подразумевает наличие однократных или регулярных выплат за рождение детей (к 2024 году планируется получение 18 000 семей краевого материнского капитала, такая же цифра семей должна получить ежемесячную выплату за рождение третьего ребенка и последующих детей, 50 175 семьям будут положены ежемесячные выплаты за рождение (усыновление) первого ребенка), а также финансовая помощь семьям, страдающим бесплодием, в проведении экстракорпорального оплодотворения (к 2024 году планируется 12 418 циклов экстракорпорального оплодотворения за счет базовой программы обязательного медицинского страхования). Эти меры должны повысить коэффициент рождаемости до 1,7 в расчете на одну женщину. На реализацию этого проекта должно быть выделено 23 миллиарда рублей, причем почти 80% – это средства из регионального бюджета [5].

Проект «Старшее поколение» призван увеличить среднюю продолжительность жизни, улучшить уровень жизни людей пожилого возраста (к 2022 году должен быть реализован долговременный уход за пожилыми людьми во всех муниципальных образованиях края; к 2024 году планируется: создать реестр, где будет вестись учет пожилых граждан, которые нуждаются в помощи; 9 000 человек должны быть обеспечены сиделками; повышение до 70% числа пожилых граждан, проходящих профилактические осмотры; создать 61 выездную бригаду, которая будет заниматься лечением болезней пожилого возраста; привлечение людей старше трудоспособного возраста к мероприятиям по социальному туризму (более 6 000 человек). Планируется, что данный проект к 2024 приведет к тому, что ожидаемая продолжительность жизни граждан после 55 лет увеличится в среднем с 18,8 до 20,9 года, также повысится качество жизни людей пожилого возраста. Реализация этого проекта обойдется в 1 252 миллиона рублей [5].

Рождаемость сокращается в том числе из-за того, что работающие женщины понимают, что им попросту некуда деть ребёнка до 3-х лет, следовательно, не рожают детей, потому что совмещать работу и воспитание ребёнка попросту невозможно. Поэтому разработан ещё один региональный проект – «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до 3 лет». Кураторы проекта обещают к 2021 году обеспечить стопроцентную доступность дошкольного образования для детей в возрасте до 3 лет, а 2024 году создать 1 200 дополнительных мест в частных организациях, осуществляющих образовательную деятельность. Женщины, находящиеся в декретном отпуске, зачастую теряют свою квалификацию, кураторы обещают нам, что к 2024 году 7 991 женщина, находящаяся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет, пройдет профессиональное обучение. Планируемый результат проекта: повышение уровня занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста, до 62,5%. Проект обойдётся в 2165,1 миллиона рублей [5].

Для повышения демографических показателей очень важно приобщение людей к здоровому образу жизни и спорту, ведь это ведёт к увеличению продолжительности жизни и повышению её качества. Для этого в крае реализуются два региональных проекта: «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек» и «Спорт – норма жизни». В рамках этих проектов будут внедрены корпоративные программы, содержащие наилучшие практики по укреплению здоровья работников; будет вестись пропаганда здорового образа жизни в СМИ; увеличится количество кадров для ведения спортивно-массовой работы с населением, к 2024 году планируется вовлечь в

систематические занятия физической культурой и спортом не менее 850 000 человек; к этому же периоду должно быть введено в эксплуатацию 8 единиц объектов спорта в Краснодарском крае (спортивные залы, плоскостные сооружения, бассейны и др.); также во все спортивные школы олимпийского резерва будет поставлено новое спортивное оборудование и инвентарь. Эти меры должны сократить смертность в крае на 15% и увеличить на 37% долю населения (от 30 до 59 лет), систематически занимающегося физической культурой и спортом. На реализацию этого проекта должно быть выделено 2327,4 миллиона рублей, причем половина средств должна быть выделена из бюджета региона [5].

Необходимо повышать уровень жизни граждан, осуществлять помощь женщинам, имеющим детей до трех лет, в трудоустройстве. Следует в большем объеме осуществлять финансовую поддержку семей, более пристальное внимание уделять увеличению-продолжительности жизни населения. Нужно стимулировать развитие спорта. На всё это выделены финансовые ресурсы. Основной проблемой реализации данных проектов будет являться своевременное освоение выделенного финансирования, ведь направляются миллиарды рублей, поэтому краю необходимо ещё больше развивать экономику, а также эффективнее осваивать средства, выделяемые из федерального бюджета.

Таким образом, постепенному улучшению демографической ситуации в крае будут способствовать формирование социально-экономических предпосылок к последующему демографическому росту, укрепление здоровья и увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения, поддержка материнства и детства, развитие консультативной и психологической поддержки семьи в целях создания благоприятного внутрисемейного климата, профилактика семейного неблагополучия, укрепление института семьи и брака.

В этой связи приоритетным направлением демографической политики в крае следует признать закрепление молодежи на своей земле. С этой целью необходимо принять комплекс мер, направленных на создание привлекательных для молодежи рабочих мест. В первую очередь это связано с переходом отраслей экономики и социальной сферы на инновационные технологии и появлением модернизированных рабочих мест, а в перспективе и цифровизованных [6, с. 417]. Необходимо развивать несельскохозяйственные виды деятельности и самозанятость как наиболее привлекательные для молодого поколения, создавать финансовые и инфраструктурные условия для привлечения и закрепления молодых специалистов и квалифицированных кадров массовых профессий в крае.

Библиографический список

1. Родин А.В., Будко А.С. Межсекторное взаимодействие в условиях цифровизации экономики региона // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования: научно-практический журнал. 2018. Т. 1. №7 (33). Курск: Университетская книга. С.58-63.
2. Родин А.В. Институциональные условия обеспечения активации межсекторного сотрудничества в развитии территории // Modern Economy Success. Международный научный журнал. 2018. №4. С. 15-20. URL: http://www.modernsciencejournal.org/release/2018/MES_2018_4.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
3. Население по национальности и владению русским языком по муниципальным образованиям // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-04(1).pdf (дата обращения: 15.03.2020).

4. Футурология // Демография на Кубани в 2035 году: меньше мигрантов и детей, выше смертность. URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/08/02/2018/5a7c1cbb9a79472d008a9741 (дата обращения: 09.03.2020).
5. Работа Правительства // Национальные проекты. Национальный проект «Демография». URL: http://government.ru/rugovclassifier/839/events/ (дата обращения: 17.03.2020).
6. Родин А.В. Цифровая трансформация межсекторного взаимодействия в реализации концепции «Smart Kuban» // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: сб. ст. Международной научно-практической конференции, г. Брянск, 30 ноября 2018 г. Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет. С. 416-418.

Информация об авторах

Асеева Ксения Андреевна (Россия, Краснодар) – студентка 2 курса бакалавриата, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; ksmommy@mail.ru).

Родин Александр Васильевич (Россия, Краснодар) – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; mailteor@mail.ru).

Aseeva K.A., Rodin A.V.

DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION OF DEMOGRAPHIC POLICY OF THE KRASNODAR REGION

Abstract. *Demographic problems are one of the main in modern Russia. The demographic disadvantage of the Russian Federation and its subjects is a rather topical and relevant topic. This article is devoted to the study of the current demographic situation of such a subject of the Russian Federation as the Krasnodar Territory, as well as specific features of demographics of borders and its demographic requirements, which also affect the natural and mechanical movement in the region.*

Key words: *demography, population, regional project, natural movement, mechanical movement.*

Information about the authors

Aseeva Ksenia A. (Russia, Krasnodar) – 2th year bachelor student, FSBEI HE “Kuban State University” (350040, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149; ksmommy@mail.ru).

Rodin Aleksandr V. (Russia, Krasnodar) – Candidate of Economics, Head of the department, FSBEI HE “Kuban State University” (350040, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149; mailteor@mail.ru).

References

1. Rodin A.V., Budko A.S. Intersectoral interaction in the context of digitalization of the regional economy / Innovative economy: prospects for development and improvement / scientific and practical journal. № 7 (33) Volume 1. 2018. Kursk: University Book CJSC. P.58-63.
2. Rodin A.V. Institutional conditions for ensuring the activation of intersectoral cooperation in the development of the territory / Modern Economy Success. International scientific journal. 2018, No. 4. P. 15-20. URL: http://www.modernsciencejournal.org/release/2018/MES_2018_4.pdf (accessed March 14, 2020).

3. Population by nationality and Russian language proficiency by municipalities // Office of the Federal State Statistics Service for the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea. URL: https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-04(1).pdf (accessed March 15, 2020).
4. Futurology // Demography in the Kuban in 2035: fewer migrants and children, higher mortality. URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/08/02/2018/5a7c1cbb9a79472d008a9741 (accessed 03.09.2020).
5. The work of the Government // National projects // National project "Demography". URL: http://government.ru/rugovclassifier/839/events/ (accessed: 03.17.2020).
6. Rodin A.V. Digital transformation of intersectoral interaction in the implementation of the Smart Kuban concept / Digital region: experience, competencies, projects. Collection of articles of the International scientific-practical conference. November 30, 2018, Bryansk, Bryansk State Engineering and Technology University. 2018 . P. 416-418.

УДК 314.15

Багирова А. П., Бледнова Н. Д.

МАТЕРИНСКИЙ И РОДИТЕЛЬСКИЙ ОТПУСКА КАК ПЕРИОД ИНТЕНСИВНОГО РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ[1]

Аннотация. *Статья рассматривает отпуска по беременности и родам, уходу за ребенком в качестве нового объекта изучения в экономике и социологии родительского труда. На основе доклада Международной сети исследователей политики родительских отпусков выделены основания классификации родительских отпусков как меры демографической политики разных стран мира, с этих позиций охарактеризована существующая в России система родительских отпусков. Авторы выделяют ряд аспектов, изучение которых позволит выявить взаимосвязь специфики трудовой деятельности в период родительских отпусков с результатами родительского труда.*

Ключевые слова: *родительский труд, родительский отпуск, материнский отпуск, демографическая политика.*

Отпуск по беременности и родам, отпуск по уходу за ребенком до достижения им определенного возраста во многих странах мира рассматриваются в качестве важнейших мер государственной демографической политики. Это – периоды времени, в которые, как подразумевается государством, матери (или другие родственники ребенка) в основном сосредоточены на выполнении родительских функций. Не акцентируя внимания на названии этих периодов (термин «отпуск» предполагает наличие возможности непрерывного отдыха), отметим лишь, что государственное регулирование этих отпусков определяет взаимоотношения ключевых стейкхолдеров демографической политики – населения репродуктивного возраста, государства, работодателей.

Современные ученые все чаще занимаются исследованием данного вопроса. В фокусе их внимания оказываются как отпуска по беременности и родам (они чаще называются материнскими отпусками), так и отпуска по уходу за детьми (они в научной литературе получили название родительских отпусков). Особое внимание, как правило, направлено на изучение родительских отпусков, которые берутся женщинами, поскольку традиционно женщинам отводится первичная роль в воспитании ребенка. Зарубежные исследователи рассматривают проблему с точки зрения влияния отпуска на карьеру матери и ее положение на рынке труда (В. Бартос, Б. Пертолд-Гебика, Дж. Вуд, К. Нилс). Однако сторонники гендерного подхода все чаще обращаются к тематике отцовских отпусков как механизму обеспечения равного участия обоих родителей в воспитании ребенка (Д. Врэй, Т. Лаппегард, А. Дувандер, С. Даффи, М. Йозеф). Отдельные ученые рассматривают вопрос организации отпусков родителей, воспитывающих детей без супруга (Дж. Джоу, Е. Вонг, Дж. Хейманн), а также отпусков по уходу за больным ребенком (К Бойе).

Политика предоставления отпусков существенно различается по странам мира. Исследованием вопросов организации отпусков в различных странах занимается Международная сеть исследователей политики родительских отпусков (The International Network on Leave Policies and Research - LP&R). В состав организации входят 60 экспертов в области занятости, семейной и гендерной политики из 45 стран

[1] Исследование проведено в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2722.2020.6).

мира. Ежегодно LP&R проводит семинары и форумы с целью обмена участников информацией об организации родительских отпусков в разных государствах. Помимо этого, LP&R публикует доклад о родительских отпусках в 45 странах, ученые из которых предоставляют актуальную информацию об этих мерах государственной демографической политики. В докладе представлена информация о материнских, отцовских и родительских отпусках, а также об отпусках по уходу за больным ребенком и других механизмах поддержки работающих родителей. При этом под материнскими отпусками в данном докладе понимаются отпуска, которые обычно предоставляются только матерям в период до, во время и сразу после родов, под отцовскими – отпуска, которые могут быть использованы исключительно отцами (преимущественно после рождения ребенка) с целью их участия в процессе воспитания ребенка и уходе за ним. Под родительскими отпусками, в свою очередь, понимаются отпуска по уходу за ребенком, в равной степени доступные как для матери, так и для отца.

Данные об отпусках в докладе группируются по следующим основаниям:

1) нормативное закрепление всех видов отпусков в трудовом законодательстве;

2) оплата различных видов отпусков:

– по продолжительности отпуска – полная или частичная (до определенного возраста ребенка);

– по размеру (в определенном соотношении с предшествующей заработной платой или нет; с установлением предельных (минимальных и максимальных) размеров выплат или нет);

3) продолжительность всех видов отпусков:

– продолжительность оплачиваемой части отпусков;

– продолжительность неоплачиваемой части отпусков;

4) гибкость предоставляемых отпусков:

– возможность воспользоваться отпуском в полном объеме или частично, чтобы продолжать осуществлять профессиональную деятельность в рамках неполного рабочего дня;

– возможность выбора менее продолжительного отпуска с более высокой оплатой и наоборот;

– возможность использования отпуска другими родственниками ребенка и т. д.;

– изменение продолжительности отпуска в зависимости от количества рожденных детей.

Представим результаты краткого обзора регулирования отпусков по выделенным критериям.

1. Нормативное закрепление всех видов отпусков в трудовом законодательстве

Отпуск по беременности и родам, по данным доклада, полностью отсутствует в 7 странах: Австралии, Исландии, Новой Зеландии, Норвегии, Португалии, Швеции и Великобритании. Понятия отцовского отпуска, в свою очередь, не существует в 8 государствах. Помимо России к ним относятся Хорватия, Германия, Исландия, Япония, Словакия, Швейцария и США. Наконец, родительский отпуск нормативно не закреплен в Бразилии, Чили, Китае, Мексике, Швейцарии, ЮАР и США.

2. Оплата различных видов отпусков

2.1. Соотношение с предшествующей заработной платой.

В странах, где действуют пособия, существуют две категории отпусков: «paid» и «well-paid» (т.е. «оплачиваемые» и «высокоплачиваемые»). Для первой категории устанавливается фиксированный процент выплаты пособия в зависимости от дохода родителя. Например, в России пособие по уходу за ребенком составляет 40% от

среднего заработка, рассчитанного за два последних года до наступления отпуска. В странах с высокооплачиваемыми отпусками размер пособия составляет 66% и выше от заработка родителя (например, при оплате родительских отпусков такая система реализуется в Финляндии и Люксембурге).

2.2. Установление предельного размера выплат для отдельных видов отпусков.

Согласно докладу Международной организации LP&R, предельная величина выплат в период отпуска по уходу за ребенком установлена в 14 из 43 стран (например, в Швеции, Норвегии, Японии, Исландии и пр.). Причем в большинстве из них ограничение устанавливается лишь только в том случае, когда родитель предпочитает взять более короткий отпуск по уходу за ребенком с выплатой в размере 66% и более от своей заработной платы. Если родитель выбирает более длительный отпуск с фиксированными выплатами, которые не превышают 66% от его дохода, то предельный размер пособия не устанавливается. Такая система действует в 12 из 14 упомянутых стран.

3. Продолжительность всех видов отпусков

Продолжительность отпусков существенно отличается в разных странах. Минимальный период отпуска по беременности и родам зафиксирован в Германии, Латвии и Японии: матерям в этих странах предоставляется чуть меньше двух месяцев отпуска. В Великобритании отпуск по беременности и родам самый длительный – до 12 месяцев. Как правило, отцовские отпуска менее продолжительные. В среднем их срок варьируется от 5 до 15 дней в зависимости от страны. Наконец, отпуск по уходу за ребенком – во всех странах самый длительный вид родительских отпусков (от 8 месяцев, за исключением Великобритании, где отпуск составляет 4,2 месяца).

4. Гибкость предоставляемых отпусков

Например, в Испании, Польше и Чехии материнский отпуск может быть также использован отцом ребенка, а в Великобритании, Латвии и Новой Зеландии родительский отпуск может быть предоставлен одновременно обоим родителям. При этом в некоторых странах в период родительского отпуска действуют так называемые «материнские и отцовские квоты», которые делят отпуск между родителями. Это означает, что в течение определенного периода отпуск должен быть использован только матерью, а затем – только отцом. Оставшееся время может быть использовано любым из родителей. Например, в Швеции материнская и отцовская квоты составляют 90 дней каждая (из 480 дней родительского отпуска). Такие же квоты введены в Норвегии, где за обоими родителями закреплено от 15 до 19 недель родительского отпуска.

Характеризуя ситуацию в России, отметим, что в трудовом законодательстве нашей страны закреплено понятие отпуска по беременности и родам (аналог из зарубежной практики – материнский отпуск), который предоставляется исключительно матери. Отпуск по уходу за ребенком предоставляется одному из родителей или иному родственнику ребенка – этот период, в свою очередь, в зарубежной демографии и социологии называется родительским отпуском. При этом практика отцовских отпусков в нашей стране на уровне трудового законодательства не закреплена. Однако отцы, как и другие родственники, имеют право частично или полностью воспользоваться отпуском по уходу за ребенком. Помимо этого, в России предоставляются отпуска работникам, усыновившим ребенка, а также больничные по уходу за больными детьми.

Как правило, каждый из видов отпусков требует от родителей существенных материальных, физических, эмоциональных и психологических затрат. В связи с этим мы рассматриваем материнский и родительский отпуска как периоды интенсивного родительского труда. Под родительским трудом мы понимаем сознательную, целесообразную деятельность субъектов труда, с помощью которой они формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала детей, удовлетворяя в процессе этого труда как общественные, так и личные потребности [1, с. 6]. Так, например, первая половина отпуска по беременности и родам совпадает с перинатальной стадией родительского труда. В это время осуществляется подготовка к рождению ребенка, создание необходимых условий для его жизнедеятельности и развития. Отпуск по уходу за ребенком, в свою очередь, относится к младенческой стадии родительского труда, которая характеризуется интенсивным уходом за маленьким ребенком (например, кормление, гигиенические процедуры, прогулки, походы к врачу и пр.), а также работой по его умственному и физиологическому развитию.

В России отпуск по беременности и родам предоставляется матери на период 140 дней: 70 дней до рождения ребенка и 70 дней после[2]. Отпуск по уходу за ребенком длится до достижения ребенком возраста трех лет (такая же большая продолжительность оплачиваемого родительского отпуска установлена только во Франции, Венгрии и Словакии). Отпуск в связи с усыновлением предоставляется на срок 70 дней с момента рождения усыновленного ребенка. Наконец, продолжительность больничного по уходу за ребенком зависит от возраста детей (до 60 дней в год, если возраст ребенка составляет 7 лет и менее, и 45 дней в год – если ребенку от 7 до 15 лет).

С исследовательской точки зрения периоды материнского и родительского отпусков интересны как периоды интенсивного родительского труда. В частности, особое внимание должно быть обращено на функционал родителей, который они реализуют во время своих родительских отпусков. От функций, в свою очередь, во многом зависит степень напряженности, которую испытывают родители при уходе за детьми в эти периоды. Современные ученые утверждают, что родители очень часто подвержены стрессу при осуществлении своих обязанностей по воспитанию детей. Исследование, проведенное среди 283 шведских семей в 2012 году, продемонстрировало, что родители испытывают стресс на ранних стадиях своего родительства (до достижения ребенком возраста 18 месяцев). Самыми распространенными причинами оказались неподготовленность родителей и появившиеся ограничения при осуществлении привычных видов деятельности. Описывая свои проблемы, родители говорили: «Воспитывать ребенка оказалось сложнее, чем мы предполагали» или «Ребенок занимает все время» [2, с. 841]. В связи с этим целесообразным представляется исследование уровня родительской напряженности, как и степени их вовлеченности в воспитание детей.

Кроме того, родительский отпуск может рассматриваться как период интенсивного накопления и поиска знаний о родительстве. Во время перинатальной стадии родительского труда осуществляется подготовка к рождению ребенка, в том числе путем изучения соответствующей литературы, консультаций со специалистами, просмотра специализированных видеоматериалов и обмена опытом по поводу воспитания детей на интернет-форумах молодых мам и пап. В период младенческой

---

[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ (в ред. от 11 октября 2018 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стадии процесс накопления знаний продолжается, однако ко всему прочему добавляется собственный опыт родителей.

Интенсивность родительского труда, осуществляемого во время отпуска родителя, обосновывает необходимость оплаты этого периода. Федеральное законодательство устанавливает максимальный размер и продолжительность выплаты пособий для каждого отдельного случая. В 2020 г. максимальный размер пособия по беременности и родам составляет 70 042 руб. в месяц, а пособия по уходу за ребенком – 27 984 руб. в месяц. При этом пособие по уходу за ребенком выплачивается родителям только до достижения ребенком возраста полутора лет. Федеральный закон №418-ФЗ, который вступил в силу в 2018 г., гарантировал родителям с небольшим доходом право на получение дополнительной ежемесячной выплаты на первого или второго ребенка до достижения каждым из них возраста полутора лет. Право на получение ежемесячных выплат с 1 января 2018 г. имели семьи, чей среднедушевой доход не превышал 1,5-кратную величину регионального прожиточного минимума трудоспособного населения за второй квартал года, предшествующего году обращения за выплатой[3].

С 2020 г. государство, заинтересованное в поддержке семьи и улучшении демографической ситуации в стране, утвердило новый порядок дополнительных выплат. С 1 января 2020 г. те семьи, чей средний доход на одного члена семьи не превышает двухкратного размера регионального прожиточного минимума для трудоспособного населения, установленного на второй квартал 2019 г., имеют право получить дополнительные выплаты на первого и второго ребенка до достижения каждым из них возраста трех лет[4]. Более того, 20 марта 2020 г. был подписан Указ Президента «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», согласно которому семьям, чей среднедушевой доход не превышает величину прожиточного минимума на душу населения, предоставляется ежемесячная выплата на ребенка в возрасте от трех до семи лет в размере 50% регионального прожиточного минимума для детей[5]. Следовательно, с 1 января 2020 г. дополнительные выплаты на детей до 3 лет получают те семьи, в которых средний доход на 1 члена семьи не превышает двукратного размера регионального прожиточного минимума для трудоспособного населения, установленного на второй квартал 2019 г. Этот размер прожиточного минимума для трудоспособного населения варьируется от 9914 руб. в Республике Мордовия до 23082 руб. в Чукотском автономном округе – следовательно, получателями пособия являются семьи, доход которых на одного человека ниже этого прожиточного минимума, умноженного на два (минимальный «порог» для получения дополнительных выплат на детей до 3 лет – в Республике Мордовия, он составляет 19828 руб., максимальный «порог» – в Чукотском АО – 46164 руб.). Размер ежемесячного пособия находится в диапазоне от 9084 руб. (Белгородская область) до 23272 руб. (Чукотский АО). Дополнительные ежемесячные выплаты на детей в возрасте от 3 до 7 лет для этих же категорий семей варьируются от 4542 руб. (Белгородская область) до 11636 руб. (Чукотский АО).

---

[3] О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей: Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ (в ред. от 02 декабря 2019 г.). В данном виде документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Послание Президента Федеральному Собранию // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (Дата обращения: 18.01.2020).

[5] О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Указ Президента РФ от 20 марта 2020 г. №199. В данном виде документ опубликован не был. Доступ из Официального Интернет-портала правовой информации.

В условиях повышения оплаты родительских отпусков, а также экономического кризиса, обусловливающего снижение доходов населения и отнесения все большего и большего числа семей к получателям пособия за реализацию родительского труда вплоть до 7-летнего возраста ребенка, тема научного изучения родительских отпусков представляется особенно актуальной. Введенные государством изменения отчасти свидетельствуют о значимости того труда, который осуществляют родители в процессе воспитания и развития детей. Актуальными фокусами изучения родительских отпусков в российской науке могут стать содержание и напряженность родительского труда в этот период, вовлеченность в него различных субъектов, разделение между ними трудовых функций и их удовлетворенность трудом, источники формирования родительских компетенций и т.д. Подобное всестороннее изучение трудовой деятельности в период родительских отпусков позволит расширить научное представление о родительском труде в целом, а также оценить то влияние, которое оказывает специфика осуществляемой в это время трудовой деятельности на количественные и качественные результаты родительского труда в целом.

Библиографический список

1. Багирова А. П. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона: монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. 271 с.
2. Widarsson, M., Engström, G., Rosenblad, A., Kerstis, B., Edlund, B., Lundberg, P. Parental stress in early parenthood among mothers andfathers in Sweden // Scandinavian Journal of Caring Sciences. 2012. No. 27 (4). Pp. 839-847. DOI: 10.1111/j.1471-6712.2012.01088.x.

Информация об авторах

Багирова Анна Петровна (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, зам. директора по науке и инновациям, ИнЭУ УрФУ, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; a.p.bagirova@urfu.ru).

Бледнова Наталья Дмитриевна (Россия, Екатеринбург) – магистрант, ИнЭУ УрФУ, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Свердловская область, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; natalia.blednova@mail.ru).

Bagirova A. P., Blednova N. D.

MATERNITY AND PATERNITY LEAVES AS A PERIOD OF INTENSIVE PARENTAL LABOR: APPROACHES TO STUDY

Abstract. *The article considers maternity and parental leave as a new object of study in the economics and sociology of parental labor. Based on the report of The International Network on Leave Policies and Research, the basis for classifying parental leave as a measure of the demographic policy of different countries is highlighted, and the current system of parental leave in Russia is characterized. The authors identify a number of aspects, the study of which will reveal the relationship of the specifics of work during parental leave with the results of parental labor.*

Key words: *parental labor, parental leave, maternity leave, demographic policy.*

Information about the authors

Bagirova Anna P. (Russia, Ekaterinburg) – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Soc. Sci.), professor, deputy Director for Science and Innovation of GSEM UrFU, UrFU named after

the first President of Russia B.N. Yeltsin (620002, 19 Mira st., Ekaterinburg, Sverdlovsk reg.; a.p.bagirova@urfu.ru).

Blednova Natalia D. (Russia, Ekaterinburg) – master student of GSEM UrFU, UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (620002, 19 Mira st., Ekaterinburg, Sverdlovsk reg.; natalia.blednova@mail.ru).

References

1. Bagirova A.P. Motivatsiya roditel'skogo truda i regulirovanie ustanovok na roditel'stvo naseleniya Ural'skogo regiona: monografiya [Motivation of parental labor and regulation of attitudes toward the parenthood of the population of the Ural region] Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2014. 271 p.
2. Widarsson M., Engström G., Rosenblad A., Kerstis B., Edlund B., Lundberg P. Parental stress in early parenthood among mothers andfathers in Sweden // Scandinavian Journal of Caring Sciences. 2012. № 27 (4). Pp. 839-847. DOI: 10.1111/j.1471-6712.2012.01088.x.

УДК 316.77+614.4

Барг А.О., Лебедева-Несевря Н.А.

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ И ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИИ РИСКОВ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ КОРОНАВИРУСА COVID-19

***Аннотация**. Обобщены результаты всероссийских социологических опросов (ФОМ, ВЦИОМ), а также авторского пилотажного исследования (n=433), посвященных оценке уровня информированности населения о пандемии коронавируса COVID-19. Установлен относительно низкий уровень тревожности и высокий уровень осведомленности граждан о профилактике заражения коронавирусной инфекцией.*

***Ключевые слова:** информирование, коронавирусная инфекция, пандемия, профилактика, опрос.*

В конце декабря 2019 г. в китайском городе Ухань был зафиксирован первый случай заражения коронавирусной инфекцией COVID-19. Стремительное распространение вируса в Китае и других странах мира (Италии, Франции, США) привело к тому, что 12 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила о начале пандемии COVID-19 [1]. По состоянию на 20 марта 2020 г. в России было зарегистрировано 199 случаев коронавирусной инфекции (в т.ч. 188 у граждан России). Смертельных исходов заражения коронавирусом зарегистрировано не было [3].

Всероссийские исследовательские организации, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) и Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) оперативно провели опросы населения с целью установления уровня информированности граждан о ситуации и методах профилактики заражения коронавирусной инфекцией. По данным ФОМ на 18 февраля 2020 г., 74% россиян знали о появлении в Китае коронавируса, которым заболели несколько тысяч человек, еще 24% «что-то слышали о коронавирусе» [4]. К середине марта 2020 г., согласно данным ВЦИОМ, доля знающих о коронавирусе возросла до 82%, вариант «что-то слышал, но без подробностей» выбрали еще 17% респондентов [2]. Таким образом, уровень информированности россиян о распространении коронавирусной инфекции на протяжении февраля–марта 2020 г. был высоким.

Вероятность широкого распространения коронавируса в России в феврале 2020 г. половина (51%) опрошенных ФОМ оценивали как низкую, еще 18% заявляли, что «такой вероятности нет»; лишь 16% населения видели риски эпидемии коронавируса в нашей стране [4]. По данным ВЦИОМ, в марте 2020 г. лишь 10% россиян оценивали вероятность заразиться коронавирусом как высокую; 54% опрошенных полагали, что эпидемии коронавируса в России скорее или точно не случится [2]. Большинство опрошенных (64%) были уверены, что от коронавируса можно защититься.

Для уточнения информации о том, как воспринимаются риски для здоровья, связанные с распространением коронавирусной инфекции, нами в период с 25 февраля по 3 марта 2020 г. было проведено пилотажное исследование. Метод сбора данных – онлайн-анкетирование с помощью опросника, размещенного в сети Интернет[1]. Объем выборочной совокупности – 433 человека. Способ отбора ре-

[1] Переход к опроснику осуществлялся по ссылке, распространяемой в социальных сетях и по электронной почте. URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLScFEG9d869fCC-OAoA_iMGSJbj4Tmd8SPx86e7K1Y4Rq5nUqQ/viewform

спондентов – стихийный. Для исключения повторного заполнения анкеты осуществлялся контроль по IP-адресам. В выборочной совокупности представлены респонденты преимущественно трудоспособного возраста. Зафиксировано смещение по критерию пола (доля женщин в выборке на 15% больше, чем в генеральной совокупности). В опросе приняли участие преимущественно жители Приволжского и Сибирского федеральных округов. Анализ статистики поисковых запросов в системе Яндекс показал, что в данных федеральных округах интерес к информации о коронавирусе (поисковой запрос «коронавирус») находится на среднем уровне. Результаты исследования, проведенного на территории Дальневосточного федерального округа, предположительно будут отличаться от представленных в данной пояснительной записки в силу повышенного интереса к теме коронавируса из-за близости Китая (региональная популярность поисковых запросов в Яндексе в гг. Владивосток, Южно-Сахалинск, Хабаровск, Благовещенск по состоянию на 4.03.2020 находится на повышенном уровне).

Проведенное исследование показало, что большинство респондентов (95%) знают о вспышке в Китае коронавирусной инфекции. Негативные эмоции (беспокойство, опасение, тревогу, страх, панику) в связи с информацией о коронавирусе испытывают 52% опрошенных, еще у 9% данная информация вызывает интерес. Об отсутствии эмоций, связанных с упоминанием коронавируса, заявили 28% респондентов.

Физиологических реакций при упоминании о коронавирусе или после прослушивания или просмотра новостей о нём у большинства людей не возникает. Лишь 5% респондентов отметили возникновение учащенного сердцебиения, 3% – нарушения сна, бессонницу, по 2% – потливость и затрудненное дыхание. У 6% информация о коронавирусе вызывает усталость, у 16% – раздражительность.

Большинство опрошенных (59%) оценивают вероятность заболеть коронавирусом в России как «низкую» и «очень низкую», о «средней» вероятности говорят четверть респондентов; 8% выбрали варианты ответа «высокая» и «очень высокая», столько же опрошенных затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

Несмотря на низкий уровень воспринимаемого риска здоровью в связи с опасностью коронавирусной инфекции, опрошенные россияне поддерживают ряд серьезных мер по профилактике распространения инфекции. Так, половина респондентов высказываются за ограничение въезда в Россию людей, прибывающих из стран, в которых обнаружен коронавирус. Причем 21% говорит, что следует запретить въезд не только иностранцам, но и россиянам. Больше половины (61%) поддерживают организацию зон карантина для въезжающих из-за границы на время инкубационного периода вируса, 71,5% выступают за тщательные медицинские осмотры въезжающих из-за границы. Лишь 2% респондентов полагают, что никаких мер по защите от распространения коронавируса предпринимать не надо.

Уровень информированности о способах распространения, симптомах и мерах индивидуальной профилактики заражения коронавирусом является высоким. Однако, несмотря на то что большинство респондентов знают, как следует действовать в целях защиты себя от инфекции, почти половина (43%) никаких профилактических действий не предпринимает.

Отдельный блок вопросов был посвящен изучению особенностей получения и восприятия информации о коронавирусе. Самый популярный источник информации об инфекции – Интернет (41% узнают новости о коронавирусе из новостных сайтов в сети Интернет, электронных газет и журналов; 28% пользуются социаль-

ными сетями и блогами). При этом подавляющее большинство опрошенных (86%) не ищут целенаправленно данную информацию.

Респонденты в 68,5% случаев полагают, что средства массовой информации, в т.ч. электронные, представляют достаточно сведений о ситуации с распространением коронавируса. Однако о том, что СМИ делают это «объективно» или «скорее объективно», заявили менее трети опрошенных (28,5%). Среди тех, кто считает, что СМИ освещают ситуацию с распространением коронавируса необъективно, большая часть (54%) считают, что информация утрируется (подается «более пугающе»).

Основные выводы исследования: 1) опрошенные россияне в подавляющем большинстве осведомлены о вспышке в Китае коронавирусной инфекции; 2) вероятность заразиться коронавирусной инфекцией в России респондентами оценивается как умеренная или низкая; 3) большинство опрошенных поддерживают активные меры противодействия распространению коронавируса в России; 4) уровень информированности о способах распространения, симптомах и мерах индивидуальной профилактики заражения коронавирусом является высоким; 5) объем информации, представляемой в СМИ по теме коронавируса, опрошенные называют достаточным, однако качеством данной информации респонденты не удовлетворены.

Библиографический список

1. ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19 // Официальный сайт Европейского бюро ВОЗ. URL: http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic
2. И снова о коронавирусе: что думают россияне? // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10205
3. Информационный бюллетень о ситуации и принимаемых мерах по недопущению распространения заболеваний, вызванных новым коронавирусом // Официальный сайт Роспотребнадзора. URL: https://rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14067
4. Коронавирус 2019-nCoV. О мерах против коронавируса и о вероятности его распространения в нашей стране // Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14350

Информация об авторах

Барг Анастасия Олеговна (Россия, Пермь) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории методов анализа социальных рисков, ФБУН ФНЦ МПТ УРЗН (614045, Россия, Пермь, ул. Монастырская, д. 82; an-bg@yandex.ru); доцент кафедры социологии ПГНИУ (614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15).

Лебедева-Несевря Наталья Александровна (Россия, Пермь) – доктор социологических наук, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, ФБУН ФНЦ МПТ УРЗН (614045, Россия, г. Пермь, ул. Монастырская, д. 82; natnes@list.ru); профессор кафедры социологии ПГНИУ (614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15).

Barg A.O., Lebedeva-Nesevria N.A.

AWARENESS AND PERCEPTION OF HEALTH RISKS ASSOCIATED WITH THE SPREAD OF COVID-19 CORONAVIRUS BY THE RUSSIAN POPULATION

***Abstract**. The results of all-Russian representative sociological surveys (conducted by FOM and WCIOM), as well as the author's pilot study (n=433), dedicated to assessing the level of public*

awareness of the COVID-19 coronavirus pandemic, are summarized. There is a relatively low level of awareness and a high level of knowing about the prevention of infection among Russians.

Key words: *information, coronavirus infection, pandemic, prevention, survey.*

Information about the authors

Barg Anastasiya O. (Russia, Perm) – Candidate of sociological sciences, Senior researcher of social risk analysis laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, 82 Monastyrskaya Str., Perm, 614045, Russian Federation; Perm State University (15 Bukireva Str., Perm, 614990, Russian Federation; an-bg@yandex.ru).

Lebedeva-Nesevria Natalia A. (Russia, Perm) – Doctor of sociological sciences, Head of social risk analysis laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, 82 Monastyrskaya Str., Perm, 614045, Russian Federation; Perm State University (15 Bukireva Str., Perm, 614990, Russian Federation; natnes@list.ru).

References

1. WHO announced COVID-19 outbreak a pandemic // Official website of WHO Regional Office for Europe. URL: http://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/3/who-announces-covid-19-outbreak-a-pandemic
2. And again about the coronavirus: what do the Russians think? // Official website of WCIOM. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10205
3. Information Bulletin on the situation and measures taken to prevent the spread of diseases caused by the new coronavirus // Official website of Rospotrebnadzor. URL: https://rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14067
4. Coronavirus-nCoV 2019. About measures against coronavirus and the probability of its spread in our country // Official website of the Public opinion Foundation. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14350

УДК 314.9:316.4 / ББК 60.7

Барсуков В.Н., Доброхлеб В.Г.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ОЦЕНКЕ ПОСЛЕДСТВИЙ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ[1]

Аннотация. *В работе представлены результаты анализа методологических особенностей и ограничений в оценке последствий старения населения. Выявлено, что существующие подходы на глобальном уровне имеют ряд недостатков, связанных с невозможностью международного сравнения в силу разности социального конструирования возраста непроизводительного населения, особенностей реализации демографических дивидендов, а также нормативно-правовых и институциональных особенностей регулирования последствий. Авторами предлагается концепт методологии внутристрановой системы оценки, позволяющий преодолеть выявленные ограничения.*

Ключевые слова: *старение населения, стареющее общество, последствия старения.*

Представления о наблюдаемых в регионах мира демографических изменениях приобретают все более системный характер. Количественные (снижение показателей рождаемости и смертности) и качественные (изменение поло-возрастной и брачно-семейной структур) трансформации мирового населения демонстрируют единые траектории, различаясь глубиной и интенсивностью их протекания [1]. Так, в частности, страны догоняющего развития демонстрируют заметно более высокие темпы снижения рождаемости, снижения смертности в младших возрастах, а также старения населения, чем развитые государства в более ранние периоды. Фактически это вписывается в экономическую концепцию бета-конвергенции [2], но в демографическом ракурсе: развивающиеся страны, завершив стадию реализации демографического дивиденда, стремительными темпами приходят к формату структуры населения западного образца.

Закрытие «демографического окна» ознаменовало переход к фазе интенсивного нарастания последствий старения населения (необратимого в условиях суженного воспроизводства населения), к числу которых относятся снижение темпов экономического роста, изменение структуры сбережений, рост дефицита пенсионных систем, увеличение нагрузки на социальную инфраструктуру, снижение темпов воспроизводства трудовых ресурсов, возникновение дефицита предложения на рынке труда, «старение» рабочей силы (увеличение среднего возраста занятых и безработных) и др. При этом следует отметить, что, несмотря на их разноплановость, в основе лежат единые факторы возникновения в различных комбинациях, что требует применения системного подхода к определению сущности старения населения и комплексной оценке спектра его последствий.

В мировой науке на протяжении длительного периода времени предпринимаются попытки исследования социально-экономических последствий старения населения в межстрановом сравнении [3–8]. Однако по-прежнему существует важное ограничение: международные сравнения затруднены в силу различий стран по целому ряду важнейших параметров (в частности, границ пенсионного возраста). Группировки территорий производятся, как правило, на основе отдельно взятых показателей, что не позволяет в полной мере оценить всю совокупность взаимосвязанных между собой социально-экономических последствий. Таким образом, несмотря на достаточ-

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 20-010-00036 «Методология оценки рисков и возможностей адаптации к процессу демографического старения в субъектах Российской Федерации».

но широкое раскрытие тематики классификаций территориальных единиц по уровню демографической старости, комплексное исследование региональной специфики социально-экономических последствий старения населения по-прежнему остается недостаточно разработанным направлением.

Причин сложившейся ситуации несколько.

1. Во-первых, отсутствие единого мнения относительно определения уровней демографической старости. Наиболее широкое распространение в науке получили методологические подходы ООН и польского демографа Э. Россета, в которых «демографическая старость» определялась удельным весом населения старше 65 и 60 лет соответственно. Одной из главных нерешенных проблем в данном методологическом подходе является влияние рождаемости на трансформацию возрастной структуры и изменение удельного веса населения старших возрастов, что не дает в полной мере оценить старение «сверху», т.е. за счет роста продолжительности жизни в старших возрастах. Решение данного методологического противоречия было найдено в концепции «проспективного возраста», активно развиваемой У. Сандерсоном и С. Шербовым [9]. Предлагаемый ими критерий для определения уровня старости населения – доля населения с ожидаемой продолжительностью жизни 15 лет и менее позволяет нивелировать влияние фактора рождаемости. Оба методологических направления имеют свои преимущества и недостатки, однако суть является единой – классификация и группировка территорий, учитывающие преимущественно демографический аспект старения населения и только косвенно затрагивающие природу его социально-экономических последствий.

2. Отсутствие возможностей сравнения последствий старения на международном уровне. Выбор методологического подхода к определению возраста демографической старости позволяет нам заложить базис, однако не дает возможности для сравнения стран по единой методологии в силу разности социальных конструктов определения непроизводительных возрастов. В первую очередь это касается пенсионного возраста, как нормативного, так и фактического. Даже имея единые демографические критерии, мы не можем систематизировать влияние трендов трансформации возрастной структуры на отдельные сферы в связи с тем, что определяемые нами показатели с высокой долей вероятности не будут совпадать с институциональными характеристиками отдельно взятого «стареющего» общества. Также следует отметить, что качественные характеристики населения «старшего возраста» могут существенно различаться в странах со схожей его долей и количеством.

3. Влияние внутренней социально-экономической политики на регулирование и адаптацию к последствиям старения населения. Западные страны существенно раньше и более планомерно перешли на стадию старения населения. Таким образом, политика адаптации выстраивалась на несколько иных принципах, чем, например, в странах Юго-Восточной Азии, где реализация демографического дивиденда была существенно «глубже», а интенсивность старения населения сейчас несоизмеримо выше. Последствия старения населения выражены намного ярче, что требует других, более радикальных подходов. Таким образом, системы последствий старения населения в разных странах и регионах сложно подвести к единому знаменателю. Это, как и предыдущие два пункта, позволяет нам сделать вывод, что методологически оценку рисков и возможностей адаптации к последствиям старения населения целесообразно производить в отдельно взятой стране, в нашем случае – Российской Федерации. Сделанное допущение позволит устранить два наиболее важных барьера: разницу в социальных конструктах определения возраста непроизводительно-

сти, а также нивелирования нормативно-правовых и институциональных факторов регулирования.

Помимо этого, актуальность разрабатываемого проекта подчеркивается тем, что сокращение дифференциации субъектов РФ по уровню демографической старости вписывается в уже ранее упомянутую экономическую концепцию бетта-конвергенции [2], т.е. отстающие регионы быстро достигают значений лидеров по уровню демографической старости. Коэффициенты вариации факторов старения населения стремительно сокращаются применительно ко всем регионам страны. В то же время существующая в России модель центропереферейности (теория Дж. Фридмана) положительным образом сказывается на сдерживании старения населения «центров» (ввиду притока трудоспособного населения), однако существенно увеличивает интенсивность старения периферии. Значительное пространственное неравенство регионов России (теория П. Кругмана) создает ситуацию, когда примерно равные с точки зрения состояния возрастной структуры территории имеют несравнимо разные стартовые условия для преодоления последствий старения населения. Многообразие страны выражается не только в различии социально-экономических и географических характеристик территорий, но и в дифференциации демографических показателей и их динамики. При этом, как показал анализ стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, лишь в 25% из них присутствуют (с разной степенью проработки) механизмы адаптаций к последствиям старения населения. Таким образом, актуальность определяется, с одной стороны, необходимостью поиска новых подходов и инструментов оценки влияния последствий старения населения на социально-экономическое развитие регионов, с другой – необходимостью разработки комплексных механизмов их преодоления с учетом региональной специфики.

В основе разрабатываемой методологии лежат предположения о глобальности, системности, необратимости и множественности социально-экономических последствий старения населения. Отбор показателей для оценки будет производиться с опорой на следующие принципы:

– комплексность оценки, обеспечивающая отбор показателей, адекватно характеризующих ситуацию в сфере демографических, экономических и социальных последствий старения населения;

– системность оценки, предполагающая выявление взаимной корреляции между отдельными показателями;

– адаптированность системы показателей к возможностям имеющейся статистической базы;

– максимальная информативность выбранных показателей для оценки рисков и возможностей адаптации регионов РФ к условиям демографического старения.

Принцип методики оценки заключается в расчете стандартизированных коэффициентов по показателям, разделенным на три блока, характеризующих разные аспекты проявлений последствий старения населения: демографические, экономические и социальные. Далее коэффициенты сводятся в интегральный показатель по каждому из блоков, по которым строится группировка. Затем полученные интегральные показатели суммируются в общий индекс. Полученные результаты позволят оценить «сильные» и «слабые» стороны каждого из регионов РФ в части определения возможностей преодоления существующих рисков и адаптации социально-экономического развития к условиям демографического старения.

Методы теоретического и статистического анализа в исследовании будут дополнены социологическими методами. В частности, будет разработан гайд стандартизиро-

ванного интервью с экспертами (не менее 10 интервью), целью которого станет апробация разработанных универсальных и локальных мер и рекомендаций по адаптации регионов РФ к условиям демографического старения. Разработанный социологический инструментарий позволит расширить и углубить эмпирическую базу исследования. Данные стандартизированных интервью позволят повысить внутреннюю валидность полученных результатов и преодолеть эффект «субъективного смещения».

В заключение отметим, что разрабатываемая методология важна сразу по нескольким причинам. Во-первых, это отсутствие единого подхода к определению набора демографических показателей, а также связанных с ними социально-экономических параметров, в сумме дающих систему последствий старения населения. Выработка единой концепции позволит определять не только риски и возможности отдельно взятых территорий в условиях демографического старения, но и наглядно продемонстрировать динамику изменения основных показателей. Во-вторых, получение достоверной и релевантной информации о текущей готовности регионов к преодолению последствий старения населения позволит сформировать на государственном уровне единые принципы адаптации и регулирования социально-экономического развития, которые, на наш взгляд, должны в равной степени экстраполироваться на каждый отдельно взятый регион Российской Федерации.

Библиографический список

1. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 89–103. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.6
2. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth and Convergence across the United States. NBER Working Papers 3419. 1990. Available at: https://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/3419.html
3. Hagemann R., Nicoletti G. Ageing Populations Economic Effects and Implications for Public Finance. OECD Working Papers, 1988, 88 p.
4. Meltem I. Economic and Social Consequences of Population Aging the Dilemmas and Opportunities in the Twenty-First Century. Applied Research in Quality of Life, 2015, vol. 10, pp. 735–752.
5. Orlicka E. Impact of population ageing and elderly poverty on macroeconomic aggregates. Procedia Economics and Finance, 2015, vol. 30, pp. 598 – 605.
6. Alper F., Alrep A., Ucan O.The Economic Impacts of Aging Societies. International Journal of Economics and Financial Issues, 2016, vol 3, pp. 1225–1235.
7. Kaplan M., Inguanzo M. The Social, Economic, and Public Health Consequences of Global Population Aging: Implications for Social Work Practice and Public Policy. Journal of Social Work in the Global Community, 2017, vol. 1, pp. 1–12.
8. Nerlich C., Schroth J. The economic impact of population ageing and pension reforms. Economic Bulletin Articles, European Central Bank, 2018, vol. 2. URL : https://ideas.repec.org/a/ecb/ecbart/201800022.html
9. Sanderson W., Scherbov S. Average remaining lifetimes can increase as human populations age. Nature, 2005, vol. 435(7043), pp. 811-813.

Информация об авторах

Барсуков Виталий Николаевич (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; lastchaos12@mail.ru).

Доброхлеб Валентина Григорьевна (Россия, Москва) – д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Россия, 117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; vdobrokhleb@mail.ru).

Barsukov V.N., Dobrokhleb V.G.

METHODOLOGICAL FEATURES AND LIMITATIONS IN THE ASSESSMENT OF CONSEQUENCES OF POPULATION AGING

Abstract. *The paper presents the results of the analysis of methodological features and limitations in assessing the effects of an aging population. It was revealed that the existing approaches at the global level have a number of drawbacks related to the impossibility of international comparison due to the difference in the social construction of the age of the unproductive population, the peculiarities of the implementation of demographic dividends, as well as the regulatory and institutional features of the regulation of consequences. The authors propose the concept of the methodology of the in-country assessment system, which allows to overcome the identified limitations.*

Key words: *population aging, aging society, effects of aging.*

Information about the authors

Barsukov Vitaly N. (Russian, Vologda) – research assistant, Federal State Budgetary Institution of Sciences «Vologda research center of Russian academy of sciences», (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo Str., 56a; lastchaos12@mail.ru).

Dobrokhleb Valentina G. (Russian, Moscow) - Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Federal Research Center for Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia, 117218 (Moscow, Nakhimovsky Prospekt 32; vdobrokhleb@mail.ru).

References

1. Dobrokhleb V.G., Barsukov V.N. Demographic Theories and the Regional Aspect of Population Ageing. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2017, vol. 10, № 6, pp. 89-103. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.6
2. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth and Convergence across the United States. NBER Working Papers 3419. 1990. Available at: https://ideas.repec.org/p/nbr/nberwo/3419.html
3. Hagemann R., Nicoletti G. Ageing Populations Economic Effects and Implications for Public Finance. OECD Working Papers, 1988, 88 p.
4. Meltem I. Economic and Social Consequences of Population Aging the Dilemmas and Opportunities in the Twenty-First Century. Applied Research in Quality of Life, 2015, vol. 10, pp. 735–752.
5. Orlicka E. Impact of population ageing and elderly poverty on macroeconomic aggregates. Procedia Economics and Finance, 2015, vol. 30, pp. 598 – 605.
6. Alper F., Alrep A., Ucan O.The Economic Impacts of Aging Societies. International Journal of Economics and Financial Issues, 2016, vol 3, pp. 1225–1235.
7. Kaplan M., Inguanzo M. The Social, Economic, and Public Health Consequences of Global Population Aging: Implications for Social Work Practice and Public Policy. Journal of Social Work in the Global Community, 2017, vol. 1, pp. 1–12.

8. Nerlich C., Schroth J. The economic impact of population ageing and pension reforms. Economic Bulletin Articles, European Central Bank, 2018, vol. 2. URL : https://ideas.repec.org/a/ecb/ecbart/201800022.html
9. Sanderson W., Scherbov S. Average remaining lifetimes can increase as human populations age. Nature, 2005, vol. 435(7043), pp. 811-813.

УДК 314.7 / ББК 60.6

Беляков Д.С., Терехов А.М.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье представлены результаты статистических исследований миграционных потоков Российской Федерации на основе вероятностного подхода с использованием методов относительных и средних величин, трендового и корреляционно-регрессионного анализа.*

Ключевые слова: *средние величины, трендовый анализ, корреляционно-регрессионный анализ, миграционный поток, миграционная привлекательность.*

Миграция населения – это перемещение людей между территориями внутри страны (внутренняя миграция) либо между разными странами (международная миграция) для постоянной или временной перемены места жительства. Миграция занимает существенное место в общественной жизни любой страны, в том числе современной России. Миграционное движение населения имеет различные причины и последствия, которые отражаются на социально-экономическом развитии государства, в частности на темпах изменения и эффективности. По данной причине вопросы, связанные с исследованием миграционных потоков, являются актуальными, в том числе с точки зрения обеспечения национальной безопасности государства [2].

Миграция существовала всегда, но в течение двух последних веков как в мире, так и в России миграционные потоки количественно и качественно значительно трансформировались. Так, если в XIX – XX веках наблюдалась существенная миграция сельского населения в города, то в XXI веке преобладает миграция, вызванная экономическими и интеллектуальными причинами.

Цель исследования состоит в изучении миграционной привлекательности России по средствам использования инструментария статистического анализа.

Для достижения поставленной цели в исследовании решаются следующие задачи:

- проанализировать ежегодные абсолютные и относительные показатели международной миграции в РФ;
- определить средние годовые показатели международной миграции в России;
- рассчитать и оценить показатели миграционной привлекательности России за период 1990 – 2018 годов;
- построить экспоненциальную трендовую модель коэффициента миграционной привлекательности;
- построить корреляционно-регрессионную модель зависимости коэффициента миграционной привлекательности от ряда факторов.

В качестве исходных данных для построения моделей выбраны данные о средней численности населения России, численности прибывших из зарубежных стран и убывших в зарубежные страны за период 1990 – 2018 годов.

Ключевыми абсолютными показателями являются:

- численность прибывших граждан – дает характеристику абсолютных масштабов прибытия;
- численность выбывших жителей – характеризует масштабы выбытия.

На *рисунке 1* представлены графики динамики численности прибывших в РФ из зарубежных стран и численности убывших из РФ в зарубежные страны.

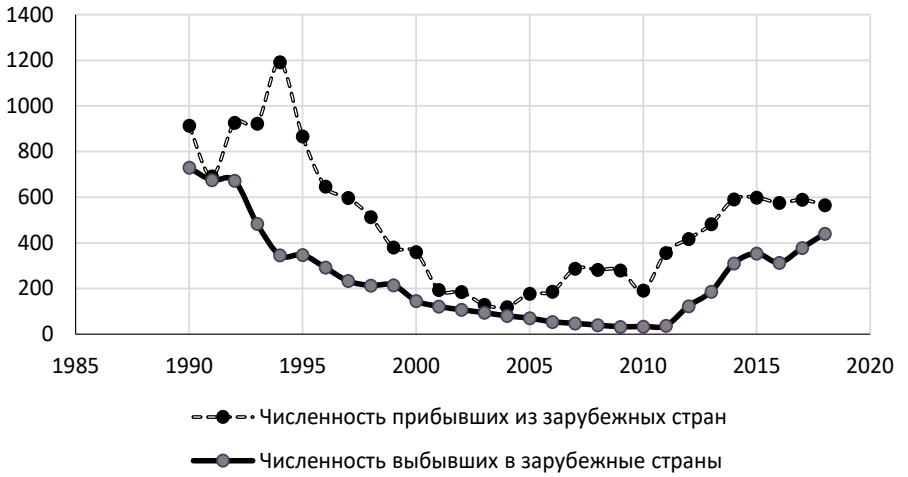


Рис. 1. Абсолютные характеристики международной миграции в Российской Федерации, тыс. чел.

Абсолютные показатели отражают только масштабы миграционного процесса. Для характеристики интенсивности миграции используются относительные характеристики. К ним относятся:

- коэффициент миграционного прибытия – отношение численности лиц, которые приехали на данную территорию, к среднему числу проживающих на ней граждан;

- коэффициент миграционной убыли – такой же показатель, но уже касающийся выбывших граждан.

Комплексную статистическую оценку миграционной привлекательности обычно строят на основе совместного анализа уровня различных показателей, среди которых важное место отводится коэффициентам миграционного прибытия и убытия. Они позволяют получить количественное представление о том, насколько интенсивно происходят процессы территориальных перемещений. Однако два противоположных по логике расчёта показателя не позволяют получить обобщающую характеристику миграционной привлекательности региона [4]. Чтобы решить это противоречие и оценить измерения миграционной привлекательности, целесообразно использовать интегральный показатель – коэффициент миграционной привлекательности:

$$K_{\text{МП}} = \sqrt{\frac{K_{\text{П}}}{K_{\text{У}}}}$$

где $K_{\text{МП}}K_{\text{МП}}$ – общий коэффициент миграционной привлекательности;

$K_{\text{П}}K_{\text{П}}$ – коэффициент миграционного прибытия населения;

$K_{\text{У}}K_{\text{У}}$ – коэффициент миграционной убыли населения.

Чем выше значение коэффициента прибытия и чем меньше коэффициент убытия, тем больше окажется итоговый результат, который отражает миграционную привлекательность определенной территории. Если коэффициенты прибытия и убытия совпадают между собой, то он равен единице. Значение общего коэффициента миграционной привлекательности меньше единицы говорит о том, что коэффициент прибытия меньше, чем коэффициент убытия. Если рассматриваемый показатель больше единицы, то имеется обратная ситуация, когда коэффициент при-

бытия больше, чем коэффициент убытия. Чем выше значение показателя, тем выше миграционная привлекательность территории [3].

На *рисунке 2* представлены графики динамики коэффициентов миграционного прибытия и миграционной убыли.

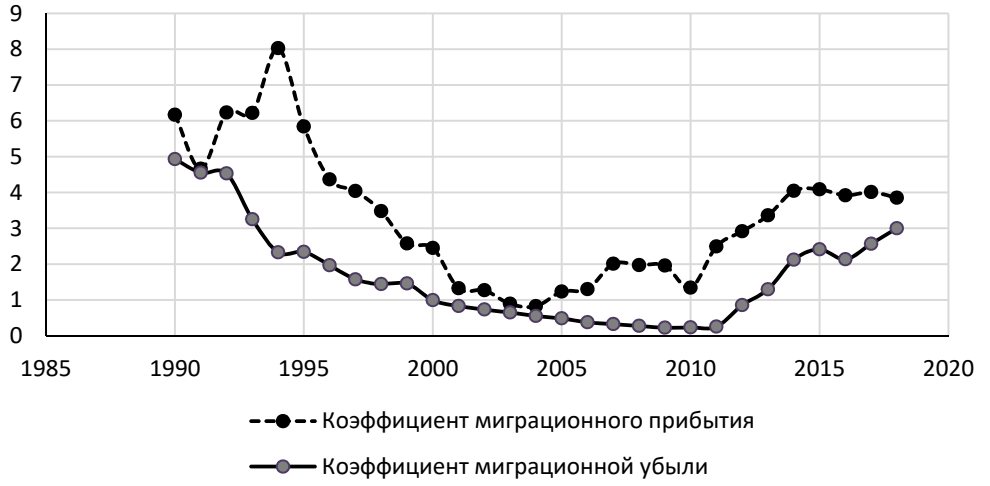


Рис. 2. Относительные характеристики международной миграции в РФ

На *рисунке 3* представлен график динамики общего коэффициента миграционной привлекательности Российской Федерации.

Рис. 3. Общий коэффициент миграционной привлекательности РФ, ед.

Несмотря на схожесть графиков, представленных на рисунках 1 и 2, на основе графика общего коэффициента миграционной привлекательности (*рис. 3*) можно сделать вывод, что максимум миграционной привлекательности РФ приходился на 2011 год, после чего коэффициент из года в год стал снижаться и к 2018 году практически приблизился к единице.

Из графика также видно, что изменение коэффициента миграционной привлекательности было нелинейным. Используя средства Excel, выполним экспоненциальное сглаживание рассматриваемого показателя:

$$a_t = \alpha \cdot y_t + (1-\alpha) \cdot (a_{t-1} + b_{t-1})$$
$$b_t = \beta \cdot (a_t + a_{t-1}) + (1-\beta) \cdot b_{t-1}$$
$$y^*_{t+k} = a_t + b_t \cdot k$$

Построенная модель представлена на *рисунке 4*.

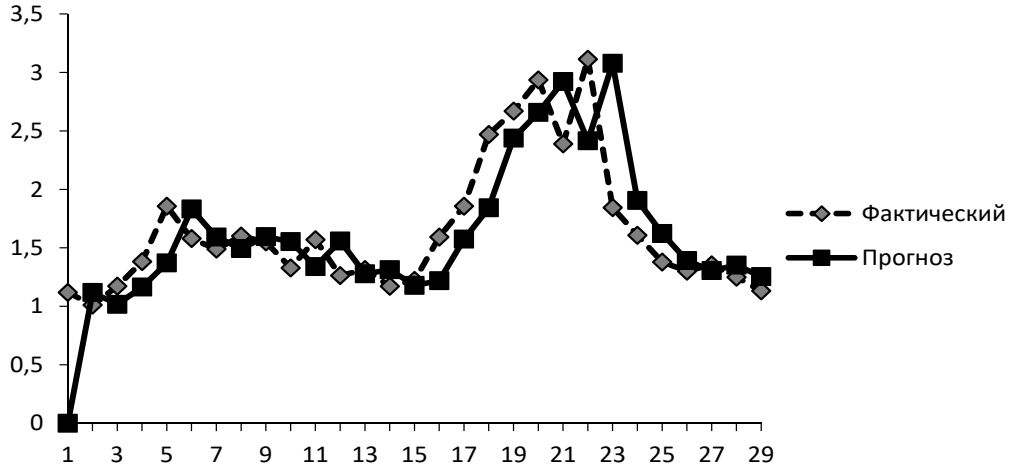


Рис. 4. Экспоненциальное сглаживание коэффициента миграционной привлекательности РФ

Из графика видно, что сглаживание с параметрами α = 0,95 β=0,05 хорошо отражает динамику коэффициента миграционной привлекательности РФ и может использоваться для прогнозирования [1].

Построим корреляционно-регрессионную модель коэффициента миграционной привлекательности РФ (зависимая переменная).

В качестве независимых переменных (X) были выбраны цепные темпы роста следующих показателей:

x_1 – численность прибывших в РФ из зарубежных стран, тыс. чел.;

x_2 – численность выбывших из РФ в зарубежные страны, тыс. чел.;

x_3 – среднегодовая численность населения РФ, тыс. чел.

В *таблице* представлены результаты многомерного регрессионного анализа.

Результаты многомерного регрессионного анализа

ВЫВОД ИТОГОВ	
Регрессионная статистика	
Множественный R	0,8293839
R-квадрат	0,6878776
Нормированный R-квадрат	0,6504229
Стандартная ошибка	0,3296585
Наблюдения	29

Дисперсионный анализ						
	df	*SS*	*MS*	*F*	*Значимость F*	
Регрессия	3	5,9876301	1,9958767	18,365597	1,654E-06	

Окончание таблицы

Остаток	25	2,7168688	0,1086748			
Итого	28	8,7044989				
	Коэффициенты	*Стандартная ошибка*	*t-статистика*	*P-Значение*	*Нижние 95%*	*Верхние 95%*
Y-пересечение	31,481842	7,3027021	4,3109854	0,00022	16,441645	46,52204
Переменная X 1	0,001771	0,0004083	4,3378373	0,00021	0,0009301	0,002612
Переменная X 2	-0,0018873	0,000586	-3,220642	0,00353	-0,003094	-0,00068
Переменная X 3	-0,0002074	5,104E-05	-4,064051	0,00042	-0,000313	-0,00010

Как показали результаты, связь между общим коэффициентом привлекательности миграции и показателями, выбранными в качестве факторных признаков, сильная.

Столбец *df* – число степеней свободы. Для строки «Регрессия» число степеней свободы определяется количеством факторных признаков в уравнении регрессии.

Для строки «Остаток» число степеней свободы определяется числом наблюдений *n* и количеством переменных в уравнении регрессии.

Столбец *SS* – сумма квадратов отклонений.

Для строки «Регрессия» – это сумма квадратов отклонений теоретических данных от среднего:

$$SS_{ф}^{2} = \sum_{i=1}^{n}(\hat{y}_i - \overline{y})^2$$

Для строки «Остаток» – это сумма квадратов отклонений эмпирических данных от теоретических:

$$SS_{о}^{2} = \sum_{i=1}^{n}(y_i - \hat{y}_i)^2$$

Для строки «Итого» – это сумма квадратов отклонений эмпирических данных от среднего:

$$SS_{Y}^{2} = SS_{ф}^{2} + SS_{о}^{2}$$

Столбец *MS* – дисперсии, рассчитываемые по формуле:

$$MS = \frac{SS}{df}$$

Для строки «Регрессия» – это факторная дисперсия, характеризующая вариацию результативного признака за счёт вариации признака или признаков, включенных в модель.

Для строки «Остаток» – это остаточная дисперсия, характеризующая вариацию результативного признака за счёт вариации признака или признаков, не включенных в модель.

Из таблицы видно, что факторная дисперсия значительно больше остаточной, т. е. факторы, включенные в модель, оказывает гораздо большее влияние на вариацию результативного признака, чем прочие факторы.

Столбец *F* – расчетное значение *F*-критерия Фишера. Полученное значение необходимо сопоставить с табличным значением. Критерий используется для оценки адекватности модели. Фактическое значение сравнивается с табличным значением. Если расчётное значение больше табличного, то модель считается адекватной.

Фактическое значение больше табличного, следовательно, модель является адекватной $F_{ф} > F_{т}$.

Степень точности описания моделью процесса R-квадрат близок к единице, что говорит о высокой точности аппроксимации (модель хорошо описывает процесс).

p-значение для всех коэффициентов меньше 0,05, значит, эти коэффициенты не могут считаться нулевыми, т. е. модель может использоваться для прогнозирования результативного показателя.

Следовательно, уравнение регрессии будет иметь вид:

$$\hat{y} = 31{,}48 + 0{,}001771 \cdot x_1 - 0{,}00189 \cdot x_2 - 0{,}00021 \cdot x_3.$$

Таким образом, с увеличением численности прибывших из иностранных государств мигрантов на 1 тыс. чел. коэффициент миграционной привлекательности увеличивается на 0,001771 пункта, увеличение численности выбывших из РФ в иностранные государства на 1 тыс. чел. приводит к уменьшению коэффициента миграционной привлекательности на 0,00189 пункта, рост среднегодовой численности населения РФ на 1 тыс. чел. приводит к уменьшению коэффициента миграционной привлекательности на 0,00021 пункта.

По результатам проведённого исследования можно сделать вывод, что коэффициент миграционной привлекательности РФ за рассматриваемый период менялся не равномерно (изменение не было подчинено линейному закону). С 2004 по 2011 год наблюдался рост миграционной привлекательности (с незначительным спадом в 2010 году), после чего значение коэффициента стало снижаться вплоть до 2018 года.

Наилучшим образом для прогнозирования показателя во времени подходит модель, полученная путём экспоненциального сглаживания. Для прогнозирования показателя на основе факторных признаков была построена трёхфакторная корреляционно-регрессионная модель, которая хорошо отражает зависимость результативного показателя от факторов, включенных в модель.

Библиографический список

1. Красова Е.В. Факторы формирования миграционной привлекательности российских регионов (на примере Дальневосточного федерального округа) // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования: сб. тр. Международной научно-практической конференции / под общ. ред.: С.В. Рязанцева, Н.М. Пестеревой, М.Н. Храмовой. 2015. С. 83-86.
2. Николенко П.Г., Терехов А.М. Сущность концепции механизма стратегического управления устойчивым развитием АПК и сельскими территориями // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы II Международной научно-практической интернет-конференции. 2017. С. 127-135.
3. Прохоров П.Э., Эпштейн Н.Д. Статистический анализ миграционной ситуации и факторов, влияющих на демографическую экспансию России // Статистика и экономика. 2016. № 6. С. 9-18.
4. Сабетова Т.В. Оценка миграционной привлекательности государств и регионов // Наука и образование в современном обществе: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2015. С. 119-127.

Информация об авторах

Беляков Дмитрий Сергеевич (Россия, Нижний Новгород) – студент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (Приволжский филиал) (603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.17а; Tanya2002777@mail.ru).

Терехов Андрей Михайлович (Россия, Нижний Новгород) – кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (Приволжский филиал) (603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.17а; terehoff.t@yandex.ru).

Belyakov D. S., Terekhov A. M.

STATISTICAL ANALYSIS OF MIGRATION FLOWS IN THE RUSSIAN FEDERATION

***Abstract**. This article presents the results of statistical studies of the migration flows of the Russian Federation based on a probabilistic approach using methods of relative and average values, trend and correlation-regression analysis.*

***Key words:** average values, trend analysis, correlation-regression analysis, migration flow, migration attractiveness.*

Information about the authors

Belyakov Dmitry S. (Russia, Nizhny Novgorod) – student, Federal State Budget Educational Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice" (Privolzhsky Branch) (603022, Nizhny Novgorod, Gagarin, 17a; Tanya2002777@mail.ru).

Terekhov Andrei M. (Russia, Nizhny Novgorod) – candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Federal State Budget Educational Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice" (Privolzhsky Branch) (603022, Nizhny Novgorod, Gagarin, 17a; terehoff.t@yandex.ru).

References

1. Krasova E. V. Factors of formation of migration attractiveness of Russian regions (on the example of the far Eastern Federal district) / / in the collection: Migration processes in the Asia-Pacific region: history, modernity, practices of interaction and regulation proceedings of the international scientific and practical conference . Edited by S. V. Ryazantsev, N. M. Pestereva, and M. N. Khramova. 2015. Pp. 83-86.
2. Nikolenko P. G., Terekhov a.m. the Essence of the concept of the mechanism of strategic management of sustainable development of agriculture and rural territories / / in the collection: Problems of economic growth and sustainable development of territories Materials of the II international scientific and practical Internet conference. 2017. Pp. 127-135.
3. Prokhorov P. E., Epstein N. D. Statistical analysis of the migration situation and factors affecting the demographic expansion of Russia / / Statistics and Economics. 2016;(6): 9-18.
4. Sabetova T. V. Assessment of migration attractiveness of States and regions / / in the collection: Science and education in modern society Collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference in 2 parts. 2015. Pp. 119-127.

УДК 314.7 / ББК 60.7

Будилов А. П.

МИГРАЦИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЖИТЕЛЕЙ Г. ВОЛОГДЫ

Аннотация. *Работа посвящена изучению миграции и ее причин в г. Вологде. Результаты исследования позволили оценить масштабы и структуру миграции в городе, выделить главные причины миграции, в том числе и на микроуровне, определить современный портрет мигранта-вологжанина.*

Ключевые слова: *миграция, внутренняя миграция, международная миграция, причины миграции.*

Изучение миграционного движения является востребованной темой научных исследований, так как неконтролируемость переселений приводит к изменению количественных и качественных параметров населения, нарушению демографического баланса территорий [1, 2].

Анализ динамики прибытия и выбытия мигрантов, переселяющихся на постоянное место жительство в г. Вологду, за 2000–2018 гг. показал, что, несмотря на изменение системы учета миграции в 2011 г. , интенсивность переселенческих потоков возросла существенным образом: по прибывшим – в 1,6 раза, по выбывшим – в 1,9 раза. Это свидетельствует об увеличении мобильности в целом по прибывающим в город Вологду и выбывающим из него. С 2015 года в городе вновь наблюдается отрицательное сальдо миграции, как и в начале 2000-х, которое преимущественно складывается за счет межрегиональных перемещений (*рис. 1*).

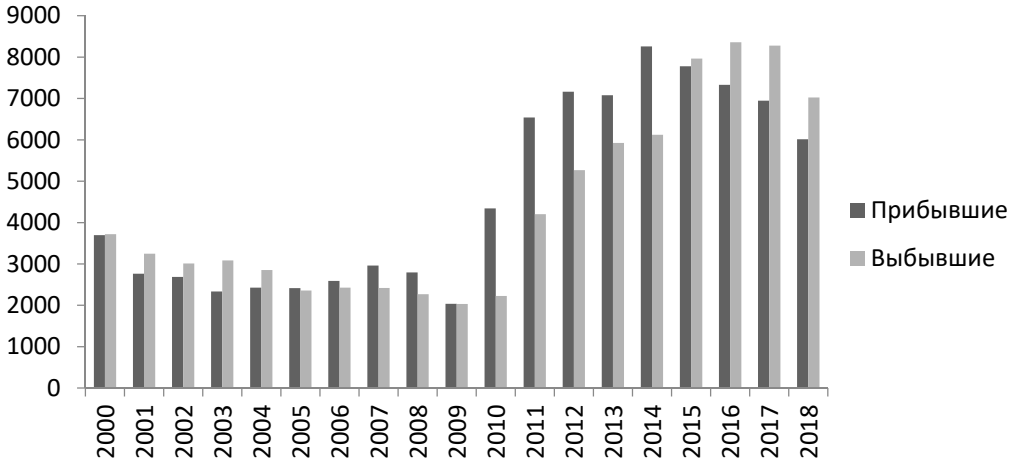


Рис. 1. Динамика прибывших и выбывших на постоянное место жительства в г. Вологду за 2009–2018 гг.

Источник: Демографический ежегодник Вологодской области, 2000-2018: стат. сб. / Вологдастат.

Структура миграционных потоков в областной столице главным образом представлена внутрироссийскими и внутрирегиональными перемещениями: в 2009 г. доля внутренней миграции по прибывшим составляла 97,8% (в 2018 г. – 98,9%), по выбывшим – 98,1% (в 2018 г. – 93,6%). В соотношении внутрирегиональных и межрегиональных перемещений за 2009–2018 гг. происходят небольшие изменения: увеличивается доля межрегиональных и сокращается доля внутрирегиональных перемещений.

Доля международной миграции в 2009 г. по прибывшим составляла 2,2% (в 2018 г. – 1,1%), по выбывшим – 1,9% (в 2018 г. – 6,4%). Обмен населением г. Вологды с зарубежными странами представлен миграционными потоками со странами СНГ и дальнего зарубежья. Наибольший международный миграционный обмен за 2009–2018 гг. был со странами СНГ и Балтии. При этом в 2018 году он стал отрицательным: 431 человек уехали и всего лишь 65 приехали.

В целом среди мигрантов за период с 2009 по 2018 г. наиболее представлены женщины (на 8% больше, чем мужчины). Большинство перемещений как женщин, так и мужчин приходится на возраст от 20 до 39 лет (47,1% от всех мигрантов). Самым активным возрастом для мигрантов обоих полов как по прибывающим, так и по выбывающим потокам является 18, 19, 21, 22, 29 и 30 лет. В 2018 году по сравнению с 2009 годом город стал существенно терять женщин в трудоспособном, репродуктивном возрасте, что является очень настораживающей тенденцией.

Портрет современного мигранта-вологжанина таков: средний возраст как по приезжающим, так и по выезжающим составляет примерно 29 лет; в большинстве случаев это женщины с высшим образованием трудоспособного возраста; переезжать почти в половине случаев он будет с семьей (с детьми; *таблица*).

Распределение мигрантов по прибывшим и выбывшим по различным характеристикам в 2018 г., г. Вологда

Параметры потока	Прибывшие	Убывшие
Число прибывших и выбывших, чел.	6016	7024
Мужчины и женщины, %	42% и 58 % соответственно	42,9 % и 57,1 % соответственно
Средний возраст	29,2	29
Трудоспособный, %	68,7	73,7
Дети (от 0 до 17 включительно), %	44,1	37,6
По уровню образования, %		
Высшее	35	33,6
Среднее специальное	29,4	24,6
Школа (11 классов)	21,4	17,8
Остальное	14,4	12
Источник: данные Вологдастата, полученные по запросу.		

Город стали активнее покидать молодые люди, большая часть из которых имеет высшее профессиональное или среднее полное образование, то есть Вологда теряет свой интеллектуальный потенциал. Так, в 2018 году по сравнению с пятью годами ранее число лиц трудоспособного возраста, покинувших город, имеющих высшее образование, превысило число приехавших на 228 человек, имеющих среднее (полное) образование, на 382 человека. В 2012 году ситуация была обратная.

Среди причин миграции в городе за последние пять лет (как и ранее) выделяются четыре группы, доля которых в мотивах переезда составляет 2/3 – это причины личного, семейного характера; в связи с учебой; в связи с работой. Значительна также доля иных причин и варианта ответа «возвращение после временного отсутствия».

Значимость других причин миграции из Вологды: переезда из-за обострения межнациональных отношений, обострения криминогенной обстановки, несоответствия природно-климатическим условиям – крайне низка.

Главными причинами оттока за 2014–2018 гг. были переезды в образовательных целях, возвращение к прежнему месту жительства, экологическое неблагополучие

места пребывания, причины личного и семейного характера (переезд в связи с переменой места работы супруга(и) и к родителям). Главными причинами оттока стало возвращение после временного отсутствия, что, возможно, свидетельствует либо о том, что мигрантам не удалось устроиться на новом месте, либо о том, что они изначально мигрировали с определенной временной целью (например, получение образования).

Оценить на микроуровне причины, по которым жители города хотят его покинуть, можно с помощью социологических методов. В 2019 году ФГБУН ВолНЦ РАН был проведен массовый опрос жителей области. Одной из практических задач было исследование миграционных установок, их особенностей. Были опрошены 1500 человек в 28 муниципальных образованиях области (2 крупных города: Вологда – административный центр, Череповец – промышленный моногород, а также 26 муниципальных районов с преимущественно сельским населением). Выборка – квотная по полу и возрасту, ошибка не превышает 3%. Обследование позволило изучить миграционные установки жителей Вологодской области.

По данным исследования выявлено, что население города Вологды обладает низкой миграционной мобильностью: большая часть (85%) не хотят переезжать, и прежде всего в связи с наличием привычки, тесной связи с местом проживания, родиной и окружающими близкими людьми (*рис. 2*).

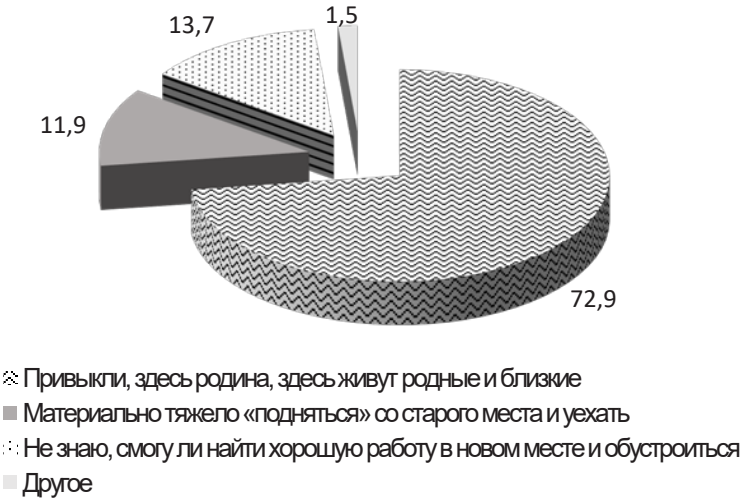


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы не планируете переехать в другой населенный пункт или переезд маловероятен, то почему?» (в % от числа тех, кто не планирует переехать среди ответивших)

О своем желании переехать сообщили 15% жителей г. Вологды. Причем лишь 9,4% намерены сменить место жительства, остальные планируют только работать или учиться в другом населенном пункте. Среди 66,1% опрошенных определившихся с новым местом жительства, 16,9% указали Санкт-Петербург, 15,3% – Москву.

Главными причинами переезда респонденты называют отсутствие условий для получения образования, семейные причины, далее идут причины экономического характера: низкие заработки, отсутствие работы, жилищные проблемы. Немаловажным аргументом для отъезда является неразвитость социальной инфраструктуры – плохой досуг, слаборазвитая торговая сеть.

За последние 10 лет меняли место жительства 13% опрошенных жителей г. Вологды. 80,7% переездов осуществлялись внутри региона. Смена места жительства для горожан – серьезное решение: те, кто переезжал, делали это однажды.

Что касается приживаемости на новом месте, то 6,1% из переезжавших вологжан не смогли там закрепиться и вернулись обратно. Не всем удалось решить те задачи, которые были поставлены при переезде. Среди главных причин возврата к месту рождения участники опроса называют «тягу на родину», жилищные и семейные проблемы, нехватку заработной платы для обустройства на новом месте.

Главными трудностями при устройстве на новом месте респонденты называют сложность решения жилищных проблем, проблемы социального характера – во взаимодействии с новым окружением, удаленность от семьи и друзей.

Заключая, следует подчеркнуть, что город Вологда с 2015 года стал миграционно непривлекательным как для внутренних мигрантов, так и мигрантов дальнего зарубежья и из стран СНГ. Данная ситуация требует глубокого осмысления и изучения, так как в ближайшее время вследствие половозрастных сдвигов, происходящих по причине старения населения и снижения рождаемости, миграция может стать единственным ответом на запросы демографического развития города [3]. Исходя из этого необходимо обращать более пристальное внимание на проблему миграционной непривлекательности города. Однако необходимо осознавать, что все мероприятия по привлечению мигрантов должны носить продуманный и спланированный характер, так как неконтролируемая миграция скрывает в себе риски нарушения этнодемографического баланса территории.

Библиографический список

1. Будилов А. П. Внутрироссийская миграция: дифференциация регионов и ее факторы // Проблемы развития территории. 2019. № 3. С. 97-106.
2. Демографический понятийный словарь / ред. Л. Л. Рыбаковский. М.: Центр социологического прогнозирования, 2003. 351 с.
3. Калачикова О. Н., Будилов А. П. Отток молодежи из сельской местности: мотивы и возможности регулирования // Социальное пространство. 2018. № 3. С. 1-9.
4. Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225-242.

Информация об авторе

Будилов Александр Павлович (Россия, Вологда) – аспирант, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Российская Федерация, Вологда, ул. Горького, 56а; volnc@ya.ru).

Budilov A. P.

MIGRATION AND RESETTLEMENT OF RESIDENTS OF VOLOGDA

Abstract. *The work is devoted to the study of migration and its causes in the city of Vologda. The results of the study made it possible to assess the scale and structure of migration in the city, to identify the main causes of migration, including at the micro level, to determine the modern portrait of a Vologda migrant.*

Key words: *migration, internal migration, international migration, causes of migration.*

Information about the author

Budilov Alexandr P. (Russia, Vologda) – postgraduate student, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; volnc@ya.ru).

References

1. Budilov A.P. Domestic migration: diff erentiation of regions and its factors. Problems of Territory's Development, 2019, № 3 (101), pp. 97–106. DOI: 10.15838/ptd.2019.3.101.6
2. Kalachikova, O. N., Budilov A. P. Youth urbanization: motives and regulation options // Social Area. 2018. № 3. P. 1-9.
3. Demographic Conceptual Dictionary [Text] / Ed. L. L. Rybakovsky. Moscow: Center for Sociological Forecasting, 2003 351 p.
4. Mkrtchyan, N. V. Migration of youth from small cities of Russia [Text] / N. V. Mkrtchyan // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2017. № 1. P. 225-242.

УДК 314.4 / ББК 60.7

Груздева М.А., Калашников К.Н.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ МЕР РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ, ПЕРЕНЕСШИХ ОСТРЫЕ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Аннотация**. В исследовании оценивается доступность реабилитационной помощи для населения Вологодской области. Оценена фактическая потребность населения в медицинской реабилитации по диагнозам острых сердечно-сосудистых заболеваний и степень ее удовлетворения за счет средств внебюджетных фондов.*

***Ключевые слова:** инфаркт, инсульт, сердечно-сосудистые заболевания, система реабилитации, потребность в реабилитации, внебюджетные фонды.*

Сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) являются основной причиной смерти во всем мире. По оценкам ВОЗ, от ССЗ ежегодно умирает около 18 миллионов человек, что составляет треть всех случаев смерти в мире. Подавляющая доля (85%) этих смертей происходит в результате острых нарушений – сердечного приступа или инсульта.

Необходимость усиления внимания к ситуации с сердечно-сосудистыми заболеваниями отражается и в целях национального проекта «Здравоохранение» [3]. Так, выделен отдельный федеральный проект, нацеленный на борьбу с данной группой заболеваний (финансирование – 75,2 млрд. руб., или 4,4% от общей суммы на период 2019–2024 гг.). Результатом реализации должно стать существенное сокращение смертности от болезней системы кровообращения (БСК) – с 587,6 случая на 100 тыс. человек в 2018 году до 450 в 2024 году, или на 23,4% (*рис. 1*). Вместе с тем даже планируемый уровень смертности от БСК в России в 2,3 раза выше текущего аналогичного показателя в Германии, в 4,6 раза – во Франции.

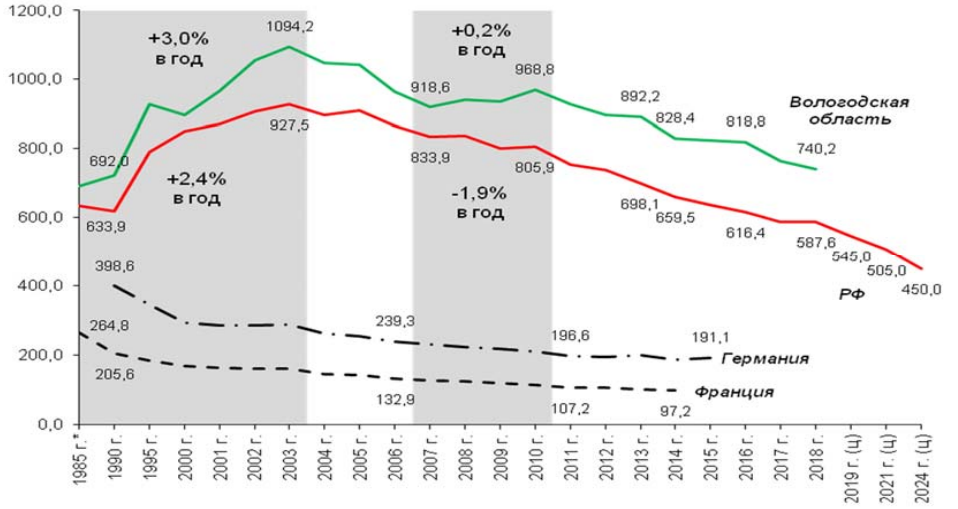


Рис. 1. Динамика показателей смертности населения от болезней системы кровообращения (случаев на 100 тыс. чел. населения)*

* Для Вологодской области данные за 1986 г.

Ц – целевой показатель по национальному проекту «Здравоохранение»; заливкой показаны периоды, в которые увеличивались показатели смертности в Вологодской области.

По расчётам специалистов Всемирной организации здравоохранения, странам СНГ при сохранении имеющихся темпов снижения смертности потребуется порядка 50 лет, чтобы достичь текущих низких показателей смертности 15 стран Евросоюза[1]. Вместе с тем поставлена национальная задача существенно увеличить темпы снижения смертности от БСК. Безусловно, заявленный период реализации нацпроекта и объем выделяемых средств могут поддаваться определенной критике, но любые мероприятия по укреплению здоровья населения крайне важны для современной России [3]. Это актуализирует поиск новых механизмов для снижения смертности населения от сердечно-сосудистых заболеваний, повышения качества и продолжительности жизни пациентов, перенесших инфаркты и инсульты, что напрямую зависит и от качества и эффективности оказываемой реабилитационной помощи.

Целью исследования явилось изучение эффективности региональной системы мер реабилитации пациентов, перенёсших острый инфаркт миокарда и острое нарушение кровообращения головного мозга (инсульт), на примере Вологодской области.

Информационная база исследования представлена данными Росстата, ВОЗ, международной статистики, ведомственной статистической отчётности, информации, предоставленной внебюджетными фондами социального страхования и обязательного медицинского страхования. Мы опираемся на законодательные основы оказания реабилитационных услуг населению, а также методические рекомендации врачей-кардиологов и неврологов и методические основы медицинской реабилитации, разработанные Министерством здравоохранения РФ.

Для оценки эффективности системы мер нами была изучена потребность в реабилитации после инфарктов и инсультов в регионе и оценена степень ее удовлетворения за счет средств внебюджетных фондов. Согласно рекомендованной ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения РФ методике определения потребности взрослого населения в медицинской реабилитации все пациенты, выписанные из стационаров после инсульта и инфаркта, нуждаются в медицинской реабилитации в условиях специализированных учреждений. В 2018 году 5203 человека выписались живыми из стационаров и нуждались в прохождении реабилитационных мероприятий (совокупный рост за 19 лет составил 15,6%, среднегодовой темп прироста – 0,8%), большую часть из них составляли пациенты с перенесёнными инсультами – 3451 человек и 1752 человека с острыми и повторными инфарктами (*рис. 2*). За последние 19 лет потребность в нейрореабилитации показывала тенденцию к росту (на 26% выше в 2018 г. по сравнению с 2000 г.), в кардиореабилитации она, напротив, снизилась на 2%.

---

[1] На пути к Европе, свободной от предотвратимых неинфекционных заболеваний. Будущая динамика преждевременной смертности в Европейском регионе / ВОЗ. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/340866/Report-1-Ru.pdf?Ua=1

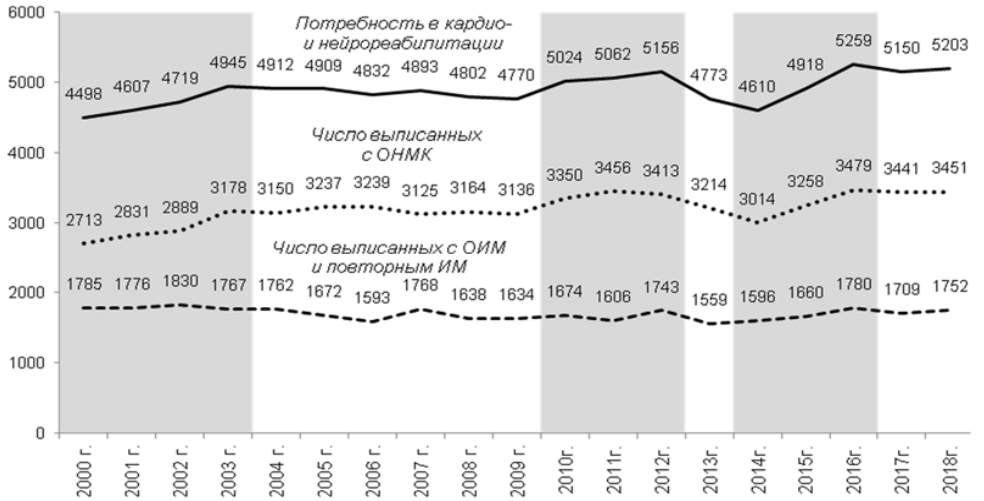


Рис. 2. Фактическая потребность взрослого населения Вологодской области в медицинской реабилитации (по диагнозам острые и повторные инфаркты миокарда, острые нарушения мозгового кровообращения, человек)

Примечание. Заливкой выделены периоды увеличения потребности в кардио- и нейрореабилитации.

Проблема доступности реабилитации для лиц, перенёсших инфаркт и особенно инсульт, в Вологодской области стоит достаточно остро.

Во-первых, выяснено, что в регионе существует возможность для выполнения, в соответствии с клиническими рекомендациями врачей [1, 4], только первого и третьего этапов кардио- и нейрореабилитации, но специализированные отделения для реабилитации в соответствии с типом заболевания, рекомендованные для второго этапа, отсутствуют. Из-за их отсутствия в регионе приказом департамента здравоохранения области больные с инфарктами и инсультами для этих целей направляются в санатории и профилактории. Однако они не полностью покрывают потребность в нейро- и кардиореабилитации. Ведущим учреждением по объёму оказываемой реабилитационной помощи по кардиологическому и неврологическому направлениям является МЧУ ВОФП санаторий «Новый источник». В настоящее время в нем удовлетворяется 19,8% объема потребности пациентов в реабилитации после перенесённых заболеваний сердца и 8,7% – после острого нарушения мозгового кровообращения. Также для санаториев региона есть существенные препятствия для выполнения рекомендаций по их шаговой доступности для пациентов, которым рекомендовано лечение в условиях дневного стационара. Таким образом, большая часть нуждающихся больных не получает комплексной реабилитационной помощи, то есть не проходит все три рекомендованных этапа.

Во-вторых, острым становится вопрос материальной доступности реабилитационной помощи. Безусловно, она оказывается в рамках финансирования из внебюджетных фондов социального и обязательного медицинского страхования. Вместе с тем выявлено, что объём удовлетворённой потребности в реабилитационной помощи по кардио- и нейрореабилитации за счет средств внебюджетных фондов в 2018 году составил 52,7%, из них 10,2% – за счет средств ФСС (льготные путевки в санатории по всем болезням системы кровообращения), 42,5% – из средств ФОМС (реабилитация по инфарктам и инсультам). Остальные пациенты, нуждавшиеся в реабилитации, были вынуждены получать данный вид помощи на возмездной

основе либо вовсе не получили к ней доступа. За последние 5 лет уровень потребности в медицинской реабилитации пациентов, перенесших острые заболевания сердца и сосудов, удовлетворённой за счет средств внебюджетных фондов, увеличился на 5 п. В 2016 году отмечалось максимальное значение за анализируемый период – 63,3% (*рис. 3*).

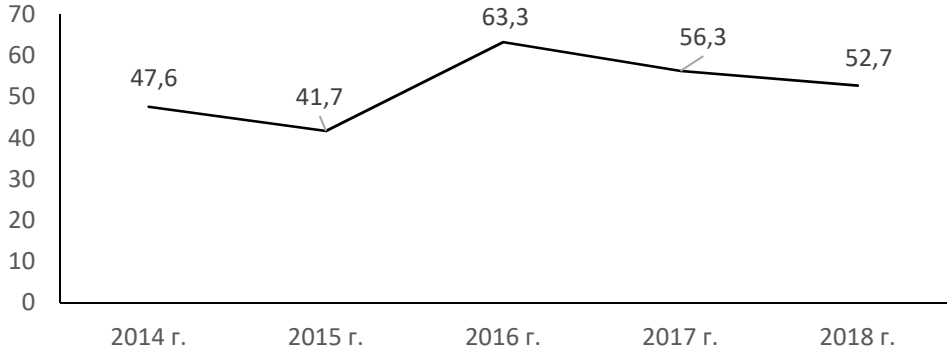


Рис. 3. Доля удовлетворённой ежегодной потребности в медицинской реабилитации в Вологодской области за счет средств внебюджетных фондов
(суммарно по кардио- и нейрореабилитации, в совокупности по ФОМС м ФСС, %)

Примечание. Объём потребности рассчитывался авторами на основе числа пациентов, выписанных живыми из стационаров соответствующего профиля.

Стоит отметить, что, в отличие от общих положений национального проекта «Здравоохранение», в Вологодской области при формировании региональных ориентиров развития уделяется внимание медицинской реабилитации. Региональная программа «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» предполагает в период 2019–2024 гг. реализацию комплекса мероприятий, в том числе информационных, организационных, исследовательских, направленных на повышение эффективности системы реабилитации в регионе. Однако требуются и дальнейшие изменения с целью формирования эффективной системы реабилитации при острых ССЗ в регионе, среди них можно отметить следующие:

1. Наиболее полная реализация запущенной в 2019 году региональной программы «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» на 2019–2024 гг. В ходе и по итогам ее выполнения целесообразно проводить отслеживание актуальной ситуации по вопросам эффективности системы реабилитации при сосудистых катастрофах в регионе. Это позволит оценить эффективность реализации программы, а также создаст информационную базу для принятия управленческих решений по дальнейшему совершенствованию системы медицинской реабилитации после сосудистых катастроф.

2. Необходима интенсификация сотрудничества региональных органов власти, прежде всего департамента здравоохранения, с ведущими институтами (например, Институт мозга человека имени Н.П. Бехтеревой РАН) и специализированными реабилитационными центрами России по выделению квот лицам, нуждающимся в реабилитационных мероприятиях.

3. Поступательное развитие собственной системы комплексной медицинской реабилитации в регионе, что связано с необходимостью четкого планирования финансовых, организационных, кадровых ресурсов для повышения доступности реа-

билитационной помощи для пациентов с сосудистыми катастрофами; повышения доступности реабилитационной помощи, финансируемой за счет средств Фонда обязательного медицинского страхования и Фонда социального страхования; создания в регионе специализированных реабилитационных учреждений для обеспечения второго (стационарного) этапа эффективной медицинской реабилитации при инфарктах и инсультах, согласно клиническим рекомендациям кардиологов и неврологов; модернизации существующих учреждений и повышения их доступности для населения; оснащения действующих учреждений современными средствами реабилитации; улучшения кадрового состава; организационных мероприятий по эффективной маршрутизации пациентов для получения своевременной и качественной реабилитационной помощи; использования последних достижений современной науки в области реабилитации.

Библиографический список

1. Диагностика и тактика при инсульте в условиях общей врачебной практики, включая первичную и вторичную профилактику // Клинические рекомендации: утв. на IV Всероссийском съезде врачей общей практики (семейных врачей) Российской Федерации 15 ноября 2013 года, г. Казань. 33 с.
2. На пути к Европе, свободной от предотвратимых неинфекционных заболеваний. Будущая динамика преждевременной смертности в Европейском регионе / ВОЗ. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/340866/Report-1-Ru.pdf?Ua=1
3. Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: науч.-аналит. издание / колл. авт. под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 68 с.
4. Реабилитация и вторичная профилактика у больных, перенесших острый инфаркт миокарда с подъемом сегмента st // Российские клинические рекомендации. М., 2014. 95 с.

Информация об авторах

Груздева Мария Андреевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, зав. Лабораторией, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; mariya_antonovarsa@mail.ru).

Калашников Константин Николаевич (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; konstantino-84@mail.ru).

Gruzdeva M.A.,Kalashnikov K.N.

EFFECTIVENESS OF THE SYSTEM OF REHABILITATION OF PATIENTS AFTER ACUTE CARDIOVASCULAR DISEASE (ON THE EXAMPLE OF THE VOLOGDA REGION)

***Abstract**. In the study assesses the availability of rehabilitation assistance for the population of the Vologda Oblast. An assessment of the actual needs of the population in medical rehabilitation for the diagnosis of acute cardiovascular disease and degree of satisfaction from extrabudgetary funds.*

***Key words:** heart attack, stroke, cardiovascular disease, system of rehabilitation, need for rehabilitation, extrabudgetary funds.*

Information about the authors

Gruzdeva Mariya A. (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Head of the Laboratory of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Gorky Street, 56a; mariya_antonovarsa@mail.ru).

Kalashnikov Konstantin N. (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Gorky Street, 56a; konstantino-84@mail.ru).

References

1. Diagnostics and tactics for stroke in general medical practice, including primary and secondary prevention // Clinical recommendations, approved. at the IV All-Russian Congress of General Practitioners (Family Doctors) of the Russian Federation on November 15, 2013, Kazan. 33 p.
2. Towards a Europe free of preventable noncommunicable diseases. Future dynamics of premature mortality in the European Region / WHO. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/340866/Report-1-Ru.pdf?Ua=1
3. National projects 2019-2024: analysis and key risks of their implementation. Social sphere: beginning-analyte. publication / team of authors under the scientific supervision of a corresponding member of RAS V.A. Ilyin. Vologda: Federal State Budgetary Institution VolNTs RAS, 2019 . 68 p.
4. Rehabilitation and secondary prevention in patients after acute myocardial infarction with st segment elevation // Russian Clinical Recommendations. M., 2014. 95 p

УДК 316.752 / ББК 60.56

Датунашвили С., Еремеева В.Д., Каргаполова Е.В.

ОТРАЖЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

***Аннотация**. В данной статье представлены результаты исследования позиционирования ценностей семьи в российских средствах массовой информации. Основной метод – контент-анализ одного из крупнейших федеральных СМИ «Российская газета». Исследование показало, что семейные ценности активно освещаются федеральными СМИ в различных контекстах, и в большей степени интересуют журналистов женского пола.*

***Ключевые слова:** семья, ценности, средства массовой информации.*

Введение. В настоящее время средства массовой информации играют огромную роль в жизни человека. К ним прислушиваются, цитируют, на их основе формируется система ценностей человека как существа социального. Как пишет В. В. Тучкова, «СМИ все больше оказывают влияние на социальное, культурное развитие личности, так же как на процесс социализации, преемственности духовных ценностей и традиций» [1, с. 159]. Поэтому необходимо изучать какие ценности и каким образом транслируются в средствах массовой информации. Для нас в данном контексте ценность семьи оказалась наиболее интересной, поскольку на сегодняшний день во всём мире происходит трансформация института семьи и необходимо понять, есть ли такие изменения в России и отражают ли их СМИ.

Поскольку средства массовой информации являются крайне сильным инструментом влияния, они используются и государством для реализации определённых стратегически важных программ. В нашей стране существует «необходимость формирования комплексной стратегии, консолидирующей все общество и направленной на повышение ценности семьи и семейного образа жизни, оказания помощи семье в реализации всех ее функций, обусловливающей проведение комплекса широкомасштабных, ориентированных на различные группы населения информационных, образовательных и просветительских мероприятий» [2, с. 38]. Стоит также отметить, что на сегодняшний день имидж России формируют «так называемые традиционные (прежде всего семейные и религиозные) ценности» [3, с. 19]. Данный факт нельзя обходить стороной, особенно в случае семейных ценностей и их трансляции как в глобальный мир со стороны России, так и со стороны мира в сторону нашей страны. Ведь в мире, где господствуют глобализация, крайне сложно поддержать самобытность. Актуальность нашей работы заключается и в том, что «ценностные ориентации семьи, которые репрезентируют СМИ, во многом определяют современные модели семейного поведения и создают значимые эталоны семьи, которые сопровождают человека всю жизнь и оказывают основополагающее влияние на его мировоззрение» [4, с. 108].

Результаты. Объект исследования – система ценностей, тиражируемых в федеральных СМИ. Основной метод исследования – контент-анализ. Базовыми категориями исследования выступили дефиниции, разработанные на основе концепции структур ценностей Н. И. Лапина. Данные дефиниции в количестве 14 семантических единиц (нравственность, благополучие, своевольность, свобода, работа, порядок, общительность, семья, инициативность, властность, жертвенность, независимость, жизнь человека, традиции) были распределены согласно логической и лингвистической процедуре. Наш исследовательский интерес фокусировался на семантической единице «семья» и ее словоформах – семейство; род, родные; фамилия; семеюшка;

дом, домашние; близкие; династия. Инструментарий контент-анализа был разработан д.с.н., профессором кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г.В. Плеханова Е.В. Каргаполовой. Данное исследование является продолжением анализа средств массовой информации регионального и федерального уровней, которое началось в 2017 году [5]. В качестве эмпирической базы исследования послужили тексты федеральной газеты «Российская газета». Выборка газет – июль 2019 г. (23 номера). Полученный массив эмпирических данных был обработан с использованием математических процедур статистического анализа. Нас интересовала частотность упоминания категории «семья» в текстах данной газеты за исследуемый период, характеристики печатных материалов, в которых упоминается базовая категория исследования, а также их авторов.

Всего было зарегистрировано 3810 употреблений всех 14 семантических единиц, 370 из которых представляли непосредственно семантическую единицу «семья», что составляет 9,7% всего массива данных. Наиболее часто упоминаются синонимы «дом» и «домашние» (50,8%). Следующие две позиции с большим отрывом занимают понятия «семейство», «семья», «фамилия» и «близкие» (16,5; 12,2; 9,2 и 8,1% соответственно). Словоформы «род, родные» употребляются гораздо реже (3%), как и «династия» (0,3%).

Характер информации в основном представлял собой констатацию факта (54% упоминаний), однако стоит отметить, что при этом эмоциональная окрашенность информации по отношению к субъекту анализа разделяется между положительной и нейтральной практически в равных долях (27 и 24,6% соответственно). Важный факт, который также требует освещения, заключается в том, что о семейных ценностях пишут в большинстве своём женщины (55%). Женщины-журналисты в большей степени заинтересованы в освещении семейных ценностей в федеральных средствах массовой информации.

Одним из интереснейших наблюдений является также то, что 17,2% упоминаний семантической единицы «семья» и ее словоформ выявлено в статьях, связанных с культурно-досуговой деятельностью, и в статьях общественно-политической направленности (16,9%). Здесь можно отметить, что регулярно обновляются и вступают в силу новые нормативно-законодательные акты, которые регулируют семью как институт. Но так или иначе, не менее актуальной является досуговая функция семьи, которая реализуется путем посещения парков отдыха, выставочных площадок и других мероприятий, связанных с культурой, досугом и отдыхом. В некоторых статьях освещаются деятельность правоохранительных органов и вопросы социального обеспечения (13 и 13% соответственно). Данные результаты показывают нам, что вопрос поддержания необходимых социально-экономических условий функционирования семьи также важен. Он неоднократно поднимается федеральными средствами массовой информации и проявляет степень их заинтересованности материальным обеспечением семьи для наиболее благополучного её существования. Если же говорить о статьях, которые были связаны с деятельностью правоохранительных органов, то в качестве синонима семантической единицы нами расматривалось понятие «дом». Соответственно в статьях рассматриваются многие вопросы, которые так или иначе затрагивают правовое поле, зачастую связаны с недвижимостью и урегулированием вопросов с ней.

Заключение. Интерпретируя результаты контент-анализа статей «Российской газеты», мы пришли к следующим выводам:

- темой семейных ценностей больше интересуются журналисты женского пола;

- почти каждая десятая статья, в которой упоминаются все 14 базовых ценностей, так или иначе посвящена вопросу семейных ценностей. Таким образом, семейные ценности находятся на повестке дня в федеральных СМИ и освещают ее существование в различных аспектах, как духовных, так и материальных.

Библиографический список

1. Тучкова В. В. Отражение семейных ценностей в российских СМИ // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 150. С. 158-163.
2. Кучмаева О. В., Ростовская Т. К. Концепция информационной кампании по повышению ценности семьи и семейного образа жизни // Информационное общество. 2016. № 3 С. 37-47.
3. Рябова Т. Б., Рябов Д. О. Семейные и религиозные ценности как ресурс «Мягкой силы» России: дискуссии в современных российских и западных СМИ // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 17-32.
4. Адилова Л. Ф., Мищенко В. А. Образ семьи и семейные ценности в российских СМИ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. № 4 (126). С. 108-116.
5. Каргаполова Е.В., Арясова А. Ю., Дулина Н. В. Система ценностных ориентаций в информационном пространстве региона (по материалам контент-анализа СМИ) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (56). С. 108-118.

Информация об авторе

Датунашвили С. (Россия, Москва) – студентка 3 курса направления «Социология», Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Россия, 115054, Москва, Стремянный пер., д. 36; datova.ss@gmail.com).

Еремеева Владислава Дмитриевна (Россия, Москва) – студентка 3 курса направления «Социология», Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Россия, 115054, Москва, Стремянный пер., д. 36; lada.e.1999@gmail.com).

Каргаполова Екатерина Владимировна (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Россия, 115054, Москва, Стремянный пер., д. 36; k474671@list.ru).

Datunashvili S., Eremeeva V.D., Kargapolova E.V.

REFLECTION OF FAMILY VALUES IN MODERN RUSSIAN MEDIA

Abstract. *This article presents the results of a study of the positioning of family values in the Russian media. The main method is the content analysis of one of the largest federal media, Rossiyskaya Gazeta. The study showed that family values are actively covered by the federal media in various contexts and are more interested in female journalists.*

Key words: *family, values, mass media.*

Information about the author

Datunashvili S. (Russia, Moscow) – 3rd year student of «Sociology», Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia; datova.ss@gmail.com).

Eremeeva Vladislava D. (Russia, Moscow) – 3rd year student of «Sociology», Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia; lada.e.1999@gmail.com).

Kargapolova Ekaterina V. (Russia, Moscow) – Doctor of Sociology, Professor, Department of Political Science and Sociology, Georgy Valentinovich Plekhanov Russian University of Economics (36 Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia; k474671@list.ru).

References

1. Tuchkova V.V. Reflection of family values in the Russian media / V.V. Tuchkova // Izvestia RGPU im. A.I. Herzen. 2012. № 150. P. 158-163.
2. Kuchmaeva O. V. The concept of an information campaign to increase the value of the family and family lifestyle / O. V. Kuchmaeva, T. K. Rostovskaya // Information Society. 2016. № 3 P. 37-47.
3. Ryabova T. B. Family and religious values as a resource of the "Soft Power" of Russia: discussions in modern Russian and Western media / T. B. Ryabova, D. O. Ryabov // Woman in Russian society. 2017. № 3 (84). P. 17-32.
4. Adilova L. F. The image of the family and family values in the Russian media / L. F. Adilova, V. A. Mishchenko // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series «Philosophy. Sociology. Art History». 2014. № 4 (126). P. 108-116.
5. Kargapolova E.V. The system of value orientations in the information space of the region (based on materials from the media content analysis) / E.V. Kargapolova, A. Yu. Aryasova, N.V. Dulina // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2018. № 5 (56). P. 108-118.

УДК 314:37-053.9:33(470.13)/ББК 60.7:74.4(2Рос.Ком)

Зорина Е.Н., Попова Л.А.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА[1]

Аннотация. *Оцениваются отношение пожилых людей к получению новых знаний и их реальная готовность к обучению как важнейшие составляющие ресурсного потенциала старших поколений. Исследование выполнено на основе результатов социологических обследований населения старше 55 лет, проведенных в 2013 и 2018 гг.*

Ключевые слова: *демографическое старение, население старшего возраста, активное долголетие, уровень образования, отношение к получению новых знаний, Республика Коми.*

Ускорение демографического старения России в условиях роста ожидаемой продолжительности жизни населения последних лет и повышение пенсионного возраста значительно актуализируют в стране вопросы активного долголетия. Европейской экономической комиссией ООН при мониторинге активного старения рассматриваются занятость пожилых людей; участие в сообществе; независимость, здоровье и безопасность жизни; возможности и благоприятные условия для активного старения, в числе которых рассматриваются образовательные ресурсы [5].

Ранее в контексте активного долголетия мы рассмотрели вопросы занятости и здоровья населения третьего возраста. Данная статья посвящена уровню образования пожилых людей и оценке их отношения к получению новых знаний и собственной готовности к обучению. Исследование выполнено на основе официальной статистики и результатов социологических обследований населения старше 55 лет, проведенных в Республике Коми в 2013 г. (результаты и выборка описаны в [1]) и в 2018 г. (выборка описана в [2]). При разных объемах выборочных совокупностей (в 2013 г. было опрошено 932 человека, в 2018 г. – 1521 человек) их основные характеристики (по полу, возрасту, типу поселения, уровню образования, семейному статусу) являются почти идентичными, что позволяет сравнивать результаты.

У современных российских пенсионеров достаточно высокий уровень профессионального образования. Пока он несколько ниже, чем у населения в рабочих возрастах. По данным последней переписи, проведенной в 2010 г., доля высококвалифицированных специалистов с послевузовским, высшим, незаконченным высшим и средним профессиональным образованием среди лиц старше трудоспособного возраста составила 48,4% против 64,1% среди населения в трудоспособном возрасте, т.е. ниже на четверть (*табл. 1*). Однако разница сокращается: в 2002 г. доля профессионалов высокого класса среди пенсионеров была ниже более чем на треть (соответственно, 33,0 и 51,9%), в 1989 г. – более чем наполовину (16,6 и 40,1%). Как видим, в 2010 г. уровень профессионального образования населения старше трудоспособного возраста лишь незначительно уступает образовательному уровню трудоспособного в 2002 г. При этом рост уровня образования пенсионных контингентов происходит очень значительными темпами: с учетом среднего профессионального образования эти темпы превосходят темпы роста в трудоспособном возрасте. Образовательный уровень российских пенсионеров будет расти и дальше: в настоящее время пенсионного возраста, который с 2019 г. постепенно увеличивается на пять лет, достига-

[1] Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-7-24 «Демографическое старение России: региональные особенности, последствия, государственная социальная политика».

ют мужчины, родившиеся в конце 1950-х годов, и женщины, родившиеся в первой половине 1960-х. В перспективе на пенсию будут выходить все более образованные когорты населения. Наличие и высокий уровень профессионального образования способствуют усилению трудовой мотивации, желанию эффективнее и дольше использовать опыт, приобретенный в процессе обучения и работы по специальности, т.е. содействуют активному долголетию.

Таблица 1. Уровень профессионального образования населения старше трудоспособного возраста и населения трудоспособного возраста* в Российской Федерации (% от числа лиц соответствующей возрастной группы, указавших уровень образования, по данным переписей)

Год	Послевузовское	Высшее профессиональное	Незаконченное высшее	Среднее специальное
Население старше трудоспособного возраста				
1989	…	6,2	0,7	9,7
2002	0,3	12,8	0,9	19,0
2010	0,3	18,1	0,9	29,1
Население трудоспособного возраста				
1989*	…	14,6	1,3	24,2
2002	0,3	17,1	3,9	30,6
2010	0,7	24,9	6,0	32,5

* Занятое население.
Источник: Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 16.03.2020).

В 2018 г. во исполнение майского Указа Президента[2] был разработан национальный проект «Демография» на 2019–2024 гг., включающий в составе пяти федеральных проектов проект «Старшее поколение». Он посвящен в основном вопросам здоровья пожилых людей, но в перечне целевых показателей «Численность граждан предпенсионного возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование». А при осуществлении мониторинга результатов реализации, включающих мероприятия по увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни, предполагается оценка не только состояния здоровья граждан старше трудоспособного возраста, но и количество граждан старшего поколения, занимающихся физической культурой и спортом на вновь созданных объектах, а также прошедших переподготовку и подготовку на специально организованных курсах, в том числе по вопросам компьютерной грамотности[3].

Отношение к получению новых знаний, реальная готовность к обучению представляет собой один из базовых показателей, отражающих творческий подход к труду. Постоянное обновление образования способствует развитию личности, удовлетворению индивидуальных потребностей и интересов, формированию квалификаций и ключевых компетентностей, позволяющих взрослому человеку быть востребованным на рынке труда, справляться с личностными и профессиональными проблемами [4]. Ускорение демографического старения требует обеспечения усло-

[2] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/57425 (дата обращения: 22.11.2019).

[3] Национальный проект «Демография» (2018) / Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography (дата обращения: 22.11.2019).

вий для более полного использования интеллектуального потенциала взрослого населения, в том числе и пожилых людей. На основе результатов наших обследований, используя методику, предложенную в [3], мы оценили отношение населения старше 55 лет к получению новых знаний и изменения, которые произошли в когнитивных способностях старших поколений за 5 лет между обследованиями. Участникам опросов были предложены два вопроса, затрагивающих тему образования пожилых людей. Общий вопрос – «По Вашему мнению, если говорить в целом, способны или неспособны люди старшего возраста учиться, получать новые знания?» и частный – «А Вы лично хотели бы пройти обучение, получить новые знания, навыки?», отражающий личные настроения респондента относительно переобучения, повышения квалификации, овладения новыми знаниями и умениями.

На вопрос о способности людей старшего возраста к обучению почти две трети опрошенных (63,4%) ответили утвердительно, примерно четверть (24,5%) затруднились дать ответ, и лишь 12,2% отметили, что пожилые люди неспособны учиться и получать новые знания (*табл. 2*). В 2018 г., как и в 2013 г., утвердительный ответ на этот вопрос является самым распространенным, и по сравнению с 2013 г. процент положительных ответов заметно вырос. Как и в 2013 г., ответы на этот вопрос тесно коррелируют с возрастом и уровнем образования. Но если в 2013 г. бóльшая часть респондентов давала утвердительные ответы лишь в возрастах моложе 70 лет, то в 2018 г. даже в группе 75–79 лет свыше половины участников опроса считают, что люди старшего возраста способны учиться и получать новые знания. Положительно оценивают в 2018 г. способность пожилых людей к обучению почти 77% респондентов с высшим образованием, 64% – со средним специальным, 49% – с начальным профессиональным образованием и 36% пенсионеров, не имеющих профессионального образования. В 2013 г. доля положительных ответов также уменьшалась со снижением уровня образования более чем в два раза.

Таблица 2. Распределение ответов на вопросы об отношении к образованию в старших возрастах, %

Вопросы	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
По Вашему мнению, если говорить в целом, способны или неспособны люди старшего возраста учиться, получать новые знания?				
По данным обследования 2013 г.	54,9	12,8	32,3	100
По данным обследования 2018 г.	63,4	12,2	24,5	100
А Вы лично хотели бы пройти обучение, получить новые знания, навыки?				
По данным обследования 2013 г.	35,3	41,5	23,2	100
По данным обследования 2018 г.	40,2	39,8	20,1	100

Рассматривая ранее по результатам обследования 2018 г. вопросы реализации активного долголетия в трудовой сфере, мы получили вывод о значительной активности женщин старшего возраста и пожилых сельских жителей республики. Отношение к вопросу о способности лиц старшего возраста к обучению также отразило этот факт. Разница между женщинами и мужчинами в положительной оценке креативности пожилых людей незначительна, но по сравнению с 2013 г. она несколько увеличилась. В 2018 г. 65% женщин и 60% мужчин утвердительно ответили на вопрос о способности людей старшего возраста учиться, в 2013 г. аналогичные цифры составляли 56 и 52%. Как и в 2013 г., у женщин несколько больший процент также и отрицательных ответов на этот вопрос, т.е. они в целом более уверенно определяются со своей позицией по отношению к когнитивным способностям пожилых

людей. В 2018 г. оптимистичнее настроены сельские пенсионеры: среди них 67% положительно оценивают способности людей старшего возраста к получению новых знаний против 62% среди опрошенных горожан. В 2013 г. ситуация была обратной: 58% положительных ответов в городской местности против 49% – в сельской.

Если на общий вопрос о когнитивных способностях населения старшего возраста в обоих обследованиях большинство респондентов ответили положительно, то на вопрос «А Вы лично хотели бы пройти обучение, получить новые знания, навыки?», который касается непосредственно опрашиваемых, в 2013 г. наиболее распространенным ответом был отрицательный (41,5%). О своей готовности к обучению тогда заявили только 35,3% участников опроса. В 2018 г. преобладающим в этом вопросе также является положительный ответ: 40,2% против 39,8% отрицательных. Разница, конечно, небольшая, можно сказать, статистически незначимая, но произошедшая перегруппировка распространенности этих основных вариантов ответа, свидетельствующая об усилении желания людей старше 55 лет пройти переобучение, повышение квалификации, овладеть новыми знаниями и умениями, в условиях повышения в России пенсионного возраста представляется достаточно важным фактом.

В распределении ответов на этот вопрос прослеживаются те же закономерности, что и в ответах на общий вопрос: тесная обратная связь с возрастом и прямая – с уровнем образования, больший процент положительных ответов у женщин (43% против 31% у мужчин) и среди сельских жителей (45% против 39% среди горожан). Причем обращает на себя внимание, что если в ответах на общий вопрос гендерные различия, несмотря на некоторый рост за 2013–2018 гг., по-прежнему не очень существенны, то на вопрос о личном желании пройти обучение процент положительных ответов у женщин значительнее, чем у мужчин, по результатам обоих исследований, и различия за пять лет также увеличились. Т.е. женщины более восприимчивы к получению новых знаний и лучше сохраняют свои когнитивные способности с возрастом.

Значительная разница в количестве положительных ответов на общий вопрос о когнитивных способностях пожилых людей (63,4%) и вопрос о личном желании переобучиться, получить новые знания (40,2%) указывает на существенный разрыв между устоявшимися социально одобряемыми представлениями о возможностях пожилых людей и личными ожиданиями и текущими обыденными практиками [3]. Поэтому интерес представляет взаимосвязь этих вопросов между собой, которые позволяют построить типологию отношения пожилых людей к обучению (*рисунок*).

По Вашему мнению, если говорить в целом, способны или неспособны люди старшего возраста учиться, получать новые знания?	А Вы лично хотели бы пройти обучение, получить новые знания, навыки?		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Да	**глина** 36,5%	**керамика** 17,5%	9,4%
Нет	**вода** 0,5%	**песок** 11,2%	0,5%
Затрудняюсь ответить	3,2%	11,1%	10,1%

Отношение к обучению среди людей старшего возраста в 2018 г.

Сочетание положительных ответов на оба вопроса дает группу гибких, восприимчивых к новому людей, не только позитивно смотрящих на мир, но и заявляющих свое намерение поучаствовать в его обновлении. Автор применяемой нами методики назвал группу таких людей **глиной** – эластичным материалом, способным принимать любые формы, впитывающим в себя все новое и прогрессивное. В массиве обследованных в 2018 г. таких восприимчивых ко всему новому людей оказалось 36,5% по сравнению с 30,4% в 2013 г. Как и в 2013 г., чаще всего это женщины в возрасте до 70 лет с высшим или средним специальным образованием. Но если в 2013 г. процент наиболее креативных респондентов был выше в городской местности, то в 2018 г. сельские жители показали себя более настроенными на обновление и развитие.

Те, кто верит в способности людей старшего возраста к обучению, но отказывает в этом себе, определены автором методики как **керамика**. Это устойчивые, полностью сформировавшиеся личности, понимающие окружающий мир и свое место в нем. Отказ от обучения для них мотивирован, скорее, не апатией и невозможностью узнать что-то новое, а отсутствием необходимости в этом, востребованностью уже приобретенных навыков и умений [3]. В 2018 г. таких людей оказалось 17,5%, что также больше, чем по результатам обследования 2013 г. – 13,4%. Как и в 2013 г., социальный портрет этой группы характеризует прежде всего мужчина с начальным профессиональным образованием, старше 70 лет, чаще проживающий в сельской местности. По сути, это квалифицированные рабочие, имеющие в руках хорошую востребованную профессию.

Заявляющие о своем желании учиться, но не верящие в возможности других пожилых людей пройти обучение и получить новые знания сродни **воде**, которая способна заполнять новые места, но течет лишь в заданном направлении. Этим людям часто присущи нереализованные высокие личные амбиции, задавшие дальнейшую жизненную траекторию. В обследованной в 2018 г. совокупности таких респондентов оказалось 0,5% (в 2013 г. – 1,2%). Среди них совсем нет людей старше 75 лет и специалистов с высшим образованием.

И наконец, отказывающие в обучении и приобретении новых знаний и себе, и другим похожи, по словам Д.М. Рогозина, на **песок**, рассыпанный в пространстве, пожухлый на солнце [3]. Таких потерявших интерес к жизни людей в обоих опросах около 11%. В основном это лица без профессионального образования старше 80 лет.

Таким образом, за 1989–2010 гг. уровень профессионального образования населения старше трудоспособного возраста увеличился в России почти в три раза. В настоящее время почти половина российских пенсионеров являются высококвалифицированными специалистами со средним и высшим профессиональным образованием. Образовательный уровень пожилых людей растет быстрыми темпами и постепенно приближается к уровню, характерному для трудоспособного возраста. При этом старшее поколение обладает значительным когнитивным потенциалом. 63% опрошенных в 2018 г. людей старше 55 лет считают, что пожилые люди способны получать новые знания, а 40% сами желают приобрести новые знания и навыки. Эти цифры заметно выше, чем в 2013 г. Почти 37% респондентов не только верят в способность людей в возрасте учиться и получать новые знания, но и лично хотели бы пройти переобучение. Еще 18% опрошенных – это профессионалы, которым переобучение не требуется, поскольку их навыки и умения и так востребованы, но которые признают когнитивные способности пожилых людей в целом. С ростом образовательного уровня населения старшего возраста эти цифры будут увеличиваться дальше. В условиях усиления экономических вызовов демографического старения

общество должно избавляться от негативных стереотипов относительно образовательного потенциала старшего возраста.

Библиографический список

1. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России. Сыктывкар, 2014.
2. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Состояние здоровья населения старшего возраста в регионе как фактор увеличения продолжительности жизни // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. М., 2019. Ч. 2. С. 700-705.
3. Рогозин Д.М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62-93.
4. Сафина З.Н. Инновационные тенденции в становлении региональной системы образования взрослых: автореф. дис. ... докт. пед. наук: 13.00.08 / Сафина Зульфия Нурмухаметовна. Великий Новгород, 2005.
5. Active Ageing Index 2014: Analytical Report. UNECE/European Commission. 2015.

Информация об авторах

Зорина Елена Николаевна (Россия, Сыктывкар) – научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (zorina@iespn.komisc.ru).

Попова Лариса Алексеевна (Россия, Сыктывкар) – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (popova@iespn.komisc.ru).

Zorina E.N., Popova L.A.

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE OLDER POPULATION

Abstract. *The article assesses the attitude of older people to obtaining new knowledge and their real readiness to learn as the most important components of the resource potential of older generations. The study was based on the results of sociological surveys of the population over 55 years old, conducted in 2013 and 2018.*

Key words: *demographic aging, older population, active longevity, level of education, attitude to obtaining new knowledge, the Komi Republic.*

Information about the authors

Zorina Elena N. (Russia, Syktyvkar) – research fellow, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”, zorina@iespn.komisc.ru.

Popova Larisa A. (Russia, Syktyvkar) – Doctor of Sciences in Economics, associate Professor, Deputy Director for Science, Institute for Socio-Economic & Energy Problems of

the Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences", popova@iespn.komisc.ru.

References

1. Popova L.A., Zorina E.N. Ekonomicheskiye i sotsialnyye aspekty stareniya naseleniya v severnykh regionakh Rossii. Syktyvkar. 2014.
2. Popova L.A., Zorina E.N. Sostoyaniye zdorovia naseleniya starshego vozrasta v regione kak faktor uvelicheniya prodolzhitelnosti zhizni // Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 14 / RAN. INION. M.. 2019. Ch. 2. S. 700-705.
3. Rogozin D.M. Liberalizatsiya stareniya. ili trud. znaniya i zdorovye v starshem vozraste // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2012. № 4. S. 62-93.
4. Safina Z.N. Innovatsionnyye tendentsii v stanovlenii regionalnoy sistemy obrazova-niya vzroslykh: avtoref. dis. dokt. ped. nauk: 13.00.08 / Safina Zulfiya Nurmukhametovna. Velikiy Novgorod. 2005.
5. Active Ageing Index 2014: Analytical Report. UNECE/European Commission. 2015.

УДК 331.44+613.6 / ББК 60.543

Короленко А.В.

УСЛОВИЯ ТРУДА КАК ФАКТОР ЗДОРОВЬЯ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)[1]

***Аннотация**. В статье проведен анализ некоторых параметров условий труда работающего населения (самооценок условий труда, причин их неудовлетворительного состояния, характера физической активности на работе, здоровьесберегательных мер на рабочем месте) и их влияния на состояние здоровья. Исследование базируется на материалах социологического опроса Вологодского научного центра РАН.*

***Ключевые слова:** здоровье, условия труда, физическая активность на работе, здоровьесберегательные меры, работающее население, Вологодская область.*

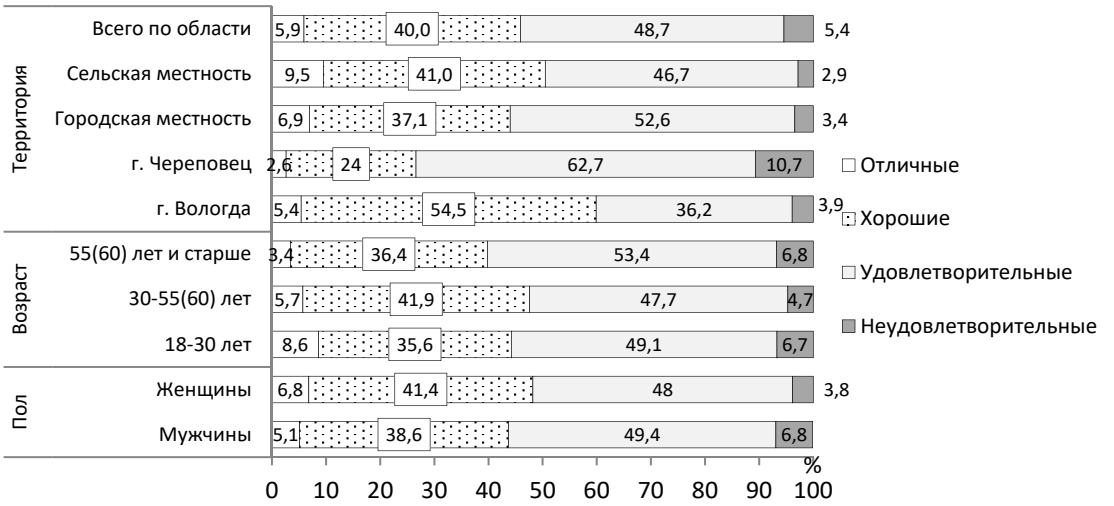
Введение. Здоровье работающего населения является необходимым условием повышения производительности труда и экономического развития [1]. Время, проведенное на рабочем месте, занимает существенную часть временного бюджета современного работника. Так, по данным выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением (Росстат, 2014 г.), в среднем за будний день мужчины затрачивают на работу 6 часов 22 минуты (т.е. 1/4 суточного времени), женщины – 4 часа 28 минут (т.е. 1/5 суточного времени) [2]. Данный факт обусловливает актуальность изучения отдельных аспектов и факторов образа жизни трудящихся на их рабочем месте, а в частности условий труда. Согласно Трудовому кодексу РФ под ними понимают совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника [3]. По данным Всемирной организации здравоохранения, большинство стран теряют от 4 до 6% ВНП по причине проблем здоровья, связанных с работой. При этом меры по охране здоровья на рабочих местах помогают сократить на 27% продолжительность пребывания в отпуске по болезни и на 26% расходы компаний на медико-санитарное обслуживание [4].

Целью данной работы стал анализ некоторых параметров условий труда работающего населения (самооценок условий труда, причин их неудовлетворительного состояния, характера физической активности на работе, здоровьесберегательных мер на рабочем месте) и их влияния на состояние здоровья. Отдельное внимание уделено гендерным, возрастным и территориальным различиям. Информационной базой исследования выступили материалы социологического опроса жителей Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2018 г. Опрос осуществлялся в форме раздаточного анкетирования на территории городов Вологды и Череповца, а также 8 муниципальных районов. Объем выборки составил 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше. Выборка многоступенчатая, квотная. Ошибка выборки не превышала 3%.

Оценка условий труда работающим населением. По данным опроса половина жителей Вологодской области характеризуют условия труда на работе как «удовлетворительные» (49%; *рисунок*). Доля тех, кто считает их «хорошими, отличными», составила 46%, тогда как «неудовлетворительными» – 5%. Наиболее удовлетворенными условиями своего труда оказались жители областного центра – г. Вологды – по сравнению с населением г. Череповца и районов области: доля ответов «хорошие,

[1] Работа выполнена в рамках темы государственного задания № 0168-2019-0011 «Демографическое развитие территорий».

отличные» – 60% против 27 и 48% соответственно. Внутри муниципальных районов положительные оценки несколько чаще давали респонденты из сельской местности по сравнению с населением муниципальных центров (51% против 44%).



Распределение ответов на вопрос: «Что Вы можете сказать об условиях труда на Вашей работе?» (в % от числа тех, кто работает)

Источник: мониторинг физического здоровья населения Вологодской области, 2018 г.

Наиболее распространенными причинами неудовлетворительных условий труда на рабочем месте служат некомфортный температурный режим (60%), вредные и опасные условия труда (44%) и отсутствие бытовых удобств (33%; *табл. 1*). Жители г. Вологды намного чаще по сравнению с респондентами из г. Череповца и районов области отмечали факторы неблагоприятной психологической атмосферы и вредных условий труда. Среди опрошенных череповчан наибольшее распространение получила жалоба на некомфортные температурные условия. Женщины по сравнению с мужчинами более склонны отмечать температурный фактор, вредные условия труда и неблагоприятную психологическую обстановку, тогда как мужчины чаще называли отсутствие бытовых удобств, что во многом объясняется спецификой их занятости (в сферах обрабатывающего производства, строительства, транспорта). Молодые люди чаще обозначали проблему отсутствия бытовых удобств, тогда как для работающих пенсионеров по сравнению с молодежью важнее факторы некомфортного температурного режима, вредных и опасных условий труда, неблагоприятного психологического климата в коллективе.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Если условия труда неудовлетворительные, в чём конкретно это проявляется?» (в % от числа тех, кто работает в неудовлетворительных условиях)

Вариант ответа	Территория				Пол		Возраст			*Всего по области*
	Вологда	Череповец	Население районов		Муж.	Жен.	18–30	30–55 (60)	55 (60) и старше	
			Городское	Сельское						
Некомфортный температурный режим (слишком холодно или жарко)	45,5	**80,0**	50,0	16,7	54,8	**70,6**	27,3	65,5	**87,5**	*60,4*

Окончание таблицы 1

Вариант ответа	Территория				Пол		Возраст			*Всего по области*
	Вологда	Череповец	Население районов		Муж.	Жен.	18–30	30–55 (60)	55 (60) и старше	
			Городское	Сельское						
Вредные условия труда, опасные для здоровья	**63,6**	44,0	50,0	0,0	38,7	**52,9**	27,3	41,4	**75,0**	*43,8*
Отсутствие бытовых удобств	36,4	32,0	33,3	33,3	**48,4**	5,9	**45,5**	34,5	12,5	*33,3*
Неблагоприятная психолог. атмосфера в коллективе	**72,7**	8,0	50,0	16,7	25,8	**35,3**	18,2	27,6	**50,0**	*29,2*
Несоответствующее мат.-техническое оснащение рабочего места	36,4	16,0	33,3	33,3	22,6	**29,4**	36,4	17,2	37,5	*25,0*
Другое	18,2	0,0	0,0	16,7	9,7	0,0	18,2	3,4	0,0	*6,3*
Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области, 2018 г.										

Исследование показало, что основными видами физической активности населения на работе выступают сидячая, малоподвижная работа (34%), работа, на которой приходится много ходить (27%) и работа с незначительными физическими нагрузками (22%; *табл. 2*). Каждый десятый респондент на работе имеет тяжелую физическую нагрузку, 6% опрошенных много времени проводят на рабочем месте стоя. Вполне закономерно, что среди сельского населения районов области по сравнению с жителями городов оказалось значительно больше тех, кто выполняет как незначительную, так и тяжёлую физическую работу. Почти у половины жителей областного центра трудовая деятельность носит «сидячий», малоподвижный характер, тогда как череповчане чаще заняты на активной работе с интенсивной ходьбой. Закономерно, что женщинам более свойственна как сидячая работа, на которой приходится много ходить, так и работа, где приходится много стоять на ногах, тогда как для мужчин, напротив, чаще характерна занятость с небольшой или с высокой физической активностью. Вероятно, данный факт обусловлен гендерными различиями физиологических возможностей мужчин и женщин и структурой региональной занятости (женщины чаще задействованы в сферах торговли и услуг, образования, здравоохранения, мужчины – на производстве, в строительстве и транспорте). Вполне объяснимо, что население старшей группы в силу возрастных ограничений здоровья преимущественно занимает рабочие места с минимальной физической нагрузкой, тогда как работа молодых респондентов в большей степени сопряжена с ходьбой, физическими нагрузками разной степени тяжести.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Какова Ваша физическая активность на работе?» (в % от числа тех, кто работает)

Вариант ответа	Территория				Пол		Возраст			*Всего по области*
	Вологда	Череповец	Население районов		Муж.	Жен.	18–30	30–55 (60)	55 (60) и старше	
			Городское	Сельское						
У меня, в основном, сидячая работа	**48,6**	31,6	25,9	24,8	25,4	**43,0**	30,7	32,4	**48,3**	*34,2*
Хожу на работе довольно много	21,6	**39,0**	28,2	21,4	25,8	28,8	25,2	27,8	28,0	*27,3*
Приходится выполнять небольшую физ. работу	18,3	13,4	28,7	**30,0**	**28,5**	15,1	30,1	20,9	15,3	*21,8*

Окончание таблицы 2

Вариант ответа	Территория				Пол		Возраст			*Всего по области*
	Вологда	Череповец	Население районов		Муж.	Жен.	18–30	30–55 (60)	55 (60) и старше	
			Городское	Сельское						
Занимаюсь тяжёлой физ. работой	5,4	10,4	11,5	**16,2**	**16,9**	3,8	10,4	11,6	4,2	*10,4*
На работе приходится много стоять на ногах	6,1	5,6	5,7	7,6	3,3	**9,2**	3,7	7,4	4,2	*6,3*
Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области, 2018 г.										

Согласно данным опроса самым распространенным вариантом по укреплению здоровья на рабочих местах стала такая законодательно установленная (и обязательная) мера, как отсутствие препятствий для выхода на больничный (37%; *табл. 3*). Реже на предприятиях предоставляется дополнительное страхование здоровья (полис ДМС; 21%), рабочие места оснащаются безопасными для жизни и здоровья средствами труда (16%). Работодатели практически не применяют оплату или частичную компенсацию санаторно-курортного лечения и занятий работников в спортзалах или секциях. В 40% организаций, в которых работают респонденты, вовсе не применяются специальные меры по укреплению здоровья сотрудников.

Примечательно, что для работников предприятий г. Череповца в большей степени по сравнению с организациями г. Вологды и районов региона характерно создание условий для сохранения и укрепления здоровья работников в части предоставления полиса ДМС, оплаты или частичной компенсации санаторно-курортного лечения. В областном центре складывается обратная ситуация: здесь работодатели реже прибегают к большинству перечисленных мер. На предприятиях в районах области значительно чаще не создаются препятствия выходу работников на больничный лист и большее внимание уделяется оснащению рабочих мест безопасными средствами труда.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие меры для укрепления здоровья работников применяются в организации, где Вы работаете?» (в % от числа тех, кто работает)

Вариант ответа	Территория				*Всего по области*
	Вологда	Череповец	Население районов		
			Городское	Сельское	
Отсутствие препятствий для выхода на больничный при его необходимости	26,9	36,1	**40,3**	**50,0**	*37,3*
Предоставление полиса добровольного медицинского страхования (ДМС) сотрудникам (всем или выборочно)	12,6	**35,7**	7,7	24,8	*20,5*
Оснащение рабочих мест безопасными для жизни и здоровья средствами труда	12,2	11,6	**22,1**	**21,0**	*16,1*
Оплата или частичная компенсация лечения/отдыха в санаторно-курортных учреждениях	**9,4**	**11,6**	5,5	3,3	*7,8*
Оплата или частичная компенсация занятий в спортивных залах, секциях и пр.	7,0	5,0	9,9	2,3	*6,0*
Другое	2,4	3,7	0,6	0,0	*1,8*
Никаких мер не предпринимается	**55,6**	*31,1*	*39,2*	*27,6*	*39,5*
Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области, 2018 г.					

Влияние условий труда на здоровье работающего населения. В качестве критериев здоровья в данном исследовании использовались ответы респондентов на вопросы об их субъективном самочувствии (самооценка здоровья), о наличии хро-

нических заболеваний, а также о пропуске рабочих дней по болезни в течение последнего года. Их сопоставление с оценкой условий труда позволило получить интересные выводы. Так, среди работающих респондентов, назвавших условия труда «отличными» и «хорошими», доля тех, кто наиболее позитивно оценил состояние собственного здоровья («очень хорошее», «хорошее»), оказалась в 2 раза выше, чем среди работников, охарактеризовавших их как «удовлетворительные» и «неудовлетворительные» (77 и 72% против 38 и 38% соответственно) (*табл. 4*). И, напротив, чаще всего негативно оценивали состояние здоровья (ответы «плохое» и «очень плохое») люди, неудовлетворенные условиями труда на работе (8% против 4 и 2% соответственно у тех, кто оценивал их как «отличные» и «хорошие»). Кроме того, среди работников с отличными и хорошими условиями труда почти в 3 раза реже встречаются хронические заболевания по сравнению с теми, кто трудится в неблагоприятных условиях (15 и 17% против 44% соответственно).

Между оценкой условий труда и пропуском дней по болезни наблюдается прямая взаимосвязь: чем хуже респонденты характеризовали условия труда, тем чаще в течение года они пропускали рабочие дни по болезни, и наоборот. Так, почти каждый третий работник с неудовлетворительными условиями труда (31%) пропускал трудовые дни по причине болезни, а каждый четвертый не пропускал, хотя такая необходимость у него была, т.е. переносил болезнь «на ногах» (25%). Для сравнения: среди категории респондентов, оценивших трудовые условия как «отличные», доля пропускавших рабочие дни оказалась заметно ниже (13%).

Кроме того, у респондентов с неудовлетворенными условиями труда пребывание на больничном листе по болезни длится бо́льшее количество дней по сравнению с теми, кто позитивно характеризовал свои рабочие условия (13 дней против 10 дней).

Таблица 4. Влияние условий труда на состояние здоровья работающего населения

Параметры здоровья	Условия труда			
	Отличные	Хорошие	Удовлетворительные	Неудовлетворительные
Самооценка здоровья				
Очень хорошее, хорошее	**77,4**	**71,6**	37,7	37,5
Удовлетворительное	18,9	26,4	56,5	54,2
Плохое, очень плохое	3,8	2,0	5,8	**8,3**
Наличие хронических болезней				
Имеют хронические заболевания	15,1	17,8	28,6	**43,8**
Не имеют хронических заболеваний	**84,9**	82,2	71,4	56,2
*Пропуск рабочих дней по болезни**				
Не пропускали, не было необходимости	**77,4**	66,9	42,8	43,8
Не пропускали, но такая необходимость была	0,0	13,4	20,1	**25,0**
Да, пропускали	13,2	17,5	34,6	**31,3**
среднее кол-во пропущенных дней без больничного листа	*10*	*7*	*10*	*7*
среднее кол-во пропущенных дней с больничным листом	*11*	*10*	**13**	**13**

* Без варианта «затрудняюсь ответить».
Источник: мониторинг физического здоровья населения Вологодской области, 2018 г.

Заключение. В целом работающее население Вологодской области положительно характеризует условия труда. Главными причинами неудовлетворительных условий выступают некомфортный температурный режим, вредные и опасные условия труда, отсутствие бытовых удобств. Среди опрошенных работников в основном распространены такие формы физической активности на работе, как малоподвижная

«сидячая», подвижная, на которой приходится много ходить, и работа с незначительными физическими нагрузками. С целью сохранения и укрепления здоровья сотрудников работодатели чаще всего не препятствуют их выходу на больничный лист, соблюдая тем самым базовые требования законодательства. Значительно реже принимались меры, способствующие системному укреплению здоровья и профилактике болезней, например предоставление дополнительного медицинского страхования, оплата или частичная компенсация санаторно-курортного лечения и посещения спортивных занятий. В 40% предприятий, на которых работают респонденты, вовсе не предпринимается никаких здоровьесберегательных мер. В оценках условий и характера труда наблюдаются заметная половозрастная и территориальная дифференциация, в первом случае обусловленная различиями в структуре занятости выделенных групп, во-втором, – в социально-экономическом развитии крупных, мелких городов и сельской местности.

Исследование показало, что условия труда оказывают заметное влияние на состояние здоровья работников: чем они хуже, тем более негативно работники оценивают своё самочувствие, чаще имеют хронические заболевания и чаще пропускают рабочие дни по болезни, тогда как хорошие условия труда, напротив, обеспечивают более позитивные самооценки здоровья. В связи с этим крайне важным представляется внедрение на предприятиях региона системы мониторинга условий труда и здоровья работников, а также применение наиболее эффективных здоровьесберегательных технологий на рабочих местах.

Библиографический список

1. Здоровье работающих: глобальный план действий: 60-я сессия Всемирной ассамблеи здравоохранения. 23 мая 2007 года // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/occupational_health/WHO_health_assembly_ru_web.pdf?ua=1
2. Итоги выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/index.html
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
4. Охрана здоровья на рабочем месте // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/protecting-workers'-health

Информация об авторе

Короленко Александра Владимировна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; coretra@yandex.ru).

Korolenko A.V.

WORKING CONDITIONS AS A FACTOR OF THE WORKING POPULATION HEALTH (ON MATERIALS OF THE VOLOGDA OBLAST)

Abstract. *The article analyzes some parameters of the working conditions of the working population (self-assessment of working conditions, the reasons for their unsatisfactory state, the nature of physical activity at work, health-saving measures in the workplace) and their impact*

on the state of health. The study is based on materials from a sociological survey of the Vologda scientific center of the Russian academy of sciences.

Key words: *health, working conditions, physical activity at work, health-saving measures, working population, Vologda Oblast.*

Information about the author

Korolenko Aleksandra V. (Russia, Vologda) – research assistant, Federal State Budgetary Institution of Sciences "Vologda research center of Russian academy of sciences" (Russia, 160014, Vologda, Gorkogo Str., 56a; coretra@yandex.ru).

References

1. Workers' health: global plan of action: Sixtieth World Health Assembly. May 23, 2007 // World Health Organization URL: https://www.who.int/occupational_health/WHO_health_assembly_ru_web.pdf?ua=1 (in Russian).
2. The results of sample observation of the use of the daily time fund by the population // Federal State Statistics Service. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/index.html (in Russian).
3. The Labor code of the Russian Federation dated December 30, 2001 № 197-FZ (as amended on December 16, 2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (in Russian).
4. Health in the workplace // World Health Organization. URL: https://www.who.int/en/news-room/fact-sheets/detail/protecting-workers'-health (in Russian).

УДК 314.44 / ББК 60.7

Нацун Л.Н.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ 2001 ГОДА РОЖДЕНИЯ (ПО ДАННЫМ КОГОРТНОГО МОНИТОРИНГОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. *Нарушения здоровья детей формируются на протяжении длительного времени. Когортный мониторинг позволяет отследить соответствующие изменения здоровья детей в процессе их взросления. Потенциал здоровья детей 2001 года рождения к совершеннолетию снизился из-за развития хронических заболеваний. Но основным фактором, снижающим самооценки здоровья детей, стали острые респираторные и респираторно-вирусные заболевания, а не хронические патологии.*

Ключевые слова: *здоровье детского населения, самооценки здоровья, заболеваемость детей, когортное мониторинговое наблюдение.*

Нарушения здоровья детей формируются на протяжении длительного периода взросления под действием неблагоприятных факторов, таких как вредные привычки родителей, некачественное медицинское наблюдение, неправильное лечение острых заболеваний, низкая медицинская активность семьи, несоблюдение других норм здорового образа жизни родителями и детьми (нарушения питания, недостаточная физическая активность). Цель настоящего исследования – проанализировать изменения объективных и субъективных показателей здоровья детей на протяжении периода их взросления. В силу определённых методических особенностей статистические данные не могут служить достаточной информационной базой для наблюдения за изменением состояния здоровья детей в реальном времени. Поэтому для достижения поставленной цели исследования воспользуемся данными когортного мониторингового наблюдения «Изучение условий формирования здорового поколения», которое ведётся в ФГБУН ВолНЦ РАН с 1995 года [2]. По состоянию на 2019 год в нём принимали участие 3 когорты детей: 2001, 2004 и 2014 годов рождения. Наблюдение за здоровьем детей ведётся с момента рождения до достижения возраста 18 лет. Для когорты 2001 года рождения 2019 год был последним этапом наблюдения, численность участников на момент его проведения составляла 32 человека. На примере данной когорты мы и будем рассматривать изменения здоровья детей в процессе взросления.

В рамках мониторингового наблюдения здоровье детей оценивалось на основе самооценок здоровья, высказанных их родителями и самими детьми (с возраста 10 лет), а также ответов родителей о перенесённых детьми заболеваниях, самочувствии. Объективные данные о состоянии здоровья и наличии заболеваний у детей предоставлялись врачами-педиатрами, у которых они наблюдались по месту жительства.

Рассмотрим, как менялись родительские оценки здоровья детей на разных этапах их взросления: в возрасте 1 года, 3 лет (поступление в детский сад), 7 (начало школьного обучения), 11 (переход в среднюю школу), 15 (переход в старшую школу), 17 лет (завершение школьного обучения).

На протяжении всего периода мониторингового исследования доминировали нейтральные оценки. Исключение составлял первый год жизни, когда преобладали позитивные оценки: 51% родителей считали здоровье своих детей хорошим. К трёхлетнему возрасту среди родителей уже преобладало мнение, что здоровье их детей можно назвать лишь «удовлетворительным» (64%). Аналогичная ситуация наблюдалась и в последующие годы исследования. Существенно выросла доля пози-

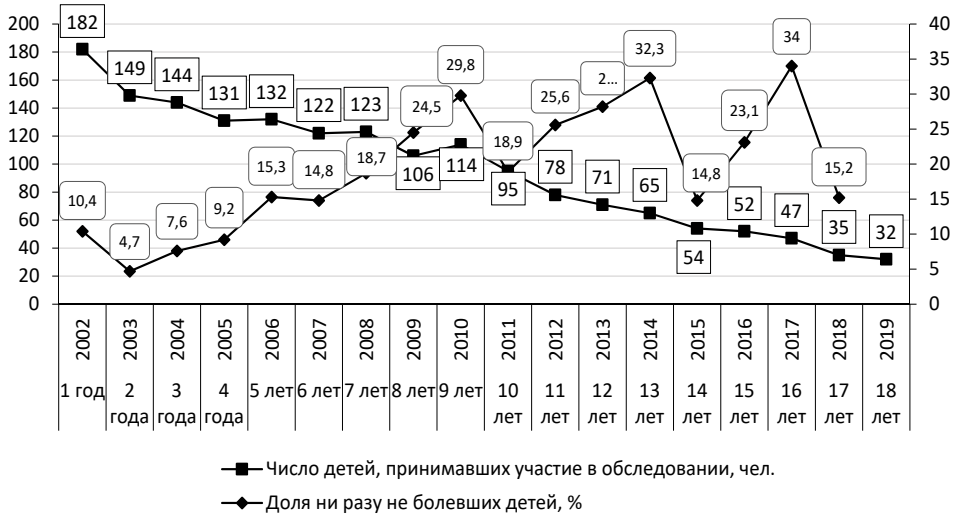
тивных оценок здоровья только на семнадцатом году жизни детей – до 42%. В целом родители очень редко оценивали здоровье своих детей как «плохое». В 2018 году так ответили родители только одного ребёнка, которому был поставлен диагноз «бронхиальная астма».

Самим детям также задавались вопросы об их здоровье, начиная с возраста 10 лет (с письменного согласия родителей). За период проведения мониторингового наблюдения среди детей рассматриваемой когорты уменьшилась доля тех, кто оценивал своё здоровье как хорошее, увеличилась доля оценивающих своё здоровье негативно или нейтрально. В первые годы наблюдения происходило постепенное снижение доли положительных самооценок здоровья среди детей: с 74% в 10 лет до 56% в 13 лет. Наиболее существенное снижение самооценок здоровья наблюдалось в возрасте 14 лет – тогда лишь 33% подростков были довольны своим здоровьем, при том что год назад среди них более половины называли своё здоровье хорошим. В следующие три года доля положительных оценок возрастала. Однако в 15 и 16 лет среди детей было отмечено наибольшее число отрицательных самооценок здоровья (8,3 и 8,5% соответственно). Такое распределение самооценок здоровья и их динамика в возрасте от 10 до 18 лет свидетельствуют о том, что дети наиболее подвержены различным недомоганиям и чувствительны к ним в период с 14 до 16 лет.

Самооценки здоровья, высказанные детьми, расходились с оценками, которые давали их родители. Причём дети были склонны давать более позитивные ответы. Так, разница в доле оценивших здоровье как «хорошее» среди детей в возрасте 17 лет и их родителей достигала 22% (в «пользу» детей). В возрасте 11 лет считали своё здоровье хорошим 70% детей, тогда как аналогичного мнения придерживались только 38% их родителей.

Заболеваемость детей до 17 лет в рамках мониторингового исследования фиксировалась на основе распределения оценок педиатров. У врачей также уточнялись данные о диагнозах, поставленных ребёнку на текущем году жизни, имеющихся хронических заболеваниях, а также о перенесённых им заболеваниях.

За период наблюдения доля детей, ни разу не болевших в течение года, увеличилась. При этом зафиксированы её выраженные колебания. Наибольшая заболеваемость регистрировалась в возрастные периоды от 0 до 5 лет, наименьшая – в 9, 13 и 16 лет (*рисунок*).



Численность детей когорты 2001 г.р. и доля не болевших среди них (в %)

Соотношение численности здоровых и болеющих детей в период наблюдения также изменялось. Среди новорожденных полностью здоровыми педиатрами были признаны 35% детей, тогда как к моменту 17-летия в этой категории остались только 15%. Учитывая, что численность когорты за время наблюдения существенно сократилась, мы проанализируем изменения в состоянии здоровья тех детей, которые остались в её составе к своему семнадцатилетию.

К 2018 г. в составе когорты остались 14 мальчиков и 21 девочка. Первую группу здоровья при рождении имели 29%, а к 17 годам – 21% мальчиков, вторую – 71 и 64% соответственно, к 17 годам 14% мальчиков уже имели третью группу здоровья. Хронические заболевания впервые диагностированы у 8% мальчиков на втором году жизни. В возрасте трёх лет педиатры не ставили первую группу здоровья ни одному из детей. Резкое увеличение доли детей с хроническими заболеваниями (3 группа здоровья) происходит на четвёртом (с 18 до 30%), десятом (с 15 до 42%) и пятнадцатом (с 25 до 42%) годах жизни. А наибольшая доля здоровых детей (1 группа здоровья) отмечается в одиннадцать (30%) и двенадцать лет (27%).

Среди мальчиков один ребёнок имел инвалидность, обусловленную психическим заболеванием (аутизм). Инвалидность впервые была установлена ему в возрасте 7 лет. Ранее диагностировалась задержка психического развития ребёнка, а в раннем детстве отмечалось отставание в речевом развитии. К семнадцати годам ребёнок состоял на диспансерном наблюдении у невролога и психиатра.

Хронические заболевания, не приводящие к ограничениям жизнедеятельности, имели двое детей. У одного из них была диагностирована бронхиальная астма, у другого – ожирение третьей степени, в связи с чем он состоял на диспансерном наблюдении у эндокринолога. Наиболее распространённой среди мальчиков на семнадцатом году жизни проблемой со здоровьем были острые респираторные или респираторно-вирусные инфекции (переболели 50%). Ничем не болели на семнадцатом году жизни только два мальчика. Первую группу здоровья педиатры установили только трём детям.

При рождении у 6 из 14 мальчиков были диагностированы те или иные проблемы со здоровьем. Примечательно, что у ребёнка, которому в дальнейшем был поставлен диагноз аутизм, все показатели здоровья при рождении были в пределах нормы, тогда как мальчик, которому при рождении поставили диагноз перинатальная энцефалопатия, в дальнейшем не имел проблем с развитием. В 7 лет ему был поставлен диагноз дискенезия желчевыводящих путей, который к семнадцати годам был снят.

Здоровье девочек исследуемой когорты также менялось в ходе взросления. Среди них к 17 годам большинство имели те или иные нарушения здоровья. Первая группа по здоровью была установлена только двум девушкам. Наиболее значительные потери здоровья были отмечены на первом году жизни детей: если при рождении к первой группе по здоровью были отнесены 33% девочек, то в возрасте одного года ни одна из них не была признана полностью здоровой. Такая же ситуация наблюдалась в возрасте 3 и 6 лет. Существенное увеличение доли девочек, имеющих хронические заболевания, отмечалось на втором, седьмом, одиннадцатом, двенадцатом и пятнадцатом годах жизни.

К семнадцати годам только три девушки были здоровы и не имели хронических заболеваний. Остальные имели нарушения здоровья, связанные с частыми острыми заболеваниями и хроническими состояниями. Для большинства девушек рассматриваемой когорты основными проблемами со здоровьем на семнадцатом году жизни выступали повторяющиеся острые респираторно-вирусные инфекции. При

рождении у четырёх из них были диагностированы различные нарушения здоровья и развития. В раннем детстве большинство девочек страдали главным образом от заболеваний ЛОР-органов. Вместе с тем перенесённые в детстве заболевания в основном не отразились на состоянии здоровья девушек впоследствии. На состоянии опорно-двигательного аппарата детей негативно сказался процесс школьного обучения уже с начальных классов. К старшему школьному возрасту у трёх девушек отмечались нарушения зрения, что может быть связано с возрастанием зрительных нагрузок во время подготовки к выпускным экзаменам. Следует отметить, что, согласно данным, ранее полученным в ходе когортного мониторинга, на время обучения в школе приходятся критические возраста детей, когда потенциал их здоровья может существенно снижаться [2].

Общая картина состояния здоровья девушек на семнадцатом году жизни практически не отличается от той, которая сложилась среди юношей когорты.

В целом за время проведения мониторингового наблюдения здоровье детей когорты ухудшилось. Однако каждый этап взросления сопровождался появлением новых заболеваний, а не прогрессированием ранее диагностированных. Это свидетельствует о том, что для большинства детей принятые терапевтические меры были качественными, особенно в отношении респираторных заболеваний. В меньшей мере это наблюдение касается заболеваний опорно-двигательного аппарата, лечение которых требует дисциплинированности от самого ребёнка и его родителей в части выполнения назначений врача (к примеру, ЛФК, сохранение правильной рабочей позы при выполнении учебных заданий в школе и дома).

Субъективные оценки здоровья детей, которые высказывали их родители, расходятся и с самооценками детей, которые они высказывали с десятилетнего возраста, и с оценками здоровья, поставленными педиатрами. При этом родительские оценки отличаются от оценок специалистов слабее, чем самооценки здоровья, высказанные детьми. Объяснение здесь может быть связано с тем, что дети ещё не способны критически оценивать состояние своего здоровья, поскольку не всегда обладают полной информацией о потенциальной опасности тех или иных его нарушений, не имеют представления о рисках осложнений имеющихся заболеваний. Кроме того, педиатры, как правило, взаимодействуют именно с родителями заболевшего ребёнка, а не с ним самим. С другой стороны, субъективные оценки здоровья всегда учитывают самочувствие человека, его состояние в текущий момент, тогда как оценки специалистов опираются на точные критерии, возрастные нормы развития, факты наличия патологий. Эти обстоятельства и определяют, на наш взгляд, наблюдаемое расхождение субъективных и объективных оценок. На основе полученных результатов можно заключить, что даже при наличии хронических заболеваний дети могут сохранять хорошее самочувствие при условии правильного подбора терапевтических методов. Важную роль в обеспечении приемлемого качества жизни детей играет взаимодействие родителей и педиатров по поводу организации лечебных и восстановительных мероприятий, соблюдения врачебных назначений. Положительный эффект на здоровье детей также оказывает наиболее полная информированность их родителей в данной сфере [1].

Библиографический список

1. Вяльшина А. А. Социально-экономические факторы формирования человеческого капитала детей // Народонаселение. 2017. № 1. С. 125–134.

2. Шабунова А. А. Двадцать лет мониторинга детского здоровья: организация, результаты, выводы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 116–128.

Информация об авторе

Нацун Лейла Натиговна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; leyla.natsun@yandex.ru).

Natsun L.N.

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE HEALTH OF CHILDREN BORN IN 2001 (BASED ON DATA FROM A COHORT MONITORING STUDY)

Abstract. *Violations of children's health are formed over a long time. Cohort monitoring allows you to track the corresponding changes in children's health as they grow up. The health potential of children born in 2001 to adulthood has decreased due to the development of chronic diseases. However, acute respiratory and respiratory viral diseases, rather than chronic pathologies, have become the main factor that reduces children's self-esteem of health.*

Key words: *children's health, self-assessment of health, morbidity of children, cohort monitoring.*

Information about the author

Natsun Leila N. (Russia, Vologda) – researcher, Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (VolRC RAS; 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia; leyla.natsun@yandex.ru).

References

1. Vyalshina A. A. Socio-economic factors of the formation of children's human capital / A. A. Vyalshina // Population. 2017. № 1 (75). P. 125–134.
2. Shabunova A. A. Children and young people in russia: global challenges of modernity / A. A. Shabunova, G. V. Leonidova, O. N. Kalachikova // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2015. № 6 (42). P. 36–57.

УДК 331.548/ББК 65.240:74.

Разварина И.Н.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ РЕБЁНКА: СЕМЬЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ[1]

Аннотация. *В публикации проведено сравнение влияния воспитательных воздействий семьи и образовательной организации на формирование навыков здорового образа жизни у ребенка. Информационной базой послужили несколько социологических опросов, проведенных среди семей в Вологодской области.*

Ключевые слова: *дети, семья, образовательная организация, школа, воспитание, навыки здоровьесбережения.*

Здоровье детей определяет возможности воспроизводства человеческого потенциала и впоследствии – трудовых ресурсов, представляет собой важнейший компонент качества жизни [5]. Важной проблемой является то, что переход России в новые экономические условия сопровождался резким падением здоровья населения, в том числе и детского, что проявилось в росте заболеваемости и снижении продолжительности жизни. Поэтому актуальным является изучение современных трендов в изменении здоровья поколений и поиске эффективных инструментов здоровьесбережения.

На формирование здоровья ребёнка оказывает влияние комплекс факторов, включая биологические, медицинские, семейные и социальные. Снижение показателей здоровья детей, в свою очередь, требует их углублённого изучения, в том числе с изменением возраста, а также разработки рекомендаций по объединению усилий наиболее значимых институтов, участвующих в воспитании детей.

Наряду с другими социальными институтами, влияющими на здоровьесбережение детей, значимыми являются семья и образовательные организации, где они проводят большую часть времени. Изучению влияния данных институтов на формирование навыков здоровьесбережения посвящена данная работа. Нами было изучено мнение родителей о вкладе школы и семьи в здоровье ребенка. Принимая во внимание то, что оценки родителей субъективны, считаем, что они, тем не менее, предоставляют важные сведения о достаточности принятия мер по здоровьесбережению детей и членами семьи, и образовательной организацией.

Цель работы: оценить влияние целенаправленных воспитательных мер со стороны семьи и школы/детского сада на здоровье ребёнка.

Гипотеза: влияние семейного воспитания на здоровье детей наиболее значимо по сравнению с образовательными организациями. Наиболее актуальным и перспективным является воздействие на управляемые факторы образа жизни семьи, в частности воспитательный потенциал семьи, формирование здорового образа жизни детей и их родителей.

Исследование проводилось на примере Вологодской области, в качестве образовательной организации рассматривались по большей части общеобразовательные школы. Информационную базу исследования составили данные социологических опросов, проводимых ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» в регионе:

- опроса родителей, проведённого в 2016 году в рамках научно-исследователь-

[1] Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ № 18-011-01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества».

ской работы «Факторы здоровья детей школьного возраста на примере г. Вологды и г. Череповца». Выборку исследования на территории г. Вологды и г Череповца составили обучающиеся 1, 2, 5, 9, 11-х классов из десяти общеобразовательных организаций в количестве 1103 человека (641 человек из 1–5 классов, 462 человека из 9–11 классов); родителей – 1185; педагогических работников – 50;

- опроса семей с детьми в возрасте 3–17 лет, проведённого в 2018 году в рамках реализации проекта РФФИ № 18-011-01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества». Объект исследования – семьи с детьми в возрасте от 3 до 17 лет, проживающие на территории Вологодской области. Предмет исследования – человеческий потенциал детского населения, условия и факторы его формирования. Данное исследование является частью работы по проекту, запланированной для реализации на его первом этапе. В рамках выполнения грантового проекта были разработаны четыре типа анкет для проведения массового социологического опроса семей с детьми в возрасте 3–6 лет, 7–10 лет, 11–14 лет и 15–17 лет. Сбор эмпирических данных осуществлялся путём проведения индивидуального раздаточного анкетирования родителей в городах Вологде, Череповце, территориях муниципальных районов. Объём выборки составил 1500 семей, среди которых 1165 полных по составу и 332 семьи, где ребёнка воспитывает один родитель. В г. Вологде опрошены 397 семей, в г. Череповце – 405 семей, в районах области – 698 семей. Распределение семей по возрастным группам детей было следующим: 472 семьи с детьми 3–6 лет (дошкольники), 408 семей с детьми 7–10 лет (младшие школьники), 376 семей с детьми 11–14 лет (среднего школьного возраста), 244 семьи с детьми в возрасте от 15 до 17 лет (старшеклассники).

Кроме того, использовались данные уникального регионального когортного мониторинга детского здоровья, реализуемого ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области с 1995 года.

Так, в результате 25-летнего изучения здоровья детей в рамках когортного мониторинга было выявлено, что для каждого возрастного периода характерен специфический набор факторов риска, воздействующих на здоровье ребенка [4]. В дошкольном и раннем школьном возрасте более значимыми становятся факторы среды обитания, образа и уровня жизни семьи (уровень жизни, комфортность жилищных условий, экологические условия в районе постоянного проживания, уровень медицинской грамотности и здоровьесберегающей активности [2]. А в среднем и старшем возрасте более значимыми становятся поведенческие факторы.

При сравнении данных социологических исследований о мнении родителей по поводу участия образовательных организаций в сохранении здоровья детей было выявлено следующее.

1. Наиболее успешно, по мнению родителей, в семье для ребенка организуются такие здоровьсберегательные меры, как подготовка места для учёбы, соблюдение режима сна и бодрствования, своевременное обращение за медицинской помощью.

2. Меньше внимания родители обращают на предпринимаемые ими усилия по профилактике травматизма, использованию очков по назначению врача и выполнению упражнений для глаз (одной из причин может являться в целом более редкое возникновение таких ситуаций по сравнению с более «устоявшимися» требованиями соблюдения режима дня, посещения по необходимости врача).

3. Родители считают, что ими и образовательной организацией по большей части уделяется внимание общим мерам профилактики, направленным как на здоровых, так и на детей, имеющих хроническую патологию. Данные выводы позволяют сделать предположение о неготовности родителей и персонала образовательных организаций оказывать дифференцированные меры воздействия на детей с различными уровнями здоровья, так как это накладывает необходимость получения дополнительных специальных знаний, проявления более высокой медицинской активности.

4. При этом родители в большинстве случаев дают качеству своего воспитания детей в сфере здоровьесбережения высокую оценку, лишь незначительная часть респондентов (5%) высказали негативные суждения в этом отношении. А в отношении влияния школы они настроены более критично: 60% полагают, что здоровьесбережение в образовательном учреждении, которое посещает их ребёнок, реализуется лишь на уровне необходимого минимума; только треть опрошенных родителей считают, что школа делает всё возможное для сохранения и укрепления здоровья их детей.

5. Отмечено, что с взрослением ребёнка и переходом в более старшие классы доли положительных оценок влияния школы в части здоровьесбережения снижаются (44% родителей обучающихся в 1-х классах школ Вологды и Череповца считают, что школа делает максимум усилий для здоровьесбережения их детей, тогда как родители 11-классников соглашаются с таким мнением лишь в 22% случаев).

Полевое исследование, проведенное при изучении человеческого потенциала детского населения, позволило более детально сравнить влияние воспитательного воздействия семьи и образовательных организаций на здоровье как компонента человеческого потенциала детского населения, в том числе в городской и сельской местности [1]. В исследовании под человеческим потенциалом детского населения (ЧПДН) понимается совокупность врождённых способностей и приобретаемых в ходе жизнедеятельности качеств (навыков), которые динамически изменяются по мере взросления и которые необходимы для успешного развития личности, ее социализации и адаптации к меняющимся условиям среды [3]. Для оценки ЧПДН предложена индексная методика. В структуре сводного индекса в соответствии с классификацией компонентов качества человеческого потенциала Н.М. Римашевской выделены три субиндекса: здоровья (включает навыки физической активности, питания, соблюдения режима труда и отдыха, гигиены, поддержания нормального психического состояния); социокультурного развития (навыки этикета, морально-этические, общения, хозяйственно-бытовые и волевые); интеллектуального развития (навыки запоминания, мышления, воображения, внимания, цифровые навыки) [5]. Также методика позволила рассчитывать и частные индексы для более глубокого изучения потенциала детей. Для целей данной работы был использован субиндекс интенсивности воспитательного воздействия в сфере здоровья, который рассчитывался как отношение суммы предпринимаемых воспитательных мер, набранных по блоку вопросов, к максимально возможному.

По результатам получено, что наиболее сформированными у детей всех возрастов являются навыки гигиены, физической активности, соблюдения режима труда и отдыха. Наименее – навыки поддержания нормального психического состояния (29,9%). Выявлено, что наиболее уязвимым становится подростковый возраст 11–14 лет (21,6%), а показатели всех навыков ниже в сельской местности, чем в городской.

По мнению родителей, в среднем по опросу, семья в большей степени, чем школа, использует такие воспитательные меры, как «контроль качества и количества

пищи, регулярности и сбалансированности питания ребёнка», «контроль режима сна и бодрствования ребёнка», «обучение и контроль соблюдения правил личной гигиены», «обучение ребёнка спокойно реагировать на неприятности, стрессовые ситуации». Исключение составляет обеспечение условий для регулярной двигательной активности ребёнка – здесь влияние школы выражено сильнее (90,7% ответов против 87,0% ответов о семье).

При изучении влияния усилий родителей на формирование навыков здоровьсбережения детей выявлено, что на сформированность практически всех из них влияет обучение ребёнка спокойно реагировать на неприятности, стрессовые ситуации, а также соблюдать режим дня и сна. Обучение и контроль соблюдения правил личной гигиены родителями способствует выработке навыков соблюдения режима труда и отдыха и гигиены.

Аналогично проведено выявление связи между воспитательными мерами, предпринимаемыми школой. Выявлено, что усилия школы оказывают слабое влияние на сформированность навыков здоровьесбережения у детей. Это позволяет сделать вывод о том, что воспитательное воздействие семьи более эффективно.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Достижение детьми школьного возраста сопровождается расширением спектра факторов риска для их здоровья. Школа становится местом, где ребёнок проводит большую часть дня. При этом обучение сопряжено с повышением числа и интенсивности действия факторов риска развития хронических заболеваний.

2. Реализация рисков зависит от того, насколько развиты у ребёнка навыки здоровьесбережения, контролируют ли родители и педагоги его поведение в отношении здоровья, а также от организации системы профилактики в школе и в семье.

3. Сформированность навыков здоровьесбережения у детей всех возрастов в большей степени зависит от семейного воспитания, чем от воздействия образовательной организации.

4. В сельской местности показатели сформированности навыков здоровьесбережения ниже, чем в городской.

Полученные данные позволяют сделать вывод о приоритетном влиянии на навыки здоровьесбережения именно семейного воспитания, нежели воздействия образовательной организации. Те знания и умения, которые ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни. Важность семьи обусловлена тем, что по длительности и восприятию ребёнком воздействия на личность ни один из институтов воспитания не может сравниться с ней и к поступлению в школу ребенок уже более чем наполовину сформировался как личность.

Поэтому важно, чтобы вовлечение родителей в формирование адекватных запросам времени навыков здоровьесбережения детей было как можно более полным и эффективным. Важно и повышение их медицинской активности, информированности по вопросам здоровьесбережения, повышения привлекательности образа человека, следящего за своим здоровьем, активное привлечение к сотрудничеству с образовательными организациями по вопросам сохранения и укрепления здоровья. Как правило, это участие в контроле (например, в рамках родительского совета, комитета) соответствия условий обучения, воспитания в организации желаемой цели сохранения здоровья обучающихся. В самом простом варианте участие родителей в реализации программ здоровьесбережения может заключаться в организации (как самостоятельной, так и в сотрудничестве с педагогами) мероприятий внеурочной деятельности (в виде экскурсий, кружков, секций, олимпиад, соревнований и т.п.).

Поскольку сохранение здоровья детей является комплексной задачей, над решением которой должны трудиться и семья, и сам ребёнок, и школа, и система здравоохранения, то необходимо создать организационный механизм взаимодействия различных институтов, распределить ответственность, разработать поэтапный план действий. Только объединение усилий всех сторон может обеспечить контроль над максимальным числом факторов риска для здоровья детей.

Библиографический список

1. Разварина И.Н., Гордиевская А.Н., Груздева М.А. Формирование волевых качеств детей в городской и сельской местности // Дискурс. 2019. 8 (34). С. 70-88.
2. Факторы, определяющие готовность первоклассников к школе: выявление региональных особенностей / А.Е. Иванова, М.И. Кузнецова, С.В. Семенов, Т.Д. Федорова. // Вопросы образования. 2016. № 4. С. 84-105.
3. Короленко А.В., Гордиевская А.Н. Человеческий потенциал детского населения: понимание и оценка // Социальное пространство. 2018. № 5 (17).
4. Шабунова А.А., Кондакова Н.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5(35). С. 33-54.
5. Шабунова А.А. Влияние социального положения семей на здоровье и развитие детей // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2006. № 32. С. 63-69.

Информация об авторе

Разварина Ирина Николаевна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; irina.razvarina@mail.ru).

Razvarina I.N.

EDUCATIONAL EFFECTS ON CHILD HEALTH: FAMILY AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

***Abstract**. The publication compares the impact of educational influences of the family and the educational organization on the formation of healthy lifestyle skills in a child. The information base was served by several opinion polls conducted among families in the Vologda Oblast.*

***Key words:** children, family, educational organization, school, parenting, health saving skills.*

Information about the author

Razvarina Irina N. (Russia, Vologda) – Junior Researcher of the Laboratory for Research of the Problems of Social Sphere Management of the Department for the Study of the Level and Lifestyles of the Population Federal State Budget Institution of Science «Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia; irina.razvarina@mail.ru).

References

1. Razvarina I.N. Formation of volitional qualities of children in urban and rural areas / I.N. Razvarina, A.N. Gordievskaya, M.A. Gruzdeva // Scientific journal “Discourse”. 2019. 8 (34). S. 70-88.

2. Factors that determine the readiness of first-graders to school: identifying regional characteristics / Ivanova A.E., Kuznetsova M.I., Semenov S.V., Fedorova T.D. // Questions of education. 2016. № 4 P. 84 –105.
3. Korolenko A.V., Gordievskaya A.N. The human potential of the child population: understanding and assessment / A.V. Korolenko, A.N. Gordievskaya // Social space. 2018. № 5 (17).
4. Shabunova, A.A. Children's health and development: results of a 20-year monitoring / A.A. Shabunova, N.A. Kondakova // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2014. № 5 (35). S. 33-54.
5. Shabunova A.A. The influence of the social status of families on the health and development of children /A.A. Shabunova // Economic and social changes in the region: facts, trends, forecast. 2006. № 32. S. 63-69.

УДК 316.4 / ББК 80.56

Шабунин Д.М.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ И ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ КАЧЕСТВА УСЛОВИЙ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ МЕДИЦИНСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Аннотация. *В статье поднята проблема оценки населением качества условий оказания услуг в медицинских организациях на примере зарубежного опыта и Российской Федерации. Анализируются методики исследования. Обращено внимание на проблемы независимой оценки в Российской Федерации, связанные с методикой проведения опросов пациентов и качеством самого методического материала.*

Ключевые слова: *модернизация, качество, медицинская помощь, оценка, оказание услуг.*

Модернизация здравоохранения предполагает не только изменение и совершенствование медицинских технологий и организации системы здравоохранения, но и активное участие населения в оценке качества оказанной медицинской помощи.

Традиционные показатели здоровья (заболеваемость, смертность и т.п.) не в полной мере отражают уровень медицинского обслуживания населения и не могут служить однозначными оценками деятельности здравоохранения. Поэтому существует потребность в разработке и применении специальных показателей.

Широкое распространение получили социомедицинские показатели здоровья, которые можно рассматривать в качестве разновидности «социальных показателей» или «социальных индикаторов», характеризующих эффективность здравоохранения.

Всемирная организация здравоохранения в качестве критерия общественной оценки эффективности деятельности здравоохранения использует показатель удовлетворенности населения организацией и качеством медицинской помощи.

В законодательстве Российской Федерации качество медицинской помощи определено как совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата [1].

Показатели качества медицинской помощи, рекомендованные Европейским бюро ВОЗ (1991 г.) включают в себя: степень профессионализма медицинского персонала; эффективное использование ресурсов; безопасность медицинской помощи – минимальный риск травм и заболеваний в результате медицинского вмешательства, соблюдение медицинских технологий; удовлетворенность пациента медицинским обслуживанием

Удовлетворенность пациента медицинским обслуживанием – это оценочный показатель, отражающий: объективное состояние системы здравоохранения и эмоциональное восприятие ее личностью.

Результаты оценки удовлетворенности организацией и качеством медицинского обслуживания зависят от интерпретации и операционализации самого понятия и применяемой методики опроса.

Системные исследования проблемы социальной эффективности здравоохранения, экономических и политических преобразований, разработка и построение системы социального мониторинга активно проводились с конца сороковых годов в США и странах Западной Европы.

В настоящее время в развитых странах выстроены системы мониторинга удовлетворенности пациентов качеством медицинских услуг.

В США методология изучения удовлетворенности пациентов услугами в стационарных медицинских учреждениях является стандартизированной и обязательной. С 2002 больницы используют опросник HCAHPS (Hospital Consumer Assessmentof Healthcare Providersand Systems – Оценка потребителей медицинских услуг и систем здравоохранения).

Целями HCAHPS являются: получение данных о перспективах лечения пациентов, которые позволяют объективно и содержательно сравнивать больницы по темам, которые важны для потребителей; публичное информирование о результатах опроса создает для больниц новые стимулы для улучшения качества медицинской помощи; публичная отчетность служит для повышения ответственности в сфере здравоохранения за счет повышения прозрачности качества больничной помощи, предоставляемой в обмен на государственные инвестиции.

В настоящее время HCAHPS ежегодно предоставляет данные о качестве медицинской деятельности клиник США, на основе которых формируется рейтинг медицинских учреждений страны. Публичное представление результатов создает стимулы для улучшения клиниками качества медицинской помощи.

Опросник включает в себя следующие блоки: медицинское обслуживание, предоставляемое медсестрами и врачами – оценка вежливости, уважительности, внимательности и коммуникабельности медицинского персонала; качество больничной среды; опыт пребывания в данной больнице – помощь со стороны персонала по обслуживанию и контролированию боли пациента; понимание медицинского ухода после выписки из больницы и данные о пациенте.

Важно то, что анкета заполняется пациентами примерно через месяц после выписки из больницы, а не в самом стационаре под контролем медицинского персонала и зависимости пациента от лечебного учреждения.

В Европе на государственном уровне широко используется опросник PPE-15 (Picker patient experience – Опыт пациента по Пикеру), который состоит из 15 вопросов и включает в себя следующие блоки: информированность; психологическое и физическое состояние; уважение к пациенту; вовлеченность семьи и друзей и преемственность оказания помощи.

В Российской Федерации независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями введена в 2014 г., является «одной из форм общественного контроля и проводится в целях предоставления гражданам информации о качестве оказания услуг медицинскими организациями, а также в целях повышения качества их деятельности» [2].

Независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями предусматривает оценку условий оказания услуг по таким общим критериям, как открытость и доступность информации о медицинской организации; комфортность условий предоставления медицинских услуг, в том числе время ожидания предоставления медицинской услуги; доброжелательность, вежливость работников медицинской организации; удовлетворенность условиями оказания услуг, а также доступность медицинских услуг для инвалидов [3].

Независимая оценка качества условий оказания услуг медицинскими организациями проводится общественными советами по независимой оценке качества не чаще чем один раз в год и не реже чем один раз в три года в отношении одной и той же медицинской организации.

В этих целях создан Портал независимой оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями (http://nok.rosminzdrav.ru), на котором органами государственной власти в сфере охраны здоровья и медицинскими организациями представляется информация, необходимая для проведения независимой оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями.

Оценку проводят пациенты, заполняя интерактивную анкету на официальных сайтах всех органов государственной власти в сфере охраны здоровья и всех медицинских организаций, участвующих в реализации программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в сети Интернет. Такая же анкета на бумажном носителе может быть заполнена в медицинской организации.

Анкеты для всех видов медицинской помощи разработаны Министерством здравоохранения Российской Федерации в 2013 г., переработаны в 2015 и в 2017 гг. Они включают в себя вопросы, которые соответствуют критериям оценки по ФЗ № 392 от 5 декабря 2017 г.

Начиная с 2015 г. пациенты стали заполнять интерактивные анкеты на официальных сайтах и на бумажных носителях.

При интерактивном заполнении анкет возникает проблема репрезентативности результатов опроса, поскольку не все пациенты, получившие помощь в стационарных условиях, знают и обращаются к порталу независимой оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями. По существу, это мнение определенной аудитории, которая знает о существовании независимого портала и умеет обращаться с Интернет. Какая-то часть анкет (неизвестно какая) заполняется в бумажной форме и потом вносится в портал. Однако вся процедура заполнения анкет не прозрачна и вряд ли данные независимого портала могут быть признаны репрезентативными.

Есть вопросы и к самим анкетам. В анкетах, размещенных на портале, нет данных о пациентах: возраст, пол, социальное положение и т.д. Вопросы анкеты не дают возможности пациентам дать оценку врачам и медсестрам по отдельности. В шкале ответов используются только два варианта ответов: да и нет, что существенно снижает чувствительность шкалы.

Нами были проанализированы результаты голосования пациентов на портале независимой оценки качества условий оказания услуг в медицинских учреждениях стационарной помощи по трем субъектам Российской Федерации. Сделаем краткие выводы:

- во всех трех субъектах, начиная с 2015 г., уровень удовлетворенности и оценка качества условий оказания услуг в медицинских организациях растет; по отдельным медицинским учреждениям, начиная с 2018 г., оценки составляют 100 баллов;
- каждый год рейтинг медицинских учреждений существенно меняется. Разница может составлять до 30 позиций. Возможно, в данных учреждениях была проведена существенная модернизация оборудования и персонала, а в других это же оборудование и персонал устарели, что, впрочем, выходит за рамки статьи и требует отдельного исследования.

Результаты оценки независимого портала свидетельствуют, что модернизация здравоохранения ускорилась, особенно после 2014 г., когда и была введена независимая оценка медицинских учреждений, поскольку результаты социологических исследований, проведенные по программе «Социокультурная эволюция регионов России», в различных субъектах Российской Федерации в 2006–2015 гг. показывали

уровень удовлетворенности населения медицинским обслуживанием в интервале 14–30%[4, 5, 6, 7].

Модернизация социальных институтов существенно отличается от технологической модернизации. Социальные институты меняются не только медленно, но и не всегда так, как задумывали акторы модернизации, поскольку в социальных институтах достаточно велико влияние интересов участников процесса и устоявшихся социокультурных норм поведения. Во многом это справедливо и по отношению к формированию оценки качества условий оказания услуг в медицинских организациях.

Оценка качества условий оказания услуг в медицинских организациях, введенная как форма общественного контроля и предоставления информации о качестве оказания услуг медицинскими организациями, из-за формализованных и непрозрачных процедур может превратиться в очередную кампанию и имитацию процесса модернизации системы здравоохранения.

Библиографический список

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 256-ФЗ.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы: Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 392-ФЗ
4. Социокультурный портрет Тюменской области: колл. моногр. / научн. ред.: Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2011. 356 с.
5. Социокультурный портрет Тульской области: моногр. / В.И. Мосин, М.А. Загибалова, Ю.В. Назарова, А.В. Романов. Тула: Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н.Толстого, 2009. 125 с.
6. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. Чебоксары, 2015. 244 с.
7. Социокультурный портрет Самарской области: эволюция и модернизация региона (1989–2015) / А.М. Исупов, И.В. Карпов, С.А. Мартышкин, Д.В. Прохоров, В.М. Цлаф, Д.М. Шабунин; под ред. С.А. Мартышкина, Д.В. Прохорова, В.М. Цлаф, Д.М. Шабунина. Самара: Глагол, 2016. 370 с.

Информация об авторе

Шабунин Дмитрий Михайлович (Россия, Тольятти) – кандидат социологических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева (Самара, Московское ш., д. 34; dmitri_tlt@mail.ru).

Shabunin D. M.

SATISFACTION AND ASSESSMENT OF POPULATION OF MEDICAL SERVICES

Abstract. *The article raises the problem of assessing the quality of the population's conditions for the provision of services in medical organizations by the example of foreign experience and*

the Russian Federation. The research methods are analyzed. Attention is drawn to the problems of independent assessment in the Russian Federation related to the methodology for conducting patient surveys and the quality of the methodological material itself.

Key words: *Modernization, quality, medical care, assessment, provision of services.*

Information about the author

Shabunin Dmitry M. (Russia, Tolyatti) – Ph.D. N., Associate Professor, Samara National Research University named after S.P. Korolev. (Samara, Moscow highway, 34; dmitri_tlt@mail.ru).

References

1. Federal law. «On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation» dated November 21, 2011 № 323-FZ.
2. The Federal Law «On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Independent Evaluation of the Quality of Services Provided by Organizations in the Field of Culture, Social Services, Health Care and Education» dated July 21, 2014 № 256-FZ.
3. The Federal Law «On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Improving the Independent Evaluation of the Quality of Conditions for the Provision of Services by Organizations in the Field of Culture, Health, Education, Social Services and Federal Medical and Social Expertise Institutions» dated December 5, 2017 № 392-FZ.
4. Sociocultural portrait of the Tyumen region: a collective monograph / scientific. ed. G.F. Romashkina, V.A. Yudashkin. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University, 2011. 356 p.
5. Sociocultural portrait of the Tula region: Monograph. / V.I. Mosin, M.A. Zagibalova, Yu.V. Nazarov, A.V. Romanov. Tula: Publishing House of Tul. state ped. University named after L.N. Tolstoy, 2009. 125 p.
6. Sociocultural Evolution of Russian Regions: Chuvash Republic / Ed. I.I. Boyko, V.G. Haritonova. Cheboksary. 2015. 244 p.
7. Sociocultural portrait of the Samara region: evolution and modernization of the region (1989-2015) / A.M. Isupov, I.V. Karpov, S.A. Martyshkin, D.V. Prokhorov, V.M. Zlaf, D.M. Shabunin. Ed. S.A. Martyshkina, D.V. Prokhorova, V.M. Zlaf, D.M. Shabunin. Samara: Publishing House "GLAGOL", 2016. 370 p.

Научное издание

Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений

Материалы V международной научно-практической интернет-конференции

г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.

В двух частях

Часть I

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	В.В. Ригина
Корректоры	В.В. Ригина Л.Н. Воронина

Подписано в печать 18.11.2020.
Формат 70×108/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,6. Тираж 500 экз. Заказ № 196.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Тел. (8172) 59-78-03, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-485-6 ISBN 978-5-93299-483-2

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

МАТЕРИАЛЫ V МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ

23 – 27 марта 2020 года

Часть II

ВОЛОГДА • 2020

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕРЕНИЙ

Материалы V международной научно-практической интернет-конференции
(г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.)

В двух частях

Часть II

Вологда
2020

УДК 316.1:316.43
ББК 60.524:60.59
Г52

Публикуется по решению
Учёного совета ВолНЦ РАН

Г52 **Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений**: материалы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.): в 2-х частях. – Ч. 2. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. – 347 с.

ISBN 978-5-93299-484-9 (II ч.)
ISBN 978-5-93299-485-6

Редакционная коллегия:
А.А. Шабунова – д.э.н., директор ВолНЦ РАН,
О.Н. Калачикова – к.э.н., зав. отделом ВолНЦ РАН,
М.В. Морев – к.э.н., зав. лабораторией ВолНЦ РАН,
Г.В. Леонидова – к.э.н., зав. лабораторией ВолНЦ РАН,
О.В. Третьякова – к.ф.н., зав. отделом ВолНЦ РАН

В сборнике представлены статьи V международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», проходившей в г. Вологде 23 –27 марта 2020 г.

В конференции приняли участие социологи, экономисты, демографы и представители смежных наук из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В публикуемых материалах затрагивается широкий спектр вопросов, связанных с реализацией человеческого потенциала в условиях актуальных вызовов на глобальном, национальном и региональном уровнях. Обсуждаются вопросы уровня и качества жизни населения, потенциала гражданского участия, психологического самочувствия и духовно-нравственных ценностей общества, демографические проблемы, вопросы регионального развития, актуальные проблемы состояния социальной сферы, человека на рынке труда и самореализации молодежи.

Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, а также СМИ и всех интересующихся вопросами социального развития России.

Тексты докладов приводятся в авторской редакции.

УДК 316.1:316.43
ББК 60.524:60.59

ISBN 978-5-93299-484-9 (II ч.)
ISBN 978-5-93299-485-6

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020

Содержание

Предисловие……..……....……..... 11

Пленарное заседание

Козловский В.В. Локальные эффекты цивилизационных перемен в местном сообществе……... 14

Лебедева-Несевря Н.А. Управление здоровьем россиян: ключевые цели и задачи нацпроектов……...……..…….…….. 22

Барсуков В.Н. Закономерности глобального перехода от стадии реализации демографического диведенда к старению населения……. 27

Медведева Е.И., Плюхин Н.О. Развитие «lifelong learning» в рамках Концепции развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации……..…… 34

Часть первая

Секция «Уровень и качество жизни населения как фундамент эффективной реализации человеческого потенциала»

Безнин М.А., Димони Т.М. Некоторые актуальные категории анализа институциональных особенностей и механизмов экономической системы России 1930–1980-х гг. ……..... 42

Белехова Г.В. К вопросу о регулировании финансового поведения россиян…….....……. 47

Вихрова М.А., Гладких С.Н., Севостьянова Н.Н. Алкоголизация населения как фактор снижения уровня жизни (на примере Новгородской области)…….……...……... 53

Воронина С.Н. Медиаграмотность как одно из условий социализации пожилых людей в цифровом обществе……... 58

Ефанова О.А. Гендерное измерение новых социальных норм в повседневном экологическом поведении…… 62

Ивановская А.Л. Качество трудовой жизни как фактор реализации трудового потенциала……..……..…… 68

Михайлов В.А., Михайлов С.В. Удовлетворенность населения Тверской области деятельностью многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг…… 73

Мухачёва А.В., Пастухова Е.Я. Экономико-статистическая оценка качества жизни региона (на примере Кемеровской области)……..… 78

Нотман О.В. Качество жизни в мегаполисе: индикаторы социологического измерения……...…..…….. 84

Пациорковский В.В. Адаптационные стратегии различных групп населения к негативным социально-экономическим условиям……..…… 88

Секция «Потенциал гражданского участия: от теории к практике»

Айснер Л.Ю., Наумов О.Д. Власть vs общественность в условиях гражданского общества: проблемы и перспективы их разрешения…….. 95

Бедерсон В.Д., Шевцова И.К. Горожане и девелоперы: стратегические взаимодействия в городских конфликтах…….. 99

Гавриков А.В. Политические партии Беларуси и их политические и электоральные ресурсы (политико-социологический аспект)……..…... 105

Гарина А.Д., Родин А.В. Цифровая трансформация территориального общественного самоуправления…….....…. 111

Дементьева И.Н. Протестные настроения населения региона в контексте проблемы гражданского участия……....…….…….. 117

Калашников К.Н. Дабл-байнд в контуре социальной коммуникации: стихийность или злонамеренность?..... 122

Каминский В.С. Политическая активность населения СЗФО: результаты межрегионального анализа…….. 127

Каргаполова Е.В., Новикова А.О., Черепанина Е. С. Порядок в социокультурном пространстве современной России…….……. 132

Колесник Н.В. Избирательные кампании и гражданский активизм в условиях геймификации…… 139

Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. Добровольчество на муниципальном уровне (социологический анализ)……..... 143

Курочкина А.Н. Социальное государство и его значение в современных геополитических условиях……...……. 148

Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. Солидарность, социальная ответственность и гражданский активизм населения в российских регионах (по данным экспертных опросов)……..... 155

Морев М.В. Региональные выборы в контексте новых политических реалий…….. 161

Наумов Д.И. Гражданское участие в контексте постправды……..... 168

Парфенова О.А. Роль НКО в развитии community care в России……...… 172

Соколова Т.Л. К вопросу о государственном регулировании рынка алкогольной продукции в современной России……..…….. 175

Смолева Е.О. О внешних барьерах гражданского участия…..…… 180

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Конструирование исходов городских локальных конфликтов в дискурсе активистов и экспертов (случай Нижнего Новгорода)……..…….…… 185

Цлаф В.М. Заметки о генезисе социальной активности…….. 192

Шаров В.В. Практика реализации инициативного бюджетирования и решение проблем развития социальной инфраструктуры в регионе…... 198

Секция «Психологическое самочувствие и духовно-нравственные ценности в современных условиях: тенденции, риски, особенности»

Ардашев Р.Г. Иррациональное мышление: коронавирус как теория заговора…… 205

Гегер А.Э., Клюев А.В., Ляшко С.В., Саганенко Г.И. Проблема валидности опросного инструментария для изучения ценностей и возможные пути ее решения……... 210

Дружинин Г.В. О роли влияния корпоративной организации на социально-психологическое состояние здоровья её участников..…… 216

Макарова Е.А. Зарубежный фостер и российский патронат: отличительные черты……... 221

Обозная М.В. Влияние прокрастинации на социально-психологическое здоровье личности…….…… 226

Пасовец Ю.М. Социально-стратификационная идентификация населения в условиях пространственной асимметрии российского общества……..... 230

Полюхова А.И., Сергеева О. М. Взаимосвязь устойчивых характеристик эмоциональной сферы человека с успешностью непроизвольного запоминания эмоционально окрашенной информации……...……... 235

Полюшкевич О.А. Идеи альтруизма и эгоизма через призму счастья……... 240

Романович Н.А. Жизнь после смерти в зеркале общественного мнения….. 244

Симонян Э. Г. Синергетический подход исследования культуры в анализе энтропейных процессов, происходящих в российском обществе……..…... 249

Скуденков А.В. Роль экономических санкций против России в жизненных сценариях молодых людей……..…….. 254

Смыкова Е. Ю. Специфика досуговых практик населения Беларуси…..…... 258

Ухов А.В. Капитализм, национализм и пути выхода из глобального кризиса……..... 263

Шматова Ю.Е. Проблема алкогольной зависимости: «цена», масштабы,тенденции…… 268

Секция «Решение демографических проблем как основа национального развития»

Асеева К.А., Родин А.В. Направления реализации демографической политики Краснодарского края……... 275

Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Материнский и родительский отпуска как период интенсивного родительского труда: подходы к изучению…….. 281

Барг А.О., Лебедева-Несевря Н.А. Информированность и восприятие населением России рисков для здоровья, связанных с распространением коронавируса COVID-19……..... 288

Барсуков В.Н., Доброхлеб В.Г. Методологические особенности и ограничения в оценке последствий старения населения……..... 292

Беляков Д.С., Терехов А.М. Статистический анализ миграционных потоков в Российской Федерации…… 298

Будилов А.П. Миграция и переселенческие установки жителей г. Вологды……..... 305

Груздева М.А., Калашников К.Н. Эффективность системы мер реабилитации пациентов , перенесших острые сердечно-сосудистые заболевания (на примере Вологодской области)……... 310

Датунашвили С., Еремеева В.Д., Каргаполова Е.В. Отражение семейных ценностей в современных российских СМИ……. 316

Зорина Е.Н., Попова Л.А. Образовательный потенциал населения старшего возраста……... 320

Короленко А.В. Условия труда как фактор здоровья работающего населения (на материалах Вологодской области)…….. 327

Нацун Л.Н. Ретроспективный анализ здоровья детей 2001 года рождения (по данным когортного мониторингового исследования)……..... 334

Разварина И.Н. Воспитательные воздействия в сфере здоровья ребёнка: семья и образовательные организации……... 339

Шабунин Д.М. Удовлетворенность и оценка населением качества условий оказания услуг медицинскими организациями……. 345

Часть вторая

Секция «Региональное развитие в контексте приоритетов государственной национальной политики»

Андреева Л.В., Ульянова А.А. Борьба с борщевиком Сосновского в Новгородской области и извлечение из него полезных веществ……... 14

Балич Н.Л. Цифровизация сельского хозяйства в системе модернизации агропромышленного комплекса Беларуси……... 18

Беляев М.Н. Влияние географического указания на развитие регионов Российской Федерации……... 23

Бухаров Д.Н. Фрактальная модель инновационного развития региона….. 28

Винокуров А.И. Культура-посредник и жизненные миры российско-белорусского приграничья……... 32

Власова О.В., Кун Д.А. Феномен социального предпринимательства……... 36

Джиджелава Л.Д., Родин А.В. Взаимодействие органов власти и бизнеса как основа развития экономики региона……... 39

Зубов Д.А., Корнекова С.Ю. Основные модели борьбы с коррупцией: опыт России и стран Зарубежной Европы…….. 43

Иванов В.А. Механизмы сельского развития северного региона…….. 46

Канищева Н.А., Тошкина А.А. Перспективы и проблемы внедрения цифровой экономики в России…….…….. 53

Лапцова Е.С. Проблемы развития некоммерческого сектора как субъекта межсекторного партнёрства…… 58

Литвинчук А.А. Факторы риска, влияющие на конкурентоспособность регионов Республики Беларусь…….. 63

Малых С.В. Репутация вуза как условие развития территории……..... 69

Малышев М.К. О социальной ответственности крупного бизнеса (на примере ПАО «Северсталь»)……. 74

Мальцева И.С. Модернизация сельского хозяйства арктической зоны (по материалам Республики Коми)…….. 79

Медведева Е.И. Проект «Зима в Подмосковье» как элемент территориального маркетинга……..... 84

Морошкина М.В. Оценка неравномерности пространственного развития…..……. 88

Патракова С.С. Сельская местность в концепции центр-периферийного устройства пространства……..... 93

Подольская Л.Д. Особенности инноваций в сфере туризма…….. 98

Секушина И.А. Приоритетные направления управления развитием малых и средних городов в контексте решения проблем расселения и пространственного развития страны…… 102

Соловьева Т.С. Стратегические направления развития региональных социально-инновационных подсистем……..... 108

Тимушев Е.Н. Местная бюджетная децентрализация: роль соседства и расстояний между регионами……..... 114

Тупик Е.С. Проблемы и тенденции реформирования системы местного самоуправления в России……... 120

Харитонов И.Н. Социально-экономические факторы модернизации аграрной сферы Беларуси, связанные с особенностями сельского населения (на основе данных эмпирического исследования)……..... 128

Черных С.И. Региональные аспекты развития российской науки…… 132

Широкова Е.Ю. Внешнеторговая деятельность регионов СЗФО……. 137

Секция «Актуальные проблемы социальной сферы. Инновационные изменения в системах здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания и их роль в повышении качества жизни населения»

Артамонова А.С. Научные социальные сети: обзор основных сервисов……... 143

Балезина Е.А. Эффективный контракт глазами молодых преподавателей (на примере ПГНИУ)……... 150

Вахорина М. В. К вопросу цифровизации российской системы высшего образования……... 155

Вилкова А.Д., Терехов А.М. Анализ состояния и динамики преступлений, совершенных несовершеннолетними……. 159

Власова О.В., Филиппова Д.И. Зарубежный и отечественный опыт исследования качества высшего образования в оценках субъектов образовательного процесса……. 163

Галкин К. А. Медицинские онлайн-форумы для пожилых людей с хроническими заболеваниями: между коммуникацией и знанием……... 167

Гаптарь В.М. Социальная необходимость создания центра тестирования спортсменов…….. 172

Григорьева И.А. Неустойчивые приоритеты российской социальной политики…….….. 175

Ипатова С.С. Тенденции изменения культурной активности населения Вологодской области……... 181

Конева Т.Н. Управление муниципальной системой повышения качества жизни семей с детьми-инвалидами посредством совершенствования медико-социального обслуживания…….. 184

Кривцова Е.В. Социальная профилактика несовершеннолетних правонарушителей в условиях специального учебно-воспитательного учреждения……... 189

Кузьмина Л.К. Предпосылки реализации политики охраны здоровья населения……... 195

Лапина С.В. Социологический подход в разработке управленческих стратегий в социальном государстве……..... 199

Нехорошков Д.А., Родин А.В. Реализация национального проекта «Образование»……... 205

Парахонская Г.А. Миссия университета в современном российском обществе: декларации и реальность……... 211

Смирнова Н.С. Роль Вологодского отделения Государственного банка во втрой половине XIX – начале XX века в повышении качества жизни населения…….. 215

Судакова Т.Е. Социология управления как теоретико-методологическая база социологических исследований результативности программно-целевого управления сферой физической культуры и спорта…….. 219

Секция «Человек на рынке труда: мировые тенденции и национальные особенности»

Басова Е.А. Удовлетворенность трудом в оценках мужчин и женщин (на материалах социологического опроса Вологодской области)……... 227

Блинова Т.В., Марков В.А., Русановский В.А. Влияние бизнес-цикла на межрегиональную дифференциацию российского рынка труда: вклад молодежной безработицы…… 233

Бутова С.В., Галахова А.А. Направления модернизации поиска и подбора персонала крупными кадровыми агентствами……..……..… 239

Жигалина М.В. Использование труда мигрантов в сфере ЖКХ: плюсы и минусы……..... 244

Иванов С.А. Цифровизация экономики: проблемы и приоритеты кадрового обеспечения предприятий…… 246

Кабакова Е.А. Цифровые рабочие места: миф или реальность?……..... 251

Карпченко Ю.В. Маркетинговые исследования рынка сбыта…….…..…. 254

Крошилин С.В. Методика анализа потребности в медицинском персонале…… 258

Панкова И.А., Попова В.И. К вопросу о трудоустройстве лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья…… 266

Попов А.В. К дискуссии о векторах изучения глобального процесса трансформации занятости…….. 271

Резанова Е.В. Государственная программа о содействии занятости населения: акцент на кадровых технологиях…… 277

Соловей А.П. Профессиональная мобильность и интеллектуальная миграция женщин-ученых Национальной академии наук Беларуси……... 283

Шестакова Н.Н. Кадровое обеспечение перспектив функционирования региональной экономики……..... 288

Секция «Самореализация молодежи – двигатель социальных изменений»

Безруков А.В. Жизненное планирование и представления молодых людей о семейно-гендерной самореализации…….. 294

Власова О.В., Петрова Д.С. Профессиональное самоопределение студенчества: ключевые проблемы и перспективы решения……... 300

Головчин М.А. Предпринимательская успешность в жизни молодежи регионов Северо-Западного федерального округа……... 305

Дулина Н.В., Мухтаруллина М.М., Панова А.М. Культура чтения студенческой молодежи как духовно-нравственная ценность (по материалам конкретного социологического исследования)……..... 310

Журавлева И.А. Социальные условия и психологические предпосылки образованиямолодежи…… 315

Митрофанова С.Ю. Процессы глобализации и мировая стратифицированность детства……..... 322

Скворцова М. Б. Связь поколений в контексте цифровизации……. 326

Тетерин В.В. Социализация молодежи в университете……..... 330

Тупик Е.С. Роль социокультурной среды вуза в формировании профессиональных и личностных качеств обучающихся…….. 335

Шухно Е.В. Ценности молодых ученых Национальной академии наукБеларуси……..…… 338

Верещагина А.В., Клименко Л.В. Демографические аспекты развития полиэтничного Юга России в контексте динамики гендерных установок……....……..... 343

Предисловие

Российская Федерация, многие страны ближнего и дальнего зарубежья вступают в эпоху, когда перспективы их развития и национальной безопасности во многом определяются социальной активностью рядовых граждан, реализацией трудового, демографического, гражданского потенциала населения. Совершенствование демократических основ национальных политических систем и мирового сообщества в целом, равно как и прогрессирующие темпы роста научно-технологических инноваций, уже ставших неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека, приводит к тому, что открываются новые возможности для реализации личных и общественных интересов.

Реальные практики и общие вопросы, связанные с реализацией различных сторон человеческого потенциала, стали центром внимания участников V международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», открывающей серию научно-организационных мероприятий, проводимых в год 30-летнего юбилея Вологодского научного центра РАН.

Вологодский научный центр РАН уже в пятый раз выступает организатором данной интернет-конференции с привлечением широкого круга ведущих российских ученых, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, а также СМИ и всех интересующихся вопросами социального развития России.

Впервые в Центре интернет-конференция, посвященная актуальным вопросам социального развития страны и регионов, состоялась в марте 2016 года. Ее работа была организована по 4 направлениям: социология общественного мнения: актуальные проблемы и перспективы развития; социальный капитал в глобализирующейся экономике; человеческий капитал: вызовы для России; социально-экономическое неравенство в современном обществе. На онлайн-форум поступило 34 доклада от участников из 14 российских регионов, а также Республики Беларусь и Украины.

В 2017 г. в работе конференции приняли участие 89 докладчиков из российских и зарубежных научных учреждений и вузов. Кроме того, было организовано пленарное заседание в режиме вебинара с подключением докладчиков из России, Беларуси, Армении, с подведением итогов по секциям и награждением дипломами победителей. В последующем эта успешная практика стала традиционной.

В 2018–2020 гг. тенденция увеличения числа докладов, расширения географии участников, роста интенсивности и качества обсуждения продолжилась. Это свидетельствует о возрастании популярности мероприятия в научных кругах и удобстве дискуссионной онлайн-площадки для взаимодействия теоретиков и практикующих специалистов по актуальным проблемам социального характера.

23–27 марта 2020 г. работа форума V международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» была организована по 8 научным направлениям: уровень и качество жизни населения; потенциал гражданского участия; психологическое самочувствие и духовно-нравственные ценности общества; демографические проблемы; вопросы регионального развития; актуальные проблемы состояния социальной сферы; человек на рынке труда и самореализация молодежи. Наибольший интерес вызвала секция «Потенциал гражданского участия: от теории к практике»

(модераторы: научный сотрудник К.Е. Косыгина и младший научный сотрудник В.С. Каминский), на которую поступило свыше 140 сообщений.

Всего в конференции 2020 г. приняли участие 160 человек из 53 научных и образовательных организаций, из них 22 доктора наук, 67 кандидатов наук. Были представлены 27 российских регионов, а также Республика Беларусь, Армения.

Итоги мероприятия были подведены 27 марта на пленарном заседании, модератором которого выступила зам. директора, зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения ВолНЦ РАН к.э.н. О.Н. Калачикова. В режиме онлайн представили результаты научных исследований по актуальным проблемам развития страны и регионов докладчики из Санкт-Петербурга, Перми, Коломны, Вологды. Д.ф.н., профессор В.В. Козловский свое выступление посвятил вопросам локальных эффектов цивилизационных перемен местного сообщества. Д.с.н., доцент Н.А. Лебедева-Несевря подняла важнейшую тему управления здоровьем россиян в контексте нацпроектов. Не меньший интерес вызвали доклад научного сотрудника ВолНЦ РАН В.Н. Барсукова о мировых трендах перехода от стадии демографического дивиденда к старению населения и доклад магистранта ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» Н.О. Плюхина по проблеме непрерывного образования взрослых в Российской Федерации.

По итогам проведения интернет-конференции участникам традиционно были выданы именные сертификаты, лучшие доклады выделены дипломами I, II, и III степени.

Следует отметить, что рост активности докладчиков международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» в течение пяти лет, расширение охвата рассматриваемых вопросов, высокий уровень представляемых докладов и качество обсуждения говорят о необходимости продолжения традиции организации подобных дискуссионных площадок.

В этой связи хотелось бы пожелать всем настоящим и будущим участникам конференции столь же заинтересованного и продуктивного участия в VI международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений» в 2021 году!

Директор ФГБУН «Вологодский научный центр РАН»
д.э.н. А.А. Шабунова

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРИОРИТЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 632.51 / ББК 41.8

Андреева Л. В., Ульянова А. А.

БОРЬБА С БОРЩЕВИКОМ СОСНОВСКОГО В НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ И ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ НЕГО ПОЛЕЗНЫХ ВЕЩЕСТВ

***Аннотация**. В статье изложены причины распространения сорного растения – борщевика Сосновского – на территории Новгородской области. Проведен анализ методов борьбы с ним. Особое внимание уделено биологически активным веществам, входящим в состав борщевика Сосновского, в том числе кумаринам. Рассмотрены результаты опытов выделения кумаринов в лаборатории биотехнологий Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Предложены направления применения фуранокумаринов.*

***Ключевые слова:** борщевик Сосновского, фототоксичность, меры борьбы, кумарины, фуранокумарины.*

В условиях жесткой конкуренции вопросы обеспечения продовольствием выходят на передний план национальной политики. Собственные продукты питания – гарантия безопасности страны. Опыт девяностых годов двадцатого века показывает важность развития сельскохозяйственного производства на территории каждой области Российской Федерации. Согласно Стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2026 года планируется увеличение производства продукции сельского хозяйства на 13,8% по отношению к 2017 году.

В настоящее время на территории области используется только 44% пашни. Остальные земли используются не по назначению или просто заброшены. Между тем, важно обеспечить животноводство собственными кормами. Ученые - агрономы во все времена занимались селекцией сельскохозяйственных растений с большой зеленой массой, высокой урожайностью, устойчивостью к неблагоприятным факторам и болезням. Результатом такой работы является борщевик Сосновского, введенный в сельхозпроизводство как перспективная силосная культура.

Борщевик Сосновского обладает рядом преимуществ в борьбе за место под солнцем. Выбор в пользу этого растения был сделан селекционерами из-за огромных размеров, большого количества зеленой массы, неприхотливости и повышенной выживаемости в неблагоприятных условиях. В конце шестидесятых годов двадцатого века борщевик стали активно внедрять в сельхозпроизводство. Но со временем обнаружились отрицательные черты этого растения. В состав борщевика Сосновского входит большое количество биологически активных веществ. Некоторые из них имеют горький вкус. Молоко коров, в рационах которых использовали борщевик Сосновского, приобретало неприятный горький привкус. Эта горечь сохранялась и в продуктах переработки молока, снижала их потребительские качества. Проявление этих свойств дало толчок к более детальному изучению химического состава борщевика Сосновского.

Возделывание и культивирование этого растения оказалось небезопасным для человека занятием. Сок его листьев и стеблей обладает высокой фототоксичностью. Этот факт также стал причиной отказа от использования борщевика Сосновского в качестве кормовой культуры. Но высокая урожайность, устойчивость к факторам окружающей среды, упадок сельскохозяйственного производства позволили борщевику Сосновского бесконтрольно расселиться самосевом вдоль дорог, по берегам рек, вокруг населенных пунктов. Из перспективной кормовой культуры борщевик

Сосновского превратился в агрессивное растение, вызвавшее экологические проблемы.

Борщевик вытесняет другие виды растений, в том числе традиционные кормовые культуры. В 2015 году борщевик Сосновского был включен в «Отраслевой классификатор сорных растений». Началась борьба с этим агрессором. Между тем, борщевик уже успел захватить большие участки на территории Новгородской, Псковской, Ленинградской областей.

Правительством Новгородской области 28 апреля 2017 года было издано распоряжение № 128 – рз «О мерах по борьбе с борщевиком Сосновского на территории Новгородской области на период 2017–2020 годов». Координатором мероприятий является новгородский филиал ФГБУ «Российский сельскохозяйственный центр». Используются организационно-хозяйственные, агротехнические, химические, механические методы борьбы. [2, с. 7 – 16]. При этом учитываются категория земельных участков и экологические факторы.

За один сезон уничтожить это сорное многолетнее растение невозможно. Его семена отлично зимуют и прорастают ранней весной при низких температурах (1 - 2°С). Всхожесть семян сохраняется в течение 12–15 лет. При скашивании наземной части растение способно к возобновлению из подземных почек. При этом цветы и семена формируются в сжатые сроки. Особенности биологического развития борщевика Сосновского требуют применения комплекса гербицидов и двукратной или трехкратной обработки. Контроль обрабатываемой территории должен осуществляться на протяжении трех лет. Комплексные меры пока не позволили искоренить борщевик Сосновского. По данным за 2019 год агрессивное растение занимает около шести тысяч гектаров земель в Новгородской области. Около четырех тысяч из них являются землями сельскохозяйственного производства.

Между тем, борщевик Сосновского содержит огромное количество химических веществ, которые могут принести пользу человеку. Особенно интересны биологически активные вещества, которые в минимальных количествах оказывают заметное биохимическое воздействие на живые объекты. Представителями являются кумарины – органические химические соединения группы бензопиронов. Они обладают приятным ароматом корицы и ванили, имеют горький и жгучий вкус. В зависимости от дозы кумарины могут являться ароматизаторами, лекарственными формами или ядами.

Кумарины обладают антибактериальными и антимикробными свойствами, выступают в качестве противоопухолевых препаратов. Их используют для борьбы с грибками. Кумарины входят в состав крысиного яда. Для человека кумарины опасны тем, что накапливаются в печени и являются ядом нейротоксического и гепатотоксического действия. В соответствии с законодательством Евросоюза содержание кумаринов в пищевых продуктах не должно превышать 2 мг/кг.

Среди кумаринов особый интерес вызывают фуранокумарины (фурокумарины). Они в отличие от других представителей кумаринов обладают фотосенсибилизирующим действием. Химическая активность фуранокумаринов значительно возрастает при УФ-воздействии. Именно фуранокумарины вызывают ожоги при попадании сока борщевика Сосновского на кожу человека. При действии ультрафиолетового облучения (320 – 380 нм) фуранокумарины реагируют с тиминовыми азотистыми основаниями молекулы ДНК. В результате химической реакции образуются сшивки цепей молекулы ДНК, нарушаются процессы передачи генетической информации, метаболизм и процессы деления клеток.

Представителями фуранокумаринов являются ксантотоксин, бергаптен, псорален, изопимпинеллин и др. Уникальные сенсибилизирующие свойства фуранокукмаринов используют в лечебных целях. В основном фуранокумарины применяют для лечения заболеваний кожи: псориаза, витилиго, алопеции, грибовидных микозов. Фуранокумарины входят в состав таких препаратов, как «Бероксан», «Псорален». Из плодов амии большой получают комплекс фуранокумаринов – аммифурин. Аммифурин способствует образованию меланоцитами пигмента кожи – меланина при УФ-облучении.

Выделение кумаринов из листьев и стеблей борщевика Сосновского возможно провести различными способами: экстракцией, возгонкой, хроматографией и др. В основном применяют экстракцию хлороформом, этиловым спиртом, эфиром и другими растворителями[1, с. 13]. В результате получают смесь кумаринов, включающую фуранокумарины. Разделение смеси кумаринов, выделение отдельных фракций является очень сложной задачей. Представители кумаринов имеют сходные химические формулы и физические свойства. По этой причине фармацевтические препараты представляют собой чаще всего смеси кумаринов, в том числе – фуранокумаринов.

В лаборатории биотехнологий Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого проводятся работы по выделению кумаринов из борщевика Сосновского методом экстракции этиловым спиртом 95% концентрации. Этиловый спирт является доступным и нетоксичным растворителем. Листья борщевика были заготовлены с соблюдением требований безопасности и высушены при комнатной температуре. Время экстрагирования составило 4 часа при температуре 80°С.

Полученный спиртовой экстракт включает различные биологически активные вещества. Присутствие фуранокумаринов было подтверждено качественной реакцией – лактонной пробой [3, с. 101].

Кристаллы кумаринов были выделены из сухих листьев борщевика Сосновского методом возгонки с оксидом меди. Общая сумма кумаринов составила 35 грамм на килограмм сухой массы. С помощью лактонной пробы было подтверждено присутствие фуранокумаринов.

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что, осуществляя борьбу с распространением борщевика Сосновского, можно извлекать пользу из этого растения. Зависимость химической активности фуранокумаринов от воздействия УФ-облучения планируется использовать в процессах защиты растений, а полученные смеси биологически активных веществ – в качестве фунгицидов и антимикробных препаратов.

Библиографический список

1. Орлин Н. А. Об извлечении кумаринов из борщевика // Успехи современного естествознания. 2010. №3. С. 13 – 14.
2. Рекомендации по борьбе с борщевиком Сосновского на территории Новгородской области. https://rosselhoscenter.com/files/users/120/%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0_%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%89%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%BA.pdf
3. Химический анализ лекарственных растений: учеб. пособ. для фармацевтических вузов / Е. Я. Ладыгина, Л. Н. Сафронич и др.; под ред. Н. И. Гринкевич, Л. Н. Сафронич. М.: Высшая школа, 1983. 176 с.

Информация об авторах

Андреева Лариса Викторовна (Россия, Великий Новгород) – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент ФГБОУВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; Larisa.Andreeva@novsu.ru).

Ульянова Анна Андреевна (Россия, Великий Новгород) – студентка 4 курса, направление: биология, ФГБОУВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; s234346@std.novsu.ru).

Andreeva L. V., Ulyanova A. A.

FIGHTING WITH SOSNOVSKY'S BORSCHT IN THE NOVGOROD REGION AND EXTRACTING USEFUL SUBSTANCES FROM IT

Abstract. *The article describes the reasons for the spread of a weed - borschevik Sosnovsky on the territory of the Novgorod region. The analysis of methods of fighting it is carried out. Special attention is paid to biologically active substances that are part of Sosnovsky borscht, including coumarins. The results of experiments on coumarin isolation in the laboratory of biotechnologies of Yaroslav the Wise Novgorod state University are considered. The directions of application of furanokumariny.*

Key words: *Sosnovsky's borscht, phototoxicity, control measures, coumarins, furanocoumarins.*

Information about the authors

Andreeva Larisa V. (Russia, Veliky Novgorod) – PhD. of agricultural Sciences, associate Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod state University (ul. B St. Petersburgskaya, 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia; Larisa.Andreeva@novsu.ru).

Ulyanova Anna A. (Russia, Veliky Novgorod) – fourth-year student, biology direction, Yaroslav-the-Wise Novgorod state University (ul. B St. Petersburgskaya, 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia; s234346@std.novsu.ru).

References

1. Orlin N. A. On the extraction of coumarins from Heracleum // Successes of modern natural science. 2010. №3. S. 13 – 14.
2. Recommendations for fighting borschevikom Sosnovsky on the territory of the Novgorod region https://rosselhoscenter.com/files/users/120/%D0%91%D1%80%D0%BE%D1%88%D1%8E%D1%80%D0%B0_%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%89%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%BA.pdf
3. Chemical analysis of medicinal plants: Textbook. manual for pharmaceutical universities / Ladygina E. Ya., Safronich L. N. and others. ed. Grinkevich N. I., Safronich L. N. M.: Higher school, 1983. 176 p.

УДК 316.422.4

Балич Н.Л.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СИСТЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА БЕЛАРУСИ

***Аннотация**. В докладе анализируется цифровизация сельского хозяйства как необходимый элемент модернизации агропромышленного комплекса Республики Беларусь. На основе данных республиканского опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси среди сельского населения страны в 2019 г., выполнен сравнительный анализ мнений работников государственных и частных предприятий о дальнейшей стратегии развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса своего района.*

***Ключевые слова**: цифровизация, модернизация, агропромышленный комплекс, сельское население.*

Внедрение новых цифровых технологий в различных отраслях сельского хозяйства является неоспоримым преимуществом в повышении качества и конкурентоспособности отечественной продукции.

Цифровизация сельского хозяйства – это процесс внедрения цифровых технологий, обеспечивающий формирование базы для систем поддержки управленческих решений. Цифровизация производства осуществляется на основе оперативного получения информации, что позволяет быстро и эффективно решать задачи оптимизации технического процесса, повышения качества, безопасности, операционной эффективности, выхода на рынок и создания новых бизнес-возможностей.

Инновационный потенциал применения цифровых технологий в сельском хозяйстве заключается в создании цифровой базы для систем поддержки управленческих решений (оцифровка карт, баз данных, доступных через API и т. д.); цифровизации производства (роботизация, «умная» техника, сельскохозяйственное оборудование с Ai, использовании спутников и дронов, систем капельного полива и др.); аналитике и bigdata (аналитические компьютерные платформы по всем уровням управления отраслью сельского хозяйства, прогнозирование сохранности и увеличения земель сельскохозяйственного назначения, климатических угроз, урожайности и др.).

По мнению исследователей, инновационный характер содержит идея о распространении географии технической новинки интернет вещей, что делает возможным получение автоматически генерируемых данных со спутников, дронов, различных приборов и датчиков. Данная цифровая новинка успешно используется современными агрохолдингами уже несколько лет, что позволяет формировать интеграционную логистику производства и сбыта. Сферы ее применения для сельского хозяйства весьма разнообразные [1, с. 90].

Цифровизация сельского хозяйства с экономической точки зрения рассматривается в трех направлениях: точное земледелие, точное животноводство, управление сельским хозяйством. В настоящее время разработано множество экономических и технологических решений, способствующих повышению производительности труда в сельском хозяйстве, автоматизации отрасли: использование искусственного интеллекта, цифровизация управления, мониторинг посевов и урожая (в том числе с использованием дронов и GPS), системы параллельного вождения сельскохозяйственной техники, локальные метеостанции, электронные датчики слежения и контроля за животными, роботизация сельскохозяйственных операций, «умные» фермы, компьютерное зрение, агрегация и анализ массивов цифровых сельскохозяйственных данных (Big Data, Data Science) и многое другое.

В сельском хозяйстве Республики Беларусь активно внедряются инновационные технологии, реализуются крупные инвестиционные проекты. Модернизация обеспечивает инновационное развитие агропромышленного комплекса, внедрение современных цифровых технологий и их интеграцию во все сферы сельского хозяйства.

Согласно Концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года ускоренное развитие получат технологии прецизионного (точного) земледелия, включая технологии глобального позиционирования (GPS), географические информационные системы (GIS), технологии оценки урожайности (YieldMonitorTechnologies), технологии переменного нормирования (VariableRateTechnology) и технологии дистанционного зондирования земли (ДЗЗ). Для этого потребуются создание электронной карты полей, спутниковой системы навигации, разработка сельскохозяйственной техники, оснащенной сенсорными датчиками, современных бортовых компьютеров и других технических средств [2].

Республиканский опрос, проведенный Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре 2019 г. в рамках выполнения государственного задания 3.1.04 «Социодинамика социальной структуры сельских регионов современной Беларуси» (выборочная совокупность сельского населения 893 человека), выявил ряд вопросов, существующих в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе, актуальных для республики.

Среди сельского населения были выделены группы респондентов, занятых на предприятиях государственной и частной форм собственности. Респондентам было предложено ответить на вопрос: «На что в первую очередь следует обратить внимание в стратегии развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в Вашем районе?»

Больше всего респондентов (58 % работников государственных, 51,9 % – частных предприятий) указали на необходимость повышения оплаты труда работников сельского хозяйства.

Следующая проблема, на которую, по мнению респондентов, следует обратить внимание, – внедрение новой техники, модернизация производства. Такого мнения придерживаются 33,1 % работников государственных и 30,5 % негосударственных предприятий.

Создание новых рабочих мест не менее значимая проблема, о чем свидетельствуют данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, подтверждающие сокращение численности занятого населения в сельском хозяйстве. На необходимость решения данной проблемы указало 29 % работников государственных и 25,9 % – частных предприятий.

В дальнейшем мнения респондентов распределились следующим образом: работники частных предприятий отметили важность омоложения кадрового состава среди руководителей в сфере АПК (28,9 %), работники государственных предприятий указали на необходимость повышения квалификации (25 %).

Необходимость ремонта и строительства сельхозсооружений (23,6 %), развития животноводства (21,4 %), привлечения частных или зарубежных инвестиций (20,7 %) чаще отличают работники государственных предприятий. Также в данной группе 16,9 % отметили важность развития фермерских и частных сельхозпредприятий.

Менее значимыми вопросами, по мнению респондентов данной группы, является освоение новых сельскохозяйственных культур (12,7 %) и развитие IT-агрономии (12,7 %).

На важность применения технологий точного земледелия указало 10,5 % работников негосударственных предприятий, на важность освоения новых сельскохозяй-

ственных культур – 10,7 % опрошенных. Респонденты данной группы считают развитие фермерских хозяйств и частных сельхозпредприятий (11,7 %) более важным в сельском хозяйстве, чем развитие садоводства и овощеводства (8,3 %), в отличие от работников госпредприятий, среди которых 18,4 % указали на важность данного направления в стратегическом развитии своего района (*рисунок*).

"На что в первую очередь следует обратить внимание в стратегии развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в Вашем районе?" (сельское население республики), 2019 г., %

Мнение работников государственных и негосударственных предприятий о том, на что следует обратить внимание в стратегии развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в своем районе

Таким образом, в стратегии развития АПК своего района работники государственных предприятий, в отличие от частных, чаще указывают на необходимость модернизационных изменений своего района по технико-экономическим основа-

ниям (техническому оснащению аграрного сектора, ремонту и строительству сельхозсооружений), а также внедрению инновационных разработок (освоению новых сельскохозяйственных культур, развитию растениеводства, животноводства, применению технологий точного земледелия (IT-агрономии). Работники частных предприятий больше ориентированы на демографические изменения – омоложение кадрового состава среди руководителей в сфере АПК. Обе группы поддерживают повышение оплаты труда и социальную поддержку сельхозработников, ориентированы на внедрение нового оборудования, техники, модернизацию производства, создание новых рабочих мест, повышение квалификации и переподготовку специалистов в сфере сельского хозяйства. Реализация Директивы Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли» позволит реализовать общенациональные цели и задачи модернизации АПК с учетом специфики региона.

Для кадрового обеспечения модернизации и инновационного развития агропромышленного комплекса предстоит осуществить ряд образовательных и иных мер, обеспечивающих разработку новых образовательных программ и стандартов по технологиям цифрового земледелия, подготовку и привлечение молодых специалистов в сферу цифрового сельского хозяйства.

Библиографический список

1. Воронин Б.А., Митин А.Н., Пичугин О.А. Управление процессами цифровизации сельского хозяйства России // Аграрный вестник Урала, 2019. № 4 (183). С.86-95.
2. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года // Национальной правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: http://www.pravo.by (дата доступа: 01.11.2019. С. 49-50).

Информация об авторе

Балич Наталья Леонидовна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат социологических наук, доцент, зав. отделом региональной социологии Института социологии НАН Беларуси (220072, Республика Беларусь, Минск, ул. Сурганова, д.1 корп. 2; nlrminsk@mail.ru).

Balich N.L.

DIGITALIZATION OF AGRICULTURE IN SYSTEM OF MODERNIZATION OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF BELARUS

***Abstract**. The article analyzes the digitalization of agriculture as a necessary element in the modernization of the agro-industrial complex of the Republic of Belarus. Based on the data of a republican survey conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus among the rural population of the country in 2019, a comparative analysis of the opinions of employees of state and private enterprises on the further development strategy of agriculture and the agro-industrial complex of their region has been carried out.*

***Key words:** digitalization, modernization, agro-industrial complex, rural population.*

Information about the author

Balich Natalya L. (Republic of Belarus, Minsk) – a candidate of sociologic sciences, associate professor, the Head of the Department of regional sociology, the Institute of

sociology, the National academy of sciences of Belarus (220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganova str., building 1/2;nlrminsk@mail.ru).

References

1. Voronin B.A., Mitin A.N., Pichugin O.A. Upravlenie protsessami tsifrovizatsii sel'skogo khoziaistva Rossii [Management of digitalization processes in agriculture of Russia] in Agrarian Bulletin of the Urals, 2019, № 4 (183), p. 86-95.
2. The concept of the National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus for the period until 2035. National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus, p. 49-50 (accessed at http://www.pravo.by, date of access: 01/01/2019).

УДК 347.77 / ББК 67.404.3

Беляев М.Н.

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАНИЯ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация**. В статье проведён анализ влияния географического указания на социально-экономическое развитие регионов. Проведено его соотношение со смежными правовыми институтами. Обозначены как положительные, так и отрицательные стороны новеллы, предложены способы минимизации негативных аспектов.*

***Ключевые слова:** географическое указание, развитие регионов, наименование места происхождения товара, региональные бренды, интеллектуальная собственность.*

Указом Президента РФ установлено[1], что одним из приоритетных направлений региональной политики является развитие социально-экономической сферы, внутри которой особую роль играет конкурентоспособность продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Также это положение нашло отражение в стратегии развития Вологодской области[2]. Федеральным законом от 26.07.2019 № 230-ФЗ[3] создаётся новый институт географического указания (далее – ГУ), который должен выступить в качестве подспорья для достижения поставленной задачи. В отечественном праве достаточно продолжительный период времени существует смежный правовой институт – наименования места происхождения товара (далее – НМПТ). Поэтому разумным будет сначала выявить отличительные и сходные признаки между ними, а затем обозначить положительный и отрицательный эффект на социально-экономическое развитие регионов от введения института географического указания.

Во-первых, самым существенным отличием данных средств индивидуализации товара будет связь продукции с землёй, на которой она произведена. Географическое указание предоставляет гораздо больше возможностей для производителя, нежели НМПТ, так как для регистрации ГУ достаточно осуществления лишь одной стадии производства товара, оказывающей существенное влияние в рамках обусловленного географического объекта. Так Арбитражным судом была признана контрафактной продукция АО «Горячеключевское» из-за осуществления разлива минеральной воды за пределами географического объекта, зарегистрированного в качестве НМПТ[4]. Если данное акционерное общество будет использовать новое средство индивидуализации товара, то признание продукции контрафактной в аналогичной ситуации не последует.

Во-вторых, географическое указание не содержит столь жёстких требований по определению исключительных свойств продукта природными или людскими фак-

---

[1] Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 4. Ст. 637.

[2] О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года: Постановление Правительства Вологодской области от 17.10.2016 № 920 (ред. от 13.06.2018) // Красный Север. 2016. № 122.

[3] О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 26.07.2019 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4132.

[4] Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 06.03.2019 № А32-48965/2018 [Электронный ресурс]. // URL: http://krasnodar.arbitr.ru (дата обращения: 15.10.2019).

торами, что позволяет значительно упростить процедуру регистрации и привлечь новых субъектов предпринимательской деятельности к этому ранее непопулярному способу правовой охраны места происхождения товара.

В-третьих, зарегистрировать ГУ смогут ассоциации (союзы) или другие объединения. Это обусловлено тем, что зачастую особые свойства товара зависят от не только деятельности производителя, но и от лиц, обеспечивающих хранение, перевозку, распространение продукта.

В-четвёртых, НМПТ предусматривало необходимость заключения уполномоченного органа исполнительной власти о наличии в товаре особых свойств. Перечень таких ведомств определён Постановлением[5] Правительства РФ от 17.09.2004 №487. Описываемая процедура далека от идеала, существуют ситуации, когда пройти проверку установленным путём попросту невозможно. Например, Н.В. Федорова указывала на невозможность регистрации в качестве НМПТ камчатского краба или беломорских мидий, ибо они не являются товаром, вырабатываемым из рыбы и морских продуктов, а следовательно, не попадают под компетенцию органов, уполномоченных выдавать необходимое заключение [4, с. 61].

Что же касается смежных характеристик сравниваемых институтов гражданского права? Географическое указание и НМПТ являются средствами индивидуализации конкретного продукта с определённой территории, оба института получают государственную регистрацию через Федеральную службу по интеллектуальной собственности, а также для них предусмотрен одинаковый перечень обозначений, которые запрещены в использовании.

Теперь перейдём к определению положительного и отрицательного эффекта ГУ. Упрощённая процедура регистрации должна открыть доступ к этому способу индивидуализации товара для огромного спектра производителей. Положительный же эффект от этого введения неразрывно связан с самой сущностью рассматриваемых правовых институтов. Ведь, как и НМПТ, географическое указание подразумевает прикрепление к определённой территории, что в свою очередь должно способствовать повышению престижа и известности региона, вложению инвестиций в его развитие, сохранению сельских поселений, увеличению рабочих мест и развитию туризма. В то же время у производителей появится возможность легально закрепиться за определённым географическим объектом, что в свою очередь увеличит их шансы на победу в конкурентной борьбе как с зарубежными, так и с отечественными товарами. Особенно стоит отметить, что ГУ позволит им получить правовую охрану не только в рамках национального законодательства, но и международного. Таким образом, лицо, зарегистрировавшее данное средство индивидуализации товара, получит правовую охрану от контрафактной продукции, производимой не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом. Это особенно необходимо в свете сохранения достаточно высокого уровня контрафактного товара в России и преобладания его иностранного производства (*рис. 1 и 2*). Возможность международной регистрации географического указания выте-

---

[5] О Перечне федеральных органов исполнительной власти, компетентных давать заключение, прилагаемое к заявке на государственную регистрацию наименования места происхождения товара и на предоставление исключительного права на такое наименование, а также к заявке на предоставление исключительного права на ранее зарегистрированное наименование места происхождения товара: о постановлении Правительства РФ от 17.09.2004 № 481 (ред. от 04.09.2012) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 38. Ст. 3806.

кает из Лиссабонского соглашения[6]. На данный момент Российская Федерация не является его участником, однако ситуация в скором времени должна измениться. Свидетельством этого можно привести план Роспатента по реализации положений ФЗ № 230. Согласно нему РФ станет участницей к 2020–2021 году[7], то есть либо к вступлению изменений в силу, либо сразу после этого.

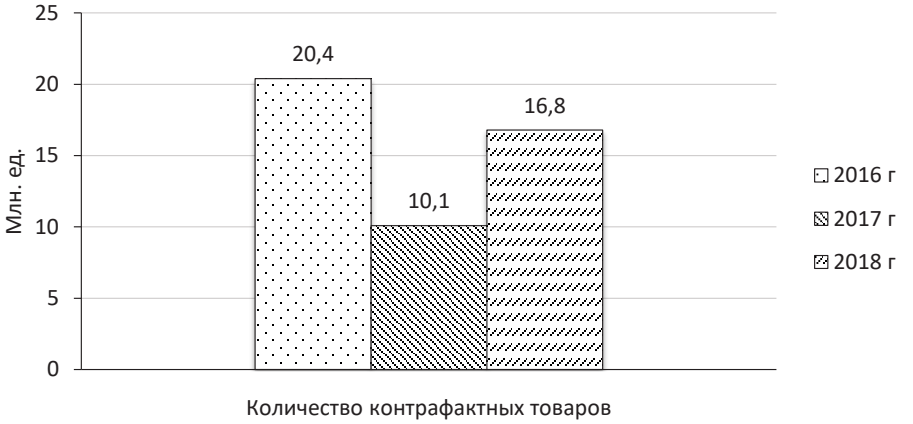


Рис. 1. Количество выявленных контрафактных товаров в Российской Федерации с 2016 по 2018 год, млн. ед.

Источник: Отчёт о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2018 год / Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org.

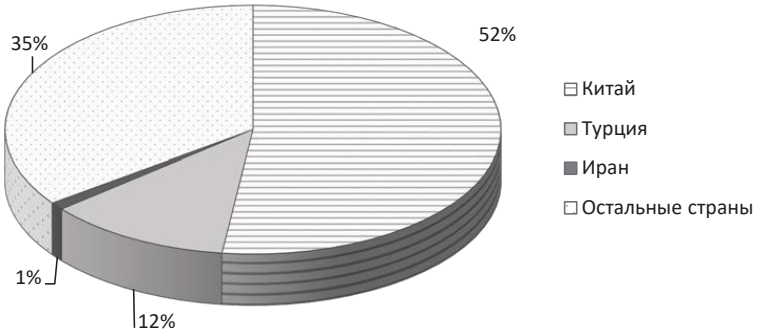


Рис. 2. Страны-лидеры по производству контрафактной продукции за 2018 год

Источник: Отчёт о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2018 год / Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org.

---

[6] Лиссабонское соглашение о защите указаний места происхождения изделий и их международной регистрации от 31.10.1958 (с изм. от 14.07.1967) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 13.10.2019).

[7] Приказ Роспатента от 21.08.2019 № 127 Об утверждении Плана мероприятий Федеральной службы по интеллектуальной собственности по реализации положений Федерального закона от 26.07.2019 № 230-ФЗ О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции [Электронный ресурс]. URL: https://rupto.ru (дата обращения 15.10.2019).

Далее будут рассмотрены негативные аспекты новеллы, которые могут оказать отрицательное влияние на социально-экономическое развитие регионов. Начать стоит с проблемы, которую новый институт перенял у предшественника – это столкновение прав на географическое указание с другими средствами индивидуализации, а именно с товарным знаком, фирменным наименованием, коммерческим обозначением. Отсутствие достаточного нормативно-правового регулирования выступит катализатором споров между производителями, получающими правовую защиту разными способами. В рамках института НМПТ уже существовали подобные судебные прецеденты.

Так, Ереванский коньячный завод подал в Роспатент возражение против предоставления охраны наименования места происхождения товара «Арарат» в отношении минеральной воды, мотивируя это тем, что завод является правообладателем ранее приоритетных товарных знаков со словесным элементом «Арарат», поэтому использование спорного НМПТ способно ввести потребителей в заблуждение. Однако Роспатент, а за ним и суды отказались удовлетворить заявления, основывая свою точку зрения на неоднородности производимой продукции[8].

Из-за невозможности нести дополнительные финансовые издержки обильное количество судебных споров может оттолкнуть субъектов малого или среднего предпринимательства от нового института, что в свою очередь не позволит региону получить максимальную выгоду от ГУ. Касательно крупных субъектов предпринимательской деятельности региона такие споры могут оттолкнуть их от своеобразных «заменителей» географического указания, которыми зачастую были товарные знаки. Пожалуй, одним из самых ярких примеров «заменителя» является товарный знак «Настоящий Вологодский продукт». Это вызвано тем, что на практике приоритет отдаётся средствам индивидуализации с креплением к географическому объекту, а не товарным знакам. Поэтому разумнее всего пользователям товарных знаков «заменителей» получить регистрацию в рамках ГУ.

Также стоит отметить, что регионам в связи с таким отличительным признаком, как связь с землёй, стоит активизироваться по формированию желания у производителей привязать рассматриваемое средство индивидуализации к географическому объекту своей территории. Этого можно добиться как оказанием юридического сопровождения по прохождению процедуры регистрации, так и предоставлением разнообразных льгот для региональных производителей.

Подводя итог, стоит обозначить, что эффект, который окажет географическое указание на социально-экономическое развитие регионов, будет, безусловно, положительным. Однако существует и ряд проблемных аспектов, за которыми региональной власти следует осуществлять контроль, чтобы получить максимальную выгоду от нового правового института.

Библиографический список

1. Право интеллектуальной собственности: учебник. Т. 3: Средства индивидуализации / А.С. Ворожевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев и др.; под общ. ред. Новоселовой Л.А. М.: Статут, 2018. 432 с.
2. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Вопросы развития правового регулирования отношений, объектом которых выступают географические указания // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 685 - 699.

[8] Определение Верховного Суда РФ от 11.08.2015 № 300-ЭС15-8677 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsrf.ru (дата обращения: 13.10.2019).

3. Фабричный С.Ю., Рузакова О.А. Новеллы о географических указаниях как объектах интеллектуальных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12. С. 53 - 61.
4. Федорова Н.В. Новый правовой институт «географические указания»: в чем отличия от наименований мест происхождения товаров // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 9. С. 59 - 66.

Информация об авторе

Беляев Михаил Николаевич (Россия, Вологда) – студент, Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (160001, Вологда, ул. М.Ульяновой, д. 18; mgua35@mail.ru).

Belyaev M.N.

INFLUENCE OF THE GEOGRAPHICAL INDICATION ON THE DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article analyzes the influence of geographical indications on the socio-economic development of the regions, relationship with connected legal institutions. Both positive and negative sides of the novella are indicated, ways to minimize negative aspects are proposed.*

Key words: *geographical indication, regional development, appellation of origin, regional brands, intellectual property.*

Information about the author

Belyaev Mikhail N. (Russia, Vologda) – student of the North-West Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (160001, Vologda, M. Ulyanova, 18; mgua35@mail.ru).

References

1. Vorozhevich A.S., Grin O.S., Korneev V.A. and others, under the total. ed. Novoselova L.A. Intellectual Property Law: A Textbook. T.3: Means of individualization. M.: Statute, 2018. 432 s.
2. Ruzakova O.A., Grin E.S. Issues of the development of legal regulation of relations, the object of which are geographical indications // Bulletin of Perm University. Jurisprudence. 2018. № 4. P. 685 - 699.
3. Factory S.Yu., Ruzakova O.A. Novels on geographical indications as objects of intellectual rights // Property Relations in the Russian Federation. 2018. № 12. P. 53 - 61.
4. Fedorova N.V. The new legal institution “geographical indications”: what are the differences from the appellations of origin // IP. Copyright and related rights. 2019. № 9. P. 59 - 66.

УДК 332.1

Бухаров Д.Н.

ФРАКТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. *Рассматривается применение имитационной фрактальной модели инновационного развития региона. Инновационное развитие моделируется путем оценки процесса распространения инновации через построение и оценку размерности фрактала территориального инновационного охвата, который генерируется по алгоритму диффузно-ограниченной агрегации. Предложенный подход может быть использован для прогнозирования инновационного развития региона в первом приближении.*

Ключевые слова: *фрактальная модель, инновационное развитие, DLA, инновация.*

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений для текущего состояния экономики является вопрос научно-промышленной политики [3], содержание которого заключается в формировании экономики на уровне регионов как принципиально новой системы социоэкономического устройства, обусловленной особой ролью знания в современном цивилизационном развитии [2, 4]. В связи с этим в данной статье предлагается имитационная модель научно-технического развития региона на основе оценки характера распространений инноваций.

Анализ исследований механизмов развития общественных, социальных, социоэкономических и социотехнических систем [7] позволяет обобщенно утверждать, что процессы развития инноваций носят фрактальный характер [10].

Распространение инновационных идей носит диффузный характер [9]. Для наглядного моделирования развития инновации от флуктуации-идеи до мультифрактала новой отрасли выбирались фракталы с диффузионным типом организации, генерируемые по алгоритму диффузно-ограниченной агрегации (DLA) [8].

Промышленная система представлялась как двумерная область, разбитая на ячейки одного размера, описывающие однородные производственные элементы. В рамках рассматриваемой модели инновационная идея описывается как частица, зарождающаяся внутри отрасли или приходящая из вне. Также в системе имеется область, уже охваченная инновацией, – центр агрегации инноваций, к которому присоединяются новые области, охваченные инновацией (*рис. 1*). На каждом временном шаге инновационная идея двигается по квадратной расчетной области со стороной 150 отн. ед. случайным образом и взаимодействует с другими частицами по правилам окрестности фон Неймана, пока не присоединится с заданной вероятностью к охваченной инновацией области или не уйдет за область зарождения, после чего будет считаться забытой.

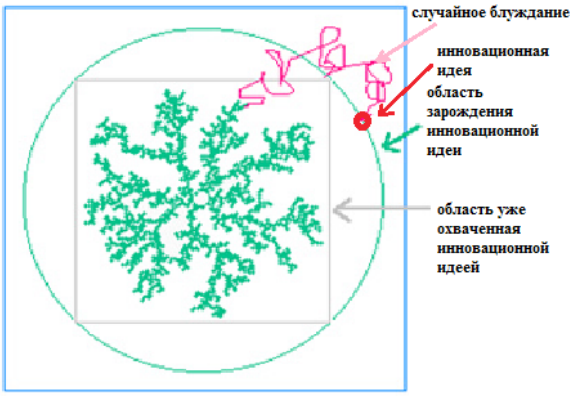


Рис. 1. Схема формирования области, охваченной инновацией

Вероятность присоединиться к охваченной инновацией области описывается степенью инновативности моделируемой системы I, которая может быть рассчитана различными методами [6]. Предлагаемая модель является имитационной, поэтому этот параметр в рамках наших расчетов, в первом приближении, принимает значения из (0, 1]. Так, например, положим, что при 0<I<0,25 регион обладает низкой степенью инновативности, при 0,25≤I<0,45 – ниже среднего, 0,45≤I<0,65 – средней, 0,65≤I<0,85 – выше среднего, 0,85≤I ≤1 – высокой. На *рис. 2* приведены фракталы с одним центром агрегации инноваций, расположенным в центре расчетной области. В расчетах производилось варьирование параметра I для случая низкой (*рис. 2а*), ниже среднего (*рис. 2б*), средней (*рис. 2в*), выше среднего (*рис. 2г*), высокой (*рис. 2д*) и максимальной (*рис. 2е*) степеней инновативности.

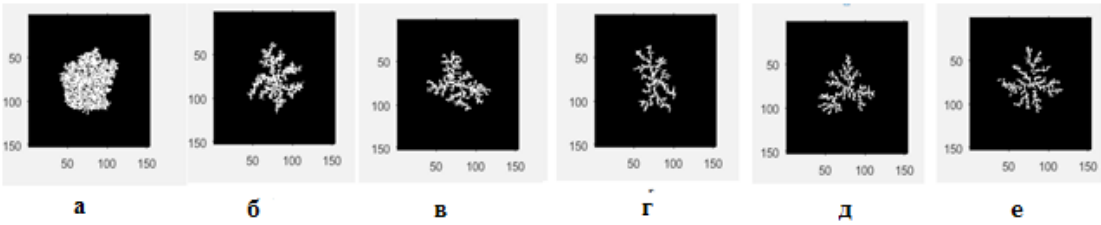


Рис. 2. Изображения фракталов, описывающих распространение инноваций в случае одного центра агрегации и степени инновативности: I=0,01 (а), I=0,15 (б), I=0,3 (в), I=0,6 (г), I=0,8 (д), I=1 (е)

Для полученных фракталов была рассчитана фрактальная размерность по методу концентрических окружностей [5]. Ее зависимость от степени инновативности носит обратно пропорциональный характер, а значения принадлежат отрезку [2,12; 1,71].

На *рис. 3* приведены фракталы, описывающие инновационное развитие, для области со стороной 600 отн.ед., при наличии 5 центров агрегации, расположенных случайно в центральной части расчетной области. На *рис. 3а* один центр агрегации расположен в центре расчетной области, а остальные удалены от него на 10 влево, 10 вправо, 20 вниз, 40 вверх отн. ед. При такой конфигурации и значении I=0,01 наблюдается слияние близкорасположенных областей охвата инновацией (слияние двух левых и двух правых центров), фрактальная размерность достигает значения 2,0033. На *рис. 3б* конфигурация центров агрегации аналогична, причем они удалены от центрального на 5 влево, 5 вправо, 10 вниз, 10 вверх отн.ед., I=0,5. В этом случае слияние центров агрегации не наблюдается, фрактальная размерность достигает значения 1,77. На *рис. 3в* – ситуация близкорасположенных центров агрегации (расстояние левых и правых от центрального 1 и 10 отн.ед) при которой их слияния не наблюдается, а фрактальная размерность достигает значения 1,68.

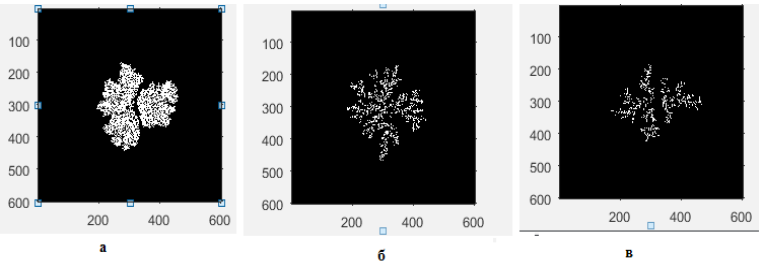


Рис. 3. Изображения фракталов, описывающих распространение инноваций в случае 5 центров агрегации и степени инновативности: I=0,01 (а), I=0,5 (б), I=1 (в).

Из рис. 2 и 3 можно заключить, что структура смоделированных фрактальных фигур существенно зависит от величины параметра инновативности. Чем он выше, тем более разветвленной образуется фрактальная структура, что подтверждается величинами фрактальной размерности. Фрактальная структура разветвляется наружу вследствие того, что инновации сложнее уйти во вне, не столкнувшись с другими. Также с увеличением иновативности уменьшается фрактальная размерность, фрактальная структура стремится к линии (фрактальная размерность линии 1) и обратно – фрактальная структура стремится к плоскости (фрактальная размерность плоскости 2). С другой стороны, с уменьшением параметра инновативности движущаяся инновация может проникать глубже внутрь фрактальной структуры. Таким образом, при высоких значениях инновативности площадь охвата инновации – неоднородная фигура со множеством линий выброса и прорыва, обеспечивающая взрывное инновационное развитие; с другой стороны, при низких значениях инновативности генерируется однородная, хорошо заполненная фигура, обеспечивающая базу для стабильного поступательного, но довольно медленного развития.

Таким образом, в зависимости от параметра инновативности можно прогнозировать процесс распространения инновации, оценивая площадь полученной фигуры, путем перехода от относительных единиц к абсолютным. С другой стороны, оценка параметра фрактальной размерности может быть использована при прогнозировании параметров инновативности региона.

Моделирование процесса возникновения или проникновения с последующим распространением инноваций в рамках фрактального подхода позволяет наглядно представить механизмы и прогнозировать направления инновационного развития региона, т.е. выявить перспективы формирования региональных высокотехнологичных кластеров на основе инновационно активных территорий с целью их включения в дальнейшем в общую макроэкономическую динамику.

Библиографический список

1. Афонасова М.А. Управление формированием наукоемких интегрированных структур в инновационно активных регионах // Фундаментальные исследования. 2009. №3.
2. Ахмедов Ф.Н., Юзифович С.О. Анализ, моделирование и прогнозирование экономического роста России // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 30 (333).
3. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Инновационный потенциал регионов России: монография. М. : КДУ, Университетская книга, 2017. 358 с.
4. Гаджиев М.М., Магомедов М.Ш., Насрудинов Д.М. Понятийный аппарат региональной экономики знаний // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2018. №1 (53).
5. Гущина Е.С., Смогунов В.В. Фрактальная размерность в оценке планировочной структуры крупного города // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2. С. 110-116.
6. Самохин С. В. Оценка инновационного потенциала предприятия // Молодой ученый. 2017. №28. С. 64-67.
7. Шкарупета Е.В., Смышляев В.А. Фрактальные организации в условиях экономики знаний // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. № 7(1). Т. 8. С. 14-17.
8. Bunde, Armin & Havlin, Shlomo. (1992). Fractals and Disordered System. 10.1007/978-3-642-51435-7.
9. Mejía, Jorge & Britto, Rodrigo & Buitrago, Oscar. (2015). A FORECAST MODEL FOR DIFFUSION OF INNOVATIONS BASED ON MOLECULAR DIFFUSION. Ciência e Técnica Vitivinícola. 30. 41-54

10. Vasilenko, L. A. (2019). Fractal-Synergetic Approach to the Research of Entrepreneurship in the Non-Profit Organizations. WISDOM, 12(1), 62-72.

Информация об авторе

Бухаров Дмитрий Николаевич (Россия, Владимир) – старший преподаватель, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых (ВлГУ) (600000, Владимир, ул. Горького, д. 87).

Bukharov D.N.

FRACTAL MODEL OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGION

***Abstract**. The application of the simulation fractal model of innovative development of the region is considered. Innovative development is modeled by assessing the process of dissemination of innovation, by constructing and assessing the dimension of the fractal of territorial innovation coverage, which is generated by the diffuse-limited aggregation algorithm. The proposed approach can be used to predict the innovative development of the region as a first approximation.*

***Key words:** fractal model, innovative development, DLA, innovation.*

Information about the author

Bukharov Dmitry N. (Russia, Vladimir) – Senior Lecturer, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov (VlSU), (600000, Vladimir, ul. Gorky, 87).

References

1. Afonasova M. A. Management of the formation of high technology integrated structures in innovatively active regions. // Basic research. 2009. №3.
2. Akhmedov F.N., Yuzifovich S.O. Analysis, modeling and forecasting of Russia's economic growth // Economic analysis: theory and practice. №. 30 (333). 2013.
3. V. L. Baburin, S.P. Zemtsov. The innovative potential of Russian regions: a monograph. M.: "KDU", "University Book". 2017. 358 p.
4. Gadzhiev M. M., Magomedov M. Sh., Nasrudin D. M. The conceptual apparatus of the regional knowledge economy // Regional Economics and Management: electronic scientific journal. № 1 (53).
5. E.S. Gushchina, V.V. Smogunov. Fractal dimension in assessing the planning structure of a large city // Modern Scientific Research and Innovation. 2016. №. 2. S. 110-116.
6. Samokhin S. V. Assessment of the innovative potential of the enterprise // Young scientist. 2017. № 28. S. 64-67.
7. B. Shkarupeta, V.A. Smyshlyaev FRACTAL ORGANIZATIONS UNDER THE CONDITIONS OF KNOWLEDGE ECONOMY // Bulletin of the Voronezh State Technical University 2012. № 7 (1). T. 8. p. 14-17.
8. Bunde, Armin & Havlin, Shlomo. (1992). Fractals and Disordered System. 10.1007 / 978-3-642-51435-7.
9. Mejía, Jorge & Britto, Rodrigo & Buitrago, Oscar. (2015). A FORECAST MODEL FOR DIFFUSION OF INNOVATIONS BASED ON MOLECULAR DIFFUSION. Ciência e Técnica Vitivinícola. 30. 41-54.
10. Vasilenko, L. A. (2019). Fractal-Synergetic Approach to the Research of Entrepreneurship in the Non-Profit Organizations. WISDOM, 12 (1), 62-72.

УДК 316.3/4 / ББК 60.59

Винокуров А.И.

КУЛЬТУРА-ПОСРЕДНИК И ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Аннотация. *Процессы глобализации актуализируют современные исследования конфигураций коммуникативных действий социумов приграничных регионов, которые являются предметом наших исследований, организованных с использованием Программы Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». Установлено, что особая категория экономических агентов интеракции составляет в Западном приграничье России уникальную культуру-посредник, которая расширяет социокультурное пространство соседей, создаёт общий для них жизненный мир, открывает новые возможности продуктивного сотрудничества.*

Результаты анализа практик коммуникативных действий населения российско-белорусского приграничья, полученные с помощью инструментария социокультурного портрета, могут быть положены в основу регионального планирования развития Запада России.

Ключевые слова: *региональное развитие, социологические измерения, социокультурный портрет региона, коммуникативное действие, жизненные миры, культура-посредник, российско-белорусское приграничье.*

Процессы глобализации актуализируют исследования конфигураций коммуникативных действий социумов приграничных регионов. Система коммуникативных действий акторов приграничных регионов Запада России стала предметом исследований, организованных нами в рамках Программы Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (руководитель – член-корреспондент РАН Н.И. Лапин) [1, с. 43-45].

Социокультурный портрет – инструментальный метод репрезентации пространства региона, включающий комплексную оценку и описание социокультурной ситуации и эволюции региона с использованием специально разработанного типового инструментария. Портрет региона включает комплекс различных социальных и культурных характеристик региона, объективных и субъективных показателей и индексов, что обеспечивает высокий уровень проблемно-аналитического и системного анализа результатов исследования; показывает эволюцию социальных институтов в регионах, создаёт возможности социального конструирования и моделирования приграничной ситуации. В портрете большое внимание уделяется визуализации параметров, индексов и индикаторов, используются социокультурные карты региона. Сопоставимость обеспечивается за счет единства типовых параметров регионов, методов получения эмпирических данных, результирующих индексов и индикаторов; стандартизованного языка их визуализации; общей программы-проспекта подготовки и изложения (представления) социокультурного портрета региона. Методологическим подходом социокультурного портрета региона является антропосоциетальный подход. С позиций этого подхода регион рассматривается как территориальное сообщество, которое образуется в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, организаций региона; служит средой, которая мотивирует социальных акторов [2].

Используя возможности программы и типового инструментария социокультурного портрета региона, мы зафиксировали различные формы коммуникативных действий контактных сообществ приграничного региона Запада России. Одна из них, культура-посредник, складывающаяся в практиках мелкого бизнеса и повседневного общения населения российско-белорусского приграничья.

Нами проведен анализ трансграничного диалога населения в Хиславичском и Велижском районах Смоленской области и Мстиславльском районе Могилевской области Республики Беларусь. Респондентами являлись мелкие предприниматели и самозанятые. Эта категория экономических агентов, в большей степени чем другие, связана с общением лицом к лицу с представителями другой территории. Предприниматели более крупного уровня в большей степени детерминированы в своей деятельности международными правилами торговли, опосредованными границей.

Установлено, что люди, занятые приграничной торговлей, в основном проживают в поселениях приграничья. Это мелкие предприниматели и фрилансеры (самозанятые). На территориях приграничных поселений, как правило, имеется инфраструктура, которая обеспечивает торговлю. К ней относятся: небольшие магазины, киоски или торговые точки. Кроме этого в указанных районах Смоленщины регулярно проводятся ярмарки продаж товаров из Белоруссии. Регламентирующих правил торговли с белорусскими соседями на территории Смоленской области, по мнению опрошенных, нет. Организуют торговлю сами предприниматели или посредники, которые договариваются о проведении торгового обмена. Конфликтов на месте продаж между приезжими продавцами и покупателями, местными жителями, не выявлено. Кроме торговли, жители поселений с обеих сторон охотно участвуют в совместных праздниках народного творчества, а молодёжь – в спортивных соревнованиях. Особенно активно в праздниках участвуют пенсионеры, школьники, работники учреждений культуры, предприниматели, фрилансеры. Концерты, выставки работ народных мастеров, спортивные соревнования в поселениях муниципальных районов проводятся в праздничные дни. Инициатором проведения праздников и спортивных соревнований с обеих сторон выступают администрации районов. Респонденты считают, что для укрепления и развития традиций проведения фестивалей и физкультурно-спортивных мероприятий требуется финансовая поддержка учреждений культуры муниципальных районов, при том что в поселениях приграничных районов имеется вся необходимая инфраструктура.

Таким образом, в приграничной зоне Смоленской области формируется особая категория экономических агентов интеракции: это мелкие предприниматели, посредники и фрилансеры, занятые торговлей; работники учреждений культуры, организующие праздники народного творчества и спортивные соревнования; покупатели, зрители и участники праздников и соревнований. Они составляют в Западном приграничье России уникальную культуру-посредник. Эта форма коммуникативных действий имеет свою инфраструктуру, состоящую из учреждений культуры, небольших магазинов, киосков или торговых точек; людей, организаций, электронных сетей, понятный язык и «экономические правила». Респонденты-смоляне отмечают высокий уровень доверия к белорусским партнерам, качеству товаров и продуктов, правилам торговли белорусской стороны; неконфликтный характер взаимодействия.

Культура-посредник создает возможность для продуктивного сотрудничества, диалога культур в приграничье; расширяет конфигурацию социокультурного пространства соседей. С позиции теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, в ходе коммуникативных действий сторон воспроизводится общий для них жизненный мир.

В межрегиональных взаимодействиях коммуникативное действие, по мнению Ю. Хабермаса, выполняет ряд функций:

а) в отношениях типа «центр – регионы»: регулятивную – регулирование развития регионов путем передачи управленческих решений и согласования действий центральных и региональных властей; контрольную – обеспечение обратной связи от регионов к центру и коррекция властного воздействия на них;

б) в отношениях типа «регион – регион»: информационную – обмен сведениями, имеющими ценность для всех участников коммуникации; координирующую – согласование действий между ними [3, с. 123-136].

Регионы приграничья развиваются успешно не только благодаря увеличению плотности работоспособного населения, но и за счет его мобильности, высокой экономической активности, общих для них жизненных миров.

Библиографический список

1. Винокуров А.И. Социокультурный портрет Смоленской области: методика описания кросс-культурных взаимодействий в зоне российско-белорусского приграничья (на материалах Смоленской и Могилевской областей Союзного государства России и Беларуси) // Человек в мире культуры: культурное описание территории: материалы X Международного философско-культурологического симпозиума 16-17 апреля 2015 г. Рязань, 2015. С.43-45.
2. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). М.: Институт философии РАН, 2010. 110 с.
3. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123– 136.

Информация об авторе

Винокуров Александр Иванович (Россия, Смоленск) – кандидат психологических наук, доцент; проректор по научной работе, Областное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный институт искусств» (214020, г. Смоленск, ул. Румянцева, д. 20; alvinocurov@yandex.ru).

Vinokurov A. I.

CULTURE - A MEDIATOR AND LIFE WORLDS OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDERLAND

***Abstract**. The processes of globalization actualize the modern study of the configurations of communicative action societies of the border regions, which are the subject of our researches by using the Program of the Center for the study of sociocultural change (CISI), Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences "Problems of sociocultural evolution of Russia and its regions". It is established that a special category of economic agents of interaction constitute a unique intermediary culture in the Western border of Russia, which expands the socio-cultural space of neighbors, creates a common life world for them, and opens up new opportunities for productive cooperation.*

The results of the analysis of the practices of communicative actions of the population of the Russian-Belarusian border area, obtained using the tools of socio-cultural portrait, can be used as the basis for regional planning of the development of the West of Russia.

Key words: *regional development, sociological dimensions, socio-cultural portrait of the region, communicative action, life worlds, intermediary culture, Russian - Belarusian border area.*

Information about the author

Vinokurov Alexander I. (Russia, Smolensk) – candidate of psychological sciences, associate professor; Vice-rector for scientific work of the Regional State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State Institute of Arts", 214020, Smolensk, Rumyantseva St., 20; alvinocurov@yandex.ru.

References

1. Vinokurov A.I. Sociocultural portrait of the Smolensk region: a technique for describing cross-cultural interactions in the zone of the Russian-Belarusian border region (based on materials from the Smolensk and Mogilev regions of the Union State of Russia and Belarus) / A.I. Vinokurov // A person in the world of culture: cultural description of the territory: materials of the X International Philosophical and Cultural Symposium April 16-17, 2015, Ryazan, 2015. P.43-45.
2. Lapin N.I., Belyaeva L.A. The program and standard tools «Sociocultural portrait of the Russian region» (Modification 2010). / N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. M., Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2010. 110 p.
3. Habermas J. Relations between the system and the world of life in the late capitalism // THESIS. Spring 1993.V. 1. Vol. 2, p. 123–136.

УДК 316.334 / ББК 60.56

Власова О.В., Кун Д.А.

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В статье на основании изучения истории социального предпринимательства и посвященных данной теме исследований рассматривается специфика социального предпринимательства.*

Ключевые слова: *предприниматель, предпринимательство, социальное предпринимательство, направления социального предпринимательства, социальное предприятие.*

Появление теории предпринимательства берет начало в работах английского экономиста Ричарда Кантильона, который устанавливает для него определенную экономическую функцию. К предпринимателям он относил большой круг лиц, имеющих неопределенный заработок: купцов, ремесленников, фермеров и даже нищих и разбойников. То есть тех, кто подвергает себя риску непостоянных доходов.

Р. Кантильон указывал, что явление неопределенности в получении какой-то прибыли, возможность преодолевать эту неопределенность, то есть способность к риску, имеет очень большое значение.

Со времен Р. Кантильона возникли и оформились различные концептуальные взгляды на предпринимательскую функцию. Так, Ф. Кенэ, А. Смит рассматривали предпринимателя в первую очередь как собственника капитала. Физиократ Ж. Тюрго, впоследствии немецкие историки В. Рошер и Б. Гильдебранд уточняли, что предприниматель к тому же совмещает функции управления с личным трудом.

Ж.Б. Сэй и Дж.С. Милль смотрят на «предпринимателя», прежде всего, с позиции организатора, т.е. не отождествляя его с капиталистом.

К. Маркс в своей работе «Капитал» проводит четкое разделение функций собственника и предпринимателя. Последний, по Марксу, это пассивный собственник капитала, используемого в хозяйственной деятельности, он является эксплуататором того, кого он нанимает на работу [1].

Взгляд на предпринимателя как на управленца получает окончательное оформление в трудах представителей неоклассической школы, таких как А. Маршалл, Л. Вальрас, К. Менгер, Ф. Визер. Классические (Й. Шумпетер) и современные (А. Коул, П. Дракер) теории предпринимательства сохраняют подобный взгляд на собственность по отношению к капиталу как независимые друг от друга.

Неоклассики в само содержание предпринимательской функции вкладывали стремление к эффективности ресурсоиспользования и удовлетворения спроса потребителя в меняющихся условиях рынка.

Г. Шмоллер, Ф. Тауссиг, Й. Шумпетер делают акцент на инновационности в создании новых рыночных возможностей. В рамках данного направления предприниматель является активным и созидающим преобразователем рыночных отношений. Теория Й. Шумпетера очень распространена среди экономистов и социологов. Отрицая значимость несения риска, он придает большое значение «новым комбинациям факторов производства», состоящим в инновационной организации хозяйственной деятельности, в чем и состоит особая предпринимательская функция [3].

Таким образом, можно вывести общее определение предпринимательства как экономической функции. Предпринимательство – это осуществление организационной инновации в целях извлечения денежного дохода. Оно включает три обязательных составляющих: инновационную деятельность; получение денежного дохода; объектом действия является организация.

Особым видом предпринимательства является социальное предпринимательство – предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества. В настоящее время социальное предпринимательство в мире является достаточно востребованным, в его сферу включены как бизнес-структуры, так и различные фонды, как негосударственные, так и государственные. Государство заинтересовано в развитии социального предпринимательства, поскольку оно способствует более качественной работе в следующих направлениях:

– дает возможность более надежного обеспечения государственных социальных гарантий;

– развивает качество и размеры услуг социальной направленности, способствует развитию конкуренции, а значит, и эффективности деятельности в сфере социального обслуживания;

– способствует развитию предприятий малого бизнеса в социальной сфере, количество их увеличивается, растет качество и доверие населения возрастает;

– происходит привлечение профессиональных специалистов, которые решают проблемы социальной сферы, но уже не в государственном экономическом сегменте;

– способствует снижению проблем с занятостью населения;

– помогает реализации поиска решения социально значимых общественных проблем, таких как безработица, сиротство, преступность и т.д.;

– способствует распространению и развитию численности организаций, которые содействуют решению социальных проблем;

– развитие методов работы и взаимодействие различных организаций социальной сферы способствует большей экономической эффективности данных организаций.

В России, в стране, которая находится на этапе развития рыночных капиталистических отношений, идеи поддержки социального предпринимательства также находят пути реализации.

Понятия «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» закреплены Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”».

Социальное предприятие – субъект малого или среднего предпринимательства, осуществляющий деятельность в сфере социального предпринимательства.

Социальное предпринимательство – предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии с условиями, предусмотренными частью 1 статьи 24.1 ФЗ №245 от 26.07.2019 г.

К социальным предприятиям относятся те субъекты малого и среднего предпринимательства, которые осуществляют деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей и способствующую решению социальных проблем и (или) обеспечивают занятость социально уязвимых категорий граждан [2].

Закон пережил несколько этапов становления, подготовки и изменений. Его выход определил новый этап в развитии социального предпринимательства в России. Это непростой этап, т.к. ставит предпринимателей в новые институциональные условия.

Многим социальным предприятиям предстоит пройти период самооценки и своего рода инвентаризации ресурсов, включая партнеров и условия деятельности.

Речь идет прежде всего о повышении внутренней организационной дисциплины и внимания ко всем аспектам работы своего предприятия.

Библиографический список

1. «Капитал» Маркса. Философия и современность. М.: Наука, 2013. 760 с.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»: Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. С. 169–170.

Информация об авторах

Власова Ольга Владимировна (Россия, Сургут) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-экономического образования и философии БУ «Сургутский государственный педагогический университет» (628417, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2; office@surgpu.ru).

Кун Диана Анатольевна (Россия, Сургут) – магистрант направления подготовки 39.04.01: Социология региональных процессов, БУ «Сургутский государственный педагогический университет» (628417, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2; office@surgpu.ru).

Vlasova O.V., Kun D.A.

THE PHENOMENON OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

Abstract. *In this article, based on the study of the history of social entrepreneurship and research devoted to this topic, the specifics of social entrepreneurship are considered.*

Key words: *entrepreneur, entrepreneurship, social entrepreneurship, directions of social entrepreneurship, social enterprise.*

Information about the authors

Vlasova Olga V. (Russia, Surgut) – candidate of sociological sciences, associate professor of the department of socio-economic education and philosophy of Surgut State Pedagogical University (628417, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra, Surgut, 50 let VLKSM, d. 10/2; office@surgpu.ru).

Kun Diana A. (Russia, Surgut) – master of educational program 39.04.01 Sociology Orientation Sociology of Regional Processes BU Surgut State Pedagogical University (628417, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, Surgut, 50 let VLKSM, d. 10/2; office@surgpu.ru).

References

1. The “Capital” Of Marx. Philosophy and modernity; Science, 2013. 760 c.
2. Federal law No. 245-FZ of July 26, 2019 “ on amendments to the Federal law “on the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation”.
3. Schumpeter, J. A.. Theory of economic development. Moscow: Progress, 1982. P. 169-170.

УДК 353.2

Джиджелава Л.Д., Родин А.В.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Аннотация. *В статье рассматриваются формы и механизмы взаимодействия органов региональной власти и частного сектора. Наиболее эффективным с точки зрения экономии финансовых и временных затрат считается обсуждение на электронной площадке. Показан механизм межсекторного взаимодействия в г. Краснодаре.*

Ключевые слова: *формы взаимодействия, стратегическое партнерство, субъекты бизнеса, государственно-частное партнерство, органы власти.*

Поскольку органы публичной власти оказывают сильное влияние на бизнес, в их интересах оставаться в курсе проводимой политики и проявлять инициативу при принятии данных решений. Вследствие этого, необходимо улучшить систему взаимодействия власти и частного сектора, что позволит создать условия для эффективного использования государственной и муниципальной собственности, привлечения инвестиций в экономику региона, модернизировать промышленную и социальную инфраструктуру, улучшить качество товаров, работ и услуг. Единство интересов и целей побуждают указанных сторон к налаживанию продуктивного диалога особенно для обсуждения проблем, затрагивающих субъектов всех секторов.

В процесс разработки и исполнения задач социально-экономического развития должны быть вовлечены не только органы власти, но и бизнес, а также субъекты некоммерческого сектора и население в целом. Как правило, межсекторное взаимодействие разделяют на двухсекторное и трехсекторное (*рисунок*): взаимодействие, осуществляемое на основе государственно-частного, государственно-общественного и часто-общественного партнерства, и взаимодействие, основанное на сотрудничестве трех секторов на равных взаимовыгодных условиях, соответственно.

Модели межсекторного взаимодействия [5, с. 104]

Особое внимание следует уделять взаимодействию между органами власти и бизнесом, так как успешное сотрудничество данных сторон может служить эффективным инструментом преодоления возникающих в региональной экономике проблем, а также важным условием осуществления стратегии развития региона.

Взаимодействие может быть выражено в совместной деятельности (при равных правах и обязанностях) органов региональной власти и субъектов частного сектора по достижению стратегических целей. Таким образом формируется так называемое стратегическое партнерство [2, с. 21]. Еще одной формой взаимодействия являются самостоятельные предпринимательские взаимоотношения с паритетным набором реализуемых интересов для каждой стороны, а также форма партнерства, представляемая в виде формальной организационной структуры с перекрестными функциями, ориентированными на достижение совместных целей. Кроме указанных форм также можно выделить тип взаимодействия, при котором отношения между его участниками основаны на принципах взаимной лояльности [3, с. 13].

Однако все формы взаимодействия бизнеса и органов власти сводятся к необходимости согласовывать интересы и цели сторон на выгодных условиях для каждой из них. Следует обеспечить возможность проведения конструктивного диалога для достижения результатов в развитии экономики и социальной сферы.

В качестве одного из механизмов коммуникации могут функционировать проектные семинары [1]. В рамках данных семинаров представители бизнеса и власти (также будет эффективным привлечение к работе на семинаре представителей общественности) обсуждают возникшие вопросы и проблемы и предлагают способы их решения. В результате учитываются пожелания и идеи всех участников и на основе их формируются определённые акты об итогах работы семинара.

Для более эффективного взаимодействия между указанными сторонами чаще всего нужен «посредник», который будет выступать связующим звеном между органами власти и бизнесом. В Краснодарском крае таковым выступает некоммерческая организация Союз «Торгово-промышленная палата Краснодарского края», которая проводит серии заседаний круглых столов «Что мешает Вашему бизнесу?» с участием представителей бизнеса, органов власти (администрации Краснодарского края, Законодательного Собрания края, администраций муниципальных образований), муниципальных торгово-промышленных палат, а также сотрудников контрольно-надзорных органов [4]. Мероприятие направлено на оказание помощи и поддержки субъектам бизнеса в решении проблем и трудностей, возникших в связи с постоянно меняющимися экономическими условиями.

Тем не менее организация и проведение подобных проектных семинаров требует определенных финансовых и временных затрат. Поэтому на смену данному механизму взаимодействия приходят электронные площадки для дискуссий, где публикуются инициативы и высказываются мнения. Как в случае с очной формой обсуждения, так и с электронной координировать взаимодействие следует органам власти, так как именно они выносят решения и должны создавать условия для развития бизнеса с целью повышения экономического и социального благосостояния региона.

Библиографический список

1. Баланс интересов: власти, общество и девелоперы ищут пути взаимодействия. [электронный ресурс] // РБК: информационное агентство. URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/28/09/2018/5bacebb09a79470d8a6f0402 (дата обращения: 09.03.2020).

2. Екимов А.В., Горбунова Н.В., Новокрещенова О.А. Стратегическое партнерство как фактор повышения конкурентоспособности субъектов финансового рынка // Финансы и кредит. 2016. №35 (707). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnerstvo-kak-faktor-povysheniya-konkurentosposobnosti-subektov-finansovogo-rynka (дата обращения: 08.03.2020).
3. Особенности взаимодействия бизнеса и власти: учебное пособие / колл. авт.; под ред. И.Ю. Беляевой, О.В. Даниловой. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 233 с.
4. Торгово-промышленная палата Краснодарского края: сайт. URL: http://kuban.tpprf.ru/ru/kruglyy-stol-chto-meshaet-vashemu-biznesu-/ (дата обращения: 11.03.2019).
5. Ясницкая Я.С., Роднянский Д.В. Межсекторное взаимодействие и его роль в развитии регионов России // ВЭПС. 2013. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhsektornoe-vzaimodeystvie-i-ego-rol-v-razvitii-regionov-rossii (дата обращения: 03.03.2019).

Информация об авторах

Джиджелава Лана Димитриевна (Россия, Краснодар) – студентка 1 курса магистратуры, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; djdj_lana@mail.ru).

Родин Александр Васильевич (Россия, Краснодар) – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; mailteor@mail.ru).

Dzhidzhelava L.D., Rodin A.V.

INTERACTION BETWEEN AUTHORITIES AND BUSINESS AS A BASIS FOR THE REGION ECONOMY DEVELOPMENT

Abstract. *The forms and mechanisms of interaction between regional authorities and the private sector are discussed in the article. The electronic site discussion is considered the most effective in terms of saving finance and time. The intersectoral interaction mechanism in the city of Krasnodar is shown.*

Key words: *interaction forms, strategic partnership, business entities, public-private partnership, government.*

Information about the authors

Dzhidzhelava Lana D. (Russia, Krasnodar) – 1th year master student, FSBEI HE “Kuban State University” (350040, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149, djdj_lana@mail.ru).

Rodin Aleksandr V. (Russia, Krasnodar) – Candidate of Economics, Head of the department, FSBEI HE “Kuban State University” (350040, Krasnodar, Stavropolskaya st., 149, mailteor@mail.ru).

References

1. Balance of interests: authorities, society and developers are looking for ways of interaction – Text: electronic // RBC: news agency. URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/28/09/2018/5bacebb09a79470d8a6f0402 (accessed: 09.03.2020).
2. Ekimov A.V., Gorbunova N.V., Novokreschenova O.A. Strategic partnership as a factor in increasing the competitiveness of financial market entities // Finance and Credit. 2016. №. 35 (707). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnerstvo-kak-

faktor-povysheniya-konkurentosposobnosti-subektov-finansovogo-rynka (accessed 08.03.2020).
3. Features of the interaction of business and government: study guide / team of authors, ed. I.Yu. Belyaeva, O.V. Danilova. Tver: Tver. state University, 2018. 233 p.
4. Chamber of Commerce and Industry of the Krasnodar Territory: site. URL: http://kuban.tpprf.ru/ru/kruglyy-stol-chto-meshaet-vashemu-biznesu-/ (accessed: 03/11/2019).
5. Yasnitskaya Ya.S., Rodnyansky D.V. Intersectoral interaction and its role in the development of Russian regions // VEPS, 2013. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhsektornoe-vzaimodeystvie-i-ego-rol-v-razvitii-regionov-rossii (accessed: 03.03.2019).

УДК 910.1:911.3

Зубов Д.А., Корнекова С.Ю.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ: ОПЫТ РОССИИ И СТРАН ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

***Аннотация**. В данной работе привлекается внимание к проблеме коррупции, являющейся серьезным тормозом для развития экономик многих стран мира, в том числе и высокоразвитых. Рассматриваются виды коррупционной деятельности, подчеркивается отрицательное влияние коррупции на предпринимательский климат. Самая распространенная модель борьбы с коррупцией в европейских странах – правовая демократическая модель, базирующаяся на концепции правового государства, убедительно демонстрирует свою эффективность.*

***Ключевые слова:** коррупция, борьба с коррупцией, виды коррупции, коррупционная деятельность, методы борьбы с коррупцией.*

В последнее время проблема борьбы с коррупцией является одним из главных приоритетов институциональных реформ во многих странах мира. Большинство экспертов сходятся во мнении, что коррупция, прежде всего, отрицательно сказывается на инвестициях и, следовательно, негативно влияет на имидж и экономическое благосостояние стран [3, 4].

Выделяют следующие виды коррупции [1]: бытовая коррупция (возникает при попытке граждан вручить подарки чиновнику или оказать определенные услуги за «услугу»); деловая коррупция (порождается при взаимодействии бизнеса и властей; коррупция верховной власти (относится к политическому руководству и верховным судам. Она касается стоящих у власти групп, недобросовестное поведение которых состоит в лоббировании своих целей в ущерб интересам избирателей).

Как же коррупция влияет на экономику? Среди основных проблем можно назвать следующие:

- рост теневой экономики;
- нарушение конкурентных механизмов рынка (это ведет к снижению эффективности рыночных механизмов);
- замедление появления эффективных частных собственников;
- рост цен за счет издержек, связанных с «платными услугами чиновников» и др.

Важно понимать, что коррупция всегда наносит ущерб интересам общества, который может быть прямым или косвенным. Существенную опасностью коррупция представляет (помимо перечисленных проблем) и для предпринимательства. Коррупционная деятельность приводит к сокращению общественных благ путём расхищения государственных средств либо их неэффективного или нецелевого использования, а также сказывается на снижении стимулов к добросовестному предпринимательству, приводит к бегству капитала и сокращению наиболее ценных человеческих ресурсов. Кроме того, рост коррупции порождает избыточное госрегулирование.

Известны следующие модели борьбы с коррупцией:

1. Либеральная модель наиболее характерна для периодов революционных потрясений и ей свойственны такие черты, как безнаказанность и вседозволенность.

2. Тоталитарная модель, предполагающая всеобъемлющий контроль со стороны государства за поведением должностных лиц, и оперативное реагирование на какие-либо отклонения от принятых норм. Данная модель в нашей стране была характерна для эпохи сталинизма.

3. Авторитарную модель борьбы с коррупцией отличает реализация выборочной ответственности в соответствии с установками «руководящего лица». Чем выше уровень полномочий, тем надежнее иммунитет коррумпированного должностного лица от уголовной ответственности. Данная модель в большей мере характерна для эпохи правления Хрущева – Брежнева.

4. Олигархическая модель борьбы с коррупцией предполагает клановый подход и четкое разграничение по принципу «наш - не наш».

В настоящий момент самая распространенная модель борьбы с коррупцией в странах Европы – это правовая демократическая модель, базирующаяся на концепции правового государства и убедительно демонстрирующая свою эффективность. По данным Transparency International [2], в рейтинге 2018 г. по индексу восприятия коррупции[1] лидируют большинство европейских стран. Так, возглавляют рейтинг в борьбе с коррупцией следующие государства: Дания, Финляндия, Швеция, Швейцария, Норвегия, Нидерланды, Люксембург, Германия. Такое высокое положение этих стран в рейтинге свидетельствует об эффективности применяемых в них методов борьбы с коррупцией. В целях ограничения распространения коррупции данными странами было выработано множество форм и особенно методов борьбы с коррупционной деятельностью. Эти методы включают в себя как административно-правовые меры – создание специализированных органов, которые предназначены для расследования нарушений законности в сфере государственной службы, так и идейно-нравственное возрождение общества, нацеленное на популяризацию антикоррупционной политики. Вместе с тем в ряде исследований указывается [5], что в странах, как правило, доминирует определенный вид коррупции, что связано с такими факторами, как экономическое неравенство в обществе, современные политические реформы, наличие (или сокращение) программ социального обеспечения, в т.ч. в сфере образования, и пр. К сожалению, Россия и ряд менее развитых европейских стран (Албания, Македония, Болгария) в указанном рейтинге занимают менее почетные места, что свидетельствует о необходимости совершенствования мер борьбы с коррупцией, причем всех видов.

Опыт европейских стран показывает, что наибольших успехов в борьбе с коррупцией можно добиться тогда, когда антикоррупционная политика становится частью государственной политики формирования цивилизованного гражданского общества. Это предполагает комплекс мер – от прозрачности управления на всех уровнях власти до эволюции правосознания у населения.

Библиографический список

1. Борьба с коррупцией в России: методы и результаты - BusinessMan.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://businessman.ru/new-borba-s-korrupciej-v-rossii-metody-i-rezultaty.html (дата обращения: 8.02.2020).
2. Восприятия коррупции за 2018 год [Электронный ресурс] / Трансперенси Интернешнл. Режим доступа: http://archive.transparencv.org/policv research/survevs indices/cpi/2018 (Дата обращения: 9.02.2020).
3. История создания Вашингтонского консенсуса по коррупции / И. Краетев // Прогнозис. 2007. № 2. С. 227-248.

[1] Индекс представляет собой оценку от 0 (максимальный уровень коррупции) до 100 (отсутствие коррупции) и основывается на нескольких независимых опросах, в которых принимают участие международные финансовые и правозащитные эксперты, в том числе из Азиатского и Африканского банков развития, Всемирного банка и американской организации Freedom House.

4. Темрякович С.В. Политический ракурс международного сотрудничества по борьбе с коррупцией / РАГС при Президенте РФ. М., 2006. 188 с.
5. Усланер Э. / «Коррупция в стране зависит от уровня образования сто лет назад» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iz.ru/news/614818 (дата обращения: 9.02.2020).

Информация об авторах

Зубов Данила Алексеевич (Россия, Санкт-Петербург) – студент 3 курса, направление: зарубежное регионоведение, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21).

Корнекова Светлана Юрьевна (Россия, Санкт-Петербург) – доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Россия, 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21; s-kornekova@mail.ru).

Zubov D.A., Kornekova S.Yu.

BASIC MODELS OF COMBATING CORRUPTION: EXPERIENCE OF RUSSIA AND THE COUNTRIES OF FOREIGN EUROPE

Abstract. *In this work, attention is concentrated on the problem of corruption, which is a serious brake for the development of economies in many countries in the world, including highly developed ones. Different types of corruption activities are considered and its negative impact on business climate is noticed. The most common anti-corruption model in many countries of Foreign Europe is the legal democratic model, based on the concept of rule of law that convincingly demonstrats its effectiveness.*

Key words: *corruption, fight against corruption, types of corruption.*

References

1. Fighting corruption in Russia: methods and results - BusinessMan.ru [Electronic resource]: access Mode: free – https://businessman.ru/new-borba-s-korrupciej-v-rossii-metody-i-rezultaty.html (date of request: 8.02.2020).
2. Index of corruption perception for 2018 [Electronic resource] / transparency international. Access mode: http://archive.transparencv.org/policv research/survevs indices/cpi/ 2018 (accessed: 9.02.2020).
3. History of creation of the Washington consensus on corruption / I. Kraetev II Prognozno. 2007. № 2. P. 227-248.
4. Temryakovich S. V. Political perspective of international cooperation in the fight against corruption / rags under the President of the Russian Federation. Moscow, 2006. 188 p.
5. Uslaner E. [Electronic resource] / “Corruption in the country depends on the level of education a hundred years ago” https://iz.ru/news/614818 (accessed: 9.02.2020)..

УДК 33:31(470.13) / ББК 65.32(231)

Иванов В.А.

МЕХАНИЗМЫ СЕЛЬСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА

Аннотация. *В работе дана оценка финансового обеспечения развития сельских территорий. Выявлены объемы, направления и недостатки финансовой поддержки сельского хозяйства. Предложены основные направления совершенствования государственной политики сельского развития, связанные с усилением роли государства в модернизации сельской инфраструктуры и устойчивом развитии аграрной сферы.*

Ключевые слова: *сельское развитие, сельские территории, аграрный сектор, финансовое обеспечение, механизмы развития, Республика Коми.*

Понятие «сельское развитие» в научных исследованиях получило развитие сравнительно недавно. Сельское развитие зачастую отождествлялось с модернизацией сельского хозяйства. Подход, основанный на аграрном развитии села, регулировании продовольственных рынков и финансовой поддержке сельских товаропроизводителей, привел к нерациональному размещению производительных сил, низкому уровню использования высокого потенциала сельских территорий, неразвитости транспортной, инженерной, социальной и рыночной инфраструктуры. Отраслевая политика оказалась малоэффективной, неспособной решать многогранные проблемы сельских жителей и привела к глубокому кризису села. Сегодня сельская местность северных территорий характеризуется неразвитой инфраструктурой, низким уровнем и качеством жизни. Она отстала в технологическом, социально-экономическом и культурном плане от урбанизированной местности, отличается высокой внутрирегиональной дифференциацией по уровню социально-экономического развития. Северное село не способно выполнять ряд важных народнохозяйственных функций (производственная, социально-демографическая, экологическая).

В то же время в развитых странах политика сельского развития отвечает двум функциям – отраслевой и территориальной, которые дополняют друг друга. Инструментом сельского хозяйства развития являются национальные и региональные программы. В основе этих программ лежит не отраслевой, а территориальный принцип развития территорий. Основные цели программ – это повышение конкурентоспособности сельского и лесного хозяйства с помощью мер реструктуризации и использования инноваций; улучшение состояния окружающей среды в сельской местности; рост качества жизни сельского населения и диверсификация сельской экономики [1–4].

В нашей стране сделаны практические шаги по реализации политики развития сельских территорий. Социальные процессы на селе в настоящее время регулируются Федеральной целевой программой «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (2013 г.), Стратегией устойчивого развития сельских территорий на период до 2030 года (2015 г.), Государственной программой «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020–2025 гг. (2019 г.), а также региональными программами развития сельских территорий. Вместе с тем принятые документы не решают комплексно проблемы развития сельских территорий. В них не разработаны механизмы, объемы финансовых средств недостаточны для реализации намеченных целей, отсутствует экспертный и общественный мониторинг программ. Недавно принятая госпрограмма развития сельских территорий подвергается критике и требуется ее корректировка. Существенные недостатки имеет

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 г., №207-р), представляющая документ стратегического управления и планирования, в том числе для сельского развития. Она мало связана с устойчивым развитием сельских территорий.

Анализ финансового обеспечения сельских территорий Республики Коми показал, что на их развитие в 2003–2018 гг. направлено свыше 2,8 млрд. руб. бюджетных средств. Объем финансовых ресурсов за этот период вырос в 32 раза. Наращивание финансовых средств позволило улучшить жилищные условия граждан (семьей), молодых специалистов, благоустроить ряд сельских населенных пунктов, реализовать ряд проектов по газо- и водоснабжению. Только за последние 10 лет введено (приобретено) гражданами (семьями), проживающими в сельской местности, 111,8 тыс. кв. м жилья, в том числе молодыми семьями и специалистами 66,9 тыс. кв. м, построено 77,3 км водопроводных сетей и 219,4 км газовых сетей.

Из общего объема бюджетных средств, направляемых на модернизацию инфраструктуры села, 38% было выделено на улучшение жилищных условий, 25 – на строительство общеобразовательных учреждений, 15 – на газификацию, 10% – на водоснабжение. Доля финансовых средств на строительство фельдшерско-акушерских пунктов и дорог составила соответственно 0,7 и 0,06%.

В предстоящие пять лет в госпрограмме «Комплексное развитие сельских территорий» также недостаточно выделяется финансовых ресурсов на развитие инфраструктуры села. Из общего объема средств на развитие транспортной инфраструктуры села предусмотрено направить лишь 4%, а на развитие инженерной инфраструктуры – только 0,4%. Существующие в настоящее время и планируемые на 2020–2025 гг. объемы финансовых ресурсов в инфраструктуру села не соответствуют комплексному развитию сельских территорий.

Реализация приоритетного национального проекта «Развитие АПК» позволила существенно увеличить господдержку сельского хозяйства. За 2006–2018 гг. субсидии в отрасль возросли в 2,4 раза. Основная тяжесть финансовой поддержки сельхозтоваропроизводителей ложится на региональный бюджет (90%). Финансовая поддержка позволила избежать убыточности большинству сельхозпроизводителей. Существенные результаты достигнуты в мясном птицеводстве и свиноводстве: производство мяса птицы выросло в 1,5 раза, свинины – 3,6 раза. Анализ показал, что основные потоки бюджетных средств направлялись в аграрные предприятия пригородных территорий.

Существующие в настоящее время размеры господдержки аграрной сферы в удаленных сельских районах не позволяют не только развивать ее на инновационной основе, но и сдерживать падение производства. Объемы бюджетной поддержки не учитывают вклад сельской периферии в производство биологически полноценных продуктов питания, специфику специализации сельского хозяйства, уровень развития транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры. Для подъема рентабельности и увеличения возможностей модернизации аграрного производств необходимо увеличить объем прямой господдержки в 2–3 раза. Ускорение модернизации отрасли и инфраструктуры сельской местности потребует также государственных капитальных вложений.

Для скорейшего перевода аграрной экономики на новую технико-технологическую основу предлагается увеличить субсидии не только из регионального, но и федерального бюджета. Из федерального бюджета целесообразно осуществлять господдержку на увеличение поголовья крупного рогатого скота и оленей, объемов

производства говядины, оленины и молока, а также информационно-консультационной службы; компенсировать часть стоимости приобретаемой современной техники и высокопроизводительного оборудования, минеральных удобрений, горючего, запасных частей, комбикормов, а также тарифы в размере 50% при транспортировке железнодорожным и водным транспортом материально-технических ресурсов; субсидировать процентные ставки по кредитам; выделять субсидии на ликвидацию бедности среди сельского населения и возмещение районных коэффициентов и северных надбавок к зарплате.

На региональном уровне нужно сохранить финансовую поддержку на строительство и реконструкцию животноводческих помещений, приобретение новой техники и оборудования, производство продукции скотоводства и оленеводства, субсидирование процентных ставок по кредитам. С целью развития предпринимательской деятельности в сфере сельского хозяйства, рыболовства и переработки их продукции, лесного сектора, туризма предлагается выдавать целевые субсидии на открытие своего дела. Эффективной формой стимулирования крестьянско-фермерских хозяйств, семейных животноводческих ферм, потребительских кооперативов является грантовая поддержка, которую необходимо увеличить.

Для организаций агропродовольственного сектора целесообразно сохранить субсидирование процентных ставок по кредитам, освободить сельхозтоваропроизводителей от уплаты налога на имущество и транспортного налога. Региональные органы власти могут принять законодательные акты, предусмотрев в них освобождение инвесторов от налога на имущество и транспортного налога в региональные бюджеты, предоставление поручительств при оформлении банковских кредитов.

Потребуется дифференцированный подход к механизмам и инструментам развития сельского хозяйства пригородных и периферийных сельских территорий. Для развития аграрного производства сельской периферии необходимо увеличить бюджетные субсидии как на прямую финансовую поддержку, так и на технико-технологическое перевооружение. Перераспределение субсидий в пользу сельского хозяйства удаленных территорий может быть осуществлено за счет их уменьшения с сельхозорганизаций, осуществляющих самоокупаемость и самофинансирование. Необходимо также перераспределение субсидий в пользу малых и средних форм хозяйствования, хозяйств населения.

Проводимый курс на оптимизацию господдержки ориентирован на повышение ее экономической эффективности в ущерб социальной направленности. Сельское хозяйство в районах с неблагоприятными условиями в силу его специфики и особенностей рыночных отношений выполняет социальную роль, связанную с социальной защищенностью сельского населения. Поэтому финансовая поддержка хозяйств населения, малых форм хозяйствования должна быть главным приоритетом. Считаем, что намечаемая Министерством сельского хозяйства и потребительского рынка Республики Коми отмена субсидий личным подсобным хозяйствам и низкотоварным фермерским хозяйствам малообоснованна.

В качестве источника финансового обеспечения сельского хозяйства могут выступать средства природоресурсных предприятий. Для этого следует пересмотреть корпоративную политику ресурсных компаний с их стремлением вывести непрофильные активы за баланс своего бизнеса. Подсобное сельское хозяйство внутри промышленных предприятий желательно восстановить хотя бы в минимальных размерах и финансировать его за счет прибыли добывающих компаний.

Затраты из прибыли на создание аграрного производства необходимо освободить от налогов.

Чтобы привлекать квалифицированных специалистов в агропромысловое хозяйство, государство должно создать для них необходимые условия жизни. Сейчас в Коми предусмотрена помощь начинающим специалистам, которые изъявили желание работать в сельскохозяйственной отрасли, в размере 500 тыс. руб., для рабочих кадров – 300 тыс. руб. Выпускникам вузов, прибывшим на работу в аграрный сектор, целесообразно установить единовременные субсидии в размере 1 млн. руб., техникумов – 600 тыс. руб. Молодым специалистам необходимо установить зарплату выше средней по региону, предоставить дешевую ипотеку (1–2%). В свою очередь, молодой специалист должен отработать в сельской местности не менее пяти лет.

Поддержка сельского хозяйства связана с усилением роли льготного кредита и его доступности малым и средним формам хозяйствования на селе. Льготный кредит (по ставке 1,5–3%) на строительство и модернизацию животноводческих помещений в условиях Севера и Арктики следует предоставлять на 20–25 лет, на приобретение оборудования – на 6-8 лет.

Совершенствование государственного регулирования аграрной сферы связано с выполнением государством функции индикативного планирования. Государственным органам следует доводить до сельхозтоваропроизводителей желательные объемы производства и закупок продукции, информировать их о ценах на рынках. А производители с учетом доведенных индикаторов самостоятельно формируют свои производственные программы. Очень важно, чтобы индикативные планы для сельхозтоваропроизводителей сопровождались формированием необходимых объемов субсидий.

Одним из инструментов господдержки аграрной сферы является ценовое регулирование. В целях снижения колебаний цен на аграрную продукцию потребуется переход к закупкам сельхозпродукции по заранее объявленным гарантированным ценам. Особенно актуально государственное регулирование цен на материальные ресурсы и тарифы на электроэнергию, которые для сельхозпроизводителей значительно выше, чем в промышленности.

Особая роль в сельском развитии принадлежит усилению роли сельских муниципальных образований. В настоящее время местное самоуправление сельских районов и поселений не располагает собственной финансовой базой для выполнения социальных функций, модернизации инфраструктуры села и стимулирования сельской экономики. Действующая система распределения налогов позволяет формировать бюджеты муниципалитетов с полностью сельским населением (Ижемский, Койгородский, Корткеросский, Прилузский, Сыктывдинский, Сысольский, Усть-Куломский и Усть-Цилемский) за счет налоговых доходов лишь на 20–30%. Дефицит бюджетов покрывается за счет субвенций, дотаций и субсидий. Сейчас их доля в доходной части бюджетов сельских муниципальных образованиях колеблется от 69 до 79%.

Развитие предпринимательства на территории сельских поселений, способствующее созданию рабочих мест, увеличению зарплаты, собственных доходов муниципалитетов, потребует расширения полномочий местного самоуправления. Расширение функций сельских муниципалитетов может происходить за счет:

- закрепления за ними обязательной разработки стратегий, программ и стратегических планов развития территорий сельских поселений;

- создания кредитных кооперативов, муниципальных фондов сельского развития, сберкасс и других финансовых организаций;
- закрепления за сельскими муниципалитетами земельных участков (сельхозугодий, лесов), находящихся в государственной собственности на их территории;
- наделения муниципалитетов правом пользования общераспространенными полезными ископаемыми на землях, расположенных на территории сельских муниципалитетов;
- расширения налоговой базы сельских муниципалитетов.

Особое значение в устойчивом развитии сельских территорий принадлежит стратегическому управлению. Стратегическое управление позволит выбрать приоритетные направления развития сельской экономики и сельской инфраструктуры, способствующие устойчивому и сбалансированному территориальному развитию, максимальному использованию природного и трудового потенциала, сокращению существенных различий в социально-экономическом развитии муниципальных образований, повышению уровня и качества жизни сельского населения, выполнению селом многочисленных народнохозяйственных функций, обеспечению продовольственной независимости страны.

В основе подхода к формированию стратегического управления должны лежать следующие положения:

- правовое и организационное обеспечение стратегий;
- определение финансовых источников и порядка их эффективного использования;
- организация сотрудничества между государственными структурами и местным самоуправлением в разработке и реализации муниципальных стратегий и программ;
- участие хозяйствующих субъектов сельской экономики, граждан, общественных организаций, экспертов и научного сообщества в разработке и мониторинге стратегий.

При разработке стратегий и программ важно учитывать природные, экономические, демографические и социальные особенности сельских муниципалитетов. Эти документы должны быть адаптированы к сельским и пригородным районам.

Подводя итог, можно констатировать, что сейчас политика сельского развития ориентирована на сочетание отраслевого и территориального подхода, дополняющих друг друга. Инструментом сельского развития являются национальные и региональные стратегии и программы. Однако эти документы не решают комплексно проблемы устойчивого развития сельских территорий, объемы финансовых ресурсов не соответствуют заявленной цели обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения. В них отсутствуют четкая региональная социальная политика, механизмы занятости и повышения доходов сельского населения. К участию в подготовке к мониторингу стратегий и программ не привлекаются научное и экспертное сообщество, хозяйствующие субъекты сельской экономики, общественные организации, сельские жители.

Повышение уровня и качества жизни сельского населения связано с устойчивым ростом сельской экономики, максимальным использованием всех имеющихся на сельских территориях ресурсов. Для этого потребуется развитие сельскохозяйственных и несельскохозяйственных видов деятельности, строительство сельских дорог, модернизация инженерной и социальной инфраструктуры, оказание приоритетной

государственной поддержки малым и средним формам хозяйствования, расширение полномочий сельских муниципальных образований, укрепление их собственной финансовой базы.

Библиографический список

1. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. И. Храмовой. Совместное издание Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и Business Media of the Sole 24 Ore, 2010. 272 с.
2. Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. European commission. Brussels, 2010. [Электронный ресурс]. URL:http //eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri;=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF (дата обращения: 20.02.2020).
3. Rural development opportunities for supporting employment and associated social inclusion Employment and Social Inclusion. EU Rural Review. The Magazine from the European Network for Rural Development, 2010, № 6. p. 6-13.
4. Rural White Paper Action Plan. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dardni.gov.uk/rural-white-paper-action-plan.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

Информация об авторе

Иванов Валентин Александрович (Россия, Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения РАН» (167982, Россия, Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26; ivanova@iespn.komisc.ru).

Ivanov V. A.

MECHANISMS OF RURAL DEVELOPMENT IN THE NORTHERN REGION

***Abstract**. The paper assesses the financial security of rural development. the volumes, directions and shortcomings of financial support for agriculture are revealed. The main directions of improving the state policy of rural development related to strengthening the role of the state in the modernization of rural infrastructure and sustainable development of the agricultural sector are proposed.*

***Key words:** rural development, rural territories, agricultural sector, financial support, development mechanisms, Komi Republic.*

Information about the author

Ivanov Valentin A. (Russia, Syktyvkar) – doctor of Economics, Professor, Institute of socio-economic and energy problems of the North FITZ Komi scientific center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, laboratory of environmental Economics, chief research officer (67982, Russia, Syktyvkar, GSP-2, Kommunisticheskaya str., 26; ivanova@iespn.komisc.ru).

References

1. Mantino F. Rural development in Europe. Politics, institutions and local actors from the 1970 years to the present day / translation from Italian I. Temple. Joint publication of the Food and agriculture organization of the United Nations and Business Media of the Sole 24 Ore, 2010. 272 p.

2. Europe 2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. European commission. Brussels, 2010. URL:http //eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri;=COM:2010:2020: FIN:EN:PDF (date of request: 20.02.2020).
3. Rural development opportunities for supporting employment and associated social inclusion Employment and Social Inclusion. EU Rural Review. The Magazine from the European Network for Rural Development, 2010, № 6. p. 6-13.
4. Rural White Paper Action Plan. URL: http://www.dardni.gov.uk/rural-white-paper-action-plan.pdf (date of request: 20.02.2020).

УДК 338.2

Канищева Н.А., Тошкина А.А.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

***Аннотация**. В статье рассмотрены характеристики цифровой экономики и правительственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», перспективы внедрения цифровой экономики во все сферы общественной жизни. Также рассмотрены проблемы, которые могут возникнуть после внедрения цифровой экономики.*

***Ключевые слова:** информационные технологии, рынок, социально-экономические системы, цифровая экономика, эфемерное управление.*

Ощутимое снижение уровня экономической безопасности России актуализировало проблему поиска новых способов экономического развития. На смену системе экспортно-сырьевой зависимости должна прийти экономика, несущая инновационную цифровую ориентацию. Целью исследования является изучение процесса внедрения цифровой экономики в России, перспектив развития цифровой экономики и проблем, которые могут возникнуть при её внедрении.

По словам Президента России, «формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкурентоспособности отечественных компаний, позиций страны на мировой арене на долгосрочную перспективу».

Термин «цифровая экономика» возник относительно недавно. Появлению данного термина способствовали реформы в российской экономике и выявление новых путей развития страны.

Цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровой форме. Также цифровая экономика способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, созданию и применению информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы [2]. Впервые применил термин «цифровая экономика», а также определил концепцию американский информатик Н. Негропонте в 1995 году. Он впервые определил недостатки материальных веществ, использующихся в качестве сырья и продуктов. К ним относятся: физический вес продукции, потребность в ресурсах для ее производства, в использовании площадей для ее хранения, логистические издержки и проблемы, связанные с транспортировкой товаров. При этом преимуществами перевода экономики на цифровой уровень могут стать: отсутствие физического веса продукции, заменяемого информационным объемом, более низкие затраты ресурсов на производство электронных товаров, в несколько раз меньшая площадь, занимаемая продукцией (как правило, электронными носителями), а также мгновенное глобальное перемещение товаров через сеть Интернет [4].

После этого проводились неоднократные исследования по данному вопросу российскими и зарубежными авторами. Активный рост исследований и публикаций по данному вопросу связан с принятием правительственного распоряжения №1632 «Цифровая экономика в Российской Федерации» от 28.07.2019 и нескольких сопутствующих документов. Анализируя данное распоряжение, важно упомянуть, что оно охватывает все разделы экономики и сферу социальных услуг, а также предусма-

тривает подготовку профессиональных кадров и повышение компьютерной грамотности всех слоев населения.

Согласно данной программе, цифровая экономика делится на три уровня:

- рынки и отрасли, где производится внедрение цифровых технологий;
- платформы и технологии, позволяющие провести внедрение цифровой экономики;
- среда, которая создает условия для развития платформ и технологий, а также эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики [2].

В программе представлены три цели, реализация которых дает широкие перспективы для развития эффективности российской экономики и повышения конкурентоспособности на глобальном рынке как отдельных отраслей экономики Российской Федерации, так и экономики в целом [2]. Последнее как раз и является третьей целью Программы.

С точки зрения государства цифровая экономика обеспечивает реализацию интересов, представленных на рисунке.

Как показано на *рисунке*, цифровая экономика рассматривается с позиции образования новых рынков на базе использования информационно-коммуникационных технологий. Это позволит ускорить рост российской экономики на базе высокотехнологичных отраслей. Важной составляющей цифровой экономики считается обеспечение защиты интересов граждан, организаций, а также национальной безопасности в сфере информации, передачи и обработки данных. Все эти задачи в целом позволят усилить роль страны на международной арене.

Государственные интересы в сфере цифровой экономики

Говоря о перспективах цифровой экономики, их можно классифицировать на две группы: глобальные перспективы для развития государства и усиления его роли в мировом сообществе; частные перспективы, касающиеся граждан, пользователей товаров и различных услуг.

К глобальным перспективам относится в первую очередь более эффективное управление государством. В экономической литературе встречается термин «эфемерное управление». Оно характеризуется как управление с применением эфемерных программ роста экономики, производительности труда и возрождения индустрии, регулирование и коррекция которых происходит на основе интуиции [3]. Данная проблема касается не только России, но и большинства стран мирового сообщества. Переход к цифровой экономике во всех отраслях государства приведет к эффективной обработке больших объемов финансовой, экономической информации, позволяющей наиболее эффективно перераспределять финансы и ресурсы в рамках государства для обеспечения значительного социально-экономического роста. Данную программу сравнивают по значимости с всеобщей электрификацией страны в начале XX века. Из предыдущей глобальной перспективы, а именно повышения эффективности управление государством, выходит следующая перспектива – уменьшение числа управленцев, уменьшение объема их работы и роли в управлении государством. Это приведет к значительному снижению расходов на управляющий государством аппарат.

К глобальным перспективам также можно отнести оптимизацию системы образования, когда появится возможность четкого планирования образовательного процесса, которое позволит оценить общественную потребность в различных непопулярных профессиях.

Наряду с глобальными перспективами можно выделить ряд преимуществ цифровой экономики для граждан, которые являются потребителями товаров и услуг. Появилась возможность быстрого получения товара или услуги, отсутствует необходимость ожидания. Очевидно уменьшается стоимость товара, так как производители не расходуют средства на логистику и хранение товаров. К тому же ресурс электронных товаров практически неисчерпаем, в отличие от материальных, доступ к ним и выбор значительно облегчены. Это в конечном итоге приводит к повышению качества жизни населения [1].

Внедрение цифровой экономики как в России, так и за рубежом связано с определенными проблемами. Часть из них представлена в самой программе «Цифровая экономика Российской Федерации». К ним относятся: дефицит подготовленных кадров и кадров в образовательных учреждениях.

Требуется переработка имеющихся образовательных программ и стандартов. Это является значительной проблемой, так как изменения необходимо провести во всех вузах в рамках страны, обработать и стандартизировать программы. Необходимо гармонично интегрировать студентов и программы их обучения в создаваемую цифровую среду [2]. Также в Программе говорится о том, что требуется стандартизировать обработку данных, создать адекватные по объему хранилища данных, обеспечить их бесперебойное функционирование для создания условий, при которых цифровые данные утерять невозможно, создать инструменты для оценки оказываемых услуг [2].

Анализ проблем цифровой экономики также показал, что ее внедрение во все сферы социальной и хозяйственной деятельности может разрушить национальный суверенитет страны. Данный факт эксперты связывают с развитием большинства технологий на базе зарубежных цифровых платформ [1].

Также из числа проблем можно выделить то, что может произойти резкое снижение числа рабочих мест среди профессий низкой квалификации, что приведёт к увеличению безработицы. Для решения данной проблемы должны быть продуманы пути профессиональной переподготовки и трудоустройства данных граждан.

Еще одной большой проблемой цифровой экономики является безопасность данных. Несостоятельность системы безопасности может привести к увеличению цифровых экономических преступлений. Исходя из этого для внедрения цифровой экономики должна быть разработана новейшая система безопасности.

Важно отметить, что внедрение цифровых технологий в экономическую и социальную сферы неизбежно. Это прогрессивная и очень важная часть современной жизни, которая принесет массу изменений в существующий социум. К преимуществам внедрения цифровых технологий можно отнести: изменение системы управления государством, переход с эфемерной модели, основанной на интуиции, к серьезному планированию и моделированию социальной и хозяйственной сфер; переход от экономики, ориентированной исключительно на прибыль, которую, по сути, составляют только денежные потоки между государством, бизнесом и торговлей, к развитию экономики, ориентированной на человека и его комфортную и безопасную среду. Несомненным преимуществом также является снижение стоимости товаров, повышение их доступности и улучшение качества жизни людей.

Библиографический список

1. Караман О.В., Амирова Н.Р. Цифровая экономика: её роль в экономике, особенности и риски развития // Экономическое развитие в XXI веке: тенденции, вызовы и перспективы: сб. научн. тр. VI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 2018. С. 161-165.
2. Цифровая экономика Российской Федерации: государственная программа: утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. №1635-р.
3. Соложенцев Е.Д. Цифровое управление государством и экономикой // Управление и планирование в экономике. 2018. №1 (17). С. 136-153.
4. Юмаев Е.А. Инновационно-промышленная политика в свете перехода к индустрии 4.0: зарубежные тенденции и вызовы для России // Журнал экономической теории. 2017. № 2. С. 181–185.

Информация об авторах

Канищева Наталья Андреевна (Россия, Великий Новгород) – кандидат экономических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; knat007@yandex.ru).

Тошкина Алена Андреевна (Россия, Великий Новгород) – студентка, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; roshechra@mail.ru).

Kanischeva N.A., Toshkina A.A.

PERSPECTIVE AND PROBLEMS OF INTRODUCING DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA

Abstract. *The article discusses the characteristics of the digital economy and the government program "Digital Economy of the Russian Federation", the prospects for introducing the digital economy in all spheres of public life. The problems that may arise after the introduction of the digital economy are also considered.*

Key words: *information technology, market, socio-economic systems, digital economy, ephemeral management.*

Information about the authors

Kanishcheva Natalya A. (Russia, Veliky Novgorod) – PhD in Economics, docent, Yaroslav the Wise Novgorod State University (ul. B. St. Petersburgskaya, 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia; knat007@yandex.ru).

Toshkina Alena A. (Russia, Veliky Novgorod) – student, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise (ul. B. St. Petersburgskaya, 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia; roshechra@mail.ru).

References

1. Karaman OV, Amirova N.R. Digital economy: its role in the economy, features and development risks // Economic development in the XXI century: trends, challenges and prospects: Sat. scientific tr VI International scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists. 2018. S. 161-165.
2. The program "Digital Economy of the Russian Federation" approved by order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 № 1635-r.
3. Solozhentsev E. D. Digital management of the state and the economy // Management and planning in the economy. -2018. -№1 (17). FROM. 136-153.
4. Yumaev E.A. Innovative-industrial policy in the light of the transition to industry 4.0: Foreign trends and challenges for Russia // Journal of Economic Theory. 2017. № 2. C. 181–185.

УДК 330.341

Лапцова Е.С.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКОГО СЕКТОРА КАК СУБЪЕКТА МЕЖСЕКТОРНОГО ПАРТНЁРСТВА

***Аннотация**. В современных условиях активное развитие получают двух- и трехсекторные виды межсекторного партнёрства, которые реализуются в целях развития территорий с применением различных инструментов. При этом вопросы взаимодействия некоммерческого сектора с другими участниками партнёрства сегодня представляют собой самостоятельную теоретическую и практическую проблему.*

В статье затрагиваются значимые аспекты развития некоммерческого сектора как участника межсекторного партнёрства.

***Ключевые слова:** некоммерческий сектор, бизнес, власть, межсекторное партнёрство, межсекторное взаимодействие.*

Практики межсекторного взаимодействия в России развиваются в последние годы достаточно интенсивно и способствуют более эффективному решению проблем регионов, устойчивому региональному развитию. Российский некоммерческий сектор уже сейчас играет заметную роль в социально-экономической жизни страны, выступая источником различных социальных инноваций. Однако межсекторное партнёрство в России на сегодняшний день не достигло должного уровня развития. Это вызвано тем, что потенциал некоммерческих организаций остается существенно не раскрытым, механизм межсекторного партнёрства требует совершенствования.

Проведённый нами анализ отечественного зарубежного опыта реализации практик межсекторного партнёрства показал, что в настоящее время последнее рассматривается со следующих позиций:

– с точки зрения решения региональных проблем, развития территории;

– с точки зрения согласования целей участников партнёрства, получаемых ими выгод;

– с точки зрения развития каждой подсистемы региональной системы в отдельности (бизнеса, власти и некоммерческого сектора), их готовности к взаимодействию с другими подсистемами.

Значение сектора НКО породило в исследовательской среде большое количество публикаций, часть из которых посвящена проблемам развития сектора. При этом изучению готовности некоммерческого сектора к взаимодействию с другими субъектами межсекторного социального партнёрства (МСП), на наш взгляд, уделяется незначительное внимание. В связи с этим в данном исследовании была предпринята попытка осветить проблемы развития некоммерческого сектора как субъекта МСП, сформировать более чёткое представление о некоммерческом секторе применительно к межсекторному партнёрству.

Целью данного исследования является анализ и оценка проблем развития некоммерческого сектора как участника межсекторного партнёрства.

В целом выделяют следующие виды взаимодействий секторов: 1) взаимодействие государственного и коммерческого сектора; 2) взаимодействие государственного и некоммерческого сектора; 3) взаимодействие коммерческого и некоммерческого сектора; 4) взаимодействие государственного, коммерческого и некоммерческого секторов [3, с. 83].

Партнерское взаимодействие власти и бизнеса выступает эффективным механизмом привлечения ресурсов субъектов хозяйствования для решения задач развития территорий [4, с. 15].

В то же время модели взаимодействия власти и бизнеса с некоммерческим сектором имеют значительный потенциал развития и реализуются с применением таких перспективных инструментов, как волонтёрство, корпоративная социальная ответственность, социальное предпринимательство, фандрайзинг, краудфандинг, краудсорсинг и др.

Генезис теоретических представлений о некоммерческих организациях как субъектах социально-экономического развития позволяет выделить ряд присущих некоммерческому сектору особенностей.

В целом складывающаяся в России картина удельного веса третьего сектора в экономике похожа на ситуацию во многих странах с развивающимися рынками. Это можно объяснить тем, что совершенно недавно третьего сектора не существовало, в стране господствовала государственная собственность. Вместе с тем Россия кардинально отличается от большинства развивающихся стран с точки зрения ключевых факторов, способствующих росту некоммерческого сектора. В частности, российское общество очень образованно, оно характеризуется высоким уровнем урбанизации. Кроме того, ещё с советских времён общество привыкло к возможности пользоваться сравнительно большим объемом социальных услуг. Ранее эти услуги предоставлялись государством, а в настоящее время часть функций берёт на себя некоммерческий сектор. Позитивную роль при этом играют и богатые традиции благотворительности, существовавшие в стране до революции 1917 года. Однако экономическое воздействие данных факторов, по крайней мере, с позиции количественных показателей, до настоящего времени не очень заметно [1, с. 30-31].

Исследователи отмечают, что теоретическая концепция третьего сектора в нашей стране в настоящее время находится на стадии формирования [2, с. 5].

При этом важно выделять отличия понятий «общественная организация», «неправительственная организация», «негосударственная некоммерческая организация», «некоммерческая организация». Проведенный анализ (*табл. 1*) показывает, что они не являются синонимами.

Таблица 1. Отличия в понятиях организаций третьего сектора

Понятие	Характеристика
«Общественная организация»	Термин чаще всего используется для характеристики третьего сектора в повседневной жизни, в публицистике. Данный термин был введен в оборот в 1930-х гг. в нашей стране.
«Неправительственная организация»	Термин используется чаще всего в политических кругах, в СМИ, в среде правозащитников. Применяться стал в нашей стране с конца 1990-х гг. Он подчеркивает независимость организаций гражданского общества от власти.
«Негосударственная некоммерческая организация»	Такого рода организации, во-первых, не инкорпорированы в государственную/муниципальную структуру и, во-вторых, не нацелены на получение прибыли с целью ее распределения между учредителями, членами и участниками организации. Термин стал использоваться специалистами лишь со второй половины 1990-х гг.
«Некоммерческая организация»	Термин используется для идентификации организаций некоммерческого сектора экономики, без акцента на государственном или негосударственном статусе. Он обозначает группу организаций более широкую, чем третий сектор как сегмент гражданского общества.

* Составлено автором на основе [2].

Говоря о границах третьего сектора, исследователи отмечают, что процессы коммерциализации некоммерческих организаций и тесные связи благотворительности и бизнеса (в случаях корпоративной благотворительности и корпоративной

социальной ответственности) стирают границы между третьим сектором и вторым (коммерческим) сектором. Первый и третий секторы также становятся ближе друг к другу за счет взаимодействия организаций третьего сектора с государственными и муниципальными учреждениями. Формализация деятельности НКО, бюрократизация крупных НКО делают их более похожими на организации первых двух секторов. Принадлежность некоторых НКО, хотя и являющихся негосударственными некоммерческими, к третьему сектору не является очевидной (это касается, например, товариществ собственников жилья и потребительских кооперативов) [2, с. 9].

В связи с гибким положением некоммерческого сектора в трехсекторной модели общества и недостаточной чёткостью в отделении его от двух других секторов – государственного и коммерческого – некоторые учреждения не могут быть однозначно отнесены к некоммерческому сектору, а находятся на границе секторов.

Рассмотрим данный аспект на примере Вологодской области. Так, например, такие субъекты, как Правительство Вологодской области и Законодательное Собрание Вологодской области, полноправно попадают в область «государственный сектор». При этом не все бизнес-организации входят в границы «коммерческого сектора» (2). Часть из них (в особенности те из них, что реализуют крупные КСО-программы) занимает промежуточное положение между коммерческим и некоммерческим секторами (2–3).

Ряд учреждений культуры, например БУК ВО «Центр народной культуры», БУК ВО «Вологодский областной театр юного зрителя» и др., с одной стороны, согласно Уставу, являются некоммерческими организациями, с другой стороны, их учредителем является орган власти – Департамент культуры и туризма Вологодской области. В связи с этим данные организации могут быть отнесены в область (1–3) – взаимодействие государственного (1) и некоммерческого сектора (3). АНО «Инвестиционное агентство Вологодской области», учредителем которой является Департамент экономического развития Вологодской области, может быть отнесена к взаимодействию государственного (1), коммерческого (2) и некоммерческого (3) секторов.

В *таблице 2* нами приведены примеры и типы организаций с точки зрения их принадлежности к типу секторального взаимодействия. Полученные данные позволяют сформировать более чёткое представление о некоммерческом секторе как участнике межсекторного партнёрства.

Таблица 2. Соотнесение организаций с типами секторального взаимодействия

Сектор, вид взаимодействия	Типы организаций, входящих в данную область	Примеры организаций
Государственный сектор (1)	Государственные органы управления: законодательная, исполнительная, судебная власть	Правительство Вологодской области, Законодательное Собрание Вологодской области
Коммерческий сектор (2)	Малый, средний, крупный бизнес	ООО Вологодская кружевная фирма «Снежинка», ЗАО «Вологодский хлебокомбинат»
Некоммерческий сектор (3)	Негосударственные некоммерческие организации	Некоммерческая организация «Фонд поддержки гражданских инициатив», Вологодское региональное отделение Всероссийского общества слепых, Газета «Гражданское содружество» ФПГИ
Взаимодействие государственного (1) и коммерческого сектора (2)	Малый, средний, крупный бизнес с государственным участием	ОАО «Вологодский оптико-механический завод»

Окончание таблицы 2

Сектор, вид взаимодействия	Типы организаций, входящих в данную область	Примеры организаций
Взаимодействие государственного (1) и некоммерческого сектора (3)	Некоммерческие организации	БУК ВО «Вологодский областной театр юного зрителя», БУ СО ВО «Территориальный центр социальной помощи семье и детям города Вологды», Вологодская областная газета «Красный Север»
Взаимодействие коммерческого (2) и некоммерческого сектора (3)	Малый, средний, крупный бизнес, реализующий КСО-программы. СМИ	ПАО «Северсталь», Аптечная сеть «Социальная аптека», Информационно-рекламная газета «Наша Вологда», Газета «ГородокЪ+»
Взаимодействие государственного (1), коммерческого (2) и некоммерческого (3) секторов	Некоммерческие организации, которые инкорпорированы в государственную структуру и нацелены на получение прибыли	АНО «Инвестиционное агентство Вологодской области»

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить, что существующая в настоящее время модель межсекторного социального партнерства характеризует виды взаимодействия между секторами с точки зрения уровня развития каждой подсистемы региональной системы отдельно (бизнеса, власти и некоммерческого сектора), их взаимодействия с другими подсистемами.

В настоящее время можно выделить ряд проблем, затрудняющих развитие некоммерческого сектора, среди которых низкий уровень доверия к НКО, отсутствие поддержки, интереса со стороны властей, бизнес-структур, нехватка рекламно-информационного сопровождения проектов, проблемы в работе со СМИ, отсутствие интереса со стороны целевых аудиторий потребителей услуг, общая пассивность в решении социальных задач и пр.

Для их решения необходимо рассматривать некоммерческие организации в качестве активных участников межсекторного партнёрства. В новых условиях власти необходимо определиться со своей позицией в партнёрстве и учитывать все возможности некоммерческого сектора в решении задач развития территорий. На региональном уровне требуется разработка системы выгод, которая позволила бы каждому участнику партнёрства осознать преимущества участия в таком взаимодействии. Также необходимо использовать уникальные ресурсы и возможности некоммерческого сектора.

В заключение отметим, что межсекторное социальное партнёрство, основанное на совпадении интересов бизнеса, власти и некоммерческого сектора, может стать стратегическим ресурсом для решения проблем региональных социально-экономических систем. При этом некоммерческий сектор имеет мощный потенциал решения проблем в социальной сфере, представления и координации интересов различных групп граждан.

Библиографический список

1. Лившин А.Я. Некоммерческий сектор в России и мире: современные проблемы экономики и управления // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2005. № 4. С.23-42.
2. Мерсиянова И.В. Третий сектор: определение, терминология, границы, данные исследований и тенденции развития / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2011. 42 с.
3. Озина А. М., Чернышов А. М. Концептуальный аспект формирования механизма регулирования социально-экономических отношений в сфере услуг на основе социального партнерства // Вестник НГИЭИ. 2017. № 2 (69). С. 82–89.

4. Ускова Т.В., Копытова Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: состояние и инструменты развития // Проблемы развития территории. 2016. № 6 (86). С. 7–19.

Информация об авторе

Лапцова Евгения Сергеевна (Россия, Вологда) – аспирант, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького. д. 56а; jane-la@mail.ru).

Laptsova E.S.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE NON-PROFIT SECTOR AS A SUBJECT OF CROSS-SECTORAL PARTNERSHIP

***Abstract**. In modern conditions, two- and three-sectoral types of cross-sectoral partnerships are being actively developed, which are implemented in order to develop territories using various tools. At the same time, issues of interaction between the non-profit sector and other participants in the partnership today represent an independent theoretical and practical problem.*

The article deals with significant aspects of the development of the nonprofit sector as a participant in cross-sectoral partnership.

***Key words:** non-profit sector, business, government, cross-sectoral partnership, cross-sectoral interaction.*

Information about the author

Laptsova Evgenia S. (Russia, Vologda) – graduate student of the Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Russia, 160014, Vologda, ul. Gorky, d. 56a; jane-la@mail.ru).

References

1. Livshin A.Ya. Non-profit sector in Russia and the world: modern problems of economics and management // Bulletin of Moscow University. Ser. 21. Management (state and society). 2005. № 4. P. 23-42.
2. Mersiyanova IV, The third sector: definition, terminology, boundaries, research data and development trends [Text] / I.V. Mersiyanov; Nat researched University “Higher School of Economics”. M.: HSE, 2011. 42 p.
3. Ozina A. M., Chernyshov A. M. The conceptual aspect of the formation of a mechanism for regulating socio-economic relations in the service sector on the basis of social partnership // Herald of the NGII. 2017. №. 2 (69). S. 82–89.
4. Uskova T.V., Kopytova E.D. Social responsibility of business: state and development tools // Problems of territory development. 2016. № 6 (86). S. 7–19.

УДК 338.012

Литвинчук А.А.

ФАКТОРЫ РИСКА, ВЛИЯЮЩИЕ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

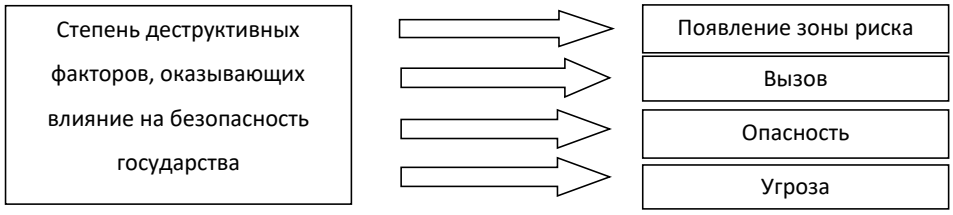
***Аннотация**. В статье рассматриваются проблемы обеспечения безопасности Республики Беларусь. Приведен ряд факторов, оказывающих влияние на социо-экономико-экологическую устойчивость региона. Выявлена зависимость конкурентоспособности региона внутреннего и внешнего характера в экологической сфере с учетом риск-ситуаций.*

***Ключевые слова:** безопасность, факторы, внутренние и внешние угрозы, «зеленая» экономика.*

Обеспечение устойчивого развития и повышение конкурентоспособности любой государственной системы, в том числе и ее регионов, связано с противодействием угрозам и вызовам со стороны внешней и внутренней среды.

Мировой финансовый кризис выдвинул обеспечение национальной безопасности в число самых актуальных задач, которые должны решаться при формировании политики государства.

Потребности обеспечения безопасности формируются под влиянием целого ряда факторов, среди которых в современной науке выделяют несколько ступеней (*рисунок*): появление зоны риска – вероятность возникновения обстановки, способны породить опасность; вызов – провокационные действия или средства давления; опасность – реальная возможность причинить зло, нанести ущерб; угроза – намерение нанести ущерб.



Деструктивные факторы, оказывающие влияние на экологическую безопасность региона

Источник: собственная разработка на основе [4].

В настоящее время для обоснования четких и наиболее значимых путей укрепления безопасности любого государства, в том числе и Республики Беларусь, определения тех сил, которые ее обеспечивают для повышения конкурентоспособности, важно выделить основные современные опасности и угрозы как внешнего, так и внутреннего характера.

В международных отношениях Беларусь сталкивается со стремлением промышленно развитых стран, крупных иностранных корпораций использовать ситуацию в Беларуси и странах СНГ в своих экономических и политических интересах. Для того чтобы противостоять давлению из вне и своевременно предотвратить реальные внешние опасности и угрозы, их необходимо четко выявить. Наиболее серьезными в современных условиях, по нашему мнению, являются: значительный внешний долг и связанное с этим увеличение расходов бюджета на его погашение, а также усиление попыток использовать его в качестве давления при принятии важнейших экономических и политических решений; усиливающееся завоевание иностранны-

ми фирмами внутреннего рынка Беларуси и, как следствие, возрастание зависимости нашей страны от импорта многих, в том числе и стратегических, видов товаров; дискриминационные меры ряда международных организаций и зарубежных стран во внешнеэкономических отношениях с Беларусью, протекционистская политика по отношению к нашей стране, вытеснение белорусских предприятий с традиционных внешних рынков, особенно военной и машиностроительной продукции; скупка иностранными фирмами наших предприятий с целью контроля над ними и создания условий для обеспечения собственного успеха в конкурентной борьбе как на внешнем, так и на внутреннем рынках; необустроенность таможенной границы и недостаточный экспортный и валютный контроль; неразвитость инфраструктуры экспортно-импортных операций и т.д.

В последние годы особую важность для безопасности государства представляют внутренние опасности и угрозы. К ним следует отнести: структурную и отраслевую деформированность экономики, преобладание материало- и энергоемких производств, недостаточное развитие сферы услуг; невысокий удельный вес высокотехнологичной наукоемкой продукции и медленное обновление продукции; отставание разведки запасов полезных ископаемых от масштабов их добычи, низкий уровень самообеспечения сырьевыми и энергетическими ресурсами; низкая конкурентная способность отечественной продукции; высокие административные барьеры для развития бизнеса предпринимательской активности; рост неплатежей в экономике вследствие дефицита собственных оборотных средств и высокого удельного веса убыточных субъектов хозяйствования; криминализация экономики, рост коррупции, сращивание некоторых чиновников государственных органов с организованной преступностью, возможность доступа криминальных структур к управлению частью производства и их проникновение в различные властные структуры; ослабление системы государственного контроля, что привело к расширению деятельности криминальных структур на финансовом рынке, в сфере приватизации, экспортно-импортных операций и торговли; сокрытие доходов, уклонение от уплаты налогов и т.д. [2].

Рассматривая сущность безопасности государства, основные факторы ее обеспечения, угрозы как внешнего, так и внутреннего характера и их особенности, возникшие риск-ситуации, необходимо определить их влияние на окружающую природную среду, на обеспечение безопасности и повышение конкурентоспособности Республики Беларусь.

Следует особенно отметить, что в первом десятилетии XXI века наблюдается дальнейшее обострение влияния глобальных экологических проблем на характер мирового экономического развития различных государств. Во многих отраслях народного хозяйства экологический фактор является особенно определяющим в производствах, где задействованы природные ресурсы, что в полной мере относится и к Республике Беларусь.

Под экологическим фактором, исходя из многочисленных трактовок этого понятия различными авторами, подразумевается следующее: это определенные условия и элементы сферы обитания, оказывающие какое-либо воздействие на живой организм, отличающиеся значительной изменчивостью как во времени, так и пространстве и классифицирующиеся по характеру воздействия, происхождению, расходованию, направленности. Влияние экологического фактора проявляется во всех процессах жизнедеятельности организма, обеспечивая возможность его существования, выживания и размножения [3, с. 21].

В этом плане особую актуальность приобретает проблема загрязнения окружающей среды и, как следствие, истощения природных ресурсов, что связано с угрозой самой жизни населения и возможностями развития последующих поколений. Особое внимание при этом необходимо обратить на проблему глобального потепления, которая в сочетании с политическими и социальными причинами ведет к дестабилизации ситуации в отдельных регионах и возрастанию угроз. Так, для Республики Беларусь, несмотря на сложившуюся положительную ситуацию в экологической сфере республики, необходимо учитывать *ряд факторов*, создающих угрозу безопасности [1]:

- стихийные бедствия (наводнения, засухи, ураганы, смерчи, землетрясения, магнитные бури и др.), а также чрезвычайные ситуации техногенного характера (аварии, катастрофы, взрывы и т.п.);
- наличие атомных электростанций (АЭС), захоронение ядерных отходов на сопредельных с Республикой Беларусь территориях;
- радиационное заражение природной среды в результате катастрофы Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС);
- функционирование на территории республики объектов повышенного риска (предприятия химической промышленности, нефтепроводы, газопроводы, продуктопроводы, захоронения высокотоксичных и радиоактивных отходов и др.) и их размещение вблизи жилых зон и систем жизнеобеспечения;
- выбросы, сбросы и отходы промышленного производства;
- низкая технологическая надежность систем управления и обеспечения безопасности в промышленности, энергетике, сельском хозяйстве и на транспорте;
- недостаток современных технологий промышленного и сельскохозяйственного производства, износ технологического оборудования потенциально опасных объектов;
- низкий уровень экологической культуры.

С учетом вышеперечисленных факторов можно сформулировать внешние и внутренние угрозы в экологической сфере. К *внешним угрозам* относятся [2]:

- глобальные изменения окружающей природной среды, связанные с изменением климата, разрушением озонового слоя, сокращением биоразнообразия;
- трансграничный перенос загрязняющих веществ на территорию Республики Беларусь воздушными и водными потоками, проникновение инвазивных видов животных и растений из сопредельных стран;
- размещение вблизи границ Беларуси крупных экологически опасных объектов, захоронение ядерных отходов на сопредельных территориях.

Внутренние угрозы в экологической сфере вызваны совокупностью экономических, технологических, территориально-планировочных и иных причин. Основными из них являются:

- высокая концентрация на территории Беларуси экологически опасных объектов, их размещение вблизи жилых зон и систем жизнеобеспечения;
- опасность возникновения техногенных аварий, риск-ситуаций в связи с недостаточной инвестиционной активностью и высокой степенью износа основных фондов;
- незавершенность в производственном комплексе технологических циклов по полной переработке сырья, что приводит к образованию значительных объемов отходов;

- применение неадаптированных к местным природным условиям технологий обработки земель, вызывающее деградацию почв и природных комплексов;
- нарушение экологического равновесия и водного баланса территорий вследствие осушения болот и изменения местного климата;
- недостаточное развитие правовых и экономических механизмов обеспечения экологической безопасности, систем учета природных ресурсов и качества окружающей среды.

Поэтому дальнейшее развитие общества требует необходимости рационального, разумного использования природных ресурсов, охраны окружающей среды, изменения взглядов в направлении учета экологического фактора.

Однако следует принять во внимание положительные последствия процессов глобализации для окружающей среды [4], такие как:

- реструктуризация экономик развивающихся стран с учетом повышения эффективности производства и увеличения финансирования экологичных производств;
- пересмотр природоохранного законодательства в сторону его ужесточения;
- оказание помощи развивающимся странам и их выход на мировой рынок с учетом «зеленой» продукции;
- продвижение экологически чистых товаров и технологий за пределы национальных границ, что будет способствовать минимизации угроз и усилению благоприятных последствий глобализации для окружающей среды.

Большое влияние экологический фактор оказывает на мировую торговлю в части природоохранного законодательства, которое может способствовать удорожанию продукции и, как следствие, ее экспорту, в том числе и экологически чистой продукции. Так, в настоящее время такие страны, как США, Япония, Германия, уже учитывают экологический фактор и его влияние на экономическую политику, что оказывает стимулирующее воздействие на объемы мировой торговли и расширение поставок природных ресурсов. Но вместе с тем вводимые правительствами экологические ограничения на экспорт или импорт «небезопасной» продукции (стандарты, запреты и прочее) могут оказывать негативное влияние на мировую торговлю, воздействуя на ее географию.

Все вышеизложенное требует особого подхода к решению возникающих в связи с этим проблем, необходимо выработать иную модель развития как перспективного направления государственной экологической политики – «зеленую» экономику, предусматривающую обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития при условии сохранения природного потенциала страны, снижения риска для окружающей среды и способствующую улучшению качества жизни и среды обитания.

Основными признаками новой модели являются [1, 4]:

- действенность мировых организаций и стран с учетом экономического спада;
- разработка новых и доработка существующих государственных и региональных природосберегающих направлений и требований к ним;
- значительная корректировка и обоснование принимаемых мер в области экологической политики;
- повышение уровня международного сотрудничества;
- усиление требований по охране окружающей среды международными компаниями;
- рост рынка экологических товаров и услуг;

- увеличение приоритетности инвестиционно-инновационных направлений в области защиты и охраны окружающей среды, что будет способствовать не только сохранению, но и восстановлению природного капитала как важнейшего фактора повышения благосостояния и качества жизни населения.

Библиографический список

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комис. по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол.: Я.М. Александрович [и др.]. Минск : Юнипак, 2004. 202 с.
2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь, 9 нояб. 2010 г. № 575 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2016. (дата доступа: 25.06.2016).
3. Основы экологического мониторинга: практ. пособие для бакалавров экологии / И.С. Белюченко [и др.]. Краснодар : КубГАУ, 2012. 252 с.
4. Полоник С.С., Литвинчук А.А. Влияние внутренних и внешних вызовов с учетом возникновения риск-ситуаций на экологическую составляющую конкурентоспособности региона // Новая экономика. 2015. № 2 (66). С. 222–226.

Информация об авторе

Литвинчук Анна Анатольевна (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник сектора экологических проблем, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (220072, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; litva-1986@yandex.ru).

Litvinchuk A.A.

RISK FACTORS INFLUENCING THE COMPETITIVENESS OF THE REGIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *The article discusses the problems of ensuring the security of the Republic of Belarus. A number of factors that influence the socio-economic and environmental sustainability of the region are presented. The dependence of the competitiveness of the region of internal and external nature in the environmental sphere, taking into account risk situations*

Key words: *security, factors, internal and external threats, green economy.*

Information about the author

Lytvynchuk Anna A. (Republic of Belarus, Minsk) – researcher, Sector of Environmental Problems, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (220072, Surganova St., ½; litva-1986@yandex.ru).

References

1. National Strategy for Sustainable Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for the Period Until 2020 / Nat. comis. Sustainable Development Rep. Belarus; editorial: Ya. Alexandrovich [et al.] Minsk: Unipak, 2004. 202 p.
2. On approval of the National Security Concept of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic of Belarus, November 9, 2010 №. 575 // Consultant Plus: Belarus. Technology Prof [Electronic resource] / LLC «YurSpektr», National. legal inform center. Rep. Belarus. Minsk, 2016. Access date: 06.25.2016.

3. Basics of Environmental Monitoring: Pract. allowance for bachelors of ecology / I.S. Belyuchenko [et al.]. Krasnodar: KubSAU, 2012. 252 p.
4. Polonik, S.S. The influence of internal and external challenges, taking into account the occurrence of risk situations on the environmental component of the region's competitiveness / S.S. Polonik A.A. Litvinchuk // New Economy. 2015. № 2 (66). P. 222–226.

УДК 338.32 / ББК 65.43

Малых С.В.

РЕПУТАЦИЯ ВУЗА КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности развития имиджа и репутации вуза как основы и одновременно условия территориального развития. На примере Иркутского государственного университета (ИГУ) показывается роль репутации вуза в перспективах развития территории.*

Ключевые слова: *репутация вуза, развитие территории, социальные перспективы, имидж вуза.*

Развитие репутации вуза является основой для построения устойчивого развития любого образовательного учреждения. Благодаря репутации вуза создаются основы развития территории. Репутация – это цель и одновременно ресурс любого высшего учебного заведения, так как благодаря ей абитуриенты приходят и остаются в стенах вуза.

Репутация вуза – комплексная, долгосрочная, стратегическая и одновременно историческая форма развития университета. Ее сложно сформировать, но легко утратить. Поэтому важно понимать, учитывать и использовать символическое восприятие вуза в общественном сознании жителей региона. Благодаря субъективному опыту, личным историям, услышанным повествованиям формируется определенный образ университета, который укрепляет и направляет развитие репутации вуза.

Для того чтобы понимать, через какие инструменты возможно конструировать репутацию вуза, мы провели SWOT-анализ сильных и слабых сторон формирования репутации вуза [6]. Он строится на учете положительных и отрицательных моментов развития и продвижения вуза на рынке образовательных слуг, а также учитываются возможности и угрозы развития репутации вуза в конкретных условиях (*табл. 1*).

Таблица 1. SWOT-анализ образовательных услуг вуза, влияющих на его репутацию

Положительные моменты Хорошее расположение Узнаваемый бренд Высокий профессиональный уровень педагогов Востребованность выпускников на рынке труда Высокие рейтинги по внешним и внутренним оценкам	*Отрицательные моменты* Негативная информация о вузе, об администрации вуза или его педагогах или студентах Потеря или подрыв авторитета бренда вуза Высокая оплата обучения и низкое качество знаний Несовременные специальности и технологии обучения
Возможности Введение новых специальностей, профилей и направлений; форм и видов обучения Повышение академической мобильности преподавателей и студентов Альтернативные модели и формы обучения	*Угрозы* Потеря (уход) лучших специалистов Старение специалистов Необновление научных и педагогических кадров новым поколением молодых специалистов

Также мы проанализировали образовательные услуги вуза с позиции их возможностей продвижения и воздействия на укрепление репутации вуза, для этого мы использовали STEP-анализ (*табл. 2*).

Таблица 2. STEP-анализ образовательных услуг вуза для усиления репутации вуза

Социальные Концентрация или привлечение модных, креативных, умных педагогов со всей страны или мира Усиление образовательного рынка (конкуренция между вузами) для абитуриентов, родителей, бизнеса, власти и т.д.	*Технологические* Внедрение технологий масс-медиа и иных технологических продуктов в образовательный процесс
Экономические Увеличение цен на рынке Ограничение возможностей целевых потребителей Сокращение бюджетов	*Политические* Глобализация – привлечение экспертов лекторов, консультантов, практиков со всего мира Ведение видеотрансляций лекций, занятий, практикумов и т.д.

STEP-анализ позволяет понять, какое место репутации вуза отводится в процессе взаимодействия социальных, технологических, экономических и политических факторов социального воспроизводства.

Инструменты формирования репутации вуза включают следующие этапы [1]:

1. Понимание, изучение и постоянный мониторинг целевой аудитории в отношении того, что она ждет от образования и от вуза в целом.
2. Понимание сильных и слабых сторон вуза (через SWOT- и STEP-анализ, экспертное интервью со значимыми фигурами образовательного учреждения и экспертами из внешней среды, обладающими определенным социальным капиталом (во власти, бизнесе, общественном секторе и т.д.).
3. Разработка цели репутационного образа и механизмов (этапов) его формирования.
4. Реализация стратегии (отработка мер, положений, форм реализации и проч.) репутационного образа.
5. Взаимодействие со СМИ с целью укрепления репутации вуза в общественном сознании.
6. Работа с целевыми аудиториями абитуриентов и их родителей.

Повышение репутации вуза должно строиться на следующих ключевых моментах и основных принципах:

1. Принцип системной согласованности (все структуры и подразделения работают на одну задачу, не конкурируя, а поддерживая друг друга).
2. Принцип структурного соответствия (с каждой аудиторией, в своем месте и пространстве необходимо говорить на его языке, апеллируя к аргументам уместным и необходимым для данной аудитории).
3. Принцип солидарного развития (невозможно развиваться региону, не развивая университет, верно и обратное: университет не может развиваться самостоятельно, не учитывая потребности региона).
4. Принцип комплексного мониторинга ключевых показателей рейтинга университетов страны для оптимального развития ИГУ (внедрения новых моделей, механизмов и инструментов развития современной модели высшего образования).
5. Принцип инновационности (преподавания, обучения, технологий и т.д.).
6. Принцип постоянного обучения, повышения квалификации (педагогов и административных сотрудников).
7. Принцип стратегического управления (вуз развивается в соответствии с приоритетами развития региона и образовательных задач современного этапа развития общества).

Представленные выше принципы могут быть реализованы при помощи следующих механизмов развития университета [5]:

1. Разработка и реализация стратегии развития университета.
2. Внедрение и расширение технологического каркаса управления и работы университета.
3. Повышение квалификации административно-управленческого аппарата университета.
4. Повышение профессиональных навыков и компетенций преподавателей.
5. Усиление межсекторного взаимодействия, расширение числа мест практик, стажировок и трудоустройства выпускников.
6. Создание условий для развития социальной активности и творческого потенциала для студентов, преподавателей и административных сотрудников.
7. Повышение качества, обновление материально-технической и информационно-безопасной системы университета.

Таким образом, предложенные принципы и механизмы работы вуза позволят укреплять и развивать его репутацию в целом. Университеты старого образца изжили себя. Сегодня на рынок образовательных услуг выходят университеты, где студенты получают не только знания, вернее не столько знания, сколько готовность постоянно обучаться, менять профессии, навыки, сферу деятельности [2]. Это положительно влияет на ту территорию, где расположен университет, так как жители региона могут чутко реагировать на его потребности, а усвоенные навыки готовности к гибкому быстрому обучению создают условия для востребованности специалистов нового формата мышления, нового стиля жизни [3, 4].

В этой связи ресурсами развития репутации ИГУ выступают следующие моменты:

- *Образование сотрудников университета.* Постоянное обучение, новые навыки позволяют сотрудникам университета быть среди тех, кто задает рамки и условия развития региона.
- *Повышение квалификации* современных преподавателей позволяет видеть в обычном необычное и находить альтернативы; только узнавая что-то самому, можно научить этому другого – переставая учиться, педагог перестает учить.
- *Практическая применяемость результатов труда на практике.* Это один из показателей востребованности знаний педагогов высшей школы, вне зависимости от того, какая у них специализация – техническая, естественно-научная или гуманитарная. Реальность применения знаний на практике дает ресурс и перспективу развития, что также закладывает приоритетное развитие территории).
- *Целенаправленное формирование имиджа ректора и высшего руководства университета.* Имидж ключевых фигур университета подкрепляет и развивает репутацию вуза в общественном сознании населения региона и за его пределами.
- *Формирование и укрепление имиджа преподавателей и студентов ИГУ.* Имидж сотрудников и студентов – это фактическое доказательство высокой планки и конкурентоспособности образовательного учреждения.
- *Развитие социального и интеллектуального капитала сотрудников университета.* Без публичности обсуждений результатов исследований, активных дискуссий, социального взаимодействия в среде коллег, обмена опытом с представителями смежных направлений нет перспектив личного и социального роста. Администрация университета должна создавать пространства для данного обмена – это выступает ключом к формированию имиджа вуза в регионе и стране в целом.

Повышению репутации вуза в регионе может способствовать следующая программная политика:

- На общегосударственном уровне – формирование стандартов обучения, основанных на российской модели обучения.
- На региональном уровне – развитие межсекторного взаимодействия и социального партнерства с ведущими предприятиями, некоммерческими организациями и органами власти региона.
- На университетском уровне – материальная, социальная и интеллектуальная поддержка всех сотрудников университета.
- На индивидуальном уровне – построение индивидуальной траектории карьеры и профессионализма сотрудников.

Роль репутации университета в общественном мнении населения значима. Пример репутации Иркутского государственного университета является ярким тому подтверждением. Но репутация требует постоянной кропотливой работы со стороны всех участников образовательного процесса.

Библиографический список

1. Газизова А.И., Трофимова Г.С., Панфилова В.М. К вопросу о критериях репутации вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54-3. С. 31-37.
2. Малых С. В. Роль университета в развитии бренда территории: монография. Иркутск : ИГУ, 2019. 130 с.
3. Полюшкевич О. А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113–117.
4. Полюшкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. № 11 (107). С. 80–94.
5. Процюк А.В. Оценка каналов коммуникации вуза, влияющие на его репутацию // Теория и практика современной науки. 2016. № 6-2 (12). С. 67-70.
6. Юдина Т.А. О роли репутационной ответственности российского вуза в формировании его репутации // Друкеровский вестник. 2016. № 1 (9). С. 233-245.

Информация об авторе

Малых Светлана Владимировна (Россия, Иркутск) – кандидат исторических наук, доцент, кафедра русского языка и общего языкознания, Институт филологии иностранных языков и медиа-коммуникаций Иркутского государственного университета (Россия, Иркутск, ул. Ленина, д. 8; lana.malyx@bk.ru).

Malykh S.V.

UNIVERSITY REPUTATION AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

Abstract*. The article discusses the features of the image and reputation of the university as a basis and at the same time the conditions for territorial development. On the example of Irkutsk State University, the role of the university's reputation in the prospects for the development of the territory is shown.*

Key words: *reputation of the university, development of the territory, social prospects, image of the university.*

Information about the author

Malykh Svetlana V. (Russia, Irkutsk) – Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Department of Russian Language and General Linguistics, Institute of Philology of Foreign Languages and Media Communications of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia; lana.malyx@bk.ru).

References

1. Gazizova A.I., Trofimova G.S., Panfilova V.M. To the question of the reputation criteria of a university // Problems of modern pedagogical education. 2017. № 54-3. S. 31-37.
2. Malykh S.V. The role of the university in the development of a brand of a territory: monograph Irkutsk: Publishing House of ISU, 2019.130 p.
3. Polyushkevich O. A. The symbolic significance of the territory in the consciousness of Siberians // Sociology 2018 № 2. S. 113–117.
4. Polyushkevich O. A. The symbolic construction of territorial identity (on the example of the toponymics of Irkutsk) // Management Consulting. 2017. № 11 (107). S. 80–94.
5. Protsyuk A.V. Evaluation of the communication channels of the university, affecting its reputation // Theory and practice of modern science. 2016. № 6-2 (12). S. 67-70.
6. Yudina T.A. About the role of reputational responsibility of a Russian university in the formation of its reputation // Drucker Bulletin. 2016. № 1 (9). S. 233-245.

УДК 338.22/ББК 65.29

Малышев М.К.

О СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КРУПНОГО БИЗНЕСА (НА ПРИМЕРЕ ПАО «СЕВЕРСТАЛЬ»)[1]

***Аннотация**. В статье предпринята попытка исследовать теоретический вопрос социальной ответственности бизнеса, проанализированы результаты производственного и финансового развития металлургической компании. Объектом исследования выступило ПАО «Северсталь», базирующееся на территории Вологодской области.*

***Ключевые слова:** социальная ответственность, крупный бизнес, бюджетная система, финансы корпораций.*

Устойчивое развитие территорий неразрывно связано с обеспечением безопасности и созданием благоприятных условий для жизни населения. Ответственность перед обществом за реализацию социально значимых проектов и мероприятий лежит не только на органах государственной власти и органах местного самоуправления.

В современной рыночной экономике, где доминирует частная собственность, все чаще упоминается о социальной ответственности бизнеса, которая стала предметом научных исследований [1]. Термин «корпоративная социальная ответственность» (КСО), имеющий в научной литературе множество аналогичных названий – «социальная ответственность бизнеса», «социально-ответственное поведение бизнеса», авторы трактуют по-разному [2–4]. Так, например, исследователи Вологодского научного центра Т.В. Ускова и Е.Д. Разгулина рассмотрели множество подходов к определению термина «социальная ответственность», а также отметили наличие синергетического эффекта от партнерского взаимодействия бизнеса и власти [5].

На наш взгляд, социально ответственное поведение можно рассматривать с двух противоположных позиций. С одной стороны, оно позволяет бизнесу получить следующие дополнительные выгоды:

1. Благоприятные стратегические перспективы: предприятие, инвестируя в повышение уровня жизни общества, создает положительное впечатление о себе, кроме того, ведение бизнеса в условиях социально развитого общества считается более комфортным.

2. Взаимовыгодные отношения с органами государственной власти: предприятия, участвующие в жизни общества, всегда на хорошем счету у государства и могут получать от него дополнительные привилегии в виде госзаказов.

3. Позитивные отношения внутри коллектива: создавая комфортные условия для своего персонала, компания мотивирует работника лучше выполнять свои функции, что удерживает работника на своем месте.

С другой стороны, социально ответственное поведение влияет на финансовые результаты компаний:

– путем нарушения принципа максимизации прибыли, так как часть прибыли, направляемой на социально-значимые цели, уменьшает её объем – это противоречит главной цели компании – максимизации прибыли и обогащению её владельцев;

– усложнения расстановки приоритетов, так как инвестиции на социальные нужды могут отразиться на росте цен на товары компании: так, например, закупка очистных сооружений приведет к росту цен на товарную продукцию;

[1] Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся геополитических и геоэкономических условиях».

– появления сложностей в подержании высокого уровня социальной ответственности. Поскольку общество привыкает к участию предприятия в социальных проектах, временный отказ от такого участия в силу разных обстоятельств болезненно воспринимается им;

– вовлечения в «гонку за этикой», так как общество завышает свои требования к компании, необходимо ещё больше усилий и вложений, чтобы соответствовать его ожиданиям [6].

Исследование научной литературы позволило нам выделить два направления социальной ответственности бизнеса:

1) внутреннее направление – это создание благоприятных и безопасных условий труда для персонала, улучшение морального климата в коллективе, предоставление различных видов финансовой поддержки работникам предприятия, возможность карьерного роста и повышения квалификации и т.д.;

2) под внешним направлением социальной ответственности понимается непосредственное участие корпорации в жизни общества или жителей тех территорий, на которых базируется предприятие. К внешней социальной ответственности относятся: формирование налоговых доходов региона; создание рабочих мест; возможность прохождения практики студентами на базе предприятия, спонсирование социально значимых проектов и спортивных клубов [7];

Важно отметить, что внешняя социальная ответственность больше характерна для крупного предприятия, обладающего стабильностью производственного развития и финансовыми ресурсами для этих целей.

В данном исследовании мы рассмотрим внешнее направление корпоративной социальной ответственности крупного металлургического предприятия ПАО «Северсталь», имеющего производственные активы на территории Вологодской области. Компания придерживается своих принципов социальной корпоративной ответственности. Также предприятие соблюдает правила «Социальной хартии российского бизнеса» (СХРБ) и «Политики устойчивого развития Всемирной ассоциации стали» (World Steel Association), которые отражают лучшие практики социального взаимодействия с обществом российского и мирового бизнеса. С 2018 года ПАО «Северсталь» вступило в так называемый «Глобальный договор» ООН и взяло на себя ответственность следовать ее целям [8].

Рассматривая производственную деятельность предприятия за последние семь лет, с 2012 по 2018 год, можно говорить о равномерном увеличении выплавки стали на 13,9% (*табл. 1*).

Таблица 1. Динамика показателей производственной деятельности предприятия ПАО «Северсталь» с 2012 по 2018 год

Изменение	Год							Изменение 2018 г. к 2012 г., в %
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Выплавка стали, тыс. т	10566	10651	10851	10855	10891	11651	12039	113,9
Рост, в %	х	100,8	101,9	100,0	100,3	106,9	103,3	х

Источник: рассчитано автором по данным годовых отчетов ПАО «Северсталь».

Что касается динамики основных показателей финансовых результатов, то в этом случае ситуация совершенно иная. За аналогичный период предприятие удвоило свою выручку, при этом себестоимость продукции увеличилась лишь на 63%. Та-

кого результата удалось достичь благодаря проведенной технической модернизации предприятия.

Рост валовой прибыли составил 327%, коммерческие расходы предприятия увеличились в полтора раза; рост управленческих расходов составил 9%; величина прибыли от продаж увеличилась в 6,42 раза; доходы от участия в капиталах других организаций выросли в 4,28 раза; проценты к получению сократились в 5 раз; прибыль до налогообложения и чистая прибыль выросли в 8,5 раза[2]. Из всей динамики особенно выделился 2014 год, так как он был убыточным.

Согласно данным официального Отчета о корпоративной социальной ответственности и устойчивости развития ПАО «Северсталь»[3], компания осуществляет следующие мероприятия по ключевым сферам:

1. Экология – ежегодное выделение около 3 млрд. рублей на реализацию природоохранных мероприятий и улучшение экологической обстановки.

2. Содействие занятости – оказывает профориентационные услуги и проводит студенческие практики.

3. Культура – в 2018 году было поддержано свыше 100 культурных мероприятий в 17 регионах страны.

4. Спорт – компания является спонсором хоккейного клуба «Северсталь» и женского волейбольного клуба «Динамо».

6. Здравоохранение – ежегодное выделение около 100 млн. рублей на медицинские осмотры, профилактику и санитарно-курортное лечение рабочих.

7. Благотворительность – рост затрат составил 35% за 4 года. В 2018 году расходы на благотворительность составили 1,86 млрд. рублей.

Более чем восьмикратное увеличение объема прибыли до налогообложения позволило сформировать внушительную базу для извлечения налога на прибыль. Фактический налог на прибыль от ПАО «Северсталь» в бюджет Вологодской области в 2018 году, согласно данным ФНС, составил 13,4 млрд. рублей, что почти в 20 раз больше значения 2012 года, а также является максимальным за семь лет. До 2016 года сумма НДФЛ и налога на имущество организаций превышала налог на прибыль. Если бы предприятие уплачивало налог на прибыль в размере 20% от налогооблагаемой прибыли, то за семь лет в бюджет региона дополнительно поступило бы около 68,2 млрд. рублей (*табл. 2*).

Таблица 2. Динамика расчетов ПАО «Северсталь» с бюджетной системой Вологодской области с 2012 по 2018 год, млн. руб.

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Всего за 2012-2018	Изменение 2018 г. к 2012 г., раз
Прибыль/убыток до налогообложения	16341	9170	-37710	44261	106522	146040	138430	423056	8,47
Налог на прибыль в бюджет региона	685	765	605	357	2588	5468	13439	23907	19,62
Налог на прибыль по ставке 20%	3268	1834	0	8852	21304	29208	27686	92152	8,47

[2] Официальный сайт ПАО «Северсталь». URL: https://www.severstal.com/ (дата обращения: 23.02.2020).

[3] О социальной ответственности ПАО «Северсталь» [Электронный ресурс]. URL: https://www.severstal.com/rus/sustainable-development/social/ (дата обращения: 23.02.2020).

Окончание таблицы 2

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Всего за 2012-2018	Изменение 2018 г. к 2012 г., раз
Разница между условным и фактическим налогом на прибыль	2583	1069	-605	8495	18716	23740	14247	68245	5,51
НДФЛ	1650	1705	1831	2209	2470	2764	2991	15620	1,81
Налог на имущество организаций	1064	1253	1047	1268	1167	1158	1110	8067	1,04

Источник: рассчитано автором по данным Вологдастата.

С 2012 по 2018 год бюджет Вологодской области вырос с 54,6 до 89,5 млрд. рублей, или на 64%. При этом роль ПАО «Северсталь» в формировании бюджета выросла в 11,5 раза – до 15%. Подобный объем налога на прибыль, как в 2018 году, ПАО «Северсталь» уплачивало в период с 2004 по 2008 год, однако в то время его доля в доходах бюджета региона доходила до 40% (*табл. 3*).

Таблица 3. Доля ПАО «Северсталь» в консолидированном бюджете Вологодской области с 2012 по 2018 год

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Всего за 2012–2018	В среднем за 2012–2018	2018 к 2012, раз
Доходы бюджета Вологодской области, млрд. руб.	54,6	53	56,4	58	67,2	72,1	89,5	450,8	64,4	1,64
Налог на прибыль от ПАО «Северсталь» в бюджет региона, млн. руб.	685	765	605	357	2588	5468	13439	23907	3415	19,6
Доля предприятия в бюджетных доходах региона, в %	1,3	1,4	1,1	0,6	3,9	7,6	15	х	4,4	11,5

Источник: рассчитано автором по данным Вологдастата.

Данная ситуация говорит о положительных изменениях и диверсификации налоговых поступлений, а также о снижении зависимости бюджетных доходов Вологодской области от результатов производственно-финансовой детальности металлургической корпорации.

Таким образом, возникает некоторая двойственность ситуации. С одной стороны, ПАО «Северсталь» проявляет себя как социально ответственная компания, финансируя социально значимые проекты, но, с другой стороны, ее руководство стремится к минимизации налоговых поступлений в бюджет для развития экономики и социальной сферы региона базирования.

Библиографический список

1. Беляева И.Ю., Эскиндарова М.А. Корпоративная социальная ответственность: управленческий аспект. М.: КНОРУС, 2008. 504 с.
2. Тавер Е.И. Стандарты и социальная ответственность бизнеса // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2010. № 5. С. 12-18.
3. Мальгин В.А. Социальная ответственность бизнеса: сущность, тенденции, проблемы // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. 2008. № 1. С. 42-47.
4. Косенко О.И., Шулус А.А. Социальная ответственность бизнеса: уроки истории, опыт развитых стран и современной России. М.: АТИСО, 2008. 115 с.

5. Ускова Т.В., Разгулина Е.Д. Социальная ответственность бизнеса: проблемы и тенденции. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 56 с.
6. Бикеева М.В. Социальная ответственность бизнеса: аргументы «за» и «против» // Экономика и предпринимательство. 2012. № 4 (27). С. 297-299.
7. Благов Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. 350 с.
8. Ильин В.А., Поварова А.И., Сычев М.Ф. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 102 с.

Информация об авторе

Малышев Михаил Константинович (Россия, Вологда) – инженер-исследователь, ФБГУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Российская Федерация, 160014, Вологда, ул. Горького, 56а; common@volnc.ru).

Malyshev M. K.

ABOUT SOCIAL RESPONSIBILITY OF BIG BUSINESS (ON THE EXAMPLE OF JSC «SEVERSTAL»)

Abstract. *The article attempts to investigate the theoretical issue of social responsibility of business, analyzes the results of production and financial development of a metallurgical company. The object of the study was PJSC Severstal, based in the Vologda region.*

Key words: *Social responsibility, big business, budget system, corporate Finance.*

Information about the author

Malyshev Mikhail K. (Russia, Vologda) – research engineer, Vologda scientific center of the Russian Academy of Sciences (Russia, 160014, Vologda, ul. Gorky, d. 56a; common@volnc.ru).

References

1. Belyaeva I. Yu., Eskindarov M. A. Corporate social responsibility: managerial aspect. Moscow: KNORUS, 2008. 504 P.
2. TAVER E. I. Standards and social responsibility of business // joint-Stock company: corporate governance issues. 2010. № 5. p. 12-18.
3. Malgin V. A. Social responsibility of business: essence, trends, problems // Bulletin of the Kazan state financial and economic Institute. 2008. № 1. Pp. 42-47.
4. Kosenko O. I., Shulus A. A. Social responsibility of business: history lessons, experience of developed countries and modern Russia. Moscow: ATISO, 2008. 115 p.
5. Uskova T. V., razgulina E. D. Social responsibility of business: problems and trends. Vologda: itsed RAS, 2015. 56 p.
6. Bikeeva M. V. Social responsibility of business: arguments “for” and “against” // Economics and entrepreneurship. 2012. № 4 (27). Pp. 297-299.
7. Blagov Yu. E. Corporate social responsibility: evolution of the concept. SPb.: Publishing house “Higher school of management”, 2010. 350 P.
8. Ilyin V. A., Povarova A. I., Sychev M. F. Influence of interests of owners of metallurgical corporations on social and economic development. Vologda: wants of RAS, 2012. 102 p.

УДК 338.43:330.131.5(470.13:211-17) / ББК 65.325.2(231)

Мальцева И.С.

МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)[1]

***Аннотация**. Арктическое сельское хозяйство охарактеризовано как важная отрасль северного традиционного хозяйства. Показаны ресурсы арктической и субарктической зоны, определены проблемы развития аграрного производства. Подтвержден низкий уровень эффективности сельского хозяйства и определена необходимость его модернизации.*

***Ключевые слова:** арктическая зона, Республика Коми, сельскохозяйственные ресурсы, животноводство, направления развития.*

Сельское и промысловое хозяйство обеспечивают население зоны Арктики свежими продуктами питания: мясом, рыбой, молоком, картофелем и овощами. Аграрное производство способствует развитию пищевой промышленности, стабилизирует занятость, создает конкуренцию на северных продовольственных рынках, сдерживает рост цен на продукты питания, завозимые из-за пределов субрегиона, выполняет функции традиционного уклада жизни сельского населения, удовлетворяет рекреационные потребности населения (туризм в традиционных отраслях). Вместе с тем низкий уровень эффективности, убыточность сельхозпроизводства способствует его сокращению в арктической зоне. Объектом исследования являются сельскохозяйственные организации арктических и приарктических территорий Республики Коми (Печоро-Уральский Север, занимающий 41,9% площади территории республики, где проживает 27,1% населения). В его состав входят следующие муниципальные образования: городские округа Воркута, Инта, Усинск и муниципальные районы Печора, Усть-Цилемский и Ижемский. Цель представленной работы состоит в исследовании ресурсов, оценке современного состояния животноводства – основной отрасли сельскохозяйственного производства на Севере и выработке направлений модернизации аграрного производства в данном субрегионе. Использованные методы – монографический и статистический.

Территории Печоро-Уральского Севера характеризуются суровым климатом, бедными почввами, близостью или наличием вечной мерзлоты, обширными площадями, занятыми лесом, болотами, тундрой. Все эти факторы, а также малая заселенность определили низкую сельскохозяйственную освоенность данной территории. Доля сельскохозяйственных угодий составляет 0,7%, а доля пашни – лишь 0,08% общей площади (в целом по республике – соответственно 1 и 0,3%). В составе сельскохозяйственных угодий преобладают естественные сенокосы и пастбища; на 1 га пахотных земель приходится 8 га кормовых угодий (*табл. 1*).

Пашня используется лишь на 11,6% (в целом по республике – на 40%), то есть сельскохозяйственное производство на данной территории ведется по менее интенсивным технологиям. На данной территории, наряду с сельскохозяйственными организациями, большую роль в производстве сельскохозяйственной продукции играют личные подсобные хозяйства. В личных подсобных хозяйствах содержится 43 % поголовья крупного рогатого скота и 44% коров субрегиона. Падение объемов производства, поголовья крупного рогатого скота в последние 15 лет, особенно в

[1] Статья подготовлена в рамках программы ФНИ академий наук «Разработка стратегии трансформации социально-экономического пространства и территориального развития России», НИОКР «Механизмы развития сельской экономики северного региона» (№ АААА-А18-11803091119-0).

личных подсобных хозяйствах населения, происходило здесь более быстрыми темпами, чем в целом по республике.

Таблица 1. Наличие сельскохозяйственных ресурсов (на 100 чел.) в 2018 году*

Муниципальные районы, городские округа, регион	Сельскохозяйственные угодья, га	В том числе пашня, га	Крупный рогатый скот, гол.	В том числе коровы, гол.	Олени, гол.
Республика Коми	48,4	11,9	4,0	1,8	10,0
Ижемский	147,2	16,4	14,1	8,0	49,1
Усть-Цилемский	370,4	11,7	19,8	9,2	5,1
Печора	35,6	3,0	1,7	0,8	0,0
Инта	36,0	3,7	1,7	0,9	105,6
Усинск	27,9	3,0	3,1	1,1	48,0
Воркута	11,8	6,5	0,0	0,0	25,8
Итого по Печоро-Уральскому Северу	77,9	5,7	3,2	2,50	36,0

*Рассчитано по: Сельское хозяйство в Республике Коми. 2019: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2019.

Основная отрасль сельскохозяйственного производства Печоро-Уральского Севера – животноводство. Самообеспечение региона животноводческой продукцией в последние годы все в большей мере зависит от развития и эффективного функционирования сельскохозяйственных организаций. Анализ реализации животноводческой продукции организациями выявил, что реализация молока в целом по Республике Коми прибыльна (с учетом субсидий), а мяса – убыточна. При этом реализация переработанного мяса (мясной продукции) более убыточна по сравнению с непереработанным, что связано с малыми масштабами производства, применением устаревших технологий.

В целом по субрегиону, как и по республике в целом, реализация молока прибыльна (с учетом субсидий), а мяса – убыточна. Лишь оленина в Воркуте приносит незначительную прибыль. Реализация переработанного мяса не приносит прибыли, а убыточность мясопродукции выше, чем непереработанного мяса (за исключением организаций городских округов Инта и Усинск), что связано с малыми масштабами производства, применением устаревших технологий (*табл. 2*). С учетом субсидий производство молока прибыльно во всех муниципальных образованиях, а в сельхозорганизациях Печорского района – даже без субсидий. Производство молочной продукции убыточно без учета субсидий во всех муниципалитетах, а с учетом субсидий – в городских округах Инта, Печора, Усинск.

Таблица 2. Рентабельность животноводческой продукции в сельскохозяйственных организациях муниципальных образований Республики Коми в 2018 г., %*

Муниципальные районы, городские округа	Рентабельность, убыточность (-) непереработанного мяса		Рентабельность, убыточность (-) мясопродукции		Рентабельность, убыточность (-) молока		Рентабельность, убыточность (-) переработанного молока	
	Без субсидий	С учетом субсидий	Без субсидий	С учетом субсидий	Без субсидий	С учетом субсидий	Без субсидий	С учетом субсидий
Печорский	-38	-38	-57	-57	8	25	-29	-12
Ижемский	-1	-1	-5	-5	-	-	-22	16
Усть-Цилемский	-8	-8	-22	-22	-54	-4	-31	5

Окончание таблицы 2

Муниципальные районы, городские округа	Рентабельность, убыточность (-) непереработанного мяса		Рентабельность, убыточность (-) мясопродукции		Рентабельность, убыточность (-) молока		Рентабельность, убыточность (-) переработанного молока	
	Без субсидий	С учетом субсидий	Без субсидий	С учетом субсидий	Без субсидий	С учетом субсидий	Без субсидий	С учетом субсидий
Усинск	-50	-50	-36	-36	-8	9	-67	-49
Инта	-18	-17	-6	-4	-	-	-24	-5
Воркута	18	18	-	-	-	-	-	-
Республика Коми	-40	-39	1	3	-27	3	-19	2

*Рассчитано автором по данным бухгалтерской отчетности сельскохозяйственных организаций Республики Коми.

Одной из основных проблем развития сельского хозяйства республики является крайне неудовлетворительное состояние его кадровой обеспеченности и материально-технической базы, высокая степень износа основных средств, низкий уровень развития рыночной инфраструктуры, инвестиционной и инновационной активности предпринимателей. Технико-технологическому и социально-экономическому развитию аграрного сектора препятствуют также ограниченные по причине низкой доходности отрасли собственные источники инвестиций. Уровень рентабельности сельскохозяйственного производства, даже с учётом субсидий, в 2–3 раза ниже нормы, необходимой для осуществления расширенного воспроизводства. Низкая доходность сельхозпроизводителей, инфраструктурная обустроенность сельских территорий, отсутствие привлекательности для инвестирования частного капитала в развитие отрасли формируют падение инвестиционных возможностей. Сельхозорганизации Арктики и Субарктики не имеют финансовых ресурсов для проведения модернизации производства и полностью зависят от государственного финансирования.

Для сельского и промыслового хозяйства муниципальных образований Печоро-Уральского Севера, ведущих производство в экстремальных условиях, создающих рабочие места, обеспечивающих население качественной продукцией в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах, сохраняющих традиционное производство коренных народов Севера, неприменимы чисто рыночные критерии оценки их деятельности. Даже чисто с политических позиций благодаря этим производствам территории Севера остаются заселенными и освоенными. Аграрная отрасль может рассматриваться как социальное предпринимательство, которое во всем мире получает государственную поддержку. Государственные субсидии не оказывают искажающего воздействия на локальный рынок и позволяют данным производствам, даже средним и мелким фермерам, оставаться устойчивыми и получать инвестиционные возможности для модернизации аграрного производства.

При этом, учитывая особенности развития аграрного производства, поддержку сельхозпроизводства следует осуществлять по двум направлениям. Необходимо дальнейшее развитие программ, направленных на модернизацию и инновационное развитие сельскохозяйственного производства; также целесообразен комплекс мер, направленных на поддержку личных подсобных хозяйств населения и малого и мельчайшего аграрного бизнеса.

Перспективы развития оленеводства в субрегионе связаны с повышением интенсификации производства, основанной на совершенствовании технологии производства на современной технической основе, что связано:

- с рациональным использованием оленьих пастбищ, улучшением племенной

работы, совершенствованием внутрихозяйственной специализации, оптимизацией структуры стада, установлением оптимальных размеров оленеводческих хозяйств и отдельных стад;

- сокращением непроизводительных отходов животных, усилением борьбы с заразными болезнями оленей;

- организацией своевременного убоя оленей и рационального использования субпродуктов, голов, рогов;

- совершенствованием организации труда и быта оленеводов, повышением материальной заинтересованности, привлечением, закреплением кадров и повышением их квалификации;

- оснащением оленеводческих хозяйств необходимыми сооружениями, оборудованием, средствами связи, транспортом [1, с. 47].

Реализация данных направлений будет способствовать поддержке оленеводства, но не имеет стратегической направленности, тогда как в соседних регионах, например в Ненецком АО в рамках реализации Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа на перспективу до 2030 года поставлена задача последовательного преобразования отраслей традиционного хозяйства в высокорентабельный сектор экономики и обеспечения законодательных и институциональных условий для резервации наиболее выгодных для традиционного хозяйства территорий при формировании лицензионных соглашений о земельном отводе. Приоритетными направлениями развития определены: создание инфраструктуры доступа на российские и внешние рынки для оленеводческих хозяйств; формирование единой маркетинговой стратегии, узнаваемого бренда оленины, обустройство эффективных каналов сбыта продукции оленеводства (в том числе медицинских препаратов и биологических добавок); проведение финансового оздоровления, реструктуризации, технологической и управленческой модернизации сельхозпредприятий; создание вдоль маршрутов выпаса оленей сети факторий (для приема, накопления первичной обработки продукции традиционных отраслей, обеспечения оленеводов, охотников и рыболовов продуктами питания, товарами народного потребления, материально-техническими средствами и т.п). Изучение опыта северных регионов послужит развитию оленеводства в Республике Коми на основе инновационного и комплексного развития отрасли.

Целесообразно усилить господдержку традиционных отраслей коренных народов Севера из федерального бюджета, а также из республиканского бюджета Республики Коми. Такую поддержку целесообразно осуществлять по следующим направлениям:

- выделение субсидий на ликвидацию бедности коренного сельского населения;
- оптимизация программ поддержки личных подсобных хозяйств населения, малого и мельчайшего предпринимательства, всемерное развитие кооперации;
- развитие программ и институтов (организаций) обучения и подготовки кадров;
- совершенствование программ развития оленеводства, рыбоводства и аквакультуры, направленных на комплексную переработку продукции отраслей;
- компенсация части стоимости приобретаемой сельхозтоваропроизводителями современной техники, минеральных удобрений, горючего, запасных частей, комбикормов;

- компенсация тарифов в размере 50% при транспортировке железнодорожным и водным транспортом материально-технических ресурсов; компенсация части затрат на электрическую и тепловую энергию, газ, используемые для технологических нужд;
- субсидирование процентных ставок по кредитам; развитие долгосрочного кредитования и страхования;
- финансирование консультационной службы и научных исследований в области сельского и промыслового хозяйства.

Библиографический список

1. Иванов В.А. Оленеводство в арктическом субрегионе: состояние и направления развития // Регион: экономика и социология. 2014. № 2. С. 39-51.
2. Directions to improve the efficiency of agriculture in the Arctic zone (based on materials of the Komi Republic).

Информация об авторе

Мальцева Ирина Станиславовна (Россия, Сыктывкар) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (167000, Россия, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; maltseva@iespn.komisc.ru).

Maltseva I.S.

MODERNIZATION OF AGRICULTURE OF THE ARCTIC ZONE (ACCORDING TO MATERIALS OF THE REPUBLIC OF KOMI)

Abstract. *The characteristic of Arctic agriculture as an important branch of the northern traditional economy is given. The resources of the Arctic and subarctic zones are shown, the problems of the development of agricultural production are identified. The low level of agricultural efficiency was confirmed and the need for its modernization was determined.*

Key words: *Arctic zone, Komi Republic, agricultural resources, livestock, development trends.*

Information about the author

Maltseva Irina S. (Russia, Syktyvkar) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, The Institute of Social Economic and Power problems of the Ural Division of the Russian Academy Sciences (maltseva@iespn.komisc.ru).

References

1. Ivanov V.A. Olenevodstvo v arkticheskom subregione: sostojanie i napravlenija razvitija [Reindeer husbandry in the Arctic subregion: state and development trends]. Region: jekonomika i sociologija. 2014. № 2. pp. 39-51 (In Russ.).

УДК 339.13 / ББК 65.04

Медведева Е.И.

ПРОЕКТ «ЗИМА В ПОДМОСКОВЬЕ» КАК ЭЛЕМЕНТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МАРКЕТИНГА

***Аннотация**. В современных условиях территориальное развитие является основополагающим. Каждый регион должен иметь свою стратегию развития, которая в конечном итоге должна помочь привлечь финансовые средства, диверсифицировать направления специализации субъекта и стабилизировать позиции. Все это становится возможным благодаря применению инструментов маркетинга на уровне региона.*

***Ключевые слова:** территориальный маркетинг, эффективность проектов, региональное развитие, социально-экономические проблемы.*

Маркетинг территории (территориальный маркетинг) – это маркетинг в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также внешних субъектов, во внимании которых и инвестициях в которые заинтересована территория [1]. Такой подход может базироваться на различных видах маркетинга территорий, с точки зрения охвата выделяют: внешний территориальный маркетинг; внутренний маркетинг территорий. Остановимся более подробно на втором варианте. Регион или муниципальное образование рассматривается как субъект, осуществляющий роль потребителя не только по отношению к самому себе самому себе, но и другим субъектам (внешним и внутренним по отношению к территории). «Именно их благополучное потребление территориальных ресурсов, продуктов, услуг и возможностей позволяет территории, в конечном счете, построить, увеличить и собственное благополучие» [2].

Субъектами, активно осуществляющими продвижение и некую «продажу территорий», выступают территориальные органы власти и управления, местные экономические агентства развития, туристические операторы и агентства, торговые дома, спортивные комитеты и федерации, любые другие структуры, локализованные на территории и проявляющие активность с целью привлечения внимания к ней возможных потребителей (заказчиков продукции) и удержания уже присутствующих [3, 4].

Российские города и регионы стараются не отставать от заграничных практик развития маркетинга территории и запускают свои программы брендинга. Есть положительные примеры такого взаимодействия: «Стоит отметить интересные проекты Перми, Калужской области, Ненецкого автономного округа, Сочи и Сколково. Важно, что бренды этих городов и регионов базируются на стратегии развития и доносят четкие сравнительные конкурентные преимущества, будь то природные ресурсы на севере Европы (Ненецкий АО) или наука и инновации (Сколково)» [5, 6].

Не отстает от данного «движения» и Московская область, где с 2019 года реализуется весьма масштабный проект по созданию бренда территории в формате проектов «Зима в Подмосковье» и «Лето в Подмосковье». Остановимся подробно на первом. Целью проекта является повышение туристической привлекательности Московской области для жителей и гостей региона. Информ-ресурсами региона созданы интерактивные карты с основными достопримечательностями и зимними активностями в Подмосковье, чтобы люди могли оценить все преимущества зимнего отдыха, не уезжая далеко от дома. В прошлом году в проекте было задействоваано 11 направлений.

Одной из отличительных черт проекта является специально разработанный логотип «Зима в Подмосковье» в красно-белом стиле, которым отмечены даже новогодние елочные базары. Тематическими наклейками и баннерами «Зима в Подмосковье» за-

брендированы автобусы, электропоезда, остановки и дорожные знаки на территории области. На автодорогах установлено около 250 специальных дорожных знаков «Зима в Подмосковье», более тысячи остановочных павильонов украсили наклейками проекта. В рамках проекта «Зима в Подмосковье» заработал «Путеводитель по Московской области», где можно ознакомиться с программой, которую предлагают в старинных городах с величественными зданиями церквей и монастырей и современными музеями.

Создана интерактивная карта «Зима в Подмосковье», где можно узнать об особенностях каждого места, которое на нее нанесено. Здесь подробно описываются туристические объекты и даются лучшие маршруты к ним, адреса кафе, местных гостиниц и самые красивые места для фотосессий. Для любителей активного образа жизни на интерактивной карте «Зима в Подмосковье» есть площадки для катания на коньках, лыжах, тюбингах и санках. Для пользователей социальных сетей есть страничка проекта в «Инстаграмме» – Туриз МО.

Муниципальные газеты региона готовят спецвыпуски, посвященные зимнему отдыху в Подмосковье. Предполагается, что региональные издания заведут рубрики, посвященные местным достопримечательностям. Правительство Московской области в дальнейшем планирует провести конкурс на лучшую колонку. В проекте принимают участие и общественные перевозчики Подмосковья – около тысячи автобусов будут информировать жителей. На баннерах изображен официальный логотип акции и QR-код, который можно отсканировать с помощью любого гаджета с камерой и выходом в Интернет. Перейдя по ссылке, пользователь сможет узнать о предстоящих мероприятиях на территории региона в новогоднюю ночь и праздничные дни. Кроме того, жители и гости региона смогут узнать подробности акции на 44 областных автовокзалах.

В настоящее время на интерактивной карте РИАМО (Российское информационное агентство Московской области) представлены 25 локаций – популярных туристических городов Подмосковья. Все эти мероприятия своей целью имеют создание и продвижение бренда территории и, естественно, реализация стратегии 2020 в области создания туристического региона близи мегаполиса Москва. Стратегическая цель продвижения территории неразрывна связана с анализом мнений жителей данного субъекта. В декабре 2019 года была проведена фокус-группа с людьми, проживающими на юго-востоке Московской области. Целью исследования являлся сбор информации об осведомленности о проекте «Зима в Подмосковье 2020».

Следует отметить, что пятая часть опрашиваемых вообще не слышали об этом проекте, который реализуется второй год. Но большинство респондентов (80%) знают о проекте «Зима в Подмосковье 2020». 60% опрошенных узнали о проекте из рекламных баннеров, 20% – от друзей или близких, и 20 % – из других источников.

В настоящий момент в проекте задействовано 25 направлений. Так, в Коломне, которая славится своей пастилой и калачами, туристы смогут полюбоваться древним кремлем и монастырями, а Волоколамск предлагает посетителям программу в Иосифо-Волоцком монастыре с единственным в России музеем Библии. Зарайск, где находится самый маленький кремль в России, интересен древнейшим археологическим памятником «Зарайская стоянка». В Сергиевом Посаде можно посетить Троице-Сергиеву лавру и Гремячий ключ. В Звенигороде главной достопримечательностью является основанный учеником Сергия Радонежского Саввино-Сторожевский монастырь. В Дмитрове расположены основные горнолыжные курорты, где можно покататься на сноуборде и лыжах. В Вяземах для туристов всегда открыт Государственный истори-

ко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина. Одинцово может привлечь любителей беговых лыж самой большой лыжней в парке Лазутиной, а усадьба Дубровицы под Подольском является архитектурной жемчужиной Подмосковья. В Истре расположены Новоиерусалимский монастырь и Музейно-выставочный комплекс «Новый Иерусалим». В Красногорске будут рады гостям на самой большой подмосковной новогодней ярмарке. Планируется, что число туристических направлений проекта будет увеличиваться с каждым годом. Кроме того, программа включает в себя праздничное оформление парков, площадей, мест массовых гуляний на всей территории области – ели и фасады зданий украсили новогодней иллюминацией. Таким образом, на вопрос «Проходит акция в Вашем городе?» 80% дали положительный ответ.

Данный проект должен повысить имидж Подмосковья. Так считают 80% опрошенных. По мнению большинства участников опроса (90%), акция будет способствовать привлечению туристов в Подмосковье. По данным исследования половина респондентов обязательно примут участие в данном проекте.

На вопрос «Какой вид отдыха Вы предпочитаете?» 20% ответили, что экскурсионный, 20% – активный, 20% – горнолыжный и 40% опрошенных выбрали вариант ответа «другой вид». 60% респондентов не стали бы пользоваться услугами сайта «Зима в Подмосковье» при бронировании и планировании отдыха. В ходе исследования было установлено, что 60 % опрошенных посчитали сайт «Зима в Подмосковье» неудобным в использовании.

На вопрос «Посещаете ли Вы городские празднования в Вашей городской среде (ярмарка, выставка)?» большинство опрошенных, которые составили 60%, указали, что не посещают данные мероприятия. Необходимо отметить, что руководство субъекта старается учесть и реализовать все три стратегии территориального маркетинга, а именно: стратегию имиджа территории, привлекательности и инфраструктурного маркетинга.

Выводы: прежде всего для популяризации данного проекта необходимо его продвижение в социальных сетях и с помощью сети Интернет. Это позволит, в первую очередь, привлечь молодые когорты населении, более активно реагирующие на все инновации, и сделать проект более креативным, творческим и стратегически важным.

Библиографический список

1. Медведева Е.И., Крошилин С.В. Региональный маркетинг // Маркетинг. М.: Центр маркетинговых исследований и менеджмента. 2008. №4 (101). С. 74-89.
2. Медведева Е.И. Муниципальный маркетинг как инструмент развития территорий // Конкурентный потенциал региона: моделирование, оценка и эффективность использования / II Всероссийская молодежная научно-практическая конференция (1–3 ноября 2012 года): сб. науч. статей участников конференции. Абакан, 2012. С. 268-274.
3. Маркетинг территории [Электронный ресурс] // Маркетинговый словарь. Портал Записки маркетолога. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_m/marketing_territorii/ (дата обращения: 26.12.2019).
4. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий: зачем, кому и какой нужен маркетинг территорий [Электронный ресурс] // Библиотека маркетолога. URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-special/regions/territory/1.htm (дата обращения: 26.12.2019).
5. Маркетинг территории [Электронный ресурс] // Маркетинговый словарь. Портал Записки маркетолога. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_m/marketing_territorii/ (дата обращения: 26.12.2019).

6. Круглый стол «Маркетинговый потенциал регионов. Как сделать регион успешным?» [Электронный ресурс] // Форум регионов России, 8 апреля 2014 / Пресс-служба TalkSquare. URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-special/regions/territory/1.htm (дата обращения: 26.12.2019).

Информация об авторе

Медведева Елена Ильинична (Россия, Коломна) – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и экономики, Государственный социально-гуманитарный университет (140410, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30; mgosgi@gmail.com); ведущий научный сотрудник ИСЭПН РАН.

Medvedeva E.I.

PROJECT "WINTER IN THE MOSCOW REGION" AS AN ELEMENT OF TERRITORIAL MARKETING

Abstract. *In modern conditions, territorial development is fundamental. Each region should have its own development strategy, which should ultimately help to attract financial resources, diversify the subject's areas of specialization and stabilize its position. All this is possible thanks to the use of marketing tools at the regional level.*

Key words: *territorial marketing, project effectiveness, regional development, socio-economic problems.*

Information about the author

Medvedev Elena I. (Russia, Kolomna) – doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Economics, State social and humanitarian University (30 Zelenaya str., Kolomna, 140410; mgosgi@gmail.com). Leading researcher at the behavioral Economics research Laboratory of isepn RAS.

References

1. Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. Regional marketing // Marketing, Moscow: Center for marketing research and management, 2008, no. 4 (101). Pp. 74-89.
2. Medvedeva E. I. Municipal marketing as a tool for territorial development / / Competitive potential of the region: modeling, evaluation and efficiency of use / II all-Russian youth scientific and practical conference (November 1-3, 2012): sat.nauch. articles of the conference participants-Abakan, 2012. Pp. 268-274.
3. Territory marketing [Electronic resource] // Marketing dictionary. Portal of the marketer's Note. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_m/marketing_territorii/ (accessed: 26.12.2019).
4. Pankrukhin A. p. Marketing territories: why, who and what needs marketing territories [Electronic resource] // Library of the marketer. URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-special/regions/territory/1.htm (accessed: 26.12.2019).
5. Territory marketing [Electronic resource] // Marketing dictionary. Portal of the marketer's Note. URL: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/marketing_terms_m/marketing_territorii/ (accessed 26.12.2019).
6. Round table "Marketing potential of regions. How do I make a region successful?"[Electronic resource] // Forum of regions of Russia, April 8, 2014. The press service of the TalkSquare. URL: https://www.marketing.spb.ru/lib-special/regions/territory/1.htm (accessed 26.12.2019).

УДК 332.1/ 65.04

Морошкина М.В.

ОЦЕНКА НЕРАВНОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ[1]

Аннотация. *В исследовании рассматривается динамика развития регионов по подушевому ВРП. Анализ межрегиональных различий использует методы конвергенции, индекс Джини, индекс Тейла. Выявлено отсутствие дивергенции (нарастающего расхождения) по российским регионам.*

Ключевые слова: *российские регионы, конвергенция, коэффициент вариации, межрегиональная дифференциация, ВРП на душу населения, индекс Джини, индекс Тейла.*

Введение. В современных условиях функционирования экономики вопросам неравномерного развития территорий уделяется большое внимание. Неоднородность пространственного и территориального развития определяет направления экономической политики, а также формат мероприятий, воздействующих на сокращение разрыва между территориями [Буфетова А.Н., Коломак Е.А., 2017]. Неравномерное распределение экономических ресурсов порождает различия в уровнях развития экономики страны и ее субъектов.

Стратегические направления определяют процесс сокращения диспропорций экономического развития территорий одной из главных задач [Дорофеенко В.В., Лоскутова В.В., 2018]. В рамках данного исследования процесс регионального расслоения оценивается по показателю ВРП на душу населения. Выбор данного показателя обусловлен доступностью статистических данных в региональном разрезе и возможностью оценить динамику регионального развития. Исследовательской целью является анализ экономического развития российских регионов и оценка возможности их сближения.

Методология. Исследование проводится при использовании статистической информации Росстата [Социально-экономическое…, 2017]. Состав исследовательской выборки составляют российские регионы, экономическое развитие которых оценивается по показателю ВРП на душу населения в период 1995 – 2017 гг. В основу статистического анализа была взята база данных по экономическим индикаторам, позволившая наблюдать процессы изменения динамики регионального развития [Морошкина М.В., 2017].

Оценка региональной неоднородности проводится на основании расчета трех показателей энтропии: коэффициента вариации, коэффициента Джини, индекса Тейла.

Показателем, определяющим возможность сходимости регионов, является коэффициент вариации:

$$\sigma_t = \frac{\sqrt{\frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n}(x_i - x_{\text{ср}})^2}}{x_{\text{ср}}} \qquad (1)$$

где (σt – коэффициент вариации, в момент времени t; xi – показатель регионального развития (i – регион); i = 1,….n – количество регионов; xср – среднее значение

[1] Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-010-00549 «Межрегиональная дифференциация российских регионов».

оцениваемого показателя развития). Исследование процесса сходимости исследуемых экономических объектов может быть определено на основании δ-конвергенция и β-конвергенции.

δ-конвергенция позволяет оценить наличие тенденции к сближению в результате выполнения условия:

$$\delta_{t+T} < \delta_t . \qquad (2)$$

β-конвергенция дает возможность оценить динамику сближения

$$y = \beta_0 + \beta_1 x \quad , \qquad (3)$$

где

$$y = \frac{\ln x_{iT} - \ln x_{i0}}{T} .$$

$$x = lnx_{i0}$$

Индекс Джини позволит определить удаленность распределения экономических субъектов от состояния выравнивания. Индекс Джини рассчитывается на основании следующей формулы:

$$g = \frac{1}{2 \cdot \bar{x} \cdot N^2} \sum_{i=1}^{N} \sum_{j=1}^{N} | x_i - x_j | \quad , \qquad (4)$$

где x_i – значение ВРП в текущих или сопоставимых ценах в i-м регионе; $\bar{x}$ – среднее значение, N – количество регионов.

Индекс Тейла позволит определить уровень дифференциации исследуемых экономических объектов и для его расчета используется:

$$ИндексТейла = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^{N} \frac{x_i}{\bar{x}} \ln \frac{x_i}{\bar{x}}, \qquad (5)$$

где N – количество регионов (=80); $\bar{x}$ – среднее арифметическое значение по исследуемому показателю (ВРП на душу населения); $\sum x_i$ – ВРП на душу населения общее для совокупности значение исходного признака, i региона.

Полученные результаты. Региональная неоднородность рассматривается в контексте изменения показателя ВРП на душу населения. Статистические сборники Росстата позволяют оценить динамику изменения исследуемого показателя в разрезе российских регионов в период 1995–2017 гг.

Таблица 1. Фрагмент таблицы – показатель ВРП на душу населения российских регионов (млн. рублей; до 1998 г. – млрд. рублей)

Область	1996	2000	2004	2008	2012	2014	2016	2017
Белгородская область	14955,5	27969,5	75650	208548,1	354982,9	400633,4	470 874,3	506420,9
Брянская область	11294,9	17413,5	37673,4	96885,4	166654	196341,9	233 701,0	253100,4
Владимирская область	12830,2	21073,3	49621,5	119941,8	200178,9	232630,7	281 366,9	300273,6
Воронежская область	20158,3	20365,1	50003,5	122591,1	243941,3	304314,2	360 418,2	370610,4
Ивановская область	8578,3	14240	35780,6	80708,5	129826	145234,7	174 995,3	182398,1
Калужская область	9649,9	22438	56570,2	147929,5	286496,7	322517	368 913,4	411565,3
Костромская область	6940	21984,7	52367,9	119071,5	199326,8	223242,9	247 313,7	256848,4
В таблице данные представлены с интервалом в 4 года (исключение 2017 г.).								

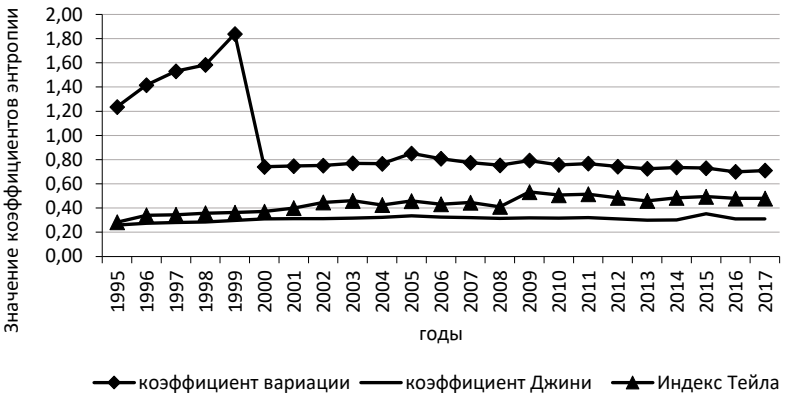
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Р32: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

Исследование региональной неоднородности оценивается при помощи различных инструментов регионального анализа. В рамках данной статьи используются коэффициенты энтропии, позволяющие рассмотреть процесс региональной дифференциации с различных направлений. Оценка региональной неоднородности проводится по показателю ВРП на душу населения, в рамках которого были рассчитаны коэффициенты неоднородности: коэффициент вариации, индекс Джини, Тейла. Результаты расчетов приведены в *таблице 2*.

Таблица 2. Расчет коэффициентов неоднородности по показателю ВРП на душу населения в период 1995–2017 гг.

	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2015	2016	2017
σt	1,42	1,58	0,74	0,75	0,77	0,81	0,75	0,76	0,74	0,74	0,73	0,70	0,71
индекс Джини	0,27	0,29	0,31	0,31	0,32	0,33	0,31	0,32	0,31	0,30	0,35	0,31	0,31
Индекс Тейла	0,34	0,35	0,37	0,44	0,42	0,43	0,41	0,50	0,48	0,48	0,49	0,48	0,47

Источник: расчеты автора.



Коэффициенты неоднородности по показателю ВРП на душу населения в период 1995–2017 гг.

Анализ таблицы 2 и рисунка позволяет сделать вывод о том, что межрегиональная дифференциация по российским регионам увеличивается. Тенденции изменения коэффициента Джини и индекса Тейла совпадают. Трансформационные процессы, которые имели место после экономического кризиса 1998 г., привели к росту дифференциации, которая несколько снижается в начале 2000 г., однако структурные сдвиги после кризисного 2008 года снова изменяют ситуацию в сторону увеличения региональной асимметрии.

Коэффициент вариации показывает тенденцию отличную от динамики коэффициента Джини и индекса Тейла. В начале исследуемого периода происходит смена тенденций в экономическом развитии и стабильный рост коэффициента вариации, наблюдаемый в период с 1995–1998 гг., сменяется спадом. Начиная с 2001 года динамика коэффициента вариации стабилизируется и резких скачков не наблюдается.

Анализ рассчитанных коэффициентов энтропии в региональном разрезе подтверждает положение о том, что экономически развитые регионы имеют значительный отрыв от отстающих регионов. Исследование предполагало проведение анализа в текущих и сопоставимых ценах. В сопоставимых ценах влияние инфляции более заметно для территорий, не имеющих ресурсного потенциала и развитой экономики, в данных регионах коэффициенты энтропии имеют сравнительно низкие значения. В регионах, обладающих значительными экономическими и природными ресурсами, исследуемые коэффициенты имеют большее значение, что позволяет предполагать наличие неоднородности регионального развития.

Библиографический список

1. Буфетова А.Н., Коломак Е.А. (2017) Национальная неоднородность в регионах России // ЭКО. № 4. С. 110-123.
2. Дорофеенко В.В., Лоскутова В.В. (2018) Теории экономического развития // Менеджер. № 4(86). С. 12-20.
3. Морошкина М. В. (2016) Дифференциация российских регионов по уровню экономического развития // Проблемы прогнозирования. №4(157). С. 09-115, doi 10.1134/S1075700716040122.

Информация об авторе

Морошкина Марина Валерьевна (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; maribel74@mail.ru).

Moroshkina M.V.

ASSESSMENT OF NON-UNIFORMITY OF SPATIAL DEVELOPMENT

***Abstract**. The study examines the dynamics of regional development by per capita GRP. The analysis of inter-regional differences uses the convergence methods, Gini index, Theil index. The absence of divergence (growing discrepancy) in the Russian regions was revealed.*

***Key words:** Russian regions, convergence, coefficient of variation, interregional differentiation, GRP per capita, Gini index, Theil index.*

Information about the author

Moroshkina Marina V. (Russia, Petrozavodsk) – Candidate of Economic Sciences, Institute of Economics, separate subdivision of the Federal State Budget Institution of Science of the Federal Research Center «Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (185030, Petrozavodsk, 50, Nevsky Ave; maribel74@mail.ru).

References

1. Bufetova A.N., Kolomak E.A. (2017) National heterogeneity in regions of Russia / ECO, № 4, pp. 110-123.
2. Dorofeenko V.V., Loskutova V.V. (2018) Theories of Economic Development / Manager, № 4(86), pp. 12-20.
3. Moroshkina M.V. (2016) Differentiation of Russian regions in terms of economic development level / Problems of forecasting, № 4 (157), 109-115 p.

УДК 332.12 / ББК 65.04

Патракова С.С.

СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНОГО УСТРОЙСТВА ПРОСТРАНСТВА[1]

***Аннотация**. Работа посвящена выявлению роли сельской местности в рамках концепции «центр-периферия». Результаты исследования позволили оценить место сельской местности в центр-периферийной модели пространства и предложить мероприятия, направленные на снижение пространственной асимметрии.*

***Ключевые слова:** сельская местность, экономическое пространство, центр, периферия, территория.*

В современных условиях экономического развития и прогресса, постоянной трансформации общества вопросы эффективной пространственной организации экономики мира, страны, региона становятся весьма актуальными. Следствием повышенного интереса к тематике пространственных исследований является рост числа соответствующих публикаций ученых, принятие органами власти соответствующих стратегий, концепций и т.д.

Современное экономическое пространство характеризуется такими специфическими свойствами, как дискретность, анзитропность, самоорганизация, фрактальность и т.д. [1]. Кроме отмеченных аспектов, пространство также обладает определенной степенью неоднородности, выраженной посредством существования узловых, т.е. центральных, и периферийных, полупериферийных элементов, интерес к которым отражен во множестве работ отечественных (И. Майергойз, О. Грицай, Г. Иоффе, А.Трейвиш и др.) и зарубежных (П. Кругман, И. Валлерстайн, Ф. Перру и т.д.) исследователей. В настоящее время стала очевидной невозможность игнорировать пространственный компонент экономического развития, так как пространственные диспропорции выступают в конечном счете фактором торможения социального прогресса, роста качества жизни населения [2].

В рамках концепции центр-периферийного устройства пространства единого представления о том, что представляют собой «центр» и «периферия» нет, как нет и единых общепринятых критериев для их выделения. Так, например, центрами в различных теориях пространственного развития предстают центральные места (В. Кристаллер); полюсы, точки и оси роста (Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Ж. Будвиль, П. Потье и др.); агломерации (Х. Ричардсон); экономические ядра (К.В. Павлов); места генерирования технологических, социальных и других нововведений (Дж. Фридман) и т.п. Периферия же представляется как среда для распространения импульсов и воспроизводственных сил, или как первичный сектор экономики, или как деградирующие отрасли, или как слаборазвитые, в сравнении с центром территории и т.д.

Также отметим, что, по мнению большинства ученых, выделение двух противоположных, полярных групп недостаточно, что обусловливает выделение т.н. полупериферии как промежуточного звена между центром и периферией, сочетающего черты и того, и другого, эксплуатируемого ядром, но эксплуатирующего периферию и являющегося своего рода стабилизирующим элементом. Трехзвенная структура периферии представлена в исследованиях И. Валлерстейна, А.И. Татаркина, А.Н. Пилясова и т.д.

[1] Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

Полагаем, в современных социально-экономических условиях может ошибочно сложиться впечатление, что центрами являются только урбанизированные территории (концентрирующие в себе научно-технический, инновационный и другие потенциалы, а также финансовые, информационные, человеческие и др.), а периферию пространства представляют сельские территории. Однако большинство ученых-регионалистов едины во мнении, что сельская местность не может ни претендовать на статус полноценного центра и ни относиться однозначно к периферии как мировой экономической системы, так и пространственной структуры отдельной страны и ее регионов [3]. Кроме того, периферией и полупериферией, наряду с сельскими поселениями, могут считаться и объекты городской местности, а концентрация сервисных, административных, координирующих функций возможна и в населенных пунктах на селе. И если исследованиям городов, агломераций как центров территориального и пространственного развития посвящено множество работ, то роль и функции сельских территорий в центр-периферийной модели и их взаимосвязи с узлами более высокого порядка представляют в настоящее время с учетом тенденций глобализации широкое поле для исследований [4].

Результаты односторонней ориентации на развитие урбанизированных территорий как единственных центров экономического, технологического и другого роста, а также отсутствия должного внимания к сельским территориям, их специфике, проблемам и перспективам проявляются:

1) в гипертрофированном росте урбанизированных территорий, концентрирующих материальные, финансовые, человеческие и т.д. ресурсы;
2) неуправляемом сжатии освоенной части пространства и сокращении сети поселений, что создает угрозу национальной безопасности и территориальной целостности;
3) деградации сельской культуры, разрушении особого уклада жизни человека на селе;
4) проблемах обеспечения приемлемого уровня жизни на селе не ниже городского уровня и т.д.

Полагаем, что асимметрия экономического пространства может быть снижена путем изменения положения сельских территорий периферии по отношению к центру (урбанизированным локалитетам) при непосредственном взаимодействии общества, бизнес-структур, органов власти. В качестве мероприятий, способствующих сближению разных полюсов пространства, созданию на сельских территориях локальных центров социально-экономической жизни и, соответственно, сохранению очагов расселения и хозяйственной деятельности, могут быть предложены:

1. Минимизация границ и барьеров проникновения (диффузии) инновации, знаний, передовых технологий из центров в периферию.
2. Устранение экономических, административных, инфраструктурных, культурных и прочих барьеров между городскими и сельскими поселениями, центрами и периферией пространства.
3. Формирование предпосылок и качественных условий для устойчивого и комплексного развития периферии, ее социально-экономической системы.
4. Формирование комфортной среды для жизни на сельских территориях, обеспечение занятости сельского населения и достойной оплаты труда.
5. Продуцирование так называемых «точек роста» в периферии, создающих противовесы центрам, исторически концентрирующим в себе финансовый, инфраструктурный, производственный потенциал и т.д.

В качестве «точек роста», под которыми мы понимаем динамично развивающиеся отрасли и отдельные предприятия, в которых сосредоточен «импульс развития», распространяющийся на прилежащие отрасли и территории (согласно концепции Ф. Перру), для сельской местности мы можем выделить:

1. Сельское и лесное хозяйство, и такие традиционно сельские виды деятельности, как охота, рыбоводство и рыболовство, которые в настоящее время является основой существования сельских территорий ближней, средней и дальней периферии, обеспечивая работой порядка 20% сельского населения (*таблица*).

Структура занятого сельского населения России по видам экономической деятельности, в среднем за год, %

Вид экономической деятельности	2011 г.	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2018г. к 2011г., +/-
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	25,6	22,6	19,9	19,7	- 5,9
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	8,7	9,0	9,6	14,6	5,9
Образование	11,2	11,0	11,3	11,4	0,2
Транспортировка и хранение, деятельность в области информации и связи	7,2	7,7	8,2	8,3	1,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	7,9	7,2	7,3	7,3	- 0,6
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	7,2	7,2	7,3	7,2	0
Другие виды экономической деятельности	32,2	35,3	36,4	31,5	- 0,7
Источник: Составлено на основе: [5].					

Отметим что, помимо аграрного производства, достаточно большая доля занятых и в сфере услуг (например, 14,6% занято в торговле, оказании услуг гостиниц и предприятий общественного питания, ремонта автотранспортных средств), в образовании (11,4%) и т.д.

Несмотря на рыночные реформы 1990-х гг. и их отчасти негативное влияние на состояние агропромышленного комплекса (по причине резкого уменьшения объемов государственной поддержки, несовершенства законодательства, усиления диспаритета цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и др.), сельское хозяйство было и остается одной из ведущих отраслей сельской экономики.

2. Для сельских территорий ближней и средней периферии, где агломерационные эффекты городов, пронизывающая практически всё пространство и обеспечивающая круглогодичную связь между населенными пунктами транспортная инфраструктура, уровень социально-экономического развития, скорость распространения инноваций и другие факторы позволяют жить и работать так же комфортно, как и в городе, – отрасли народного хозяйства с высокой добавленной стоимостью, инновационные, высокотехнологичные [5].

Несомненно, что требует внимания и поддержки также и малый, и средний бизнес различных отраслей, социально ориентированные бизнес-проекты, существование которых позволяет диверсифицировать сельскую экономику.

Таким образом, объективно существующую неоднородность экономического пространства преодолеть невозможно, однако устранение разрыва между периферийными территориями и центрами, сопоставимыми в настоящее время с сельскими и урбанизированными территориями, является одним из направлений сокращения этой асимметрии. Также важно создать такие условия, чтобы неодно-

родность экономического пространства сопровождалась вовлеченностью периферии в экономические, социальные процессы общества.

Библиографический список

1. Кожевников С.А. Пространственное и территориальное развитие Европейского Севера России: тенденции и приоритеты трансформации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5.
2. Рохчин В. Е. Основные задачи научного обеспечения пространственного экономического развития регионов (отклик на статью П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко «Пространственная экономика: эволюция подходов и методология») // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 163-167.
3. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты / науч. ред. А.Я. Троцковский. Барнаул: Алт. ун-т, 2013. 330 с.
4. Патракова С.С. Сельская местность как элемент опорного каркаса территории // Вопросы территориального развития. 2020. Т. 8. № 1. DOI: 10.15838/tdi.2020.1.51.1 URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/28471.
5. Патракова С.С. Социально-экономические и территориальные особенности развития сельского хозяйства Вологодской области // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 4 (39). С. 91–110. DOI: 10.17586/2310-1172-2019-12-4-91-11.

Информация об авторе

Патракова Светлана Сергеевна (Россия, Вологда) – аспирант 1 курса, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Российская Федерация, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а).

Patrakova S.S.

RURAL AREAS IN THE CONCEPT OF THE CENTER-PERIPHERAL DEVICE OF SPACE

Abstract. *The study is devoted to identifying the role of rural areas in the concept of "center-periphery." The results of the research made it possible to evaluate the place of the countryside in the center-peripheral model of space and propose measures aimed at reducing spatial asymmetry.*

Key words: *rural area, economic space, center, periphery, territory.*

Information about the author

Patrakova Svetlana S. (Russia, Vologda) – postgraduate student 1 course, Junior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences" (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation).

References

1. Patrakova S.S. Countryside as an Element of the Territory's Supporting Frame. Territorial development issues, 2020, vol. 8, № 1. DOI: 10.15838/tdi.2020.1.51.1 URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/28471?_lang=en

2. Rokhchin V.E. Main Objectives of Scientific Support for Spatial Economic Development of Regions (a response to the article by P.A. Minakir, A.N. Demyanenko «Spatial Economics: The Evolution of Approaches and Methodology»). Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics, 2010, № 4, pp. 163-167. DOI: 10.14530/se.2010.4.163-167.
3. Sustainable development of rural territories of the Altai Territory: socio-economic and spatial aspects / I. Trotsky. Barnaul: Publishing house Alt. University, 2013.330 p.
4. Kozhevnikov S.A. Spatial and territorial development of the European North: trends and priorities of transformation. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2019, vol. 12, № 6, pp. 91–109. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.5.
5. Patrakova S.S. Socio-economic and territorial features of agricultural development in the Vologda region. Scientific journal NRU ITMO. Series: Economics and environmental management, 2019, № 4 (39), pp. 91-110. DOI: 10.17586 / 2310-1172-2019-12-4-91-11.

УДК 338.48

Подольская Л.Д.

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Аннотация. *В статье рассмотрены особенности инноваций в туризме. Раскрыто содержание продуктовых, ресурсных, технологических, организационных, информационных и маркетинговых инноваций в туризме. Обоснованы возрастающая роль и основные направления эффективного применения современных технологий в данной сфере.*

Ключевые слова: *технология, современные технологии, управление современными технологиями, сфера туризма, инновация, инновационная деятельность, предприятие.*

В настоящее время развитие информационных и коммуникационных технологий в сфере туризма способствует появлению новых туристических продуктов, специализированных услуг и туристических продуктов для различных категорий туристов, включая такие категории, как пожилые люди, люди с ограниченными возможностям и др.

Но многие вопросы, связанные с особенностями внедрения и использования современных инновационных методов и технологий, сегодня остаются слабоизученными и недостаточно разработанными, что сдерживает развитие сферы туризма в целом.

Среди направлений инновационной деятельности в сфере туризма в отношении продуктовых инноваций можно выделить:

1) разработку нового турпродукта или услуги (в том числе на основе внедрения новых технологий);

2) усовершенствование существующего турпродукта или услуги (на основе продуктовых инноваций) для увеличения объемов продаж за счёт снижения цены или улучшения качества;

3) производство турпродукта или услуги с меньшими издержками за счёт сотрудничества с новыми поставщиками, предоставляющими аналогичные услуги по более низкой цене, для получения ценовых преимуществ перед подобными турпродуктами и услугами конкурентов.

Самыми распространенными причинами неудачного планирования нового туристического продукта или новой услуги, издержек в процессе обслуживания является отсутствие у высшего руководства четкого представления о том, как правильно построить работу исследовательских групп по развитию новой продукции, а также отсутствие готовности сотрудников предприятия к технологическим инновациям.

К сожалению, разработка инновационных продуктов непосредственно субъектами туристского рынка и, в меньшей степени, органами отраслевого и регионального управления не способствует быстрому и эффективному использованию нововведений в сфере туризма. Актуальным является поиск таких инновационных методов построения эффективной системы управления региональной индустрией туризма, которые способствовали бы дальнейшему развития туристской территории в целом.

В этой связи следует заметить, что ассоциацией «Турпомощь» (объединение туроператоров в сфере выездного туризма, созданное с целью защиты интересов туристов в 2012 г.), выступающей связующим звеном между турбизнесом и органами государственной власти в России, а также координирующей взаимодействие

профильных госструктур, участников туристического рынка по всем ключевым отраслевым вопросам, был создан комитет по инновациям [1].

Мировой опыт свидетельствует, что фактором, определяющим успех деятельности любой организации индустрии туризма на туристском рынке, является время обслуживания клиентов. Важным является, чтобы сервис и платежи были мобильными, быстрыми и практически незаметными для потребителя. Возможность ведения бизнеса в подобном режиме напрямую связана с тем, каким образом и с помощью каких информационных технологий организован обмен информацией между туроператором и поставщиками услуг, между туроператором и турагентами.

Современный уровень развития турбизнеса и жесткая конкуренция в этой области придают особую важность информационным системам туристских агентств и качеству используемых ими программных продуктов. Эти системы не только ускоряют процесс расчетов и формирования документов, но и могут уменьшать стоимость услуг.

Программный комплекс (ПК) «Мастер-Тур», разработанный российской фирмой «Мегатек», охватывает все основные аспекты деятельности туристической фирмы – от создания прайс-листа и каталогов до реализации турпродукта, от расчета реальной себестоимости до ведения взаиморасчетов с поставщиками, от оперативного учета до управленческого.

Важным аспектом деятельности предприятий в сфере туризма является финансовое обеспечение туроператорской деятельности, а использование современных инновационных методов и технологий позволяет решить многие вопросы, связанные с финансовым обслуживанием туристов.

Например, функциональный блок программы «Мастер-Тур» позволяет кассиру распечатывать приходно/расходные ордера, различные отчетные документы, экспортировать данные в программу 1С, контролировать взаиморасчеты с партнерами и оплату клиентами туров, оценить реальное финансовое состояние фирмы в заданный момент времени.

Среди зарубежных разработок программных продуктов, представленных на российском рынке, хотелось бы отметить ПК Jack, разработанный компьютерной компанией Bewotec (Германия), предназначенный для автоматизации деятельности предприятий в сфере туризма.

Главной отличительной особенностью данной программы является ее совместимость с ведущими глобальными компьютерными системами бронирования и резервирования (GDS) – Amadeus, Galileo, Worldspan, Sabre. Выполненное в GDS резервирование автоматически импортируется в программу Jack и выписываются авиабилеты, готовятся счета, счета-фактуры, ваучеры, подтверждения, отчеты в авиакомпании и другие документы.

Использование системы онлайн-бронирования номеров или билетов, бронирование мест в ресторанах, театрах и т.д. и автоматизация трудоемких технологических процедур по управлению предприятием сферы туризма (процедур планирования, учета, контроля), а также автоматизация технологических процедур жизнеобеспечения и обеспечения безопасности способствуют улучшению качества обслуживания при одновременной оптимизации численности персонала.

Одним из препятствий в развитии инновационного процесса в туризме является неразвитость инновационной культуры предприятий сферы туризма. Обновление туристского предложения турфирм происходит медленно, что нередко является результатом косности мышления и недостаточного профессионализма туристских кадров.

Многие турагенты могут быть не заинтересованы в предоставлении туруслуг через Интернет; более дешевое оформление авиабилетов через сеть Интернет для деловых туристов может стать причиной столкновения интересов крупных турагентств и авиакомпаний.

Туристические предприятия, которые в настоящее время не готовы к возрастающему потоку технологических новшеств, могут оказаться весьма уязвимыми в будущем. Большое внимание предприятиям следует уделять выбору конкретного направления использования современных технологий в сфере туризма и применять творческий подход в использовании инновационных продуктов.

Инновационная активность сферы туризма будет зависеть от практического использования научно-технического потенциала, государственной инновационной политики, внешних и внутренних ресурсов туристской территории.

Для инновационной активности на уровне предприятий в сфере туризма должно быть характерно постоянное улучшение качества услуг и их комбинирование; использование современных технологий для открытия новых направлений предоставления туристической услуги; совершенствование качественных характеристик персонала; разработка новых путей использования существующих ресурсов при одновременном поиске развития новых ресурсов; использование новых технологий и установление сотрудничества с профильными государственными структурами и др. [2].

Кроме того, учет особенностей управления инновационными технологиями в сфере туризма и использование системного, комплексного и технологических подходов позволит повысить эффективность управления предприятиями и тем самым обеспечить высокий уровень их конкурентоспособности на рынке туристических услуг.

Таким образом, без внедрения инноваций в сфере туризма, развития системы сервисной инновационной деятельности невозможно достижение основной цели инновационной политики – решение экономических и социальных вопросов региона и населения, проживающего на его территории, повышение качества жизни и более полное удовлетворение спроса потребителей на высококачественные товары и услуги.

Библиографический список

1. Ассоциация «Объединение туроператоров в сфере выездного туризма «Турпомощь». URL: http ://www.tourpom.ru
2. Balashova R. Improved territorial policy, as the direction of increase of efficiency of sphere of services (Совершенствование территориальной политики, как направление повышения эффективности сферы услуг) // European science review, «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. № 1-2. 2016. pp. 201-203.

Информация об авторе

Подольская Лариса Дмитриевна (Донецк) – аспирант, Государственное учреждение «Институт экономических исследований» (283048, Донецк, ул. Университетская, д. 77; post-graduate@econri.org).

Podolskaya L.D.

PECULIARITIES OF INNOVATIONS IN THE SPHERE OF TOURISM

Abstract. *The article discusses the features of innovation in tourism. Maintenance of product, resource, technological, organizational and marketing innovations in tourism are exposed.*

Grounded are he increasing role and basic directions of modern technologies' effective application in this sphere.

Key words: *technology, modern technologies, management modern technologies, sphere of tourism, innovation, innovative activity, enterprise.*

Information about the author

Podolskaya Larisa D. (Donetsk) – Post-graduate student of State institution of «Institute of economic research» (283048, Donetsk, ul. Universitetskaja 77; post-graduate@econri.org).

References

1. Assotsiatsiya «Ob"yedineniye turoperatorov v sfere vyezdnogo turizma «Turpomoshch'» [«Association of tour operators in the sphere of outbound tourism of «Turpomoshch»]. URL: http://www.tourpom.ru.
2. Balashova R.I. The economic impact of the new industrialization on the financial security of industrial enterprise // European science review, «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. № 1-2, 2017, – pp. 116-122.

УДК 332.02 / ББК 65.05

Секушина И.А.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РАССЕЛЕНИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

***Аннотация**. Представлены результаты анализа Стратегии пространственного развития РФ на предмет определения роли и перспектив малых и средних городов в решении вопросов пространственного развития. Рассмотрены главные направления государственной политики по развитию малых и средних городов как составных элементов системы расселения страны.*

***Ключевые слова:** малые и средние города, социально-экономическое развитие, стратегия пространственного развития, система расселения.*

В мировом научном сообществе вопросы пространственного развития территорий не теряют своей актуальности. Большинство исследователей в своих работах акцентируют внимание на роли городов как в социально-экономическом развитии страны, так и в формировании единого экономического пространства внутри нее. При этом в условиях происходящих в российской экономике трансформационных процессов конкуренция между городами разных категорий за трудовые, производственные, инвестиционные ресурсы усиливается из года в год. И, как правило, не только в России, но и во всем мире в данной борьбе в более выигрышном положении оказываются крупные города и городские агломерации. При этом от миграционного оттока населения страдают не только сельские территории, но и малые и средние города, которые в первую очередь покидают трудоспособное население, молодежь и наиболее квалифицированные кадры, что в конечном итоге неизбежно ведет к депопуляции и деградации данного типа городов.

По данным на 1 января 2019 года к категории «малые и средние» относятся 944 из 1115 российских городов[1]. Численность населения, проживающего в них, – 26,5 млн. человек, что составляет более ¼ всех жителей городов России. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что с 1989 года в целом по стране доля населения, проживающего в малых и средних городах, сократилась более чем на 1/3, в то время как доля жителей городов-милионников выросла в два с лишним раза [4].

Усиливающиеся из года в год тенденции миграционного оттока жителей из малых и средних российских городов по большей части обусловлены достаточно сложной ситуацией в экономике муниципалитетов, неудовлетворительным по сравнению с крупными городами состоянием социальной и жилищно-коммунальной сферы, низким уровнем благоустройства городской среды.

Безусловно, часть обозначенных проблем в той или иной степени была актуальна и в советское время. Однако во времена СССР благодаря плановой системе хозяйствования и поддержке территориально значимых градообразующих предприятий ситуация в малых и средних городах была не такой острой. В настоящее же время проводимую российскими властями политику в отношении малых и средних городов и решения проблем их социально-экономического развития сложно назвать успешной.

---

[1] По классификации городов, приведенной согласно «СП 42.13330.2011. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89», к средним относятся города с численностью населения от 50 до 100 тыс. чел., к малым – до 50 тыс. чел.

Прежде всего, нельзя не отметить тот факт, что в главном, по сути, документе пространственного развития страны – принятой в феврале 2019 года «Стратегии пространственного развития Российской Федерации» – перспективы дальнейшего развития малых и средних городов практически не отражены. Согласно документу, основой пространственного развития государства будут являться 41 крупнейшая (ядро – город с населением свыше 1 млн. чел.) и крупная (более 500 тыс. чел.) городские агломерации [2].

Вместе с тем проблема устойчивого снижения численности населения городов с численностью населения менее 100 тыс. человек в Стратегии отмечена. В качестве приоритетов пространственного развития Российской Федерации до 2025 года обозначены следующие направления:

- опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала;
- развитие перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории Российской Федерации;
- социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения с недостаточным собственным потенциалом экономического роста.

Однако отметим, что, несмотря на наличие четко выраженной ориентации на развитие агломераций, для обеспечения сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов России предполагается повысить устойчивость системы расселения за счет социально-экономического развития городов, имеющих статус монопрофильных муниципальных образований, исторических поселений и наукоградов. К данным типам городов можно отнести значительную часть малых и средних российских городов. При этом моногорода планируется развивать за счет диверсификации их экономики, города-исторические поселения – за счет сохранения и воссоздания в исторических поселениях памятников истории и культуры и исторически ценных градоформирующих объектов, а наукограды – за счет развития в них научно-производственного комплекса и формирования благоприятной среды, в том числе для привлечения высококвалифицированных кадров.

Проблемы пространственного развития страны планируется решать, в том числе, и путем развития малых и средних городов как межмуниципальных обслуживающих центров для сельских территорий, обеспечивающих население и предпринимателей различными видами услуг (социальных, информационно-консультационных и т.д.).

Главными направлениями реализации мер по социально-экономическому развитию российских территорий согласно Стратегии, должно являться повышение доступности услуг отраслей социальной сферы, улучшение транспортной доступности, увеличение связанности центров экономического роста с малыми и средними городами, сельскими территориями, расположенными за пределами городских агломераций[2].

Не менее важным является вопрос включения малых и средних городов в систему расселения страны с определением их роли как структурно-функциональных элементов. Поскольку именно взаимосвязанное функционирование малых и средних городов с другими населенными пунктами, в том числе с крупными городами и агломерациями, является наиболее эффективным решением по преодоле-

[2] Стратегия пространственного развития РФ: утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

нию недостатков, обусловленных их весьма ограниченным социально-экономическим потенциалом.

Объективной реальностью в настоящее время является недооценка значения межселенных связей, роли и выполняемых функций городов-центров различного уровня. Еще в 1979 году советскими учеными было разработано руководство по проектированию малых городов в системах расселения [3], в котором изложен подход к проектированию населенных мест в условиях формирования систем расселения различных иерархических уровней с учетом положения, функциональной роли и перспектив развития малых городов в этих системах. Малые и средние города рассматриваются прежде всего в качестве структурно-функциональных элементов систем расселения, формирующихся на основе рационального взаимосвязанного развития и размещения различных по величине и функциям населенных мест, объединенных общими системами производства, инженерно-транспортной инфраструктурой, единой сетью центров общественного обслуживания и мест отдыха населения, а также единой системой административно-хозяйственного управления.

На *рисунке* представлены цели формирования систем расселения, в соответствии с которыми тот или иной малый и средний город должен выполнять определенный набор функций. Соответственно, выбор главных направлений дальнейшего развития малых и средних городов должен осуществляться прежде всего с учетом выполнения обозначенных функций в максимальном объеме.

Цели формирования систем расселения и соответствующие им функции, выполняемые малыми и средними городами [3]

Вместе с тем нельзя не отметить то, что формирование функциональной структуры малых и средних городов в системах расселения происходит под влиянием, с одной стороны, дифференциации функций населенных мест, которая обусловливает развитие значительного числа специализированных населенных пунктов, а с другой стороны, интеграции функций, под влиянием которой формируются многопрофильные города.

Таким образом, система управления развитием малых и средних городов, на наш взгляд, должна строиться на основе функционального типа города, а также должна учитывать его социально-экономическое положение, объем, характер и глубину имеющихся проблем.

С точки зрения пространственного развития территорий политика государства, по нашему мнению, должна быть направлена в первую очередь на формирование территориально-планировочной структуры системы расселения, способствующей фактической консолидации социально-экономического потенциала как крупных городов, так и малых городских и сельских населенных пунктов.

При выборе направлений и инструментов социально-экономического развития малых и средних городов важно также принимать во внимание роль, которую они играют в составе систем расселения различных уровней. Традиционно выделяются следующие категории малых и средних городов-центров местных систем расселения: межрайонные, районные, межхозяйственные, хозяйственные центры. Помимо городов-центров местных систем расселения можно выделить отдельный вид городов, которые лишь отчасти выполняют функции местных центров. Дальнейшее развитие таких малых и средних городов должны определяться в соответствии с ролью, которую они играют в системе расселения страны, а также в зависимости от их экономического профиля [3].

В настоящее время в России нет действующей целевой программы развития малых и средних городов, и для ее разработки прежде всего требуется проведение детального анализа ситуации в данных населенных пунктах. Ведь без такой научной и информационной базы все принимаемые меры по экономическому возрождению малых и средних городов вряд ли будут иметь положительный результат. Лишь путем определения специфики проблем каждого города можно найти пути их решения.

Вопрос разработки целевой государственной программы развития малых и средних городов, безусловно, актуален. Мнения большинства экспертов сходятся в том, что такая программа необходима, а сама ее идея не противоречит принципу «саморазвития, самоуправления и самофинансирования», а напротив, способна при гибком подходе создать условия для его эффективной реализации.

Однако нельзя не отметить, что особое внимание следует уделять тщательной проработке методических основ и инструментам ее реализации. По мнению экспертов [1], для эффективной реализации такой модели государственной политики в отношении малых и средних городов необходимо выполнения ряда условий.

Во-первых, необходимо четко ограничить объекты регулирующего воздействия для подобной программы, т.е. вывести за рамки программы те малые и средние города, где располагаются уже действующие федеральные и региональные «институты развития» (города, включенные в перечень моногородов; наукограды; особые экономические зоны; зоны территориального развития; территории опережающего развития; разного рода индустриальные округа и технопарки, в том числе софинансируемые федеральным центром и пр.).

Во-вторых, необходимо проведение типологизации малых и средних городов на основе экспертной оценки. Однако выделение типов городов по аналогии с моногородами – лишь на основе данных о социально-экономической ситуации в городе и наличию рисков ее ухудшения – на наш взгляд, будет недостаточно, поскольку количество специфических типов малых и средних городов значительно больше и каждому из них нужны свои подходы и меры поддержки [1].

В целом же главной целью и направлением реализации государственной политики поддержки развития малых и средних городов, по нашему мнению, должно стать постепенное преодоление диспропорций в развитии производственной и социальной инфраструктуры, в показателях уровня и качества жизни населения, в них проживающего, по сравнению с жителями более крупных населенных пунктов.

Библиографический список

1. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Малые города в системе пространственного регулирования российской экономики // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19). С. 169-180. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2018.1.16
2. Кожевников С.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // Вопросы территориального развития. 2019. № 3 (48). DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1
3. Руководство по проектированию малых городов в системах расселения / ЦНИИП градостроительства. М.: Стройиздат, 1979. 129 с.
4. Секушина И.А. Урбанизация в России и значение малых и средних городов в развитии сельских территорий // Traektoriâ Nauki= Path of Science. 2018. Vol. 4. № 8. С. 2009-2016. DOI:10,22178 / pos. 37-4.

Информация об авторе

Секушина Ирина Анатольевна (Россия, Вологда) – аспирант 3 курса, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; sekushina.isekushina@yandex.ru).

Sekushina I.A.

PRIORITY DIRECTIONS FOR MANAGING THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM- SIZED CITIES IN THE CONTEXT OF SOLVING THE PROBLEMS OF SETTLEMENT AND SPATIAL DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

***Abstract**. The results of the analysis of the spatial development Strategy of the Russian Federation for determining the role and prospects of small and medium -sized cities in solving spatial development issues are presented. The main directions of state policy for the development of small and medium-sized cities as components of the country 's settlement system are considered.*

***Key words:** small and medium-sized cities, socio-economic development, spatial development strategy, settlement system.*

Information about the author

Sekushina Irina A. (Russia, Vologda) – Post-graduate student, junior researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Russia, 160014, Vologda, Gorky Str., 56a; sekushina.isekushina@yandex.ru).

References

1. Buhval'd E.M., Valentik O.N. malye goroda v sisteme prostranstvennogo regulirovaniya rossijskoj ekonomiki // Regional'naya ekonomika. YUg Rossii. 2018. № 1 (19). S. 169-180. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2018.1.16

2. Kozhevnikov S.A. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii i perspektivy transformacii rossijskogo prostranstva // Voprosy territorial'nogo razvitiya. 2019. № 3 (48). DOI: 10.15838/tdi.2019.3.48.1
3. Rukovodstvo po proektirovaniyu malyh gorodov v sistemah rasseleniya / CNIIP gradostroitel'stva. M.: Strojizdat, 1979. 129 s.
4. Sekushina I.A. Urbanizaciya v Rossii i znachenie malyh i srednih gorodov v razvitii sel'skih territorij // Traektoriâ Nauki= Path of Science. 2018. Vol. 4. № 8. S. 2009-2016. DOI:10,22178 / pos.37-4.

УДК 332.1:338.2 / ББК 65.04

Соловьева Т.С.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ИННОВАЦИОННЫХ ПОДСИСТЕМ

***Аннотация**. В работе актуализируются проблемы развития региональных социально-инновационных подсистем в субъектах РФ. Определены стратегические направления, базирующиеся на применении экосистемного подхода и способствующие формированию продуктивных социально-инновационных экосистем.*

***Ключевые слова:** социальные инновации, регион, региональная инновационная подсистема, региональная социально-инновационная подсистема, социальное предпринимательство, экосистемный подход, региональная живая лаборатория.*

Инновационное развитие является одним из основных стратегических приоритетов государственной политики в России. В целях активизации инновационной деятельности принят ряд нормативно-правовых документов, ключевыми из которых выступают Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [9] и Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» [1]. Однако сохранение сырьевой зависимости экономики страны говорит о том, что темпы перехода к инновационному типу развития недостаточны [10, с. 27]. Подтверждением этому служит и факт отставания России от уровня инновационного развития развитых стран мира, о чем свидетельствуют данные международных рейтингов. К примеру, итоги The Global Innovation Index 2019 [11, с. 368] показали, что Россия находится на 46 месте (из 129) по инновационному потенциалу и уровню достижений в области инноваций.

Дифференциация инновационного развития отмечается и в разрезе регионов России.Данные рейтинга инновационного развития субъектов РФ НИУ ВШЭ позволяют говорить о неравномерности развития регионов как по отдельным аспектам инновационного развития, так и в целом. Так, в 2019 году только Москва и Санкт-Петербург демонстрировали равномерное развитие всех без исключения составляющих интегрального индекса [4, с. 22]. В других субъектах РФ высокие значения показателей по одним составляющим сочетаются с низкими значениями индикаторов по другим аспектам инновационного развития. В связи с этим актуализируются вопросы формирования и развития региональных инновационных подсистем.

Анализ научного и практического дискурса показывает, что становлению и развитию региональных инновационных подсистем в регионах страны препятствуют несовершенство нормативно-правового обеспечения и взаимодействия между различными экономическими агентами в процессе инновационной деятельности, недостаточно благоприятный предпринимательский климат в регионах и дефицит финансирования науки и образования, проблемы кадрового потенциала, низкая инновационная активность и т.д. [6, с. 43]. Помимо этого, в теории и на практике по вопросам развития региональных инновационных подсистем преобладает интерес к технологическим инновациям.

В то же время мировой опыт показывает, что социальные инновации могут вносить значимый вклад в решение многих проблем социально-экономического развития территорий и повышение устойчивости регионального развития. В самом общем виде социальные инновации приравниваются к новым идеям, которые

успешно отвечают текущим социальным целям[1]. При этом социальные инновации могут принимать форму процесса, продукта, услуги, платформы, бизнес-модели, программы и т.д. и реализовываться различными акторами (государство, частный сектор, некоммерческие организации, социальные предприниматели и т.д.). Социальные инновации оказывают значительное влияние на развитие территории, обеспечивая занятость, доходы населения и развитие предпринимательства, а также стимулируя местную экономику[2]. Ранее нами были систематизированы различные эффекты (экономические, политические, социальные, экологические), возникающие в процессе реализации социальных инноваций, и представлено их влияние на территориальное развитие в виде концептуальной модели [5]. Тематика социальных инноваций приобретает особую важность в свете исследований последних лет [к примеру, 2] (Л. Саммерс, Э. Боллс, Э. Мончиньска и др.), касающихся инклюзивности социально-экономических систем и противодействия социальной изоляции как необходимых условиях гармоничного развития территорий. При этом социальная инклюзивность (вовлечение всех участников социально-экономической жизни в создание и оптимальное использование потенциала развития) рассматривается как движущая сила инновационности и повышения качества жизни людей. Не случайно за рубежом изучение социальных инноваций все чаще осуществляется в рамках экосистемного подхода с акцентом на развитии среды для реализации социальных инноваций и взаимодействия между основными акторами, включенными в процесс их разработки и внедрения. То есть экосистема социальных инноваций, по сути, становится одним из элементов инклюзивной социально-экономической системы, а исследования ее состояния и возможностей совершенствования – одними из приоритетных для развития территорий. В то же время в российской науке экосистемный подход применяется только в отношении системы инноваций в целом [3] и зачастую исследуются лишь отдельные аспекты развития теории и практики реализации социальных инноваций.

В связи с этим предлагается в составе региональной инновационной подсистемы выделить социально-инновационную подсистему, которую представляется актуальным рассматривать с точки зрения экосистемного подхода как экосистему. В состав региональной социально-инновационной экосистемы представляется необходимым включить: акторов (органы власти, бизнес, научно-образовательные организации, структуры гражданского общества и т. д.), социально-инновационную среду (инфраструктура, нормы и правила, инновационная культура и т. д.), в которой они взаимодействуют и обмениваются потоками ресурсов (информационных, кадровых, финансовых и т.д.) [8, с. 90].

Проведенный ранее анализ позволил выделить основные проблемы становления региональных социально-инновационных экосистем в субъектах РФ [6, с. 44-47; 7, с. 60-64]. Прежде всего, это неразвитость нормативно-правовой базы в области социальных инноваций и социального предпринимательства как одного из ключевых проводников социальных инноваций в условиях российской действительности. Кроме того, недостаточная проработанность концепции социальных инноваций в современной российской науке препятствует оценке реальной ситуации в данной

---

[1] European Commission: Communication from the European Commission [Electronic resource] // Annual Growth Survey. 2011. 23 November. URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/ags2012_en.pdf (accessed: 15.03.2020).

[2] Там же.

сфере. Положение усугубляется отсутствием статистического учета социальных инноваций официальной статистикой, что создает трудности как в отношении анализа их распространенности, так и вклада в развитие регионов. Нехватка данных приводит к недостаточной информированности органов власти о преимуществах и возможностях социальных инноваций в решении социально-экономических проблем территорий, что осложняет их взаимодействие с другими субъектами региональной экономики в области развития социальных инноваций и формирования региональных социально-инновационных экосистем [6, с. 47]. Перечень проблемных аспектов дополняют нехватка финансирования, квалифицированных кадров и компетенций; административные и бюрократические барьеры; низкая социальная активность населения; отсутствие узнаваемого имиджа среди широкой общественности; недоверие и стереотипы, существующие в обществе и др.

В связи с этим в целях преодоления выявленных проблем представляется актуальным предложить следующие стратегические направления развития региональных социально-инновационных подсистем, базирующиеся на применении экосистемного подхода:

– развитие законодательства в сфере социальных инноваций и дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы в области социального предпринимательства;

– совершенствование научного обеспечения принятия управленческих решений и поддержка исследований в данной сфере;

– развитие системы статистического учета социальных инноваций, в т.ч. в направлении мониторинга развития социального предпринимательства;

– развитие финансовых и нефинансовых инструментов стимулирования социальных инноваций и повышение их доступности;

– повышение уровня взаимодействия субъектов региональной экономики по вопросам развития социальных инноваций;

– выявление и обеспечение распространения лучших практик социальных инноваций, повышение освещенности реализации успешных проектов в средствах массовой информации, что будет способствовать повышению заинтересованности органов власти в задействовании потенциала данных инициатив в решении проблем территорий;

– развитие структур, обеспечивающих подготовку кадров и повышение квалификации в сфере социальных инноваций и социального предпринимательства, что позволит улучшить ситуацию в области недостаточности компетенций персонала;

– развитие инновационной культуры (культуры восприятия, применения, создания инноваций) и инновационного поведения населения и организаций;

– содействие повышению мотивации гражданского участия в решении социальных проблем и т.д.

На основе анализа мирового опыта в целях развития региональных социально-инновационных подсистем предлагается формирование живых лабораторий Живые лаборатории функционируют в разных странах мира и объединяются в сети для обмена опытом. К примеру, одной из крупнейших является Европейская сеть живых лабораторий, насчитывающая более 150 членов[3]. В первоначальном виде живые лаборатории по развитию социальных инноваций являются платформой для тех, кто реализует социальные инновации, где они могут экспериментировать

[3] European Network of Living Labs [Electronic resource] // ENoLL. URL: https://enoll.org/about-us/ (accessed: 15.03.2020).

и создавать прототипы возможных идей (продуктов, услуг, моделей и т.д.) для решения сложных социальных проблем, требующих системных изменений. В то же время представляется возможным расширить функциональное назначение данных структур в регионах в направлении содействия развитию социально-инновационных экосистем, в т.ч. посредством организации взаимодействия между субъектами социально-инновационной деятельности. Кроме того, региональные живые лаборатории могут стать отправной точкой для развития региональных социально-инновационных кластеров. Примеры действующих социально-инновационных кластеров существуют как в мире (к примеру, в Японии, Италии), так и в России (в Омской области[4]). Данные структуры способствуют социально-экономическому развитию территорий путем поддержки социально ориентированного бизнеса, социального предпринимательства некоммерческих организаций.

Таким образом, реализация предложенных направлений и инструментов будет способствовать формированию и развитию региональных социально-инновационных подсистем, эффективное функционирование которых, в свою очередь, позволит активизировать реализацию социальных инноваций и решение проблем развития территорий.

Библиографический список

1. Экономическое развитие и инновационная экономика: Государственная программа Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
2. Мончиньска Э. Инклюзивность как императив социально-экономического устройства // Мир перемен. 2017. № 1. С. 60–75.
3. Никонорова А.В. Создание инновационной экосистемы и повышение качества жизни в регионе // Вестник университета. 2018. № 10. С. 49-53. DOI 10.26425/1816-4277-2018-10-49-53.
4. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6 / Г.И. Абдрахманова, С.В. Артемов, П.Д. Бахтин и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 264 с.
5. Соловьева Т.С. Влияние социальных инноваций на региональное развитие: концептуальные положения // Вопросы региональной экономики. 2018. № 3. С. 81-88. DOI:10.21499/2078-4023-2018-36-3-81-88.
6. Соловьева Т.С. Развитие экосистем социальных инноваций в контексте формирования региональных инновационных подсистем // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 3. С. 42–50. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.3.5.
7. Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития / Т.С. Соловьева, А.В. Попов, А. Каро-Гонсалес, Хуа Ли // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 2. С. 52-68. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.4.
8. Соловьева Т.С. Теоретические аспекты формирования и развития региональных социально-инновационных экосистем // Вестник НГИЭИ. 2019. № 3 (94). С. 84-93.
9. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

[4] Омский кластер социальных инноваций [Электронный ресурс] // ЦИСС Омской области. Режим доступа: http://cissinfo.ru/klaster-socialnyh-innovacij/ (дата обращения: 15.03.2020).

10. Хмелева Г.А. Оценка уровня развития региональной инновационной системы в условиях приоритетов промышленного и технологического развития // Регионология. 2016. №4. С. 26-40.
11. The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives—The Future of Medical Innovation / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Geneva: Cornell University, INSEAD, and WIPO, 2019. 451 p.

Информация об авторе

Соловьева Татьяна Сергеевна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; solo_86@list.ru).

Soloveva T.S.

STRATEGIC DEVELOPMENT TRENDS OF REGIONAL SOCIAL INNOVATION SUBSYSTEMS

Abstract. *The paper focuses on the development problems of regional social innovation subsystems in Russia. The study determines strategic directions based on the application of the ecosystem approach and contributing to the formation of productive social innovation ecosystems.*

Key words: *social innovations, region, regional innovation subsystem, regional social innovation subsystem, social entrepreneurship, ecosystem approach, regional living lab.*

Information about the author

Soloveva Tatiana S. (Russia, Vologda) – researcher, Federal state budgetary institution of science "Vologda research center of Russian academy of sciences" (160014 Russia, Vologda, Gorky St., 56a; solo_86@list.ru).

References

1. State program of the Russian Federation «Economic development and innovative economy»: approved by resolution of the Russian Federation Government, April 15, 2014, № 316 // Reference and search system ConsultantPlus.
2. Monchin'ska, E. Inclusiveness as an imperative of socio-economic structure // The world of transformations. 2017. Vol. 1. pp. 60–75.
3. Nikonorova, A. Creation of the innovative ecosystem and life quality improvement in the region // Vestnik Universiteta. 2018. Vol. (10). pp. 49-53. DOI 10.26425/1816-4277-2018-10-49-53.
4. Innovative development rating of the Russia's Federation regions. Issue 6 / Abdrakhmanova G.I., S.V. Artemov, P.D. Bakhtin and others; ed. by L.M. Gokhberg. Moscow: HSE «Higher School of Economics», 2020. 264 p.
5. Soloveva, T. S. Impact of social innovations on regional development: conceptual framework [Text] // Problems of regional economy. 2018. Vol.3(36). pp. 81–88. DOI:10.21499/2078-4023-2018-36-3-81-88.
6. Soloveva, T.S. Developing Ecosystems of Social Innovation in the Context of Creating Regional Innovative Subsystems // Regional Economy. South of Russia. 2019. Vol. 7(3). pp. 42-50. DOI: https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.3.5.

7. Solov'eva, T.S., Popov A.V, Caro-Gonzalez A., Hua Li. Social innovation in Spain, China and Russia: key aspects of development / T.S. Solov'eva, A.V. Popov, A.Caro-Gonzalez, Li Hua // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol.11. №2. pp. 52-68. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.4.
8. Soloveva, T.S. Theoretical issues of social innovation ecosystems-building and development // Bulletin NGIEI. 2019. № 3 (94). P. 84–93.
9. Innovative development strategy of the Russian Federation for the period up to 2020: approved by order of the Russian Federation Government, December 8, 2011, № 2227-R // Reference and search system ConsultantPlus.
10. KHmeleva G.A.. Assessment of the level of development of a regional innovation system in terms of the priorities of industrial and technological development // Russian Journal of Regional Studies. 2016. Vol.4. pp. 26-40.
11. The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent. Geneva: Cornell University, INSEAD, and WIPO, 2019. 451 p.

УДК 332.14, 336.13

Тимушев Е.Н.

МЕСТНАЯ БЮДЖЕТНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ: РОЛЬ СОСЕДСТВА И РАССТОЯНИЙ МЕЖДУ РЕГИОНАМИ

***Аннотация**. Найдено, что пространственные факторы показателя доли налога на доходы физлиц, поступающей в местные бюджеты, в доходах консолидированного бюджета субъекта России значимы и положительны. Результаты важны для изучения межрегионального взаимодействия в сфере бюджетной политики в России.*

***Ключевые слова:** налог на доходы физлиц, пространственная корреляция, корреляция Спирмена, межрегиональное взаимодействие.*

Вв\ыедение

На региональном уровне одним из наиболее весомых и при этом стабильных источников налоговых доходов является налог на доходы физлиц (далее – НДФЛ). Значительная часть поступлений от НДФЛ формирует налоговые доходы местных бюджетов.

Доля налога на доходы физлиц, поступающая в местные бюджеты, в доходах консолидированного бюджета субъекта (далее – доля НДФЛ местных бюджетов, доля местного НДФЛ) дифференцируется в разрезе регионов. Это связано с тем, что фактический норматив зависит не только от единого федерального норматива отчислений (15%), но и от единого регионального и дополнительных региональных нормативов (последние замещают доходы местного бюджета от выравнивающих дотаций). Региональные нормативы должны в сумме обеспечить перераспределение доходов от НДФЛ в размере не менее 15% доходов консолидированного бюджета субъекта[1].

Приведенные тезисы обусловливают актуальность исследования факторов формирования доли НДФЛ местных бюджетов как меры местной бюджетной децентрализации в России.

Данная работа дополняет результаты, опубликованные ранее [2]. Прежние результаты состоят в том, что доля НДФЛ местных бюджетов:

- является индикатором местной бюджетной децентрализации в регионе;
- формируется под влиянием пространственных признаков;
- взаимосвязана с альтернативными показателями децентрализации;
- значима при моделировании темпов роста региональных экономик.

Цель данной работы – определить значимость и характер проявления пространственных факторов в формировании доли местного НДФЛ в субъектах России.

Для достижения цели решаются *следующие задачи*:

1) оценить пространственную корреляцию субъектов России по величине доли НДФЛ местных бюджетов (применяется пространственный корреляционный анализ);

2) определить, влияет ли фактор взаимного расположения регионов на величину доли местного НДФЛ в каждом из субъектов (корреляционный анализ Спирмена). В отличие от первой задачи анализируется не фактор общей границы, а фактор расстояния между регионами.

Методика исследования

В количественных расчетах не участвуют города Москва, Санкт-Петербург, Севастополь и Республика Крым. Все расчеты опираются на данные Казначейства Рос-

[1] Пункт 3 статьи 58 БК РФ.

сии (дополнительные источники указаны отдельно). Если не указано иное, величина доли местного НДФЛ рассчитывается по средним данным за 2011–2018 гг.

Пространственный корреляционный анализ. В традиционном корреляционном анализе пространственные характеристики объектов (координаты, взаимное расположение) не рассматриваются. При добавлении в анализ пространственных характеристик акцент смещается с показателей на объекты наблюдения.

Объекты характеризуются пространственной корреляцией по тому или иному признаку, если они расположены вблизи друг от друга и величины соответствующего признака у них схожи [4]. Мерой связанности двух объектов по тому или иному признаку в пространстве является пространственный коэффициент корреляции – Moran's I (spatial correlation coefficient). Положительный статистически значимый Moran's I показывает, что схожие величины того или иного показателя (признака) обладают концентрацией в пространстве значительно большей, чем если бы концентрация наблюдалась случайно [3].

Веса в анализе пространственной корреляции в данной работе основываются на факте наличия общей границы у субъектов России (в том числе общей точки), без учета расстояния (применяются «queen contiguity weights»).

Корреляционный анализ Спирмена. Роль фактора взаимного расположения регионов (расстояния между регионами) в формировании доли местного НДФЛ в каждом отдельном субъекте России определяется следующим образом. Вычисляется, насколько доля НДФЛ местных бюджетов в том или ином субъекте взаимосвязана с фактом близости/удаленности субъектов друг от друга. Для этого предварительно рассчитываются два показателя:

- индикатор схожести/отличия доли местного НДФЛ в одном субъекте от доли местного НДФЛ в другом субъекте;
- индикатор близости/удаленности (индикатор расстояния) данных субъектов.

Для вычисления индикатора схожести/отличия фактические значения доли местного НДФЛ нормируются по формуле (1). Данный подход был применен для получения количественной характеристики схожести двух стран по признаку их площади.

Чем выше значения S (с максимальным значением «1»), тем приближеннее друг к другу (примерно одинаковы) фактические величины доли НДФЛ местных бюджетов в соответствующих субъектах.

$$s_{ij} = \frac{s_i + s_j}{[(s]_i + s_j) + 50 * |s_i - s_j|} \quad (1)$$

где Sij – нормированная величина доли НДФЛ местных бюджетов в субъекте i по отношению к величине доли НДФЛ местных бюджетов в субъекте j, ед.;

si – фактическая величина доли НДФЛ местных бюджетов в субъекте i, ед.;

sj – фактическая величина доли НДФЛ местных бюджетов в субъекте j, ед.;

«50» – выбранное значение коэффициента разницы величин по двум объектам.

Для количественной характеристики расстояния (индикатора близости/удаленности) между двумя регионами России в данной работе применяется обратная величина квадратного корня расстояния между центрами субъектов (2). Данный подход также основан на методике, использованной в работе [5]. Источник данных о расстоянии между регионами России: [1].

Чем выше значения D, тем ближе друг от друга располагаются субъекты:

$$D_{ij} = \frac{1}{\sqrt{d_{ij}}} \quad , \qquad (2)$$

где Dij – показатель расстояния между двумя субъектами России;

dij – расстояние между административными центрами субъектов России, км.

Значения S и D вычисляются отдельно для каждого региона i по всем регионам j. Для количественной характеристики взаимосвязи показателей S и D по каждому региону применяется коэффициент корреляции Спирмена. Данный выбор обусловлен тем, что нас интересует не степень связанности **величин** нормативов НДФЛ и **величин** расстояний, а просто **факт соответствия между данными величинами** (например, уменьшается ли схожесть регионов по величине местного НДФЛ при росте удаленности между ними).

Результаты

Пространственный корреляционный анализ. В регионах России наблюдается слабая, но статистически значимая положительная пространственная корреляция доли НДФЛ местных бюджетов (*таблица*). Таким образом, на формирование уровня децентрализации по НДФЛ в том или ином регионе оказывает влияние величина показателя в соседнем регионе.

Коэффициент пространственной корреляции доли НДФЛ местных бюджетов в России, ед.

Показатель	Величина
Коэффициент корреляции (Moran's I)	0.11
p-value	0.04

Корреляционный анализ Спирмена. Покажем распределение нормированной величины доли НДФЛ местных бюджетов S на примере Республики Коми (*рис. 1*). Мы видим, что со снижением S увеличивается различие между фактической величиной доли НДФЛ местных бюджетов в данном субъекте по сравнению с величиной показателя в остальных регионах.

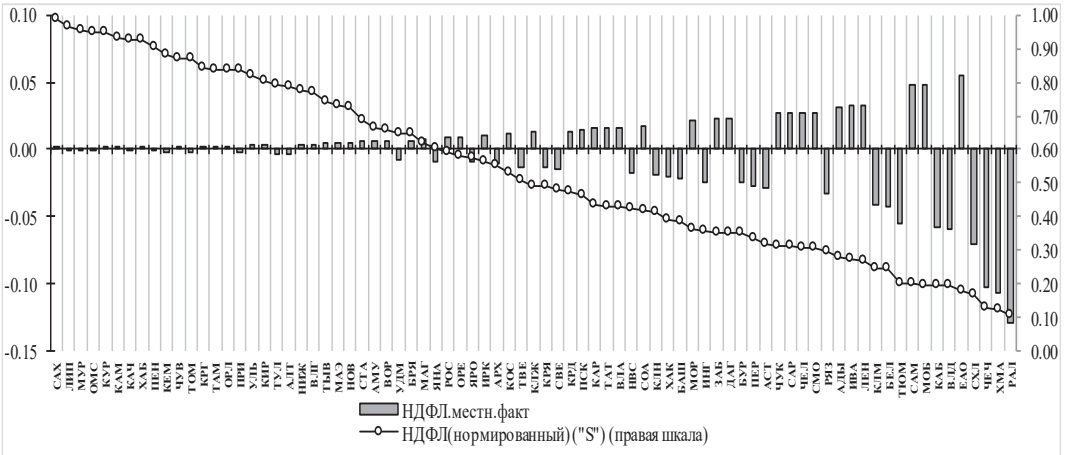


Рис. 1. Фактическая доля местного НДФЛ (разница данных по Республике Коми и по остальным субъектам) и нормированная доля местного НДФЛ, ед.

Примечание. Доля НДФЛ местных бюджетов в Республике Коми = 32%. Отрицательная величина разницы показывает, что доля местного НДФЛ в субъекте выше, чем в Коми.

В большинстве субъектов России доля местного НДФЛ располагается в диапазоне 0.30 – 0.35 (*рис. 2*). Отметим группы субъектов с высокой децентрализацией. Это Республика Калмыкия, Астраханская и Волгоградская области (Южный ФО) и Ханты-Мансийский АО и Тюменская область в Уральском ФО.

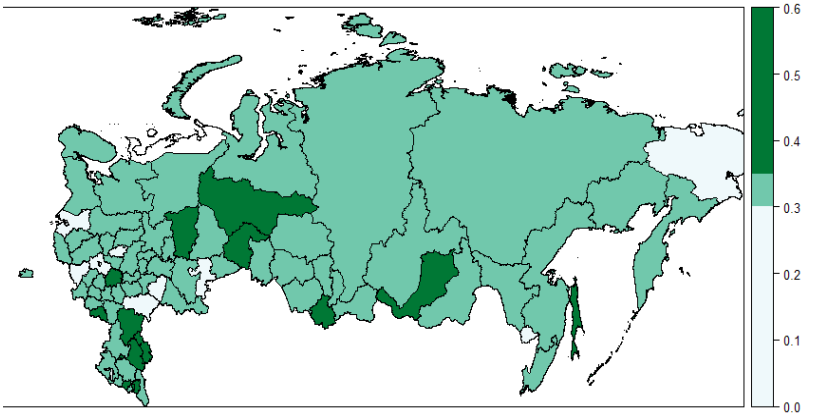


Рис. 2. Распределение субъектов России по доле НДФЛ местных бюджетов, ед.

Расчеты показывают, что близость доли местного НДФЛ снижается вместе с ростом расстояния между регионами. Но это выполняется лишь для небольшого числа регионов, преимущественно располагающихся в Сибирском и Центральном ФО (*рис. 3*). Субъекты СФО при этом наиболее децентрализованы, а доля местного НДФЛ в ЦФО не превышает 30%.

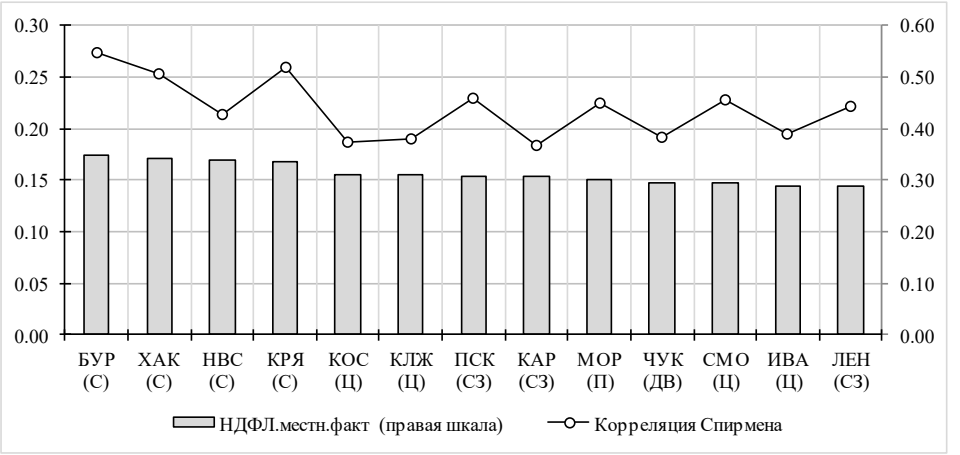


Рис. 3. Коэффициент корреляции Спирмена (между S и D) и фактическая доля местного НДФЛ, ед.

Примечание. Показаны регионы со статистически значимой корреляцией между S и D. В скобках обозначена принадлежность субъекта к федеральному округу.

Выводы

Уровень децентрализации по НДФЛ в том или ином регионе России взаимосвязан и прямо пропорционален доле местного НДФЛ в соседних регионах. Более того, чем ближе расположены регионы, тем выше у них схожесть долей НДФЛ, зачисляемых в местные бюджеты. В целом пространственные факторы доли местного НДФЛ

в субъектах России значимы и положительны. Таким образом, представленное исследование показало наличие неявного межрегионального взаимодействия (strategic interaction) в регионах России в сфере децентрализации по налогу на доходы физлиц.

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейшем при изучении характера межрегионального взаимодействия в сфере бюджетной политики в России, в том числе горизонтальной налоговой конкуренции.

Библиографический список

1. Абрамов А., Глущенко К. Матрица кратчайших расстояний между административными центрами российских регионов [Электронный ресурс]. Новосибирск: НГУ, 2000. URL: http://econom.nsu.ru/staff/chair_et/gluschenko/Research/Data/Distances.xls, (дата обращения: 19.03.2020).
2. Тимушев Е.Н. Можно ли поступления от налога на доходы физлиц считать индикатором местной бюджетной децентрализации? Актуальные вопросы экономики и социологии: сб. статей по материалам XV Осенней конференции молодых ученых в Новосибирском Академгородке (г. Новосибирск, 18–20 ноября 2019 г.). Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2019. С. 131–137. URL: https://www.ieie.su/assets/ysc2019/ysc-2019.pdf (дата обращения: 19.03.2020).
3. Anselin L., Bera A.K. Spatial Dependence in Linear Regression Models with an Introduction to Spatial Econometrics. In: Ullah A., Giles D.E.A. (eds.). Handbook of Applied Economic Statistics. NY, 1998, pp. 237–289.
4. Eilers L. Spatial Autocorrelation and the Spatial Durbin Model. 2019, ROBUST Workshop. Essen/RWI. URL: https://rural-urban.eu/sites/default/files/05_Spatial%20Autocorrelation%20and%20the%20Spatial%20Durbin%20Model_Eilers.pdf (дата обращения: 19.03.2020).
5. Ligthart J. E., van Oudheusden P. The Fiscal Decentralisation and Economic Growth Nexus Revisited // Fiscal Studies, 2017, 38(1), pp. 141–171. doi: 10.1111/1475-5890.12099.

Информация об авторе

Тимушев Евгений Николаевич (Россия, Республика Коми, Сыктывкар) – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; timushev@iespn.komisc.ru, evgeny_timushev@mail.ru).

Timushev E.N.

LOCAL FISCAL DECENTRALIZATION: ROLE OF NEIGHBORING AND DISTANCE

Abstract. *Spatial factors of the local share of personal income tax in Russian consolidated regional budgets are significant and positive. The results are relevant in studying interregional fiscal interaction in Russia.*

Key words: *personal income tax, spatial correlation, Spearman correlation, strategic interaction.*

Information about the author

Timushev Evgeny N. (Russia, Komi Republic, Syktyvkar) – junior researcher, Institute of Socio-Economic and Power Problems of the North, Federal research center “Komi scientific center of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences» (167982, the Komi

Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya street, 26; timushev@iespn.komisc.ru, evgeny_timushev@mail.ru).

References

1. Abramov A., Glushchenko K. Matrica kratchajshih rasstoyanij mezhdu administrativnymi centrami rossijskih regionov [Matrix of shortest distances between administrative centers of Russian regions]. [Elektronnyj resurs] Novosibirsk: NGU, 2000. URL: http://econom.nsu.ru/staff/chair_et/gluschenko/Research/Data/Distances.xls, (accessed: 19.03.2020).
2. Timushev E.N. Mozhno li postupleniya ot naloga na dohody fizlic schitat' indikatorom mestnoj byudzhetnoj decentralizacii? [Can receipts from the personal income tax be considered an indicator of local fiscal decentralization?] "Topical issues of Economics and sociology": Proceedings of the XV Autumn conference of young scientists in Novosibirsk Akademgorodok (Novosibirsk, November 18-20, 2019). Novosibirsk, 2019. Pp. 131-137. URL: https://www.ieie.su/assets/ysc2019/ysc-2019.pdf (date accessed: 19.03.2020).
3. Anselin L., Bera A.K. Spatial Dependence in Linear Regression Models with an Introduction to Spatial Econometrics. In: Ullah A., Giles D.E.A. (eds.). Handbook of Applied Economic Statistics. NY, 1998, pp. 237–289.
4. Eilers L. Spatial Autocorrelation and the Spatial Durbin Model. 2019, ROBUST Workshop. Essen/RWI. URL: https://rural-urban.eu/sites/default/files/05_Spatial%20Autocorrelation%20and%20the%20Spatial%20Durbin%20Model_Eilers.pdf (accessed: 19.03.2020).
5. Ligthart J. E., van Oudheusden P. The Fiscal Decentralisation and Economic Growth Nexus Revisited. Fiscal Studies, 2017, 38(1), pp. 141–171. doi: 10.1111/1475-5890.12099.

УДК 323(470+571)/66.3(2Рос).124

Тупик Е.С.

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. *В статье определены основные проблемы и тенденции реформирования местного самоуправления в России в настоящее время. Раскрыты некоторые аспекты взаимодействия местного самоуправления и государства, показаны основные направления реформ по повышению эффективности функционирования местного самоуправления. Обозначены задачи и пути их решения.*

Ключевые слова: *местное самоуправление, государство, реформа, проблемы, законодательная база.*

Российское местное самоуправление будучи молодым политическим институтом, возникшим и сформировавшимся в 90-е годы прошлого столетия, за последние 15 лет прошло через серию бесконечных институциональных реформ. Однако суть происходящих изменений заключается не столько в реализации определенного стратегического замысла, сколько в ситуационном реагировании на текущие потребности губернаторского корпуса. В результате – самоуправленческие возможности и мотивация граждан на обустройство мест своей жизни оказались значительно ослаблены, а властные ресурсы де-факто сосредоточены на региональном уровне.

Отправной точкой для формирования нынешней системы местного самоуправления стала «реформа Дмитрия Козака» (подготовка – 2001–2003 гг., реализация – 2003–2006 гг.). Принятый в ее рамках Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 г. №131-ФЗ [1] представлял собой попытку определить на федеральном уровне единый формат двухуровневой структурной организации (районы и поселения), предполагающий разграничения компетенций и ответственности местных властей при минимизации влияния субъектов федерации. Однако на практике реализация закона натолкнулись на серьезное региональное лоббирование. Так, обоснованно подчеркивалась негибкость новой правовой базы, определялась невозможность одинаково организовать местную власть в чрезвычайно разнообразных российских территориях. При этом губернаторы добивались все большего сосредоточения организационных и финансовых ресурсов в своих руках посредством многочисленных концептуально разнородных поправок в рамках закона.

Обнародованное в Послании Президента России В.В. Путина от 12.12.2013 г. поручение обеспечить «развитие сильной, независимой, финансово обеспеченной власти на местах» на практике было реализовано в поправках 2014–2015 гг., прямо противоположных словам Президента. Субъектам федерации было предоставлено право по своему усмотрению устанавливать структуру органов местного самоуправления и перераспределять полномочия между уровнями власти, отменять прямые выборы мэров и муниципальных депутатов.

«Поправки депутата Терентьева», принятые во втором чтении 15.03.2017 г., дают регионам возможность полностью отказываться от двухуровневой муниципальной организации, созданной «реформой Д. Козака». К настоящему времени прямое региональное вмешательство в дела местного самоуправления получило институциональное закрепление, а местные власти стали функционально ослабленным инструментальным «придатком» региональной административной машины.

Как следствие, муниципальную сферу охватывает отрицательная динамика мотиваций и участия. Среди жителей получил повсеместное распространение абсентеизм:

доля даже формального участия граждан в муниципальных выборах (а это самый важный инструмент прямого народовластия) ограничивается 10–20%-ми. Муниципальное управление становится делом исключительно чиновников, а не жителей. В то же время кадровый состав руководителей муниципалитетов, находясь все в большем подчинении у региональной власти и замещаясь по принципу лояльности ей, неизбежно слабеет. Более 99% муниципалитетов дотационны и экономически не мотивированы – отсутствие собственных ресурсов не может быть основой для развития [3].

Нынешнее состояние дел в муниципальной сфере обусловливает целый набор системных рисков.

Наращивание потенциала низового протеста. Местное самоуправление перестает работать как механизм включения активных и амбициозных людей в процесс принятия решений на локальном уровне, тем самым снижая степень их удовлетворенности властью и переключая их амбиции на вышестоящий властный уровень.

Дисбаланс реальных властных ресурсов по линии «центр-регион». Сильная зависимость органов местного самоуправления от региональных властей ломает систему «сдержек и противовесов» для губернаторского корпуса. В то же время реальные ресурсы федерального контроля объективно ограничены. Опыт второй половины 90-х годов показывает, что концентрация власти на региональном уровне в условиях экономического кризиса/стагнации всегда несет опасность новой «феодализации» страны.

Гиперответственность федеральной власти. Ликвидация муниципальной автономии формирует пропасть между жителями конкретных мест и далекой властью, реальное присутствие которой отмечается населением только на уровне региона и страны. Системный рост патерналистских настроений, совмещенный с осознанием определяющей роли центра, адресует всю ответственность за «худые крыши» и «текущие трубы» высшему руководству страны, подрывая в средне- и долгосрочной перспективе его авторитет.

Неэффективное администрирование доходов. Бюджетная централизация приводит к отсутствию субъектов, способных и заинтересованных в работе с доходными источниками. Практика показывает, что по большинству доходных источников предотвратить сокрытие налоговой базы возможно только силами низового уровня власти (даже если формально за налоговое администрирование отвечает другой уровень). Поэтому сокращение закрепленных за ним доходных источников неизбежно сокращает доходную часть консолидированного бюджета в целом.

«Искривление» экономической географии. Отсутствие концептуальных основ влечет за собой хаос в территориальном устройстве публичной власти, которое подстраивается под личное удобство регионального и ведомственного начальства. Ликвидация сельских и городских поселений в освоенной, экономически и демографически продуктивной части страны влечет за собой депопуляцию, утрату уже имеющихся инфраструктурных узлов и ухудшение качества жизни. В то же время проблема неэффективного расселения и содержания дорогой инфраструктуры в малопригодных для жизни местах не решается ввиду инерционного сохранения муниципально-территориального деления в отделенных местностях.

Деградация городской/сельской среды и инфраструктуры. Сдерживание самоуправленческих практик снижает личное участие граждан в обустройстве мест их жизни, переключает формат их отношения к публичной среде/инфраструктуре с формулы «сделаем сами» на «потребуем от власти». При этом локальные проблемы вряд ли могут быть эффективно диагностированы, инвентаризированы и решены с регионального/федерального уровня. Качество местного управления, ориентированного не на доказывание своей эффективности перед жителями, а на выполнение команд «сверху», неизбежно деградирует.

Усугубление проблемы ветхого и аварийного жилья. Московские методы расселения пятиэтажек вряд ли возможны в большинстве городов страны, в то время как удельный вес Москвы в общем массиве такого жилья не превышает 10%. Малоресурсность местных властей в сочетании с пассивностью жителей мультиплицируют проблемы обслуживания/износа старого жилого фонда, вызывают риски чрезвычайной аварийности в период массового истечения плановых сроков эксплуатации «хрущевок» в ближайшие два десятилетия.

Качество муниципального управления, уровень вовлеченности жителей, баланс между полномочиями муниципалитетов и их ресурсной обеспеченностью являются важными факторами, влияющими на темпы экономического роста, общественно-политическую устойчивость и развитие человеческого потенциала в российских регионах. При этом большинство стратегий реформирования выдвигаются в парадигме модернизации «сверху», в то время как потенциал модернизации «снизу» недооценивается. Развитие института местного самоуправления и создание условий для реализации местных инициатив способно положительно дополнить институциональные и структурные реформы федерального и регионального уровней. Экспертами КГИ (Комитета гражданских инициатив) предлагается концепция реформ, содержащая комплекс мер системного характера.

Проект КГИ «Муниципальная карта России: точки роста» стартовал в 2013 году [2]. Его цель – институциональная реформа, повышающая качество муниципального управления и расширяющая возможности участия граждан в решении вопросов местного значения. Проект сфокусирован на следующих ключевых направлениях: разработка концепции реформирования местного самоуправления и предложений по совершенствованию законодательства, научно-исследовательская деятельность, поиск и систематизация лучших российских и зарубежных управленческих практик, налаживание межмуниципального сотрудничества и обмена успешным опытом.

Согласно Концепции реформирования местного самоуправления в России экспертами КГИ был составлен целевой образ результатов реформы, который представлен ниже:

- существенное расширение участия жителей в принятии решений на местном уровне, в том числе посредством использования дистанционных механизмов и инструментов электронной демократии;
- формирование новых и поддержание существующих точек экономического роста, используя механизмы их фасилитации со стороны автономной и влиятельной местной власти;
- оптимизация территориальной структуры публичной власти на субрегиональном уровне, обеспечивающая синергию государственного управления и местного самоуправления, а также развития систем расселения и инфраструктуры жизнеобеспечения;
- укрепление финансовой автономии муниципальных образований, позволяющее значительной части городских округов и крупных поселений выйти на бездотационный уровень, а большей части остальных муниципалитетов – иметь стабильные и растущие доходы бюджетов;
- включение значительной части граждан в развитие среды и публичной инфраструктуры и обусловленное этим снижение протестных настроений;
- развитие межмуниципального сотрудничества, обеспечивающего совместное (силами нескольких муниципалитетов) и экономически более эффективное оказание жителям муниципальных услуг и создание/модернизацию инфраструктурных объектов;
- системное улучшение качества публичного управления путем формирования баланса ответственности и ресурсов, укрепления механизмов «обратной связи» между жителями и уровнями власти.

В рамках основных направлений реформы КГИ ставятся следующие задачи и пути их решения (*таблица*).

Основные направления реформы КГИ [2]

Задачи	Решения
Территориальная организация	
Сохранение поселенческого уровня местного самоуправления, обеспечивающего доступность публичной власти для жителей, поддержание достигнутого уровня социально-экономического развития, управления и содержания инфраструктур на территориях, пригодных для постоянной жизни и хозяйственного использования	Определить в федеральном законе статус (понятие и виды) населенных пунктов как базовых территориальных единиц; критерии их отнесения к городским и сельским населенным пунктам; порядок создания и упразднения населенных пунктов, установления и изменения их границ; также возможно определить понятие городской агломерации и критерии определения ее территории
	Установить конкретный лимит территории поселений и городских округов в местностях с высокой и средней плотностью населения (15–25 км. по протяженности дороги от населенного пункта до административного центра поселения/округа)
	Закрепить гарантии наделения города с численностью избирателей свыше 100 тыс. статусом городского округа, а также гарантии населенного пункта с численностью избирателей 3/10 тыс., отдаленного от административных центров, приобретать статус поселения
	Определить обязательные условия преобразования муниципальных районов в городские округа (территория города должна составлять в муниципальном образовании не менее 1/3, а население – не менее 1/2)
Повышение экономической эффективности системы расселения и инфраструктурной сети в территориях демографического сжатия, малопригодных для постоянной жизни и хозяйственного использования	Законодательно закрепить гибкий формат территориальной организации местного самоуправления в местностях с низкой плотностью населения (возможность одно- или двухуровневой системы, частичного разделения территории района на поселения или создания муниципальных районов без муниципальных образований поселенческого уровня)
Синхронизация государственного управления и местного самоуправления, обеспечение удобного формата оказания жителям публичных услуг	Ввести для территориального структурирования федеральной и региональной власти (налоговые органы, органы внутренних дел, пожарная служба, центры занятости и др.) межрайонные административные округа (уезды); обеспечить учет мнения жителей муниципальных образований при определении их территориальных пределов, мест размещения управленческих органов
Прямая демократия	
Расширение участия жителей в принятие решений на местном уровне; включение значительной части граждан в развитие среды и публичной инфраструктуры и обусловленное этим снижение протестных настроений	Разработать и разрешить механизмы непосредственного выражения мнения граждан по вопросам местного значения (муниципальные выборы, собрания/сходы и конференции, местные референдумы, публичные слушания) с помощью электронных средств идентификации и голосования (портал www.gosuslugi.ru, смс с зарегистрированных номеров и пр.)
	Разработать и апробировать механизм электронных индикативных опросов жителей с выходом на перечень случаев, по которым такие опросы обязательны
	Закрепить возможность голосования (на заявительной основе) в рамках муниципальных форм народовластия граждан, не зарегистрированных в муниципалитете по месту жительства, но имеющих в нем недвижимое имущество (дачники, живущие на 2–3 дома и т.п.)
	Расширить перечень вопросов, по которым возможно голосование на местном референдуме: в частности, разрешить выносить на референдум принятие (изменение, дополнение) устава муниципального образования и утверждение структуры органов местного самоуправления; снизить предельное количество подписей, которое необходимо собрать для проведения местного референдума, с 5 до 2 процентов от числа избирателей с установлением четких процедур признания подписей недостоверными и недействительными
	Ввести возможность голосования по вопросам местного значения в пределах отдельных территориальных единиц муниципального образования, а также установления в уставах муниципальных образований вопросов, по которым проведение такого голосования обязательно
	Повысить роль публичных слушаний: определить в законе понятия «предмет» и «результат публичных слушаний»; предусмотреть механизм и технические гарантии допуска на публичные слушания жителей муниципального образования и представителей заинтересованных организаций; ввести обязанность органа местного самоуправления, в случае отказа от принятия рекомендаций публичных слушаний, дать мотивированное пояснение по каждому пункту таких рекомендаций и опубликовать их в том же средстве массовой информации
	Вернуть обязательное проведение голосования населения по вопросу о преобразовании муниципального образования (упразднении, объединении, разделении) и изменения границ, влияющих на территориальную принадлежность населенных пунктов

Задачи	Решения
Разграничение компетенций	
Обеспечение одновременно оказания базового набора муниципальных услуг (в частности, в области содержания образовательных учреждений, доступа к культуре, благоустройства территории, организации коммунального обслуживания) и учета потребности в услугах, специфичных для конкретных мест; дифференциация обслуживания в зависимости от ресурсов местного сообщества	Разделить вопросы местного значения на обязательные и факультативные по следующей формуле: обязательные вопросы отражают набор ключевых муниципальных услуг, которые должны оказываться на всей территории страны; факультативные вопросы по предметам ведения местного самоуправления принимаются к решению муниципальными образованиями исходя из потребностей жителей, организационных и финансовых возможностей; конечный перечень вопросов местного значения формируется (с учетом требований законов) самим муниципальным образованием и закрепляется в уставе
	Установить механизм распределения компетенций по обязательным вопросам местного значения: в городских округах – закрепить за ними обязательные вопросы в полном объеме федеральным законом; за поселениями и внутригородскими муниципальными образованиями закрепить федеральным законом перечень обязательных вопросов, прочно привязанных к месту (организация благоустройства, сбора и вывоза мусора, первичные меры пожарной безопасности); все остальные вопросы распределяются между уровнями местного самоуправления субъектами федерации (применительно к территориям городских округов – на основе решений их представительных органов)
	Разработать и апробировать механизм передачи функций по оказанию отдельных муниципальных услуг территориальному общественному самоуправлению
Повышение качества государственного управления, в частности обеспечения дополнительных гарантий безопасности граждан	Отнести функций, не свойственные местному самоуправлению, в частности, функции по обеспечению безопасности (борьба с терроризмом, чрезвычайными ситуациями, пожарами, гражданская оборона и мобилизационная подготовка) к компетенции государственной власти, а не местного самоуправления, с возможностью передачи на местный уровень только отдельных государственных полномочий
Развитие кооперативного федерализма, повышение согласованности решений разных уровней публичной власти	Регламентировать процедуры совместного (на нескольких уровнях публичной власти) исполнения полномочий по предметам ведения государства и местного самоуправления (включая механизмы консультаций, совместных комиссий, обязательного обмена мнениями и выработки скоординированных решений)
Организационная структура	
Повышение роли граждан в формировании органов местного самоуправления и усиление их представительного характера	Закрепить правило: если глава муниципального образования избран жителями на прямых выборах, он возглавляет местную администрацию
	Исключить избрание главой муниципального образования по итогам конкурса лица, не проходящего через прямые выборы (главы или депутата)
	Установить обязательность в городских округах с внутригородским делением прямого избрания жителями хотя бы одного органа местного самоуправления (главы или представительного органа)
	Изменить принцип формирования представительного органа муниципального района методом делегирования: представительство от поселений должно стать пропорциональным численности избирателей (как вариант – с предельной квотой в 50% депутатов в представительном органе района для наиболее крупного поселения)
Повышение гибкости и адаптивности работы органов местного самоуправления	Существенно расширить вариативность структуры органов местного самоуправления, в частности, предусмотрев следующие модели: 1) «сильного магистрата (исполкома) – функции местной администрации выполняются коллегиальным органом, состоящим не менее чем из 3–5 членов (варианты: депутатов либо назначенных представительным органом управленцев), а также аппаратом указанного коллегиального органа; 2) модель «сильного совета» (в муниципальных образованиях до 50 000 избирателей) – функции местной администрации осуществляются непосредственно представительным органом, при этом его председатель (глава муниципального образования) осуществляет общее руководство исполнительно-распорядительной деятельностью, а отдельные депутаты (заместители или советники) руководят работой по направлениям; модель более широкой коллегиальности за счет создания «малого совета», с которым главой муниципального образования согласуются ключевые административные вопросы, а также территориальных групп депутатов, принимающих решения по вопросам локального значения.
	Изменить принцип применения модели «три в одном» (при которой глава представительного органа одновременно возглавляет местную администрацию) – разрешение использовать ее не только в сельских поселениях, но и в небольших городских поселениях (с численностью избирателей до 10/50 тыс. чел.).

Задачи	Решения
Укрепление принципа коллегиальности в работе органов местного самоуправления, предотвращение коррупции и «конфликта интересов»	Закрепить обязанность согласования администрации с представительным органом некоторых принципиальных управленческих решений (заключение наиболее крупных сделок, реорганизация сети бюджетных учреждений).
	Установить более четкие принципы разграничения полномочий между представительным органом и местной администрацией непосредственно в Федеральном законе № 131-ФЗ: все полномочия, связанные с принятием нормативных правовых актов по вопросам, относящимся к ведению муниципальных образований, осуществляются представительным органом. Вместе с тем принятие индивидуально-конкретных властных решений, за исключением тех, которые отнесены федеральным законом, законом субъекта РФ к компетенции представительного органа или избирательной комиссии муниципального образования, осуществляется местной администрации или иным предусмотренным уставом органом местного самоуправления, если иное не предусмотрено уставом муниципального образования.
	Ввести для депутатов представительных органов городских округов и муниципальных районов ограничение на замещение руководителей муниципальных предприятий и учреждений соответствующего муниципального образования в период депутатских полномочий с одновременной гарантией сохранения места работы (должности) на весь срок депутатских полномочий для работников муниципальных предприятий и учреждений, избранных в состав представительных органов муниципальных образований.
Профессионализация муниципального управления, повышение качественного уровня руководителей, предотвращение коррупции и «конфликта интересов»	Принять пакет законодательных решений по реформированию института «сити-менеджера»: 1) отмена права участия органов государственной власти в формировании конкурсных комиссий (ч. 5 ст. 37 Федерального закона № 131-ФЗ); 2) «разведение» сроков полномочий представительного органа и главы администрации, назначаемого по конкурсу; 3) изменение порядка формирования конкурсной комиссии с целью обеспечения ее деятельности для экспертного участия и общественного контроля; 4) закрепление более четких требований к профессиональному опыту главы администрации; 5) изменение наименования главы администрации, работающего по контракту («руководитель администрации»).
Межмуниципальное сотрудничество	
Интенсификация информационного обмена муниципальных образования и распространения лучших практик	Реформирование статуса и механизмов деятельности Общероссийского конгресса муниципальных образований, советов муниципальных образований субъектов Российской Федерации
	Создание национального электронного интерфейса доступа, обмена правовыми актами местного самоуправления и сравнения их положений
Создание межмуниципальных инфраструктур оказания публичных услуг	«Расшивка» нормативно-правовых барьеров для реализации гражданско-правовых механизмов межмуниципального сотрудничества (совместного оказания услуг, создания и содержания инфраструктурных объектов): исключить действие ст. 17.1 ФЗ от 26.07.2006 No135-ФЗ «О защите конкуренции» и Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (требования проведение конкурсов или аукционов) в отношении процедур заключения договоров с межмуниципальными организациями, образованными двумя и более муниципальными образованиями для решения вопросов местного значения, закупки у них товаров, работ и услуг; разрешить предоставление таким организациям земельных участков во владение (пользование) без процедуры торгов
	Регламентировать правовой статус межмуниципальных соглашений, в том числе предусматривающих заказ оказания публичных услуг одним муниципальным образованием у другого
	Ввести возможность создания муниципальными образованиями, расположенными на территории городской агломерации, публично-правового межмуниципального сообщества с передачей им решения вопросов местного значения в определенной части и отказ участников межмуниципального сообщества от самостоятельного решения вопросов в этой части; решение о создании межмуниципального сообщества может вступать в силу после его утверждение законом субъекта Российской Федерации
Финансово-экономические основы	
Формирование реальных индикаторов развития муниципальных образований	Разработать методику и ввести реальный механизм статистического учета муниципального развития, в том числе – в разрезе сельских и городских поселений муниципального развития, в том числе – в разрезе сельских и городских поселений

Окончание таблицы

Задачи	Решения
Стимулирование экономического развития муниципальных образований и формирование мотиваций для активной работы органов местного самоуправления с собственной доходной базой	Вернуть поселениям и городским округам право управления и распоряжения землей, собственность на которую не разграничена
	Придать транспортному налогу (в части транспорта физических лиц), налогов по специальным режимам налогообложения статус местных налогов
	Увеличить нормативы отчислений в местные бюджеты от федеральных и региональных налогов, закрепив за муниципальными образованиями доходные источники, достаточные для выхода на самообеспечение большинства городских округов – наиболее экономически развитого типа муниципальных образований
	Изменить методики расчета межбюджетных трансфертов, гарантирующего неизменность дотации в течение среднесрочного периода даже в случае существенного роста собственных доходных источников бюджета муниципального образования

Анализируя таблицу, можно отметить, что основной упор в реформах делается на привлечение населения к непосредственному участию в МСУ. Это и будет являться, по мнению экспертов КГИ, основной тенденцией в дальнейшем развитии системы МСУ.

Достижение представленных целей предлагается осуществлять по следующим механизмам:

- принятие новых Основ законодательства о местном самоуправлении в Российской Федерации (либо новой редакции Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»);
- издание нового Указа/новой редакции действующего Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития самоуправления в Российской Федерации»;
- внесение изменений в бюджетное, налоговое, земельное, градостроительное законодательство;
- изменение подходов в работе органов государственной власти в части взаимодействия с органами местного самоуправления и контроля их деятельности.

Таким образом, для решения существующих проблем в системе местного самоуправления необходимо решить множество задач на всех уровнях власти. Кроме того, это должна быть коллективная согласованная работа власти и населения, иначе реформа не будет работать. Для этого необходимо на законодательном уровне предоставить населению соответствующие полномочия в сфере МСУ. Как было отмечено выше, большинство стратегий реформирования выдвигаются в парадигме модернизации «сверху», в то время как потенциал модернизации «снизу» недооценивается.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. ст. 3822.
2. Комитет гражданских инициатив [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://komitetgi.ru/news
3. Цуркан М.В. Доклад о состоянии местного самоуправления в Тверской области. [Электронный ресурс] / под ред. Е.С. Шугриной. М: Проспект, 2017. С. 172 - 197. Режим доступа: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2017/12/Tver_region.pdf

Информация об авторе

Тупик Елена Сергеевна (Россия, Тверь) – старший преподаватель кафедры социологии, аспирант ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, Тверь, ул. Желябова, 33; Tupik.ES@tversu.ru).

Tupik E.S.

PROBLEMS AND TRENDS OF REFORMING OF SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA

Abstract. *The article identifies the main problems and trends of local government reform in Russia at the present time. Some aspects of interaction of local self-government and the state are revealed, the main directions of reforms on increase of efficiency of functioning of local self-government are shown. Tasks and ways of their decision are designated.*

Key words: *local self-government, state, reform, problems, legislative base.*

Information about the author

Tupik Elena S. (Russia, Tver) – senior lecturer of the Department of sociology, post-graduate student of FGBOU VO «Tver state University» (170100, Tver, Zhelyabova street, 33; Tupik.ES@tversu.ru).

References

1. "On the General principles of the organization of local self-government in the Russian Federation" [Text] / Feder.the law of 6 October 2003 No. 131-FZ // collected legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. article 3822.
2. Committee of civil initiatives [Electronic resource]. Mode of access: https://komitetgi.ru/news
3. Tsurkan M. V. Report on the state of local government in the Tver region. [Electronic resource] / ed. E. S. Shugrina. M: Prospect, 2017. P. 172 - 197. Mode of access: http://131fz.ranepa.ru/uploads/files/2017/12/Tver_region.pdf

УДК 316.422.4

Харитонов И.Н.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОЙ СФЕРЫ БЕЛАРУСИ, СВЯЗАННЫЕ С ОСОБЕННОСТЯМИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

***Аннотация**. В статье выделяется и характеризуется ряд социально-экономических факторов модернизации аграрной сферы Беларуси с использованием эмпирических данных. В качестве этих факторов приведены социальное положение сельского населения, его миграционные намерения, уровень образования, уровень оплаты труда, уровень социального оптимизма, наличие рабочих мест на селе и др.*

***Ключевые слова:** аграрная сфера, сельское население, модернизация, Беларусь.*

В целом социально-экономические факторы модернизации аграрной сферы, обусловленные характеристиками различных социальных групп сельского населения, а также трудящихся АПК, можно разделить на *субъектные*, связанные непосредственно с индивидами (уровень образования, способность и готовность к повышению квалификации; уровень дохода и благосостояния, покупательная способность; экономически значимые привычки: потребление, накопление, инвестирование и т.д.; трудовая занятость, трудоспособность, отношение к труду; миграционные настроения и ожидания; ценностные ориентации, мнения; семейное положение, социальное самочувствие, отношение к модернизации и т.д.), и *объективные*, связанные с условиями проживания и жизнедеятельности (ситуация на рынке труда, условия труда, средняя заработная плата, уровень безработицы; уровень развития социальной и экономической инфраструктуры, технологий; состояние предприятий сельского хозяйства, доступность финансовых инструментов, субсидирование и льготное кредитование, инвестиции; закупочные цены, доступность товаров и услуг, цены на них; объективный имидж труда в аграрной сфере, существующая система образования и подготовки в сфере АПК и т.д.).

Для выявления эмпирических показателей отдельных социально-экономических факторов, связанных с сельским населением и трудящимися АПК в контексте модернизации аграрной сферы, были использованы данные республиканского социологического мониторингового исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в сентябре 2019 года (репрезентативная выборочная совокупность – 1947 человек, из них сельское население – 893 человека).

Если рассматривать *фактор социального положения и демографический фактор*, то, согласно этим данным, в сельской местности высок процент неработающих пенсионеров (34 %). С учетом роста пенсионного возраста в Беларуси модернизация аграрной сферы в обязательном порядке должна предоставлять лицам пенсионного возраста больше возможностей для реализации своего трудового или потребительского потенциала.

Важным при модернизации аграрной сферы является учет такого негативного фактора, как *миграционные настроения и ожидания*. Согласно данным вышеупомянутого мониторингового исследования, 21 % респондентов из сельской местности хотели бы переехать на постоянное место жительства в другой населенный пункт в пределах Республики Беларусь; из работающего сельского населения хотели бы поступить так 27 %. При этом подавляющее большинство респондентов не ответили, куда именно хотели бы выехать, по какой причине хотели бы сменить пункт про-

живания и при каких условиях остались бы в своем населенном пункте (79 %). Наибольшее количество респондентов, желающих сменить местожительство, – в Минской и Могилевской областях (29 и 26 % соответственно), наименьшее – в Брестской области (14 %).

И хотя большинство респондентов не указали причин, побуждающих к переезду (79 %), среди наиболее популярных из выбранных были названы стремление к бóльшим возможностям для трудоустройства и более высокого заработка, потребность в лучших условиях для образования и досуга.

Среди наиболее важных условий, которые побуждают к тому, чтобы остаться жить в своем населенном пункте, также названы достойный уровень заработной платы и гарантированное трудоустройство по месту жительства (12 и 8 % соответственно). Таким образом, при модернизации аграрной сферы следует учитывать потребность населения в обеспечении данных условий.

Фактор подсобного хозяйства. Подсобное хозяйство ведут 63 % респондентов, причем наибольшее количество респондентов, судя по всему, владеют участком от 1 до 10 соток. При этом сельхозтехнику (мотоблок, трактор, культиватор и т.п.) в своем распоряжении имеют только 10 %. В подсобном хозяйстве респонденты, как правило, занимаются огородничеством (60 %), садоводством (35 %), птицеводством (36 %).

Следует отметить, что можно стимулировать население к использованию в подсобном хозяйстве современных аграрных технологий, следовать наиболее актуальным запросам в сфере сельского хозяйства. Таким, как, например, пчеловодство и цветоводство, особенно востребованным в связи с экологическим кризисом в популяции естественных опылителей растений. Это будет способствовать развитию сельского хозяйства на местах, повышению производительности труда, удовлетворению спроса на отдельные категории сельскохозяйственной продукции, увеличению доходов сельского населения.

Кроме того, по такому важному направлению модернизации сельского хозяйства, как повышение уровня сельскохозяйственной грамотности и переподготовка лиц, задействованных в сельском хозяйстве, следует указать, что 10 % опрошенных хотели бы пройти обучение по ведению подсобного (фермерского, крестьянского) хозяйства, чтобы получить информацию о новых эффективных методах, способах и технологиях производства, выращивания сельскохозяйственной продукции.

Немалые доли сельского населения указали на желание заняться фермерским хозяйством, предпринимательством. Так, 9 % респондентов планирует заняться фермерством, 6 % опрошенных заявило о потенциальном желании зарегистрировать свое хозяйство как фермерское (крестьянское). 4 % планирует оказывать услуги в сфере агротуризма, 5 % – бытовые услуги (пошив, ремонт и иные услуги), 4 % – услуги в сфере общепита, 5 % планирует сдавать в аренду землю, жилье; 6 % – заняться ремесленничеством (производство сувениров, изделий ручной работы и пр.); 9 % – заняться охотой, рыбалкой и собирательством для заготпунктов и на продажу. Несмотря на эти, казалось бы, незначительные величины долей респондентов, реализация их планов при модернизации аграрной сферы способна улучшить материальное положение части населения, повысить уровень развития местной экономики.

Одним из направлений социально-экономического анализа перспектив модернизации является выявление запросов и потребностей населения, которые могут быть учтены при планировании модернизационных мероприятий, реформ. В ходе вышеуказанного мониторингового исследования респондентам, проживающим в

сельской местности, задавался в том числе и вопрос о проблемах, которые их волнуют больше всего. В наибольшей степени волнуют население сельской местности цены на продукты и товары первой необходимости (52 %), состояние своего здоровья (40 %), уровень оплаты труда (37 %), тарифы на коммунальные услуги (31 %), уровень пенсионного обеспечения (28 %), качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств (27 %).

Одним из условий обеспечения низких цен и большей доступности товаров и услуг является развитие сферы торговли. 43 % респондентов указало, что ощущает дефицит (нехватку) товаров и услуг в своем населенном пункте.

Социальные настроения, оптимизм, уверенность в завтрашнем дне, удовлетворенность жизнью сельского населения и трудящихся в сфере АПК являются их субъективными характеристиками со значительным факторным влиянием на их миграционное, экономическое поведение, на их отношение к модернизационным процессам в аграрной сфере.

Очевидно, что население с позитивными показателями данных субъективных оценок будет более положительно относиться к модернизации АПК, к переменам; будет показывать более позитивное экономическое поведение (в потреблении, накоплении), а также в планировании семьи. Согласно полученным данным, считают, что их жизнь в ближайшем будущем изменится к лучшему, 36 % респондентов; что останется без изменений – 29 %, что изменится к худшему – 7 %. Таким образом, отношение к ближайшему будущему скорее позитивное, чем негативное, но при этом достаточно сдержанное. Данные оценки возлагают большую ответственность на процессы модернизации аграрной сферы как предпосылку к улучшению жизненной ситуации сельского населения.

Как показывает опыт реформ в других странах, наиболее успешными являются те, которые учитывают как можно более широкий круг факторов и аспектов, интересы разных слоев общества. В ходе модернизации аграрной сферы особое внимание стоило бы обращать на решение тех проблем, которые больше всего волнуют сельчан: уровень оплаты труда, наличие и доступность рабочих мест и ряда товаров, развитие инфраструктуры, цены на продукты и товары первой необходимости, состояние здоровья, тарифы на коммунальные услуги, уровень пенсионного обеспечения, качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств.

Библиографический список

1. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mshp.gov.by/programms/a868489390de4373.html (дата доступа: 02.03.2020).
2. О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли: Директива Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mshp.gov.by/documents/apk/baa1ac234bde835a.html (дата доступа: 02.03.2020).

Информация об авторе

Харитонов Игорь Николаевич (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник отдела региональной социологии, Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (220072, Беларусь, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корпус 2; igor-igor@tut.by).

Haritonov I.N.

SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF MODERNIZATION OF AGRARIAN SPHERE OF BELARUS RELATED TO FEATURES OF ITS RURAL POPULATION (BASED ON EMPIRICAL DATA)

Abstract. *The article highlights and characterizes a number of socio-economic factors in the modernization of the agricultural sector of Belarus on the basis of empirical data. These factors include the social status of the rural population, its migration intentions, level of education, level of salaries, level of social optimism, availability of jobs in the countryside, etc.*

Key words: *agrarian sector, rural population, modernization, Belarus.*

Information about the author

Haritonov Igor N. (Republic of Belarus, Minsk) – a researcher at the Department of regional sociology, the state scientific institution "Institute of sociology of the National academy of sciences of Belarus" (220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganova str., building ½; igor-igor@tut.by).

References

1. Gosudarstvennaia programma razvitiia agrarnogo biznesa v Respublike Belarus' na 2016–2020 gody [State program for the development of agricultural business in the Republic of Belarus for 2016–2020] (accessed at https://www.mshp.gov.by/programms/a868489390de4373.html, date of access: 02/03/2020).
2. Direktiva Prezidenta Respubliki Belarus' ot 4 marta 2019 g. № 6 "O razvitii sela i povyshenii effektivnosti agrarnoi otrasli" [Directive of the President of the Republic of Belarus dated March 4, 2019 № 6. "On the development of the rural area and improving the efficiency of the agricultural sector"] (accessed at https://mshp.gov.by/documents/apk/baa1ac234bde835a.html, date of access: 02/03/2020).

УДК 338.22, 332.142.2 / ББК 65.05

Черных С.И.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

***Аннотация**. В статье анализируются традиционные и «реформаторские» пути развития российской науки в региональном аспекте. Даются предложения по совершенствованию соответствующих институтов для решения задачи формирования общества знаний с учетом региональных особенностей страны.*

***Ключевые слова:** научно-технологическая политика, неравномерность развития регионов, большие вызовы, национальная безопасность, подготовка кадров.*

Поставленная государством в соответствующих документах стратегического планирования задача перехода на научно-технологическую модель развития в решающей степени зависит от проводимой этим государством политики в сфере науки и инноваций. Направлениями такой политики являются: разработка государственных программ развития, создание нормативно-правовой базы, организационно-институциональная поддержка (стимулирование кооперационных связей, прогнозирование на основе консультаций с частными инновационными фирмами и т. д.), а также деятельность по формированию ресурсного потенциала.

Приоритетной задачей государственной научно-технологической политики является обеспечение опережающего развития научной сферы по направлениям, которые наиболее востребованы как в рамках модернизации крупных традиционных секторов экономики для их устойчивого долгосрочного развития, так и для динамичного формирования и становления новых высокотехнологичных секторов и рынков, в том числе на региональном уровне.

На усиление потенциалов регионов нацелена в настоящее время программа создания научно-образовательных центров мирового уровня (НОЦ) в рамках национального проекта «Наука». Не случайно за их успешность отвечают непосредственно губернаторы. В прошлом году началось формирование пяти первых НОЦ в Пермском крае, Белгородской, Кемеровской, Нижегородской и Тюменской областях. Вместе с тем, как справедливо отмечают Е. Ленчук и В. Филатов, «в структуре стратегического планирования отсутствует каркас полноценной стратегии развития фундаментальной и поисковой науки, научных и технологических решений достаточно отдаленного будущего», в том числе на региональном уровне [2, с. 41-42].

Для России с ее огромными размерами территории и разнообразными природно-климатическими и социально-экономическими условиями региональные аспекты развития науки являются одним из ключевых факторов, определяющих положение дел в данной сфере. Неравномерность социально-экономического и научно-технологического развития регионов исторически является одной из наиболее острых проблем нашей страны, в настоящее время усугубившейся до уровня угрозы для национальной безопасности. Кроме того, практически все российские регионы испытывают дефицит собственных технологий – их научно-технологическая база не способна обеспечить местную экономику необходимыми новациями. Не случайно среди больших вызовов, перечисленных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, – *необходимость эф-*

фективного освоения и использования пространства, в том числе путем преодоления диспропорций в социально-экономическом развитии территории страны[1].

Именно на региональном уровне особенно остро ощущается нехватка специалистов различных научных специальностей и квалификаций. С одной стороны, огромные размеры территории и разнообразные природно-климатические условия представляют конкурентные преимущества страны. С другой стороны, крайне неравномерное размещение научного потенциала по территории РФ ведет к серьезным диспропорциям в уровне развития науки в регионах и влияет, в свою очередь, на их экономическое и социальное развитие. Последствия усиления неравномерности в распределении научных кадров по территории России усугубились сокращением возможностей для межрегиональной миграции специалистов, в частности, в связи с лавинообразным ростом транспортных тарифов.

Потребности и возможности социально-экономического развития субъектов Федерации неравнозначны, и эту особенность нельзя не учитывать в процессе государственного управления при прогнозировании соответствующих ориентиров и путей их достижения. В настоящее время этот фактор недостаточно принимается во внимание, в частности при формировании бюджетов субъектов РФ, экономика которых носит разномасштабный характер и оказывает различное влияние на конечные результаты.

Уникальность масштабов территории и территориально-государственного устройства России, когда многие субъекты РФ сопоставимы по размерам с целыми государствами, требует специфических подходов к управлению общей организацией научно-инновационного пространства страны. В частности, необходимо вычленение аналитической исследовательской базы и институтов инновационного развития, ориентированных на нужды отдельных регионов или групп регионов со схожими характеристиками инновационного потенциала. Представляется чрезвычайно важным стимулирование разнообразных механизмов межрегионального сотрудничества в научно-инновационной сфере. Необходимо также организовать подготовку специалистов в области регионального инновационного менеджмента. Требуется рациональное сочетание распространения общенациональных научных трендов с поддержкой сформировавшихся в регионах уникальных научно-исследовательских школ и традиций. В этой связи вызывает много вопросов продолжающееся в Центре и регионах укрупнение научных организаций, когда чиновники от науки «впрягают в одну упряжь коня и трепетную лань» – объединяют научные организации разного профиля под лозунгом оптимизации ресурсов.

До принятия Федерального закона от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» научно-координационное сопровождение решения проблем социально-экономического развития российских регионов осуществлялось многоуровневой разветвленной региональной инфраструктурой Российской академии наук, включавшей в себя 3 региональных отделения РАН, 15 региональных научных центров РАН в центральной части России и 19 региональных центров, входящих в состав региональных отделений РАН. Такая инфраструктура обеспечивала научно-методическое руководство регио-

---

[1] «Большие вызовы – объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов» (Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. См. пункты 4 и 15).

нальными академическими организациями, их координацию и взаимодействие с органами местной власти, участие в реализации программ социально-экономического развития территорий. В 2012 г. академические институты участвовали в работе по 62 региональным программам [4, с. 297]. Существовавшая пространственная организация РАН гарантировала, во-первых, поддержание высокого научного уровня работающих в регионах специалистов и, во-вторых, «выращивание» региональной научной элиты.

В ходе реформы ситуация кардинально изменилась. Региональные отделения РАН были трансформированы в федеральные государственные бюджетные учреждения, а региональные научные центры РАН, важнейшей функцией которых являлась научно-координационная деятельность, были переданы в ведение «уполномоченному федеральному органу исполнительной власти» – сначала ФАНО России, затем Минобрнауки РФ. Такое положение не может не стимулировать дальнейшую дезинтеграцию научного пространства России и не снижать эффективность научно-методического руководства со стороны РАН научными организациями регионов.

Конечно, академические организации не должны быть монополистами в соответствующих научно-исследовательских сферах в регионах. Наряду с ними, на местах целесообразно развивать и другие научные центры. Для этого следует последовательно осуществлять меры, направленные на укрепление позиций региональной науки. И одним из основополагающих принципов подготовки и реализации этой системы мер должны стать одинаковые «правила игры» для всех субъектов научной деятельности – академических учреждений, вузов, независимых исследовательских центров и др., где бы они и находились. В противном случае мы будем иметь «на выходе» не переход к реальной конкуренции научных идей и инновационных разработок, а рост коррупции, инициированный борьбой за получение государственного заказа на проведение исследований и разработок, что уже, к сожалению, происходит.

Серьезной проблемой является и то, что чиновники от науки получили право нормировать труд ученых, в том числе по количеству опубликованных статей («объему оказанных услуг») независимо от их качества. Однако, как отмечает председатель Профсоюза работников РАН В. Калинушкин, стоимость нормо-часа в разных регионах существенно отличается, поскольку в эту величину включена зарплата научных сотрудников, а она согласно президентскому указу сопряжена со среднерегиональной: «условно говоря, час работы в Ивановской области стоит вдвое меньше, чем в Москве. Ориентация на нормо-часы приведет к тому, что институт в Иваново получит вдвое больший план по публикациям, чем столичный НИИ, при том же объеме финансирования» [1, с. 3]. Неизбежный примат количества публикаций над их качеством при выполнении госзаданий в конечном счете приведет к существенным угрозам, и не где-нибудь, а в сфере обеспечения национальной безопасности.

Существует тесная связь проблем развития российского научно-инновационного пространства с задачами укрепления национальной безопасности как в научно-технологическом, так и в других аспектах. В постиндустриальную, информационную эпоху национальная научная база и сеть инновационных взаимодействий предстают одной из стержневых составляющих целостности государства. Само понятие «национальная безопасность», первоначально связанное лишь с военной мощью и охраной государственного строя, наполняется новым содержанием, охватывающим как состояние интеллектуального потенциала нации, так и органичность регионального развития, а также масштабы экономической и социокультурной экспансии за пределы собственной территории. Не случайно согласно Стратегии национальной

безопасности Российской Федерации обеспечение национальных интересов осуществляется, в том числе, посредством реализации стратегического национального приоритета «наука, технологии и образование».

Уровень научно-технологической безопасности определяется не только плотностью национального инновационного пространства, но и его способностью эффективно противодействовать различного рода угрозам устойчивому развитию. При этом пространственная структура научно-инновационного потенциала должна обеспечивать как мобилизацию ресурсов инновационного пространства на борьбу с общенациональными угрозами, так и на ликвидацию собственно пространственных составляющих этих опасностей. Например, угрозе внешнего технологического диктата на региональном уровне противодействует интенсивное развитие локальных форм, генерирующих технологические нововведения (наукограды, особые экономические зоны технико-внедренческого типа, территории опережающего развития и т.п.), а угрозе деградации интеллектуального потенциала – подготовка региональных кадров для научно-инновационной сферы.

Ориентация проводимых исследований и разработок на научно-технологическое развитие требует опережающей подготовки высококвалифицированных кадров, способных эффективно работать в условиях экономики знаний. Во многих развитых странах это обеспечивается высоким уровнем интеграции науки и образования, когда университеты наряду с научно-исследовательскими организациями выполняют научные задания и заказы.

При этом необходимо отметить, что, при небольшом удельном весе высокотехнологичных производств в экономике России и при малом количестве по-настоящему конкурентоспособных инновационных центров, спрос на квалифицированных специалистов в области высоких технологий в нашей стране значительно превосходит существующие возможности вузов. Проблеме повышения роли субъектов Федерации по подготовке кадров для экономики и социальной сферы было посвящено совместное заседание Президиума Госсовета РФ и Совета при Президенте РФ по науке и образованию, состоявшееся 6 февраля 2020 г. Главная проблема, по словам главы государства, – «сохраняющаяся сверхконцентрация образовательных ресурсов в Москве и Санкт-Петербурге». В столицах действует более двухсот высших учебных заведений, и если не считать их собственные региональные филиалы, это свыше четверти всех российских вузов. Это не может не быть серьезным вызовом для сбалансированного территориального развития страны [3, с. 6]. Вместе с тем представляется, что не менее серьезным вызовом является создание «элитных» образовательных организаций, которые, как предполагалось, станут «ядром нового интегрированного научно-образовательного комплекса»[2]. Этот тренд, к сожалению, стал в ресурсном плане идти в ущерб научным организациям, не занимающимся образовательной деятельностью, что, на наш взгляд, не соответствует поставленным ключевым задачам научно-технологического развития. В связи с этим еще раз хотелось бы подчеркнуть необходимость установления единых «правил игры» для всех организаций, занимающихся исследованиями и разработками.

В заключение отметим, что генеральной линией функционирования российской науки как непосредственной производительной силы и источника инноваций должна стать ориентация не на слепое копирование зарубежного опыта, что очень модно

---

[2] Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. Раздел VII «Эффективная наука», подраздел 1 «Структурная модернизация сектора исследований и разработок».

у нас в последнее время, а на формирование с учетом российской специфики собственной ниши в мировой исследовательской сфере. При этом активизация региональной составляющей данного процесса как никогда актуальна.

Библиографический список

1. Волчкова Н. Еще раз про нормо-час. Что не так в новой методике Минобрнауки? // Поиск. 2020. № 8.
2. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4.
3. Субботин А. Субъекты внимания. Государство озаботилось развитием науки и образования в регионах // Поиск. 2020. № 7.
4. Фундаментальная наука в России / под ред. Л.К. Пипии. М.: ИПРАН РАН, 2014.

Информация об авторе

Черных Сергей Иннокентьевич (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН (117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32; serge-chernn@yandex.ru).

Chernykh S.I.

REGIONAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SCIENCE

Abstract. *The article analyzes the traditional and "reform" ways of developing Russian science in the regional aspect. Proposals are made to improve the relevant institutions to address the challenge of building a knowledge society in the face of the country's regional characteristics.*

Key words: *scientific and technological policy, uneven development of regions, big challenges, national security, education.*

Information about the author

Chernykh Sergey I. (Russia, Moscow) – D.Sc. (in Economics), professor; chief researcher, Institute of Economics of Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky prt., Moscow, Russia; serge-chernn@yandex.ru).

References

1. Volchkova N. Once again about the Norm-hour. What is wrong with the new method of the Ministry of Science? Poisk. 2020, № 8.
2. Lenchuk E.B., Filatov V.I. Strategic Planning – the Way toward Sustainable Development of the Russian Economy / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018, Vol. 11, № 4.
3. Subbotin A. Subjects of Attention. The state is concerned about the development of science and education in the regions / Poisk, 2020, № 7.
4. Fundamental Science in Russia. Ed. L.K. Pipia M.: ISS RAS, 2014.

УДК 332.05/ 65.9(2Рос…)

Широкова Е.Ю.

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ СЗФО

Аннотация. *В исследовании проведен анализ основных показателей внешнеторговой деятельности регионов Северо-Западного федерального округа с 2010 по 2019 г. Выявлены незначительные изменения в товарной структуре экспорта и импорта. Большинство регионов зависят от сырьевого экспорта, а также от импорта высокотехнологичной продукции.*

Ключевые слова: *внешняя торговля, регион, экспорт, импорт, товарная структура.*

В Российской Федерации на федеральном уровне разрабатываются национальные проекты, федеральные и государственные программы, цели которых обязательно должны быть учтены на региональном уровне. В связи с этим можно отметить, что именно регионы являются основным элементом, на функционировании которого необходимо акцентировать внимание для достижения показателей государственных программ [4]. Таким образом, использование преимуществ и слабых сторон каждого региона подразумевает анализ региональных возможностей. По национальному проекту «Международная кооперация и экспорт» на региональном уровне должны быть выполнены целевые показатели по экспорту несырьевых неэнергетических товаров, поставлена задача роста доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственной продукции и услуг в валовом внутреннем продукте. Постановка перед регионами целевых показателей по проектам предполагает учет региональных возможностей в контексте динамики показателей, их тенденций и других особенностей.

Для анализа внешнеторговой деятельности региона исследователи используют как кластерный подход для оценки степени ее эффективности [5], индекс структурных сдвигов для определения приоритетных экспортно-импортных отраслей [2], системно-структурный подход и экономико-статистические методы [3].

Исходя из с вышесказанного, при формировании структуры эффективной экономики эксперты рекомендуют основываться на учете специфики экономической ситуации, связанной с ее внутренним состоянием и международными реалиями, необходимо добиваться оптимального сочетания интересов регионального развития и задач повышения конкурентоспособности экономики страны в составе мирохозяйственного комплекса [1].

Рассмотрим динамику основных внешнеторговых показателей для регионов Северо-Западного федерального округа. В состав СЗФО входят: Вологодская, Калининградская, Мурманская, Ленинградская, Новгородская, Псковская области, Республика Коми, Архангельская область (включая Ненецкий автономный округ) и Республика Карелия. Для экономики данных областей и республик характерна зависимость от экспорта сырьевой продукции и импорта высокотехнологичной продукции.

Динамика показателей внешней торговли регионов в 2010 – 2019 гг., млрд. долл. США

Область	Экспорт/ Импорт	Год									
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Республика Карелия	Экспорт	1,4	1,5	1,3	1,1	1	0,7	0,7	1,1	1,2	1
	Импорт	0,2	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Республика Коми	Экспорт	1	2,5	2,4	3,6	3,3	1,7	0,8	1	1	1
	Импорт	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2

Окончание таблицы

Область	Экспорт/ Импорт	Год									
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Архангельская область	Экспорт	5,5	5	2,8	2,3	2,3	2,1	2,1	2,4	3	1,9
	Импорт	0,2	0,2	0,3	0,3	0,2	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3
Вологодская область	Экспорт	3,9	4	3,5	3,3	3,2	2,9	2,8	3,4	4,7	4,3
	Импорт	0,4	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,7	0,7	0,8
Калининградская область	Экспорт	0,6	1,3	1,8	1,5	3,7	2,7	1,2	1,3	2	1,5
	Импорт	8	10,4	12,2	12,2	15,9	8	5,8	7,2	8,3	8
Ленинград-ская область	Экспорт	10	15,6	16,1	13,7	15,8	10	4,8	5,7	7,1	6,8
	Импорт	4,6	7,5	5,2	5,1	4,4	3,2	2,7	3,6	4,1	3,9
Мурманская область	Экспорт	1,9	2,8	1,8	2,3	2,3	2,2	2,5	3,5	3,7	4,1
	Импорт	0,2	0,6	0,7	0,8	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3
Новгородская область	Экспорт	1	1,3	1,4	1,3	1,3	1	0,9	1,1	1,3	1,6
	Импорт	0,4	0,6	0,6	0,7	0,8	0,6	0,4	0,4	0,4	0,6
Псковская область	Экспорт	0,1	0,1	0,1	0,3	0,3	0,2	0,1	0,2	0,3	0,3
	Импорт	1	1,4	1,3	1,1	0,9	0,5	0,4	0,4	0,3	0,3
г. Санкт – Петербург	Экспорт	11,8	21,3	23,4	22,2	22,3	15,7	15,8	21,8	26,6	27,6
	Импорт	24,5	32,8	36,4	35,9	30,9	20,3	21,3	22,9	22,8	23,1

Источники: данные Росстата, Северо-Западного филиала ФТС России, Калининградстата.

Все регионы СЗФО преимущественно экспортоориентированные. Основными товарами, поставляемыми на внешний рынок, являются сырьевая продукция и продукция низких переделов. Рассмотрим подробнее данные официальной статистики за 2010 и 2018 годы по основным показателям внешней торговли для вышеуказанных регионов.

В стоимостном объеме экспорта Республики Карелия крупнейшие доли занимают древесина и целлюлозно-бумажные изделия (51,4% в 2010 г. и 33,4% в 2019 г.), а также минеральные продукты (28,6% в 2010 г. и 33,4% в 2019 г.). Основным покупателем древесины является Финляндия (12,7%), минеральных продуктов – Финляндия, Турция, Египет и Франция. В 2019 году более 40% стоимостного объема импорта занимает машиностроительная продукция и 18% – продовольствие (рост с 2010 года на 8 п.п.).

В Республике Коми стоимостной объем экспорта на 56,6% состоит из древесины и изделий из нее и на 39,2% из минеральных продуктов (в 2010 г. 34,4 и 62,8% соответственно). Крупнейшие доли в импорте занимают продукция машиностроения с удельным весом в 41,4% и продукция химической промышленности – 40,2% (57,4 и 23% в 2010 г.). Основными покупателями древесины являются Латвия, США, Германия и страны Южной Африки, крупнейшими поставщиками машиностроительного оборудования – Чехия и Финляндия.

Стоимостной объем экспорта Архангельской области на 50,5% состоит из древесины и изделий из нее и еще 24,3% занимают минеральные продукты. В 2010 году подавляющую долю в экспорте занимали минеральные продукты (85,4%), второй крупнейшей группой была древесина и целлюлозно-бумажные изделия (11,7%). Импорт в 2010 г. на 76,1% состоял из продукции машиностроения, в 2019 году удельный вес группы вырос до 83,8%. Крупнейший покупатель минерального топлива – Нидерланды (31,6%), древесины – Китай (5%), крупнейшими поставщиками машиностроительного оборудования являются Финляндия (30,5%), Китай (16,1%) и Германия (4,8%). Первые позиции в товарообороте Архангельской области занимают Нидерланды, Бельгия, Индия (52,2% от всего товарооборота области).

В Вологодской области в 2019 году максимальные доли в структуре стоимостного объема экспорта занимают товарная группа «Черные и цветные металлы» (47%, в 2010 г. – 64,2%) и продукция нефтехимической промышленности (33,6%; 27,6% в 2010 г.). Максимальную долю в импорте занимает группа машин и оборудования с 50,8%, 14,3% приходится на продовольствие и 12,9% – на металлы и изделия из них. С 2010 года доля импорта группы машин и оборудования снизилась на 14,2 п.п., а доли продовольствия выросла на 10,8 п.п. Приоритет в экспорте и импорте по стоимостным показателям принадлежит странам дальнего зарубежья (удельный вес 84,9 и 78,2% от экспорта и импорта соответственно).

В Калининградской области статистическая информация о товарной структуре импорта и экспорта ограничена 2014 годом, поэтому можно оценить динамику изменений только в 5-летнем периоде. Необходимо подчеркнуть характер внешней торговли в области – это субъект Российской Федерации, через который происходит транзит большого числа товаров, так что по таможенной статистике невозможно провести параллель между структурой внешней торговли и региональным производством. В 2014 году максимальные доли в экспортной структуре занимали группы машин и оборудования (60,5%) и продовольственных товаров (28,1%). В 2019 году структура экспорта на 76% состояла из продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. Структура импорта в 2014 г. на 60,8% состояла из машин и оборудования и на 18% – из продовольствия. Изменение структуры импорта к 2019 году не стало коренным: 54,6% машиностроительного оборудования и 23,8% продовольственной продукции.

Ленинградская область выполняет транзитные функции, поэтому структуры экспорта и импорта также не отражают ее внутреннее производство. В 2010 году максимальную долю в экспорте занимала группа минеральных продуктов (77,9%), в импорте – машины и оборудование (43,1%). К 2019 году в экспорте доля минеральных продуктов меньше на 21,8 п.п. (56,1%), структура импорта на 36,9% занята машиностроительным оборудованием, на 27,9% – продовольственными продуктами и на 16,4% – продукцией химической промышленности.

В товарной структуре экспорта Мурманской области более 2/3 всего стоимостного объема занимают черные металлы (67,8%; 62,6% в 2010 г.), из которых максимальную долю имеет экспорт необработанного никеля (34%) в Швейцарию и Нидерланды. В структуре импорта 44,6% занимает машиностроительная группа и 29,7% – продукция химической промышленности (27,3 и 36,0% в 2010 г. соответственно). Импорт машиностроительного оборудования в область осуществляется в основном из Норвегии, Франции и Швеции. Крупнейшие страны-партнеры: Швейцария, Финляндия, Нидерланды – суммарный удельный вес составил 74,4% во внешнеторговом обороте области.

Экспорт Новгородской области в 2010 г. состоял на 61,1% из продукции химической промышленности и на 19,4% – из древесины. К 2019 году доля химической продукции выросла до 77,5%, удельный вес древесины снизился до 15,5%. Структура стоимостного импорта в 2010 г. была достаточно диверсифицированной: примерно равные доли занимали текстильные изделия (22,9%), химическая продукция (19,5%), машины и оборудование (19,3%) и продовольственные товары (16,1%). К 2019 году импорт текстиля достиг максимальной доли (45% от всего импорта), доля химической продукции выросла до 20,9%, удельный вес машин снизился до 15%.

Псковская область не получает дополнительной выгоды от внешней торговли – ее экспорт только покрывает расходы на импорт, однако за 10 лет экспорт области

вырос в 3 раза, а импорт снизился более чем в 3 раза. Основными экспортными товарами области являются металлы и изделия из них (44,7%), продовольственные товары и древесина (по 16,7%) и машиностроительное оборудование (13,3%). В 2010 году структура экспорта представляла собой на 51,3% машиностроительную продукцию, 18,3% – доля древесины и 12,9% – продовольственных товаров. Изменения в основных группах импортируемых товаров следующие: доля машин и оборудования выросла на 11,2 п.п. (2010 г. – 22,4%, 2019 г. – 33,6%); удельный вес продовольствия снизился на 8,8 п.п. (2010 г. – 28,1%, 2019 г. – 19,3%); продукция химической промышленности снизила свой удельный вес на 2,2 п.п. (2010 г. – 15,7%, 2019 г. – 13,5%), а стоимость текстильной продукции в импорте упала почти в 2 раза (2010 г. – 12,9%, 2019 г. – 6,9%).

Анализ динамики и объемов внешней торговли города Санкт-Петербурга позволяют оценить его как крупный логистический центр, через который проходит большой товарный поток. Стоит заметить, что за рассматриваемый промежуток времени экспорт товаров, проходящих через таможни города, вырос более чем в 2,3 раза, а стоимость импортного потока даже сократилась.

Итак, можно отметить, что районы СЗФО в основном экспортируют сырьевую продукцию либо товары с низкой добавленной стоимостью: древесину, черные металлы и минеральные продукты. Анализ импорта регионов Европейского Севера позволяет сделать вывод об острой потребности в наличии высокотехнологичной промышленности. В структуре стоимостного объема импорта Вологодской области доля товарной группы машин и оборудования составляет 50,8%, в Республике Карелия – 40%, в Республике Коми – 41,4%, в Мурманской – 44,6%, а в Архангельской области – 76,1%.

В каждом регионе есть свои природные ресурсы, особые климатические условия, специфическое географическое расположение, транспортные и логистические узлы, исторически сложившиеся торговые партнеры. Полный анализ внешнеторговых показателей в динамике дает необходимую информацию для моделирования структурных изменений в региональной экономике с возможностью построения прогноза ее развития при воздействии отдельных или совокупности факторов. Региональная специфика способна существенно повлиять на вклад внешней торговли в экономический рост страны. С учетом того что все регионы СЗФО в основном не меняют структуру своих экспортных и импортных потоков, необходимы более сильные стимулирующие факторы, которые могли бы переломить сложившуюся инерционность экономической ситуации. Таким образом, необходимо скорректировать торговую и промышленную политики, действующие в настоящее время, для создания более выгодных условий для промышленности по уходу от сырьевой зависимости, что подразумевает и зависимость от мировых цен.

Библиографический список

1. Гизатуллин Х.Н., Гарипов Ф.Н., Гарипова З.Ф. Проблемы управления структурными преобразованиями региональной экономики // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 43–52.
2. Гриценко Т.С., Передера Ж.С., Тупикина Е.Н. Анализ внешней торговли товарами Российской Федерации // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9. № 2. http://naukovedenie.ru/PDF/103EVN217.pdf (дата обращения: 08.03.2020).

3. Закиров И.В., Шавель А.Н. Сравнительно-географический анализ внешней торговли товарами регионов Беларуси и России (на примере Гомельской области и Республики Башкортостан) // Журн. Белорус. гос. ун-та. География. Геология. 2017. № 2. С. 40–51.
4. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Национальные проекты России: региональное измерение // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 37–53. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10067.
5. Тупикина Е.Н., Ким Е.А., Удовик А.С. Внешняя торговля регионов России: кластерный подход // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 3. С. 398–413. https://doi.org/10.24891/re.16.3.398.

Информация об авторе

Широкова Елена Юрьевна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; shir11@bk.ru).

Shirokova E.Yu.

FOREIGN TRADE ACTIVITY OF THE NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICT REGIONS

Abstract. *The study analyzes the main indicators of foreign trade activity of the North-West Federal District regions from 2010 to 2019. Identified minor changes in the commodity structure of exports and imports. Most regions depend on raw materials exports, as well as on imports of high-tech products.*

Key words: *Foreign trade, region, export, import, commodity structure.*

Information about the author

Shirokova Elena Yu. (Vologda, Russia) – Junior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Russia, 160014, Vologda, Gorky St., 56a; shir11@bk.ru).

References

1. Gizatullin H.N., Garipov F.N., Garipova Z.F. Problems of managing the structural transformations of the regional economy // Economy of the region. 2018.V.14. Vol. 1, pp. 43–52. (in Russian).
2. Gritsenko TS, Peredera Zh.S., Tupikina E.N. Analysis of the foreign trade in goods of the Russian Federation // Internet journal “SCIENCE” Volume 9, № 2 (2017) http://naukovedenie.ru/PDF/103EVN217.pdf (accessed 08.03.2020). (in Russian).
3. Zakirov I.V., Shavel A.N. Comparative-geographical analysis of foreign trade in goods of the regions of Belarus and Russia (on the example of the Gomel region and the Republic of Bashkortostan) // Zhurn. Byelorussian. state un-that. Geography. Geology. 2017. № 2. P. 40 –51. (in Russian).
4. Ivanov O.B., Buchwald E.M. National projects of Russia: a regional dimension // ETAP: economic theory, analysis, practice. 2019. № 1. S. 37-53. DOI: 10.24411 / 2071-6435-2019-10067 (in Russian).
5. Tupikina E.N., Kim E.A., Udovik A.S. Foreign Trade of Russian Regions: Cluster Approach // Regional Economics: Theory and Practice. 2018.Vol. 16, № 3. P. 398-413. https://doi.org/10.24891/re.16.3.398 (in Russian).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ. ИННОВАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМАХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ, СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И ИХ РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

УДК 001.38 / ББК

Артамонова А.С.

НАУЧНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ СЕРВИСОВ

***Аннотация**. Доклад посвящен обзору социальных сетей для ученых и возможностям их использования в деятельности научных работников. Выявлено, что научные социальные сети выступают новым способом продвижения результатов труда ученого, влияют на формирование его репутации, а также открывают возможности для выстраивания и развития международного сотрудничества.*

***Ключевые слова:** социальные сети, сайт, блог, продвижение, репутация ученого.*

Развитие цифровых технологий привело к значительным изменениям в организации как личного, так и рабочего профессионального времяпрепровождения. Научная сфера деятельности не стала исключением. Свободный и быстрый обмен информацией, идеями и документами требует новых навыков от ученых, в том числе в отношении формирования кооперационных связей или продвижения результатов своего труда.

Традиционным средством распространения информации о результатах исследований являются публикации в научных журналах, монографиях, учебных пособиях, выступления на конференциях. В связи с этим основным показателем веса ученого в научном сообществе выступает число цитирований. Однако в последнее время появились и активно используются новые способы продвижения результатов труда ученого, связанные прежде всего с развитием Интернета и информационных технологий. Как отмечают исследователи, «появление новых инструментов и каналов распространения не отменяет функционирование классических каналов, более того, появляются новые возможности их совместного использования. Но нужно отдавать себе отчет, что их консервативное применение становится все менее эффективным» [7, с. 36].

Согласно исследованиям, в развивающихся странах использование современных технологий учеными пока не является повсеместно распространенным [26], тогда как в развитых государствах преимущества внедрения интернет-сетей в профессиональную деятельность очевидны [11; 19; 25; 24]. В большинстве случаев для продвижения результатов своей деятельности ученые используют персональные сайты [15; 20], сайты исследовательских коллективов [12] или блоги [23]. Социальные медиа фактически создают для ученых возможность делиться своими знаниями с обществом и выступать популяризатором научной деятельности: продвигать свои статьи, делать общедоступными свои идеи, делиться мнением, информировать о конференциях и других научных мероприятиях и т.д.

Исследования показывают, что многие ученые признают пользу от использования современных инструментов в профессиональной деятельности, однако пока не используют их активно [18; 10]. Так, например, опрос 345 исследователей об инструментах Web 2.0 позволил выявить, что 42% из них используют онлайн-энциклопедии, 39% – блоги, 35% – социальные сети, и авторы считают эти цифры показателем довольно низкой активности ученых в Интернете [22]. Отечественные исследования в настоящее время носят несколько разрозненный характер и ограничены отдельными социальными сетями. В частности, можно отметить опрос, проведенный С.А. Душиной, Т.Ю. Хватовой и Г.А. Николаенко на примере социальной сети для ученых ResearchGate (RG). Выборочная совокупность составила 4800 профилей

с квотами по 200 профилей по каждой из 24 дисциплин, после отбраковки – 4712 человек. В результате было определено, что активная часть пользователей RG составила всего 11, или 7% от выборочной совокупности. «… Подавляющее большинство исследователей, зарегистрировавшись в RG, не используют сетевые возможности для профессиональной деятельности (предположим, только правят профили, или выкладывают свои работы в сеть; возможно, среди самого большого кластера есть и «мертвые души») [5, с. 125]. При этом необходимо заметить, что в России социальная сеть ResearchGate является, пожалуй, наиболее активно и успешно развивающимся проектом на текущий момент.

Социальные сети выступают новым способом функционирования научной статьи, новым каналом формирования образа ученого и сферы его профессиональных коммуникаций. Речь идет не только и не столько об известных социальных сетях типа Facebook или VK (хотя они также могут выступать способом продвижения публикаций [13]), сколько о специализированных сетях, объединяющих ученых. Как правило, разница заключается в том, что основным наполнением «профиля» участника являются тексты, результаты исследований. Как отмечают исследователи, «данное коммуникативное пространство обеспечивает ученых возможностью мгновенного отклика на результаты своей работы, продуктивное обсуждение и быструю публикацию текста, в обход всех этапов издательской работы. Именно данный формат потенциально может погрузить научную статью в ситуацию, когда автор наиболее явно представлен и готов в режиме онлайн отвечать за свое исследование» [9].

Ориентируясь на два типа присутствия ученого в интернет-пространстве, включающих размещение информации на сайтах и создание профилей в специализированных сетях [13], приведем краткую характеристику основных проектов: Academia.edu, ResearchGate, LinkedIn, Twitter, а также Mendeley и Google Scholar.

1. **Персональный сайт** создается учреждением, в котором ученый работает, или непосредственно исследователем и в основном предназначен для размещения информации о проводимых исследованиях или преподавании. Кроме этого сайты могут создаваться под конкретные научные проекты или мероприятия.

2. **Academia.edu** основана в 2008 году и является одной из крупнейших социальных сетей для ученых, которая позволяет делиться результатами исследований (на февраль 2020 года насчитывает более 113 миллионов профилей). Проект объединяет характеристики репозиториев для архивирования публикаций (как, например, ArXiv или PubMed) и социальных сетей, дающих возможность создавать профили, читать новостную ленту, получать рекомендации о возможных коллегах и темах. Исследование 2016 года показало, что статьи, доступные на Academia.edu, через год после размещения получают на 16% больше цитирований, чем аналогичные публикации, не находящиеся в онлайн-доступе, через три года – на 51% больше, через пять лет – на 69% [21].

3. **ResearchGate** – социальная сеть «созданная учеными для ученых» («built by scientists, for scientists»), основанная в 2008 году и насчитывающая более 15 миллионов исследователей. Проект предлагает возможность делиться статьями и данными, обмениваться вопросами-ответами, знакомиться с проектами других ученых и даже искать работу. Ресурс также предлагает новую метрику RG Score, позволяющую измерять научную репутацию, преимущественно отражает активность пользователя в разделе «Вопросы и ответы» [14]. Однако «непрозрачность механизмов в конструировании репутационного индекса» [5, с. 123], ограничения, связанные с алгоритмом расчета [6, с. 237], ведут к небольшому уровню доверия этой метрике.

4. **LinkedIn**[1] является, пожалуй, крупнейшей профессиональной социальной сетью с более чем 630 миллионами участников (на июнь 2019 года). Несмотря на то что проект не предназначен конкретно для ученых, он может быть полезен для выстраивания коммуникаций с представителями научного сообщества, в особенности в международном масштабе.

5. **Twitter**, несмотря на то что является популярным сервисом среди всех пользователей, не ограничиваясь научным сообществом, довольно распространен и в среде ученых. Одним из его ключевых ресурсов продвижения результатов исследований дает возможность для ученого быстро просматривать новостную ленту и «проваливаться» в новость в случае необходимости более детального изучения. Контент ленты подбирается под интересы пользователя, то есть ученые могут следить за обновлениями аккаунтов журналов, фондов, институтов или конкретных исследователей. Twitter также позволяет общаться с аудиторией в режиме реального времени, что может оказаться особенно ценным во время проведения мероприятий, например конференций.

6. **Mendeley** – бесплатная программа для управления библиографической информацией, позволяющая хранить и просматривать исследовательские труды в формате pdf, а также имеющая подключение к международной социальной сети учёных. Сеть образована в 2008 году и на февраль 2020 г. насчитывает более 6 миллионов пользователей. Создатели ресурса исходят из гипотезы, что, если пользователь добавляет в свою библиотеку документ (публикацию), она представляет для него ценность. Соответственно, чем в большем количестве библиотек конкретный документ находится, тем он более значим для научного сообщества. Конечно, сохранение публикации в подборке вовсе не означает, что ее прочитали и процитировали, поэтому речь не идет об измерении ее однозначного влияния. Ресурс в первую очередь представляет интерес именно с практической точки зрения – поиска публикаций по заданной тематике, которые сохраняются в библиотеку с корректно оформленной библиографической записью и доступны для дальнейшего использования.

7. **Google Scholar** – многофункциональная поисковая платформа научных публикаций, созданная корпорацией Google в 2004 году. Она содержит данные из большинства рецензируемых журналов, книг, диссертаций и прочих трудов ученых. Функционал имеет сходство с сайтами Scopus и Web of Science: позволяет искать и цитировать информацию, проводить расчет наукометрических показателей изданий и авторов. Автор может создать профиль, при этом выбрав, будет ли он частным (закрытым) или публичным (открытым).

Как отмечают исследователи, в настоящее время присутствие ученых в социальных сетях является своего рода дополнением к устоявшимся каналам научной коммуникации и служит одновременно для самопрезентации и поиска информации [4]. В то же время научное онлайн-сообщество может стать значимым участником общественных дискуссий [17]. Обсуждения в интернет-пространстве зачастую могут привести к возникновению коммуникации между учеными в офлайн-среде (например, на какой-либо конференции), позволяют расширить влияние как научных публикаций [16], так и собственно исследователя.

Таким образом, резюмируя, потенциал развития научных социальных сетей можно представить следующими пунктами:

1. Повышение «видимости» публикаций, их цитируемости и формирование репутации ученого. Научные социальные сети дают возможность исследователям бес-

[1] LinkedIn с 4 августа 2016 года заблокирован на территории РФ.

платно делиться полными текстами своих работ, анонсировать проекты, размещать промежуточные результаты научных изысканий, а также получать оценку подготовленной статьи через механизм рецензирования и комментирования до момента ее публикации [1, с. 220; 8].

2. Формирование и развитие научных связей. Как отмечают исследователи, в настоящее время большинство крупных исследований являются интернациональными, в связи с чем в развитых странах особенности международных коллабораций с целью выявления наиболее эффективных способов организации научных исследований и понимания структуры науки в целом выступают предметом отдельного изучения [3, с. 82]. Возможности участия в международных проектах появляются среди прочего благодаря активному использованию социальных сетей.

3. Выстраивание системы взаимодействия с обществом, информирование граждан (являющихся налогоплательщиками) о результатах научной деятельности. Как пишет академик М.К. Горшков, «…в современных СМИ социология нередко отождествляется с опросами общественного мнения, отражающими изменения настроения в обществе по поводу текущих политических событий. Проблемы, свойственные опросам общественного мнения, негативно влияют на статус социологии, которая с ними разве что схожа инструментарием. Необходимо поощрять выступления ученых-обществоведов в средствах массовой информации по вопросам, относящимся к текущему состоянию общества и его институтов, участие в полемике по тем решениям, которые принимаются органами управления» [2, с. 276].

Библиографический список

1. Артамонов И.В. Изучение перспективных каналов коммуникаций работников научно-образовательной сферы в современном информационном пространстве // Научная периодика: проблемы и решения. 2017. Т. 7. № 4. С. 214-224.
2. Горшков М.К., Черныш М.Ф. О критериях оценки результативности деятельности научных организаций и ученых в области общественных наук // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2018. № 3. С. 663-677.
3. Гуськов А.Е. Российская наукометрия: обзор исследований // Библиосфера. 2015. № 3. С. 75-86.
4. Душина С.А., Куприянов В.А., Хватова Т.Ю. Социальные академические интернет-сети как репрезентация «открытой» науки // Социология науки и технологий. 2018. Том 9. № 3. С. 80–98. DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10015
5. Душина С.А., Хватова Т.Ю., Николаенко Г.А. Академические интернет-сети: платформа научного обмена или инстаграм для ученых? (На примере ResearchGate) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 121–131.
6. Николаенко Г. А. В поисках сбалансированных интернет-метрик научной активности: пример Rg Score // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 225—244. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.11.
7. О повышении «видимости» научных публикаций / А.Е. Гуськов, Д.В. Косяков, Д.А. Дочкин, Е.С. Быховцев, И.В. Шабальников // Труды ГПНТБ СО РАН. 2015. № 8. С. 34-45.
8. Шибаршина С.В. Научные коммуникации и коллаборации в Сети как возможные зоны обмена // Социология науки и технологий. 2019. Том 10. № 2. С. 75–92. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12004

9. Шкорубская Е.Г. Генезис научной статьи как формы коммуникации ученых // Социология науки и технологий. 2019. Том 10. № 2. С. 56–74. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12003
10. Adoption and use of Web 2.0 in scholarly communications / Procter R., Williams R., Stewart J., Poschen M., Snee H., Voss A., et al. // Philosophical Transactions of The Royal Society. 2010. № 368 (1926). Pp. 4039–4056.
11. Barjak F. The role of the Internet in informal scholarly communication // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2006. № 57(10). Pp. 1350–1367.
12. Barjak F., Thelwall M. A statistical analysis of the web presences of European life sciences research teams // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2008. № 59(4). Pp. 628–643.
13. Do highly cited researchers successfully use the social web? / Amalia Mas-Bleda, Mike Thelwall, Kayvan Kousha, Isidro F. Aguillo // Scientometrics. 2014. № 101. Pp. 337–356
14. Do ResearchGate Scores create ghost academic reputations? / Orduna-Malea E., Martin-Martin A., Thelwall M., Delgado Lopez-Cozar E. // Scientometrics. 2017. Vol. 112. № 1: 443–460.
15. Dumont K., Frindte W. Content analysis of the homepages of academic psychologists // Computers in Human Behavior. 2005. № 21(1). Pp. 73–83.
16. Eysenbach G. Can tweets predict citations? Metrics of social impact based on twitter and correlation with traditional metrics of scientific impact // J Med Internet Res. 2011. № 13. P. 123.
17. Fox J. Can blogging change how ecologists share ideas? In economics, it already has // Ideas in Ecology and Evolution. 2012. № 5. Pp. 74–77.
18. Gu F., Widen-Wulff G. Scholarly communication and possible changes in the context of social media: A Finnish case study // The Electronic Library. 2011. № 29(6). Pp. 762–776.
19. Jamali H. R., Nicholas D. Interdisciplinarity and the information-seeking behavior of scientists // Information Processing and Management. 2010. № 46(2). Pp. 233–243.
20. Mas-Bleda A., Aguillo I. Can a personal website be useful as an information source to assess individual scientists? The case of European highly cited researchers // Scientometrics. 2013. № 96 (1). Pp. 51–67.
21. Open Access Meets Discoverability: Citations to Articles Posted to Academia.edu / Niyazov Y, Vogel C, Price R, Lund B, Judd D, Akil A, et al. // PLoS ONE. 2016. № 11(2): e0148257. doi:10.1371/journal.pone.0148257
22. Ponte D., Simon J. Scholarly communication 2.0: Exploring researchers' opinions on Web 2.0 for scientific knowledge creation, evaluation and dissemination // Serials Review. 2011. № 37 (3). Pp. 149–156. doi:10.1016/j.serrev.2011.06.002.
23. Shema H., Bar-Ilan J., Thelwall M. Research blogs and the discussion of scholarly information // PLoS One. 2012. № 7(5). doi: 10.1371/journal.pone.0035869.
24. Social media use in the research workflow / Rowlands, I., Nicholas, D., Russell, B., Canty, N., & Watkinson, A. // Learned Publishing. 2011. № 24(3). Pp. 183–195.
25. Successful researchers publicizing research online: an outlink analysis of European highly cited scientists' personal websites / Mas-Bleda A., Thelwall M., Kousha K., Aguillo I. // Journal of Documentation. 2014. № 70(1). Pp. 148–172.
26. When do scientists "adopt" the Internet? Dimensions of connectivity in developing areas / Ynalvez M., Duque, R. B., Mbatia, P., Sooryamoorthy, R., Palackal, A., & Shrum, W. // Scientometrics. 2005. № 63(1). Pp. 39–67.

Информация об авторе

Артамонова Анна Станиславовна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; artamonova.ast@gmail.com).

Artamonova A.S.

ACADEMIC SOCIAL NETWORKS: REVIEW OF MAIN SERVICES

Abstract. *The article deals with a review of social networks for researchers and the ways these networks can be used in academic activities. The author reveals that academic social networks are a new way to promote academic results, they influence the researcher's reputation and offer opportunities for international cooperation.*

Key words: *Social networks, website, blog, promotion, researcher's reputation*

Information about the author

Artamonova Anna S. (Russia, Vologda) – junior researcher,Vologda Research Center of RAS (56a, Gorkogo str., Vologda, 160014; artamonova.ast@gmail.com).

References

1. Artamonov I.V. The study of perspective communications channels of scientific and educational workers in the modern information space. Nauchnaya periodika=Scholarly Communication Review, 2017, 7(4), 214–224. doi: 10.18334/nppir.7.4.38925 (in Russian).
2. Gorshkov M.K., Chernysh M.F On the criteria for evaluating the performance of scientific organizations and social sciences. Obrazovanie i nauka v Rosii: sostoyanie i potentsial razvitia=Education and Science in Russia: State and Development Potential, 2018, № 3, pp. 663–677. (in Russian).
3. Guskov A.E. Russian scientometrics: a review of researches. Bibliosfera=Bibliosphere, 2015, № 3, pp. 75–86. (in Russian).
4. Dushina S.A., Kupriyanov V.A., Khvatova T.Y. Academic social media as a representation of the "Open Science". Sotsiologia nauki I tekhnologii=Sociology of Science and Technology, 2018, vol. 9, № 3, pp. 80–98. DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10015 (in Russian).
5. Dushina S.A., Khvatova T.Yu., Nikolaenko G.A. Academic Internet networks: a platform for scientific exchange or Instagramm for scientists? (The case of ResearchGate) // Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies, 2018, № 5, pp. 121–131. (in Russian).
6. Nikolaenko G.A. In Search of Balanced Internet Metrics of Scientific Activities: An Example of RG Score. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2019, № 4, pp. 225—244. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.11. (in Russian).
7. Guskov A.E. et al. On the improvement of "visibility" of scientific publications. Trudy GPNTB SO RAN=Proceedings of SPSTL SB RAS, 2015, № 8, pp. 34–45. (in Russian).
8. Shibarshina S.V. Online scientific communications and collaborations as possible trading zones. Sotsiologiya nauki i tekhnologii=Sociology of Science and Technology, 2019, vol. 10, № 2, pp. 75–92. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12004 (in Russian).
9. Shkorubskaya E.G. The genesis of a scientific article as a form of scientific communication. Sotsiologiya nauki i tekhnologii=Sociology of Science and Technology, 2019, vol. 10, № 2, pp. 56–74. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12003 (in Russian).

10. Procter R., Williams R., Stewart J., Poschen M., Snee H., Voss A., et al. Adoption and use of Web 2.0 in scholarly communications. Philosophical Transactions of The Royal Society, 2010, № 368(1926), pp. 4039–4056.
11. Barjak F. The role of the Internet in informal scholarly communication. Journal of the American Society for Information Science and Technology, 2006, № 57(10), pp. 1350–1367.
12. Barjak F., Thelwall M. A statistical analysis of the web presences of European life sciences research teams. Journal of the American Society for Information Science and Technology, 2008, № 59(4), pp. 628–643.
13. Mas-Bleda A., Thelwall M., Kousha K., Aguillo I. F. Do highly cited researchers successfully use the social web? Scientometrics, 2014, № 101, pp. 337–356.
14. Orduna-Malea E., Martin-Martin A., Thelwall M., Delgado Lopez-Cozar E. Do ResearchGate Scores create ghost academic reputations? Scientometrics, 2017, vol. 112, № 1, pp. 443–460.
15. Dumont K., Frindte W. Content analysis of the homepages of academic psychologists. Computers in Human Behavior, 2005, № 21(1), pp. 73–83.
16. Eysenbach G. Can tweets predict citations? Metrics of social impact based on twitter and correlation with traditional metrics of scientific impact. J Med Internet Res, 2011, № 13, p. 123.
17. Fox J. Can blogging change how ecologists share ideas? In economics, it already has. Ideas in Ecology and Evolution, 2012, № 5, pp. 74–77.
18. Gu F., Widen-Wulff G. Scholarly communication and possible changes in the context of social media: A Finnish case study. The Electronic Library, 2011, № 29(6), pp. 762–776.
19. Jamali H. R., Nicholas D. Interdisciplinarity and the information-seeking behavior of scientists. Information Processing and Management, 2010, № 46(2), pp. 233–243.
20. Mas-Bleda A., Aguillo I. Can a personal website be useful as an information source to assess individual scientists? The case of European highly cited researchers. Scientometrics, 2013, № 96(1), pp. 51–67.
21. Niyazov Y, Vogel C, Price R, Lund B, Judd D, Akil A, et al. Open Access Meets Discoverability: Citations to Articles Posted to Academia.edu. PLoS ONE, 2016, № 11(2): e0148257. doi:10.1371/journal.pone.0148257.
22. Ponte D., Simon J. Scholarly communication 2.0: Exploring researchers' opinions on Web 2.0 for scientific knowledge creation, evaluation and dissemination. Serials Review, 2011, № 37(3), pp. 149–156. doi:10.1016/j.serrev.2011.06.002.
23. Shema H., Bar-Ilan J., Thelwall M. Research blogs and the discussion of scholarly information. PLoS One, 2012, № 7(5). doi: 10.1371/journal.pone.0035869.
24. Rowlands I., Nicholas D., Russell B., Canty N., Watkinson A. Social media use in the research workflow. Learned Publishing, 2011, № 24(3), pp. 183–195.
25. Mas-Bleda A., Thelwall M., Kousha K., Aguillo I. Successful researchers publicizing research online: an outlink analysis of European highly cited scientists' personal websites. Journal of Documentation, 2014, № 70(1), pp. 148–172.
26. Ynalvez M., Duque, R. B., Mbatia, P., Sooryamoorthy, R., Palackal, A., & Shrum, W. When do scientists "adopt" the Internet? Dimensions of connectivity in developing areas. Scientometrics, 2005, № 63(1), pp. 39–67.

УДК 316.35 / ББК 60.54

Балезина Е.А.

ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПГНИУ)

***Аннотация**. Внедрение эффективного контракта повышает требования к работе преподавателя. Особенно это сказывается на положении молодого преподавателя и его отношении к профессиональной деятельности. Представлены результаты опроса молодых преподавателей Пермского государственного национального исследовательского университета. Отмечено влияние наличия ученой степени на отношение к внедрению эффективного контракта.*

***Ключевые слова:** эффективный контракт, молодой преподаватель.*

Необходимость привлекать большее число молодых преподавателей в вузы в связи со старением профессорско-преподавательских кадров уже длительное время не вызывает сомнения [3, 6]. Одной из задач, которую призвано решить внедрение эффективных контрактов, является реализация мероприятий по привлечению и удержанию молодежи в системе высшего образования [7].

Эффективный контракт как трудовой договор с преподавателем, в котором указаны его должностные обязанности, показатели и критерии оценки эффективности деятельности [5], предъявляет новые требования к работе преподавателя. Эти требования касаются не только выполнения педагогической нагрузки, получения благоприятных отзывов студентов, ведения научно-исследовательской деятельности, достижения определенного числа цитирований [2], но и четкого планирования достижения необходимых результатов [1].

Достижения высоких показателей эффективности особенно сложно добиться молодым преподавателям, не получившим ученую степень (и) или не наработавшим определенного «научного капитала / багажа», необходимого для выполнения ряда показателей, например, таких как подготовка соискателей ученых степеней.

Цель – охарактеризовать отношение молодых преподавателей к внедрению эффективного контракта в вузе.

Эмпирической базой выступили результаты глубинных интервью с молодыми преподавателями Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ). В выборку было отобрано 23 молодых преподавателя в возрасте до 34 лет включительно. Критериями отбора служили наличие/отсутствие ученой степени и сфера преподавания (естественнонаучная или социально-гуманитарная). Молодым преподавателям задавались вопросы об отношении к внедрению эффективного контракта в вузе, о том, насколько он стимулирует выполнять конкретные показатели, о влиянии новой системы оплаты труда на материальное благополучие сотрудников. Далее в тексте приведенные цитаты из интервью выделены кавычками и курсивом.

На основе объективных и субъективных факторов выборочную совокупность поделили на следующие группы: 1) занимающиеся в большей степени научно-исследовательской деятельностью (5 чел.); 2) предпочитающие заниматься преподавательской деятельностью (6 чел.); 3) успешно совмещающие оба вида работы (10 чел.); 4) «пассивные» преподаватели, которые и педагогической, и научно-исследовательской работой занимаются с неохотой (2 чел.). В последнюю группу были отнесены те молодые преподаватели, которые работают как внеш-

ние совместители и дальнейшую свою профессиональную судьбу не связывают с работой в вузе.

В ходе исследования молодые преподаватели высказали две противоположные точки зрения о внедрении эффективного контракта. Согласно первой из них эффективный контракт – необходимый и важный инструмент, который работает на преподавателя и предоставляет ему возможность получать за свою работу больше, чем раньше. «Если я раньше писал статьи и не получал деньги за это, то сейчас получаю» (ест., без степ.).

Вторая позиция, озвученная молодыми преподавателями, связана с тем, что эффективный контракт не способствует улучшению материального положения сотрудников, а работает только на руководство вуза, которое таким образом желает сэкономить. И даже высказывались опасения о том, что впоследствии уровень заработной платы преподавателей снизится, а не вырастет.

При этом реакций у молодых преподавателей на необходимость выполнять ряд новых показателей было зафиксировано несколько.

Во-первых, молодые преподаватели различаются по желанию и готовности выполнять эти показатели: часть преподавателей продолжает работать в том же режиме, что и раньше. «*Я бы не сказала, что я что-то специально делаю (для выполнения эффективного контракта)*» (ест., без степ.).

Другая часть информантов указывала на то, что им специально приходится уделять внимание выполнению новых показателей, тратить дополнительно на это время и силы. Увеличение нагрузки, связанное в том числе и с выполнением эффективных контрактов, отмечают абсолютно все молодые преподаватели [4]. Рост нагрузки молодые сотрудники связывают с повышающимися требованиями в отношении как преподавательской деятельности, так и научно-исследовательской работы в ПГНИУ. По словам информантов, требуемое от сотрудника число публикаций превышает схожие показатели в научных учреждениях: «*Та доля публикаций, которая на сотрудника, она больше, чем в институте*» (ест, уч. степ.).

Третья группа информантов, которую здесь можно выделить, упирали на то, что при любом раскладе им не удастся выполнить условия контракта, причем это были не только молодые преподаватели «группы риска», не справляющиеся с требованиями вуза, но и обладающие ученой степенью и активно ведущие научно-исследовательскую работу. Это объясняется тем, что такое отношение к выполнению эффективного контракта связано с предположением о «невыгодности», низкой оплате за выполнение показателей контракта.

Во-вторых, отношение к эффективному контракту у молодых преподавателей ПГНИУ строится на основе плохой информированности о конкретных показателях и их формулах расчета. Причем часть информантов обвиняли в собственной недостаточной компетентности руководство вуза, которое «*ничего не объяснило*» (соц.-гум., без степ.). Другие же просто недоумевали относительно того, зачем тратить свое время и пытаться разобраться в сложном документе. В целом молодые преподаватели указывали на непонятность и запутанность условий и показателей эффективного контракта. Выказывали нежелание разбираться с критериями, предъявляемыми вузом.

В-третьих, молодые преподаватели с ученой степенью кандидата наук выражали мнение о недостаточном финансовом вознаграждении за выполнение требуемых показателей. «*Думаю, многие бы работали дольше и больше, если бы платили соответственно*» (ест., уч. степ.). В целом эта группа молодых преподавателей чувствует

себя более уверенно и защищенно в отличие от «неостепененных» коллег, т.к. имеет дополнительный доход от научно-исследовательской деятельности, участия и руководства грантами.

А для молодых преподавателей без ученой степени характерно отношение к эффективному контракту как определенному стимулу, дающему внешний толчок для активизации своей работы. Однако в силу личностных особенностей часть этих преподавателей действительно демонстрирует повышение ряда показателей (в т.ч. в ситуациях, тормозящих их развитие, например смена научного руководителя, смена тематики исследования и т.п.). А для другой части молодых преподавателей этот стимул превращается в нависающую угрозу не справиться с поставленными задачами, что, по их мнению, может привести к снижению собственного профессионального статуса или даже уходу из вуза или профессии. На это указывали большей частью те молодые преподаватели, которых мы отнесли к группе ориентирующихся на педагогическую деятельность и не занимающихся научными исследованиями. Такую связь можно объяснить и объективными факторами: требования в эффективных контрактах в большей степени связаны с выполнением научно-исследовательской деятельности, и, конечно, для тех преподавателей, кто ею не занимался до сих пор, сложно сориентироваться в новых условиях и переориентировать себя с преподавательской работы на научную.

Таким образом, у молодых преподавателей наблюдается восприятие эффективного контракта либо как необходимого инструмента управления, выгодного для конкретного преподавателя, стимулирующего его на дополнительную работу, либо как бесполезного документа, на который молодой преподаватель не готов ориентироваться в своей работе. Если в первом случае речь идет о молодых преподавателях без ученой степени, то второй позиции придерживаются уже более опытные и успешные молодые преподаватели с ученой степенью кандидата наук.

Для более успешной реализации такого проекта, как эффективный контракт, и снижения давления на молодых преподавателей необходимо дифференцировать показатели и требования для молодых преподавателей, относящихся к разным группам. Например, создать возможность более гибкой комбинации показателей: для занимающихся научно-исследовательской работой молодых преподавателей включать показатели, связанные с публикационной активностью, а для преподавателей-«педагогов» делать больший акцент на качестве преподавательской деятельности.

Библиографический список

1. Кутеева В.П., Лазарева З.Н. Анализ планирования стратегической деятельности преподавателя высшей школы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-planirovaniya-strategicheskoy-deyatelnosti-prepodavatelya-vysshey-shkoly (дата обращения: 20.03.2020).
2. Лебединская Ю.С., Козлова Т.В. Показатели «эффективного контракта» в образовательных учреждениях // АНИ: экономика и управление. 2018. №2 (23). С. 200–202.
3. Малышева М.М. Стратегии воспроизводства интеллектуального ядра вузов в условиях старения профессорско-преподавательского состава // Народонаселение. 2012. №2 (56). С. 86–93.
4. Салаватов М.И. Реформирование заработной платы преподавателей в системе высшего образования // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12. №1. С. 104–108. DOI: 10.31161/1995-0667-2018-12-1-104-108.

5. Турлыбекова О.Г., Ковтарёв Е.С. Эффективный контракт в вузе. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnyy-kontrakt-v-vuze (дата обращения: 20.03.2020).
6. Эзрох Ю.С. Кадровые перспективы российских университетов: кто будет преподавать в недалеком будущем? // Образование и наука. 2019. №21(7). С. 9-40. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-7-9-40.
7. Эффективный контракт для профессионалов социальной сферы: тренды, потенциал, решения. Экспертный доклад / отв. ред.: Я. И. Кузьминов, С. А. Попова, Л. И. Якобсон; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 141 с.

Информация об авторе

Балезина Екатерина Андреевна (Россия, Пермь) – старший преподаватель кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, ул. Букирева, д. 15; katebalezi@gmail.com).

Balezina E.A.

EFFECTIVE CONTRACT IN OPINION OF YOUNG HIGH SCHOOL TEACHERS (BY EXAMPLE PSNRU)

Abstract. *The introduction of an effective contract increases the requirements for the work of a high school teacher. This especially affects the position of the young high school teacher and his attitude to professional activities. There are results of a survey of young high school teachers of PSNRU. The influence of having a degree on the attitude to the implementation of an effective contract is noted.*

Key words: *effective contract, young high school teacher.*

Information about the author

Balezina Ekaterina A. (Russia, Perm) - Senior Lecturer at the Department of Sociology, Perm State National Research University (Bukireva St., 15, Perm; katebalezi@gmail.com).

References

1. Kuteeva V.P., Lazareva Z.N. Analiz planirovaniya strategicheskoi deyatel'nosti prepodavatelya vyssheishkoly//URL:https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-planirovaniya-strategicheskoy-deyatelnosti-prepodavatelya-vysshey-shkoly (data obrashcheniya: 20.03.2020).
2. Lebedinskaya Yu.S., Kozlova T.V. Pokazateli «effektivnogo kontrakta» v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh // ANI: ekonomika i upravlenie. 2018. № 2 (23). S. 200–202.
3. Malysheva M.M. Strategii vosproizvodstva intellektual'nogo yadra vuzov v usloviyakh stareniya professorsko-prepodavatel'skogo sostava // Narodonaselenie. 2012. № 2 (56). S. 86–93.
4. Salavatov M.I. Reformirovanie zarabotnoi platy prepodavatelei v sisteme vysshego obrazovaniya // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. 2018. T. 12. № 1. S. 104–108. DOI: 10.31161/1995-0667-2018-12-1-104-108.
5. Turlybekova O.G., Kovtarev E.S. Effektivnyi kontrakt v vuze // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnyy-kontrakt-v-vuze (data obrashcheniya: 20.03.2020).
6. Ezrokh Yu.S. Kadrovye perspektivy rossiiskikh universitetov: kto budet prepodavat' v nedalekom budushchem? // Obrazovanie i nauka. 2019. № 21 (7). C. 9-40. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-7-9-40.

7. Effektivnyi kontrakt dlya professionalov sotsial'noi sfery: trendy, potentsial, resheniya. Ekspertnyi doklad / otv. red. Ya. I. Kuz'minov, S. A. Popova, L. I. Yakobson; Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2017. 141 s.

УДК 378.147

Вахорина М. В.

К ВОПРОСУ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Раскрыт компетентностный подход к переходу высшей школы на цифровые технологии. Определена роль и основные направления цифровизации в системе образования. Проанализировано влияние высшего образования на развитие общества в цифровую эпоху. Выявлены положительные и отрицательные стороны цифровизации высшей школы.*

Ключевые слова: *высшее образование, подготовка кадров, интерактивное обучение, цифровые технологии образования, онлайн-курсы.*

В соответствии с Программой развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года определены основные направления государственной политики Российской Федерации по формированию цифровой (электронной) экономики, в целях соблюдения национальных интересов и реализации национальных приоритетов. Основные направления цифровой экономики раскрыты на *рисунке*.

Основные направления цифровой экономики

Программа развития цифровой экономики разработана по Указу Президента РФ, который в своем Послании Федеральному Собранию отметил: «Цифровая экономика – это вопрос национальной безопасности и технологической независимости России, в полном смысле этого слова – нашего будущего» [4].

В соответствии с Программой цифровой экономики «…область образования является ключевой областью внедрения новых цифровых достижений и сама по себе выступает в качестве важного фактора, способствующего дальнейшему развитию цифровых технологий. Цифровые технологии меняют облик самой системы образования. Формирование экономики знаний предполагает, что образование становится ключевым двигателем и ресурсом экономического развития. Эти условия полностью меняют подход к системе образования.

Это значит, что все граждане смогут воспользоваться огромными возможностями в разных областях для обучения, повышения квалификации, непрерывного образования, развития и участия в экономической и социальной жизни.

Система образования должна лучше оснащать людей навыками и знаниями, чтобы они отвечали требованиям цифровой рабочей среды и общества знаний. Она также должна повысить уровень грамотности в средствах массовой информации. Поэтому необходимо содействовать более широкому использованию цифровых средств информации в образовании на протяжении всей жизни человека.

Вместе со всеми заинтересованными сторонами в области образования необходимо стремиться к созданию цифровой стратегии обучения, которая будет систематически использовать, расширять и внедрять возможности цифровых средств массовой информации для предоставления высококачественного образования.

Тем не менее остаются вопросы социальной адаптации населения к вызовам цифровой экономики, относящимся к непрерывному повышению уровня квалификации и развитию новых навыков в интерактивном пространстве цифровой экосистемы. В этом отношении крайне важны активная политика на рынке труда, поддержка доходов, непрерывное обучение и более гибкие образовательные системы» [3].

Перед университетами стоит задача перехода от конвейерной системы к проектированной, включая капитализацию навыков образования и повышение значимости трудоустройства студентов.

Массив информации, короткие курсы и индивидуальные траектории, возможности для передачи образовательного контента – все эти тенденции «вынуждают» систему образования к трансформации.

Цифры – это не просто возможности, это язык, которым должен владеть студент. Университеты меняют облик городов. Меняется и традиционный образ преподавателя вуза. Онлайн-преподаватель предлагает новые методы освоения учебного материала. Рутинные лекции уходят в прошлое, и осуществляется переход на онлайн-курсы; применяются удаленные технологии, электронные библиотеки, электронные доски и т.д.

Таким образом, цифровизация высшего образования решает ряд следующих задач, являющихся приоритетными перед традиционными формами:

1. Обратная связь со студентами.
2. Преодоление «проклятия провинции».
3. Вовлечение региональных вузов в онлайн-конференции, онлайн-семинары.
4. Применение удаленных технологий для участия в учебном процессе ведущих профессоров и других резидентов.

Применение цифровых технологий повышает не только интерес к занятиям, но и уровень самого образования, направленный на приобретение навыков. Применение электронных библиотек облегчает подготовку и преподавателя, и студентов к занятиям. Например, изучение бухгалтерского учета по нормативным документам с помощью информационных систем «Консультант плюс», «Гарант» стало очень актуальным. В связи с частыми изменениями в законодательстве раньше было сложно уследить за всеми корректировками не только студенту, но и преподавателю. С применением информационных технологий это стало просто даже студенту, проживающему в провинции.

Наряду с положительными сторонами использования цифровизации в образовании есть и свои «подводные камни». Во - первых, должен быть бесплатный интернет; во - вторых, не все студенты добросовестные и могут самостоятельно изучить материал; в - третьих, магнитное излучение при постоянном общении с компьютером. И наконец, ничто не заменит живого общения.

Разумно совмещая применение положительных сторон цифровых технологий с элементами традиционной формы обучения, оставляя выбор новых технологий не только за учебным заведением, но и за студентами, можно добиться синергетического эффекта «специалиста широкого профиля».

Под традиционными системами автор понимает не только общение в разных формах с преподавателем, но и предоставление, например, места прохождения практики от вуза, а не поиск самим студентом, который чаще просто сводится к написанию отчета по практике без фактического приобретения практических навыков, а также помощь в трудоустройстве после окончания университета, чтобы исключить работу не по специальности (направлению).

Осуществляя трансформацию высшей школы на цифровые технологии, по мнению автора, необходимо помнить, что, лишенные живого контакта с преподавателем-наставником, студенты труднее усваивают сложные знания. Образование сводится просто к узкому набору компетенций, нужных в работе. Требование профессиональных стандартов по «специалисту широкого профиля» не будет выполнено, а «специалисту узкого профиля» будет сложнее найти работу.

Библиографический список

1. Вахорина М.В. Научно-исследовательская работа как элемент самостоятельной работы. Технолого-экономическое образование: достижения, инновации, перспективы: материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 225-228.
2. Материалы Гайдаровского форума 2020. URL: https://gaidarforum.ru/news/opublikovana-programma-gaydarovskogo-foruma-2020-v-rankhigs/ (режим доступа: свободный).
3. О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»): Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 07.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/ (режим доступа: свободный).
4. Послание Президента Федеральному Собранию 2020. URL: http:// http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (режим доступа: свободный).

Информация об авторе

Вахорина Марина Владимировна (Россия, Тула) – кандидат экономических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (300026, Тула, пр. Ленина, д. 125; vahorina.tula@mail.ru).

Vahorina M. V.

ON THE ISSUE OF DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM

***Abstract**. A competence-based approach to the transition of higher education to digital technologies is Revealed. The role and main directions of digitalization in the education system are defined. The influence of higher education on the development of society in the digital age is analyzed. Positive and negative aspects of digitalization of higher education are revealed.*

***Key words:** higher education, training, interactive learning, digital education technologies, online courses.*

Information about the author

Vahorina Marina V. (Russia, Tula) – candidate of Economics, associate Professor, Tula state pedagogical University. L. N. Tolstoy (300026 Tula, Lenin Ave., 125; vahorina.tula@mail.ru).

References

1. Vahorina M. V. research work as an element of independent work. Collection: Technological and economic education: Achievements, innovations, prospects Materials of the XVIII all-Russian scientific and practical conference with international participation. 2019. Pp. 225-228.
2. Materials of the Gaidar forum 2020. URL: https://gaidarforum.ru/news/opublikovana-programma-gaydarovskogo-foruma-2020-v-rankhigs/ (access mode: free).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation from 02.03.2019 № 234 (edition of 07.12.2019) "On the system of managing the implementation of the national programme "Digital economy of the Russian Federation" (together with "Regulation on the implementation of the national programme "Digital economy of the Russian Federation"). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/ (access mode: free).
4. President's message to the Federal Assembly 2020. URL: http:// http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (access mode: free).

УДК 343.97 / ББК 67.5

Вилкова А.Д., Терехов А.М.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ДИНАМИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

***Аннотация**. В статье анализируются официальные статистические данные по преступлениям, совершаемым несовершеннолетними лицами. Помимо общих аналитических наблюдений, автором сделаны заключения по наиболее важным и существенным показателям преступности в среде несовершеннолетних (их возрастному и гендерному составу, роду занятий, наличию различных дополнительных признаков). Также проанализированы данные о тяжести преступлений, совершаемых несовершеннолетними, и основных видах совершаемых ими деяний. Данные наблюдения следует использовать при планировании эффективной политики по борьбе с преступностью несовершеннолетних и ее предупреждению.*

***Ключевые слова:** анализ, несовершеннолетние, преступность, статистика, криминология.*

Преступность среди несовершеннолетних лиц как социальная проблема постоянно находится в центре внимания государства, общества, а также научной среды. Данное обстоятельство объясняется тем, что данный вид преступности является своего рода показателем существующих в обществе процессов политического, экономического, культурно-воспитательного, нравственного, психологического, демографического характера, то есть охватывает все сферы жизни.

Одним из направлений работы по практическому исследованию преступности среди несовершеннолетних лиц является изучение причин и условий преступлений, криминологическая характеристика личности преступника, что находит свое отражение в данных уголовной статистики. Как отметили М.Э. Червяков и А.С. Холкина, криминологическое значение статистики заключается в том, что она, по существу, представляет собой целую систему обратной связи; полученные данные позволяют судить, в том числе, и о том, насколько адекватно сделаны прогностические оценки, оптимально и эффективно выработаны меры борьбы с преступностью [3].

В рамках настоящего исследования были проанализированы первичные статистические данные, полученные Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2016 по 2018 год, а также за первое полугодие 2019 года.

Общее количество преступлений за рассматриваемый период неуклонно снижалось: в 2016 году несовершеннолетние совершили 23939 преступлений, в 2017 г. – 20631 (на 13,82 % меньше, чем за прошлый год), в 2018 г. – 18826 (на 8,75 % меньше). Ориентируемый показатель за 2019 год сохранил данную тенденцию – 16570 преступлений (на 11,98 % меньше, чем за прошлый год) [1].

Анализируя процентное соотношение возрастных групп несовершеннолетних преступников, можно прийти к выводу, что данный показатель довольно стабильный и варьируется незначительно: 30 % лиц в возрасте 14 – 15 лет (с 28,03 % в 2016 году до 32,09 % в 2018 году) и 70 % – в возрасте 16 – 17 лет (с 67,91 % в 2018 году до 71,97 % в 2016 году). Количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола, в среднем составляет 6 – 7 % (с 6,52 % в 2017 году до 7,76 % в 2019 году).

Из данных о воспитании несовершеннолетних преступников следует, что примерно 45 % из них воспитываются в семье с одним родителем, причем к 2019 году такая цифра ориентировочно составит уже 46,29 %, на общем фоне снижения дет-

ской преступности. Кроме того, по состоянию на 2016 год 10,96 % преступников воспитывались вне семьи, в 2017 г. – 10,67 %, в 2018 г. – 9,44 %, что свидетельствует о снижении уровня преступности в данной категории лиц.

Информация о роде занятий несовершеннолетних преступников показывает, что их основной состав следующий:

1) учащиеся – 16124 преступника в 2016 году (67,35 % от общего числа), 14141 – в 2017 году (68,54 %), 12894 – в 2018 году (68,49 %) и 11502 – ориентировочно в 2019 году (69,41 %);

2) неучащиеся и неработающие (безработные) – 7133 преступника в 2016 году (29,8 %), 5935 – в 2017 году (28,77 %), 5355 – в 2018 году (28,44 %), 4662 – ориентировочно в 2019 году (28,14 %);

3) работающие – 651 несовершеннолетний в 2016 году (2,72 %), 523 – в 2017 году (2,54 %), 518 – в 2018 году (2,75 %), 360 – ориентировочно в 2019 году (2,17 %).

Групповые преступления с участием несовершеннолетнего в качестве соучастника в 2016 году совершались 11782 раза, что составило 49,22 % от общего количества преступлений. Между тем, на общем фоне падения уровня преступности среди несовершеннолетних, данный показатель только возрастал – в 2017 году несовершеннолетний с группой совершил 10507 преступлений, или 50,93 % от общего числа, в 2018 году – 10042 преступления, или уже 53,34 %. Вместе с тем ориентировочные показатели за 2019 год свидетельствуют о снижении данного показателя приблизительно до 50,78 % (4207 преступлений за первое полугодие 2019 года).

Кроме того, несовершеннолетние совершали преступления с участием хотя бы одного взрослого: в 2016 году – 4673 раза (19,52 %); в 2017 году такие преступления имели место 4279 раз (20,44 %); в 2018 году – 4008 преступлений (21,29 %). Данная статистика также указывает на рост подобных деяний, но ориентировочные показатели за 2019 год дают возможность предположить спад этого показателя до 19,22 %, то есть даже ниже, чем в 2016 году.

Отдельно следует отметить информацию о совершении преступлений несовершеннолетними, которые уже имеют непогашенную судимость. Так, в 2016 году ими совершено 3968 деяний (16,58 % от общего числа преступлений), в 2017 году – 4039 преступлений (19,57 %), а в 2018 году – 3849 преступных деяний (20,45 %). Данные за первое полугодие 2019 года, в указанном случае, не дают повода для положительной оценки: было совершено 1746 деяний, или 21,07 % от общего числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Эти данные показывают, что, на общем фоне снижения преступности несовершеннолетних, доля рецидивистов в их среде в процентном соотношении растет.

Особое внимание следует обратить и на данные о совершении несовершеннолетними преступлений в состоянии опьянения различной степени [2].

Традиционно, подавляющее большинство таковых совершается именно в алкогольным опьянении, однако данный показатель падает. В 2016 г. таких преступлений было совершено 3427 (14,31 %), в 2017 г. – 2672 (12,95 %), в 2018 г. – 2289 преступлений (или 12,17 %). За первое полугодие 2019 года аналогичных деяний совершено 948, что составляет 11,44 %. Таким образом, за 3 года и одно полугодие показатель указанных преступлений упал на 2,87 % в общем составе преступлений.

Преступлений, совершенных несовершеннолетним в состоянии наркотического опьянения, совершено крайне мало: 138 в 2016 году, 99 в 2017 году, 59 в 2018 году, что составляет менее 1 % таких преступлений в год. Следует отметить, что данный показатель также падает.

Особое значение следует придать данным о тяжести преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Так, за 2016 год несовершеннолетние совершили 3381 преступление небольшой тяжести (14,12 %), 8838 преступлений средней тяжести (36,92 %), 10219 тяжких преступлений (42,69 %) и 1501 особо тяжкое преступление (6,27 %). В 2017 году ими совершено 2576 преступлений небольшой тяжести (12,49 %), 7902 преступления средней тяжести (38,3 %), 8870 тяжких преступлений (42,99 %) и 1283 особо тяжких деяния (6,22 %). За 2018 год несовершеннолетние совершили 2166 преступлений небольшой тяжести (11,51 %), 7101 преступление средней тяжести (37,72 %), 8163 тяжких преступления (43,36 %) и 1396 особо тяжких преступлений (7,42 %). В первом полугодии 2019 года процентное соотношение деяний такое: 12,53 % преступлений небольшой тяжести, 35,93 % преступлений средней тяжести, 44,67 % тяжких преступлений и 6,87 % особо тяжких деяний.

Следует отметить, что тяжкие и особо тяжкие преступления в последние годы составляют более половины от всех совершаемых несовершеннолетними преступлений.

Оценка данных о тяжести преступлений в соотношении с данными о преступлениях, совершаемыми несовершеннолетними женского пола, привела к схожему выводу. За рассматриваемый период также возросла доля тяжких и особо тяжких преступлений – в совокупности в 2016 году они составляли 37,27 % от общего числа «женских» преступлений, в 2017 г. – 41,53 %, в 2018 г. – 46,83 %, а в 2019 году – уже 52,1 % преступлений. Эти данные указывают на более быстрый рост наиболее опасных видов преступности среди несовершеннолетних женского пола.

Отдельное внимание следует обратить на статистику наиболее часто совершаемых несовершеннолетними деяний. По результатам анализа статистических данных о преступлениях несовершеннолетних за 2016 – 2019 годы было установлено, что 10 наиболее часто совершаемых из них (групп деяний) за каждый период составляет более 86 % всех деяний и, как правило, их состав одинаков.

Так, самым совершаемым преступлением за данный период является кража при отягчающих (части 2 – 3 статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ): 10319 в 2016 году (43,11 %), 9216 в 2017 году (44,67 %), 8308 в 2018 году (44,13 %), 3747 в первом полугодии 2019 года (45,23 %). Следующими по частоте в рассматриваемый период являются: группа преступлений, связанных с незаконными действиями и нарушением правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами (статьи 228 – 234.1 УК РФ) – в среднем 9,81 % от общего числа преступлений; грабеж при отягчающих (часть 2 статьи 161 УК РФ) – в среднем 9,18 %; угон при отягчающих (части 2 – 4 статьи 166 УК РФ) – в среднем 7,8 %; кража (часть 1 статьи 158 УК РФ) – 4,88 %.

Таким образом, в рамках анализа статистических данных о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, были выявлены существенные криминологические признаки данного вида преступности – по возрасту, полу, роду занятий, тяжести совершаемых преступлений и основных видах преступных деяний этой категории лиц.

Библиографический список

1. Бусыгина Н.А., Терехов А.М. Роль уголовной статистики в изучении преступности // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции. 2019. С. 269-271.
2. Демидова-Петрова Е.В. О преступности несовершеннолетних и ее особенностях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 14. С. 52 – 57.

3. Холкина А.С., Червяков М.Э. Показатели уголовно-правовой статистики как средство изучения преступности // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. № 8. С. 350 – 355.
4. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 20.02.2020).

Информация об авторах

Вилкова Арина Дмитриевна (Россия, Нижний Новгород) – студентка, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (Приволжский филиал) (603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.17а; vilar04@mail.ru).

Терехов Андрей Михайлович (Россия, Нижний Новгород) – кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (Приволжский филиал) (603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д.17а; terehoff.t@yandex.ru).

Vilkova A.D., Terekhov A.M.

ANALYSIS OF THE STATE AND DYNAMICS OF CRIMES COMMITTED BY MINORS

Abstract. *The article analyzes official statistics on crimes committed by minors. In addition to general analytical observations, the author made conclusions on the most important and significant indicators of crime among minors - their age and gender composition, occupation, and the presence of various additional features. It also analyzes data on the severity of crimes committed by minors and the main types of acts committed by them. Surveillance data should be used in planning effective policies to combat and prevent juvenile delinquency.*

Key words: *analysis, minors, crime, statistics, criminology.*

Information about the authors

Vilkova Arina D. (Russia, Nizhny Novgorod) – student, Federal State Budget Educational Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice” (Privolzhsky Branch) (603022, Nizhny Novgorod, Gagarin, 17a; vilar04@mail.ru).

Terekhov Andrei M. (Russia, Nizhny Novgorod) – candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Federal State Budget Educational Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice” (Privolzhsky Branch) (603022, Nizhny Novgorod, Gagarin, 17a; terehoff.t@yandex.ru).

References

1. Busygina N.A., Terekhov A.M. The Role of criminal statistics in the study of crime / / In the collection: Problems of economic growth and sustainable development of territories Materials of the IV international scientific and practical Internet conference. 2019. Pp. 269-271.
2. Demidova-Petrova E.V. On juvenile delinquency and its features / / Bulletin of the Kazan law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2013. № 14. Pp. 52 – 57.
3. Kholkina A.S., Chervyakov M.E. Indicators of criminal law statistics as a means of studying crime / / Scientific and educational potential of youth in solving actual problems of the XXI century. 2017. № 8. Pp. 350 – 355.
4. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (accessed: 20.02.2020).

УДК 316.334 / ББК 60.56

Власова О.В., Филиппова Д.И.

ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОЦЕНКАХ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

***Аннотация**. В статье представлен анализ современных тенденций и проблем оценки качества высшего образования с позиции субъектов образовательного процесса.*

***Ключевые слова:** оценка качества высшего образования, субъекты образовательного процесса.*

Образование является важнейшим социальным институтом, который с начала XXI века претерпел значительное количество трансформаций и нововведений, последствия которых до сих пор оценены не в полной мере. Присоединение России к Болонскому процессу, новые социально-экономические условия, внедрение Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, Послание Федеральному Собранию 15 января 2020 года Владимира Владимировича Путина, в котором он обозначил необходимость предоставления возможности студентам после второго курса выбирать новое направление или программу обучения, выдвигают новые требования к качеству высшего образования.

В Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования нового поколения (ФГОС ВО 3++), разработанные с учетом профессиональных стандартов, включен пункт «Требования к применяемым механизмам оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся по программа бакалавриата»[1]. В рамках данного требования предусматривается предоставление обучающимся возможности оценивания условий, содержания, организации и качества образовательного процесса в целом и отдельных дисциплин (модулей) и практик. В этой связи представляет интерес изучение зарубежного и отечественного опыта исследований качества высшего образования с позиции субъектов образовательного процесса.

В мировой практике применяются различные подходы к оценке качества образования. Как отмечают Е.Я. Кормина и А.А. Наумова, «система оценки высшего образования в тех странах, где имеются соответствующие государственные структуры, регулирующие развитие высшей школы, например, министерства образования, министерства просвещения и т.д., базируется на приоритете государственных органов или структур, финансируемых Правительством» [4, с. 110]. К таким странам относятся, например, Германия, Франция, страны СНГ, где оценка качества образования зачастую связана с процедурами лицензирования и аккредитации, выстраивания рейтингов вузов на основе мониторингов эффективности, трудоустройства выпускников и других.

Иная система оценки высшего образования предполагает ориентацию на самооценку вузов, оценку эффективности экспертами, внутренний анализ, улучшение внутренних процессов, то есть основой оценки является саморегуляция. К таким странам можно отнести, например, США, а также ряд стран, которые переняли опыт американской высшей школы (Филиппины, Тайвань) [2, 3]. Так, в университете Ин-

[1] Например, Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01: Педагогическое образование (приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.02.18 №121).

дианы (г. Блумингтон) функционирует специализированный центр исследований в области высшего образования (The Center for Postsecondary Research – CPR) [1], который проводит анкетирование студентов с целью изучения процессов и практик, влияющих на успехи учащихся: опрос студентов на предмет удовлетворенности обучением в колледже («работа в библиотеке», «освоение предмета» и другие) (CSEQ – The College Student Expreiences Questionnaire) и опрос студентов-первокурсников (цели, мотивы, ожидания и др.) на предмет их ожиданий от обучения (The College Student Expectations Questionnaire - CSXQ).

В настоящее время в России применяется первый подход, правовой, основой которого является Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Согласно ему, к полномочиям федеральных органов государственной власти в сфере образования относятся лицензирование образовательной деятельности и государственный контроль (надзор) в сфере образования за деятельностью организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования [5]. Система оценки деятельности вуза состоит из перечня показателей деятельности вузов, основу которого составляет ФГОС ВО, среди которых особо стоит выделить показатель, отражающий наличие и эффективность внутривузовской системы контроля качества образования. В ФГОС ВО нового поколения четко определено, что при оценке внутренней среды образовательной организации должны учитываться мнения потребителей образовательных услуг (субъектов) – студентов. Также к той категории мы можем отнести выпускников, преподавателей, руководство вуза, работодателей.

Перечисленные субъекты предъявляют свои требования к качеству образования, зачастую они расходятся. Такое свойство качества образования называют полисубъективностью.

С целью определения требований к качеству высшего образования вузы России ведут мониторинговую деятельность (подкрепляемую соответствующей нормативной базой – это положения, инструкции, документированные процедуры) с целью получения полной и объективной информации о качестве образования и последующим принятием управленческих решений. Также создаются студенческие центры (объединения, советы) по вопросам качества образования.

Мониторинги зачастую представляют собой онлайн опрос субъектов (посредством Google платформы или создания специальных разделов на официальном сайте вуза), имеют разные цели и направленность. Самыми распространёнными среди российских вузов являются мониторинги:

- удовлетворенности качеством преподавания (освоения дисциплины); критериями служат оценка студентами «полезности курса», «новизны полученных знаний», «профессиональная этика преподавателя» и другие;
- удовлетворенности персонала качеством управления; критериями служат оценка работниками образовательной организации качества взаимодействия с руководством, материально-технической базы, отношений в коллективе и другие;
- удовлетворенности выпускников качеством полученного образования; критериями выступают оценка выпускниками полученных знаний и навыков, их адекватности, соответствия предъявляемым требованиям на рынке труда и другие;
- удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников; критериями являются адаптация принятых работников, уровней знаний и навыков, способность к командной работе и другие.

Для руководителей университета результаты мониторингов удовлетворенности субъектов образовательного процесса могут стать основой оптимизации процессов управления качеством образования на уровне кафедр, факультетов, институтов, центров, разработки управленческих решений и стратегий развития образовательной организации. Помимо этого, данные таких исследований позволят вузу оперативно реагировать на изменение потребностей и запросов абитуриентов и их родителей, предлагать им актуальные и востребованные образовательные программы, что ведет к высокой конкурентоспособности выпускников и самого университета.

Библиографический список

1. Indiana University Bloomington. The Center for Postsecondary Research. Scholl of Education [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://cpr.indiana.edu/. Загл. с экрана (дата обращения: 22.01.2020).
2. Варламова А.И. Альтернативные системы оценки качества образования высшей школы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Педагогика». 2013. № 1. С. 22–27.
3. Варламова А.И. Сравнительный анализ подходов к оценке качества высшего образования в России и за рубежом // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Педагогика». 2009. № 3. С. 13–16.
4. Кормина Е.Я., Наумова А.А. Современные тенденции мониторинга удовлетворенности обучающихся качеством образования. Практика зарубежных и отечественных организаций // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 2(35). С. 110-126.
5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.03.2020). Статья 6: Полномочия федеральных органов государственной власти в сфере образования.

Информация об авторах

Власова Ольга Владимировна (Россия, Сургут) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-экономического образования и философии, БУ «Сургутский государственный педагогический университет» (628417, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д.10, корпус 2; office@surgpu.ru;).

Филиппова Дарья Ивановна (Россия, Сургут) – магистрант направления подготовки 39.04.01: Социология. Направленность: Социология региональных процессов, БУ «Сургутский государственный педагогический университет» (628417, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д.10, корпус 2; office@surgpu.ru).

Vlasova O.V., Filippova D.I.

FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE OF RESEARCH OF QUALITY OF HIGHER EDUCATION IN ASSESSMENT OF SUBJECTS OF THE EDUCATIONAL PROCESS

***Abstract**. The article presents an analysis of current trends and problems in assessing the quality of higher education from the perspective of the subjects of the educational process.*

***Key words:** quality assessment of higher education, subjects of the educational process.*

Information about the authors

Vlasova Olga V. (Russia, Surgut) – candidate of sociological sciences, associate professor of the department of socio-economic education and philosophy of Surgut State Pedagogical

University (628417, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, Surgut, 50 let VLKSM, d .10 / 2; office@surgpu.ru).

Filippova Darya I. (Russia, Surgut) – master of educational program 39.04.01 Sociology Orientation Sociology of Regional Processes BU Surgut State Pedagogical University (628417, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra, Surgut, 50 let VLKSM, d. 10/2; office@surgpu.ru).

References

1. Indiana University Bloomington. The Center for Postsecondary Research. Scholl of Education. [Electronic resource]. Access mode: https://cpr.indiana.edu/. from the screen (accessed date: 1/22/2020).
2. Varlamova A.I. Alternative systems for assessing the quality of higher education // Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. «Pedagogy». 2013. № 1. P. 22–27.
3. Varlamova A.I. Comparative analysis of approaches to assessing the quality of higher education in Russia and abroad // Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser. «Pedagogy». 2009. № 3. P. 13–16.
4. Kormina E.Ya., Naumova A.A. Current trends in monitoring students' satisfaction with the quality of education. Practice of foreign and domestic organizations // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2015. № 2 (35). S. 110-126.
5. Federal Law of December 29, 2012 № 273-ФЗ (as amended on March 1, 2020) «On Education in the Russian Federation». Article 6. Powers of federal bodies of state power in the field of education.

УДК / ББК:316.034

Галкин К. А.

МЕДИЦИНСКИЕ ОНЛАЙН- ФОРУМЫ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ: МЕЖДУ КОММУНИКАЦИЕЙ И ЗНАНИЕМ

***Аннотация**. В исследовании на основании биографических интервью с пожилыми людьми из сельской местности (n = 25, Ленинградская область) рассматриваются роли и сценарии использования онлайн-сообществ заболеваний. Фокусируясь на том, как происходит накопление знаний о лечении болезней на медицинских форумах, в работе исследуются коммуникация и взаимодействия пожилых людей на форумах.*

***Ключевые слова:** пожилые люди, село, хронические заболевания, медицинские форумы, коммуникация пожилых людей онлайн.*

Современное здравоохранение и система оказания медицинской помощи все больше основываются на неолиберальных принципах. Одним из способов интеграции нелиберальных методов лечения заболеваний является создание медицинских форумов в Интернете, где пациенты могут получить необходимую помощь от врачей и общаться с другими пациентами, обмениваться опытом и получать советы по назначению необходимых лекарств. Однако подобные сообщества доступны не для всех, и, следовательно, возникают сложности с доступом к такому формату получения знаний по лечению заболеваний у пожилых пациентов, а также у тех пациентов, которые не имеют возможности выхода в Интернет. Для пожилых людей, имеющих хронические заболевания, медицинские форумы могут выполнять роль сообществ для коммуникации, то есть тех сообществ, где возможно общение, которого часто не хватает пожилым людям, проживающим в периферийных поселениях.

Кроме того, участие в коммуникации на медицинских форумах оказывается полезным для адаптации к повседневной жизни. Социальные связи, поддерживаемые медицинскими форумами, способствуют обмену знаниями между пожилыми людьми с хроническими заболеваниями. Это исследование вносит вклад в изучение возможностей и ограничений медицинских форумов и их роли для пожилых людей с хроническими заболеваниями.

Цель исследования: изучить интеракцию и коммуникации пожилых людей с хроническими заболеваниями из сельской местности на медицинских форумах.

Исследовательский вопрос: Как технологии, такие как медицинские форумы, могут изменить повседневную жизнь пожилых людей с хроническими заболеваниями?

Эмпирическая база и методология

Медицинские форумы – это порталы и форумы в Интернете, на которых врачи и пациенты могут общаться и делиться мнениями, получать необходимые советы. Эмпирической базой исследования послужило изучение особенностей интеракций и взаимодействий пожилых людей на крупном медицинском форуме, известном в России и в СНГ. Методы исследования – биографические интервью с пожилыми людьми, изучение историй, взаимодействий с участниками форума (N = 25) и наблюдение за тем, как производилась коммуникация на форумах (144 часа). Все информанты – пожилые люди с различными диагностированными хроническими заболеваниями, имеющие документально установленную инвалидность. В рамках взаимодействий на форуме исследовались как сообщения, которые были посвящены здоровью и проблемам болезни, так и те сообщения, которые охватывали ком-

муникации о лекарствах, проблемах в лечении различных заболеваний и вопросы, связанные с обсуждением жизни в сельской местности, например обсуждение инфраструктурного дефицита и отсутствия аптек, а также обсуждение сложностей и проблем, связанных с вызовом и ожиданием скорой помощи. Такое разнообразие тем позволило определить особенности коммуникации и интеракции информантов на медицинских форумах.

Теоретический контекст

Исследование основывается на теории символического интеракционизма, согласно которой пациенты конструируют свои состояния в рамках различных взаимодействий. Коммуникация и информация, особенности рассказов о своей болезни играют центральную роль в изучении взаимодействий и коммуникации пожилых людей с хроническими заболеваниями. Один из факторов, влияющих на процесс адаптации к стрессовому событию в жизни (заболеванию), – это коммуникация и интеракция с другими людьми, которая может минимизировать стресс, полученный от заболевания, и способствовать преодолению состояния одиночества [7; 2, с. 226; 3, с. 440]. Социальная поддержка играет важную роль в поиске смысла в переживании хронического заболевания, предлагая альтернативные взгляды на переживание болезни и репрезентации повседневных состояний с хронической болезнью [4, с. 31; 5; 8]. Таким образом, взаимодействия и коммуникации на медицинских форумах могут быть связанными с позитивной переоценкой опыта болезни, когда опыт болезни становится разделенным с другими участниками форума. Другим концептом в исследовании выступает использование концепта неявного знания. При этом форумы могут быть рассмотрены как сообщества, создающие не экспертное знание, а знание, которое возникает в процессе коммуникации и взаимодействий и прочно укоренено в переживаниях самих пожилых людей и в особенностях жизни с хроническим заболеванием. Возникновение такого знания объединяет в себе психологические особенности коммуникации и взаимодействий [6, с. 599; 1].

Анализ

Анализируя биографические интервью, я выделяю три сценария коммуникации, взаимодействий и использования онлайн форумов, для каждого из которых характерно свое понимание онлайн-сообществ болезни и их роли в повседневной жизни.

Стратегия общения

Представители этого сценария, как правило, пожилые люди, которые проживают одни в сельской местности, а также те, которые относительно недавно начали осваивать использование Интернета и имеют непродолжительный опыт жизни с болезнью. Для таких информантов основная важность участия в онлайн-форумах болезни заключалась в возможности коммуникации и обсуждений проблем со здоровьем:

«Вот если бы не компьютер, то, наверное бы, и совсем не смог ни с кем общаться здесь. Соседей не очень люблю, мутные они какие-то, а так здесь что ночью, что днем полная тишина во всем поселке. Вот поэтому такое общение онлайн и выручает, и спасает ноутбук, там хотя бы поделишься, расскажешь о болезни, и все легче станет» (Информант 1).

Те пожилые люди, которые выбирали стратегию общения, отмечали важность эмоциональной поддержки в онлайн-форумах. При написании сообщений на форумах представители этой стратегии, как правило, использовали эмоциональный стиль онлайн-общения с большим количеством восклицательных знаков и междометий, предпочитали, чтобы скорее слушали их, чем кто-то другой рассказывал о себе.

Представители стратегии общения отмечали, что важным было не только рассказывание о переживании самой болезни как таковой, но и истории, связанные с тем, как происходит жизнь с хронической болезнью в сельской местности. Поскольку члены онлайн-сообщества – люди из разных мест и разных регионов, то нередко в общении обсуждались следующие моменты: как улучшить жизнь в селе, сделать более удобными инфраструктуры или, например, провести горячую воду, свет и газ в село, а отсутствие коммунальных благ очень часто описывалось пожилыми людьми в нарративах интервью как проблемы, вызванные именно сельской местностью и связанные с особенностями и сложностями в переживании хронических заболеваний на селе.

Стратегия пользования

Для представителей стратегии пользования характерной чертой выступает не периодическое, а постоянное нарушение сценария коммуникации, как это свойственно стратегии общения. Как правило, в отличие от представителей стратегии общения представители стратегии пользования заходили в онлайн-форумы реже, и заходили тогда, когда необходимо было решить какую-то проблему, связанную со здоровьем, или в случаях резких ремиссий или резкого ухудшения состояния:

«Я не очень часто там бываю, но, бывает, захожу туда, чтобы просто найти там нужный совет. Вот недавно так нашел необходимый рецепт и начал это лекарство использовать, и если бы не сообщество, то где бы я его смог найти, а здесь легко и просто нашел» (Информант 6).

Для представителей стратегии пользования характерным выступает следование сценариям, которые предписывают онлайн-форумы болезни, и в большей степени онлайн-сообщества болезни используются ими именно для того, чтобы получить необходимый совет или рекомендацию, как лечить заболевание, чем для того, чтобы общаться с другими людьми, которые используют подобные сообщества.

Стратегия наблюдателя

Для представителей подобной стратегии было важным наблюдать, как происходит общение на форумах в онлайн-форумах болезни. При этом представители подобной стратегии не участвовали в обсуждениях, а просто читали форумы, не являясь при этом участником этой группы. Такое использование онлайн-форумов аргументировалось представителями стратегии наблюдения как нежелание вступать в диалог с другими людьми. Также многие из представителей стратегии наблюдения предпочитали замалчивать и не рассказывать о своей болезни:

«Я просто там, ну, читаю разные сообщества, то есть просто читаю без каких-либо там, я не знаю, комментариев или участия. Да, иногда бывает полезно и иногда даже много там можно найти неплохой и нужной информации, но участвовать, я так скажу: поздновато» (Информант 9).

Заключение

Рассмотренные в исследовании стратегии использования онлайн-форумов и коммуникации в них свидетельствуют нам о том, что само по себе сообщество, помимо практической пользы от общения, возможности эмоционально высказаться, рассказать о своем заболевании или просто прочитать необходимую информацию, спросить информацию о необходимом рецепте, создает возможности для проявления агентности пациентов и возможности участвовать в диалоге и обсуждать различные проблемы и вопросы.

Доверие к знаниям и так называемым не оказанным услугам, а советам, на основании которых возможно оказание или неоказание необходимых услуг в буду-

щем (credible goods), которые создаются в подобных сообществах болезни, если в обсуждениях на форумах принимают участие и врачи, свидетельствует о том, что текучесть таких сообществ может быть расценена как позитивно, так и негативно пользователями.

Один из важных выводов, на мой взгляд, на данном этапе исследования кроется в том, как пожилые люди транслируют сельскую жизнь, сложности и трудности сельской жизни в пространство онлайн-форумов. Это во многом определено двумя стратегиями: стратегией общения и стратегией пользования. Для представителей стратегии общения недостаток общения и взаимодействий в сельском сообществе переносится на пространство села, и в какой-то мере сообщество болезни замещает сообщество села с точностью до наоборот, то есть сообщество села, с присущими ему сильными социальными связями и советами, изменяется, коллективность исчезает, и важными становятся не советы, а скорее эмоциональная и терапевтическая поддержка, которую и предоставляет онлайн-форум болезни. Представители стратегии пользования используют онлайн-форумы скорее как инструмент: в процессе лечения этот инструмент важен и нужен исходя из общей неудовлетворенности общением с врачами и невозможности в сельской местности, даже общаясь с соседями или родственниками, спросить нужный и необходимый совет в процессе лечения болезни. При этом важным фактором использования онлайн-форумов выступает одинокое или неодинокое проживание, которое также важно для того, какую роль в жизни с хроническими заболеваниями будут играть подобные сообщества.

Библиографический список

1. Bernardi R., Wu P. F. The Impact of Online Health Communities on Patients' Health Self-Management // ICIS. 2017.
2. Bowman K. F. et al. Appraisal of the cancer experience by older long-term survivors // Psycho-Oncology: Journal of the Psychological, Social and Behavioral Dimensions of Cancer. 2003. Т. 12. № 3. С. 226-238.
3. Crossley M. L. 'Let me explain': narrative emplotment and one patient's experience of oral cancer // Social Science & Medicine. 2003. Т. 56. № 3. С. 439-448.
4. Hardey M. 'E-health': the internet and the transformation of patients into consumers and producers of health knowledge //Information, Communication & Society. 2001. Т. 4. № 3. С. 388-405.
5. Hardey M. 'The story of my illness': Personal accounts of illness on the Internet //Health:. 2002. Т. 6. № 1. С. 31-46.
6. Krause M. The transformation of social representations of chronic disease in a self-help group //Journal of Health Psychology. 2003. Т. 8. № 5. С. 599-615.
7. Lechner S. C. et al. Do sociodemographic and disease-related variables influence benefit-finding in cancer patients? // Psycho-Oncology: Journal of the Psychological, Social and Behavioral Dimensions of Cancer. 2003. Т. 12. № 5. С. 491-499.
8. Stellefson M. et al. Web 2.0 chronic disease self-management for older adults: a systematic review //Journal of medical Internet research. 2013. Т. 15. № 2. С. 35.

Информация об авторе

Галкин Константин Александрович (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; Kgalkin1989@mail.ru).

Galkin K.A.

MEDICAL INTERNET FORUMS FOR OLDER PEOPLE WITH CHRONIC DISEASES: BETWEEN COMMUNICATION AND KNOWLEDGE

Abstract. *The study, based on biographical interviews with elderly people from rural areas (N = 25, Leningrad region), examines the roles and scenarios of using online communities of diseases. Focusing on how knowledge about the treatment of diseases is accumulated in medical forums , the work explores the communication and interaction of older people in forums.*

Key words: *elderly people, village, chronic diseases, medical forums, communication of elderly people online.*

Information about the author

Galkin Konstantin A. (Russia, Saint Petersburg) – Research Fellow, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, a Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (25/14, 7 Krasnoarmejskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation; Kgalkin1989@mail.ru).

References

1. Bernardi, R., Wu, P. F. (2017). The Impact of Online Health Communities on Patients' Health Self-Management.
2. Bowman, K.F., Deimling, G.T., Smerglia, V., Sage, P. & Kahana, B. (2003). Appraisal of the cancer experience by older long-term survivors, Psycho-Oncology, 12, 226- 238.
3. Crossley, M.L. (2003). Let me explain: Narrative emplotment and one patient's experience of oral cancer, Social Science and Medicine, 56, (3) 439-448.
4. Hardey, M. (2001). 'E-health': the internet and the transformation of patients into consumers and producers of health knowledge. Information, Communication and Society, 4(3), 388-405.
5. Hardey, M. (2002). 'The story of my Illness': Personal Accounts of Illness on the Internet. Health:, 6(1), 31-46.
6. Krause, M. (2003). "The transformation of social representations of chronic disease in a selfhelp group." Journal of Health Psychology, 8(5), 599-615.
7. Lechner, S.C., Zakowski, S.G., Antoni, M.H., Greenhawt, M., Block, K. & Block, P. (2003). Do sociodemographic and disease-related variables influence benefit finding in Cancer patients, Psycho-Oncology. 12, 491-499.
8. Stellefson, M., Chaney, B., Barry, A. E., Chavarria, E., Tennant, B., Walsh-Childers, K., Zagora, J. (2013). Web 2.0 chronic disease self-management for older adults: a systematic review. Journal of medical Internet research, 15(2), 35.

УДК 316.4

Гаптарь В.М.

СОЦИАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ СОЗДАНИЯ ЦЕНТРА ТЕСТИРОВАНИЯ СПОРТСМЕНОВ

***Аннотация**. В статье раскрыты социальные аспекты необходимости создания центра тестирования спортсменов, направления его использования в спортивной подготовке спортивного резерва и спортсменов высокого класса, а также раскрыт возможный социальный эффект при его создании и функционировании.*

***Ключевые слова:** социальная значимость, социальный эффект, спортсмен, тестирование, центр.*

В настоящее время в обществе имеется определенный социальный заказ на успешное выступление спортсменов на крупных международных соревнованиях.

Вместе с тем постоянный рост спортивных результатов заставляет спортивных функционеров, тренеров искать все новые способы организации процесса подготовки спортивного резерва и спортсменов высокой квалификации.

В Республике Беларусь приняты законодательные акты и обеспечено участие государства в развитии и финансировании физической культуры и спорта, строительстве и содержании спортивных сооружений, оздоровительных центров, спортивных клубов, подготовке специалистов в области физической культуры и спорта, спортсменов высокого класса [1, 2].

В качестве метода исследования использовался метод экспертных интервью. В результате проведения исследования были опрошены руководители и специалисты Министерства спорта и туризма, областных управлений спорта и туризма, республиканских центров олимпийской подготовки по видам спорта, федераций (союзов, ассоциаций) по виду (видам) спорта, профессорско-преподавательский состав Белорусского государственного университета физической культуры, Центра «Высшая школа тренеров», Республиканского научно-практического центра спорта, отраслевых научных лабораторий и иных организаций физической культуры.

По результатам проведенного анализа мнений экспертов определена недостаточная эффективность текущего тестирования спортсменов, недостаточность материально-технической базы, кадрового потенциала, специального аналитического программного обеспечения. На текущий момент нет представленной интегральной оценки специальной физической подготовленности спортсменов национальных и сборных команд, базирующейся на основе функционального состояния основных физиологических систем, резервных и адаптационных возможностей организма, его резистентности к различным неблагоприятным факторам, психоэмоционального статуса. В этой связи экспертами видится необходимость создания центра тестирования спортсменов.

В связи с имеющейся социальной проблемой излишнего натаскивания спортсменов юношеского возраста с целью достижения ими высоких спортивных результатов и последующего включения в составы национальных и сборных команд, создание центра тестирования благодаря своевременному контролю за подготовленностью спортсменов позволит без ущерба для здоровья спортсменов увеличить количество перехода перспективных юниоров во «взрослый» спорт.

Основным видом деятельности центра тестирования экспертами видится этапный комплексный контроль за функциональным состоянием спортсменов, направ-

ленный на определение индивидуального уровня различных сторон подготовленности и кумулятивного тренировочного эффекта, выявления глубинных резервных возможностей организма спортсменов, определения факторов, лимитирующих развитие специальной работоспособности спортсменов на основании тестов, соответствующих целям и задачам этапа и периода подготовки с учетом специфики вида спорта. При этом ключевым отличием применяемых технологий должны являться:

- использование в процессе выполнения тестовых упражнений биологической обратной связи для максимального приложения мышечных усилий на акцентируемых участках рабочей амплитуды спортивных движений;
- матрица индивидуального профиля спортсмена на основе алгоритмов интегральной оценки степени готовности и уровня специальной подготовленности к соревновательной деятельности;
- методы создания цифровых моделей учета и обработки результатов тестирования, основанные на сопоставлении показателей специальной подготовленности спортсменов, подлежащие анализу «искусственным интеллектом»;
- автоматизированная информационно-аналитическая система управления базой данных спортсменов на этапах многолетнего спортивного совершенствования.

Получив квалифицированную услугу, сформированную по результатам реализации проекта, специалисты будут обладать максимально исчерпывающей информацией в определении вектора физиологических и психологических показателей спортсменов.

В результате обследований получится интегральный портрет спортсмена, тщательный анализ которого позволит выявить дополнительные резервы его физиологических систем и выдать методические рекомендации тренеру и спортивному врачу по совершенствованию тренировочного процесса. Использование этой информации будет способствовать повышению спортивных результатов и сохранению профессионального здоровья спортсмена.

Социальная значимость создания центра тестирования спортсменов определяется социальным эффектом и выражается в повышении результатов выступлений белорусских спортсменов на чемпионатах Европы, мира и в Олимпийских играх.

Библиографический список

1. Гаптарь В. М. Физическая культура и спорт как приоритетное направление социальной политики государства // Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления : материалы XXII Республиканской научно-практической конференции молодых ученых и студентов, г. Минск, 30 марта 2018 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; редкол.: А. В. Гурин [и др.]; под общ. ред. Д.В. Мазарчука. Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2018. С. 75.
2. Основы социального государства и социальная политика / С. В. Лапина, И. А. Лапина, А. П. Морова и др. Мн.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2018. 385 с.

Информация об авторе

Гаптарь Виталий Марьянович (Республика Беларусь, Минск) – магистр государственного управления, соискатель, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (220072, Республика Беларусь, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; isst@socio.bas-net.by).

Gaptar V.M.

SOCIAL NEED TO CREATE AN ATHLETES TESTING CENTER

Abstract. *The social aspects of the need to create a center for testing athletes, the direction of its use in sports training of a sports reserve and high-class athletes, as well as the possible social effect in its creation and functioning are disclosed in this article.*

Key words: *social significance, social effect, athlete, testing, center.*

Information about the author

Gaptar Vitaliy M. (Republic of Belarus, Minsk) – Master of Public Administration, Applicant, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (220072, Republic of Belarus, Minsk, 1 Surganova St., Building 2; isst@socio.bas-net.by).

References

1. Gaptar, V. M. Physical Culture and Sport as a Priority Direction of State Social Policy / V. M. Gaptar // Theoretical, Methodological and Applied Aspects of Public Administration : Materials of the XXII Republican Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students, Minsk, March 30, 2018 / Acad. control under the President of the Republic Belarus editorial: A. V. Gurin [et al.]; under the general. ed. D. V. Mazarchuk. Minsk: Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 2018. P. 75.
2. Lapina, S. V. Fundamentals of the social state and social policy / S. V. Lapina, I. A. Lapina, A. P. Morov and others. Minsk: Acad. control under the President of the Republic Belarus, 2018. 385 p.

УДК 316.4

Григорьева И.А.

НЕУСТОЙЧИВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

***Аннотация**. Отношение к детям и пожилым является в любом обществе социально предписываемым проектом, состоящим из определенного набора норм, принципов, ценностей и стереотипов. Дети и пожилые рассматриваются по-разному, однако в них всегда подчеркнута слабость, нужда во внешней заботе, несамостоятельность. Но в современной литературе детей (пожилых – в меньшей степени) уже начали рассматривать как субъектов и авторов их жизни. Преобладание биополитического дискурса привело общество и исследователей к застреванию в теме «кризиса старения». Выявление и использование возможностей новой возрастной структуры населения пока проходит мимо интересов исследователей и политиков.*

***Ключевые слова:** дети, пожилые, приоритеты, стереотипы, исключение, занятость.*

Введение

В теории социальная политика, как правило, рассматривается через взаимодействие государства, экономики, гражданского общества (Esping-Andersen, 1990). Некоторые авторы добавляют человека, поскольку слабость гражданского общества может компенсироваться ресурсами и подчеркивает субъектность человека.

Исторически социальная политика была безразлична к иным способам структурирования общества, кроме деления на работников и работодателей, наемных работников и собственников. В процессе современной социально-возрастной стратификационной динамики статус детей постепенно растет, они считаются «ресурсом общества». А многочисленная группа пожилых становится экономически зависимой и затем теряет и остальные статусные позиции. Пожилые стереотипизируются и стигматизируются как растущая «ноша» общества.

Появление социально-возрастных групп в социальной политике. Дети

Исторические истоки современного социально-возрастного структурирования связаны либо с заметными литературными произведениями, либо с общественными событиями. Как художественная литература, так и неожиданные для «взрослых» выступления молодежи, заставили социологов переосмыслить, «социализировать» этот период жизни. И.С. Кон отмечает: «Почти все историки согласны с тем, что Новое время (особенно XVII и XVIII вв.) ознаменовалось появлением нового образа детства, ростом интереса к ребенку, более четким различением детского и взрослого миров, признанием за детством автономной социальной и психологической ценности» (Кон, 2010: 13).

Детство сегодня высвободилось из слишком тесной связи с медициной, т.е. педиатрией, но, возможно, чрезмерно, включено в педагогические науки. Видимо, это остаточные явления периода, когда дети считались «маленькими дикарями». Постепенно тематика детства включается и в социологический дискурс. Изучаются сами дети, их права и субъектность (Winess, 2015). И первичная, и вторичная социализация сегодня находятся под мощным прессом электронных СМИ и «гаджетизации» детей.

Однако с такой точкой зрения не согласны философы К.С. Пигров и А. Секацкий: «Возраст вообще остается tabula rasa для метафизических дискурсов. Но это относится особенно к детству, несмотря на его очевидную значимость в нашей жизни. О детстве мы можем говорить, лишь описывая этнографию детства, собирая детский

фольклор либо оперируя сентиментальными бессодержательными выражениями, заклинаниями о слезинке ребёнка и прочих вещах, которые, тем не менее, «работают». И, с одной стороны, важно понять, почему работают. С другой – почему детство не тематизировано далее этой метафоры, не выходит за её пределы (Пигров, Секацкий, 2016).

Детство в настоящее время вписано в политические и институциальные структуры, которые фокусируются на его регулировании и нормализации. Дети «все еще конституируются как «неполные другие», поэтому скорее могут быть изучены как становящиеся взрослыми, а не с точки зрения их собственных прав как человеческих существ» (Qvortrup 2009). Но сегодня мир все же уходит от мнения, что детство – это всего лишь некая «вспомогательная конструкция» – строительные леса, с помощью которых можно выстроить «хорошую» или «плохую» взрослость.

Идея взаимодействий детей и взрослых, детей и пожилых, «отцов и детей», вообще поколенческой структуры связана с другими, более устоявшимися измерениями стратификации, такими как патриархальная власть или гендер. И женщины, и дети долго занимали более низкие места в социальной структуре, чем мужчины. Они были вовлечены в домашний труд, пока не начался процесс замещения труда школой и школьным образованием. Образование постепенно стало рассматриваться как инвестиция в будущее детей даже рабочим классом.

На наш взгляд, стереотипами в отношении детей и молодежи является всеобщее убеждение в реалистичности лозунга «Будущее принадлежит молодым» / «Дети (молодежь) – наше будущее». Детство и молодежь все еще кажутся устремленными в будущее, желательно светлое. Даже если происходят сбои, возможна ресоциализация (детей группы риска, бездомных, освобожденных из мест лишения свободы и т.п.), что, в сущности, говорит о том, что время жизни мыслится обратимым для всех, кроме стариков. Но есть и другая проблема для социальной политики. Все большее часть «поколения детей» хочет уехать из России, по крайней мере, по данным опросов Левада-центра (Левада-центр, 2019), и все меньшая часть молодежи собирается работать внутри страны на тех рабочих местах, которые есть.

Попытки повернуть вспять демографический переход, в том числе путем стимулирования рождаемости, не удались ни одной стране, хотя предпринимались. Интересы самих женщин все больше, все чаще связаны с карьерой и независимостью, чем с обслуживанием семьи и детей (Эспин-Андерсен, 2008). И это также важный барьер демографической /социальной политики, как она понимается российской властью.

К отсутствию жизненной перспективы в старших возрастах, потере смысла жить долго и продуктивно приводит как перемещение детей и молодежи на верхние позиции стратификационной лестницы, так бедность в старости и прочие факторы социального снижения, которым подвергаются люди только из-за гипертрофии календарного расписания. Таким образом, политика, узко ориентированная на стимулирование рождаемости, бесперспективна и негуманна, если в нее не встроены механизмы осмысленного проектирования длинного жизненного пути и успешного старения.

Появление социально-возрастных групп в социальной политике. Пожилые

Выделение социально-возрастной группы пожилых произошло через укоренение в Европе системы пенсионного страхования по Бисмарку. В 1885 г. пенсионное страхование по старости в Германии зафиксировало возраст 65 лет как возраст выхода на пенсию по старости, со стажем 35 лет для полной пенсии и периодом дожития 13 лет (до 78 в среднем). Некоторые снижения пенсионного возраста и различия между

мужчинами и женщинами были приняты в католических странах. В «Золотой век» социального государства, с 1970-х до середины 1980-х годов, возникло множество «досрочных» режимов. Но в конце 1990-х возникло сначала беспокойство о финансовой достаточности пенсионных систем (Котликофф, 2005), а потом уверенность в кризисе старения. Ряд стран повысили пенсионный возраст до 67 лет, и одной из последних – Россия: снова – разный, для женщин до 60 лет, для мужчин – до 65-ти (Григорьева, Квасова 2019).

Символическое значение верхней границы возраста трудоспособности, т.е. начала старости, связано с тем, что активными, нормальными, т.е. соответствующими требованиям самообеспечения и включенными в социальное пространство, считаются работающие, т.е. экономически независимые люди. В современном обществе постепенно произошел сдвиг от аморфного, приватного и недисциплинированного старения к жестким, управляемым извне институциональным рамкам пенсионирования, трудового стажа и возраста. Неолиберальный подход диктует необходимость отвечать учетным требованиям, быть частью «исчисляемого человека», который подчиняется временным предписаниям. Ряд исследователей отмечают, что современные дисциплинирующие (или цивилизующие) институты в первую очередь направлены на регулирование времени (Rosa 2013: 7).

Исключение пожилых происходит, ориентируясь на установленный законом пенсионный возраст, фактически работающий как возраст социального исключения (Walsh, Scharf, Keating 2017). И отрицать, что в бизнесе работодатели часто заинтересованы в увольнении пожилых работников, невозможно (Коломиец, 2017). В бюджетном секторе занятости, из-за относительно невысоких зарплат и более тесной связки с законом и властью, к пенсионерам относятся мягче. В продленной занятости высококвалифицированных пожилых государство заинтересовано, но принимает весьма противоречивые решения и дестимулирует занятость заморозкой страховой части пенсии.

Перед службами занятости с 2019 г. стояли две противоположные задачи – обучение предпенсионеров и ранних пенсионеров для продолжения их квалифицированной занятости. Параллельно – высвобождение рынка труда от пожилых, по возможности, без конфликтов, поскольку современный КЗОТ не содержит возрастных ограничений. Поэтому многие уходят в нерегулярную и неформальную занятость.

Такое поведение характерно для современного рынка труда, где растет численность прекариата. И это не мигранты, а, зачастую, женщины, молодежь и пожилые, для которых не хватает рабочих мест с гибкими условиями труда и «белой» зарплатой. Тем самым, в современной экономике не только возможности занятости, но и возможности для развития или улучшения социального страхования сужаются. Поэтому, несмотря на то что развитые страны уже ввели новый, 5-й вид социального страхования – страхование по уходу в старости (Sechster, 1995; Роик, 2011), возможности его развития в России нам кажутся минимальными. Естественно, и разгосударствление социального обслуживания аргументируется отсутствием необходимого финансирования (Парфенова, 2018).

На наш взгляд, определенный перенос внимания и финансирования с детей на пожилых возможен, если исходить из временной перспективы развития рынка труда. Стимулирование рождаемости может приводить к улучшению демографической ситуации, а через 20–25 лет и к улучшению ситуации на рынке квалифицированного труда. Однако большим допущением является желание молодежи работать на тех условиях и предприятиях, которые предлагает государство. Столь же неоднозначной

может быть налоговая дисциплина молодежи в нашей, уже сложившейся экономике с весьма обширным неформальным сектором. Обмены/ответы со стороны пожилых, тоже не обязательно симметричные и равнообъемные, могут иметь форму социального участия или самозанятости, а не только «белой» продленной занятости.

Пока у российского государства подчеркнутая пронаталистская реакция на изменение демографической ситуации. Европейские страны находят решения в более здоровом старении и длительной занятости. Но у нас социальная политика строится на уверенности в биологической безусловности, а не в социальной обусловленности статуса детей и пожилых.

Инструментализация социальной политики в отношении детей и пожилых слишком часто носит характер морального долга, не ограниченного никакими взаимными или ответными обязательствами. Изучение старения и пожилых медленно превращается в академическое социогуманитарное знание. Множество проблем пока изучены слабо, а именно: структурирование социальной группы пожилых, репрезентация старения/дисплей старения, различия между активным, успешным и здоровым старением и т.д. Как перейти к рациональной и гуманистической политике в отношении пожилых, пока не ясно.

Заключение

Глобальные процессы старения требуют трансформации государственной социальной политики, отказа от биополитической дискриминации пожилых. Однако национальные проекты с идеей «здорового долголетия» противоречат сложившейся структуре «заботы и ухода», требуют прорывных изменений, в первую очередь, медиа-контента о пожилых, поскольку именно СМИ являются агентами эйджизма. Само выделение социально-возрастных групп, сначала молодежи, а потом пожилых, создает огромное поле новых исследований. Но пожилые так и остаются на периферии социогуманитарных наук, а в медицине нет прорывов в обеспечении здорового старения.

Социальная политика должна сосредоточиться не только и, может быть, не столько на борьбе и преодолении проблем старения, сколько на выявлении и использовании возможностей новой структуры населения (Сидоренко, 2019). Необходимо поощрять любую занятость пожилых, но «белую» – особенно. От обсуждения бессмысленных страхов старения нужно перейти к пониманию и использованию преимуществ старения.

Библиографический список

1. Григорьева И.А., Квасова О.С. (2019). Недовольство населения пенсионной реформой: гендерный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. № 22 (4). С. 37–56. https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.2.
2. Коломиец П.Н. Дискриминация пожилых людей на рынке труда // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9. №5. URL: https://naukovedenie.ru/PDF/31EVN517.pdf. (дата обращения: 07.06.2019).
3. Кон И. С. (2010). Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. № 15 (58). С. 12–24.
4. Котликофф Л., Бёрнс С. Пенсионная система перед бурей. То, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны: пер. с англ. М., 2005.
5. «Левада-центр»: о желании эмигрировать из России заявил 41% молодежи. 19 февр. 2019. https://novayagazeta.ru/news/2019/02/04/148936-levada-tsentr-o-zhelanii-emigrirovat-iz-rossii-zayavil-41-molodezhi

6. Парфенова О.А. Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 2. С. 165 – 186.
7. Роик В.Д. Мир пожилых людей и как его обустроить. СПб., 2012.
8. Секацкий А.К. (2019). avangard.rosbalt.ru/review/aleksandr-sekatskij-o-starosti-staruha-shapoklyak-primer-dlya-podrazhaniya/
9. Сидоренко А.В. Демографический переход и «демографическая безопасность» в постсоветских странах // Население и экономика/ № 3 (3). С. 1–22. DOI 10.3897/popecon.3.e47236
10. Эспин-Андерсен Г. (2008). Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. №2. С. 241-266.
11. Esping-Andersen G. (1990) The Three Worlds of Welfare Capitalism, Prinston: Prinston University Press.
12. Wyness M. (2015) Childhood. Children as Subjects of Wellbeing and Social Participation. Cambridge, MA: Polity Press. 232 p. ISBN-13: 978-0-7456-6234-3
13. Qvortrup J. (2009) Childhood as a Structural Form. In: J. Qvortrup, W. Corsaro, M. Honig (eds.) The Palgrave Handbook of Childhood Studies. Basingstoke: Palgrave Macmillan: 21–33.

Информация об авторе

Григорьева Ирина Андреевна (Россия, Санкт-Петербург) – доктор социалогических наук, профессор, профессор факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (С-Петербург, ул. Смольного, д.1/3).

Grigorieva I.A.

UNSTABLE PRIORITIES OF THE RUSSIAN SOCIAL POLICY

Abstract. *The attitude to children and the elderly is a socially prescribed project in any society, consisting of a certain set of norms, principles, values, meanings and, most importantly, stereotypes. Social stereotypes treat children and the elderly differently, but they always emphasize weakness, special need for external care, and lack of independence. At the same time, in modern literature, children (the elderly-to a lesser extent) have already begun to be considered as subjects and authors of their lives, who have the right to make their own decisions. But the official discourse of the Russian state is still built on the demonstration of "compassionate humanism", on the attitude to the elderly as objects of care and control.*

Key words: *children, elderly, priorities, stereotypes, subjects of their life, objects of care.*

Information about the author

Grigoryeva Irina A. (Russia, Saint Petersburg) – professor, Dr.Sci (sociology). Professor, St. Petersburg State University (Smolnogo str., 1/3. Entr.9; soc28@yandex.ru).

References

1. Grigoryeva I.A., Kvasova O.S. (2019) Population dissatisfaction with pension reform: gender dimension. Journal of Sociology and Social Anthropology, 22 (4): 37–56. https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.2.
2. Kolomiets P.N. Discrimination of older people in the labor market // Internet magazine "Science of Science." 2017.V. 9, № 5. URL: https://naukovedenie.ru/PDF/31EVN517.pdf. (accessed: June 7, 2019).

3. Kon I.S. (2010) Discoveries of Philippe Aries and the gender aspects of childhood history. Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Philosophy. Sociology. Art History, 15 (58): 12–24.
4. Kotlikoff L., Burns S. Pension system before the storm. What everyone needs to know about the financial future of their country. Per. from English M., 2005.
5. "Levada Center": 41% of young people declared their desire to emigrate from Russia. Feb 19 2019.Https: //novayagazeta.ru/news/2019/02/04/148936-levada-tsentr-o-zhelanii-emigrirovat-iz-rossii-zayavil-41-molodezhi
6. Parfenova O.A. Transformation of social services for the elderly in the regional context of modern Russia // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2018.№ 2.P. 165 - 186.
7. Roik V.D. The world of older people and how to equip it. SPb., 2012.
8. Sekatsky A.K. (2019) avangard.rosbalt.ru/review/aleksandr-sekatskij-o-starosti-staruha-shapoklyak-primer-dlya-podrazhaniya/
9. Sidorenko A.V. The demographic transition and "demographic security" in post-Soviet countries // Population and Economics 3 (3): 1–22. DOI 10.3897 / popecon.3.e47236
10. Espin-Andersen G. (2008) Two societies, one sociology and no theory // Journal of Social Policy Studies. 2008.V. 6, № 2. S. 241-266.
11. Esping-Andersen G. (1990) The Three Worlds of Welfare Capitalism, Prinston: Prinston University Press.
12. Wyness M. (2015) Childhood. Children as Subjects of Wellbeing and Social Participation. Cambridge, MA: Polity Press. 232 p. ISBN-13: 978-0-7456-6234-3
13. Qvortrup J. (2009) Childhood as a Structural Form. In: J. Qvortrup, W. Corsaro, M. Honig (eds.) The Palgrave Handbook of Childhood Studies. Basingstoke: Palgrave Macmillan: 21–33.

УДК 332.1 316.7 / ББК 60.59

Ипатова С.С.

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

***Аннотация**. В статье рассмотрены основные изменения в культурной активности населения Вологодской области, сделан вывод об усилении атомизации общества. Информационной базой послужили данные официальной статистики, мониторинговых социологических опросов населения.*

***Ключевые слова:** культурно-досуговые учреждения, ценности, посещаемость учреждений культуры, атомизация, культурная активность.*

В период современных трансформаций общества национальная сфера культуры в России подвергается значительным изменениям, следовательно, меняется и ее региональная составляющая. Изучение тенденций изменения сферы культуры различных территорий нашей страны актуально, это еще раз подтверждается и тем, что в 2019 году культура впервые была возведена в ранг национального проекта и поставлены масштабные цели по повышению доступности культурных услуг населению и вовлечения его в их создание посредством реализации своих творческих способностей [1]. Также это позволяет формировать информационную базу выявленных проблем и разрабатывать ресурсы для их решения, нивелировать негативность изменений, развивать успешные направления, внедрять практики успешного регионального опыта.

В формировании сферы культуры страны важную роль играют региональные учреждения и местная инфраструктура, так как культурно-досуговые учреждения являются не только источником информации, позволяющим усвоить культурные нормы и ценности, но и помогают в социализации личности, формирует нормы межличностного общения в обществе [2].

Цель – изучить тенденции изменения культурной активности населения Вологодской области.

Информационной базой послужили данные официальной и ведомственной статистики (Росстат, Вологдастат и база ЕМИСС), а также данные социологических опросов, проведенных ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» на территории Вологодской области в период 2012–2019 гг. В рамках полевого исследования один раз в два года опрашивается взрослое население региона (от 18 до 82 лет) в двух городах – Вологде и Череповце и восьми муниципальных районах; выборка квотная по полу и возрасту, ошибка не превышает 3–5%.

В 2019 г. на территории Вологодской области в сравнении с 2012 г. прослеживаются некоторые негативные тенденции в культурной активности населения. Несмотря на то что регион обладает богатым историко-культурным наследием, опрос общественного мнения показал снижение интереса жителей области к музеям на 12,5%. Популярность библиотек среди населения упала на 8,8%, кинотеатров – на 6,5%. Менее заинтересованными люди стали и в посещении городских праздников. В 2019 г. по отношению к 2012 г. спад составил 10,9%. Обратная ситуация наблюдается в посещаемости жителями области театров и парков. За последние 8 лет показатели выросли на 21,7 и 10,9% соответственно. Удельный вес населения, участвующего в платных культурно-досуговых мероприятиях, проводимых государственными (муниципальными) учреждениями культуры, также снизился на 23,6%[1].

[1] Единая межведомственная информационная система. Режим доступа: http://www.fedstat.ru

За весь исследуемый период главные причины низкой культурной активности населения оставались неизменными – нехватка свободного времени ввиду того, что есть другие более важные дела, банальное отсутствие желания и финансовые трудности.

Так, за исследуемый период большая часть жителей области предпочитают проводить время дома за просмотром телевизора (72,9% в 2019 году), данный вид досуга является самым популярным и у тех, кто занимается домашним хозяйством (63,9% в 2019 году).

Развитие телекоммуникационных технологий, увеличение доступа к сети Иинтернет дают возможность населению, не выходя из дома, удовлетворять всевозможные потребности: это просмотр фильмов, спортивных мероприятий, виртуальное посещение музеев, виртуальные экскурсии, возможность найти любую литературу, не посещая библиотек и т.д. С одной стороны, широкий доступ к информационным потокам и культурным объектам становится более полным и удобным, но с другой – ведёт к снижению доходной базы учреждений культуры [3].

Таким образом, человек всё более замыкается в своей семье, предпочитает быть дома. По итогам опроса населения посещение общественных мест занимает последнее место в приоритетах проведения свободного времени жителей региона, что сигнализирует о снижении потребности в активном общении в социуме. Процессы такого замыкания подтверждаются и изменением ценностных установок у населения. На одном из первых мест у большинства людей стоит ценность семьи, а на последнем – признание в обществе.

Следовательно, среди населения Вологодской области наблюдаются тенденции к индивидуализации личных интересов, стремлению к обособленности, ведущих к такому явлению, как атомизация общества. Показательным в этом плане является изменение территориальной идентичности населения: ранее было определено, что в период кризисных явлений в социально-экономическом развитии (например, в 2014, 2015 гг.) в регионе росла сплочённость среди жителей населенных пунктов, однако коэффициент интенсивности близости к жителям поселения, в котором живут респонденты, начал снижаться и в 2019 году в сравнении с 2012 г. стал меньше в 2,5 раза [4].

Можно говорить о том, что успешность развития территории во многом зависит, именно от сплоченности населения. Одной из характеристик социального благополучия общества является социально-территориальная идентификация населения: ее высокий уровень обусловливает сплоченность и успешность развития, низкий – разобщенность, социально-территориальный раскол. Поэтому интенсивность близости между жителями населенного пункта, в котором они проживают, с которым связывают свое будущее, с жителями региона, страны имеет большое значение, и к этому нужно направлять общество. Регулятором укрепления социально-территориальной идентичности могут стать только культурные ценности, которые должны развиваться внутри общества.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о снижении культурной активности населения, что является одним из следствий атомизации, увеличения разобщенности внутри территориальных сообществ и несет в себе потенциальные угрозы, что может быть препятствием развитию людей, гражданского участия. В связи с этим в условиях трансформации общества, информатизации многих процессов жизнедеятельности необходимо исследовать изменения спроса и предложения в сфере культуры, выявлять причинно-следственные связи, более глубоко изучать причины снижения культурной активности населения, напрямую связанной с появлением таких процессов, как индивидуализация и атомизация, разрабатывать мероприятия, кото-

рые позволили бы сделать российскую сферу культуры не только доступной, но и востребованной.

Библиографический список

1. Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Социальная сфера: науч.-аналит. издание / колл. Авт. под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 68 с.
2. Морозов Г. Культурно-досуговые учреждения: проблемы и решения (на примере Ленинградской области) // Власть. 2013. № 7. С. 82-85.
3. Груздева М.А., Калачикова О.Н. Социокультурные характеристики населения регионов Северо-Западного федерального округа // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. № 3. С. 306-316.
4. Шабунова А.А., Груздева М.А. Социокультурные факторы общественной атомизации (на материалах Вологодской области) // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 7. Режим доступа : http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/7201413

Информация об авторе

Ипатова Светлана Сергеевна (Россия, Вологда) – инженер-исследователь, ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» (160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; common@vscc.ac.ru).

Ipatova S.S.

TRENDS IN CULTURAL ACTIVITY OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION

Abstract*. the article examines the main changes in the cultural activity of the population of the Vologda region and concludes that the atomization of society is increasing. The information base was provided by official statistics and monitoring sociological surveys of the population.*

Key words: *cultural and leisure institutions, values, attendance of cultural institutions, atomization, cultural activities.*

Information about the author

Ipatova Svetlana S. (Russia, Vologda) research engineer of the Vologda scientific center of the Russian Academy of Sciences (56a Gorky street, Vologda, 160014; common@vscc.ac.ru).

References

1. National projects 2019-2024: analysis and key risks of their implementation. Social sphere: scientific.- analyte. Publication / team of authors under scientific supervision. hands'. member.-Corr. RAS V. A. Il'ina. – Vologda: INSTITUTE of Vanc Russian Academy of Sciences, 2019. - 68 p.
2. Morozov G. Cultural and leisure institutions: problems and solutions (on the example of the Leningrad region) // Power. 2013. № 7. Pp. 82-85.
3. Gruzdeva M. A. socio-Cultural characteristics of the population of the regions of the North-Western Federal district/ M. A. Gruzdeva, O. N. Kalachikova / / Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations. 2019. № 3. Pp. 306-316.
4. Shabunova A. A. Sociocultural factors of social atomization (on the materials of the Vologda region) / A. A. Shabunova, M. A. Gruzdeva // Modern research of social problems. 2014. № 7. Mode of access : http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/7201413

УДК 316.4

Конева Т.Н.

УПРАВЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ ПОСРЕДСТВОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

***Аннотация**. В статье представлены результаты анализа полуструктурированных интервью родителей детей с инвалидностью. В результате исследования выявлены проблемные точки в управлении муниципальной системой повышения качества жизни семей с детьми-инвалидами.*

***Ключевые слова:** социальное управление, медико-социальное обслуживание, дети-инвалиды.*

В настоящее время остро стоят вопросы повышения качества жизни семей с детьми-инвалидами, поскольку в данном контексте речь идет не только о трудностях самого несовершеннолетнего, имеющего какие-либо заболевания, но и тех сложностях, которые в связи с этим испытывают члены его семьи. На государственном уровне разрабатывается и реализуется социальная политика, направленная на повышение качества жизни лиц, имеющих дополнительные потребности по причине состояния здоровья и физической мобильности.

Однако эффективность данных мер зависит и от того, как они применяются на местном уровне. Поскольку ситуация связана с решением задач, в первую очередь, медицинского и социального профилей, то значимое место в системе повышения качества жизни уделяется вопросам совершенствования медико-социального обслуживания граждан на уровне муниципальном уровне.

Исследование было проведено в мае – июле 2019 г. на территории Белгородской области. Были задействованы семьи Белгородского, Вейделевского, Губкинского, Ивнянского, Ракитянского и Чернянского муниципальных районов). Был использован метод полуструктурированного интервью.

Респондентами были родители (N = 32) тех детей с инвалидностью, которые получали медико-социальные услуги в специализированных центрах, расположенных на территории муниципальных районов. Общее количество задействованных в обследовании семей составило 20,

Особенности оказания медико-социальных услуг на территории муниципальных районов Белгородской области зависят от заболеваний, которые имеются у детей. Основываясь на анализе статистических данных, представим структуру детской инвалидности в муниципальных районах Белгородской области в процентном соотношении (*рис. 1*).

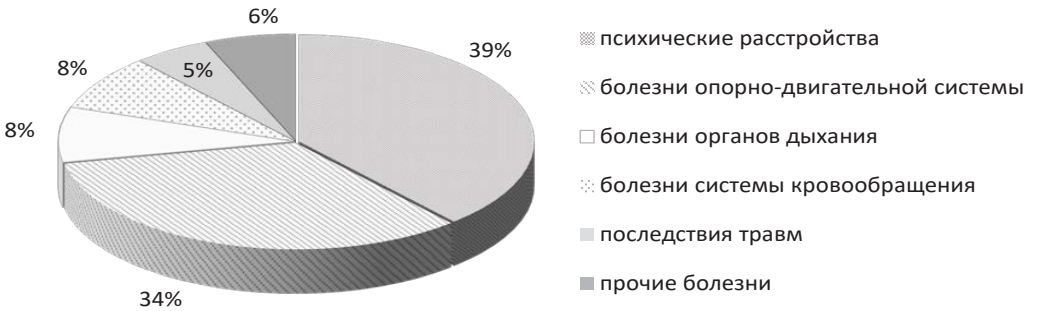


Рис. 1. Структура видов детской инвалидности в Белгородской области

Респонденты в качестве решения проблем получения специализированной медицинской помощи и прохождения курса комплексной реабилитации ребенка-инвалида (при невозможности семьи обеспечить оплату путевок) предлагают дальше развивать на территории Белгородской области «Санаторий на дому» (25 %). Данная услуга включает в себя комплексное обследование специалистами (медицинская сестра, педагог-психолог, социальный педагог, специалист по социальной работе, инструктор ЛФК) несовершеннолетнего инвалида и разработку 20-дневной индивидуальной программы реабилитации, а также социально-оздоровительных занятий.

В Белгородской области на сегодняшний день система медико-социального обслуживания семьи, в составе которой есть ребенок-инвалид, включает три направления (*рис. 2.)* [9; 11; 12].

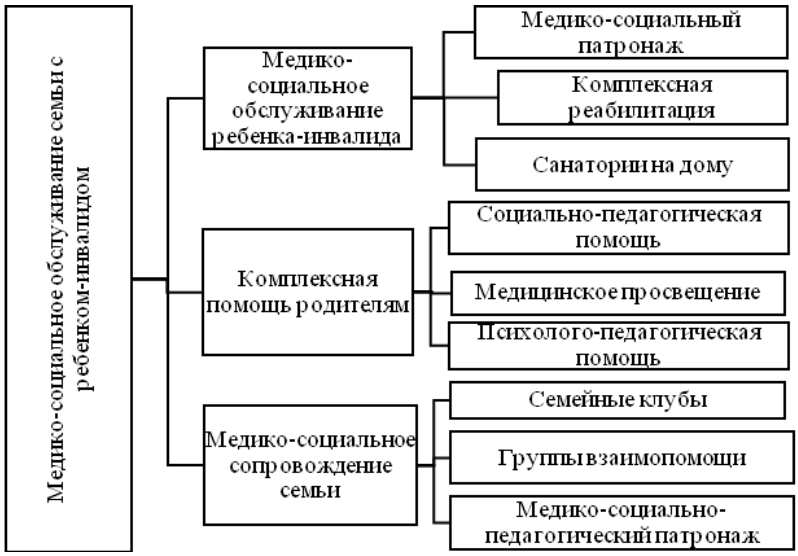


Рис. 2. Схема медико-социального обслуживания семей, в составе которых есть ребенок-инвалид

Однако при всем разнообразии методов и форм работы с семьями, воспитывающими детей-инвалидов, до сих пор не определены рациональные, обусловленные сложившейся социальной ситуацией комплексные подходы к организации медико-социального обслуживания семей данной категории на муниципальном уровне [5, с. 58-66; 7, с. 138-174; 8, с. 49-65; 10, с. 47-55]. Более того, исследования, проведенные на территории Белгородской области (на примере других категорий населения), показывают некоторые схожие черты в подходе глав муниципальных районов к вопросам повышения качества социального обслуживания населения [3, с. 17-22; 4, с. 57-60].

Современное медико-социальное обслуживание семьи, воспитывающей ребенка-инвалида, представляет собой комплекс мероприятий медицинской и социальной направленности, способствующий формированию или восстановлению у ребенка навыков полноценной жизни, направленный на возможно более полное восстановление социального статуса, пролонгированное медико-социальное сопровождение и патронаж семьи, а также на полноценную социализацию ребенка-инвалида [2; 12]. Однако, по мнению респондентов, медико-социальная реабилитация должна быть индивидуальной, этапной, длительной, комплексной.

Как видно из результатов данного исследования, а также из анализа литературы, основная проблема связана с необходимостью получения специализированной ме-

дицинской помощи, прохождения курса комплексной реабилитации ребенком-инвалидом и невозможностью семьи обеспечить оплату путевок (поскольку большинство семей, в составе которых есть дети-инвалиды, имеют низкий уровень дохода) [1, с. 256-288; 6]. «Санаторий на дому» ориентирован прежде всего на семьи, которые не могут самостоятельно обеспечить полноценные реабилитационные мероприятия для ребенка-инвалида (малообеспеченные, семьи, в которых воспитываются дети-инвалиды с тяжелыми нарушениями).

Основной формой работы по медико-социальному сопровождению семьи с ребенком-инвалидом выступает медико-социально-педагогический патронаж. Среди опрошенных родителей 95 % подтверждают, что были включены в данный вид медико-социального обслуживания.

Таким образом, анализируя состояние оказания комплексного медико-социального обслуживания, мы выявили потенциальные «проблемные зоны», требующие внимания и проработки как со стороны органов местной власти в муниципалитетах (в основном по организационным аспектам реализации медико-социальных услуг), так и со стороны узких специалистов (по оказанию своевременной специализированной медицинской помощи).

Библиографический список

1. Акатов Л.И. Дети с ограниченными возможностями здоровья в системе семейных отношений // Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. М., 2004. С. 256-288.
2. Бубеева Б.Н. Семьи с детьми-инвалидами как объект социальной политики: на примере Республики Бурятия: дис ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2011. 148 с.
3. Волкова О.А., Степанов С.В. Самооценка и социальная активность престарелых и инвалидов: социологический анализ и перспективы психосоциальной работы // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VII Международ. науч.-практ. конф. / под ред. О.А. Волковой, Е.И. Мозговой. Белгород: ИД «Белгород», НИУ «БелГУ», 2015. С. 17–22.
4. Волкова О.А. Теория социальной терапии в практике интернатных учреждений для престарелых и инвалидов // Теория и практика общественного развития: электронный научный журнал. 2012. № 11. С. 57-60.
5. Гуслова Н.М. Социокультурная деятельность в реабилитации детей и подростков с инвалидностью и членов их семей // Работник социальной службы. 2008. № 1. С. 58-66.
6. Дворянчикова И.А. Семья инвалида в социальной структуре общества: дис... канд. социол. наук. Самара, 2004. 206 с.
7. Завражин С.А. Социально-педагогическая работа с семьями, имеющими детей с отклонениями в развитии // Адаптация детей с ограниченными возможностями. М., 2005. С. 138-174.
8. Зайцев Д.В. Роль семьи в социализации и подготовке к взрослой жизни детей с ограниченными интеллектуальными возможностями // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2006. № 3. С. 49-65.
9. Половинкина О.Б. Педагогическая поддержка семьи в процессе комплексной реабилитации ребенка с органическим поражением центральной нервной системы в условиях стационара // Дефектология. 2005. № 1. С. 14-20.
10. Савина Е.А., Чарова О.Б. Консультирование родителей умственно отсталых детей // Психологическая наука – практике: сб. статей. Орел: ОГУ, 2000. С. 47-55.
11. Самарина Л.В. Служба раннего вмешательства: новая форма оказания помощи и поддержки детям раннего возраста и их семьям // Дефектология. 2005. № 1. С. 21-24.

12. Соколова О.В. Семья с ребенком-инвалидом – модель медико-социального обслуживания: дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2003. 181 с.

Информация об авторе

Конева Татьяна Николаевна (Россия, Белгород) – аспирант кафедры социальной работы,ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (308015, Белгород, ул. Победы, д. 85; volkovaoa@rambler.ru).

Koneva T.N.

MANAGEMENT OF THE MUNICIPAL SYSTEM FOR IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF FAMILIES WITH DISABLED CHILDREN BY IMPROVING MEDICAL AND SOCIAL SERVICES

***Abstract**. The article presents the results of analysis of semi-structured interviews of parents of children with disabilities. As a result of the research, we have identified problematic points in the management of the municipal system for improving the quality of life of families with disabled children.*

***Key words:** social management, medical and social services, children with disabilities.*

Information about the author

Koneva Tatyana N. (Russia, Belgorod) – Belgorod National Research University (85, Pobedi Street, Belgorod, 308015, Russia; volkovaoa@rambler.ru).

References

1. Akatov L. I. Children with disabilities in the system of family relations // Social rehabilitation of children with disabilities. Moscow, 2004. Pp. 256-288.
2. Bubeeva B. N. Families with disabled children as an object of social policy: on the example of the Republic of Buryatia: dis ... Cand. sociology. science: Ulan-Ude, 2011. 148 p.
3. Volkova O. A. self-Assessment and social activity of the elderly and disabled: sociological analysis and prospects of psychosocial work / O. A. Volkova, S. V. Stepanov // Social work in the modern world: interaction of science, education and practice: materials of the VII International. science.- practice. Conf. / under the editorship of O. A. Volkova, E. I. Mozgovoy. Belgorod: publishing house “Belgorod” of NRU “Belgu”, 2015. Pp. 17-22.
4. Volkova O. A. Theory of social therapy in the practice of residential institutions for the elderly and disabled // Theory and practice of social development. Electronic scientific journal. 2012. № 11. Pp. 57-60.
5. Guslova N. M. socio-Cultural activities in the rehabilitation of children and adolescents with disabilities and their families // social service Worker. 2008. № 1. Pp. 58-66.
6. Dvoryanchikova I. A. family of a disabled person in the social structure of society : dis... Cand. sociology. sciences’. Samara, 2004. 206 p.
7. Zavrazhin S. A. Socio-pedagogical work with families with children with disabilities // Adaptation of children with disabilities. Moscow, 2005. Pp. 138-174.
8. Zaitsev D. V. the Role of the family in socialization and preparation for adult life of children with intellectual disabilities // Bulletin of psychosocial and correctional rehabilitation work. 2006. № 3. Pp. 49-65.
9. Polovinkina O. B. Pedagogical support of the family in the process of complex rehabilitation of a child with an organic lesion of the Central nervous system in a hospital // Defectology. 2005. № 1. Pp. 14-20.

10. Savina E. A. Counseling parents of mentally retarded children / E. A. Savina, O. B. Charova // Psychological science of practice: collection of articles. Oryol: OSU, 2000. Pp. 47-55.
11. Samarina L. V. early intervention Service: a new form of assistance and support for young children and their families // Defectology. 2005. № 1. Pp. 21-24.
12. Sokolova O. V. Family with a disabled child -model of medical and social services: dis... Cand. sociology. sciences'. N. Novgorod, 2003. 181 p.

УДК 304.2:343.851.3 / ББК С556.7+Х628.332

Кривцова Е.В.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОГО УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. *Своевременное использование социальной профилактики будет способствовать безболезненному включению в социальную жизнь, благоприятно воздействовать на воспитанников и позволит после выхода из специального учебно-воспитательного учреждения адаптироваться к новым условиям с учетом сформированных ценностей, позитивного опыта.*

Ключевые слова: *социальная профилактика, несовершеннолетние, подростки, правонарушители, специальное учебно-воспитательное учреждение.*

К сожалению, на данный момент официальная статистика показывает прирост преступности среди несовершеннолетних. Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними (а также с их участием), увеличилось. В 2017 году на территории Кемеровской области было совершено 1395 преступлений, но уже в 2018 году показатели достигли 1510 преступлений. На данный период времени подростковая преступность продолжает быть одной из самых заметных социально-правовых проблем современного российского общества. Несмотря на попытки государства усилить меры по предупреждению преступного поведения детей и подростков, успехов в данной сфере добиться не удается. Определяя приоритетные направления и формы профилактики важно учитывать специфику структуры и характера преступности несовершеннолетних, а также возрастные и психические особенности несовершеннолетних правонарушителей [2].

Проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних носят междисциплинарный характер. Юридическая наука, психология, социология, педагогика и смежные с ними области знаний занимаются изучением феномена правонарушений несовершеннолетних. Исследование проблем профилактики девиантного поведения среди несовершеннолетних начиналось с изучения его сущности, а также причин его возникновения и развития в обществе. Одними из первых объяснение причин девиации представили в своих трудах дали Ч. Ломброзо, У. Миллер, Э. Сатерленд, З. Фрейд, У. Шелдон. Их подходы были достаточно разнообразны и рассматривали различные причины возникновения девиации в обществе.

В отечественной науке большой вклад в изучение общих проблем девиации, определение сущности и различных видов девиантного поведения внесли Д.К. Бородин, Д.К. Дмитриев, М.В. Духовский, П.Г. Розанова, В.М. Тарновский. Разработкой теоретических основ и конкретных мер предупреждения преступности несовершеннолетних активно занимались такие ученые, как: Г.А. Аванесов, С.А. Беличева, Е.В. Болдырев, А.С. Грибоедов, Л.М. Зюбин, В.Н. Кудрявцев, Т.П. Кудлай, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский, А.И. Островский, Д.И. Фельдштейн и другие.

Социальная профилактика – сознательная, целенаправленная, социально организованная деятельность по предотвращению возможных социальных, психолого-педагогических, правовых и других проблем и достижению желаемого результата [1, с. 28]. Социальная профилактика остается одной из главных составных компонентов социальной работы. К наиболее важным видам профилактической деятельности в рамках первичной, вторичной и третичной профилактики, используемым в

социальной работе, можно отнести: предотвращение девиантного поведения, пренебрежения и бездомности, профилактика насилия в семье; предупреждение безработицы, преступности, алкоголизма, наркомании, токсикомании, проституции, самоубийств, безнравственных поступков, которые являются основными компонентами социального отклонения [3].

Направления социальной работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних способствуют реализации программ социальной адаптации, ресоциализации, социальной реабилитации дезадаптированных несовершеннолетних, склонных к противоправному поведению; организационной работе по улучшению уровня взаимодействия различных служб в целях профилактики девиантного поведения несовершеннолетних [2]. Формы и виды профилактического воздействия различны [4]. В качестве наиболее эффективных форм проведения профилактических мероприятий можно выделить: семинары, лекции, тренинги, профилактические беседы, симпозиумы, конференции, клубные заседания, спортивные мероприятия, творческие конкурсы, интеллектуальные соревнования и др.

Все большее число исследований проводится, чтобы определить, какие из множества существующих программ по-настоящему могут быть эффективными; как можно снизить риск того, что после завершения нахождения в специальном учебно-воспитательном учреждении несовершеннолетний правонарушитель вернется на прежний путь. Для этого нами было разработано и проведено эмпирическое исследование, в рамках которого мы полагаем, что организация социальной профилактики несовершеннолетних правонарушителей будет эффективной при условии изучения личности подростков, причин девиантного поведения и использования технологий на расширение социальных связей в условиях специального учебно-воспитательного учреждения. Общую выборку исследования составили 70 человек, из них 63 – воспитанники специальной общеобразовательной школы в возрасте от 11 до 15 лет (70 % несовершеннолетних правонарушителей воспитывались в неполной семье, только 19 % – в полной), 7 человек – специалисты, работающие в специальных-воспитательных учреждениях. В исследовании использовались анкетный и экспертный опросы.

Результаты исследования позволили сделать ряд выводов:

- только 26% респондентов имеют представление о своих потребностях и целях, при этом предпринимают какие-либо действия для достижения результата только 9% из них, совсем ничего не делают – 40%;
- в свободное от учебы время 52% опрошенных заняты учебной деятельностью, 24 % – в секциях по интересам, 16 % – личными делами;
- 47% воспитанников имеют хобби, но считают его несерьёзным;
- при возникновении проблем 48% опрошенных обращаются к друзьям, 14 % – к сотрудникам школы;
- самыми популярными жизненными ценностями являются: счастье в семье (32%), здоровье (25%), любовь (12%), самым непопулярным – нравственность (2%). Стоит отметить, что жизненные ценности, которые в результате опроса оказались значимыми, являются по своей сути основополагающей структурой успешного человека; также позитивным аспектом является то, что несовершеннолетние правонарушители осознают важность института семьи, что означает удовлетворительную работу с детьми;
- для предотвращения асоциального поведения, по мнению 95% респондентов, дети должны расти и воспитываться в полной семье.

Воспитанники отметили, что на совершение правонарушения повлияла плохая компания, некоторые совершили свой проступок от скуки. Данный факт говорит о том, что дети предоставлены самим себе и никто не осуществляет над ними контроль. Большая часть респондентов (76%) не считают кого-либо виноватым в своем проступке, они готовы взять на себя ответственность за совершенное правонарушение (71% отдавали себе отчет относительного своего деструктивного поведения). Большее количество респондентов (43%) считают, что причиной для совершения правонарушения несовершеннолетними является отсутствие родительской заботы. При этом хорошие отношения с семьей (близкими родственниками) занимают в рейтинге важности и значимости первую позицию у 41% подростков, потом идут друзья (23,9%), преподаватели (21,87%) и одноклассники (13,23%). Позитивным аспектом является то, что воспитанники на первое место ставят институт семьи. Что касается планов на будущее, после завершения обучения в школе, то 38% респондентов ещё не определились, у 33% планы отсутствуют и только 29% воспитанников имеют представление, чем они хотят заниматься в дальнейшем. Отметим, что дальнейшая профессиональная занятость несовершеннолетних правонарушителей гарантирует благоприятную социальную адаптацию в обществе.

Для качественного анализа социальной профилактики у несовершеннолетних правонарушителей и влияния специальных форм и методов на совершенствование вторичной и третичной социальной профилактики был проведен экспертный опрос в заочной форме.

Эксперты отметили, что несовершеннолетних правонарушителей необходимо обучать коммуникативным знаниям (умение идти на компромисс, слушать оппонента, аргументированно отстаивать свое мнение), умению ценить и уважать свой труд и труд других людей; больше уделять внимания информированию о правах и обязанностях детей; предоставлять знания о брачно-семейных отношениях – культивировать ценность семьи. Отмечают трудотерапию в качестве значимого фактора, благотворно влияющего на несовершеннолетних правонарушителей и их социальную адаптацию.

Работа с экспертами и анализ взаимодействия с респондентами позволили сделать вывод, что профилактическая деятельность с несовершеннолетними правонарушителями требует доработок, необходимо проводить культурно-творческие, образовательные мероприятия, совершенствуя при этом использование разных форм и методов социальной профилактики. Необходимо сделать акцент на следующих компонентах: создать правильные представления о семье, воспитать в детях чувство ответственности и созависимости с обществом, помочь правильно расставить приоритеты в жизни. Для формирования и закрепления знаний о внешнем мире необходимо проводить специальные мероприятия и привлекать различные организации, просвещать воспитанников специального учебно-воспитательного учреждения.

Кроме того, мы полагаем, что в специализированных учреждениях необходимо создавать условия для личностного роста, формировать правовую культуру, гражданское самосознание, культуру здорового образа жизни как условия успешной социализации и достижения социального признания. Важно заниматься профилактикой негативных зависимостей среди воспитанников, уделять внимание организации досуга и оздоровления воспитанников и родителей; сформировать первоначальные профессиональные намерения и интересы.

Нами были определены основные методы предупреждения преступности и рецидива в рамках технологии социальной профилактики:

1. Медико-психологические и психотерапевтические методы, позволяющие оказать помощь несовершеннолетним в осознании и преодолении барьеров (эмоциональных, когнитивных и поведенческих), препятствующих пониманию необходимости изменения форм и установок собственного поведения.

2. Социальная практика, направленная на создание в образовательных организациях условий для организации досуговой или внеучебной занятости «трудных» подростков.

3. Ролевые игры. Важно скорректировать внутригрупповые нормы общения, сформировать навыки бесконфликтного взаимодействия, отношений принятия и сотрудничества. Выстроить грамотные отношения со школой, в которую пойдет воспитанник после выхода из специального учебно-воспитательного учреждения.

4. Трудовая деятельность (ручной труд, занятия в учебных мастерских, общественно полезная работа, профессионально ориентированная производственная деятельность и др.).

Содержание дополнительного трудового воспитания (и образования) является важным компонентом общего образования школы, которое обеспечивает передачу обучающимся технологической культуры, деловых межличностных отношений, приобретение ими знаний и умений в прикладной творческой деятельности, частичную социально-трудовую адаптацию к самостоятельной жизни после выхода из учреждения.

К наиболее распространенным формам работы можно отнести беседы, лекции, тренинги, диспуты, встречи с интересными людьми, с представителями общественных и религиозных организаций (меры общественного воздействия). Общественное воздействие – это одно из важнейших условий обеспечения процесса социальной профилактики несовершеннолетних, обучающих в специальной школе, таким образом, они приобщаются к нормальной человеческой деятельности и участию в общественной жизни, и здесь открывается огромный спектр работы.

Правильная организация свободного времени положительно влияет на здоровье и физическое развитие несовершеннолетних правонарушителей. В условиях закрытой школы это время в основном носит регламентированный характер. Поэтому необходимо четко планировать досуговые мероприятия для несовершеннолетних правонарушителей, так, чтобы, с одной стороны, они не носили формального характера, с другой – обучали правильному планированию своего времени (отсутствие навыков в планировании свободного времени и умения распоряжаться им – одна из основных причин совершения правонарушений подростками). Необходимо, чтобы мероприятия пробуждали у подростков интерес к жизни, формировали волевые качества и черты характера, позволяющие им противостоять асоциальным влияниям.

Большое значение в организации социальной профилактики имеет сам коллектив несовершеннолетних правонарушителей. Положительный эффект здесь достигается чаще при воздействии на правонарушителя через его первичный коллектив, члены которого находятся в постоянном общении и взаимодействии друг с другом, повседневно связаны общими интересами и делами, отношениями ответственной зависимости и находятся под постоянным контролем. Необходимо доверять несовершеннолетним правонарушителям роль активных организаторов, а не только исполнителей воли воспитателей, использовать различные формы коллективной деятельности на основе самоуправления, творческого начала, самостоятельности. Активизация социально-полезных связей с родственниками правонарушителей позволяет разрушить созданный ранее стереотип антиобщественного образа жизни

и поведения. Достижение желаемого эффекта в профилактике правонарушений и рецидивной преступности несовершеннолетних возможно лишь при условии привлечения к работе с ними целого спектра специалистов: психологов, социальных работников, педагогов и т.п.

Таким образом, социальная профилактика несовершеннолетних правонарушителей в специальном учебно-воспитательном учреждении – это многогранная и сложная технология социальной работы, цель которой заключается в создании условий для полноценного, всестороннего и гармоничного развития личности для предотвращения широкого спектра проблем (правовых, психологических, социальных и т.п.). Коллектив школы должен принимать во внимание индивидуально-психологические особенности воспитанников, в том числе необходимо понимание причин попадания в специальное учебно-воспитательное учреждение.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: учеб. пособ. / под ред. А.С. Бланкова, И.А. Бурмистрова. М.: ВНИИ МВД РФ, 2013. 177 с.
2. Гилинский Я.И. Глобализация девиантности и социального контроля // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2009. № 1 (5). С. 27-43.
3. Романова Л.Л., Вечканова О.Ф. Социальная профилактика как технология социальной работы с несовершеннолетними правонарушителями // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 64. С. 111-114.
4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/420361608.

Информация об авторе

Кривцова Евгения Владимировна (Россия, Кемерово) – кандидат психологических наук, доцент кафедры социологических наук, Социально-психологический институт Кемеровского государственного университета (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, д. 6; rector@kemsu.ru).

Krivtsova E.V.

SOCIAL PREVENTION OF MINORS OFFENDERS UNDER CONDITIONS OF SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTION

***Abstract**. Timely use of social prevention will contribute to a painless inclusion in social life, have a beneficial effect on pupils, and will, after leaving a special educational institution, adapt to new conditions, taking into account the formed values, positive experience.*

***Key words:** social prevention, minors, adolescents, offenders, special educational institution.*

Information about the author

Krivtsova Evgenia V. (Russia, Kemerovo) – Ph.D. in psychology, associate professor of the department of sociological sciences, the socio-psychological institute of Kemerovo State University (6 Krasnaya St., Kemerovo, 650000; rector@kemsu.ru).

References

1. Actual problems of the prevention of neglect and juvenile delinquency. Textbook / ed. A.S. Blankova, I.A. Burmistrova. M.: VNII MVD RF, 2013. 177 p.
2. Gilinsky Ya.I. Globalization of deviance and social control // Bulletin of the Oryol State University. Series: New Humanitarian Studies. 2009. № 1 (5). S. 27-43.
3. Romanova L.L., Vechkanova O.F. Social prevention as a technology of social work with juvenile delinquents // Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2014. № 64. S. 111-114.
4. Federal Law "On the Basics of the System for the Prevention of Offenses in the Russian Federation" dated 06.23.2016 № 182-ФЗ (latest revision) http://docs.cntd.ru/document/420361608.

УДК 351.77 / ББК 65.24

Кузьмина Л. К.

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. *Рассматриваются вопросы сбора и использования статистической информации для разработки комплекса мероприятий по эффективной реализации политики сохранения здоровья.*

Ключевые слова: *здравоохранение, здоровье, политика сохранения здоровья, статистика.*

Интерес к формированию и реализации государственной политики в области сохранения и укрепления здоровья населения страны обусловлен значимостью общественного здоровья населения и качества жизни.

Политика охраны здоровья населения определяет не только роль здравоохранения и социальной защиты, но и устанавливает реальные обязательства по выделению необходимых ресурсов и ответственность за здоровье граждан на уровне государственных управленческих структур. Реализация политики направлена на снижение или устранение негативных факторов для здоровья. Достижение этой цели связано с определением приоритетов, наличием достоверной информации, выбором ориентиров, имеющих отношение к общественному здоровью (снижение уровня бедности и её последствий для здоровья), обеспечением справедливости в вопросах доступности медицинской помощи, мотивированностью на поддержание здоровья, устойчивым финансированием, обеспечением эффективного использования наукоёмких дорогостоящих технологий и др. В этой связи исключительно важное значение имеет статистика общественного здоровья и качества жизни населения. Здравоохранение – это сложно организованная система, состоящая из набора существующих элементов, за счет которых и осуществляется трансформация этого сегмента экономики. Деятельность системы здравоохранения как социального института обусловливает жизнедеятельность общества, обеспечивает устойчивость связей и отношений, развитие медицинской науки, современных технологий, оказание качественной медицинской помощи.

Функции и дисфункции здравоохранения как социального института определяются состоянием прочих институтов, обеспечивающих социально-политический уровень жизни.

Реализация политики сохранения и укрепления здоровья направлена на усиление адаптивности к условиям внешней среды и формирование организационно-экономических условий развития, решая такую актуальнейшую проблему, как доступность и качество медицинских услуг населению. В связи с чем особую актуальность приобретает разработка комплекса многоаспектных и взаимосогласованных мероприятий, методов, подходов, которые направлены на изменение существующей организационной структуры отрасли в соответствии с современными потребностями. Необходимость её осуществления обусловлена нарастающими объективными причинами, которые оказывают негативное влияние на развитие системы в целом.

Одновременно реализация политики является одним из элементов стратегического развития субъекта экономики.

Особую актуальность представляет анализ последовательности изменений, происходящих в системе здравоохранения. Оценить её эффективность позволяют дан-

ные статистических наблюдений. Эмпирической базой служат источники Росстата, социологические обследования, материалы Аналитического центра при Правительстве РФ. Однако использование этих показателей может неполноценно отражать функционирование и развитие этой сферы, а также эффективность текущей политики. К примеру, данные Росстата по заболеваемости, смертности и т.п. других разнятся с данными, полученными из других источников.

Качественная и своевременная информация о состоянии здоровья населения должна отражать проблемы здоровья здравоохранения в каждом регионе. Вызов времени – это увеличение данных о здоровье населения и исключение субъективизма статистической информации:

- на этапе её формирования (ответственность врача);
- на этапе сбора и сообщения (ответственность статистической службы);
- на этапе анализа (органы управления здравоохранением);
- на этапе анализа (органы здравоохранения).

Как показывает практика, при регистрации причин смерти, при правильном и полном заполнении свидетельства о смерти в статотчетность попадает лишь 10–15% реального объема информации, а в отчетность попадает не более 5% от реального объема.

Требует своего совершенствования статистическая отчетность. Важный блок социальной информации представляет статистика организаций сферы здравоохранения, собираемая в форме специальных бланков отчетности, включающих индикаторы, выделенные Росстатом в качестве наиболее показательных, наиболее информативных. Избранный перечень индикаторов пересматривается (вводятся новые показатели, исключаются старые и т.п.). Это происходит при возросшем интересе к тому или иному направлению социальной политики.

Так, включение такого вида целенаправленного развития, как национальные проекты, внесло ряд существенных коррективов в структуру и содержание статистической информации. Национальный проект «Здравоохранение» значительно расширил содержание отмеченных форм, дополнив их показателями, отражающими действие системы здравоохранения в целом и отдельных её структур (кадровый состав учреждений здравоохранения и образования, материально-техническая база, информационная база, финансово-экономическая, заболеваемость, смертность, численность больных на одного врача, и т.п.). Предполагается расширить круг информации по вопросам сбора данных о различного рода заболеваниях, новых средствах профилактики и контингентах людей, привитых против инфекционных болезней.

Реализация национального проекта «Здравоохранение» требует обновления форм статистического наблюдения, а также содержания и совершенствования методического инструментария, сбора и обработки информации.

Усиливающая модернизация здравоохранения требует жесткого контроля осуществления выборочных наблюдений по показателям, отражающим доступность медицинской помощи (время ожидания диагностических исследований в поликлиниках и диагностических центрах, сроки ожидания госпитализации в стационары, ожидания высокотехнологической помощи, время прибытия скорой помощи, удаленность медучреждений от населенных пунктов и т.п.). Реализация национальных проектов требует целенаправленного, углубленного сбора данных, отраженных статистикой (численность населения; численность населения, имеющего хронические болезни; степень удовлетворенности населения количеством и качеством медицинской помощи; соответствие предоставляемых услуг сложившейся структуре потреб-

ностей; объём бюджетного финансирования; полная и достоверная информация о процессах, происходящих в отрасли с позиций комплексной оценки её состояния; определение характера, механизмов и инструментов регулирующих воздействие, направленных на поддержку позитивных и ослабление негативных тенденций).

В настоящее время эти данные дают нам специальные социологические исследования, опросы общественного мнения. Эти данные содержат результаты общественного мнения по состоянию отдельных процессов в обществе. Общественное мнение – это отношение массового сознания к общественным событиям, к функционированию различных организаций, объединений и пр. Оно передает всю гамму мнений населения, отражает интересы различных групп, коллективов и выражается в требованиях, пожеланиях, рекомендациях, советах субъектам управления при формировании и корректировке целей развития различных сфер общества.

Организации здравоохранения собирают большой массив их статистической информации, но в ней превалирует финансовая составляющая, ибо в ней огромную долю представляет затратная часть деятельности: расходы на содержание и пр. Медицинская статистика, обладая специфическими источниками информации, способна обработать не всю информацию (так, например, о причинах смертности в стране и пр.) и не делает обобщений. Проблема полноты информации давно беспокоит ученых, однако значительная часть проблем может быть решена за счет привлечения и анализа информации из ведомственных источников, существующих внутри здравоохранения (так как она не полном объеме передается в органы статистики). Таким образом, полная и ценная информация о важнейших процессах динамики заболеваний остается невостребованной.

Недостатки ведомственной статистики в определенной степени связаны с тем, что деятельность медицинских организаций регулируется нормами административного права, а финансирование идет на основе строго установленных детальных смет. Именно эти обстоятельства накладывают серьезные ограничения на полноту информации. Информация ведомственной статистики является наиболее ценной для анализа деятельности здравоохранения, и она имеет особое значение для целеполагания в области дальнейшего развития отрасли.

Особый блок социальной информации составляет муниципальная статистика, получаемая и используемая в городских округах и муниципальных районах.

В случаях когда информации, собираемой текущей статистикой, недостаточно, используют специальные социально-статистические, конкретно социологические исследования. Основной их целью является получение качественных характеристик при исследовании процессов, происходящих в здравоохранении.

Важной предпосылкой реализации политики сохранения и укрепления здоровья является опора на данные экспертизы качества услуг и специализированные базы данных наблюдения не только за качеством здоровья, но и питания, благоустройства жизни, уровнем профилактики заболеваний и отношением к здоровью как со стороны населения, так и медицинского персонала. Для успешной реализации политики сохранения здоровья требуется дальнейшее изучение и проработка ряда вопросов, касающихся совершенствования системы статистической отчетности.

Информация об авторе

Кузьмина Лидия Кузьминична (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт проблем региональной экономики Российской

академии наук», Санкт-Петербург (190013, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; info@iresras.ru).

Kuzmina L.K.

BACKGROUND OF THE IMPLEMENTATION OF POPULATION HEALTH POLICY

Abstract. *The article examines the issues of collecting and using statistical information for the development of a set of measures for the effective implementation of health policy.*

Key words: *healthcare, health, politics of health preservation, statistics.*

Information about the author

Kuzmina Lidiya K. (Russia, Saint Petersburg) – PhD in Philosophy, associate Professor, senior researcher, in Institute for Regional Economic Studies RAS, (38, Serpukhovskaya str., Saint-Petersburg, 190013; info@iresras.ru).

УДК 316.4

Лапина С.В.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В РАЗРАБОТКЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

***Аннотация**. Анализируется специфика и роль социологического подхода в определении программных целей в развитии социального государства; социально-управленческий механизм рассматривается как перспективная управленческая стратегия в контексте современного государственного управления в социальном государстве.*

***Ключевые слова:** социологический подход, социальные акторы, социальное взаимодействие, социальное государство, государственное управление, управленческие стратегии, социально-управленческий механизм.*

В определении перспективных направлений развития любого современного общества, каждого государства большую роль играет осознание того факта, что социум как сложноорганизованная социальная тотальность – это результат социального взаимодействия индивидов, преследующих определенные цели в соответствии со своими потребностями. Сегодня ученые-обществоведы и практики в области государственного управления не могут дистанцироваться от учета потребностей, интересов, возможностей и мотивов всех участников социального взаимодействия, социальных акторов, которые формируют социальный потенциал и реализуют его в общественном развитии.

Социальные субъекты – это реальные действующие акторы разной степени общности – от человечества в целом до отдельно взятого индивида. Их объединяет наличие общей, специфичной для человека и человечества черты – способности к сознательной, целесообразной и целенаправленной деятельности в соответствии с потребностями и интересами, формирующимися конкретной социокультурной средой, в которой живут и действуют индивиды и их сообщества.

Человек и его потребности должны сохранять свою приоритетность в определении перспективных направлений развития в современных социальных государствах. Современное государственное управление как теория и практика должно опираться на социологический подход в самом широком смысле, включающем важнейшие аспекты социокультурной динамики современного общества, связывающием в единое целое действующих и взаимодействующих социальных субъектов, преследующих разные цели, ориентирующихся на разнообразные ценности и задающих тем самым характер и направленность общественного развития. В понимании сущности этих общественных процессов особую роль занимает категория «социальное», воспроизводящая в теоретико-методологическом плане специфические феномены, присущие человеку и возникающие в объединениях людей.

Располагая специфическими социологическими методами познания, социология всегда привносила свое специфическое видение в изучение социальной сферы общества, которую исследовали представители различных общественных и гуманитарных дисциплин. В методологических ориентациях разного плана (макро- и микро-) социология была также едина в том, что социальные явления и процессы анализировались как некоторая система, в которой обязательно присутствовали взаимодействующие социальные субъекты, акторы и т.п. Названия «действующих лиц» в разных концепциях могли модифицироваться, сохраняя главные отличительные признаки, в число которых включались следующие: активность, способность к целеполаганию, направ-

ленность на других действующих субъектов, а также разная степень включенности в макро- и микросоциальную среду.

Так в социологию вошла проблематика социального взаимодействия, а это понятие приобрело категориальный статус, обозначая разнообразные совместные действия, совершаемые в некотором промежутке времени двумя и более индивидами, заинтересованными в обоюдовыгодном общественно полезном результате, а также между двумя или несколькими объединениями людей, представляющими социальные общности, социальные группы, коллективы, классы, нации и т.п.

Достаточно пространные экскурсы в социологическую терминологию не случайны, так как их уточнение позволяет уяснить специфику социологического подхода к исследованию современного государственного управления. В итоге абстрактные «объекты» государственного управления приобретают реальную субъектную сущность, так как социальное взаимодействие – это процесс, вовлекающий в свою орбиту тех, кто обладает субъектными параметрами, т.е. является социальными субъектами.

На уровне макросоциологических ориентаций социальное взаимодействие рассматривается как социальные отношения (социальные связи), анализ которых может осуществляться специфическими социологическими методами и на эмпирическом уровне. Так, в теории конфликта (в т.ч. – в марксизме) и структурно-функциональном анализе исследование процессов управления приобретало определенный институциональный характер, а эффективность управленческих воздействий ставилась в зависимость от оптимального выбора средств и методов управления со стороны управляющей системы, управляющего института. Ортодоксальный марксизм однозначно определял государство как основной социально-политический институт управления, определяющий всю систему общественных отношений (надстройку) и приводящий ее в соответствии с управляемым им же экономическим базисом.

В микросоциологических ориентациях социологи, исследовавшие процессы управления, сосредоточивали свои теоретические и прикладные интересы на выявлении содержания и характера социального взаимодействия, преломляющегося в системе социальных ролей и статусов отдельных индивидов. В теории обмена, как самой общей теоретической концепции этого плана, управленческие взаимодействия исследовались как поведенческие стратегии, определяемые системой ценностей и оценками, интериоризированными индивидом из окружающей его социокультурной среды.

Анализ управления на микросоциологическом уровне выводит на анализ таких процессов, которые имеют специфические характеристики, присущие явлениям и процессам общественной жизни. Говоря словами классика современной социологии Э. Гидденса, «при изучении общественной жизни социолог сталкивается с действиями, **значимыми** (выделено Э. Гидденсом. – *Прим. С.Л.*) для людей, их совершающих. В отличие от объектов природы (которыми тоже можно управлять. – *Прим. С.Л.*), люди обладают самопознанием, они видят смысл и цель в том, что они делают. Точно описать общественную жизнь невозможно, если мы, прежде всего, не уловим смысл, который люди вкладывают в свою деятельность» [1, с. 36].

Для изучения ценностных ориентаций, мотивов, мнений, личностных смыслов деятельности социология располагает достаточно обширным инструментарием, базирующимся на соответствующих теоретических построениях. Так, изучение общественного мнения, как один из распространенных социологических методов,

имеет целую историю фундаментального и прикладного плана. Исторический опыт показал, что наиболее эффективным является такое управление, методы, средства и технологии которого основаны на точных сведениях о тех, кем управляют, а не базируются лишь на определении целей управления, пусть и позитивно значимых. Именно такого рода управленческие принципы, основанные на изучении интересов, ценностей, установок всех взаимодействующих субъектов (управляющих и управляемых), реализуясь в общественно-политической практике, приводят к созданию социального государства.

«…Социальное государство представляет собой особый тип высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности. Социальное государство знаменует высокий уровень сближения целей и гармонизации отношений государственных институтов и общества» [2, с. 46; 4].

Таким образом, социальное государство предстает в виде особого качественного состояния государственного управления, основанного на учете интересов всех представителей гражданского общества и их социальной защите. Не вдаваясь в подробный научный анализ государственного управления, следует отметить, что это явление носит системный характер, связывая воедино тех, кто управляет, и тех, кем управляют. Цели, задачи, формы реализации социальных функций государственного управления могут быть разными, но в его структуре всегда будут присутствовать элементы, отражающие **мысли, настроения, мнения,** определяющие, в конечном итоге, **действия** тех, кем управляют.

В современном обществе государство является главным социально-политическим институтом, обладающим властными полномочиями. И хотя формы государственного устройства демонстрируют чрезвычайное разнообразие, каждое государство ориентировано на использование важнейшего социального ресурса – поддержки народа.

Говоря словами Конфуция, к идеям которого в последнее время обращаются очень часто, «…если будет поддержка народа, будет и все остальное». Такой вывод великого мудреца цитируют многие современные исследователи феномена власти, анализируя знаменитую беседу Конфуция со своими учениками. В ней он дал определение искусства управления страной, которое заключается «в приближении народа к тем, кто управляет», и кратко выразил содержание понятия «власть» – это «обеспечение безопасности народа, забота о его сытости и поддержка народа». При этом последний названный фактор – «поддержка народа» – был поставлен во главу угла. И первое – «безопасность», и второе – «сытость», по мнению Конфуция, зависят от третьего – «поддержки народа» [3, с. 29].

Слова Конфуция – метафора, в которой прослеживается значимость в структуре управления тех факторов, которые исследуются в социологии управления. Гораздо более близкими по времени являются сведения о развитии социологических исследовательских центров и институтов во всем мире, центров, которые создают информационную базу для принятия социально ориентированных управленческих решений. Информацию социологического рода используют аналитики и политические деятели; широкомасштабные социологические исследования проводятся в периоды предвыборных кампаний с целью изучения и прогнозирования электорального поведения граждан; социологические данные используются в мар-

кетинговых исследованиях и определении рекламных стратегий; социологи участвуют в разработке социальной рекламы и т.д.

Изучение мнений и предпочтений, ценностных ориентаций и оценок различных слоев населения, разных социальных групп составляет эмпирическую базу для принятия управленческих решений; социологические данные используются в ходе организации управления; а также в ходе контроля и подведения итогов. Главное в этой схеме – это то, что социология располагает исследовательским инструментарием, позволяющим дать научно-теоретическое обоснование и предоставить эмпирические данные, необходимые для реализации управленческих стратегий в социально-ориентированных государственных системах.

Развитие социального государства в его разных национальных моделях, и это подтверждает исторический опыт, зависит от того, насколько глубоко учитываются в государственном управлении интересы всех социальных групп, общностей, социальных институтов и социальных организаций – всех элементов социальной структуры.

Социология – одна из тех общественных наук, которые способны на фундаментальном и прикладном уровнях обеспечить дальнейшее развитие социального государства, обосновывая выбор инновационных управленческих стратегий и разрабатывая социальные технологии их внедрения. Социологическое образование управленческих кадров в этом плане может решить очень важную государственную задачу – оптимизировать процессы государственного управления за счет расширения его научной базы.

Есть смысл более основательно подойти к использованию социологической методологии в построении прогнозных сценариев развития социального государства, в разработке показателей и механизмов государственного регулирования и управления.

Социальный мир в целом, так же, как и социальное государство в качестве его элемента, это воплощение в жизнь того, что думают, планируют и реализуют в своей деятельности все социальные субъекты – социальные группы (классы, слои, страты, общности, организации, институты, в т.ч. и государство) и отдельные индивиды как активные члены всех социальных целостностей. Фактически – в социальной теории все те, кто отражается в ее понятийно-категориальном аппарате, принципах и законах, т.е. социальные акторы, являются не просто объектами изучения и объяснения, а реальными участниками теоретических построений. В зависимости от того, что знают и думают эти акторы о принимаемых законах, программах, планах, стратегиях, мы получаем тот или иной сценарий развития социума. Вот почему теория социального государства должна быть понята и принята в разных вариантах, но с единой концептуальной основой всеми участниками социально-политических, социально-экономических и социокультурных процессов.

Думается, что разрабатываемая в рамках социологической теории концепция социально-управленческого механизма является перспективным методологическим направлением, соответствующим реалиям социального государства. Реализация этой методологии в конкретных социологических исследованиях показывает, что «социально-управленческий механизм – это особая конструкция, которая преобразует объективные факторы (экономические, политические, нормативно-правовые и др.) функционирования управляемой системы в ценностно-целевые структуры деятельности социальных субъектов, включенных в нее и реализующих социальный заказ на разных уровнях. Содержательной спецификой

социально-управленческого механизма в системе управления социальными системами и организациями является согласованное социальное взаимодействие всех элементов его специфической социальной структуры, проявляющееся в ходе реализации общих целей на макро- (общество в целом), мезо- (конкретное учреждение или организация и т.п.) и микроуровнях (отдельные индивиды)» [4].

В итоге социально-управленческий механизм не просто суммирует интересы всех социальных групп и индивидов, а воспроизводит их в структурированной целостности, становясь реальным инструментом принятия управленческих решений на разных уровнях государственного управления. Эти свойства социально-управленческого механизма позволяют вполне адекватно моделировать социальный диалог, целью которого в демократическом обществе является социально приемлемый консенсус.

Социологи здесь могут выступить в роли модераторов, обеспечивающих единство дискуссий и консенсус в принятии выводов и оценок. Думается, что социология в ее метатеоретическом полипарадигмальном статусе способна теоретически и практически обеспечить такой социальный диалог [5].

Библиографический список

1. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 36.
2. Гончаров П.К. Социальное государство: сущность и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. № 2. С. 46-59.
3. Мильнер Б. Фактор доверия при проведении реформ // Вопросы экономики. 1998. № 4. С. 29.
4. Лапина С.В. Социология управления как современная методология теории и практики государственного управления // Социология управления в теории и практике государственного управления. Мн.: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2017. С. 21-275.
5. Социальное государство и социальная политика / С.В. Лапина, И.А. Лапина, А.П. Морова и др. Мн.: Академия упр. при Президенте РБ, 2020. 216 с.

Информация об авторе

Лапина Светлана Валентиновна (Республика Беларусь, Минск) – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь (220007, Республика Беларусь, Минск, ул. Московская, д. 17; lapina5053@mail.ru).

Lapina S.V.

SOCIOLOGICAL APPROACH IN THE DEVELOPMENT OF MANAGEMENT STRATEGIES IN THE SOCIAL STATE

***Abstract**. The specifics and role of the sociological approach in defining programme objectives in the development of the social state are analysed; the social management mechanism is seen as a forward-looking management strategy in the context of modern public administration in a social state.*

***Key words:** sociological approach, social actors, social interaction, social state, public administration, management strategies, social and management mechanism.*

Information about the author

Lapina Svetlana V. (Republic of Belarus, Minsk) – Doctor of Sociology, Professor; Professor of the Department of Social Sciences and Humanities of the Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (220007, Republic of Belarus, Minsk, Moscovskaya Str., 17; lapina5053@mail.ru).

References

1. Giddens A. Sociologiya. M.: Editorial URSS, 1999. S. 36.
2. Goncharov P.K. Social'noe gosudarstvo: sushchnost' i principy // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. - Ser.: Politologiya. 2000. № 2. S. 46-59.
3. Mil'ner B. Faktor doveriya pri provedenii reform // Voprosy ekonomiki. 1998. № 4. S.29.
4. Lapina S.V. Sociologiya upravleniya kak sovremennaya metodologiya teorii i praktiki gosudarstvennogo upravleniya / Sociologiya upravleniya v teorii i praktike gosudarstennogo upravleniya. Minsk: Akad. Upr. pri Prezidente Resp. Belarus', 2017. S. 21-275.
5. Lapina S.V. Social'noe gosudarstvo i social'naya politika / S.V. Lapina, I.A.Lapina, A.P.Morova i dr. Minsk: Akademiya upravleniya pri Prezidente RB, 2020. 216 s.

УДК 353.2

Нехорошков Д.А., Родин А.В.

РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ»

Аннотация. *Национальному проекту «Образование» в достижении национальных целей развития отведена особая роль, так как данный проект является системообразующей сферой для развития экономики и общества. В ближайшее время образование должно рассматриваться не как дорогостоящая, а как инвестиционная сфера, которая определяет темпы экономического роста. Так как она на прямую связана с инвестициями в человеческий капитал, развивая который можно увеличить конкурентоспособность государства и повысить эффективность производства.*

Ключевые слова: *цифровое образование, образование через всю жизнь, индивидуальная образовательная траектория.*

На протяжении развития человечества образование как социальный институт выполняло ряд значимых для общества функций. Исторически сложилось так, что развитие образования было тесно связано с потребностями государства и общества в образованных, культурных и профессионально подготовленных гражданах. Так как главным богатством любого государства является население, то от уровня образованности, профессиональной подготовки граждан, уровня их культуры во многом зависит дальнейшее становление и успех государства [1, с. 17]. Сейчас многие страны рассматривают проблемы развития системы образования как вопросы своей национальной безопасности и защиты национальных интересов.

Положение образования как ресурса человеческого и социального капитала, обладая которым общество и индивид получают новые возможности развития, удовлетворения интересов и потребностей, предполагает возрастающие требования к развитию системы образования. Творческие, инициативные, коммуникабельные, конкурентоспособные, владеющие IT-технологиями, способные участвовать в межсекторном взаимодействии люди просто необходимы современному государству в постоянно меняющихся условиях жизни [2, с. 62].

Именно поэтому реализация приоритетного национального проекта «Образование» имеет колоссальную значимость с точки зрения стимулирования образовательных нововведений и оказания поддержки педагогам и образовательным учреждениям напрямую с федерального уровня (*рис. 1*). Национальный проект позволит кратно увеличить физический капитал сферы образования, повысит его качество, обеспечит реализацию постиндустриального развития страны и регионов [3, с. 164].

Главными целями национального проекта являются:

1) обеспечить глобальную конкурентоспособность российского образования, а также вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования;

2) воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций [4].

Одно из ключевых направлений для развития системы образования – создание в образовательных учреждениях цифровой образовательной среды, которая позволит максимально обеспечить достойное и качественное образование всех видов и уровней. Это является базой направления «Цифровая образовательная среда» (*таблица*).

Массовое подключение к сети Интернет всех образовательных организаций позволяет комплексно реализовывать государственную программу по внедрению со-

временных технологий в сферу образования. Помимо этого планируется использование современных технологий, в том числе технологий виртуальной реальности и дополненной реальности для реализации основных образовательных программ. Для достижения этих целей будет создана сеть из 340 центров цифрового образования для детей «IT-куб». «IT-куб» – это образовательная платформа, которая позволит формировать базовые и углублённые знания детей в сфере IT-технологий, это позволит Российской Федерации достигнуть лидирующих позиций на рынке IT-технологий и обеспечит технологический прорыв [5].

Рис. 1. Федеральные проекты национального проекта «Образование»

Создание сети центров цифрового образования детей «IT- куб»

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Количество центров	20	70	125	190	260	340
Охват детей, тыс. чел.	8	28	50	76	104	136

Также будет реализована целевая модель цифровой образовательной среды. Это позволит создать во всех образовательных организациях на всей территории Российской Федерации профили «цифровых компетенций» не только для обучающихся, но и для педагогов и административно-управленческого персонала. Эта модель позволит создавать и реализовывать индивидуальные учебные программы, автоматизировать однообразные процессы и проводить процедуры оценки качества образования [6, с. 321].

Одним из ключевых направлений достижения поставленной цели является создание региональных и национальных платформ открытого образования, которые должны стать основой для формирования системы всепроникающего обучения, начиная со школьного возраста, заканчивая повышением квалификации работающих

граждан и получением дополнительного образования. Так, например, в Краснодарском крае на базе Кубанского государственного университета возможно создание пилотной региональной платформы (*рис. 2*), что позволит выполнить и цели флагманского проекта «Smart Kuban» Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края на период до 2030 года [7, с. 417]. Качество онлайн–образования обеспечит действующая в вузе система менеджмента качества [8, с. 145].

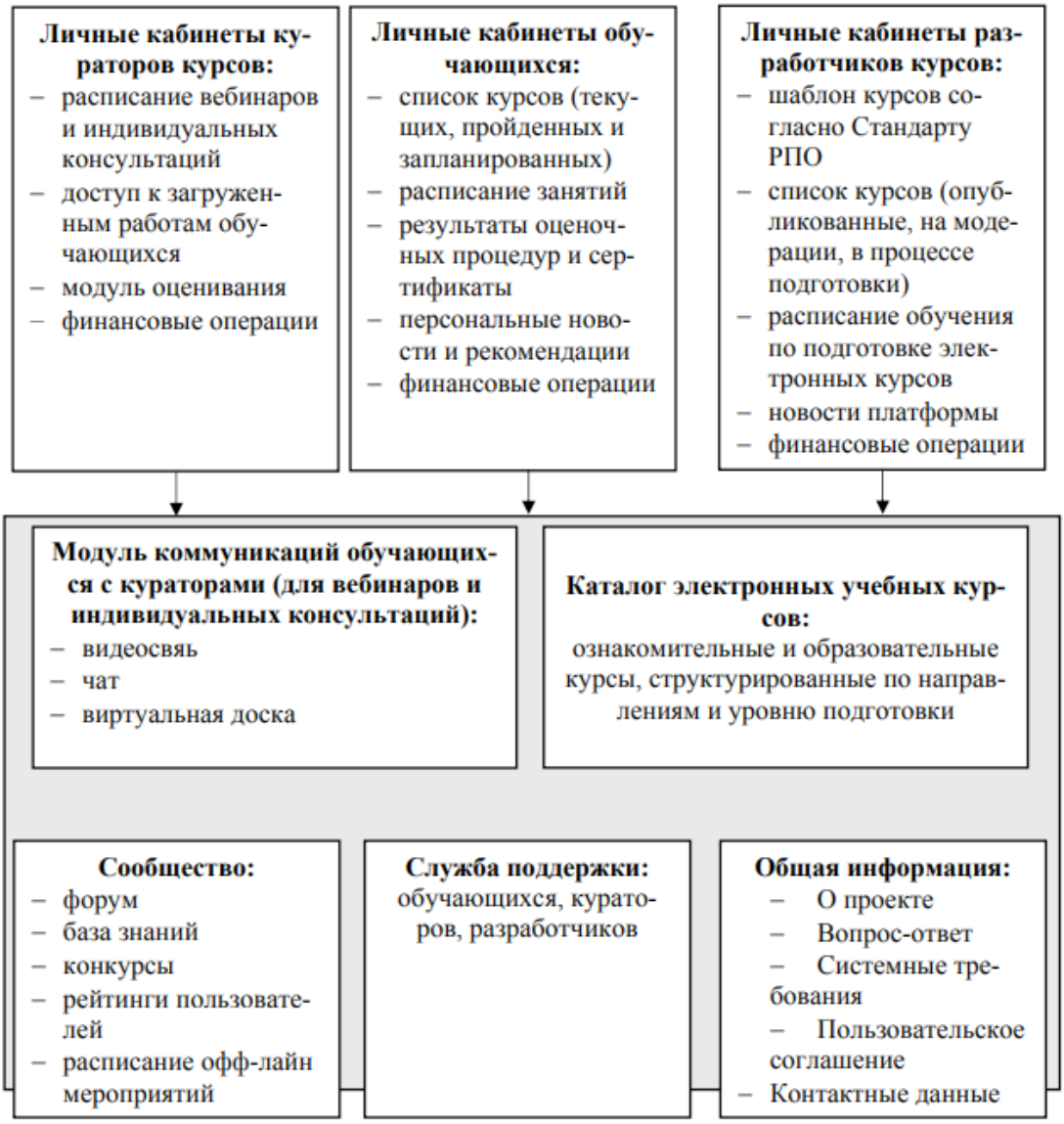


Рис. 2. Архитектура региональной платформы открытого образования Краснодарского края

К концу 2024 года 20% студентов будут осваивать отдельные курсы, дисциплины, модули, в том числе в формате онлайн-курсов, с использованием ресурсов иных организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе университетов, обеспечивающих соответствие качества подготовки обучающихся мирового уровня [9].

В настоящее время технологии, знания постоянно обновляются, сейчас для квалифицированного труда полученных когда-то знаний хватает на несколько лет. На протяжении жизни работники могут несколько раз менять своё место работы, регулярно повышать свой уровень квалификации. Сегодня каждый из нас сталкивается с необходимостью овладения новыми знаниями и навыками. Именно поэтому возникает проблема взаимодействия сферы труда и образования для того, чтобы обеспечить человеческий капитал и интеллектуальный потенциал сотрудников всех отраслей. Человек может получить образование в любом возрасте. Отсюда появляется термин Long life learning, то есть образование через всю жизнь.

Поэтому Федеральный проект «Новые возможности для каждого» направлен на формирование системы непрерывного обновления профессиональных знаний и приобретения новых профессиональных навыков работающими гражданами, а также овладение опытом работы в сфере цифровой экономики.

С целью формирования и внедрения программ непрерывного образования, которые направлены на обеспечение личностного роста, расширение и обновление профессиональных знаний граждан, усвоение ими новых профессиональных навыков из-за быстро меняющихся технологий и условий, уже реализовывается система грантовой поддержки образовательных организаций высшего образования.

Проектом предусмотрена подготовка научно-педагогических работников и сотрудников организаций работодателей к реализации современных образовательных программ непрерывного образования, в том числе и на иностранном языке, в 2019–2020 гг. будет обеспечено повышение квалификации не менее 30 тыс. человек.

Уже к 2024 году ежегодно не менее 3 млн. граждан будут проходить обучение в образовательных организациях высшего образования по программам непрерывного образования. Непрерывное образование должно стать фундаментальным принципом образовательной деятельности и участия в ней граждан на протяжении всей жизни, это и есть главная цель образования через всю жизнь [10].

Таким образом, национальный проект «Образование» является системообразующей сферой для развития экономики и общества. Проект, в первую очередь, предполагает инвестиции в человеческий капитал, а значит в будущее страны. Только инвестируя в человеческий капитал можно добиться высоких темпов экономического роста, повышения качества и продолжительности трудовой деятельности граждан, увеличения инновационной составляющей в технологическом секторе экономики и укрепления позиций Российской Федерации в мировой системе разделения труда.

Библиографический список

1. Родин А.В. Институциональные условия обеспечения активации межсекторного сотрудничества в развитии территории // Modern Economy Success: международный научный журнал. 2018. № 4. С. 15-20. URL: http://www.modernsciencejournal.org/release/2018/MES_2018_4.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
2. Родин А.В., Будко А.С. Межсекторное взаимодействие в условиях цифровизации экономики региона // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования: научно-практический журнал. Курск: Университетская книга, 2018. Т. 1. № 7 (33). С. 58-63.
3. Родин А.В. Физический капитал постиндустриального развития региона // Актуальные проблемы экономики и управления: вызовы XXI века: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. 221 с.
4. Официальный сайт Министерства просвещения. URL: https://edu.gov.ru/national-project (дата обращения: 14.03.2020).

5. Паспорт федерального проекта «Цифровая образовательная среда». URL: http://майскийуказ.рф/upload/iblock/b0d/TSifrovaya-obrazovatelnaya-sreda-_obnov.-red_.pdf (дата обращения: 14.03.2020).
6. Родин А.В. Open E-Learning 2.0: среда всепроникающего обучения // Сборник научных трудов. Вып. 26 / КРИА ДПО ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ имени И.Т. Трубилина. Краснодар: Юг, 2017. С. 318-323.
7. Родин А.В. Цифровая трансформация межсекторного взаимодействия в реализации концепции «Smart Kuban» // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. (г. Брянск, 30 ноября 2018 г., Брянский государственный инженерно-технологический университет). 2018. С. 416-418.
8. Авакян К.О., Пивоварова И.Н., Родин А.В. Актуализация систем менеджмента качества публичного управления в условиях вызовов XXI века // Вызовы XXI века: государственное, муниципальное, корпоративное управление. Ч. 2: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв ред. К.Н. Бабичев. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. С. 141-146.
9. Национальный проект «Образование»: сайт. URL: https://projectobrazovanie.ru/ (дата обращения: 14.03.2020).
10. Паспорт федерального проекта «Новые возможности для каждого». URL: http://майскийуказ.рф/upload/iblock/657/Novye-vozmozhnosti-dlya-kazhdogo-_obnov.-red_.pdf (дата обращения: 14.03.2020).

Информация об авторах

Нехорошков Даниил Андреевич (Россия, Краснодар) – студент 2 курса бакалавриата, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; nexor_03@mail.ru).

Родин Александр Васильевич (Россия, Краснодар) – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149; mailteor@mail.ru).

Nekhoroshkov D. A., Rodin A.V.

IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT "EDUCATION"

Abstract. *The national project "Education" has a special role in achieving national development goals, since this project is a system-forming sphere for the development of the economy and society. In the near future, education should not be seen as expensive, but as an investment sphere, that determines the pace of economic growth. Since it is directly related to investments in human capital, developing which can increase the competitiveness of the state and increase production efficiency.*

Key words: *digital education, lifelong education, individual educational trajectory.*

Information about the authors

Nekhoroshkov Daniil A. (Krasnodar, Russia) – 2nd year undergraduate student, Kuban state University (149 Stavropol street, Krasnodar, 350040; nexor_03@mail.ru).

Rodin Alexander V. (Krasnodar, Russia) – candidate of economic Sciences, associate Professor, head of the Department, Kuban state University (149 Stavropol street, Krasnodar, 350040; mailteor@mail.ru).

References

1. Rodin A.V. Institutional conditions for ensuring the activation of intersectoral cooperation in the development of the territory/ Modern Economy Success. International scientific journal. 2018, № 4. Pp. 15-20. URL: http://www.modernsciencejournal.org/release/2018/MES_2018_4.pdf (date accessed: 14.03.2020).
2. Rodin A.V., Budko A. S. Intersectoral interaction in the conditions of digitalization of the economy of the region / Innovative economy: prospects for development and improvement / scientific and practical journal. № 7 (33). Volume 1. 2018. Kursk: ZAO "University book". Pp. 58-63.
3. Rodin A.V. Physical capital of post-industrial development of the region / Actual problems of economy and management: challenges of the XXI century: materials of the all-Russian scientific conference.- practice. Conf. Krasnodar: Kuban state University-2016. 221 p. P. 157-167.
4. Official website of the Ministry of education: website. URL: https://edu.gov.ru/national-project (accessed: 14.03.2020).
5. Passport of the Federal project "Digital educational environment". URL: http://майскийуказ.рф/upload/iblock/b0d/TSifrovaya-obrazovatelnaya-sreda-_obnov.-red_.pdf (accessed: 14.03.2020).
6. Rodin A.V. Open E-Learning 2.0: environment of all-pervading learning // Collection of scientific papers: Vol. 26 / KRIA DPO FGBOU VO Kuban state UNIVERSITY named after I. T. Trubilin. Krasnodar: Publishing House-Yug, 2017. Pp. 318-323.
7. Rodin A.V. Digital transformation of intersectoral interaction in the implementation of the concept "Smart Kuban" // Digital region: experience, competence, projects. Collection of articles of the International scientific and practical conference. November 30, 2018, Bryansk, Bryansk state University of engineering and technology. 2018. Pp. 416-418.
8. Avakian K. O. Actualization of public management quality management systems in the context of the challenges of the XXI century / K. O. Avakian, I. N. Pivovarova, A.V. Rodin / Challenges of the XXI century: state, municipal, corporate governance (Part 2): materials of the international journal. science.- practice. Conf./editor ed. by K. N. Babichev. Krasnodar: Kuban state University, 2015. 247 S. Pp. 141-146.
9. National project "Education": website. URL: https://projectobrazovanie.ru/ (accessed: 14.03.2020).
10. Passport of the Federal project "New opportunities for everyone". URL: http://майский-указ.рф/upload/iblock/657/Novye-vozmozhnosti-dlya-kazhdogo-_obnov.-red_.pdf (accessed: 14.03.2020).

УДК 316.4 / ББК 60.56

Парахонская Г.А.

МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДЕКЛАРАЦИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

***Аннотация**. Рассматривается миссия университета в современном обществе с точки зрения приоритетности основных функций, а также причины неэффективности проводимых реформ высшего образования. Предлагается принять культурологическую функцию в качестве наиболее приоритетной.*

***Ключевые слова:** миссия университета, реформа высшей школы, культурологическая функция.*

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался экономическими и социально-политическими потрясениями, связанными с мировым системным кризисом, ревизией миропорядка предшествующей эпохи. Динамические разнонаправленные изменения социальной реальности требуют от человека обладания четкой картиной мира, в основе которой лежат фундаментальные знания о природе обществе и самом человеке. Образование по своим функциям и содержанию является сферой, организующей все общество. Системное накопление и непрерывное перемещение социального опыта от поколения к поколению в процессе образования сохраняет возможность взаимодействия людей во всех сферах общественной жизни. Оно не только испытывает влияние общества, но и выступает фактором социальных изменений.

Поэтому перед социумом встал вопрос о переосмыслении роли высшего образования в современных условиях. Общество оказалось не готово ответить на вызовы эпохи, что демонстрирует снижение уровня высшего образования в мире. Кризисные явления в системе образования отмечали ученые с середины XX века. В начале XXI в. не только научное сообщество, но и государственные власти стали осознавать масштабы проблемы и необходимость ее решения.

В России на протяжении нескольких десятилетий идет перманентный процесс реформирования высшего образования. Принимались и реализовывались концепции модернизации (которые постоянно корректировались), произошло присоединение к Болонскому процессу, принимались новые государственные стандарты, менялись система финансирования, система управления и т.д. Но, как показала практика, преобразования не дали прорыва, а деградация продолжается.

Главной причиной пробуксовывания реформ, на наш взгляд, является отсутствие проработанной комплексной концепции высшего образования, рассчитанной на долгосрочный период. Отсутствие четкого понимания роли и назначения современного университета приводит к рассогласованию декларируемых целей и задач, и существующих реалий.

Вопрос о миссии университета занимал ученых XIX–XX вв. Идеи Дж. Г. Ньюмена, В. Гумбольдта, Х. Ортеги-и-Гассета [2], К. Ясперса [3], Д. Белла, Л. Мишеда [1] не потеряли своей актуальности и сегодня.

В работах В. Гумбольдта, а впоследствии и К. Ясперса миссия университета трактуется в триединстве научной, учебной и культурной задач, т.е. на первое место ставится исследовательская функция. Х. Ортега-и-Гассет выделяет три функции университета: 1) передача культуры, 2) обучение профессиям,3) научные исследования и обучение новых людей науке. Л. Мишед перечислял основные функции университета в следующем порядке: интеллектуальная (обучающая, исследо-

вательская), социальная (профессиональная сервисная), обучающая (культурная, гуманистическая).

Во второй половине XX века появляется концепция постклассического университета. Если основная идея классического университета состоит в воспроизводстве общекультурных ценностей, то неклассический главную задачу видит в формировании гражданина и поиске истины в ходе научного исследования. С изменением общества могут меняться функции, но основная сверхзадача университета, его миссия как смыслообразующее ядро должна оставаться. Понимание миссии как смысла, основной идеи университета, принципиально меняет место университета и высшего образования в системе общества.

Проведенное нами исследование задач, декларируемых российскими вузами, показало, что основной набор задач и функций остается стабильным, но в различные периоды происходит перенос акцентов с одних задач на другие. На наш взгляд, интерес представляет приоритетность декларирования задач и определения основной миссии университета. Большинство отечественных университетов на первые места выдвигают конкурентоспособность, инновационную деятельность. Трансляция культурных ценностей, если и заявлена вузами, то, как правило, занимает последние позиции. То есть университет как центр духовного развития личности отходит на второй план. На первое место поставлена прагматическая цель. Но в современных условиях даже такую задачу вуз не может выполнить качественно. Среди причин можно выделить следующие: подушевое финансирование не способствует качественной подготовке специалистов, так как вузы практически не отчисляют за неуспеваемость; творческий компонент сведен к минимуму, так как четко прописаны компетенции, методы и приемы, которыми должен пользоваться преподаватель; кадровый состав слабо пополняется молодежью из-за низкого уровня материального обеспечения; оптимизация в системе высшего образования привела к значительному увеличению нагрузки на преподавателей, что затрудняет занятие научной деятельностью, вузы больше занимаются рекламой и саморекламой, т.е. дополнительные функции подменяют основные.

В работах Х. Ортеги-и-Гассета названы два актора системы образования: учитель и ученик. В современных вузах на первый план по значимости выдвигается управленец, чиновник, представитель администрации, который не несёт никакой ответственности за качество. Преподаватель и студент отодвигаются на вторые роли.

Вызывает сомнение обоснованность ранжирования вузов на федеральные, региональные опорные, вузы широкой подготовки, филиалы, которые должны помогать решению проблем региона. Во-первых, это усиливает селекцию среди студентов, а в последующем и среди выпускников при их трудоустройстве, во-вторых, высшая школа перестает быть социальным лифтом, в-третьих, это не способствует формированию университетов как научных центров. Региональные вузы сегодня не решают проблемы подготовки кадров для своего региона. Невзирая на острую нехватку учителей в школах, педагогический компонент выведен из обязательного государственного стандарта подготовки бакалавров большинства факультетов. Студентам предлагается педагогическая подготовка как дополнительное образование на коммерческой основе. После того как образование было переведено из категории блага в услугу, факультеты стали готовить специалистов не столько учитывая запросы общества, сколько ориентируясь на спрос, не подкрепленный объективными данными о потребностях рынка труда.

Опросы студентов показывают, что основной мотив поступления в вуз и дальнейшие приоритеты – карьера, достойная зарплата, статусная должность. Высшее образование как самоценность, как средство развития личности отодвигается на последнее место или не указывается как приоритет. Миссию университета должно понимать и студенчество с точки зрения не только личного интереса, но и служения обществу. В советское время существовала система распределения специалистов в соответствии с потребностями общества. Восстановление этой системы в современных социально-экономических реалиях невозможно, но все же необходимо найти какую-либо форму согласования интересов общества и выпускников вузов.

Массовизация высшего образования в современном обществе требует отдать приоритет культурной функции университета. Научной деятельностью будут заниматься немногие. Ортега-и-Гассет видел причину катастрофического положения высшего образования в нацеленности только на подготовку специалиста, отказ от культурологической задачи, что порождает жестокость. Под этим тезисом можно подписаться и сейчас. Ориентация только на решение прагматической задачи подготовки специалиста в современных вузах, ослабление воспитательной работы, формирования нравственных основ личности, забвение этических принципов своей профессии в сложных жизненных ситуациях может привести к необратимым последствиям для общества и цивилизации в целом.

Можно согласиться с Х. Ортегой-и-Гассетом, что высшее образование призвано сформировать из среднего человека культурную личность, способную приобщаться к культуре времени, организовать свою жизнь. Это первая и центральная миссия университета.

Библиографический список

1. Мишед Л. Университеты Европы // Alma Mater. 1991. №9. С. 85-90.
2. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Мн.: БГУ, 2005. 104 с.
3. Ясперс К. Идея университета. Мн.: БГУ, 2006. 159 с.

Информация об авторе

Парахонская Галина Анатольевна (Россия, Тверь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, ФГБОУ «Тверской государственный университет» (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33; parakhonskaya@gmail.com).

Parakhonskaya G. A.

MISSION OF THE UNIVERSITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: DECLARATIONS AND REALITY

***Abstract**. The mission of the University in modern society is considered from the point of view of the priority of the main functions, as well as the reasons for the inefficiency of the ongoing reforms of higher education. It is proposed to take the cultural function as the highest priority.*

***Key words:** the mission of the University, reform of the higher school cultural function.*

Information about the author

Parakhonskaya Galina A. (Russia, Tver) – Philosophy Doctor in History, Associate Professor, Department of Sociology, FGBOU «Tver State University» (parakhonskaya@gmail.com).

References

1. Mished L. Universities of Europe. // Alma Mater. 1991. № 9. Pp. 85-90.
2. Ortega y Gasset H. Mission of the University. Mn.: BSU, 2005. 104 Pp.
3. Jaspers K. The Idea of a University. Mn.: BSU, 2006. 159 Pp.

УДК 930.1

Смирнова Н. С.

РОЛЬ ВОЛОГОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

***Аннотация**. В статье анализируется деятельность Вологодского отделения Государственного банка и его роль в повышении качества жизни населении во второй половине XIX – начале XX века на основании архивных документов Государственного архива Вологодской области, в т. ч. отчетов банка, отражающих его финансовое состояние, циркуляров, т. е. директивных распоряжений Госбанка отделению, и других документов.*

***Ключевые слова:** Вологодское отделение Государственного банка, вклад, вексель, ссуда, ценная бумага.*

В 1860 г. в ходе финансовой реформы Александра II Государственный коммерческий банк был реорганизован в первый в России Государственный банк. Уже с 1863 г. начали открываться отделения в разных регионах страны, а в 1865 г. отделение Госбанка было открыто и в Вологде [1]. Поначалу оно не имело собственного здания и арендовало помещение на Кирилловской улице, ныне улице Ленина. Только через 17 лет Вологодским отделением Государственного банка был приобретен двухэтажный дом у купца Сорокина. А с 1886 до 1998 года отделение находилось в купленном у подполковника Бренчанинова доме, находящемся в центральной части Вологды около церкви Покрова Божьей Матери, ныне Кремлевской площади.

Уставной капитал Вологодского отделения Госбанка составлял 50 тыс. руб., а его деятельность была многофункциональна. Производилась выдача ссуд под залог государственных бумаг, акций и облигаций. Под залог принимались, например, акции Главного общества Российских железных дорог, облигации Санкт-Петербургского Кредитного общества и других учреждений. Количество выданных ссуд увеличивалось по мере расширения деятельности отделения Госбанка. Если в 1880 г. было выдано ссуд на сумму 351 430 руб., то через 11 лет эта сумма составляла уже 421 369 руб. [4, с. 21]

К началу 1880-х годов большую роль в деятельности банка играло кредитование. В Вологодском отделении кредитовался городской Общественный банк, а в 1913 г. был открыт кредит и для Вологодского отделения для внешней торговли Русского банка. Но, прежде чем открыть кредит для того или иного лица, банк собирал о нем очень подробную, в том числе и секретную, информацию, ведь кредит иногда пытались выписать на несуществующих или некредитоспособных лиц. В таких случаях говорили о «пустом», или «дутом», векселе. Отделение интересовали подробные сведения об имущественном положении и торговых делах векселедателя; с какого времени и какими товарами производится торговля; приблизительная цифра годового оборота; в каком из страховых обществ застраховано от огня имущество; стоимость недвижимого имущества; где и в какой сумме оно заложено; у кого покупают и кому продают товары; векселя каких лиц предлагают предъявить к учету; местожительство.

Кроме того, интересовались репутацией кредитующихся в банке лиц среди населения. Подобные сведения излагались в письменном виде податными инспекторами, волостными старшинами и другими лицами. Например, в документах можно найти характеристику следующего вида: «Репутация Войкова среди местного населения хорошая» или «Крестьянин Василий Александрович Соколов пользуется репутацией состоятельного и честного лица».

Сбором информации занимались в основном специально созданные в 1870-е гг. учетные комитеты. Здесь же велся учет и переучет векселей. Сумма, на которую были учтены векселя, была нестабильна и колебалась от 556 165 руб. в 1884 г. до 364 429 руб. в 1891 г. [1]. До 1894 г. банк мог учитывать только векселя, основанные на торговых сделках, но в связи с промышленным подъемом в стране Госбанком был принят новый устав, согласно которому банк мог выдавать промышленные ссуды под векселя с обеспечением залогом недвижимого имущества, закладом сельскохозяйственного и фабрично-заводского инвентаря и «другим благонадежным обеспечением». Аналогичные ссуды были допущены уставом для выдачи сельским хозяевам (т. е. для финансирования помещиков), ремесленникам, кустарям и т. д.

Важным средством регулирования спроса и предложения капитала стала учетная ставка. В кризисные периоды, когда возникала реальная опасность утечки капитала за границу, учетная ставка резко возрастала. В 1907 г. она составила 7%, а в послекризисное время ее размер снижался: в 1909–1911 гг. она составляла 4,5%.

Вологодским отделением Госбанка также принимались вклады на хранение на текущих счетах, которые делились на срочные и бессрочные, т. е. до востребования. Кроме того, текущие счета делились на процентные и беспроцентные. Губернское и уездное земства, городская управа, женское благотворительное общество, духовные семинарии, Вологодская епархия и другие учреждения хранили свои вклады на процентных текущих счетах в отделении Госбанка. Лицевые счета открывались и для торговых домов, например для торгового дома «Шульгин А. Н. с сыновьями и К°». В отделении хранились вклады православных церквей и монастырей. Например, в 1887 г. в Вологодском отделении Госбанка хранились вклады 33 церквей. Самый большой вклад в размере 4 988 руб. имела Вымская Благовещенская церковь. С 1880 по 1891 г. вклады на хранение возросли почти в 2 раза – с 2 703 086 до 5 036 462 руб. [2, с. 281].

Вологодское отделение Госбанка занималось покупкой и продажей золота и серебра, производило обмен кредитных билетов – ветхих на новые, крупных на мелкие и обратно, а также прием монеты и слитков с выдачей на них кредитных билетов. В связи с денежной реформой 1895–1897 гг. Госбанк стал эмиссионным. До 1918 г. Вологодское отделение Госбанка было центром, снабжающим денежными знаками (разменным капиталом) все казначейства Вологодской и Костромской губерний, расположенные вдоль железнодорожной линии Вятка–Вологда.

В 1907 г. служащими Вологодского отделения Госбанка была учреждена Ссудо-Сберегательная касса, целью которой были прием на сбережение вкладов и выдача ссуд и безвозвратных пособий нуждающихся, в том участникам кассы и их семьям. При этом члены Ссудо-Сберегательной кассы ежемесячно вносили обязательные взносы в размере 5% месячного оклада [1].

Вологодское отделение Госбанка постоянно вело переписку с самим Госбанком, принимая от него различные указания, а также с отделениями Госбанка в других городах. Кроме того, отделение имело обширные связи с различными учреждениями по всей стране: это Московское кредитное общество, Московский земельный банк, Харьковский земельный банк и т.д. Были налажены связи и с банковскими учреждениями других стран: например, с Обществом Французского поземельного кредита (г. Париж), банковскими конторами Мендельсон и К° (г. Берлин), Гопе и К° (г. Амстердам), Гамбро и сын (г. Лондон).

Отделение Госбанка занималось и благотворительной деятельностью. Например, штрафы за просрочку платежей, которые раньше относились на прибыль, с 1868 года

стали передаваться в пользу благотворительных учреждений местных приказов общественного призрения или земских управ. Кроме того, в 1916 г. значительные пожертвования отчислялись на нужды войны в пользу Красного Креста, в т. ч. для выдачи пособий семьям призванных на действующую военную службу [3, с. 80].

Постепенно отделение Госбанка становится крупнейшим банком Вологды. После реформы в 1895 г. ему был присвоен III разряд, а с 1 января 1914 г. Отделение было переведено во II разряд.

После Октябрьской революции, согласно Декрету о национализации частных банков (27 декабря 1917 г.), все существовавшие частные банки и банкирские конторы объединились с Госбанком, который с этого момента стал называться Народным банком РСФСР. Так завершилась история Вологодского отделения Государственного банка дореволюционного периода.

Библиографический список

1. Отчеты о действиях Вологодского городского общественного банка за 1867–1903гг. // Вологодские губернские ведомости, 1870. № 8; 1871. № 6; 1872. № 4; 1878. № 47; 1881. № 32; 1896. № 36; 1903. № 31.
2. Обзоры Вологодской губернии. 1880–1914 гг. // Старая Вологда. XII – начало XX в.: сборник документов и материалов. Вологда: Легия, 2004. 568 с.
3. Смирнова Н.С. Благотворительная деятельность Вологодского городского общественного банка во второй половине XIX – начале XX века // Роль науки и образования в модернизации современного общества. Стерлитамак: АМИ, 2019. С. 79-81.
4. Смирнова Н.С. Из истории деятельности Вологодского отделения Государственного банка во второй половине XIX – начале XX века // Достижения науки и образования. 2020. № 8 (62). С. 21-22.

Информация об авторе

Смирнова Наталья Сергеевна (Россия, Вологда) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой политики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования и науки «Вологодский государственный университет» (Россия, 160000, Вологда, ул. Ленина, д. 15; NS_history@mail.ru).

Smirnova N. S.

THE ROLE OF THE VOLOGDA BRANCH OF THE STATE BANK IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

***Abstract**. The article analyzes the activities of the Vologda branch of the State Bank and its role in improving the quality of life of the population in the second half of the XIX – early XX century on the basis of archival documents of the State archive of the Vologda region, including reports of the Bank reflecting its financial condition, circulars, i.e., directives of the state Bank to the branch and other documents.*

***Key word:** Vologda branch of the State Bank, Deposit, promissory note, loan, security.*

Information about the author

Smirnova Natalia S. (Russia, Vologda) – candidate of historical Sciences, associate Professor, associate Professor of the Department of General history and world politics,

Federal state budgetary educational institution of higher education Vologda state University (Russia, 160000, Vologda, Lenina street, 15; NS_history@mail.ru).

References

1. Reports on the actions of the Vologda city public Bank for 1867-1903. // Vologda provincial Vedomosti, 1870. № 8; 1871. № 6; 1872. № 4; 1878. № 47; 1881. № 32; 1896. № 36; 1903. № 31.
2. Reviews of Vologda province. 1880–1914. // Staraya Vologda. XII – early XX century. Collection of documents and materials. Vologda: Legia, 2004. 568 p.
3. Smirnova N. S. Charitable activities of the Vologda city public Bank in the second half of the XIX – early XX century // the Role of science and education in modernizing modern society. Sterlitamak: AMI, 2019. Pp. 79-81.
4. Smirnova N. S. From the history of the Vologda branch of the state Bank in the second half of the XIX-early XX century // Achievements of science and education. № 8 (62). 2020. C. 21-22.

УДК 316.3

Судакова Т.Е.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Аннотация*. Данная статья рассматривает социологию управления как теоретико-методологическую базу социологических исследований результативности программно-целевого управления сферой физической культуры и спорта. Стратегическая цель государственной политики в сфере физической культуры и спорта – создание условий, ориентирующих граждан на здоровый образ жизни, в том числе на занятия физической культурой и спортом, развитие спортивной инфраструктуры.*

Ключевые слова: *социология управления, управление физической культурой и спортом, программно-целевое управление.*

Актуальность темы обусловлена тем, что развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации является одним из важнейших направлений социальной политики государства, что обозначено в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», «Стратегии развития физической культуры и спорта на период до 2020 года», Концепции федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы».

Физическая культура и спорт, выступающие наряду со здравоохранением, образованием, культурой важнейшим стратегическим ресурсом развития здорового общества и отдельного человека, оказывают активное воздействие на все стороны и сферы общественной жизни, среди которых – политика, экономика, культура и другие.

В связи с этим в Российской Федерации особую значимость приобретают вопросы, которые относятся к повышению эффективности деятельности органов государственного и муниципального управления в сфере физической культуры и спорта, без которой невозможны успешные преобразования в стране, реализация стратегических программ ее развития.

Основным инструментом программно-целевого управления в сфере физической культуры и спорта на муниципальном уровне выступают муниципальные целевые программы.

Объект исследования – сфера физической культуры и спорта.

Предмет исследования – программно-целевое управление сферой физической культуры и спорта.

Специфической особенностью социологии управления является то, что она относится к активной социологии. Социология управления, используя понятийный и методологический аппарат прикладной социологии, позволяет производить реальные изменения на различных уровнях взаимодействия людей.

Таким образом, социология управления как часть общей социологии рассматривает процесс становления, функционирования и развития определённой сферы жизнедеятельности, исследует механизм социальных изменений и социальных отношений, закономерности социальных действий и поведение в процессе управления.

Процесс управления включает в себя множество разнокачественных компонентов, вследствие чего он исследуется разными науками – политологией, социо-

логией, психологией, экономическими науками. Однако каждая из них выделяет из него свой, только ей присущий объект и предмет исследования.

Объектом социологии управления являются управленческие процессы, протекающие в обществе и его отдельных подсистемах (политической, экономической, социальной, социокультурной) или организациях (предприятиях, учреждениях и др.), рассматриваемые и интерпретируемые с точки зрения взаимодействия участвующих в них людей, объединенных в семейные, профессиональные, территориальные и иные группы и включенных в многообразные процессы сотрудничества, взаимопомощи, соперничества.

Предмет социологии управления составляют изучение, оценка и совершенствование процессов управления различных типах общностей, организаций, социальных институтов и общества в целом, каждое из которых представляет собой специфическую систему социальных взаимодействий индивидов и их групп.

Вычленение объекта и предмета социологии управления даёт возможность более полно представить специфику этой отрасли социологического знания.

Социология управления в своем развитии базируется на сформулированных Ф. Тейлором, А. Файолем, М. Вебером, Э. Мэйо и другими крупными теоретиками и практиками управленческой деятельности принципах научного управления социальными и промышленными организациями [9, 5, 7, 11].

К основным принципам социального управления относят следующие:

- единоначалие в принятии решений и коллегиальность при их обсуждении;
- единство воздействия всех методов управления для поддержания целостности социальной системы;
- сочетание отраслевого и территориального управления;
- приоритетность в достижении стратегических целей;
- научность социального управления;
- прогнозирование социального управления;
- мотивация (стимулирование) труда;
- ответственность за результаты социального управления;
- рациональный подбор, подготовка, расстановка и использование кадров;
- экономичность и эффективность управления;
- системность;
- иерархичность (рассмотрение систем как многоуровневых, которые требуют деление на элементы; при этом каждая ступень управляет нижестоящей);
- обязательность обратной связи;
- программно-целевого обеспечение;
- гуманизм и нравственность в управлении;
- гласность в принятии решений.

Основные направления исследования в социологии управления

Социология управления опирается на методологический фундамент теоретической социологии, и прежде всего научные теории классиков социологической науки: О. Конта, К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Спенсера, П. Сорокина, Т. Парсонса, А. Шюца и др [4].

«Понимающая» социология (М. Вебер). В основе подхода лежит представление о том, что реальной силой общества являются социальные действия индивидов.

Социальные действия – это действия, с которыми люди связывают определенный смысл. Иными словами, социальные действия включают рациональный компонент: расчет, мотивацию, осознание эффектов (пользы), ориентацию на успех и т.д.

Типы социального действия М. Вебера:

1. Целерациональное поведение предполагает свободный и осознанный выбор цели. Главное в таком действии – ориентация на успех, максимальную выгоду при наименьших затратах (карьера, выгодное вложение денег, покупка товара).

2. Ценностно-рациональное поведение базируется на сознательной ориентации или вере в нравственные или религиозные идеалы, высшие ценности. Идеалы стоят выше сиюминутных целей, расчетов, соображений выгоды.

3. В основе традиционного поведения лежит привычка поступать в соответствии с определенными шаблонами, автоматизмами.

4. Аффективное, или реактивное, поведение – иррациональный поступок в состоянии крайнего эмоционального возбуждения.

Типы легитимного господства М. Вебера:

1. Легальное господство (в его основе – целерациональное действие, господство основывается не на личной зависимости и преданности, а на формальных безличных связях, регулируемых правом и формальным регламентом), самый чистый тип легального господства – бюрократия).

2. Традиционный тип господства (обусловлен «нравами», привычкой к определенному поведению; для назначения на должность и продвижения по иерархической лестнице основанием служит именно личная преданность и близость).

3. Харизматическое господство (опирается на аффективный тип социального действия).

Функциональный подход Т. Парсонса. Объясняет природу порядка и его управление через функциональность самой социальной системы. Система может существовать лишь при условии выполнения определенных функциональных требований: приспособление (адаптация) к окружающей среде, далее, определение целей, способность к интеграции собственных элементов (подсистем), и, наконец, формирование специальных институтов, призванных сохранять и поддерживать латентной структуры социальных отношений.

Институциональное направление в социологии управления. К представителям институционального направления относятся С. Липсет, Дж.Э. Ландберг, П. Блау, Б. Мур, М. Дюверже и др.

Рассматривает социальные институты достаточно широко: как любую организованную форму деятельности людей. Важно отметить, что представителей данного направления интересует не столько структура самих институтов, сколько сложная институциональная практика воспроизведения повторяющихся и наиболее устойчивых образцов поведения, привычек, традиций, передающихся из поколения в поколение. Институционализация является важнейшим социальным механизмом закрепления социального опыта.

Психологические теории (бихевиоризм, теория А. Маслоу). В основе бихевиоризма лежит концепт, согласно которому поведение человека (как и животного) сводится к реагированию на повторяемые сигналы, исходящие от внешней среды.

Революция менеджеров. Данная концепция является своеобразным синтезом социологии и менеджмента, согласно которой новый класс высококвалифицированных и высокооплачиваемых наемных специалистов – менеджеров – вытесняет старую элиту капиталистов-собственников и играет решающую роль в развитии и управлении современным западным обществом.

«Управление физической культурой и спортом представляет собой систему конкретных форм и методов сознательной деятельности, направленной на обеспечение

эффективного функционирования и планомерного развития отрасли физической культуры и спорта в целях наиболее полного удовлетворения потребностей россиян в физическом совершенствовании» [10].

М.В. Лукин отмечает, что «управление, ориентированное на достижение конкретных целей, называется программно-целевым» [6].

А.Ю. Близневский указывает на то, что программно-целевое управление сферой физической культуры и спорта представляет собой «управление на основе использования программно-целевого метода» [2].

Основная задача программно-целевого метода состоит в том, чтобы упорядочить межфункциональные связи, создающие условия для взаимодействия подсистем, которые являются внутренними, координировать действий с внешней средой, осуществлять перевод основного содержания управленческой деятельности из вертикальной в горизонтальную плоскость.

Программно-целевой метод – «способ решения проблем различного уровня сложности и масштаба посредством выработки и проведения системы программных мер, которые ориентированы на цели, посредством достижения которых обеспечивается решение тех или иных проблем, которые возникли» [3].

Управление физической культурой и спортом представляет собой целенаправленную деятельность субъектов управления всех уровней (федерального, регионального, муниципального), которая направлена на организацию функционирования и развития данной сферы.

Основная цель сферы физической культуры и спорта – обеспечение эффективного использования возможностей данной для всестороннего физического и духовного развития человека, укрепления здоровья и профилактики заболеваний, рационального проведения досуга, формирования потребности в регулярных занятиях физической культурой и спортом, создания для этого необходимых условий.

Помимо основной цели в данной сфере имеют место подцели, которые, согласно С.Н. Братановскому, могут быть классифицированы таким образом(*рис. 1*).

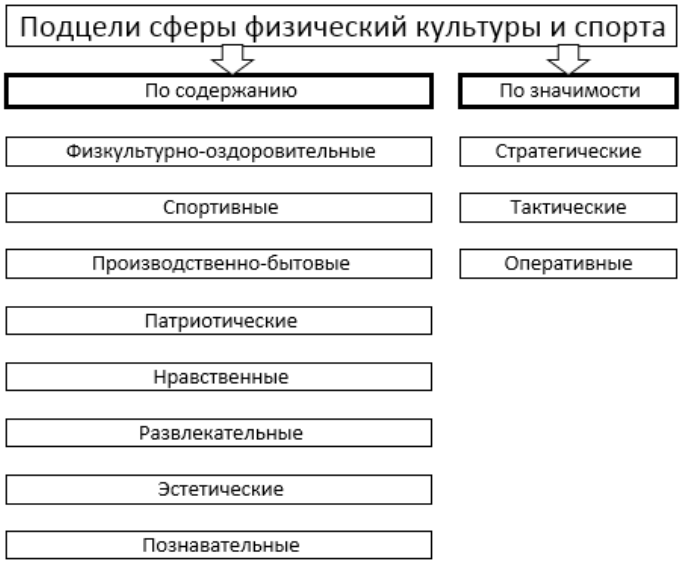


Рис. 1. Классификация подцелей в сфере физической культуры и спорта

Источник: выполнено автором по [2].

В результате изучения позиций разных авторов (А.Ю. Близневский, С.Н. Братановский, МВ. Лукин), исследующих сущность и природу программно-целевого управления в сфере физической культуры и спорта, определены его структурные элементы, которые представлены:

- «установлением целей развития;
- разработкой мероприятий, которые направлены на достижение целей;
- обеспечением согласования целей и мероприятий;
- мотивацией агентов деятельности;
- контролем реализации и ресурсного обеспечения программных мер» [2, 6].

Основным инструментом программно-целевого управления в сфере физической культуры и спорта на муниципальном уровне выступают муниципальные целевые программы.

Муниципальная целевая программа – «комплекс мероприятий производственного, социально-экономического, организационно-хозяйственного и иного характера, которые взаимосвязаны по задачам, ресурсам и срокам осуществления, обеспечивают эффективное решение проблем развития муниципального образования» [8].

Муниципальные целевые программы делятся на следующие виды (*рис. 2*).

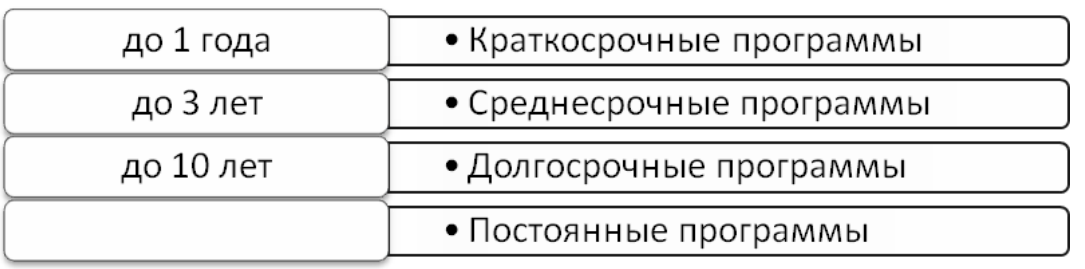


Рис. 2. Виды муниципальных целевых программ

Источник: выполнено автором по [1].

Муниципальные целевые программы могут быть «текущими и перспективными и выступать в качестве составных частей (подпрограмм) муниципальных программ, которые являются комплексными» [8].

Таким образом, программно-целевое управление в сфере физкультуры и спорта в муниципальном образовании – деятельность субъектов управления муниципального уровня на основе программно-целевого метода, которая направлена на организацию функционирования и развития данной сферы.

Библиографический список

1. Антипов А.Ф., Уловистова Н.В. Профессиональный спорт и закон // Теория и практика физической культуры. 2012. № 11. С. 19-21.
2. Близневский А.Ю. Стимулирующая система оценки физкультурно-оздоровительной деятельности муниципальных образований как фундамент ее развития в субъекте РФ // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 7 (113). С. 27-34.
3. Гостев Р.Г., Гуськов С.И. Физическая культура и спорт в России: состояние и перспективы // Физическая культура и спорт в Российской Федерации. М.: Импульс-Принт, 2015. 438 с.
4. Типы и направления исследований в социологии управления: учебные материалы // Социология управления.

5. Анри Файоль [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/anri-fayol.html.
6. Лукин М.В. Правовая организация управления физической культурой и спортом в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://books.google.com.ua/books?id.
7. Социология М. Вебера [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fb.ru/article/178360/frederik-teylor-osnovopolojnik-nauchnoy-organizatsii-truda-i-menedjmenta.
8. Муниципальные целевые программы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://referatwork.ru/Municipalnoe_upravlenie/section-9-5.html.
9. Тейлор. Ф. Основоположник научной организации труда и менеджмента // Менеджмет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fb.ru/article/178360/frederik-teylor-osnovopolojnik-nauchnoy-organizatsii-truda-i-menedjmenta.
10. Физическая культура и спорт: понятие, сущность и значение физической культуры и спорта для организма человека // Описание физического совершенства, воспитания и развития. Характеристика и специфика психофизической подготовки, физическая и функциональная подготовленность организма [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://revolution.allbest.ru/sport/00510851_0.html.
11. Управленческие идеи Э. Мэйо [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/anri-fayol.html.

Информация об авторе

Судакова Татьяна Евгеньевна (Россия, Тверь) – студентка по программе «Социология региона» (направление «Социология»), Институт педагогического образования и социальных технологий, Тверской государственный университет (170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33; sudakova921@mail.ru).

Sudakova T.E.

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AS A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH OF PERFORMANCE OF PROGRAM AND TARGET MANAGEMENT OF SPHERE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Abstract*. This article considers the sociology of management as a theoretical and methodological basis for sociological research on the effectiveness of program-targeted management of the sphere of physical education and sports. The strategic goal of state policy in the field of physical education and sports is to create conditions that orient citizens towards a healthy lifestyle, including physical education and sports, and the development of sports infrastructure.*

Key words: *management sociology, management of physical culture and sports, program-oriented management.*

Information about the author

Sudakova Tatyana E. (Russia, Tver) – student of the Institute of Pedagogical Education and Social Technologies of Tver State University, Master's program in "Sociology of the region" (direction "Sociology") (170100, Tver, Zhelyabova St., 33; sudakova921@mail.ru).

References

1. Antipov A.F. Professional Sport and Law / A.F. Antipov, N.V. Ulovistova // Theory and practice of physical education. 2012. № 11. S. 19-21.

2. Bliznevsky, A.Yu. Stimulating system for assessing the physical fitness activities of municipalities as the foundation for its development in the subject of the Russian Federation / A.Yu. Bliznevsky // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgaft. 2016. № 7 (113). S. 27-34.
3. Gostev R.G. Physical culture and sport in Russia: state and prospects // Physical culture and sport in the Russian Federation / R.G. Gostev, S.I. Guskov. M.: Impulse-Print, 2015. 438 p.
4. Types and directions of research in the sociology of management / Training materials / Sociology of management.
5. Henri Fayol [Electronic resource]. Access mode: http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/anri-fayol.html.
6. Lukin M.V. Legal organization for managing physical culture and sports in the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: https://books.google.com.ua/books?id.
7. Sociology M. Weber [Electronic resource]. Access mode: http://fb.ru/article/178360/frederik-teylor-osnovopolojnik-nauchnoy-organizatsii-truda-i-menedjmenta.
8. Municipal target programs [Electronic resource]. Access mode: http://referatwork.ru/Municipalnoe_upravlenie/section-9-5.html.
9. F. Taylor. Founder of the scientific organization of labor and management // Managermet [Electronic resource]. Access mode: http://fb.ru/article/178360/frederik-teylor-osnovopolojnik-nauchnoy-organizatsii-truda-i-menedjmenta.
10. Physical culture and sport: The concept, essence and significance of physical culture and sport for the human body / Description of physical perfection, education and development / Characteristics and specifics of psychophysical training, physical and functional fitness of the body. [Electronic resource]. Access mode: https: / /revolution.allbest.ru/sport/00510851_0.html.
11. Management ideas E. Mayo [Electronic resource]. Access mode: http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/anri-fayol.html.

ЧЕЛОВЕК НА РЫНКЕ ТРУДА: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

УДК 372.8/ББК 74.266.5

Басова Е.А.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ В ОЦЕНКАХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Аннотация**. Повышение качества трудовой жизни (КТЖ) является одним из условий интенсификации экономического роста. Ключевым ориентиром здесь выступает удовлетворенность трудом работающего населения. Применение методов статистического анализа позволило выявить особенности субъективных оценок мужчин и женщин в отношении благополучия и удовлетворенности трудовой жизнью в целях разработки конкретных мер по увеличению КТЖ.*

***Ключевые слова:** удовлетворенность трудом, качество трудовой жизни.*

«Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятая ООН в 2015 г., содержит цели по устойчивому развитию экономики, включающие повышение производительности и «создание безопасных условий труда для обеспечения достойной работы для всех»[1]. Указанные ориентиры актуализируют выявление факторов, обеспечивающих повышение качества трудовой жизни работающего населения. Ключевой конструкцией в системе компонентов КТЖ является удовлетворенность различными характеристиками труда. Расширение масштабов благополучия и удовлетворенности трудовой деятельностью как результат эффективного управления может стать движущей силой в достижении целей устойчивого развития и экономического роста. Центральное место здесь занимает вопрос о том, существуют ли гендерные различия в субъективных оценках удовлетворенности трудом, какие аспекты трудовой жизни «проседают» и требуют пристального внимания со стороны лиц, принимающих решения. В этой связи нами предпринята попытка выявить существующие отличия в различных аспектах удовлетворенности трудом мужчин и женщин с помощью статистических методов анализа с целью разработки превентивных мер по повышению КТЖ.

Начало исследования вопросов удовлетворенности трудом отмечено в первой трети XX века. Теоретико-методологические основы исследования удовлетворенности трудовой жизнью были заложены такими зарубежными учеными, как: Ф. Тейлор, А. Файоль, Э. Мейо, Г. Форд, А. Маслоу, Д. Мак-Грегор, К. Альдерфер, Д. Мак-Клелланд, Ф. Херцберг, Л. Портер, Э. Лоутер, В. Врум, Р. Хьюзман, Дж. Хатфилд, У.Э. Деминг, Б.Ф. Скиннер и др.

Среди отечественных специалистов, изучающих проблемы удовлетворенности и благополучия в сфере труда, следует выделить Ф. Н. Ильясова, Г. Монусова, Н. Ф. Наумова, В.Б. Рябова, Г.И. Хорошева, О.П. Чекмарева, В.А. Ядова и др.

Изначально концепция удовлетворенности трудовой жизнью формировалась в русле социологии и психологии в целях изучения организационного поведения человека. Дальнейший анализ экономическим сообществом показал, что данная категория – ключевой индикатор объективных и субъективных особенностей рабочего места [3, 4]. По мнению В.Б. Рябова [3, с. 114], «удовлетворённость трудовой жизнью – это ведущий критерий субъективного качества трудовой жизни, который лежит в основе нормативной модели субъективного КТЖ». В качестве компонентов удовлет-

[1] Цели и задачи устойчивого развития / ООН. URL: http: //www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/

воренности трудом Г. Монусова [2, с. 43] выделяет: содержание труда, отношение к режиму работу, оценку справедливости оплаты и стабильности рабочего места.

Фокус исследований значительного числа российских и зарубежных авторов сосредоточен на изучении факторов, способствующих повышению удовлетворенности трудом. Исследованию же гендерных особенностей посвящено незначительное количество работ, например [4–6]. Ограниченный срез исследований по данной проблематике обосновывает исследовательский интерес к данному направлению научных знаний.

Статистический анализ переменной «удовлетворенность трудовой жизнью» проведен с использованием нескольких этапов, включающих: расчет основных статистик, корреляционный анализ и анализ главных компонент для определения типологии личности среди мужчин и женщин по удовлетворенности различными аспектами трудовой жизни[2].

В данном исследовании представлены результаты социологического опроса «Качество трудового потенциала Вологодской области», проведенного ФБУН ВолНЦ РАН в 2018 году[3]. Обработка данных проведена в программах SPSS Statistics и MS Excel. Респондентам предлагалось ответить на вопрос «Удовлетворены ли Вы лично следующими сторонами трудовой и повседневной жизни?». Ответы оценивались по четырехбалльной шкале: «Не могу сказать, удовлетворен или не удовлетворен» – 0; «Не удовлетворен» – 1; «Скорее не удовлетворен» – 2; «Скорее удовлетворен» – 3; «Удовлетворен» – 4.

Таблица 1. Основные статистики показателей удовлетворенности трудом*

Удовлетворенность различными аспектами трудовой деятельности	Математическое ожидание		Среднеквадратическое отклонение	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1. Справедливость начисления заработной платы	2,68	2,64	0,831	0,984
2. Размер оплаты труда	2,58	2,49	0,872	0,976
3. Полнота социального пакета	2,69	2,70	0,899	0,876
4. Сложившаяся система стимулирования работников	2,59	2,52	0,893	0,922
5. Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	2,76	2,91	0,827	0,819
6. Техническая оснащенность рабочего места	2,84	2,95	0,765	0,787
7. Возможность повышения квалификации	2,68	2,80	0,845	0,918
8. Содержание своей работы	2,87	2,92	0,726	0,843
9. Психологическая обстановка в коллективе	2,93	3,01	0,648	0,720
10. Отношения с руководством организации	2,93	2,97	0,676	0,719
11. Возможности карьерного роста	2,61	2,69	0,833	0,883
12. Творческий характер труда	2,70	2,72	0,825	0,903
13. Возможность участия в принятии управленческих решений	2,53	2,57	0,886	0,907
14. Работа профсоюзной либо иной рабочей организации	2,48	2,47	0,891	0,942
15. Возможность принести своим трудом пользу обществу	2,85	2,83	0,762	0,870
16. Возможность сочетать трудовые и семейные обязанности	2,78	2,84	0,793	0,860

*Статистический анализ проведен только среди работающих мужчин и женщин. В целях исключения анкет неработающих респондентов использовался ответ «Не работаю» на вопрос: «Охарактеризуйте свою трудовую занятость».

[2] В данном исследовании удовлетворенность трудом будем рассматривать в рамках различных аспектов труда, перечисленных в таблице 1.

[3] Объем выборки составил 1500 человек. Опрос прошел в городах Вологде и Череповце, в городских и сельских территориях Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского районов. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Способ сбора эмпирических данных: индивидуальное раздаточное анкетирование. Ошибка выборки не превышала 3%.

Как показал анализ результатов опроса, женщины чаще, чем мужчины, выражают удовлетворенность трудом, и это касается всех рассматриваемых компонентов. Данное обстоятельство объясняется «парадоксом удовлетворенности трудом» [7, с. 266], когда женщины, имея неравные возможности и условия в сфере труда, проявляющиеся в гендерной сегрегации, дискриминации по оплате труда и т.д., проявляют большую удовлетворенность трудовой деятельностью по сравнению с мужчинами. Интересно, что с возрастом наблюдается тенденция роста благополучия в сфере трудовой деятельности именно у женщин-респондентов. Однако среди мужчин высока доля затруднившихся ответить по всем компонентам и с возрастом наблюдается рост ответов «Не могу сказать, удовлетворен или не удовлетворен».

Расчет основных статистик (см. табл. 1) показал наибольшую удовлетворенность мужчин и женщин психологическими аспектами труда (как в отношениях в коллективе, так и с руководством). Математическое ожидание этих показателей является довольно высоким: у мужчин – на уровне 2,93, у женщин – от 2,97 до 3,01. Дальнейший анализ выявил высокую степень удовлетворенности у мужчин в части содержания труда (2,87) и у женщин – в части технической оснащенности рабочего места (2,95). Наименьшим математическим ожиданием (средние на уровне или менее 2,5) характеризуются следующие показатели у мужчин: «возможность участия в принятии управленческих решений» и «работа профсоюзной организации»; у женщин – «размер оплаты труда» и «работа профсоюзной организации».

Наиболее резкие расхождения в субъективных оценках двух социальных групп отмечены в части санитарно-гигиенических условий труда. Мужчины демонстрируют здесь низкий уровень благополучия по сравнению с женщинами (2,76 против 2,91 у женщин), что объяснимо с точки зрения высокой доли занятости мужчин на производствах с вредными условиями труда.

Разнообразие мнений об удовлетворенности трудом характеризуется среднеквадратическим отклонением. Наибольшая разница в оценках зафиксирована у мужчин по показателям «удовлетворенность полнотой социального пакета» и «сложившейся системой стимулирования», имеющим показатели среднеквадратического отклонения 0,899 и 0,893 соответственно. У женщин наиболее неоднородными представляются оценки удовлетворенности справедливости начисления заработной платы и ее размером (0,984 и 0,976 соответственно).

Результаты корреляционного анализа позволяют сделать вывод о наличии взаимосвязи между различными компонентами удовлетворенности трудом у мужчин и женщин. Ожидаемой для обеих социальных групп является сильная взаимосвязь между удовлетворенностью в оплате труда и справедливостью ее начисления (коэффициент корреляции у мужчин составил 0,827 и у женщин – 0,847), а также между удовлетворенностью санитарно-гигиеническими условиями труда и технической оснащенностью рабочего места (0,827 и 0,847 соответственно).

Следующей по величине коэффициента корреляции у мужчин (0,746) является зависимость показателей «удовлетворенность психологической обстановкой в коллективе» и «удовлетворенность отношениями с руководством организации». При этом у женщин значительна взаимосвязь между удовлетворенностью творческим характером труда и возможностями карьерного роста (0,736).

Наименее значимая связь (0,273) отмечена у работающих женщин между показателями «работа профсоюзной организации» и «психологическая обстановка в коллективе». Низкий уровень корреляции (0,307) для представителей мужского пола соответствует показателям «размер оплаты труда» и «отношения с руководством организации».

Реализация метода главных компонент[4] позволила выделить несколько типов личностей среди мужчин и женщин с характерными аспектами удовлетворенности в трудовой жизни (табл. 2). Объясняющая дисперсия трех компонент составила 66,2% от общей и является достаточно удовлетворительным уровнем. Так, среди мужчин условно выделено два типа: профессионально-благополучный и статусно-благополучный. Для первого типа мужчин наиболее значимой является удовлетворенность условиями и содержанием трудовой деятельности, а также психологической составляющей рабочего процесса. Статусно-благополучный тип личности характеризуется удовлетворенностью оплатой труда, возможностями карьерного роста и участия в принятии управленческих решений.

Таблица 2. Условно названные типы мужчин и женщин по благополучию и удовлетворенности различными аспектами труда*

Мужчины		
I компонент	II компонент	
Профессионально-благополучный тип	Статусно-благополучный тип	
Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда Техническая оснащенность рабочего места Возможности повышения квалификации Содержание своей работы Психологическая обстановка в коллективе Отношения с руководством организации	Отношения с руководством организации Справедливость начисления заработной платы Размер оплаты труда Полнота социального пакета Сложившаяся система стимулирования работников Возможности карьерного роста Творческий характер труда Возможность участия в принятии управленческих решений Работа профсоюзной либо иной рабочей организации Возможность принести своим трудом пользу обществу Возможность сочетать трудовые и семейные обязанности	
Женщины		
I компонент	II компонент	III компонент
Материально-благополучный тип	Профессионально-благополучный тип	Социально-благополучный тип
Справедливость начисления заработной платы Размер оплаты труда Полнота социального пакета Сложившаяся система стимулирования работников	Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда Техническая оснащенность рабочего места Возможности повышения квалификации Содержание своей работы Психологическая обстановка в коллективе Отношения с руководством организации	Возможности карьерного роста Творческий характер труда Возможность участия в принятии управленческих решений Работа профсоюзной либо иной рабочей организации Возможность принести своим трудом пользу обществу Возможность сочетать трудовые и семейные обязанности

*Указанные типы личности продемонстрировали удовлетворенность определенными аспектами трудовой жизни.

Среди женщин выделены три условных типа личности: материально-благополучные, профессионально-благополучные и социально-благополучные. Для личностей, отнесенных к первому типу, свойственна удовлетворенность материальными аспектами работы (заработной платой, системой стимулирования и т.д.). Профессионально-благополучный тип женщин демонстрирует удовлетворенность внутренними характеристиками рабочей деятельности, среди которых такие аспекты, как: безопасность труда, техническая оснащенность, содержание трудового процесса и психологическая обстановка. Социально-благополучный тип личности характери-

[4] Компонентный анализ (анализ главных компонент) позволяет сформировать новые компоненты, наиболее полно описывающие связи между переменными.

зуется благополучием в сфере личного карьерного продвижения и социальной значимости своего труда.

В целом следует признать, что человек – существо биологическое, социальное и потому сходство в субъективных оценках мужчин и женщин – это, скорее, закономерность. Традиционные, а потому ожидаемые результаты в оценках выявлены, например, в части сильной корреляционной связи между материальными аспектами удовлетворенности трудом, а также между различными санитарно-техническими условиями работы. Обе социальные группы устойчиво демонстрируют низкую удовлетворенность оплатой труда, а также справедливостью ее начисления. Тем не менее результаты проведенного анализа свидетельствуют о существующих различиях субъективных оценок в гендерном разрезе. В частности, если среди женщин наибольшая неудовлетворенность зафиксирована по показателю оплаты труда, то у мужчин отмечена нереализованность управленческой функции и неудовлетворенность санитарно-гигиеническими условиями труда. Данные направления, а также типологию личностей среди мужчин и женщин следует рассматривать с точки зрения движущей силы как точку опоры в целях создания мотивационных механизмов работающего населения. Использование полученных результатов возможно при разработке конкретных программ повышения качества трудовой жизни, позволяющих более точно выстраивать ориентиры трудовой политики на региональном и локальном уровнях.

Библиографический список

1. Караханова Т.М., Бессокирная Г.П. Повседневное использование времени и жизненные ценности рабочих в годы реформ // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 196-213.
2. Монусова Г.А. Где и кому работа в радость: межстрановые сравнения удовлетворенности трудом // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. №5 (97). С. 43-57.
3. Рябов В.Б. Нормативный подход и нормативные модели в исследованиях качества трудовой жизни // Организационная психология и психология труда / Институт психологии Российской академии наук. 2016. Т. 1. № 1. С. 110-126.
4. Смирных Л.И. Удовлетворенность работой: выбор между стабильной занятостью и трудовой мобильностью // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2009. № 2. С. 90-100.
5. Mashlah S. The role of people's personal values in the workplace // International Journal of Management and Applied Science. 2015. Volume-1, Issue-9, p. 158-164.
6. Rotter J. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. 1966. № 80. p. 609-636.
7. Westover J.H. (2012). The job satisfaction-gender paradox revisited: A cross-national look at gender differences in job satisfaction, 1989-2005 // Journal of Global Responsibility.Vol. 3 № 2. pp. 263-277.

Информация об авторе

Басова Елена Александровна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; elbas@yandex.ru).

Basova E.A.

JOB SATISFACTION IN ASSESSMENTS OF MEN AND WOMEN (ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL SURVEY OF THE VOLOGDA REGION)

Abstract. *Improving the quality of working life (QWL) is one of the conditions for intensifying economic growth. The key guideline here is satisfaction with the work of the working population. The use of statistical analysis methods allows us to identify the characteristics of subjective assessments of men and women in well-being and satisfaction with working life in order to develop specific measures to identify QWL.*

Key words: *job satisfaction, quality of working life.*

Information about the author

Basova Elena A. (Russia, Vologda) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Federal State Budget Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (160014, Vologda, Gorky Street, 56a; elbas@yandex.ru).

References

1. Karakhanova T.M., Besokirnaya G.P. The daily use of time and the life values of workers during the years of reform // Russia Reforming. 2008. № 7. p. 196-213.
2. Monusova G.A. Where and to whom work is a joy: cross-country comparisons of job satisfaction // Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions, 2008. № 5 (97). p. 43-57.
3. Ryabov V.B. The normative approach and normative models in studies of the quality of working life // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology. 2016. T. 1. № 1. p. 110-126.
4. Smirnykh L.I. Job satisfaction: the choice between stable employment and labor mobility // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2009. № 2. p. 90-100.
5. Mashlah S. The role of people's personal values in the workplace // International Journal of Management and Applied Science. 2015. Volume-1. Issue-9. p. 158-164.
6. Rotter J. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. 1966. № 80. p. 609-636.
7. Westover J.H. (2012). The job satisfaction - gender paradox revisited: A cross - national look at gender differences in job satisfaction, 1989-2005 // Journal of Global Responsibility. Vol. 3 № 2. pp. 263-277.

УДК 331.56

Блинова Т.В., Марков В.А., Русановский В.А.

ВЛИЯНИЕ БИЗНЕС-ЦИКЛА НА МЕЖРЕГИОНАЛЬНУЮ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА: ВКЛАД МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ[1]

Аннотация. *Исследовано влияние молодежной безработицы на межрегиональную дифференциацию рынка труда. Выделены субпериоды: докризисный, кризисный и посткризисный. Мы нашли, что межрегиональные различия уровня безработицы снижаются в кризисные годы и увеличиваются в период экономического роста.*

Ключевые слова: *безработица, молодежь, рынок труда, регионы, дифференциация, Россия.*

Современный рынок труда в России характеризуется значительными межрегиональными различиями по уровню безработицы, которые являются, с одной стороны, проявлением неравномерного социально-экономического развития регионов России, с другой стороны, результатом влияния экзогенных шоков [1, 2, 4, 8]. Механизмы экономического регулирования рынка труда не только не решают проблему сглаживания межрегионального неравенства, но и воспроизводят региональные контрасты. Количественный анализ уровня и динамики дифференциации регионов России по параметрам молодежной безработицы в период кризиса становится важнейшей задачей, имеющей как теоретическую, так и практическую значимость [1].

Цель исследования – оценить влияние бизнес-цикла на межрегиональную дифференциацию российского рынка труда и рассчитать вклад молодежной безработицы.

Поставлены задачи:

– измерить межрегиональные различия российского рынка труда по уровню общей и молодежной безработицы для каждого года исследуемого периода;

– выполнить анализ динамики межрегиональной дифференциации уровня безработицы;

– рассчитать относительный вклад неравенства регионов России по уровню молодежной безработицы (15–19; 20–29 лет) в общую межрегиональную дифференциацию российского рынка труда;

– оценить влияние бизнес-цикла на межрегиональную дифференциацию российского рынка труда и рассчитать вклад молодежной безработицы.

Данные и методы. Сформирована панельная выборка, включающая 77 регионов России, информационная база основана на данных Росстата за 2005–2017 годы[2]. Влияние молодежной безработицы оценивалось на примере двух возрастных групп: 15–19 лет и 20–29 лет. Если первая группа является ярким маркером высокого уровня безработицы и ее значительных межрегиональных различий, то вторая обладает наибольшим статистическим качеством для понимания закономерностей структурных сдвигов на рынке труда. В определенной степени это объясняется низкой экономической активностью группы 15–19 лет, т.к. большинство молодых людей продол-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-010-00681.

[2] Регионы России: социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013; Труд и занятость в России. 2013: стат. сб. / Росстат. М., 2013; Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018; Регионы России: социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018; Труд и занятость в России. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019.

жают учиться, однако все большая их часть сочетает работу и учебу. Экономическая конъюнктура влияет на рост или сокращение численности тех, кто пытается трудоустроиться. Поэтому малая доля 15–19-летних в структуре безработных и высокая колеблемость их численности делают региональные оценки неустойчивыми.

Современная статистика обладает обширным инструментарием для анализа параметров неоднородности экономических систем как на определенную дату, так и за определенных период. В первом случае выделяют показатели концентрации, дифференциации, поляризации, локализации и т.п. Во втором – методы и показатели анализа конвергенции и дивергенции. Исследование межрегиональных различий, характеризующих степень расслоения регионов по уровню безработицы, выполнено с использованием индекса Джини [7], чувствительного к влиянию бизнес-цикла. Коэффициент Джини представлен в стандартной и ковариационной формах:

$$G = 2\sum_{k=1}^{K} \mathrm{cov}(y_k, F); \quad G = 1 - 2\sum_{i=1}^{k} d_{\dot{x}}\, d'_{\dot{y}} + \sum_{i=1}^{k} d_{\dot{x}}\, d_{\dot{y}} \quad ,$$

где: G – коэффициент Джини; y – значения признака, F – частоты распределения; d_i– децили.

Результаты исследования. Выполнена оценка вклада молодежной безработицы в межрегиональную дифференциацию рынка труда для каждого года исследуемого периода (2005–2017 гг.). Предварительно рассмотрены дискриптивные статистики, позволившие выявить, что вариация уровня безработицы снижается при переходе от младшей (15–19) к старшей (20–29) возрастной группе. Форма распределения регионов России по уровню молодежной безработицы по каждому году периода 2005–2017 гг. позволяет судить о приближении фактического распределения к логнормальному для группы безработных в возрасте 20–29 лет, а для группы 15–19 лет характера левосторонняя асимметрия. Эмпирически полученная форма распределения свидетельствует о наличии дифференциации, отмечена концентрация регионов с относительно низкими уровнями безработицы, а регионы с высокой молодежной безработицей локализованы и немногочисленны. С целью анализа влияния бизнес-цикла на межрегиональную дифференциацию рынка труда рассматриваемый период (2005–2017) дезагрегирован на субпериоды, включающие докризисный (2005–2007), кризисный (2008–2010), посткризисный (2011–2013) и период экономической рецессии (2014–2016). Проведена декомпозиция уровня безработицы по возрасту, оценивался вклад безработицы лиц в возрасте 15–19 и 20–29 лет в изменение межрегиональной дифференциации российского рынка труда. С использованием индекса Джини рассчитана степень межрегиональной дифференциации регионов России по уровню общей и молодежной безработицы для каждого года исследуемого периода (2005–2017 гг.). Результаты представлены в *табл.1*.

Таблица 1. Оценка межрегиональной дифференциации регионов России по уровню общей и молодежной безработицы, индекс Джини рассчитан по данным Росстата

Год	15–19 лет	20–29 лет	15–72 лет
2005	0,529	0,472	0,425
2006	0,359	0,346	0,305
2007	0,419	0,407	0,324

Окончание таблицы 1

Год	15–19 лет	20–29 лет	15–72 лет
2008	0,414	0,413	0,268
2009	0,265	0,355	0,283
2010	0,389	0,375	0,419
2011	0,385	0,388	0,336
2012	0,333	0,446	0,318
2013	0,328	0,396	0,346
2014	0,410	0,373	0,409
2015	0,314	0,305	0,353
2016	0,356	0,302	0,360
2017	0,380	0,337	0,420

Мы нашли, что межрегиональные различия уровня общей безработицы в России, измеренные по индексу Джини, являлись минимальными в годы экономического кризиса – 0,268 (2008) и 0,283 (2009). Наименьшие показатели межрегиональных различий уровня безработицы молодежи в возрасте 15–19 лет приходятся на кризисный 2009 (0,265) и год экономической рецессии 2015 (0,314). Минимальные значения индекса Джини для уровня молодежной безработицы 20–29-летних отмечены в период экономической рецессии 2015 (0,305) и 2016 (0,302) гг. Как свидетельствуют данные таблицы, максимальные межрегиональные различия уровня безработицы экономически активного населения (15–72) отмечены в предкризисный период. Последствия экономического кризиса вызвали снижение неравенства при значительном превышении естественного уровня безработицы. Максимальные значения индекса Джини, характеризующие наиболее высокий уровень межрегиональной дифференциации, отмечены в 2005 г. как для показателей общей безработицы (0, 425), так и молодежной – 0,529 (15–19 лет) и 0, 472 (20–29 лет). Результаты выполненных расчетов показывают, что значения индекса Джини, характеризующие межрегиональную дифференциацию регионов России по уровню общей и молодежной безработицы, наиболее низкими были в кризисные годы и период экономической рецессии. Восстановительный экономический рост способствовал усилению неравенства регионов на рынке труда. Важной для целей исследования является оценка относительного вклада молодежной безработицы в межрегиональную дифференциацию российского рынка труда. Результаты представлены в *табл. 2.*

Таблица 2. Относительный вклад молодежной безработицы в межрегиональную дифференциацию рынка труда России, % (рассчитан по данным Росстата)

Год	15–19 лет	20–29 лет	15–72 лет
2005	48,8	7,6	100
2006	27,0	21,1	100
2007	36,8	21,6	100
2008	41,3	18,3	100
2009	39,8	12,5	100
2010	48,6	14,2	100
2011	62,0	11,8	100
2012	51,5	16,6	100

Окончание таблицы 2

Год	15–19 лет	20–29 лет	15–72 лет
2013	57,5	12,5	100
2014	50,5	13,7	100
2015	55,0	13,4	100
2016	45,3	14,8	100
2017	49,6	12,4	100

Величина «относительного вклада» каждой возрастной когорты в межрегиональную дифференциацию рынка труда сигнализирует о внутригрупповых контрастах. Как свидетельствуют данные таблицы 2, наиболее вариативным оказался уровень безработицы молодежи 15–19 лет, ее вклад в межрегиональную дифференциацию регионов на рынке труда наиболее высок. При этом роль данной группы усиливается после начала экономического кризиса 2008 г. Объяснением может быть высокая уязвимость, значительная гетерогенность и слабая защищенность наиболее молодой возрастной группы на рынке труда [3, 5, 6]. Молодые люди этого возраста еще не получили профессионального образования, не обладают требуемыми компетенциями и в условиях оптимизации издержек менее важны для работодателя. Результаты расчетов показывают, что наиболее высоким является вклад безработицы молодежи 15–19 лет в межрегиональную дифференциацию регионов на рынке труда. При этом роль данной группы усиливается в период восстановительного роста. В дальнейшем планируется провести расчеты конвергенции (дивергенции) регионов России по уровню молодежной безработицы в период замедления темпов роста и экономической рецессии (2019–2021 гг.). На следующем этапе будет также выполнена оценка корреляции частных индексов Джини с общим, что позволит понять, какая возрастная группа наиболее сильно синхронизирована с динамикой общей безработицы по колебаниям неравенства в период экономической рецессии и восстановительного роста.

Заключение. Таким образом, выполнены расчеты и проведен анализ вклада молодежной безработицы в межрегиональную дифференциацию российского рынка труда. Результаты исследования показали, что значительные межрегиональные контрасты выступают главной характеристикой российского рынка труда. Выполнена декомпозиция уровня безработицы по возрасту и оценивается влияние двух возрастных групп молодежи (15–19 и 20–29 лет) на уровень межрегиональных различий российского рынка труда. Отдельной задачей являлась эконометрическая оценка влияния бизнес-цикла на межрегиональную дифференциацию рынка труда по уровню безработицы. Выявлено, что вариация уровня безработицы снижается при переходе от младшей (15–19) к старшей (20–29) возрастной группе. Мы нашли, что межрегиональные различия сокращались в условиях экономического кризиса и увеличивались в период восстановительного роста. Рост числа неблагополучных регионов с высоким уровнем безработицы, характерный для периода кризиса (2008–2009 гг.) сменился снижением их числа в последующие годы, в частности, для безработных в возрасте 20–29 лет – с 2010 года, а безработных в возрасте 15–19 лет – с 2011 года. Средний уровень безработицы у группы неблагополучных регионов заметно выше среднероссийского фактического и естественного уровня безработицы. Доказано, что в изменении неравенства регионов показатели молодежной безработицы играют первостепенную роль. Дифференциация регионов по уровню безработицы

свидетельствует о необходимости проведения регионально дифференцированной политики на молодежном рынке труда. Шоки экономического кризиса, имеющие экзогенный характер, сильнее ударили по наиболее благополучным регионам. Но впоследствии именно регионы с невысокой безработицей позволили стабилизировать российский рынок труда на уровне, близком к естественному уровню безработицы.

Библиографический список

1. Молодежный рынок труда: оценка и моделирование межрегиональных различий. М.: Университетская книга, 2016. 178 с.
2. Семерикова Е. В., Демидова О. А. Взаимодействие региональных рынков труда в России: анализ с помощью пространственных эконометрических моделей // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 57-80.
3. Blinova T. Unemployment Strategies in the Youth labour market: Rural–Urban Differences in Russia //Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9 (30), doi: 10.17485/ijst/2016/v9i30/98752.
4. Blinova T.V., Markov V.V., Rusanovskiy V.A. Interregional Differences of the Youth Unemployment in Russia: Models of Convergence. Ponte, 2017, vol. 73, № 8, pp. 202-216. doi: 10.21506/j.ponte.2017.8.15
5. Brada JC., Marelli E., Signorelli M. Young People and the Labor Market: Key Determinants and New Evidence // Comparative Economic Studies. 2014. № 56 (4). P. 556-566.
6. Choudhry M., Marelli E. and Signorelli M. Youth and the total unemployment rate: The impact of policies and institutions // International J. Manpower. 2012. № 33 (1). P. 76-95.
7. Davidson R. (2009). Reliable Inference for the Gini Index// Journal of Econometrics. № 150 / P.30-40.
8. Marelli E., Vakulenko E. Youth unemployment in Italy and Russia: Aggregate trends and individual determinants //The Economic and Labour Relations Review. 2016. № 27 (3). P. 387-405.

Информация об авторах

Блинова Татьяна Викторовна (Саратов, Россия) – доктор экономических наук, главный научный сотрудник. Институт аграрных проблем РАН (410012, Саратов, ул. Московская, д. 94; ruandre@mail.ru).

Марков Владимир Александрович (Саратов, Россия) – кандидат экономических наук, доцент, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова (410003, Саратов, ул. Радищева, д. 89; markov.saratov@mail.ru).

Русановский Виктор Александрович (Саратов, Россия) – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник. Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова (410003, Саратов, ул. Радищева, д. 89; v.rusanovsky@mail.ru).

Blinova T.V., Markov V.A., Rusanovskiy V.A.

INFLUENCE OF THE BUSINESS CYCLE ON THE INTER-REGIONAL DIFFERENTIATION OF THE RUSSIAN LABOR MARKET: CONTRIBUTION OF YOUTH UNEMPLOYMENT

***Abstract**. The influence of youth unemployment on the interregional differentiation of the labor market is studied. Sub-periods are distinguished: pre-crisis, crisis and post-crisis. We*

found that interregional differences in unemployment rates decrease during the crisis years and increase in period of economic growth.

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant № 20-010-00681.

Key words: *unemployment, youth, labor market, regions, Russia.*

Information about the authors

Blinova Tatiana V. (Saratov, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Chief researcher. Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences (ruandre@mail.ru).

Markov Vladimir A. (Saratov, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Assistant professor. Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics (markov.saratov@mail.ru).

Rusanovskiy Victor A. (Saratov, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Leading researcher. Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics (v.rusanovsky@mail.ru).

References

1. Blinova T. Unemployment Strategies in the Youth labour market: Rural-Urban Differences in Russia. Indian Journal of Science and Technology, 2016. vol. 9 (30), doi:10.17485/ ijst/2016/ v9i30/98752.
2. Blinova T. V., Markov V.V., Rusanovskiy V.A. Interregional Differences of the Youth Unemployment in Russia: Models of Convergence. Ponte, 2017, vol. 73, № 8, pp. 202–216, doi: 10.21506/j.ponte.2017.8.15
3. Brada J.C., Marelli E., Signorelli M. Young People and the Labor Market: Key Determinants and New Evidence. Comparative Economic Studies, 2014, vol. 56 (4), pp. 556-566.
4. Choudhry M., Marelli E. and Signorelli M. Youth and the total unemployment rate: The impact of policies and institutions. International J. Manpower, 2012, vol. 33 (1), pp. 76-95.
5. Davidson R. Reliable Inference for the Gini Index. Journal of Econometrics, 2009, vol.150, pp. 30-40.
6. Marelli E., Vakulenko E. Youth unemployment in Italy and Russia: Aggregate trends and individual determinants. The Economic and Labour Relations Review, 2016, vol. 27(3), pp. 387-405.
7. Semerikova E.V., Demidova O.A. Interaction of regional labour markets in Russia: Spatial econometric analysis. Spatial Economics, 2016, vol. 3, pp. 57-80.
8. Youth Labor Market: Assessment and Modeling of Interregional Differences. Moscow: University Book, 2016. 178 p.

УДК 331.108.2

Бутова С.В., Галахова А.А.

НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОИСКА И ПОДБОРА ПЕРСОНАЛА КРУПНЫМИ КАДРОВЫМИ АГЕНТСТВАМИ

***Аннотация**. В статье рассмотрены ключевые подходы к подбору персонала компаниями – внутренние и внешние источники поиска и определено наличие фаворита среди них – рекрутинговых агентств. Также рассмотрены подходы к подбору персонала компаниями, выявлены недостатки и предложены мероприятия по модернизации.*

***Ключевые слова:** подбор персонала; рекрутинг; кадровые агентства; кадровый аутсорсинг; ворк лауд.*

С приходом понимания важности человеческих ресурсов в компании одновременно подоспело и понимание необходимости разных подходов к взаимодействию с ними. Существует множество функций, выполняемых «управленцами», но едва ли не самый важный – поиск и подбор персонала.

Как известно, существует широкий спектр методов и направлений поиска персонала. Если использовать внутрифирменные силы – сотрудников HR-отдела компании – это внутренние и внешние источники поиска персонала. К внутренним источникам относят кадровый резерв компании. Внешние источники подбора персонала гораздо шире, и к ним относят поиск по рекомендациям текущих сотрудников компании, прямую работу с потенциальными сотрудниками, рекламу в СМИ, контакты с вузами, биржи труда, кадровые агентства – эффективный, но дорогостоящий подбор персонала, который могут позволить себе не все компании. Однако именно кадровые агентства предоставляют качественных кандидатов на вакантное место, задействовав в этом процессе высококлассных специалистов. Помимо этого агентства предоставляют гарантийный период, что говорит о надежности и возможной уверенности клиента в передаче HR-функций на аутсорсинг.

Таким образом, на основании предложенных гипотез о популярности и эффективности рекрутинговых агентств было решено выдвинуть следующую цель исследования: на основе исследования теоретических аспектов подбора персонала и проведенного анализа системы подбора персонала в рекрутинговых агентствах предложить направления модернизации поиска и подбора персонала в крупных агентствах.

В связи с пониманием серьезности проблемы – найма квалифицированного персонала или в случае желания частичного высвобождения сотрудников организации от определенных функций крупные компании передают их на аутсорсинг, т. е. отказ компании от выполнения ряда функций при ведении бизнеса или частей бизнес-процессов самостоятельно и передача их сторонней компании, специализирующейся на оказании определенных услуг [1]. Таким образом, компания получает поистине качественную услугу, предоставленную в максимально сжатые сроки.

Формирование кадровых и рекрутинговых агентств в России берет начало с переходом страны на рыночную экономику, когда компании, развиваясь, стали понимать качественную важность поиска и подбора персонала, сами пока не особо умея это делать, за чем и обращались к квалифицированным специалистам [2].

Таким образом, спустя десятки лет, рекрутинговый бизнес набрал крупные обороты, разгружая штатных HR-специалистов компаний, в случае если у них присутствует недостаток временного ресурса на подбор кадров или же когда у компании просто отсутствует подобного рода специалист. А нанять сторонних профессиона-

лов гораздо дешевле и эффективнее, нежели заниматься поиском и наймом самостоятельно [3, с. 13]. Именно поэтому ежегодно присутствует необходимость модернизации подходов к поиску и подбору персонала рекрутинговыми агентствами, чтобы делать это гораздо быстрее и качественнее.

Нами было проведено исследование, в котором рассмотрены небольшие рекрутинговые агентства в разрезе региона – Ростовской области. Было выявлено 9 организаций, за исключением крупных конкурентов – АНКОР и Kelly Services, появившихся достаточно недавно и имеющих в своем арсенале один или несколько региональных офисов (не более пяти). Среди них – Рекрутинговое агентство «Фаворит», АСА Персонал, ХедХантинг и другие.

Для получения наиболее актуальных и распространенных по широте страны данных мы детально проанализировали подходы в подборе у двух крупных конкурентов в субъекте – АНКОР и Kelly Services. Как стало известно из исследования, подходы к поиску и подбору персонала достаточно традиционны во всех рекрутинговых агентствах: скриннг резюме на работных сайтах, осуществление телефонных звонков/интервью, передача резюме клиенту, проведение очного собеседования, предоставление гарантийного периода и т.д.

Так, подходы к подбору персонала, отношения сотрудников в коллективе, наличие HR-отделов и прочие составляющие примерно равны в обеих лидирующих компаниях, однако есть небольшие различия, которые формируют их ключевые особенности, необходимость в нововведениях.

Ясно, что, для того чтобы быть успешным на рынке подобных услуг, необходимо постоянно мониторить текущие тренды, подстраиваясь под требования бизнеса, в котором компании функционируют: нововведения экономят время консультантов, тем самым сотрудники агентства могут взять в работу больше проектов, что благоприятно скажется на количестве прибыли компании по закрытии квартала.

Тенденции последних лет останутся актуальными и в ближайшее время. Главный тренд – HR-digital – использование цифровых технологий в решении задач управления персоналом: аналитика, автоматизация, HR-бренд. HR-аналитика и автоматизация процессов активно используются в компаниях-рекрутерах [4].

Поистине отличный от других и не используемый еще в рекрутинговых агентствах, но давно применяемый в крупных компаниях собственноручно тренд – искусственный интеллект. Сегодня всем уже понятно, что искусственный интеллект с нами надолго: Siri, Алиса, Google Assistant всё популярнее среди пользователей сети Интернет и скоро наберет серьезные обороты среди людей, занимающихся поиском и подбором персонала. Фактически, некоторые из международных компаний используют подобное нововведение в своей практике: так, Unilever применяет технологию виртуальной реальности и чат-бота для подбора кандидатов на низкие позиции: кандидаты узнают о вакансии в компании, присылают свой профайл в LinkedIn на указанный почтовый ящик, после чего чат-бот присылает ссылку с 12 играми. Подобная практика наблюдается и в отечественных компаниях, таких как Сбербанк.

В связи с этим нам хотелось бы предложить ряд мероприятий, связанных с введением искусственного интеллекта в рекрутинговые агентства: создание уникального бота, который мог бы:

1) формировать приглашения или тексты писем, отправлять результаты интервью, тестирования или автоматически формировать резюме подходящих клиентов и направлять его на проработку клиенту;

2) напоминать кандидатам и представителям клиента о предстоящих собеседованиях;

3) рассылать простые тесты для отбора; в случае необходимости анализировать результаты и выдавать готовый продукт: статистику и наиболее подходящих кандидатов;

4) ввести бота-рекрутера на поиск и отбор кандидатов на линейные позиции.

Таким образом, введение искусственного интеллекта позволит сократить ряд задач, которые постоянно выполняет рекрутер в своей работе, значительно упростив календарь сотрудников.

В качестве показателя, с помощью которого будет оценена эффективность предложенных мероприятий, нами был выбран коэффициент Work Load – это комплексный показатель, характеризующий объем работы (количество контактов/документов) консультантов и аналитиков, проделанный ими в рамках ведения проектов по рекрутменту за определенный период времени, тщательно разработанный работниками АНКОРа для выявления эффективности работы каждого сотрудника компании с последующим их премированием [5]. Так как нововведения в системе поиска и подбора персонала агентством рассмотрены в рамках работы одного рекрутера над определенным проектом, считаем, что предложенный показатель является наиболее подходящим для оценки социально-экономической эффективности предложенной программы мероприятий по модернизации подходов к подбору персонала, так как показывает не только частный показатель эффективности, но и совокупный путем суммирования полученных данных по каждому сотруднику в разрезе определенного временного промежутка.

Базой для расчета Work Load являются контакты и документы с потенциальными соискателями:

1) телефонные контакты;
2) интервью в агентстве;
3) резюме кандидатов, отправленных клиенту;
4) интервью кандидатов у клиента;
5) проверенные рекомендации на кандидатов;
6) маркетинговые контакты и др.

Таким образом, формула (1) для расчета Work Load с учетом всех коэффициентов выглядит следующим образом:

$$WL = \text{инт. сотр.} \times 1{,}5 + \text{тел. конт.} \times 1 + \text{марк.} \times 1{,}5 + \text{рез.} \times 0{,}5 + \text{инт. кл.} \times 1 + \text{пр. рек.} \times 2 \qquad (1)$$

где WL – Work Load;
инт. сотр. – интервью с сотрудником;
тел. конт. – телефонный контакт;
марк. – маркетинг;
рез. – резюме;
инт. кл. – интервью у клиента;
пр. рек. – проверка рекомендаций.

Пример заполнения таблицы эффективности для автоматического расчета Work Load представлен на *рисунке*.

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P	Q
1	NN	Сотрудник	Должность	Интервью с сотрудником	Телефонный контакт	Маркетинг	Резюме	Контакты (события)	Интервью у клиента	Проверка рекомендаций		Общий показатель Workload		Отработано дней	Отработано недель		Среднеделььный Workload
2	1	Авдотенко Кристина Сергеевна	конс.	54	178	2	12		4	7		286		20	4		71,50
3	2	Крикунов Максим Александрович	рек.	32	193	0	10		1	2		251		19	3,8		66,05
4	3	Мармаренко Ксения Геннадьевна	ст.	12	73	0	0		0	0		91		10	2		45,50
5	4	Петрова Валентина Георгиевна	ст.	16	54	0	0		1	0		79		15	3		26,33
6	5											0			0		#ДЕЛ/0!
7	6											0			0		#ДЕЛ/0!
8		Всего:		114	498	2	22		6	9		707		64	12,8		209,39
9																	

Пример заполнения таблицы для автоматического расчета показателя Work Load

Следовательно, при освобождении рекрутеров от поиска претендентов среднемесячный показатель Work Load (например, Авдотенко Кристины Сергеевны) увеличится.

Это на 256 (542–286) единиц и 90% больше, чем при отсутствии бота – незаменимого помощника сотрудников рекрутинговых агентств. Так, в совокупности, Work Load каждого работника отразит относительное увеличение прибыли и качественное улучшение работы каждой единицы региональных офисов компаний.

Таким образом, несмотря на успешность и эффективность функционирования рекрутинговых агентств, существуют моменты, которые можно усовершенствовать, что приведет к увеличению как личностной продуктивности работников агентств, так и общей прибыльности компаний, без особых затрат и влияния на уровень предоставляемых услуг сторонним компаниям, обратившимся за помощью.

Библиографический список

1. Энциклопедия производственного менеджера // Деловой портал «Управление производством», 2019. URL: http://www.up-pro.ru/encyclopedia/outsourcing.html (дата обращения: 10.01.2020).
2. Лунева Е.А. Особенности формирования российского рынка рекрутинговых услуг и перспективы его развития // СТЭЖ. 2010. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-rossiyskogo-rynka-rekrutingovyh-uslug-i-perspektivy-ego-razvitiya (дата обращения: 28.01.2020).
3. Никифоров Р.О. Рекрутинговый бизнес в России. М.: ПАИМС, 2001. С. 54.
4. Рекрутмент 2019. Какие тренды внедрить, чтобы повысить свою ценность и привлекать таланты // Интернет-HR-блог: Smart solution, 2018. URL: https://smart-hr.com.ua/ru/news/rekrutment-2019-kakie-trendy-vnedrit-chtoby-povysit-svoyu-cennost-i-privlekat-talanty (дата обращения: 30.01.2020).
5. Work Load [Электронный ресурс]: Ancor intranet, 2019 (внутренний сайт АНКОРа). URL: http://intra.ancor.ru/workload (дата обращения: 29.02.2020).

Информация об авторах

Бутова Светлана Валерьевна (Россия, Ростов-на-Дону) – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами экономического факультета, Южный федеральный университет (344006, Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, д. 88; s.voropaeva@mail.ru).

Галахова Анна Александровна (Россия, Ростов-на-Дону) – магистр первого года обучения экономического факультета, Южный федеральный университет (344006, Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, д. 88; galakhova.aa@gmal.com).

Butova S.V., Galakhova A.A.

DIRECTIONS FOR MODERNIZATION OF PERSONNEL SEARCH AND SELECTION BY LARGE PERSONNEL AGENCIES

Abstract. *the article considers key approaches to recruitment such as internal and external sources of search and defines the presence of a favorite among them. Approaches to recruitment of personnel by agencies are also considered, shortcomings are identified and modernization measures are proposed.*

Key words: *hiring of personnel; recruiting; personnel agencies; personnel outsourcing; work load.*

Information about the authors

Butova Svetlana V. (Russia, Rostov-on-Don) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Human Resources Management of the Faculty of Economics of the Southern Federal University (344006, Rostov-on-Don, Maxim Gorky Str., 88; s.voropaeva@mail.ru).

Galakhova Anna A. (Russia, Rostov-on-Don) – Master of the first year of the Faculty of Economics of the Southern Federal University (344006, Rostov-on-Don, Maxim Gorky Str., 88; galakhova.aa@gmal.com).

References

1. Production Manager Encyclopedia. [Electronic Resource]: Business Portal "Production Management," 2020. URL: http://www.up-pro.ru/encyclopedia/outsourcing.html (date of appeal: 10.01.2020).
2. Luneva E.A. Peculiarities of formation of Russian market of recruiting services and prospects of its development//STAGE. 2010. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-rossiyskogo-rynka-rekrutingovyh-uslug-i-perspektivy-ego-razvitiya (дата обращения: 28.01.2020).
3. Nikiforov P.O. Recruiting business in Russia. Moscow: PAIMS, 2001. S. 54.
4. Recruitment of 2019. What trends to implement to increase your value and attract talent. [Electronic resource]: Internet-HR-blog: Smart solution, 2018. URL: https://smart-hr.com.ua/ru/news/rekrutment-2019-kakie-trendy-vnedrit-chtoby-povysit-svoyu-cennost-i-privlekat-talanty (дата обращения: 30.01.2020).
5. Work Load: Ancor intranet, 2020. URL: http://intra.ancor.ru/workload (contact date: 29.02.2020).

УДК 314

Жигалина М.В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА МИГРАНТОВ В СФЕРЕ ЖКХ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Аннотация. *Статья посвящена перспективам использования труда мигрантов в сфере ЖКХ.*

Ключевые слова: *трудовые мигранты, «принимающее» население, сфера ЖКХ.*

Реалии нашего времени таковы, что использование труда мигрантов стало неотъемлемой частью экономики Российской Федерации. Сокращение собственного трудоспособного населения, нежелание местного населения работать на непрестижных, малооплачиваемых рабочих местах сделали неизбежным привлечение иностранной рабочей силы, а присутствие мигрантов привычным. На сегодняшний день мигранты работают в различных сферах экономики Российской Федерации, в том числе в торговле, строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве. Сфера ЖКХ также традиционно активно использует труд мигрантов.

К плюсам использования труда мигрантов в ЖКХ, безусловно, можно отнести утоление «кадрового голода» в этой сфере, поскольку мигранты занимают вакансии, не пользующиеся популярностью у местного населения, например вакансии дворников. К минусам использования труда мигрантов в данной сфере можно отнести прежде всего то, что мигранты занимают рабочие места, которые при достойной оплате и популяризации могли бы быть заняты россиянами и привести к сокращению тем самым безработицы среди местного населения. Особенно актуальным это становится в связи с пенсионной реформой. В 2013 году в Кронштадте проводился эксперимент по замене дворников-мигрантов на работников с гражданством Российской Федерации, доказавший, что справиться с «кадровым голодом» в этой сфере возможно не только привлекая иностранных работников-мигрантов, но и задействовав ресурсы внутренней миграции и местное население. Для этого нужно просто сделать работу более привлекательной для россиян. Например, в эксперименте в Кронштадте в качестве средства привлечения использовалась возможность обеспечения служебным жильем [1]. Согласно данным соцопроса, проведенного районной администрацией, 63% жителей Кронштадта поддержали эксперимент [3]. Во-вторых, сама специфика работы мигрантов в данной сфере предполагает тесное общение с «принимающим» населением. На фоне существенной разницы в менталитете и уже существующего негативного отношения к мигрантам у части россиян это провоцирует конфликты, способствует ксенофобским настроениям. В-третьих, известно, что для работодателя работник-мигрант представляет интерес, поскольку менее требователен к условиям труда и проживания, готов трудиться дольше, а получать за работу меньше. Это обстоятельство провоцирует работодателя на нарушение трудовых прав мигрантов, например, путем невыплаты и задержки заработной платы. Среди нарушений трудовых прав мигрантов в этой сфере также распространены случаи оформления на работу граждан РФ, при том, что реально работают за них мигранты; случаи, когда при получении зарплаты мигранты расписываются в ведомости за одну сумму, а на руки получают сумму гораздо меньшую. Наиболее уязвимыми здесь в силу своего положения являются нелегальные мигранты. В-четвертых, скученность проживания и плохое обустройство быта способствуют распространению среди работников-мигрантов опасных инфекционных заболеваний, что представляет угрозу для здоровья «принимающего» населения (например, сифилис, туберкулез). В-пятых, «миграционный стресс», связанный с

отрывом работника-мигранта от близких, работой в стране, население которой обладает другим менталитетом, та же скученность проживания могут вызывать различные проявления девиантного поведения [2].

Подытожив все вышесказанное, мы полагаем, что привлечение трудовых мигрантов из-за рубежа в сферу ЖКХ имеет больше минусов, чем плюсов. Таким образом, следует привлекать к работе в сфере ЖКХ преимущественно работников из числа местных жителей или жителей других регионов России, для чего необходимо гарантировать им достойную оплату труда и жилье.

Библиографический список

1. В Кронштадте отказались от дворников-гастарбайтеров [Электронный ресурс]. https://www.spb.kp.ru/daily/26154/3042911/ (доступ 01.03.2020).
2. Дворники-мигранты устроили поножовщину в ЖЭК [Электронный ресурс]. https://www.rosbalt.ru/piter/2019/10/23/1809280.html (доступ 03.03.2020).
3. Цинклер Евгения. Прекрасная дворничиха [Электронный ресурс]. https://rg.ru/2013/10/17/reg-szfo/dvorniki.html (доступ 01.03.2020).

Информация об авторе

Жигалина Мария Владиленовна (Россия, Санкт-Петербург) – младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; bmvl1970@rambler.ru).

Zhigalina M.V.

USING MIGRANT LABOR IN THE HOUSING AND UTILITIES SECTOR: PROS AND CONS

Abstract. *The article is devoted to the prospects of using migrant labor in the housing and utilities sector.*

Key words: *labor migrants, "host" population, housing and utilities sector.*

Information about the author

Zhigalina Maria V. (Russia, St. Petersburg) – junior research fellow, Institute for Regional Economic Studies RAS (St. Petersburg, Serpuhovskaya St., 38; bmvl1970@rambler.ru).

References

1. V Kronshtadte otkazalis' ot dvornikov-gastarbajterov (Elektronnyj resurs - https://www.spb.kp.ru/daily/26154/3042911/ dostup 01.03.2020). [In Kronshtadt refused janitors-guest workers (Electronic resource - https://www.spb.kp.ru/daily/26154/3042911/ - accessed 01.03.2020).]
2. Dvorniki-migranty ustroili ponazhovshchinu v ZHEK (Elektronnyj resurs - https://www.rosbalt.ru/piter/2019/10/23/1809280.html - dostup 03.03.2020). [Janitors-migrants arranged a knife fight in the housing office (Electronic resource - https://www.rosbalt.ru/piter/2019/10/23/1809280.html -accessed 03.03.2020).]
3. Cinkler Evgeniya. Prekrasnaya dvornichiha (Elektronnyj resurs - https://rg.ru/2013/10/17/reg-szfo/dvorniki.html - dostup 01.03.2020). [Sinclair, Eugene. Beautiful janitor (Electronic resource - https://rg.ru/2013/10/17/reg-szfo/dvorniki.html -accessed 01.03.2020).]

УДК 331.5:314.15/ББК 65.24

Иванов С.А.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРИОРИТЕТЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

***Аннотация**. Приведены результаты анализа проблем цифровизации экономики России, данные опроса предприятий Санкт-Петербурга о перспективах внедрения цифровых технологий. Приведены сведения о наличии цифровых навыков у населения России. Показана необходимость развития сетевых компетенций у молодежи.*

***Ключевые слова:** цифровая экономика, инновации, компетенции, кадры, приоритеты.*

Традиционная для предприятий нашей страны проблема обеспечения высококвалифицированными кадрами [1] приобретает новые оттенки в условиях внедрения цифровых технологий на производстве, перехода к цифровой экономике и цифровизации в целом всего общества. Помимо профессиональных, социальных, универсальных компетенций востребованными становятся цифровые навыки, сетевые компетенции, умение работать и управлять в дистанционном режиме, реализуя новые свойства человеческого капитала.

Проблема формирования человеческого капитала, адекватного современным вызовам и требованиям цифровой экономики, вышла как на первый план мировой повестки социально-экономического развития, так и в число важнейших приоритетов стратегического развития нашей страны. В условиях цифровизации всех сторон жизни человеческий капитал и особенно его сетевые формы становятся одним из важнейших факторов обеспечения экономического роста, конкурентоспособности индивидов, компаний, государства в целом.

Для Российской Федерации формирование у населения цифровых навыков является стратегическим приоритетом, направлением решения целого комплекса задач, не только экономических, но и социальных. В экономике, источником развития которой становятся человеческие знания, формирование у людей новых компетенций, в том числе необходимых для работы в Глобальной сети, создает необходимые предпосылки для активизации инновационного процесса, решения кадровых проблем за счет интенсификации труда.

В социальном плане освоение людьми цифровых технологий способствует решению проблемы повышения доступности государственных услуг в условиях трансформации пространственного развития регионов, систем расселения, сужения и централизации экономического пространства. Развитие цифровых технологий не только формирует новое пространство коммуникаций, но и превращает его в часть среды экономической деятельности. В этой связи становится крайне актуальным вопрос не только развития цифровых навыков у экономически активного населения, но и условий их реализации, преодоления разного рода рисков, возникающих в цифровом пространстве, как для государства, в том числе в вопросах экономической безопасности, так и для простых граждан, пользующихся услугами Интернет-сервисов.

Взятый Россией курс на формирование цифрового общества, цифровизацию ведущих отраслей народного хозяйства поставил целый ряд новых задач для системы профессионального образования и подготовки кадров. Важнейшей из них является задача развития у населения, в первую очередь у молодежи, цифровых навыков, не просто способности и готовности работать с цифровыми технологиями, но и при не-

обходимости взаимодействовать с коллегами, сотрудниками, находясь в удаленном доступе, дистанционно, используя соответствующее сетевое оборудование.

Важность решения этой задачи обусловлена серьезным отставанием России от многих промышленно развитых стран в вопросе разработки и внедрения инноваций, использования цифровых технологий.

По удельному весу инновационной продукции в общем объеме товаров, работ, услуг Россия по-прежнему заметно отстаёт от большинства европейских стран (*рис. 1*).

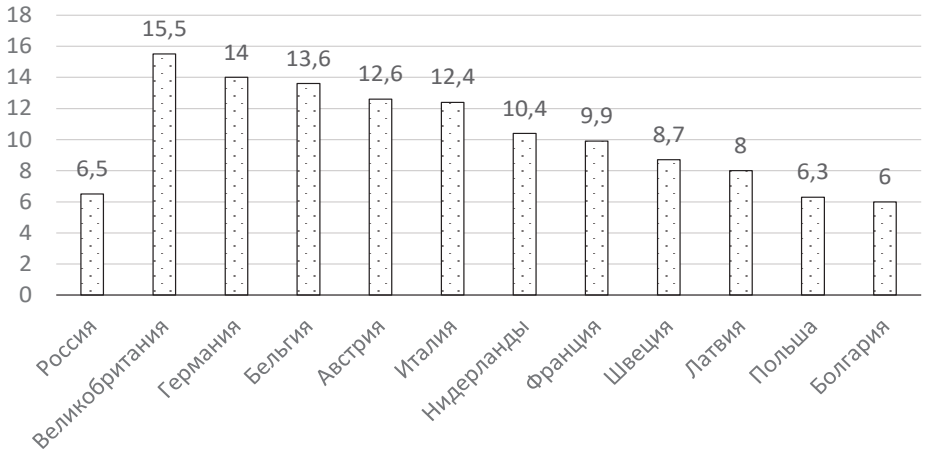


Рис. 1. Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг в России и некоторых странах в 2018 году, %

Источник: [3, с. 73]

Сложившееся отставание нашей страны от ряда стран по уровню выпуска инновационной продукции в определенной степени обусловлено медленным переходом «на цифру», низкими темпами внедрения цифровых технологий, особенно на производстве.

Именно это обстоятельство стало не последним в ряду факторов разработки программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [6]. Важный вывод, приведенный в Паспорте национальной программы «Цифровая экономика России», гласит, что развитие цифровой экономики в современных условиях стало «не просто одним из приоритетов стратегии развития, но, в значительной мере, условием обеспечения ее социальной и экономической стабильности, устойчивости в мире стремительно меняющихся технологий и новых вызовов» [4, с. 71].

Однако цифровизация экономики – это не только внедрение цифровых технологий, но и подготовка кадров, владеющих необходимыми цифровыми навыками, сетевыми свойствами. При этом сегодня все чаще речь заходит не только об усиливающейся востребованности работников с новыми профессиональными знаниями и навыками, не только о необходимости формировать у обучающихся новые сетевые компетенции, но и о том, что цифровая экономика будет влиять на перечень профессий в мире труда, что вскоре начнут исчезать традиционные и появляться новые, в том числе интегрированные профессии.

Как показали результаты обследования предприятий – членов Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга (далее – СПП СПб), проведенного в ноябре-декабре 2019 г. автором совместно с СПП СПб, почти 18% крупных предприятий Северной столицы, ожидают, что в ближайшие 5 лет у них серьезно (не менее чем на четверить) обновится перечень профессий работников, занятых на этих предприятиях.

Однако еще в больших масштабах прогнозируются изменения в квалификационных требованиях к работникам, в организации труда и системы управления на предприятиях. Причем изменения в организации трудового процесса, модернизация принципов, способов, технологий управления на разных уровнях ожидают в ближайшие пять лет более 60% предприятий – членов СПП СПб (*рис. 2*).

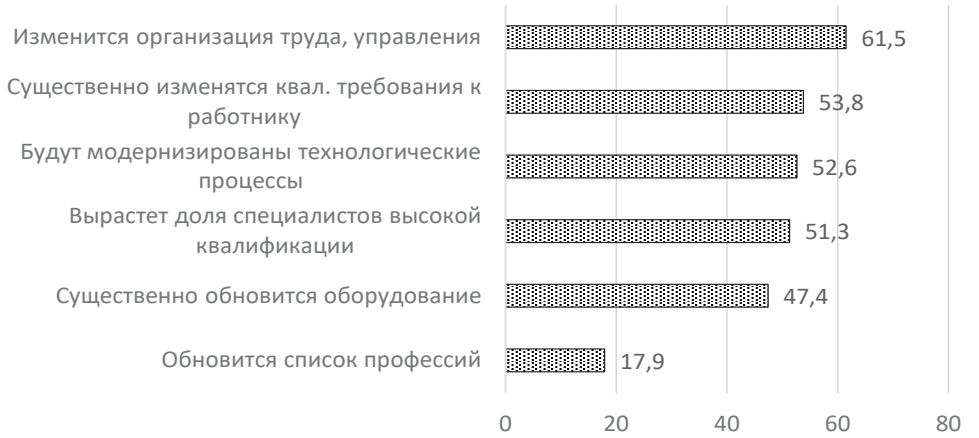


Рис. 2. Ожидания предприятий – членов СПП СПб – от цифровизации (удельный вес предприятий, ответивших утвердительно на вопрос «Как повлияет цифровизация на работу Вашего предприятия в ближайшие 5 лет и что изменится существенно (более чем на 25 %)?», %

Источник: расчеты автора и СПП СПб.

Дефицит в экономике работников, владеющих цифровыми навыками, обусловлен все еще сохраняющимся сравнительно низким уровнем наличия этих навыков у населения нашей страны в целом.

Как свидетельствуют данные статистики [5], в 2018 году немногим более двух пятых (41,1%) населения России в возрасте 15 лет и старше обладало умением работать на персональном компьютере с редактором «Word» или подобным ему. Что касается программ из того же офисного пакета, например Excel, то россиян, способных оперировать этими электронными таблицами, было в два раза меньше, чем умеющих обходиться с текстовым редактором (20,8%). Столько же жителей России освоило к тому времени программы для работы с цифровыми фотографиями, видео- и аудиофайлами (21,2%). По-прежнему на крайне низком уровне держится показатель удельного веса россиян, владеющих языками программирования, готовых к самостоятельной разработке программного обеспечения (*таблица*).

Уровень освоения населением Российской Федерации цифровых навыков (в % от общей численности населения в возрасте от 15 лет и старше)

Виды навыков	2015	2016	2017	2018
Работа с текстовым редактором	38,8	41,5	41,7	41,1
Работа с электронными таблицами	21,7	22,9	22,7	20,8
Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов	21,3	21,4	20,6	21,2
Подключение и установка новых устройств	8,4	8,9	9,7	9,8
Установка новой или переустановка операционной системы	2.8	2.7	3.0	2,7
Самостоятельное написание программного обеспечения с использованием языков программирования	1,0	1,0	1,2	1,1

Источник: [5, с. 24].

Сравнительно низкий уровень наличия у населения страны в целом цифровых навыков при том, что молодежь практически поголовно владеет бытовыми цифровыми устройствами типа смартфонов, говорит, во-первых, о том, что необходима государственная политика цифровизации экономики, во-вторых, о том, что освоение цифровых технологий в используемых в быту различных устройств для коммуникации еще не гарантирует быстрой адаптации молодых специалистов на предприятиях, внедряющих сложные современные производственные цифровые технологии.

Эти обстоятельства стали в том числе одним из оснований включения в Национальный проект «Цифровая экономика» нескольких федеральных программ («Цифровые технологии», «Кадры для цифровой экономики» и др.) с общим бюджетом 1634,9 млрд. руб. [4].

Мероприятия этих программ должны будут помочь населению страны активно осваивать современные цифровые технологии. Только в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» ожидается, что к 2024 году, во-первых, будет налажен ежегодный выпуск 120 тыс. специалистов с высшим образованием по направлениям подготовки, связанным с информационно-телекоммуникационными технологиями, во-вторых, система профессионального образования России сможет ежегодно выпускать до 800 тыс. специалистов с высшим и средним профессиональным образованием, обладающих компетенциями в области IT-технологий на среднемировом уровне.

Достижение этой цели позволит заметно увеличить в России долю работников, занятых в профессиях, связанных с интенсивным использованием информационно-коммуникационных технологий. Пока, по состоянию на 2018 год, удельный вес работников, связанных с интенсивным использованием информационно-коммуникационных технологий, в общей численности занятых составлял в Российской Федерации 2,5%. Для сравнения: в США этот показатель был на уровне 4,2%, в Великобритании – 4,9%, в Швеции – 5,9%, в Финляндии – 6,5% [6, с. 78].

Библиографический список

1. Доклад о состоянии делового климата в России в 2018 году / РСПП. М., март 2019. 131 с.
2. Иванов С.А., Светлов К.В Сетевые модели человеческого капитала в цифровой экономике // Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала: вузовско-академический сб. науч. тр. Вып. № 2 (18) / под ред. В.И. Сигова и С.В. Кузнецова. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 77-85.
3. Наука. Технологии. Инновации: 2020: крат. стат. сб. / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 88 с.
4. Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика России»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).
5. Цифровая экономика: 2020: крат. стат. сб. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М.Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с.
6. Цифровая экономика Российской Федерации: госпрограмма: утв. распор. Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

Информация об авторе

Иванов Сергей Анатольевич (Россия, Санкт-Петербург) – доктор экономических наук, зав. лабораторией проблем развития социального и экологического простран-

ства и воспроизводства трудовых ресурсов региона, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук (190013, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; ivanov.s@iresras.ru).

Ivanov S.A.

DIGITALIZATION OF ECONOMY: PROBLEMS AND PRIORITIES OF LABOUR FORCES DEVELOPMENT FOR ENTERPRISES

***Abstract**. Paper presents the results of the analysis of the problems of digitalization of the Russian economy; the data of a survey of enterprises of St. Petersburg on the prospects for the introduction of digital technologies are presented. Information on the availability of digital skills in the Russian population is provided. The necessity of developing network competencies of youth is shown.*

***Key words:** Digital economy, innovations, competencies, staff, priorities.*

Information about the author

Ivanov Sergei A. (Russia, St. Petersburg) – Doctor of Economics, Head of the Laboratory for the Development of Social and Ecological Space and the Reproduction of the Manpower of the Region of the Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (190013, St. Petersburg, ul. Serpukhovskaya, d.38; ivanov.s@iresras.ru).

References

1. Report on the state of the business climate in Russia in 2018. RSPP. Moscow. March 2019. 131 p.
2. Ivanov S.A. Svetlov K.V. Network models of human capital in the digital economy // Actual problems of labor and the development of human potential: University-academic collection of scientific papers. Issue № 2 (18) / Edited by V.I. Sigov and S.V. Kuznetsov. SPb : Publishing house of SPb SEU, 2019. P. 77-85.
3. Science. Technology. Innovations: 2020: a brief statistical compilation / L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, E.I. Evnevich and others; HSE University. M .: HSE, 2020. 88 p.
4. Passport of the National Program "Digital Economy of Russia". Approved by the Approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects (Minutes № 16 of December 24, 2018).
5. Digital economy: 2020: a brief statistical compilation / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg and others; HSE University. M.: HSE, 2020. 112 p.
6. The digital economy of the Russian Federation. Approved by order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 № 1632-r.

УДК 331.103/ББК 65.242.1

Кабакова Е.А.

ЦИФРОВЫЕ РАБОЧИЕ МЕСТА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

***Аннотация**. В статье отмечается влияние процесса цифровизации на различные сферы человеческой жизни, в особенности на сферу работы и рабочих мест. Автором обоснована актуальность исследования цифровых рабочих мест и важность их внедрения для успешной и продуктивной организации рабочих процессов и совершенствования трудовой деятельности.*

***Ключевые слова:** цифровые рабочие места, цифровизация, инновации на рабочих местах, инновации в рабочем пространстве, внедрение инноваций.*

На протяжении последних десятилетий явление цифровизации «захватило мир», проникая во все сферы жизнедеятельности людей. В настоящее время цифровые технологии оказывают влияние на жизнь каждого человека, заставляя менять привычный образ жизни и подстраиваться под быстро меняющийся мир. Процесс цифровизации не обошел стороной сферу работы и рабочих мест.

Рост интереса общественности к данному явлению способствовал исследованию различных аспектов процесса цифровизации, а также увеличению числа зарубежных и отечественных работ по заявленной тематике. Подтверждением актуальности и распространения исследований в этом направлении может служить статистика из международных наукометрических баз данных (МНБД) Web of Science и Scopus относительно количества публикаций, посвященных цифровым рабочим местам. В *таблице* представлена динамика числа публикаций по заявленной тематике начиная с момента появления первых документов в МНБД Scopus (1974 г.) и Web of Science (1991 г.) и заканчивая 2019 годом.

Распределение количества публикаций в МНБД Web of Science и Scopus по годам (ед.)*

Наименование МНБД	1974	1991	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Web of Science	-	1	6	5	19	25	77	168
Scopus	1	2	12	16	49	51	127	285

* Данные МНБД по состоянию на 18.03.2020 г.

В соответствии с данными, представленными в таблице, наблюдается планомерный прирост числа публикаций по тематике «цифровые рабочие места». Если в 1990-е гг. количество публикаций в обеих МНБД было незначительным, то, начиная с периода 2005–2010 гг., оно существенно выросло. О значительном увеличении числа публикаций по заявленной тематике мы можем судить при сравнении данных 2015 и 2019 гг.: как в Web of Science, так и в Scopus количество публикаций выросло в 2 раза.

Определенный интерес представляет распределение публикаций в МНБД Web of Science и Scopus по странам. По данным систем на 18.03.2020 наблюдается следующая картина по ранжированию стран, входящих в ТОП-5, относительно количества публикаций по тематике «цифровые рабочие места»:

- Web of Science : США (280 ед.), Великобритания (112 ед.), Германия (102 ед.), Австралия (97 ед.), Канада (42 ед.);
- Scopus: США (511 ед.), Великобритания (212 ед.), Германия (183 ед.), Австралия (131 ед.), Канада (71 ед.).

Как в Web of Science, так и в Scopus в перечень ТОП-5 входят одни и те же государства, имеющие лишь разное количество публикаций. Лидирующее положение в пятерке в обеих МНБД занимают США, а замыкает ТОП-5 Канада.

Россия не входит в первую пятерку стран, имеющих наибольшее количество публикаций по тематике «цифровые рабочие места», занимая 13 место в Web of Science (20 публикаций) и 14 позицию в Scopus (31 публикация), отставая от лидера в 14 и 16 раз соответственно. В связи с этим можно говорить о недостаточной разработанности этой тематики в России и об обоснованности перспектив исследования данного направления.

В 1993 году C. E. Grantham и L. D. Nichols в книге «The Digital Workplace: Designing Groupware Platforms»[1] описали термин «цифровое рабочее место». Цифровое рабочее место определяется как совокупность всех цифровых инструментов в учреждении, позволяющих сотрудникам выполнять свою работу и помогающих в функционировании и организации бизнеса [2]. Под цифровым рабочим местом понимаются вся информация, технологии, средства совместной работы и процессы, используемые работниками для выполнения работы на любом устройстве, в любое время и из любого места. Интеграция на рабочем месте таких технологий, как мобильные, облачные, аналитические и социальные инструменты, позволит сотрудникам работать быстрее и легче налаживать контакты и коммуникацию [1].

Внедрение инноваций в рабочее пространство и создание цифровых рабочих мест происходит повсеместно. Цифровые рабочие места являются удобным вариантом организации рабочих процессов как для руководителей, так и для работников, поскольку позволяют наладить коммуникацию между сотрудниками, работать с документацией в электронном виде и выполнять задачи за пределами офиса. Цифровое рабочее пространство помогает персоналу иметь доступ к необходимым данным и корпоративным сервисам, а также предоставляет удобные инструменты для обсуждения и согласования задач с коллегами. Цифровое рабочее место предполагает не только возможность продолжать работу вне офиса, но и способность рабочей среды адаптироваться под задачи сотрудников, раскрывая их творческий потенциал и способствуя проявлению активности в ходе выполнения поставленных перед ними задач. Цифровое рабочее пространство стимулирует развитие инноваций в организациях и увеличение продуктивности труда работников, помогает в привлечении и сохранении ценных кадров, а также является важным этапом цифровой трансформации бизнеса.

Цифровизация уже сейчас является неотъемлемой частью процесса организации рабочего процесса в большинстве предприятий и учреждений. Рано или поздно цифровые рабочие места заменят традиционные, поскольку при их правильном и удачном внедрении они повышают производительность, обеспечивают более эффективные способы деятельности, дают возможность сотрудникам быстрее достигать своих целей и результатов, а также повышают вовлеченность сотрудников в рабочий процесс. Учреждения и предприятия должны активно вливаться в процесс внедрения инноваций и цифровых технологий на рабочих местах, чтобы идти в ногу с происходящими в мире изменениями, повышать свою корпоративную культуру и оставаться конкурентоспособными.

---

[1] Grantham C. E., Nichols L. D. The Digital Workplace: Designing Groupware Platforms. New York: Van Nostrand Reinhold, 1993. 248 p.

Библиографический список

1. Attaran M., Attaran, Sh. & Kirkland D. (2019). The need for digital workplace: increasing workforce productivity in the information age. International Journal of Enterprise Information Systems, 15(1), 1-23. DOI: https://doi.org/10.4018/IJEIS.2019010101.
2. Perks M. (2015). Everything you need to know but were afraid to ask: the Digital Workplace. London: Unily. Available at: https://www.unily.com/media/23747/the-digital-workplace-guide-whitepaper.pdf.

Информация об авторе

Кабакова Елена Алексеевна (Россия, Вологда) – аспирант, заместитель заведующего отделом редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; vologdascience@gmail.com).

Kabakova E.A.

DIGITAL WORKPLACES: MYTH OR REALITY?

Abstract. *The article presents the impact of digitization on different spheres of human life, paying attention to the sphere of work and workplaces. The author marks the urgent character of researching digital workplaces and the significance of their implementation for successful and efficient organization of the working processes and improvement of labor activity.*

Key words: *digital workplaces, digitization, workplace innovation, implementing innovation.*

Information about the author

Kabakova Elena A. (Russia, Vologda) – postgraduate student, Deputy head of Editorial and Publishing Activity and Science-Information Support Department, Federal State Budgetary Institution of Sciences “Vologda research center of Russian academy of sciences” (56a Gorky str., Vologda, Russia 160014, vologdascience@gmail.com).

References

1. Attaran M., Attaran, Sh. & Kirkland D. (2019). The need for digital workplace: increasing workforce productivity in the information age. International Journal of Enterprise Information Systems, 15(1), 1-23. DOI: https://doi.org/10.4018/IJEIS.2019010101.
2. Perks M. (2015). Everything you need to know but were afraid to ask: the Digital Workplace. London: Unily. Available at: https://www.unily.com/media/23747/the-digital-workplace-guide-whitepaper.pdf.

УДК 658.8

Карпченко Ю.В.

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЫНКА СБЫТА

Аннотация. *Рассматривая определение «малый бизнес», можно подумать, что это всего лишь бизнес, осуществляющийся в малых формах, а базой в данном случае будет являться деятельность, которая носит предпринимательский характер. Но это не совсем так, необходимо обратить внимание и на то, что в данное определение не включена совокупность структурированных предпринимательских талантов.*

Ключевые слова: *маркетинговый рынок, маркетинговое исследование, сбыт, рынок, конкуренция, ценовая политика.*

Оценка рынка сбыта представляется обязательным компонентом в списке данных, нужных для принятия каждого стратегического решения: вводить новый продукт или услугу, как продвигать продукт или услугу на новом рынке, как проводить рекламную деятельность и т. д.

Проведение маркетинговых анализов продаж услуг представляется запланированным мероприятием перед любой рекламной кампанией.

В то же время затраты на подобную экспертизу целесообразны в силу следующих положительных сторон:

- минимизация расходов для достижения установленных целей;
- минимизация торговых рисков;
- расценка стратегии и тактики работы компании;
- избрание наиболее действенных коммуникационных каналов, направленных на целевую аудиторию;
- выбор подходящего сегмента для продвижения продуктов и услуг;
- завоевание конкурентных преимуществ;
- подбор системы ценностей предоставления услуг;
- установление характера жизненного цикла товара или услуг.

После определения целей маркетинговых исследований можно выбрать подходящие источники информации и разработать план их получения [2, с. 37].

Следующие вопросы могут быть получены из предпринимательских сфер деятельности:

1. Большой диапазон. Для определения необходимого размера ассортиментной линии необходимо оценить спрос и предложение, их характер и реакцию рынка на изменения цены, качества, появление новой продукции и другие факторы.

2. Каналы и распределительные сети: каналы и объемы продаж по рынку / области, время насыщенности клиентов, структура продаж нашей компании и наших конкурентов, возможность их расширения и совершенствования, привлечения клиентов, независимо от канала и т. д.

3. Оценка ценовой политики включает анализ следующих параметров: цена / качество конкурирующей продукции, оценка ценовых сегментов и их преимуществ, структура затрат товаров и т.д.

4. Потребность в клиентском обслуживании и влияние его доступности на спрос на продукты/услуги. В этой области исследований рынка проводится анализ жизненного цикла и доходность клиентов для затрат на послепродажное обслуживание.

5. Маркетинговые коммуникации. Это направление маркетинговых исследований позволяет определить эффективность воздействия на целевую аудиторию по

всем доступным каналам связи. Как правило, достаточно охватить все или большинство аудиторий при использовании различных каналов маркетингового комплекса, это позволяет разрабатывать и оценивать стратегию, тактику и отдельные мероприятия по продвижению услуг [1, с. 120].

Маркетинговые исследования и маркетинг могут проводиться внутри компании (маркетинговой службой). В качестве альтернативы она позволяет аутсорсинг этой задачи и проведение исследовательских работ через организацию третьих лиц, профессионально занимающуюся исследованиями рынка.

Компания заинтересована в том, чтобы получить грамотную и достоверную информацию и объективный анализ, так как они будут служить в качестве основы для разработки программы продвижения услуг на рынке.

Маркетинговая деятельность может осуществляться как внутри страны, так и вне ее. Если внутренние ресурсы позволяют оценить параметры производственного цикла услуг, то внешние источники предоставляют информацию о положении на рынке.

Список внешних источников содержит информацию обо всех видах поддержки. Это радио и телеканалы, корпоративные, торговые, игровые, отраслевые и социальные сайты средств массовой информации, инсайдерская информация, компании, публикации, конференции, выставки, семинары, коммуникационные сети и личные встречи.

Большинство доступов – это как периодическая пресса и средства массовой информации отрасли, так и информация на веб-сайтах и в Интернете. Эти источники доступны бесплатно или не требуют особых усилий по приобретению. Как показывает практика, информационные данные – это инсайдерская информация, доступная только через сеть личных контактов и поставщиков информации на коммерческой основе.

Определение дальнейшей стратегии продвижения продаж компании помогает в анализе всех аспектов продаж и участников. Это самый простой путь к успеху и увеличению продаж компании.

Маркетинговые исследования рынка товаров позволяют изучить:

- удовлетворенность потребителей продуктом такого сегмента;
- новые потребности потенциальных покупателей;
- географию товаров данного сегмента и потребителей;
- место продукта конкретной компании на рынке;
- недостатки и преимущества товаров компании-исследователя и конкурентов.

Когда компания проводит маркетинговое исследование спроса на услугу, эта работа фокусируется на потребителе. Основная задача этого исследования – изучение целевых аудиторий.

Особое внимание уделяется следующим пунктам, таким как:

- изучение интересов и потребностей целевых аудиторий;
- анализ факторов, влияющих на решение потенциального клиента;
- изучение географии покупателей;
- составление портрета потенциального клиента: возраст, пол, социальный статус, интересы, увлечения, карьера и т.д.).

Конкуренция – главный двигатель общественного прогресса. Поскольку компания существует в маркетинговой среде, она постоянно развивается. И в первую очередь к этому приводит не новая потребность компании, а конкурентоспособ-

ность, поэтому этот вид работы является обязательным и требует регулярности. В противном случае компания просто не выживет [3, с. 45].

В рамках маркетинговых исследований конкуренты компании могут узнать:

- о ценовой политике других компаний в этом направлении;
- качественных характеристиках товаров или услуг;
- стратегиях продвижения продукции и развитии конкурирующих компаний в целом.

Эта работа может быть выполнена как поверхностно, так и глубже. Это, конечно, влияет на качество и объем результатов и стоимость самих исследований.

Для того чтобы бизнес процветал, продукт или предлагаемая услуга должны быть проданы. К тому же в лучших условиях. Для этого было проведено исследование рынка. Таким образом, можно выбрать лучшие каналы продаж.

В ходе маркетинговых исследований изучаются исторические и географические особенности рынка, а также экономические перспективы. Я имею в виду, что мы наблюдаем тенденцию развития рынка и по сей день, его перспективы на будущее. Кроме того, учитывались характеристики потребителей, особенности рынка сбыта.

Во время исследования рынка необходимо сначала определить тип рынка для каждого продукта или услуги. При выборе правильного рынка предпринимательской инициативы и определении особенностей работы на этом рынке бизнес-планирование должно основываться на рыночной классификации. При определении рынка его особенности расписаны, т. е. стадия развития рынка (вверх или обратного развития), исторические и экономические причины существования рынка, территориальное расположение рынка (регион и концентрация населения), развитие рынка (экономические, правовые и т. д.).

При анализе рынка сбыта изучается его структура, т. е. проводится сегментация рынка – разделение общей совокупности потребителей на определенные группы (сегменты), которые характеризуются общими требованиями, требованиями к продукции и мотивами покупки. Успех компании в конкурентной борьбе за рынок во многом зависит от правильного выбора сегмента рынка. Практическое применение методов сегментации требует поиска оптимального соотношения между процессами стандартизации и дифференциации продукта.

Бизнес-план содержит основных потребителей и принципы сегментации рынка. Следует отметить, что он привлекает типичного покупателя данного сегмента.

Цель любого исследования рынка – оценить текущие рыночные условия и разработать предварительную оценку развития рынка. На этом этапе оценивается количество клиентов в каждом выбранном сегменте, спрос, емкость рынка и удовлетворенность спросом. На основе этих данных выбираются наиболее выгодные для компании сегменты: целевые рынки. На основе данных рыночной оценки выбираются наиболее прибыльные сегменты компании. Перспективным может считаться сегмент примерно с 20% покупателей на этом рынке, покупающий 80% предлагаемых компанией товаров. Также рассматривается положение компании на рынке.

Библиографический список

1. Армстронг Г. Основы маркетинга. М.: Вильямс И.Д., 2019. 752 с.
2. Болт Г. Дж. Практическое руководство по управлению сбытом. М.: Экономика. 2018. 272 с.
3. Гуркина С.М. Использование ключевых показателей эффективности деятельности предприятий // Вестник науки и образования. 2017. № 1 (25). 258 с.

Информация об авторе

Карпченко Юлия Владимировна (Россия, Тула) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (300026, Тульская область, Тула, пр. Ленина, д. 125; juliya-80@list.ru).

Karpchenko Ju. V.

MARKETING RESEARCH OF THE SALES MARKET

***Abstract**. Considering the definition of "small business", you might think that this is just a business that is carried out in small forms, and the basis in this case will be an activity that is entrepreneurial in nature. However, this is not exactly the case, it is necessary to pay attention to the fact that this definition does not include a set of structured entrepreneurial talents.*

***Key words:** marketing market, marketing research, sales, market, competition, pricing policy.*

Information about the author

Karpchenko Juliya V. (Tula, Russia) – candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of Economics and management of the Tula state pedagogical University. L. N. Tolstoy (juliya-80@list.ru).

References

1. Armstrong G. Fundamentals of marketing / G. Armstrong. M.: Williams I. D., 2019. 752 c.
2. Bolt H. G. Wells. Practical guide to sales management. Moscow: Economics 2018. 272 c.
3. Gurkina S. M. Using key performance indicators for enterprises // Bulletin of science and education. 2017. № 1 (25). 258 PP.

УДК 331.104; 331.108; 331.552 /ББК 65.495

Крошилин С.В.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ПОТРЕБНОСТИ В МЕДИЦИНСКОМ ПЕРСОНАЛЕ

Аннотация. *Прогнозная модель развития кадрового потенциала столичного здравоохранения строится исходя из различных подходов, которые могут быть использованы для моделирования и прогнозирования баланса трудовых ресурсов в рассматриваемой отрасли. Все значения, которые представлены в модели, рассчитываются в среднегодовом исчислении с применением статистических методов, методов экстраполяции и оценок экспертов.*

Ключевые слова: *потребность в кадрах, кадровый потенциал, кадровый резерв, медицинские работники.*

При оценивании баланса трудовых ресурсов осуществлялось сопоставление численности медицинских работников с различными показателями (например, численность должностей в целом по организации, число физических лиц основных работников на занятых должностях, работников, имеющих квалификационную категорию, сертификат специалиста, работников в подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях, оказывающих медицинскую помощь в стационарных условиях и тд., исходя из данных, представленных в форме №30 «Сведения о медицинской организации» (в редакции приказа Росстата от 3.08.2018 г. № 483). Данные для построения модели и прогноза были представлены за период с 2014 по 2018 г. [1].

Алгоритм построения модели и прогноза [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]:

1. При построении модели на первом этапе был проведен предмодельный анализ. На основе ФФСН №30 «Раздел II. Штаты медицинской организации» рассчитывались половозрастные показатели по категориям медицинских работников: врачи и средние медицинские работники. Для этого были использованы три метода: экстраполяция, метод скользящей средней и передвижки возрастов.

2. На основе данных ФФСН №30 «Раздел II. Штаты медицинской организации» показатель «число физических лиц основных работников на занятых должностях» (измеряется в чел.) был рассчитан (построен) прогноз дефицита кадровых ресурсов по трем категориям медицинского персонала: врачи, средний и младший медперсонал. Для этого были использованы три метода: скользящей средней, передвижки возрастов и метод экспоненциального сглаживания.

3. На основе данных ФФСН №30 «Раздел II. Штаты медицинской организации» показателей «число должностей в целом по организации (штатных)» и «число должностей в целом по организации (занятых)» (измеряется в чел.) был рассчитан (построен) прогноз укомплектованности врачами (физическими лицами) по трем категориям медицинского персонала: врачи, средний и младший медперсонал. Измеряется в процентах (*см. формулу 1*).

$$У_{ФЛ} = ЧД_{(занятых)} / ЧД_{(штатных)*} \cdot 100, \quad (1)$$

где $У_{ФЛ}$ – показатель укомплектованности врачами (физическими лицами);

$ЧД_{(занятых)}$ – число должностей в целом по организации (занятых);

$ЧД_{(штатных)}$ – число должностей в целом по организации (штатных).

Для построения прогноза по данному показателю были использованы три метода: скользящей средней, передвижки возрастов и метод экспоненциального сглаживания.

4. На основе данных ФФСН №30 «Раздел II. Штаты медицинской организации» показателей «число должностей в целом по организации (штатных)», «число должностей в целом по организации (занятых)» и рассчитанного показателя «дефицит по должностям» (измеряется в чел.) (*см. формулу 2*) был рассчитан (построен) прогноз показателя «относительный дефицит» по должностям по трем категориям медицинского персонала: врачи, средний и младший медперсонал. Измеряется в процентах (*см. формулу 3*).

Показатель дефицита по должностям рассчитывается по формуле:

$$Д_Д = ЧД_{(штатных)} - ЧД_{(занятых)}, \quad (2)$$

где $Д_Д$ – показатель дефицита по должностям;
$ЧД_{(занятых)}$ – число должностей в целом по организации (занятых);
$ЧД_{(штатных)}$ – число должностей в целом по организации (штатных).

Показатель «относительный дефицит» по должностям рассчитывается по формуле:

$$ОД_Д = Д_Д / ЧД_{(штатных)}, \quad (3)$$

где: $ОД_Д$ – показатель «относительный дефицит по должностям»;
$Д_Д$ – показатель дефицита по должностям;
$ЧД_{(штатных)}$ – число должностей в целом по организации (штатных).

Для построения прогноза по данному показателю были использованы три метода: скользящей средней, передвижки возрастов и метод экспоненциального сглаживания.

Полученные результаты по модели и прогнозные значения показателей

Применение модели развития кадрового потенциала столичного здравоохранения к статистическим данным за период 2014–2018 гг. из формы №30 «Сведения о медицинской организации» (в редакции приказа Росстата от 3.08.2018 г. № 483), предоставленным НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы, позволило получить показатели численности медицинских работников по должностям по нескольким категориям (врачи, средний и младший медперсонал). Использование формализованных методов прогнозирования и индивидуальных экспертных оценок позволило построить прогноз анализируемых показателей на 2019, 2020, 2025 и 2030 годы [1].

Анализ половозрастных показателей по категориям медицинских работников

Количество врачей существенно не меняется. Самое значительное изменение было в 2015 году, когда их численность сократилась чуть не на 4,3 тыс. чел. Однако в 2018 году наблюдается положительный тренд – их стало больше на 1,7 тыс. чел. по сравнению с 2015 годом. В 2020 году можно ожидать небольшое падение показателя численности врачей до уровня 2017 года. Почти на 8 тыс. чел. сократилось количество среднего медицинского персонала в 2015 году по сравнению с 2014 г. Если подобный тренд сохранится, то в 2020 году численность среднего медицинского персонала может составить чуть более 61 тыс. чел.

Половая структура медицинских работников по категории «врачи» остается практически неизменной в соотношении 30% мужчин к 70% женщин, что обусловлено профессиональной отраслевой спецификой. Половая структура медицинских работников по категории «средние медицинские работники» также не изменяется за рассматриваемый и прогнозный периоды, но долевое соотношение иное: в среднем 10% мужчин к 90% женщин. Следует отметить, что количество средних медицин-

ских работников мужского пола остается практически неизменным за анализируемый период, а количество медперсонала женского пола постоянно сокращается. Рассчитанные долевые показатели по возрастным группам позволяют определить общую тенденцию к «омоложению» медицинских работников по категории «врачи». Если в 2014 году 1/4 врачей были в возрасте до 36 лет, а каждый пятый относился к возрастной когорте 36-45 лет, то 2019 году их станет в 1,2 раза больше. А к 2030 году «молодые возрастные категории» (до 36 и 36–45 лет) составят 2/3 всей численности врачей. Доля врачей предпенсионного и пенсионного возраста (56–60 лет и 61 и более) в долгосрочной перспективе к 2030 году сократится практически на 10% и составит 6,7% для категории «61 и более» и 8,3% для «56–60».

Возрастная структура медицинских работников по категории «средние медицинские работники» изменится незначительно по сравнению с врачами. Тенденции к «омоложению» не наблюдается, однако доля возрастной когорты 46–50 лет увеличится на 7% в долгосрочной перспективе (2030 год). Незначительно возрастет когорта 51–55 лет, а доля пенсионеров предпенсионного возраста сократится практически на половину и составит в 2030 году 4,8 и 7,1% по категориям «61 и более» и «56–60» соответственно.

Таким образом, анализ половозрастных показателей по категориям медицинских работников выявил несколько тенденций:

1. Количество врачей существенно не меняется и к 2020 году останется на уровне 2017, 2018 гг. Есть тенденция к сокращению численности среднего медицинского персонала: к 2020 году она может составить чуть более 61 тыс. человек.

2. Половая структура врачей остается практически неизменной в соотношении 30% мужчин к 70% женщин, в категории «средние медицинские работники» работников мужского пола еще меньше – в среднем 10% к 90%.

3. Есть общая тенденция к «омоложению» медицинских работников по категории «врачи»: к 2030 году «молодые возрастные категории» (до 36 и 36–45 лет) составят 2/3 всей численности врачей, а доля когорты предпенсионного и пенсионного возраста сократится практически на 10%.

4. Возрастная структура среднего медицинского работника изменится незначительно к 2030 году: доля возрастной когорты «46–50» увеличится на 7%, а доля когорты предпенсионного возраста и пенсионеров сократится практически наполовину.

Далее при построении модели был проведен статистический анализ числа физических лиц основных работников на занятых должностях по массиву данных по организациям, подведомственным Департаменту здравоохранения города Москвы (таблица 1100 из ФФСН №30 «Раздел II. Штаты медицинской организации»). Из всего представленного массива были выделены для анализа 44 должности (акушеры-гинекологи, аллергологи-иммунологи, анестезиологи-реаниматологи, генетики, инфекционисты, кардиологи, кардиологи детские, неврологи, нейрохирурги, общей практики (семейные), онкологи, онкологи детские, оториноларингологи, офтальмологи, патологоанатомы, педиатры, педиатры участковые, приемного отделения, психиатры, психиатры детские, психиатры подростковые, психиатры-наркологи, психотерапевты, рентгенологи, скорой медицинской помощи, стоматологи, стоматологи детские, стоматологи-ортопеды, стоматологи-терапевты, стоматологи-хирурги, терапевты, терапевты участковые, ультразвуковой диагностики, урологи, физиотерапевты, хирурги, хирурги детские, хирурги пластические, хирурги сердечно-сосудистые, хирурги торакальные, хирурги челюстно-лицевые, эндокринологи, эндокринологи детские, эпидемиологи) по категории «врачи», 22 специальности (акушерки,

зубные врачи, зубные техники, медицинские сестры, врачей общей практики (семейные врачи), диетические, медицинская сестра (фельдшер скорой помощи), операционные палатные (постовые), патронажные, перевязочной, по массажу, приемного отделения, процедурной, старшие, стерилизационной, участковые врачи-терапевты, участковые врачи-педиатры, по физиотерапии, по функциональной диагностике, фельдшеры, фельдшеры скорой медицинской помощи) по категории «средний медперсонал» и 2 (младшие медсестры, санитары) – по категории «младший медперсонал». Выбор указанных наименований должностей (специальностей) был осуществлен исходя из возможности проведения статистического анализа и построения прогноза в соответствии с построенным массивом данных, в том числе по причинам отсутствия некоторых показателей, невозможности построения временных рядов (отсутствие показателей за некоторые годы).

Построение прогнозной модели позволило оценить показатель числа физических лиц основных работников на занятых должностях, который в статистическом массиве представлен абсолютным показателем «количество человек». Прогноз числа физических лиц основных работников на занятых должностях в краткосрочной (2020 г.), среднесрочной (2025 г.) и долгосрочной перспективе (2030 г.).

По трем рассматриваемым категориям медицинских работников (врачи, средний медперсонал, младший медперсонал) наблюдается тенденция к уменьшению численности. Количество врачей практически остается неизменным, и в долгосрочной перспективе сокращение составит всего лишь 1,1 раза. В 1,5 раза сократится количество среднего медперсонала к 2030 году, самое существенное сокращение наблюдается в категории медработников «младший медперсонал». При сохранении современной негативной тенденции в долгосрочной перспективе сокращение будет в 8 раз от показателей 2014 года, или 1,2 раза относительно показателей в 2018 году.

Для детальной проработки отдельных работников на занятых должностях весь статистический массив по врачам был разделен на 4 группы (по 11 должностей в каждой). Группы были сформированы исходя из сортировки по возрастанию степени востребованности в той или иной специальности в краткосрочной (2020 г.), среднесрочной (2025 г.) и долгосрочной (2030 г.) перспективах.

Проведем анализ первой (самой востребованной) и четвертой (самой не востребованной) групп. Самыми востребованными можно считать врачей общей практики (семейные врачи), с каждым годом потребность в них только возрастает, и при современной тенденции их количество должно будет увеличиться практически в 3 раза (с 2940 в 2018 г. до 8643 в 2030 г.). На втором месте – врачи педиатры, потребность в них возрастет в 1,4 раза (с 4475 в 2018 г. до 6157 в 2030 г.). На третьем месте – врачи анестезиологи-реаниматологи с аналогичными темпами возрастания потребности (с 2931 в 2018 г. до 2823 в 2030 г.). На четвертом и пятом местах – врачи акушеры-гинекологи и педиатры участковые соответственно. В четвертой группе – врачи с минимальным уровнем востребованности: на 18% снизится потребность в психотерапевтах, почти в 2 раза – в детских стоматологах и в 3 раза – стоматологах-ортопедах. Замыкают группу хирурги торакальные, психиатры подростковые и хирурги пластические, количественные показатели по которым самые низкие.

Анализ среднего медицинского персонала на занятых должностях был проведен с аналогичным разделением на 2 группы (по 11 должностей в каждой). Группы были сформированы исходя из сортировки по возрастанию степени востребованности в той или иной специальности в краткосрочной (2020 г.), среднесрочной (2025 г.) и долгосрочной (2030 г.) перспективах. Проведем анализ первой (самой востребован-

ной) группы. Самыми востребованными можно считать медицинских сестер, несмотря на падение их численности в статистическом массиве данных, потребность в них остается достаточно высокой. На втором месте – фельдшеры, потребность в которых возрастает с каждым годом. На третьем – палатные (постовые) сестры. Также увеличивается потребность в фельдшерах скорой медицинской помощи. Значительно снижается потребность (показатели второй группы) в диетических и медицинских сестрах (фельдшер скорой помощи), а также в зубных врачах – они попали на последние позиции во второй группе среднего медперсонала в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Анализ младшего медицинского персонала показал, что сохраняется общая тенденция к сокращению его численности как по санитарам, так и младшим медсестрам. По первой рассматриваемой специальности снижение в долгосрочной перспективе (2030 г.) может привести к двухкратному сокращению, а по второй – почти в 1,3 раза.

Далее при построении модели был проведен статистический анализ показателей и рассчитана *Укомплектованность врачами (физическими лицами)* в долевом соотношении на основе данных таблицы 1100 (ФФСН №30 «Раздел II. Штаты медицинской организации»).

По трем рассматриваемым категориям медицинских работников (врачи, средний медперсонал, младший медперсонал) наблюдается достаточно стабильный тренд в показателе укомплектованности персоналом (физическими лицами). Доля по категории «врачи» имеет положительную тенденцию к увеличению: с 66,8% в 2014 году до 79,6% в 2020 году (прогноз). Средний медперсонал практически не изменяет свой показатель и остается в пределах 78%. Младший медперсонал, несмотря на небольшое падение показателя в 2017 году до уровня 56% (66% в 2015 году), в краткосрочной перспективе в 2020 году достигнет показателя почти 67% (при сохранении тенденции). Для детальной проработки отдельных работников на занятых должностях весь статистический массив по врачам был разделен на 4 группы. Группы были сформированы исходя из сортировки по возрастанию степени укомплектованности (физическими лицами) в той или иной специальности в краткосрочной (2020 г.), среднесрочной (2025 г.) и долгосрочной (2030 г.) перспективах. Проведем анализ первой (в меньшей степени укомплектованности) и четвертой (самой укомплектованной) групп. Менее всего укомплектованными можно считать врачей пластической хирургии – 27,7% в 2018 г. и согласно прогнозу – 28,0% в 2020 г. На втором месте – психотерапевты: 38,4% (2018 г.) и 30,8% (2020 г.), на третьем – психиатры подростковые: почти 60% к 2020 году.

Гораздо лучше ситуация с укомплектованностью врачей в четвертой группе: кардиологи (88,2%), офтальмологи (91,9%), эндокринологи (94,5%) – это показатели на 2018 год; в прогнозной перспективе на 2020 год показатели достигнут 92,3; 93,1; 94,7 и 95,6% соответственно. Самыми укомплектованными можно считать участковых педиатров: в настоящее время их показатель составляет выше 95%, а в перспективе достигнет практически 100%. Менее укомплектованными (физическими лицами) среди среднего медперсонала можно считать зубных врачей (74,4% сейчас и менее 70% в перспективе). На втором месте – фельдшеры скорой медицинской помощи (почти 80% сейчас и чуть меньше в будущем). На третьем – врачи общей практики (семейный врач): около 78%. Хорошие показатели укомплектованности у терапевтов участковых (80,7% в 2018 г., 95,1% в 2020 г.), среднего медперсонала по функциональной диагностике (86,4% в 2018 г., 96,5% в 2020 г.) и у зубных техников (86,1% в 2018 г., 98,0% в 2020 г.). У младшего медицинского персонала тенденция по укомплектован-

ности (физическими лицами) среди специальностей «младшие медсестры и санитары» имеет противоположную динамику. У первой категории работников показатель растет с 69,5 в 2018 году до 75,1 в прогнозном 2020 г. и, наоборот, у санитаров: уменьшается с 57,% в 2018 году до 51,0% в 2020 г.

Далее был рассчитан дефицит кадровых ресурсов на основе данных таблицы 1100 (ФФСН №30 «Раздел II. Штаты медицинской организации»). По трем рассматриваемым категориям медицинских работников (врачи, средний медперсонал, младший медперсонал) наблюдается достаточно стабильный тренд в показателе «дефицит кадровых ресурсов».

Доля по категории «врачи» имеет положительную тенденцию к снижению в 2018 году до 13,7%, чуть больше – в долгосрочной перспективе (13,8% в 2030 году). Средний медперсонал имеет незначительный прирост в данном показателе: с 11,9% в 2018 году до 15,6% в 2030-м. Практически не изменяет свой показатель младший медперсонал, несмотря на небольшое падение показателя в 2018 году до уровня 21,8%, в долгосрочной перспективе он увеличится до 32,1% в 2030 году (при сохранении тенденции). Для детальной проработки отдельных категорий работников по показателю «дефицит кадровых ресурсов» весь статистический массив по врачам был разделен на 4 группы. Группы были сформированы исходя из сортировки по убыванию степени дефицита кадровых ресурсов в той или иной специальности в краткосрочной (2020 г.), среднесрочной (2025 г.) и долгосрочной (2030 г.) перспективах. Проведем анализ первой (более «дефицитной») и четвертой (менее «дефицитной») групп. Дефицит кадровых ресурсов (согласно полученным исходным данным и при сохранении имеющихся тенденций) испытывают врачи психотерапевты – 50,2% в 2018 г. и согласно прогнозу – 72,7% в 2030 г. На втором месте – пластической хирурги: 69,3% (2018 г.) и 72,6% (2030 г.). На третьем месте – психиатры детские: 55,5% к 2020 году.

Гораздо лучше ситуация с дефицитом кадровых ресурсов врачей в четвертой группе: акушеры-гинекологи (7,4%), хирурги челюстно-лицевые (3,9%), хирурги торакальные (3,2%) – это показатели на 2018 год; в долгосрочной перспективе на 2030 год показатели достигнут 3,4; 2,7 и 2,7% соответственно. Лучше ситуация с дефицитом кадровых ресурсов среди среднего медперсонала. В тройку самых «дефицитных» входят: зубные врачи – 27,3% в 2018 и 38,0% в долгосрочной перспективе (2030 год). На втором месте – СМП участковых врачей-педиатров: 13,4% в 2018 г. и 21,3% в 2030 г. На третьем – СМП по массажу: 15,2% в 2018 г. и 20,0% в 2030 г. Во второй группе среднего медперсонала практически нет дефицита как в настоящее время, так и в долгосрочной перспективе у СМП операционные, фельдшеры, фельдшеры скорой помощи – показатели в 2030 году составят 6,4; 4,1 и 2,5% соответственно. Среди младшего медицинского персонала тенденция дефицита кадровых ресурсов наблюдается лишь у санитаров: показатель ежегодно растет – почти с 30% в 2018 году до 49,3% в 2030 г. С младшими медсестрами отрицательной динамики нет, у этой категории медработников показатель стабильно держится на уровне 15–16%.

Библиографический список

1. Проблемы и перспективы кадрового обеспечения московского здравоохранения / О. А. Александрова, А.В. Ярашева, Е.И. Медведева, С.В. Крошилин, Н.В. Аликперова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Том 13. № 1. С. 174-190.
2. Шматко Н.А. Компетенции инженерных кадров: опыт сравнительного исследования в России и странах ЕС // Форсайт. 2012. № 4. Т. 6. С. 32–47.

3. Методы планирования и прогнозирования кадровых ресурсов здравоохранения в условиях обязательного социального медицинского страхования: метод. рек. / сост.: В.В. Койков, Т.Б Турумбетова, Н.С. Жашкенова и др. Астана: Республиканский центр развития здравоохранения, 2016. 41 с.
4. Шаршакова Т. М., Петрова Н. П., Соболева Л. Г. Методы статистического анализа здоровья населения и деятельности организаций здравоохранения. Организация статистического исследования. Этапы статистического исследования. Графические изображения в статистике: учеб.-метод. пособие для студентов 4 курса высших медицинских учебных заведений всех факультетов. Гомель: Гомельский государственный медицинский университет, 2008. 40 с.
5. Турумбетова Т.Б., Калиева М.А., Абдрахманова А.О. Методика расчета потребности в медицинских кадрах системы здравоохранения РК: Методические рекомендации. Астана. 2013.
6. ACMMP (2010), Capaciteitsplan 2010. Deelrapport 2: Huisartsgeneeskunde [Capacity Plan 2010. Report Part 2: General Practice], Capaciteitsorgaan, Utrecht, http://www.capaciteitsorgaan.nl/Portals/0/capaciteitsorgaan/publicaties/capaciteitsplan2010/Deelrap2_Huisartsgeneeskunde.pdf.
7. Blumentahl D. Geographic imbalances of physician supply: an international comparison, Journal of Rural Health 2014;10 (2): P. 109-118
8. Cohen M, Ferrier B, Woodward C, and Goldsmith C. Gender differences in practice patterns of Ontario family physicians. Journal of the American Medical Women's Association 2011; 46(2). P. 49-54
9. Expert Panel on Projection of Supply and Demand for Nurses (2010), 7th Projections of Supply and Demand for Nurses. Ministry of Health, Labour and Welfare, Tokyo http://www.mhlw.go.jp/stf/houdou/2r9852000000z68f-img/2r9852000000z6df.pdf.
10. Singh, D. et al. (2010), Ontario Population Needs-Based Physician Simulation Model, Ministry of Health and Long-Term Care and the Ontario Medical Association, Toronto, http://www.healthforceontario.ca/UserFiles/file/PolicymakersResearchers/needs-based-model-report-oct-2010-en.pdf.

Информация об авторе

Крошилин Сергей Викторович (Россия, Коломна) – кандидат технических наук, доцент кафедры менеджмента и экономики, Государственный социально-гуманитарный университет (140410, Коломна, ул. Зеленая, д. 30; mgosgi@gmail.com); старший научный сотрудник лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН РАН.

Kroshilin S.V.

METHODOLOGY FOR ANALYZING THE NEED FOR MEDICAL PERSONNEL

Abstract. *The forecast model for the development of human resources in the capital's healthcare sector is based on various approaches that can be used to model and forecast the balance of labor resources in the industry in question. All values presented in the model are calculated on an annual average using statistical methods, extrapolation methods, and expert estimates .*

Key words: *need for personnel, personnel potential, personnel reserve, medical workers.*

Information about the author

Kroshilin Sergey V. (Russia, Kolomna) – candidate of technical Sciences, associate Professor of the Department of Management and Economics, State social and humanitarian

University (30 Zelenaya str., Kolomna, 140410; mgosgi@gmail.com); Senior researcher at the behavioral Economics research Laboratory of isepn RAS.

References

1. Alexandrova O. A., Yarasheva A.V., Medvedeva E. I., Kroshilin S. V., Alikperova N. V. Problems and prospects of personnel support for Moscow healthcare // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2020. Volume 13, № 1. Pp. 174-190.
2. Shmatko N. A. Competence of engineering personnel: experience of comparative research in Russia and EU countries // foresight. 2012. № 4. Vol. 6. Pp. 32-47.
3. Methods of planning and forecasting human resources of health care in the conditions of mandatory social health insurance: Method.rivers'. / Comp.: V. V. Koikov, T. b Turumbetova. № 4. S. Zhashkenova, etc. Astana: Republican center for health development, 2016. 41 p.
4. Methods of statistical analysis of population health and the activities of health organizations. Organization of statistical research. Stages of statistical research. Graphic images in statistics: textbook.-method. Handbook for 4th year students of higher medical educational institutions of all faculties / T. M. Sharshakova, N. P. Petrov, L. G. Soboleva. Gomel: Gomel state medical University. 2008. 40 p.
5. Turumbetova T. B., Kalieva M. A., Abdrakhmanova A. O. Method of calculating the need for medical personnel in the healthcare system of the Republic of Kazakhstan / Methodological recommendations. Astana. 2013.
6. ACMMP (2010), Capaciteitsplan 2010. Deelrapport 2: Huisartsgeneeskunde [Capacity Plan 2010. Report Part 2: General Practice], Capaciteitsorgaan, Utrecht, http://www.capaciteitsorgaan.nl/Portals/0/capaciteitsorgaan/publicaties/capaciteitsplan2010/Deelrap2_Huisartsgeneeskunde.pdf.
7. Blumentahl D. Geographic imbalances of physician supply: an international comparison, Journal of Rural Health. 2014. №10 (2): 109-118
8. Cohen M, Ferrier B, Woodward C, and Goldsmith C. Gender differences in practice patterns of Ontario family physicians. Journal of the American Medical Women's Association 2011. № 46(2): 49-54
9. Expert Panel on Projection of Supply and Demand for Nurses (2010), 7th Projections of Supply and Demand for Nurses. Ministry of Health, Labour and Welfare, Tokyo http://www.mhlw.go.jp/stf/houdou/2r9852000000z68f-img/2r9852000000z6df.pdf.
10. Singh, D. et al. (2010), Ontario Population Needs-Based Physician Simulation Model, Ministry of Health and Long-Term Care and the Ontario Medical Association, Toronto, http://www.healthforceontario.ca/UserFiles/file/PolicymakersResearchers/needs-based-model-report-oct-2010-en.pdf.

УДК 364.4.025.22/ББК 60.99

Панкова И.А., Попова В.И.

К ВОПРОСУ О ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ОГРАНИЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЗДОРОВЬЯ

***Аннотация**. В статье представлена краткая характеристика лиц, имеющих ограничения здоровья. Проанализирован уровень трудоустройства в разрезе «Российская Федерация – Северо-Западный федеральный округ – Вологодская область». Представлены основные мероприятия, направленные на содействие трудоустройству инвалидов в Вологодской области*

***Ключевые слова:** лица с ограниченными возможностями здоровья, трудоустройство инвалидов, содействие трудоустройству.*

Рассматривая актуальные вопросы человека на рынке труда, необходимо обратить внимание на трудоустройство граждан с ограниченными физическими и интеллектуальными возможностями, как одной из уязвимых категорий населения. Согласно Федеральному закону от 24 ноября 2005 г. №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» инвалид – это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты [2].

Для более полного понимания представим анализ данных официальной статистики, который показывает, что на территории региона численность граждан, впервые признанных инвалидами, постепенно снижается. Так, в период 2005 – 2018 гг. число граждан, получивших инвалидность, сократилось в 2,6 раза (со 106 на 10000 населения до 41 на 10000 населения), при этом значительная доля инвалидов приходится на трудоспособный возраст (*табл. 1*).

Таблица 1. Некоторые показатели динамики численности инвалидов в Вологодской области

Показатель	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Численность лиц, впервые признанных инвалидами						
Всего, человек	13162	9665	5823	5186	5289	4831
На 10 000 населения	106	80	49	44	45	41
Из общей численности инвалидов в трудоспособном возрасте						
Всего, человек	5204	4749	2693	2450	2417	2077
В % от общей численности инвалидов	40	49	46	47	46	43

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/

Краткая характеристика некоторых показателей (пол, возраст, группа) инвалидизации населения представлена в таблице 2. Анализируя представленные данные, особо стоит отметить тот факт, что значительное число лиц, имеющих ограничения здоровья, находятся в трудоспособном возрасте. При этом значительная доля инвалидов относится к категории «неработающие». На сложившуюся негативную тенденцию оказывает влияние ряд факторов: например, завышенные требования работодателей к кандидатурам соискателей; не всегда обеспечен беспрепятственный доступ инвалидов к месту работы; отсутствие вакансий, предусматривающих легкий труд и работу на дому; низкая мотивация самих инвалидов и др. Кроме того,

обращает на себя внимание значительное количество инвалидов старше 60 лет, что, вероятно, произошло вследствие повышения пенсионного возраста в 2018 г.

Таблица 2. Численность инвалидов по различным группам признаков в 2019 г., чел. **[5]**

Показатель	Вологодская область	Северо-Западный федеральный округ	Российская Федерация
По полу			
Женщины	54602	760725	6378427
Мужчины	39888	453485	4810475
По группе			
I группа	10540	183893	1422675
II группа	42681	599912	5209753
III группа	41269	430405	4556474
По возрасту			
18-30 лет	2762	35289	486568
31-40 лет	5269	61089	792675
41-50 лет	7074	81274	1049869
51-60 лет	14830	155156	1877577
Свыше 60 лет	64555	881402	6982213
По трудоустройству			
В трудоспособном возрасте, человек	24013	269025	3455854
Работающие, %	25,54	29,72	26,71
Неработающие, %	74,46	70,28	73,29

По данным Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Вологодской области на 31.12.2019 г. в регионе зарегистрировано 25435 инвалидов трудоспособного возраста (справочно: на 01.01.2019 г. – 24868 инвалидов трудоспособного возраста), из их числа работали 6213 инвалидов трудоспособного возраста (справочно: на 01.01.2019 г. – 5868 инвалидов трудоспособного возраста). Ежегодно в органы службы занятости за содействием в поиске работы обращаются до 1100 инвалидов, из них трудоустраиваются более 45% (справочно: за три последних года при содействии специалистов службы занятости трудоустроено 1677 инвалидов). В период 2017 – 2019 гг. специалистами опрошено 74,4% (18,9 тыс. человек) от общего числа инвалидов трудоспособного возраста, проживающих на территории региона, на предмет потребности в трудоустройстве. По данным Департамента труда и занятости Вологодской области только треть из числа опрошенных инвалидов заинтересованы в трудоустройстве [4].

В целом положение лиц с ограниченными возможностями здоровья на рынке труда свидетельствует о неоднозначной ситуации и требует со стороны государства организации дополнительных мер, направленных на содействие трудоустройству инвалидов. К числу таких мероприятий, например, относятся следующие:

1. Лицам с ограниченными возможностями здоровья предоставляются гарантии трудовой занятости для повышения их конкурентоспособности на рынке труда. Так, в соответствии со ст. 21 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», законом Вологодской области от 22 октября 2004 г. №1065-ОЗ «О квоте для приема на работу инвалидов на территории Вологодской области» для работодателей, осуществляющих деятельность на территории Вологодской области, численность работников которых составляет не менее 35 человек, устанавливается квота в размере двух процентов к среднесписочной численности работников для приема на работу инвалидов [2, 3].

2. Стимулируется создание предприятиями дополнительных рабочих мест для трудоустройства инвалидов. Для этих целей Правительством Вологодской области принято постановление от 28 августа 2017 года №779 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий на финансовое возмещение работодателям затрат на реализацию мероприятия по оказанию содействия в трудоустройстве незанятых инвалидов молодого возраста на оборудованные (оснащенные) для них рабочие места и Порядка предоставления субсидий на финансовое возмещение работодателям затрат на реализацию мероприятия по организации наставничества при трудоустройстве инвалидов молодого возраста, обратившихся в службу занятости» [1].

Значительная часть функций по данному направлению возлагается на Департамент труда и занятости населения Вологодской области и подведомственное ему КУ ВО «ЦЗН Вологодской области».

Для трудоустройства граждан, имеющих инвалидность, организуются соответствующие специализированные мероприятия. Например:

1. Формируется и постоянно актуализируется Реестр инвалидов.

2. Проводится анкетирование граждан с ограниченными возможностями с целью выявления потребности в трудоустройстве (в 2019 г. сотрудниками ЦЗН Вологодской области проанкетировано 4298 инвалидов, из них 3121 не работает/зарегистрирован в службе занятости и 955 (30,6%) человек желают работать).

3. Осуществляется адресный подбор специалистов из числа инвалидов, желающих работать, на вакансии, предоставленные предприятиями и организациями Вологодской области в соответствии с функциональными обязанностями (подбор осуществляется с учетом индивидуальной программы реабилитации инвалида (ИПРА), разработанной для каждого инвалида учреждениями государственной службы медико-социальной экспертизы).

4. Организуются ярмарки вакансий для соискателей из числа инвалидов с приглашением представителей организаций и предприятий.

5. Для инициативного и целенаправленного трудоустройства инвалидов организуются гарантированные собеседования с приглашением представителей организаций и проводятся презентации предприятий.

6. Еженедельно проводятся заседания рабочих групп по содействию трудоустройству инвалидов (разрабатываются индивидуальные планы реализации мероприятий по профессиональной реабилитации/абилитации инвалидов, предусмотренных ИПРА; в 2019 г. проведено 44 заседания комиссии, на которых присутствовало 180 человек).

7. Ведется работа по трудоустройству инвалидов из числа выпускников: анкетирование, установление взаимодействия с работодателями, предоставление соискателям актуальных вакансий, помощь в составлении резюме, подготовка к собеседованию, мониторинг трудоустройства.

8. Организуется работа по вопросам создания доступной среды для инвалидов в отделениях службы занятости населения по Вологодской области в рамках подпрограммы «Безбарьерная среда».

9. Проводится работа по информированию работодателей и выявлению желающих принять участие в мероприятиях по оказанию содействия в трудоустройстве незанятым инвалидам молодого возраста на оборудованные для них рабочие места, а также по организации наставничества.

10. Осуществляется организация и контроль за оказанием государственной услуги по организации сопровождения при содействии занятости инвалидов, а также привлечение негосударственных организаций на договорной основе.

Таким образом, в данной статье предпринята попытка остановиться на некоторых спорных аспектах трудоустройства лиц, имеющих ограничения здоровья, и возможных, наиболее существенных мерах работы в этом направлении. Несмотря на сложные жизненные ситуации, особенно в условиях социально-экономических преобразований, происходящих в России, трудоустройство инвалидов остается одним из приоритетов социальной политики государства. Оказание индивидуальных консультаций и подготовка к ведению переговоров с работодателем с целью трудоустройства, ведение переговоров с работодателем; формирование и помощь в освоении доступного маршрута передвижения инвалида до места работы и обратно; социально-производственная, социально-психологическая адаптация на рабочем месте; содействие в адаптации в трудовом коллективе – все это однозначно приведет к положительной динамике трудоустройства лиц с ограничениями здоровья. Но, к сожалению, существуют и негативные моменты в ситуации, когда динамика ожидается отрицательная...

Библиографический список

1. О квоте для приема на работу инвалидов на территории Вологодской области»: закон Вологодской области №1065-ОЗ от 22 октября 2004 г.
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный Закон №181-ФЗ от 24 ноября 2005 г.
3. Об утверждении Порядка предоставления субсидий на финансовое возмещение работодателям затрат на реализацию мероприятия по оказанию содействия в трудоустройстве незанятых инвалидов молодого возраста на оборудованные (оснащенные) для них рабочие места и Порядка предоставления субсидий на финансовое возмещение работодателям затрат на реализацию мероприятия по организации наставничества при трудоустройстве инвалидов молодого возраста, обратившихся в службу занятости: постановление Правительства Вологодской области № 779 от 28 августа 2017 г.
4. Официальный сайт Департамента труда и занятости Вологодской области. Режим доступа: https://depzan.gov35.ru/vedomstvennaya-informatsiya/novosti/212/83210/
5. Официальный сайт Федерального реестра инвалидов. Режим доступа: https://sfri.ru/

Информация об авторах

Панкова Ирина Алексеевна (Россия, Вологда) – начальник отдела по работе с инвалидами, Казенное учреждение Вологодской области «Центр занятости населения Вологодской области» (Россия, 160025, Вологда, ул. Маршала Конева, д. 15; yusha-60@mail.ru).

Попова Вера Ивановна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий инспектор отдела по работе с инвалидами, Казенное учреждение Вологодской области «Центр занятости населения Вологодской области» (Россия, 160025, Вологда, ул. Маршала Конева, д. 15; vera-22vip@mail.ru).

Pankova I.A., Popova V.I.

TO THE QUESTION OF EMPLOYMENT OF PERSONS WITH LIMITED HEALTH OPPORTUNITIES

***Abstract**. The article provides a brief description of persons with health restrictions. The level of employment in the context of "Russian Federation - North-West Federal District - Vologda Oblast"*

is analyzed. The main activities aimed at promoting the employment of persons with disabilities in the Vologda Oblast are presented.

Key words: *Persons with disabilities, employment of persons with disabilities, promotion of employment.*

Information about the author

Pankova Irina A. (Russia, Vologda) – Head of the Department for Work with Disabled People, Government Institution of the Vologda Region «Employment Center of the Vologda Region» (Russia, 160025, Vologda, Marshala Koneva St., 15; yusha60@mail.ru).

Popova Vera I. (Russia, Vologda) – candidate of economic sciences, associate professor, leading inspector of the department for work with people with disabilities, state institution of the Vologda Region «Employment Center of the Vologda Region» (Russia, 160025, Vologda, Marshal Konev St., 15; vera-22vip@mail.ru).

References

1. On the quota for hiring people with disabilities in the Vologda Oblast ": Law of the Vologda Oblast № 1065-OZ of October 22, 2004.
2. On the social protection of persons with disabilities in the Russian Federation: Federal Law № 181-FZ of November 24, 2005.
3. On approval of the Procedure for the provision of subsidies for financial reimbursement to employers of costs for the implementation of measures to assist in the employment of unemployed young people with disabilities for workplaces equipped for them (Equipped) and the Procedure for the provision of subsidies for financial reimbursement for employers of costs for the implementation of measures for the organization of mentoring in employment disabled people of young age who applied to the employment service: Government Decree of the Vologda Region № 779 dated August 28 that 2017.
4. The official website of the Department of Labor and Employment of the Vologda Oblast. Access mode: https://depzan.gov35.ru/vedomstvennaya-informatsiya/novosti/212/83210/
5. The official website of the Federal Register of Disabled Persons. Access mode: https://sfri.ru/

УДК 331.5 / ББК 65.240

Попов А.В.

К ДИСКУССИИ О ВЕКТОРАХ ИЗУЧЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОЦЕССА ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАНЯТОСТИ

***Аннотация**. Работа посвящена обобщению подходов к изучению трансформации занятости. Для достижения поставленной цели использованы традиционные общенаучные методы. Проведенный анализ позволил выделить 6 подходов, каждый из которых по-своему характеризует сущность рассматриваемого явления.*

***Ключевые слова:** трансформация занятости, трудовые отношения, нестандартная занятость, рынок труда, будущее сферы труда.*

Современный этап развития социально-трудовых отношений характеризуется неопределенностью относительно перспектив сохранения привычной для индустриального периода модели занятости. Хотя выпуск промышленной продукции в абсолютном выражении продолжает увеличиваться, численность и доля занятых во вторичном секторе экономики постепенно сокращается, отдавая тем самым «пальму первенства» сфере услуг [4, с. 79-81]. Разработка и внедрение передовых технологий приводят к тому, что общество становится все более открытым: размываются границы между национальными рынками труда, повышается трудовая мобильность населения, быстрыми темпами распространяются нестандартные формы занятости[1] и т.д.

Происходящие в сфере занятости трансформационные сдвиги поистине многогранны и затрагивают различные стороны человеческой жизнедеятельности. В результате в научной литературе сформировалось большое количество точек зрения на возможность изучения данного процесса. В этой связи мы попытались обобщить основные подходы к изучению феномена трансформации занятости, что в дальнейшем позволит сформировать более четкое представление о векторах его исследования.

В рамках настоящей работы под трансформацией занятости понимается процесс глубоких (радикальных) преобразований социально-экономических отношений, приводящий к качественным изменениям устоявшихся практик участия населения в оплачиваемой трудовой деятельности. Подобные фундаментальные сдвиги могут происходить как на глобальном уровне, затрагивая мировое сообщество в целом, так и на локальном. В этом плане характерным примером является Россия, где на рубеже XX–XXI веков началась трансформация трудовых отношений[2], обусловленная проведением в стране рыночных реформ [1, с. 28]. В этом случае можно говорить о революционном характере изменений, источником которых выступили действия органов власти. Напротив, эволюционный процесс связан с поступательным развитием человечества и переходом от одного типа общества к другому, в результате чего традиционная для этого времени модель занятости претерпевает масштабные последствия.

---

[1] Non-standard Employment Around the World: Understanding Challenges, Shaping Prospects // ILO. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_534326~2.pdf

[2] В настоящем исследовании «трудовые отношения» и «занятость» используются нами в качестве синонимов, поскольку занятость населения так или иначе подразумевает возникновение трудовых отношений.

В ходе анализа научных источников нами были систематизированы подходы к изучению трансформации занятости, получившие следующие условные обозначения: комплексный, отраслевой, институциональный, организационный, компетентностный и мотивационно-ценностный (*таблица*). Далее остановимся на каждом из них более подробно.

Комплексный подход к изучению трансформационных процессов в сфере занятости является наиболее многомерным по своей сущности. Он основан на интерпретации изменений с позиции крупных стадий человеческого развития и затрагивает максимально широкий спектр вопросов эволюции трудовых отношений (от базовых принципов взаимодействия между субъектами рынка труда до футурологических прогнозов будущего сферы занятости). В качестве методологической базы ученые используют формационную (К. Маркс, Ф. Энгельс), цивилизационную (А. Тойнби, О. Шпенглер), волновую (Э. Тоффлер) и другие концепции [3, с. 162]. В результате феномен трансформации занятости рассматривается в контексте фундаментальных сдвигов в экономике и обществе, что предполагает учет различных экстерналий во всем их многообразии. Например, если в рамках цивилизационной теории акцент делается прежде всего на последствиях социокультурной динамики, то в постиндустриальной – на изменениях социально-экономических условий хозяйствования.

Основные подходы к изучению трансформации занятости

Подход	Проявление трансформации занятости	Измерение трансформации занятости
Комплексный	Масштабные изменения сферы занятости, протекающие в неразрывном единстве со стадиями общественного развития.	Исследования носят преимущественно общетеоретический характер (в редких случаях – показатели социально-экономического развития территорий).
Отраслевой	Структурные сдвиги в занятости населения, представляющие «переток» рабочей силы из одних отраслей экономики в другие.	Отраслевая структура занятости, в т.ч. по укрупненным секторам экономики: доля занятых в сельском хозяйстве (%), доля занятых в промышленности (%), доля занятых в сфере услуг (%).
Институцио--нальный	Эволюция общественных институтов (прежде всего, институтов рынка труда), приводящая к глубинным изменениям в характере трудовых отношений.	Показатели развития общественных институтов. Например, степень юнионизации работников (%).
Организационный	Трансформация социально-экономических отношений по поводу организации трудового процесса и характера взаимодействия между работником и работодателем.	Показатели развития различных форм занятости: среднее количество отработанных часов (на 1 работника), неполная занятость (%), временная занятость (%) и т.д.
Компетентностный	Изменение требований экономики к качественным характеристикам населения.	Экспертные оценки вклада различных навыков в экономику и их востребованности в будущем.
Мотивационно--ценностный	Переосмысление места труда в жизни общества, определяющее стратегии поведения населения на рынке труда.	Показатели развития трудовой мотивации населения.

Источник: составлено автором.

В силу масштабности комплексного подхода большинство исследований либо носят общетеоретический характер и в них отражены ретроспективные тенденции трансформации трудовых отношений, либо представляют преимущественно эмпирический анализ современной ситуации и перспектив развития сферы занятости. Для первого случая весьма показательной является работа П. Нолана и Г. Ленски, где отражены сущностные основы занятости в обществах различного типа с позиции социокультурной эволюции человечества [13]. Яркими примерами другой группы

исследований могут быть глобальные отчеты Международной организации труда, в которых подробно раскрываются глобальные тренды в сфере занятости и обозначаются новые вызовы[3].

Одним из наиболее популярных направлений изучения процесса трансформации трудовых отношений может считаться отраслевой подход. Как следует из названия, акцент делается на структурных сдвигах в занятости населения, т.е. «перетоке» рабочей силы из одних отраслей народного хозяйства в другие. Чаще всего данные вопросы рассматриваются в контексте трехсторонней модели экономики, которая позволяет фиксировать глубинные изменения в сфере занятости посредством отслеживания динамики распределения работников между укрупненными секторами: первичным (добыча сырья и сельское хозяйство), вторичным (промышленное производство и строительство) и третичным (сфера услуг). При этом доминирование той или иной группы отраслей дает основания предполагать достижение определенной стадии общественного развития.

Иной взгляд на изучение трансформации занятости представлен в рамках институционального подхода, в соответствие с которым данный процесс проявляется в эволюции общественных институтов. Несмотря на их относительную устойчивость, изменение устоявшихся норм и правил оказывает заметное воздействие на характер трудовых отношений [15, с. 304]. Как правило, исследовательский фокус направлен на формальные институты рынка труда (минимальная заработная плата, профсоюзное движение, трудовое право, пособия по безработице и т.д.), конфигурация и развитие которых определяют качественные изменения в занятости населения [7]. В частности, в настоящее время активно изучается социальная концепция о безусловном базовом доходе и последствия ее повсеместной реализации для будущего сферы труда [10]. Наряду с этим в научной литературе встречаются отдельные публикации, посвященные роли традиционных институтов в развитии трудовых отношений [2].

Организационный подход к изучению фундаментальных сдвигов в занятости населения основан на исследовании трансформации социально-экономических отношений по поводу организации трудового процесса и характера взаимодействия между работником и работодателем, которые получили широкое распространение в контексте различных форм занятости. Как уже было сказано ранее, в настоящее время наблюдается отход от стандартной для индустриальных экономик XX века модели трудовых отношений, причинами которого являются прежде всего глобальные экономические (усиление конкуренции) и демографические (увеличение числа работающих женщин и пожилых людей) изменения, технологический прогресс, несовершенство трудового законодательства [11, с. 342]. Отличительной особенностью современности становится гибкость [5, с. 28], что находит отражение в развитии нестандартных форм занятости (неполная, временная, самозанятость, фриланс и т.д.), коренным образом преобразующих типичные трудовые отношения.

Трансформационные процессы в сфере занятости активно изучаются и с позиции компетентностного подхода. Это проявляется в большом количестве работ, посвященных исследованию изменений требований экономики к качественным характеристикам населения. Данные вопросы становятся все более актуальными в связи с ускорением общественного развития, когда одни новшества незамедлительно приходят на смену другим, нарушая привычный ритм жизни [14, с. 71-74]. В современных условиях хозяйствования наблюдается растущий спрос в отношении

[3] The World Employment and Social Outlook: Trends 2018 // ILO. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_615594.pdf

уровня цифровой грамотности, творческих способностей и некогнитивных навыков (самоконтроль, умение работать с людьми, настойчивость, открытость новым идеям и т.д.), а сам процесс обучения стал носить непрерывный характер[4]. В этой связи динамика человеческого капитала выступает отражением фундаментальных сдвигов в занятости населения.

Большой интерес в изучении процесса трансформации занятости представляет мотивационно-ценностный подход, в основе которого лежит тезис об изменении отношения общества к труду, определяющем не только образовательные и профессиональные траектории, но и стратегии поведения населения в целом. В данном случае речь идет о переосмыслении места труда в жизни человека и общества. На сегодняшний день мы можем с уверенностью говорить об изменении восприятия работы как способа удовлетворения базовых потребностей в форму самовыражения. Более того, сама трудовая деятельность становится более требовательной к креативным способностям населения [6, с. 48]. Все это приводит к падению интереса к традиционным для индустриальных экономик формам занятости и нетворческим профессиям в целом [8, с. 1302].

Предложенный перечень подходов к изучению трансформации занятости сложно назвать исчерпывающим. С одной стороны, в научной литературе существуют исследования, в которых тематика трудовых отношений рассматривается с позиции совсем иных концепций. Например, можно выделить работы, посвященные тенденциям демографического развития, которые определяют перспективы занятости населения [9]. Подобная логика, безусловно, могла бы использоваться для анализа трансформационных процессов, однако, по нашему мнению, она характеризует скорее отдельные изменения, а не фундаментальные сдвиги в целом. С другой стороны, нередкими являются случаи комбинирования различных научных течений с целью получения максимально полного представления об изучаемом вопросе [12]. В настоящей же работе были затронуты только самостоятельные теории.

Таким образом, полученные результаты вносят вклад в развитие дискуссии о векторах исследования процесса трансформации занятости. Неопределенность будущего сферы труда диктует необходимость широкого обсуждения особенностей проявления рассматриваемого процесса, что позволит сформировать целостное представление о методах его изучения, возможных негативных последствиях и направлениях по их преодолению.

Библиографический список

1. Богдановский В.А. Российская модель трансформации занятости в переходной экономике // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2012. № 3 (12). С. 27-33.
2. Мраморнова О.В. Трансформация российских социально-трудовых институтов в процессе исторического развития // Труд и социальные отношения. 2014. № 8. С. 55-61.
3. Нехода Е.В. Трансформация труда и социально-трудовых отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 160-166.
4. Родионова И.А. Трансформация труда и занятости в постиндустриальном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2007. № 2. С. 73-86.

[4] Образование в интересах людей и планеты: построение устойчивого будущего для всех (2016). // UNESCO Digital Library. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245752_rus

5. Тощенко Ж.Т. Новое явление в социальной структуре общества: прекариат // Общество и экономика. 2018. № 11. С. 25-45.
6. Хромов Н.И. Генезис концепции человеческого капитала // Управленец. 2015. № 3. С. 46-51.
7. Arrowsmith J., Pulignano V. The Transformation of Employment Relations in Europe Institutions and Outcomes in the Age of Globalization. London: Routledge, 2013. 248 p.
8. Autor D.H., Levy F., Murnane R.J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration. Quarterly Journal of Economic, 2003, vol. 118, pp. 1279-1333.
9. Buck H., Kistler E., Mendius H.G. Demographic change in the world of work. Opportunities for an innovative approach to work – a German point of view. Stuttgart: Fraunhofer Verlag, 2002. 134 p.
10. Harrop A., Tait C. Universal Basic Income and the Future of Work. Available at: https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/UBI.pdf
11. Kalleberg A.L. Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work. Annual Review of Sociology, 2000, vol. 26, pp. 341-365.
12. Lowe G.S. Employment Relationships as the Centrepiece of a New Labour Policy Paradigm. Canadian Public Policy, 2002, vol. 28, pp. 93-104.
13. Nolan P., Lenski G. Human Societies: An Introduction to Macrosociology. New York: Oxford University Press, 2014. 480 p.
14. Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2015. 512 p.
15. Schalk R. Changes in the Employment Relationship Across Time. In: Coyle-Shapiro J.A-M., Shore L.M., Taylor M.S., Tetrick L.E. (eds.). The Employment Relationship: Examining Psychological and Contextual Perspectives. Oxford, UK: Oxford University Press, 2005. pp. 284-344.

Информация об авторе

Попов Андрей Васильевич (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, Вологда, ул. Горького, д. 56а; ai.popov@yahoo.com).

Popov A.V.

TO THE DISCUSSION ON VECTORS OF STUDYING THE GLOBAL PROCESS OF EMPLOYMENT TRANSFORMATION

Abstract. *The purpose of the paper is to summarize approaches to studying employment transformation. The work is based on traditional general scientific methods. The results obtained made it possible to identified 6 approaches, each of which characterizes the essence of the phenomenon in its own way.*

Key words: *Employment transformation, labor relations, nonstandard employment, labor market, future of work.*

Information about the author

Popov Andrey V. (Russia, Vologda) – Candidate of Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences" (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia; ai.popov@yahoo.com).

References

1. Bogdanovsky V.A. The Russian model of transformation of employment in transitive economy. Economics, labor, management in agriculture, 2012, vol. 3 (12), pp. 27-33. (in Russian).
2. Mramornova O.V. Transformation of Russian social-labour institutions in their historical development. Labour and social relations, 2014, vol. 8, pp. 55-61. (in Russian).
3. Nehoda E.V. Transformation of labor and social-labour relations in the transition to a post-industrial society. Tomsk State University Journal, 2007, vol. 302, pp. 160-166. (in Russian).
4. Rodionova I.A. The transformation of labor and employment in post-industrial society. RUDN Journal of Economics, 2007, vol. 2, pp. 73-86. (in Russian).
5. Toshhenko Zh.T. On the formation of a new social stratum, termed "precariat", as a totally new phenomenon. Society and economy, 2018, vol. 11, pp. 25-45. (in Russian).
6. Khromov N.I. The genesis of the human capital concept. Upravlenets, 2015, vol. 3, pp. 46-51. (in Russian).
7. Arrowsmith J., Pulignano V. The Transformation of Employment Relations in Europe Institutions and Outcomes in the Age of Globalization. London: Routledge, 2013. 248 p.
8. Autor D.H., Levy F., Murnane R.J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration. Quarterly Journal of Economic, 2003, vol. 118, pp. 1279-1333.
9. Buck H., Kistler E., Mendius H.G. Demographic change in the world of work. Opportunities for an innovative approach to work – a German point of view. Stuttgart: Fraunhofer Verlag, 2002. 134 p.
10. Harrop A., Tait C. Universal Basic Income and the Future of Work. Available at: https://www.tuc.org.uk/sites/default/files/UBI.pdf
11. Kalleberg A.L. Nonstandard Employment Relations: Part-time, Temporary and Contract Work. Annual Review of Sociology, 2000, vol. 26, pp. 341-365.
12. Lowe G.S. Employment Relationships as the Centrepiece of a New Labour Policy Paradigm. Canadian Public Policy, 2002, vol. 28, pp. 93-104.
13. Nolan P., Lenski G. Human Societies: An Introduction to Macrosociology. New York: Oxford University Press, 2014. 480 p.
14. Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2015. 512 p.
15. Schalk R. Changes in the Employment Relationship Across Time. In: Coyle-Shapiro J.A-M., Shore L.M., Taylor M.S., Tetrick L.E. (eds.). The Employment Relationship: Examining Psychological and Contextual Perspectives. Oxford, UK: Oxford University Press, 2005. pp. 284-344.

УДК 331.5.024.54

Резанова Е.В.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА О СОДЕЙСТВИИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: АКЦЕНТ НА КАДРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

***Аннотация**. В статье определяется актуальность включения в структуру Государственной программы о содействии занятости населения на очередной пятилетний период подпрограммы «Кадровые технологии в управлении трудовыми ресурсами» с определением задач и целевых показателей для их решения.*

***Ключевые слова:** аттестация, кадровый резерв, дистанционное обучение, наставничество, компетентностный подход.*

Действующая Государственная программа о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы содержит ряд положений, которые остаются крайне актуальными в контексте развития трудовой сферы в последующие 5 лет. Например, в рамках подпрограммы 1 «Содействие занятости населения» определен ряд факторов, свидетельствующих о недостаточной эффективности использования трудовых ресурсов: «дисбаланс спроса и предложения рабочей силы по профессионально-квалификационному составу; наличие избыточной численности работников на ряде предприятий; невысокое качество рабочей силы и отсутствие у нанимателей заинтересованности в повышении профессионального уровня работников и др.». Анализ результатов социологических исследований, мониторинг информационного поля, а также оценки и мнения руководства предприятий и представителей общественности свидетельствуют об актуальности вышеуказанных проблем в контексте кадрового обеспечения предприятий.

Кадровый дефицит на предприятиях особенно остро ощущается в регионах страны. В частности, актуальным является несоответствие уровня и профиля квалификации занимаемой должности. Недостаточная практико-ориентированность образования, а также отсутствие практики наставничества и учебных участков на предприятиях не позволяют новоиспеченным специалистам быстро адаптироваться к трудовой деятельности и выполнять профессиональные обязанности. Отток молодых специалистов после окончания срока обязательной отработки в организациях связан не столько с уровнем заработной платы, сколько с отсутствием продуманной системы мотивации и закрепления молодежи на местах. Многие средние специальные и профессионально-технические учебные заведения обладают слабой материально-технической базой, а методики подготовки требуют совершенствования и иных подходов, ввиду предъявления все новых требований и компетенций со стороны работодателей.

Система образования, выполняющая ключевую роль в данном направлении, имеет на сегодняшний день существенный разрыв с рынком труда и слабо ориентирована на вызовы, стоящие перед страной. Необходимо приложить максимум усилий для преодоления этого разрыва, поскольку эффективность образования транслируется в человеческий капитал, прибавочную стоимость, инновационное развитие рынка.

В настоящее время вектор развития мировой экономики направлен в сторону формирования шестого технологического уклада. Для подготовки соответствующих трудовых ресурсов целесообразно совершенствовать имеющиеся кадровые технологии, поскольку они уже не отвечают современным требования развития технологий в современных экономических условиях. Например, аттестация работников, которая

проводится в целях объективной оценки уровня их профессиональной подготовки, а также оценки деловых, личностных качеств и результатов практической деятельности, очень часто носит формальный характер. Это подтверждается результатами социологических исследований работников организаций, проводимых в Академии управления при Президенте Республике Беларусь. Кроме того, большинство работников не ощутили никаких существенных изменений в своей трудовой деятельности после прохождения ими аттестации [1, с.167].

Эффективность формирования резерва кадров в организациях напрямую зависит от системы оценки его участников, которая зачастую является субъективной и не имеет четких критериев. По результатам социологических исследований только треть опрошенных работников организаций заявили о наличии четких объективных критериев оценки эффективности их деятельности; остальные опрошенные подчеркнули, что данные критерии являются либо субъективными, либо непонятными [2]. Для решения данной проблемы следует внедрять объективные методы оценки эффективности работников на основе компетентностного подхода. Набор компетенций (личностно-деловых и профессиональных качеств) задает стандарт необходимых знаний, умений и навыков для выполнения обязанностей в рамках занимаемой должности. Оценка по компетенциям может проводиться различными методами: тестирования, опроса, ассоциативного эксперимента, квалификационной карты и др. [3] Компетентностный подход к оценке работников позволяет проводить диагностику профессиональных качеств работника, выявлять пробелы и определять необходимые шаги для их устранения.

За прошедший год около 10% всех работников были задействованы в образовательных программах, большинство из них прошли курсы повышения квалификации. Однако материально-техническое обеспечение, кадровый состав, содержание и методики обучения в рамках образовательных программ не соответствуют современным требованиям и не обеспечивают подготовку специалистов достаточно высокого уровня. Причиной тому является фундаментальность образовательной системы, которая не позволяет оперативно реагировать на инновационные изменения и готовить специалистов современного наукоемкого производства.

В настоящее время активно развивается онлайн- и дистанционное обучение, которое позволяет овладевать новыми знаниями и повышать свою профессиональную компетентность, экономит временные ресурсы и снижает затраты, позволяет повысить качество обучения за счет применения современных средств и технологий. Однако это в большей степени касается теоретических знаний, в то время как практический опыт необходимо получать на местах. В этом направлении следует активизировать кадровую технологию наставничества, направленную на профессиональное развитие и подготовку работника к самостоятельному выполнению трудовых функций и приобретению конкретных профессиональных знаний и навыков. По результатам социологического исследования большинство работников кадровых служб подчеркнули актуальность и значимость внедрения института наставничества для профессионального развития и карьерного роста, сокращение периода профессиональной и социальной адаптации и повышения эффективности деятельности структурного подразделения. Однако в Республике Беларусь отсутствует законодательное обеспечение института наставничества, существуют лишь локальные нормативные правовые акты, определяющие практику его применения. Кроме того, нуждается в совершенствовании система мотивации наставников. На сегодняшний день даже в тех немногих организациях, где наставничество закреплено нормативными право-

выми актами, механизм реализации и крайне низкое материальное вознаграждение создают предпосылки скорее для текучести кадров, нежели для закрепления молодых специалистов на местах.

Возрастает значимость человеческого капитала как основного фактора экономического развития. В этом контексте особенно важным является создание условий для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. Актуальным является внедрение инновационных методов стимулирования работников, связанных с самоутверждением и самореализацией, усиливающих интерес к творческой деятельности, способствующих формированию и накоплению интеллектуального капитала.

Таким образом, в структуру Государственной программы о содействии занятости населения на очередной пятилетний период следует включить подпрограмму «Кадровые технологии в управлении трудовыми ресурсами» с определением задач и целевых показателей для их решения.

Основными задачами в рамках данной программы являются:

- актуализация имеющихся кадровых технологий (рост эффективности аттестации и кадрового резерва, развитие института наставничества, популяризация дистанционного обучение работников), а также методов стимулирования работников;
- внедрение инновационных кадровых технологий (объективные методы оценки эффективности работников на основе компетентностного подхода) и инновационных методов стимулирования работников;
- осуществление мониторинга и стратегического прогнозирования трудовых ресурсов путем эффективного межведомственного взаимодействия ключевых субъектов формирования рынка труда: Министерства экономики, Министерства образования, Министерства труда и социальной защиты, государственных предприятий и бизнес-сообщества.

Определение целевых показателей для достижения поставленных задач предлагается осуществлять не только в контексте количественных оценок, но и в контексте эффективности реализации тех или иных мониторинговых мероприятий. Например, аккумулировать не только информацию об удельном весе граждан, направленных на обучение, но и данные о конкретных компетенциях, приобретённых в рамках образовательной программы, которые оказали влияние на рост производительности труда, внедрение инновационных технологий или карьерное продвижение работников.

Достижение поставленных задач в рамках подпрограммы «Кадровые технологии в управлении трудовыми ресурсами» может оцениваться посредством следующих целевых показателей.

Задача 1:

- удельный вес работников, задействованных во всех кадровых технологиях (аттестация, кадровый резерв, повышение квалификации, наставничество и др.) (в процентах);
- количество внедренных инновационных проектов по инициативе работников, прошедших повышение квалификации, находящихся в составе кадрового резерва, прошедших ротацию и др. (штук)
- удельный вес молодых специалистов, в отношении которых осуществлялось наставничество (в процентах);
- продолжительность трудовой деятельности молодых специалистов, в отношении которых осуществлялось наставничество (в процентах);
- рост производительности труда (в процентах к предыдущему периоду);

- удельный вес работников, получивших дополнительное поощрение (в процентах).

Задача 2:

- удельный вес работников, профессиональные и деловые качества которых отвечают требованиям соответствующей должности (в процентах);
- удельный вес работников, прошедших дополнительное обучение по итогам оценки по компетенциям (в процентах);
- удельный вес работников, получивших дополнительное поощрение по итогам оценки по компетенциям (в процентах).

Задача 3:

- соотношение спроса и предложения по отдельным профессиям (количество предложений на одно рабочее время);
- удельный вес предприятий, осуществляющих мониторинг и прогнозирование потребности в трудовых ресурсах по видам деятельности, профессиям, специальностям (в процентах).

Актуальным в рамках Государственной программы о содействии занятости населения на очередной пятилетний период является дальнейшее проведение таких мероприятий, как:

- мониторинг профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения рабочей силы;
- мониторинг закрепления молодых специалистов и молодых рабочих в организациях, изучение причин их оттока;
- обеспечение трудовой и социальной адаптации молодых специалистов, молодых рабочих (служащих);
- разработка профессиограмм профессий рабочих и должностей служащих с учетом современных требований рынка труда и тенденций его развития;
- мониторинг рынков труда организаций по вопросам использования рабочего времени на производстве, высвобождения работников в связи с оптимизацией численности, проведения кадровой диагностики организаций.

Вместе с тем перечень мероприятий следует дополнить следующими:

- законодательное закрепление и организация наставничества на предприятиях, в том числе обеспечение его научно-методического сопровождения;
- обеспечение межведомственного взаимодействия в процессе разработки программ обучения, повышения квалификации, переподготовки;
- разработка профессиональных стандартов и проведение оценки деятельности работников в рамках компетентностного подхода (в соответствии с Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 октября 2018 г. №764 «О стратегии совершенствования национальной системы квалификаций Республики Беларусь»);
- обеспечение межведомственного взаимодействия в процессе прогнозирования потребностей в трудовых ресурсах не только для обслуживания отраслей, но и для обеспечения рынка труда специалистами, адекватно отвечающими на современные вызовы, обладающими новыми знаниями, способными их применять и непрерывно обновлять.

Главным условием инновационного развития экономики является трудовой потенциал страны: профессиональная и мотивационная компетентность работников открывают существенные резервы для инновационных трансформаций и активизируют развитие современных хозяйственных организаций.

Для подготовки трудовых ресурсов в современных экономических условиях при переходе к новому технологическому уровню целесообразно как совершенствовать имеющиеся кадровые технологи (развивать институт наставничества, повышать эффективность кадрового резерва, популяризировать электронное обучение работников), так и вводить инновационные кадровые технологии (адаптивное и персонализированное обучение с применением индивидуальной траектории обучения; объективные методы оценки эффективности работников на основе компетентностного подхода). Кроме того, следует внедрять инновационные методы стимулирования работников, связанные с самоутверждением и самореализацией, усиливающие интерес к творческой деятельности, способствующие формированию и накоплению интеллектуального капитала.

Библиографический список

1. Повышение эффективности работы государственного аппарата в условиях современных тенденций и вызовов: сб. науч. тр. / редкол.: М. Г. Жилинский [и др.]; под ред. М. Г. Жилинского; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2017. 343 с.
2. Теоретико-методологические и прикладные аспекты обучения руководящих кадров и лиц, включенных в резервы руководящих кадров, в рамках государственного заказа в условиях решения задач социально-экономического развития Республики Беларусь: сб. науч. тр. / редкол.: А.И. Ивановский [и др.]; под ред. А.В. Ивановского; Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2018. 266 с.
3. Докучиц Д. С. Использование кадровых технологий в работе с государственными служащими в Республике Беларусь // Инновационное развитие экономики: предпринимательство, образование, наука : сб. науч. ст. / редкол.: Т. В. Борздова (отв. ред.) [и др.]. Мн.: ГИУСТ БГУ, 2017. С. 124–127.

Информация об авторе

Резанова Екатерина Владимировна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат социологических наук, ведущий специалист по обеспечению деятельности отдела социологических исследований, Белорусский институт стратегических исследований (ekaterina-rezanova@yandex.ru).

Rezanova E.V.

STATE PROGRAM ON PROMOTING POPULATION EMPLOYMENT: EMPHASIS ON PERSONNEL TECHNOLOGIES

Abstract. *The article determines the relevance of the inclusion in the structure of the State program on the promotion of employment for the next five-year period of the subprogramme "Human Resources in Managing Labor Resources" with the definition of tasks and targets for their solution.*

Key words: *certification, personnel reserve, distance learning, mentoring, competency-based approach.*

Information about the author

Rezanova Ekaterina V. (Republic of Belarus, Minsk) – Candidate of sociological sciences, leading specialist of the Department of sociological studies, Belarusian Institute for Strategic Research (ekaterina-rezanova@yandex.ru).

References

1. Improving the efficiency of the state apparatus in the current trends and challenges: Sat. scientific tr / Editorial: M. G. Zhilinsky [et al.]; under the editorship of M. G. Zhilinsky; Acad. control Under the President Resp. Belarus. Minsk: Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 2017. 343 p.
2. Theoretical, methodological and applied aspects of training senior executives and persons included in the reserves of senior personnel in the framework of the state order in the context of solving the problems of socio-economic development of the Republic of Belarus: collection of scientific papers / editorial: A.I. Ivanovsky [et al.]; under the editorship of A.V. Ivanovsky; Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 2018. 266 p.
3. Dokuchits, D. S. Use of personnel technologies in working with public servants in the Republic of Belarus // Innovative development of the economy: entrepreneurship, education, science: Sat. scientific Art. / Editorial: T.V. Borzdova (ed. Ed.) [et al.]. - Minsk: GIUST BSU, 2017. PP. 124–127.

УДК 316.444.5+314.74

Соловей А.П.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ[1]

Аннотация. *По результатам социологических исследований рассматриваются интенции профессиональной мобильности женщин-ученых, причины ухода из науки, факторы, удерживающие женщин в научной сфере. Акцентируется внимание на миграционных установках, причинах, способствующих и препятствующих эмиграции женщин-ученых.*

Ключевые слова: *наука, женщины-ученые, профессиональная мобильность, академическая мобильность, миграционные намерения.*

Профессиональная мобильность и интеллектуальная миграция играют важную роль в построении карьеры женщины-ученого. Процессы современной глобализации благоприятствуют различным возможностям женщин-ученых в развитии своей научно-исследовательской деятельности. Глобализация оказала влияние не только на количественный, но и на качественный состав международной интеллектуальной миграции. Вовлечению женщин в процессы трудовой миграции способствуют не только экономические факторы, но и развитие коммуникаций и средств массовой информации [1, с. 83-84]. Данные факторы повышают уровень знаний у женщин-ученых о возможностях работы за рубежом по интересующим их научным направлениям. Более того, в современном мире широко представлены специальные стажировки именно для женщин-ученых, способствующие повышению научной квалификации и должностному росту женщин. Академическая мобильность при поддержке различных международных программ для женщин-ученых способствует обмену опытом, получению возможностей в освоении новых научных методик, а также расширению научного кругозора и интеллектуальному развитию. Различные виды интеллектуальной миграции способствуют формированию не только профессиональных компетенций, но и общекультурных и ценностных. Установление зарубежных контактов и межличностных отношений с учеными способствует освоению не только языка для общения, но и изучению культуры, менталитета и особенностей социальной жизни зарубежных коллег. Необходимо сказать о том, что различные формы интеллектуальной миграции женщин-ученых способствуют росту уверенности женщин в себе как исследователе и ученом, что в значительной степени оказывает влияние на построение их научной карьеры. Следует отметить, что по состоянию на 1 января 2019 г. численность женщины-исследователей Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси) составляет практически половину от общего числа исследователей – 47,8%. Среди кандидатов и докторов наук женщины составляют 43,1 и 18,1% от общего числа исследователей с ученой степенью кандидата и доктора наук соответственно[2].

По результатам социологических исследований охарактеризуем профессиональную мобильность и миграционные намерения женщин-исследователей, работающих в структурных подразделениях Академии. Основу анализа составили данные

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г19РМ-028 «Компаративное исследование миграционных паттернов научных кадров в России и Республике Беларусь».

[2] Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2018 году. Мн.: Национальная академия наук Беларуси, 2019. С. 355.

следующих социологических исследований, проведенных методом анкетного опроса сотрудниками Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси: 1) 2016 год – исследование, посвященное изучению социального положения и миграционных намерений работников НАН Беларуси (N = 532; из них 260 женщин Δ = ± 4,3%, при α = 0,05); 2) 2017 год – исследование, посвященное изучению карьеры молодых ученых НАН Беларуси; опрошено 316 молодых ученых в возрасте до 35 лет, из них 182 женщины, уровень погрешности не превышает 4,4%, при α = 0,05; 3) 2017 год – исследование, посвященное изучению социального самочувствия женщин – научных работников Национальной академии наук; выборочная совокупность составила 450 женщин, при Δ = ± 4,2%, с уровнем значимости 0,05; 4) 2019 год – исследование, посвященное изучению организационной культуры научной организации НАН Беларуси (N = 670; из них 365 женщин, Δ = ± 3,6%, при α = 0,05).

Профессиональная мобильность ученого является важным индикатором его научной самоидентификации. Под профессиональной мобильностью женщины-исследователя мы будем понимать переход женщины-исследователя из одной профессиональной группы (научной организации) в другую, расположенную на одном и том же уровне в плане престижности профессии. Это означает сохранение позиции научного сотрудника, но переход в другую научную организацию НАН Беларуси либо в научную организацию, не входящую в структуру НАН Беларуси. Также под профессиональной мобильностью рассматривается переход женщины-исследователя из одной профессиональной области в другую (уход вообще из науки в другую профессиональную сферу).

В 2017 году большинство женщин (58,8%) указали, что не намерены менять место работы в ближайший год. При этом, намерены сменить место работы, но не сферу деятельности 3,6% женщин (в т. ч. среди них 0,1% – перейдут на другую должность в своем НИИ, 0,7% – перейдут в другой НИИ в НАН Беларуси, 2,8% – перейдут в другую научную организацию (не входящую в структуру НАН Беларуси). Вообще намерены уйти из науки 6,6% женщин. Затруднилась ответить на вопрос практически каждая третья женщина (30,9%).

Для тех женщин, которые намерены уйти из своего института или вообще из науки, основной причиной, побуждающей к этому, является низкая заработная плата (65,4%). На втором месте среди причин – низкий престиж научной деятельности (42,3%), на третьем – отсутствие условий для полноценной научной деятельности (36,9%). Практически каждая третья женщина (31,5%) в качестве причины выбрала неуверенность в будущем института, лаборатории. Проблемы личного характера (плохое здоровье, семейные обстоятельства) являются причиной для 25,4% женщин. Практически каждая четвертая (23,8%) сменит место работы по причине низкого уровня проводимых исследований. Каждая пятая женщина (20,0%) отметила отсутствие возможности сделать научную карьеру. Также женщины указывали на такие причины, как отсутствие творческой атмосферы в институте (16,9%), потеря ведущих позиций института в исследованиях (14,6%), неудовлетворенность социальным пакетом института (12,3%), отсутствие возможностей установления международных контактов и связей (6,9%).

В то время как среди факторов, удерживающих женщин в науке, на первом месте – «привлекает образ жизни научного работника и круг общения в интеллектуальной среде» (47,6%). На втором – «желание внести свой вклад в науку» (38,8%). На третьем – «вера в то, что престиж науки опять станет высоким и социальный статус ученого

повысится» (36,6%). На четвертом – «устраивает режим работы научного учреждения» (31,7%). На пятом – «реальная возможность для творческой самореализации» (26,9%). При этом стоит отметить, что для докторов наук главным удерживающим фактором является «желание внести свой вклад в науку». В то время как для кандидатов наук и женщин без ученой степени таковым является «образ жизни научного работника и круг общения в интеллектуальной среде».

Особо следует сказать о профессиональной мобильности молодых женщин - ученых, так как они являются наиболее активной, наряду с молодыми мужчинами учеными, социально-демографической группой, которая находится в состоянии профессионального развития. Согласно данным исследования, треть женщин (32,8%) будет работать в своем научном подразделении, если условия не ухудшатся. У 27,2% женщин профессиональные планы еще не определены. Не намерены в ближайшее время ничего менять, так как их все устраивает, 9,4% женщин. При этом такое же количество женщин (9,4%) намерено вообще уйти из науки. Не исключают длительной стажировки либо работы за рубежом 7,2% женщин. Хотят непродолжительное время поработать в зарубежном центре, а затем вернуться 3,9% женщин. При это такой же процент женщин (3,9%) намерены выехать за границу на постоянное место жительства. Хотят создать собственное исследовательское направление только 3,3% женщин, и 2,8% уйдут в преподавательскую деятельность. Для тех молодых женщин, которые планируют уйти из науки, а также уехать за границу на время или навсегда, основной причиной является низкая заработная плата: 90,9 и 70,4% соответственно.

Одним из важных аспектов профессиональной мобильности являются миграционные трудовые намерения женщин-ученых, которые можно определить как ориентацию женщин на выезд за рубеж с целью трудоустройства в научно-исследовательской сфере. В 2016 году миграционные установки отмечались у 14,4% женщин, из которых 11,6% намерены были уехать за границу для временной работы по исследовательскому гранту или контракту и 2,8% желали уехать за границу навсегда. Не имели планов уехать за границу навсегда или на время 69,4% женщин, затруднились ответить на поставленный вопрос 13,5% женщин.

Основной причиной для тех женщин, которые решили уехать за границу навсегда, являлась надежда на значительное улучшение материального положения (60,7%). На втором месте среди причин, обусловливающих миграционные намерения, – желание обеспечить детям достойное и надежное будущее (56,5%), на третьем – наиболее полная реализация своего творческого потенциала (39,1%), на четвертом – посмотреть мир, пожить в других странах (26,1%), и на пятом – быть уважаемым человеком и повысить свой социальный и профессиональный статус (8,6%).

Если говорить о возможности работы по исследовательскому гранту (контракту) за рубежом, то для большинства женщин в 2016 году она была затруднительна (не имели такой возможности 35,9% женщин, искали такую возможность и надеялись на ее осуществление 26,2%). При этом не заинтересованы были в такой возможности 28,4% женщин. И лишь 2,3% женщин уже работали по зарубежному контракту или гранту, а также 3,1% женщин имели реальную возможность и намерены были воспользоваться ею в ближайшее время. Желание повысить свой профессиональный уровень и квалификацию являлось основной причиной для тех женщин (76,2%), которые намерены были уехать за границу для временной работы по исследовательскому гранту или контракту. Также к основным причинам

по данному миграционному намерению следует отнести: желание накопить денег и улучшить свое материальное положение (39,7%), желание посмотреть мир, пожить в другой стране (30,2%), установление контактов для эмиграции в будущем (12,7%) и желание заработать капитал для того, чтобы открыть свое дело в Беларуси (1,6%).

Пятерку причин, которые удерживали от эмиграции женщин-исследователей, составили следующие: патриотизм, любовь к своей стране (37,8%); семейные обстоятельства (32%); боязнь, что личные привычки, традиции и образ жизни не позволят адекватно адаптироваться в другой стране (25,2%); реализация себя как ученого в своей стране (23%); незнание иностранного языка (17,6%). Причем семейные обстоятельства расцениваются как помеха для эмиграции женщин-исследователей. Также среди причин стоит выделить несоответствие уровня собственной квалификации требуемому в мировой науке (13,5%). Для 9,9% женщин эмигрировать в другую страну не позволяет преклонный возраст. Лично оскорбляет неравенство в социальном и экономическом положении ученых-эмигрантов женщин и не желают быть людьми второго сорта 8,6% женщин. В варианте «другое», который выбрали 6,3% женщин, были такие ответы, как: *«мало опыта в избранной сфере»; «много усилий было приложено, чтобы наладить свою жизнь здесь»; «отсутствие средств»; «слишком «домашняя»; «не уверена, что «выживу» вдали от семьи».*

В 2019 году у 12,3% женщин отмечались те или иные миграционные намерения. Уехать для временной работы за рубеж намерены были 2,8%, для учебы, повышения квалификации – 6,7%, уехать за границу на постоянное место жительства – 2,8% женщин. При этом 60,1% женщин не планируют уехать за рубеж навсегда или на время и затруднились ответить на поставленный вопрос 28,7%. Среди причин, по которым незначительная доля женщин планирует уехать за рубеж навсегда или на время, были названы следующие: *«более высокая заработная плата», «больше возможностей для самореализации, престиж ученого», «выполнение совместных работ с зарубежными коллегами», «для освоения новых методик», «интересно пожить и поработать в другой стране», «оценить на собственном опыте уровень работы в науке и жизни в целом», «перенять опыт зарубежных коллег и завести новые полезные знакомства», «улучшить иностранный язык», «получить уникальный опыт работы за рубежом»*. Как мы видим, желание женщин уехать за рубеж обусловливается в основном улучшением материального положения и повышением профессионального уровня.

Таким образом, исследование профессиональной мобильности и миграционных намерений женщин-ученых является необходимым и важным этапом в изучении кадрового потенциала белорусской науки. Систематическое изучение профессиональных планов и миграционных установок ученых позволяет оперативно корректировать меры, направленные на «удержание» интеллектуальной элиты в стране, и разрабатывать механизмы закрепления научных кадров.

Библиографический список

1. Илимбетова А. А. Глобальный процесс феминизации миграции // Век глобализации. 2013. № 1. С. 79–91.

Информация об авторе

Соловей Алеся Петровна (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси (220072, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; isst@socio.bas-net.by).

Solovey A.P.

PROFESSIONAL MOBILITY AND INTELLECTUAL MIGRATION OF WOMEN SCIENTISTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

Abstract. *According to the results of sociological research, intentions of professional mobility of women scientists, reasons for leaving science, and factors that keep women in the scientific sphere are considered. Emphasis is placed on migration attitudes, reasons that facilitate and prevent emigration of women scientists.*

Key words: *science, women scientists, professional mobility, academic mobility, migration intentions.*

Information about the author

Solovey Alesya P. (Republic of Belarus, Minsk) – Researcher, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, 220072, 1 Surganova St., building 2, isst@socio.bas-net.by).

References

1. Ilimbetova A. A. The global process of feminization of migration / A. A. Ilimbetova // The Century of Globalization. 2013. № 1. P. 79–91.

УДК 331.545: 331.101.5 /ББК 65.24

Шестакова Н.Н.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ[1]

***Аннотация**. В статье рассмотрены вопросы продвижения цифровизации экономики на региональном уровне. Установлено наличие слабой взаимосвязи региональной цифровизации с решением проблемы обеспечения кадрами текущей и перспективной экономики. Обозначена совокупность целей региональной стратегии трансформации образовательно-воспитательного сегмента социального пространства региона. Выделены приоритеты стратегические приоритеты.*

***Ключевые слова:** цифровизация экономики, региональная экономика, подготовка кадров, стратегии, трансформации образовательно-воспитательного сегмента социального пространства региона, стратегические цели, стратегические приоритеты.*

При обращении к региональному аспекту кадрового обеспечения функционирования экономики представляется целесообразным – по крайней мере, на ранних этапах целеполагания – применить принцип дифференциации подготовки кадров в зависимости от степени продвинутости субъектов федерации на пути к digital economy /цифровой экономике, экономике знаний. В основу этой дифференциации, в частности, может быть положен рейтинг, составляемый Советом по региональной информатизации Минкомсвязи РФ[2]. Так, например, в 2017 г. на основе анализа 120 показателей и 17 подиндексов, отражающих разделы Концепции развития региональной информатизации [2], установлено, что первые три позиции в рейтинге (2017 г.) заняли Москва, Тюменская область и Ханты-Мансийский автономный округ.

С точки зрения перспектив социально-экономического развития целесообразно сопоставить упомянутый рейтинг по региональной информатизации Минкомсвязи РФ (2017 г.), например, с составляемым рейтинговым агентством интегральным рэнкингом регионов по оценке текущего уровня и динамики изменений «Экономическое здоровье российских регионов» (2019) (таблица)[3].

Как можно видеть, сравнение правой и левой частей *таблицы* демонстрирует весьма относительную согласованность экономического здоровья и динамики развития и информатизации регионов государства. И это справедливо как для верхнего, так и для нижнего сегмента регионов: в верхней части таблицы совпадающих (без учета занимаемых в иерархии мест) регионов (выделены курсивом) шесть, в нижней же части – таковых только четыре. Обратим внимание: двухлетнее опережение рейтинга по информатизации (2017 г.) относительно рэнкинга экономического здоровья (2019 г.) объективно предполагало наличие некоторого временного лага для развития регионов. Однако фактического результата и/или связи не обнаруживается.

---

[1] Статья подготовлена в рамках темы НИР «Стратегическое управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях научно-технологической модернизации и перехода к цифровой экономике».

[2] Рассчитывается исходя из уровня развития специальных информсистем: ГИС «Контингент», ИС Управления транспортом, ЕГАИС, ГИС ГМП, Система-112, ГИС «Энергоэффективность, ИКТ-инфраструктура, электронное правительство, ИКТ в сфере образования, ИКТ в сфере здравоохранения, ИКТ в сфере транспорта [1].

[3] В источнике приведены сведения только о первых и последних десяти местах [3].

Сопоставление позиций российских регионов в рейтинге по региональной информатизации Минкомсвязи РФ (2017) и рэнкинге регионов по оценке текущего уровня и динамики изменений «Экономическое здоровье российских регионов» (2019)

Рейтинг по региональной информатизации		Рэнкинг регионов по оценке текущего уровня и динамики изменений	
Место в рейтинге	Регион РФ	Место в рэнкинге	Регион РФ
1	Сахалинская обл.	1	Москва
2	Москва	2	Тюменская область
3	Ямало-Ненецкий автономный округ	3	Ханты-Мансийский автономный округ-Югра
4	Ненецкий автономный округ	4	Республика Татарстан
5	Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	5	Тульская область
6	Санкт-Петербург	6	Новосибирская область
7	Тюменская область	7	Республика Башкортостан
8	Республика Татарстан	8	Ямало-Ненецкий автономный округ
9	Ленинградская обл.	9	Томская область
10	Московская обл.	10	Челябинская область
…	…	…	…
76	Псковская обл.	76	Республика Ингушетия
77	Республика Марий-Эл	77	Карачаево-Черкесская Республика
78	Кабардино-Балкарская Республика	78	Республика Тыва
79	Республика Тыва	79	Чукотский автономный округ
80	Еврейская автономная область	80	г. Севастополь
81	Курганская обл.	81	Еврейская автономная область
82	Республика Калмыкия	82	Чеченская Республика
83	Республика Ингушетия	83	Республика Крым
84	Республика Мордовия		
85	Карачаево-Черкесская Республика		

Источник: Составлено на основе [2].

Таким образом, можно – в первом приближении – сделать вывод о слабой зависимости уровня региональной информатизации и экономического развития субъектов Российской Федерации.

Пути продвижения региональной цифровизации обсуждаются как на уровне госорганов, так и в профессиональном сообществе. В частности, в принятой 5 лет назад Правительством РФ Концепции развития региональной информатизации определено: «Целевое бюджетное финансирование и практика государственно-частного партнерства – это те средства и инструменты, принятые на государственном уровне, которые есть у региона, чтобы начать работу по цифровизации» [4]. Профессиональное сообщество в лице, например, эксперта компании «Форсайт» Дм. Горбачева предлагает на региональном уровне вполне конкретный план действий. «Первая волна внедрений ИТ-систем связана с задачами мониторинга и контроля – созданием ситуационных центров, систем видеосвязи, единого документооборота, программных комплексов для мониторинга исполнения получений, проектов и программ – то есть программных решений, которые представляют и визуализируют информацию as is, как она есть. Второй этап – это сбор и аналитика больших данных, оптимизация на основе полученных выводов процессов государственного управления. Третий этап – моделирование и прогнозирование возможных путей развития региона» [5].

Еще более категорично высказывается заместитель директора НИИ «Восход» А. Бугаенко[4], утверждая, что примеры уже начатых на федеральном уровне трансформаций имеют все признаки «трансформации ради трансформации». «Сегодня многие регионы не готовы к цифровому будущему в силу отсутствия глубокого понимания целей и прозрачных «правил цифровой игры», слабой координации в области информатизации и неспособности рынка объяснить суть цифровой трансформации. И именно усилия отраслевого регулятора – Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций – систематизирующие предметную область цифровой трансформации, его активная позиция в отношении субсидирования регионов, привлечения профессионалов из подведомственных предприятий и экспертов из крупнейших игроков рынка, а также взаимодействие с центрами компетенций и заказчиками цифровой трансформации из органов государственного управления, позволят решить обозначенные проблемы. А остальное индустрия сделает самостоятельно: органично, быстро, качественно» [5].

Как можно видеть, отсутствие внятных целей развития цифровой экономики усугубляет трудности выстраивания ориентиров ее кадрового обеспечения. Кроме того, очевидно, что единого подхода к решению проблемы обеспечения кадрами текущей и перспективной экономики, включая экономику цифровую, не просматривается. Об отсутствии общих принципов между профильными ведомствами, вовлеченными в силу должностных обязанностей в эту сферу, вполне справедливо рассуждает председатель комитета РСПП по профессиональному обучению и профессиональным квалификациям А. Карачинский: «…у нынешних чиновников нет системного видения ситуации. Они решают тактические вопросы. У Минтруда и Минобразования плохо налажена координация, из-за чего отсутствует комплексный подход. Но результаты сегодняшних действий в сфере образования и рынка труда проявятся только через 10-15-20 лет. Поэтому совершенно необходимо стратегическое видение и стратегический подход к системе подготовки кадров» [6]. И далее: «Развитие умного подхода к образованию, который коррелирует с данными о регионах, о том, где кого не хватает, каких специальностей. Этот набор возможностей очень важно более комплексно и более системно воплощать в будущем» [7].

Ввиду изложенного, а также с учетом все более выраженного перехода самого процесса и содержания образования в цифровую среду представляется, что *совокупность целей региональной стратегии трансформации образовательно-воспитательного сегмента социального пространства региона* должна быть ориентирована на развитие человеческого капитала в условиях экономики знаний, цифровой экономики и должна опираться на следующие положения:

- понимание и учет принципиальных изменений, происходящих в сфере труда, как реакции на сверхбыстрый прогресс техники и технологии;
- понимание и учет происходящих изменений в сфере занятости;
- учет <исторически последнего> фактора наличия в экономике в настоящее время трех поколений занятых, обладающих принципиально различным уровнем цифровой грамотности;
- понимание и стратегический учет особенностей современного молодого – как самого перспективного и наиболее продвинутого – поколения (включающего поколения Y и Z), уже родившихся и выросших в цифровой среде, что априори определяет их исходно более высокую готовность к функциониро-

[4] ФГБУ НИИ «Восход» – научно-исследовательский институт, входящий в структуру Минкомсвязи, разрабатывает и внедряет инфокоммуникационные системы государственного и спецназначения.

ванию – в широком смысле – в среде цифровой жизнедеятельности вообще и экономики в частности;

- глобализацию множества компонентов экономической системы, экономики как таковой, рынка труда; системы образования; системы распространения знаний и информации;
- необходимость синхронизации процесса продвижения экономики по пути цифровизации, в том числе в территориальном/региональном разрезе, с образовательными и обучающими возможностями современного глобального и национального общества;
- непреложность фактора массового вовлечения населения в систему непрерывного образования (lifelong education, образование на протяжении всей жизни).
- Приоритетными же должны оставаться следующие цели стратегии трансформации образовательно-воспитательного сегмента социального пространства региона с учетом ее влияния на развитие человеческого капитала экономики знаний, цифровой экономики:
- продолжение перемещения образовательного процесса в цифровое пространство и вытекающее отсюда понижение роли формализованных институтов образования;
- расширение сети и разнообразия форм неформального образования в контексте выраженных актуальных тенденций, но с учетом приоритетов государственного развития;
- выравнивание – по возможности – уровней владения/ продвинутости компьютерной грамотности учителей, преподавателей, воспитателей до уровня детей, подростков, молодежи;
- совершенствование методов контроля знаний учащихся и студентов;
- выравнивание стартовых и текущих возможностей детей, подростков и молодежи вне зависимости от территории проживания, что по своей сути, с одной стороны, является следствием, а с другой – фактором цифровизации экономики.

Библиографический список

1. Минкомсвязь представила рейтинг информатизации регионов-2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://d-russia.ru/minkomsvyaz-predstavila-rejting-informatizatsii-regionov-2017.html
2. Концепция развития региональной информатизации: утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2014 года №2769-р.
3. Экономическое здоровье российских регионов: текущий уровень и динамика изменений [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://raexpert.ru/researches/regions/rif_2019#2
4. Информатизация регионов: рынок России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php
5. Цифровая трансформации региона: зачем нужна и с чего должна начинаться (21.01.2019) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.voskhod.ru/news/press/tsifrovaya-transformatsii-regiona-zachem-nuzhna-i-s-chego-dolzhna-nachinatsya/
6. Роботы или люди // РБК. 2018. №1. 5 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://spb.rbcplus.ru/news/5a9d49f87a8aa9079fd1a81f
7. Восстание машин // РБК. 2018. №1. 5 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://spb.rbcplus.ru/news/5aa663a07a8aa9079b7192e2

Информация об авторе

Шестакова Наталия Николаевна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, С.-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; nnshestakova@gmail.com).

Shestakova N.N.

PERSONNEL SUPPORT FOR THE PROSPECTS OF THE REGIONAL ECONOMY

Abstract. *The article deals with the issues of promoting the digitalization of the economy at the regional level. It is established that there is a weak relationship between regional digitalization and the solution of the problem of staffing the current and future economy. The set of goals of the regional strategy for the transformation of the educational segment of the social space of the region is indicated. Strategic priorities are highlighted.*

Key words: *digitalization of the economy, regional economy, personnel training, strategies for transforming the educational segment of the region's social space, strategic goals for transforming the educational segment of the region's social space, strategic priorities for transforming the educational segment of the region's social space.*

Information about the author

Shestakova Natalia Nikolaevna (Russia, Saint Petersburg) candidate of technical science, associate professor, leading research fellow, Institute for Regional Economy Studies of the Russian Academy of Science. (190013, Russia, Sankt-Petersburg, Serpukhovskaya st., 38; nnshestakova@gmail.com).

References

1. The Ministry of communications presented the rating of Informatization of regions-2017 URL: http://d-russia.ru/minkomsvyaz-predstavila-rejting-informatizatsii-regionov-2017.html
2. Concepts of regional Informatization development. Approved by decree of the government of the Russian Federation № 2769-R of December 29, 2014.
3. Economic health of Russian regions: current level and dynamics of changes URL: https://raexpert.ru/researches/regions/rif_2019#2
4. Informatization of regions: Russian market URL: http://www.tadviser.ru/index.php Article: Informatization_of_regions (Russian_market)
5. Digital transformation of the region: why it is necessary and where it should start (21.01.2019) URL: http://www.voskhod.ru/news/press/tsifrovaya-transformatsii-regiona-zachem-nuzhna-i-s-chego-dolzhna-nachinatsya/
6. Robots or people RBC № 1, March 5, 2018 URL: http://spb.rbcplus.ru/news/5a9d49f87a8aa9079fd1a81f
7. Rise of the machines RBC № 1, March 5, 2018 URL: http://spb.rbcplus.ru/news/5aa663a07a8aa9079b7192e26.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ – ДВИГАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

УДК 316.346.32-053.6 / ББК 60.55.325.11

Безруков А.В.

ЖИЗНЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ О СЕМЕЙНО-ГЕНДЕРНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

***Аннотация**. Анализируются представления молодых людей об «идеальном» возрасте вступления в брак и рождения детей и об одобрении «отклоняющихся» стратегий семейно-гендерной самореализации. Оцениваются различия представлений в демографических группах. Делается вывод об адекватности этих представлений актуальному социальному порядку.*

***Ключевые слова:** институт семьи и брака, молодёжь, самоопределение, мотивация, семейно-гендерная самореализация, отклоняющаяся стратегия, поддержка.*

Во многочисленных дискуссиях о трансформации института семьи и брака прослеживаются две основные тенденции-фактора: 1) продолжающаяся демократизация в сторону равноправия полов и расширения независимости каждого члена семьи, обнажающая износ традиционных представлений о семейно-гендерной самореализации личности; 2) усугубляющаяся имущественная дифференциация и поляризация в обществе, нарастающая неопределённость и рискологичность общественного развития, обусловливающие усиление потребности личности в социально-психологической поддержке. Последнюю, прежде всего, индивид может получить и получает в семье, что обусловливает её функциональность.

Абсолютизация каждой из обозначенных тенденций порождает противоположные сценарии будущего семьи от её исчезновения до сохранения с необходимыми адаптационными изменениями под требования изменяющегося социального порядка. Реализация сценариев этого будущего во многом связана с особенностями самоопределения современной молодёжи, т.е. с процессом усвоения норм и ценностей сложившегося социального порядка, их переосмыслением и выбором определённых стратегий самореализации. В частности, стратегий семейно-гендерной самореализации относительно представлений о себе в качестве субъекта общественного воспроизводства (см. подробнее об этом в статье автора [2]). Эти стратегии могут либо соответствовать нормативным основаниям сложившегося социального порядка, либо отклоняться от них. В частности, к отклонениям можно отнести отказ от рождения детей, отказ от заключения брака и т.п.

Между тем, согласно опросам общественного мнения, в том числе среди молодых людей, семья (а также связанные с ней отношения, забота, верность и т.п.) сохраняет достаточно устойчивые позиции в качестве одной из главных жизненных ценностей и условий счастливой жизни (см. например [1, с. 60]), но функциональные основы и формы организации семьи в их традиционном понимании продолжают свою трансформацию. Прежде всего, в условиях доступности ресурсов, роста качества жизни, совершенствования технологий, расширения сферы услуг и т.п. отпадает необходимость в реализации хозяйственно-бытовой и тем более производственной функций семьи. В результате современная семья сосредоточена на потреблении. В том числе своеобразным предметом потребления становится сама семья, что также определяет её ценность.

Усиление потребительских настроений обусловливает изменение мотивов, что сказывается на индивидуальном осознании ценности и переосмыслении форм традиционной семейной организации под индивидуальные нужды. Возникает логич-

ный (для всякого рационального потребления) вопрос относительно необходимости семьи современному человеку в её традиционном понимании. Учитывая более частные тенденции, единственно общим ответом остаётся сохраняющаяся и усиливающаяся индивидуальная потребность в общении и поддержке, в т.ч. той социальной поддержке, которую получает человек, обладающий брачным статусом супруга/супруги и семейным статусом родителя. Таким образом, основными мотивами семейно-гендерной самореализации на современном этапе общественного развития становятся: 1) стремление к связанности, боязнь одиночества и потребность в общении; 2) стремление к материальному благополучию, достигаемому посредством кооперации доходов супругов и мер государственной социальной поддержки; 3) стремление к стабилизации и закреплению статуса, гарантирующего наличие этой поддержки. Кроме того, потребительское (а значит зависимое) отношение обусловливает смещение от автономной к контролируемой мотивации (см. подробнее об этом в [5]). Следовательно, встаёт вопрос относительно самостоятельности представлений молодых людей и автономности семейно-гендерной самореализации.

Материалы Европейского социального исследования [3] позволяют оценить представления молодых людей о стратегиях семейно-гендерной самореализации. В ходе последней волны 2018 года было опрошено 2416 россиян, из которых 497 (20% от выборочной совокупности) – люди в возрасте от 16 до 30 лет. Распределение лиц мужского и женского пола в подвыборке молодых людей составило 48% на 52% соответственно. 13% подвыборки – представители младшей молодёжи (16–19 лет), 40% – представители средневозрастной группы (20–24 года) и 47% – представители старшей молодёжи (25–30 лет).

По шкале от 0 до 10 респондентам предлагалось оценить степень планирования своего будущего, где 0 означает «планирование жизни, насколько это возможно», а 1 – «жизнь день за днём без конкретного плана». В целом, результаты исследования демонстрируют стремление более половины опрошенных молодых людей к планированию своей жизни. Относительно высокую («0–2» пункты шкалы) степень планирования жизни демонстрируют 29% молодых людей, в то время как тех, кто скорее отказывается (9–10 пункты шкалы) от жизненного планирования, несколько меньше – 17%.

Посредством случайного отнесения респондентов к одной из двух групп (группа 1 оценивает представления относительно девушек, группа 2 – относительно мужчин) респондентам предлагалось определить «идеальный возраст» человека, связанный с: 1) началом сожительства со своим партнёром вне брака; 2) заключением брака и началом жизни со своим супругом; 3) рождением детей и обретением статуса родителя (отца/матери). Далее относительно обозначенных событий предлагалось определить возраст, до которого человек ещё слишком молод для них и, наоборот, после которого человек уже выходит из того возраста, когда эти события ещё возможны.

Поскольку ответы респондентов на обозначенные вопросы существенно отклоняются от нормального распределения, для определения среднего возраста воспользуемся медианным значением (*табл. 1*). Можно заметить, что полученные данные демонстрируют адекватные современным реалиям представления молодых людей об «идеальном» возрасте семейно-гендерной самореализации. Прослеживается очевидная поступательная тенденция её планирования: сначала необходимо какое-то время (в среднем 3 года) пожить с предполагаемым партнёром, после чего следует заключить брак, и только потом (в среднем ещё через 2 года) молодые достигают «идеального» возраста для обретения статуса родителей. В этих же представлениях

прослеживается традиционный разрыв в возрастах партнёров: при наступлении всех обозначенных событий «идеально», если мужчина будет в среднем на 2 года старше девушки. Более того, этот же разрыв наблюдается и при оценке возраста, когда люди ещё слишком молоды для всего этого: если для заключения брака и рождения детей девушка ещё слишком молода в 18-летнем возрасте, то мужчина – в 20-летнем. «Идеальный» же возраст для начала семейно-гендерной самореализации начинается с 20 лет у девушки и 22-х лет у мужчины.

Таблица 1. Представления о возрасте семейно-гендерной самореализации, медианный возраст (в скобках указаны значения в подвыборке взрослого населения)

Ситуации		Критерии представлений		
		Слишком молод для этих событий	Идеальный для этих событий возраст	Уже поздно для этого
1. Начало сожительства с партнёром вне брака	Для девушек	18 (18)	20 (20)	-
	Для юношей	18 (18)	22 (22)	-
2. Заключение брака	Для девушек	18 (18)	23 (25)	-
	Для юношей	20 (20)	25 (25)	-
3. Рождение детей и обретение статуса родителя	Для девушек	18 (20)	25 (25)	40 (45)
	Для юношей	20 (20)	27 (25)	45 (48)

Относительно существенное откладывание «идеального» для девушки возраста вступления в брак наблюдается в группе юношей 16–19 лет (медианное значение возраста составило 25 лет). Интересно, что чем моложе юноша, тем ниже в его представлениях идеальное значение возраста мужчины для начала сожительства (20 лет в группе юношей 16–24 лет). Наоборот, чем старше девушка, тем выше в её представлениях идеальное значение возраста мужчины для начала сожительства (24 года в группе девушек 25–30 лет). Вероятно, в этих тенденциях прослеживаются традиционные представления о разнице в возрасте между партнёрами, т.е. определённая мотивация девушек завязывать отношения с более опытными представителями противоположного пола, тогда как молодые мужчины рассматривают отношения с девушкой как демонстрацию определённого статуса и претензию на уважение и поддержку. Кроме того, с возрастом эти представления усиливаются, особенно у девушек, которые осознают, что их будущий партнёр должен быть более взрослым человеком, статус и опыт которого позволяет создать более надёжный фундамент для будущей семьи и рождения детей.

Некоторое откладывание возраста рождения детей наблюдается в группе девушек и юношей 20-24 лет. В частности, в группе девушек слишком ранний возраст девушки для рождения детей составляет 20 лет, а слишком поздний – 44 года, тогда как в группе юношей – для юношей 19 и 50 лет соответственно. Однако с учетом того, что спрашивается о раннем возрасте для таких событий, эти оценки представляются довольно логичными и осознанными по отношению к рождению детей.

Наконец, стоит отметить, что в целом такие оценки «идеального» возраста совпадают с оценками, которые дают респонденты старше 30 лет. Наиболее существенное отличие прослеживается только относительно «идеального» возраста мужчины для рождения детей. В подвыборке взрослого населения он составляет 25 лет и соответствует возрасту девушки. В то же время «идеальный» возраст девушки для заключения брака в группе взрослого населения составил аналогично 25 лет. Другими словами, получается, что для более взрослого населения 25-летний возраст рассматривается в качестве «идеального» одновременно для вступления в брак и рождения детей для партнёров обоих полов.

Далее в исследовании у респондентов интересовались относительно их одобрения «отклоняющихся» стратегий семейно-гендерной самореализации, т.е. приемлемости 1) отказа от рождения детей; 2) жизни вне брака; 3) рождения детей вне брака (*табл. 2*). Аналогично данные параметры оценивались отдельно для юношей и девушек.

Таблица 2. Одобрение «отклоняющихся» стратегий семейно-гендерной самореализации, % (в скобках указаны значения в подвыборке взрослого населения)

Стратегии		Степень одобрения		
		Не одобряю	Нейтрально	Одобряю
1. Решение никогда не иметь детей	для девушек	61 (71)	20 (21)	19 (8)
	для юношей	52 (72)	26 (20)	22 (8)
2. Сожительство вне брака	для девушек	24 (39)	34 (37)	42 (24)
	для юношей	30 (48)	30 (34)	40 (18)
3. Рождение детей вне брака	для девушек	33 (40)	36 (33)	31 (27)
	для юношей	39 (48)	34 (34)	27 (18)

Полученные данные демонстрируют существенный разрыв между молодыми и взрослыми людьми в оценке допустимости отклоняющихся стратегий семейно-гендерной самореализации. Среди молодых людей заметно меньше тех, кто не одобряет решение мужчины или женщины никогда не иметь детей, жить вне брака или иметь детей вне брака. Особой значимостью на фоне остальных отличается отказ от рождения детей. Эту стратегию оценивают наиболее негативно. Стоит также отметить, что, по мнению молодых людей, такая стратегия больше допустима для мужчины, чем для женщины. С возрастом, однако, представления молодых людей стабилизируются и становятся менее отклоняющимися. В целом такие оценки и тенденции вполне отражают объективную реальность, характерные тенденции индивидуализации.

Значительно меньше, но практически одинаково недопустимо жить и рожать детей вне брака. Однако примечательно, что в группе молодых людей ситуация с рождением детей вносит свои коррективы и стратегия рождения детей вне брака встречает меньше одобрения, чем сожительство без детей, тогда как в группе взрослого населения значимых различий не наблюдается. В некоторой степени в этом прослеживается более ответственный подход молодых людей к семейно-гендерной самореализации, т.е. осознание тех необходимых корректив, которые вносит в жизнь молодых рождение ребёнка. Кроме того, относительно мужчин подобные стратегии чаще встречают неодобрение, чем в отношении женщин. Вероятно, в этих оценках транслируется стереотип женатого (а значит более статусного или надёжного) мужчины и незамужней (а значит менее статусной, но, главное, состоящей в отношениях) женщины. Другими словами, возможно, что значимость брака в жизни мужчины обусловлена мотивацией на достижение определённого статуса и положения в обществе, тогда как для женщины важнее сами отношения.

Таким образом, выделенные особенности представлений молодых людей о семейно-гендерной самореализации и обозначенные различия на фоне представлений взрослого населения подтверждают тенденции сохранения значимости института семьи и брака, его базовой функциональности, но демонстрируют ослабление его традиционных способов и форм в сторону роста приемлемости отклоняющихся стратегий семейно-гендерной самореализации. С одной стороны, представления молодых людей о возрасте семейно-гендерной самореализации повторяют позицию старших поколений, в некотором смысле демонстрируют более ответствен-

ный подход к планированию семьи. С другой стороны, молодые люди отличаются большей терпимостью по отношению к современным тенденциям трансформации института семьи и брака. Вместе с тем показательно, что фактор планирования не обнаруживает значимых связей и влияний с представлениями о семейно-гендерной самореализации молодых людей, т.е. оценки «идеальности» возраста и одобрения отклоняющихся стратегий никак не отражаются в их планах на жизнь, и наоборот. Следовательно, трансформация отношений семьи и брака, вероятно, больше связана с глобальным кризисом патриархальности [4, с. 503], а не с традиционно приписываемыми молодым людям легкомыслием и безответственностью. Другими словами, оценки молодых людей в большей степени отражают объективную реальность и тенденции современного общества, а не индивидуальные представления и выбор собственного жизненного пути.

Библиографический список

1. Банникова Л.Н., Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 58-68.
2. Безруков А.В. Стратегии семейного самоопределения молодежи (на примере исследования молодежи г. Перми) // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. (6–7 декабря 2017 г.) / ПГНИУ. Пермь, 2017. С. 183-186.
3. Европейское социальное исследование в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ess-ru.ru/index.php?id=330. Дата обращения: 20.02.2020.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
5. Edward L. Deci, Richard M. Ryan (2015). Self-Determination Theory. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd edition, Volume 21. P. 486-491.

Информация об авторе

Безруков Антон Витальевич (Россия, Пермь) – ассистент кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15; anton.v.bezrukov@yandex.ru).

Bezrukov A.V.

THE LIFE PLANNING AND VIEWS OF YOUNG PEOPLE ABOUT THE FAMILY AND GENDER SELF-REALIZATION

***Abstract**. Young people's views of the «ideal» age of marriage and childbearing and approval of «deviant» strategies for family and gender self-realization are analyzed. Differences in views in demographic groups are evaluated. The conclusion: these views are adequacy to the social order.*

***Key words:** family and marriage, youth, self-determination, motivation, family and gender self-realization, deviant strategy, support.*

Information about the author

Bezrukov Anton V. (Russia, Perm) – assistant of the Department of sociology, Perm state national research University (15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia; anton.v.bezrukov@yandex.ru).

References

1. Bannikova L.N., Boronina L.N., Vishnevskiy YU.R. Novyye yavleniya v tsennostnykh oriyentatsiyakh ural'skogo studenchestva [New phenomena in the value orientations of the Ural students] // Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research]. 2013. № 2. pp. 58-68. (In Russian).
2. Bezrukov A.V. Strategii semeynogo samoopredeleniya molodezhi (na primere issledovaniya molodezhi g. Permi) [Strategies of family self-determination of youth (on the example of research of youth in Perm)] // Aktual'nyye problemy razvitiya chelovecheskogo potentsiala v sovremennom obshchestve [Actual problems of human potential]: materialy IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (6–7 dekabrya 2017 g.) / PGNIU. Perm', 2017. pp. 183-186. (In Russian).
3. Yevropeyskoye sotsial'noye issledovaniye v Rossii [European social research in Russia]. URL: http://www.ess-ru.ru/index.php?id=330. Accessed: 20.02.2020. (In Russian).
4. Castells Manuel (1996, second edition, 2009). The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. I. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell. 656 p. (In English).
5. Edward L. Deci, Richard M. Ryan (2015). Self-Determination Theory. International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd edition, Volume 21. pp. 486-491. (In English).

УДК 316.334/ББК 60.56

Власова О.В., Петрова Д.С.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ

***Аннотация**. В статье раскрывается дефиниция «профессиональное самоопределение». Обозначены ключевые проблемы студенческой молодежи в вопросе профессионального самоопределения. Представлены возможные пути решения проблем на основании реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.*

***Ключевые слова:** студенческая молодежь, социализация, профессиональное самоопределение, профориентационная деятельность, рынок труда, депрофессионализация.*

На современном этапе развития институт образования выступает основным регулятором социальной структуры общества, а также является отраслью, задающей тенденции к изменению многих стратегических сфер государственной политики. Образование оказывает особое влияние на трансформацию рыночной экономики, в частности на одну из ее структурных частей – рынок труда.

Безусловно, в передовых странах модернизация института образования лежит в основе целеполагания развития государства и направлена на достижение высоких показателей в образовательной системе и развитие человеческого капитала как кадрового потенциала страны. Таким образом, система образования выступает как важный фактор благополучия граждан и успешного развития экономики, создает условия для социально-экономического роста и развития общества.

Данная тенденция напрямую влияет на сознание подрастающего поколения и влечет за собой трансформацию его потребностей, ценностных ориентации, жизненных планов, в том числе в выборе профессиональной деятельности. В связи с этим одной из важных проблем и задач, которые встают перед молодежью, является проблема профессионального самоопределения.

В России и за рубежом сформированы глубокие научные знания в области изучения профессионального самоопределения: например, авторами фундаментальных исследований являются Е.А. Климов, Э.Ф. Зеер, Н.С. Пряжников, А.Е. Голомшток, Б.Ф. Ломов. Среди современных авторов следует выделить Д.Ю. Нархова, Я.В. Дидковскую, Ю.Р. Вишневского.

За рабочую характеристику вышеобозначенного термина мы предлагаем считать следующую: «Профессиональное самоопределение – сложный диалектический процесс формирования личностью системы основополагающих отношений к профессионально-трудовой среде, развития и самореализации духовных и физических возможностей, формирования адекватных профессиональных планов и намерений, реалистического образа себя как профессионала» (С.Н. Чистякова и В.А. Поляков). Данное определение в последние годы является общепринятым, несмотря на различные подходы к рассмотрению дефиниции и многоаспектность данного процесса.

На наш взгляд, в контексте статьи также необходимо процитировать определение данное доктором социологических наук, доцентом Я.В. Дидковской, которая под профессиональным самоопределением понимает «сложный процесс интеграции молодежи в социально-профессиональную структуру общества, реализующийся на личностном уровне через ценностный выбор личностью вариантов своего профессионального развития…» [3, с.55].

Исходя из определений, можно сделать вывод, что профессиональное самоопределение выступает инструментом включения молодого человека в социально-профессиональную структуру общества, а также является необходимым средством процесса социализации в вопросе адаптации к профессиональной деятельности.

В работе Г.М. Андреевой вопрос становления личности анализируется в контексте процесса социализации по отношению индивида к деятельности (стадии: «дотрудовая», «трудовая», «послетрудовая») [1, с. 218].

Рассматривая стадии социализации в контексте ведущей деятельности индивида, мы столкнулись с неоднозначной точкой зрения, к какой стадии все же следует относить получение среднего специального или высшего образования – к «дотрудовой» или «трудовой». Ведь, с одной стороны, продолжается процесс обучения и молодой человек является субъектом образовательных отношений, с другой стороны, специфика обучения в таких заведениях предполагает включение в трудовую деятельность, например, посредством практики или частичной занятости.

Здесь стоит отметить, что одним из наиболее важных периодов становления личности в процессе социализации приходится на этап «юность», для такового периода характерен «ролевой мораторий», под которым подразумевается осуществление постоянного выбора. На наш взгляд, получение высшего образования стоит отнести к промежуточному периоду между «дотрудовой» и «трудовой» деятельностью. Именно для данного возрастного периода наиболее актуально значение профессионального самоопределения, которое представляется важнейшим, фундаментальным процессом, влияющим на всю последующую жизнь человека.

При этом в вопросе изучения профессионального самоопределения именно студенческая молодежь, являясь культурным, политическим и социальным ресурсом российского общества, представляется наиболее значимым объектом исследования. Студенчество характеризуют, с одной стороны, как социальную группу, то есть субъект профессионального становления, с другой – как этап в социально-культурном формировании личности.

Как отмечает Я.В. Дидковская, «с поступлением в вуз вопросы профессионального выбора, поиска своего профессионального пути не только не перестают интересовать молодежь, напротив студенты переосмысливают свой выбор, оценивают его с учетом новых знаний, полученного опыта учебы в вузе по выбранной профессии, взаимодействия с преподавателями, студентами старших курсов, одногруппниками».

С целью более детального изучения проблем профессионального самоопределения студенческой молодежи нами были рассмотрены материалы социологических исследований, проведенных в разные периоды разными авторами на нескольких территориальных объектах, входящих в состав Уральского федерального округа.

Результаты одного из наиболее масштабных исследований опубликованы Ю.Р. Вишневским, Д.Ю. Нарховым, Я.В. Дидковской в журнале «Образование и наука». Данное исследование проводилось в семь этапов – с 1995 по 2016 год (с периодичностью в четыре года). Целевой аудиторией стала студенческая молодежь, обучающаяся в 28 вузах, включая их представительства и филиалы (за 21 год общий объем выборки составил 9 133 студента).

Результаты столь масштабного исследования являются неутешительными – так их характеризуют сами авторы: «Тенденции депрофессионализации молодежи, зафиксированные нами на первых этапах исследования, сохранились и к 2016 году. Доля студентов, планирующих работать по специальности, снизилась почти вдвое – с 66 до 34%» [2, с. 165].

Подобная тенденция может указывать на рассогласованность действий таких важнейших институтов социализации, как образование и рынок труда. Также причиной негативных последствий на окружном и муниципальном уровнях может служить отсутствие четкого планирования подготовки кадрового резерва востребованных рынком труда специалистов.

Вышеуказанная проблема характерна для всех уровней власти. Так, на высшем уровне, в Концепции Федеральной целевой программы развития образования на период 2016–2020 гг. прослеживается противоречие между ростом потребности в специалистах и отсутствием объективного прогноза такой потребности по отраслям экономики [5, с. 97].

На муниципальном уровне возникает дисбаланс между рынком труда и рынком молодых специалистов из-за упрощения вузами социальной функции профориентации и применения механизмов PR-акции и рекламных кампаний по привлечению абитуриентов в уже действующие образовательные программы.

По оценкам экспертов, до трети направлений подготовки нынешних российских вузов не дают даже минимально необходимых компетенций для будущей профессиональной деятельности, обучающиеся попадают в сектор «псевдообразования», что указывает на профнепригодность молодого специалиста [5, с. 72].

На наш взгляд, при рассмотрении обозначенной проблемы следует опираться на заявленный в 2008 году документ «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» [4].

В пункте четвертом «Развитие образования» составители указывают на то, что развитие системы профессионального образования будет сопровождаться «участием работодателей на всех этапах образовательного процесса». Одним из возможных вариантов стимулирования работодателей может явиться введение на государственном и муниципальном уровне налоговых льгот для организаций, принимающих на работу выпускников вузов.

В Концепции подчеркивается, что «одним из главных условий развития системы высшего профессионального образования является вовлеченность студентов и преподавателей в фундаментальные и прикладные исследования». Такое условие позволит вовлечь обучающегося в профессиональную деятельность, закрепить на практике необходимые умения и навыки, а также зарекомендовать себя в профессиональном обществе.

В Концепции прослеживается связь между сферой образования и сферой рынка труда. Так, в документе под шестым пунктом «Развитие рынка труда» одной из прогнозируемых задач обозначены «улучшение качества рабочей силы и развитие ее профессиональной мобильности на основе реформирования системы профессионального образования всех уровней, развития системы непрерывного профессионального образования, системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров с учетом определения государственных приоритетов развития экономики», что предполагает «развитие системы профессиональной ориентации и психологической поддержки населения, в том числе профессиональной ориентации школьников, повышение их мотивации к трудовой деятельности по профессиям, специальностям, востребованным на рынке труда».

На сегодняшний день на государственном уровне активно обсуждается вопрос о восстановлении системы государственного распределения как регулятора динамики интеллектуального потенциала страны и способа социальной защиты молодых специалистов. Однако нужно понимать, что система «стандартизированного» рас-

пределения противоречит и ожиданиям самих выпускников вузов, и потребностям рынка труда региональных уровней.

В связи с этим стратегической целью правительства должно стать кадровое и интеллектуальное обеспечение комплексного развития территории, её граждан на основе региональной системы высшего образования, повышения управляемости в сфере образования и занятости, а также грамотной профориентационной деятельности при взаимодействии с подрастающим поколением, особенно со студенческой молодежью.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 290 с.
2. Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю., Дидковская Я.В. Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация? // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 1. С. 152-170.
3. Дидковская Я.В. Студенчество конца XX – начала XXI в.: динамика профессионального самоопределения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4-4. С. 57-61.
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcyrygytfmGzrnAX.pdf (дата обращения 04.01.2019).
5. Социология современного образования: учебник / общ. ред. и составление Г.Ф. Шафранова-Куцева. М.: Логос, 2016. 432 с.

Информация об авторе

Власова Ольга Владимировна (Россия, Сургут) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-экономического образования и философии, БУ «Сургутский государственный педагогический университет» (628417, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д.10/2; office@surgpu.ru).

Петрова Дарья Сергеевна (Россия, Сургут) – магистрант направления подготовки 39.04.01: Социология, направленность: Социология региональных процессов, БУ «Сургутский государственный педагогический университет» (628417, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д.10/2; office@surgpu.ru).

Vlasova O.V., Petrova D.S.

PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF STUDENTS: KEY PROBLEMS AND PROSPECTS FOR SOLUTION

***Abstract**.The article reveals the definition of «professional self-determination». Key problems of student youth in the issue of professional self-determination are identified. Possible solutions to problems based on the implementation of the Concept of Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the period up to 2020 are presented.*

***Key words:** students, socialization, professional self-determination, career guidance, labor market, deprofessionalization.*

Information about the authors

Vlasova Olga V. (Russia, Surgut) – candidate of sociological sciences, associate professor of the department of socio-economic education and philosophy of Surgut State Pedagogical University (628417, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra, Surgut, 50 let VLKSM, d .10 / 2; office@surgpu.ru).

Petrova Darya S. (Russia, Surgut) – master of educational program 39.04.01 Sociology Orientation Sociology of Regional Processes BU Surgut State Pedagogical University (628417, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra, Surgut, 50 let VLKSM, d. 10/2; office@surgpu.ru).

References

1. Andreeva G.M. Social Psychology. Textbook for higher education. M.: Aspect Press, 2001. 290 p.
2. Vishnevsky Yu.R., Narkhov D.Yu., Didkovskaya Y. V. trends in higher education: professionalization or deprofessionalization? // Education and science. 2018. T. 20. № 1. P. 152-170.
3. Didkovskaya Y.V. Students of the late XX - early XXI century .: the dynamics of professional self-determination // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2009. № 4-4. P. 57-61.
4. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020 [Electronic resource]. Official website of the Government of the Russian Federation. URL: http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcyrygytfmGzrnAX.pdf (accessed: 04.01.2019).
5. Safranov-Kutsev G.F. Sociology of modern education: a textbook / general edition and compilation G.F. Shafranova-Kutseva. M.: Logos, 2016. 432 p.

УДК 316.346.32-053.6/ББК 60.54

Головчин М.А.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ УСПЕШНОСТЬ В ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

***Аннотация**. В материале представлены данные социологического исследования, посвященного успеху представителей молодого поколения в сфере предпринимательства и бизнеса. Информационной базой исследования служат данные репрезентативного социологического опроса, проведенного в трех регионах Северо-Западного федерального округа. В основе анализа лежит сопоставление ответов молодого населения (до 30 лет) и представителей старших возрастных групп (старше 30 лет). Анализ исследовательских данных позволил выделить сферы жизни, с которыми прежде всего ассоциирует свой успех молодежь, и роль предпринимательства в этой структуре. Также были отмечены факторы, способствующие и препятствующие развитию молодежного предпринимательства (как объективные, так и субъективные) и обозначены возможные мероприятия по преодолению проблем в обозначенной сфере.*

***Ключевые слова:** молодежь, предпринимательство, успех, социологический опрос, социальный проект.*

Создание условий для развития «третьего сектора» экономики не в последнюю очередь имеет отношение к молодежной политике. Так получилось, что одним из неотъемлемых атрибутов личности успешного предпринимателя является наличие адаптационных ресурсов, достаточных для успешного приспособления к естественному для бизнеса уровню риска (об этом говорят выводы исследования Р.Р. Хуснутдинова) [5, с. 84-89], что вполне соответствует базовым признакам молодости. Последнее, в частности, подтверждают данные Института социологии РАН [8, с. 154-157].

Эксперты также отмечают, что для развития предпринимательства в России важна ротация поколений, поскольку «долгое время в нашей стране предпринимательство считалось мошенничеством» [9, с. 289-293]. Подобное представление стало частью портрета «простого советского человека» [3, с. 51-65]. Молодое же население растет в новых реалиях, в рамках которых «предпринимательскую деятельность воспринимают, как основу финансового благополучия и профессионального роста» [9, с. 289-293].

В то же время уровень развития молодежного предпринимательства в РФ недостаточно высок. Так, по данным «Глобального мониторинга предпринимательства» (GEM) за 2019 год, уровень начальной предпринимательской активности в России составляет всего 9,3%. Для сравнения: в Бразилии этот показатель зафиксирован на уровне 23%, в Канаде – 18%, в США – 17%, в Австралии – 11% [10]. Эксперты отмечают, что такая картина складывается из-за того, что в молодежной среде сейчас слабо выражен дух предпринимательства, деформировано представление о бизнесе. Предприниматели часто воспринимаются представителями молодежи «как люди, которым приходится постоянно преодолевать трудности, а не как бизнесмены, стремящиеся к успеху» [1, с. 11-16].

Цель проведенного исследования: на основе изучения общественного мнения населения Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО) определить, как оценивают свой успех в предпринимательской деятельности представители молодого поколения. Для этого нами были проанализированы первичные материалы социологического опроса, проведенного Вологодским научным центром РАН в 2019 г. среди населения Вологодской, Псковской областей и Республики Карелия. Выборка иссле-

дования составляет 1600 чел. (при генеральной совокупности – 2415 тыс. чел.). При формировании выборки был учтен отбор респондентов по половозрастному признаку: было опрошено 137 мужчин (9%) и 126 женщин (8%) в возрасте до 30 лет, а также 570 мужчин (35%) и 767 женщин (48%) в возрасте старше 30 лет.

Обобщение социологических данных продемонстрировало то, что представители молодого поколения (до 30 лет) чаще связывают понятие жизненного успеха с реализацией родительского труда (74%), финансовым благополучием (65%) и здоровьесбережением (47%). Самореализацию и проявление инициативы (в том числе в бизнесе) рассматривают источником собственных достижений только 37% (*табл. 1*). Впрочем, подобные же воззрения характерны и для более старших возрастов, что косвенно говорит о наследовании форм идентичности (таких, в частности, как менталитет «простого советского человека»).

Таблица 1. Распределение ответов жителей регионов СЗФО на вопрос: «Что, прежде всего определяет жизненный успех человека?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Возраст респондентов	
	до 30 лет	старше 30 лет
Создание семьи, рождение ребенка	74,1	79,1
Финансовое благополучие	64,6	67,5
Здоровье, красота, спорт	46,8	49,5
…		
Самореализация, проявление инициативы	**37,3**	**26,8**
…		
Общение, доступ к информации	5,3	5,1
Музыка, культура	5,3	3,1
Политика, гражданское участие	0,4	0,9

Источник: данные социологического опроса населения регионов СЗФО (2019; N=1600).

Данные проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что молодежь высоко оценивает наличие своего успеха в коммуникативной (69%) и образовательной (39%) сферах жизни. Однако оценка жизненных достижений в предпринимательстве для молодого поколения, наоборот, практически нехарактерна. В группе «успешных предпринимателей» доля молодежи составляет всего 10% (в группе старше 30 лет – 90%). Это во многом связано с недостатком знаний, опыта и доступа к ресурсам у населения до 30 лет, первоочередной ориентацией на получение образования, а не на реализацию своего потенциала на рынке труда (*табл. 2*).

Важно отметить, что при этом молодежь пополняет не группу «пассивных наблюдателей» (тех, кто не стремится к успеху в предпринимательстве, а лишь следит за бизнес-процессами), в которой превалируют представители поколения «60+», а массово перетекает в резерв предпринимательства, т.е. проявляет готовность к соответствующей работе при прочих равных условиях.

Таблица 2. Социальные характеристики групп населения регионов СЗФО по их отношению к успеху в предпринимательстве (в % от числа опрошенных)

100% ↓	Самооценка собственных успехов в бизнесе		
	Имеют успех	Не имеют успеха, но хотят этого	Не имеют успеха и не хотят этого
Всего	4,3	44,1	51,5
Возрастные характеристики			
До 30 лет	10,1	25,2	9,6
30-60 лет	63,8	53,1	44,8

Окончание таблицы 2

100% ↓	Самооценка собственных успехов в бизнесе		
	Имеют успех	Не имеют успеха, но хотят этого	Не имеют успеха и не хотят этого
Старше 60 лет	26,1	21,8	45,6
Половозрастные характеристики			
Мужчины до 30 лет	4,3	12,7	5,5
Женщины до 30 лет	5,8	12,5	4,1
Мужчины 30-60 лет	44,9	29,6	21,1
Женщины 30-60 лет	18,8	23,5	23,8
Мужчины старше 60 лет	8,7	6,8	12,4
Женщины старше 60 лет	17,4	14,9	33,1

Источник: данные социологического опроса населения регионов СЗФО (2019; N=1600).

Вместе с тем отсутствием финансов и должного опыта перечень барьеров развития молодежного предпринимательства вовсе не ограничивается. Обращает на себя внимание то, что для представителей молодого поколения (в отличие от более старших возрастов) вовсе не характерно брать на себя ответственность за положение дел в сферах, выходящих за рамки бытовой, семейной жизни и работы (*табл. 3*). В то же время, как считают эксперты, умение брать на себя ответственность является неотъемлемой частью предпринимательского риска [7, с. 79-93].

Таблица 3. Сферы, за состояние дел в которых представители разных поколений чувствуют свою личную ответственность (в % от числа опрошенных)

Сфера	Возраст респондентов	
	до 30 лет	старше 30 лет
Семья	80,6	88,9
Работа	55,5	56,5
Положение дел в местах непосредственного проживания (в доме, во дворе, городе, районе, регионе, стране)	17,2	19,9

Источник: данные социологического опроса населения регионов СЗФО (2019; N=1600).

Таким образом, развитие молодежного предпринимательства прежде всего возможно за счет расширения практик участия молодежи в социальных проектах, предполагающих как решение проблем общества, так и приобретение опыта получения коммерческой прибыли и распоряжения ею. Как свидетельствуют данные опроса, в подобных мероприятиях на регулярной основе сейчас участвует не более 1% молодого населения СЗФО, но около 30% – потенциально готовы к этому. Последним чаще мешает занятость на основной работе и отсутствие свободного времени. При этом в качестве стимулов, способных заинтересовать в проявлении активности в подобных проектах, молодежь в равной степени называет как финансовую выгоду для себя (32%), так и актуальность/значимость решаемых проблем для общества (27%). Это говорит о важности тщательного отбора подобных инициатив для распространения в российских регионах в рамках диффузии. Это мероприятие могло бы в будущем войти в паспорт национального проекта ««Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Библиографический список

1. Власов Г.Ю. Развитие молодежного предпринимательства на современном этапе // Российское предпринимательство. 2011. №10-2. С. 11-16.

2. Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 18-35.
3. Радаев В.В. Прощай, советский простой человек! // Общественные науки и современность. 2018. №3. С. 51-65.
4. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 195 с.
5. Хуснутдинов Р.Р. Исследование психологических факторов успешности предпринимательской деятельности // Вестник Костромского государственного университета им. А.Н. Некрасова. Серия: Психологические науки «Акмеология образования». 2007. №1. С. 84-89.
6. Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие России // Проблемы развития территории. 2015. № 2 (76). С. 7-19.
7. Шеменева О.В., Макеев А.Н. Ответственность предпринимательства // Региональная экономика: теория и практика. 2012. №14. С. 44-49.1.
8. Шлыкова Е.В. Адаптация молодежи к риску: ограниченность ресурсов и протестная активность // Путь науки. 2016. №4. С. 154-157.
9. Юзеев Е.А. Состояние и развитие молодежного предпринимательства в России // Новая наука: от идеи к результату. 2016. №12(1). С. 289-293.
10. GEM. URL: https://www.gemconsortium.org/data (дата обращения: 17.03.2020).

Информация об авторе

Головчин Максим Александрович (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; mag82@mail.ru).

Golovchin M. A.

ENTREPRENEURIAL SUCCESS IN LIFE OF YOUTH OF THE NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICTS REGIONS

Abstract. *The material presents data from a sociological study on the success of the young generation in the field of entrepreneurship and business. The research is based on the data of a representative sociological survey conducted in three regions of the North-West Federal District. The analysis is based on a comparison of the responses of the young population and representatives of older age groups. The analysis of research data made it possible to identify areas of life with which young people primarily associate their success, and the role of entrepreneurship in this structure. Also, factors promoting and hindering the development of youth entrepreneurship (both objective and subjective) were noted, and possible measures to overcome problems in the designated area were outlined.*

Key words: *youth, entrepreneurship, success, sociological survey, social project.*

Information about the author

Golovchin Maksim A. (Russia, Vologda) – candidate of economics, senior researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Russia, 160014, Vologda, Gorky st., 56a; mag82@mail.ru).

References

1. Vlasov G.Yu. (2011) Razvitiye molodezhnogo predprinimatel'stva na sovremennom etape [The development of youth entrepreneurship at the present stage]. Rossiyskoye predprinimatel'stvo. 10-2. pp. 11-16. (In Russian).
2. Ilyin V.A., Shabunova A.A. (2014) Sotsiologicheskoye izmereniye effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [A sociological measurement of the effectiveness of public administration]. Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2 (32). pp. 18-35. (In Russian).
3. Radaev V.V. (2018) Proshchay, sovetskiy prostoy chelovek! [Goodbye Soviet simple man!]. Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 3. pp. 51-65. (In Russian).
4. Ustinova K.A., Gubanova E.S., Leonidova G.V. (2015) Chelovecheskiy kapital v innovatsionnoy ekonomike [Human capital in an innovative economy]. Vologda: ISEDT RAS, 195 p. (In Russian).
5. Khusnutdinov R.R. (2007) Issledovaniye psikhologicheskikh faktorov uspeshnosti predprinimatel'skoy deyatel'nosti [The study of psychological factors for the success of entrepreneurial activity]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.N. Nekrasova. Seriya Psikhologicheskiye nauki «Akmeologiya obrazovaniya». 1. pp. 84-89. (In Russian).
6. Shabunova A.A., Guzhavina T.A., Kozhina T.P. (2015). Doveriye i obshchestvennoye razvitiye Rossii [Trust and social development of Russia]. Problemy razvitiya territorii. 2 (76). pp. 7-19. (In Russian).
7. Shemeneva O.V., Makeev A.N. (2012) Otvetstvennost' predprinimatel'stva [Responsibility of Entrepreneurship]. Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 14. pp. 79-93.
8. Shlykova E.V. (2016) Adaptatsiya molodezhi k risku: ogranichennost' resursov i protestnaya aktivnost' [Adaptation of youth to risk: limited resources and protest activity]. Put' nauki. 4. pp. 154-157. (In Russian).
9. Yuzeev E.A. (2016) Sostoyaniye i razvitiye molodezhnogo predprinimatel'stva v Rossii [The state and development of youth entrepreneurship in Russia] // Novaya nauka: ot idei k rezul'tatu. 12 (1). pp. 289-293. (In Russian).
10. GEM. URL: https://www.gemconsortium.org/data (accessed: 17.03.2020).

УДК 316.723/ББК 60.56

Дулина Н.В., Мухтаруллина М.М., Панова А.М.

КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНКРЕТНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

***Аннотация**. В рамках данной статьи рассматриваются особенности культуры чтения студенческой молодёжи как отдельной категории читателей художественной литературы, а также определены основные рычаги воздействия процесса чтения на сознание молодых людей. Прослеживаются тенденции культуры чтения современных студентов.*

***Ключевые слова:** культура чтения, художественная литература, студенческая молодежь, ценность.*

В условиях современности чтение перестает быть просто способом получения новых знаний, порожденным потребностью в преодолении ограниченности своего жизненного опыта [1]; оно выходит за рамки интеллектуально-познавательного процесса и все чаще рассматривается в качестве социокультурного явления [3]. Чтение, как одна из важнейших форм процесса социализации [7], помогает человеку освоить ценности отечественной и мировой культуры, перенять материальный и духовный опыт человечества, приобрести новые для себя культурные компетенции, сформировать собственное мировоззрение и мироощущение, а также способствует всестороннему духовному развитию личности в целом. Читательская деятельность выступает в роли проводника на пути к удовлетворению эстетических, профессиональных и идеологических потребностей [7], а также в роли способа самовоспитания и самообразования.

Язык безусловно является одним из важнейших элементов культуры. А культура читательской деятельности тесно связана с культурой речевой деятельности и культурой личности в целом [7]. Таким образом, посредством чтения литературных текстов происходит обогащение словарного запаса читающего, его внутреннего мира в целом, что делает процесс чтения духовно-нравственной ценностью личности.

Если рассматривать современную студенческую молодежь как особую группу читателей, можно выделить некоторые особенности процесса ее чтения и отношения к литературе в целом. В условиях интернетизации книга перестает занимать ведущее место среди способов организации своего досуга; её заменяют общение в социальных сетях, просмотры сериалов, фильмов и видео, прослушивание музыки и чтение цифрового контента: блогов и сайтов. Благодаря сильному влиянию цифровой среды, а также развитию онлайн-библиотек большое распространение приобретает новый тип носителя текстовой информации – электронные книги, планшеты, смартфоны, которыми активно пользуется современная молодёжь. Однако в настоящее время прослеживается и обратная тенденция: возвращение к классическому виду книги – к ее бумажной версии. В вузах и в студенческих общежитиях организуются точки так называемого «Буккроссинга» (от англ. book crossing – «перекрёстный обмен книгами»), задачей которых является обмен книгами.

В. А. Костина и Е. А. Лукьянчикова считают, что молодежь, как социальная группа, является значимой и перспективной группой читателей, которая нуждается в постоянном содействии в формировании культуры чтения. По их мнению, именно художественная литература выступает в качестве основного источника формирования прочной системы ценностей молодых людей; она выполняет воспитательную

функцию посредством чтения и восприятия художественных текстов [5]. Таким образом, говоря о культуре чтения, мы в первую очередь подразумеваем чтение литературных текстов, а именно художественных произведений. В культурно-историческом процессе они всегда формировали свой культурно-духовный ареал с целью создания смыслового пространства. И сейчас они сохраняют свой созидательный потенциал и благоприятно влияют на общество и студенческую молодежь в том числе. Несмотря на то, что происходит смена традиционного способа чтения на более удобный, например онлайн-текст, это никак не влияет на снижение культуры чтения современной молодежи, а только, наоборот, стимулирует ее развиваться.

Искусством письменного слова принято считать художественную литературу, продуктом которой являются литературные произведения. Они позволяют нам окунуться в мир другой эпохи или в параллельную реальность, прочувствовать настроения героев и мысленно разделить с ними их жизнь. Также многие классические произведения демонстрируют нам на опыте персонажей, что считается нормой в обществе в определённый промежуток времени, а что – нет, транслируют ценности и обычаи прошлых эпох, поднимают общественно значимые проблемы. Классическая художественная литература преследует важную цель: служить образцом и учителем для последующих поколений, передавать знания и обогащать умы непросвещённых.

На основе социологического исследования книжной культуры студенческой молодежи вузов России, реализованного в июне 2019 г.[1], нами был проведен анализ открытого вопроса, который звучал следующим образом: «Назовите автора и название трех произведений художественной литературы, которые Вы прочитали за последний год». Таким образом, мы смогли выявить долю молодежи, читавшую русскую и зарубежную классическую литературу, за последний год на момент проведения опроса, из общей совокупности ответов. По данным исследования 29% опрошенных студентов вузов Нижнего Поволжья (Астрахани и Волгограда) прочитали за последний год как минимум одно произведение классической отечественной литературы, причем чаще всего упоминаются «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова (6,8%), «Война и мир» Л.Н. Толстого (5,1%), «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского (3,1%). И самыми популярными русскими классиками среди студенческой молодёжи оказались Л.Н. Толстой (9,4%) («Война и мир», «Анна Каренина», «Кавказский пленник»), М.А. Булгаков (8,6%) («Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», «Морфий», «Записки юного врача»), Ф.М. Достоевский (8,1%) («Идиот», «Преступление и наказание», «Игрок», «Бесы», «Братья Карамазовы»), А.С. Пушкин (5%) («Капитанская дочка», «Евгений Онегин», «Борис Годунов»), М.А. Шолохов (2,8%) («Тихий Дон», «Судьба человека»), А.П. Чехов (2,3%) («Палата №6», «Вишнёвый сад», «Три сестры», «О любви») и М.Ю. Лермонтов (1,9%) («Герой нашего времени», «Мцыри»).

Произведения зарубежной классической литературы за последний год прочитали 17,4% опрошенных студентов из Нижнего Поволжья. Самыми востребованными произведениями среди молодёжи стали «Три товарища» Э.М. Ремарка (2,2%), «Вели-

---

[1] Технические параметры исследования: метод сбора первичной информации – анкетирование; разработчики инструментария – д. с. н., проф. кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г.В. Плеханова Е. В. Каргаполова. Исследование проводилось при непосредственном участии авторов статьи. Объект исследования – студенты вузов Москвы, Волгограда и Астрахани очной формы обучения (N=2800), из которых 2100 чел. –студенты вузов Москвы. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность либо использоваться как справочные. Однако объем «поля» позволяет не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Массив полученных данных обработан с использованием программного комплекса SPSS.

кий Гэтсби» Ф.С. Фицджеральда (1,4%), «Триумфальная арка» Э.М. Ремарка (1,4%), «Портрет Дориана Грея» О. Уайльд (1,4%). Наиболее интересными для молодёжи оказались следующие авторы: Э.М. Ремарк (6,1%) («Жизнь взаймы», «Три товарища», «Триумфальная арка», На Западном фронте без перемен»), Дж. Лондон (1,5%) («Мартин Иден», «Белый Клык», «Лунная долина»), Ф.С. Фицджеральд (1,5%) («Великий Гэтсби»), О. Уайльд (1,5%) («Портрет Дориана Грея»), А. Дюма (1,2%) («Граф Монте-Кристо», «Три мушкетера»), Ш. Бронте (1,2%) («Джейн Эйр»), Д.Д. Сэлинджер (1%) («Над пропастью во ржи»).

Анализ художественной литературы в жанрах фэнтези, фантастики показал, что 25% молодёжи прочитали за последний год книги с фантастическими и мистическими сюжетами. Среди таких книг самыми востребованными оказались «1984» Дж. Оруэлла (2,2%) и «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери (1,8%). Также наиболее популярны такие авторы, как С. Кинг (4,2%) («Оно», «Кладбище домашних животных»), Р. Брэдбери (4,1%) («Вино из одуванчиков», «451 градус по Фаренгейту»), Дж. Оруэлл (2,8%) («1984», «Скотный двор»), Д.А. Глуховский («Метро 2033-2035», «Текст»), Д. Киз (1,5%) («Таинственная история Билли Миллигана», «Цветы для Элджернона»), Дж. Роулинг (1,2%) («Гарри Поттер»), Дж. Мартин (1%) («Песнь льда и пламени»).

Еще один показатель, который заинтересовал нас как исследователей в ходе анализа результатов опроса студенческой молодежи по книжной культуре 2019 г., – доля молодых людей, читающих зарубежную литературу в оригинале. Всего 1% студентов предпочитает читать литературу на английском языке. Возможно, это связано с трудностями в понимании литературного английского языка зарубежной классики и недостаточным уровнем знания языка в целом.

Далее мы проанализировали количество пустых строк и следующие ответы на вопрос о последних прочитанных книгах художественной литературы за последний год: «я не знаю», «не читаю», «не люблю художественную литературу», «затрудняюсь ответить» и т.п. Такой молодёжи оказалось 30%, что позволяет проследить нарастающую тенденцию пренебрежения книгами ради сети Интернет или прочтения различных медиатекстов, которые набирают популярность среди студентов, а также молодёжь всё чаще стала читать научно-профессиональную литературу, забывая о художественной, чтобы набраться опыта и стать профессионалом в своей будущей профессии.

В настоящее время мы осознаем, что книга является неотъемлемой частью жизни современного человека. Она как многоаспектное явление всегда была средством передачи информации в пространстве и времени: с помощью языка кодировались смыслы, а с помощью иллюстраций передавались детали. Книга – это культурный феномен, имеющий индивидуальные черты, связанные с историей развития общества и с историей культуры в целом. Английский философ Ф. Бэкон однажды написал, что «книги – корабли мысли, странствующие по волнам и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению» [6]. Таким образом философ говорит о хрупкости и значимости этого культурного явления, о его совершенности, которая проявляется в его вечном существовании.

На данный момент времени в культурной жизни человека происходят большие трансформации под воздействием цифровизации и глобализации. Так, текст как явление культуры, выступающий предметом чтения, тоже видоизменяется. Уже сейчас, говоря о тексте, мы подразумеваем не только литературные тексты или научные статьи, но и различные медиатексты, всплывающие новости и даже комментарии к ним [2]. Тем самым возникает ряд проблем: падение престижа чтения литературы, смена модели традиционного чтения и смена ценностей. Несмотря на все изменения, происходящие в современном пространстве, студенческая молодёжь продолжает проявлять

интерес к литературе различных жанров, в особенности к классической литературе как отечественных, так и зарубежных авторов. Треть студентов не читает литературу вообще, предпочитая вместо этого другие способы организации досуга или чтение названных ранее медиатекстов. Но наблюдается рост обращений молодых людей к классическим бумажным вариантам книг, что говорит о возрастании их ценности [4]. В целом книжная культура до сих пор занимает значимое место в жизни студенческой молодёжи, выполняя при этом познавательную, воспитательную, эстетическую, гедонистическую функции.

Библиографический список

1. Азарова Л. И., Курганская Л. М. Чтение как социокультурное явление // Наука. Искусство. Культура. 2013. № 2.
2. Гудова М. Ю. Современное чтение как деятельность, культурная практика и социальный институт // Вестник ЧелГУ. 2011. № 30.
3. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В., Симоненко М. А. Книжная культура современного студенчества (на примере Нижневолжского региона). Астрахань: ГАОУ АО ВО «Астраханский государственный архитектурно-строительный университет», 2017. 184 с.
4. Каргаполова Е. В., Давыдова Ю. А., Осина Е. М. Отечественная литературная классика в читательских предпочтениях современного российского студенчества // Sibirian socium. 2019. Т. 3. № 4(10). С. 74–86.
5. Костина В. А., Лукьянчикова Е. А. Культура чтения студенческой молодёжи (результаты контент-анализа публикаций) // ОмГТУ. 2016. №1.
6. Корабли мысли: английские и французские писатели о книге, чтении, библиофилах. Рассказы, памфлеты, эссе: сборник / сост. В. В. Кунин. М.: Книга, 1986. 400 с.
7. Омарова Г. А. Культура чтения как один из факторов духовного воспитания личности // Обозник: электронное периодическое издание. URL: http://www.oboznik.ru/?p=35013 (дата обращения: 13.03.2020).

Информация об авторах

Дулина Надежда Васильевна (Россия, Волгоград) – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет (Российская Федерация, 400062, Волгоград, проспект Университетский, д. 100; nv-dulina@yandex.ru).

Мухтаруллина Марина Минвалиевна (Россия, Москва) – студентка 3 курса факультета социологии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36; mhtrl.m@yandex.ru).

Панова Анна Михайловна (Россия, Москва) – студентка 3 курса факультета социологии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36; anyapanova20299@gmail.com).

Dulina N.V., Mukhtarullina M.M., Panova A.M.

CULTURE OF STUDENT'S READING AS A SPIRITUAL AND MORAL VALUE (BY MATERIALS OF A SPECIFIC SOCIOLOGICAL RESEARCH)

***Abstract**. In the framework of this article, we consider the features of the reading culture of student youth as a separate category of readers of literature and identify the main levers of the reading process on the minds of young people. The dynamics of trends in reading culture of modern students is traced.*

***Key words:** reading culture, imaginative literature, students, value.*

Information about the author

Dulina Nadezhda V. (Russia, Volgograd) – Doctor of Sociology and Professor of the Department of Sociology and Social Technologies of Volgograd State University (Universitetsky prospekt 100, Volgograd, 400062, Russian Federation; nv-dulina@yandex.ru).

Mukhtarullina Marina M. (Russia, Moscow) – 3rd year student of sociology at Plekhanov Russian University of Economics (Stremyanny lane 36, Moscow, 117997, Russian Federation; mhtrl.m@yandex.ru).

Panova Anna M. (Russia, Moscow) – 3rd year student of sociology at Plekhanov Russian University of Economics (Stremyanny lane 36, Moscow, 117997, Russian Federation; anyapanova20299@gmail.com).

References

1. Azarova L. I., Kurgan L. M. Reading as a sociocultural phenomenon // Science. Art. The culture. 2013. № 2.
2. Gudova M. Y. Modern reading as an activity, cultural practice and social institute // Vestnik ChelGU. 2011. № 30.
3. Dulina N. V., Kargapolova E. V., Simonenko M. A. Book culture of modern students (on the example of the Lower Volga region). Astrakhan: GAOU JSC VO "Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering", 2017. 184 p.
4. Kargapolova E. V., Davydova Yu.A., Osina E. M. Domestic literary classics in the reading preferences of modern Russian students // Sibirian socium. 2019. Vol. 3. №4(10). P. 74–86.
5. Kostina V. A., Lukyanchikova E.A. The culture of reading student youth (results of content analysis of publications) // OmSTU. 2016. № 1.
6. Kunin V. V. Ships of thought: a Collection. English and French writers about books, reading, and bibliophiles. Stories, pamphlets, essays / comp. V. V. Kunin. Moscow.: Book, 1986. 400 p.
7. Omarova G. A. Culture of reading as one of the factors of spiritual education of a person / G. A. Omarova. Text: electronic // Oboznik: electronic periodical. URL: http://www.oboznik.ru/?p=35013 (date of access: 03/13/2020).

УДК 316.346/ББК 88.4.я73

Журавлева И.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ

***Аннотация**. В статье анализируются особенности развития социальных условий и психологические предпосылки сознания молодежи при выборе образовательных стратегий в современном мире. Рассматриваются результаты эмпирического исследования, выявившего ценности модернистов и традиционалистов в молодежной среде.*

***Ключевые слова:** социальные условия, психологические особенности, образование молодежи, модернисты, традиционалисты.*

Современный мир требует готовности поменять свои цели и задачи, быстро меняться и адаптироваться к новым течениям и требованиям времени. Особенно остро это касается образования и профессиональной реализации. Молодежь становится острием социальных трансформаций, и её стратегии и возможности в адаптации к переменам формируют новый контекст социальных и естественных рамок общественного воспроизводства.

Модернизация системы образования, ее сильные и перспективные проекты, наряду с провалами и достаточно противоречивыми перспективами, отражены в ряде публикаций – И. А. Журавлевой [2, 3, 4], В. В. Тетерина [1], С. В. Малых [5, 6, 7]; роль образования и ценности молодежи отражены в работах А. В. Колесникова, А. С. Степаненко и О. А. Полюшкевич [8, 9]; экономические притязания молодежи В. А. Скуденкова[10–14].

Исследование проходило в 2018 году, в нем приняли участие 1800 молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет, обучающихся в вузах г. Иркутска на разных специальностях.

В ходе исследования мы смогли всех респондентов разделить на «традиционалистов» и «модернистов». Традиционалисты – те, кто придерживается сложившихся траекторий и руководствуется общепринятыми ценностями. «Модернисты» – те, кто предпочитает разрушать устоявшиеся уклады и формирует новые рамки и стратегии социальной адаптации. Для них более характерна социальная ответственность, инициативность, независимость, стремление к профессиональному совершенствованию, открытость новому опыту, толерантность к окружающим и уважительное отношение к законам.

По результатам опроса демонстрируют модернистские поведенческие намерения 34% респондентов и 38% – традиционалистские. У остальных наблюдается смешанный тип поведенческих паттернов (28%).

В ходе исследования мы интересовались наиболее важными событиями, произошедшими с ними за последние годы, а также просили оценить, улучшилась или ухудшилась их жизнь за это время, удалось ли им реализовать задуманное. Помимо этого мы интересовались образовательными и профессиональными планами молодых людей.

Основные результаты исследования.

Молодые люди «модернистского направления» все чаще рассматривают возможность нестандартных видов занятости (неполный рабочий день, неформальная занятость, фриланс, удаленная работа и т.д.). Это позволяет апробировать и воплотить в жизнь альтернативные модели успешности.

«Моя будущая работа будет точно нежёстком графике с «9 до 17», она будет по свободному графику проходить и в то время, что мне более удобно» (С.Е., 18 лет). *«Меня привлекает неформальная занятость, фриланс – выполнил проект и уехал отдыхать в Таиланд»* (М.А., 19 лет).

Для «традиционалистов» все еще характерны более привычные и типичные сферы деятельности: работа по найму, социальный пакет и т.д.

«Мне важен гарантированный социальный пакет, стабильность. Я бы хотела работать в государственных органах, пусть и с небольшой, но стабильной зарплатой» (Е.В., 20 лет). *«Я не хочу руководить, хочу быть хорошим специалистом, чтобы мне платили за это деньги на большом предприятии – это даст стабильность и уверенность в своем будущем, а также уважение со стороны семьи и друзей»* (Л.О., 22 года).

Также влияет общая социальная установка на расширение компетенций и профессиональных навыков, требующая от молодых людей получения дополнительного образования (помимо основного), подработки, стажировок и практик вне учебного процесса. При этом традиционные и модернистские установки влияют на конкретный выбор места обучения и специальности, места работы во время обучения или её отсутствия.

Среди активных и амбициозных «модернистов» в 3 раза больше тех, кто не ограничивается одним образованием. Они или в период обучения учатся сразу в двух вузах, либо после получения степени бакалавра планируют идти в две магистратуры по разным специальностям; некоторые из них думают об аспирантуре или о зарубежных стажировках.

«Я знаю, что сегодня нужны «супер-специалисты», чтобы получать достойную зарплату и жить так как хочется. Поэтому я обучаюсь сразу по двум специальностям – на «нефтегазе» на бюджете, на «юриспруденции» на коммерческой основе. Успеваю все. Мне это нравится» (М.Д., 20 лет). *«Я закончила бакалавриат по специальности «государственное и муниципальное управление», получила прекрасную базу и в магистратуру осознанно пошла по двум направлениям, в два вуза: в ИГУ на специальность «юриспруденция» и в БГУ на специальность «финансы и кредит». Мне необходимо для моей карьеры быть хорошим специалистом и в праве и в финансах»* (А.Ю., 23 года).

Более того, около 30% модернистов имеют или свое дело, или самостоятельную занятость, которая приносит им доход, позволяющий удовлетворять свои потребности и быть относительно независимым от родителей и иных родственников. Они финансово самостоятельны и в более чем 50% случаев живут отдельно от родителей в своем или арендуемом жилье. Только 10% модернистов живут в общежитиях.

«Я полагаю, что самостоятельность надо прививать как можно раньше и возможность заработать себе на квартиру, хотя бы на съемную – это показатель твоей успешности и вообще каких-то жизненных перспектив» (Р.А., 21 год). *«Мне нравится комфортно жить. И при этом я не хочу зависеть от родителей. Для себя еще на 1 курсе бакалавриата решил – что буду сам себе зарабатывать на квартиру, личные деньги. И вот уже заканчиваю магистратуру – живу в своей квартире, имею свеженькую машину, которые я купил без родительских денег, на деньги со своего дела. Как закончу – хочу выйти на новый уровень и открыть несколько компаний в альтернативных сферах. Сегодня все быстро меняется – нужна страховка, на случай непредсказуемых перемен. А стабильной достойной жизни мне хочется всегда»* (Л.А., 23 года).

Для «модернистов» образование достаточно ценно само по себе – оно выступает вкладом в будущее, ресурсным состоянием. Оно вписывается в план их карьеры. Они, как правило, четко знают, что, где и как хотят получить.

«Я горжусь тем, что в этом году заканчиваю химический факультет ИГУ, я тут учился на бакалавриате и вот уже завершаю магистратуру, параллельно завершаю магистратуру по экономике. Это классическое образование, знания, которые мне нужны и интересны. Я уже сегодня зарабатываю на сочетании своих знаний в химии и экономике, продавая успешные бизнес-идеи и реализуя сам какие-то из них на практике» (О.Л., 24 года). *«Образование – это ценный инструмент, но им надо уметь пользоваться. Если не можешь применить свои знания – грош им цена. Я умею, могу и хочу. Я умею себя дорого продавать – это моя ценность. Я психолог по базовому образованию, в магистратуре я учился на специальностях «маркетинг» и «психология бизнеса»* (С.С., 24 года).

«Традиционалисты», наоборот, даже получая хорошее образование, не всегда понимают, где смогут работать, как применять полученные знания и навыки. Они, как правило, обучаются только в одном вузе, не всегда уверены, что обучаются там, где хотят и чему хотят, но при этом не готовы перейти в другой вуз, на другую специальность из-за собственной неуверенности и опасения того, что они подведут родителей. Они живут либо вместе с родителями, либо в общежитии, только 10% традиционалистов снимают квартиру и живут самостоятельно.

«Я не могу точно сказать, где смогу устроиться на работу. Я на хорошем счету в университете и рассчитываю, что меня могут позвать в аспирантуру. Это была бы хорошая перспектива остаться в вузе» (Н.Е., 23 года). *«Я живу с родителями и прислушиваюсь к их советам. Хотя если бы я решал, я бы пошел на экономиста, но отец сказал, что юристы более перспективны. Поэтому сейчас заканчиваю бакалавриат, в магистратуру тоже пойду на юриста»* (Т.Т., 20 лет).

Анализируя ответы респондентов, можно сказать, что «традиционалисты» в большей степени оторваны от реальности, они защищены родителями, рамками, идеалами, которые не всегда могут быть достаточными для того, чтобы противостоять тем реалиям жизни, в которые они входят сегодня. И более чем у половины «традиционалистов» в планы не входит работа по специальности.

«Модернисты» же более гибкие, активные, целеустремленные, готовы меняться и подстраиваться под те требования, что предъявляет им жизнь, но и они от неё хотят получить по максимуму. Они хотели бы реализовать свой потенциал по основной специальности или смежной с ней сферой, найти реализацию и практическое воплощение тех знаний, что получили за годы обучения.

Для «традиционалистов» продолжение образования в аспирантуре – это способ защититься, не принимать решений, которые могут изменить их жизнь. Для «модернистов» магистратура – это новая ступень для роста, возможности апробировать свои идеи, получить определенную известность и авторитет в своих кругах.

«Хорошая работа» в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» также отличается. Для модернистов она необычная, креативная, интересная, постоянно требующая принятия нестандартных решений. Среди них около 40% тех, кто готов работать на «ответственной» или «интересной», но перспективной должности при скромном вознаграждении, если это принесет свои плоды в будущем.

«Я могу себя попробовать в разных сферах, поэтому важен опыт и реализация чего-то такого, что раньше никто не делал. То, что даст мне возможность потом сказать – я « такой один». Разве это не круто?» (М.С., 20 лет). *«Некоторые должно-*

сти служат стартом для будущего. Я хочу быть политиком, поэтому сейчас готов работать на скромной должности по оплате, но то что я делаю – позволяет мне познакомиться со всеми, кто сможет мне помочь выстроить свою карьеру в будущем» (Г.А., 23 года).

Для «традиционалистов» «хорошая работа» – это «ненапряжная» и «хорошо оплачиваемая». Они готовы быть «не на самой престижной должности», но зато «хорошо оплачиваемой». *«Да сейчас сложно с работой. Поэтому работаю, где есть возможность. Платят хорошо – и ладно. Не жалуюсь»* (М.М., 24 года). *«Для стабильности надо получить, пусть и не большие, но стабильные деньги»* (А.В., 21 год).

Интересно сравнить планы на будущее «модернистов» и «традиционалистов». На наш взгляд, планы первых амбициознее и имеют более четкие очертания, однако и они недолгосрочны (в среднем – на три года). Что касается «жизненных проектов» традиционно ориентированной молодежи, то они отличаются осторожностью, но при этом более долгосрочны – на 10-15 лет.

Модернисты: *«Я планирую достигнуть финансовых результатов в своем бизнесе и сделать интересную выпускную работу в магистратуре»* (П.А., 24 года). *«Я планирую расширить исследования, которыми занимаюсь не один год и поехать на стажировку в Кёльнский университет, где на сегодняшний день самое лучшее оборудование в обсерватории, мне уже пришло предварительное приглашение»* (О.Л., 23 года).

Традиционалисты: *«Я устроюсь на работу к своему отцу – это гарантии и стабильность на лет 10. А там уже и сам стану руководителем отдела»* (Р.Д., 24 года). *«Планирую уйти на государственную службу – там понятны мне мои перспективы, да и стажировку я уже там проходил»* (Л.И., 23 года). Другой тенденцией «традиционалистов» выступает прекариат (от лат. precarium – нестабильный, негарантированный и «пролетариат»): многие из них пытаются «компенсировать» свою профессиональную несостоятельность доходами от сдачи квартир, полученных в наследство.

«Сдавать квартиру бабушки я планирую лет 10 точно, а сам буду жить вместе с родителями. Это же гарантированные деньги!» (С.М., 22 года). *«Я бы хотела разменять родительскую трехкомнатную квартиру на две поменьше и одну из них сдавать, а во второй жить. Это позволит меньше работать и жить в удовольствие»* (Е.Е., 22 года).

Таким образом, подводя итоги, отметим, что «модернистов» от «традиционалистов» прежде всего отличают стремление к стратегическому планированию карьеры и принципиально иное – более серьезное и уважительное – отношение к образованию, выбору профессии, содержанию выполняемой работы, получаемым навыкам; они готовы и хотят применять на практике все то, чему они научились в процессе обучения. Желают самостоятельно чего-то добиться, быть независимыми и ответственными уже на этапе обучения в вузе.

В то время как многие «традиционалисты» не только не намерены «делать карьеру», но и воспринимают труд как обременительную повинность; их мечта – быть свободными от каких-либо трудовых обязанностей, живя, например, на средства от сдачи доставшейся в наследство недвижимости. Образование они получают потому, что «надо», и там, где захотели родственники. Свои желания или не ставят во главу угла, или их вовсе не имеют.

Для «модернистов» более приемлем так называемый калейдоскоп карьеры – трудовой стратегии, учитывающей индивидуальные особенности личности и позволяющей адаптировать профессиональный маршрут к происходящим в жизни человека переменам [9]. Они будут более адаптивны и востребованы на рынке труда, а «тра-

диционалисты» в силу своей ригидности далеко не всегда смогут встроиться в новые, постоянно меняющиеся реалии жизни.

Перспективы социального моделирования [6] могут сформировать новые условия для социокультурного воспроизводства для молодых людей нового типа, где «традиционалистам» станет все труднее вписаться в новые реалии жизни, а более адаптивны будут «модернисты». Социальные рамки для молодежи расширяются, поэтому важно понимать, как они смогут их использовать для личностного развития и успешной социализации.

Библиографический список

1. Журавлева И. А., Тетерин В. В. Стратегия модернизации российского образования (социально-философский аспект) // Трансгрессия социокультурного пространства: материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. 2017. С. 35-43.
2. Журавлева И.А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31-34.
3. Журавлева И.А. Образование в ресурсном пространстве молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / редколлегия: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санженакова. Новосибирск: НЦ РАН, 2019. С. 136-139.
4. Журавлёва И.А. Образовательный контекст трудовой реализации российской молодёжи // DIXI – 2019 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сборник научных трудов / Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 71-78.
5. Малых С. В. «Справедливое образование»: современные реалии отечественных университетов // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира: сборник материалов конф. 2018. С. 1233-1234.
6. Малых С. В. Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов // Социология. 2018. № 3. С. 222-226.
7. Малых С. В. Университетское образование и профессиональная карьера // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность: материалы конференции. Иркутск, 2018. С. 210-212.
8. Полюшкевич О. А., Колесников В. А. Роль образования в жизненном мире молодежи // В мире научных открытий. 2013. № 3-1 (39). С. 312-327.
9. Полюшкевич О. А., Степаненко А. С. Трансформация ценностей россиян: герои и обыватели // Политика и общество. 2012. № 9 (93). С. 4-13.
10. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82-84.
11. Скуденков В.А. Истинность и мнимость жизненных целей молодежи в свете экономических санкций против России // В поисках социальной истины: материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2019. С. 137-140.
12. Скуденков В.А. Экономический патриотизм и социальные притязания молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2018. С. 48-53.
13. Скуденков В.А. Повышение роли образования в молодежной среде под влиянием экономических санкций против России // Университет в глобальном мире: новый

статус и миссия: сборник материалов XI Международной научной конференции / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. М.: МГУ, 2017. С. 387-389.
14. Скуденков В.А. Трансформация экономических притязаний студенческой молодежи // Общество и социология в современной России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации. Вологда, 2015. С. 81-83.

Информация об авторе

Журавлева Ирина Александровна (Россия, Иркутск) – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета (664003, РФ, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; zhuravleva_ia@list.ru).

Zhuravleva I.A.

SOCIAL CONDITIONS AND PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF EDUCATION FOR YOUNG PEOPLE

Abstract*. The article analyzes the features of the development of social conditions and psychological prerequisites of youth consciousness when choosing educational strategies in the modern world. The article considers the results of an empirical study that revealed the values of modernists and traditionalists in the youth environment.*

Key words*: social conditions, psychological characteristics, education of youth, the modernists, the traditionalists.*

Information about the author

Zhuravleva Irina A. (Russia, Irkutsk) – candidate of philosophy, associate Professor head of the Department of state and municipal administration, Institute of social Sciences of Irkutsk state University ((664003, Russian Federation, Irkutsk Region, Irkutsk, Karl Marx Street, д. 1; zhuravleva_ia@list.ru).

References

1. Zhuravleva I. A., Teterin V. V. Strategy of modernization of Russian education (socio-philosophical aspect) // Transgression of socio-cultural space Materials of the V all-Russian scientific Internet conference. 2017. Pp. 35-43.
2. Zhuravleva I. A. Modernists and traditionalists: educational trajectories of Russian youth // Alma mater (Bulletin of higher school). 2019. № 6. Pp. 31-34.
3. Zhuravleva I. A. Education in the resource space of youth // Actual problems of humanitarian and social research Materials of the XVII all-Russian scientific conference of young scientists in the field of Humanities and social Sciences. Editorial Board: V. V. Petrov, A. N. Artemova, O. A. Persian, A. A. Sangiacomo. Novosibirsk, NC RAS, 2019. Pp. 136-139.
4. Zhuravleva I. A. Educational context of labor realization of Russian youth / / DIXI-2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research collection of scientific papers. Khabarovsk state University of Economics and law. Khabarovsk, 2019. Pp. 71-78.
5. Malykh S. V. “Fair education”: modern realities of domestic universities // Social injustice in the sociological dimension: challenges of the modern world. Collection of materials. 2018. Pp. 1233-1234.

6. Malykh S. V. Academic mobility as a resource for internationalization of universities // Sociology. 2018. № 3. Pp. 222-226.
7. Malykh S. V. University education and professional career // Higher education, social Sciences and national security conference Proceedings. Irkutsk, 2018, Pp. 210-212.
8. Polyushkevich O. A., Kolesnikov V. A. the Role of education in the life world of youth // In the world of scientific discovery. 2013. № 3-1 (39). Pp. 312-327.
9. Polyushkevich O. A., Stepanenko A. S. Transformation of values of Russians: heroes and inhabitants // Politics and society. 2012. № 9 (93). Pp. 4-13.
10. Skudenkov V. A. Economic claims in the structure of student youth patriotism / / Alma mater (Bulletin of higher school). 2018. № 2. Pp. 82-84.
11. Skudenkov V. A. the Truth and imaginary life goals of youth in the light of economic sanctions against Russia // In search of social truth. Materials of the I International scientific and practical conference. Under the General editorship of A. V. Reshetnikov, O. A. Paluszkiewicz, G. V. Druzhinin. 2019. Pp. 137-140.
12. Skudenkov V. A. Economic patriotism and social claims of youth // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects materials of the IV all-Russian scientific and practical conference. Irkutsk, 2018, Pp. 48-53.
13. Skudenkov V. A. Increasing the role of education in the youth environment under the influence of economic sanctions against Russia // University in the global world: new status and mission proceedings of the XI International scientific conference. Moscow state University named after M. V. Lomonosov, Moscow: MSU, 2017. Pp. 387-389.
14. Skopenkov V. A. transformation of the economic ambitions of the student youth // Society and sociology in modern Russia, all-Russian scientific-practical conference dedicated to the twentieth anniversary celebration of the Day of sociologist in Russia. Vologda. 2015. Pp. 81-83.

УДК 316

Митрофанова С.Ю.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МИРОВАЯ СТРАТИФИЦИРОВАННОСТЬ ДЕТСТВА

***Аннотация**. В статье обсуждается такое последствие глобализации, как мировая стратифицированность детства. Обозначены территориальный, этнический, цифровой аспекты мировой стратифицированности детства. Утверждается, что в контексте «новых неравенств» доступ к средствам коммуникации становится важным стратифицирующим детей фактором в современном глобализирующемся обществе.*

***Ключевые понятия:** глобализация детства, социальная стратификация, социальное неравенство детей, мировая стратифицированность детства.*

Имеющие место в современном обществе процессы глобализации связаны с формированием единого мирового пространства. Это позволяет говорить об обществе не как об абстрактной категории, а как о реальной целостности, само существование которой стало возможно благодаря глобализации. В этом плане можно предположить, что мировое общество как реальность возникает относительно недавно – в середине XX века, когда процессы глобализации наиболее очевидно заявляют о себе. При этом масштаб и скорость изменений, усиливающих взаимозависимость различных сообществ по всему миру, только возрастает с развитием новых технологий.

П. Штомпка отмечает, что «тенденция к глобализации изменила фундаментальное качество исторических процессов» [3, с. 122], общество в эпоху глобализации в лице человечества «приобретает социологическую сущность, превращается в социальную целостность, охватывающую всех людей, живущих на земле» [3, с.120]. Изменения в социальной реальности, вызванные процессами глобализации, задают общую рамку существования всего человечества и находят отражение не только в дискуссиях о глобализации, ее последствиях [5], но и научных спорах об эпистемологии социологии, касающихся описания моделей глобальной социальности (Р. Робертсон, У. Бек, Г. Терборн и др).

Процессы глобализации детства связываем с ростом детских мобильностей, увеличением роли потребительских практик и что, особенно важно, с унификацией социальной среды взросления детей, задающей и формирующей ориентиры успешности и состоятельности. Применительно к детству идея глобализации находит отражение в таких ее проявлениях, как усиление мировой стратификации и социального неравенства детства, рост рисков, повышение рефлексивности социальной среды детства, увеличение роли потребления в детстве и макдональдизация детства, рост детских мобильностей, информатизация детства и другие.

В данной статье рассмотрим такое проявление тенденции глобализации детства, как усиления процессов мировой стратификации детства. Идею стратифицированности детства ранее обсуждала С.Н. Майорова-Щеглова, выдвигая гипотезу о том, что стратифицированность пространства детства является следствием, прежде всего, неравных стартовых условий и возможностей детей [4]. В целом, разделяя эту позицию, считаем необходимым поместить ее в более широкий контекст глобализации. Сегодня как никогда ранее увеличивается расслоение, непосредственно затрагивающее интересы детей. Мировая стратификация детства предполагает, что повсеместно положение детей определяется на основе мировых показателей, оснований, факторов утверждения социального неравенства, источником которых преимущественно явля-

ется западный мир. Наиболее очевидно социальная стратификация детства в мировом масштабе заявляет о себе в территориальном аспекте. Причем данное проявление глобализации противоречиво. С одной стороны, в соответствии с юридическим документом, само появление которого стало возможно только благодаря глобализации, – Конвенцией ООН о правах ребенка – государства должны стремиться обеспечить всем детям шансы на хорошую жизнью. С другой стороны, процессы мировой экономики могут препятствовать этому, фундируя существующее расслоение государств на перманентной, устойчивой основе и закрепляя статус «постоянной» бедности за целыми государствами, в которых нормой является низкий уровень жизни населения относительно мировых стандартов. Дети, по объективным обстоятельствам, прежде всего по факту рождения, принадлежащие к социальным низам в таких странах, в этом случае находятся в ситуации двойной дискриминации: они являются самыми бедными и уязвимыми слоями в самых бедных и слабых государствах. Таким образом, дети, взрослеющие в разных по материально-экономическому уровню развития регионах земного шара, изначально обладают неравными жизненными шансами, неравными возможностями на будущее в контексте их включённости (исключённости) в(из) мировое(го) сообщество(а), если иные обстоятельства (например, войны, усыновление и т.д.) не входят в их жизни. Мировая социально-экономическая стратификация детства не отрицает многообразия моделей, критериев, факторов социально-экономического расслоения внутри конкретных обществ, а также практик сопротивления им или принятия их. Речь идет о том, что на уровне жизни конкретного ребенка в конкретных пространствах, где он/она взрослеют, существующие в мировом масштабе противоречивые социальные процессы и неравенства находят соответствующие отражения.

В контексте этнического измерения мировой стратификации в качестве примера расслоения можно сослаться на положение детей рома (дети цыган) во всем мире и отношение к ним. Так, по данным ВЦИОМ, наглость (55%) и лживость, неискренность (42%) – те качества, которые в большей степени россияне считают характерными для цыган [2]. Отметим, что социологических исследований самого народа и особенно детей цыган, видимо, в силу рисков поля, – крайне недостаточно, если не сказать, что они отсутствуют вообще. Можно предположить, что «недоверие» к этой нации во всем мире распространяется и на детей цыган. В.Л. Кабанов отмечает, что «дети из числа рома, проживающие в государствах, как развитых, так и развивающихся, очень часто либо вообще не учатся в школах, либо не заканчивают их» [1,с.46]. Вместе с тем именно благодаря процессам глобализации международные организации, прежде всего в Европе, стали проявлять интерес к защите прав этих детей. В.Л. Кабанов выделяет среди этих организаций Совет Европы, ОБСЕ, ЕС [1, с. 46].

Отметим, что неравенства в современную эпоху подвержены изменениям. В глобализирующемся обществе появляются «новые» неравенства, которые быстро распространяются по всему миру. Так, используя терминологию К. Маркса, отметим, что наряду с неравенствами, возникшими в своё время на основе владения «средствами производства», сегодня не менее, если не более, значимы те неравенства, которые актуализировались в последние 20–30 лет и возникли на основе доступа к новым «средствам коммуникации», «средствам потребления», «средствам определения ситуации», «средствам контроля рисков и обеспечения безопасности» и другие. Они являются унифицированными в том плане, что задают общую рамку взросления всех детей и определяют облик современного детства в разных странах мира. Примером «нового» неравенства, определяющим возможности развития детей в контексте пространств, их «потребительский потенциал», может служить неравный доступ современных

детей к «соблазняющему», «привлекающему», «очаровывающему» формату детских площадок в «новых» зонах рекреации, расположенных в торговых центрах, аквапарках и других подобных пространствах. Эти площадки в терминологии Дж. Урри можно считать аттракторами, которые заманивают, вовлекают в орбиту своего влияния современных детей. Этот формат кардинально отличается от «обычных» площадок для детей во дворах и нацелен на то, чтобы дети манипулировали временными, финансовыми ресурсами своих родителей и стремились попасть в эти зоны рекреации.

В контексте «новых неравенств» доступ к средствам коммуникации детей становится важным стратифицирующим фактором в современном глобализирующемся обществе. По данным нашего опроса, в котором юноши и девушки, в 2018 году перешагнувшие законодательную границу, т.е. в возрасте 18-ти и +2 года, отмечали, в каком возрасте в их собственной биографии произошло одно из 77 событий (N=774); метод онлайн-анкетирование, ВНИК под рук. С.Н. Майоровой-Щегловой, 2018 г.), было выяснено, что средний возраст появления у них телефона – 9, 37 года, компьютера – 11,45, аккаунта в социальных сетях – 12,06, планшета – 13,47 года. Можно предположить, что у следующего поколения – рожденных в 2010-е и позже – эти возрастные параметры будут еще ниже, т.к. они уже родились в цифровой среде. Отсутствие такого доступа у детей из слаборазвитых стран автоматически ставит их в заведомо невыгодное положение и позволяет говорить о формировании постоянно бедных и постоянно богатых детей в мировом масштабе. Дети, взрослеющие в привилегированных обществах, больше подвержены влиянию процессов глобализации и имеют больше шансов на защиту от негативных ее последствий.

Таким образом, процессы глобализации усиливают мировое расслоение детства, продуцируют «новые» социальные неравенства, которые имеют не только экономическое измерение, но и территориальное, правовое, религиозное, этническое, информационное, технологическое, потребительское и другие.

В заключение отметим, что с мировой стратификацией детства, как проявлением глобализации, тесно связаны и другие последствия глобализации: различный доступ детей в сферу потребления, проблема усиления мировых рисков детства, рост детских мобильностей, макдональдизация детства и другие. Заявленная в теме проблематика вводит в повестку дня обсуждение ряда других тем, которые пока не находят должного отражения в научной литературе о детях: например, ризомных границ современного детства, трансформации жизненного пути и новых моделей периодизации современного детства.

Библиографический список

1. Кабанов В. Л. (2019). Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве: автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.10. [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. М., 58с.
2. Одни считают, что нужно отменить запрет на хиджабы, лишь бы дети мусульман нормально учились. Другие говорят, что запрет нужно оставить, даже если родители-мусульмане не пускают своих детей в школу. С каким из этих мнений Вы в большей степени согласны? 2017 // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=15&q_id=734&date=29.01.2017 (дата посещения: 19.02.20).
3. Штомпка П. (1996). Социология социальных изменений: пер. с англ. / под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс. 416 с.
4. Щеглова С.Н. Стратификационный анализ детства в современной России (стратегия исследовательского проекта) // Социологический сборник. Вып. 4. М., 1998.

5. Яницкий О. Н. (2017) Четвёртая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник ИС РАН. Вып. 21. Т. 8. № 2. С.12-34. DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.452

Информация об авторе

Митрофанова Светлана Юрьевна (Россия, Самара) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Российская Федерация, 443011, Самара, ул. Ак. Павлова, д.1); доцент кафедры социологии, политологии и истории Отечества, Самарский государственный технический университет (Российская Федерация, 443100, Самара, ул. Циолковского, д. 1; mit_s@mail.ru).

Mitrofanova S. Yu.

PROCESSES OF GLOBALIZATION AND WORLD STRATIFICATION OF CHILDHOOD

Abstract. *The article discusses such consequence of globalization as the world stratification of childhood. Territorial, ethnic, and digital aspects of the world stratification of childhood are indicated. It is argued that access to communication means becomes an important stratifying factor for children in today's globalizing society in the context of "new inequalities".*

Key words: *globalization of childhood, social stratification, social inequality of children, world stratification of childhood.*

Information about the author

Mitrofanova Svetlana Yu. (Samara, Russia) – Candidate of sociological Sciences, associate Professor, Department of sociology and cultural studies Samara National Research University after S. P. Korolev. (Russian Federation Samara, 443011, Ac. Pavlov street, 1.); associate Professor, Department of sociology, political science and history of the Fatherland, Samara State Technical University (Russian Federation, 443100, Samara, Tsiolkovsky street, 1; mit_s@mail.ru).

References

1. Kabanov V. L. 2019. Implementation of the principle of the best interests of the child in international law: abstract of the dis. ... doctor of law: 12.00.10 / Kabanov Vladimir Lvovich; [Place of defense: ROS. University of friendship of peoples]. Moscow. 58C.
2. Some believe that the ban on hijabs should be lifted so that Muslim children can study properly. Others say that the ban should be left even if Muslim parents do not allow their children to go to school. Which of these opinions do you most agree with? 2017 // official website of VTSIOM. URL: https://wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=15&q_id=734&date=29.01.2017 [date of visit 19.02.20]
3. Shtompka P. 1996. Sociology of social change. under the editorship of V. A. Yadov. Moscow: Aspect Press. 416 p.
4. Shcheglova S. N. Stratification analysis of childhood in modern Russia (research project strategy) / Sociological collection. Vol.4. M. 1998.
5. Yanitsky O. N. 2017. The fourth scientific and technological revolution and the profound changes of globalization // Bulletin of the RAS IP. Vol. 21. (Vol. 8. No. 2). Pp. 12-34. DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.452

УДК 316. 334 / ББК 60.56

Скворцова М. Б.

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

***Аннотация**. В статье рассмотрен ряд изменений, которые затронут представителей разных поколений в результате процессов цифровизации. Обозначены цифровые навыки различных групп населения. Раскрыт эффект взаимного наставничества, возникший в последние годы в сфере занятости.*

***Ключевые слова:** молодежь, человеческий капитал, цифровизация, взаимное наставничество.*

Тезис относительно того, что стратегическим ресурсом развития цифровой экономики, модернизации российского общества является человеческий капитал, особых доказательств не требует. Важное место в общероссийской совокупности человеческого капитала занимает молодое поколение – то поколение, которому, по сути, предстоит решать выдвигаемые сегодня задачи текущего и перспективного социально-экономического развития страны, базирующегося на принципах цифровизации. От его состояния, совокупности свойств, определяющих способность молодежи соответствовать требованиям цифровой экономики, зависит успех всех социальных и экономических преобразований, намеченных в целом ряде государственных документов. Здоровье, образованность, профессионализм, общая культура и гражданская зрелость молодого поколения россиян напрямую определяют качество будущего трудового потенциала, а значит – тенденции и стратегию социально-экономического развития Российской Федерации как субъекта международного права, ее положение среди развитых стран мирового сообщества. Процессы цифровизации приведут к различным изменениям, которые затронут интересы разных поколений: и «отцов и детей». В том числе это коснется:

- структуры занятости (в том числе новые сферы и формы занятости);
- рабочего места;
- системы поиска работы (электронные сервисы по трудоустройству);
- требований к квалификации персонала, что в свою очередь может привести к росту безработицы (особенно среди тех профессий, которые в ближайшем будущем будут автоматизированы) и, как следствие, необходимости профессиональной переподготовки большого количества людей;
- наличия цифровых навыков у различных категорий населения (значимость навыков будет возрастать);
- госуслуг (электронные госуслуги);
- потребности в создании условий для самозанятости и предпринимательской активности населения;
- сферы образования и т.д.

На фоне процессов цифровизации возникает ряд рисков, которые затронут в той или иной степени как молодое поколение, так и более старшие возраста:

1. Люди, не обладающие соответствующими цифровыми навыками, могут оказаться в социально-экономической изоляции, что приведет к усилению социально-экономического неравенства. Необходимы четкие меры по организации честного доступа к различным программам обучения цифровым навыкам.

2. Неготовность части население, в первую очередь экономически активной ее части, к непрерывному образованию, т.е. к постоянному повышению уровня квали-

фикации и развитию новых навыков в условиях цифровой экономики (например, к ней можно отнести молодых людей, которые учитываются в национальной статистике посредством показателя «молодежь в возрасте от 15 до 24 лет, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков». В России таких подростков и молодых людей, по данным Росстата, насчитывается порядка 10–12% (например, в 2018 г. – 10,2% [1])).

3. Нехватка специалистов в сфере образования для обучения (переобучения) большого количества людей. В рамках федерального проекта «Цифровая экономика» предусмотрено с 2019 по 2024 год осуществить повышение квалификации и профессиональной переподготовки трудоспособного населения, управленцев и команд CDO-менеджеров, сотрудников органов власти и органов местного самоуправления, обучить цифровым навыкам и технологиям в соответствии с требованиями цифровой экономики 836 тыс. человек. Планируется по программам высшего образования в сфере информационных технологий ежегодно принимать на обучение: в 2020 г. – 60000 чел.; в 2021 г. – 80000 чел.; в 2022 г. – 90000 чел.; в 2023 г. – 100000 чел.; в 2024 г. – 120000 чел. Запланировано обучение по онлайн-программам развития цифровой грамотности к 2024 г. 1 млн. чел., а также обучение развитию компетенций цифровой экономики в рамках системы персональных цифровых сертификатов к 2024 г. 1 млн. человек [3]. Возникает, естественно, вопрос: кто будет учить такое количество людей? Уже сейчас следовало бы привлекать действующих работников ИТ-индустрии для преподавания в системе профессионального образования. Но все равно решение данных задач на практике выглядит пока маловыполнимым.

4. Незнание особенностей поведения и потребительских предпочтений детей, подростков, молодежи в сети «Интернет», а также влияния информационной среды на формирование человеческого капитала подрастающего поколения, что вызывает необходимость регулярного мониторинга данных вопросов.

5. Коммуникационные риски, которые наиболее распространены в чатах, социальных сетях, различных мессенджерах. Особенно беззащитны в данном аспекте подростки и молодежь. Следует также отметить риски, возникающие при использовании информации, находящейся в сети и имеющей противозаконный характер, подростками.

6. Потребительские риски, которые связаны с приобретением товаров (услуг) через Интернет.

7. Технические риски, касающиеся вирусных атак на программное обеспечение, взлома аккаунтов, похищения информации и т.д.

В то же время благодаря цифровым технологиям, оказывающим непосредственное влияние на образовательную среду, открывается больше возможностей по эффективному формированию человеческого капитала. Образование представляет как раз тот сектор, от которого ждут подготовки, переподготовки специалистов в области цифровой экономики. Перед образовательными центрами (начиная со школ и заканчивая ведущими вузами страны) стоит многосложная задача: не отстать от быстрых технологических изменений, при том что многие еще учат по старинке и это плохо согласуется со способами приобретения навыков и необходимых компетенций в области цифровой экономики. На сегодняшний день требования к знаниям молодых людей, проходящих обучение по программам среднего специального или высшего образования, устаревают или меняются еще до момента окончания ими учебного заведения. Цифровая экономика требует других параметров образования, в том числе непрерывного.

В обществе сложилось мнение, что молодежь с детства вовлечена в освоение цифровых навыков и достигла здесь больших успехов. Как показывают статистические данные (*таблица*), ситуация здесь не такая радужная. Безусловно, молодое поколение по сравнению с другими возрастными группами, как активная часть российского общества, быстрее освоила и продолжает осваивать цифровые навыки. Если первые восемь навыков можно отнести к базовым, пользовательским, то последние четыре – больше относятся к «продвинутым», развитым цифровым навыкам. Уровень базовых цифровых навыков молодого поколения показывает, что есть над чем работать.

Таблица 1. Цифровые навыки населения по возрастным группам, 2018 г.
(в % от общей численности населения соответствующей возрастной группы) [2]

Навык	Всего (15 лет и старше)	В том числе по возрастным группам, лет						
		15-24	25-34	34-44	45-54	55-64	65-74	75 и старше
Работа с текстовым редактором	41,1	69,0	54,0	50,3	43,1	28,0	12,3	2,4
Отправка электронной почты с прикрепленными файлами	36,8	51,3	52,7	47,7	39,5	24,7	9,6	1,6
Копирование или перемещение файла или папки	34,5	59,7	48,1	43,4	35,5	20,5	7,4	1,4
Передача файлов между компьютером и периферийными устройствами	31,1	53,0	47,1	39,3	29,3	17,2	6,3	0,9
Использование инструмента копирования и вставки в документе	22,4	39,8	31,8	28,5	22,7	12,5	3,8	0,7
Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов	21,2	43,2	33,6	25,0	17,2	9,8	3,5	0,6
Работа с электронными таблицами	20,8	41,3	28,3	25,8	21,2	11,3	2,5	0,4
Создание электронных презентаций с использованием специальных программ	8,2	27,3	10,1	7,8	6,0	2,7	0,6	0,2
Подключение и установка новых устройств	9,8	18,1	16,3	12,0	8,4	4,4	1,3	0,4
Изменение параметров или настроек конфигурации программного обеспечения	2,7	5,0	5,2	3,1	2,1	0,9	0,2	0,03
Установка новой или переустановка операционной системы	2,7	4,7	5,2	3,1	2,1	0,8	0,3	0,1
Самостоятельное написание программного обеспечения	1,1	2,4	2,1	1,2	0,7	0,3	0,1	0,02

На практике в сфере занятости в последние годы возник эффект взаимного наставничества. Зачастую, когда предприятию необходимо повысить образовательный уровень своих возрастных работников в области компьютерных достижений, технических новинок, применения различных гаджетов и т. д., используются знания молодых сотрудников. Многие руководители предприятий, представители бизнеса говорят о том, что качество современного образования оставляет желать лучшего и молодых «специалистов» приходится доучивать на рабочем месте. В данном аспекте наставничество, как передача накопленного опыта специалистами молодым работникам, решает эту проблему с наименьшими затратами для самого предприятия. Система наставничества выходит на новый уровень развития. В частности, обратное/взаимное наставничество можно рассматривать как современную форму обучения в процессе работы и способ создания долгосрочных двухсторонних рабочих отношений между членами коллектива разного возраста. Тем самым молодые специалисты и старшее поколение растут одновременно: одни – технически, другие – приобретая бесценный опыт решения текущих повседневных вопросов и формируя необходимые профессиональные компетенции.

Использование человеческого капитала пожилого поколения в институте наставничества представляется серьезным ресурсом, который позволяет не только удержать пожилых людей в сфере занятости, но и при грамотном использовании данного института может стать одним из наиболее действенных инструментов повышения профессиональных компетенций молодежи. Это позволит обеспечить профессиональную преемственность поколений.

Библиографический список

1. Доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fedstat.ru/indicator/5871
2. Индикаторы цифровой экономики: 2019: стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 248 с. С. 130.
3. Паспорт федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://майскийуказ.рф/upload/iblock/f12/Kadry-dlya-tsifrovoy-ekonomiki-_obnov.-red_.pdf

Информация об авторе

Скворцова Маргарита Борисовна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН (190013, С.-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38; margit07@mail.ru).

Skvortsova M. B.

COMMUNICATION OF GENERATIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

***Abstract**. The article considers a number of changes that will affect representatives of different generations as a result of digitalization processes. Digital skills of various population groups are indicated. The effect of mutual mentoring that has arisen in recent years in the field of employment is disclosed.*

***Key words:** youth, human capital, digitalization, mutual mentoring.*

Information about the author

Skvortsova Margarita B. (Russia, Saint-Petersburg) – candidate of economics, researcher, Institute for Regional Economic Problem of the Russian Academy of Sciencem (190013, Russia, St. Petersburg, Serpukhovskaya st., 38; margit07@mail.ru).

References

1. The proportion of youth (aged 15 to 24 years) who do not study, do not work and do not acquire professional skills [Electronic resource]. Access mode: https://www.fedstat.ru/indicator/5871
2. Indicators of the digital economy: 2019: statistical compilation / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg and others; Nat researched un-t “Higher School of Economics”. M.: HSE, 2019 . 248 p. S. 130.
3. Passport of the federal project “Personnel for the digital economy” [Electronic resource]. Access mode: http: //mayskiyzakaz.rf/upload/iblock/f12/Kadry-dlya-tsifrovoy-ekonomiki-_obnov.-red_.pdf

УДК 378.06/ББК 74.58

Тетерин В.В.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются условия социализации молодежи, анализируются рамки и механизмы социального моделирования стратегий развития молодежи, изучаются изменения, произошедшие в сознании молодых людей с 2017 по 2019 год. Рассматривается изменение уровня удовлетворенности и перспектив трудоустройства за анализируемый период.*

Ключевые слова: *социализация молодежи, университет, развитие молодежи, перспективы роста.*

Актуальность развития социальных и личных ресурсов студентов вузов не вызывает сомнений. В современном мире мало обладать знаниями и навыками, необходимо найти среду их применения, устанавливать социальные связи, выстраивать коммуникации, и только тогда молодой человек может рассчитывать на успех. Более того, в течение жизни эти условия приращения социального и личного капитала могут меняться, заставляя получать новый опыт, знания, формы взаимодействия.

Современное общество все больше внимания уделяет такой неуловимой и сложной в измерении составляющей, как социальные отношения, поскольку они могут выступать источниками повышения эффективности корпораций и правительств, горизонтальной и вертикальной мобильности индивидов. Учет такого фактора, как социальный капитал в разных его формах и проявлениях, оказывается важным при изучении вопросов благосостояния общества, уровня развития экономики, общественного развития, функционирования институтов и т.п. В работах классиков социальный капитал (введённый П. Бурдье) позволяет через нематериальные сферы усиливать позиции человека или группы людей [1].

Социальный капитал можно воспринимать как идентификацию аспектов социальной структуры с их функциями, иначе говоря, выявляет ценность аспектов социальной структуры для акторов как ресурсов в достижении своих целей. Социальные отношения, возникающие в университете, лежащие в основе ресурсов индивида: обязательства и ожидания, которые зависят от надежности социальной среды; способность социальной структуры к передаче информации и норм, сопровождаемых санкциями; виды социальной структуры, формирующие развитие некоторых форм социального капитала (такие ее свойства, как замкнутость, апроприативность социальных организаций).

Рассматривая особенности обучения студентов в вузах, мы можем говорить о формировании личного и социального капитала. Иными словами, та информация, что молодые люди черпают во время обучения, которая напрямую относится к рабочим программам по их специальности, производственным практикам, неформальным связям и коммуникациям, может стать основой их успешной реализации в будущем.

Социальный капитал студента, формирующийся во время обучения в вузе, является важным ресурсом наряду с получаемой профессиональной квалификацией. Рассматриваются социальные сети дружбы и сети помощи по учебным вопросам у первокурсников университета: исследуется структура сетей, рассчитываются их характеристики и оценивается взаимосвязь. Взаимодействия студентов на разных факультетах идентичны по характеру, что подтверждается схожей структурой как

сетей дружбы, так и сетей взаимопомощи. Выявлены статистически значимые корреляционные связи между сетевыми характеристиками входящих и исходящих связей, а также между успеваемостью студента и его положением в социальной сети однокурсников. Дружеские социальные связи более многочисленные, устойчивые и взаимные, чем связи помощи. В каждой сети есть учащиеся, занимающие ключевые позиции с точки зрения посредничества и популярности. Значимым фактором, влияющим на положение студента в сети взаимопомощи по учебе, является успеваемость. Высказывается предположение, что учащиеся, занимающие ключевые позиции в сети как с точки зрения посредничества, так и с точки зрения популярности, имеют наилучшие возможности в использовании социального капитала.

Изменения в приоритетах мотивации и обучения, ценностных и мировоззренческих установках молодых людей отражены в ряде публикаций автора и коллег (И. А. Журавлевой [2, 3, 4], О. А. Полюшкевич [7]). Инструменты и механизмы развития университетского пространства как условия развития будущего нашли отражение в работах С. В. Малых [6], Ю. В. Заварзиной [5] и других. Поэтому мы можем утверждать, что важность распределения приоритетов между выделенными в ходе исследования факторами является основной в стратегическом плане развития образования. Она имеет значение в формировании приоритетов, мотивов и целей получения образования и дальнейшего применения полученных знаний на практике в различных сферах жизни.

Наше исследование проходило в 2017 и 2019 году, в нем приняли участие по 1200 студентов (всего 2400), различных специальностей в вузах Иркутской области, в возрасте от 18 до 24 лет, из них 65% – девушки и 35% – юноши.

Уровень удовлетворенности обучением напрямую влияет на ресурсность обучения в вузе, напрямую связан с социальным и личным капиталом и может восприниматься как вторичный показатель ресурсности высшего образования. Уровни удовлетворенности за рассматриваемые три года в отдельных сферах остались такими же (удовлетворенность студенческой средой в 2017 г. –55,6% в 2019 г. – 55,9%; неудовлетворенность в 2017 г. – 44,4%, в 2019 г. – 44,1%); в отдельных случаях ухудшились (знания по специальности (в 2017 г. удовлетворены 43,2%, в 2019 г. – 36,6%; не удовлетворены 56,2% в 2017 г. и 63,4% в 2019 г.) и материальными условиями (в 2017 г. удовлетворены 44,3%, в 2019 г. – 38,7%; не удовлетворены 55,7% в 2017 г. и 61,3% в 2019 г.), а в отдельных случаях улучшились (уровнем преподавания в 2017 г. удовлетворены 58,3%, в 2019 г. 66,4%; не удовлетворены в 2017 г. 41,7%, в 2019 г. – 33,6%) (*табл. 1*).

Таблица 1. Уровень удовлетворенности обучением в вузе, в %

Уровень удовлетворенности	Знаниями по специальности		Уровнем преподавания		Студенческой средой		Материальными условиями обучения	
	2017 г.	2019 г.	2017 г.	2019 г.	2017 г.	2019 г.	2017 г.	2019 г.
Высоко удовлетворен	18,4	16,8	24,7	32,1	24,7	25,7	17,6	16,3
Достаточно удовлетворен	23,9	19,8	33,6	34,3	30,9	30,2	26,7	22,4
Не очень удовлетворен	23,8	23,9	28,3	21,5	26,7	25,4	29,9	35,8
Не удовлетворен	32,4	39,5	13,4	12,1	17,7	18,7	25,8	25,5

То, что удовлетворенность знаниями падает, а оценка уровня преподавания растет, является противоречием, которое мы можем объяснить тем, что в вуз приходят школьники, имеющие более низкий уровень знаний, чем раньше, и поэтому общий уровень знаний более низкий, тогда как преподаватели, в силу реформ высшей школы, постоянного обучения и переобучения, поставлены в такие условия, что вынуж-

дены регулярно обновлять свои знания и поэтому показывают высокий уровень компетентности.

Среди ответов респондентов можно выделить следующие.

Положительные: *Я знаю, где и как можно применять полученные знания в ВУЗе и наши преподаватели – высокопрофессиональные специалисты, идут в ногу со временем, даже при ограниченных возможностях, дают нам представления о современных исследованиях и разработках* (М. А., микробиолог, 21 год, 2019 г.). *Я очень ценю то место, где сейчас учусь – тут не только дают знания, востребованные на практике, но и сама атмосфера заставляет дышать по новому, развивать новые навыки, раскрывать таланты в КВН, в танцах, интеллектуальных играх и многом другом* (А.В., социальный работник, 20 лет, 2017 г.).

Отрицательные: *То, чему нас сегодня учат в университете, завтра уже не будет никому нужно. Я учусь, чтобы мама была спокойна. А то, что мне понадобиться на работе, меня не научат этому в ВУЗе* (А. Н., экономист, 21 год, 2019 г.). *Старые здания, слабенький ремонт, преподаватели так себе, а одногруппники вообще отстали от жизни и я нахожусь тут, потому что пока не могу уехать, но как только появится возможность – я уезжаю из этой страны навсегда!* (С. В., рекламщик, 20 лет, 2019 г.).

За три года доля тех студентов, кто планирует работать по полученной специальности и по смежным с ней, возросла, но уменьшилась доля тех, кто планирует работать не по специальности; одновременно при этом расширился сектор тех специальностей, по которым они планируют работать, и немного увеличилась группа тех, кто нигде не хотел бы работать (в 92% это девушки, в остальных группах распределение равное).

Таблица 2. Планы на трудоустройство после завершения обучения, в %

Уровень удовлетворенности	2017 г.	2019 г.
По специальности	26,9	29,7
По смежной специальности	21,4	24,4
Работа никак не связана со специальностью	45,2	38,3
Нигде не работать	6,5	7,6

Хочу попробовать устроиться по специальности, а там – как пойдет. Не зря же я столько лет училась. Не по специальности всегда можно найти место (М. Ю., историк, 20 лет, 2017 г.). *Я хочу найти работу по смежной специальности, не чистая психология, но чтобы можно было применять полученные знания, например в управлении персоналом или корпоративной культурой на крупном предприятии* (П. В., психолог, 2019 г.). *Я совсем не планирую работать по специальности – за году учебы я понял одно, социология – это не моя тема, вот досуг и развлечения – это моя стихия и я хотел бы быть ведущим свадеб и юбилеев, давать свои концерты в клубах. Моя жизнь – это музыка, а не цифры* (О. Г., социолог, 22 года, 2019 г.).

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что ресурсность высшей школы обладает высоким потенциалом для современных молодых людей. Уровень удовлетворенности обучением и планы на работу по специальности являются одними из ключевых показателей роста социального и личного капиталов. Развитие данных направлений деятельности приведет к развитию не только человеческого капитала в регионе и в стране в целом, но и позволит развивать территории Российской Федерации через кадры, обученные на местах.

Библиографический список

1. Бурдье П. Homo academicus. М.: ИЭП, 2018. 464 с.
2. Журавлева И.А. Образование в ресурсном пространстве молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук / редколлегия: В.В. Петров, А.Н. Артемова, О.А. Персидская, А.А. Санженакова. Новосибирск: НЦ РАН, 2019. С. 136-139.
3. Журавлёва И.А. Образовательный контекст трудовой реализации российской молодёжи // DIXI – 2019 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр. / Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 71-78.
4. Журавлева И.А., Тетерин В.В. Стратегия модернизации российского образования (социально-философский аспект) // Трансгрессия социокультурного пространства: материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск: ИГУ, 2017. С. 35-43.
5. Заварзина Ю.В., Батьянова Л.Н., Москвитина Н.В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия // Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Международной научно-практической конференции / Иркутский государственный университет; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск: ИГУ, 2019. С. 315-318.
6. Малых С.В. Социальная ответственность университета в развитии территории // Социология. 2019. № 3. С. 75-79.
7. Полюшкевич О.А. Социальное образование как технология социальных лифтов // Социальное образование в современной России: смена парадигм и поиск новых решений: научно-методические материалы к 25-летию социологического образования в России. Иркутск: ИГУ, 2014. С. 96-99.
8. Скуденков В.А. Истинность и мнимость жизненных целей молодежи в свете экономических санкций против России // В поисках социальной истины: материалы I Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2019. С. 137-140.
9. Скуденков В.А. Повышение роли образования в молодежной среде под влиянием экономических санкций против России // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия: сб. материалов XI Международной научной конференции / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. М.: МГУ, 2017. С. 387-389.

Информация об авторе

Тетерин Василий Васильевич (Россия, Иркутск) – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутского государственного университета (vasiliy.teterin.87@mail.ru).

Teterin V.V.

SOCIALIZATION OF YOUTH AT THE UNIVERSITY

Abstract. *The article discusses the conditions of youth socialization, analyzes the framework and mechanisms of social modeling of youth development strategies, examines the changes that have occurred in the minds of young people from 2017 to 2019. The change in the level of satisfaction and job prospects for the analyzed period is considered.*

Key words: *youth socialization, university, youth development, growth prospects.*

Information about the author

Teterin Vasily V. (Russia, Irkutsk) – Lecturer, Department of State and Municipal Administration, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University (vasiliy.teterin.87@mail.ru).

References

1. Bourdieu P. Homo academicus. M .: IEP Publishing House, 2018.446 s.
2. Zhuravleva I.A. Education in the youth resource space // Actual problems of humanitarian and social research Materials of the XVII All-Russian scientific conference of young scientists in the field of humanities and social sciences. Editorial Board: V.V. Petrov, A.N. Artemova, O.A. Persian, A.A. Sanzhenakova. Novosibirsk, SC RAS, 2019.S. 136-139.
3. Zhuravlyova I.A. The educational context of the labor realization of Russian youth // DIXI - 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian studies, a collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk, 2019. S. 71-78.
4. Zhuravleva I.A., Teterin V.V. The modernization strategy of Russian education (socio-philosophical aspect) // Transgression of the socio-cultural space Materials of the V All-Russian Scientific Internet Conference. Irkutsk, ISU. 2017.S. 35-43.
5. Zavarzina Yu.V., Batyanova L.N, Moskvitina N.V. Social and resource support for the competitiveness of the territory in the space of network interaction // Social reality of the virtual space materials of the I International scientific and practical conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. Irkutsk, ISU. 2019.S. 315-318.
6. Malykh S.V. Social responsibility of the university in the development of the territory // Sociology. 2019. № 3. P. 75-79.
7. Polyushkevich O.A. Social education as a technology of social elevators // Social education in modern Russia: a paradigm shift and the search for new solutions, scientific and methodological materials: On the 25th anniversary of sociological education in Russia. Irkutsk, ISU. 2014.S. 96-99.
8. Skudenkov V.A. The truth and imaginary life goals of youth in the light of economic sanctions against Russia // In Search of Social Truth. Materials of the I International scientific-practical conference. Under the general editorship of V. A. Reshetnikov, O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. 2019.S. 137-140.
9. Skudenkov V.A. The increasing role of education in the youth environment under the influence of economic sanctions against Russia // University in the global world: new status and mission collection of materials of the XI International Scientific Conference. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow: Moscow State University, 2017.S. 387-389.

УДК 378 / ББК 60.54

Тупик Е.С.

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ВУЗА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ОБУЧАЮЩИХСЯ

***Аннотация**. Раскрыта сущность понятия «социокультурная среда вуза». Определена роль социокультурной среды вуза как значимого фактора профессионального становления и личностного развития будущего кадрового потенциала. Представлены результаты конкретно-социологического исследования по изучению ценностных установок, профессиональных ожиданий и общекультурных позиций обучающихся вуза.*

***Ключевые слова:** социокультурная среда вуза, ценностная система, образовательный процесс, профессиональная идентификация, востребованность кадров.*

Современный вуз несет ответственность перед обществом за формирование актуальных профессионально-личностных качеств молодых кадров. Элементы вузовской системы всецело направлены на решение данной задачи. При этом основополагающим началом развития профессионально-личностных качеств у обучающихся является социокультурная среда вуза. Социокультурная среда вуза определяется как система взаимосвязей и отношений, складывающихся внутри образовательной организации на основе определенных норм и ценностей, которые пропитывают все элементы образовательной среды: от деятельности научно-педагогических кадров до содержания учебных планов и программ. К тому же, представляя собой часть вузовской среды, она направлена на удовлетворение потребностей и интересов обучающихся в соответствии с актуальными общечеловеческими и национальными ценностями.

В настоящее время качество подготовки современных молодых кадров определяется не только уровнем знаний и приобретенных умений выпускника, но и сформированными личностными качествами. Формирование личностных качеств современной молодежи происходит под влиянием окружающих факторов различной природы. При этом основополагающим фактором является довлеющая стереотипность общественного сознания. Однако, воспитывая рациональность мышления, склонность к аналитической оценке, современный вуз способствует становлению сознательного выбора способов достижения целей, выбора личностных нормативно-ценностных установок [1].

Наличие инновационного потенциала – одно из условий, задаваемых современным кадрам на рынке труда. Поэтому инициативность, стремление к саморазвитию, наличие духа «здоровой» конкуренции, способность к адаптации в меняющихся условиях, а также нравственность, независимость мышления, созидательное мировоззрение, высокий уровень культуры – все эти качества позволяют молодым кадрам успешно реализоваться в профессиональной деятельности. Требования, предъявляемые к молодым кадрам на современном рынке труда, определяют направленность социокультурной среды вуза. Таким образом, социокультурная среда, обеспечивая единство нормативно-ценностной системы, является связующим звеном между внешней и внутренней средой вуза, определяющим, с одной стороны, стабильность внутривузовской среды, актуальность образовательного процесса, с другой – гармоничность отношений с внешними сегментами окружающей среды.

Ценностная система, формируемая в студенческой среде, во многом определяет конкурентоспособность будущих кадров, а значит их востребованность. Следова-

тельно, в силу того что социокультурная среда является обязательным элементом, сопровождающим образовательный процесс, перед вузом стоит важная задача по ее организации и постоянному совершенствованию в соответствии с актуальным состоянием общества.

Результаты конкретно-социологического исследования показывают, что обучение в Тверском государственном университете является для студентов преимущественно профессионально ориентированным и значимым в личностном определении и становлении. Это подтверждается следующим распределением установок:

- подготовка к будущей профессиональной деятельности – 57,3%;
- коммуникативно-персонифицированные ценности – 55,7% (из них: новый круг друзей и знакомых – 29,4%, самостоятельность и независимость – 26,3%).

К самым значимым характеристикам образовательной среды вуза относят:

- престижность направления обучения – 42,1%;
- уровень преподавания и качество получаемых знаний – 40%;
- уровень культуры, интеллигентность ППС – 30,4%.

Также интересны факты относительно представления студентами себя в своем сознании. Современный студент воспринимает себя как активного субъекта деятельности. Этот факт вполне может служить основанием для создания в молодежной среде установок готовности к активной гражданской позиции, что имеет определенное значение как для становления нового поколения профессионалов, так и для выстраивания общественных взаимоотношений.

Информационные интересы студентов от развлекательных сместились в нравственную и мировоззренческую сферу. Приоритет отдается виртуальному общению, причем зачастую принимающему индивидуальные формы.

В целом для студенческой молодежи во многом значимы такие жизненные позиции, как мораль, профессиональная удовлетворённость, наличие творческого подхода. Доминанта материально-статусных ценностей позволяет предвидеть поведенческие установки будущих молодых кадров в отношении социального окружения, что способствует выстраиванию определённой линии взаимодействия в трудовом коллективе, отношению к карьерному росту, организации своего досуга.

Таким образом, молодые люди, находясь в вузе, погружаются в совершенно новую социокультурную среду, где присутствуют различные системы ценностей. Социокультурная образовательная среда во многом влияет на определение личностных характеристик студенческой молодежи и способствует процессу идентификации с профессиональной группой. Именно это помогает молодым людям гармонично вписаться в современные общественные реалии и успешно реализовывать себя в профессиональной среде.

В современном обществе актуализировались такие требования к профессиональным кадрам, как: готовность к творческой и инновационной деятельности, способность к поисковым и аналитическим решениям, стремление к постоянному самообразованию и развитию навыков командной работы. Социально-экономическая ситуация далека от того, чтобы быть стабильной. Риск, неопределенность рыночных отношений имеют неоднозначную позицию. С одной стороны, это путь к развитию, с другой – это вероятность негативных ситуаций. Поэтому знание и профессионализм не единственный показатель кадровой востребованности и успешности молодежи на рынке труда и в обществе. Именно поэтому индивиду так необходимы внутренние духовно-нравственные основы, которые помогают осознать и противостоять возможным негативным явлениям [2]. Модернизируя образовательную сре-

ду, изменяя и наполняя новым содержанием все структурные элементы, вуз обеспечивает актуальность выпускников, соответствие усвоенных ими умений и навыков современным требованиям. Социокультурная среда вуза, являясь связующим звеном, обеспечивает развитие качественно нового потенциала на профессиональном рынке.

Библиографический список

1. Оринина Л. В. Основные аспекты формирования социокультурной среды университета средствами воспитательной деятельности // Молодой ученый. 2014. №2. С. 813-815. URL https://moluch.ru/archive/61/8897/
2. Рудакова О.В. Влияние социокультурной среды современного вуза на формирование ценностей студента // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2016. №1. С. 13-15. URL https://elibrary.ru/item.asp?id=25497921

Информация об авторе

Тупик Елена Сергеевна (Россия, Тверь) – старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет» (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33; lussiam@mail.ru).

Tupik E.S.

THE ROLE OF THE SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL AND PERSONAL QUALITIES OF STUDENTS

***Abstract**. The essence of the concept of the sociocultural environment of a university is revealed. The role of the sociocultural environment of the university as a significant factor in the professional formation and personal development of the future personnel potential is determined. The results of a specific sociological study on the study of value attitudes, professional expectations and general cultural positions of university students are presented.*

***Key words:** sociocultural environment of a university, value system, educational process, professional identification, demand for personnel.*

Information about the author

Tupik Elena S. (Russia, Tver) – Senior Lecturer, Tver State University Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education (33, Zhelyabova St., 170100, Tver; lussiam@mail.ru).

References

1. Orinina L.V. The main aspects of the formation of the sociocultural environment of the university by means of educational activities // Young scientist. 2014. № 2. S. 813-815. URL https://moluch.ru/archive/61/8897/
2. Rudakova O.V. The influence of the sociocultural environment of a modern university on the formation of student values // Spiritual situation of time. Russia XXI century. 2016. № 1. S. 13-15. URL https://elibrary.ru/item.asp?id=25497921

УДК 316.752+316.346.32-053.6

Шухно Е.В.

ЦЕННОСТИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

***Аннотация**. На основании данных социологического исследования рассматриваются ценности молодых ученых академического сектора белорусской науки. Репрезентируются трудовые и профессиональные ценности молодых исследователей.*

***Ключевые слова:** наука, молодые ученые, ценность, базовые ценности, трудовые ценности, профессиональные ценности.*

Понятие «ценность» используется в философском и социологическом дискурсе для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылая к должному, целевому, смысловому миру. В социально-гуманитарном знании отсутствует однозначная трактовка ценностей, сосуществуют различные подходы к их определению. Так, *ценность* определяется как «любой предмет, материальный или идеальный, идея или институт, в отношении которых индивиды или группы занимают позицию оценки, приписывая им важную роль в своей жизни и стремление к обладанию которыми чувствуют как необходимость (Я. Щепаньский), или как то, к чему стремятся как к цели, или рассматривают как средство достижения цели (М. С. Чавчавадзе), или как предмет любой природы, обладающий значимостью для субъекта, т. е. способностью удовлетворять его потребности (А. А. Ручка)» [1, с. 1216]. Американский психолог М. Рокич определял ценность как «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования преобладают с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения или конечная цель существования» [4, с. 20]. В свою очередь *организационные ценности* – это «совокупность ценностей членов организации, которые являются или общими для всех ее сотрудников, или значимыми для определенных групп персонала и руководителей» [3, с. 29].

Ценности являются основанием *организационной культуры* научной организации, понимаемой как система ценностей и норм, которые влияют на организационное поведение ее персонала. Такое значение ценностного аспекта обусловливает актуальность исследования ценностей организационной культуры и их носителей – научных работников как основополагающей категории кадров научных институций. При этом особую актуальность приобретает изучение ценностной матрицы молодых ученых как новой генерации исследователей и будущей основы кадрового потенциала науки.

Комплексное социологическое исследование по теме «Организационная культура научной организации как фактор повышения эффективности ее деятельности: социологический анализ» было проведено с целью изучения особенностей организационной культуры научных организаций Национальной академии наук Беларуси в декабре 2018 – марте 2019 г. В исследовании использовались методы анкетного опроса и экспертного интервью. В ходе анкетного опроса было опрошено 670 респондентов, в том числе 236 молодых ученых. Ошибка выборки не превысила 3,6% при уровне значимости 0,05. В исследовании приняли участие ученые как столичных, так и региональных научных организаций различных типов, входящих в состав Национальной академии наук Беларуси. Отметим, что *молодыми учеными* «признаются научные работники, магистранты, аспиранты, соискатели и докторанты организаций НАН Беларуси, не достигшие 35 лет» [2, с. 1].

Иерархия базовых ценностей молодых ученых академического сектора науки Беларуси представлена следующим образом:

1. Здоровье – 72,8%.
2. Семья – 61,7%.
3. Интересная работа, профессия – 60,4%.
4. Самореализация – 55,7%.
5. Душевный покой, комфорт – 47,7%.
6. Любовь – 41,7%.
7. Знания, познание мира – 39,6%.
8. Дружба – 37,4%.
9. Дети – 36,2%.
10. Свобода, независимость поступков, суждений – 29,4%.
11. Деньги – 27,7%.
12. Творчество – 23,0%.
13. Самоуважение – 17,4%.
14. Помощь людям – 16,2%.
15. Карьера – 10,2%.
16. Физическая красота, привлекательность – 10,2%.
17. Богатство, большие деньги – 7,2%.
18. Общественное признание, известность, репутация – 7,2%.
19. Вера (религиозная) – 6,4%.
20. Долг перед Родиной – 4,7%.
21. Высокое положение в обществе – 2,6%.
22. Власть – 0,9%.

Ключевыми базовыми ценностями молодых ученых являются здоровье, семья и интересная работа, профессия. Для значительного числа молодых исследователей важны самореализация, душевный покой, комфорт, любовь, знания, познание мира, дружба и дети. Меньше всего для них важны такие ценности, как власть, высокое положение и долг перед Родиной.

Ценностные ориентации молодых ученых академического сектора белорусской науки в трудовой сфере представлены следующим образом: интересную работу отметили 80,9% респондентов; хороший коллектив – 75,7%; возможность обучения, повышения квалификации – 63,0% (*рис. 1*).

Рис. 1. Трудовые ценности молодых исследователей НАН Беларуси, в %

Более половины респондентов рассматриваемой подгруппы ученых отметили комфортные условия труда и высокую заработную плату; удобный режим работы важен для каждого третьего опрошенного; для каждого четвертого молодого ученого значимы возможность получить повышение по службе (собственно карьера); польза работы для общества; возможность проявить инициативу; для пятой части опрошенных – равное отношение руководства ко всем работникам; отсутствие жесткого контроля за работой; самостоятельность в работе. Меньше всего для респондентов важны такие трудовые ценности, как гарантия занятости; отсутствие внеурочной работы; право голоса при принятии важных решений; престиж работы; продолжительный отпуск; высокая степень ответственности.

Одной из исследовательских задач было определение приоритетов молодых исследователей непосредственно в научной деятельности, которые представлены следующим образом (*рис. 2*).

Рис. 2. Приоритеты молодых ученых академического сектора в научной деятельности, в %

На первом месте – творческая научная самореализация – ее отметили более половины молодых респондентов – 56,7%; на втором месте среди приоритетов молодых ученых – достойная заработная плата (52,4%), на третьем – личный вклад в развитие науки (46,4%). Для значительного числа опрошенных важны участие в крупных международных научных проектах, успешная квалификационная карьера – получение степени кандидата наук, доктора наук, а также участие в крупных национальных исследовательских проектах. Вместе с тем высокий авторитет в международном научном сообществе, успешная должностная карьера, высокий авторитет в своей научной организации, равно как и в национальном научном сообществе, важны для незначительной части молодых исследователей. Меньше всего среди приведенных профессиональных ориентаций для респондентов важен высокий индекс цитирования научных работ, он значим лишь для каждого десятого.

Таким образом, к основным базовым ценностям молодых ученых Национальной академии наук Беларуси относятся здоровье, семья и интересная работа, профессия, наименее значимы власть, высокое положение и долг перед Родиной. Молодые ученые в трудовой сфере ориентированы прежде всего на интересную

работу, хороший коллектив, возможность обучения, повышения квалификации, комфортные условия труда и высокую заработную плату; такие характеристики работы, как право голоса при принятии важных решений, престиж работы, продолжительный отпуск, высокая степень ответственности, занимают периферийное положение. Приоритетами молодых ученых в научной деятельности являются творческая научная самореализация, достойная заработная плата и личный вклад в развитие науки; меньше всего для респондентов важен высокий индекс цитирования своих научных работ. Изучение базовых ценностей, а также ценностей в трудовой сфере и непосредственно в научной работе молодых ученых может выступать основанием для корректировки мер кадровой политики в науке, в том числе формирования системы мотивации и создания условий для закрепления научной молодежи в научных организациях академического сектора.

Библиографический список

1. Абушенко В. Л. Ценность // Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов. Мн.: Интерпрессервис, 2003. С. 1216.
2. Положение о Совете молодых ученых Национальной академии наук Беларуси от 18.07.2013 № 16 [Электронный ресурс] // Совет молодых ученых Национальной академии наук Беларуси. URL: http://smu-nanb.by/?q=polozhenie-o-sovetakh-molodykh-uchenykh-v-nan-belarusi. – Дата доступа: 13.03.2020.
3. Шаталова Н. И. Организационная культура. М.: Экзамен, 2006. 652 с.
4. Rokeach M. Beliefs, Attitudes, and Values ; A Theory of Organization and Change / M. Rokeach. San Francisco: Jossey-Bass, 1968. 214 p.

Информация об авторе

Шухно Евгений Валерьевич (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник, Институт социологии НАН Беларуси (220072, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; isst@socio.bas-net.by).

Shukhno Y.V.

VALUES OF YOUNG SCIENTISTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

***Abstract**. Based on the data of sociological research, values of young scientists of the academic sector of Belarusian science are considered. Basic, labor and professional values of young researchers are represented.*

***Key words:** science, young scientists, values, basic values, labor values, professional values.*

Information about the author

Shukhno Evgeniy V. (Republic of Belarus, Minsk) – Researcher, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, 220072, 1 Surganova St., building 2; isst@socio.bas-net.by).

References

1. Abushenko, V. L. Value // Sociology: Encyclopedia / comp. A. A. Gritsanov. Minsk: Interpresservis, 2003. P. 1216.

2. Regulation on the Council of Young Scientists of the National Academy of Sciences of Belarus, July 18, 2013 № 16 [Electronic resource] // Council of Young Scientists of the National Academy of Sciences of Belarus. URL: http://smu-nanb.by/?q=polozhenie-o-sovetakh-molodykh-uchenykh-v-nan-belarusi. Date of access: 13.02.2020.
3. Shatalova, N. I. Organizational Culture. M.: Exam, 2006. 652 p.
4. Rokeach M. Beliefs, Attitudes, and Values; A Theory of Organization and Change / M. Rokeach. San Francisco: Jossey-Bass, 1968. 214 p.

УДК 316.4

Верещагина А.В., Клименко Л.В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИЭТНИЧНОГО ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК[1]

Аннотация. *Анализируемая в статье динамика гендерной композиции полиэтничного населения Юга России на основе результатов повторно-сравнительных исследований, проведенных в период с 2004 по 2020 г., включена в контекст противоречий и тенденций демографического развития данного макрорегиона.*

Ключевые слова: *гендерные установки, маскулинность, феминность, социетальная динамика, демографические процессы, Юг России.*

Демографические процессы составляют важную часть социокультурной динамики общества, оказывая влияние на различные стороны общественной жизни. Имея собственную логику развития в каждом отдельном регионе. демографические процессы, тем не менее, подчиняются изменениям глобального характера, хоть и с различной степенью глубины сказываясь на жизни региональных сообществ. Так, давно уже ставшая актуальной для российского общества демографическая проблема, связанная со снижением рождаемости, ростом смертности и старением населения, характерна для большинства стран современного европейского мира. Повышение числа граждан пенсионного возраста в возрастной структуре российского населения происходит на фоне снижения численности молодежи в числе других возрастных когорт российского общества, и такая демографическая траектория развития российского государства актуализирует самые различные факторы демографической динамики и их особенности в отдельных регионах страны.

А демографическая динамика российского государства, в целом соответствующая логике демографического перехода как мирового тренда демографического развития [6] и на протяжении всего постсоветского периода характеризовавшаяся кризисными показателями, в 2019 году привлекла к себе особое внимание, так как этот год стал рекордным по естественной убыли населения страны за последние 11 лет демографической истории России [5]. Безусловно, ситуацию коронавирусной пандемии начала 2020 года следует рассматривать как усугубляющую для демографического будущего России, которое и так видится экспертам и ученым весьма неприглядным и неперспективным с точки зрения вероятности естественного прироста населения [1].

Социально-экономические реалии пандемического мира, а также прогнозируемые кризисные последствия COVID-19 самым непосредственным образом скажутся на демографическом развитии многих государств. Но не только экономические факторы пандемической и постпандемической реальности следует рассматривать в цепи определяющих современные и будущие стратегии демографического поведения населения. Не только экономическая система стала «жертвой» пандемии коронавируса. Самый мощный удар был нанесен по системе мировоззрения и жизненным установкам населения всего мира, поскольку пришло осознание крайней неустойчивости и неадекватности глобализационным реалиям сложившейся социальной системы с ее экономическими, политическими, медицинскими, образовательными и иными структурами и институтами. То, что постпандемический мир уже не будет прежним, уже не вызывает сомнения ни у кого [3], так как на уровне массового

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

сознания произошла «перезагрузка» и вряд ли стоит надеяться, что страх перед очередной эпидемией и ее экономическими последствиями не скажется на стратегиях демографического поведения населения.

Кто знает, как скажется эта «перезагрузка» на уровне массового сознания на гендерных отношениях, на динамике гендерных установок и ценностей населения? Это еще предстоит проанализировать, социологически измерить. Возможно, произойдет крен в сторону традиционализации гендерного дисплея, закрепления патриархатных паттернов, еще в значительной мере определяющих бытие ряда народов с устойчивой традиционной культурой (к примеру, народы Северного Кавказа). Возможно, активизируются процессы, связанные с эгалитаризацией гендерных отношений. Многое зависит также от того, какова будет реакция правительства, самих региональных сообществ, народов на глобализацию, отношение к которой и так было весьма противоречивым, а в ситуации пандемического кризиса наполнилось более ярко выраженными критическими нотками.

Кризисные и, во многом, противоречивые тенденции трансформации социетальной сферы Юга России, вызванные модернизационными преобразованиями постсоветского периода, еще в допандемический период актуализировали традиционалистские и архаические элементы организации социальной жизни народов данного макрорегиона [4], в том числе в сфере организации семейно-брачных отношений и характере демографического поведения [2]. Весьма неоднозначный фон демографической траектории развития Юга России с рядом особенностей в протекании демографических процессов в каждом отдельном субрегионе этого полиэтничного макрорегиона во многом связан со спецификой складывающейся композиции гендерных отношений. Анализ этой композиции стал ключевой задачей социологического исследования на Юге России, проведенного в 2020 году. Методом стандартизированного опроса было опрошено 331 человек в Республике Адыгея, 420 – в Республике Дагестан, 373 – в Кабардино-Балкарской Республике, 407 – в Ростовской области. Опрашивалось население столиц республик и областных центров. Выборка социологического опроса – квотно-пропорциональная по основным социально-демографическим подгруппам населения. Полученные данные сравнивались с данными, полученными аналогичным образом в 2004 и 2010 гг. В 2004 г. было опрошено 334 человека в Карачаево-Черкесской Республике, 270 – в Республике Ингушетия, 276 человек – в Ростовской области. В 2010 г. в исследовании приняло участие 300 человек в Республике Адыгея, 300 – в Республике Ингушетия, 262 – в Кабардино-Балкарской Республике, 300 – в Ростовской области.

Сравнительный анализ данных, полученных в ходе исследований с 2004 по 2020 год, позволил утверждать, что динамика гендерных установок и ценностей на Юге России не затронула глубинных оснований маскулинности и феминности. Соответственно, маскулинное устройство организации социальной жизни населения данного макрорегиона по-прежнему определяет гендерный дисплей народов Юга России, олицетворяя устойчивость традиционной культуры гендерных отношений. Тем не менее, определенные изменения все же зафиксированы были, и в основном они проявились в опросе 2020 года. Если до 2020 года во всех изучаемых этнотерриториальных сегментах наблюдалась важность физической силы в выборе маскулинных качеств, то в 2020 году центром притяжения в республиках Северного Кавказа становятся нравственно «нагруженные» качества (благородство, порядочность, верность, преданность и пр.). Значимое место в образе «настоящего» мужчины во всех группах продолжают занимать решительность и храбрость (за исключением Адыгеи). Тогда

как среди мужчин Ростовской области выше удельный вес таких гендерно нейтральных качеств, как доброта, заботливость, уверенность в себе. Важность физической силы в выборе маскулинных качеств в 2020 году сохранилась только в Дагестане.

Опрос 2020 г. выявляет большую важность для женщин республик Северного Кавказа верности, ответственности и преданности в образе мужчины. На втором месте по степени значимости среди республиканского сегмента и на первом в ростовской подгруппе расположились качества верности и ответственности. Благородство и порядочность являются наиболее важными для адыгейских и кабардино-балкарских женщин, а ростовские женщины чаще включают в конструкт маскулинности гендерно нейтральные качества, такие как доброта, отзывчивость, самодостаточность, лидерство, что сближает их с мужчинами Ростовской области и свидетельствует о тенденции эгалитаризации гендерных границ в этом субрегионе Юга России.

Таким образом, проделанный анализ гендерной композиции в поликультурном пространстве Юга России позволяет заключить, что она по-прежнему выстраивается в координатах традиционных гендерных границ, однако наблюдается постепенное снятие жестких барьеров между полюсами мужественности и женственности. На пересечении указанных тенденций формируются различные типы семейного и демографического поведения, укладывающиеся в формат архаических, традиционных и модернистских моделей. Их изучение может стать основой более глубокого и адекватного современным реалиям анализа в области демографического развития Юга России.

Библиографический список:

1. «Надежд на решение проблемы рождаемости в России нет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/16/83471-nadezhd-na-reshenie-problemy-rozhdaemosti-v-rossii-net
2. Верещагина А.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Трансформация семейно-брачных ценностей молодежи на Юге России: архаизация, традиционализация, модернизация? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 31-35.
3. Иванов И. Мир будет другим [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4326474
4. Клименко Л.В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 20-31.
5. Коронавирус толкает Россию в новую демографическую яму [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/economics/2020-04-20/1_7848_demography.html
6. Сеньшин Е. «Естественный прирост нереален» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.znak.com/2020-01-08/rossiya_vymiraet_ili_optimiziruetsya_pochemu_ubyl_naseleniya_stala_neobratimoy

Информация об авторах

Верещагина Анна Владимировна (Россия, Ростов-на-Дону) – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет (anrietta25@mail.ru).

Клименко Людмила Владиславовна (Россия, Ростов-на-Дону) – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет (lucl@yandex.ru).

Vereshchagina A.V., Klimenko L.V.

DEMOGRAPHIC ASPECTS OF DEVELOPMENT OF THE POLYETHNIC SOUTH OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF DYNAMICS OF GENDER ATTITUDES

Annotation. *The dynamics of the gender composition of the multiethnic population of the South of Russia analyzed in the article based on the results of repeated comparative studies carried out in the period from 2004 to 2020 is included in the context of contradictions and trends in the demographic development of this macroregion.*

Key words: *gender attitudes, masculinity, femininity, societal dynamics, demographic processes, South of Russia.*

Information about the authors

Vereshchagina Anna V. (Russia, Rostov-on-Don) – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University (anrietta25@mail.ru).

Klimenko Lyudmila V. (Russia, Rostov-on-Don) – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University (lucl@yandex.ru).

References

1. "There is no hope for a solution to the problem of fertility in Russia" [Electronic resource]. Access mode: https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/16/83471-nadezhd-na-reshenie-problemy-rozhdaemosti-v-rossii-net
2. Vereshchagina A.V., Krotov D.V., Samygin S.I. Transformation of family and marriage values of youth in the South of Russia: archaization, traditionalization, modernization? // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 2. S. 31-35.
3. Ivanov I. The world will be different [Electronic resource]. Access mode: https://www.kommersant.ru/doc/4326474
4. Klimenko L.V. Gender dispositions in the modern North Caucasian family: modernization or archaization // Woman in Russian society. 2013. № 1. S. 20-31.
5. The coronavirus is pushing Russia into a new demographic pit [Electronic resource]. Access mode: https://www.ng.ru/economics/2020-04-20/1_7848_demography.html
6. Senshin E. "Natural growth is unreal" [Electronic resource]. Access mode: https://www.znak.com/2020-01-08/rossiya_vymiraet_ili_optimiziruetsya_pochemu_ubyl_naseleniya_stala_neobratimoy

Научное издание

Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений

Материалы V международной научно-практической интернет-конференции
(г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.)
В двух частях
Часть II

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	В.В. Ригина
Корректор	В.В. Ригина Л.Н. Воронина

Подписано в печать 18.11.2020.
Формат 70×108/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,5. Тираж 500 экз. Заказ № 196.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Тел. (8172) 59-78-03, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-485-6 ISBN 978-5-93299-484-9